

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ
Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.

СБОРНИК СТАТЕЙ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ

Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.

СБОРНИК СТАТЕЙ

Чебоксары
2018

УДК [811.511.1+811.512.1]'27(063)
ББК Ш12=660*008.3=63(235.5)я43
Я 41

Редакционный совет
доктор филологических наук профессор *Г. Е. Корнилов*
доктор филологических наук профессор *А. М. Иванова*
доктор филологических наук профессор *Г. Н. Семенова*

Печатается по решению Ученого совета Чувашского университета

Я41 **Языковые контакты народов Поволжья и Урала:** сб. ст. XI Междунар. симпозиума (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.) / сост. и отв. ред. А. М. Иванова, Э. В. Фомин. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. 352 с.

ISBN 978-5-7677-2680-6

В сборнике представлены материалы XI Международного симпозиума «Языковые контакты народов Поволжья и Урала», состоявшегося 21–24 мая 2018 г. в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова.

Книга адресована специалистам в области лингвоконтактологии и языков Урало-Поволжья, преподавателям высшей школы, аспирантам и студентам.

*Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-012-20024 Г*

ISBN 978-5-7677-2680-6

УДК [811.511.1+811.512.1]'27(063)
ББК Ш12=660*008.3=63(235.5)я43
© Издательство Чувашского университета, 2018

СИМПОЗИУМ ПО ЯЗЫКОВЫМ КОНТАКТАМ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ: ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Аннотация. История зарождения серии симпозиумов по языкам Поволжья и Урала связана с развитием кафедры финно-угорского языкознания Университета Турку и относящегося к ней Сектора исследования языков Поволжья, поэтому в данной работе рассмотрены как важнейшие этапы проведения серии симпозиумов, так история развития сектора с 1993 г. по настоящее время.

Ключевые слова: языки Поволжья, марийский язык, мордовские языки, чувашский язык, татарский язык.

S. Saarinen

SYMPOSIUM ON LANGUAGE CONTACTS OF THE VOLGA REGION NATIONS: FROM THE BEGINNING UNTIL NOW

Abstract. The history of symposia series on the Volga region and the Urals languages is closely intertwined with the development of Finno-Ugric languages department at the University of Turku and the Research Unit for Volgaic Languages which makes part of it. Therefore this paper will examine both the most important stages in holding these symposia and developmental history of the Research Unit starting from 1993 until present time.

Keywords: languages of the Volga region, the Mari language, the Mordovian language, the Chuvash language, the Tatar language.

Прямое сотрудничество с финно-угроведами России стало возможным лишь после распада Советского Союза. Ранее взаимодействие ученых Финляндии и Советского Союза происходило в регулируемом порядке: исследовательские экспедиции в регионы проживания финно-угров, участие в конференциях и научное сотрудничество за пределами наших стран было возможным лишь централизованно в соответствии с трёхлетними планами Советско-финляндской комиссии по научно-техническому сотрудничеству. Я имела возможность поработать в составе данной комиссии в качестве постоянного эксперта рабочей группы по языкознанию в период с 1990 по 1992 гг. Система была жесткой и бюрократической. Финнам было очень сложно посетить финно-угорские регионы России.

Однако в конце 1980 гг. в воздухе повеяло переменами, и в 1988 г. в Финляндию в качестве лектора на двухлетний период смог приехать носитель дальнеродственного языка, деятельность которого сосредоточилась в двух университетах – Хельсинки и Турку. Первым лектором был представитель эрзи, вторым – мари, а затем были удмурты и коми. Под руководством первых лекторов из Университета Турку были организованы экскурсионные поездки – в 1990 г. в Мордовию и в 1992 г. в Марий Эл. В поездках приняли участие как студенты, так и сотрудники университета. Благодаря этим поездкам мы смогли установить контакты с местными исследователями и начать работу по реализации совместных проектов.

Весной 1993 г. мой предшественник профессор Алхо Алхониemi создал на базе кафедры небольшой исследовательский отдел – Сектор исследования волжских языков, включающий одну ставку исследователя и половину ставки секретаря. Основным полем деятельности Сектора стала работа над совместными проектами, результатом которой в первую очередь явилось создание двуязычных и обратных словарей. Первый результат сотрудничества между марийскими и туркускими учеными был получен уже в 1992 г., когда был опубликован марийско-финский словарь [Moisio, 1992]. Позже были составлены финско-марийский словарь [Moisio, Galkin, Vasiljev, 1995], эрзянско-финский словарь [Niemi, Mosin, 1995], мокшанско-финский словарь [Herrala, Feoktistov, 1998] и финско-эрзянский словарь [Alhoniemi, Agafonova, Mosin, 1999].

В год основания сектора 1–2 сентября 1993 г. в г. Турку был организован первый симпозиум по волжским языкам, на который были приглашены марийские и мордовские ученые. По количеству участников симпозиум был небольшим, около 30 человек. Тема симпозиума – «Изменения в волжско-финских языках». В следующем году вышел одноименный сборник статей, включающий 23 доклада.

Было принято решение продолжить серию симпозиумов и проводить их раз в два года с условием перескакивать годы проведения международного конгресса финно-угроведов, проходящего раз в пять лет. Поскольку следующий конгресс финно-угроведов состоялся в 1995 г., то второй симпозиум по волжским языкам после г. Турку был проведен 7–10 октября 1996 г. в г. Йошкар-Оле в Марийском университете под названием «Структура и развитие волжско-финских языков». Участников было чуть более 50 человек, а в одноименном сборнике, вышедшем до начала симпозиума, были представлены тезисы более 60 выступлений, однако некоторые авторы непосредственно в работе симпозиума не участвовали. Некоторые доклады в 1997 г. были опубликованы в третьем номере журнала «Финно-угроведение».

После Марий Эл 1–4 октября 1998 г. симпозиум прошел в г. Саранске в Мордовском университете. Тема симпозиума была определена как «Словообразовательная архитектоника в волжско-финских языках». Количество заявившихся участников составило около 50 человек. В следующем году появилось одноименное издание, включающее 28 докладов.

Четвертый симпозиум состоялся на следующий год после конгресса финно-угроведов в г. Тарту, т. е. в 2001 г. На этот раз симпозиум вернулся в г. Турку. В течение предшествующих тому неполных десяти лет Сектор исследования волжских языков расширил сферу исследований, охватив также удмуртский язык. В период с 1992 по 1994 гг. лектором дальнеродственного языка в университетах Турку и Хельсинки работал (в настоящее время профессор) Валентин Кельмаков из Удмуртского университета. Он и «привёз» с собой в г. Турку исследование удмуртского языка. В результате проделанной туркускими и удмуртскими исследователями работы увидели свет, например, удмуртско-финский словарь [Maksimov, Danilov, Saarinen, 2008] и финско-удмуртский словарь [Maksimov, Saarinen, Danilov, Seliverstova, 2013].

Постепенно область исследований сектора распространилась и на тюркские языки Поволжья. Большинство исследователей г. Турку, занимающиеся марийским языком, в определенной степени познакомились также с татарским и чувашским языками, оказавшими сильное влияние на марийский язык. В 1999 г. исследователем и координатором Сектора стал доктор философии доцент Йорма Луутонен. Его интерес к тюркским языкам Поволжья изменил фокус исследований сектора: «Область исследований Сектора стали воспринимать исходя из территориальных критериев: объектом исследования являлась уже не одна ветвь финно-угорских языков (волжские языки), область исследования определена как финно-угорские и тюркские языки Поволжья и Прикамья, последние (тюркские языки. – С. С.) представляли интерес в первую очередь с точки зрения языковых контактов» (Й. Луутонен). Эта тенденция нашла отражение и в подготовленных сектором изданиях – в продолжение к ранее упомянутым словарям вышли чувашско-финский словарь [Moisio, Fomin, Luutonen, 2007] и татарско-финский словарь [Moisio, Daher, 2017].

В 2001 г. сектор наконец был официально утвержден, и в то же время он был переименован в соответствии с областью исследований – из Сектора исследования волжских языков в Сектор исследования языков Поволжья. В том же году 16–18 августа в Университете Турку состоялся очередной симпозиум, темой которого стали языковые контакты Поволжья. На симпозиум были также приглашены ученые из г. Чебоксары и Казани. Участников было около 50 человек. Вышедший в 2002 г. сборник статей симпозиума включил 25 выступлений.

С приходом новых участников произошли изменения и в цикле симпозиумов. Как следствие после Университета Турку пятый симпозиум под названием «Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья» 18–19 марта 2004 г. принял Удмуртский университет. На симпозиуме было представлено 42 доклада, из них 33 вошли в сборник симпозиума, опубликованном в том же году.

18–19 мая 2006 г. в г. Чебоксарах в Чувашском государственном институте гуманитарных наук был организован шестой симпозиум. По количеству участников симпозиум был значительно больше по сравнению с предыдущими симпозиумами. Заявившихся участников было почти 240, но в конечном итоге многие из них в работе самого симпозиума участия не приняли. Работа симпозиума проходила в течение двух дней в рамках девяти секций, в двух из которых были две подсекции. Одновременно шла работа целых восьми секций. Тема симпозиума была определена как «Вариативность в языках народов Поволжья», однако круг вопросов не ограничивался проблемами вариативности в языках, помимо всего прочего были представлены вопросы фольклористики и литературоведения.

На следующем, седьмом симпозиуме, организованном два года спустя 2–5 июня 2008 г. в Казанском университете, продолжилась тенденция расширения круга рассматриваемых вопросов от языковых к вопросам фольклористики и литературы, что было явно выражено и в теме симпозиума: «Проблемы сохранения языка и культуры в условиях глобализации». Участников зарегистрировалось более 200, поэтому заседания симпозиума были организованы в рамках 11 параллельно проходивших секций. Одноименный сборник, содержащий 123 выступления, вышел в 2009 г.

Включение культурологии, прежде всего фольклористики и литературоведения, непосредственно отразилось на количестве участников – симпозиумы, охватывавшие лишь область языкознания, были значительно меньше. Самые большие симпозиумы состоялись в г. Чебоксары и г. Казани с количеством свыше 200 заявившихся участников. Было бы более подходящим назвать их конференциями или даже конгрессами, чем симпозиумами. Заявившихся участников и соответственно докладов в предварительной программе было на десятки больше, чем участников, принявших непосредственное участие в работе симпозиума. Все это приводило к внесению изменений в программу симпозиума в последний момент.

18–20 августа 2011 г. в г. Йошкар-Оле в Марийском университете был проведен восьмой симпозиум под названием «Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития)». Зарегистрировавшихся участников было более 160. Впервые в истории симпозиума были также представлены стендовые доклады. В том же году увидело свет опубликованное по итогам симпозиума и включающее 112 статей издание в нескольких томах общим объемом свыше 500 страниц.

Девятый симпозиум под названием «Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса» состоялся в г. Саранске в Мордовском университете 13–15 июня 2013 г. Таким образом, симпозиум вернулся к первоначальному формату проведения в виде компактной конференции по языкознанию. Количество участников было менее 100 человек, сборник статей, вышедший в следующем году, содержал 58 трудов.

В последний раз мы собирались в г. Ижевске в Удмуртском университете 17–19 мая 2016 г. Основная тема симпозиума – «Языковые контакты народов Поволжья» – была конкретизирована подтемой «Актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики». Зарегистрированных участников было более 100. Сборник статей симпозиума выпущен в прошлом году объемом почти в 450 страниц. Помимо секционных заседаний программа симпозиума включала в себя работу трех круглых столов, на которых обсуждались вопросы, связанные с удмуртской литературой и положением национальных языков в современном мире, а также ролью переводной литературы и ранних памятников письменности в жизни современного общества.

В г. Ижевске значительно расширили рамки симпозиума: было принято решение помимо Поволжья в рамки симпозиума официально принять близлежащие районы Урала (Приуралье), и на основании этого – коми и коми-пермяков, а также башкир и калмыков. Конечно же, представители данных регионов принимали участие в работе уже многих симпозиумов, но теперь все указанные выше языки официально стали представлены в международном организационном комитете симпозиума.

Несколько слов об оргкомитете: серия симпозиумов берет свое начало в 1993 г. в г. Турку, и к этому же времени относится начало работы Сектора исследования языков Поволжья в Университете Турку. В рамках Сектора с момента начала его деятельности был сформирован международный координационный совет, в состав которого в самом начале помимо меня, Йормы Луутонена и моего предшественника профессора Алхо Алхониemi вошли представитель Мордовского университета профессор Михаил Мосин и представитель Марийского университета профессор Юрий Андуганов. После гибели Юрия Андуганова это место занял доцент Олег Сергеев. Вследствие расширения области исследований за счет включения удмуртского языка членом совета также стал профессор Удмуртского университета Валентин Кельмаков. Было вполне естественным, чтобы данный коллектив стал выступать и в качестве официального оргкомитета всей серии симпозиумов. На практике же принимающей стороной симпозиума формируется местный организационный комитет или рабочая группа со значительно большим составом, которые непосредственно отвечают за организацию симпозиума.

В 2001 г. во время проведения второго симпозиума в г. Турку состав координационного совета сектора и состав оргкомитета симпозиума заметно отличались друг от друга: оргкомитет был расширен вследствие охвата новых языков и народов: представителем от Чувашии стал А. П. Хузангай, а Татарстан был представлен в лице Ф. М. Хисамовой. В 2006 г. в работе симпозиума в г. Чебоксарах также принял участие профессор Геттингенского университета Германии Эберхард Винклер, который занимается исследованием как финно-угорских, так и тюркских языков Поволжья и, в частности, опубликовал старые материалы по данным языкам.

Помимо ранее обозначенных членов в нынешний состав Оргкомитета в соответствии с решениями, принятыми в Ижевске, входят представители всех упомянутых выше народов и языков: от Чувашии вместо А. П. Хузангая Ю. Н. Исаев, от Пермского края А. С. Лобанова, от Башкортостана И. С. Насипов, от Калмыкии Э. У. Омакаева, от Коми Е. А. Цыпанов. Расширение рамок научного сообщества и области исследований нашло отражение и в названии симпозиума – «Языковые контакты народов Поволжья и Урала».

Хотя число иностранных участников на всех симпозиумах остается относительно небольшим, тем не менее, они всегда принимали участие в них. В первую очередь это ученые из Финляндии и Венгрии, а также и других стран, где занимаются исследованием или изучением финно-угорских и тюркских языков. Поскольку на финно-угорских и тюркских языках говорят на одних и тех же многонациональных территориях, совместный симпозиум дает прекрасную возможность исследователям этих языков познакомиться друг с другом.

Библиография

- Alhoniemi A., Agafonova N., Mosin M. Suomalais-ersäläinen sanakirja = Финнень-эрзянь валкс / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 64. Turku, 1999. 539 s.
- Herrala E., Feoktistov A. Mokšalais-suomalainen sanakirja = Мокшень-финнонь валкс / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 58. Turku, 1998. 222 s.
- Maksimov S., Danilov V., Saarinen S. Udmurtilais-suomalainen sanakirja = Удмурт-финн кылсузъет / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 79. Turku, 2008. 664 s.
- Maksimov S., Saarinen S., Danilov V., Seliverstova E. Suomalais-udmurtilainen sanakirja = Финн-удмурт кыллюкам / Apuneuvoja suomalais-ugrilaisten kielten opintoja varten XVI. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2013. 799 s.
- Moisio A. Marilais-suomalainen sanakirja = Марла-финнла мутер / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 41. Turku, 1992. 426 s.
- Moisio A., Daher O. Tataarilais-suomalainen sanakirja = Татарча-финнча сүзлек = Tatarça-finçä süzlek / Apuneuvoja suomalais-ugrilaisten kielten opintoja varten XVIII. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2017. 418 s.
- Moisio A., Fomin E., Luutonen J. Tšuvassilais-suomalainen sanakirja = Чăвашла-финнла словарь / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 76. Turku, 2007. 286 s.
- Moisio A., Galkin I., Vasiljev V. Suomalais-marilainen sanakirja = Финнла-марла мутер / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 52. Turku, 1995. 620 s.
- Niemi J., Mosin M. Ersäläis-suomalainen sanakirja = Эрзянь-финнень валкс / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 48. Turku, 1995. 205 s.

К. Адягаши

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье дается обзор прежних исследований с позиции разных лингвистических подходов относительно истории чувашского языка и представляется метод ареальной лингвистики для реконструкции хода изменений западнодревнетюркской фонемной системы огурского типа в чувашскую в своей непрерывной исторической последовательности.

Ключевые слова: историко-сопоставительная алтаистика, историко-сопоставительная тюркология, контактная лингвистика, ареальная лингвистика Волжско-Камского региона, волжскобулгарские диалекты, чувашская историческая фонетика.

К. Agyagási

TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE CHUVASH LANGUAGE

Abstract. In the paper the author gave an overview of the earlier research on the history of the Chuvash language based on different approaches of historical linguistics. She points out why these approaches could not allow the reconstruction of the historical phonetics of the Chuvash in its historical continuity and also argues for the method of the areal linguistics which could have been used by her successfully in it.

Keywords: Historical comparative Altaistics, Historical comparative Turcology, Contact linguistics, Areal linguistics of the Volga-Kama region, Volga Bulgarian dialects, Chuvash historical phonetics.

Вопрос о формировании чувашского языка является одной из центральных проблем тюркологии, так как чувашский язык остался единственным представителем огурской группы тюркских языков, и поэтому на его историю обращается особое внимание с давних времен. Все же приходится констатировать: в прежней литературе разные авторы говорили то ли о формировании чувашского этноса, то ли о происхождении чувашского языка.

Формирование чувашского этноса трактуется в рамках этнической истории или этногенеза чувашей. Исследования в этой области велись на основании письменных исторических и археологических памятников, куда в таких случаях вовлекалась и филология, когда необходимо было объяснить данные письменных источников. Такие исследования имеют длительную историю, и их синтез с самыми важными, новыми и существенными результатами нашел отражение в двухтомнике «Чуваши. История и культура», в частности, в главе «Этническая история», написанной В. П. Ивановым [Иванов, 2009, т. 1, с. 33–78].

Исследование происхождения чувашского языка тоже имеет длительную историю. Начало этого исследования в современном духе определяется с появления работы Г. Шотта «De lingua Tschuwaschogum» [Schott, 1841], на основании которой тюркское происхождение этого языка дальше не подлежало сомнению. Исследования по происхождению чувашского языка с самого начала сталкивались с большой трудностью, а именно – с отсутствием внутренних письменных памятников на протяжении почти всей его истории. Определяющим, основополагающим моментом истории исследования явилось установление профессором Н. И. Ашмариным в 1902 г. непосредственной, близкой, исторической связи между чувашским языком и языком болгарских надписей [Ашмарин, 1902]. Тюркологи Европы, представители историко-сопоставительной тюркологии с этого времени пытались раскрыть те фонетические изменения, которые были характерными только для чувашского языка и языка

эпитафий волжских булгар, чтобы определить их отношение к пратюркскому языковому состоянию. Эти стремления реализовались в трех направлениях: в историко-сопоставительной алтаистике, в историко-сопоставительной тюркологии и в контактной лингвистике.

История и результаты сопоставительной алтаистики общеизвестны [Рамстедт, 1952; Рамстедт, 1957; Поппе, 1960; Старостин, Дыбо, Мудрак, 2003]. В итоге можно сказать, что вопреки разнообразным аргументам разных ученых в пользу алтайской теории (включая определенную гипотезу о природе прототюркского предка чувашского языка), отражающихся в словаре, алтаисты-авторы шести рецензий¹ на алтайский этимологический словарь единодушно отвергли фонологическую реконструкцию, представленную в словаре в качестве доказательства родства алтайских языков. Не касаясь конкретностей, общим недостатком реконструкций была отмечена ими сильная гипотетичность, непроверяемость логических конструкций данными, с одной стороны, и неравномерное количество данных, использованных в реконструкции истории разных ветвей алтайской семьи – с другой². Таким образом, алтаеведение в наши дни пока еще не в состоянии дать новые методологические импульсы, тем более новые результаты по вопросу дальнейшего происхождения чувашского языка.

Происхождение чувашского языка рано стало предметом международной историко-сопоставительной тюркологии. Выдающиеся исследователи международной арены стали искать круг так называемых «чувашских критериев» и своеобразных изменений единичных чувашских фонем в сопоставлении с общетюркскими соответствиями [Гомбоц, 1912; Немет, 1913; Поппе, 1925; Лигети, 1938; Палло, 1961; Лигети, 1977–1979; Егоров, 1985а; Егоров, 1985б; Егоров, 1986; Мудрак 1993]. Часто эти исследования велись в рамках исторической лексикологии венгерского языка, когда опорными пунктами для документации осуществления собственно чувашских исторических изменений служили современные литературные, реже диалектные формы венгерской лексики, постулированные как слова древнебулгарского или древнечувашского происхождения. Другой тип сопоставительного подхода отражается в работах В. Г. Егорова [Егоров, 1954], Й. Бенцинга [Бенцинг, 1957а], А. М. Щербака [Щербак, 1970], А. Рона-Таша [Рона-Таш, 1978, с. 82–89], Э. Р. Тенишева [Тенишев, 1984], О. А. Мудрака [Мудрак, 2002] и Л. С. Левитской [Левитская, 2014]. В них авторы определили чувашские соответствия единичных фонем пратюркской фонемной системы по принципу места и способа образования звуков, а пратюркская система в них была реконструирована на основании восточнодревнетюркских письменных памятников и живых языков общетюркского типа³. В результате применения такого метода научной общественности стало известно, какой пратюркской архифонеме пратюркской системы какие звуки соответствуют в современном чувашском языке и какую систему образуют в нем. Но этот метод не дал возможность для описания диахронического изменения пратюркской фонемной системы в чувашскую в своей непрерывной исторической последовательности.

К кругу работ по сопоставительной тюркологии относятся и те исследования, которые описывают фонетические особенности волжскобулгарских эпитафий в сопоставлении с особенностями современного чувашского языка. Спустя несколько десятилетий после выхода в свет работы Н. И. Ашмарина «Болгары и чуваша» [Ашмарин, 1902] появились критические издания надписей [Юсупов, 1960; Рона-Таш, 1976; Хакимзянов, 1978; Хакимзянов, 1986; Мейер, 1988; Текин, 1988; Эрдал, 1993], а также труды, интерпретирующие их фонетические особенности [Федотов, 1980, с. 16–26; Закиев, 1986; Федотов, 1990, с. 51–59]. Общим стремлением авторов этих работ являлось установление сходных черт между чувашским языком и языком ротацирующих памятников, а также разграничение между памятниками, написанными на булгарском и кыпчакском языках. Но никакое внимание не было уделено исследователями на расхождения между чувашским языком и языком ротацирующих эпитафий. Из-за этого среди большинства тюркологов очень долгое время могло господствовать мнение о том, что чувашский язык является прямым наследником языка волжскобулгарских памятников. Но после появления в свет фонологического анализа М. Эрдалем языка ротацирующих памятников [Эрдал, 1993, с. 112–157] стало совсем бесспорным, что эти два языка представляют собой два – когда-то одновременно сосуществовавших – варианта / диалекта волжскобулгарского языка. Из всего этого следует, что историко-сопоставительные исследования все еще не исчерпывали свои возможности в определении исторических

¹ Те, которые стали мне известными, см.: Георг, 2004; Миллер, 2004; Вовин, 2005; Стаховски, 2005; Кемпф, 2008; Рона-Таш, 2011.

² Этим созвучны новые результаты теоретической лингвистики, представляющие разные уровни (коэффициенты) отношения языковых данных к плаузибельности (состоятельности) аргументации в лингвистических гипотезах (см.: Кертес, Ракоши, 2012).

³ Такой оценке не противоречит тот факт, что в международной тюркологии были изучены и письменные памятники дунайских булгар (см. суммарно: Бенцинг, 1957б; Федотов, 1980, с. 8–16; Рона-Таш, 1982, с. 147–149). Но из-за их фрагментарности и испорченного характера этих письменных памятников их данные не были регулярно использованы в пользу исследования исторических изменений чувашского языка.

отношений болгарской группы, и таким образом применимы в реконструкции собственно чувашских фонетических изменений.

Контактная лингвистика, как самостоятельная лингвистическая дисциплина, поставила цель изучить способы взаимовлияния языковых систем, сосуществующих одновременно на определенной территории. Это теоретическое направление получило распространение в исторической тюркологии параллельно с появлением результатов по ареальной лингвистике Волго-Камского региона¹. Самым важным общим признаком контактной и ареальной лингвистики является то, что в них сопоставляются и сравниваются структурные особенности изучаемых языков и отношения их языкового кода².

С точки зрения исследования истории чувашского языка и его предшественников системный подход был реализован в исследовании болгарских заимствований в пермских языках [Редеи, Рона-Таш, 1983] и в среднемонгольских заимствованиях чувашского языка [Рона-Таш, 1982, с. 66–134]. В этих работах в результате сопоставления заимствованных слов реконструированы фонетические / фонологические системы сопоставленных языков, существовавших в первом случае в позднеревнетюркском периоде, а во втором в начале среднечувашского периода. В основу реконструкции болгарских систем лежат свои собственные болгарские и чувашские слова, в качестве источников истории этой группы языков.

Самым новым и значительным результатом в области контактной лингвистики является монография А. Рона-Таша и А. Берты [Рона-Таш, Берта, 2011] под названием в переводе на русский «Западнодревнетюркский (язык). Древнетюркские заимствования в венгерском языке» [Рона-Таш, Берта, 2011]. О достоинствах³ этой книги, и о вопросах, оставшихся в нем спорными⁴ много было написано в последние годы. Я хочу остановиться только на двух ее важных моментах. Во-первых, это первое такое исследование в долгой истории изучения древнетюркских заимствований в венгерском языке, которое включает в этимологический анализ данные письменных древневенгерских памятников (XI–XIX вв.), сохранивших в большой степени тогдашнее произношение древнетюркских форм. Таким образом, имеется самая непосредственная документация, прямой, аутентичный источник для реконструкции фонетического состава и фонологической системы западнодревнетюркского языка. Во-вторых, параллельно с реконструкцией фонологической системы западнодревнетюркского языка, в книге проводится и реконструкция исторической фонологии древневенгерского языка, начиная с протоугорского через правенгерский до древневенгерского периода. Благодаря этому в указанной монографии впервые стало возможным системное сопоставление фонологических систем западнодревнетюркского и древневенгерского языка, в результате чего восстановленные западнодревнетюркские исходные формы могут иметь большую степень плаузибельности в качестве первичных внутренних источников огурской группы языков древнетюркского периода.

Такой обзор прежних историко-сопоставительных тюркологических исследований служил поводом для аргументации разницы между понятиями «происхождение чувашского языка» и «формирование чувашского языка».

Когда я говорю о формировании чувашского языка, это предполагает историческое описание непрерывного хода историко-фонетических изменений от раннезападнодревнетюркского состояния до образования современного чувашского языка. Такое описание в виде реконструкций уже (со времени выхода в свет монографии А. Рона-Таша и А. Берты в 2011 г.) может основываться исключительно на внутренних языковых данных источников огурских / болгарских диалектных вариантов. Оно охватывает длительный процесс начиная с V в., заканчивая началом XVIII в. В качестве западнодревнетюркских источников с V до конца IX в. фигурируют западнодревнетюркские заимствования в венгерском языке и западнодревнетюркские заимствования в церковнославянском языке. Источником волжскоболгарского языка позднеревнетюркского периода (с основания волжскоболгарской империи до татарского нашествия в 1236 г.)⁵ являются волжскоболгарские заимствования в пермских и мордовском языках, волжскоболгарские заимствования в древнерусских диалектах, а также арабские и персидские заимствования в чувашском. Источниками раннесреднечувашского периода (с татарского нашествия до 1552 г.) служат волжскоболгарские эпитафии ротацирующего типа, среднемонгольские заимствования в раннесреднечувашском, волжскоболгарские заимствования в позднепрамарийском и древнеудмуртском, волжскоболгарские субстратные лексические элементы в среднекыпчакских диалектах,

¹ В ряде работ на основании контактной и ареальной лингвистики с точки зрения исторической фонетики чувашского языка являются важными публикации Шернера [Шернер, 1977] и Ахметьянова [Ахметьянов, 1978].

² Об отношении кодов взаимодействующих языков см. Йохансон 2002.

³ См. мою рецензию на русском языке: Адягаши, 2016.

⁴ См.: Хонти, 2017.

⁵ Представленная здесь периодизация передает ту особенность истории чувашского языка, по которой самые важные, системные преобразования из одного состояния и состава языка в другое были вызваны именно историческими событиями, причиняющими новые условия для существенного изменения предшественников этого языка.

позднедревнерусские диалектные заимствования в раннесреднечувашском. А для позднедревнечувашского периода источником можно использовать верховой диалект чувашского языка, субстратные лексические элементы из других волжскобулгарских диалектов, появившиеся там в результате прежних междиалектных контактов, среднечувашские заимствования в западном диалекте марийского языка, старорусские и среднекыпчакские заимствования в чувашском языке.

В течение последних лет на основании имеющихся данных перечисленных языковых источников было проведено мною историко-сопоставительное изучение репрезентативной части чувашской лексики в ареальном подходе¹. В исследование было подобрано примерно 1500 чувашских слов, имеющих огуру-тюркское происхождение и обладающих параллелями в письменных памятниках восточнодревнетюркского диалекта (опубликованных в ДТС и словаре Дж. Клоусона [Клоусон, 1972]). Это было важно для того, чтобы было возможно продемонстрировать варианты внутри западнодревнетюркского диалекта, с одной стороны, и показать диалектную разницу фонетических систем между одновременно существовавшими западно- и восточнодревнетюркскими диалектами – с другой.

Западнодревнетюркские данные, сохраненные в древневенгерском языке, относительно системы согласных фонем в огурском варианте западнодревнетюркского языка позволили установить следующие:

а) в огурской системе существовали стабильные согласные, которые или не изменялись, или изменение которых, по сравнению с их пратюркскими архифонемами, по всей языковой территории дало единый результат. Эти изменения были глобальными;

б) другие согласные, по сравнению с их пратюркскими архифонемами, показывают двоякое соответствие, т. е. их изменение поделило западнодревнетюркскую языковую территорию на две части. Эти изменения воспринимаются как региональные;

в) пратюркский увулярный сонант *ɣ в западнодревнетюркских заимствованиях огурского типа правенгерского языка имеет четырехчленное соответствие, что указывает на существование четырех региональных вариантов внутри западнодревнетюркского диалекта с точки зрения фонетической реализации этой архифонемы.

После переселения некоторых племен и племенных фрагментов в Поволжье², представители прежних региональных вариантов западнодревнетюркского диалекта огурского типа оказались на общей, менее обширной территории. В их языке показатели прежних двух- и четырехчленных территориальных вариантов свелись в общую систему, и на синхронном уровне волжскобулгарского языка появились, как чередования согласных, см. таблицу ниже [Адягаши, 2013, с. 171]. Такой вывод основывается на языковых данных, извлеченных из волжскобулгарских заимствований в пермских языках, языка волжскобулгарских эпитафиях и литературных и диалектных форм слов чувашского языка.

Пратюркский вариант	Западнодревнетюркский / огурский вариант		Западнодревнетюркский / волжскобулгарский вариант	
*-š-/-š	*š > lč > l		*š > (lč) > l *š > (lč) > č	
*-z-/-z	*z > r		*z > r	
*y-	*y > j > č		*y > (j) > č	*y > (j >) č > ś-
*č-	*č- > č-		*č- > č-	*č- (>č-) > ś-
*sā-	*sā- > *s(iā-) > ša-	*sā- > sa	*sā- > *s(iā-) > ša- ~ *sā- > sa	
*si / sī-	*si / i- > ši / i-		*si / i- > ši / i-	
*k-	*[k-] > [k-] *[q-] > [χ-]	*[k-] > [g-] *[q-] > [ġ-]	*[k-] > [k-] *[q-] > [χ-]	
*-g	*[-g] > [-g] *[-ġ] > [-ġ]	*[-g] > [-γ] *[-ġ] > [-γ]	*-g > (-γ) > 0	
*-k	*[-k] > [-k] *[-q] > [-χ]	*-k > (-g) > -γ	*[-k] > [-k] ~ [-k] > (-g > -γ) > 0 *[-q] > [-χ] ~ [-q] > (-g > -γ) > 0	
*t-	*t- > t-	*t- > d-	*t- > t-	
*ti / tī	*ti / tī > *ti / tī	*ti / tī > ši / šī	*ti / tī > tī / tī ~ *ti / tī > ši / šī	
	*(C)ti / tī > ti / tī		*(C)ti / tī > ti / tī	

¹ Результаты исследования будут опубликованы в начале 2019 г. (см.: Адягаши, 2019).

² Археологи говорят о переселении булгар в Поволжье в четыре волны (см.: Иванов, 2009, с. 39–42). Языковая картина, полученная в результате анализа ранних волжскобулгарских слов указывает на то, что булгарское население, появившееся на Волге, представило в языковом отношении спонтанное соединение фрагментов прежних территориальных вариантов западнодревнетюркского диалекта огурского типа.

Пратюркский вариант	Западнодревнетюркский / огурский вариант		Западнодревнетюркский / волжскобулгарский вариант	
*-d-	*-d- > -d-		*-d- > (-δ- > -z-) > -r-	
*-ld- / *-rd-	*-ld- / *-rd- > -ld- / -rd-		*-ld- / *-rd- > -lt- / -rt-	
*-gd- / *-dg-	*-gd- > (-γδ-) > -z-		*-gd- > (-γδ > -z-) > r	
*-dr-	*-dr- > -yr-		*-dr- > -yr-	
*-n- / -n	*-n- / -n > n	*-n- / -n > m	*-n- / -n > n ~ *-n- / -n > m	
*-η- / -η	*η > η	*η > g > γ	*η > n	*η > m
			*η > η ~ *η > g > γ > 0 ~ *η > n ~ *η > m	

Среди согласных, возникших ранее в результате глобальных изменений, в волжскобулгарском в случае аффрикат наблюдается их двухчленное представление, что указывает на новые варианты внутри этого языка.

В случае гласных на основании древневенгерского языка получается неполная картина о фонологических отношениях, так как там с V до IX в. регулярная оппозиция по длительности образования еще не сформировалась. Долгие гласные в древневенгерских заимствованиях западнодревнетюркских заимствованиях огурского типа иногда встречаются в односложных словах как аллофоны кратких, но большинство гласных в первом слоге и внутри слов короткие, а в конце слов встречаются вторичные дифтонги. Редуцированные гласные внутри или в конце слов можно реконструировать в весьма незначительном количестве. В фонологическом плане относительно западнодревнетюркских донорных вариантов ярко вырисовывается три тенденции изменения раннедревнетюркской гласной системы: дифтонгизация некоторых первичных долгих гласных, совпадение некоторых долгих гласных со своими краткими парами без изменения и исчезновение пратюркских редуцированных в непервых слогах. Система гласных представляет собой переходное состояние к возникновению новых дифференцирующих признаков системы фонем.

О местах оседания волжских булгар в Среднее Поволжье дают сведения археологические исследования. Это хорошо разработанная область археологии Поволжья. Но результаты археологии не могут отвечать на вопрос о языковых особенностях волжских булгар. Такие ответы могут дать только результаты контактной и ареальной лингвистики.

Сопоставительный фонологический анализ волжскобулгарских заимствований в пермских языках, языке волжскобулгарских эпитафий и среднемонгольских заимствований в чувашском языке показал, что после оседания на новой территории волжских булгар в их языке образовывались новые территориальные варианты, в основе которых лежала разная структура оппозиций по времени образования гласных первого слога.

О географическом расположении этих территориальных вариантов можно дать только приблизительное представление. Самую известную и консервативную разновидность представляет язык волжских булгар, который был применен в центральных областях волжскобулгарской империи. Но кроме центрального варианта можно выделить еще два других, которые находились географически в смежном положении с пермскими языками, только, видимо, с разных сторон.

При характеристике центрального диалекта волжскобулгарского языка самые важные моменты следующие: в этой системе долгие гласные только начинают изменяться. Некоторые из них еще хранят свою долготу, другие уже дифтонгизировались или развились в краткие, но все произносительные варианты употребляются как аллофоны. С точки зрения различительного признака согласных, этот вариант хранит аффрикаты в соей системе¹.

Задние гласные

$\bar{a} \sim a$

$w\bar{a} \sim wa \sim o$

u

$\bar{i} \sim i$

Передние гласные

$ye / iye \sim e$

$\bar{o}we \sim we \sim \bar{o}$

$ve \sim iwe \sim \bar{u}$

$\bar{i} \sim i$

При характеристике древнебулгарского предшественника чувашского языка самыми важными свойствами являются следующие: ко времени монгольского нашествия в нем произошло системное упрощение долгих гласных путем дифтонгизации или совпадения долгих и кратких пар за исключением \bar{o} (регулярно) и (спорадически). А среднемонгольские заимствования в среднечувашском языке показывают, что процесс редукции и сужения системы гласных в этом диалекте до монгольского

¹ По этой причине его раньше называли как джокающий диалект. В настоящее время существование фонемы \bar{j} оспаривается, А. Рона-Таш настаивает на звуке \bar{c} (см.: Рона-Таш, Берга, 2011, с. 1088–1094, 1149–1950).

нашествия еще не начался. Система гласных фонем первого слога волжскобулгарского предшественника чувашского языка реконструируется следующим образом:

Задние гласные	— /i/ —	Передние гласные
<i>u</i>	[i]	<i>ü</i>
<i>ō</i>		<i>é (ō)</i>
<i>ǎ ǎ</i>		<i>ä</i>

Фонетическая система гласных фонем первого слога третьего территориального варианта волжскобулгарского языка реконструируется на основании булгарских заимствований в пермских языках и булгарских заимствований в древнерусских диалектах. Языковые данные показывают завершение совпадения долгих гласных с краткими и существование редуцированных в первом безударном положении двух- или многосложных слов.

Задние гласные	—	Передние гласные
<i>ǐ (> ə̃ <) ǐ̃</i>		<i>ǐ̃ (> ə <) ǐ̃ i</i>
		<i>é</i>
<i>ǎ ǎ</i>		<i>ä</i>

С точки зрения согласных, два последних варианта волжскобулгарского языка в позднедревнетюркском периоде не сохранили аффрикаты, на их месте представлен регулярно единственный мягкий спирант.

Параллельному существованию трех территориальных диалектов волжскобулгарского языка в позднедревнетюркском периоде поставило конец появление монголов в Поволжье. Агрессивные завоевания ими территорий волжскобулгарской империи привело к быстрому преобразованию этнического состава и языковых отношений народов Поволжья. Говорящие на волжскобулгарском предшественнике чувашского языка компактно переселились на правый берег Волги. Носители центрального волжскобулгарского диалекта сдались монголам, только их маленькие группы сумели убежать подальше, и примкнуть к окружающим их другим народам, среди них и к чувашам. Представители другого диалекта, обитающего в близи пермских языков, тоже разбежались в разные стороны, оказывавшиеся более безопасными. Они присоединялись отчасти к финно-угорским языкам, отчасти к предкам чувашей. Эти остатки позже оставили след за собой в виде волжскобулгарских фонетических или лексических субстратных элементов.

Новая историческая ситуация среди новых соседей выделила начало нового периода изменения предшественника чувашского языка. В этот – раннесреднечувашский – период волжскобулгарский предшественник чувашского языка сменил свой социолингвистический статус от диалекта в самостоятельный язык. В его фонологической системе завершилась окончательная утрата оставшихся долгих гласных, но этот процесс происходил уже под влиянием позднепрамарийского языка, так же, как и возникновение нового фонетического качества в нем: редуцирование гласных верхнего подъема. С этого начинается формирование чувашского языка в узком смысле, включая сужение гласной системы, образование внутренних диалектов, фонетические изменения согласных, детали которых разработаны в моей новой монографии, издание которой планируется в 2019 г.

Библиография

- Адягаши, К. 2013: Agyagási K. Nyugati ótörök és magyar kapcsolatokat: tanulmányok az ogur hangtörténet számára // *Nyelvelmélet és kontaktológia* (szerk. Agyagási K., Hegedűs A., É. Kiss Katalin). Piliscsaba, pp. 155–172.
- Адягаши, К. 2016: Agyagási, K., Рец. На: Róna-Tas András, Berta, Árpád, *West Old Turkic-Turkic Loanwords in Hungarian*. Part 1–2. *Turcologica*. Band 84. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden 2011. 1496 s. // *Чувашский гуманитарный вестник*. № 11. 116–212.
- Адягаши, К. 2019: Agyagási, K. *Chuvash Historical Phonetics*. *Turcologica*. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden. 350 c. В печати.
- Ахметьянов Р.Г. 1978: Сравнительное исследование татарского и чувашского языка, Москва.
- Ашмарин, Н.И. 1902: Болгары и чуваша. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. Казань, Т 18. Вып. 1–3, с. 1–132.
- Бенцинг, Й. 1957a: Benzing, J. *Das Tschuwassische*. В книге: *Philologiae Turicae Fundamenta Vol. I*. Wiesbaden, с. 695–751.
- Бенцинг, Й. 1957b: Benzing, J. *Das Hunnische, Donaubulgarische und Wolgabulgarische (Sprachreste)* // *Philologiae Turicae Fundamenta Vol. I*. Wiesbaden, с. 685–695.
- Вовин, А. 2005: Vovin, Alexander, *The End of the Altaic Controversy*. *Central Asiatic Journal* 49: 71–132.
- Георг, Ш. 2004. Georg, S. *Haupt und Glieder der Altaischen Hypothese: die Körperbeziehungen im Türkischen, Mongolischen und Tungusischen*. *Ural-Altische Jahrbücher N.F.* 16: 143–182.
- Гомбоц, З. 1912: Gombocz, Z. *Die bulgarisch-türkischen lehnwörter in der ungarischen sprache*. Helsinki.

- Дмитриева, Ю., Адыгаши, К. 2001: Hungaro-Tschuwaschica. Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. Чебоксары.
- ДТС: Древнетюркский словарь. (Редакторы Надеяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М.) Наука, Ленинград.
- Егоров, В.Г. 1954: Современный литературный чувашский язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары. 2-ое исправленное издание 1971.
- Егоров, Н.И. 1985а: Чувашская диалектология и этимология // Теория и практика этимологических исследований. (Отв. ред. Мусаев, К.М.) Москва. 55–66.
- Егоров, Н.И. 1985б: Историческое развитие общетюркского *a* первого слога в болгаро-чувашском языке. II. Вопросы истории чувашского языка. Чебоксары. 3–28.
- Егоров, Н.И. 1986. Историческое развитие общетюркского *a* первого слога в болгаро-чувашском языке. III. Вопросы чувашской фонетики и морфологии. Чебоксары. 3–16.
- Закиев, М.З. 1986: Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань.
- Иванов, В. П. 2009: Чуваши. История и культура. Историко-этнографическое исследования в двух томах. Чебоксары.
- Йохансон, Л. 2002: Johanson, L., Structural Factors in Turkic Language Contacts. Richmond, Surrey.
- Кемпф, Б. 2008. Kempf, B., Starostin, Sergei-Dybo, Anna-Mudrak, Oleg (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glomov): An Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden–Boston, Brill 2003. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 61: 403–408.
- Кертес, А., Ракоши, Ч. 2012: Kertész, A. Rákosi, Cs. Data and Evidence in Linguistics. A Plausible Argumentation Model. Cambridge University Press, Cambridge.
- Клоусон, Дж. 1972: Clauson, sir G., An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford.
- Левитская, Л.С. 2014: Историческая фонетика чувашского языка. Чебоксары.
- Лигети, Л. 1938: Ligeti, L. Les voyelles longues en turc. Journal Asiatic I: 177–204.
- Лигети, Л. 1977–79: Ligeti, L., A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van I–II. Budapest.
- Мейер, И.Р. 1988: Meyer, I.R. Das Funktionsverb „*tun*” im Wolgabulgarisch Čuwašischen. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 42: 93–110.
- Миллер, Р.А. 2004: Miller, R.A., Starostin, Segei/Dybo, Anna/Mudrak, Oleg with assistance of Ilja Gruntov and Vladimir Glomov: Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden–Boston. E.J. Brill 2003. Ural-Altäische Jahrbücher N.F. 18: 215–225.
- Мудрак, О. А. 1993: Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных. Опыт реконструкции и интерпретации.
- Мудрак, О. А. 2002: Булгарская группа. Фонетика. В книге: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. (Отв. ред. Э.Р. Тенишев). Москва.
- Немет, Ю. 1913: Gy. Németh, A török-mongol a-féle hangok fejlődése a csuvasban. Nyelvtudományi Közlemények 42: 75–85.
- Палло, М. 1961: Palló, M., Zur Frage der tschuwaschischen v-Prothese. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 12: 33–44.
- Поппе, Н. 1925: N. Poppe, Türkisch-tschuwaschische vergleichende Studien. Islamica I: 409–427.
- Поппе, Н. 1960: N. Poppe, Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden.
- Рамстедт Г. 1952: G. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft II. Formenlehre. Bearbeitet und herausgegeben von P. Aalto. MSFOu 104–2.
- Рамстедт Г. 1957: G. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft I. Lautlehre. Bearbeitet und herausgegeben von P. Aalto. MSFOu 104–1.
- Редеи, К.–Рона-Таш, А. 1983: Early Bulgarian Loanwords in the Permian Languages. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. 37: 3–41.
- Рона-Таш, А. 1978: Róna-Tas, A. Bevezetés a csuvas nyelv ismeretébe. Budapest.
- Рона-Таш, А. 1976: Róna-Tas, A., A Volga Bulgarian Inscription from 1307. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 33: 153–186.
- Рона-Таш, А. 1982: A. Róna-Tas, Loan-Words of Ultimate Middle Mongolian Origin in Chuvash. Studia Uralo-Altaica 17: 66–134.
- Рона-Таш, А. 2011: A. Róna-Tas, Recent Trends in Mongolic Studies. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 64: 221–238.
- Рона-Таш, А. – Берта, А. 2011: Róna-Tas, A., Berta, Á., West Old Turkic Loanwords in Hungarian I–II. Turcologica 84. Harrassowitz, Wiesbaden.
- Старостин–Дыбо–Мудрак 2003: Starostin, S.A., Dybo, A.V., Mudrak, O.A., An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Brill, Leiden.
- Стаховски, М. 2005: M. Stachowski, Turkologische Anmerkungen zum altaischen etymologischen Wörterbuch. Studia Etymologica Cracoviensia 10: 227–46.
- Текин, Т. 1988: Tekin, T., Volga Bulgar Kitabeleri ve Volga Bulgarca. Ankara.
- Тенишев, Э.Р. (ред.) 1984: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. Наука, Москва.
- Федотов, М.Р. 1980: Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары.
- Федотов, М.Р. 1990: Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск.
- Хакимзянов, Ф.С. 1978: Язык эпитафий волжских болгар. Наука, Москва.
- Хакимзянов, Ф.С. 1986: New Volga-Bulgarian Inscriptions. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. 40: 173–177
- Хакимзянов, Ф.С. 1987: Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. Наука, Москва.
- Хонти, Л. 2017. Honti, L. A magyar és a nyugati ótörök szókészleti kapcsolatairól. Budapest.
- Шотт 1841: Schott, G., De lingua Tschuwaschorum. Berolini.
- Шернер, Б. 1977: Scherner, B., Arabische und neupersischen Lehnwörter im Tschuwaschischen. Versuch einer Chronologie ihrer Lautveränderungen. Wiesbaden.
- Щербак, А.М. 1970: Сравнительная фонетика тюркских языков. Наука, Ленинград.
- Эрдал, М. 1993: Erdal, M., Die Sprache der wolgabulgarischen Inschriften. Turcologica Band 13, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden.

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ЯРОСЛАВСКО-КОСТРОМСКОМ ПОВОЛЖЬЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Аннотация. В данной статье предлагается анализ некоторых единиц лексического субстрата на региональном уровне. Отмечается, что субстратный лексикон довольно аморфен и представляет собой различные типы: 1) лексика общеприбалтийско-финского типа; 2) единичные лексемы, соотносящиеся с дифференцированными прибалтийско-финскими типами; 3) лексика, имеющая соответствия в пермских языках; 4) лексика, наиболее близкие этимоны которой находятся в марийском языке.

Ключевые слова: прибалтийско-финский, мерянский, марийский, пермский, субстрат.

S. A. Myznikov

LANGUAGE CONTACTS IN THE JAROSLAVL'-KOSTROMA VOLGA REGION AND THEIR REFLECTION AT THE LEXICAL LEVEL

Abstract. This article suggests the analysis of some units of lexical substratum at the regional level. It is noted that the substrate lexicon is quite amorphous and has of various types: 1) vocabulary of the general Baltic-Finnish type; 2) lexemes, correlated with differentiated Baltic-Finnic types; 3) vocabulary having a correspondence in the Permian languages; 4) vocabulary, the closest etymons of which are in the Mari language.

Keywords: Baltic-Finnish, Merian, Mari, Permian, substratum.

Материалы для данной работы были собраны автором в ходе экспедиционных полевых исследований. Был обследован ряд районов в Ярославской и Костромской областях с целью выявления лексических единиц субстратного происхождения, а также уточнения их ареалов¹.

Для этого региона характерно наличие на одной и той же территории субстрата общеприбалтийско-финского типа и различных дифференцированных финно-угорских типов. Задача их различения и разграничения была поставлена еще в работе О. В. Вострикова, который анализируемые обширные данные русских говоров Волго-Двинского междуречья объяснял с привлечением материалов волжско-финских, пермских, прибалтийско-финских и саамского языков [Востриков, 1981, с. 3–45]. На данных «Ярославского областного словаря» разработка субстратной лексики финно-угорского происхождения получила в работе А. Альквист [Ahlqvist, 1998, с. 5–39], в которой анализ лексики построен по продуктивному тематическому принципу.

Неисконная лексика представляет в данных говорах многослойный ареально аморфный конгломерат. Этимологизация и ареальная привязка такого материала возможна только в результате полного исследования всей иноязычной лексики региона.

Мерянская проблема не раз была в сфере внимания исследований с различных позиций. В данной работе мы коснемся некоторых ее аспектов. Поскольку никаких языковых материалов по мерянскому языку не сохранилось, все построения основываются на анализе русских диалектных данных Ярославско-Костромского Поволжья и примыкающих к нему районов. Территория бытования мерянского этноса дается обычно очень широкой: Ярославская, Ивановская, Костромская (полностью), Тверская (Кашинский район), Московская (за исключением юго-западной части), Владимирская (к северу от р. Клязьмы) [Горюнова, 1961]. Следует, однако, отметить, что так называемые мерянские территории, например, Повелужья, давно уже рассматриваются как пространство, связанное с марийским этногенезом [Бадер, 1951]. Некоторые топоформанты, такие как *-энер*, *-энгер*, *-инер*, *-ингир*, зафиксированные на территории Ярославской, Костромской, Нижегородской, Вятской губерний соотносятся с данными на территории Марий Эл [Федотов, 1970, с. 17, 128]. Следует также отметить, что, ранее ареал бытования марийского этноса был значительно продвинут на запад, имеются данные о распространении марийцев в Ивановской, Костромской, Нижегородской области, что заставляет несколько иначе смотреть на мерянский компонент на этих же территориях.

Имеется несколько точек зрения, характеризующих мерянский язык и его место среди финно-угорских языков:

1. В одной из них соотносятся меряне и марийцы, например: «Несомненно, что предки современных марийцев представляли хотя и разбросанное, но в известных отношениях единое целое с летописной мерей (другое название черемиса), упорно и настойчиво вплоть до XVIII века, смешиваемой в самых разнообразных источниках с чувашами... Аллоформы мари, меря безусловно объясняются на индоиранском материале» [Корнилов, 1973, с. 19, 20].

2. О. Б. Ткаченко рассматривает язык мери, как наиболее близкий к прибалтийским финнам: «Наиболее тесным родством среди финно-угорских мерянский язык связан, прежде всего, с прибалтийско-финскими и мордовскими, и в меньшей степени – с марийским» [Ткаченко, 1985, с. 189].

¹ См.: Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. 2-е изд. СПб.: Наука, 2007.

3. Третья точка зрения опирается на мысль о промежуточном характере мерянского языка между прибалтийско-финскими и поволжско-финскими. Однако это суждение вряд ли может быть справедливым, поскольку оно основано на географически промежуточном положении мерян между прибалтийско- и волжско-финскими народами. А это вряд ли дает основание предполагать переходный характер мерянского языка, создававшего своеобразный связующий мост между прибалтийскими и волжскими финно-угорскими языками [Добродомов, 1980, с. 65].

4. Более аргументированы идеи, высказываемые в ряде трудов А. К. Матвеева, который, не отождествляя мерю и мари (черемисов), рассматривает марийцев как наиболее близкий к мере финно-угорский этнос, что и подтверждается анализируемым ниже лексическим материалом. Кроме того, вряд ли следует оспаривать мысль А. К. Матвеева о том, что в качестве источника мерянского субстрата перспективнее изучение географических названий, поскольку их гораздо больше, чем апеллятивных единиц, и они легче распознаются как мерянские [Матвеев, 1997, с. 6]. Поэтому опора на исследование апеллятивной диалектной лексики при изучении мерянского субстрата не кажется серьезно обоснованной, поскольку бытование лексического субстрата в языке не всегда устойчивое и долговременное.

Довольно часто в дискуссии о природе мерянского субстрата исследователи, уже имея сформированную у них идею, наполняли затем ее нужными им фактами. Причем нередко, приводя для «мерянских» соответствий данные марийского и мордовских языков, авторы, тем не менее, делают вывод о его прибалтийско-финском характере [Ткаченко, 1985; Vereszki, 1996]. Однако в силу дискуссионности принадлежности мерянского языка к определенной группе финно-угорских языков, достаточно сложно относить данные неясной субстратной природы финно-угорского характера к мерянскому типу¹. Возможно ли лексемы, имеющие фонетические особенности неясной финно-угорской природы, трактовать как единицы мерянского происхождения, ср., например: *жэстель* ‘красная смородина’, *сёрбез* ‘рыба хариус’; или вероятно и другая их трактовка.

В Брейтовском и Ростовском районах Ярославской области и в Парфеньевском Костромской отмечается лексема *вяха* ‘пустык, что-либо незначительное’ [ЯОС, 1984, с. 64], которая явно соотносится с прибалтийско-финскими данными, ср.: вепс. *väha, vähä* ‘мало, немного’ [СВЯ, с. 644]. Несмотря на это, О. Б. Ткаченко трактует эту диалектную единицу² в контексте русско-мерянских и меряно-русских контактов [Ткаченко, 1985, с. 71] без серьезной аргументации. Тогда как в данных говорах фиксируется лексика особого прибалтийско-финского типа³; сходные в этимологическом плане на прибалтийско-финской почве лексемы отмечаются в западной части Северо-Запада. Именно в этом регионе, расположенном не вблизи ареала живых прибалтийско-финских языков, имела лексикографические фиксации лексика, восходящая к сходному языковому типу, ср., например: *лэйма* ‘корова’ (Галич. Костром., 1820, СРНГ, с. 16, 341), при фин. *lehtmä* тж; *сика* ‘свинья’ (Галич. Костром., Опыт, 1852), при фин. *sika* тж; *гардобо'ль* ‘ягоды голубики’ (Чухлом.. ЯОС, 1984, с. 69), при вепс. *garbol* (SKES, с. 164; SSAP, т. 1, с. 31–316; Ahlqvist, 1998, с. 11); *са'га* ‘небольшая пила с одной ручкой’: *Принеси мне сагу, я немного дров отпилю*. Антропов. (ЯОС, 1990, с. 6), при фин. *saha* ‘пила’⁴; *ке'рбас* ‘пила’ (Ветл. Костром., СРНГ, с. 13, 183), при фин. *kirves* ‘топор’⁵. Такого же рода примеры можно привести в отношении некоторых глаголов: *му'стимь* ‘понимать, соображать; разбираться в каком-либо деле’ (Любим., Первомайск., Углич., Брейтов., Некрасов., Пошех., ЯОС, 1987, с. 68), *му'стимь* (Брейтов., Пошех. ЯОС, 1987, с. 68) соотносится с широко распространенным в Обонежье *му'штань* ‘знать, соображать, вспомнить, понимать’ Петрозав., Заонежье (Куликовский), сопоставляется с люд. *muštada*, вепс. *muštta* ‘помнить, понимать’ (Kalima, 1915, с. 168). Однако, консонантизм и другой тип русского глагола не позволяет сводить лексемы *му'стимь* и *му'штань* к одному источнику, вероятно, ярославской единице будут соответствовать карельские данные: кар. твер. *muistia* ‘помнить’ (СКЯП, с. 165)⁶, ливв. *mustua* ‘помнить’ (СКЯМ, с. 215), кар. тихв. *muistua* ‘помнить’ (KKS, т. 3, с. 356). В Вытегорском районе отмечается вариант *му'хтань* ‘соображать, понимать’ наряду с доминирующим *му'штань* (СРГК, т. 3, с. 275), скорее всего вепсского происхождения. Кроме того, в говорах Архангельской области фиксируется единица с консонантизмом карельского типа: *му'стамь* ‘вслушиваться’ (Устьян. Арх.,

¹ О. В. Востриков трактует такого рода материалы как заимствования из вымерших финно-угорских языков [Востриков, 1981, с. 20].

² О. Б. Ткаченко исходит из данных картотеки Ярославского областного словаря.

³ Однако, из этого не следует вывод о прибалтийско-финской природе мерянского языка.

⁴ Слово *сага* ‘пила-ножовка’ зафиксировано также в пинежских говорах по КСРНГ, но не помещено в СРНГ [СРНГ, т. 36] в силу того, что редакторы словаря посчитали его за единицу аргю.

⁵ В данном случае, вероятно, произошел сдвиг значения на базе одной предметно-тематической группы; имеются также глагол *кёрбасить* ‘пилить’ и относительное прилагательное *кёрбасовый* (СРНГ, т. 13, с. 183).

⁶ Вряд ли права А. Альквист, когда она включает в это гнездо глагол *му'стимь* ‘смущать, сбивать с толку’, которое, на наш взгляд, является гетерогенным омонимом и имеет более широкую территорию распространения – ярославские, тверские, псковские говоры (ЯОС, 1987, с. 68; СРНГ, т. 18, с. 366), см.: Ahlqvist, 1998, с. 17.

СРНГ, т. 18, с. 336). Как видно из приведенных данных, это глагольное гнездо имеет значительный ареал, который, вероятно, следует дифференцировать на отдельные этимологические микроареалы¹.

Кроме того, в данных говорах отмечается лексика, этимологию которой возможно рассматривать на почве коми языка: *бáля* 'подзывные слова для овец' (Масловский район Ярославской области, ЯОС, 1981, с. 32; Kalima, 1927, с. 15); *кóртома* 'аренда', *кóртомить* 'арендовать' (с широким распространением в ярославских, костромских говорах (ЯОС, 1986, с. 72; Kalima, 1927, с. 25); *кулёма* 'капкан для ловли пушного зверя' (Костромской район, ЯОС, 1986, с. 105; Kalima, 1927, с. 27); *ши́ра* 'мышь' (Во-лог., Яросл., Даль, т. 4, с. 659; Kalima, 1927, с. 49).

Таким образом, для данных говоров возможна следующая градация субстратных и заимствованных данных: 1) лексика общеприбалтийско-финского типа, представляющая собой: а) часть общеприбалтийско-финского севернорусского ареала; б) элементы арг, проникшие в русские говоры (по форме и семантике, близкие к общеприбалтийско-финскому типу); 2) единичные лексемы, соотносящиеся с дифференцированными прибалтийско-финскими типами; 3) лексика, имеющая соответствия в пермских языках; 4) лексика, наиболее близкие этимоны которой находятся в марийском языке, ср.: рус. диал. *дульяс* 'огонь' (Галич. Костром.), трактуемое О. Б. Ткаченко как иллатив морд. *толс* 'огонь' [Ткаченко, 1985, с. 77], при мар. *tul* 'огонь' (SKES, 1390); 5) лексика неясного финно-угорского типа (трактуемая исследователями как мерянский субстрат).

Кроме того, следует отметить, что в этом регионе фиксируется также лексика тюркского и балтийского происхождения, образуя довольно устойчивые и обширные ареалы.

Сокращения

Вепс. – вепский язык, кар. – карельский язык, ливв. – ливвиковское наречие карельского языка, люд. – людиковское наречие карельского языка, мар. – марийский язык, морд. – мордовский язык, рус. – русский язык, твер. – тверской, фин. – финский язык.

Библиография

- Бадер О. Н. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поветлужья // Советская этнография, 1951. № 2. С. 15–41.
- Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 3–45.
- Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1961. № 94. 267 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи авт. М., СПб., 1880–1882.
- Добродомов И. Г. Проблемы изучения мерянского субстрата в северновеликорусских говорах // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С. 65–66.
- Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. 176 с.
- КСРНГ – Картотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в ИЛИ РАН, г. С-Петербург).
- Корнилов Г. Е. Пробные статьи этимологического «Словаря собственных имен Поволжья и сопредельных территорий – I» // Диалекты и топонимия Поволжья. (Материалы и сообщения). Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 3–29.
- Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. 151 с.
- Матвеев А. К. К проблеме расселения летописной мери // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. 1997. № 7. Вып. 1. С. 5–17.
- Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.
- СВЯ – Словарь вепского языка / сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л., 1972. 745 с.
- СКЯМ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск. 1990. 495 с.
- СКЯП – Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М., Л., СПб., 1965–2016. Т. 1–49.
- Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев: Наукова думка, 1985. 207 с.
- Федотов М. Р. Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии // Советское финно-угроведение. 1970. № 2. С. 127–135.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.
- Ahqvist A. Merjalaiset-suurten järvien kansaa // Virittäjä, 1998. № 1. S. 24–55.
- Bereczki G. Le méria, une langue balto-finnoise // Contacts de langue et cultures dans l'aire baltique. Mélanges offerts à Fanny de Sivers // Uppsala Multiethnic Papers 39. Uppsala, 1996. P. 69–76.
- Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen // FUF, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1–56.
- KKS – Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5 // LSFU, XVI, 1–5. Helsinki, 1968–1997.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.
- SSAP – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

¹ А. Альквист предлагает считать слово *му́стить* 'понимать, соображать' субстратным [Ahqvist, 1998, с. 18], на наш взгляд несомненно его карельская природа.

VOWEL HARMONY IN THE VOLGA-KAMA REGION: AN AREAL PHENOMENON?

Abstract. Vowel harmony is typical for the languages of the Volga-Kama area. As both Turkic and Uralic proto-languages exhibited vowel harmony, we could suggest that the existence of vowel harmony in the area follows from the historical heritage and is a mere coincidence. However, we know that at least some of the vowel harmonies do not originate from the proto-languages, but are new phenomena. In these cases, we cannot exclude that the development of these new harmonies was influenced by another language.

Keywords: areal linguistics, typology, phonotactics, vowel harmony, language contacts, Volga-Kama language area.

Л. Фейеш

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ В ЯЗЫКАХ ВОЛГО-КАМЬЯ: АРЕАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН?

Аннотация. Гармония гласных типична для языков Волго-Камского ареала. Гармония гласных имела место и в тюркском, и в уральском праязыках, и поэтому можно предположить, что существование этого явления является языковым наследием или просто случайностью. При этом, однако, некоторые типы гармонии гласных не возводятся к праязыковым состояниям, а представляют собой новые феномены. В последних случаях мы не можем исключить, что их появление обусловлено влиянием других языков.

Ключевые слова: ареальная лингвистика, типология, фонотактика, гармония гласных, языковые контакты, Волжско-Камский языковой союз.

It seems to be undebatable that vowel harmony is typical for the languages of the Volga–Kama area. If we look at the grammars or course-books of Chuvash, Tatar, Bashkir, the Mordvinic languages, Hill or Meadow Mari, we will find information on vowel harmony. Vowel harmony is present even in some dialects of Udmurt.

However, by areal phenomena we usually mean linguistic features which are common innovations of languages spoken in a given area, which are results of language contact and usually wide-spread multilingualism. A classic example for linguistic areas is the Balkan area (Sprachbund): Greek, Albanian, Macedonian, Bulgarian, Serb, Romanian etc., which has features such as the merger of genitive and dative cases, postposed definite markers developed from demonstrative pronouns, analytic future tense with an auxiliary developed from a verb meaning ‘want’, the loss of infinitive (structures like *I want that I (would) go* instead of *I want to go*) etc. These features were not typical for the ancestors of these languages, they are a common innovation: sometimes we can find the source in one language or another, but different features come from different sources.

The languages of the Volga–Kama area are either of Turkic or Uralic origin. Both proto-languages exhibited vowel harmony, therefore we could suggest that the existence of vowel harmony in the area follows from the historical heritage (inside language families) and is a mere coincidence (the meeting of two groups of languages exhibiting vowel harmony). However, we know that at least some of the vowel harmonies do not originate from the proto-languages, but are new phenomena. In these cases, we cannot exclude that the development of these new harmonies was influenced by another language (or other languages), and consequently, we can speak about an areal phenomenon in the tighter sense.

Bereczki [Bereczki, 1983, p. 213] states that palatovelar harmony in Hill Mari, Eastern (Birsk) Mari and some Udmurt dialects spoken in Tatarstan or Bashkortostan developed due to the influence of Turkic languages – but without any argument or reference to arguments on the influence. (The only exception is for the Tatyshly dialect of Udmurt, see below.) Since vowel harmony can emerge even without foreign influence, it is not self-evident that we have to presume foreign influence.

In the following, I present the vowel systems and vowel harmonies of the different languages of the area. I use the International Phonetic Alphabet since there are considerable differences between the alphabets and transcriptions between the different languages, therefore the comparison would be unnecessarily complicated in any other way. Next, I will enumerate the features which occur in the harmonies of the languages of the area and demonstrate the most important differences. At the end, I will consider to what extent the harmonies in different languages could influence each other.

1. Vowel harmonies in the Volga-Kama area

Speaking about vowel harmony, it is a fundamental question what kind of vowel inventory the given language has. The vowel system of a language seems to determine what kind of vowel alternations due to vowel harmony are possible in the language; however, sometimes we find alternations which are not predictable from the vowel system, while some possible or even probable alternations never occur.

The description of a phoneme system is always a result of analysis of complex phonetic phenomena and alternations of morphology; therefore, the result is always subject to debate. Not just the analysis of vowel harmony must be based on the vowel system, but the analysis of the vowel system must also be based

on vowel harmony. Here I have no possibility to give a deep analysis of the phonology of the given languages, but I have to draw attention to the cases when the description of the vowel system is in conflict with the description of vowel harmony.

Today, all of the languages discussed here are highly influenced by Russian, in some cases there are phonemes which occur exclusively in Russian loanwords. Presenting the vowel systems, I will ignore these phonemes. Because of the lack of data, I will not examine the role of these foreign phonemes in these languages systematically.

1.1. Turkic languages

There are three Turkic languages spoken in the area: Chuvash, Tatar and Bashkir. Tatar and Bashkir belong to the Kipchak group of Turkic languages, they are quite closely related to each other, and they are in a strong contact: there are some transitional (tatarized Bashkir and bashkirized Tatar) dialects. Chuvash is the only living language of the remote Oghuric branch, distinguished from all the other contemporary Turkic languages.

1.1.1. Tatar

Tatar has a vowel system of 9 vowels:

	Front		Back	
	Unrounded	Rounded	Unrounded	Rounded
High (Long)	i	y		u
Mid (Short)	ɪ	ʏ	ʊ̟	ʊ
Low	a		ɑ	

The difference between the high and mid vowels can be analyzed as a difference in length or as a tense/lax opposition: in that case we can count with two heights. Since the characteristics of this distinction play no role in vowel harmony, we do not deal with it. Although /ɑ/ is analyzed as an illabial vowel, it is realized as a labial vowel in the first syllable and slightly labialized in the further syllables. The low back vowel /ɑ/ is labial in the first syllable and slightly labialized in the following syllables except for the last (stressed) one (e. g. Zakiev, 1997, p. 359–360), in recent literature it is analyzed as a phonologically illabial vowel. In Dmitriev [Dmitriev, 1948, p. 7–8], we find that it is round, although he adds that its labialization was not typical for the Mesher dialect and the old dialect of Kazan.

Tatar has palatovelar harmony: front first vowels are followed by front vowels, back first vowels are followed by back vowels. Beside alternations /ɪ/ ~ /ʊ̟/, /ʏ/ ~ /ʊ/ and /a/ ~ /ɑ/, there seems also to be an alternation /i/ ~ /ʊ̟/, which is probably better to analyze as an /ɪ/ ~ /ʊ̟/ alternation. (However, if we accept this analysis, it is questionable whether /i/ is necessary in the vowel inventory, and should not we count with just 8 vowels. Another possibility is to suppose a high unrounded back vowel /ɯ/, which is realized as a diphthong /ʊ̟/. In that case, we have to count with 10 vowels.) There is no /u/ ~ /y/ alternation, since /u/ and /y/ do not occur in non-first syllables (and therefore in suffixes).

Mid vowels also trigger labial vowel harmony of other mid vowels (/ɪ/ ~ /ʏ/, /ʊ̟/ ~ /ʊ/), but high vowels do not [Bálint, 1877, p. 7; Litvinov, 1998, p. 37; Safiullina–Fatkhullova, 1999, p. 389; Safiullina, 2001, p. 7; Zakiev, 1997, p. 361]. Mid labialized vowels in non-first syllables of stems can only occur when they follow other mid labialized vowels. High labialized vowels only occur in the first syllables of stems.

Poppe [Poppe, 1963, p. 16] states that there is no labial harmony in Tatar, but probably he was misled by Tatar orthography, which uses letters otherwise marking illabial vowels in non-first syllables when the labiality of the vowels is predictable from the labiality of the vowels in the first syllable. It seems that Poppe was not fully aware of the specifics of marking vowels in Tatar orthography, since he writes that the soft sign indicates that *табигатъ* ‘nature, character’ is suffixed by palatal allomorphs, although it also signals that the last vowel is palatal (/tabigat/ – cf. Safiullina–Fatkhullova, 1999, p. 378), and it is the reason that it gets palatal suffixes. (However, his statement may be true for other cases, see below.) As the example shows, loanword stems can be exceptional to vowel harmony.

1.1.2. Bashkir

The Bashkir inventory of vowels and vowel harmony highly resemble those of Tatar. Dmitriev [Dmitriev, 1948, p. 7–8] analyzes the low back vowel as round and says we find the same vowel in Tatar. According to Yuldashev [Yuldashev, 1981, p. 41], /ɑ/ in non-stressed (non-last) syllables is not so clearly formed, which gives the illusion of labiality.

In some other cases it is also questionable whether the difference is between the languages or between the descriptions. I could not find an example for the /i/ ~ /ʊ̟/ alternation in the descriptions Bashkir, and only

some sources mention it in Tatar [Litvinov, 1998, p. 31; Safiullina, 2001, p. 17]; however, Zakiev [Zakiev, 1997, p. 361] does not mention this alternation in the description of vowel harmony, but he includes a diphthong-like high unrounded back vowel into the vowel system in paranthesis.

Dmitriev [Dmitriev, 1948, p. 39] states that the velar allomorph of suffixes occurs also after foreign stems with front vowels when they end in a non-palatalized consonant (in Bashkir, as in Tatar and Chuvash, consonants are palatalized when they precede or follow front vowels): /benzin-dũm/ 'petrol (gen.)' (instead of */benzin-din/), /teχnik-tar/ 'mechanics, technicians' (instead of */teχnik-tar/). He states the use of the velar allomorph in this position is typical for spoken language, while in writing harmonic forms are used. He also states that labial harmony does not work in foreign words either: /motor-θũn/ 'motor (gen.)' instead of */motor-θun/. However, the reason here can be that /o/, which occurs exclusively in foreign (Russian) words, is phonetically different from /ʊ/. I found no similar data on Tatar in the literature; however, I found the form plural genitive form бензиннарның /benzinnarnuŋ/ in Tatar Wikipedia, which shows that the phenomenon is present in Modern Tatar.

1.1.3 Chuvash

The Chuvash vowel inventory consists of 8 vowels. Krueger [Krueger, 1961, p. 70] suggests the following system:

	Front		Back	
	Unrounded	Rounded	Unrounded	Rounded
High (Long)	i	y	ɯ	u
Low	e	œ	ɑ	ɔ

Low rounded vowel are shorter and are dropped or pronounced as a schwa many times in fast speech (therefore they are called reduced). The roundedness of /ɔ/ is based on the fact that it is rounded when stressed [Krueger, 1961, p. 71], which seems to be a good argument at first sight. Krueger [Krueger, 1961, p. 72] also states that /œ/ has labial allophones, but it remains unclear in which circumstances. However, in most of the cases these phonemes are realized as unrounded. There are other arguments against the analysis of these vowels as labial by default. First of all, there is no reason why a low rounded vowel should be realized shorter than other ones. Moreover, there are dialects where there are two different front phonemes, one of which is realized as rounded, the other as unrounded – the latter has no place in the table above. Nonetheless, there is a „full” (never reduced) /o/ in Russian loanwords, the status of which can be analyzed as phonemic in Chuvash, which has no place in the table above either. Krueger's analysis does not account for the reduction and delabialization of the vowels given as low back here. Therefore, it seems that the analysis of Andreev [Andreev, 1997, p. 482] is better:

	Front		Back	
	Unrounded	Rounded	Unrounded	Rounded
High	i	y	ɯ	u
Mid	ə, e		ɤ	
Low			ɑ	

However, there is no clear reason of putting /ə/ and /e/ into the same cell: in that case, we find no phonemic difference between the two vowels. The /e/ ~ /ɑ/ alternation due to vowel harmony is also a good argument to put them into the same row, therefore I suggest the following system:

	Front		Back	
	Unrounded	Rounded	Unrounded	Rounded
High	i	y	ɯ	u
Mid	ə		ɤ	(o)
Low	e		ɑ	

Nonetheless, the difference between mid and low vowels seem to be rather in a tense/lax opposition than in height, therefore we can suggest that there is a rounded/unrounded opposition among high vowels and a tense/lax opposition between low vowels (with the exception of /o/, which is a real mid vowel).

In most of the cases, there is a stem internal palatovelar harmony in native stems. In suffixes, usually there is a palatovelar alternation due to the vowels of the stem between low vowels (/e/ ~ /a/, /ə/ ~ /ɤ/), although there are also suffixes which are always used with a palatal low vowel (e. g. /-ə/ 3rd person singular possessive suffix, /-sem/ plural suffix). The latter are always opaque (followed by palatal variants of alternating suffixes). I have found only one suffix with high vowel (/u/ ~ /y/ 2nd person singular possessive suffix), which is usually not mentioned in the description of vowel harmony in the grammatical sketches of Chuvash [Krueger, 1961, p. 74; Landmann, 2014, p. 3] but it is mentioned in Andreev [Andreev, 1997, p. 483]. Since /u/ does not occur in non-first syllables of words [Andreev, 1997, p. 482], we cannot find /i/ ~ /u/ alternation in suffixes. However, I could not find any suffixes either with a non-alternating /i/.

As in Tatar and Bashkir, Chuvash consonants are usually palatalized before and after (and, of course, between) palatal vowels. However, it is not the case in loanwords. For example, Krueger [Krueger, 1961, p. 77] mentions that foreign words like /техник/ ‘technician’ are suffixed by the velar variants of the suffixes alternating due to vowel harmony (unlike /старик/ ‘old man’, an older loanword, which ends in a /k/ palatalized by /i/). However, he mentions only words with a word final /k/, therefore one can suggest that /бензин/ will never be suffixed with the palatal variants of suffixes. Nonetheless, in Chuvash Wikipedia we find instrumental forms like бензинна /benzin-pa/ and not *бензинне /benzin-pe/. In Andreev [Andreev, 1997, p. 485] we find a dative form бригадира /brigadʲir-a/ instead of *бригадире /brigadʲir-e/ (which we would expect based on the vowels). Moreover, in Chuvash Wikipedia we find dative forms of словарь /slovarʲ/ ‘dictionary’ словаре /slovarʲ-e/, not *словаря /slovarʲ-a/, which shows that in these cases the last consonant of the stem triggers vowel harmony, independently of the qualities of the vowels in the stem.

We can also find palatalized consonant phonemes /lʲ/, /nʲ/, /tʲ/ in native Chuvash words. When they stand at the end of the stem, the palatal allomorph of suffixes alternating due to vowel harmony follow them: dative form супӑне /supɤnʲe/ (*супӑня /supɤnʲa/) of супӑнь /supɤnʲ/ ‘soap’ [Sergeev, 2007].

1.2. Uralic languages

All the Uralic languages spoken in the Volga–Kama area belong to the Finno-Permic branch of the Finno-Ugric group of Uralic languages. Udmurt belongs to the Permic branch with Komi (Komi-Zyryan and Komi-Permyak): although Udmurt and the Komi are not mutually intelligible, their resemblance is unambiguous. Mari is more closely related to Erzya and Moksha than the Permic languages, but Erzya and Moksha are more closely related to Finnic languages (as Finnish or Estonian) and Saami than Mari. Mari is considered to be one language with two standards, Hill Mari and Meadow Mari: in fact, the two standards are based on two dialects of the dialect continuum. Even the two ends of the continuum preserved a relatively high degree of mutual understandability. The Mordvinic languages, Erzya and Moksha are considered to be closely related but different languages: earlier they were considered variants of the Mordvin language. They are mutually intelligible at a certain degree, and there are even transitional dialects between them, but their speakers identify themselves as members of different communities. Despite the relatively close relatedness of the Mordvinic, Finnic and Saami languages, they are not mutually understandable at all.

The Mordvinic, the Mari and the Permic languages are relatively distantly related, and they exhibit very different kinds of harmony. These differences are quite great not just among, but also inside the different groups, or even between dialects of the same language.

1.2.1. Erzya

Erzya has just five vowels:

	Front	Back
High	i	u
Mid	e	o
Low		ɑ

All vowels trigger alternation /e/ ~ /o/, which means that it is not clear whether it is a case of labial or palatovelar harmony. Since the unrounded back /ɑ/ is followed by rounded back /o/, we can conclude that it is a case of palatovelar harmony. Moreover, even (stem final) palatalized consonants can trigger the selection of /e/, which is another argument for having palatovelar harmony in Erzya.

However, in Erzya, we cannot speak about vowel harmony: we should rather speak about complex CV harmony. We have seen that in the Turkic languages of the region consonants can influence vowel harmony.

There these cases are quite peripheral, solely occurring in foreign words. In Erzya, however, these phenomena are more widespread, even native words are affected.

In Erzya, there is a phonemic distinction between palatalized and non-palatalized coronal consonants. When a front vowel follows a non-palatalized consonant, the vowel is pronounced somewhat retracted (as Russian *ы*, but not just the high but also the mid vowel). Back vowels can follow palatalized consonants, but there is no considerable advance in their pronunciation in this case. Non-coronal consonants are never palatalized phonemically, but are palatalized phonetically in the neighborhood of front vowels.

The complexity of CV harmony can be demonstrated with the following cases (based on Keresztes, 1990, p. 37):

- both triggers and targets are vowels: /kudo-so-nzo/ ‘in his/her house’: /vel^ʲe-se-nze/ ‘in his/her village’;
- both triggers and targets are consonants: /kal-t/ ‘fish (plural)’: /kal^ʲ-t^ʲ/ ‘willows’;
- triggers are vowels but targets are consonants: /kudo-t/ ‘houses’: /vel^ʲe-t^ʲ/ ‘villages’;
- triggers are vowels and targets are both vowels and consonants: /kudo-vtomo/ ‘without (a) house’: /vel^ʲe-vt^ʲeme/ ‘without (a) village’;
- triggers are consonants and targets are both vowels and consonants: /kal-do/ ‘from (a) fish’: /kal^ʲ-d^ʲe/ ‘from (a) willow’.

There are some suffixes with non-alternating vowels: /i/, /a/ and even /e/. In Standard Erzya, /u/ is very rare in non-first syllables, and it never emerges in suffixes. However, there are dialects, where we find an /i/ ~ /u/ alternation instead of the /e/ ~ /o/ alternation of Standard Erzya. In other dialects, there is no harmony at all: instead of non-first syllable Standard Erzya /e/ and /o/, we find a schwa-like vowel.

In some dialects of Erzya, we can find another kind of harmony beside the palatovelar one: height harmony [Cyganov, 1959, p. 71–72]. There are two kinds of height harmony: progressive and regressive. In some dialects spoken along the river Sura and its tributaries, we find /i/ ~ /u/ alternation as default, but /e/ ~ /o/ alternation after /e/ and /o/. This is a kind of progressive assimilation. In some other dialects, /e/ ~ /o/ alternation is the default, but there is /i/ ~ /u/ alternation before /a/. Cyganov speaks about regressive assimilation. Although it is certainly regressive, it should rather be considered dissimilation: it increases the difference between the vowels following each other.

1.2.3. Moksha

Moksha has 7 vowels:

	Front	Back
High	i	u
Mid	e	o
Low	a	ɑ
Reduced	ə	

In Moksha, we find no /e/ or /o/ in non-first syllables: where we find these vowels in Standard Erzya, we find /ə/ in Moksha. In non-first syllables of stems we find /u/ only before /f/ and /v/, /i/ only before /j/ (which can be deleted at the end of the stem). In non-first syllables, we usually find low or reduced vowels. In suffixes, there are palatovelar alternations /a/ ~ /ɑ/ and /i/ ~ /u/, but they can be triggered exclusively by consonants: /kal-ga/ ‘by/along (a) fish’: /kal^ʲ-ga/ ‘by/along a willow’; /kud-u/ ‘into (a) house’ ~ /vel^ʲ-i/ ‘into (a) village’. The reduced vowel /ə/ also has back and front allophones, but its quality depends on the consonants next to it, not on the other vowels in the word.

We can conclude that there is no vowel harmony in Moksha.

1.2.4. Hill Mari

In the Standard Hill Mari vowel inventory we find 10 vowels:

	Front		Back	
	Unrounded	Rounded	Unrounded	Rounded
High	i	y		u
Mid	e	ø		o
Low	a		ɑ	
Reduced	ə		ɤ	

In Hill Mari we find palatovelar harmony. In native stems we have only back vowels (/u/, /o/, /ɑ/ and /ɤ/) or front vowels (/y/, /ø/, /a/ and /ə/). Two vowels, /i/ and /e/, which are phonetically front, play a kind of neutral role: they can also follow back vowels. However, they can be followed exclusively by front vowels (including /i/ and /e/) even in cases when they follow back vowels: they are opaque for vowel harmony [Alhoniemi, 1985, p. 21].

In suffixes we find two kinds of alternations due to vowel harmony: /a/ ~ /ɑ/ and /ə/ ~ /ɤ/. Although the alternation of rounded vowels would also be possible, these vowels do not occur in suffixes. There are only a few exceptions when we find non-alternating /a/, /ɑ/ or /ɤ/ in suffixes (see: Alhoniemi, 1985, p. 22).

1.2.5. Meadow Mari

Standard Meadow Mari has 8 vowels:

	Front		Back	
	Unrounded	Rounded	Unrounded	Rounded
High	i	y		u
Mid	e	ø		o
Low			ɑ	
Reduced	ɤ			

If we compare the Meadow Mari vowel inventory with that of Hill Mari, we see that the two missing vowels are the ones which take part in alternation due to vowel harmony in the two alternating pairs of Hill Mari. Therefore Meadow Mari cannot have such vowel harmony as Hill Mari has, we find a completely different kind of word harmony here.

The target of this vowel harmony is always a word final vowel (it can be either stem final or suffix final), which word internally always emerges as /ɤ/. In a word final position it always emerges as a mid vowel. As a result of a complex labio-palatovelar harmony, it can be /e/ (after unrounded vowels /i/, /e/ or /a/), /o/ (after rounded back vowels /u/ or /o/) or /ø/ (after rounded front vowels /y/ or /ø/). If the word final vowel is preceded by another /ɤ/, the nearest preceding vowel will count (and the quality of /ɤ/ or /ɤ/s between the last full vowel and the word final vowel will not change): /kudo/ ‘hut’ : /kudɤ-ʒo/ ‘his/her house’ or ‘the house’ : /kudɤ-ʃto/ ‘in (a) house’ : /kudɤ-ʃtɤ-ʒo/ ‘in his/her house’ etc. If there are no other vowels but /ɤ/ in the word, the word final vowel will be /e/: /jɤlmɤ-ʃtɤ-ʒe/ ‘in his/her language’. Since stress falls on the last syllable containing a (non-alternating) full vowel, the domain of harmony is always begins with the stressed vowel and ends with the final vowel of the word, and only /ɤ/s can stand between them (Sebeok–Ingemann 1961, 10–11). However, in foreign words stress can fall on other vowels, and then the vowel of the last and not the stressed syllable will determine the quality of the word final vowel: /'awgust-ɤʃto/ ‘in August’, /'pol'e-ʃte/ ‘on (a) (football) field’, /'tartu-ʃto/ ‘in Tartu’ [Isanbaev, 1975, p. 25, Riese et al., 2017, p. 40].

1.2.6. Mari dialects

Standard Hill Mari is based on the dialects spoken around Kozmodemyansk and Standard Meadow Mari is based on the dialects spoken around Morki and Shernur. Dialects located between the dialects of the two standards, spoken around Yoshkar-Ola, lack vowel harmony [Berezcki, 1990, p. 12–14]. (The minimal differences in the phoneme inventories of dialects do not play a considerable role in harmony, thus these are not discussed here.)

In the Northwest dialect (which is quite similar to the dialect the Standard Hill Mari is based on), spoken mostly outside of the Mari El, we also find labial harmony resembling that we find in Meadow Mari. The only considerable difference is that /ɤ/ and /ə/ do not change into /e/ after illabial vowels. However, between these two areas we find the dialects which completely lack vowel harmony (Ivanov–Tuzharov 1970, 51–54). Since it seems to be unlikely that labio-palatovelar harmony has been lost in the territory in between (and probably in Hill Mari), we have to suppose that it is a result of independent development in the two different dialectal territories.

<i>Northwest</i>			
<i>Hill(–Forest)</i>	Yoshkar-Ola	Central	Vyatka–Ufa

A scheme of main Mari dialects (based on: Berezcki, 1990, p. 16). Italics: dialects with palatovelar harmony; bold: dialects with labial harmony.

In the Eastern dialects (spoken in Northwest Bashkortostan and the neighboring territory) we also find both kinds of vowel harmony. Moreover, labio-palatovelar harmony targets not only the final vowel, but also the /ɤ/s (and /ə/s) in-between and vowels in closed syllables: however, they change into /u/ (and not /o/) after /u/ and /o/ and into /y/ (and not /ø/) after /y/ and /ø/. It seems that reduced vowels remain unchanged after

illabial vowels. In the Eastern dialect /i/ can be followed by /a/ (/witʃa/ ‘bread’) (c.f. Galkin et al., 1960, p. 18; Isanbaev, 1975, p. 22) or /ɣ/ (/kiʃkɣm/ ‘snake (acc.)’ – Beke, 1961, p. 280). Since there is much less information available on dialects and dialectal variations than on standard variants, I will ignore Mari dialects in the following.

1.2.6. Tatyshly Udmurt

In most variants in Udmurt, we find no vowel harmony (which is also true for other Permic languages: Komi-Zyryan, Komi-Permyak and Komi-Yazva). According to Kelmakov [Krlmskov, 1998, p. 72–73], palato-velar vowel harmony can be found in the Tatyshly, Krasnoufimsk and Tashkichi subdialects (govors) of the so-called Peripheral Southern dialect of Udmurt. Peripheral Southern dialect is spoken outside Udmurtia, in Mari El, Tatarstan, Bashkortostan, Perm and Sverdlovsk oblasts. Peripheral Southern dialect has about nine subdialects – Kelmakov [Kelmakov, 1998, p. 42–43] lists seven of them, but we can also speak about the unmentioned Tashkichi and Shagirt dialects –, spoken far from each other, having different features on all the levels of linguistic description. However, they share some common features, and they are all highly influenced by other languages: their speakers are usually multilingual, beside Udmurt and Russian they also speak other local languages (mostly Mari and/or Tatar).

Tatyshly and Krasnoufimsk dialects are reported to have vowel harmony has 10 vowels [Kelmakov, 1998, p. 61]:

	Front		Back	
	Unrounded	Rounded	Unrounded	Rounded
High	i	y		u
Mid	e	ø		o
Low	a		ɑ	
Reduced	ə		ɤ	

Kelmakov [Kelmakov, 1998, p. 72–73] describes only Tatyshly vowel harmony based on his on article [Kelmakov, 1975]. According to this, we find neither /ø/, /u/ or /y/ occur in non-first syllables. In stems, the vowels of the first syllable may determine the quality of the following vowel at different degrees:

First syllable	Second syllables
ɑ, o, u, ɣ, e	ɑ, ɤ
ø	ɑ, ə ~ ɤ
i	a ~ ɑ, ə ~ ɤ
y	a ~ ɑ, ə
a, ə	a, ə

- back vowels and /e/ are consequently followed by back variants of low and reduced vowels;
- non-high, non-low labial front vowel /ø/ determines the backness of low vowel, but allows free alternation of the reduced vowels;
- high illabial /i/ vowel allows free alternation of both low and reduced vowels;
- high labial front vowel /y/ determines the frontness of reduced vowel, but allows free alternation of low vowels;
- front low and reduced vowels /a/ and /ə/ are consequently followed by front variants of low and reduced vowels.

However, Kelmakov [Kelmakov, 1975, p. 36] adds that /a/ is usually followed by /a/ in Tatar loanwords and just exceptionally in native Udmurt words, where usually /a/ is followed by /ɑ/ rather than /a/. Cases when /ə/ follows /a/ or /ə/ are very few and it always happens in Turkic loanwords. Moreover, tendencies of vowel harmony can be disturbed by consonants: instead of an expected /ɑ/, /a/ can occur after or before palatal consonants and after /r/ [Kelmakov, 1975, p. 37].

There are some suffixes with /ə/ ~ /ɣ/ alternation, but there are some others which are always used with /ɣ/. In suffixes /ɑ/ never alternates with /a/ due to vowel harmony [Kelmakov, 1975, p. 39].

Since vowel harmony plays a very restricted role in morphophonology, and most of the cases which show traces of vowel harmony in the first two syllables of stems appear in Turkic loan stems, Kelmakov [Kelmakov, 1975, p. 41–42] emphasizes that we can only find some elements of vowel harmony in the Tatyshly dialect, but it functions in a very limited way.

As for the Krasnoufimsk dialect, its most extensive description (Nasibullin 1978) does not contain anything on vowel harmony. Since this dialect is extinct in all probability, we have to rely on very restricted remaining material on it in the future.

2. Typological features

Below, I give an overview of the most important features which show the differences between the vowel harmonies of the Volga–Kama region. Only those features are taken into account which are distinctive between at least two languages of the region. For example, as in Hill Mari, *i* and *e* kind vowels can be combined with back vowels in the stem, similarly to Finnish and Hungarian. However, in Finnish, if *i* and/or *e* follows back vowel(s), the back allomorph of the suffix will be used (some foreign words can be exceptions, where alternation is allowed: partitive singular *adverbia* ~ *adverbiä*). In Hungarian, however, the situation is much more complicated, but in some cases back, in some other cases front allomorphs are used, and many times we find alternations. This is an important difference between the similar phenomena of Hill Mari, Finnish and Hungarian, but is not reflected in the following table, because there is no similar difference between the languages of the region.

My aim is to explore whether there are or there are no similar vowel harmonies which could have emerged due to language contact. Therefore:

- I summarize the data in a table, the comments and explanation to which come after it. This way it is easier to notice differences and similarities.

- Since the aim is the comparison of vowel harmonies, I ignore languages lacking vowel harmony (Moksha, Mari dialects without vowel harmony, Standard Udmurt and most of the dialects). Dialects are ignored for the lack of detailed description of vowel harmony in them. The only exception in Tatyshly Udmurt, of which we have a relatively thorough description and which is extremely interesting from the point of view of language contact. Mari dialects would be also worth considering; however, they show just varieties of the phenomena present in the examined standards. Erzya dialects deserve extreme attention for height harmony, but since this phenomenon is not reported in any other languages of the area, it is out of the scope of my interest. Since Tatar and Bashkir vowel harmony shows no considerable difference (except for the /i/ ~ /i̯/ alternation in Tatar, not reported for Bashkir) and their similarity is due to common heritage, not contact, I will take them as one language.

- To present the possibilities of contact, I will enumerate languages in the table not due to origin but from West to East. Of course, any order is quite inadequate, since language territories overlap, they changed over time (today Chuvash and Udmurt territories are far from each other but earlier there was strong contact between the two languages) and for example all the languages were influenced by Tatar. My compromise solution is this order: Erzya, Chuvash, Hill Mari, Tatar-Bashkir, Meadow Mari and Tatyshly Udmurt.

In features when I count vowels, I ignore vowels which occur exclusively in new (Russian) loanwords. Abbreviations are resolved in the text below the table.

Language / feature	Erzya	Chuv.	H. Mari	Tat./Bash.	M. Mari	Tatyshly Udm.
1. LH	!	–	–	+	+	–
2. LH triggers				m	hm	
3. LH targets				m	m	
4. LH pairs	0/0	0/2	0/2	2/3	1/2	0/2
5. LH same height constraint				(+)	(–)	
6. LH/PH dominance				–	LH	
7. PH triggers	5/5	8/8	10/10	9/9	4-7/8 (4/4)	6-8/10
8. PH targets	m	ml/rl	rl	a	m	r
9. PH pairs	1/0	2/4	2/4	3(4?)/4	1/2	1/4
10. PH in stems	–	+	+	+	–	–
11. Consonants in PH	*	+	–	(+)	–	–

2.0. Palatovelar (front/back) harmony (PH)

All languages in the area exhibiting vowel harmony exhibit front/back harmony, therefore the lack or presence of palatovelar harmony is not included in the table as a feature. However, it is worth mentioning, because it connects the languages of the area.

2.1. Labial (roundness) harmony (LH)

Contrary to palatal harmony, labial harmony occurs just in some of the languages of the area: Tatar/Bashkir and Meadow Mari: – means the absence, + the presence of vowel harmony. Erzya is a special case, since the /e/ ~ /o/ alternation could also be the result of labial harmony, but it is triggered by the palatality/velarity of vowels (and palatalization of consonants). Empty cells show that the feature is not interpretable in the language: in this case, because of the lack of labial harmony.

2.2. Triggers of labial harmony

Not all the vowels must trigger labial harmony even in languages where this kind of harmony exists. In the table, **m** stands for mid vowels, **h** for high vowels.

2.3. Targets of labial harmony

Not all vowels alternate due to labial harmony. Here **m** stands for mid vowels again. However, we have to remember that Tatar/Bashkir mid vowels are shorter than the other vowels of the language (which is not true for Meadow Mari), therefore they can be analyzed also as reduced (lax?) vowels. Therefore the same value in the cells may be misleading.

2.4. Pairs in labial harmony

This feature presents the last phenomenon from another point of view: how many of the potential alternating pairs of the vowel system really show alternation. Potential alternating pairs are the vowels which show difference exclusively in labialization. In Tatar/Bashkir, we find three such pairs: /y/ ~ /u/, /ɪ/ ~ /ʏ/ and /ü/ ~ /ʊ/, but only the last two show alternation. In Meadow Mari, we find two such pairs: /y/ ~ /u/ and /ø/ ~ /o/, but only the last alternation is attested. (In Eastern dialects both are attested but in different position: /ø/ ~ /o/ alternation in the word final position and /y/ ~ /u/ alternation inside the word. This feature can also be interesting for languages lacking labial harmony: Chuvash, Hill Mari and Tatyshly Udmurt have two-two pairs of vowels which could alternate due to vowel harmony, but they do not. On the contrary, Erzya lacks labial harmony since there are no two vowels which would differ only in labiality. (However, the causal relation is questionable here since Erzya also lacks vowels which would differ only in frontness/backness, but does not lack alternation due to frontness/backness.)

2.5. Same height constraint in labial harmony

This feature refers to the last three features from a new point of view: do vowels trigger labial harmony if and only if the trigger and target vowels are of the same height? For Tatar/Bashkir (+) stands since the alternation of the mid vowels is triggered exclusively by mid vowels (however, alternation of high vowels is not triggered by high vowels: in this case, the feature would be +.) For Meadow Mari, (–) is based on the fact that both high and mid vowels trigger alternation of mid vowels; however, the alternation of high vowels cannot be triggered either by high or mid vowels. If both high and mid vowels would trigger the alternation of both high and mid vowels (as in Hungarian), the value would be –.

2.6. The dominance of labial or palatovelar harmony

In some cases, labial and palatovelar harmony can contradict each other. For example, in Meadow Mari, when /a/ is followed by a mid vowel, labial harmony requires /e/ and palatovelar harmony requires /o/. In this case, labial harmony is dominant: *ola-fie* (**ola-fio*) ‘in (a) city/town’. In Hungarian, in a very similar alternation, the case is the opposite: *ház-hoz* (**ház-hez*) ‘in a house’. The difference can be interpreted that in Meadow Mari, labial harmony is dominant while in Hungarian palatovelar harmony is dominant. (This kind of dominance independent of the frequency or number of kinds of alternations due to the different kinds of vowel harmony. Beside /ø/ ~ /o/ and /y/ ~ /u/, Eastern Mari also exhibits alternations /a/ ~ /ɑ/ and /ə/ ~ /ɛ/ due to palatovelarity, but just /e/ ~ /o/ and /e/ ~ /ø/ due to labiality: four vs. two alternations. However, labial alternation is dominant in the presented sense even in Eastern Mari.)

Since we have a four way alternation /ɪ/ ~ /ü/ ~ /ʏ/ ~ /ʊ/ in Tatar/Bashkir, where the two kinds of alternations do not conflict, we cannot speak about the dominance of any of the two alternations.

2.7. Triggers in palatovelar harmony

Contrary to labial harmony (2.2), other features play no strict role in determining the list of vowels triggering palatovelar harmony: therefore it is easier to count them. In most of the languages, all vowels trigger vowel harmony: front stem vowels are followed by front vowels, back stem vowels are followed by back vowels in suffixes alternating due to harmony. (In some languages, the same constraint pays also in stems, see 2.10.)

Meadow Mari is a complicated case. Velar /a/ clearly does not trigger vowel harmony, since it is followed by palatal /e/ in alternating suffixes (remember the example *ola-fie* (**ola-fio*) ‘in (a) city/town’). Palatal /e/ seems to trigger harmony since it is followed by palatal /e/ in alternating suffixes; however, not because it is

palatal but because it is illabial. In the case of /ɣ/, it is not easy to decide whether it is a palatal or a velar vowel, since it is not palatolabial contrast, its pronunciation highly depends on the surrounding consonants and many times strongly reduced, even dropped. It seems reasonable to count only those vowels which trigger labializing, and all of them also trigger palatovelar harmony.

Tatyshty Udmurt is also a complicated case, but for another reason. Velar vowels /ɑ/, /o/, /u/, and /ɣ/ are always followed by velar vowels /ɑ/ and /ɣ/, palatal vowels /a/ and /ə/ are always followed by palatal vowels /a/ and /ə/, therefore these six vowels clearly trigger vowel harmony. Palatal vowel /e/ is always followed by velar vowels /ɑ/ and /ɣ/, therefore it is clearly a vowel not triggering vowel harmony. The remaining three vowels do not belong to such clear categories, and they are also different from each other. The palatal vowel /y/ triggers vowel harmony of reduced vowels, since it is followed by /ə/, not /ɣ/; however, it can be, but not necessarily followed by low palatal /a/, it can be followed also by low velar /ɑ/. The palatal vowel /ø/ does not trigger the harmony of low vowels, since it must be followed by /ɑ/, not /a/; on the other hand, it can be, but is not necessarily followed by reduced palatal /ə/, it can also be followed by low velar /ɣ/. The palatal vowel /i/ does not trigger either harmony or antiharmony in any case. So, among the ten vowels, six trigger harmony, one triggers antiharmony, and three of them are ambiguous: one of the three rather triggers harmony (/y/), one rather triggers antiharmony (/ø/), and one (/i/) does not trigger either harmony or antiharmony, but simply allows both of them. However, since /ɑ/ ~ /a/ alternation is not attested in suffixes and their harmonicity seems to be controversial inside stems. Therefore it is enough to take the /ə/ ~ /ɣ/ alternation into consideration: in that case /y/, /ø/ and /i/ are ambiguous in the same way.

2.8. Targets in palatovelar harmony

In Tatar/Bashkir, all vowels are targets of palatal harmony. However, /u/ and /y/ do not occur in non-first syllables, and in Tatar /i/ (/i/) alternates with /i̯/, therefore one can argue that there is no alternation between high vowels.

In Erzya and Meadow Mari only mid vowels can be targets. However, there are Erzya dialects where only high vowel can be targets or where both high and mid vowels can be targets (depending on different circumstances). Chuvash and Hill Mari are similar in that both reduced and low vowels can be targets: however, while in Hill Mari there is a clear opposition between mid and reduced vowels, Chuvash reduced vowels can be analyzed as mid vowels. This means that if we analyze these vowels as reduced, we cannot say that mid vowels do not take part in vowel harmony (since in that case there are no mid vowels in Chuvash). In Tatyshty Udmurt, only reduced vowels are real targets of vowel harmony.

2.9. Pairs in palatovelar harmony

In Tatar/Bashkir we find 4 potential alternations, but there is no alternation /u/ ~ /y/, and at least in Tatar there is an alternation /i/ ~ /i̯/, which is not obvious due to the vowel system. In most of the cases, just about the half of the potentially alternating stems alternate, in Tatyshty Udmurt, just the quarter. Erzya is interesting since the alternating pair is potentially non-alternating, since they also differ in labiality. (If we analyze the low velar Tatar/Bashkir vowel as labial, we find a similar problem.)

2.10. Palatovelar vowel harmony inside stems

In all the examined languages we can find a common phenomenon: at least some of the suffixes alternate according to the vowels inside the stem: the suffix must contain (a) vowel(s) belonging to the same category as the vowels (or at least one prominent vowel) of the stem. In some of these languages there is also a strong tendency that the vowels of the stem must belong to the same class: the exceptions are mostly foreign words. This tendency is clear for the Turkic languages and Hill Mari, but not for the others. However, this is rather a gradual than a binary phenomenon.

2.11. The role of consonants in palatovelar harmony

As we have seen, the palatalization of consonants plays an important role in the Turkic languages of the area. In Tatar/Bashkir, palatalized consonants are just allophones of non-palatalized ones which occur in words with front vowels. If we observe exclusively native words, we do not have to count with these allophones, we do not have to consider that they play any role in vowel harmony (similarly to Hungarian or Finnish). However, if we consider the behavior of foreign words, where palatalization is not an automatic process, we have to notice that palatalized consonants play an important role in spreading palatality (palatality agreement of neighboring elements, licensing palatality etc. depending on the theoretical frame). Since their role is obvious only from cases not typical for the language, it is marked by (+).

In Chuvash, we find the same phenomenon also with native words, since although palatalization of consonants is automatic in the neighborhood of front vowels, palatalized consonants also occur in the neighborhood of back vowels (they are phonemes). This case is marked by +.

In Erzya, we find automatic palatalization only with non-coronal consonants. Coronal non-palatalized consonants not just stay non-palatalized, but vowels following them are velarized. However, palatalization through vowels can be triggered by a palatalized consonant phoneme (as in *kal^l-d^le* ‘from (a) willow’), but vowel harmony can “go through” non-palatalized consonants (as in *vel^le-se-nze* ‘in his/her village’). This case is marked by *.

In other languages, there are no reported cases where consonants interact with vowel harmony. (Tatyshly Udmurt could be a case like this, but there are no clear rules there.)

3. Potential influence

In the case of vowel harmonies in the Volga–Kama area, we have to take into consideration the influence of Turkic languages on the Finno-Ugric ones. Not simply because the Turkic languages were the more prestigious ones and usually these influenced the others (influences of the opposite direction are also known), but because it is undisputable that Turkic languages have strongly preserved the vowel harmony of the proto-language. This is true first of all to Tatar and Bashkir. In Chuvash, old Turkic front vowels have developed into back vowels, compare Chuvash *văkăp* /vɤkɤp/ ‘bull’, Tatar *γez* /yɤz/ ‘bull’, Bashkir *γez* /yɤz/ ‘bull, ox’; however, Hungarian *ökör* ‘ox’, an *r*-Turkic loanword shows that the Bulgaric branch also had front vowel in the word.

According to Keresztes [Keresztes, 2011, p. 34], Pre-Mordvinic non-first syllable **a* (/a/) had developed into /ɤ/ and Pre-Mordvinic **ä* (/ä/) had developed into /ə/, and later these developed into /o/ and /e/ (in dialects /u/ and /e/), respectively. He also states that Moksha preserves the state with /ɤ/ and /ə/; nonetheless, he counts it as one phoneme with two allophones, the quality of which only depends on the neighboring consonants ([Keresztes, 2011, p. 17]; cf. also: Keresztes, 1990, p. 23–24), which is certainly not true for Erzya /e/ and /o/. Bartens [Bartens, 1999, p. 60] states that there exists an irregular Moksha form /piz^lɤl/ ‘rowan’ (Erzya /piz^lol/). If it were true, we had to differentiate /ɤ/ and /ə/ as phonemes. Nonetheless, the word is /piz^lɤl/ according to Juhász [Juhász, 1961, p. 124]. However, taking everything into account, Keresztes states that Erzya vowel harmony, although in a changed form, is inherited from Proto-Uralic vowel harmony.

Cyganov [Cyganov, 1959, p. 72] states that dialects having /u/ ~ /i/ alternation preserved the original Proto-Mordvin vowel harmony, and all other kinds of vowel harmonies (and the lack of vowel harmony) has developed from that type. Neither Keresztes nor Cyganov argue for their own version of development. I cannot see any reason for accept this or that supposition.

As we have mentioned above, Bereczki [Bereczki, 1983, p. 213] states that palatovelar harmony in Hill Mari and Eastern Mari developed due to the influence of Turkic languages – however, he does not argue for it. One could also imagine that Hill Mari preserved Proto-Uralic vowel harmony in a modified form. An argument for it can be if in words of Uralic/Finno-Ugric origin, most of Hill Mari front vowels corresponded to Proto-Uralic/Finno-Ugric front vowels, back vowels to back vowels. This can be checked with the help of the database published in Csúcs et al. (1991). For comparison, we make the same statistics for Finnish and Hungarian (which certainly preserved vowel harmony) and Udmurt (which certainly lost it). We also make the same statistics for Erzya. For Hill Mari, we chose the Kozmodemyansk (Hill) dialect, for Udmurt, the Sarapul dialect, since these are the closest to the modern standard. Hungarian and Erzya dialects are not separated. The percentages in the table show how many stems preserved backness/frontness. Numbers in parentheses show the exact number of the cases (remained/changed). Cases when recent forms have both front and back variants are ignored.

	Finnish	Hungarian	Erzya	Hill Mari	Udmurt
* <i>a</i>	97 % (64/2)	60 % (15/10)	93 % (40/3)	86 % (32/5)	89 % (25/3)
* <i>ä</i>	93 % (28/2)	100 % (36/0)	100 % (22/0)	84 % (22/4)	44 % (14/18)
* <i>e</i>	100 % (39/0)	97 % (45/1)	100 % (27/0)	100 % (22/0)	23 % (9/31)
* <i>ɛ</i>	–	–	0 % (0/1)	0 % (0/1)	0 % (0/2)
* <i>i</i>	100 % (35/0)	95 % (19/1)	87 % (21/3)	100 % (17/0)	63 % (12/7)
* <i>o</i>	100 % (50/0)	84 % (38/7)	94 % (33/2)	92 % (23/2)	86 % (31/5)
* <i>u</i>	100 % (60/0)	94 % (53/3)	100 % (37/0)	90 % (30/3)	85 % (29/5)
uncertain back	100 % (15/0)	84 % (21/4)	100 % (14/0)	80 % (16/4)	71 % (27/11)
uncertain front	100 % (37/0)	97 % (35/1)	84 % (26/5)	90 % (29/3)	20 % (7/27)

	Finnish	Hungarian	Erzya	Hill Mari	Udmurt
2 nd syll. *a (*e/*a)	91 % (83/8)	100 % (1/0)	92 % (54/5)	46 % (13/15)	50 % (1/1)
2 nd syll. *ä	100 % (44/0)	–	87 % (27/4)	100 % (15/0)	50 % (1/1)
Total	97 % (455/12)	90 % (263/27)	93 % (301/23)	86 % (219/37)	58 % (156/111)

It seems that Hill Mari preserved the frontness/backness of vowels in inherited words almost to the extent Hungarian did (and Erzya even better than Hungarian). The only change which seems to be systematic is that *a is reflected with an e in most of the cases in contemporary Hill Mari (and other Mari dialects). Although /e/ is a neutral vowel in Hill Mari in the sense that it can follow even back vowels (and does not take part in alternation due to vowel harmony), it can be followed only by front vowels. Anyway, the vowel harmony in Hill Mari could not collapse so drastically as in Udmurt (and generally in Permic). We could suppose that vowel harmony once was lost in (Proto-)Mari like in Estonian, by the neutralization of the vowels in non-first syllables (*a, *ä > a; *u, *ü > u etc.), and later it developed again due to the influence of Turkic languages. However, it is difficult to prove if it is not documented; and it is unnecessary to suppose loss and emergence of a phenomenon if we can suppose that neither happened.

Moreover, there are other arguments against that Mari palatovelar harmony has developed under Turkic influence. As we have seen above, consonants play a certain role in Chuvash, Tatar and Bashkir vowel harmony, but we found no trace of that in Mari. (However, although consonants interact with vowel harmony in a rather different way in Erzya (and Moksha) harmony, it is possible that Chuvash or Tatar influence played some role in the emergence of this phenomenon.) Moreover, it is also present in the Northwest dialect of Mari, which had the weakest contact with Turkic languages, while it is absent from dialects which had stronger contact with Chuvash and Tatar. Nonetheless, we cannot exclude the possibility that the more intense vowel harmony in Eastern Mari dialects is not completely independent of Turkic influence.

Kelmakov [Kelmakov, 1975] has demonstrated convincingly that the elements of vowel harmony in Tatyshly Udmurt have developed as a result of Turkic (Tatar) influence. Anyway, we have to emphasize that this fact does not mean that Tatyshly Udmurt has adopted Tatar vowel harmony, the two harmonies are quite different from each other.

4. Conclusion

We have to claim that vowel harmony is not an areal feature of the Volga–Kama region. Although we can find palatovelar harmony at least in some dialects of all languages in the region (except for Moksha, but it also has a related phenomenon), these vowel harmonies fundamentally differ from each other. Where we find similarities, they are the result of common heritage (especially between Tatar and Bashkir, and partially Chuvash). In some cases, we can suppose some kind of influence (Tatar, Chuvash → Erzya, Moksha; Tatar, Bashkir → Eastern Mari; Tatar → Tatyshly Udmurt, Eastern Mari → Krasnoufimsk Udmurt), but it never means the adaptation of the vowel harmony of the other language, but rather an interference in phonotactics caused by the neighboring language.

To investigate the possibility and the way of such influences, we have to compare the neighboring dialects of different languages. Anyway, the result will hardly change our general conclusion that vowel harmony is not an areal feature of the Volga–Kama area.

References

- Alhoniemi, Alho (1985): *Marin kielipoppi. Suomalais-ugrilainen Seura, Helsinki.*
- Andreev (1997): Андреев И. А.: Чувашский язык. In: Языки мира. Тюркские языки. Издательство «Индрик», Москва, 480–491.
- Bálint (1877): Szentkatolnai Bálint Gábor: *Kazáni-tatár nyelvtan.* MTA, Budapest.
- Bartens, Raija (1999): *Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys.* Suomalais-ugrilainen Seura, Helsinki.
- Beke Ödön (1961): *Mari szövegek. IV. kötet.* Akadémiai Kiadó, Budapest.
- Berezki Gábor (1983): *A Volga–Káma-vidék nyelveinek areális kapcsolai.* In: *Areális nyelvészeti tanulmányok.* Szerk. Balázs János. Budapest, Tankönyvkiadó. 207–236.
- Berezki Gábor (1990): *Chrestomathia ceremissica.* Budapest, Tankönyvkiadó.
- Csúcs, Sándor – Honti, László – Salánki, Zsuzsa – Varga, Judit: *Statistik der Uralischen Lautensprechungen.* A Magyar Tudományos Akadémia Nyelvtudományi Intézete.
- Cyганов (1959): Цыганов, Н. Ф.: К вопросу классификации диалектов эрзя-мордовского языка. In: *Совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков.* Академия Наук СССР, Институт языкознания, Москва. 70–72.
- Dmirtiev (1948): Дмитриев, Н. К.: *Грамматика башкирского языка.* Издательство Академии Наук СССР, Москва–Ленинград.
- Galkin et al. (1960): Галкин, И. С. – Исанбаев, Н. И. – Пенгитов, Н. Т. – Барцева, З. Ф.: *Современный марийский язык. Фонетика.* Марийское книжное издательство, Йошкар-Ола.
- Isanbaev (1975): Исанбаев, Н. И.: *Гармония гласных и ее виды в марийском языке.* In: *Вопросы марийского языкознания. Сборник статей к 60-летию со дня рождения профессора Н. Т. Пенгитова.* Марийский научно-исследовательский институт, Йошкар-Ола.
- Ivanov–Tuzharov (1970): Иванов, Н. Г. – Тужаров, Г. М.: *Северно-западное наречие марийского языка.* Марийское книжное издательство, Йошкар-Ола.

- Juhász Jenő (1961): *Moksa-mordvin szójegyzék*. Akadémiai Kiadó, Budapest.
- Kel'makov (1975): Кельмаков, В. К.: Элементы палатальной гармонии гласных в татышлинском диалекте удмуртского языка. Советское финно-угроведение XI/1, 33-42.
- Kel'makov (1998): Кельмаков, В. К.: Краткий курс удмуртской диалектологии. Издательство Удмуртского университета, Ижевск.
- Keresztes László (1990): *Chrestomathia morduinica*. Tankönyvkiadó, Budapest.
- Keresztes László (2011): *Bevezetés a mordvin nyelvészetbe*. Debreceni Egyetemi Kiadó, Debrecen.
- Krueger, John R. (1961): *Chuvash Manual*. Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series 7. Indiana University – Mouton & Co., Bloomington – The Hague, The Netherlands.
- Landmann, Angelika (2014): *Tschuwaschisch Kurzgrammatik*. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden.
- Litvinov (1998): И. Л. Литвинов: Я начинаю говорить по-татарски. Издательство «ГранДан», Казань.
- Nasibullin (1978): Насибуллин, Р. Ш.: Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов. In: О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сборник статей и материалов. НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР, Ижевск. 86–151.
- Riese, Timothy – Bradley, Jeremy – Yakimova, Emma – Krylova, Galina (2017): *Огай марий йылме: A Comprehensive Introduction to the Mari Language*. Department of Finno-Ugric Studies, University of Vienna.
- Safiullina–Fatkhullova (1999): Ф. С. Сафиуллина – К. С. Фатхуллова: Татарский язык (интенсивный курс). «Хэтер», Казань.
- Safiullina (2001): Ф. С. Сафиуллина: Татарский на каждый день. Казань, «Хэтер».
- Sebeok, Thomas A. – Ingemann, Frances J. (1961): *An Eastern Chereemis Manual*. Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series 5. Indiana University – Mouton & Co., Bloomington – The Hague, The Netherlands.
- Sergeev (2007): Япала ячĕ (Морфологи, СЛПЧС, 2-мĕш пай) Л.П. Сергеевĕн «Чăваш чĕлхи» справочникĕн пайĕ (2-мĕш пайĕ, 1-мĕшĕ кунта). goo.gl/mXJ6Ka (Downloaded: 25. 4. 2018.)
- Usmanova (2006). Усманова М. Г.: Грамматика башкирского языка для изучающих язык как государственный. Уфа, Китап. <https://goo.gl/Nkmuab>
- Yuldashev (1981): Юлдашев А.А.: Грамматика современного башкирского литературного языка. Москва, Наука.
- Zakiev (1997): Закиев М. З. Татарский язык. In: Языки мира. Тюркские языки. Москва, Издательство «Индрик». 357–372.

И. С. Насипов

О ТИПОЛОГИИ ТАТАРСКО-ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В ВОЛГО-КАМСКО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. В сообщении на основе исследований авторитетных лингвистов по типологии языковых контактов и на основе результатов изучения длительного взаимодействия татарского и марийского, удмуртского, мордовских (эрзя, мокша) народов, определены следующие типы татарско-финно-угорских языковых контактов в Волго-Камско-Уральском этнолингвистическом регионе: прямые (проксимальные), устойчивые (перманентные), частично внешние (маргинальные), неродственные, двусторонние, междиалектные, разнопрестижные.

Ключевые слова: языковые контакты, тюркские языки, татарский язык, финно-угорские языки, марийский язык, удмуртский язык, мордовские (мокша, эрзя) языки.

I. S. Nasipov

TYPOLOGY OF TATAR-FINNO-UGRIC LANGUAGE CONTACTS IN THE VOLGA-KAMA-URAL REGION

Abstract. In the message, based on studies of language authorities on the typology of language contact and based on the results of a study of a long interaction the Tatar and the Mari, the Udmurt, the Mordovian (Erzya, Moksha) peoples, the following types of the Tatar-Finn-Ugor contacts in the Volga-Kama-Ural ethno-linguistic region can be distinguished: 1) direct, i.e. proximate; 2) stable, i.e. permanent; 3) partially outer, i.e. marginal; 4) non-relative; 5) bilateral; 6) inter-dialectal; 7) unequal.

Keywords. The Language contacts, the Turkic languages, the Tatar language, the Finno-Ugric languages, the Mari language, the Udmurt language, the Mordovian (Erzya, Moksha) languages.

Сложность вопроса языковых контактов и актуальность изучения их результатов для истории языка и необходимость поиска новых методов решения таких задач в контексте внутренних и внешних факторов развития языка, а также достаточно обширный круг источников позволяют выделить в современном языкознании специальную отрасль – лингвистическую контактологию. Современный период в ее развитии определяется наличием различных лингвоконтактологических направлений на основе традиционных сравнительно-исторического и сравнительно-типологического языкознания с широкой исследовательской проблематикой с охватом билингвологии, социолингвистики, когнитивистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и др. [Лабунец, 2007].

В татарском языкознании проблемам языковых контактов уделяется большое внимание. В частности, различные аспекты были затронуты в изучении татарско-русского двуязычия (Л. К. Байрамова, С. Г. Васильева, Р. А. Вафеев, Р. С. Газизов, М. З. Закиев, А. З. Закиров, З. А. Исхакова, З. Н. Кириллова, Ф. К. Сагадеева, Н. Х. Шарыпова, Р. А. Юсупов), тюркизмов в русском языке (К. Р. Галиуллин, Р. Г. Гатауллина, Г. Х. Гилязетдинова, Р. А. Юналеева), лингвокультурологии (Р. Р. Замалетдинов), ономазиологии (Л. Ш. Арсланов, Ф. Г. Гарипова, Г. Ф. Саттаров, А. Г. Шайхулов). Широкий охват контактологических проблем наблюдается в татарской диалектологии (Х. Ч. Алишина, Л. Ш. Арсланов,

Р. Г. Ахметьянов, Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хайрутдинова, З. Р. Садыкова, А. Г. Шайхулов). Однако при этом до сих пор продолжает оставаться актуальной разработка отдельных аспектов истории татарского языка в русле общей теории языковых контактов.

В зарубежном и отечественном языкознании в области языковых контактов и связанных с ними вопросах накопилось значительное количество научной литературы, однако как в теоретическом освещении, так и в практическом наполнении сохраняются существенные расхождения (В. Аврорин, Й. Айдукович, Г. И. Асколи, К. И. Бакман, Ш. Балли, Л. Блумфильд, И. А. Бодуэн де Куртенэ, С. К. Булич, Ж. Вандриес, В. фон Вартбург, В. М. Верещагин, Б. О. Гавранек, Я. ван Гиннекен, Ю. Д. Дешериев, И. Г. Добродомов, Л. П. Ефремов, О. Есперсен, Ю. О. Жлуктенко, Т. П. Ильяшенко, А. Е. Карлинский, Д. А. Леле, П. Н. Лизанец, А. Мартине, А. Мейе, Г. Пауль, В. Пизани, Ю. Покорный, И. Ф. Протченко, А. А. Реформатский, В. Ю. Розенцвейг, А. Росетти, А. М. Рот, Э. Сепир, Ф. П. Филин, Э. Хауген, Г. Шухард, Л. В. Щерба, В. Н. Ярцева). Систематизация имеющихся различий и попытки выработать единые подходы в лингвистической интерпретации тех или иных положений, если и привели к заметным положительным результатам, то не смогли полностью разрешить существующие разночтения.

Причина этого, на наш взгляд, кроется не только в сложности самой проблемы взаимодействия языков, в многоаспектности его проявлений, но и в подходах к его исследованию, и поэтому, очевидно, большинство отечественных исследователей, в частности, и современного периода, стараются разобраться в такой массе источников с позиций поставленных целей и задач, выработать наиболее подходящие и правильные, по их мнению, трактовки тех или иных теоретических положений в зависимости от содержания и объема предполагаемого к анализу материала. Таковы, например, исследования Н. В. Бутылова (2005), Н. И. Исанбаева (1989), С. А. Мызникова (2003, 2004), Е. В. Опельбаум (1971), И. В. Тараканова (1993).

В нашем исследовании не ставится задача подробного обзора теоретических проблем языковых контактов и связанной с ними терминологии. Мы ограничимся теми аспектами проблемы, которые непосредственно связаны с объектом нашего интереса и важны для теоретического обоснования отдельных его положений.

Язык как сложный живой организм постоянно развивается и меняется во времени за счет внутренних ресурсов (внутрилингвистический фактор) и внешних влияний (экстралингвистический фактор). Проблема языковых контактов тесно связана со всей совокупностью этнических, политических, социально-экономических, культурно-исторических условий соприкосновения носителей взаимодействующих языков. Результатом взаимодействия языков всегда является приобретение одним языком, состоящим в соприкосновении с другим, чужих элементов другого языка. Еще А. А. Реформатский в свое время писал, что «нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами. В каждом языке имеются и слова заимствованные, иноязычные. В разных языках и в разные периоды их развития процент этих “не своих” слов бывает различным» [Реформатский, 1996, с. 74].

В лингвистической литературе термин «языковой контакт», введенный в языкознание Г. Шухардом, стали применять повсеместно вслед за А. Мартине и У. Вайнрайхом вместо термина «смешение языков» [Розенцвейг, 1972, с. 5]. Термин «Языковой контакт» употребляется наряду с такими сочетаниями, как «межъязыковые связи», «языковые взаимосвязи», «языковое взаимовлияние», «взаимодействие языков». Вместе с тем, эти термины, на наш взгляд, являются вполне адекватными для обозначения одного и того же явления. При этом следует заметить, что существует определенный разброс мнений как в толковании термина «языковой контакт», так и о природе языкового контакта и в определении его типов.

В лингвистике языковой контакт толкуется в узком и в широком смысле [Жлуктенко, 1979, с. 211]. В узком смысле языковой контакт рассматривается как видовое понятие. Например, классики теории языковых контактов А. Мартине, У. Вайнрайх, Э. Хауген, В. Ю. Розенцвейг «языковой контакт определяют как “поочередное использование двух или более языков одними и теми лицами”, которых называют носителями двух (или более) языков, или двуязычными носителями» [Хауген, 1972, с. 61], т. е. «в процессе коммуникации, противопоставляя тем самым этот вид межъязыковых связей другим видам, следствием которых не является двуязычие» [Опельбаум, 1971, с. 16]. Здесь необходимо уточнить, что В. Ю. Розенцвейг под языковым контактом понимает «речевое общение между двумя языковыми коллективами», однако «их описание лингвистически сводимо в общем к описанию контакта между двумя языками» [Розенцвейг, 1972, с. 13]. Однако это не говорит о том, что исследователи языковой контакт рассматривали как чисто лингвистическую проблему. У. Вайнрайх отмечал, что «языковой контакт можно лучше всего понять только в широком психологическом и социокультурном контексте... Эту задачу невозможно решить, пользуясь только данными обычного лингвистического описания; необходимо еще использовать ряд экстралингвистических средств. Значительно большей глубины и обоснованности исследования языкового контакта можно достичь на междисциплинарной основе» [Вайнрайх, 1979, с. 26].

В широком смысле «языковой контакт» толкуется в том случае, когда это языковое явление не ограничивается двуязычием, а как бы охватывает по возможности все явления, относящиеся к данной проблематике, и учитывает все многообразие его форм. В таком понимании языковой контакт – это «языковые связи на одном, нескольких или всех лингвистических уровнях, устанавливающиеся между родственными или неродственными языковыми системами вследствие определенных историко-географических, социально-политических, культурных, психологических и других экстралингвистических факторов» [Опельбаум, 1971, с. 16]. Широкое толкование языкового контакта позволяет некоторым лингвистам рассматривать его как родовое понятие для обозначения любого вида межъязыковых связей, в том числе и двуязычия. Такое понимание чаще наблюдается во многих исследованиях как отечественных, так и зарубежных языковедов (А. М. Рот, Е. В. Опельбаум, А. Е. Карлинский).

В аспекте исторической контактологии целесообразно рассматривать языковой контакт как устное речевое общение двух (многих) сопредельных коренных этносов, являющихся следствием интенсивных лингвоэтнических, бытовых, хозяйственных и иных отношений. В реальности же, когда осуществляется взаимодействие этнических групп, языковой контакт проявляется как речевой, диалектный (этноречевой, этнодиалектный), складывающийся и развивающийся под влиянием целого ряда факторов лингвистического и внелингвистического характера. Традиционно принято всю область взаимодействия – речь в синхронии, язык в диахронии – обозначать как языковой контакт. При таком понимании языкового контакта, как отмечают исследователи, практически всегда – идет ли речь о синхронии и диахронии – мы имеем дело с результатом языкового взаимодействия, проявляющихся, хотя и в разной мере, на всех языковых уровнях [Карлинский, 1990, с. 19–20].

В плане установления типологии языкового контактирования можно, очевидно, выделить два основных параметра классификации, основанных на интер- и экстралингвистических критериях. Несмотря на различия при выделении типов языковых контактов и смешение их с определением результатов, можно, таким образом, в общих чертах представить их следующие основные типы: 1) по способу установления контакта – прямой, т. е. проксимальный и опосредованный, т. е. дистантный; 2) по длительности и устойчивости – казуальный, т. е. временный и перманентный, т. е. устойчивый; 3) по территориальному размещению контактирующих языков – маргинальный, т. е. внешнее и внутрирегиональный, т. е. внутренний; 4) по генетической и структурной близости – контакты неродственных языков, родственных языков и близкородственных языков; 5) по последствиям протекания контактов – с односторонними и двусторонними воздействиями; 6) по степени участия ярусов языковой системы; 7) по степени языкового взаимопроникновения – скрещивание и слияние; 8) по характеру или функциональному статусу контактирующих единиц (языков или диалектов) – междиалектный, наддиалектный, контакты литературного языка с диалектами и контакты литературных языков; 9) по характеру и типу двуязычия контактирующих коллективов – равноправный и разнопрестижный [Опельбаум, 1971, с. 17; Лизанец 1977, с. 44; Лабунец 2007, с. 20].

Прямые языковые контакты – это контакты, устанавливающиеся в условиях непосредственного общения носителей двух языков. Опосредованные языковые контакты – это контакты между двумя языками, устанавливающие связь через посредство третьего языка. Прямые языковые контакты могут быть казуальные, т. е. временные и перманентные, т. е. стойкие. Последние в свою очередь делятся на два подтипа: а) внешние контакты, возникающие между языками коллективов, которые входят в разные общественно-политические образования и расположены на смежных территориях; б) внутренние контакты, устанавливающиеся в процессе общения языковых сообществ, которые составляют одно общественно-политическое образование и проживают на одной и той же территории [Жлуктенко, 1966, с. 6–8]. Маргинальное контактирование характеризуется наличием контакта двух языков, расположенных на смежных территориях без глубокого проникновения масс населения, т. е. в область распространения другого языка при этом не происходит. Внутрирегиональное контактирование характеризуется глубоким проникновением больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка [Серебренников, 1955, с. 7]. Дистантный контакт – связь языков, осуществляемая в условиях монолингвизма при отсутствии тесного соприкосновения между языками, реализуемая только в заимствованиях. Проксимальное контактирование – связь языков, осуществляемая в условиях билингвизма и непосредственного языкового контакта, результатом чего могут быть не только заимствования, но и модификации одного из языков и даже возникновение качественно новой языковой системы [Бертагаев, 1972, с. 82–88]. Исходя из структурных соотношений между контактирующимися языками, различаются контакты неродственных языков; родственных языков, «но далеко разошедшихся по своему грамматическому строю и основному словарному составу» и близкородственных языков [Горнунг, 1952, с. 4]. Одностороннее воздействие – языковой контакт, когда затронут уровень, как правило лексический, одного языка. Двустороннее воздействие – языковой контакт, когда затронуты аналогичные уровни обоих взаимодействующих языков. Преобразовательное воздействие – языковой контакт, когда затронуты несколько языковых ярусов одного из контактирующих языков. Скрещивание или слияние –

языковой контакт, когда затронуты несколько ярусов обоих взаимодействующих языков и в результате которого возникают языковые союзы или новые языки [Белецкий, 1967, с. 254]. «Языковое контактирование может быть междиалектным, наддиалектным, контактированием литературного языка с диалектами и контактированием литературных языков» [Лизанец, 1977, с. 44].

Такая неоднозначная типология объясняется еще и тем, что взаимодействие языков относится к таким явлениям, где сплетаются факторы лингвистические, психологические, социальные, этноисторические и др. Разумеется, в специальном исследовании ученый имеет право сосредоточить свое внимание на одном, выделенном им круге вопросов и их чисто лингвистическом анализе. Особенно важно определить соотносительную значимость различных факторов лингвистического и экстралингвистического порядков в том или ином случае взаимодействия языков [Ярцева, 1956, с. 9].

Конечно, при анализе контактирования конкретных языков на определенной территории или регионе «можно допускать и случай одновременного выявления нескольких, а то и всех отмеченных типов контактирования» [Лизанец, 1977, с. 44]. «Следует особо подчеркнуть тот факт, что при межъязыковых контактах нет прямого и всегда одинакового соответствия между социальными, психологическими и лингвистическими предпосылками и их последствиями. Решающим фактором оказываются конкретно-исторические условия осуществления и реализация этих предпосылок» [Ярцева, 1956, с. 16]. Поэтому на характер и содержание, а в последующем на результаты татарско-финно-угорских контактов в Волго-Камском регионе существенное влияние оказывали исторические условия взаимодействия этих языков. «Безусловно, при маргинальном контактировании территориальное размещение контактирующих коллективов играет немаловажную роль, однако степень взаимодействия языков (диалектов) зависит от характера контактирующих языков, т. е. какой из контактирующих на данном этапе является государственным, господствующим языком» [Лизанец, 1977, с. 44]. Так, контакты татарского и удмуртского языков Б. А. Серебренников определил как типичный пример маргинального контактирования [Серебренников, 1955, с. 7]. Можно допустить, что не всегда и не везде эти контакты были такими. Также, следует предположить, что языковая ситуация в разные периоды развития взаимоотношений этих народов были разными.

Таким образом, основываясь на различных типах языковых контактов и исходя из известных их особенностей, можно определить типы татарско-финно-угорских языковых контактов Волго-Камья как: 1) прямые; 2) устойчивые; 3) частично внешние; 4) неродственные; 5) двусторонние; 6) междиалектные; 7) разнопрестижные.

«Первостепенное значение для науки имеет, конечно, исследование междиалектного контактирования, ибо оно проливает свет и на историю материальной культуры народов, долгое время находившихся в непосредственных отношениях... Таким образом, исследование междиалектного контактирования является проблемой не только общетеоретического, но и практического плана» [Лизанец, 1977, с. 45]. Междиалектный характер татарско-финно-угорских контактов в Волго-Камье определяется и результатами наших исследований, базирующихся прежде всего на диалектном материале [Насипов, 2009].

Такие же типы языковых контактов можно определить при татарско-финно-угорском (собственно татарско-марийском, татарско-мордовском, татарско-удмуртском) языковых контактах, результатом которых являются в основном лексические заимствования [Насипов, 2009]. Они могут иметь конкретные локальные особенности.

Библиография

- Белецкий А. А. Генезис и этимология // Проблемы языкознания. М.: Наука, 1967. С. 251–255.
- Бертагаев Т. А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 82–88.
- Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1979. 263 с.
- Горнунг Б. В. К вопросу о типах и формах взаимодействия языков // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1952. № 2. С. 3–7.
- Жлуктенко Ю. А. Комментарии // Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1979. С. 211–218.
- Жлуктенко Ю. О. Мовні контакти (проблеми інтерлінгвістики). Київ: Вид-во Київ. ун-ту, 1966. 136 с.
- Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата: Гылым, 1990. 189 с.
- Лабунец Н. В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта: автореф. дис... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2007. 51 с.
- Лизанец П. Н. Некоторые теоретические вопросы взаимодействия языков // Исследование финно-угорских языков и литературы в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР. Ужгород: Изд-во Ужгород. ун-та, 1977. С. 42–47.
- Насипов И. С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. Казань, 2009. 236 с.
- Опельбаум Е. В. Восточно-славянские лексические элементы в немецком языке. Киев: Наукова думка, 1971. 271 с.
- Реформатский А. А. Введение в языковедение: учеб. для вузов. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
- Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 5–22.
- Серебренников Б. А. О взаимодействии языков (Проблема языкового субстрата) // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 7–25
- Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 61–80.
- Ярцева В. Н. Теория субстрата в истории языкознания // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 1956. № 9. С. 8–32.

СИНОПСИС КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ ПРОТОТЮРКСКОЙ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ (I ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО НАШЕЙ ЭРЫ)

Аннотация. Настоящая работа в целом представляет еще один возможный подход к старой, но всегда актуальной проблеме хронотопологической локализации прототюркской этнолингвокультурной общности накануне ее распада. В статье определены научно-теоретические, методологические и практические предпосылки комплексного компаративно-контрастивно-контактологического изучения прототюркской этнолингвокультурной общности на основе интеграции самых разнообразных социально-гуманитарных дисциплин и синтеза доступных репрезентативных источников: палеолингвистических, археологических, нарративных, палеогенетических и т. д., освещены вопросы хронотопологизации, культуры первичного производства и жизнеобеспечения прототюрков, комплексивно изложены нарративная и археологическая версии этнолингвокультурной истории циркумгобийского региона Внутренней (Срединной) Азии в I тысячелетии до н. э. Автор приходит к выводу, что археологическим наследием прототюркской этнолингвокультурной общности накануне ее распада на две филы – пратюркскую (праогузскую) и праогурскую (прабулгарскую) является культура плиточных могил. Основной причиной распада прототюркской общности стали сложные конвергентно-дивергентные процессы, вызванные вторжением в циркумгобийский регион Внутренней Азии (в ареал культуры плиточных могил) индоиранских (лингвистически восточноиранских) кочевников из степей Южной Сибири, Казахстана и Восточного Туркестана в I тысячелетии до н. э., и ассимиляция пришельцев частью автохтонного прототюркского населения. Основной причиной миграции восточноиранских (скифо-сакских) племен на восток стала экологическая катастрофа, вызванная очередным климатическим пессимумом рубежа 2–1 тысячелетий до н. э.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, прототюркская лингвокультурная общность.

N. I. Egorov

SYNOPSIS OF THE CONCEPTUAL PARADIGM OF THE HISTORY OF THE PROTOTURKIC ETHNOLINGVOCULTURAL COMMUNITY (I MILLENNIUM B. C.)

Abstract. The present work as a whole represents another possible approach to an old, but always topical problem of the chronotopological localization of the Proto-Türkic ethno-lingvocultural community on the eve of its disintegration. The article defines scientific, theoretical, methodological and practical prerequisites for a complex comparative-contrastive and contactological study of the proto-Türkic ethno-linguistic community on the basis of integration of the most diverse social and humanitarian disciplines and synthesis of available representative sources: paleolinguistic, archaeological, narrative, paleogenetic etc.; the issues of chronotopologization, the culture of primary production and life support of the proto-Turks are covered; narrative, archaeological version of ethnolingvocultural history of the Circum-Gobi region of Inner (Median) Asia in the 1st millennium BC are synoptically expounded. The author comes to the conclusion that archaeological heritage of the Proto-Türkic ethno-lingual and cultural community on the eve of its breakup into two fillets – the Pra-Türkic (Pra-Oguz) and the Praoguric (Pra-Bulgar) – is the culture of tile graves. The main causes of Proto-Türkic community disintegration were complex convergent divergent processes caused by invasion of the Circum-Gobi region of Inner Asia (in the area of tile graves cult) of Indo-Iranian (linguistically East Iranian) nomads from the steppes of Southern Siberia, Kazakhstan and Eastern Turkestan in the 1st millennium BC, and assimilation of aliens by a part of the autochthonous proto-Türkic population. The main reason for migration of East-Iranian (Scythian-Saki) tribes to the east was an ecological catastrophe, caused by another climatic pessimism at the turn of the 2–1 millennium BC.

Keywords: comparative-historical linguistics, proto-Türkic linguocultural community.

*Язык значит намного больше, чем просто средство общения.
Язык знает о жизни все. В этом «все» – знание быта, духа,
прошлого, настоящего и прогноз будущего...
Изучение языка открывает тайны, уже недоступные
историкам и археологам, обнажает корни духовности народа.
Кеннет Хейл*

Введение

Переход языкознания в последние десятилетия XX столетия на антропологическую, или антропоцентрическую, как ее часто называют, парадигму стимулировал быстрое развитие междисциплинарных областей социально-гуманитарных исследований. Сравнительно-историческое языкознание, как у него на роду написано, в наше время все больше становится исторической дисциплиной. Достижения социально-гуманитарной области знаний XX в. расширили и углубили исследовательские горизонты лингвистической компаративистики XXI столетия, высветили многие проблемы, накопившиеся в течение двух последних веков и наметили пути их решения в новом миллениуме.

Учитывая глубинный характер происходивших в сравнительно-историческом языкознании в конце XX – начале XXI вв. перемен, можно, видимо, говорить о смене научной парадигмы в рамках традиционной лингвистической компаративистики, перешедшей от поисков материального и струк-

турного родства языков к реконструкции ранних, дописьменных эпох истории их носителей. Специфика современной лингвистической компаративистики проявляется также в ее сближении с когнитивной лингвистикой, что особенно ярко проявляется в обращении к изучению нетрадиционных для сравнительного языкознания когнитивной сферы. Динамика развития концептуальной парадигмы компаративных исследований в тюркологии наглядно отразилась в содержании многотомной серии «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (1984–2006).

Этническая идентификация древних популяций, известных нам по скудным нарративным источникам, неразрывно связана с проблемой культурной самобытности. Именно это обстоятельство объясняет все возрастающее внимание со стороны лингвистов-компаративистов к этнокультурному аспекту современных сравнительных историко-генетических и контактологических исследований. Историко-генетическому и компаративно-контрастивно-контактологическому анализу подвергаются такие этнокультурные концепты, как «пространство», «время», «сущность», «мир», «человек» и этноязыковая картина мира в целом. Это чрезвычайно важно для воссоздания этнокультурного портрета исторических когнатов носителей языка на разных диахронических стратах вплоть до праязыкового уровня.

В настоящее время в социально-гуманитарной сфере наук нарастает процесс размывания традиционных границ отдельных дисциплин, раздвижение рамок категорий ряда общественных наук и широкая экспансия в пределы смежных областей знаний. Уже в последней трети прошлого века сфера интересов лингвистической компаративистики начала неуклонно расширяться за счет экспансии в смежные (социально-гуманитарные) и несмежные (естественные) области. На рубеже миллениумов разрастаются пределы отдельных социально-гуманитарных дисциплин; в языкознании формируются новые междисциплинарные отрасли – социолингвистика, психолингвистика, антропологическая лингвистика, этнолингвистика, этнолингвокультурология, палеолингвистика и т. д.; развиваются связи языкознания с историей, социально-культурной антропологией, философией, логикой, психологией и даже с математикой.

Единственным фактуальным и репрезентативным эмпирическим источником по дописьменным эпохам истории человечества является лингвистический материал, переработанный испытанным временем методом сравнительного историко-генетического анализа. Именно реконструкция лексического фонда на разных диахронических уровнях развития языка – через промежуточные праязыки до исходного архетипического состояния – является единственным способом зондажа праязыкового состояния и межъязыковых отношений, а сквозь их призму – и средством реконструкции соответствующих культурно-исторических феноменов.

Традиционная лингвистическая компаративистика решает вопросы материального и структурного сходства и различия заведомо родственных языков, каковым являются все языки обширной тюркской семьи, включая якутский и чувашский. Кардинальной проблемой сравнительного историко-генетического изучения тюркских языков является выявление материального и структурного сходства и различия между чувашскими и другими тюркскими языками (языковыми группами), установление их природы; генетическая или контактная, если контактная – то выяснение характера этих контактов: межтюркские (ареальные, общетюркские) или внешние, выявление источника, времени и места заимствования, путей распространения как внутри тюркской общности, так и за ее пределами и т. д. Вот круг основных вопросов, которые надо решать на уровне лингвистической компаративистики. И только после всесторонней и корректной лингвистической верификации полученные данные можно будет положить в основу этногенетических и палеоисторических реконструкций.

Современная лингвистическая компаративистика обладает достаточно надежным инструментарием и методологической базой для проведения сравнительного историко-генетического, хронотопологического, этимологического и генеалогического анализа языкового материала. Однако, к большому сожалению, в тюркологии мало специалистов, владеющих инструментарием компаративистики. Только тщательно проработанный в полном соответствии со строгими методами сравнительного историко-генетического анализа языковой (прежде всего лексический) материал является наиболее надежным и информативным эмпирическим источником для проникновения в глубинные страты дописьменной истории.

Археологический источник всегда уже по охвату репрезентативного материала, неопределеннее по информативности и менее ограничен в интерпретации, а главное – нем в отношении этноязыковой принадлежности носителей древних археологических культур.

В сравнительно-историческом языкознании сложилась традиция начинать *ab ovo*, когда заходит речь о происхождении языков и народов. Это вполне естественно: чтобы познать, как сложился тот или иной «язык», то есть народ и язык как единое нерасчленимое целое, нужно уяснить себе его истоки. Начать историю происхождения чувашского этноса, его культуры и языка *ab ovo* – значит исследовать

историю происхождения, развития и распада прототюркской этнолингвокультурной общности и возникновения качественно новой праогульской общности, которая и составила этнолингвокультурную первооснову будущего чувашского народа, его культуры и языка.

Основной конечной целью и закономерным финалом комплексного сравнительного историко-генетического изучения лексического фонда языка является историко-культурологическая интерпретация полученных реконструкций с желательным выходом на экстралингвистическую эмпирию – археологические, этнологические, палеоантропологические и прочие релевантные источники и их сопряженное с письменными данными, изучение с целью воссоздать панорамную картину этнической истории народа, говорящего на этом языке, с древнейших времен.

Воссоздание исторической панорамы более чем тысячелетнего этапа ранней дописьменной предыстории прототюрков до выхода на арену истории *сюнну* представляет задачу комплекса нескольких социально-гуманитарных дисциплин – лингвистической компаративистики, археологии, антропологии, этнологии, популяционной генетики и т. д., сотрудничество которых требует синтеза всей доступной совокупности репрезентативного эмпирического материала и предполагает строгий контроль в рамках исторических событий, зафиксированных древнекитайскими династийными хрониками и другими письменными источниками.

Нельзя рассуждать об образовании чувашей как определенной этнолингвокультурной общности, не рассмотрев проблемы прототюркского этнолингвокультурного сообщества *ди* (древних китайских династийных хроник), из которого в результате длительной и сложной дивергенции и конвергенции с индоиранскими группами (*жунами* древних китайских нарративных источников) выделилась праогульская этнолингвокультурная общность (*ху* китайских источников), не изучив досконально, как, где и когда появились на арене истории далекие предки современных чувашей – *дунху*, *ухуани*, *мужуны*, *сюнну*, *тоба*, *сяньби*, *жужани* и иже с ними, не разобравшись, когда многочисленные и малоизвестные огурские племена Центральной Азии появились в степях Восточной Европы и сложились в большую древнебулгарскую народность, не выяснив, когда и как появилась в Волго-Камье поволжская группа булгар и т. д.

Проблема пространственно-временной локализации прототюркской прародины, – начального центра иррадиации ранних диалектов прототюркского языка-основы, – и ранних этапов расселения их носителей – близкородственных племен прототюркской этнолингвокультурной общности – давно интересует представителей разных отраслей социально-гуманитарных наук – от лингвистов-компаративистов, которые прежде всего занимаются установлением характера родственных отношений и степени близости к другу языков тюркской семьи, до историков, этнологов, археологов, палеоантропологов, в последние годы также палеогенетиков и геногеографов, включившихся в обсуждение проблем восстановления общей картины истории прототюркского этнолингвокультурного континуума накануне начала его распада.

Дж. Клаусон не без основания утверждал, что и авары, и сюнну (Hsiung-nu, Huns), и ухуани (Wu-huan, Oguz?), и сяньби (Hsien-peï), и мужуаны (Mu-jung), и тоба (T'o-pa, Tavgach), и жужани (Jou-jan) – все тюрки [Clauson, 1960, с. 122]. Сейчас мы можем с такой же уверенностью заявить, что эти и еще многие другие древнетюркские племена, еще на заре своей истории объединившиеся в крупную конгломератную конфедерацию *Телэ*, говорили на специфическом тюркском Lig-языке булгаро-чувашского типа.

К сожалению, современная тюркология редко заглядывает за древнетюркский период (VI–X вв.) истории и редко вспоминает, что еще на заре истории в Центральной Азии господствовали огурские тюркские племена, вышедшие на широкую историческую арену в связи с распадом прототюркской общности на две филоны – пратюркскую (праогузскую) и праогульскую (прабулгарскую). Именно взаимоотношения этих двух этнолингвокультурных общностей на фоне общей истории Центральной Азии и должны составить предмет изучения праистории тюркоязычных народов в период с начала I тысячелетия до н. э. по середину I тысячелетия н. э., а также в древнетюркское время.

1. Необходимое терминологическое предупреждение

В современной тюркологии, представляющей собой комплекс социально-гуманитарных дисциплин, изучающих разные аспекты сферы жизнедеятельности тюркоязычных народов в прошлом и настоящем, термины *прототюрки* / *прототюркский* и *пратюрки* / *пратюркский* чаще всего употребляются как синонимы. Между тем, современная тюркская историография с подачи лингвистов-компаративистов [Тенишев, 2006, с. 5–8] вплотную подошла к осознанию необходимости смыслового и содержательного разграничения этих терминов как в хронотопологическом так и в предметно-понятийном отношениях.

Под термином *прототюркское состояние* предлагается понимать тюркскую этнолингвокультурную общность до ее первичного распада на две ветви – *праогузскую* и *праогульскую*, а под *пратюркской*

общностью, следовательно, – праогузскую ветвь до начала ее распада на классификационные группы – огузскую, каргукско-кыпчакскую, сибирскую и проч.

В предлагаемой вниманию аудитории специалистов работе основное внимание будет уделено истории прототюркской этнолингвокультурной общности накануне ее распада и выделения от прототюркского ствола самостоятельной огузской (булгаро-чувакской) ветви (об огузском этнолингвокультурном континууме подробнее см.: Егоров, 2017, I, 69–168; а также: Yegorov, 2014, 124–171).

Интегрированное комплексное изучение накопленной к настоящему времени совокупности лингвистических, археологических, исторических и прочих данных позволяет констатировать, что прототюркская прародина располагалась в обширном Циркумгобийском регионе, который, по сложившейся в отечественной географической литературе традиции, удобнее обозначать как Внутренняя Азия (о современном понимании терминов «Центральная Азия», «Внутренняя Азия», «Средняя Азия», подробнее см.: Дробышев, 2014, 19–54; там же соответствующая литература вопроса). С археологической точки зрения территория расселения прототюркских популяций совпадает с ареалом распространения памятников так называемой «культуры плиточных могил» (об этой культуре подробнее см.: Цыбиктаров, 1998; там же литература вопроса).

2. Проблема хронотопологии

Строго научный подход к обозначенному термином «прототюркская этнолингвокультурная общность» этнополитическому и социально-гуманитарному феномену требует его локализации в пространственно-временном континууме. Интегрированное изучение данных археологических, палеоантропологических, геногеографических, нарративных, этно-культурологических, лингвистических, палеоботанических, палео-географических и прочих релевантных источников позволяет локализовать прототюркскую этнолингвокультурную общность накануне ее распада в первой половине I тысячелетия до н. э. в пределах обширной восточной провинции евразийской степи, которую для краткости и удобства пользования можно обозначить термином Внутренняя Азия, или Циркумгобийский регион. Западная граница прототюркской ойкумены проходит примерно по 105 меридиану от Байкала до Ганьсу, восточная – вдоль Большого Хингана от Забайкалья до Ляодуна, охватывая юго-западную часть Маньчжурии, южная – от Ордоса вдоль Великой Китайской стены до бассейна Ляохэ, северная – от Байкала до Амура. Складывается представление, что этническое ядро прототюрков изначально формировалось в юго-восточной провинции Внутренней Азии, охватывающей западную часть современной провинции Ляонин, северные части провинций Хэбэй и Шаньси, и уже оттуда прототюркские популяции эпохи палеометалла расселились на север (ареал культуры плиточных могил) и на запад, в район Ордоса и Внутренней Монголии, где древние китайские источники эпохи Чжоу (XI в. до н. э. – 221 г. до н. э.) фиксирует племена группы *ди*. Ряд авторитетных исследователей (Ф. Хирт, В. Эберхард, Ма Чаншоу, А. Г. Малявкин и др.) высказывались в пользу мнения о тюркской принадлежности *ди* [Eberhard, 1942, с. 125 и сл.]. Поэтому отсчет истории прототюркской этнолингвокультурной общности накануне ее распада можно начать с наиболее ранних сообщений китайских династийных хроник и племенах *ди*.

3. Культура первичного производства и жизнеобеспечения прототюрков

Ранние прототюрки несомненно вели экстенсивное, присваивающее хозяйство на основе охоты, рыболовства и собирательства. К рубежу II–I тысячелетий до н. э. они, очевидно, уже имели навыки примитивного мотыжного земледелия (выращивали преимущественно просо и полбу) и придомного скотоводства (свиньи, собаки). Начиная со второй четверти I тысячелетия до н. э. племена *ди* перенимают у западных соседей жунов пасторальную культуру и начинают разводить крупный и мелкий рогатый скот, а также лошадей. Уже к середине I тысячелетия до н. э. прототюркские племена (за исключением горно-таежных популяций, т. е. *линьху* – «лесных ху» китайских источников) освоили новый хозяйственно-культурный тип производящей экономики на основе сначала отгонно-пастбищного, а затем и кочевого скотоводства со строго фиксированными сезонными (летними и зимними) пастбищами. Накануне распада прототюркской этнолингвокультурной общности большая часть населения Циркумгобийского региона уже представляла собой классических кочевников.

В I тысячелетии до н. э. в среде прототюркских племен как северной, так и южной провинции Внутренней Азии «складывались и преемственно закреплялись этнолингвокультурные традиции, которые имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере присущие всем тюркоязычным племенам» [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 11].

Наиболее интенсивно формирование общетюркских этнолингвокультурных стереотипов происходило в прототюркское время, еще до начала первоначального распада общности в середине I тысяче-

летия до н. э., «когда определялись оптимальные формы хозяйственной деятельности (кочевое и полукочевое скотоводство), в основном сложился комплекс материальной культуры (тип жилища, одежды, средства передвижения и т. п.), приобрела известную завершенность духовная культура, социально-семейная организация, народная этика, изобразительное искусство и фольклор. Наиболее высоким достижением этой эпохи стало создание тюркской рунической письменности, распространившейся со своей центральноазиатской родины (Монголия, Алтай, Верхний Енисей) до Подонья и Северного Кавказа» [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 11–12]. Правда, все это С. Г. Кляшторный относит к древнетюркскому времени, то есть ко второй половине I тысячелетия н. э. Это, по всей вероятности, объясняется тем, что интересы этого великого тюрколога-историка, по вполне понятным причинам, редко проникали в более глубокие периоды тюркской истории.

Между тем сравнительное историко-генетическое изучение лексики чувашского и стандартных тюркских языков однозначно показывает, что основы культуры первичного производства и жизнеобеспечения, соционормативной и гуманитарной культуры сложились задолго до распада прототюркской общности и выделения из нее огурской филы, то есть еще в первой половине I тысячелетия до н. э., а скорее даже несколько раньше. Сведения древнекитайских письменных источников вкупе с данными археологических открытий последних трех десятилетий [Шульга, 2015] подтверждают достоверность предлагаемой датировки.

4. Нарративная версия этнической истории Внутренней Азии в прототюркскую эпоху

Древнекитайские династийные хроники и другие нарративные источники эпохи Шан (Инь) (ок. 1600 – ок. 1050 гг. до н. э.) и Чжоу (традиционно-условная датировка: 1122– 256 гг. до н. э.; новая датировка: 1066–221 гг. до н. э.) за пределами древнекитайских царств зафиксировали две крупные «этнолингвокультурные» общности: *жунов* – на западе и *ди* – на севере (от восточных *и* и южных *маней* в данном случае абстрагируемся в виду их непричастности к прототюркской истории). Социально-гуманитарная сфера научных дисциплин в наши дни пришла к негласному согласию по вопросу обитавших в восточной провинции степной Евразии древних этнолингвокультурных общностей. Во Внутренней Азии, включая Северный Китай (кит. *бэйфан* – букв. северный край), в I тысячелетии до н. э. были представлены две большие этнолингвокультурные общности: индоевропейская (в лице ранних кочевников скифского времени) на западной окраине и прототюркская – практически по всей территории Циркумгобийского региона.

Со времен классических работ Б. Я. Владимирцова хорошо известно, что монголы выходят в степи Забайкалья и Восточной Монголии не ранее XI в. н. э., до этого времени они обитали далеко за Большим Хинганом, в бассейне Сунгари, и не были знакомы с пасторальной культурой первичного производства и жизнеобеспечения. От других возможных мелких этнических вкраплений, если таковые и были, можно смело абстрагироваться, так как на общий ход этнической истории Внутренней Азии они никакого заметного влияния не оказывали.

Несмотря на то, что такие этнически индифферентные собирательные «этнонимические» термины ранних китайских нарративов, как *цяны*, *жуны*, *ди*, *ху*, *дунху* и т. п., носят минимальную этническую нагрузку, в свете всей совокупности источников нетрудно понять, что за *цянами* (*жунами*) стоят ранние кочевники скифской эпохи, говорившие, очевидно, на наречиях индоиранской группы, а за *ди* – племена прототюркской общности. Внимательное знакомство с китайскими нарративными источниками показывает, что со второй четверти I тысячелетия до н. э. начинается длительный симбиоз автохтонных пеших охотников *ди* с пришлыми номадами, который отразился на страницах китайских династийных хроник периода Чуньцзо («Весны и Осени») (VIII–V вв. до н. э.) появлением гибридного термина *жунди*. Это, по всей вероятности, знаменует начало ассимиляции прототюрками индоиранских племен и выхода на историческую арену новой этнолингвокультурной формации, получившей со стороны китайцев-хуася новое наименование *ху* – букв. инородцы, варвары.

В эпоху бронзы и раннего железного века, когда этнолингвокультурные общности представляли собой некоторый континуум близкородственных племенных популяций, очень часто происходил так называемый «*прерванный языковой сдвиг*», когда одна этнолингвокультурная группа меняет свой язык на принадлежащий другой контактной группе, при этом определенная часть лексики ассимилированной субстратной этнолингвокультурной группы сохраняется. По такому сценарию развивались взаимоотношения между пришлыми индоиранскими популяциями жунов, дисперсно расселившихся среди автохтонных прототюркских племен Северного Китая в первой половине I тысячелетия до н. э. Именно в это время в южном секторе Циркумгобийского региона от Ганьсу до Ляодуна формируется так называемая «культура ордосских бронз». Сейчас уже стало ясно, что под этим условным термином объединяется

целая серия археологических памятников и ряд культур бронзового века с четко выраженными признаками, характерными для «скифо-сибирского мира» северной Евразии эпохи бронзы [Шульга, 2015]. Очевидно, назрело время для объединения памятников «ордосской культуры» в единую ордосскую культурно-историческую общность бронзового века и в известной мере аффилировать их с формирующейся праогурской этнолингвокультурной общностью первой половины I тысячелетия до н. э., получившей в китайской историографической традиции собирательное наименование *дунху* – «восточные инородцы».

Тюркская этнолингвокультурная общность сложилась в горно-степных просторах Внутренней Азии, в Циркумгобийской области. Прототюркские популяции общались между собой на взаимопонятных близкородственных племенных наречиях единого прототюркского языка-основы, но уже накануне распада в процессе длительного симбиоза и конвергентного развития первоначально различных прототюркской и индоиранской этнолингвокультурных общностей в Циркумгобийском регионе сложилась ситуация языкового союза.

История взаимодействия, симбиоза и, отчасти, слияния двух основных групп древнего населения южной провинции Внутренней Азии – автохтонного прототюркского *ди* и дисперсно расселившегося среди них пришлого с северо-запада индоиранского (восточноиранского, скифо-сакского) контингента жунов на протяжении ряда столетий и есть процесс этнолингвокультурогенеза, в ходе которого осуществлялась этническая консолидация и сформировалась общность огурских племен.

Э. Пуллиблэнк установил, что собирательный термин *ху* на страницах китайских династийных хроник появляется в V в. до н. э. в период Чжаньго («Воюющих царств») (475–221 гг. до н. э.) [Pulleyblank, 1991, с. 510; Pulleyblank, 2000, с. 17–27]. Сколько-нибудь заметных изменений на археологической карте Внутренней Азии в это время не произошло, распространение железных артефактов существенных сдвигов в погребальном обряде и инвентаре северных кочевников не вызвало. Есть основания полагать, что появление этнолингвокультурной общности *ху* связано с распадом прототюркской общности и выходом на историческую арену праогурской этнолингвокультурной общности. Вся дальнейшая этническая история степной Евразии в ближайшее тысячелетие показывает правомерность такого предположения [Егоров, 2014, с. 124–171]. Так, в составе группы восточных *ху* (кит. *дунху*) китайские династийные хроники выделяют племенные союзы *ухуань*, *сяньби*, *мужун* и др., которые соответственно отождествляются с *огурами*, *сяньби* и *мадьярами* (в основе этого этнонима некоторые исследователи усматривают этноним **top oğur* – букв. великие огуры, принадлежавший довенгерскому болгарскому племени в Паннонии) [Pritsak, 1976, с. 17–30]. Из этой же конфедерации племен группы *ху* выделелись *цифу*, *туфа*, *шивэй*, *кумоси*, *кидань*, *туйюхуань*, *тоба*, *жужань* [Таскин, 1984, с. 4], а также *сюнну* [Миняев, 1991, с. 117–119; Chen Sanping, 2012, с. 83–98]. «Этнонимический термин» *сюнну* (букв. злые рабы) по существу является уничижительным прозвищем, которым китайцы «наградили» незначительную группу *ху*, попавшую в зависимость от *юэчжэй*. И только «усиление *сюнну* при Маодуне выделило их среди остальных *ху*...» [Миняев, 1991, с. 119]. Тем не менее, в период Ранней Хань термин *ху* в китайских хрониках выступал в качестве синонима *сюнну*.

Из среды *ху* (*цзиху*) вышло также племя *булоцзи* (кит. *Vuluoji*), название которого появляется в китайских нарративных источниках в период Восточная (Поздняя) Хань (25–220 гг. н. э.). Некоторые исследователи усматривают в этом топониме китайскую иероглифическую транскрипцию известного этнонима *булгар* (подробнее см.: Woodberg, 1936, 291–307; Санпин Чен, 2004, 43–47; Chen Sanping, 1998, 1–13; 2012, 83–98).

Итак, из китайских нарративных источников мы узнаем, что в I тысячелетии до н. э. на севере от древнекитайских царств эпохи Чжоу обитали племена *ди*, которые взаимодействовали с западными *жунами*, к середине тысячелетия на севере Китая образовалось симбиотическое сообщество пастушеских племен *жунди*. В результате наслоения на *жунский* субстрат *дисцев* тогда же сформировалась новая этнолингвокультурная общность *ху* (*дунху*, *линьху*, *цзиху*, *шаньху*, *заху*, *чжуху*, *зачжонху* и проч.), из которой в третьей четверти I тысячелетия до н. э. выделелись *ухуани*, *сяньби*, *мужуны*, *тоба*, *туйюхуни*, *жоужани*, *кидани* и т. д., а также более известные *сюнну* и их потомки – *булоцзи* (= *булгары*).

5. Археологическая версия этнокультурной истории Внутренней Азии в прототюркскую эпоху

На севере Китая с незапамятных времен, еще в легендарную эпоху Шан-Инь (XVII–XI вв. до н. э.) развивался самобытный комплекс культур, принципиально отличающийся от синхронных культур Великой Китайской равнины. Культуры «северного края» (кит. бэйфан), несмотря на явное типологическое сходство, не были однородными – каждая этносоциальная общность имела самобытную культурную традицию.

Современное состояние проблемы прототюркского хронотопа, в частности, рассмотрения пространственно-временных параметров расселения прототюркского родо-племенного сообщества в Евразийском степном поясе, определяется прежде всего новыми значительными достижениями в археологическом изучении степей Центральной (Внутренней) Азии и сопряженным изучением археологических памятников эпохи бронзы и раннего железного века с данными древних китайских письменных источников о таких народах «северного края», как *цяны*, *жуны*, *ди*, *ху* и т. д.

Проведенные за последние три-четыре десятилетия археологические исследования во Внутренней Азии, в частности, в южном секторе Циркумгобийского региона, показали присутствие у северных границ древнекитайских царств крупных популяций бронзового века с пасторальной культурой уже в эпоху Шан-Инь (около начала XVII – около XI вв. до н. э. / около 1600 – около 1050 гг. до н. э.). Обращая внимание на необходимость разграничения пастушеской скотоводческой культуры от культуры номадов, т. е. кочевников в классическом смысле этого термина. Свидетельством глубокого проникновения скифо-сакских племен на восток являются археологические памятники ордосской культурно-исторической общности, типологически и стилистически близкие к синхронным древностям скифо-сибирского мира, в частности, к бронзовым артефактам карасукской культуры Южной Сибири.

Археологам хорошо известно, что истоки металлопластики «скифо-сибирского» звериного стиля находятся в Южной Сибири и сопредельных территориях Великой евразийской степи. Культура ордосских бронз, с одной стороны, указывает на южносибирские (карасукские) истоки северокавказского варианта звериного стиля, а с другой – на достаточно длительный симбиоз местных прототюркских популяций с мигрировавшими из Южной Сибири и Восточного Туркестана индоиранскими популяциями, принесшими в Северный Китай пасторальную культуру с характерной для нее металлопластикой звериного стиля [Шульга, 2015].

Археологические комплексы ордосской культурно-исторической общности позднескифского времени (Алучайдэн, Налиньгаоту, Няньфаньцзюй, Сигуопань, Шихуйгоу и др.) демонстрируют мощные культурные импульсы из Южной Сибири, Саяно-Алтайского центра пасторальной культуры, на материальную культуру и идеологию скотоводческого населения Северного Китая, известного по китайским источникам под собирательным названием *ху*.

Именно среди «скифоидных» памятников ордосской культурно-исторической общности выделены в последнее время многочисленные погребальные комплексы VII–III вв. до н. э. [Сяцзядянь (верхний слой) (IX–VII вв. до н. э.), Юйхуанмяо (VII–VI вв. до н. э.), Маоцингоу (конец VI–III вв. до н. э.), Таохунбала (VI–III вв. до н. э.)], несущие признаки культуры плиточных могил и характерные для более поздних сюннуских некрополей особенности в погребальном обряде и сопроводительном вещевом комплексе (об этом подробнее в работах П. И. Шульги, С. С. Миняева, а также современных китайских археологов, библиографию см.: Миняев, 2007; Шульга, 2015).

Восточную провинцию центральноазиатских степей, обозначенную нами термином Циркумгобийский регион, или Внутренняя Азия, накануне выхода на историческую арену *сюнну* занимали три основные культурно-исторические общности: первая из них – с характерными памятниками культуры плиточных могил – занимает восточную часть Монголии и Забайкалья; вторая представлена археологическими комплексами ранних кочевников скифского времени на западе Монголии и части Саяно-Алтайского нагорья (скифские культуры Тувы, родственные западномонгольским памятникам «культуры херексуров и плиточных могил») и, наконец, комплекс ордосских памятников ранних кочевников скифского времени, объединенных С. С. Миняевым в «ордосскую культурную провинцию скифского мира» [Миняев, 1985, с. 75–76; Миняев, 1991, с. 108–120; Миняев, 2007, с. 70–83].

С. С. Миняев полагает, что совокупность признаков, характерных для погребений ранних кочевников скифского времени этих регионов «не позволяет рассматривать их как основу для развития сюннуских комплексов; последние появились вместе с пришлым населением, принесшим с собой целый ряд новаций» [Миняев, 1985, с. 76].

Южная провинция Внутренней Азии, отмеченная памятниками относящихся к ордосской культурно-исторической общности археологических комплексов Сяцзядянь (верхний слой) (IX–VII вв. до н. э.), Юйхуанмяо (VII–VI вв. до н. э.), Маоцингоу (конец VI–III вв. до н. э.), Таохунбала (VI–III вв. до н. э.) и др., является территорией, на которой в результате длительного симбиоза прототюркских (*ди* китайских хроник) и дисперсно расселившихся среди них индоиранских (*жуны* китайских источников) племен сложилась огурская этнолингвокультурная общность (*ху* китайских династийных хроник).

Согласно сложившейся в Китае традиции, все археологические культуры «северного края» обычно аффилируются с тем или иным классификационным «этнонимическим» термином, зафиксированным в письменных источниках. В настоящее время многие китайские и отечественные исследователи аффилируют археологическую культуру «верхнего слоя Сяцзядянь» с племенами группы *дунху*, располагающуюся

к западу от нее культуру ордосских бронз – с сюнну [Dashibalov, 2009, с. 265–268], а находившуюся между ними культуру *юйхуанмяо* обычно связывают с *шаньжунами* – «горными воинами».

Накладывая сведения китайских письменных источников на археологическую карту Внутренней Азии, логично заключить, что носителями культуры плиточных могил были прототюркские племена *ди*, а памятники ордосской культурно-исторической общности были оставлены *жунди*, позднее получившие от китайских хронистов название *ху* (дунху, линху и проч.).

Территория формирования прототюркской этнолингвокультурной общности скотоводческих популяций явно выраженного монголоидного антропологического облика континентального типа в I тысячелетии до н. э. охватывал весь Циркумгобийский регион, включая северную и южную провинции Внутренней Азии. Именно эта обширная область, помеченная сетью памятников культуры плиточных могил, и является наиболее вероятной исходной прародиной тюркских народов.

Библиография

- Дробышев Ю. И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н. э. – XVI в. н. э.) М., 2014.
- Егоров Н. И. Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа: в 2-х т. Чебоксары: Новое время, 2017.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. 346 с.
- Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб., 2007. 233 с.
- Миняев С. С. Зона скифского мира на северо-востоке КНР: находки и проблемы // Общество и государство в Китае. М., 1991. Вып. 22. С. 171–175.
- Миняев С. С. К проблеме происхождения сюнну // Информационный бюллетень международной ассоциации по изучению культуры Центральной Азии. М., 1985. Вып. 9. С. 70–78.
- Миняев С. С. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии и истории. Барнаул, 1991. С. 108–120.
- Миняев С. С. Раскопки Дырестуйского могильника и основные проблемы археологии сюнну // Древние культуры и археологические изыскания. СПб.: ИИМК АН СССР, 1991. С. 72–75.
- Санпин Чен. Някои бележки за китайските българи // Авитохол. София, 2004. Бр. 26. С. 43–47.
- Тенишев Э. Р. Введение // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык. Картина мира тюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. С. 5–9.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: фонетика. М.: Наука, 1984. 484 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: синтаксис / Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебрянников. М.: Наука, 1986. 284 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика. М.: Наука, 1997. 800 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. 767 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 908 с.
- Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 289 с.
- Шульга П. И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI вв. до н. э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 304 с.
- Woodberd P. A. The Language of the T'o-Pa Wei // Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge (Mass.), 1936. Vol. 1. № 2. P. 167–185.
- Chen Sanping. Some remarks on the Chinese «Bulgar» // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1998. Vol. 51. № 1–2. P. 69–83.
- Chen Sanping. Multicultural China in the Early Middle Ages. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. 292 p.
- Clauson G. Turk, Mongol, Tungus // Asia Major. N.S. London, 1960. Vol. VIII. Part 1. P. 105–123.
- Dashibalov B. B. The Hiongnu archaeology: questioning, the connections between, the traditions of the early Mongols and ancient Koreans // The VI Conference on Korean Studies Association of Australasia. Sidney, 2009. P. 265–268.
- Eberhard W. Çin kaynaklarına göre Orta ve Garbi Asya Halklarının Medeniyeti / Çeviren M. Mansuroğlu // Türkiyat Mecmuası. Ankara, 1942. VII–VIII c. 1 sayı. 125–191 s.
- Pritsak O. From the Sábirs to the Hungarians // Hungaro-Turcica: Studies in honor of Julius Németh. Budapest: Joránd Eötvös University, 1976. P. 17–30.
- Pulleyblank E. G. Lexicon of Reconstructed Pronunciation: In Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBS Press, 1991. 497 p.
- Pulleyblank E. G. Tribal confederations of uncertain identity: The Hsileng-nu // Philologiae et Historiae Turcicae Fundamenta. Berlin, 2000. Vol. 3. P. 62–65.
- Yegorov N. I. Orta-Asya Tarihinde Ogur «Protobulgar»ın Dil Kültürü ve Devamlılığı // Dünya Uygarlığı içinde Türk Uygarlığı: Tarih ve Dil Meseleleri Kurultayı: 26–29 Haziran, 2014, Eskişehir, 2014, II cilt: Dil / Edebîyat Meseleleri Tebliğleri. S. 124–171.

Т. Н. Ерина

ФОНЕТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЧЕБОКСАРСКОГО РЕГИОЛЕКТА

Аннотация. Русский язык на территории Чувашии и г. Чебоксары в течение длительного времени подвергался влиянию чувашского языка. Результатом такого контактирования языков явилось становление чебоксарского региолекта, который обнаруживает своеобразные черты на всех уровнях языковой системы. В статье рассматриваются его фонетические особенности.

Ключевые слова: языковые контакты, чебоксарский региолект, фонетические особенности.

T. N. Erina

PHONETIC MARKERS OF CHEBOKSARY REGIONAL DIALECT

Abstract. In the territory of Chuvashia and the town of Cheboksary the Russian language has long been influenced by the Chuvash language. The contact of languages resulted in formation of Cheboksary regional dialect, which shows peculiar features at all levels of the language system. The article deals with its phonetic features.

Keywords: language contacts, Cheboksary regional dialect, phonetic features.

В последнее время в условиях стирания национальных и региональных отличий все более значительными становятся регионалистические исследования русского языка – определение в нем региональных особенностей на всех языковых уровнях: фонетическом, лексико-фразеологическом, грамматическом. Для российских лингвистов региолект зачастую связывается с изучением языка города, одним из основных аспектов которого является региональная вариативность русского литературного языка. Понятие региолекта чаще всего рассматривается исследователями на примере локальной разновидности языка какого-либо конкретного региона. Изучение специфики функционирования современного русского языка в различных регионах Российской Федерации находит отражение в многочисленных работах. Между тем чебоксарский региолект русского языка в качестве объекта научного исследования начал рассматриваться сравнительно недавно [Фомин, 2013; Ерина, Фомин, 2014; Ерина, 2015; Fomin, 2018; Алос-и-Фонт, 2018].

Известно, что условия многовекового развития и формирования чувашского народа складывались так, что они издавна способствовали сближению чувашей с русским народом, следовательно, содействовали распространению русского языка среди них. Здесь имели место следующие факторы: 1) исторические (территориальная близость чувашского и русского народов; проникновение русских в пределы чувашских земель; крещение чувашей; присоединение Чувашии к Русскому государству в 1551 г.; Октябрьская революция; образование Чувашской автономной области в 1920 г. и ее преобразование в Чувашскую АССР в 1925 г.; Великая Отечественная война 1941–1945 гг.); 2) события новейшего времени (всесоюзные стройки: «Чебоксарский завод промышленных тракторов», «Химпром», «Чебоксарская ГЭС»); 3) социодемографические факторы (межнациональные браки; урбанизация); 4) языковые контакты. Под влиянием этих экстралингвистических факторов сложился чебоксарский региолект русского языка, под которым понимается речь жителей столицы Чувашской Республики г. Чебоксары (речь этнических русских и русская речь чувашей).

Чебоксарский региолект русского языка имеет своеобразные черты на всех уровнях языковой системы, возникшие как результат активного контактирования русского и чувашского языков. В рамках данной статьи мы отметим только фонетические особенности, которые характерны в основном для русской речи чувашей, жителей г. Чебоксары.

1. Отсутствие качественной редукции гласных *a*, *o*, *э* в безударных слогах: л[о]ш[а]дэй – лит. л[ъ]ш[ы]дэй; (в 2017) г[о]дú – лит. г[а]дú; п[о]купáтельский (спрос) – лит. п[ъ]купáтельский; с[е]гóдня – лит. с[и³]гóдня. Для указанных гласных в чувашском языке не характерна позиционная редукция и разница между ударными и безударными слогами по сравнению с русским невелика. Поэтому русские безударные гласные *a*, *o*, *э* произносятся без редукции, по написанию. В случае с гласным *o* произношение напоминает оканье.

2. Яркой фонетической особенностью русской речи чувашей, жителей г. Чебоксары, является четкое (по написанию), интонационно выделяемое произношение безударного *я*, например: земл[я]кí – лит. земл[и³]кí; дев[я]нóстые – лит. дев[и³]нóстые; п[я]тнáдцать – лит. п[и³]тнáдцать; [я]влéние – лит. [ji³]влéние; (девятое) [я]нвáря – лит. [ji³]нвáря.

Такое произношение *я* профессор М. М. Михайлов, автор работ по проблемам двуязычия, назвал акцентным яканьем [Михайлов, 1989, с. 44]. Заметим, что оно характерно также для дикторов и журналистов

чувашского радио. Говорящие всегда переносят ударение на я, в результате чего, как и в случае с гласными а, о, э, мы имеем буквенное произношение. М. М. Михайлов считает, что причиной такого произношения является то, что «чуваша русский язык в значительной мере усваивают через письменную речь, через книгу. Поэтому влияние орфографии на произношение здесь огромно» [Михайлов, 1989, с. 44].

3. Отсутствие перехода [и] в [ы] после согласных в составе фонетических слов, например: об [и]скусстве – лит. об [ы]скусстве, (дружить) с [и]горем) – лит. с [ы]горем; (приехать из) [и]ндии – лит. из [ы]ндии. Говорящие в беглой речи делают паузу между предлогом и знаменательным словом, тогда как в русском литературном языке предлог и следующее за ним знаменательное слово (проклитика) образуют самостоятельное (фонетическое) слово.

4. Произношение грамматических форм указательного местоимения *этот* с согласным [j]: [jэ]тот, с [jэ]тим, об [jэ]том. В литературном языке все эти формы произносятся без [j].

5. В русском языке есть два звука [с] и [с’], в чувашском три: [с], [с’] и [ç]. Причем [с] и [с’] почти не отличаются друг от друга, а [ç] содержит призвук мягкого щ’ (образован из древней аффрикаты джь) [Михайлов, 1989, с. 46]. В силу этих фонетических особенностей в русской речи чувашей на месте [с’] нередко произносится [ç], например: [ç]интаксис, система [ç]истема.

6. Произношение мягкого губного [ф’] перед е в словах иноязычного происхождения, например: ка[ф’]е, [м’эн’э]джер – лит. [м’онь]джер.

Таким образом, отмеченные выше фонетические особенности русской речи чувашей, жителей г. Чебоксары, позволяют говорить о существовании чебоксарского региолекта как одной из форм языкового бытия.

Библиография

Алос-и-Фонт Э. О региолекте Чебоксар (на основе просьб об остановках в маршрутных такси) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2018. № 1. С. 10–18.

Ерина Т. Н., Фомин Э. В. Изучение чебоксарского региолекта русского языка: презентация проекта // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. 2014. № 9. С. 12–14.

Ерина Т. Н. Чебоксарский региолект русского языка: лингвистические наблюдения // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 239–242.

Михайлов М. М. Двужычие: проблемы, поиски... Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 160 с.

Фомин Э. В. Ортологический аспект изучения чебоксарского региолекта русского языка // Культура и искусство: традиции и современность. Чебоксары, 2013. С. 154–157.

Fomin E. Linguistic parameters of the Cheboksary regional dialect of the Russian language // Urban Linguistic Diversity : Abstracts of the 1st International conference. Moscow: Institute of Linguistic RAS, 2018. P. 21–22.

А. М. Иванова

ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЧУВАШСКИХ ОЙКОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Работа посвящена изучению чувашско-русских фонетических соответствий, сложившихся в ходе стихийного освоения чувашских ойконимов русским языком. Автор главным образом рассматривает переходы специфических звуков *ă, ě, ý, ç*, а также передачу озвонченных согласных *ç, х, ч* в русском контексте. Результаты исследования важны для составления правил чувашско-русской транслитерации.

Ключевые слова: ойконимы, фонетика, транслитерация, чувашский язык, русский язык, языковые контакты.

А. М. Ivanova

PHONETIC ADAPTATION OF CHUVASH OIKONYMS IN RUSSIAN

Abstract. The work is devoted to the study of Chuvash-Russian phonetic correspondences formed during the spontaneous development of the names of Chuvash settlements in Russian. Transitions of specific sounds *ă, ě, ý, ç*, as well as transfer of consonants *ç, х, ч* in the sounded positions are considered. The results of the study are important for compiling the rules of the Chuvash-Russian transliteration.

Keywords: oikonyms, phonetics, transliteration, Chuvash language, Russian language, language contacts.

Лингвистами не раз предпринимались попытки создать правила чувашско-русской транслитерации [Иванова, 1994; Ерина, Фомин, 2012, с. 182–185]. Необходимость подобных правил возникает при использовании экзотической чувашской лексики в русском контексте. Однако полученные результаты все еще далеки от совершенства. Исходно имеется материал разносистемных языков, которые следует свести к общему знаменателю – создать универсальные правила, и это становится многосложной задачей.

Представляется, что наблюдения над фонетикой чувашско-русских соответствий в ойконимике помогут создать более совершенные правила транслитерации, поскольку переосмысление чувашских

названий, осуществлявшееся в течение многих лет представителями русского народа, в большей степени приближено к звучанию русского языка.

В основу исследования положен ойконимический материал, взятый из справочника В. А. Нестерова «Населенные пункты Чувашской АССР» [Нестеров, 1981]. Автором сопоставляются чувашские названия населенных пунктов с их русскими соответствиями и устанавливаются регулярные и случайные звукопереходы.

В Чувашской Республике, по данным на 2017 г., насчитывается около 1700 населенных пунктов, названия которых в 40 процентах случаев исконно чувашского происхождения [Нестеров, 2017, с. 73]. В образовании собственно чувашских ойконимов частое участие принимает апеллятивная лексика (таблица 1).

Таблица 1

Апеллятивная лексика в составе чувашских ойконимов¹

Слова	Транслитерация	Всего	Доля, в %	Примеры
-кас / -касси ²	-кас / -касы	435	24,0	<i>Върманкас</i> 'Вурманкасы'
<i>ял / ялĕ / яль / ел</i> 'селение'	<i>ял / ялы / ель</i>	119	6,6	<i>Атӑльял</i> 'Адыльял'
<i>пуç</i> 'исток, начало'	<i>пось / поси / нуци</i>	68	3,8	<i>Шывпуç</i> 'Шивбоси'
<i>сырма</i> 'овраг'	<i>сирма</i>	40	2,2	<i>Авӑрсырми</i> 'Авыр-Сирмы'
<i>ушкӑнĕ / ушкӑнь</i> 'скопище'	–	29	1,6	<i>Хунахушкӑнь</i> 'Кабаккая'
<i>уй</i> 'поле'	<i>уй / ой</i>	21	1,2	Улмалуй 'Олмалуй'
<i>туçи</i> 'нагорный'	<i>тузи</i>	12	0,7	<i>Туçи</i> 'Тувси'
<i>хĕрри</i> 'берег'	<i>хири</i>	10	0,5	<i>Кӱлхĕрри</i> 'Кюльхири'
<i>вар</i> 'овраг'	<i>вар</i>	9	0,5	<i>Чӑнкӑвар</i> 'Чинквары'
<i>кӱл</i> 'озеро'	<i>кюль</i>	7	0,4	<i>Суткӱл</i> 'Сюткюль'
<i>пылӑх</i> 'угодье'	<i>пылых</i>	6	0,3	<i>Брашпулӑх</i> 'Брашпулых'
<i>сӑл</i> 'родник'	<i>сюл</i>	5	0,3	<i>Сӑлпуç</i> 'Аксарино'
<i>сут</i> 'поляна'	<i>сют</i>	5	0,3	<i>Мӑнсут</i> 'Мунсют'
<i>вӑрри</i> 'устье'	<i>выри</i>	3	0,2	<i>Сӗнтӑрвӑрри</i> 'Мариинский Посад'
Всего		1809	42	

В целом чувашские ойконимы являют наиболее описанную часть чувашского ономастикона. Исследователи заключают, что «... каждое географическое название регистрируется, как правило, в двух вариантах – на русском и чувашском, причем различие между ними сводится лишь к небольшим фонетическим изменениям, соответствующим речевым нормам языков: чув. Мускаринкасси – рус. Мускаринкасы, чув. Наснар – рус. Наснары, чув. Ишмула – рус. Ешмолай» [Нестеров, 2017, с. 14]. Кроме того, ученые отмечают, что «местные названия в русской передаче частично видоизменились. Стало распространенным правилом наименование чувашских населенных пунктов на русском языке во множественном числе: чув. Карачура – рус. Карачуры, чув. Акшик – рус. Акшики, чув. Елаш – рус. Елаши» [Нестеров, 2017, с. 14]. Надо заметить: форма плюраля отчувашских ойконимов продиктована высокочастотным формантом *-касси*, финаль которого на русской почве по формальным признакам переосмыслен в качестве показателя множественного числа. Интересное заключение, которое вряд ли следует признать объективным: «Русская письменность оказалась достаточно универсальной и удобной для выражения чувашского произношения» [Нестеров, 2017, с. 16].

Гласные *а, и, э, у, ы* являются общими для чувашского и русского языков, однако и они в ряде случаев могут быть подвергнуты изменениям:

а ~ э: Ахмат – Ахметово, Тутар Элпуç – Татарское Альбусь-Сюрбеево, Шарнаш – Шербаши;

а ~ о: Кавал – Ковали, Кантуркасси – Конторкасы, Катек – Котяково, Славаш – Словаши;

а ~ ы: Юнтапа – Яндобы;

а ~ и: Чаканар – Чиганары.

и ~ ы: Алмикасси – Алмыкасы;

у ~ а: Юнтапа – Яндобы, Улаксар – Алаксары, Упамса – Абамза;

у ~ ы: Сурӑм – Сормы;

у ~ о³: Аслӑ Чулӑ – Большие Чӑллы, Туçа – Тойси, Уравӑш – Орауши, Кушар – Кожары;

у ~ э: Тури Юлӑш – Верхние Елыши, Чурнай – Чербай. Чутай – Четаи;

¹ Статистика по состоянию на 1974 г. по: Нестеров, 1981.

² Формант *-кас / -касси* не имеет общепризнанной этимологии. Согласно воззрениям М. Р. Федотова, «многочисленные чувашские ойконимы со вторым компонентом *-касси*... обозначают выселки...» [Федотов, 1996, т. 1, с. 235].

³ Соответствие *у ~ о* существует в самом чувашском языке: вирыл. *о ~ низов.* и лит. *у.*

э ~ а: *Елчĕк – Яльчики, Етĕрне – Ядрин, Шелттем – Шальтямы, Этмен – Атмени, Эплес – Аблязово, Авшак Элмен – Альменево;*

э ~ и: *Ершепуç – Ершитоси.*

Четкой закономерности в звукосоответствиях *а* с другими гласными не наблюдается. Возможно, мягкость *ч* допускает переход *а* в гласные переднего ряда (*Чакă – Чекурово, Чаканар – Чиканар*). В других случаях могли зафиксироваться диалектная, историческая или случайная формы. В частности, исторически обусловленной может быть огубленность *а* в *Кавал – Ковали, Паваркасси – Поваркасы*.

Гласные *ă, ё, ŷ* по естественным причинам не могут быть отражены в русском написании. В их передаче возможны разные подходы:

ă ~ ы: *Амалăх – Амалыково, Аптайкасси – Аптышкасы, Анаткас Татмайи – Нижние Татмыши;*

ă ~ и: *Анчăккасси – Верхнее Анчиково, Чурачăк – Чурачики, Шăхаль – Шигали, Хачăк – Хачики, Мăн Чăкăр – Большой Чигирь, Пионкă – Пионги;*

ă ~ у: *Кăпас – Кубасы, Пăрнаш – Бурнаши, Сăнар – Сунары, Ăстакасси – Устакасы;*

ă ~ о: *Тăмлай – Томлай, Нăрваш – Норваши, Кăнар – Конар, Торăпкасси – Торопкасы;*

ă ~ э: *Йăлмачча – Елмачи, Шăмăрши – Шемуриша, Шуришăл – Шоршелы;*

ă ~ а: *Ăстакасси – Астакасы, Вуслăх – Вуслах, Карăклă – Караклы;*

ă ~ ø: *Вăрăмой – Вурмой, Кăшавăш – Кишауши;*

ё ~ и: *Анат Тимёрчкасси – Нижнее Тимерчеево, Атёкпуç – Адиково, ёсмел – Исмели, Сёньял – Синьялы, Сирёклё – Сирикли;*

ё ~ у: *Вёрмер – Вурмеры, Кёлкеш – Кульгеши, Кётеснер – Кудеснеры;*

ё ~ ъ: *Анаткас Тёрер – Тюрары, Йёпрем – Юпрямы, Тёрлемес – Тюрлема*

ё ~ о: *Йёкёрвар – Игорвары;*

ё ~ ø: *Йёрёхкасси – Ирхкасы, Йёрёхсырми – Ирх-Сирмы, Тёвенеш – Твеняшево;*

ё ~ э: *Енёшкасси – Енешкасы, Катёркасси – Катергино, Чёпкас – Чепкасы.*

ŷ ~ и: *ŷсёк – Исаково* (похоже, что чувашский и русский ойконимы – случайные соответствия);

ŷ ~ у: *Кўкеç – Кугеси, Кўлхёрри – Кюльхири;*

ŷ ~ о: *Кўстерек – Костеряки* (где наблюдается звукопереход чув. *ŷ* → рус. *у* → *о*);

ŷ ~ э: *Ахпурт – Ахпердино.*

Общие согласные – *в, й, к, л, м, н, п, р, с, т, х, ч, ш* – как правило, при русском орфографировании сохраняются. Здесь обычно наблюдается лишь позиционное озвончение глухих согласных, например: *Хурасан – Хоразаны* (*с* ~ *з*), *Атапай – Адабай* (*т* ~ *д*).

Однако данный принцип проявляется не всегда последовательно: *Атăк [а́дък] – Атыково, Варпуç [варбўç] – Варпоси, Пукаш [пуга́ш] – Бокаши*. Здесь, кажется, проявляет себя такой фактор, как разное качество звонкости чувашских согласных в интервокальной и интерсонорновокальной позициях в тот период, когда происходило становление русской части чувашского ойконимикона, и в настоящее время, когда звонкость глухих звуков стремится к максимуму.

Специфичные согласные *ç, х, ч* в интервокальной и интерсонорновокальной позиции, в чувашском языке подвергающиеся озвончению, в русском написании передаются буквами, означающими близкие чувашским звуки или же теми же графемами, поскольку в русской письменности не наблюдается прямых аналогов (согласный звук *ç* подвергается замене во всех случаях, поскольку в русском письме и вовсе не имеет соответствий, звук близок по произношению *ш'*: в слове *яцик*):

ç ~ з: *Амаçыр [амазЫр] – Амазир, Ирçе [ирзэ] – Ирзеи;*

ç ~ с: *Кипекçe – Кибекси, Аçăмсырми – Азим-Сирма;*

ç ~ ч: *Мăн Хураçка – Большое Карачкино, Нёркеç – Нюргечи, Çарăклă – Чаркли.*

х ~ г: *Улхаш [улуга́ш] – Алгаши, Шăхаль [шгъу́ал'] – Шигали;*

х ~ ø: *Хапăс – Абызово;*

х ~ к: *Кахăрлă Шăхаль – Какерли-Шигали;*

х ~ ф: *Ехремкасси – Ефремкасы;*

ч ~ з: *ŷречеккасси – Урзекасы*, (для ср.: чув. *çурече* ‘окно’ ~ тат. *тэрэзэ*).

ç (графически ч) ~ ч: *Вачалкасси [васалгас:й] – Ва[ч]алкасы.*

Другой интересный момент: чувашские звукосочетания *-вă-* / *-вё-* в русских соответствиях переходят в *у*: *Тавăт – Таутово, Тивёш – Тиуши, Шёвёш – Шуиши, Явăш – Юиши.*, для ср.: в чувашском языке фонетические параметры *в* практически соответствуют русским, между тем в татарском языке *в* уже представляет собой губно-губной сонорный звук.

Первичное русское орфографирование чувашских ойконимов осуществлялось стихийно. По этой причине одни и те же чувашские названия селений, находящихся в разных местностях, могли получить разное отражение на письме, ср.: *Кёркаç – Кирегаси / Кюрегаси; Мишер – Мижары / Мижеры;*

Сирёклё – Сирекли / Сирикли; Тикеш – Тегешево / Тигаешево; Турхан – Тарханы / Торханы. (Надо полагать, что различие в орфографировании связано с диалектными особенностями как самих названий в чувашском языке, так и родными говорами русских, записывавших чувашский материал.) При этом ойконим *Именкасси*, встречающийся в Красноармейском и Батыревском районах Чувашии, в обоих случаях перешел в русский язык в форме *Именево*. Безусловно, перенос чувашского и русского названий произошел уже после письменной фиксации ойконима.

Чувашские ойконимы с исторически сложившимися русскими соответствиями – замечательный материал, который следует иметь в виду при совершенствовании правил чувашско-русской транслитерации. Согласно наблюдениям, специфичные чувашские звуки в разных позициях транслитерировались иначе, нежели пытаются это сделать в настоящее время лингвисты. Возможно, правила должны стать менее обязательными и допускать исключения в большей степени, чем это практикуется в современных условиях. Кроме того, изучаемый материал весьма ценен для изучения фонетического аспекта чувашско-русских языковых контактов.

Библиография

- Ерина Т. Н., Фомин Э. В. Чувашское слово в русском контексте: опыт словаря / Чуваш. ун-т. Чебоксары, 2012. 229 с.
Иванова Е. И. Чувашские экзотизмы в русской речи: дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / Моск. гос. пед. ин-т. М., 1993. 191 с.
Нестеров А. Над картой Чувашии: ист.-топ. заметки. 2-е изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 142 с.
Нестеров А. Населенные пункты Чувашской АССР: 1917–1981 годы: справ. об адм.-территор. делении / Науч.-исслед. ин-т яз., лит., ист. и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. 351 с.
Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары, 1996.
Фомин Э. В. Чувашские этнографизмы в русском контексте: вопросы транслитерации // Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования. Краснодар, 2012. С. 47–52.

М. Р. Саттарова

ОСОБЕННОСТИ ВОКАЛИЗМА ТАТАРСКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. Предлагаемая статья ставит целью изучение особенностей вокализма татарского и чувашского языков в сравнительно-историческом аспекте. Несмотря на то, что фонетическая система тюркских языков является объектом исследования лингвистов более века, данная область до сих пор остается актуальным в тюркологии. Особое значение при этом имеет проблема реконструкции пратюркского языка. Отдельные фонетические явления современных татарского и чувашского языков, а именно – система вокализма, позволяет раскрыть историю становления указанных языков и выявить закономерности развития тюркских языков в целом.

Ключевые слова: вокализм, татарский язык, чувашский язык, фонетическая система, история языка.

M. R. Sattarova

FEATURES OF VOCALISM OF THE TATAR AND THE CHUVASH LANGUAGES

Abstract. The article aims at studying peculiarities of vocalism of the Tatar and the Chuvash languages in the comparative-historical aspect. Despite the fact that the phonetic system of Turkic languages has been the object of linguistic research for more than a century, this area continues to be relevant in Turkic studies. Of particular importance is the problem of reconstructing the Proto-Turkic language. Some phonetic phenomena of modern Tatar and Chuvash languages, namely the vocalism system, allow us to disclose the history of these languages formation and to reveal the patterns in development of the Turkic languages as a whole.

Keywords: vocalism, the Tatar language, the Chuvash language, phonetic system, language history.

Изучение тюркских языков имеет важное теоретическое и практическое значение на мировой арене лингвистики. Богатый исторический и современный материал татарского и чувашского языков продолжает оставаться в центре внимания как зарубежных, так и отечественных ученых. Настоящая статья посвящается одной из проблем сравнительно-исторического исследования языков, а именно особенностям гласных, имеющих место в татарском и чувашском языках.

Ало Рауна с помощью лингвостатистического метода изучил степень родства тюркских языков. По результатам исследования ученого татарский язык набирает самую большую сумму индексов совместимых репрезентативных понятий среди современных тюркских языков, таким образом, для последних остается самым понятным [Әхмәтъянов, 2003, с. 32]. Индекс степени родства татарского и чувашского языков составляет 69 единиц.

Обратившись к данным генеалогической классификации тюркских языков видим, что она содержит довольно много разветвлений. Современные татарский и чувашский языки, несмотря на то, что распространены в ареальном плане рядом, относятся к разным группам. Этому, возможно, способствовали события в истории становления двух родственных народов. Немаловажное значение, по-нашему

мнению, имели контакты с другими этническими группами, принятие разных религиозных мировоззрений, географические особенности среды обитания и др. Тем не менее, к настоящему времени тюркский характер чувашского языка доказан [Левитская, 2014, с.12]. Следовательно, родство татарского и чувашского языков, бесспорно. Изучение тех или иных явлений этих языков в историческом плане предоставит возможность понять степень их родства, причины сохранения или исчезновения общих элементов. При этом необходимо использовать данные и других тюркских и нетюркских языков, с которыми имелись контакты татар и чувашей. В нашем случае немаловажную роль играют нетюркские языки смежных территорий. Несмотря на то, что в научной литературе, относительно вопроса происхождения современного татарского и чувашского языков, существуют различные взгляды, особый интерес в данном отношении вызывает наличие болгарского компонента.

Считается, что фонетические явления более стойкие по сравнению с показателями других ярусов. Поэтому при изучении языковых явлений исследуемых языков в сравнительно-историческом аспекте необходимо соблюдение следующих условий: проследить судьбу звуков и форм языка-основы в тех языках, которые выбраны в качестве объекта исследования; выявить в исследуемых языках инновации или новообразования, возникшие в период их изолированного существования; учесть результаты действия лингвистических факторов, связанных с историей народов; определить и охарактеризовать результаты влияния других языков.

При сравнении системы гласных современных татарского и чувашского языков с гласными древнетюркского языка получаем следующую картину.

Как известно, в древнетюркском языке использовались восемь гласных ([a], [ä], [i], [i̇], [o], [u], [ö], [ü]), которые на письме отображались с помощью пяти знаков [Хаков, 2003, с. 23]. В современном татарском литературном языке употребляются следующие гласные звуки: [a], [ə], [ы], [и], [o], [ø], [y], [ү], [э], [ь], [ö], [ë], которые на письме выражаются с помощью девяти знаков [Зэкиев, Ганиев, Тумашева, 1998, с. 90–91]. По мнению некоторых ученых, помимо этих гласных в татарском языке имеется фонема /ый/. На наличие данной фонемы в татарском языке в древние периоды указывают звучание таких арабских заимствований, как *Садыйк*, *Фатыйха*, *гаыйк* ‘влюбленный’ и т. п. [Хэкимжанов, 2005, с. 25].

Система гласных татарского языка по звучанию близка тюркским языкам болгаро-кипчакской группы. По мнению В. Хакова, гласные [ы], [е], [o], [ø] татарского языка соответствуют гласным [ы], [и], [й], [й̇] других тюркских языков кипчакской группы, а звуки [и], [y], [ү] соответствуют гласным [э], [o], [ø] [Хаков, 1993, с. 100]. Данные изменения в вокализме татарского языков ученый объясняет в первую очередь локализацией языка в период XIII–XV вв. и процессом сложения языковых норм.

В современном чувашском литературном языке употребляются следующие восемь гласных: [a], [ь], [y], [ы], [и], [е], [ь], [ү]. Следует отметить, что в диалектах обоих языков употребляются варианты некоторых гласных фонем. Гласные [a], [ь], [y], [e], [ь], [ү], [и] употребляются в разных позициях слова. А звук [ы] встречается только в первых слогах [Андреев, 1997, с. 482]. По количеству гласных чувашский совпадает с большинством тюркских языков. Однако по качеству система вокализма заметно отличается от классических тюркских гласных ([a], [ə], [o], [ö], [ы], [и], [y], [ү]).

Вопрос формирования чувашского этноса и становления чувашского языка привлекал внимание ученых давно. В данном случае важное значение имеют роль других этносов (иранских, финно-угорских, славянских) в данном процессе [Андреев, 1997, с. 481]. В настоящее время считается, что чувашский язык относится к болгарской группе тюркских языков наряду с самим болгарским и хазарским, являющимися мертвыми. Таким образом, сравнительный анализ системы гласных татарского и чувашского языков позволит выяснить общие и свойственные каждому языку в отдельности элементы как доказательство родственных, и в то же время самостоятельных языков.

В древнетюркском языке [a] был открытым, широким гласным заднего ряда. Этот вариант употребляется в некоторых говорах сравниваемых языков. Данный звук в татарском языке характеризуется вариативностью (различной степенью огубленности), что свидетельствует о разнообразном этническом составе народа [Sattarova, 2014, с. 657–660].

[ä] (ə) – открытый, широкий гласный переднего ряда. Данный звук в настоящее время характеризуется как особенность татарского и башкирского языков. Употребляется во всех позициях слова.

[i̇] (ы) – узкий, неогубленный гласный верхнего подъема заднего ряда. По орфоэпии гласный [ы] татарского и чувашского языков имеют такую же характеристику. Употребляется во всех позициях слова.

[i] (и) – узкий, неогубленный гласный верхнего подъема переднего ряда. Переход древнетюркского /i/ в современных татарском и башкирском языках в гласный /e/ имеет систематический характер, и в чувашском есть примеры соответствий, например, *bil* – тат. *бел*, чув. *пёл* ‘знай’, *bir* – тат. *бер*, чув. *пёр* ‘один’, *jigirmi* – тат. *егерме*, чув. *çирём* ‘двадцать’. Наблюдается и обратное соответствие гласных [e] – [i].

[o] (o) – широкий гласный среднего подъема, огубленный, заднего ряда. В современном татарском (и в башкирском) данный звук произносится более коротким по сравнению с другими тюркскими языками и соответствует гласному [y] в аналогичных единицах. В чувашском языке звук [o] встречается лишь в верховом диалекте. По орфоэпии звук близок к чувашскому [ʔ] (ǎ), например: *пулǎ* ‘рыба’, *шурǎ* ‘белый’, *хурǎн* ‘береза’ и др.

[ö] (ö) – широкий гласный, огубленный, переднего ряда. Обычно встречается в первых слогах, например, *kök* – тат. *kük* ‘небо, голубой’, чув. *kǎvak* ‘голубой’, *ötünis* – *үтенеч* ‘просьба’. Видим, что вместо древнетюркского [ö] в татарском языке употребляется [y]. В современном татарском языке гласный [ö] считается коротким гласным, в чувашском языке данный звук не употребляется, однако сохранились семантика некоторых лексических единиц древнетюркского языка и наблюдаются звуковые соответствия, характерные современному чувашскому языку.

[u] (y) – гласный верхнего подъема, узкий, огубленный, заднего ряда. Встречается во всех позициях. Древнетюркскому [u] в современном татарском соответствует звук [o], например: *uĉdi* – тат. *очты* ‘полетел’, чув. *вёç* ‘летать’, *ur* – тат. *ор*, чув. *вǎр* ‘ударь’. Данное соответствие наблюдается и в некоторых современных тюркских языках, например, тат., башк. *ул* ‘он’, *ук* ‘стрела’, *бул* ‘будь’, *утыз* ‘тридцать’ – тур.: *ol, oq, bol, otuz*. В некоторых случаях древнетюркскому [u] в татарском соответствует [ы], например: *qalun* – тат. *калын, qatun* – *хатын* ‘жена’, а в чувашском *хулǎн* ‘толстый’.

[ü] (y) – мягкий, огубленный гласный переднего ряда. В современном татарском языке данному звуку соответствует гласный [ö], например, *kün* – тат. *көн*, чув. *кун* ‘день’, *küz* – тат. *көз*, чув. *кёр* ‘осень’. В современном татарском языке данный звук в письменной речи употребляется только в первом слоге. В чувашском языке данный звук имеет похожую характеристику, например, *тўме* – *төймә* ‘пуговица’, *пўрне* – *бармак* ‘палец’.

В результате сравнения гласных древнетюркского, татарского и чувашского языков выявились следующие особенности: в современных языках имеются систематические звуковые соответствия; в современном татарском и чувашском языках употребляются следующие звуки, которые не зафиксированы в древнетюркском: [э] – гласный переднего ряда среднего подъема, не огубленный, относительный краткий. В зависимости от позиции, на письме выражается с помощью знаков э либо е. Помимо этого в заимствованиях из русского языка употребляются более длинные по сравнению в тюркским вариантом гласные [э], [ы], [о] [Хәкимжанов, 2005, с. 31–32], например, в таких словах, как *эстетика, театр, техник, директор, автор, мотор*.

Из изложенного выше материала следует, что татарский и чувашский языки имеют общее начало и в процессе становления приобрели определенные специфические черты. В научной литературе имеется точка зрения о возможности влияния языков Волжско-Камского региона друг на друга. Данная территория является стыком тюркских (татарского, чувашского, башкирского) и финно-угорских (марийского, удмурдского) языков. Относительно наличия болгарского компонента в этническом составе современных чувашей существуют различные мнения. Основной причиной является то, что о языке болгар – древнего населения Волжско-Камской Булгарии, образовавшейся в конце VI в., равно как и о языке дунайских болгар очень мало сведений. Нам известно, что арабский географ Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад аль-Истахри (около 850–934 гг.), Ибн-Руста (X в.) в своих записях сообщают о схожести языка волжских болгар и хазар [Кононов, 1982, с. 203]. По современным классификациям болгарский, хазарский и современный чувашский относятся к болгарской группе тюркских языков. Однако М. З. Закиев, Г. В. Юсупов, А. Зайончковский и др. придерживаются несколько иных точек зрения в решении данной проблемы. Древнейшие сведения о фонетико-грамматическом строе интересующего нас языка сохранились лишь в эпитафиях надгробных памятников, в венгерских хрониках, в славяно-болгарском княжеском именном листе.

Сравнивая лексический фонд татарского и чувашского языков несложно заметить наличие чередования гласных [a], [o], [y], как в диалектах, так и в литературных вариантах татарского и чувашского языков. Чередование этих звуков имеет закономерность, которую ученые представляют в таком порядке: a > a^o > o^a > o > y. Серьезным препятствием в изучении данного исторического чередования гласных в татарском и чувашском языках является то, что выяснить, какую артикуляционную характеристику имел тот или иной гласный в болгарской эпитафии надгробных памятников, представляется сложным процессом.

Однако бесспорным является то, что чувашский язык не относится к финно-угорским, и наличие общих лексических единиц в татарском, чувашском и болгарском языках – достаточно серьезный факт. К тому же, язык болгарских эпитафий неоднороден в стилистическом отношении. Одни тяготеют к современному чувашскому, другие – к татарскому языку. Возможно, это объясняется диалектной вариантностью языка болгарских эпитафий.

Как известно, верховой диалект чувашского языка является окающим, а низовой диалект – укающим. В развитии гласных татарского языка наблюдалось расширение, редуцирование, что свойственно и чувашскому языку.

Еще одной языковой особенностью, имеющей место в развитии татарского и чувашского является огубление. Подобные сходные явления в системах вокализма татарского и чувашского языков, возможно, объясняются единым источником, и назвать это спонтанным или общетюркским нельзя. Огубление [a], например, в узбекском языке развивалось и в тех случаях, когда ни фонетическое окружение, ни позиция в слове не способствовали этому. При наличии одинаковых возможностей огубления широких и узких гласных под влиянием окружающих звуков и одинаковой реализации этих возможностей в общетюркском масштабе устойчивое и более или менее регулярное огубление прослеживается только у широких гласных и только в небольшой группе тюркских языков, а именно – в тюркских языках Поволжского региона. Необходимо отметить и тот факт, что переход $a > o$ в начальном слоге для узбекского языка не является абсолютным, имеются исключения, например, *бармок* ‘палец’, *сайламок* ‘выбирать’, *сакламок* ‘охранять’, *ташламок* ‘бросить’ [Серебренников, 1979, с. 53]. К тому же, огубление /a/ в узбекском языке в свою очередь является иранским языковым субстратом. Наличие данного варианта звука /a/ в некоторых говорах диалекта сибирских татар также считается влиянием другого языка, в данном случае переселенцев из Бухары [Тумашева, 1977, с. 37].

Одним из причин разделения чувашского языка на два диалекта являются исторические события XIII в., когда часть населения вынужденно переселилась в более безопасные северные лесные местности. Соответственно, верховой диалект испытал ощутимое влияние марийского языка. Употребление [y] в низовом вместо [o] верхового диалекта Р. Г. Ахметьянов объясняет ассимиляцией мордвы-каратаев (древнемишарский диалект) чувашами и мишари произносили чувашское [o] как [y]: *зол* – *зул* ‘год’, *топ* – *туп* ‘найди’ [Ахметьянов, 1993, с. 17]. Для сравнения: в татарском языке *ел* (*йыл*) ‘год’, *тап* ‘найди’. Таким образом, возможно, чувашское [o] имеет двойное происхождение: первое соответствует исконно тюркскому [o], переходящему в [y], второе соответствует татарскому [a].

В чувашском языке наблюдается также переход исконно тюркского [a] в [ы]: тат. *бал* – чув. *пыл* ‘мед’, тат. *йар* – чув. *сыр* ‘берег’, тат. *сак* – чув. *сых* ‘хранить’, тат. *йаз* – чув. *сыр* ‘писать’, тат. *бар* – чув. *пыр* ‘идти’, тат. *агач* – чув. *йывăç* ‘дерево’, *балчык* – *пылчăк* ‘земля’, *авыр* – *йывăр* ‘тяжелый’, *тары* – *тырă* ‘просо’. Данное явление А.Б.Серебренников объясняет марийским языковым субстратом и считает продолжением перехода гласных $a > o > и > y > ы$ [Серебренников, 1979, с. 53].

Интерпретируя изоглоссы распространения умеренно огубленного варианта фонемы /a°/ в татарском лингвистическом пространстве, был сделан вывод о том, что эти территории совпадают с владениями Камско-Волжской Булгарии и является болгарским языковым субстратом. В силу известных нелингвистических причин дальнейшее развитие перехода гласных $a > o > y$ в татарском и диалектах чувашского языка приняла разную динамику [Хабибуллина, 2002, с. 15].

Доказательством тому, что до XIV в. в чувашском языке в указанной позиции употреблялся звук [a] служат сохранившиеся на могильных камнях XIV в. в пределах Камско-Волжской Булгарии чувашские слова *джал* ‘год’, *айых* ‘месяц’, ср. с тат.: *йыл*, *ай*. А также венгерские заимствования из болгарского языка VI–IX вв., появившиеся в этом языке в результате схождения венгров с булгарами и культурного влияния болгар на венгров: *sarlo* (*шарло*) – чув. *сурла* / *сорла* ‘серп’, *szam* (*сам*) – чув. *сум* ‘число’ (тат. *сан*), *sar* (*шар*) – чув. *шурă* / *шорă* ‘белый, желтый’ (тат. *сары*) [Матвеев, 1960, с. 96]. А в татарских говорах Заказанья и за пределами Татарстана (выходцев из Заказанья) сохранилась ступень /a°. Таким образом, татарский язык находится на ступени между /a/ и /o/. Переход $a > o$ является незавершенным. На приостановление процесса огубления фонемы /a/ в заказанских говорах, возможно, повлияло переселение кыпчакских племен, для которых характерным является употребление неогубленного [a] во всех позициях.

Итак, рассмотренная особенность в развитии системы вокализма татарского и чувашского языков является не случайным, и свидетельствуют о наличии общего этнолингвистического компонента. Несмотря на то, что в современном татарском и чувашском и других тюркских языках имеются особенные черты системы вокализма, сохраняются аспекты характеристики гласных, имевших место в древнетюркском языке (передний / задний ряд, долгое / краткое произношение, верхний / средний / нижний подъем). В сравнении с другими тюркскими языками, татарский (также башкирский) и чувашский формировались как самостоятельные, относительно обособленные тюркские языки Волго-Камского региона. Именно изоляция и контакты с финно-угорскими народами стали причиной возникновения как отличий в артикуляции звуков, так и в составе звуков. В свою очередь в тюркских языках Волго-Камского региона также имеются отличительные черты, выражающиеся в интенсивности губной гармонии, вариативности гласных. В перспективе предложенные объяснения относительно общего и специфического в вокализме татарского и чувашского языков следует подтвердить на примере явлений в области согласных, общей лексики, а также используя исторические факты, данные этнографии, культуры и других тюркских языков.

Библиография

- Андреев И. А. Чувашский язык // Языки мира. Тюркские языки / РАН, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1997. С. 480–490.
- Ахметьянов Р. Г. Татарский язык в Волго-Камском языковом союзе: автореф... докт. филол. наук? Казань, 1993. 17 с.
- Әхмәтъянов Р. Г. Татар терминологиясенә тарихи чыганаclarы. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2003. 174 б.
- Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дюоктябрьский период. Л.: Наука, 1982. 358 с.
- Левитская Л. С. Историческая фонетика чувашского языка: монография. Чебоксары, 2014. 320 с.
- Матвеев Т. М. Краткий обзор чувашских диалектов (опыт районирования). Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. 196 с.
- Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979. 53 с.
- Зәкиев М. З., Ганиев Ф. Ә., Тумашева Д. Г. һ. б. Татар грамматикасы: 3 томда. М.: Инсан, Казан: Фикер, 1998.
- Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар: опыт сравнительного исследования. Казань: Изд-во КГУ, 1977. 295 с.
- Хабибуллина М. Р. Характеристика изоглосс вариантов фонемы [a] в татарском лингвистическом ареале: автореф... канд. филол. наук. Казань, 2002. 15 с.
- Хаков В. Х. Татар әдәби теле тарихы. Казан: Казан университеты нәшрияты, 1993. 328 б.
- Хаков В. Х. Тел-тарих көзгесе (Татар әдәби теленә үсеш тарихыннан). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2003. 295 б.
- Хәкимжанов Ф. С. Татар әдәби теле: фонетика: югары уку йортлары студентлары өчен. Казан: ТДГУ нәшрияты, 2005. 108 б.
- Sattarova M. R., Zamaletdinov R. R., Nurmukhametova R. S. Variants of phoneme /a/ in Tatar lingual areal // Life Science Journal. 2014. № 11. P. 657–660.

Э. В. Фомин

ИМИТАЦИЯ ЧУВАШСКОГО АКЦЕНТА В РУССКОЙ РЕЧИ

Аннотация. В работе анализируется материал русского устного народного творчества и художественной литературы, в котором встречается имитация чувашского акцента. В точки зрения автора, фонетическая интерференция является не только средством художественной образности, но и элементом чебоксарского региолекта русского языка.

Ключевые слова: акцент, фонетика, чувашский язык, русский язык, языковые контакты.

E. V. Fomin

IMITATION OF THE CHUVASH ACCENT IN RUSSIAN SPEECH

Abstract. The paper analyzes the material of Russian verbal folk art and fiction in which imitation of the Chuvash accent is found. In the author's view, phonetic interference is not only a means of artistic figurativeness, but an element of Cheboksary regional dialect of the Russian language as well.

Keywords: accent, phonetics, the Chuvash language, the Russian language, language contacts.

Чувашский и русский языки принадлежат разным группам – тюркской и славянской – и имеют значительные расхождения между собой. В условиях чувашско-русского билингвизма нередко проявляется интерференция, в частности, фонетическая, в виде чувашского акцента и специфичной интонации в русской речи.

Имитация испорченной речи – одно из средств художественной выразительности в русской литературе. В ряде случаев писатели обращаются и за чувашским материалом, который вполне достоин стать объектом научного исследования.

В работе анализируется материал русского устного народного творчества и художественной литературы, содержащий имитацию чувашского акцента. При необходимости используются иллюстрации из произведений чувашских авторов.

Основным источником материала послужили тексты, напечатанные в сборнике «Русские писатели о чувашах» [Русские, 2009], и словарь «Чувашское слово в русском контексте» [Ерина, 2012].

В исследовании рассматривается как внешняя сторона акцента, так и его внутренние качественные проявления. Следует заметить, что в настоящих изысканиях анализируется отражение акцента в художественном тексте, а не сам акцент в условиях непосредственной разговорной речи.

Описание чувашского акцента в русской речи нашло отражение в книге М. М. Михайлова «Двуязычие: проблемы, поиски»: безударные *о, а, э* в любой позиции произносятся без редуции; проглатываются конечные безударные гласные (*минута – минут, кастрюля – кастрюль*); в слова с двумя стоящими рядом гласным вставляются согласный *ј* или *в* (*појэт, Левонтьев*); пропускается один из двух рядом стоящих одинаковых гласных (*коператив, водушевить* вместо *кооператив, воодушевить*); ударный слог произносится без достаточной силы и длительности, в результате чего он мало чем отличается от безударного; в начале слова произносятся глухие согласные вместо звонких: *тиректор, крамм*; стечение шумных согласных в начале и в конце слова разбавляется гласными (*бревно – пёрене, стол – сётел; суффикс – суффикас*); глухой согласный между гласными и между сонорными и гласными звуками подвергается озвончению: *убодобление, уботребление, водобад, пензия*; слова типа *агент, глагол, директор, железно* произносятся с оглушенными, по сравнению с русскими, звонкими согласными в виде; глухие согласные в позициях между гласными и сонорными не озвончаются (*потлежащее, сокласный, потвиг,*

латно); вместо мягкого *с'* и *з'* произносится чувашский звук *ç*; звук *в* не оглушается (*кро[в']*, *[в]тиснуть*); встречаются ошибки типа *ш[и]рокий*, *ж[и]знь* [Михайлов, 1989, с. 44–46].

Усиливает чувашский акцент своеобразная интонация: «... чувашская интонация является по сравнению с русской более “плоской”, монотонной... чувашская интонация менее напряжена, менее порывиста, чем русская. Мелодическая фигура чувашской фразы характеризуется несколько растянутым произношением последнего или предпоследнего слова (речь идет о нейтральной фразе, в которой ни одно слово не выделено логическим ударением)» [Михайлов, 1989, с. 50].

В русской литературе сложились такие способы передачи акцента, как сообщение об особенностях произношения в словах автора (1–2) и имитация акцента с помощью средств русского языка в прямой речи (3–4).

⁽¹⁾ *Когда он (Лукин) экзаменовался по русскому языку, преподаватель, еще молодой и не забывший, должно быть, университетских лекций по диалектологии, сказал, прислушавшись: «Среднее Поволжье, Симбирская или Саратовская губерния, сильное влияние чувашей». Так оно и было. Лукин родился и вырос в одной из чувашских деревень под Симбирском (Каверин В. Исполнение желаний).*

⁽²⁾ *«Лукин, пощупай у меня пульс. Как это, к черту, называется – fabris – от укуса ядовитой мухи?» – «Фебрис идиопатика, – повторил Лукин с чувашским выговором, который особенно был заметен, когда он говорил по-латыни» (Каверин В. Исполнение желаний).*

⁽³⁾ *«Что у тебя там?» спросил доктор чувашина. У чувашина опухшее лицо, на котором чуть видны маленькие, воспаленные глазки. В руках он держит толстую шапку. «Опайка ропенка ротит. Ропенок нейтет. Опайка плачет... Пойтем» (Кондурушкин С. Наяву).*

⁽⁴⁾ *Во тьме часовой торопливо и негромко бормотал: «Двенадцать окошков... дыве будки». – «Ты, чуваш! Ежели увидишь – башка из окна высунется або рука, – не стреляй!..» (Горький М. На пароходе).*

В то же время в произведениях русских писателей об акценте тонко свидетельствуют грамматические неправильности русской речи чувашей, сами по себе предполагающие наличие акцента (5–6).

⁽⁵⁾ *В. Сбоев, остановясь в чувашской избе, подошел к печке, чтоб разогреть свой завтрак. Чувашка обиделась. «Стой, в печечи народ много и твоя будет!» Это означало, что печь полна разными пожалу (лепешками) и пирогами и что их с избытком хватит на долю приезжего (Немирович-Данченко В. Великая река).*

⁽⁶⁾ *Впервые на мосту встретились подводы. Саней пятнадцать везли тюки рогожи. Тяжело тянули худые маленькие лошаденки. «Станция везу... Кооперация, – показал бичом ямщик. – Вот кооперация один помочь. Слух есть мастерские открывать будет!.. Чувашу всегда был плохой, – опять говорит ямщик. А голос у него высокий, тонкий, унылый. – Теперь вот... перемена пошел совсем!..» (Погодин Н. Ф. Унылый край).*

В приведенных примерах слова в отдельности отражаются фонетически правильно, но грамматические связи между ними не подчиняются нормам русского языка.

Имитация чувашского акцента используется в русской речи в различных целях. Во-первых, акцент допускается в ткань художественного повествования для создания образа (см., например: 1–2); во-вторых, акцент включается в художественную речь в целях экзотизации повествования (7); в-третьих, акцент придает тексту комичность, которая особенно сильно проявляется в анекдотах (8–9).

⁽⁷⁾ *У раскрытого окошка остановилась незнакомая чувашка. Ее лицо, по-старушечьи стянутое к сухому и пыльному рту, было залито слезами. Она облокотилась коричневым локтем о подоконник и с усилием выговорила: «Муж мою... упушки... Уньшиков. Не витал ты?» – «Уньшиков, комиссар-то? Нету, милая», – ответила Хвоциха, продолжая мерно сгибаться над квашиной. Чувашка обхватила обеими ладонями голову и вся закачалась. Ее ожерелья из монет глухо зазвенели. «У-у, хойха! Солдата увезла мою муж... детей многа... плоха!» Хвоциха бросила квашиню и высунулась из окна. Чувашка, всхлипывая и пересыпая речь родными словами, рассказала ей, что на заре к ним в Игнашкино прискакали казаки, подняли мужа с постели и, как он был в исподнем белье, увезли куда-то (Чертова Н. Огнеупор).*

⁽⁸⁾ *Поехали чебоксарцы в деревню, вышли в клуб. Начали искать своих. Подходят к одному и спрашивают: «Скажи восемь». – «Воççём». – «Не наш». Подходят к другому: «Скажи восемь». – «Воççём». Опять не их. Вася узнал что к чему. Дошла очередь до него: «Скажи восемь». – «Восемь!» – «О, наш! Как тебя зовут?» – «Ваççай!»*

⁽⁹⁾ *«Пийонеры Паттыревского района, путьте котовы!» – «Латнй!»*

Чувашский акцент имитируется в фильме режиссера М. Швейцера «Воскресение»:

⁽¹⁰⁾ *Конвойный чуваш (Масловой). На, е[ш'], кокта голодный. Е[ш'].*

Конвойный нижегородец. В[о]зьми, н[о]ней (Воскресение. 1960. Режиссер М. Швейцер. Серия первая. 1.01.39).

Впрочем, распознать чуваша в конвойном позволяет не имитация чувашского акцента, а прямое указание на национальную принадлежность конвоира в самом романе:

⁽¹¹⁾ *Наконец в пятом часу ее (Маслову) отпустили, и конвойные – нижегородец и чувашин – повели ее из суда задним ходом. Еще в сенях суда она передала им 20 копеек, прося купить два калача и папирос. Чувашин засмеялся, взял деньги и сказал: «Ладно,купаем», – и действительно честно купил и папирос, и калачей и отдал сдачу (Толстой Л. Воскресение).*

В фильме чувашский акцент ярко выражается лишь в слове *когда*, но не в остальных словах, и распознать его в крайне ограниченном иллюстративном материале почти невозможно.

Чувашский акцент имитируется также в сериале «Отчий берег» режиссера М. Фадеевой.

⁽¹²⁾ Шарифуллин. *Ладно. Ты лучше про себя расскажи-ка. Чем до войны занимался?*

Морозов. *Давай ты расскажи.*

Шарифуллин. *Чё я-то? Я из-под Шубашкара. Безотцовщина я. Отец татарин, в русско-японскую по-гиб. Мать чувашка, меня одного воспитала (Отчий берег. 2017. Режиссер М. Фадеева. Серия девятая. 21.32).*

Актер А. Гуцин о работе над ролью Шарифуллина отмечает: «Я вчера закончил как раз картину “Отчий берег”, и там я играю чуваша. Когда мне прислали сценарий, там написано: Шарифуллин. Это татарин. Я открыл интернет. Все интервью Минтимера Шаймиева. Как он разговаривает. Попытался акцент. И потом думаю: так, ладно, приду я и начну с чувашским акцентом разговаривать. В детстве там: *спасщиңй, пошалайстй, тавай-тавай, спасщиңй, тавай, пошалайстй, тощситани*. Я думаю: давай я так буду разговаривать. Режиссер говорит: “Ну зачем так утрировать, Толь!” – “Ну, я не утрирую! Серьезно! В деревнях так разговаривают! Хотите, запишу на диктофон, как мама у меня разговаривает?” В общем мы договорились, что я буду играть чуваша» [Актер].

По большому счету имитация чувашского акцента в комических целях является элементом чебоксарского региолекта (о чебоксарском региолекте см.: Фомин, 2013; Фомин, 2015). В этом случае псевдоакцент сопровождается и иными элементами региональной речи, прежде всего специфичной интонацией и частицами *-ка, что ль*. (Как признается участник форума «На связи», подписывающийся ником *adv*, «тут (в Москве) со знакомыми-земляками частенько меж собой чувашский акцент изображаем, ностальгия...») [Форум].)

Чувашский акцент в русской речи находит отображение и в самой чувашской словесности (13–15).

⁽¹³⁾ *Двое шли по дороге. Они хвастались знанием русского языка. Первый: «Торокай талеко твой?» Другой: «Хватайт ищё». Первый и дальше продолжил хвастаться. В этот момент из трубки вылетела искра, попала на одежду, и она загорелась. «Армяк корит твой», – сказал второй. Первый: «Анланмастай тесе калатним, анланатан!»¹. – «Коришь вёт!» – «Пёлетёп, пёлетёп!»². – «Армяк корит, армяк!» – «Снаю, снаю». – «Ну, сыхману сунать вёт ёнтё, мён пусна кащартса пыран!»³ – наконец второй переходит на чувашский язык. «Эй-яй! Ма пащарах каламастайн, сунса каятайн вёт!»⁴ (Умеющие говорить по-русски. Пер. наш. – Э. Ф.).*

⁽¹⁴⁾ *Учительница достала из шкафа книгу Баранова и положила перед благочинным. «Спросите Митю, а то он заплачется и вовсе не сумеет отвечать», – холодно сказал поп Анастасии Александровне. Та согласно кивнула и вызвала Митю. Не отнимая рук от зареванного лица, тот подошел к столу. «Прочитай наизусть стихотворение “Осень”». – «Уж непо озенью тышало... тышало... тышало...» – начал Митя и запнулся, скривив губы и готовясь снова заплакать. «Начни снова», – проворковал поп. «Уш непо озенью... плистало. Уш реше солнышко... тышало... С печальным шумом... лошился туман...» – беспомощно мямлил Митя (Трубина М. Детство. Пер. З. Романовой).*

⁽¹⁵⁾ *«Кого бы ты хотел почитать?» Молодой человек сделал вид, что задумался, затянулся сигаретой: «Например, Льва Толстова». – «Им написано много произведений, какая же тебе нужна?» – «Ну... У вас есть “Коварство и любовь”?» (Лазарева А. Приноси людям радость. Пер. наш. – Э. Ф.).*

Иная ситуация наблюдается с восприятием русского акцента в чувашской речи: он воспринимается чувашами как комичное явление. Видимо, такая реакция связана с тем, что чувашин не привыкли слышать чувашскую речь русских.

Имитация русского акцента в чувашской литературе, судя по предварительным наблюдениям, передается заменой специфичных чувашских звуков близкими русскими и значительным преувеличением звонкости согласных:

⁽¹⁶⁾ *Серебряков это или не он? Ведь Серебряков русский. И тут же, услышав ответ, довольно усмехнулся про себя: оказывается, старый бригадир говорит и по-чувашски. «Зяван бадне, Лука Степанович, зяван бадне, – сказал он, видимо, чувствуя, что у него по-чувашски получается неважно. – Казь-ха,*

¹ Думаешь, не понимаю? Понимаю.

² Знаю, знаю.

³ Ну, сыхман твой горит, что ж ты идешь со вздернутой головой!

⁴ Ой-ой! Почему сразу не сказал, сгорю ведь!

*гаидах бублезе ларар дере де. Эз де ун бадне буль?» (К нему, Лука Степанович, к нему. Сказал, приходи, посидим. И ты к нему?) (Таллеров Л. Колыбельная песня. Пер. Н. Нефедова), ср. с оригинальным чувашским написанием: *Çавăн патне, Лука Степанович, çавăн патне. Каç-ха, кайтах пуплесе ларар терё те. Эс те ун патне пұл?**

Русские привыкли к особенностям речи представителей других культур и в большинстве случаев воспринимают акцент нейтрально. Неприятие чувашского акцента, видимо, присуща самой чувашской среде, особенно обрусевшим чувашам, и причины настоящей проблемы нуждаются в специальном социолингвистическом исследовании.

Имитация чувашского акцента в русской литературе используется в качестве средства художественной образности, в малых жанрах устного народного творчества – анекдотах – как средства создания комичной ситуации. В тех же целях комичности имитация применяется в чебоксарском региолекте.

Акцент сопровождается интерферентными явлениями грамматического уровня, в связи с чем авторы художественного текста могут и не имитировать акцент – он будет предполагаться априори.

Библиография

Актер театра и кино Анатолий Гушин встретился с поклонниками и журналистами [Электрон. данные]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=szk2bsWn9no> (дата обращения: 17.12.2017).

Ерина Т. Н., Фомин Э. В. Чувашское слово в русском контексте: опыт словаря. Чебоксары, 2012. 229 с.

Михайлов М. М. Двужычие: проблемы, поиски. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 159 с.

Русские писатели о чувашах. 2-е изд., доп. / сост. Ф. Е. Уяр. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 589 с.

Фомин Э. В. Варьирование русского языка в условиях инонационального региона: чебоксарский региолект // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее. Пермь, 2015. С. 21–27.

Фомин Э. В. Ортологический аспект изучения чебоксарского региолекта русского языка // Культура им искусство: традиции и современность. Чебоксары, 2013. С. 154–157.

Форум «На связи» [Электрон. данные]. Режим доступа: <https://forum.na-svyazi.ru/?showtopic=248317> (дата обращения: 25.12.2017).

S. K. Yalçın

BİRİNCİL UZUN ÜNLÜLERİN ÇUVAŞ TÜRKÇESİNDEKİ GÖRÜNÜMÜ

С. К. Ялчин

ПЕРВИЧНЫЕ ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В настоящей работе рассматривается вопрос о наличии прежде долгих гласных первого слога в чувашском языке на основании различных фонетических изменений и фонетических явлений. Также рассматриваются некоторые фонетические аспекты в отношении данных гласных звуков в чувашском языке.

Ключевые слова: гласные звуки первого слога, чувашский язык, фонетика, фонетические явления.

Yalçın S. K.

PRIMARY LONG VOWELS IN THE CHUVASH LANGUAGE

Abstract. The present paper examines the issue of first syllable vowels which were previously long in the Chuvash language basing on various phonetic changes and phonetic phenomena. The paper discusses some phonetic aspects in regard to the indicated vowel sounds in the Chuvash language.

Keywords: vowel sounds of the first syllable, the Chuvash language, phonetics, phonetic phenomena.

GİRİŞ

Bir dilin bilinen ilk örneklerinden beri boğumlanma süresi normalden daha uzun olan ünlülere “birincil uzun ünlüler” denilmektedir [Buran, 2008, 289–290].

Türk dilindeki birincil uzun ünlülerin varlığına ilk kez işaret eden 19. yy.’ın ortalarında Yakut Türkçesindeki uzun ve ikiz ünlüleri Tatar (Mişer) ağzına ait dil malzemesiyle karşılaştıran Otto Böhtling olmuştur [TDBUÜ, 9–11; Erdem, 2003, s. 79–80]. Böhtling’den sonra ise birçok araştırmacı birincil uzun ünlülerle ilgili olarak zaman içerisinde çeşitli çalışmalar yapmışlardır. Bu çalışmaların sonucunda ise genellikle birincil uzun ünlülerin Türkmen, Yakut ve Halaç lehçelerinde sistemli olarak korundukları, diğer lehçelerde ise düzenli olarak korunamayıp, çoğunlukla kısaltıldıkları veya kısalmayarak çeşitli seslik izler (ünlü ve ünsüz ikizleşmesi, tonlulaşma, öndamaksıllaşma, ardamaksıllaşma, ünlü ve ünsüz türemeleri, genişleme) bıraktığı ortaya konulmuştur [TDBUÜ, s. 38–123; Alkaya, 2008, s. 20; Başdaş, 2007, s. 98; Yalçın, 2009, s. 2341–2342].

Bu çalışmada Türkçe sözcüklerdeki birincil uzun ünlüler, Çuvaş Türkçesinde uğramış olduğu ses değişimleri ve ses olayları açısından ele alınacak ve bu ünlülerin Çuvaş Türkçesindeki ses bilgisi görünümü üzerinde durulacaktır. Birincil uzun ünlülerin Çuvaş Türkçesindeki ses bilgisel görünümü hakkında şunlar söylenilebilir:

1. İlk Hece Ünlüleri

1.1. Artdamaksıl Ünlüler

1.1.1. ā Ünlüsünün Ses Bilgisi Görünümü

ā ünlüsü bu lehçede bazen kısalarak a ünlüsüne dönüşmüştür. Fakat çoğunlukla u nadiren de ü ünlüsüne değişerek yuvarlaklaşmıştır. Bunun dışında u/ü ünlüleri ile birlikte ı/ĩ ünlülerine değişerek daralmıştır. Ayrıca ü ünlüsüne dönüşerek de öndamaksıllaşmıştır. Bu ünlü Çuvaş Türkçesinde ilk hecede düşme, türeme veya ikizleşme özelliği göstermemektedir.

1.1.2. ā Ünlüsüyle İlgili Ses Olayları

1.1.2.1. Ünlü Kısalması

ā ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde genellikle normal süreli a gibi u, ı, ĩ ünlüleriyle gösterilmektedir. AT. *āsıg* > Çuv. *usı* ‘fayda’; AT. *āla* > Çuv. *ula* ‘alaca’; AT. *ās* > Çuv. *yus* ‘kakım’; AT. *ātım* > Çuv. *utım* ‘adım’, AT. *kān* > Çuv. *yun* ‘kan’; AT. *āç-* > Çuv. *vıs-* ‘acımak’; AT. *arıg* > Çuv. *ıri* ‘temiz’; AT. *āñ* > Çuv. *ĩñ* ‘hafıza’ [Ceylan, 1997, s. 148–149, 150; TDBUÜ, s. 100–173; Bayram, 2007, s. 252–253]. Bu görünümün dışında Çuvaş Türkçesinde ā ünlüsünün normal süreli karşılığı olan a’ya kısaldığı da görülmektedir. AT. *āt* > Çuv. *yat* ‘ad’; AT. *āş* > Çuv. *aş* ‘aş’; AT. *āş-* > Çuv. *aş-* ‘aşmak’; AT. *bākır-* > Çuv. *ahır-* ‘bağırmaq’ [TDBUÜ, s. 171–172; Bayram, 2007, s. 41; Ceylan, 1997: 149–155].

1.1.2.2. Öndamaksıllaşma

ā > ü

Çuvaş Türkçesinde ā ünlüsü kısalarırken önseste y türetmektedir. Çuvaş Türkçesinde ā ünlüsü genellikle u ünlüsüne değişmektedir; ancak önseste türeyen y ünsüzünün etkisiyle bu ses öndamaksıllaşarak ü’ye döner. AT. *hācı-* > Çuv. *yüs-* ‘acımak, ekşimek’; AT. *hāçig* > Çuv. *yüsı* ‘acı’ [Ceylan, 1997, s. 149; TDBUÜ, s. 172; Bayram, 2007, s. 90].

1.1.2.3. Yuvarlaklaşma

ā > u

Uzun ā’lar Çuvaş Türkçesinde genel olarak kısalarık u’ya değişirler. Bu durum Çuvaş Türkçesinde normal süreli a için de böyledir¹. AT. *āsıg* > Çuv. *usı* ‘fayda’; AT. *āla* > Çuv. *ula* ‘alaca’; AT. *ās* > Çuv. *yus* ‘kakım’; AT. *ātım* > Çuv. *utım* ‘adım’, AT. *kān* > Çuv. *yun* ‘kan’ [Ceylan, 1997, s. 148–149; TDBUÜ, s. 100–171, 173; Bayram, 2007, s. 252–253].

ā > ü

Çuvaş Türkçesinde uzun ā ünlüsü kısalarırken önseste y türetmektedir. Çuvaş Türkçesinde ā’nın gösterimi genelde u iledir; ancak önseste türeyen y ünsüzünün etkisiyle bu ses öndamaksıllaşarak ü’ye döner. AT. *hācı-* > Çuv. *yüs-* ‘acımak, ekşimek’; AT. *hāçig* > Çuv. *yüsı* ‘acı’ [Ceylan, 1997, s. 149; TDBUÜ, s. 172; Bayram, 2007, s. 90].

1.1.2.4. Daralma

ā > u

Uzun ā’lar Çuvaş Türkçesinde genel olarak kısalıp dar-yuvarlak u’ya değişirler. Bu durum Çuvaş Türkçesinde normal süreli a için de böyledir. AT. *āsıg* > Çuv. *usı* ‘fayda’; AT. *āla* > Çuv. *ula* ‘alaca’; AT. *ās* > Çuv. *yus* ‘kakım’; AT. *ātım* > Çuv. *utım* ‘adım’, AT. *kān* > Çuv. *yun* ‘kan’ [Ceylan, 1997, s. 148–149; TDBUÜ, s. 100–171, 173; Bayram, 2007, s. 252–253].

ā > ı/vı

Uzun ā ünlüsü Çuvaş Türkçesinde u dışında ı’ya veya önseste v türemesiyle vı’ya da değişmektedir. Bu değişimde Çuvaş Türkçesi için öncelikli olan u gösterimidir; çünkü ā’dan gelişerek u olan ses bazı durumlarda birincil u ünlüsü gibi işlem görerek ı ünlüsüne değişmiştir [Ceylan, 1997, s. 145]. ā > ı gelişiminin sebebi

¹ Bu değişimi Polivanov ve Biyışev aralarında bazı farklılıklar olmasına rağmen temelde ünlü uzunluğuna dayandırmışlardır; ancak Rasanen, Benzing ve Adamoviç de ünlü uzunluklarının a’nın Çuvaş Türkçesinde farklı görünümlere neden olamayacağı görüşündedirler. Ceylan da Türk dillerine yabancı olan a ünlüsündeki yuvarlaklaşma hadisesinin kısa a için de geçerli olduğundan yola çıkarak bu yuvarlaklaşmanın ünlü uzunluğu ile ilgili olmadığını öne sürmüş ve bunun komşu dillerin etkisi ile olabileceğini savunmuştur. Özellikle Serebrenikov’un Türkçenin Çeremişçeyi etkilediği konusunda İtkonen’den ayrılarık öne sürdüğü Özbek Türkçesindeki a > ā değişiminin Farsça kaynaklı olduğunu savunması Ceylan’ın a sesi ile ilgili olarak görülen bu yuvarlaklaşmanın temelini Fin-Ugor dillerine dayandırmasına sebep olmuştur [Ceylan, 1997, s. 144–145]. Çuvaş Türkçesindeki bu yuvarlaklaşma hadisesi de ā > ā değişiminde bahsedilen Türkçedeki genel yuvarlaklaşma sebeplerine dayanmayan bir gelişim gösterdiği için kanaatimizce Türkçenin kendi özellikleri doğrultusunda ortaya çıkmış bir unsur olarak değil; Türkçeye komşu dillerden girmiş bir unsur olarak görülmelidir.

birçok araştırmacı tarafından farklı nedenlere bağlanmıştır¹. AT. *āç-* > Çuv. *viś-* ‘acıkmak’; AT. *āriḡ* > Çuv. *iri* ‘temiz’ [Ceylan, 1997, s. 148–150; TDBUÜ, s. 171–172].

ā > ĩ

ā ünlüsü Çuvaş Türkçesinde u ve ı dışında tespit edilen bir sözcükte kısa ĩ ünlüsüne de değişmektedir. Bu değişim de tıpkı ā > ı/vı değişiminde izah edilen nedenlerden kaynaklanmaktadır. AT. *āñ* > Çuv. *ĩñ* ‘hafıza’ [Ceylan, 1997, s. 148; TDBUÜ, s. 90].

ā > ü

Çuvaş Türkçesinde ā ünlüsü kısılarırken önseste y türetmektir. Çuvaş Türkçesinde ā genelde dar-yuvarlak u’ya dönüşür; ancak önseste türeyen y ünsüzünün etkisiyle bu ses öndamaksillaşarak dar-yuvarlak ü’ye döner. AT. *hāçı-* > Çuv. *yüś-* ‘acımak, ekşimek’; AT. *hāçıḡ* > Çuv. *yüśĩ* ‘acı’ [Ceylan, 1997, s. 149; TDBUÜ, s. 172; Bayram, 2007, s. 90].

1.1.2.5. Ünlü Düşmesi

İlk hecede yer alan ā ünlüsünün düştüğü herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.1.2.6. Ünlü Türemesi

İlk hecede ā ünlüsünün türediği herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.1.2.7. Ünlü İkizleşmesi (Diftong)

Çuvaş Türkçesinde ā ünlüsünden kaynaklanan herhangi bir ikizleşme örneğine rastlanmamaktadır.

Tablo 1

İlk Hecede ā Ünlüsünde Görülen Ses Değişmeleri

ā	a, u, ı, vı, ĩ, ü
---	-------------------

Tablo 2

İlk Hecede ā Ünlüsünün Uğramış Olduğu Ses Olayları

Kısalma	Öndamak.	Yuv.	Dar.	Düş.	Tür.	Dift.
+	+	+	+	–	–	–

1.1.3. ĩ Ünlüsünün Ses Bilgisi Görünümü

ĩ ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde genellikle kısalarak ĩ’ye değişip öndamaksillaşmıştır; nadiren de ĩ ve ı’ya dönüşerek kısalmıştır. Ayrıca bazen a ve ĩ ünlülerine değişerek genişlemiş ve u ünlüsüne değişerek de yuvarlaklaşmıştır. ĩ ünlüsü bu lehçede ilk hecede düşme, türeme veya ikizleşme olaylarına uğramamaktadır.

1.1.4. ĩ Ünlüsüyle İlgili Ses Olayları

1.1.4.1. Ünlü Kısalması

Ana Türkçenin ĩ ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde genellikle kısalarak ĩ ve i’ye nadiren de ĩ ve ı’ya dönüşmüştür. AT. *sĩş-* > Çuv. *şıs-* ‘şişmek’; AT. *çĩpḡan* > Çuv. *şiban* ‘çıban’; AT. *sĩkır-* > Çuv. *şihĩr-* ‘ıslık çalmak’; AT. *kĩz* > Çuv. *hĩr* ‘kız’; AT. *kĩn* > Çuv. *yĩniĩ* ‘kın’; AT. *tĩn* > Çuv. *çĩm* ‘nefes’ [TDBUÜ, s. 176; Ceylan, 1997, s. 165–166].

1.1.4.2. Öndamaksillaşma

ĩ > ĩ

Ana Türkçenin ĩ ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde genellikle kısalarak kısa ĩ’ye değişmiştir. Bu değişim Çuvaş Türkçesinde ı ünlüsünün genel gösterimi ile ilgili olduğu kadar birincil uzun ünlülerin kısalarırken bıraktığı öndamaksillaşma etkisi ile de ilgilidir. Bu dönüşümde bazen ön seste ‘y’ ilişmesi de görülür. AT. *kĩz* > Çuv. *hĩr* ‘kız’; AT. *kĩn* > Çuv. *yĩniĩ* ‘kın’; AT. *tĩn* > Çuv. *çĩm* ‘nefes’ [TDBUÜ, s. 176; Ceylan, 1997, s. 166].

1.1.4.3. Yuvarlaklaşma

ĩ > u

Çuvaş Türkçesinde ĩ ünlüsü kısalıp ĩ’ya dönüşükten sonra normal süreli ı’nın Çuvaş Türkçesindeki durumuna bağlı olarak ön seste y ilişmesiyle birlikte u’ya değişmektedir. AT. *ĩr* > Çuv. *yurĩ* ‘şarkı’ [TDBUÜ, s. 176; Ceylan, 1997, s. 165].

¹ Radloff, Çuvaş Türkçesinin bir Fin-Ugor dili olup aşama aşama Türkçeleştiği görüşünde olduğu için bu değişimin önce ā (a) > ı sonra da a > u aşamalarını tamamlayarak geliştiğini düşünmüştür. Gombocz Zoltan da bu değişimi bir ağız özelliği olarak yorumlamıştır. Grønbech ise ā ünlüsündeki bu değişimin kendisini izleyen hecelerdeki ünlü ve ünsüzlere bağlamaktadır. Yine Ramstedt de bu değişimin kendisinden sonraki l, l’, r, r’, y gibi ünsüzlerin etkisinden kaynaklandığını ileri sürmektedir. Ayrıca Ligeti de hem Yakut hem de Çuvaş Türkçesinde görülen bu durumun uzun ünlülerle olan ilgisinin tam anlamıyla kanıtlanamayacağını öne sürmüştür [Ceylan, 1997, s. 143–144]. Kanaatimizce Çuvaş Türkçesinde öncelikli olarak u gösterimi esas olduğundan Çuvaş Türkçesindeki ā > ı değişimi ā > u değişiminin ileri bir aşaması olarak görülmelidir. Öyle ki, u ünlüsünün ı’ya düzleştiği bu duruma hem Çuvaş Türkçesindeki u’nun görünümünde hem de Çuvaş Türkçesi ile düzleşme hususunda benzerlik gösteren Başkurt ve Tatar Türkçelerinde sıkça rastlanmaktadır.

1.1.4.4. Genişleme

$\bar{i} > a$

Çuvaş Türkçesinde uzun \bar{i} ünlüsü bazen kısalmışken genişleyerek a 'ya veya ve ön seste y ilişmesiyle birlikte ya 'ya dönüşmektedir. AT. $\bar{i}/\bar{i}d-$ > Çuv. $yar-$ 'göndermek'; AT. $\bar{i}d-$ > Çuv. $çar-$ 'engellemek' [TDBUÜ, s. 104–175; Ceylan, 1997, s. 166].

1.1.4.5. Ünlü Düşmesi

İlk hecede yer alan \bar{i} ünlüsünün düştüğü herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.1.4.6. Ünlü Türemesi

İlk hecede yer alan \bar{i} ünlüsünün türediği herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.1.4.7. Ünlü İkizleşmesi (Diftong)

İlk hecede yer alan \bar{i} ünlüsünün ikizleştiği herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

Tablo 3

İlk Hecedeki \bar{i} Ünlüsünde Görülen Ses Değişmeleri

\bar{i}	ı, a, ĩ, i, İ, u
-----------	------------------

Tablo 4

İlk Hecedeki \bar{i} Ünlüsünün Uğramış Olduğu Ses Olayları

Kısalma	Öndamak.	Yuv.	Gen.	Düş.	Tür.	Dift.
+	+	+	+	-	-	-

1.1.5. \bar{o} Ünlüsünün Ses Bilgisi Görünümü

Ana Türkçenin \bar{o} ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön seste v ilişmesiyle birlikte kısalarak $v\bar{i}/v\bar{i}/v\bar{u}$ 'ya ikinci seste olduğu konumlarda da v 'siz olarak \bar{i}/\bar{u} 'ya değişerek daralmış ve düzleşmiştir. Az sayıda örnekte ise \bar{u} ünlüsüne değişerek öndamaksıllaşmıştır. Ayrıca \bar{o} ünlüsü bu grupta ilk hecede düşme, türeme veya ikizleşme özelliği göstermemektedir.

1.1.6. \bar{o} Ünlüsüyle İlgili Ses Olayları

1.1.6.1. Ünlü Kısalması

Ana Türkçenin \bar{o} ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde normal süreli karşılığı olan \bar{o} ünlüsüne değil; ön seste v ilişmesiyle birlikte kısalarak $v\bar{i}/v\bar{i}/v\bar{u}$ 'ya ikinci seste olduğu konumlarda da v 'siz olarak \bar{i}/\bar{u} 'ya değişmiştir. AT. $\bar{o}n$ > Çuv. $vun / vun\bar{i} / vunn\bar{i}$ 'on'; AT. $h\bar{o}t$ > Çuv. vut 'ateş'; AT. $\bar{o}yun$ > Çuv. $v\bar{y}\bar{i}$ 'oyun'; * $\bar{o}r-$ > Çuv. $v\bar{i}r-$ 'ekin biçmek'; AT. $s\bar{o}r(a)-$ > Çuv. $\bar{s}ıra-$ 'aramak'; AT. $y\bar{o}k$ > Çuv. $\bar{s}uk$ 'yok'; AT. $b\bar{o}l-$ > Çuv. $pul-$ 'olmak' [TDBUÜ, s. 107–178; Ceylan, 1997, s. 176–177; Bayram, 2007, s. 51–52, 60, 61–165].

1.1.6.2. Öndamaksıllaşma

$\bar{o} > \bar{u}$

\bar{o} ünlüsü Çuvaş Türkçesinde tespit edilen bir örnekte hem kısalarak hem de y ünsüzünün öndamaksıllaştırıcı etkisine bağlı olarak öncelikle \bar{o} 'ye oradan da daralarak \bar{u} 'ye dönüşür. AT. $y\bar{o}r\bar{i}-$ > Çuv. $\bar{s}üre-$ 'yürümek' [TDBUÜ, s. 179; Ceylan, 1997, s. 177].

1.1.6.3. Düzleşme

$\bar{o} > v\bar{i}/\bar{u}$

Ana Türkçenin \bar{o} ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön seste v ilişmesiyle birlikte kısalarak $v\bar{i}/v\bar{i}/v\bar{u}$ 'ya ikinci seste olduğu konumlarda da v 'siz olarak \bar{i}/\bar{u} 'ya değişmiştir. $\bar{o} > v\bar{i}/\bar{u}$ değişimi kuvvetle muhtemel öncelikle \bar{o} ünlüsünün kısalarak daralması (u/vu) daha sonra ise ileri bir seviyede u ünlüsünün düzleşmesi sonucu meydana gelmiştir. Bu durumun ilk safhası ($\bar{o} > u/vu$) özellikle Kıpçak grubu Türk lehçelerinden Tatar ve Başkurt Türkçelerinde görülmekle birlikte, Çuvaş Türkçesindeki gibi ileri safhası olan düzleşmeye de ($\bar{o} > u/vu > \bar{i}$) yer yer Başkurt Türkçesinde rastlanılmaktadır [Eker, 1998, s. 127]. * $\bar{o}r-$ > Çuv. $v\bar{i}r-$ 'ekin biçmek'; AT. $s\bar{o}r(a)-$ > Çuv. $\bar{s}ıra-$ 'aramak' [TDBUÜ, s. 107–178; Ceylan, 1997, s. 176–177; Bayram, 2007, s. 52].

$\bar{o} > v\bar{i}$

Ana Türkçenin \bar{o} ünlüsünün Çuvaş Türkçesinde $v\bar{i}$ 'ya değişimi tıpkı $\bar{o} > v\bar{i}/\bar{u}$ değişimindeki gibi ortaya çıkmıştır. AT. $\bar{o}yun$ > Çuv. $v\bar{y}\bar{i}$ 'oyun' [TDBUÜ, s. 177; Ceylan, 1997, s. 176; Bayram, 2007, s. 51].

1.1.6.4. Daralma

$\bar{o} > v\bar{u}/\bar{u}$

\bar{o} ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön seste v ilişmesiyle birlikte kısalarak $v\bar{i}/v\bar{i}/v\bar{u}$ 'ya ikinci seste olduğu konumlarda da v 'siz olarak \bar{i}/\bar{u} 'ya değişmiştir. Bu değişimin kuvvetle muhtemel ilk safhası \bar{o} ünlüsünün

kısalarak daralıp vu/u'ya dönüşmesidir. Daha sonra ise ileri bir seviyede u ünlüsünün düzleşmesi meydana gelmiştir. Çuvaş Türkçesinde görülen bu ön ses v türemesi ile ilgili olarak farklı görüşler öne sürülmüştür¹.

AT. *ōn* > Çuv. *vun / vuni / vunnī* 'on'; AT. *hōt* > Çuv. *vut* 'ateş'; AT. *yōk* > Çuv. *śuk* 'yok'; AT. *bōl-* > Çuv. *pul-* 'olmak' [TDBUÜ, s. 177–178; Ceylan, 1997, s. 176–177; Bayram, 2007, s. 60, 61, 165].

ō > v1/1

Ana Türkçenin *ō* ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön seste v ilişmesiyle birlikte kısalarak *vī/v1/vu*'ya ikinci seste olduğu konumlarda da v'siz olarak *ī/1/u*'ya değişmiştir. *ō > v1/1* değişimi kuvvetle muhtemel öncelikle *ō* ünlüsünün kısalarak daralması (u/vu) daha sonra ise ileri bir seviyede u ünlüsünün düzleşmesi sonucu meydana gelmiştir. Bu durumun ilk safhası (*ō > u/vu*) özellikle Kıpçak grubu Türk lehçelerinden Tatar ve Başkurt Türkçelerinde görülmekle birlikte, Çuvaş Türkçesindeki gibi ileri safhası olan düzleşmeye de (*ō > u/vu > 1*) yer yer Başkurt Türkçesinde rastlanılmaktadır [Eker, 1998, s. 127]. **ōr-* > Çuv. *v1r-* 'ekin biçmek'; AT. *sōr(a)-* > Çuv. *ś1ra-* 'aramak' [TDBUÜ, s. 107–178; Ceylan, 1997, s. 176–177; Bayram, 2007, s. 52].

ō > vī

Ana Türkçenin *ō* ünlüsünün Çuvaş Türkçesinde *vī*'ya değişimi tıpkı *ō > v1/1* değişimindeki gibi ortaya çıkmıştır. AT. *ōyun* > Çuv. *vīyī* 'oyun' [TDBUÜ, s. 177; Ceylan, 1997, s. 176; Bayram, 2007, s. 51].

ō > ü

ō ünlüsünün Çuvaş Türkçesinde tespit edilen bir örnekte kısalarak veya y ünsüzünün öndamaksillaştırıcı etkisine bağlı olarak öncelikle *ō*'ye oradan da daralarak *ü*'ye dönüştüğü görülür. AT. *yōri-* > Çuv. *śüre-* 'yürümek' [TDBUÜ, s. 179; Ceylan, 1997, s. 177].

1.1.6.5. Ünlü Düşmesi

İlk hecede yer alan *ō* ünlüsünün düştüğü herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.1.6.6. Ünlü Türemesi

İlk hecede yer alan *ō* ünlüsünün türediği herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.1.6.7. Ünlü İkizleşmesi (Diftong)

Tatar Türkçesinde *ō* ünlüsünün bazı örneklerde 'u4' şeklinde ikizleştiği görülmektedir.

Tablo 5

İlk Hecede *ō* Ünlüsünde Görülen Ses Değişmeleri

<i>ō</i>	<i>vī/v1/vu,1,u,ü</i>
----------	-----------------------

Tablo 6

İlk Hecede *ō* Ünlüsünün Uğramış Olduğu Ses Olayları

Kısalma	Öndamak.	Düz.	Dar.	Düş.	Tür.	Dift.
+	+	+	+	-	-	-

1.1.7. *ü* Ünlüsünün Ses Bilgisi Görünümü

ü ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön seste kısalarak *ī/1/u* ünlülerine değişmekle birlikte kendinden önce y- (eski ilişmelerde > ś) veya v- türetmiştir. İkinci seste de ya kısalarak *1/ī* ünlülerine ya da *īva* öbeğine değişmiştir. Bu değişmelerden de görüldüğü üzere *ü* ünlüsü kısalmasının dışında düzleşmiş, genişlemiş ve öndamaksillaşmıştır. Ayrıca *ü* ünlüsü bu lehçede ilk hecede düşme, türeme veya ikizleşme özelliği göstermemektedir.

¹ Bu konuya ilk olarak Schott değinmiştir. Daha sonra Radloff bu oluşumu, öncelikle dudak ünsüzlerinin ikizleşme yoluyla ikili seslere geliştiğini daha sonra da ilk sesin v'ye değiştiğini öne sürerek açıklamıştır. Rasanen de söz başı dudak ünsüzünün yarılmaması sonucu v + düz ünlü görünümünün ortaya çıktığını savunmuştur [Ceylan, 1997, s. 173]. Ligeti ve Tekin [Ceylan, 1997, s. 173; TDBUÜ, s. 146] de ön seste ortaya çıkan v türemesini onu izleyen dudak ünlüsünün uzunluğu ile açıklamaya çalışmışlardır; ancak Ceylan [Ceylan, 1997, s. 173–174], bu durumu Çuvaş Türkçesinde kendinden önce v türetmeyen dudak ünlüsünün çok az olduğunu öne sürerek olayın ünlü uzunluğundan kaynaklanmadığını savunmuştur. Bu görüşlerin dışında ön ses v'yi birincil sayan görüşler de mevcuttur. Bunların başında Radloff'un genel Türkçede düşmüş olan v ünsüzünün Çuvaş Türkçesinde korunmuş olma ihtimalini savunan varsayımı gelmektedir. Buna benzer bir yaklaşım da Baskakov'un Türkçe sözcüklerin ilk köklerinin K.-V.-K. (Konsonant-Vokal-Konsonant) yapısına dayandığını iddia ettiği görüşüdür [Baskakov, 2006, s. 21]. Bu görüşe göre de v'nin birincil olduğu ve Çuvaş Türkçesindeki yapının da bu durumu koruyan bir görünüm sergilediği savunulmuştur. Bu ön ses v oluşumunu farklı dillerdeki yapılarla dayandıranlar da olmuştur. Adamoviç, bu yapıyı Fin-Ugor dillerinden Votyakçada görülen yapıyla karşılaştırmış ve Çuvaş Türkçesinin bu etki ile ön seste v geliştirdiğini öne sürmüştür. Bu olay üzerine görüş bildiren dilcilerin çoğu bu yapının çok eski verilere (Tuna ve Volga Bulgar Türkçelerine) dayandığını öne sürerek olayın 9. yy.'dan daha eski dönemlere kadar uzandığını iddia etmişlerdir [Ceylan, 1997, s. 174–175]. Ayrıca Çuvaş Türkçesinde görülen ve birincil olduğu düşünülen v'nin Ana Altaycadaki ön ses p'ye dayandığı ve oradan da p > (f)/b > v değişimiyle geliştiği düşünülmelidir.

1.1.8. ū Ünlüsüyle İlgili Ses Olayları

1.1.8.1. Ünlü Kısalması

ū ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön sesteye genellikle kısalarak *ĩ/ı* ünlülerine değişmekle birlikte kendinden önce *y-* (eski ilişmelerde > *ś*) veya *v-* türetmiştir. İkinci sesteye de *ya* kısalarak *ı/ı* ünlülerine ya da *ıva* öbeğine dönüşmüştür. AT. *ūk* > Çuv. *yĭh* ‘soy, aile’; AT. *ūya* > Çuv. *yĭva* ‘yuva’; AT. *hūç* > Çuv. *vĭś* ‘uç’; AT. *yūñ* > Çuv. *śĭm* ‘yün’; AT. *sūb* > Çuv. *śĭv* ‘su’; AT. *ūli-* ‘ulumak’ > Çuv. *vula-* ‘okumak’; AT. *tūz* > Çuv. *tĭvar* ‘tuz’ [TDBUÜ, s. 179–180; Ceylan, 1997, s. 184–185; Bayram, 2007, s. 56, 60, 84, 86, 221, 303].

1.1.8.2. Öndamaksılaşma

ū > vĭ

ū ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön sesteye kendinden önce *y-* (eski ilişmelerde > *ś*) veya *v-* türetmek kaydıyla kısalarak *ı/ı* ünlülerine; ikinci sesteye ise *ya* kısalarak *ı/ı* ünlülerine ya da *ıva* öbeğine değişmektedir. Ayrıca tespit edilen bir örnekte *vĭ*’ye de değişmiştir. AT. *hūç* > Çuv. *vĭś* ‘uç’ [TDBUÜ, s. 179; Ceylan, 1997, s. 184; Bayram, 2007, s. 56].

1.1.8.3. Düzleşme

ū > vı/ı

ū ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde çoğunlukla ön sesteye kendinden önce *y-* (eski ilişmelerde > *ś*) veya *v-* türetmek kaydıyla kısalarak *ı/ı* ünlülerine; ikinci sesteye de *ya* kısalarak *ı* ünlüsüne ya da *ıva* öbeğine değişmektedir; ancak tespit edilen bir örnekte *ı* ünlüsüne de değişmiştir. AT. *sūb* > Çuv. *śĭv* ‘su’ [TDBUÜ, s. 180; Ceylan, 1997, s. 184; Bayram, 2007, s. 303].

ū > yĭ (< śĭ) vĭ/ı

ū ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön sesteye kendinden önce *y-* (eski ilişmelerde > *ś*) veya *v-* türetmek kaydıyla kısalarak *ı/ı* ünlülerine; ikinci sesteye de *ya* kısalarak *ı* ünlüsüne ya da *ıva* öbeğine dönüşerek yoğun bir şekilde *yĭ* (< *śĭ/śı*) *vĭ/ı* değişmelerine de uğramıştır. AT. *ūk* > Çuv. *yĭh* ‘soy, aile’; AT. *ūya* > Çuv. *yĭva* ‘yuva’; AT. *yūñ* > Çuv. *śĭm* ‘yün’ [TDBUÜ, s. 179–180; Ceylan, 1997, s. 184; Bayram, 2007, s. 84–86].

ū > vĭ

ū ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön sesteye kendinden önce *y-* (eski ilişmelerde > *ś*) veya *v-* türetmek kaydıyla kısalarak *ı/ı* ünlülerine; ikinci sesteye ise *ya* kısalarak *ı/ı* ünlülerine ya da *ıva* öbeğine değişmektedir. Ayrıca tespit edilen bir örnekte *vĭ*’ye de değişmiştir. AT. *hūç* > Çuv. *vĭś* ‘uç’ [TDBUÜ, s. 179; Ceylan, 1997, s. 184; Bayram, 2007, s. 56].

1.1.8.4. Genişleme

ū > ıva

AT. *tūz* > Çuv. *tĭvar* ‘tuz’ [TDBUÜ, s. 180].

1.1.8.5. Ünlü Düşmesi

İlk hecede yer alan *ū* ünlüsünün düştüğü herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.1.8.6. Ünlü Türemesi

İlk hecede yer alan *ū* ünlüsünün türediği herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.1.8.7. Ünlü İkizleşmesi (Diftong)

İlk hecede yer alan *ū* ünlüsünün ikizleştiği herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

Tablo 7

İlk Hecede Ünlüsünde Görülen Ses Değişmeleri

ū	ĩ/ı/u,vĭ,vĭ,yĭ, ıva
---	---------------------

Tablo 8

İlk Hecede Ünlüsünün Uğramış Olduğu Ses Olayları

Kısalma	Öndamak.	Düz.	Gen.	Düş.	Tür.	Dift.
+	+	+	+	–	–	–

1.2. Öndamaksıl Ünlüler

1.2.1. ē Ünlüsünün Ses Bilgisi Görünümü

Ana Türkçenin *ē* ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde daha çok *a* ünlüsüne değişerek artdamaksıllaşmış; az sayıda örnekte de *ı/ı* ünlülerine değişerek daralmıştır. Ayrıca *ē* ünlüsü bu lehçede ilk hecede düşme, türeme veya ikizleşme özelliği göstermemektedir.

1.2.2. ē Ünlüsüyle İlgili Ses Olayları

1.2.2.1. Ünlü Kısalması

Ana Türkçenin ē ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde çoğunlukla kısalarak a ünlüsüne değişmiş; az sayıda örnekte de kısalarak ĩ/i ünlülerine dönüşmüştür. AT. *ētük* > Çuv. *atı* ‘çizme’; AT. *kēgir-* > Çuv. *kakır-* ‘geçirmek’; AT. *kēb-* > Çuv. *kav-le-* ‘geviş getirmek, çığnemek’; AT. *bēz* > Çuv. *par* ‘bez, gudde’; AT. *tēri* > Çuv. *tir* ‘deri’; AT. *tēp-* > Çuv. *tap-* ‘tepmek’; AT. *hēr* > Çuv. *ar* ‘er’; AT. *ēder* > Çuv. *yīner* ‘eyer’ [TDBUÜ, s. 180–181; Ceylan, 1997, s. 113, 161, 163, 166, 193; Bayram, 2007, s. 37–40, 87–9, 148, 218].

1.2.2.2. Artdamaksılaşma

ē > a

ē ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde daha çok a ünlüsüne dönüşmektedir. AT. *ētük* > Çuv. *atı* ‘çizme’; AT. *kēgir-* > Çuv. *kaķır-* ‘geçirmek’; AT. *kēb-* > Çuv. *ka-v-le-* ‘geviş getirmek, çığnemek’; AT. *bēz* > Çuv. *par* ‘bez, gudde’; AT. *tēp-* > Çuv. *tap-* ‘tepmek’; AT. *hēr* > Çuv. *ar* ‘er’ [TDBUÜ, s. 180–181; Ceylan, 1997, s. 113, 161–163; Bayram, 2007, s. 37–40, 92–93, 148, 218].

1.2.2.3. Yuvarlaklaşma

Çuvaş Türkçesinde ē ünlüsünün yuvarlaklaştığı herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.2.2.4. Daralma

ē > i

Ana Türkçenin ē ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde daha çok a ünlüsüne değişmekle beraber az sayıda örnekte daraltıcı ünsüzlerin etkisiyle i ünlüsüne değişmektedir. AT. *tēri* > Çuv. *tir* ‘deri’ [TDBUÜ, s. 181; Ceylan, 1997, s. 193].

ē > ĩ

Ana Türkçenin ē ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde daha çok a ünlüsüne değişmekle beraber az sayıda örnekte daraltıcı ünsüzlerin etkisiyle kısa ĩ ünlüsüne değişmektedir. AT. *ēder* > Çuv. *yīner* ‘eyer’ [TDBUÜ, s. 181; Ceylan, 1997, s. 166; Bayram, 2007, s. 87].

1.2.2.5. Ünlü Düşmesi

Çuvaş Türkçesinde ilk hecede yer alan ē ünlüsünün düştüğü herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.2.2.6. Ünlü Türemesi

Çuvaş Türkçesinde ilk hecede yer alan ē ünlüsünün türediği herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.2.2.7. Ünlü İkizleşmesi (Diftong)

Çuvaş Türkçesinde ilk hecede yer alan ē ünlüsünün ikizleştiği herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

Tablo 9

İlk Hecedeki ē Ünlüsünde Görülen Ses Değişmeleri

ē	a, i, ĩ
---	---------

Tablo 10

İlk Hecedeki ē Ünlüsünün Uğramış Olduğu Ses Olayları

Kısalma	Artdamak.	Yuv.	Dar.	Düş.	Tür.	Dift.
+	+	–	+	–	–	–

1.2.3. ē Ünlüsünün Ses Bilgisi Görünümü

Ana Türkçenin ilk hecedeki e ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde genellikle i/ĩ’ye değişerek daralmış veya açık e gibi işlem görüp a ünlüsüne genişleyerek hem artdamaksıllaşmış hem de genişlemiştir. Ayrıca e ünlüsü bu gruptaki lehçelerde ilk hecede düşme, türeme veya ikizleşme olaylarına uğramamaktadır.

1.2.4. ē Ünlüsüyle İlgili Ses Olayları

1.2.4.1. Ünlü Kısalması

Ana Türkçenin ilk hecedeki ē ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde genellikle kısalarak i/ĩ’ye değişmekle birlikte açık e gibi işlem görüp artdamaksıllaşarak a ünlüsüne de değişmiştir AT. *ēşik* > Çuv. *alík* ‘kapı’; AT. *en-* > Çuv. *an-* ‘inmek’; AT. *ēki* > Çuv. *ikkĩ/ikĩ/ik* ‘iki’; AT. *yēti* > Çuv. *şıççı* ‘yedi’; AT. *bēş* > Çuv. *pillík* ‘beş’ [TDBUÜ, s. 181–182; Ceylan, 1997, 159–162; Bayram, 2007, s. 33–35, 79, 160, 209].

1.2.4.2. Artdamaksılaşma

ē > a

İlk hecedeki ē ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde genellikle i/ĩ’ye değişmekle birlikte açık e gibi işlem görüp artdamaksıllaşarak a ünlüsüne de değişmiştir. Bu değişimin Çuvaş Türkçesindeki e ünlüsünün açık e gibi işlem görmesinin dışındaki bir başka nedeni de e ünlüsünün kısalarırken bıraktığı artdamaksıllaştırıcı etkidir. AT. *ēşik* > Çuv. *alík* ‘eşik’; AT. *ēn-* > Çuv. *an-* ‘inmek’; AT. *ēn* > Çuv. *an* ‘geniş’; AT. *ēl* ‘il’ > Çuv. *yal*

'köy'; AT. *bēr-* > Çuv. *par-* 'vermek'; AT. *yēñ* > Çuv. *sanī* 'yen'; AT. *kēç* > Çuv. *kaś* 'geç' [TDBUÜ, s. 181–182; Ceylan, 1997, s. 159–160; Bayram, 2007, s. 33–35, 99, 148, 198, 314].

1.2.4.3. Yuvarlaklaşma

Çuvaş Türkçesinde e ünlüsünün yuvarlaklaştığı herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.2.4.4. Daralma

$\bar{e} > i$

İlk hecedeki \bar{e} ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde genellikle daralarak *i*'ye değişmektedir. AT. *ēki* > Çuv. *ikkī/ikī/ik* 'iki'; AT. *yēti* > Çuv. *siççī* 'yedi'; AT. *bēş* > Çuv. *pillīk* 'beş'; AT. *yē-* > Çuv. *si-* 'yemek'; AT. *yēl* > Çuv. *sil* 'rüzgar' [TDBUÜ, s. 181–182; Ceylan, 1997, s. 159–162; Bayram, 2007, s. 79, 160, 207–209].

$\bar{e} > \bar{i}$

İlk hecedeki *e* ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde genellikle daralarak *i*'ye değişmekle birlikte tespit edilen bir örnekte kısa *ı*'ye de değişmektedir. AT. *ēki* > Çuv. *yīkir* 'ikiz' [TDBUÜ, s. 181; Ceylan, 1997: 159].

1.2.4.5. Genişleme

$\bar{e} > a$

İlk hecedeki \bar{e} ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde genellikle *i/ı*'ye değişmekle birlikte açık *e* gibi işlem görüp artdamaksızlaşarak ve genişleyerek *a* ünlüsüne de değişmiştir. AT. *ēşik* > Çuv. *alīk* 'kapı'; AT. *ēn-* > Çuv. *an-* 'inmek'; AT. *ēn* > Çuv. *an* 'geniş'; AT. *ēl* 'il' > Çuv. *yal* 'köy'; AT. *bēr-* > Çuv. *par-* 'vermek'; AT. *yēñ* > Çuv. *sanī* 'yen'; AT. *kēç* > Çuv. *kaś* 'geç' [TDBUÜ, s. 181–182; Ceylan, 1997, s. 159–160; Bayram, 2007, s. 33–35, 99, 148, 198, 314].

1.2.4.6. Ünlü Düşmesi

İlk hecede yer alan *e* ünlüsünün düştüğü herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.2.4.7. Ünlü Türemesi

İlk hecede *e* ünlüsünün türediği herhangi bir örneğe rastlanılmamaktadır.

1.2.4.8. Ünlü İkizleşmesi (Diftong)

İlk hecede yer alan *e* ünlüsünün ikizleştiği herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

Tablo 11

İlk Hecedeki e Ünlüsünde Görülen Ses Değişmeleri

e	a, i, ı
---	---------

Tablo 12

İlk Hecedeki e Ünlüsünün Uğramış Olduğu Ses Olayları

Kısalma	Artdamak.	Yuv.	Dar.	Gen.	Düş.	Tür.	Dift.
+	+	–	+	+	–	–	–

1.2.5. \bar{i} Ünlüsünün Ses Bilgisi Görünümü

Ana Türkçenin \bar{i} ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde kısalarak *ı*'ye ve birincil uzun ünlülerin bırakmış olduğu artdamaksızlaşma özelliği ile Çuvaş Türkçesine has bir özellik olan *ş* ve *y* ünsüzleri önündeki artdamaksızlaşma durumuna bağlı olarak *ı* ya veya *a*'ya değişerek artdamaksızlaşmıştır. \bar{i} ünlüsünün *a* ve *ı* ünlülerine değiştiği konumlarda bazen genişlediği de görülmektedir. Ayrıca \bar{i} ünlüsünün bu lehçede ilk hecede düşme, türeme veya ikizleşme olaylarına uğramadığı görülmektedir.

1.2.6. \bar{i} Ünlüsüyle İlgili Ses Olayları

1.2.6.1. Ünlü Kısalması

\bar{i} ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön seste kısalarak sadece bir örnekte *ı*'ye değişmektedir. İkinci seste bulunduğu durumlarda ise *ı/i*'ye ve birincil uzun ünlülerin bırakmış olduğu artdamaksızlaşma özelliği ile Çuvaş Türkçesine has bir özellik olan *ş* ve *y* ünsüzleri önündeki artdamaksızlaşma durumuna bağlı olarak *ı* ya veya *a*'ya değişmiştir. AT. *iş* > Çuv. *ış* 'iş'; AT. *iz* > Çuv. *yır* 'iz'; AT. *hın* > Çuv. *yını* 'in, yuva'; AT. *ig* > Çuv. *yih* 'cilt hastalığı'; AT. *tire-* 'diremek, dayanmak' > Çuv. *çarak* 'direk, destek' [TDBUÜ, s. 182–183; Ceylan, 1997, s. 169–171; Bayram, 2007, s. 86–88, 284].

1.2.6.2. Artdamaksızlaşma

$\bar{i} > a$

Uzun \bar{i} ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde genellikle *ı/i*'ye değişiyor olsa da bazen kısalarak veya Çuvaş Türkçesine has bir özellik olan *ş* ve *y* ünsüzleri önündeki artdamaksızlaşma durumundan etkilenerek

artdamaksillaşıp a'ya deęişmiştir. AT. *tire-* 'diremek, dayanmak' > Çuv. *çarak* 'direk, destek' [TDBUÜ, s. 183; Ceylan, 1997, s. 171; Bayram, 2007, s. 284].

ī > ĩ

Uzun ī ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ĩ/i'ye deęişmiş olsa da bazen kısalarak veya Çuvaş Türkçesine has bir özellik olan ş ve y ünsüzleri önündeki artdamaksillaşma durumuna baęlı olarak artdamaksillaşıp kısa ĩ'ya deęişmiştir. AT. *īg* > Çuv. *yih* 'cilt hastalığı'; AT. *īş* > Çuv. *şil* 'diş' [TDBUÜ, s. 182–183; Ceylan, 1997: 170; Bayram, 2007, s. 86–296].

1.2.6.3. Yuvarlaklaşma

Çuvaş Türkçesinde ī ünlüsünün yuvarlaklaştığı herhangi bir örneęe rastlanılamamıştır.

1.2.6.4. Genişleme

ī > ĩ

ī ünlüsü Çuvaş Türkçesinde genellikle ī ünlüsüne göre az da olsa geniş olan ve kapalı e'ye yaklaşan konumuyla açık i olarak da adlandırılan ĩ ünlüsüne genişlemiştir. AT. *īs* > Çuv. *ış* 'iş'; AT. *īz* > Çuv. *yır* 'iz'; AT. *hīn* > Çuv. *yīnī* 'in, yuva' [TDBUÜ, s. 182–183, Ceylan, 1997, s. 169–171; Bayram, 2007, s. 86–88, 284].

ī > a

Çuvaş Türkçesinde tespit edilen bir örnekte birincil uzun ünlülerin genişletici ve artdamaksillaştırıcı etkisi ile Çuvaş Türkçesine has bir özellik olan ş ve y ünsüzleri önündeki artdamaksillaşma durumuna baęlı olarak a'ya deęişip genişlemiştir. AT. *tire-* 'diremek, dayanmak' > Çuv. *çarak* 'direk, destek' [TDBUÜ, s. 183; Ceylan, 1997, s. 171; Bayram, 2007, s. 284].

1.2.6.5. Ünlü Düşmesi

Çuvaş Türkçesinde ilk hecede yer alan ī ünlüsünün düştüğü herhangi bir örnek bulunmamaktadır.

1.2.6.6. Ünlü Türemesi

Çuvaş Türkçesinde ilk hecede ī ünlüsünün türediğı herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.2.6.7. Ünlü İkizleşmesi (Diftong)

Çuvaş Türkçesinde ī ünlüsünden kaynaklanan herhangi bir ikizleşme örneğine rastlanmamıştır.

Tablo 13

İlk Hecedeki ī Ünlüsünde Görülen Ses Deęişmeleri

ī	ĩ/i,a,ı
---	---------

Tablo 14

İlk Hecedeki ī Ünlüsünün Uęramış Olduęu Ses Olayları

Kısalma	Artdamak.	Yuv.	Gen.	Düş.	Tür.	Dift.
+	+	–	+	–	–	–

1.2.7. ö Ünlüsünün Ses Bilgisi Görünümü

Ana Türkçenin ö ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön seste avī/īva (>va)'ya deęişerek hem artdamaksillaşmış hem de düzleşmiş; ikinci seste bulunduğu konumlarda da ü'ye deęişerek daralmıştır. Ayrıca ö ünlüsü bu lehçede ilk hecede düşme, türeme veya ikizleşme olaylarına uğramamaktadır.

1.2.8. ö Ünlüsüyle İlgili Ses Olayları

1.2.8.1. Ünlü Kısalması

Ana Türkçenin ö ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde kısalarak ön seste avī/īva (>va)'ya; ikinci seste bulunduğu konumlarda da īva veya ü'ye deęişmiştir. AT. *ōt* > Çuv. *vat* 'öd, safra'; AT. *ōs-* > Çuv. *avīs-* 'esmek'; AT. *kōk* > Çuv. *kīvak* 'gök'; AT. *kōz* > Çuv. *kīvar* 'köz, ateş'; AT. *ōt-* > Çuv. *avīt-* 'gök gürlemek' [TDBUÜ, s. 183–184; Ceylan, 1997, s. 180–181; Bayram, 2007, s. 30, 50, 101–102].

1.2.8.2. Artdamaksillaşma

ō > avī

Ana Türkçenin ö ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön seste avī ses grubuna dönüşmüştür. ö ünlüsünün ses grubuna deęiştığı bu durum ses grubu içerisinde yer alan aī ünlülerini de kapsadığı için bu deęişimin artdamaksillaşma kısmına alınması uygun görülmüştür. AT. *ōs-* > Çuv. *avīs-* 'esmek'; AT. *ōt-* > Çuv. *avīt-* 'gök gürlemek' [TDBUÜ, s. 183; Ceylan, 1997, s. 180; Bayram, 2007, s. 50].

ō > īva

Ana Türkçenin ö ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ikinci seste bulunduğu konumlarda īva ses grubuna dönüşmüştür. ö ünlüsünün ses grubuna deęiştığı bu durum ses grubu içerisinde yer alan aī ünlülerini de kapsadığı

için bu değişimin artdamaksıllaşma kısmına alınması uygun görülmüştür. AT. *kōk* > Çuv. *kivak* ‘gök’; AT. *kōz* > Çuv. *kivar* ‘köz, ateş’ [TDBUÜ, s. 184; Ceylan, 1997, s. 180–181; Bayram, 2007, s. 101–102].

ö > avī/īva (> va)

Ana Türkçenin ö ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ilk hecede avī/īva ses gruplarına değişim üzerinden a veya ı’nın erimesiyle va’ya da değişmektedir. AT. *ōt* > Çuv. *vat* ‘öd, safra’ [TDBUÜ, s. 183; Ceylan, 1997, s. 180; Bayram, 2007, s. 50].

1.2.8.3. Düzleşme

ö ünlüsünün yukarıda artdamaksıllaşma maddesinde verilmiş olan tüm örnekleri aynı zamanda Çuvaş Türkçesinde düzleşme olayına da örnek gösterilebilir.

1.2.8.4. Daralma

ö > ü

Ana Türkçenin ö ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ikinci seste bulunduğu konumlarda kısalıp daralarak ü ünlüsüne değişmiştir. AT. *sōn-* > Çuv. *sün-* ‘sönmek’; AT. *bōl-* > Çuv. *pül-* ‘bölmek’; AT. *kōl* > Çuv. *külĭ* ‘göl’ [TDBUÜ, s. 184; Ceylan, 1997, s. 181; Bayram, 2007, s. 122, 171, 194].

1.2.8.5. Ünlü Düşmesi

Çuvaş Türkçesinde ilk hecede yer alan ö ünlüsünün düştüğü herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.2.8.6. Ünlü Türemesi

Çuvaş Türkçesinde ilk hecede ö ünlüsünün türediği herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.2.8.7. Ünlü İkizleşmesi (Diftong)

Çuvaş Türkçesinde ilk hecede ö ünlüsünün türediği herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

Tablo 15

İlk Hecedeki ö Ünlüsünde Görülen Ses Değişmeleri

ö	ü, va, avī, īva
---	-----------------

Tablo 16

İlk Hecedeki ö Ünlüsünün Uğramış Olduğu Ses Olayları

Kısalma	Artdamak.	Düz.	Dar.	Düş.	Tür.	Dift.
+	+	+	+	–	–	–

1.2.9. ü Ünlüsünün Ses Bilgisi Görünümü

ü ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön seste genellikle kısalarak vī, va, vi’ye değişmekle birlikte ı’ya ve bir örnekte de kısalarak artdamaksıllaşarak u’ya değişmiştir. Bu değişimler esas alındığında ü ünlüsünün Çuvaş Türkçesinde hem düzleştiği (vī, vi, ı, va) hem genişlediği (va, vi, ı) hem de artdamaksıllaştığı (va) görülür. Ayrıca ü ünlüsü bu lehçede ilk hecede düşme, türeme veya ikizleşme olaylarına uğramamaktadır.

1.2.10. ü Ünlüsüyle İlgili Ses Olayları

1.2.10.1. Ünlü Kısalması

Ana Türkçenin ü ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön seste genellikle kısalarak vī, va, vi’ye değişmekle birlikte kısalarak ı’ya da değişmiştir. OT. *ūç* > Çuv. *visīŋ* ‘üç’; AT. *ūle-ŝ-* > Çuv. *vales-* ‘paylaşmak’; AT. *hūr-* > Çuv. *vır-* ‘ürümek, havlamak’; AT. *sūt* > Çuv. *sīt* ‘süt’; AT. *tūp* > Çuv. *tīp* ‘dip’; AT. *yūz* > Çuv. *šīr* ‘yüz sayısı’ [TDBUÜ, s. 112, 184–186; Ceylan, 1997, s. 187–188; Bayram, 2007, s. 49, 5, 59, 187, 206, 231].

1.2.10.2. Artdamaksıllaşma

ü > va

ü ünlüsü Çuvaş Türkçesinde tespit edilen bir sözcükte ön seste v ilişkisiyle birlikte artdamaksıllaşarak va’ya değişmiştir. AT. *ūle-ŝ-* > Çuv. *vales-* ‘paylaşmak’ [TDBUÜ, s. 184; Ceylan, 1997, s. 188; Bayram, 2007, s. 49].

ü > u

ü ünlüsü tespit edilen bir sözcükte kısalarak ve artdamaksıllaşarak u ünlüsüne değişmiştir. AT. *kūn* > Çuv. *kun* ‘gün’ [TDBUÜ, s. 185; Ceylan, 1997, s. 188; Bayram, 2007, s. 117].

1.2.10.3. Düzleşme

ü > vī/īvi/ī

ü ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde ön seste genellikle kısalarak vī, ıvi’ye veya ı ünlüsüne değişmiştir. OT. *ūç* > Çuv. *visīŋ* ‘üç’; AT. *hūr-* > Çuv. *vır-* ‘ürümek, havlamak’; AT. *sūt* > Çuv. *sīt* ‘süt’; AT. *tūp* > Çuv. *tīp* ‘dip’; AT. *yūz* > Çuv. *šīr* ‘yüz sayısı’ [TDBUÜ, s. 112, 184–186; Ceylan, 1997, s. 187–188; Bayram, 2007, s. 55, 59, 187, 206, 231].

ū > va

ū ünlüsü tespit edilen bir sözcükte kısalarak ve artdamaksıllaşıp düzleşerek va'ya değişmiştir. AT. *ūle-*ş- > Çuv. *vales-* 'paylaşmak' [TDBUÜ, s. 184; Ceylan, 1997, s. 188; Bayram, 2007, s. 49].

1.2.10.4. Genişleme

ū > va

ū ünlüsü tespit edilen bir sözcükte kısalarak ve artdamaksıllaşıp genişleyerek va'ya değişmiştir. AT. *ūle-*ş- > Çuv. *vales-* 'paylaşmak' [TDBUÜ, s. 184; Ceylan, 1997, s. 188; Bayram, 2007, s. 49].

ū > vī/vi/ī

ū ünlüsü bugünkü Çuvaş Türkçesinde vī veya ī ünlüsüne değişerek genişlemiştir. AT. *hūr-* > Çuv. *vır-* 'ürümek, havlamak'; AT. *sūt* > Çuv. *sīt* 'süt'; AT. *tīp* > Çuv. *tīp* 'dip'; AT. *yūz* > Çuv. *śīr* 'yüz sayısı' [TDBUÜ, s. 112, 184–186; Ceylan, 1997, s. 187–188; Bayram, 2007, s. 55, 59, 187, 206, 231].

1.2.10.5. Ünlü Düşmesi

Çuvaş Türkçesinde ilk hecede yer alan ū ünlüsünün düştüğü herhangi bir örnek tespit edilememiştir.

1.2.10.6. Ünlü Türemesi

Çuvaş Türkçesinde ilk hecede ū ünlüsünün türediği herhangi bir örnek bulunmamaktadır.

1.2.10.7. Ünlü İkizleşmesi (Diftong)

Çuvaş Türkçesinde ilk hecede ū ünlüsünün ikizleştiği herhangi bir örnek bulunmamaktadır.

Tablo 17

İlk Hecedeki ū Ünlüsünde Görülen Ses Değişmeleri

ū	vī, va, vi, u, ī
---	------------------

Tablo 18

İlk Hecedeki ū Ünlüsünün Uğramış Olduğu Ses Olayları

Kısalma	Artdamak.	Düz.	Gen.	Düş.	Tür.	Dift.
+	+	+	+	-	-	-

SONUÇ

Çuvaş Türkçesindeki birincil uzun ünlülerin ses özellikleri, görünümleri ve ses olayları bakımından karşılaştırmalı olarak incelendiği bu çalışmada sonuç itibarıyla şu hususlar ön plana çıkmaktadır:

1. Birincil uzun ünlülerin kısalma hadisesi Türk dilinin neredeyse genelinde mevcut olan bir durum görünümündedir. Bu durum Çuvaş Türkçesi için de genel bir temayül niteliği taşımaktadır.

2. Çuvaş Türkçesinde genellikle kısalarak normal veya kısa süreli karşılığına dönüşen birincil uzun ünlüler, bazen çeşitli değişiklikler meydana getirerek seslik izler bırakmışlardır. Bu seslik izler; öndamaksıllaşma, artdamaksıllaşma, genişlemedir.

2. Çuvaş Türkçesinde ilk hecede görülen öndamaksıllaşma olayı genellikle birincil uzun ünlülerin kısalması sırasında ortaya çıkmaktadır. Bu ses olayı bu lehçede ā ve ī ünlülerinde görülmektedir.

3. İlk hecede görülen artdamaksıllaşma olayına Çuvaş Türkçesindeki ince nitelikli tüm uzun ünlülerde rastlanılmaktadır.

4. İlk hecedeki düzleşme olayına Çuvaş Türkçesindeki yuvarlak ünlülü nitelikteki tüm uzun ünlülerde rastlanılmaktadır.

5. Birincil uzun ünlülerin ilk hecedeki yuvarlaklaşma olayına Çuvaş Türkçesinde sadece ā ve ī ünlülerinde rastlanılmamaktadır.

6. Birincil uzun ünlülerin ilk hecedeki daralma olayı Çuvaş Türkçesinde en çok görülen ses hadiselerinden biridir. Bu durum Çuvaş Türkçesinde ē ünlüsünün i ve ī'ye nadiren daralması dışındaki tüm geniş uzun ünlülü seslerde sıkça görülmektedir.

7. İlk hecede görülen genişleme olayı da genellikle birincil uzun ünlülerin kısalması sırasında ortaya çıkmaktadır. Bu ses hadisesi ī > a ve e > a değişimlerinde nadiren görülürken diğer dar nitelikli uzun ünlülerde çokça görülmektedir.

8. Ünlü düşmesi olayına ilk hecedeki uzun ünlüler açısından bakıldığında Çuvaş Türkçesinde herhangi bir düşme örneğinin tespit edilemeyişi dikkat çekmektedir.

9. Uzun ünlüler açısından Çuvaş Türkçesinde ilk hecede herhangi bir türeme olayına rastlanmamaktadır.

10. Uzun ünlüler açısından Çuvaş Türkçesinde ilk hecede herhangi bir ikizleşme olayına rastlanmamaktadır.

Kısaltmalar

AT. – Ana Türkçe, Çuv. – Çuvaş Türkçesi, TDBUÜ – Türk Dillerinde Birincil Uzun Ünlüler.

Kaynaklar

- Alkaya, Ercan (2008). ‘Sibirya Tatar Türkçesindeki Uzun Ünlüler Üzerine Bir Değerlendirme’, Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları (M. Fahrettin Kırzioğlu Armağanı), Volume 3/4, Summer. S. 19–42.
- Baskakov, A. N. (2006). Türk Dillerinin Tarihi-Tipolojik Sesbilimi. (Çev: Kenan Koç ve Oktay Selim Karaca). İstanbul. Multilingual Yayınları,
- Başdaş, Cahit. (2007). ‘Türkiye Türkçesinde Aslı Uzunluk Belirtileri’ Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları (Osman Nedim Tuna Armağanı). Volume 2/2 spring. S. 89–101.
- Bayram, Bülent. (2007). Çuvaş Türkçesi-Türkiye Türkçesi Sözlük. Konya. Tablet Yayınları.
- Buran, Ahmet. (2008). ‘Çağdaş Türk Yazı Dillerinde ve Türkiye Türkçesi Ağızlarında İkincil Uzun Ünlüler’ Makaleler. (Ed. M. Dursun Erdem) (Yay. Haz. Ercan Alkaya, Süleyman Kaan Yalçın, Murat Şengül) Ankara: Turkish Studies Publication, Series V. s. 288–305.
- Ceylan, Emine. (1997) Çuvaşça Çok Zamanlı Ses Bilgisi. Ankara. Türk Dil Kurumu Yayınları.
- Erdem, Mehmet Dursun. (2003). ‘Anadolu Ağızlarında Görülen Birincil Ünlü Uzunlukları Üzerine’. Journal Of Turkish Studies (Türklük Bilgisi Araştırmaları) (Kaf Dağının Ötesine Varmak Festschrift In Honor Of Günay Kut). (Editör: Şinasi Tekin ve Gönül Alpay Tekin). USA. Published at the Department of Near Eastern Languages and Literatures Harvard University. V. 27/II. S. 79–110.
- Tekin, Talat. (1995). Türk Dillerinde Birincil Uzun Ünlüler. İstanbul, Simurg Yayınları.
- Yalçın, Süleyman Kaan. (2009). ‘Türkçede Artdamaksıllaşma Olayının Birincil Uzun Ünlülerle İlgisi Üzerine Bir Değerlendirme’ Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları, (Prof. Dr. Ahmet Buran Armağanı), Volume 4/8 Summer. S. 2340–2357.
- Yalçın, Süleyman Kaan. (2013). Çağdaş Türk Lehçelerinde Ünlüler. Ankara. Türk Dil Kurumu Yayınları.

СЛОВО В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

А. Д. Ахвандерова, А. В. Прокопьева

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ СЛОВА В ВЕРХОВОМ ДИАЛЕКТЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье описываются древнетюркские слова, встречающиеся в верховом диалекте современного чувашского языка, в частности, авторами рассматриваются такие слова, как *тӓм* 'холод' и *ум* 'бросать'.

Ключевые слова: древнетюркские слова, диалекты чувашского языка, говоры.

A. D. Ahvanderova, A. V. Prokopieva

OLD TURKIC WORDS IN THE UPPER DIALECT OF THE CHUVASH LANGUAGE

Abstract. The article describes old Turkic words that are used in the upper dialect of modern Chuvash language, in particular, authors examine such words as *tӓm* 'cold' and *um* 'throw'

Keywords: old Turkic words, dialects of the Chuvash language, subdialects.

Современный чувашский язык представляет собой весьма сложную структуру. Изучение его функционирования и развития до сих пор привлекает к себе внимания лингвистов. У многих народов параллельно с литературным языком существуют отдельные диалекты и говоры. Хотя литературный язык первоначально возникает и развивается на основе одного из наиболее распространенных живых диалектов, впоследствии он начинает отдаляться от говоров: и лексическим богатством, и отработанностью орфоэпических и грамматических норм, и отсутствием разного рода просторечия, вульгаризмов и многих других слов, не принятых литературным языком.

Литературный язык и диалекты находятся в постоянном взаимодействии, так как первый нередко обогащается за счет языковых элементов говоров. Например, в 50–60-х гг. XX столетия из диалектов в чувашский литературный язык вошли такие слова, как *сунарçӑ* 'охотник', *мучи* 'дядя', *еткер* 'наследство'. Также в говорах сохранились слова глубокой древности, это объясняется тем, что в верховом диалекте мы наблюдаем древнечувашские слова, например: лит. шыв <диал. *шy* < диал. *cy* < **sab*, лит. *сӓнӓ* < диал. *сӓнӓш* < *sünjüš* 'копье', лит. *юра* < диал. *юраш* < *jaraš* 'ладить'.

В настоящее время диалектные особенности заметно стираются. Главной причиной тому является сильное воздействие русского языка на диалекты. Хотя межнациональное общение и взаимодействие являются существенным показателем этнических процессов. Народный язык начинает изменяться на всем пространстве под влиянием внутренних и внешних причин. У многих народов Поволжья и Приуралья наблюдается быстрое развитие явления перехода с национального языка на русский. Это касается и чувашского языка, так как многие представители коренного населения говорят по-русски, при этом все владеющие этническим языком являются билингвами. Вспомним мудрое изречение чувашского просветителя И. Я. Яковлева: «Один язык – один ум, два языка – два ума, три языка – три ума. Будьте умными». Через знание своего родного языка раскрываются возможности изучения явлений действительности.

Чувашский язык относится к тюркской группе и в нем сохранились древнетюркские слова, которые в основном встречаются в диалектах и говорах. Диалектологические особенности чувашского языка прослеживаются в живой речи старшего поколения. Именно поэтому нам надо постараться сохранить это языковое наследие. Изучение языковых фактов дает возможность лучшего и правильного понимания явлений современного языка, в них хранится история народа, языка. Также в диалектах бытуют слова, представляющие собой реликты, весьма ценные для суждения о древнейшей судьбе чувашского языка. Неотложной задачей является фиксация таких лексических единиц, которые могли бы помочь при решении вопросов прикладного характера.

Современный чувашский язык подразделяется на три диалекта [Ахвандерова 2016]. Исходя из различных особенностей, принято выделять: верховой, средний и низовой диалекты. Верховой (тури) диалект занимает северо-западную часть. Но нельзя говорить о том, что на этом огромном участке все говорят одинаково. Следует отметить, что в верховой диалект отличается от остальных двух и фонетическим, и лексическим, и грамматическим составом.

Исследуя верховой диалект, мы нашли слова, которые восходят к древнетюркским истокам. Материал описывается на основе «Древнетюркского словаря» [Древнетюркский, 1969] и «Этимологического словаря чувашского языка» [Федотов, 1996].

Том, лит. *tām* ‘холод, иней’. В древнетюркском языке *tom* – холод, *tomlux* – холодный: *tomlux qadīr qīslaq* – холодные, суровые зимы. В этимологическом словаре чувашского языка *tām* – иней, изморозь, заморозки, мороз. В других близкородственных тюркских языках встречаются слова, которые также похожи на древнетюркский эквивалент: азерб., тур. *дон*, туркм. *донаклык*, тат. *о туң* ‘мороз’; кирг., казах., уйг., ойр., якут. ‘*тоң*’.

В говорах Моргаушского района (д. Ярабайкасы) слово *том* используется в значении «холод, мороз, иней», например: *Манән пите том илсе карё*. ‘Я отморозила щеки’.

Ут (лит. *увят*) ‘бросать’. Словарь древнетюркского языка дает следующее: *at* ‘бросать. *Kelsä kisi atma aңar örtär külä*. ‘Если придет кто-либо, не бросай ему в лицо горячую золу’. В этимологическом словаре чувашского языка: *увят*, диал. *ым*, *ут* ‘бросать, кидать, метать’, в др. тюрк. *am*, узб. *om*, якут. *ым* ‘бросать, кидать, метать’. В верховом диалекте это действительно самая часто используемая форма.

В литературном языке древнетюркский звук [a] переходит в [y], в верховом говоре в [o]: *aba* – *опа*, лит. *упа* ‘медведь’, для ср.: в хак. *оба*, в остальных тюркских языках *аю*, *айы*, *адыг*, тув. *адыг*, алт. *азых*. От этого же слова образовано слово *упален*, верх. *опалян* ‘ползать подобно медведю’.

Древнетюркский звук [o] в чувашском литературном языке переходит в [y]. В говорах верхового диалекта мы наблюдаем сохранение древнетюркского звука в корне слова. Об этом также свидетельствует множество примеров: *jol* – *çол*, лит. *çул* ‘дорога, путь’. Древнетюркский словарь дает нам следующее определение этого слова: *jol* ‘дорога’, *Kögmän jolı bir ermiş*. ‘Кегмен была дорога одна’; *Ola bolsa jol azmas*. ‘Если будет знак, с дороги не собьется’; *Men señä baslap jolnı körgürür men*. ‘Я поведу тебя и буду показывать тебе дорогу’. В этимологическом словаре чувашского языка М. Р. Федотова данное слово имеет два варианта *çул* / *çол* и три значения: *çул* / *çол* 1. Год. Производные форма *çёнё çул* ‘новый год’; *çуллăх* / *çоллăх* ‘промежуток времени, равный году’; *çулсейрен* / *çулсерен* ‘ежегодно, каждый год’. Тюркские соответствия: алт., тел., леб., кюэрик., ком., крым., тоб., уйг., тур., азерб., башк. *йыл* ‘год’, якут. *сыл*, *дьыл* ‘год’. 2. Возраст. Тюркские соответствия: тар., алт., ком., крым., каз., др.-тюрк., уйг., тур., азерб. *jañ* ‘свежий, зеленый, молодой’. 3. Дорога, путь, путина, проход. Производные формы: *аслă çул*, *ман çул* большая дорога; *вак çул* ‘проселочная дорога’, *çулăç* ‘путешественник’, *çол пелёчё* ‘млечный путь’, *çул хыв* / *çул хур* ‘прокладывать дорогу’. Тюркские соответствия: крым., алт., тел., леб., др.-тюрк., уйг., тур., туркм., азерб. *йол* ‘дорога, улица, линия, черта’, каз. *йул*. Примеры применения слова *çул* с древнетюркским звуком в верховом говоре: *Çол çинче чол выртать*. *Еп çол çинчен тохса кайса машина йор копи çине тирёнтём*.

Интересными представляются, кроме приведенных выше лексем, следующие древнетюркские слова: *турна*, лит. *тёрна* ‘журавль’; *чяс*, лит. *суй* ‘врать’; *эки*, лит. *анпа* ‘старшая сестра’; *су*, лит. *шыв* ‘вода’, *ылттан*, лит. *ылтан* ‘золото’. Они встречаются в населенных пунктах Моргаушского, Ядринского и Аликовского районов.

Сокращения

Азерб. – азербайджанский язык, алт. – алтайский язык, башк. – башкирский язык, диал. – диалект, др.-тюрк. – древнетюркский язык, казах. – казахский язык, кирг. – киргизский язык, ком. – команский язык, крым. – крымско-татарский язык, кюэрик. – кюэрикский диалект чулымских татар, леб. – лебединский диалект алтайского языка, лит. – литературный язык, ойр. – ойратский, тат. – татарский язык, тел. – телеутский диалект алтайского языка, тоб. – говор тобольских татар, тур. – турецкий язык, туркм. – туркменский язык, уйг. – уйгурский язык, якут. – якутский язык.

Библиография

Ахвандерова А. Д. Проблемы территориальной дифференциации современного чувашского языка // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2016. № 4. С. 40–45.

Древнетюркский словарь / ред. В. М. Надеяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Изд-во «Наука», 1969. 676 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары, 1996.

РОЛЬ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. В статье анализируются вопросы конструирования картины мира с помощью паремиологических единиц. Паремиологические единицы позволяют реконструировать наиболее важные стереотипы массового национального сознания. Их изучение позволяет выявить культурно обусловленный компонент языковых значений. Функционируя как средство хранения и передачи народного опыта, паремиологические единицы составляют когнитивный базис национальной языковой картины мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, национальный характер, культура, лингвокультурология, паремиологическая единица, фразеологизм, пословица.

R. R. Zamaletdinov

THE ROLE OF PAROEMIOLOGICAL FUND OF A LANGUAGE IN WORLD VIEW FORMATION

Abstract. This article analyses the issues of worldview building through paremiological units. Paremiological units allow reconstructing the most important stereotypes of mass national consciousness. Their study makes it possible to identify a culturally marked component of linguistic meanings. Functioning as a means of storing and conveying experience of the people, paremiological units make a cognitive basis for the national linguistic world view.

Keywords: linguistic world view, national character, culture, cultural linguistics, paremiological unit, phraseology, proverb.

В 50-е годы XX в. одним из магистральных направлений антропологической науки стало изучение картины мира, из которой впоследствии развилась когнитивная антропология. Концепция картины мира в рамках этой науки была сформулирована Р. Редфильдом. По его определению, картина мира – это видение мироздания, характерное для того или иного народа, представление членов общества о самих себе, своих действиях и активности в мире. Если концепция «национального характера» касается прежде всего взгляда на культуру со стороны внешнего наблюдателя, то картина мира, напротив, предполагает исследование взгляда представителя определенной культуры на внешний мир. С. В. Лурье отмечает, что «концепция “картины мира” подразумевает интерпретацию культуры, выявление оттенков, характерных только для нее, применении к исследованиям метода эмпатии (сопереживания)» [Лурье, 2003, с. 200].

Для того чтобы изучить отдельную культуру, исследователю необходимо взглянуть на нее глазами носителей именно этой культуры и увидеть очевидные для него смыслы отдельных элементов этой культуры, связи между этими элементами, научиться говорить о культуре в тех категориях и с теми акцентами, которые естественны для носителя культуры. Именно этот ракурс осмысления культуры и высвечивает антропологическая парадигма в языкознании.

Языковая картина мира является одним из способов структурирования знаний об объективной действительности. Все знания человека о мире, полученные им в течение жизни, существуют в его сознании в виде картины мира, которая определяет отношение человека к реальности, оказывает влияние на нормы поведения, становление системы ценностей, социально детерминированных императивов и запретов, на стратегию жизнедеятельности и способы осознания человеческой субъективности.

Язык как особая система сигналов о реальной действительности позволяет оперировать понятиями в их отвлечении от конкретных предметов и ситуаций, являясь средством познания, сохранения и передачи социально значимого опыта и средством управления поведением человека. При изучении картины мира используются данные разных дисциплин. Комплексное использование данных и теоретико-методологических установок разных наук позволяет высветить как саму проблему, так и пути ее решения.

Картина мира в общефилософском смысле – это совокупность мировоззренческих знаний о мире, совокупность предметного содержания, которым обладает человек. Являясь необходимым моментом жизнедеятельности индивида, картина мира определяет специфический способ восприятия мира. В современной науке осмысление картины мира происходит через рефлексию над результатами достижений науки и в русле семиотического, культурологического и лингвистического анализа.

Логическим развитием традиционной для языкознания проблемы соотношения языка и культуры можно считать появление лингвокультурологии.

Понятие «культура» – предельное интегративное понятие гуманитарного знания. В. Н. Телия предлагает из многих граней культуры выделить лишь наиболее существенные с точки зрения проявления в лингвокультурологическом анализе и на этой основе определяет культуру как «часть картины мира, которая отображает самосознание человека, исторически видоизменяющегося в процессах личностной или групповой рефлексии над ценностно-значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека». Из этого следует, что культура – это «особый тип знания, отражающий сведения о рефлексивном самопознании человека в процессах его жизненных практик» [Телия, 1999, с. 19]. Также культуру

можно определять через ценностные категории, в образовании которых участвует и эстетическая фантазия, и эмоциональные запреты: в них значительно больше нерационального, чем рационального.

По определению Э. Сепира, культура – «то, что данное общество думает и делает. Язык же есть то, как думают» [Сепир, 1993, с. 193]. Проникновение в образ мышления нации предполагает в первую очередь знакомство с семантическим пространством чужого языка, с членением, структурированием этого пространства на разных уровнях, по существу, приобщение к языковой картине мира.

Нет одинаковых национальных культур, аналогично отражающих сходные культурные предметы или даже одни и те же явления природы. Для формирования этнокультурного эталона объекта используются не только перцептивные данные, полученные при чувственном восприятии этого предмета, но и априорные культурные знания. Ментальный образ этого объекта, перенесенный из одной культуры в другую, всегда несет в себе элементы национально-культурной специфики.

Новые знания при постижении чужой культуры формируются лишь в том случае, когда он побуждается к этому необходимостью искать различия между образами своей и чужой ему культуры, стремится понять суть таких различий. А это происходит тогда, когда познаваемый образ воспринимается как чужой, еще сохраняющий нечто непознанное. При таком способе познания чужой культуры необходимо помнить, что новые знания о ней формируются на основе из «старых» знаний субъекта. Все, что имеет символическую интерпретацию, является предметом национальной культуры. Смысловая структура таких единиц языка, многоуровневость их семантической организации порой отсылает к историческому прошлому народа, к мифу. Латентная образность, скрытая или стертая метафоричность вербализованного символа требуют специального анализа.

Вопрос о том, как осуществляется связь языка с национальной культурой, разными исследователями решается по-разному: через национально-культурный компонент значения (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров), через фоновые знания (Ю. А. Сорокин), через культурную коннотацию (В. Н. Телия, В. А. Маслова) и др. Исследователи приходят к выводу о том, что культурно-маркированная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания фразеологических единиц или паремий посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами.

В семантике слов и фразеологизмов происходит не только членение и категоризация континуума окружающего мира, выделение в нем дискретных сущностей, но и его переосмысление, интеграция нового знания в систему ранее приобретенной социокультурной информации, формирование эмоционально-оценочного отношения к нему этнокультурного сообщества. В результате этого рождаются довольно устойчивые микро- и макротексты как явление культуры. Используя такие микротексты, человек присваивает заключенный в них опыт, внедряя его в собственное сознание. Ярким примером такого отражения в языке являются фразеологизмы и афоризмы народного происхождения. В простоте слова заключена огромная интеллектуально накопленная информация, философская глубина, аккумулирующая народный опыт, народную мудрость, народную эмоциональность и оценку.

Мы считаем, что в большей части татарских фразеологизмов сохраняются «отпечатки» национальной культуры, исторического прошлого народа, которые могут быть выявлены. Для анализа фразеологизмов необходимо рассмотрение их внутренней формы и национально-культурной коннотации. В них заключаются сведения о климатических условиях (*кар өстенә бәс, кыш көне кар бирмәс, төкерек жиргә төшмәслек салкын, жил ягына салам кыстыру*), о занятиях татар земледелием (*саламны печәннән аера алмау, ындыр артлатып кына йөрү, арна эчендә бер бодай, ташта борчак үстерү, эре бәрәңге ашаган, сабан сөрергә генә калды*) и скотоводством (*агач атка атландыру, ат ачуын тәртәдән алу, сарык арасына бүре кергән*), о традиционных блюдах народной кухни (*ачы катык кебек кабару, бал да май эчендә йөзү, көн дә бәлеш, көн дә туй*) о бытовом укладе татар, об особенностях этикета, обычаях, поверьях (*пәри башка, жән башка, жәннән куркып албастыга очраган, жиде баилы аждаҗа*) религиозных верованиях (*ибليسне иманга өндәү, Аллага да юк, муллага да юк, Нух пәйгамбәр заманыннан*).

Наиболее ярко обнаруживается специфика тех фразеологизмов, в которых большую роль играет денотативный план, речь в этом случае идет о специфических реалиях национальной культуры. Однако в большей части фразеологизмов культурная информация представлена иным образом, в первую очередь через эмотивно-оценочное и образное основание.

В самом рождении фразеологизма и закреплении его в системе языка участвуют национально-культурные стереотипы и эталоны. Как видно из приведенных выше примеров, довольно большое количество фразеологизмов связано с мифологемами. При этом следует заметить то, что в тюркской и татарской фразеологии можно обнаружить множество примеров, когда на первый план выступает общечеловеческое содержание.

Плоды многовековых наблюдений и раздумий народа, его мечты и надежды воплощались в значениях слов, в устойчивых сочетаниях слов, загадках, пословицах. Так народ создавал свое искусство,

свою поэзию и жизненную философию. Трудно перечислить все художественные определения, которые дают пословице. Ее называют народной мудростью, практической философией, устной школой, сводом правил жизни, исторической памятью народа.

Часто пословичные выражения имеют форму категорического утверждения или отрицания, конденсирующего многовековой опыт народа. По утверждению В. П. Аникина, в пословице заключены наблюдения народного ума, народная оценка жизни. Могли становиться пословицами и существовать на протяжении многих веков только те изречения, которые согласовывались с образом жизни и мыслями множества людей. Пословицы выражают мнение народа [Аникин, 1961].

Меткое сравнение, лаконичная формула, сказанные кем-то однажды по какому-то конкретному поводу, становятся атрибутами народной речи, благодаря постоянному употреблению в аналогичных по смыслу ситуациях. Как отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, суждение представляет лишь часть того массива информации, который несет в себе афоризм. Именно поэтому «означаемым афоризма следует считать типовую ситуацию, т.е. совокупность обстоятельств, признаков, оценок, положений, но на известном уровне абстракции – в отвлечении от мелких и несущественных характеристик» [Верещагин, 1983, с. 93].

Современное языкознание характеризуется расширением связей с различными областями гуманитарного знания, за счет чего становится возможным расширить область исследования и посмотреть на традиционные объекты исследования лингвистики с новой точки зрения. Несмотря на длительную по времени практику исследования пословиц и поговорок, в последнее время ощущается потребность в выработке новых подходов к изучению и классификации паремиологических единиц с учетом современных теоретических установок.

Фонд паремиологических единиц языка представляет несомненный интерес для лингвокультурологии и теории концептов, так как позволяет реконструировать наиболее важные стереотипы массового национального сознания. Изучение паремий позволяет выявить, во-первых, культурно обусловленный компонент языковых значений и, во-вторых, рассмотреть когнитивные механизмы формирования важнейших культурных стереотипов. Функционируя как средство хранения и передачи народного опыта, являясь своего рода кристаллизацией этнического мировоззрения, паремиологические единицы обнаруживают органическую связь с концептами как культурно-специфическими вариантами понятий, которые составляют когнитивный базис национальной языковой картины мира.

Доиндустриальные общества, а именно в них рождались пословичные выражения, воспроизводятся на основе социальной связи, являющейся личной зависимостью человека от человека. Механизмом сохранения структур личной зависимости оказывается силовое – в более узком смысле – внеэкономическое принуждение, ограничивающее возможности социального индивида. Характерным выражением таких социальных связей являются традиции – которые «означают установившийся порядок, неписанный закон поведения в быту, обычай» [Кононенко, 2003, с. 426].

Обучение человека, как правило, сводится к передаче и усвоению социальных и культурных образцов – форм, которые обеспечивают общественное воспроизводство. Пословицы аккумулируют и транслируют подобное социально значимое и культурно маркированное знание. Татарские пословицы говорят: *Мәкаль сакалдан олырак*. 'Пословица старше бороды'; *Мәкальдә ялган юк, яхшыда яман юк*. 'В пословице не содержится ложь, в добре не содержится зло'; *Мәкальдә һәркемгә дә өлеш бар*. 'В пословицах есть доля каждого'.

Современная татарская фольклористика располагает довольно большим количеством разных по содержанию, структуре и объему сборников пословиц и поговорок. Огромное количество татарских пословиц и их вариантов собрано и систематизировано Н. Исанбетом в трехтомнике «Татар халык мәкальләре» (1959, 1963, 1967).

Публикация и интерпретация тюркско-татарских пословиц имеют более чем тысячелетнюю историю. Уже на ранних стадиях общественного развития вырабатывались определенные правила, морально-этические представления и нормы, которые также оформлялись в виде пословичных суждений, выполняя роль неписаных законов и правил. Причем в традиционном обществе следование заветам древних – это гарантия правильности действий индивида, а отклонение от них часто оценивалось как нечто опасное, крамольное, заслуживающее осуждения, даже греховное. Именно поэтому возникли, например, поговорки *Тузга язманганны сөйләү*. 'Говорить то, что не написано на бересте' со значением 'чушь несусветная' и *тузга язган* 'то, что написано на бересте', соответственно – «что испытано временем» [Сафиуллина, 2001, с. 251]. Как и у других народов, тюркско-татарские пословицы вербально оформляли обычное право и требовали его соблюдения: *Ат белән кызны авылдан алма*. 'Лошадь и жену не бери из своей деревни'; *Якыннан хатын алсаң, колагың каты булсын*. 'Если возьмешь жену из родни, оглохни'.

То, что истинность пословичных выражений подкреплена авторитетом прошлых поколений и обсуждению не подлежит, подтверждается и тем, что у татар пословицы часто вместо заимствованного арабского слова *мәкаль* называются *борынгылар сүзе* 'изречения древних', *картлар сүзе* 'изречения

старцев'. Это отражено и в текстах самих пословиц: *Амбар төбендә икмәк бар, картлар сүзендә хикмәт бар*. 'В амбаре содержится хлеб, в изречениях древних содержится мудрость'; *Картлар сүзен кар басмас*. 'Изречения древних не покроются снегом'; *Борынғылар сүзен тыңдамасаң, борының белән каплаңырсың*. 'Если не будешь прислушиваться к изречениям древних, шлепнешься носом'; *Картлар сүзен капка башына язып куй*. 'Изречения древних высеки над воротами'.

Пословичные высказывания представляют собой обобщение многовекового жизненного опыта народа, содержат эмоционально – экспрессивную оценку поступков человека, событий, явлений. Здесь уместно привести следующие слова известного татарского фольклориста Х. Ш. Махмутова: «...пословица всегда поучительна, она дает разумные советы и наставления на самые различные случаи жизни. Суждение, приговор, поучение, высказанные пословицей, представляют всеобщее мнение, непосредственно вытекающее из общественной практики, социально-исторического опыта народных масс. Как раз в этом проявляется сила пословицы, ее неуязвимость» [Махмутов, 1995, с. 11].

Пристальный интерес лингвокультурологии к пословицам и поговоркам может быть объяснен тем, что паремии – это словесно выраженные «стереотипы народного сознания» [Маслова, 2001, с. 43]. Изучение паремий позволяет выявить, во-первых, культурно обусловленный компонент языковых значений и, во-вторых, рассмотреть когнитивные механизмы формирования важнейших культурных стереотипов.

Функционируя как средство хранения и передачи народного опыта, являясь своего рода кристаллизацией этнического мировоззрения, паремиологические единицы обнаруживают органическую связь с концептами как культурно-специфическими вариантами понятий, которые составляют когнитивный базис национальной языковой картины мира. Кроме того, «в пословично-поговорочном фонде языка находят эксплицитное выражение предпочтения, связанные с ценностной доминантой культуры» [Бабаева, 2002, с. 28].

Пословичные выражения обладают большим эвристическим потенциалом для лингвокультурологических исследований также по причине своего фольклорного происхождения, так как фольклор является важной формой существования традиционной этнической культуры, связующей воедино разные стороны духовной жизни, обряды, традиционные виды трудовой деятельности. Фольклорное слово – «это не просто знак, и фольклорный язык – это не просто система произвольных знаков. Это особая культура с достаточно жесткими нормами, складывающимися исторически» [Тарланов, 1984, с. 69]. Будучи составной частью живой разговорной речи определенной эпохи, пословицы вбирают в себя ее существенные черты. С помощью минимального количества слов и скупых образных средств в них передаются мощь и красота, экспрессия, лаконизм и компактность народной речи.

При лингвокультурологическом анализе мы считаем необходимым обращать особое внимание на следующие методологические установки: признание паремиологического фонда национального языка в качестве важнейшего средства аккумуляции и трансляции культурного опыта народа; согласие с концептуальным единством паремиологического пространства языка как областью вербализации важнейших срезов национальной языковой картины мира; учет важности паремий в выявлении специфики ценностной окрашенности национальной языковой картины мира.

Таким образом, фонд паремиологических единиц языка представляет несомненный интерес для конструирования картины мира и лингвокультурологии, так как позволяет исследовать важнейшие лингвокультурные константы и специфику мышления народа. Большой частью паремии обращены к человеческой нравственности – поискам и определению содержания таких понятий как добро, зло, ложь, гнев, сострадание, терпение, смирение и других в преломлении этнического мировоззрения. В них отражаются основные стереотипы народного сознания, существующие стандарты и нормы поведения и идеалы, характерные для национальной культуры. Когнитивная направленность актуальных лингвистических исследований стимулирует исследование паремиологического фонда языка как источника информации о менталитете народа и особенностях его культуры.

Библиография

- Лурье С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М., Екатеринбург, 2003. 624 с.
Телия В.Н. От редактора // Фразеология в контексте культуры. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 336 с.
Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 654 с.
Аникин В.П. Мудрость народов // Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Иностран. лит., 1961. С. 156–273.
Верещагин Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Рус. яз., 1983. 269 с.
Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече; АСТ, 2003. 511 с.
Сафиуллина Ф. С. Татарча-русча фразеологик сүзлек. Казан: Мәгариф, 2001. 335 б.
Махмутов Х. Ш. Афористические жанры татарского фольклора: автореф. дис... докт. филол. наук. Казань, 1995. 76 с.
Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Academia, 2001. 208 с.
Бабаева Е. В. Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2002. Вып. 2. С. 25–35.
Тарланов З. К. Язык и культура: учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1984. 104 с.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ЭТНОСА ЧЕРЕЗ РЕАЛИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКИХ ПАРЕМИЙ)

Аннотация. В данной статье рассматриваются реалии в паремиях татарского языка. Исследование паремий в лингвокультурологическом аспекте дает богатый материал для изучения не только структуры языка, но и открывает новые возможности понимания образа мыслей, характера народа, его менталитета. Как результат исследования, с учетом отражения реалий в паремиях, дается собственная тематическая классификация.

Ключевые слова: лингвокультурология, паремия, реалии, безэквивалентная лексика, национальная культура, менталитет.

G. F. Zamaletdinova

REFLECTION OF NATIONAL-CULTURAL ETHNIC SPECIFICITY THROUGH REALIA (ON THE MATERIAL OF TATAR PAREMIAE)

Abstract. The present article discusses realia in paremiae of the Tatar language. The study of paremiae in linguocultural aspect provides rich material for studying not only the structure of the language, but opens up new opportunities for understanding the mindset, the nature of the people, its mentality as well. As a result of the study, taking into account reflection of realia in paremiae, the author's own thematic classification is given.

Keywords: cultural linguistics, paremiae, realia untranslatables, national culture, mentality.

В паремиях репродуцируется этнокультурная категоризация мира, именно они способны отразить и коммуникативную сферу, составляющую некий фрагмент национальной ментальности, и продемонстрировать нормы речевого поведения конкретного народа, показав в них как универсальные, так и специфичные грани [Сайфуллина, 2009, с. 2]. Поэтому паремиологические единицы языка представляет несомненный интерес для лингвокультурологии, так как язык фольклора является богатейшим материалом в познании культуры, истории и быта народа.

Национально-культурная семантика связана с особенностями национальной географии, экономики, уклада быта, обычаев и традиций. В частности, изучение использования личных имен, названия блюд и одежды, ссылок на исторические события в паремиях представляет огромный интерес для исследований в лингвокультурологическом аспекте.

Под термином «паремия» исследователи понимают афоризмы народного происхождения, здесь в первую очередь речь идет о пословицах и поговорках, которые образуют относительно самостоятельный пласт языковых выражений, условно объединяющийся с фразеологией. При этом существенно то, что, обладая воспроизводимостью, пословицы легко противопоставляются свободным предложениям.

При лингвокультурологическом анализе паремиологических единиц мы обращаем внимание на следующие методологические установки: признание паремиологического фонда национального языка в качестве важнейшего средства аккумуляции и трансляции культурного опыта народа; признание концептуального единства паремиологического пространства языка как области вербализации важнейших срезов национальной картины мира; признание важности паремий для выявления специфики ценностной окрашенности национальной языковой картины мира [Замалетдинов, 2009, с. 113].

Паремии естественным образом включаются в систему синтагматико-парадигматических отношений языка, поскольку «как и все фольклорные тексты, обладают планом языковой и логической структуры, а также планом *реалий*» [Иванова, 2001, с. 33].

В краткой литературной энциклопедии дается следующее определение понятия реалии: «Реалия – это предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающееся у других народов; реалия – также слово, обозначающее такой предмет, понятие, явление; также словосочетание (обычно фразеологизм, пословица, поговорка), включающее такие слова» [Краткая, 1962, с. 227–228].

С точки зрения О. С. Ахмановой, «реалии – это в классической грамматике разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке; предметы материальной культуры» [Ахманова, 2014, с. 381].

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров приравнивают реалии к безэквивалентной лексике – лексическим единицам исходного языка или диалекта, не имеющим регулярных (полных или частичных) словарных соответствий в языке перевода. Они определяют слой безэквивалентной лексики как «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [Верещагин, 1990, с. 56].

Как разнообразно понимание термина «реалия», настолько многочисленны и их классификации. На данный момент наиболее широко распространены классификации С. И. Влахова, С. П. Флорина,

Г. Д. Томашина, В. С. Виноградова, Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, разработанные исходя из принципов лингвистики, страноведения и теории перевода.

Слова-реалии татарского языка так же могут быть сгруппированы по принципам, которые применяются в отношении таковых в других языках. Однако, по нашему мнению, при анализе данной категории лексем следует обратить особое внимание на ее функционирование в составе паремий, прежде всего пословиц и поговорок. Исследование реалий в данном аспекте подвело нас к разработке собственной тематической классификации:

1. Обширный пласт слов-реалий, связанных с особенностями национальной культуры татар составляют названия блюд национальной кухни: *бәләш* (*беляш* 'закрытый пирог, имеющий различную начинку'), *бөккән* 'пирожок с различной начинкой', *калач* 'круглый белый хлеб', *катык* 'кисломолочный продукт', *корт* 'вареный творог коричневого цвета'; *кымыз* 'кисломолочный продукт, образуется путем смешанного брожения – спиртового и молочнокислового', *пәрәмәч* 'национальное кушанье из теста и мясного фарша', *салма* 'суп с клецками', *сумса* 'национальное мучное изделие с различной начинкой – мясной, картофельной, творожной', *сөзмә* 'процеженная масса катыка, заправленная сметаной и молоком', *чәкчәк* 'праздничное мучное изделие в виде шариков величиной с лесной орех или лапши, жаренное в масле и политое кипяченым медом', *чәлпәк* 'большая тонкая лепешка, печенная в жире', *юача* 'вид сдобных баурсаков', *әлбә* 'сладкая каша'.

Рассмотрим примеры использования их в пословицах и поговорках.

Бетмәгән эш – пешмәгән бәләш. 'Незаконченное дело – недопеченный беляш'; *Калган пәрәмәч йөрәкне тапап тора*. 'Недоеденный перемяч не дает сердцу покоя'; *Жикмим дигән әңгәләр әңитмеш бөккән жүгәләр*. 'Говорли, что не запрягут, а семьдесят бәккенов запрягли'; *Авыр эш калач ашата*. 'Тяжелый труд заставит есть калач'; *Ач өйдә катык оемас*. 'В голодном доме катык не проквасится'; *Бу йортның корты бар*. 'В этом доме есть корт (благополучие)'; *Күпме кымыз бирсә дә, кәжә бия булмас*. 'Сколько бы кумыса коза не дала, все равно не станет кабылой'; *Үз илеңдә салма аша, кеше илеңдә әлбә аша*. 'У себя в стране ешь салму, в чужой стране ешь албу'. *Әүвәле – мунча, аннан – сумса*. 'Сначала – баня, затем – сумса'; *Сүзнең кыскасы яхшы, сөтнең сөзмәсе яхшы*. 'В речи хороша краткость, в молоке хороша его сюзьма'; *Каклы чәкчәк хаклы*. 'Чакчак с пастилой дорого стоит'; *Ач кешегә чәчәк исеннән чәлпәк исе тәмлерәк*. 'Голодному человеку запах чәлпәка вкуснее, чем запах цветка'; *Ут якмыйча юача пешермә*. 'Не сжигая костер не пеки юачу'.

2. Следующую группу слов-реалий составляют термины национальной одежды: *бишмәт* 'зимняя верхняя одежда, которую шили из фабричной материи со сплошной приталенной (пятишовной) спинкой, длиной до икр; он утеплялся ватой или овечьей шерстью', *жәлән* 'просторный и длинный весенне-летний халат с небольшим шалевым воротником', *калфак* 'национальный женский головной убор, расшитый бисером или жемчугом', *түбәтәй* 'круглый или квадратный, островерхий или плоский, мужской или женский легкий головной убор', *чапан* 'халат, который мужчины и женщины носят поверх одежды, как правило, в течение холодных зимних месяцев', *чикмән* 'приталенная длиннополая, демисезонная одежда, сшитая из домашнего сукна': *Тун кигән – картлар, бишмәт кигән – яшьләр*. ('Старика одевают шубы, молодежь – бишмети'; *Көндөз бишмәт ябынып йоклау фәкыйрьлек китерер*. 'Дневной сон, укрываясь в бишмет, принесет бедность'; *Баш сау булса, түбәтәй табыл*. 'Если голова жива – тюбетей найдется'; *Канлы калфак кисә дә, ташлашмыйлар туганнар*. 'Даже если одела на голову кровяной калфак – родные не бросят'; *Яхшыларга иярсең, яшел чапан киярсең, яманнарга иярсең, көрән чикмән киярсең*. 'Будешь следовать за хорошими людьми, оденешь зеленый чапан, а за плохими людьми – коричневый чикмен'; *Жәйгә чыкса, чикмәннән, кышка керсә, жәләннән*. 'Летом в чикмене, зимой в джиляне'.

3. Группа реалий, связанная с вероисповеданием татар: *Аллаһ* 'всевышний', *аять* 'коранический стих', *имам* 'в исламе духовное лицо, которое заведует мечетью, совершает требы', *никах* 'в исламском семейном праве равноправный брак, заключаемый между мужчиной и женщиной', *мәчет* 'мусульманское молитвенное (богослужбное) архитектурное сооружение', *мулла* 'знаток и служитель мусульманского культа', *Коръән, намаз* 'каноническая молитва, один из пяти столпов ислама', *сүрә* 'раздел Корана', *Тәңре* 'общетюркский бог неба', *ураза* 'пост у мусульман в течение месяца рамазан, во время которого запрещено есть и пить от утренней до вечерней звезды', *хажжи* 'человек, совершивший пономничество в Мекку и Медину': *Аллаһтан курыкмаган бәндәдән оялмас*. 'Тот, кто не боится Аллаха, не стыдится человека'; *Имамның да намазсызы була*. 'И среди имам бывают без намаза'; *Таныклы сүз никахлы хатын кебек*. 'Удостоверенное слово как жена с никахом'; *Женнәр күбрәк мәчет тирәсендә йөрүләр*. 'Черты больше берутся у мечети'; *Мулласы нинди, мәчете шундый*. 'Каков мулла, такова и мечеть'; *Кычкырышканда, Коръән аять укымыйлар*. 'Когда ссорятся не читают аяты из Корана'; *Авыру караганга намаз укыган савап*. 'Ухаживать за больным – удостоится намазом'; *Мулла сүрәгә ышана, нәчәлник инструкциягә ышана*. 'Мулла верит в суру, а начальник – в инструкцию';

Дустың биргән дөядән Тәңре биргән тәкә артык. ‘Присланный Тэнгри баран дороже верблюда, высланного другом’; *Ашы юк ураза тотар.* ‘Уразу держит тот, у кого нет еды’; *Мәккәгә бару белән, ишәк хажжи булмас.* ‘С прибытием в Мекку осел не станет хаджием’.

4. Реалии, которые отражают праздники: *Жыен* ‘праздник нескольких, обычно родственных сел, устраиваемый после весенних работ’, *Сабантуй* ‘ежегодный народный праздник окончания весенних полевых работ’, *Ураза гаете* ‘религиозный праздник, отмечаемый в честь окончания поста в месяц Рамадан’, *Корбан гаете* ‘праздник жертвоприношения: *Сабантуй атлыныкы, табын-туй тунлыныкы.* ‘Сабантуй для тех, у кого есть конь, а пиршество – у кого есть шуба’; *Каршы адәм уен бозар, тинтәк адәм жыен бозар.* ‘Упрямый человек испортит игру, а дурень – джиен’; *Яман кеше гает көнне дә яман.* ‘Плохой человек плох и в Ураза-байрам’.

5. Слова-реалии, связанные с мифологией: *албасты* ‘персонажи в мифологии тюркских и некоторых других народов Кавказа и Ближнего Востока, которые представляется в виде уродливой обнажённой женщины с длинными распущенными желтыми волосами и обвислыми грудями’, *бичура* ‘мифическое существо татарских сказок и мифов, домового, которого часто представляли в образе человечков в красных рубашках’, *Газраил* ‘ангел смерти’, *су анасы* ‘дух воды’, *пәри* ‘невидимые существа, преимущественно женского пола, отличающиеся красотой и легкостью’, *шайтан* ‘в исламском богословии, представитель категории злых духов, враждебных Аллаху и людям’, *шүрәле* ‘дух леса, хозяин леса’: *Женән куркып, албастыга очраган.* ‘Спугавшись черта встретился с албасты’; *Бичура белән пәри дус.* ‘Бичура дружит с пери’; *Егет малга жәйткәнче, Газраил жәңга жәйтә.* ‘Пока парень дойдет до богатств, Азраил дойдет до жизни’; *Су анасы – болактан, сүз анасы – колактан.* ‘Су анасы появляется из реки, а мать слова – из ушей’; *Акчага шайтан да хезмәт итә.* ‘За деньги и шайтан будет служить’; *Быттыргыны шүрәле дә тапмаган.* ‘Прошлогоднего даже шурале не нашел’.

6. Реалии, связанные с бытом и жизнедеятельностью татар: *кадак* ‘единица измерения массы (409,5 граммов)’, *аршын* ‘устаревший инструмент для измерения длины (0,712 м)’, *амбар* ‘строение для хранения зерна и муки’, *мәжлес* ‘праздничное застолье’, *ясак* ‘натуральная подать, которой облагались нерусские народы Поволжья и Сибири’: *Амбар төбөндә икмәк бар, картлар сүзөндә хикмәт бар.* ‘На дне амбара есть хлеб, в словах стариков есть мудрость’; *Кешене нинди аршын белән үлчәсәң, үзеңне дә шундый аршын белән үлчәрләр.* ‘Человека каким аршином измеришь, самого таким же аршином будут измерять’; *Ситсы аршын белән үлчәнә.* ‘Ситец измеряется аршином’; *Бер кадак ит утыз биш кадак гаепне каплый.* ‘Один кадак мяса искупает пять кадак вина’; *Мәжлес ямьле жыр белән.* ‘Меджлис красив песней’; *Аты юкка ат бул, ялгызга ясак бул.* ‘Для безконного человека будь конем, для одинокого – ясаком’.

9. Слова, обозначающие представителей различных слоев населения: *бәк* ‘дворянский титул’, *дәрвиш* ‘мусульманский аналог монаха, аскета, приверженец суфизма’, *морза* ‘титул феодальной знати’, *солтан* ‘титул правителя в исламских государствах’, *хан* ‘титул’: *Туры әйтсәң – бәк ярсый, чыбык тотсаң – әт ярсый.* ‘Скажешь прямо разъярится бәк, возмешь палку – собака’; *Кафернең ялкавы монах, мөселманның ялкавы дәрвиш булыр.* ‘Ленивый кяфер станет монахом, ленивый мусульманин – дәрвишем; *Малын аямаган морза булыр, жанын аямаган батыр булыр.* ‘Не жалевший богатства станет мурзой, не жалевший свою жизнь станет героем’; *Үз илеңдә олтан бул, кеше илендә солтан бул.* ‘В своей стране будь подметкой, в чужой – султаном’; *Кол кебек эшләсәң, хан кебек ашарсың.* ‘Если будешь работать как раб, будешь есть как хан’.

10. Слова, обозначающие национальные музыкальные инструменты: *думбра* ‘щипковый музыкальный инструмент, который существует в культуре тюркских народов’, *курай* ‘башкирский и татарский духовой музыкальный инструмент’, *кубыз* ‘щипковый музыкальный инструмент’? *сорнай* ‘язычковый деревянный духовой музыкальный инструмент с двойной тростью’: *Аңлаганга чебен тавышы да саз, аңламаганга думбра тавышы да аз.* ‘Понимающему и звук мухи мелодия, непонимающему и звука домбры мал’; *Курайдан килгән сорнайга китәр.* ‘То, что пришло от курая, уйдет в сурнай’; *Кубыз тартсаң, көй була, бүрәнә тартсаң, өй була.* ‘Если потянуть кубыз, получится мелодия, а если бревно – дом’.

11. Имена собственные: *Гали, Нурулла, Рәшит, Халисә, Сәрия* и др. По мнению В. С. Виноградова, имя собственное – всегда реалия. В речи оно называет действительно существующий или выдуманный объект мысли, лицо или место, единственное в своем роде и неповторимое. В каждом таком имени обычно содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта [Виноградов, 2001, С. 124]: *Гали бөлгән, Вали көлгән.* ‘Гали разорился, Вали засмеялся’; *Биктимер байга кергән, бае ялга кергән* ‘Биктимер начал работать у бая, бай начал отдыхать’; *Мин чыгарган бәет түгел, үпкәләмә, Шәмсетдин.* ‘Не мною придуманный байт, не обижайся, Шамсутдин’; *Ерактан баксам – даһи, якыннан баксам – тиле Шаһи.* ‘Смотришь из дали – великий, с близи – глупый Шахи’; *Хәерле булсын Хәмидәнең никахы.* ‘Пусть никах Хамиды будет к добру’.

Таким образом, значительная часть рассмотренных нами слов-реалий татарского языка является общей для многих тюркских языков. Объясняется это тем, что татарский язык в течении многих веков развивался с сопредельными языками тюркской языковой группы, в ходе которого происходил непрерывный процесс заимствования определенной части лексики родственных языков. Следует также отметить и то, что относительно большое количество анализированных примеров входит в разряд историзмов и архаизмов, составляя пассивный словарь языка.

Пословицы и поговорки отражая своеобразную жизнь татарского народа, имеют в своем лексическом составе такие единицы, которые выражают определенные понятия нескольких поколений – реалии их быта, этнографии и истории. При рассмотрении татарских языковых реалий открываются новые возможности понимания образа мыслей, характера народа, его менталитета. Обобщая вековой опыт и наблюдения целых поколений людей, используемые в пословицах и поговорках слова-реалии способствуют не только воссозданию языковой картины мира татар, но и раскрывают самобытность народа.

Библиография

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 576 с.
Верещагин Е. М., Костомаров В. Н. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990. 246 с.
Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001. 224 с.
Замалетдинов Р. Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии. Казань: Магариф, 2009. 351 с.
Иванова Н. Н. Примета-пословица как особая паремиологическая единица // В. И. Даль в парадигме современной науки: язык – словесность – самосознание – культура. Иваново, 2001. Ч. 1. С. 33–35.
Краткая литературная энциклопедия / под ред. А. А. Суркова. М.: Совет. энцикл., 1962. 1040 с.
Сайфуллина Э. Р. Когнитивная сфера русских и татарских паремий: «образ языка» и нормы речевого поведения: автореф. дис... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 22 с.

З. Н. Кириллова

ЧУВАШСКИЕ И ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ СЛОВА В ГОВОРАХ КРЕЩЕННЫХ ТАТАР

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию чувашских и древнетюркских слов в говорах крещеных татар (кряшен) – этноконфессиональной группы татар Поволжья и Приуралья. В работе исследуются чувашские заимствования, которые употребляются у молькеевских кряшен. В говорах кряшен также довольно большое место занимают слова, которые встречаются в древнетюркских памятниках и в ряде современных тюркских и финно-угорских языков. На каждую группу слов приводятся примеры и определяются особенности их применения.

Ключевые слова: крещеные татары, кряшены, чувашские заимствования, древнетюркские слова.

Z. N. Kirillova

THE CHUVASH AND OLD TURKIC WORDS IN SUBDIALECTS OF CHRISTIAN TATARS

Abstract. This paper is devoted to studying Chuvash and Old Turkic words in subdialects of baptized Tatars (Kryashens) – an ethnoconfessional group of the Tatars of the Volga region and the Cisurals. Chuvash borrowed words used by the Molkeev Kryashens are studied in this work. In subdialects of the Kryashens the words presented in Old Turkic monuments and in a number of modern Turkic and Finno-Ugric languages hold a considerable place. For each group of words several examples are given and features of their application are defined.

Keywords: the baptized Tatars, the Kryashens, Chuvash borrowed words, Old Turkic words.

Кряшены (крещеные татары) – этноконфессиональная группа в составе татар волжского и уральского регионов [Кряшены], очень своеобразная и с научной точки зрения недостаточно изученная [Татарская, 2002, с. 108]. В настоящее время нет единого мнения о статусе кряшен: официальная наука преимущественно рассматривает их как часть татарского народа, в то же время заметная часть кряшен считает себя отдельным народом [Кряшены].

Большинство крещеных татар проживает в Республике Татарстан, небольшие группы – в соседних республиках и областях: в Башкортостане, Удмуртии, Челябинской, Самарской и Кировской областях. Таким образом, отдельные группы кряшен находятся на довольно большом расстоянии друг от друга, относительно изолированы. Они отличаются по быту, обычаям и некоторым языковым особенностям от татар-мусульман, а также различаются и между собой.

Согласно традиционной и наиболее обоснованной точке зрения на проблему возникновения кряшен, формирование этой группы как самостоятельной общности происходило длительное время при участии различных этнических групп, в первую очередь тюркского и финно-угорского происхождения [Кириллова, 2015, с. 15, 19]. Данная точка зрения подтверждается также и языковыми особенностями крещеных татар.

Лексика говоров кряшен в основном совпадает с общетатарской лексикой, однако есть специфические особенности, отличающие эти говоры от татарского литературного языка и его

диалектов. Наличие этих особенностей обусловлено относительно изолированным развитием говоров кряшен от остальных этнографических групп татарского народа.

Некоторые группы кряшен в зависимости от мест проживания заимствовали слова от соседних чувашей и удмуртов. Таких слов немного, и в основном они наблюдаются лишь в речи кряшен, происшедших из этих народов либо живущих в деревнях со смешанным населением. К примеру, в Заказанском говоре кряшен, в деревнях с кряшенско-удмуртским населением используются и удмуртские слова: *кечтун көн* 'поминки' (удм. *кисьтон корон*), *пучы* 'верба' (от этого слова произошло название *пучы бэйрәме* 'вербный праздник'), *бужы чабу* = *нардуган чабу* 'игры во время зимнего солнцестояния, святочные игры' [Баязитова, 1997, с. 84]. Специалисты отмечают, что их одежда и украшения также очень похожи на южноудмуртские [Белицер, 1951, с. 77–78].

Чувашские же заимствования имеют место у молькеевских (подберезинских) кряшен, численно небольшой локально-территориальной группы, компактно расселенной в Кайбицком (до 1991 г. – Апастовском) районе на крайнем западе Татарстана на границе с Чувашией. Название этой группы варьировалось в научной литературе в зависимости от того, какие деревни становились районными центрами: Молькеево, Подберезино или Кайбицы, однако наиболее распространенным и укорененным в этнографической литературе является название молькеевские кряшны [Альмеева, 2012, с. 5; Молькеевские, 1993].

Кряшны этой группы живут в восьми деревнях: Хозесаново (Хужа Хәсән), Старое Тябердино (Иске Тәрбит), Большое Тябердино (Зур Тәрбит), Янсурино (Сыравыл), Баймурзино (Баймырза), Молькеево (Мәлки), Старый Кырбаш (Иске Кырбаш) и Полевая Буа (Кыр Буасы). Крещеные татары и чувашы соседних сел с давних пор общаются между собой, поддерживают культурно-экономические и семейные отношения. Почти в каждой кряшенской семье или бабушка, или мать, или сноха по происхождению является чувашкой. Интересно, что чувашская сноха, как только оказывается в семье кряшена, старается разговаривать на татарском языке, и не проходит даже года, как ее речь уже не отличается от односельчан. В то же время почти все кряшны этих деревень хорошо понимают и знают чувашский язык, хотя дома, в семье, они по-чувашски не разговаривают [Баязитова, 1986, с. 44; Баязитова, 1997, с. 84–85].

По вопросу о формировании данной группы высказывались различные точки зрения. Некоторые дореволюционные авторы, например А. Комиссаров, А. Пчелов полагали, что представителей этой группы надо рассматривать как отатарившихся чувашей. Такие авторы как А. Риттих, Н. Золотницкий, В. Магницкий, Г. Филиппов предпочитали видеть в них татар, испытавших чувашское влияние. В. Миролубов в статье 1889 г. написал, что в сложении молькеевских кряшен участвовали как чувашы, так и татары. Своеобразное мнение высказал Н. Воробьев. Он полагал, что молькеевские кряшны возникли из одного общего корня – общего для татар и чувашей того периода, когда процесс этнической дифференциации этих двух этносов еще не был завершен [Воробьев, 1929, с. 4; История, 2017, с. 225].

В результате последних исследований было определено, что данные языка и материальной культуры молькеевских кряшен позволяют видеть в их этногенезе как древние, так и более поздние этнокультурные компоненты: татарско-мишарский, чувашский низовой (анатри), поволжско-финноугорский и кыпчакско-ногайский [Молькеевские, 1993, с. 4–7; Альмеева, 2012, с. 5–6]. Специалист по говорам кряшен Ф. С. Баязитова рассматривает молькеевских кряшен в составе мишарского диалекта татарского языка, в то же время отмечает языковые особенности среднего диалекта, а также находит и влияние чувашского языка [Баязитова, 1986, с. 44–48; Баязитова, 1997, с. 20–23]. Р. Г. Ахметьянов подчеркивает, что в чувашском языке имеется древнемишарское наслоение, объясняемое как результат проникновения в этнический состав чувашей мишарского элемента [Ахметьянов, 1978, с. 86, 204]. Исходя из этого, Д. М. Исхаков предполагает, что мишарское влияние на язык молькеевских кряшен могло быть оказано и через их чувашский компонент [История, 2017, с. 228]. Таким образом, вопросы формирования и определения основных языковых и этнокультурных особенностей этой группы остаются до конца не решенными.

Чувашские заимствования, употребляющиеся у молькеевских кряшен, относятся в основном к хозяйственно-бытовой лексике, а также к отвлеченным понятиям. Обратим внимание на некоторые из них.

Тунди кен 'понедельник', в татарском литературном языке – *дүшәмбе*, в чувашском языке – *тунти кун* [Егоров, 1960, с. 290; Чувашско-русский, 1961, с. 176].

Утлари кен 'вторник', в татарском литературном языке – *сишәмбе*, в чувашском языке – *ытлари кун* [Егоров, 1960, с. 62; Чувашско-русский, 1961, с. 575].

Кәкәй (мясо, мясной), по-татарски – *ит*, в чувашском языке – *какай*, *аш* [Егоров, 1960, с. 194; Чувашско-русский, 1961, с. 130]. Интересно, что в «Этимологическом словаре чувашского языка» происхождение слова *какай* связывается с монгольским словом *гакай*, *гахай* 'свинья' [Егоров, 1961, с. 85; Федотов, 1996, т. 1, с. 213]. По предположению В. Г. Егорова, «чувашы первоначально, по видимому, только свинину называли *какай*, а позднее и говядину» [Егоров, 1961, с. 85].

Кукиа 'лысый', лит. *pelėsi*, в чувашском языке *кукиа* '1. плешь, плешина, лысина; плешивый, лысый. 2. лысина, обсевок; 3. парша (болезнь)' [Чувашско-русский, 1961, с. 176], хотя слова плешь и плешивый по «Русско-чувашскому словарю» имеют и другие переводы [Егоров, 1960, с. 271]. По мнению М. Р. Федотова, слово *кукиа* восходит к тюркскому *какша* 'сохнуть, сыпаться' (о зерне перезрелого на корню хлеба (алт.)); 'расслабить, раскиснуть, растопиться' < *как* 'сушеный; твердый; сухой' [Федотов, 1996, т. 1, с. 304].

Кырсут 'домовой', по-татарски *йорт иясе*, в чувашском языке *хёртсурт* [Егоров, 1960, с. 97], в «Чувашско-русском словаре» это слово представлено как устаревшее [Чувашско-русский, 1961, с. 499].

Чапле 'хороший, красивый', в татарском литературном языке *яхиы, матур*. В чувашском языке *чплӑ* вместе со словами *мухтавӑ, хисепӑ, лайӑх* выражает значение 'славный' [Егоров, 1960, с. 389], а также переводится как '1. знаменитый, прославленный; 2. важный, высокий; важно; 3. торжественный, пышный; великолепно; роскошный; пышно; великолепно, роскошно' [Чувашско-русский, 1961, с. 524].

Жекрыс 'близнецы', в татарском языке *игез, игезак*. В чувашском языке для выражения данного значения употребляется слово *йӗкӗреш ача* [Егоров, 1960, с. 30], а в чувашско-русском словаре дается только *йӗкӗреш* для перевода слов *близнецы, двойня* [Чувашско-русский, 1961, с. 121].

Чылай 'давно', в татарском литературном языке *кӱптэн*. Чувашский вариант данного слова на русский язык переведен как '1. изрядный, значительный; изрядно, значительно; 2. много, довольно много, порядочно; 3. долго, продолжительно' [Чувашско-русский, 1961, с. 544–545].

Тетерӑ 'туман', по-татарски *томан*, в чувашском языке *тётре* вместе со словом *янкар* также применяется в данном значении [Егоров, 1960, с. 439]. Кроме этого, слово *тётре* выражает также значения 'маревы, дымка и изморось, мелкий дождь' [Чувашско-русский, 1961, с. 425].

Алдыр 'большой деревянный ковш для домашнего пива', по-татарски *чумеч*. В чувашском языке *алтӑр* '1. большой ковш (*Алтӑр ҫӑлтӑр* 'Большая Медведица'); 2. корытце, лоток, желоб' [Чувашско-русский, 1961, с. 30]. По мнению М. Р. Федотова, слово *алтӑр* образовано от тюркского *алт-*, но в других тюркских языках, кроме башкирского, не представлено: башк. *алдыр* 'большая деревянная чаша (ковш)' [Федотов, 1996, т. 1, с. 37].

У молькеевских крышен одежда и украшения также похожи на чувашские, однако их названия считаются общетюркскими: *такья, тастар, тастар яулыгы, ак калфак, кашпау* и др.

Девушки молькеевских крышен в праздничные дни надевали монетную шапочку *такья*. Она имела полусферическую форму, сверху шапочки укреплялась шишечка из твердого материала (дерева, олова) высотой 2–3 см. К нижнему краю шапочки прикреплялись наушники в виде украшенных мелкими монетами лент. Шишечка и ближайшая к ней часть расширялись разноцветным бисером, а ближе к краю шапочки нашивались мелкие серебряные монеты. Такой головной убор носили и девушки низовых чувашей [Мөхәмәдова, 2005, с. 42]. В чувашском языке *тухья* 'старинный девичий головной убор' [Егоров, 1960, с. 264]. *Такья / тухья* как девичий головной убор бытовал у башкир и среди финнов Поволжья – мари, удмуртов и бесермян, имевших этнокультурные связи с волжскими булгарами [Белицер, 1961, с. 57–58]. Это слово встречается и в языке дунайских болгар в значении головного убора – *таке* 'берет'. Судя по материалам Н. И. Воробьева, *такья* является девичьей разновидностью твердого высокого головного убора, общего для всех тюрков [Воробьев, 1929, с. 9; Баязитова, 1986, с. 145]. В. Г. Егоров и М. Р. Федотов также указывают многочисленные соответствия из других языков и подчеркивают происхождение данного слова из арабского языка [Егоров, 1960, с. 264; Федотов, 1996, т. 2, с. 259].

Молькеевские крышенки отличаются наличием тастарного комплекса женского головного убора. У них не было сложного комплекса и его составных частей, как у других групп крещеных татар. Основную функцию женского головного убора выполнял полотенцеобразный тастар, который представляет белое самотканое полотно длиной до двух м и шириной 35 см; по краям этого полотна по всей длине проходит красная кайма. Концы тастара украшены мелкими многоцветными ткаными узорами. Композицию тканого узора дополняет тамбурная вышивка и неширокий белый кружевной узор. Поверх тастара молькеевская крышенка повязывала тастар яулыгы (платок тастар) [Мөхәмәдова, 2005, с. 46]. Тастар как головной убор известен у мишарей, башкир, бесермян, удмуртов и др. [Баязитова, 1986, с. 146]. В чувашском языке указывается как устаревшее слово, выражающее значение 'головная повязка женщин' и заимствованное из персидского языка [Егоров, 1960, с. 233].

В праздничные дни молькеевские женщины надевали на голову *кашпау*, который имеет форму низкого усеченного конуса. Остов его изготовлялся из нескольких слоев стеганого холста и украшался снизу – крупными, а сверху мелкими блестящими монетами и бисером [Мөхәмәдова, 2005, с. 47]. Слово образовано от *каш* 'бровь' и *баг, бау* 'повязка, завязка'. Головной убор типа кашпау и обозначающие его слова зафиксированы также у мишарей – кашпау, кашмау, башкир – кашмау, бесермян – кашпу, чуваш – хушпу [Баязитова, 1986, с. 145]. В чувашском языке *хушпу* указывается как устаревшее слово. В. Г. Егоров определяет его как 'старинный головной убор замужних женщин, униженный серебряными монетами и бисером' [Егоров, 1960, с. 313], а М. Р. Федотов приводит слова Н. И. Ашмарина: «хушпу представляет из себя полотно в 5 четвертей, сшитое по форме; надевают на голову, и по

спине тянется почти до колен, а форма постепенно суживается книзу. Хушпу обвешан бусами, бусовидными кружочками овальной формы. Хушпу надевался на голову заостренным концом кверху. Хушпу носят на свадьбе» [Федотов, 1996, т. 2, с. 376–377].

Рассмотрев основные головные уборы молькеевских кряшен, можно сделать вывод о том, что они представляют собой древний элемент одежды тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья и имеют соответствия в чувашском языке.

В говорах кряшен также довольно большое место занимают слова, которые встречаются в древнетюркских памятниках и в ряде современных тюркских и финно-угорских языков, например: *ару* ‘хороший’, *ардаклы* ‘уважаемый’, *күз* ‘горячий уголь’, *пычу / печу* ‘резать, кроить’ и др. В рамках данной работы обратим внимание лишь на слова *ардаклы* и *пычу / печу* в связи с тем, что они также имеют соответствия в чувашском языке.

Ардаклы в кряшенских говорах – уважаемый, почитаемый, дорогой, а *ардаклау* выражает два значения: 1) уважать, почитать, дорожить; 2) перебирать, очищать [Татар, 2009, с. 50–51]. Эти слова употребляются в говорах пермских, ичкинских, златоустовских и касимовских татар, а также в некоторых говорах мишарского диалекта в значениях ‘уважаемый’ и ‘уважать’. Слова *ардак* и *ардаклау* в уйгурском, киргизском и каракалпакском языках также выражают значения ‘уважать, почитать, дорожить, относиться заботливо’ [Баязитова, 1997, с. 88]. Чувашское соответствие данного слова *артак* ‘1. нега, блаженство, ласка; нежный, ласковый; 2. радушный, приветливый; радушно, приветливо; 3. благополучие, достаток; благополучный; 4. радость, удовольствие, наслаждение, утеха; радостный’ и производное слово *артаклă* ‘1. ласковый, любовный, нежный; 2. радушный, приветливый, обходительный; 3. благополучный, живущий в достатке’ – ‘тюркское заимствование, скорее из татарского языка» [Федотов, 1996, т. 1, с. 60].

Во всех говорах крещеных татар для выражения значений ‘резать, кроить, пилить, рубить’, кроме слова *кису*, употребляется и древнетюркское слово *пычу / печу* [Татар, 2009, с. 529, 550]. Например, *кулмак печу* ‘кроить платье’, *утын пычу* ‘пилить дрова’. Это слово сохранилось также в говорах мишарского диалекта и у сибирских татар. В современном татарском литературном языке слово *печу* больше употребляется в значении ‘холостить, кастрировать’ [Татар, 2005, с. 415]. От корня *пыч-* в татарском языке были образованы слова *пычак* ‘нож’, *пычкы* ‘пила’, *почмак* ‘угол’. В кряшенских говорах, кроме этих слов, употребляется также слово *почкак* в значении ‘отрезок, клочок, остаток’ [Кириллова, 2017, с. 67].

В других тюркских языках широко распространен корень *пыч-* в разных фонетических вариантах: башк. *бес-*, чув. *пач-*, якут. *быс-*, тув. *быш-*, ног., каз., карак. *пиш-* / *биш-*, кирг., огуз., кумык., к.-тат., карач. *бич-* [Баязитова, 1997, с. 89]. В чувашском языке производное слово от *пăч-* *пăчкă* употребляется в значении ‘пила’, но как указано в «Этимологическом словаре чувашского языка» В. Г. Егорова, *пăч* в значении ‘резать’, ‘кроить’ не сохранился [Егоров, 1964, с. 151].

Подытоживая сказанное выше, можно прийти к выводу, что основу лексического состава говоров крещеных татар составляют тюркские слова, среди них наблюдаются и древнетюркские слова, ныне являющиеся устаревшими для татарского литературного языка и сохранившиеся лишь в диалектах татарского языка и в других тюркских языках, в то же время у молькеевских кряшен употребляются чувашские заимствования, относящиеся к хозяйственно-бытовой лексике, а также слова, обозначающие отвлеченные понятия.

Библиография

- Альмеева Н. Ю. Песни татар-кряшен. Вып. 2: Молькеевская группа. СПб., Казань, 2012. 472 с.
- Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). М.: Наука, 1978. 248 с.
- Эхметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. Т. 1. 543 б.
- Баязитова Ф. С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М.: Наука, 1986. 248 с.
- Баязитова Ф. С. Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола ижаты. Казан: Матбугат йорты, 1997. 248 б.
- Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов. М., 1951. 144 с.
- Воробьев Н. И. Кряшены и татары. Некоторые данные по сравнительной характеристике быта. 1929. № 5. 12 с.
- Егоров В. Г. Русско-чувашский словарь / аод ред. И. А. Андреева. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 497 с.
- Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
- История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): моногр. Казань 2017. 960 с.
- Кириллова З. Н. Керәшеннәрнең килеп чыгышы мәсьәләсенә карата // Кряшенское историческое обозрение. 2015. № 1. С. 14–19.
- Кириллова З. Н. Древнетюркские слова и заимствования в говорах кряшен как отражение народной культуры в диалектной картине мира // Изучение региональной картины мира в поликультурном образовательном пространстве: теория и практика. Казань 2017. С. 65–71.
- Кряшены [Электрон. ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кряшены#cite_note-34 (дата обращения: 27.01.2018).
- Молькеевские кряшены: сб. статей / отв. ред. Д. М. Исхаков. Казань, 1993. С. 4–25.
- Мөхәмәдова Р. Г. Керәшен татарлары киеме. Казан: Сүз, 2005. 159 б.
- Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 б.
- Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2009. 839 б.
- Татарская нация: история и современность. Казань: Магариф, 2002. 223 с.
- Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары, 1996.
- Чувашско-русский словарь / под ред. М. Я. Сироткина. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1961. 630 с.

АКТУАЛЬНЫЕ МЕЖСЕМЕЙНЫЕ ЭТИМОЛОГИИ ИМЕН И АПЕЛЛЯТИВОВ – I

Аннотация. В исследовании доказываемся сопоставимость тюркских параллелей чувашского *çylăx* ‘грех’ и индоевропейских параллелей русского *грех* ‘ошибка, грех’, а также – изобразительный, отымитативный характер их производящих корней и основ.

Ключевые слова: межсемейная этимология, архетип, имитатив, лингвоконтактология, анлаутные, инлаутные, аусллаутные субституции, компаративистика, ностратика.

G. E. Kornilov

ACTUAL INTERFAMILY ETIMOLOGY OF NAMES AND APELLATIVES – I

Abstract. Comparability of the Turkic parallels of the Chuvashes is proved. *çylăkh* ‘sin’ and Indo-European parallels Russian. *sin* ‘error, sin’, as well as – the graphic, from imitative character of their producing roots and bases.

Keywords: interfamily etymology, archetype, imitative, linguocontactology, anlaut, inlaut, auslaut substitutions, comparative studies, nostratics.

Нам мыслится, что если есть теория, то обязательно должны быть и противоречащие ей факты, которые со временем либо обнаружатся сами, либо их выявит тот, кому теория не по душе.

Представляется, это наше наблюдение более всего приложимо к имеющимся в этимологических словарях объяснениям происхождения конкретных имен и апеллятивов, в связи с этим решаемся представить первую публикацию из предполагаемой серии.

Речь идет о межсемейном сопоставлении корней, производящих основ и производных славянских параллелей русского слова *грех* и тюркских параллелей чувашского слова *çylăx*, имеющих одинаковый спектр прямых и переносных значений. Более того, они формально сопоставимы и в плане субституций составляющих консонантную основу согласных, например, анлаутные рус. *z-* ~ чув. *ç-* типологически повторяют: рус. *креп-*: ~ *ок* чув. *çirĕn* то же; арм. *gip* ‘письмо’ ~ чув. *çыр-* ‘писать’; праслав. **zord-* ~ чув. *çорт / çурт*; итал. *ghirla-*: ~ *nda* ~ чув. *çырла* ‘ягода, ягодная кисть, виноград’; лит. *kar-*: ~ *inis* ‘военный’ ~ чув. *çар* ‘войско’; инлаутная мена рус. *-p-* ~ чув. *-l-* спорадически имеет место во всех языках, ср.: рус. *серебро* ~ диал. *селебро* при нем. *silber* то же, тат. диал. *жарпайу / йалпайу* ‘тучнеть, поправляться, улучшаться’, удм. *ялон* ‘объявление, извещение’, *ялись* ‘глашатай» < др.-удм. **йалы* < **йары-* или *йарла-* [Ахметьянов, 2015, т. 2, с. 555] и т. п.; очень показательно: М. Ряснен, указывая в качестве закономерной параллели для тюрк. *jăzyk / žăzyk* ‘грех и т. д.’ под вопросом чув. *şylăx* ‘грех’ (> čer. *śulâk* id.), в скобках сопровождает: *anstatt *şyrăx*, т. е. вместо должного быть **çырăx* [Räsänen, 1969, с. 193 b]; ну а аусллаутные *-x* в русском и чувашском словах совпадают полностью.

Тем не менее, в наличных этимологических словарях как славянских, так и тюркских языков нет и намека на возможность сделанного нами предположения.

О. Н. Трубочев в «Этимологическом словаре славянских языков» утверждает, что ст.-слав. *грѣхъ* ‘грех, проступок’, др.-рус., рус.-цслав. *грѣхъ* ‘ошибка, грех’ – представляют собой «праслав[янское] новообразование, не имеющее соответствий в других и.-е. языках» [Этимологический, вып. 7, с. 114–116], указывая при этом на производный глагол **grěšiti* ‘промахиваться, не попадать прямо’, ‘думать неверно (о ком-либо)’ и считая названные имя и глагол произведенными «...от основы со знач[ением] кривизны **groi-so-*, ср. латыш. *grēizs* ‘кривой’ [Latviešu-krievu, 1979–1981, т. 1], ... а также слав. *grěza*, ср. рус. диал. *нагрезить* ‘сделать что-либо плохое, причинить ущерб’. Со сказанным перекликается мнение П. Я. Черных [Черных, 1994, т. 1, с. 216 а, б], который ст.-слав. *грѣхъ* ‘ошибка’, ‘грех’ возводит к общеслав. **grěchъ* из архетипа **groi-s-us* (*s>ch* после *i*; ср. рус. прил. *греховный* ‘заблуждение’, ‘путаница’, ‘ошибка’, ср. др.-рус. *сьгрѣза* ‘ошибка’ ... при *сьгрѣзь* ‘смешение’, при *грѣза* ‘грязь’, считая основу родственной лит. *graižyti* ‘вертеть’, ‘крутить’, ‘сверлить’, *graižius* ‘скрученный’, ‘изогнутый’, ‘искривленный’ [Dabartines, 1972]. Разница у О. Н. Трубочева и П. Я. Черных невелика, но очевидна: первый восстанавливает **groi-so-*, второй **groi-s-us*, первый указывает на значение кривизны, второй о семантике архетипа умалчивает; первый приводит балтийскую параллель из латышского (*grēizs* ‘кривой’) [Latviešu-krievu, 1979–1981, т. 1], второй – из литовского (*graižyti* ‘вертеть, крутить, сверлить’); первый расширяет собственно славянские примеры архетипом *grěza* и рус. диал. *нагрезить* ‘... причинить ущерб’, а второй – др.-рус. *сьгрѣзь* ‘смешение’, *грѣза* ‘грязь’ [Словарь, 2002, с. 81а].

Поскольку консонантной основой исходного архетипа объявлено $\sqrt{GR-S}$ (см. выше **groi-so-* или **groi-s-us*), следовало объяснить озвончение *-s->-z-* (см. выше *сьгрѣза*), а для лит. *graižyti* ‘вертеть, крутить, сверлить’ (в современном лит. *gráižyti* ‘резать круглыми ломтями-кусками’, *graižv-inis šautuvas* ‘винтовка с нарезным – слева вверх направо – стволом’, но: *gražiti* ‘вращать, поворачивать; выкручивать, выжимать’ [Dabartine, 1972]. – Г. К.) следовало привести латышскую параллель *griezt* ‘вращать, вертеть, крутить, ворочать, поворачивать – повернуть, ворочать, переворачивать’, на базе полисемии омонимичную *griezt* ‘резать (бумагу, хлеб и т. п.), косить (траву), вырезать, вырезывать (узор, игрушку из дерева и

т. п.), стричь (волосы, ногти и т. п.)'. В свою очередь для лат. *grèizs* 'кривой' следовало указать еще и значения: 'косой', перен. 'неверный, превратный'. Поскольку балтийские *-ž-* и *-z-* звонкие, то они должны восходить к **-g-*, а не к **-k-* (подобно результатам праславянских переходных смягчений-палатализаций заднеязычных **g*, **k*, **h* перед и после гласных переднего ряда или в соседстве с «исконно» палатальными согласными, т. е. прабалто-славянская исходная консонантная база должна выглядеть **√GRG*, что могло позднее дать **√GRZ* и другие аллоформы, должны быть, согласно нашей теории имитативов в рамках постулированной / манифестированной нами радикалогии [Корнилов, 2010, с. 13–65], исходным имитативом, образованным соответствующими идеофонами: *G-*, *-R-* и *-Z<*-G*, при этом первые два идеофона (*G-* и *-R-*) – базовые, а третий – своего рода детерминант.

В свое время по поводу семитского корня, представленного араб. *k-t-b* в *kátab* 'он написал', *kátib* 'писатель', *kitáb* 'книга', мы писали, что у него имеются «...засемейные параллели-соответствия, например, в упомянутом хрестоматийном араб. *√КТБ* – ауслатный губной *-Б* – несомненный детерминатив, корневой суффикс-определитель, поскольку предшествующие *КТ-*, с учетом ротацизма, уверенно можно сближать с урало-алтайскими параллелями чув. *сыр-* 'чертить, бороздить, писать и т. п.' из **чир-<*кир- *ким-* и индоевропейскими соответствиями арм. *гир-* 'письмо' вроде греч. *γρ-*: *γράφω* 'царапаю, черчу, пишу'; чередование *p / m* сохраняется даже в современном чувашском, ср. два варианта показателя местного падежа *-та* и *-ра*: *хула-ра* 'в городе', *вйрманта* или *вйрманра* 'в лесу', или русское утвердительное *да*, отразившееся в чувашском диалектном *-ра*: *а-ра* 'да, ага; конечно', при этом любопытно: если чув. *сыр-* 'пиши!' восходит к огласовке, подобной араб. *ким-*: *китаб* 'книга', то гомогенное общетюркское *йаз-* – к формам типа араб. *кат-*: *катаб* '(он) написал', *катиб* 'писатель'; не лишне, видимо, напомнить, что аналогичное развитие *k- > й-* известно в качестве и внутритюркского, и межтюркского, ср. тат. *кар* с чув. *йор*, *йур* 'снег' и т. п.; исходный *√КТ-* был древнейшим имитативом, символизировавшим зрительно-слуховой эффект, т. е. психофизиологическое восприятие характерного элемента ритмики движения ногтя, когтя, царапающего инструмента по поверхности твердого материала для письма: коры, кожи, глиняной таблички и т. п., причем *√КТ-* более соответствует эффекту письма по коже, а *√КР-* по камню, так как в последнем случае вибрация усиливается...» [Корнилов, 2010, с. 19].

Этимологи, осмысливающие происхождение слав. **grāhā* 'ошибка; грех', балтийские параллели латыш. *grèizs* 'кривой, косой', категорически не включают в число производных от основы *грех* русское литературное *огрех* 'пропущенное (плохо обработанное) место при пахоте, бороновании, проведении борозды, линии на земле, почве, изъян при шитье; выемке паза и т. п.', переносно 'недоделка, погрешность и т. п.', ср. диал. *огреховина*, *огрешность* 'огрех' («Пашут с большими пропусками и другими огрешностями»); *огрешать* 'копать, делать грядки' [Словарь, 1987, с. 354б, 355а], но с нашей точки зрения именно корень *-гр-*: *огрех* (*-gr-*: **o-grāhā*) следует считать исконным славянским соответствием греческому *γρ-*: *γράφω* 'царапаю, черчу, пишу', армянскому *√гρ-*: *гир* 'письмо', латинскому *√ср-*: (*s*)*scribo*, (*s*)*scripsi*, (*s*)*scriptum*, *ere* 'чертить, вырезывать письмена, гравировать, расписывать, проводить острокопечным орудием линию, писать, исписывать, покрывать письмом'; (*s*)*scriptio* 'писание; письмо', (*s*)*scriptor* 'писец', (*s*)*scriptum* 'линия, черта, письмо', (*s*)*scriptura* 'писание, записывание, надпись (например, на арке)', ср. германские параллели др.-верхне-нем. (*s*)*criban* 'исповедоваться в грехах', др.-англ. (*s*)*crifan* 'предписывать, расставлять в определенном порядке'; совр. нем. *шр-*: *шрайбен* 'писать' (орфогр *счр-*: *schreiben*), в котором дифтонг *-ei-* / *-ai-* закономерно соответствует долготу *-ī-* в латинском (*s*)*crībo* и даже дифтонгам *-āi-* / *-ie-* / *-ei-* в приведенных выше латышских и литовских примерах, и не исключено, что это как-то связано с грамматически обусловленным чередованием гласных *-i-* / *-a-* и подобному в соответствующих семитских корнях, символизм которых несомненен.

С учетом приведенных и генетически и типологически однородных корней / основ, а также их прямых исходных значений, архетип русского слова *грех < грѣхъ* следует понимать как указание на отклонение от заданного направления при проведении линии, черты, паза и т. п. по той или иной поверхности чем-либо острым, режущим, царапающим, переносно – при написании кистью, стилем, пером, углем, мелом и т. п., самые поздние (в конечном счете – переносные) значения – отклонение в поведении от заданных религиозных, социальных, юридических, морально-нравственных и т. п. норм, установлений и предписаний, то есть, в определенном смысле *огрех* то же, что и *описка*, поэтому весьма убедительно, когда Р. Г. Ахметьянов в новейшем этимологическом словаре татарского языка, приведя диалектные и межтюркские параллели для тат. *язык* [йа'зык], *жазык* 'грех, проступок; грешный, греховный' (заимствовано в марийском и удмуртском как *йазык* 'грех'), в большинстве своем указанные (еще ранее) в словарях В. Г. Егорова [Егоров, 1964, с. 225], М. Рясанена [Räsänen, 1969, с. 193b], М. Р. Федотова [Федотов, 1996, т. 2, с. 152–153], вопреки своим предшественникам, убедительно выводит чув. *сылăх* из **сырлăх*, подтверждая последнее диалектными удм. *сирлык*, мар. *сулык* (у М. Рясанена: ...ĉег. CLC 202 *šulăk*, т. е. *сулак*. – Г. К.) 'грех; вина; проступок'. В результате все становится на свои места, остается только указать, что производящим корнем тюрк. *йазык*, чув. *сылăх < *сырлăх* 'грех' являются соответствующие тюрк. *йаз-* / *жаз-*, чув. *сыр-* (мар. *сир-*, венг. *шр-*) 'писать', при этом не выглядят странными в указанной выше

статье Р. Г. Ахметьянова отсылка: к *Язу III*, где рассмотрены параллели к тат. *йаз-* / *жаз-* ‘чуть не попасть (в цель); сойти с пути, лишиться чего, ошибиться’ [Ахметьянов, 2015, с. 533б], а также – отсылка к *ярлы* / *жарлы* ‘бедняга’ [Ахметьянов, 2015, с. 555а, б], но в дополнение к выдающемуся татарскому историку языка и этимологу нам хотелось бы предложить рассмотреть вопрос о степени гомогенности-гетерогенности тат. *яз-* / *жаз*, чув. *зыр-* ‘писать’, тат. *яз-* / *жаз*–: *язык* / *жазык*, чув. **зыр-* / *зыл-*: **зырлăх* / *зылăх* ‘грех’ с *яр-*: *ярлык* ‘извещение, указ, ярлык; удостоверительная записка’, вошедшем в большинство языков Евразии и фонетически выглядящим безупречным, зеркальным отражением общетюрк. **яз-лык* < *йаз-* ‘писать’, результатом так называемого ротацизма.

Весь материал данной статьи склоняет ее автора к мысли о первичности **r->z-*, **r->-z-*, **r>-z* или же к признанию символической природы колебаний **√R/√Z*, а также корневых гласных *-ā/-ai/-ei/-ä/-ī/-ĭ-*, не исключая анлаутных **√K-√G-√Z-√Z-√S-√S-√J-* и т. д., не исключено, что в качестве чего-то, подобного древнейшим межсемейным контактам, если это не ностратическое наследие в духе теории В. М. Иллича-Свитыча [Иллич-Свитыч, 1971–1984].

Сокращения

Араб. – арабский язык, арм. – армянский язык, греч. – греческий язык, др.-англ. – древнеанглийский язык, др.-рус. – древнерусский язык, др.-удм. – древнеудмуртский язык, итал. – итальянский язык, лит. – литовский язык, латыш. – латышский язык, мар. – марийский язык, праслая. – праславянский язык, рус. – русский язык, рус.-цслав. – русский-церковнославянский язык, тат. – татарский язык, тюрк. – тюркские языки, удм. – удмуртский язык, чув. – чувашский язык.

Библиография

- Ахметьянов Р. Г. Этимологический словарь татарского языка: в 2-х т. Казань: Магариф-Вақыт, 2015.
Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1964. 356 с.
Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение в сравнительный словарь (b-k) М.: Наука, 1971–1984.
Корнилов Г. Е. Этимология: лингвистические исследования, критика и обобщения. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 168 с.
Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1987. Вып. 22. 368 с.
Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2002. Вып. 26. 278 с.
Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары, 1996.
Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Рус. яз., 1994.
Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–2009. Вып. 1–35.
Dabartinės lietuvių kalbos Žodynas. Vilnius: Mintis, 1972. 975 lpp.
Latviešu-krievu vārdnīca. Dīvos sējums. Rīga: Liesma, 1979–1981.
Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. 1969. 533 S.

С. А. Максимов

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ ГИПОТЕЗЫ О ТЮРКСКОМ СУБСТРАТЕ В ЯЗЫКЕ БЕСЕРМЯН

Аннотация. Бесермяне говорят на особом наречии удмуртского языка. Одни исследователи считают их обудмуртившимися тюрками, другие – удмуртами, испытавшими сильное тюркское влияние. Наибольший вклад в исследование бесермян внесла Т. И. Тепляшина. На основе изучения их языка она пришла к выводу, что бесермяне являются потомками древнеболгарского населения. Данный вывод учеными не был воспринят. В настоящей статье представлены новые лингвистические и исторические доводы в поддержку гипотезы Т. И. Тепляшиной.

Ключевые слова: бесермяне, язык бесермян, болгарский субстрат, барсилы (берсулы), возрождение гипотезы Т. И. Тепляшиной.

S. A. Maksimov

TO THE PROBLEM OF REVIVAL OF THE HYPOTHESIS OF THE TURKIC SUBSTRATUM IN THE LANGUAGE OF THE BESERMYANS

Abstract. The Besermyans speak a distinctive dialect of the Udmurt language. One part of researchers believes that the Besermyans are the Turki people who adopted the Udmurt language; others think that they are the Udmurts, who underwent a strong Turkic influence. The biggest contribution to the study of the Besermyans was made by T. I. Teplyashina. Based on the study of their language, she came to the conclusion that the Besermyans are descendants of ancient Bulgarian people. This conclusion *was not adopted* by scientists. This article presents new linguistic and historical arguments in support of T. I. Teplyashina's hypothesis.

Keywords: the Besermyans, the language of the Besermyans, Bulgarian substrate, the Barsils, the revival of T. I. Teplyashina's hypothesis.

Благодаря деятельности многих поколений финно-угроведов и собственно языковедов к настоящему времени удмуртское языкознание достигло значительных успехов. Однако наряду с безусловными достижениями остается множество нерешенных проблем: в частности, ждут разработки спорные вопросы исторической грамматики, лексикологии, этимологии. Залог успеха в решении названных и

других вопросов нередко зависит от достижений смежных наук, в числе которых можно назвать историю, включая ее этническую составляющую, археологию и др.

В ходе исторического развития удмуртский язык, как и все языки мира, испытал влияние со стороны иных языков и культур. При исследовании удмуртского языка, особенно его диалектов, нередко можно столкнуться с явлениями, которым проблематично найти удовлетворительное объяснение с точки зрения обычных языковых контактов. Однако подобным явлениям, по крайней мере некоторым из них, можно найти толкование с точки зрения субстрата и языкового смешения.

Для недвусмысленного понимания описываемой темы приведем толкование термина *субстрат*: «совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития данного языка и восходящих к языку, распространенному ранее на данной лингвогеографической территории. С[убстрат], в отличие от заимствования, предполагает широкое этнич[еское] смешение и языковую ассимиляцию пришельцами коренного населения через стадию двуязычия» [Виноградов, Субстрат, 1990]. Говоря о субстратных явлениях, следует подчеркнуть, что некоторые из них в удмуртском языке можно охарактеризовать как суперстрат – «совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития языка и объясняемых как результат растворения в данном языке языка пришлых этнических групп, ассимилированных исконным населением» [Виноградов, Суперстрат, 1990].

Наличие субстратных элементов в бесермянском наречии неоднократно подчеркивается в монографии Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» (1970). Современные лингвисты склонны отрицать наличие субстратных явлений в бесермянском наречии, хотя, на наш взгляд, многие из этих явлений через бесермян распространились в диалекты удмуртского языка. Особенно сильное влияние язык бесермян оказал на формирование южного наречия.

Булгаро-чувашский субстрат (суперстрат) в сравнении с иными субстратными явлениями проявляется в удмуртском языке в наибольшей степени. В зависимости от историко-территориальных условий формирования можно выделить три группы субстратных явлений названного типа.

Условия для формирования первой группы прослеживаются по археологическим материалам VIII–X вв. в Нижнем Прикамье на левобережье Камы, составляющей территорию современной Республики Татарстан. Барсилы были первой волной болгарских племен, пришедших в эти места с Предкавказья и Нижнего Поволжья. Причиной передвижения населения Хазарского каганата являлась постоянная борьба с арабами, а также религиозные и политические разногласия в связи с принятием хазарской верхушкой иудейской религии [Останина, 1995, с. 4]. Позднее на Среднюю Волгу прибывают кочевые компоненты салтовско-маяцкой культуры из Приазовья и Подонья. В то же время в IX в. прослеживаются переселенческие волны из Приуралья и Прикамья. На описываемой территории происходит активное взаимодействие болгарского и финно-угорского населения. При этом болгарская (булгарская) керамика «как бы гаснет» [Останина, 1995, с. 4–5]. В X в. происходит мощный приток салтовско-маяцких племен, что было обусловлено, с одной стороны, наступлением печенежских орд и, с другой – падением Хазарского каганата (965). В X–XI вв. территория Нижнего Закамья становится районом с высокой плотностью населения. «Нехватка земель, укрепление власти царя болгар, которая особенно усилилась с 922 г. с превращением ислама в официальную государственную религию, привели к уходу части населения с территории Западного Закамья». По археологическим данным, как финно-угорское, так и часть болгарского населения отошла в Правобережье Камы, в частности, на территорию Арского княжества [Останина, 1995, с. 7–10].

Исследования Т. И. Останиной, основанные на археологических данных, убедительно доказывают смешение с прапермским населением первых древнебулгарских племен, прибывших в Среднее Поволжье. Названный процесс, безусловно, не мог завершиться, не оставив каких-либо следов в современных пермских языках, при этом как в удмуртском, так и в коми. Данное влияние заключается не только в наличии в коми языках чуть более пары десятков лексических болгаризмов, но и иных типично тюркских черт в структуре языка (см. об этом: Цыпанов, 2014, с. 27).

Вторая группа субстратных явлений – это результат весьма сложных процессов в Нижнем Прикамье на территории исторического Арского княжества, составляющей северо-запад современной Республики Татарстан. По археологическим данным, смешанное булгарско-финно-пермское население на территории Арской земли существовало с X в. [Останина 1995, с. 10–11]. С данной территорией связано формирование «загадочного финно-угорского народа» – так окрестили ученые бесермян. Этноним *бисермины* впервые фиксирует итальянский путешественник Иоанн де Плано Карпини при путешествии в Монголию (1245–1247) [Напольских, 1997, с. 50–52]. В отношении происхождения бесермян ученые придерживаются разных мнений: большинство исследователей считают их

обудмуртившимися тюрками (булгарами-чувашиами, крещеными татарами, татарами), другие – удмуртами, испытавшими сильное тюркское влияние (см. об этом: Тепляшина, 1970, с. 6–22; Попова, 1997, с. 3–13; Кельмаков, 2003, с. 87–88).

На основе изучения языка бесермян и анализа исторических документов Т. И. Тепляшина пришла к выводу, что бесермяне являются потомками древнебулгарского населения, принявшими ислам. Удмуртский язык они усвоили в Прикамье от юго-западной группы удмуртов [Тепляшина, 1970, с. 21–22; 242–244]. К сожалению, данный вывод и многие мысли, касающиеся языка бесермян, лингвистами не были поддержаны.

Следует сказать, что в упомянутой книге Т. И. Тепляшиной, безусловно, имеются определенные неточности, некоторые положения выглядят сомнительными. Выводы Т. И. Тепляшиной неоднократно подвергались критике [Кельмаков, 1992, с. 33–95; Кельмаков, 2003, с. 87–88; Кельмаков, 2004, с. 126–172; Кельмаков, 2011, с. 326–330]. Наиболее систематически они изложены в работе В. К. Кельмакова «Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка». Это «<...> семь специфических явлений в фонетике языка бесермян, которые могут быть объяснены лишь как субстратные»:

1) палатализация зубных *n*, *d*, *m*, *s* и альвеолярного *l* в соседстве и окружении переднерядных *u* и *э*: *in'* (удм. лит. *ин*) 'небо', *l'egit'* (удм. лит. *егит*) 'молодой', *t'ebet'* (удм. лит. *тэбет*) 'пеленка', *d'is'* (удм. лит. *дйсь*) 'одежда' и т. д.;

2) отсутствие общеудмуртского гласного *ö*, на месте которого в бесермянском диалекте, как правило, выступает *э* или реже *о*;

3) замена шипящих *ж* и *ш* свистящими *з* и *с*: *zag* (удм. лит. *жаг*) 'сор, мусор', *saj* (удм. лит. *шай*) 'кладбище';

4) утрата велярных аффрикат *жс* и *чс*;

5) озвончение парных глухих согласных в интервокальном положении;

6) употребление в анлауте согласного *б*- на месте общеудмуртского *в*-;

7) наличие гортанного смычного согласного [Кельмаков, 2003, с. 88–89].

Наши собственные наблюдения над удмуртскими диалектами в полевых условиях, а также анализ литературы, касающейся удмуртской диалектологии, ознакомление с литературой, связанной с исторической фонетикой и с фонетической системой современных тюркских языков – в первую очередь чувашского и татарского, – позволяют нам согласиться с большинством приведенных выше умозаключений.

Т. И. Тепляшина отмечает, что бесермянские твердые согласные не могут сочетаться с гласными переднего ряда. «Таким образом, мы здесь имеем дело как в чувашском, так и бесермянском с отголосками сингармонизма – явления, характерного для тюркских языков, но несвойственного пермским языкам. Следовательно, это явление бесермянского языка идет от тюркских языков и, может быть, именно от древнебулгарского» [Тепляшина, 1970, с. 166].

В этой мысли Т. И. Тепляшиной мы видим причины многих звуковых процессов не только в бесермянском, но и в других удмуртских диалектах. Из приведенных выше семи положений чувашский сингармонизм объясняет как минимум положения 1 и 2. В отношении неогубленного гласного среднего ряда среднего подъема – *ö* (*e*) следует сказать, что, по нашим наблюдениям, в конце прошлого столетия этот звук как отдельная фонема функционировал уже как минимум в отдельных говорах (например, в юндинском) бесермянского наречия. Исследования последних лет показывают, что фонема *e* характерна и для других бесермянских говоров [Люкина, 2016, с. 34].

С доводами (в том числе академика Б. А. Серебrenникова) о замене шипящих *жс* и *шс* свистящими *з* и *с* (пункт 3) не как о результате воздействия субстрата, а как о следствии избытка шипящих гласных, возникших в ходе внутренней эволюции системы удмуртского языка [Кельмаков, 2003, с. 116], трудно согласиться по той причине, что это явление (было) характерно для юкаменских бесермян, у которых велярные аффрикаты в большинстве случаев перешли в палатальные (*жс* > *зс*, *чс* > *чс*). В то же время у юндинских бесермян наблюдается избыток шипящих вследствие *жс* > *жс* и *чс* > *шс*, но в их говоре не произошло перехода шипящих в свистящие.

В корректности положений 4–6 можно убедиться, если принять во внимание, что указанные в них явления имеют место только в самых тюркизированных удмуртских говорах периферийно-южного диалекта. При этом бесермянский диалект в целом по степени тюркского влияния стоит далеко не на первом месте.

В отношении утраты велярных аффрикат *жс* и *чс*, в частности, можно отметить, что они функционируют в шошминском, шагиртско-гондырском и бавлинском говорах периферийно-южного диалекта, гораздо в большей степени тюркизированных, чем язык бесермян. Глухая велярная аффриката не потеряла фонемный статус в буйско-таныпском говоре. Следовательно, исчезновение этих звуков в бесермянском наречии нельзя объяснить обычным контактированием с тюркским (татарским) населением. Не было условий для их исчезновения и в бассейне Чепцы, где они не только полнокровно функционируют в

местных удмуртских диалектах, но их частотность увеличилась за счет русских заимствований, ср.: сл. *грэ́чуга* (< рус. *гречуха*, ? *гречуга*) ‘гречиха’, *чү́чала* ‘чучело’, нч. сч. *ча́чча* (< рус. *чаща*) ‘лес’, сч. *чи́ш* (< рус. *тишь*) ‘тишина, тишь’, *пэ́нжас* / *пэ́нжас* ‘пиджак’, *жэ́икэт* ‘жакет’ и т. д.

По поводу гортанного смычного согласного в языке бесермян (пункт 7), который в настоящее время практически сошел на нет, следует сказать, что в данном случае высока вероятность справедливости мнения В. К. Кельмакова о том, что описываемый феномен может быть не субстратным явлением, а результатом многократного заимствования [Кельмаков, 2003, с. 98].

В отношении звука *ъ* (*â*, *ə*), неогубленного гласного средне-заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъема следует сказать, что употребление этого звука является одной из характерных черт бесермянского наречия. Он распространен также в юкаменском и глазовском говорах северного наречия, в говорах арского типа периферийно-южного диалекта, а также в некоторых говорах собственно южного диалекта [Максимов, 2009, с. 60–61]. О возникновении данного звука в удмуртских диалектах имеются разные мнения. Чаще в качестве источника звука *ъ* указывают татарский язык [Тепляшина, 1970, с. 165; Кельмаков, 1993, с. 19–20; Кельмаков, 2006, с. 54]. Однако В. К. Кельмаков не исключает и внутренних факторов веляризации *ы* (> *ъ*), среди которых он называет слабость оппозиции по признаку огубленности / неогубленности узких и средних гласных среднего (смешанного ряда); стремление увеличения оппозиции *ÿ* / *ы* привело к переходу *ы* в задний ряд – *ÿ* / *ы* > *ÿ* / *ъ* [Кельмаков, 1993, с. 20].

Приведенный довод вступает в противоречие с тем фактом, что шошминского говора, в котором полнокрочно функционирует фонема *ÿ*, описанный звуковой процесс не коснулся, в то же время для некоторых говоров южного и северного наречий характерно произношение заднерядного *ъ*, хотя гласный *ÿ* в них достаточно давно вышел из употребления, а там где сохранился, почти везде утратил фонемный статус.

Вслед за М. Г. Атамановым [Атаманов, 2000, с. 19–20; Атаманов-Эграпи, 2010, с. 311–313] мы придерживаемся мнения о появлении этого звука в удмуртских диалектах под влиянием языка бесермян. В качестве основного довода в пользу бесермянского происхождения *ъ* в удмуртских диалектах он приводит тот факт, что этот звук характерен для одних удмуртских диалектов, но отсутствует в других, даже в большей степени татаризированных.

Остановимся на источнике звука *ə* (*ъ*, *â*) в бесермянском наречии. Для общетюркской вокалической системы ученые предполагают наличие гласного *i* (*ы*) [Левитская, 2014, с. 46, 66–68]. На основе «древнечуваших» заимствований в венгерском языке его восстанавливают и для древнебулгарского языка [Ахметьянов, 1978, с. 23–24]. Именно булгарским племенам (предположительно барсилам – берсулам), на наш взгляд, пермские народы обязаны появлению аналогичного звука в их языках.

В определенный период в болгарском языке произошла перестройка системы гласных. Процессы звукопереходов начались не ранее XIV в. и были довольно длительными [Левитская, 2014, с. 57–58]. Правомерно сделать предположение, что и у болгар-бесермян звук *â* появился в указанный выше период. Аналогичный звук функционирует в бесермянском наречии и некоторых других диалектах удмуртского языка. Судя по современному чувашскому языку, после перестройки древнетюркской системы гласных, в отличие от татар и башкир, в болгарском языке не только появился заднерядный гласный *â* (*â*), но и сохранился среднерядный *ы*. Последний в настоящее время бытует и в бесермянском наречии, хотя встречается в минимальном количестве слов, в основном в односложных и их производных: *кыз* ‘толстый (по обхвату)’, *кызомəнə* ‘толстеть, потолстеть’, *кыз* ‘двадцать’, *лы* ‘кость’, *ты* ‘легкие’ и др. (см.: Словарь, 2013).

Рассмотрим примеры болгаро-бесермянской субстратной лексики.

Амсър кукм. бес., *аңсыр* шошм. и некоторые др. ‘узкий’ [Максимов, 2010, с. 336–338]. Удмуртские слова *амсыр*, *аңсыр* ‘узкий’ считают проточувашским или чувашским заимствованием, ср. современное чув. *ансър* ‘тесно, узко; тесный, узкий’ [Алатырев, 1988, с. 95–96; Тараканов 1993, с. 33–34; Федотов, 1965, с. 71; Федотов, 1996, т. 1, с. 42; Räsänen, 1969, с. 43b]. Рассматриваемое слово – субстратная единица, оставшаяся от языка тюрков-бесермян. При этом форма с губным *м* функционирует не только в бесермянском наречии, но и в кукморском говоре, в ней звукопереход *η* (*н*) > *м* имеет аналог в чувашском языке (см.: Левицкая, 2014, с. 219–221). В удмуртском языке носовой сонант *η* переходит в губной *м* при наличии в слове предшествующего губного согласного [Кельмаков, 2006, с. 81–83]. Причиной отнесения исследуемого слова к субстратным, а не к обычным контактным заимствованиям является то, что оно проникло в удмуртский вопреки наличию слова *сюбег* и вытеснило его, а не заполнило пустую ячейку лексической системы удмуртского языка. (Аналогичным образом попали в удмуртский язык и приводимые ниже слова.)

Какы ‘божья коровка’, ‘клоп лесной’; *кыкы-мамы* ‘божья коровка’; *чужанай* кизн. ‘божья коровка’, *чужанайпапа* кукм. ‘божья коровка’, ‘клоп-солдатик’ < чув. *кукамай*. Для сравнения приведем данные из словаря Н. И. Ашмарина: *кукамай*¹, *кокамай* ‘моя (наша) бабушка по матери’; *кукамай*² ‘божья коровка’; ‘солдатики (насек[омое])’ [Ашмарин, 1994, т. 6, с. 259].

Talak бес. ‘селезенка’ [Тепляшина, 1970, с. 65] < чув. *талак* ‘селезенка’ [Федотов, 1996, т. 2, с. 167–168], ср. удм. *луп* ‘селезенка’ < фу. [Rédei, 1986–1991, с. 242].

Прежде чем выразить свою точку зрения на происхождение бесермян, процитируем выдержки из заключения книги Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян». «Удмуртский язык, оказавшийся “победителем” над языком бесермян – небольшой этнической группы, охватил почти все его сферы. Однако в области фонетики и древних пластов лексики (терминология родства, ономастика и другие отдельные отрасли лексикологии) сохранился ряд древних черт – неудмуртских, что отличает этот побежденный язык от языка победителя. В языке бесермян прослеживается древний пласт языковых явлений, свойственных современным тюркским языкам Среднего Поволжья и Приуралья» [Тепляшина, 1970, с. 242].

«Первоначальный язык бесермян, по-видимому, представлял собой один из тюркских диалектов болгарских племен. Как известно, чувашский язык относится к болгарской группе тюркских языков. Булгары (т. е. часть болгар, по-видимому, в первую очередь верхушечная) приняли мусульманство в 922 г. н. э. Надо полагать, бесермяне являются потомками той части древнеболгарского населения, которая приняла ислам <...>. Эта часть болгарского населения, называвшаяся бесермянами и исповедовавшая мусульманство, попала в сферу удмуртского влияния и постепенно усвоила древнеудмуртский язык, сохранив, однако, своеобразные элементы культуры (обычаи, верования, одежду) и самоназвание. Так, мы мыслим, сформировалась особая этническая группа – бесермяне» [Тепляшина, 1970, с. 242–244]

Мы можем согласиться с той частью приведенных выводов Т. И. Тепляшиной, что касается языка бесермян. Как было продемонстрировано нами выше, наличие тюркского субстрата в их языке не должно вызывать сомнений. Он выявлен и археологами, а в последнее время и музыковедами.

Однако нам представляется сомнительным то положение, что бесермяне некогда были мусульманами, хотя отдельные факты духовной культуры и их языка говорят об обратном, например: использование исламских (арабских) формул обращения к богу в бесермянских языческих молитвах (см.: Напольских, 1997, с. 51); наличие иных пережитков ислама у бесермян отмечает Е. А. Попова [Попова 1998, с. 179]. Приведенные данные скорее свидетельствуют о былых тесных контактах бесермян с мусульманами, чем об исповедании их предками ислама.

Наша концепция происхождения бесермян заключается в следующем. Бесермяне – это потомки болгароязычных барсил (берсулов), которые в VIII в. с Предкавказья откочевывают в Среднее Поволжье и проживают в Закамье – на левобережье Нижней Камы, куда в VIII–X вв. были направлены переселенческие волны из Приуралья и Прикамья, в результате чего некоторые группы болгароязычных барсил смешались с пермскими племенами. Но предки бесермян сохраняли свой язык, хотя испытали сильное влияние со стороны пермян и, возможно, стали двуязычными. В X–XI вв. из-за нехватки земель часть населения с Нижнего Закамья переселяется в Прикамье (на правобережье Камы). В 922 г. Волжская Булгария официально принимает мусульманство, но определенные группы болгар могли принять ислам еще задолго до этой даты. С этим связано проникновение слова *бисермин* / *бесермен* из Средней Азии, первоначально служившим конфессиональным термином, а позднее этнонимом. Предки современных бесермян – барсилы, будучи двуязычными, поддерживали тесные связи не только с предками удмуртов, но и с болгароязычным населением, в частности с бесерменами-мусульманами, от которых, видимо, переняли элементы духовной культуры, в том числе элементы ислама, за что и были названы предками удмуртов бесерманами. Поскольку в тот период в Волжской Булгарии названный термин обладал довольно высоким статусом (см. об этом: Напольских, 1997, с. 53)), словом *бесермен* / *бесерман* предки современных бесермян стали именовать себя.

С основанием Казанского ханства (1438) усилилось влияние кыпчакского языка, многие группы болгар, а также удмуртов перешли на кыпчакский (татарский) язык. Предки бесермян сохраняли тесные связи как с булгарами-чуваши, так и с кыпчакизированным населением.

В XV в. земли по Чепце предоставляются татарским арским князьям. Вместе с татарскими князьями, по-видимому, как зависимое население перемещаются вотяки (удмурты) и чуваша арская [Чураков, 2008, с. 12]. Последние представляли из себя бесермян, сохранявших болгаро-чувашский язык низового типа, а также группу чувашей, язык которых типологически был сходен с верховым наречием чувашей. Из-за культурной и языковой близости бесермян и чувашей в письменных источниках идет путаница этих терминов и употребление одного термина вместо другого. Как было указано выше, с 1678 г. этноним «чуваша» на страницах исторических документов более не появляется [Трефилов,

1967, с. 312–314; Тепляшина, 1970, с. 13–19, 23–25; Напольских, 1997, с. 50–52], что, видимо, означало полное растворение чувашских этнических групп в среде бесермян и северных удмуртов и исчезновение чувашского языка на Чепце.

Ареальные исследования по удмуртскому языку позволяют вести речь о том, что субстратные явления в нем не ограничиваются болгарско-чувашскими элементами. Дальнейшие исследования в данном направлении позволят дать представление о масштабах смешивания генетического материала, имеющего финно-угорскую основу, с гетерогенными этническими компонентами, в конечном счете уточнить и глубже понять процесс формирования удмуртского народа и удмуртского языка.

Сокращения

Бес. – бесермянское наречие, кизн. – кизнерские говоры собственно южного диалекта, кукм. – кукморский говор периферийно-южного диалекта, рус. – русский язык, сл. – слободской говор нижнечепецкого диалекта северного наречия, сч. – среднечепецкий диалект северного наречия, удм. – удмуртский язык, фу. – прафинно-угорский язык, чув. – чувашский язык, шошм. – шошминский говор периферийно-южного диалекта.

Библиография

- Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: буквы А, Б. Ижевск, 1988. 240 с.
- Атаманов М. Бесермянский след в диалектах удмуртского языка // *Congressus Nonus Internacionalis Fenno-Ugristarum. Pars II*. С. 19–20.
- Атаманов-Этрапи М. Г. Происхождение удмуртского народа: моногр. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.
- Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков: Фонетика и лексика / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. М.: Наука, 1978. 248 с.
- Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: В 17 т. Чебоксары: Руссика, 1999–2000.
- Виноградов В. А. Субстрат // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 497.
- Виноградов В. А. Суперстрат // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 499.
- Кельмаков В. К. Вехи истории удмуртского языковедения / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкознания; Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2011. 518 с.
- Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 1 / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкознания. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2003. 276 с.
- Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2 / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкознания. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. 395 с.
- Кельмаков В. К. К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия // *Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (= Удмурт вераськетъес. I) / Удм. гос. ун-т. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. С. 33–107.*
- Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. 386 с.
- Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Препринт. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. 58 с.
- Левитская Л. С. Историческая фонетика чувашского языка: монография. Чебоксары, 2014. 320 с.
- Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян: монография / Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН. Ижевск: Ин-т компьютер. исслед., 2016, 200 с.
- Максимов С. А. Комментарий к карте «Реализация вариантов фонемы *ы* и употребление фонемы *й* в диалектах удмуртского языка» // *Диалектологический атлас удмуртского языка: карты и комментарии / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семенов, Г. В. Отставнова*. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. I. С. 60–68.
- Максимов С. А. Комментарий к карте «Узкий» // *Диалектологический атлас удмуртского языка: карты и комментарии*. Науч. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семенов, Г. В. Отставнова. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. Вып. II. С. 330–339.
- Напольских В. В. «Бисермины» // *О бесермянах*. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН. Ижевск, 1997. С. 50–54.
- Останина Т. И. Из истории арских удмуртов (наброски к этногенезу южных удмуртов) // *Традиционная материальная культура и искусство народов Урала и Поволжья*. Ижевск: Изд-во Удм. гос. ун-та, 1995. С. 3–17.
- Попова Е. В. Бесермяне (краткий историографический обзор) // *О бесермянах: Сб. ст.* Ижевск: Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН. Ижевск, 1997. С. 3–18.
- Попова Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX – 90-е годы XX в.): моногр. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН. 1998. 241 с.
- Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / ред.-сост. А. И. Кузнецова, Н. В. Сердобольская, М. Н. Усачева, О. Л. Бирюк, Р. И. Идрисов. М.: ТЕЗАУРУС, 2013. 540 с.
- Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. Ижевск, 1993. 172 с.
- Тепляшина Т. И. Язык бесермян / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1970. 288 с.
- Трефилов Г. Н. Бесермяне по письменным источникам // *Вопросы финно-угорского языкознания / УдНИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Министров УАССР*. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 310–318.
- Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. I: Чувашско-марийские связи. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 160 с.
- Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996.
- Цыпанов Е. А. Дивергенция финно-угорского и пермского праязыков в свете последних теоретических и источниковедческих подходов // *Пути развития пермских языков: история и современность*. Сыктывкар, 2014. С. 8–38.
- Чураков В. С. К проблеме расселения пермских народов в конце I – первой половине II тыс. н. э. // *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции*. 2008. № 1 (3). С. 4–20.
- Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. LSFU XVII, 1. Helsinki, 1969. XVI, 533 S.; 2: Wortregister, 1971. 136 S.
- Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991. V. I–III.

**«ХУПАХ», «ТИКЕНЕК», «КУРШАНАК» СĂМАХСЕН ЛЕКСИКА
ПĔЛТЕРĔШĔПЕ ЭТИМОЛОГИЙĔ**

ЭТИМОЛОГИЯ И ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ «ХУПАХ», «ТИКЕНЕК», «КУРШАНАК»

Аннотация. В статье рассматривается происхождение, этимология и структура слов «хупах», «тикенек», «куршанак» в чувашском языке. Исследование опирается на труды Н. И. Ашмарина, В. Г. Егорова, М. Р. Федотова и др. Автором представлен сравнительно-сопоставительный анализ материала из родственных тюркских и неродственных (финно-угорских) языков.

Ключевые слова: лопух, репейник, лексическое значение, этимология, чувашский язык.

G. L. Nikiforov

**ETIMOLOGY AND LEXICAL VALUES OF WORDS “HUPAH”, “TIKENEK”,
“KURSHANAK”**

Abstract. The article examines the origin, etymology and structure of the words «хупах» (burdock), «тикенек» (agrimony), «куршанак» (wait-a-bit) in the Chuvash language. The research is based on the works by N. I. Ashmarin, V. G. Egorov, M. R. Fedotov and others. The author presents a comparison and collation analysis of materials from cognate Turkic and unrelated languages (Finno-Urgic).

Keywords: a burdock, an agrimony, lexical value, etymology, the Chuvash language.

Ку ўсен-тăрана халăхра шăтса тухнă хыççăн хупах теççĕ. Хупах ўссе çитĕнсен çимĕç тунă тапхăрта тулаш сăнне тата пахалăхне улăштарать. Çавна пула ăна куршанак теме пуçлаççĕ. Çак ўсен-тăранах тутарпа чикĕленсе тăракан Чăваш Республикин Шăмăршă районĕн калаçăвĕнче тикенек / тикенет ятпа çўрет. Çармăспа чикĕллĕ Муркаш районĕнче куршанак тенипе пĕрлех ăна лапăстан, лапăштан, лопăстан тесе каланине куратпăр. Ку ятсем Муркаш калаçăвне çармăс чĕлхинчен кĕни куç кĕрет, мĕншĕн тесен туçи çармăсла *лапштан*, улăх çармăсла *лопуудо* – хупах [Дегтярев, 2002, с. 32]. Çак тĕслĕхсенче пĕр сум курăках чăвашла темиçе ятлă пулса тухать. Мĕне пула куршанак темиçе ятлă пулма пултарнă-ши?

Хупах, тикенек тата куршанак сум курăкпа çын чир-чĕртен сывалнă чухне усă кураççĕ. Вĕсене пирĕн пĕр енчен паллама, тепĕр енчен пĕлтерĕшне кура уйăрма пĕлмелле.

Хупах / хонах тесе темиçе сарлака çулçаллă ўсен-тăрана калаççĕ. Сăмахĕ *хуп* тымар морфема сүмне сăмах тăвакан *-ах* аффикс хушăннипе пулăннă: *хуп(ă) + -ах > хупах*. Н. И. Ашмарин чĕлхеçĕ «Чăваш сăмахĕсен кĕнекинче» çапла çырат: «хупах, хонах, названия растения, лопух. Хонах от слово хопă, лубок, т. е. трава с большими листьями, похожими на лубок» [Ашмарин 1928–1950, т. 16, с. 174].

И. А. Андреев *-ах* аффикса япала ятĕнчен япала ячĕ тăвакан тухăçсăр аффикс тесе çирĕплетет: *пуçах (< пучах), сăм(а)-ах, хупах* [Андреев, 2003, с. 38].

М. Р. Федотов чĕлхеçĕ *хупах / хонах* сăмах пулăвĕ хурăнташлă чĕлхери сăмахсемпе пĕрешкел маррине пĕлтерет. Н. И. Ашмарин *хупах* сăмах *хонă / хунă* сăмахран пулăннă тени те ăна çырлахтармасть. В. Г. Егоров вара *хупаха* тĕрĕк чĕлхинчи *кабан / кабак / чабак* чăвашла *кавăн / кавин* сăмахпа çыхăнтарнине те тĕрĕсех мар пуль тет. М. Р. Федотов *хупах / хонах* сăмах пĕлтерĕшĕпе алтайла *кубак* ‘репейник’, сагатайла *кубак* ‘хăмла пучахĕ’ сăмахпа çывăх тет [Федотов, 1996, т. 2, с. 359–360]. Апла пулсан унăн шухăшĕпе чăвашла *хупах / хонах* алтай чĕлхинчи *кубак* ‘репейник’ сăмахпа пĕр пĕлтерĕшлĕ пулса тухать (ку тĕслĕхре *х* сасă *к* сасăпа ылмашăннă).

Ю. Дмитриева *хупах* сăмахпа тĕрĕк чĕлхинчи **qaraq (< qar ‘хуп, вит’ глагол сүмне япала ячĕ тăвакан -aq аффикс хушăннипе)* сăмахран пулăннă тет. Вăл чĕлхере ‘хупакан, витекен (çулçă) хупăлча’ пĕлтерĕшпе çўренине палăртать. Чăвашла *хупах* тутар диалектĕнчи *qabiq (baqa qabigi ‘подорожник’)*; çĕпĕр тутарла *aciqaiq = aci ‘йўçĕ’ + qaiq / qabaq ‘курăк, çулçă’*, алтайла *kabak ‘çулçă’* сăмахпа тўр килни пирки калать. Вăл шухăша çапла пĕтĕмлетет: «Пĕтĕмĕшле илсен хупахăн сарлака çулçи хăй айĕнчи çĕрĕн пысăк пайне хупласа хунăран ĕнтĕ ăна *хупах* теççĕ» [Дмитриева, 2001, с. 67].

Хупах япала ятĕнчен пулăннă сăмах ретĕнче тăрат. *Хупах* сăмахра сăмах тымарĕпе аффикс пĕрлешсе, çирĕпленсе ларнă, çавна пула вăл пирĕншĕн халĕ пĕрремĕшле сăмах пекех туйăнать.

Чăваш Республикин кăнтăр енче, тĕслĕхрен Шăмăршă калаçăвĕнче, куршанак *тикенек / тикенет* тесе калани тĕл пулат. *Тикенек* сăмах ку тăрăхри чăваш пуплевне кўршĕ тутар чĕлхинчен кĕни куç кĕрет. Тутарла куршанак – *тигĕнĕк*.

Тикенек ят вырăнти калаçура çирĕпленнĕ, вара *куршанак* сăмахăн синонимĕ пулса тăнă. Мускавра тухнă чăвашла-вырăсла словарьте тикенекĕн икĕ пĕлтерĕшне кăтартнă: 1. дурнишник (*сорная трава*). 2. диал. репейник [Чăвашла-вырăсла, 1985, с. 480].

Тикенек самах пуçламăшĕ *тик* тата *чик* ‘колючий, цепкий’ пĕлтерĕшлĕ пулни палăрар. Çакна сирĕpletсе М. Р. Федотов чагатайла, кăркăсла *тикан* ‘колючка; кустарник с колючками’; уйгурла *тиган* ‘колючка’, *диканми* ‘снабженный иголками, колючками, жалом’ тĕслĕх илсе кăтартать [Федотов, 1996, т. 2, с. 227–228]. В. Г. Егоров *тикенек* хурăнташ чĕлхесенче: тутарла *тигэнэк*, ойротла, нухайла *тегенек* ятпа çуренине палăртать [Егоров, 1971, с. 83]. Çак чĕлхесенчи *тикенек* самах фонетика уйрăмлăхĕ пур пулсан та чăвашлипе пĕрешкел пулни курăнать. *Тикенек* самах пулăвĕ пирки Ю. Дмитриева чĕлхесĕ уçамлă калать: «Относительно происхождения чув. *tigenek* и его фонетических вариантов можно сказать следующее: *tigenek*: по всей видимости, тюркское слово и, как уже указывалось, восходит к тюркскому же глаголу *tik- ~ dik-* ‘втыкать, вонзить, вставить, колоть’. Из-за отсутствия в чувашском языке этой основы (*tik-*) мы считаем, что фитоним *tigenek* был заимствован из татарского языка. Однако присутствие в чувашском *čik-* (соответствие *tik-*) со значением ‘втыкать, вонзать, колоть, резать’ и производного от нее *čikenek* говорит о том (*ti-> či-* – характерный звукопереход монгольского, а также чувашского языков), что последнее (*čikenek*) является собственно чувашским образованием» [Дмитриева, 2001, с. 82].

Тĕпчевсĕсем *тикенек* самахăн пулăвне курăкăн паллине пĕлтерекен *чикекен*, *тирекен* ‘колющий’ паллă ячĕпе сыхăнтараççĕ. Эпир те *тикенекĕн* пĕр палли (*чикекен*, *тирекен* палли) *тикенек / тикенет* ята куçнă тесе сирĕpletсе калатпăр. Çак самаха чăвашла *йĕплĕ*, *чикет*, *тăрăнать* самахпа сывăхлантарса аңлантарма пулат. Чăнах та, *тикенек* ўте лексен *чикет*, тумтир çумне сывăçать. Пуплевре те *тикенек* *пек сывăçать* тесе каланине тĕл пулатпăр.

Аслăлăхçăсем каланă тăрăх, куршанак – Ази ўсен-тăранĕ. Унăн Тăван сĕр-шывĕ – Тĕп Ази. Куршанак пирĕн тăрăхра монголсем тапăнса килнине пула сарăлнă. Ку истори пулăмĕ 1223–1236 çç. Атăлци Пăлхар патшалăхĕ монголсемпе вăрçнă чухне пулса иртнĕ. XIII ĕмĕрĕн синкерлĕ сүлĕсенче куршанак хайĕн йĕппипе монгол лашисен хўри тата юртăна витмелли кĕçсе çумне сывăçса пин сүхрăмри Азирен Чăваш Ене куçса килнĕ. Майĕпен-майĕпен пирĕн тăрăхра ĕрчесе кайнă. Çак тапхăрта чăваш чĕлхине *куршанак* самах кĕрсе юлнă. Хĕвел анăç Европăна вара куршанак 1813–1814 çç. вырăс çарĕ Наполеона хăваласа кайнă май ситнĕ, унта та вăл лаша хўрине çакланса сарăлнă.

Куршанак – икĕ сүл ўсекен сүм курăк. Пĕрремĕш сүлĕнче вăрăран шăтсан сүлци сĕç сарăлса ситет. Ун чухне сүлçă кўлепине кура апа хупах теççĕ. Иккĕмĕш сүлхине пĕчĕк йывăç майлах ўссе ситет, чечек кăларать. Каярах *чикекен* симĕсĕ пулса ситсен вара апа куршанак теме пуçлаççĕ. Вăл выльăх-чĕрлĕх, йыт качка çумне çакланса тавралăхра сямăллăнах саланать.

Куршанак Раçсейĕн сурçĕр тата вăтам тăрăхĕнче ўсет. Чăваш Республикинче тăватă тĕслĕ куршанак тĕл пулат [Куданова, 1965]:

1) пысăк куршанак (пысăк тикенек). Ытларах вăрман хĕрринче, вăрман каснă вырăнта, сүл хĕрринче ўсет, кил-сүрт, пахча таврашĕнче, хўме сүмĕнче сахалрах тĕл пулат. Карçинкки шултра, диаметрпа – 3–3,5 см таран. Туни 60–150 см сўллĕш ситĕнет. Çак уйрăмлăа кура апа пысăк тикенек е пысăк куршанак теççĕ;

2) куршанак, хупах. Сўп-саплă вырăнта, кил-сүрт таврашĕнче, пахчара, хўме сүмĕнче, сүл хĕрринче ўсет. Куршанак пуçĕ эрешмен карти евĕрлĕ япалапа витĕнет. Карçинкки вĕтĕрех, сарлакăшĕ 2–3 см, туни 60–120 см сўллĕш;

3) юман куршанакĕ. Тепĕр сĕрте апа юманлăх куршанакĕ теççĕ. Пирĕн тăрăхра сахал тĕл пулат. Вăл лăсăллă вăрманта, вăрман каснă вырăнта, усланкăра тата вăрман хĕрринче ўсме кăмăллат. Куршанак карçинкки вăтам – 2 см, туни 60–70 см сўллĕш;

4) вĕтĕ куршанак – лопух мелкий. Сўп-саплă вырăнсенче, пахча таврашĕнче, кил-сүрт сүмĕнче, сүл хĕрринче ўсет вăл. Куршанак пуçĕ саврака, йĕплĕ-йĕплĕ, сарлакăшĕ 3–3,5 см. Туни 60–120 см сўллĕш ўсет.

Эпир тишкерекен самах ретĕнче *куришанак* – тĕп самах. Чăваш ўсен-тăранне те, *чикекен* йĕплĕ симĕсĕне те пĕр самахпа *куришанак* тесе калать. Вырăнти калаçура вара вăл *куришанк(ă)*, *кăришанак*, *кăришанкă*, *кушанак*, *куришанка* вариантпа тĕл пулат. Муркаш районĕнче *куришанак* самахпа пĕрлех *лапăстан*, *лапăштан*, *лопăстан* тенине илтетпĕр. Ку самах Муркаш калаçăвне мари чĕлхинчен кĕни паллă: туçi мари чĕлхинче *лапитан*, улăх марилле *лопшудо*. Вырăс чĕлхинче вăл *лопух*, *репейник*, *репей*, диалектра *северный медведь*, *дедовник* ятпа тĕл пулат.

Чăваш чĕлхинчи *куришанак* кăркăсла *кашаган*, тутар чĕлхин диалектĕнче *кырманык*, *кырмалау*. Кўршĕ мари чĕлхинче апа туçi марилле *коршанге*, улăх марилле *каржангы* тесе калаççĕ [Федотов, 1996, т. 1, с. 313].

Ю. Дмитриева *куришанак* самах епле пулса кайнине татăклă калама йывăр тесе калать: «Этимологизация этого фитонима вызывает трудности ввиду чрезвычайной скудости сопоставительного материала. Бесспорно родственное слово встречается в марийском языке, ср. мар. *koršanqe* ‘репей’, мар. т. *karžanqi* ‘тж’. К чувашскому и марийскому словам: по мнению Михаила Федотова, примыкает казахское *kaşaqan* ‘репейник’. Золтан Гомбоц сопоставлял киргизское (= казахское) *kaşaqan* ‘репей’ с венгерским *kalokányu* ‘колючая трава, растущая около водоемов’. Это сопоставление до сих пор оставалась

незамеченными исследователями. Привлечение чув. *kuršanak* расширяет ареал и углубляет историческую перспективу этого слова, а это дает больше возможности к пониманию его истории.

Чувашской и казахской формам с сигматизмом (*kašaqaŋ, kuršanáká*) противостоит венгерская *kalokány* с ламбдаизмом: восходящее в свою очередь к болгаро-тюркскому архетипу **qalaqaŋ*.

На основе этих данных чувашская *kuršanak* нужно считать заимствованием из тюркских языков небулгарского типа: а источником марийского *koršanqe, koršanqi* является чувашский язык.

По свидетельству венгерского *kalokány*, в болгаро-чувашском языке должна была существовать ламбдацированная форма слова *kašaqaŋ*, т. е. *qalaqaŋ*, которая, однако, в болгаро-чувашском была замещена кыпчакским заимствованием *kuršanak*, но сохранился в венгерском языке в форме *kalokány*. Первичной формой в чувашском языке, очевидно, является *kušanak* (< **qašaqaŋ*), а формы с неэтимологическим *-r-*, появляющимся перед медиальным *-š* (*kuršanak, kuršanqá*), являются вторичными в вариантах чувашского слова *kuršanak, kuršanqá* и др. выделяются аффиксы *-nak, -anqá* (*-anka*). Мнения исследователей относительно происхождения этих аффиксов, ввиду довольно ограниченной сферы их употребления, расходятся. Аффиксы *-nak, -anká / -ěnkě* выступают главным образом в названиях зверей, птиц, рыб, насекомых и растений (Л. С. Левитская), см. тат. *öränqä, öyänkä*. Мы полностью согласны с мнением Л. Левитской, которая считает, что “в некоторых случаях возможна контаминация марийской словообразовательной модели *-nqe* и тюркских на *-qaŋ / -an, -nak*”. В чувашском *kuršanqá, kuršanak*, по всей вероятности, имеем дело с контаминацией тюркских (*qaša-qaŋ*) и марийских (*koršanqe*) аффиксальных форм. Конечная морфема *-nak* в *kuršanak*, возможно, возникла путем метатезы аффикса *-nqa / -nqe*» [Дмитриева, 2001, с. 52–53].

Ю. Дмитриева *куршанак* кун-çулне тѣпченѣ хыççăн чăвашсем *куршанак* сăмаха *куршанакĕне* пѣрле пăлхар мар чѣлхиллѣ тѣрѣк чѣлхинчен йышăннă тет.

Кашни ўсен-тăран хайĕн ѣмѣрѣнче темиçe тапхăр аталанать. Аталанура унăн сăнѣ те, тѣсѣ те, кўлепи те улшăнать. Улшăнăва пула хăш-пѣрине тѣп ячѣпе мар, иккѣмѣшле ятпа калама пуçлаççѣ.

Хамăр тишкерекен хупахпа куршанаклах илер. Тѣрѣссипе вѣсем пѣр çум курăках. Шăтса тухнă калчана çулçи сарăлса çитсен хупах теççѣ. Хупах май туна кăларать, ун çинче темиçe авăр тухать. Авринче куршанак çитѣнме пуçлат. Куршанак çитѣнсе çитсен чечеке ларать. Чечекки тăкăнсан йѣппи тухать, вара хупаха куршанак теме пуçлаççѣ. Çак пулăм ўсен-тăран сăнѣ улшăнни ун ятне улăштарма пултарнине кăтартать. Пѣр вырăнтах ўсекен курăк çу пуçламăшĕнче пѣр ятлă, кѣр енне тепѣр ятлă пулнине куратпăр. Халăхра апа çуркунне хупах, кѣр кунне куршанак е тикенек теççѣ. Ку тѣслѣхре пѣр ўсен-тăранах темиçe ятлă пулнине куратпăр. Курăкăн сăнѣпе кўлепи аталаннине кура ячѣ те тивѣслѣ майпа улшăнать, хупахран куршанак (тикенек) пулса тăрать.

Библиографи

- Алексеев Г. А., Якимова З. П. Лекарственные растения на территории Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. 232 с.
Андреев И. А. Чăваш чѣлхи: чăваш школĕн 10–11-мѣш класĕсем валли. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2003. 175 с.
Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки: 17 кăларăмпа. Шупашкар: Чăваш патшалăх издательстви, 1928–1950.
Быстров А. А., Круберг Ю. К. Школьный определитель растений. Л.: Учпедгиз, 1947. 260 с.
Дегтярев Г. А. Чувашская народная агроботаническая терминология. Чебоксары, 2002. 140 с.
Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Деврецен, 2001. 211 с.
Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. 204 с.
Куданова З. М. Определитель высших растений Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 342 с.
Сергеев Л. П., Котлеев В. И. Чăваш чѣлхи: пуçламăш школ учителĕсене хатѣрлекен факультет студентĕсем валли. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1988. 327 с.
Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. в 2-х тт. Чебоксары, 1996.
Чăвашла-вырăсла словарь. М. И. Скворцов редакциленѣ. Мускав, 1985. 712 с.

Р. С. Нурмухаметова

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. В работе ставится целью изучение некоторых лексем тематической группы «пища» татарского языка. Этот пласт лексики изучается на основе материала этимологического словаря татарского языка в плане сопоставления названий блюд в различных языках и говорах. Выявленные в результате исследования сходства и различия в лексической системе родственных и неродственных языков позволяет уточнить особенности формирования и развития кулинарной терминологии татарского языка, которые остались бы неописанными при изучении языка изнутри.

Ключевые слова: татарский язык, тюркские языки, лексика пищи, этимологические словари.

ETYMOLOGICAL DICTIONARY AS A SOURCE OF COMPARATIVE STUDYING TURKIC LANGUAGES VOCABULARY

Abstract. The article aims at studying some lexemes of the thematic group “food” of the Tatar language. This vocabulary layer is studied basing on the material of the Tatar etymological dictionary comparing the names of dishes in different languages and dialects. The similarities and differences in the lexical system of related and unrelated languages revealed as a result of the research allow to clarify the peculiarities in formation and development of the Tatar language culinary terminology, which would remain undescribed when studying the language from the inside.

Keywords: the Tatar language, the Turkic languages, food vocabulary, etymological dictionaries.

Традиция составления этимологий отдельных слов берет начало с древности. С давних времен людей интересовало происхождение того или иного слова, они пытались разгадать тайну наименования предметов, явлений и т. п., таким образом, появились первые попытки народной этимологии. А этимологические словари в современном смысле этого слова появились лишь в конце XVIII в. Их предшественниками были этимологикон латинского языка Воссюса (1662), этимологикон английского языка С. Скиннера (1671) [Этимологический словарь].

«Путь, которым шла русская лексикография к созданию этимологических словарей, был очень длинным и сложным. Первый научный этимологический словарь русского языка – «Сравнительный этимологический словарь русского языка» Н. В. Горяева появился в 1892 г.» [Козырев, 2004, с. 197].

В XX в. появляется целый ряд таких словарей: словарь А. Г. Преображенского («Этимологический словарь русского языка», 1914, 1944; фототипическое переиздание в 1959 г.); словарь Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Г. В. Шанской (Краткий этимологический словарь, 1961); «Этимологический словарь русского языка» Г. П. Цыганенко (1979); четырехтомный этимологический словарь М. Фасмера («Этимологический словарь русского языка» в четырех изданиях: 1964–1973; 1986–1987; 1996; 2007), двухтомный словарь П. Я. Черных («Историко-этимологический словарь русского языка» в трех изданиях: 1993; 1994; 1999) и т. п.

Этимологические исследования по тюркским языкам появлялись периодически, однако составление словарей началось только во второй половине XX в. В настоящее время имеется относительно небольшое количество словарей по отдельным тюркским языкам. Например, этимологические словари казахского, киргизского, чувашского, якутского языков [Казак, 1966; Сейдакматов, 1988; Егоров, 1964; Федотов, 1996; Попов, 2003]

Четырехтомный словарь тувинского языка является результатом многолетней работы ведущего тюрколога Республики Тува Б. И. Татаринцева в области тувинской этимологии [Татаринцев, 2002–2008]. В нем анализируется происхождение корневой лексики тувинского языка; исследуются фонетические, словообразовательные и семантические аспекты. В этимологическом словаре башкирского языка представлены двуфонемные лексемы-односложники с начальными консонантами [Историко-этимологический, 2009].

В тюркской лексикографии особого внимания заслуживает «Этимологический словарь тюркских языков» (М.: Наука, Восточная литература, 1974–2005), задуманный и начатый в 1974 г. коллективом авторов под руководством выдающегося тюрколога Э. В. Севортяна (1901–1978), созданный как полный словарь общетюркской и межтюркской лексики. В словник включены все лексемы, зафиксированные минимум в двух ветвях тюркской семьи или в одной из ветвей и древних письменных памятниках. Таким образом, включаются не только исконно тюркские слова, но и достаточно старые заимствования. Большое место в схеме словарной статьи уделяется обсуждению семантики слова. В обязательном порядке обсуждаются все научные этимологические решения, предлагавшиеся тюркологией для каждого слова. Затрагивается не только тюркский, но и более глубокие пласты истории языка: если в науке имеются гипотезы об общеалтайских (монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейских, японских) параллелях данного слова, в соответствующей статье эти сопоставления рассматриваются. К настоящему времени изданы семь томов словаря, готовится к изданию восьмой том [Этимологический словарь тюркских языков].

В татарской лексикографической науке первый этимологический словарь появился в 2001 г. [Ахметьянов, 2001]. В нем впервые в татарском языкознании освещается этимология основного фонда татарской лексики. А в 2015 г. увидел свет двухтомный этимологический словарь татарского языка того же автора [Ахметьянов, 2015]. До настоящего времени такого объемного и относительно полного этимологического словаря татарская лексикография не знала. Словарь отражает многолетний кропотливый труд, находки в этой сфере автора. В нем проясняется происхождение около 10300 слов. Зафиксированы, в основном, лексические единицы с тюркской основой и диалектная лексика татарского

языка. Фонетически освоенные русские и арабо-персидские элементы встречаются редко. Этот труд – необходимый помощник филологам, историкам, этнографам, искусствоведам в их научных изысканиях.

Этимологические словари призваны выяснить первоначальный облик слов, раскрыть тайны их происхождения, определить пути развития значений и обогащения новыми смыслами лексических единиц. По материалам данных трудов можно проследить древние связи народов, они представляют богатейшую базу для сравнительных исследований лексики родственных языков. Целью настоящей статьи является выявление некоторых общих лексем тематической группы «пища» татарского и тюркских языков по этимологическому словарю татарского языка. Выбор объекта и предмета исследования объясняется тем, что «наиболее верным методом исследования истории лексики конкретного языка представляется изучение лексики по тематическим группам... В процессе исследования тематических групп слов на основе богатого языкового материала следует выявлять различные слои лексики языка, характеризующие его исторические взаимоотношения с другими языками» [Мусаев, 1984, с. 12].

Признавая тот факт, что этимологические справки о традиционных блюдах и напитках татар и тюркских народов содержатся не только в специальных словарях, но и в монографических исследованиях [Хайрутдинова, 1993; Баязитова, 2005; Жилкубаева, 2012], в данной статье в качестве источника фактических материалов мы выбрали первый том «Этимологического словаря татарского языка» [Ахметьянов, 2015, т. 1]. Вся информация о происхождении лексических единиц, о возможных заимствованиях, лексических параллелях приводится только по этому труду.

В словаре зафиксировано около 40 татарских названий разных блюд и продуктов, которые встречаются и в тюркских, и даже в финно-угорских языках. Не все отобранные лексемы активно используются в современном татарском литературном языке, среди них есть и диалектные слова, и устаревшие единицы.

Во всех тюркских языках имеются в большом количестве названия хлебобулочных изделий. В первом томе словаря зафиксированы *игәрче*, *икмәк*, *калач*, *көлчә*, *күмәч*, *күптермә*, *ләвәш*.

Диалектное татарское слово *игәрче* ‘хлебец для поминок; хлебец из остатков теста; закваска, дрожжи’, в диалектах татарского языка употребляются еще формы *ийгәрче*, *эгәрҗе*. Оно является общей единицей для языков Средне Волжского региона: чув. *икерчӗ* ‘оладьи, блины, перемеч’, *йӱварчӗ* ‘закваска’; мар. *эгэрчэ*, *эгэрцэ* ‘оладьи из овсяной муки, лепешка, клецки’, морд. *игырҗа* ‘хлебец, маленький хлебец’.

Икмәк ‘хлеб, хлеба’ имеет множество параллелей в тюркских языках: др.-тюрк. *epmek*, *etmak*, *ötmaḳ*; тур., азерб. *этмек*, *үтмек*, *өнмек*; чаг. *etmek*, *ötmeḳ* и др. Слово входит в активный пласт лексики татарского языка вместе с синонимом *уни*.

Калач ‘белый хлеб, булка’ встречается во многих тюркских и финно-угорских языках: мар. *калач*, *калац*, *кӱлӱц* ‘булка; разновидность кренделя»; чув. *кулаш*, *кулашӑ*, *колашӑ* ‘калач’, караим., карач.-балк., кумык. *қалач*, ног., казах., карак. *қалаш* ‘разновидность хлеба’. В русской этимологии: *калач* от общеславянского *коло* ‘круг’, и слово *калач* в кипчакских языках возможно заимствовано от русского. Однако, по мнению Р. Ахметьянова, есть основание, что оно не прямое заимствование. Данная единица в разговорной татарской речи вытесняется заимствованным с русского языка словом *булки* ‘булка’.

Көлчә ‘тонкая лепешка’, ср.: туркм. *күлчә*, кирг. *күлчө*, уйг. *күлчә*, узб. *кулча*, *күлчә*. Слово заимствовано чувашским (*кӗлче*), удмуртским (*колжо*) языками. Данное слово толкуется как испеченная в золе лепешка (< *көл* ‘зола’). Ученый замечает, что это похоже на народную этимологию, так как в татарских диалектах существует слово *көлчә*, в башкирском – *көлсә*, в киргизском *күл азык* ‘дорожная еда’. В настоящее время слово в татарском языке считается устаревшим.

Күмәч в татарском языке употребляется в значениях ‘булочка, колобок, (белый) хлебец, пресная лепешка, ритуальная и обрядовая лепешка. Слово восходит к древнетюркскому *көмӱс* и кипчакскому *көмеч* ‘булочка, испеченная в золе’; вошло в чувашские диалекты (*күммеч*), в марийский (*комеч*, *көмеч*, *көмӱч*) и удмуртские (*көмеч*) языки в значении «булочка (белая)». В других тюркских языках – ног., казах., карак. *көмеш*, башк. *күмәс*, кирг. *көмӱч*.

Татарское *күптермә* ‘лепешка на яйцах’ и чувашское *күптөрме* совпадают по значению. Образовано от корня *күптер-* ‘взбивать’.

Слово *ләвәш* ‘легкая лепешка; ритуальная жертвенная лепешка’ распространено во многих языках через русский и кавказский языки. В старотатарском языке *лаваш* ‘род плоских пирожков’, в марийском *лапаш* ‘толокно, посыпанное в катык’.

Схожие слова встречаются также и среди названий выпечки: *бавырсақ*, *бәләш*, *белен*, *коймак*, *кукыл*, *кыстыбый*.

Бавырсақ ‘баурсак, кусочки теста, жаренные в масле’, ср.: казах., карак. *бавырсақ*, кирг. *боорсақ*, уйг. *багырсақ*, узб. *богурсақ*, *бугрсақ* в том же значении. Но в кумыкском, караимском языках *бавурсақ*, в турецком и азербайджанском *багырсақ* употребляется в значении ‘кишка, кишка-печень’.

В древнетюркском языке *bağarsuq*, *bayısuq* образовано от парного слова *багыр-сақ*, где *багыр* – ‘печень’, *сақ* – ‘кишки’. Имеет место объяснение способа образования данного названия *багыр-са-к* «похожий на печень».

Татарский *бәләш* ‘большой круглый пирог; беляш’ проник в культуру многих соседних народов: чув. *пеләш*, мар. *палыш*, *пәлыш*, удм. *балыш*, рус. *беляш*. Традиционная татарская этимология гласит: название произошло от словосочетания *баһалы аш* ‘драгоценная еда’. Некоторые сравнивают с древнетюркским, монгольским словом *балыш* ‘крупная денежная единица’.

Слово *белен* ‘блин’ в таком же значении функционирует в чувашском (*пеләм*), марийском (*бёлён*, *пылын*), удмуртском (*милым*) языках. Произошло оно от русского *блин* < *млин*, основное значение которого (*мелень*) ‘мука, молотая в мельнице’, т. е. изысканное блюдо из этой муки.

Коймак ‘оладья, блин’ распространен у многих соседствующих с татарами народов: мар., удм. *кульмак*, удм. *кыймак*, *куймак*, чув. *кыймак*. Слово *қуймақ* имеет параллели в монгольском языке – *хуймаг* ‘коймак’. В кумыкском языке и узбекских диалектах *қуймақ* ‘яичница’, в караимском языке *куймақ* ‘жертвоприношение огню способом выливания пищи в косетр’. По мнению ученого, такое широкое распространение данное блюдо получило в связи с ритуальным предназначением.

Диалектное слово *кукыл*, *күкел* ‘пирог, пирожок; род пельменя – пирог, который варят в котле (а не пекут)’ имеет лексические параллели в чувашском (*кукӑль*, *кукӑль*), марийском (*когыль*, *кагыль*, *когыльо*), удмуртском (*когыли*) языках. Слово могло быть заимствовано из марийского или чувашского языка. Есть еще вероятность, что оно может быть финно-угорского происхождения, т. к. слова на эстонском *куел*, ливском *кукил*, *куккил* обозначают ‘маленький хлебец’. Но русское *кугель*, *гугель* ‘еврейское изделие из теста’, азербайджанское *гөгәл* ‘пончик’.

Название древнего татарского блюда *кыстыбий* ‘род пирога’ вошло в чувашский (*кӑстӑмпи*), марийский (*кыстывий*), удмуртский (*кыстыбей*) языки и употребляется в таком же значении. Образовано от глагола *кыс-у* ‘зажать’.

Названия молочных продуктов татарского языка также имеют лексические параллели во многих других родственных и неродственных языках. Рассмотрим слова *айрән*, *йогырт*, *каймак*, *катык*, *корыт*, *кымыз*.

Слово *айрән* ‘айран, напиток из кислого молока’ существовал в общетюркском, древнетюркском языках в варианте *айран*. В настоящее время наблюдается почти во всех тюркских языках, из чувашского (*уйран*, *урян*, *орян*, *орен*) оно заимствовано марийским (*орен*, *өран*, *айряк*, *айрян*, *айран*) и удмуртским (*арьян*) языками.

Йогырт ‘йогурт’ существует в разных фонетических вариантах в следующих тюркских языках: в чув. *şavırt*, кумык. *ювурт*, ног. *ювырт*, карач.-балк. *жууурт* ‘катык, сюзьма, творог’, уйг., осман., ср.-тюрк. *joğart*, *juğurt* ‘катык, творог, йогырт’, кирг. *жууурат*, якут. *суорат*, хак. диал. *чоорт*.

Каймак ‘каймак, сметана’, в кипчакских языках, алт., уйг., тур., туркм. *қаймақ*, азерб. *гаймаг* в том же значении; якут. *хоймох* ‘поскребки, оскребки, нагар, прикипевшие на дне посуды при кипячении молока’; тув. *хойтпақ* ‘разновидность катыка’, чув. *хӱйма* ‘каймак’ восходит болгарскому языку.

Корень слова *катык* ‘катык, простокваша’ *кат-у* ‘добавить, смешать’, оно распространено во многих тюркских языках в том же значении: узб. *қотиқ*, азерб. *гатыг*, туркм. *гатық*, кумык. *қатық* ‘приправа’; др.-тюрк. *qatıq* ‘приправа, уксус, соус’; тув. *кадыг* ‘каша’, гаг. *катык* ‘все кушанья, кроме хлеба’.

По мнению Р. Г. Ахметянова, слово *корыт* ‘курут, сушеный сыр’ изначально появилось в монгольских языках: в монгольских письменных источниках *xurud*, в современном монгольском языке *хурууд* < *курууд* ‘творог, сыр’ [Ахметянов, 2015, с. 442]. Далее слово распространялось в тюркских языках: в том же значении в общетюркском языке *курут*, в кипчакских языках *қурт*, туркменском, в других огузских языках *қурут*, *гурут*, в хакасском *хурут*, в диалектах алтайского языка *қургут*. В современном татарском языке употребляется *корт* в значении ‘красный творог’ (используется в составе начинки губадии).

Кымыз ‘кумыс, напиток из кобыльего молока’ от др.-тюрк *qıtız*, *qıtız*, ср.: ст.-тат., башк. *кумыз*, *қоймӧз*, алт., хак. *кумыс*, казах. *қымыз*, азерб., гаг. *гымыз*, тув., якут. – *хымыс*.

Слова, обозначающие растительную пищу, блюд из овощей, фруктов, разных круп: *әлбә*, *әтәлә*, *боламык*, *ботка*, *калҗәмә*, *куырмач* / *курмач*, *куҗә*.

Әлбә ‘райское кушанье’, ‘кушанье которое дают роженицам – обычно овсяные блины и каши, сваренные в молоке’. Данное слово было заимствовано в том же значении марийским (*әлба*, *алба*), удмуртским (*альба*) языками, в чувашских диалектах существует слово *элле*. Слово входит в пласт устаревшей лексики.

Диалектное слово *әтәлә* обозначает ‘жидкая мучная болтушка (на сметане)’, *әтәләм* ‘вид масла’. В данных значениях найдены следующие варианты: уйг., кирг., казах. диал. *атала*, узб. диал. *әтәлә*.

Боламык ‘месиво; мучная каша’ от общетюркского, монгольского корня *була-* < *булга-* ‘помешать’, кипч. *буламық*, *буламуқ*, чаг. *буламақ*, *буламач*, др.-чаг. – *bulamaq*, гагауз., тур. *буламач*,

азерб. *буламаж*, монг. *tuɫataɣ*. Слово проникло в марийский язык (*быламык, пуламык*), чувашские диалекты (*пӑлӑмӑк*). *Боламык* в современном татарском языке означает «картофельное пюре».

Ботка ‘каша’ хоть и является широко распространенным словом, во многих языках редко употребляется: чув. *пӓтӓ*, хак. *потхы*; алт. *ботко* ‘смесь кумыса с толокном’, тув. *быдаа*, монг. *будаан* ‘крупа; каша’.

Куырмач, курмач ‘жареное зерно; шкварки; кавардак’ образован от глагола *куыр-у* ‘жарить’, имеет ограниченное употребление в современном татарском языке. В алтайском, чагатайском и кипчакских языках – *куурмач*, османском – *kavurtaç*, узбекском – *кавурмач*, древнетюркском – *қағурмач*.

Күжә ‘каша из цельных зерн (нового урожая, ритуальная)’, в башкирском *күзә* имеет то же значение; казах., карак. *көже, көже*, кирг. *көжө*, уйг. *көжә*, тув. *көжә*, др.-чаг *көсе, гөжә*, осм. *гүчә*, алт. *көчө, кочо*, монг. *көзө* ‘суп из ячменя’. Слово заимствовано многими языками и у многих народов является ритуальным блюдом, у современных татар блюдо не актуально.

Мясные продукты в первом томе этимологического словаря татарского языка представлены следующими лексемами: *казы / казылык, калҗа, куырдак*.

Казы, казылык ‘конская колбаса’ вошло в чувашский (*хас*), марийский (*каж*), удмуртские языки (*каз*) и употребляется в значении «домашняя колбаса». Своими корнями восходит к древнетюркскому *казы* ‘внутренний жир’.

Происхождение слова *калҗа* ‘жирный кусок; творог из молозивы’, по мнению ученого, не совсем понятно, имеются параллели с тем же значением в разных языках: башк. *қалйа*, ног., осм. *қалйа*, казах., карак. *қалжа*, кирг. *қалҗа*. В ногайских диалектах, карачаево-балкарском языке *қалҗа* ‘суп-лапша с мясом’ заимствовано из персидского *қалийә* ‘суп с мясом’.

Куырдак ‘мелко нарезанное и жареное мясо; шкварки’ функционирует во всех тюркских языках и образован от общетюркского глагола *qawur-, qayur-*, который имеет общие корни с монгольским *хаҗур-* – *куыру* ‘жарить’: ног., казах. *қуырдақ*, кирг. *қуурдақ*, тур. *kavurdak*.

Таким образом, в результате данного исследования выявлено: лексические единицы тематической группы «пища» имеют параллели во многих тюркских языках, в отдельных случаях наблюдаются сходства даже с монгольскими языками. Большинство из них имеют тюркские корни, а некоторые были заимствованы с татарского ближайшими соседями, в частности марийцами и удмуртами. В семантическом плане слова в основном имеют общее значение во многих тюркских языках, а в некоторых случаях служат названиями различных блюд у разных народов.

Сокращения

Азерб. – азербайджанский язык, алт. – алтайский язык, башк. – башкирский язык, гаг. – гагаузский язык, др.-тюрк. – древнетюркский язык, др.-чаг. – древнечагатайский язык, казах. – казахский язык, карайм. – караймский язык, карак. – каракалпакский язык, карач.-балк. – карачаево-балкарский язык, кипч. – кипчакские языки, кирг. – киргизский язык, кумык. – кумыкский язык, мар. – марийский язык, монг. – монгольский язык, морд. – мордовские языки, ног. – ногайский язык, осман. – османский язык, ср.-тюрк. – среднетюркский язык, ст.-тат. – старотатарский язык, тув. – тувинский язык, тур. – турецкий язык, туркм. – туркменский язык, удм. – удмуртский язык, узб. – узбекский язык, уйг. – уйгурский язык, хак. – хакасский язык, чаг. – чагатайский язык, чув. – чувашский язык, якут. – якутский язык.

Библиография

- Ахметьянов Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. 272 с.
Ахметьянов Р. Г. Этимологический словарь татарского языка: в 2-х т. Казань: Магариф–Вақыт, 2015. Т. 1. 543 с.
Баязитова Ф. С. Лексика пищи и народных традиций. Казань: Дом печати, 2007. 480 с.
Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 356 с.
Жилкубаева А. Ш. Лексика питания в тюркских языках (лингвокультурологический аспект). Научная монография. Усть-Каменогорск: Издательство ВКГУ им. С.Аманжолова, 2012. 204 с.
Историко-этимологический словарь башкирского языка = Башкорт теленең тарихи-этимологик һүзлеге / авт.-сост. Т. М. Гарипов и Ш. В. Нафиков. Уфа: Вагант, 2009. 28 с.
Казак тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. Алматы: Ғылым, 1966. 240 б.
Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография: пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984. 226 с.
Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка = Саха тылын этимологическай тылдьыта. Новосибирск: Наука, 2003. Ч. 1. 178 с.
Сейдакматов К. Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык сөздүгү. Фрунзе: Илим, 1988. 336 с.
Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000–2008.
Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары, 1996.
Хайрутдинова Т. Х. Названия пищи в татарском языке. Казань, 1993. 142 с.
Этимологический словарь [Электрон. данные]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1413154> (дата обращения: 27.12.2017).
Этимологический словарь тюркских языков [Электрон. данные]. Режим доступа: <http://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/etimologicheskij-slovar-tyurkskih-yazykov> (дата обращения: 14.01.2018).

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ЛЕКСИКИ ПЧЕЛОВОДСТВА В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена описанию формальных и содержательных способов образования промысловой лексики в марийском языке. Лексическая группа наименований, связанных с промыслами, сформировалась преимущественно в результате словообразовательных процессов (морфологических, синтаксических) собственно марийского языка, при этом частично содержит и заимствования из других языков. Исследование лексики по тематическим группам дает возможность выявить плотность номинации и степень детализации в этой понятийной среде.

Ключевые слова: промысловая лексика, номинация, способы номинации, лексическая группа, метафора, метонимия, марийский язык.

E. I. Peksheeva

BASIC PRINCIPLES AND METHODS OF NOMINATION IN BEEKEEPING VOCABULARY IN THE MARI LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the description of formal and meaningful ways of forming trade vocabulary in the Mari language. The lexical group of names associated with trade was formed mainly as a result of derivational processes (morphological, syntactic) of the actual Mari language, and partly contains borrowings from other languages. The study of vocabulary by thematic groups makes it possible to reveal the density of nomination and the degree of detailed elaboration in this conceptual environment.

Keywords: trade vocabulary, nomination, ways of nomination, lexical group, metaphor, metonymy, the Mari language.

В результате постоянного развития общества язык все более и более пополняется новыми наименованиями. Науку об именах, о природе и типах наименований называют ономазиологией; ее главная задача заключается в изучении средств и способов называния отдельных элементов действительности [Языковая, 1977, с. 37]. Номинация как процесс представляет собой образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов и т. д. С другой стороны, номинация – это раздел языкознания, изучающий структуру актов наименования [Большой, 1998, с. 336]. Теория номинации, или ономазиология, составляющая вместе с семасиологией более общую дисциплину – семантику, изучает все единицы языка по направлению исследования от вещи или явления к мысли об этой вещи, явлении и обозначению их языковыми средствами.

Способы номинаций теоретически разработаны в В. Г. Гаком в 1977 г. В самом общем виде они сводятся к следующим:

- 1) создание названий на базе имеющихся на языке лексических единиц и аффиксальных средств (морфологическая деривация);
- 2) образование новых слов путем семантической и лексико-семантической трансформации имеющихся в языке слов и фразеологических сочетаний (лексико-семантический способ номинации);
- 3) организация названия на основе свободного словосочетания (синтаксический или лексико-синтаксический способ номинации) [Гак, 1977, с. 89].

Явление мотивации в языке, по мнению О. И. Блиновой, стало предметом пристального изучения в 1970 гг. Представители Томской лингвистической школы русистики (О. И. Блинова, Н. Д. Голев и др.) разработали понятие мотивологии, определили предмет и объект данной науки, методологический и терминологический аппараты, ввели в научную практику термины мотивация, мотивировочный признак, виды мотивации: языковую, индивидуально-авторскую и т. д. [Блинова, 2000, с. 33–34].

С точки зрения мотивации, все единицы языка делятся на немотивированные и мотивированные. Первую группу, как правило, составляют неприводные (исходные, исконные номинативы), вторую – производные, находящиеся со словами первой группы в деривационных отношениях. Д. Н. Шмелев указывал на то, что каждое слово в языке имеет не только парадигматические и синтагматические связи, которые «характеризуют его лексическое значение», но и «находится в деривационных отношениях с другими словами, как по линии смысловых операций, так и по линии словообразовательных... сближений». Деривационная связь в таких случаях может быть интерпретирована как мотивированность [Шмелев, 1971, с. 9–10]. Явление мотивированности слова характерно для всех языков, хотя мотив выбора того или иного наименования для содержания может быть разным, при этом не только в разных языках, но и в одном.

В основе всех видов номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления. В процессе номинации устанавливаются ассоциации по сходству или по смежности между некоторыми свойствами элементов внеязыкового ряда [Лингвистический, 2002, с. 336–337].

Главный признак, положенный в основу номинации, заключается в том, чтобы «через конкретный признак именуемого предмета выразить его обобщенный образ, т. е. от частного, субъективного перейти к общему, объективизированному» [Володина, 1993, с. 9].

Человек в своем сознании выделяет определенные черты в интересующих его объектах и классифицирует их, давая классам наименования. При этом из множества признаков выбирается выразительный, самый характерный, который ложится в основу наименования. Выявление мотивировочных признаков является необходимым моментом процесса наименования. Иными словами, «принцип номинации – это исходное положение, как правило, которое формируется на основе обобщения мотивировочных признаков по цвету, запаху, вкусу и т. д. и одновременно служит отправной базой для новых наименований» [Блинова, 1984, с. 77].

Традиционно различают первичную номинацию (непосредственный перевод фактов действительности в новые знаки языка) и вторичную (называние с помощью уже имеющихся в языке единиц). Первичные наименования составляют обычно небольшую группу, но имеют очень древние корни, сохранившиеся почти в первоизданном виде. Первичная номинация – это первообразная номинация, осознаваемая нами как непроемкая. Наименования первичной номинации являются немотивированными. Отметим, что изначальные, или первичные, процессы номинации – крайне редкое явление в современных языках: номинативный инвентарь языка пополняется в основном за счет заимствований или вторичной номинации, т. е. «использования в акте номинации фонетического облика уже существующей единицы в качестве имени для нового обозначаемого» [Большой, 1998, с. 336].

Редкость наименований первичной номинации объясняется появлением их в достаточно древний период языка. Как правило, связь этимологического значения слова с образом, обусловившим его значение, со временем ослабевает или вовсе исчезает, также забываются мотивирующие признаки, теряется связь между значением и звуковой оболочкой. К наименованиям первичной номинации, иными словами, не мотивировочным названиям, утратившим свое первоначальное значение, относятся названия, которые в современном марийском языке рассматриваются как непроемкие: *мүй* ‘мед’, *мўки* ‘пчела’ [Словарь, 1998, т. 4, с. 117], *караш* ‘соты’ [Словарь, 1992, т. 2, с. 255], *вопи* уст. борть 1) ‘улей в дупле дерева или в специально выдолбленном в нем углублении’; 2) ‘дерево с дуплом, занятым пчелами’ [Словарь, 1990, т. 1, с. 285].

Вторичной номинации характерна опосредованность, которая определяется тем, что «именующий субъект руководствуется прежде всего смысловыми мотивами выбора тех или иных средств названия» [Языковая, 1977, с. 74]. Чаще всего номинация происходит по какому-либо признаку, поэтому вторичные наименования мотивированы. А. А. Уфимцева различает прямую и словообразовательную номинацию: «Наименование предметов происходит, прежде всего, через призму частей речи, вторично – в многочисленных производных» [Языковая, 1977, с. 56]. В них новое обозначается через уже хорошо известное. Признак, положенный в основу наименования, прозрачен, лежит на поверхности, поэтому можно с достаточной достоверностью говорить о мотивации наименования.

В слове как носителе значения и представителе мысли о предмете или явлении в разной степени сохранены следы его формирования и развития. Развитие слова осуществляется на всех уровнях: подвергается различным изменениям звуковая система, меняются морфологический состав и его семантика. Подавляющее большинство новообразований создается посредством тех словообразовательных способов и средств, которыми располагает тот или иной язык.

Наиболее распространенным способом словообразования в марийском языке является лексико-синтаксический, который представляет собой создание нового слова путем объединения в одно целое двух или более слов. Данным способом образуются парные, сложные и составные наименования. В образовании терминов пчеловодства наиболее часто встречаются названия, образованные на основе словосложения. В марийском языке сложные названия с существительными в форме основы представлены широко. В рассмотренном материале нами выявлены следующие термины, в основе номинаций которых указаны:

1) предназначенность того или иного предмета для кого-, чего-нибудь: *мўкипичы* г. ‘пасека; пчеловодческое хозяйство, место, где расположены ульи’ [Саваткова, 1981, с. 94], *мўкишотар* ‘пчельник, пасека; пчеловодческое хозяйство, место, где расположены ульи’, *мўкишувыр* ‘роевня; мешок для сбора пчелиного роя’ [Словарь, 1998, т. 4, с. 118];

2) целое части: принадлежность предмета кому-, чему-либо, второй элемент указывает на часть данного предмета: *вопшкандыра* ‘бортевая веревка, веревка, по которой поднимаются на дерево’ (< *вопи* ‘борть’ + *кандыра* ‘веревка’) [Словарь, 1990, т. 1, с. 285], *вопшкерем* ‘бортевая веревка; веревка, по которой поднимаются на бортовые деревья’ (< *вопи* ‘борть’ + *керем* ‘веревка’) [Иванов, Тужаров, 1971,

с. 36], *киерож* ‘леток (в улье)’ (< *кие* ‘леток’ + *рож* ‘дыра’) [Словарь, 1992, т. 2, с. 333], *мельжрож* ‘леток в улье-дуплянке’ (< *мельж* ‘покрышка улья-дуплянки’ + *рож* ‘дыра’) [Словарь, 1998, т. 4, с. 42];

3) предмет или материал изготовления: *мүйурва* ‘сыта’ (< *мүй* ‘мед’ + *урва* ‘сыта; вода, подслащенная медом или медовый взвар на воде’) [Словарь, 1998, т. 4, с. 117], *шорвагинде* ‘лепешка из медового сыта’ (< *шорва* ‘медовая сыта’ + *кинде* ‘хлеб’) [Марийско-русский, 1956, с. 720], *мүйшорвауст.* ‘сыта; вода, подслащенная медом или медовый взвар на воде’ сыта’ (< *мүй* ‘мед’ + *урва* ‘сыта; вода, подслащенная медом или медовый взвар на воде’) [Словарь, 1998, т. 4, с. 117], *мүйшудо* ‘клевер’ (< *мүй* ‘мед’ + *шудо* ‘трава’) [Словарь, 1998, т. 4, с. 117], *шарути* ‘сетка; головной убор с сеткой, защищающей от насекомых (обычно от пчел)’ (< *шар* ‘волос (в хвосте у лошади)’ + *ути* ‘шапка’) [Васильев, 1991, с. 402].

Среди лексики, связанной с промыслами, составные названия занимают значительное место. В специальной литературе их называют составные термины, составные названия, терминологические сочетания, терминологические обороты, терминологические фразеологизмы и т. д. В нашей работе мы будем пользоваться обозначениями «составные названия», «составные термины». Составные термины представлены двухкомпонентными и многокомпонентными единицами. В двухкомпонентных составных названиях в качестве определяемого компонента выступает существительное в номинативе единственного числа. В числе составных выделяются следующие термины, в основе номинаций которых указаны:

1) предназначенность того или иного предмета для кого-, чего-нибудь: *шынгаути* ‘сетка от пчел (мух)’ (< *шынга* ‘мошкара, муха’ + *ути* ‘шапка’) [Саваткова, 1981, с. 217], *мўкалак* ‘ложечка для меда’ (< *мүй* ‘мед’ + *калак* ‘ложка’) [Словарь, 1992, т. 2, с. 27], *мўкиомарта* ‘пчелиный улей; специальный ящик (или прежде выдолбленная колода) для пчел’ (< *мўки* ‘пчела’ + *омарта* ‘улей’), *мўкикомдо* ‘роевня; обтянутое холстом лукошко, в которое сажают пчелиный рой для пересадки в новый улей’ (< *мўки* ‘пчела’ + *комдо* ‘лукошко’) [Васильев, 1991, с. 198], *мўкикудо* ‘омшаник; отепленное помещение для зимовки пчел’ (< *мўки* ‘пчела’ + *кудо* ‘дом, изба’), *мўкипакча* ‘пасека, пчельник; пчеловодческое хозяйство, место, где расположены ульи’ (< *мўки* ‘пчела’ + *пакча* ‘огород’) [Васильев, 1928, с. 127], *мўкисемня* г. ‘пчелиная семья’ (< *мўки* ‘пчела’ + *семня* ‘семья’), *мўкиуля* г. ‘улей для пчел; специальный ящик (или прежде выдолбленная колода) для пчел’ (< *мўки* ‘пчела’ + *уля* ‘улей’) [Саваткова, 1981, с. 94];

2) целое части: принадлежность предмета кому-, чему-либо, второй элемент указывает на часть данного предмета: *вопшкерем* ‘веревка для влезания на бортовые деревья, бортовая веревка’ (< *вопш* ‘борть’ + *керем* ‘веревка’), *вопшпетыртыш* ‘покрышка борти’ (< *вопш* ‘борть’ + *петыртыш* ‘крышка’) [Васильев, 1991, с. 46], *йоктем рож* диал. ‘леток в бортовых ульях’ (< *йоктем* (самостоятельно не используется) + *рож* ‘дыра’), *карашшинча* ‘ячейки в сотах’ (< *караш* ‘соты’ + *шинча* ‘глаза’) [Словарь, 1992, т. 2, с. 254], *леток рож* ‘отверстие в улье, предназначенное для входа и выхода пчел’ (< *леток* ‘леток’ + *рож* ‘дыра’), *мўкишумдо* ‘пчелиное жало’ (< *мўки* ‘пчела’ + *шумдо* ‘ жало’) [МРС, 1991, с. 198], *омарта рож* ‘отверстия на улье’ (< *омарта* ‘улей’ + *рож* ‘дыра’) (Сурт пече), *уляляктем* ‘леток у улья’ (< *уля* ‘улей’ + *ляктем* ‘леток у улья’) [Саваткова, 1981, с. 78].

3) предмет или материал изготовления: *кашка омарта* ‘улей-колода; цельный долбленный улей, пень’ (< *кашка* ‘колода; короткое толстое бревно’ + *омарта* ‘улей’) [Словарь, 1992, т. 2, с. 285], *краж омарта* ‘колодный улей’ (< *краж* ‘кряж, кряжистое бревно’ + *омарта* ‘улей’) [Словарь, 1994, т. 3, с. 50], л. *мүйкараш*, г. *мўкярәш* ‘соты пчел, медовые соты’ (< *мүй* ‘мед’ + *караш* ‘соты’) [Словарь, 1994, т. 3, с. 50], *мүй ленеж* ‘медовая кадка; бочка с прямыми боками и одним днищем’ (< *мүй* ‘мед’ + *ленеж* ‘кадка’) [Словарь, 1994, т. 3, с. 50], *мүй нүрө* ‘медовуха’ (< *мүй* ‘мед’ + *нүрө* ‘брага’) [Словарь, 1994, т. 3, с. 50], *пеледышмүй* ‘цветочный мед’ (< *пеледыш* ‘цветок’ + *мүй* ‘мед’), *тистемүй* ‘липовый мед’ (< *писте* ‘липа’ + *мүй* ‘мед’) [СП– в сокращении газета Сурт-пече], *пундышомарта* ‘ульи-колоды из кряжа’ (< *пундыш* ‘пень, кряж’ + *омарта* ‘улей’) [Словарь, 1998, т. 4, с. 295].

В моделях *суц.* + *прич.* + *суц.* первый и второй компоненты определяют предназначение третьего компонента: *мўки ончымо паша* ‘пчеловодство’ (< *мўки* ‘пчела’ + *ончымо* ‘прич. от гл. *ончаш* ‘ухаживать, заботиться за чем-н.’ + *паша* ‘работа’) [Словарь, 1998, т. 4, с. 117], *мүй тулымо вочко* ‘медогонка’ (< *мүй* ‘мед’ + *тулымо* ‘прич. от гл. *тулаш* ‘качать, выкачивать’ + *вочко* ‘кадка, кадушка’) [Словарь, 2002, т. 7, с. 250], *мўкишиге оптымо комдо* ‘роевня; лукошко для собирания роя’ (< *мўкишиге* ‘пчелиный рой’ + *оптымо* ‘прич. от гл. *опташ* ‘класть кого-что-л.; укладывать, уложить’ + *комбо* ‘лукошко, ручная корзина из лубка или прутьев’), *мўкишиге кучымо шинчалык* ‘прибор для ловли роя’ (< *мўкишиге* ‘пчелиный рой’ + *кучымо* ‘прич. от гл. *кучаш* ‘ловить’ + *шинчалык* ‘очки’), *мўкишава петырыме лодак* ‘маточник для пчелиной матки’ (< *мўкишава* ‘пчелиная матка’ + *петырыме* ‘прич. от гл. *петыраш* ‘закрывать’ + *лодак* ‘колчан’), *мўкиш оптымо совла* ‘лопатка для снятия роя’ (< *мўкиш* ‘пчела’ + *оптымо* ‘прич. от гл. *опташ* ‘класть кого-что-л.; укладывать, уложить’ + *совла* ‘ложка’) [Васильев, 1928, с. 127].

Модели с первым компонентом-прилагательным, выражают признаки обладания чем-либо: *карашан раме* ‘рама с сотами’ (< *карашан* ‘с сотами’ + *раме* ‘рама’) [Словарь 1992, т. 2, с. 255]; *кярәшән*

мў ‘сотовый мед’ [Марийско-русский, 1956, с. 52]; *ирмўкиш* ‘дикие пчелы’ (< *ир* ‘дикий’ + *мўкиш* ‘пчела’) [Васильев, 1928, с. 56].

Единичными примерами представлены модель П + ИС: *солнышомўкиш* ‘привившийся рой’ (< *солнышо* ‘привой, привившийся рой’ + *мўкиш* ‘пчела’) [Марийско-русский, 1956, с. 537] и модель *суц.* + *прич.*: *мўкишончышо* ‘пчеловод’ (< *мўкиш* ‘пчела’ + *ончышо* ‘смотритель’) [Марийско-русский, 1956, с. 339], *мўй тулымо* ‘медогонка’ [Васильев, 1928, с. 126].

Помимо указанных способов словообразования для обозначения наименований, связанных с промыслами в марийском языке используется и лексико-семантический способ, который в языкознании определяется как образование слов в результате распада некогда многозначного слова на омонимы. Продуктивным способом в образовании названий, связанных с пчеловодством, является метафора – «перенос названия с одного предмета (явления действительности) на другой на основе сходства зрительных, слуховых восприятий эмоционально-психологических и вкусовых представлений, внутренних биологических особенностей, количественных и метрических свойств (размера, протяженности), сходства внешнего вида, формы, расположения в пространстве, функции и др.» [Стариченок, 2008, с. 305]. Способом метафоры образованы следующие названия: *солнышомўкиш* ‘привившийся рой’ – букв. ‘метающаяся пчела’, *четлык* ‘клетка для пчелиной матки; прибор, служащий для временного заключения (изоляции) матки в гнезде или для пересылки ее по почте’ (тюрьма; место содержания лишенных свободы; место заключения).

Немалое значение имеет метонимия, которая определяется как перенос наименования с одного предмета на другой предмет или явление, ассоциируемый с данными по смежности, сопредельности. Название может быть перенесено с действия на его результат, например: *леток* ‘леток – отверстие в улье для влета и вылета пчел’ < ‘желобок, в который мука течет из-под жернова’ (крылышко насекомого) [Даль, 1955, т. 4, с. 249], *пош* ‘дымарь (приспособление для окулирования пчел)’ < ‘печная труба, плетневая, камышевая, обмазанная глиною’ [Даль, 1955, т. 4, с. 507], *чужжик* разг. ‘брызгалка; опрыскиватель, пульверизатор и т. д.; приспособление для разбрызгивания жидкости’ (подражание звуку брызгания воды стружкой).

Некоторые названия лексики пчеловодства указывают на предназначение предмета к кому-, чему-либо: *шб́нгб́упиш* ‘сетка от пчел (мух)’, *мўкалак* ‘ложечка для меда’, *мўкишомарта* ‘пчелиный улей; специальный ящик (или прежде выдолбленная колода) для пчел’, *мўкишомдо* ‘роевня; обтянутое холстом лукошко, в которое сажают пчелиный рой для пересадки в новый улей’, *мўкишкудо* ‘омшаник; утепленное помещение для зимовки пчел’, *мўкиштакча* ‘пасека, пчельник; пчеловодческое хозяйство, место, где расположены ульи’, *мўкишсемня* ‘пчелиная семья’, *мўкишуля* ‘улей для пчел; специальный ящик (или прежде выдолбленная колода) для пчел’.

В составе названий, относящихся к лексике пчеловодства, можно выделить наименования по строению и структуре: *раман омарта* ‘рамочный улей; специально устроенный ящик для пчел, улей в виде ящика из досок’; *тангата уля* ‘борть; улей, выдолбленный в чурбане’.

Таким образом, лексическая группа наименований, связанных с пчеловодством, сформировалась в результате словообразовательных процессов (лексико-синтаксический, лексико-семантический способы) марийского языка.

Сокращения

Г. – горное наречие марийского языка, л. – луговое наречие марийского языка, уст. – устаревшее слово.

Библиография

- Блинова О. И. Явление мотивации слов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 191 с.
- Блинова, О. И. Лексикографическая параметризация метаязыка мотивологии // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: сб. ст. / под общ. ред. Л. М. Босовой. Барнаул, 2000. С. 33–40.
- Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
- Васильев В. М. Марий мутэр. М.: Центр. изд-во народов СССР. 1928. 347 с.
- Володина М. Н. Национальное и интернациональное в процессе номинации, М.: Изд-во МГУ, 1993. 112 с.
- Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (общие вопросы). М., 1977. С. 230–294.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. яз., 1955.
- Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971. 304 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Науч. изд-во «Больш. Рос. энц.», 2002. – 708 с.
- Марийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. яз. 1956. 863 с.
- Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В. Марла-рушла мутер =Марийско-русский словарь. 2-е изд., с изм. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 512 с.
- Саваткова А. А. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. 235 с.
- Словарь марийского языка: в 10 т. / сост. : А. А. Абрамова, Л. И. Барцева, В. И. Вершинин и др. Йошкар-Ола : Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 1990 – 2005.
- Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 811 с.
- Шмелев Д. Н. О третьем измерении лексики // Русский язык в школе. 1971. № 2. С. 9–10.
- Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Изд-во «Наука», 1977. 357 с.

К УТОЧНЕНИЮ СЦЕНАРИЯ ЧУВАШСКО-МАРИЙСКИХ КОНТАКТОВ

Аннотация. В работе на материале лексических заимствований обсуждаются чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Автор полагает, что многие проблемные моменты могут получить простое объяснение по результатам более широкого учета имеющихся чувашских и марийских диалектных данных и полной росписи имеющегося материала, установления свода правил фонетической адаптации, которые в ряде случаев вовсе не обязательно свидетельствуют о многослойности контакта, а могут быть объяснены исходя из дробления отражений под влиянием особого фонетического контекста; устранения лакун во внутренней реконструкции чувашского и марийского языков.

Ключевые слова: языковые контакты, чувашский язык, марийский язык.

A. V. Savelyev

TO THE UPDATE OF THE SCENARIO OF CHUVASCH-MARI CONTACTS

Abstract. In this paper the Chuvash-Mari language interrelations on the material of lexical borrowings are considered. The author believes that many problematic moments can be easily explained by the results of a wider consideration of the available Chuvash and Mari dialect data and the complete painting of the available material, the establishment of a set of rules for phonetic adaptation, which in some cases does not necessarily indicate a multilayered contact, but can be explained by the fragmentation of reflections under the influence of a special phonetic context; elimination of lacunae in the internal reconstruction of the Chuvash and Mari languages.

Keyword: language contacts, the Chuvash language, the Mari language.

1. Введение

Контакты между чувашским и марийским языком, а также их предками, имеют длительную историю изучения; в частности, этой теме посвящены специальные и ставшие классическими монографии М. Рясанена и М. Р. Федотова [Räsänen, 1920; Федотов, 1990]. Несмотря на постоянный интерес к проблеме чувашско-марийских связей со стороны исторических лингвистов и представителей смежных исторических дисциплин, многие ее стороны еще ждут адекватного объяснения. В междисциплинарном плане наличие сложных мест связано не только с недостатком письменных источников по ранней истории Среднего Поволжья и с некоторой шаткостью этноязыковых привязок археологических культур на собственно археологической почве, но и, вместе с тем, с исключительным богатством и разнородностью нуждающегося в анализе лингвистического материала. Только на лексическом уровне в упомянутой работе М. Р. Федотова учтены около 1500 чувашско-марийских сходжений (без учета совпадающих дериватов); по нашим подсчетам, даже после отсева из исходного списка явно ошибочных сопоставлений это число можно увеличить по меньшей мере до 2000 (таким образом, возвращаясь к более ранней оценке М. Рясанена). В то время как в подавляющем большинстве случаев речь идет о надежном заимствованиях из чувашского в марийский, а не наоборот, сам корпус чувашизмов в марийском очень не единообразен и, следовательно, не допускает простых сценариев контакта. Отсюда, собственно, и проистекают вопросы о количестве слоев заимствований, равно как и о числе задействованных в этом процессе болгарских → чувашских идиомов (как известных, так и, предположительно, иначе не зафиксированных), неизбежно возникавшие на протяжении всей истории изучения чувашско-марийских связей.

Ниже эти вопросы обсуждаются на материале лексических заимствований и в связи с той историко-культурной реальностью, которая составляла фон чувашско-марийских отношений. Предварительно нужно сделать две оговорки. Во-первых, я полагаю, что многие проблемные моменты могут получить простое и стройное объяснение по результатам более широкого учета имеющихся чувашских и марийских диалектных данных и полной росписи имеющихся материалов; установления непротиворечивого свода правил фонетической адаптации, которые в неочевидных случаях вовсе не обязательно свидетельствуют о многослойности контакта, а могут быть объяснены исходя из дробления отражений под влиянием особого фонетического контекста¹; устранения лакун во внутренней реконструкции чувашского и марийского языков. По крайней мере начало работы в этом направлении, как можно судить,

¹ В качестве примера того, как могут быть элиминированы «исключения» из обычных правил адаптации, приведем случай ЛМ *vuver*, ГМ *uver* 'ведьма, злой дух'. Обе формы заимствованы из чув. *vobâr* (низ. *vubâr*) 'злой женский дух (≈ Баба-яга)'. Татарская форма *ubir* 'вампир, оборотень' внешне очень похожа на горномарийскую и могла бы считаться ее источником, но татарское значение дальше от горномарийского, чем чувашское. Проблему как будто составляет *u* в обеих разновидностях марийского, поскольку регулярными отражениями чув. *o* (низ. *u*) в похожих случаях являются ЛМ *o*, ГМ *a*, ср. чув. диал. *vožax* >> ЛМ *vožak*, чув. *vožax*, чув. СЗ *vočak* >> ГМ *vacak* 'очаг' (при ПТю **očaq* ~ *ō-*) [Мудрак, 1993, с. 40–41]. Затруднение разрешимо, если учесть, что огубленный гласный в этом слове заключен в особую позицию между двумя губными согласными; типологически сужение в этом контексте было бы ожидаемым. Недостаток других примеров на такую адаптацию не является препятствием, поскольку сама последовательность чув. *vob-* >> мар. **vov-* > **vuv-* уникальна для обоих языков (производящая основа восходит к ПТю **o:p-* 'сосать', ср. другое производное чув. *vop-kân* 'водоворот; прожорливый дух'; рефлексy иных пратюркских основ с начальным сочетанием **o:p-* в чувашском не сохранились). В горномарийском начальнyй губной, как и в луговом, повлиял на качество гласного, но затем отпал из-за запрета на последовательность **vuv-* по фонотактике.

позволяет объяснить случаи особых псевдо-соответствий между чувашским и марийским, избегая гипотез о заимствовании в марийский из разнообразных «неизвестных болгарских диалектов»; слабость таких гипотез – в очень нежестких методологических ограничениях (потенциально можно предложить для объяснения сложных случаев множество исчезнувших диалектов-доноров с альтернативным известным идиомам развитием фонетики, ограниченным лишь фантазией исследователя и, в лучшем случае, его представлениями о допустимом в типологии звуковых переходов). Во-вторых, эта статья имеет историко-лингвистический фокус, а данные других наук привлекаются в меньшей степени. Ясно, что в будущем при разработке вопросов, связанных с изучением этнической (пред)истории чувашей и марийцев (и в целом народов Среднего Поволжья), необходимо двигаться по пути верификации и дальнейшей интеграции данных разного происхождения в рамках междисциплинарных исследований.

2. Проблема ранних контактов

Не вдаваясь в подробности дискуссии о раннем этногенезе марийцев, скажем, что в интересующий период (последние века I – начало II тыс. н. э.) марийская история была тесно связана с районом Марийско-Чувашского Поволжья (т. е. прежде всего с Ветлужско-Вятским междуречьем на левой стороне Волги и с нижним Посурьем – на правой). В этой связи основной интерес представляет правобережная часть этого ареала, северная половина Чувашии, как географически более очевидный кандидат на включение в раннюю контактную зону с пришельцами с юга. Эти земли традиционно считаются входящими в ареал раннего расселения марийцев, а лингвистическим свидетельством в пользу этого является отмечаемый на севере Чувашии мощный пласт субстратной марийской топонимики. Он достаточно хорошо изучен (см., например: Федотов, 1990, с. 10–18), и интерпретация топонимики севера Чувашии как марийской сомнению, как правило, не подлежит. Недавно О. В. Смирнов (2015) представил заслуживающий внимания подсчеты, согласно которым именно в Чувашии наблюдается наибольшее средоточие марийских топонимов из всех территорий за пределами Марий Эл. Оппонируя западной версии происхождения марийцев [Напольских, 1997, с. 43; Казанцев, 1985, с. 56] и отмечая при этом особый архаизм марийских названий в Чувашии (который, впрочем, не кажется бесспорным), О. В. Смирнов включил территорию Горномарийского района Марий Эл и север Чувашии в состав предполагаемой марийской прародины на правах ее юго-западной оконечности.

Среди в разной степени правдоподобных датировок начала болгарского заселения Волжско-Камского бассейна VIII в. н. э. является медианной и, видимо, наиболее обоснованной [Zimonyi, 1990, с. 180; Казаков, 1997, с. 36]. Двигаясь на север со стороны южнорусских степей, болгары поднялись вверх по левому берегу Волги и обосновались в районе Волжско-Камского междуречья. В X в., после прекращения зависимости болгар от Хазарского каганата, эти земли составили ядро созданного Волжско-Камского государства. Марийцы получили в этом образовании статус федератов; однако, сопутствующее таким отношениям взаимодействия вовсе не обязательно предполагают такую интенсивность, которая могла бы отразиться в языке. В связи с последним моментом основное значение приобретает вопрос о времени болгарского заселения Чувашского Поволжья, где можно было бы ожидать прямых и насыщенных контактов болгар с мари. Согласно распространенной точке зрения, в домонгольский период, начиная с IX в., можно надежно говорить только об интенсивном болгарском заселении бассейна Свияги в лесостепной юго-восточной Чувашии [Третьяков, 1948, с. 58–62; Руденко, 2005, с. 7]. Если и ассоциировать с этим периодом начало контакта болгар и марийцев, занимавшими север и в особенности северо-запад Чувашии, то он мог носить характер слабоинтенсивного взаимодействия, скажем, в связи с товарным обменом. Среди марийского населения на севере Чувашии могли стоять отдельные болгарские пушные фактории, в то время как юго-восток находился в районе важных торговых путей [Федоров-Давыдов, 1958, с. 223–224]. Точка зрения о более широком продвижении болгар в северо-западном направлении еще в домонгольское время высказывалась неоднократно [Смирнов, 1957; Смирнов, 1962; Димитриев, 1957, с. 102–103; Каховский, Смирнов 1972; Каховский 1980], но широкой поддержки не получила. Скептический взгляд на хронологию болгарского заселения северной части Чувашии относит его начало уже к послемонгольскому времени, предположительно, XIII–XIV вв.

Как эти сведения соотносятся с данными лингвистики? Мы имеем представление о волжско-болгарском языке и, в частности, о его фонетике благодаря заимствованиям в древнерусский и пермские языки (прежде всего, удмуртский), а также арабографическим эпитафиям XIII–XIV вв. Кроме того, и это наиболее информативный источник, волжско-болгарская фонетика реконструируется как промежуточное звено благодаря сопоставлению, с одной стороны реконструированной праторкской фонетики и затем ранних болгарских данных, известных по заимствованиям в венгерский, а с другой стороны – чувашского материала последних веков [Мудрак, 2002]. При этом, однако, хронология перехода

от волжско-булгарского состояния к чувашскому, предполагающая серьезные фонетические изменения, оставляет некоторое пространство для разночтений. Судя по ранним – и очень скудным – фиксациям чувашских слов в русских документах [Димитриев, 1981], в XVI в. перед нами представлен уже чувашский язык современного типа, то есть большинство изменений от одного состояния к другому уже произошло. Нижнюю же границу этого перехода можно было бы условно задавать временем эпитафий (1281/1282–1361 гг. [Erdal, 1993, с. 10–11]), но чувашские данные не обязательно напрямую выводить из их материала ввиду известных различий между устными формами языка (которые и участвуют в отношениях «предок – потомок») и письменными (последние могут отражать более архаичные стадии языкового развития). Кроме того, в принципе нельзя исключать ощутимых диалектных различий на поздневолжско-булгарском уровне, при которых непосредственный предок чувашского не был идентичен диалекту, на основании которого сложилась норма эпитафий [Рорре, 1924, с. 775]. Надо думать, за отсутствием надежных свидетельств все же нежелательно расширять время возможного расхождения языка эпитафий и более инновационного «древнечувашского» вглубь домонгольского периода (раньше середины XIII в.). В целом, пока не доказано обратное, нет оснований говорить об ощутимой диалектной раздробленности волжско-булгарского языка в эпоху до завоевания¹.

Таким образом, поиск раннего пласта булгаризмов в марийском должен исходить из известной системы волжско-булгарской фонетики. Хотя такой поиск представляется перспективным, существующие попытки, как правило, также в разной степени ненадежны², а следующий – более чем уверенный – пласт заимствований связан уже с другим, послемонгольским этапом.

3. Основной пласт заимствований

3.1. Сценарий контакта.

Основной слой заимствований булгарского типа в марийском отражает фонетику где-то на стыке между поздним волжско-булгарским и современным чувашским состоянием: еще **ɲ* < ПТю **ɲ* на месте *n* и *m* современного чувашского; отражаемый передний ряд основы при ПТю **e* > чув. *a*; но уже сибиллянт на месте ПТю **j* > булг. *ǰ* и т.д. Учитывая историю чувашской фонетики, можно датировать этот слой в примерном диапазоне конца XIII (скорее XIV) – XV вв., ассоциируя его с массовым переселением булгар в лесные районы Чувашско-Марийского Поволжья в связи с послемонгольским разорением лесостепных районов на юго-востоке.

¹ Попытки выделения особых булгарских диалектов, существование которых подтверждается очень небольшим числом примеров, популярны, но обычно не очень убедительны. Так, А. Рона-Таш [Róna-Tas, 1988, с. 761] полагает, что чув. *čakan* ‘рогоз, палочник’ заимствовано из незафиксированного булгарского диалекта, где ПТю **j* > *č*-, в то время как собственно чувашское развитие представлено в виде заимствования в удм. *šakan* ‘рогожа’. Однако, как правильно указано в EDAL [Starostin et al. 2003, с. 440], здесь представлены разные праторские основы, хотя и не избегающие контаминации значений. ПТю **čjeken* отражено в чув. *čagan* и, например, в кирг. *čeken* ‘рогоз широколистный’; поздняя булгарская → ранняя чувашская форма типа **čäkän* была также заимствована, судя по вокализму, в тат. *čäkän*, башк. *säkän* ‘початок’ (в волжско-кыпчакских ожидался бы *i* в первом слоге исконной основы), а собственно чувашская – в рус. *чакан* ‘рогоз’ [Фасмер, 1964–1973, т. 4, с. 312]. Несохранившийся рефлекс ПТю **jeken* (ср. карах.-уйг. *jiken* ‘тростник, из которого делают циновки’, туркм. *jeken* ‘рогоз’, тат. *žikän* ‘рогоз, камыш’ и др.) в чувашском был заимствован в удм. *šakan*. К. Адягаши [Agyagási, 2007, с. 27] пишет, что одна из волжско-булгарских эпитафий содержит параллельный текст между волжско-булгарскими «*j*-диалектом» и «*š*-диалектом», но это единственное слово, персидское (!) имя *Šeker* ~ *Ĵeker*, вариативность написания которого, как верно заключает М. Эрдаль [Erdal, 1993, с. 129], не может давать повод для постулирования *š* в волжско-булгарском. Присутствие *š* в якобы ранних булгаризмах прапермского [Róna-Tas, Berta, 2011, с. 1089–1090] не вполне надежно, поскольку это могут быть и поздние булгаризмы удмуртского с дальнейшим заимствованием из удмуртского в коми. Часто цитируемые в связи с вопросом об «*š*-диалекте» булгаризмы венгерского, будто бы отражающие ПТю **j* как *sz*- в противовес значительно более частотному *gy*-, во-первых, частично имеют хорошие альтернативные этимологии, а во-вторых, не относятся прямо к волжско-булгарскому материалу и могут объясняться с привлечением дунайско-булгарских данных [Дыбо, 2007, с. 30–31].

² Так, К. Адягаши [Agyagási, 2005] предполагает заимствование мар. диал. *šärčä* ‘бусы’ из булг. **širčä*, а наличие в чувашском наряду с *šärčä* форм типа *šärča* объясняет заимствованием в чувашский из какого-то параллельно существовавшего булгарского диалекта. Однако чув. *šärča*, как видно в аттестации СЧЯ [Ашмарин, т. 17, с. 342], – это форма северо-западного диалекта, а в нем сохранение аффрикат в сочетании с сонантом регулярно (ср. пример с другим сонантом: архаичное чув. СЗ *min-če* ‘сколько’ при общечув. *miže*). Таким образом, нет нужды постулировать приведенный усложненный сценарий, мар. *šärča* – позднесредневековое заимствование из северо-западного чувашского, одно из многих (см. раздел 4). Ю. В. Норманская [Норманская, 2008, с. 164, 173–174] выделяет «ранние булгарские заимствования» в марийском, в частности, на основании двух предлагаемых случаев адаптации ПТю **j*- как *š*- в марийском (постулируется булг. *ž*). Один из этих примеров, ПМар **süðär* ‘звезда’, оставляет при сравнении с ПТю **jul-dur* > чув. *šä'ldä'r* тж неразрешимые вопросы и по консонантизму (-*ld*- > -*ð*-?), и по вокализму (смена ряда по неясным причинам). Это слово следует относить к числу ранних иранизмов в марийском, как правильно указано у Д. Е. Казанцева [Казанцев, 1985, с. 64], ср. перс. *sitāra*, согд. *stāri*, пам. *sator* тж и др. Другое слово, ЛМ *šüt-lä* ‘продырявиться’, неправильно сравнивается с чув. *šät*- ‘рвать’ (ПТю **jirt*-), надо: чув. *šät*- ‘продырявиться’. Для еще трех слов предполагается раннебулгарское происхождение на основании «соответствия» ЛМ *k*- ~ ГМ *x*-, но все эти случаи с ЛМ *k*- отражают не булгаризмы, а более поздние кыпчакизмы: ЛМ *kolko* ‘поплавок’ << кыпч. **qalqa*, видимо, через посредство чув. *xolka* (кыпчакизм по геминате), ЛМ *kijak* ‘осока’ << кыпч. **qijaq* тж, ЛМ *kula* ‘саврасый’ << кыпч. **qula* тж.

Какие именно идиомы были участниками контакта? С чувашской стороны – не исключено, что пра-чувашский на раннем этапе, но позже скорее общечувашский, т.е. общий предок верховых и (средне)низовых говоров (см. о различии «прачувашского» и «общечувашского» ниже в разделе 4). С марийской стороны – на раннем этапе – прамарийский, судя по тому, что многие чувашизмы представлены во всех марийских говорах и демонстрируют при этом между говорами соответствия, типичные для исконной марийской лексики. Позднее, как можно судить по нереконструируемости прамарийской формы в части случаев, имели место сепаратные контакты с разделившимися горномарийским (и близкородственным северо-западным наречием марийского) и луговомарийским. Такая хронология и периодизация основного пласта чувашско-марийских контактов практически совпадает с точкой зрения А. Рона-Таша [Róna-Tas, 1988, с. 770–771] о двух слоях заимствований (XIII–XIV в. и после XIV в.).

Реконструкция событий усложняется при попытке совместить лингвистические данные и сведения археологии о миграциях в Марийско-Чувашском Поволжье в до- и послемонгольский период. Участие прамарийского языка¹ в послемонгольских контактах как будто несовместимо с археологическими сведениями, согласно которым к началу нашествия марийцы населяли уже достаточно обширные территории как по левому, так и по правому берегу Волги и даже успели разойтись на характерные этнографические группы [Никитина, 2003]. Чтобы примирить эти сценарии, видимо, придется допустить асимметрию между историческими и лингвистическими данными, а именно: среди различных марийских диалектов, появившихся в ходе ранних переселений мари, по результатам монгольского нашествия и последующих катаклизмов выжил один, который и стал предком современных марийских диалектов (собственно прамарийский). Остатки близкородственных этому диалекту идиомов могли быть в итоге ассимилированы им по модели диалектного сдвига.

Остается вопрос об исходном ареале существования этого марийского диалекта-основы и о более точной локализации контактов с чувашским. Теоретически можно обсуждать два основных варианта: (1) проживание лингвистических прамарийцев на севере Чувашии; их булгаризация, остановившаяся в двух шагах от полной смены языка; переселение на левый берег с дальнейшей ассимиляцией всех прочих (пара-марийских) вариантов; (2) проживание прамарийских носителей на левом берегу Волги; прибытие группы булгар, спасавшихся от монгольского нашествия; булгаризация марийцев в результате культурного доминирования пришельцев; в конце концов, ассимиляция немногочисленной булгарской элиты местным населением (по модели, например, ассимиляции дунайских булгар славянами). Оба сценария кажутся достаточно правдоподобными. Так, в сценарии (1) все перечисленные события имеют дополнительные подтверждения. Известно, что после начала булгаризации марийцы Чувашии отчасти были ассимилированы пришельцами, в результате чего образовался (относительно незначительный, вопреки распространенному заблуждению) марийский субстрат в чувашском. Другая, основная часть марийского населения правобережья примерно в XIV в. переселилась на левый берег [Никитина, 2003, с. 237]. Память об этом сохранилась как в марийских [Рычков, 1887, с. 127], так и в чувашских [Димитриев, 1957, с. 105] преданиях. Сценарий (2) имеет археологическое подтверждение: действительно, судя по погребальному обряду могильников и новой керамике, в XIII в. наблюдается миграция части булгарского населения в зону Марийского Поволжья, которая привела к изменениям в хозяйстве местного населения [Никитина, 2003, с. 237]. Впрочем, эти же данные отрицают возникновение прочных этнических связей между булгарами и мари в Марийском Поволжье, а эти связи были бы, наверное, неизбежны при таком типе контакта, о котором идет речь в разделе 3.2.

Эти два сценария не исключают друг друга не только исторически, но и лингвистически, хотя при воссоединении двух групп мари с, предположительно, булгаризированными языками один из них, видимо, должен был бы одержать верх. В действительности сценарий взаимодействия был, очевидно, несколько сложнее этой схемы. Более надежная и подробная картина может быть получена по мере прогресса в каждой из задействованных дисциплин; что касается лингвистики, речь идет, в частности, о дальнейшем развитии культурной реконструкции.

¹ Поздний распад прамарийского языка проистекает из близости марийских диалектов, которая может быть подтверждена и количественными методами. Хотя полноценная диалектометрия применительно к марийскому материалу – дело будущего, отметим, что на материале 50 наиболее стабильных элементов списка базовой лексики [Leipzig-Jakarta list, Haspelmath, Tadmor, 2009], между луговым и горным марийским не обнаруживается ни единого различия (подсчет предусматривает исключение очевидных поздних заимствований). При всех возможных погрешностях такого сравнения, распад прамарийского сопоставим по времени и, видимо, должен был произойти не раньше, чем распад восточнославянских языков (XIV–XV в., по А. А. Зализняку). В последних на том же материале отмечается одна замена по линии русский vs. белорусский-украинский и еще одна по линии украинский vs. русский-белорусский (я благодарен А. Федоринчику как информанту за возможность оперативно получить справку по этому поводу).

3.2. Культурная реконструкция.

О степени культурного воздействия чувашей на марийцев можно судить на основании колоссального числа и разнообразия лексических заимствований. Это влияние выходит далеко за пределы в узком смысле «культурной» лексики и охватывает практически все, в том числе на первый взгляд достаточно неожиданные, семантические поля. Д. Е. Казанцевым [Казанцев, 1985б с. 87–91] представлены некоторые фрагменты культурной реконструкции по данным чувашско-марийского языкового контакта; ее можно дополнить и детализировать на основании более полного корпуса привлекаемых материалов. (Ввиду обзорного фокуса данного раздела и объема материала ниже на каждую сферу взаимодействия приводятся только отдельные примеры релевантных для культурной реконструкции значений, но не самих форм.)

При измерении степени влияния в разных областях подсчет заимствований в конкретном семантическом поле, естественно, мало что дает, поскольку число лексем в языке, принадлежащих к различным полям, может сильно варьироваться. Более информативно сравнивать по отдельным полям число чувашизмов в отношении к «дочувашской» марийской лексике, под которой понимается исконная лексика и ранние заимствования из (индо)иранских, пермских и других языков; также в нее с известными оговорками включена неэтимологизированная лексика.

Радикальное преобладание чувашской лексики над дочувашской наблюдается в сферах социальных отношений, архитектуры и сельского хозяйства. В рамках социальной лексики были условно учтены массовые заимствования (не менее 300 заимствованных единиц) в терминологии политики ('вождь', 'война'), религии и мифологии (названия праздников, духов), товарно-денежных отношений ('деньги', 'долг'), работы и досуга ('помочи', 'отдыхать'), родства ('семья', 'жена'), а также социально важных характеристик человека ('бойкий', 'забитый'). Таким образом, заимствования охватывают весь спектр социальных отношений от уровня государственной организации до семейных отношений и повседневной жизни отдельного человека. В историческом плане такой набор заимствуемых семантических полей соответствует политическому, экономическому и культурному доминированию носителей языка-донора. Можно полагать, что это доминирование было унаследовано чувашами с эпохи независимости Волжской Булгарии, где их предки составляли политическое, экономическое и культурное ядро. В послемонгольскую эпоху это доминирование стало ярко сказываться на языковом уровне ввиду непосредственного и повседневного взаимодействия двух народов, проживавших чересполосицей и совместно, вплоть до смешанных браков.

Заимствованная лексика зодчества (не менее 80 терминов) также охватывает очень широкий разброс значений, начиная от материалов ('доска') и инструментов ('ножовка', 'гвоздь') и заканчивая готовыми сооружениями. Последние охватывают уровни элементов дома (печь и ее детали, 'сени'), подсобных помещений и технических сооружений ('колодец'), отдельного хозяйства ('дом с надворными постройками') и целого поселения ('деревня', 'укрепленное место', 'крепость', 'город'). По-видимому, такой спектр указывает не просто на доминирование в технологиях, но и на привнесение чувашами на новые территории элементов более развитой городской культуры.

Заимствованная лексика животноводства (около 100 терминов) в особенности насыщена терминами коневодства ('взбеситься (о лошади)'), детали упряжи), а также свиноводства ('свинья'), разведения крупного и мелкого рогатого скота ('теленки', 'овца'). Ожидаемо почти нет параллелей в лексике, связанной с кошкой и собакой, а также с пчелами (марийцы с древности занимались пчеловодством и поставляли мед и воск на болгарские рынки [Руденко, 2007, с. 69]). В лексике земледелия (не менее 60 терминов) центральное место занимает полеводство (в особенности зерновое) – заимствования связаны с полевыми культурами ('полба', 'горох'), технологиями ('сев', 'борона'), названиями мер земли, частями злаков ('охвостье', 'ость'), состоянием и качеством зерна ('ядреный', 'неналитой'). Предки марийцев познакомились с основами земледелия и животноводства еще до контакта с булгарами → чувашами, в результате ранних связей с (индо)иранскими и затем среднеиранскими («аланскими» ≈ древнеосетинскими) группами, но столь массивное заимствование из чувашского, очевидно, должно свидетельствовать об усвоении качественно новых сельскохозяйственных технологий. Наверное, прав был Д. Е. Казанцев [Казанцев, 1985б с. 87], связывая этот момент с переходом марийцев от более примитивных форм производящего хозяйства к пашенному (плужному) земледелию и стойловому скотоводству, хотя по приводимым им археологическим данным начало этой трансформации и датируется несколько более ранним временем (XI в.)¹.

¹ По Е. П. Казакову [Казаков, 1997, с. 38], развитое земледелие было принесено в Булгарию новой волной переселенцев юга, относившихся к «черным болгарам», в 60-е гг. X в.

Разряд семантических полей, где наблюдается примерное равновесие между чувашской и дочувашской лексикой марийского языка, представлен, в частности, ремесленным производством. Заимствованы целые группы слов, связанных с ткацким делом ('скальница', 'бердо'), металлургией ('сталь'), ювелирным делом ('зеркало'), производством емкостей ('долбленое корыто'), деталей транспорта ('кресла у саней'), рыболовных снастей ('бредень'). Более высокий удельный вес дочувашской марийской лексики в сфере ремесла по сравнению с предыдущим разрядом не вызывает удивления, учитывая старые ремесленные традиции у финно-угорского населения Волжской Булгарии [Руденко, 2007, с. 45–68].

Очень значительно присутствие чувашской лексики (хотя она и уступает в объеме дочувашской) в одном из тех семантических полей, которые обычно слабо проницаемы для суперстратных заимствований, – речь идет о названиях неодамашненных животных и растений. В большей степени это касается названий насекомых и зверей, в меньшей – птиц, рыб и растений. В этом слое «некультурной» лексики марийский заимствовал, прежде всего, «культурные» слои, т.е. названия тех животных и растений, которые являются спутниками человеческой цивилизации или имеют для человека определенное значение. Так, среди насекомых в заимствованиях фигурируют 'муха', 'сверчок' и 'глиста' как «домашние» насекомые. Среди зверей – 'хомяк' и мелкие куньи как виды, сопутствующие сельскому хозяйству; 'бобр' как ценный объект товарного обмена. Среди птиц, помимо общего названия птицы (как «абстрактного» понятия?), – виды, живущие в поселениях ('ворона', 'воробей'), дневные и ночные хищники как спутники сельского хозяйства. Среди диких растений – опять же, виды, характерные для поселений и/или используемые в хозяйстве ('ива', 'хвоц' – производное от 'подметать пол' в чувашском, 'камыш', 'тростник'), съедобные виды ('борщевик'), сорняки ('бодяк'). Особенно интересно наличие в этом списке названий рыб ('стерлядь', 'судак', 'окунь', видимо, также 'язь' и 'ерш'). Заимствование в ситуации культурного доминирования пришлого народа таких слов, которые, наоборот, обычно попадают в качестве субстрата в язык пришельцев, само по себе неожиданно и, более того, как будто противоречит историко-культурному контексту. Рыбная ловля играла менее важную роль в жизни чувашей, чем марийцев, которые к тому же были известны как поставщики рыбьего клея на рынки Булгарии (там же: 69). Но на подверженность этой сферы внешнему влиянию указывают также и заимствования чувашских терминов рыбной ловли, и более поздние татаризмы ('щука'). Поэтому приходится думать о каких-то ограничениях в связи с рыболовством у марийцев. Поскольку заимствованы названия крупных рыб и/или видов, предпочитающих жить на глубине, а названия мелких рыб в марийском принадлежат к дочувашскому пласту, то можно предположить, что в период до контакта марийцы ловили рыбу в основном по речкам и ручьям вдоль берега Волги, в то время как рыбалка на самой Волге была перенята ими вместе с более совершенными снастями уже в результате булгаризации. Такой сценарий находит замечательную археологическую параллель в указании Е. П. Казакова [Казаков, 1997, с. 40] на то, что финно-угры избегали ставить свои селения на Большой Волге из-за рисков речного пиратства, предпочитая вместо этого протоки в некотором отдалении от русла.

Наконец, есть семантические поля, где чувашизмы в марийском серьезно уступают в числе «дочувашской» лексике, хотя и там их присутствие заметно. Это сферы, в наибольшей степени ассоциирующиеся с «базовой» лексикой, как то: тело человека, объекты естественного окружения и природные явления, понятия о времени.

4. Северно-западный диалект чувашского языка и его влияние на марийский

Как сказано выше, источником основного пласта чувашских заимствований в марийском был общий предок верхового и низового диалектов, который можно назвать общечувашским. В позднюю эпоху, см. раздел 5, также могло иметь место влияние на марийский со стороны уже отделившегося верхового диалекта. Однако есть еще один чувашский идиом, роль которого в контактах и, в целом, в истории чувашского языка остается недооцененной – так называемый северо-западный диалект (термин О. А. Мудрака).

Речь идет о говорах крайнего северо-запада Чувашии (часть бывшего Козьмодемьянского уезда Казанской губернии), своеобразии которых привлекло внимание еще Н. И. Ашмарина [Ашмарин, 1898, с. 344–392]. Сейчас они наиболее ярко представлены речью пожилых жителей с. Малое Карачкино Ядринского района Чувашии, но еще недавно их черты были живы и в соседних селениях. Несколько веков назад эти говоры занимали еще более широкую территорию на северо-западе Чувашии, но, судя по субстратным изоглоссам в верховом диалекте, были им ассимилированы [Мудрак, 1993, с. 10–11]. В остаточном виде данные этого диалекта также зафиксированы в чувашских старописьменных памятниках XVIII–XIX в. [Савельев, 2014, с. 299–300; Савельев, 2016, с. 90–91]. Материалы совместных экспедиций Института языкознания Российской академии наук и Чувашского государственного института гуманитарных наук в 2009 и 2011 гг. свидетельствуют о том, что носители малокарачкинского говора

тоже начали переходить на верховой диалект, но при конфликтующих изоглоссах вполне опознаются те, что отражают собственно северо-западное развитие.

К упомянутой же монографии Н. И. Ашмарина восходит традиция объяснять особый облик чувашских северо-западных говоров массивированным поздним влиянием со стороны непосредственно контактирующих с ним горномарийских говоров. В связи с этим на протяжении XX в. историческая обособленность северо-западных говоров отрицалась; они рассматривались в составе так называемых сундырских говоров верхового диалекта.

Марийское влияние на северо-западные говоры чувашского языка действительно сложно отрицать. В них есть некоторое число надежных сепаратных, т.е. отсутствующих в верховом диалекте, марийских заимствований (например, чув. СЗ *vədəške* ‘отсыреть’ < ГМ *vədəžyä* – тж, производное от ГМ *vəd* ‘вода’). Известная конвергенция северо-западной чувашской и горномарийской фонетических систем также может быть отчасти объяснена влиянием последнего, хотя в некоторых моментах можно предполагать и обратное воздействие. В историко-культурном плане на возможный марийский субстрат в северо-западном чувашском также указывает свидетельство Н. И. Ашмарина об обычае местных чувашей брать в жены мариек. Этот субстрат, однако, не способен объяснить наиболее яркие черты северо-западного чувашского, проявляющиеся на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях. Отчасти это характерные инновации, а отчасти здесь отражается особо архаичная «до-чувашская» – т.е. предшествующая общечувашскому состоянию – стадия, что привело О. А. Мудрака [Мудрак, 1993, с. 9–11] к выводу об особом статусе этого диалекта.

В связи с вопросом о стратификации чувашских заимствований в марийском первоочередное значение имеет уровень фонетики. Что касается этого, то одной из наиболее характерных особенностей чувашских северо-западных говоров является отражение *ɛ* (закрытого *e*) на месте общечув. *i*. Это очевидным образом не инновация, поскольку чув. СЗ *ɛ* почти всегда соответствует только одному источнику общечув. *i*, ПТю **ɛ*, но не другим. Ср. случаи:

общечув. *ilt-* ~ чув. СЗ *ɛlt-* ‘слышать’ (ПТю **ɛlit-*), общечув. *kirlä* ~ чув. СЗ *kɛrlä* (ПТю **gɛr-*), общечув. *tirä* ~ чув. СЗ *tɛrä* ‘кожа, шкура’ (ПТю **deri*), но

общечув. *šillen-* ~ чув. СЗ *šilän-* ‘сердиться’ (ПТю **jüjl-*, о реконструкции дифтонга **ij* см.: Мудрак 1993, с. 66), общечув. *tiya* > *tiyä* ~ чув. СЗ *tiyä* ‘жеребенок’ (ПТю **tajkak*), общечув. *kil-* ~ чув. СЗ *kil-* ‘прийти’ (ПТю **gejl-*)¹.

Еще один примечательный архаизм северо-западного диалекта заключается в сохранении основ трехсложной структуры с конечным редуцированным. В общечувашском такая структура, как правило, запрещена; исключения составляют случаи типа *tä^wvattä* ‘четыре’ (исторически двусложная основа, поскольку сочетание *-ä^wva-* восходит к ПТю **ō*; ПТю **dörtä*, см. о реконструкции **-ä* ниже) и *xoraldä* ‘здание’ (заимствование из кыпч. *qaraltı* ‘надворная постройка, здание’). В общечувашском в ряде основ старый редуцированный отражается в особых формах принадлежности, ср. общечув. *mäjâr-ə* POSS.3 наряду с *mäjâr-i* POSS.3 ‘его орех’ при *mäjâr* ‘орех’; вторая форма, указывающая на исходный вид основы типа *mäjârä*, сохранилась в идиоматических сочетаниях (названия орехов).

В северо-западном чувашском конечный редуцированный в таких словах остаточно сохраняется, хотя из-за последующих очень характерных для этого диалекта стяжений основа часто все же приобретает двусложный вид, ср. прачув. **ajägä* > общечув. *ajäk* ~ чув. СЗ *ajyä*, POSS.3 *ajyi* ‘бок’ (ПТю **ejekü*), прачув. **jivâr* > общечув. *jivâr*, чув. СЗ *jurä* ‘тяжелый’ (ПТю **iagira*), прачув. **mäjârä* > общечув. *mäjâr*, чув. СЗ *mürä*, POSS.3 *müri* ‘орех’ (ПТю **boñ-uRu-urä*), прачув. **šävärä* > общечув. *šävär*, чув. СЗ *šürä* ‘острый’ (ПТю **si:brı*). В части приведенных случаев изначально трехсложная структура в чувашском подтверждается конечным узким гласным в стандартно-тюркских языках, отраженным в пратюркской реконструкции. В других примерах редуцированный в чувашском соответствует нулю в общетюркском; вслед за А. В. Дыбо и О. А. Мудраком [Дыбо, Мудрак, 2006, с. 48–56] мы восстанавливаем для таких случаев ПТю **-ə²*. Ср. в связи с этим очень показательный случай общечув. *xä^wlat* ~ чув. СЗ *xä^wladä* ‘коршун’. В северо-западном чувашском видим трехсложную структуру, синхронно никак не мотивированную; более того, первичность северо-западной формы по отношению к общечувашской подтверждается формой источника этого слова,

¹ На сужение *ɛ* > *i* в северо-западном чувашском при пратюркском дифтонге, восстанавливаемом на основе особого соотношения огузских, халаджских, якутских и общечувашских данных, указала мне А.В. Дыбо; о реконструкции **ej* в слове ‘прийти’ см.: Дыбо 2007: 55–56.

² Строго говоря, в случаях чув. СЗ *jurä* ‘тяжелый’, *mürä* ‘орех’ можно было бы предложить традиционное для чувашской диалектологии объяснение через метатезу без постулирования первоначальной основы с конечным редуцированным (*jivâr* > *jivrä* > *jurä*, *mäjâr* > *mäjrä* > *mürä*), но это избыточное объяснение перед лицом более общего явления, а именно частотного и хорошо известного соответствия между чув. *-ä^w/-ə* в ауслауте и общетюркским нулем (ср., например, чув. *porä* ~ общетюрк. **bör* ‘мел’). Редуцированный в чувашском не объясним исходя из позиционного контекста, а попытки объяснить его появление «аналогией» (см. об этом, например: Левитская, 2014, с. 105), почему-то подействовавшей только на отдельные основы, неудачны. Поэтому приходится считать чувашский редуцированный архаизмом и возводить его на пратюркский уровень.

именно, ср.-монг. *quladu*. Можно констатировать, что заимствованная в поздний волжско-булгарский форма дала прачув. *xǎ^wladь, сохранившееся в неизменном виде в северо-западном диалекте, но сократившееся до двусложной основы в общечувашском.

Эти и другие факты языка (особо архаичные парадигмы в глагольном спряжении [Мудрак, 2002, с. 711]; наличие в базовой лексике неизвестных другим чувашским говорам исконных слов, ср. чув. СЗ *tört* ‘спина, в том числе человека’ при общечув. *türt-ləx* ‘чересседельник’ [Мудрак, 1993, с. 95]) подтверждают необходимость пересмотра традиционной классификации чувашских диалектов (верховой vs. низовой диалект) в пользу первичного деления прачувашского на северо-западный диалект и общечувашский, на базе которого позже развились близкие друг другу верховые и (средне)низовые говоры. Видимо, имеет смысл датировать этот первичный распад примерно серединой XIII – началом XIV в., ассоциируя носителей северо-западного диалекта с одной из ранних волн булгаризации севера Чувашии. Учитывая параллельную марийскую хронологию, можно ставить вопрос о том, не именно ли эта волна запустила процесс вытеснения марийцев из Чувашии на волжское левобережье.

Значительный социокультурный вес северо-западного диалекта в первые века его существования подтверждается тем, что он был источником, судя по специфичной форме, ряда ранних чувашских заимствований в марийский, ср.:

ЛМ *sorlâk*, ГМ, мар. СЗ *suarlâk* ‘удила’ << чув. СЗ *sârlâk* ~ *šo^orlâk* при общечув. *śâ^wvarlâx* тж. (ПТЮ **jūr*);

ЛМ *kak* ‘багровый’, *kakar(γe)* ‘синяк’, ГМ *käkä(rγə)* ‘синяк; синеватый’ << чув. СЗ *kâk* ~ *ko^k* ‘синий’ при общечув. *kâ^wvak* тж; адаптация чувашского гласного как ЛМ *a* ~ ГМ *ä* не вполне ясна – отражен как будто старый передний неогубленный гласный (типично для ПТЮ **ä* > чув. *a*); заметим, однако, что, по крайней мере, передний ряд исторически прослеживается и в этой чувашской основе (ПТЮ **gö:k*);

ЛМ *čer*, ГМ, СЗ *cer* ‘болезнь’ << чув. СЗ *čer* при общечув. *čir* тж (ПТЮ *čer*);

ЛМ, ГМ *ert-* ‘пройти, миновать’ << чув. СЗ *ert-* при общечув. *irt-* тж (ПТЮ **ēr-t-*).

Судя по формам, последние три примера указывают на заимствование в прамарийский, хотя форма для ‘удил’ должна отражать уже отдельные заимствования. Таким образом, ранние заимствования из северо-западного чувашского в марийском в плане хронологии могут быть близки к основному пласту чувашизмов в марийском и датироваться примерно XV в. При этом формально последние два примера могут быть заимствованиями из прачувашского или, возможно, даже волжско-булгарского, а не северо-западного чувашского, поскольку отражают характерный для последнего архаизм, но не инновации (булг. **čer*, **ert-*).

Некоторые чувашские заимствования северо-западного типа известны только в горномарийском и близкородственным ему, но дистантно расположенным северо-западным говорам марийского языка. Помимо этого ареального фактора, на ранний контакт указывает ГМ **ä* на месте ПТЮ **e* > чув. *a*, в отличие от, предположительно, еще более поздних чувашских заимствований в горномарийском, где отражается современный чувашский вокализм (см. раздел 5), ср.:

ГМ, мар. СЗ *är-* ‘окружать’, откуда также ‘загораживать’ и ‘ловить’ << раннее чув. СЗ **är-* при ПТЮ **ebir-* ‘поворачивать’, общечув. *avâr-*, чув. СЗ *ar-*; современная северо-западная чувашская форма имеет два значения, которые представляют собой различные развития пратюркской семантики: ‘молоть’ (единственное сохранившееся в общечувашском) и, согласно Н. И. Ашмарину [Ашмарин, т. 1, с. 318], ‘обойти, забежать вперед и схватить’; второе значение представлено эксклюзивно в этом диалекте и напрямую сопоставимо с горномарийскими значениями; ср. ЛМ *avâr-* ‘окружать; загораживать; омывать’, заимствованное из общечувашской формы без стяжения;

ГМ, мар. СЗ *sâr-* ‘вращать’ << раннее чув. СЗ **sâr-* при ПТЮ **čebir-*, общечув. *śavâr-*, чув. СЗ *śar-* тж; ср. ЛМ *savâr-* тж, также заимствованное независимо из общечувашского¹.

5. Поздние чувашизмы в горномарийском (?)

Выделение особого слоя поздних чувашских заимствований в горномарийском возможно, по крайней мере, в случае ГМ *a* на месте исконного чув. *a* (< ПТЮ **e*, в части случаев также из **ō*) в противовес ГМ *ä* более ранних заимствований. Ср., например:

ГМ *sas-la-* ‘кричать, звать, ругать’ << чув. *sas* ‘звук, голос’, производное *sazь-la-* известно только в значении ‘голосовать’ (ПТЮ **ses*);

ГМ *axal* ‘очень, весьма’ << чув. *axal* ‘простой, обычный; просто так’, употребляемое также в функции эмфатической частицы; чувашское слово – из ср.-монг. *egel* ‘простой, обычный’ (в частности, о человеке) с показателем принадлежности (*egel* > *axal-ə* POSS.3 > *axal*)

¹ Глаголы общечув. *avâr-*, чув. СЗ *ar-* ‘молоть; (окружать)’ и общечув. *śavâr-*, чув. СЗ *śar-* ‘вращать’ примечательны тем, что у обоих есть старые производные имена со стяжением в общечувашском: *ar-man* ‘мельница’, *śar-lan* ‘сельдь-бешенка’ (но диал. *śavârlan*). По-видимому, на этом основании можно сформулировать правило об общечувашском стяжении -*avâ-* (и, видимо, некоторых других подобных сочетаний) в трехсложных основах, по типу наименьшего слогового ограничения стяжения в северо-западном диалекте.

Ср., однако, случаи ЛМ, ГМ, мар. СЗ *vara* ‘позже, после’ << чув. *vara* тж (ПТю **ōr̥-e*) и ЛМ, ГМ, мар. СЗ *aldâr* ‘большой деревянный ковш (чаша) для пива’ << чув. *aldâr* тж, который традиционно (Егоров 1964: 25) трактуется как производное от *alt-* ‘долбить’, ПТю **ēl̥-t*¹. Ср. для первого случая минимальную пару ЛМ *vara*, ГМ, СЗ *vārä* ‘жердь, кол’ << чув. *vara* тж (ПТю **ōr̥*, ср. кыпч. *ōzek*), соответствия в которой указывают на принадлежность к основному пласту чувашизмов в прамарийском. Наличие форм с *a* в северо-западном марийском как будто исключает возможность позднего сепаратного чувашизма в горномарийском; наверное, речь идет о междиалектных заимствованиях из лугового. Эти примеры несколько понижают надежность изолированных горномарийских форм как поздних чувашизмов, можно для них также предполагать заимствование из незафиксированных луговых форм с *-a-*. Но если этот слой подтвердится новыми примерами, то возможно будет датировать его примерно XVI–XIX вв., считая его источником либо поздний общечувашский (примерно до XVII в.), либо в еще более позднее время верховой диалект.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта Европейского исследовательского совета (ERC) в рамках исследовательской и инновационной программы European Union’s Horizon 2020 (грантовое соглашение № 646612), предоставленного Мартин Роббетс (Martine Robbeets).

Сокращения

Башк. – башкирский, булг. – болгарский, ГМ – горномарийский, диал. – диалектная форма, карах.-уйг. – караханидско-уйгурский, кирг. – киргизский, кыпч. – кыпчакские, ЛМ – лугомарийский, мар. – марийский язык, низ. – низовой диалект чувашского языка, осет. – осетинский, пам. – памирские, перс. – персидский, ПМар – прамарийский ПТю – пратюркский, СЗ – северо-западный диалект, согд. – согдийский, ср.-монг. – среднемонгольский, тат. – татарский язык, туркм. – туркменский, тюрк. – тюркские, удм. – удмуртский, чув. – чувашский; 3 – третье лицо, POSS – принадлежность.

Библиография

- Адягаши К. К вопросу об отражении тюркских анлаутных аффрикат в волжско-булгарских заимствованиях марийского языка // *Linguistica Uralica*. № 4. 2017. С. 256–266.
- Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898.
- Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары–Казань, 1928–1950.
- Димитриев В. Д. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 96–118.
- Димитриев В. Д. Чувашские слова в русских письменных источниках XVI–XVII веков // Исследования по этимологии чувашского языка. Чебоксары, 1981. С. 134–139.
- Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007.
- Дыбо А. В., Мудрак О. А. Очерк пратюркского языка-основы. Фонетика // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006. С. 9–227.
- Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Кзаков Е. П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // *Finno-Ugrica*. 1997. № 1. С. 34–56.
- Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка (в связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола, 1985.
- Каховский В. Ф., Смирнов, А. П. Памятники средневековья чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники Средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972. С. 131–134.
- Каховский В. Ф. О западных пределах Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. Чебоксары, С. 35–50.
- Левитская Л. С. Историческая фонетика чувашского языка. Чебоксары, 2014.
- Мудрак О. А. Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993.
- Мудрак О. А. Булгарская группа // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002. С. 677–712.
- Напольских В. В. Введение в историческую уралоистуку. Ижевск, 1997.
- Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам): дис... д-ра ист. наук. М., 2003.
- Норманская Ю. В. Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008.
- Руденко К. А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань, 2007.
- Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.
- Савельев А. В. Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа): дис... канд. филол. наук. М., 2014.
- Савельев А. В. Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века // Урало-алтайские исследования. 2016. № 1. С. 68–104.
- Смирнов А. П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск, 1949.

¹ О. А. Мудрак обратил мое внимание на некоторую проблемность этой этимологии, поскольку для имени, производного от глагола ‘долбить’, ожидалась бы достаточная широкая семантика (ср. рус. *долбленка* ‘вид сосуда, улея, лодки’), в то время как семантика чув. *aldâr* очень специализирована – это конкретная разновидность сосуда, которая находит основное свое применение в пивоварении. В связи с этим кажется возможным ставить вопрос о связи чув. *ald-âr* ‘ковш для пива’ с осет. *ælut-on* (по В. И. Абаеву, название ныне утраченного, особенно изысканного сорта пива) и его исторической трактовке в русле булгаро-аланских контактов. Хотя этот довод правомерен, возможно и компромиссное этимологическое решение, предполагающее в чувашском слове контаминацию исконной основы ‘долбить’ и связанной с пивоварением заимствования. В любом случае как по формальным, так и по культурно-историческим причинам, неправдоподобна интерпретация К. Адягаши, согласно которой поволжские названия большого деревянного сосуда представляют наследие «неизвестного языка» позднеродедской культуры [Agyagási, 2001, с. 7]. Башк. *aldir*, тат. диал. *aldir*, как и марийские формы, заимствованы из чувашского.

- Смирнов А. П. Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 5–27.
- Смирнов А. П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 160–174.
- Смирнов О. В. «Марийская» гипотеза в исследовании топонимии Оки и Унжи и западные границы древнемарийской топонимии // Вопросы ономастики. 2015. № 2. С. 7–61.
- Третьяков П. Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М., 1964–1973.
- Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990.
- Федоров-Давыдов Г. А. Булгарский феодальный замок X–XII вв. // Ученые записки. Чебоксары, 1958. Т. 6. С. 222–226.
- Agyagási, K. 2001. Der sprachliche Nachlass der Spät-Gorodec Bevölkerung in den tschuwaschischen und mariischen Mundarten. Folia Uralica Debreceniensia 7: 3-24.
- Agyagási, K. 2005. A Volga-Bulgarian loan-word in Mari dialects: *šârça* 'GLASS BEAD'. Studia Etymologica Cracovensia 10: 9–14.
- Agyagási, K. 2007. Mittelbulgarische Dialekte – mittelbulgarischer Sprachzustand. In: H. Boeschoten, H. Stein (eds), Einheit und Vielfalt in der türkischen Welt. (Turcologica 69.) Wiesbaden: Harrassowitz, 24–36.
- Erdal, M. 1993. Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften [Turcologica 13.] Wiesbaden: Harrassowitz.
- Haspelmath, M., and U. Tadmor. 2009. Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin: De Gruyter.
- Poppe, N. 1924. Die tschuwaschischen Lautgesetze. Asia Major 1: 775–782.
- Räsänen, M. 1920. Die tschuwaschischen Lehnwörter im Tscheremissischen [MSFOu XLVIII.] Helsinki: Société Finno-Ougrienne.
- Róna-Tas, A. 1988. Turkic influence on the Uralic languages. In Denis Sinor (ed.), The Uralic languages. Leiden: Brill, 742–780.
- Róna-Tas, A. and Á. Berta. 2011. West Old Turkic: Turkic loanwords in Hungarian. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Starostin, S., Dybo, A., Mudrak, O. 2003. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill. 2003.
- Zimonyi, I. 1990. The origins of the Volga Bulgars. Szeged: Universitas Szegediensis de Attila József Nominata.

Ф. И. Тагирова

К СЕМАНТИКЕ ОБРАЗА И ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА ШУРАЛЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению семантики и этимологии татарского слова шурале. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что локальный по сути персонаж шурале под влиянием одноименной поэмы Г. Тукая за сравнительно небольшой период эволюционировал в сложный общенациональный образ.

Ключевые слова: шурале, татарский язык, этимология, семантика.

F. I. Tagirova

TO SEMANTICS OF IMAGE AND ETIMOLOGY OF THE WORD SHURALE

Abstract. The article is devoted to the study of semantics and etymology of a Tatar demonym Shurale. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the character shurale being essentially local in a relatively short period has evolved into a complex common to the whole nation image.

Keywords: shurale, the Tatar language, etymology, semantics.

В татарской мифологии бытует своеобразный антропоморфный персонаж – так называемый шурале. Из фольклорных произведений он встречается в нескольких сказках и легендах [Balint, 1875; Насыри, 2005; Татар, 1987, с. 111–115; Татар, 1977, с. 269–271]. В них рассказывается о том, что шурале всячески вредит путникам: пугает их, старается запутать, сбить с дороги и защекотать до смерти. Описание его внешности в разных источниках может различаться, но основными чертами остаются следующие: он обитатель леса, похож на человека, чаще всего весь покрыт шерстью, с одним рогом на лбу, иногда может иметь женское обличье. На сегодняшний день этот персонаж является самым известным в татарской мифологии. Для нас представляют интерес как вопрос происхождения самого образа, так и значение и этимология обозначающей его лексемы. Этимология слова, означающего фольклорный образ или явление, не обязательно непосредственно обусловлена этимологией, эволюцией, путями распространения и ареалом бытования самого объекта, но, несомненно, связана с ними. В данной работе мы попытаемся рассмотреть два этих вопроса в их взаимосвязи.

Шурале как мифический образ не раз становился объектом изучения многих исследователей: фольклористов, языковедов, этнографов.

Считается, что фольклорные произведения, в которых фигурирует этот персонаж, первым зафиксировал венгерский исследователь Габор Балинт [Balint, 1875]. Одними из первых можно считать тексты, зафиксированные известным татарским ученым-энциклопедистом Каюмом Насыри [Насыри, 2005].

В работе Я. Д. Коблова «Мифология Казанских татар» шурале посвящен отдельный параграф, где практически дословно пересказаны сказки и легенды, зафиксированные у К. Насыри [Коблов, 1910, с. 11–15]. Хотя автор упоминает, что рассказов, подобных приведенным, очень много. При этом создается ощущение, что автор и сам записывал подобные рассказы.

В эти же годы издается книга Давыта Гобэиди «Шүрәле каргаган авыл» с подзаголовком «По народной сказке» [Гобэиди, 1913].

Одной из интересных теоретических работ нам представляется статья С. С. Шамси. В ней автор подробно анализирует образ, приводит его основные отличительные черты, сравнивая его с другим персонажем татарской мифологии – *ярымтык* ‘половинником’. При этом автор не только рассматривает его в контексте татарской мифологии, но и находит общие черты с мифическими персонажами других народов, например, древнегреческими богом лесов Паном и циклопом Полифемом и с римским Фавном [Шәмси, 1984, с. 142–153]. Хотя справедливости ради стоит заметить, что подобное сравнение встречается в статье венгерского исследователя Эдена Бэку «Уловки Одиссея в удмуртском фольклоре», написанной еще в начале XX в. [Перевозчикова, 1983, с. 38].

В связи с появлением в начале XX в. одноименной поэмы Г. Тукая прошла довольно сильная волна интереса к мифологическому прототипу, что в результате вылилось в целый ряд работ. Этому периоду посвящена статья Л. Ш. Замалетдинова, где историография вопроса отражена весьма подробно [Замалетдинов, 1979, с. 115–124].

Исследователь Г. М. Матвеев в своей книге «Мифоязыческая картина мира этноса» указывает на один персонаж чувашской мифологии – *арсури* – и пишет: «Мифы о чувашском арури, татарском шурале, башкирском яримтык, удмуртском палэсмурт и т. д. имеют много общего, так как все они являлись мифологическими персонажами одного типа» [Матвеев, 2012, с. 277]. *Арсури* (букв. половинный человек) он называет духом хозяина леса, лешим, т. е. именно его соотносит с татарским шурале. Как видим, здесь все еще наблюдается смешение двух персонажей: половинника и лешего. Это не раз наблюдалось и в более ранних работах. Так, у Д. А. Яшина есть ряд работ, посвященных изучению взаимовлияния фольклора пермских и тюркоязычных народов Поволжья, где упоминается о мотиве встречи находчивого героя с хозяином леса, который, по его мнению, лег в основу общих сюжетов (нюлэсмурт, палэсмурт – в удмуртском, шурале – в татарском фольклоре). На наш взгляд, во внутренней семантике самого образа есть сходство не с палэсмурт, как считает Г. М. Матвеев [Матвеев, 2012, с. 277], а с удмуртским хозяином леса нюлысмурт [Удмуртская, 2003, с. 18, 40–42]. Сходство в том, что с ним нежелательно встречаться, он может увести в лес, причинить вред.

Р. Г. Ахметьянов в своей более ранней работе рассматривает половинника в неразрывной связи с шурале, считает, что второй является трансформированным продолжением первого, и обращает внимание не только на сходство этих образов, но и на единую этимологию слова [Ахметьянов, 1981, с. 48–50]. С ним солидарен Л. Ш. Замалетдинов [Замалетдинов, 1979, с. 118]. Аргументация Р. Г. Ахметьянова представляется нам довольно убедительной. Однако здесь мы придерживаемся мнения С. С. Шамси, который однозначно отделяет эти два персонажа друг от друга и приводит весьма убедительные доводы в пользу самостоятельности каждого в силу их различных типологических признаков, различных ареалов и периодов бытования. [Шәмси, 1984, с. 144–146].

Башкирский исследователь Ф. Г. Хисамитдинова в своей работе «Мифологический словарь башкирского языка» также называет *шурале* лешим, духом леса и приводит пример из свода башкирского фольклора: *Шүрәленең култык асты куыш була, аягы артка карап тора, йөрәге күренеп тора* [Хисамитдинова, 2010, с. 361]. Ранее в своем словаре Ф. Г. Хисамитдинова тоже упоминает данный персонаж [Хисамитдинова, 2002, с. 115]. В более поздней работе башкирских ученых «Башкорт фольклоры концепосфераһы» также зафиксировано данное слово со ссылкой на тот же свод башкирского фольклора и словарь Ф. Г. Хисаметдиновой [Башкорт, 2013, с. 481–483].

Многие авторы утверждают, что он является самым распространенным и самым известным мифическим образом у татар. [Урманче, 2011, с. 172; Шәмси, 1984, с. 142; Замалетдинов, 1979, с. 121]. Однако есть основания усомниться: был ли известен шурале всегда и у всех групп татар? Да, в материалах, относящихся к началу XX в., исследователи отмечают высокую степень популярности рассказов и сказок среди татарского населения. Однако в большинстве случаев речь идет все о том же Заказанье. Так, экспедиция Г. Балинта охватила Лаишевский, Мамадышский и Казанский уезды Казанской губернии, причем речь идет только о селах крещеных татар. Это дает основания полагать, что изначально сюжет о шурале имел весьма ограниченный ареал распространения, который по сути является регионом непосредственного и плотного контактирования татар с финно-уграми. К тому же зафиксированных вариантов легенд и сказок слишком мало, практически они ограничиваются работами Г. Балинта и К. Насыйри, вследствие чего невозможно очертить истинный ареал бытования образа. Его расширение можно связать с более поздним переселением носителей в другие регионы, что часто имело место в истории татарского народа. На наш взгляд, истинной причиной столь широкого распространения образа шурале является создание Г. Тукаем одноименной поэмы. Этот литературный персонаж стал настолько популярным, что практически свел на нет саму возможность воссоздания

первоначальной картины. Кроме того, С. С. Шамси приводит аргумент в пользу привнесенного характера образа: следы шурале нигде, ни в каком виде не запечатлены на археологических находках, значит, этот миф является сравнительно новым. [Шамси, 1984, с. 145]. Такого же взгляда придерживается Р. Н. Касимов, подчеркивая отсутствие шурале у чепецких татар и объясняя это именно поздним возникновением персонажа [Касимов, 2013, с. 45]. Нам представляется, что этот аргумент свидетельствует в пользу того, что этот образ мог быть заимствован в результате длительного плотного контактирования татар с финно-угорскими народами. Вероятность такого заимствования исследователи оценивают весьма высоко. Так, по мнению Б. Н. Путилова, «зоны повышенной интенсивности межфольклорных контактов и зоны, где они проявляют себя слабо. Отчего это происходит – вопрос, требующий специальных исследований. Очевидно, что существуют особенные предпосылки и условия, обеспечивающие достаточно широкие, систематические и массовые контакты в сфере фольклора. Типологически они пока еще мало изучены. На наш взгляд, важнейшими среди них являются устойчивые бытовые связи (в том числе – ритуально-обрядовые) и двуязычие или многоязычие как бытовое явление» [Путилов, 1983, с. 10–11]. Такой же точки зрения придерживается В. М. Гацак: «Вековое соприкосновение большого числа разноэтнических фольклорных традиций, подверженность их длительному воздействию совпадающих, единоподобных исторических факторов способствуют сопряжению линий развития, образованию непрерывно развивающегося коммунитета» [Гацак, 1983, с. 5]. Как известно, в Среднем Поволжье имелись и имеются все перечисленные выше условия для подобных заимствований. (При этом против данной гипотезы весьма внушительные доводы приводит Р. Г. Ахметьянов. Он считает этого персонажа исконным и довольно распространенным.)

Что касается этимологии слова шурале, то существует ряд более или менее убедительных гипотез. В известном словаре Н. И. Ашмарина приводятся несколько слов, которые так или иначе созвучны внешне и перекликаются по семантике, например: *шүреки* ‘черт, то же что *шуйттан*’ [Ашмарин, 1950, с. 262]; *шүрелле* ‘название какого-то божества’ [Ашмарин, 1950, с. 263]. Однако современные исследователи проводят аналогию с шурале другого персонажа, который также приведен у Н. И. Ашмарина: *шөвёри* ‘невыясненное слово’ [Ашмарин, 1950, с. 370].

Р. Г. Ахметьянов в другой своей работе возводит этимологию данного слова к татарскому *чурале*: *чурра* ‘обратная сторона, изнанка’, *чуррак* ‘клюшка, кривой рог’ / чув. *шурекке* ‘рогатый бес’ [Ахметьянов, 2001, с. 251], мотивируя тем, что представлялось, будто у нечистой силы ноги и лицо расположены шиворот-навыворот. Упоминает также как маловероятную версию русского происхождения от слова *чурило*, *чурилья*. Следует отметить, что мы тоже разделяем последнее мнение, так как в словарях русского языка, в том числе этимологических, нет слова, сколь-нибудь близкого по семантике и созвучного фонетически. Те же *чурило* и *чурилья* [Даль, 1991, т. 4, с. 615; Преображенский, 1959, с. 81–82; Настольный, 1864, с. 1015; Фасмер, 2004, т. 4, с. 385–386], а также *шураль* [Фасмер, 2004, т. 4, с. 488] имеют совершенно иную фонетическую и семантическую деривацию.

Ф. Г. Хисамитдинова предлагает свою гипотезу: «Возможно, восходит к *šör-šür* «страшилище, испугаться». [Хисамитдинова, 2010, с. 361]. Гипотеза имеет право на существование, например, в татарском языке *шурләү* ‘побаиваться’.

А. К. Тимергалин [Тимергалин, 2007, с. 562–563] в целом поддерживает этимологию Р. Г. Ахметьянова. Она наиболее широко представлена в последней работе – этимологическом словаре татарского языка в двух томах. В нем Р. Г. Ахметьянов придерживается своей прежней точки зрения, высказанной в двух предыдущих работах: *шүрәле* < *чурәле аяк* ‘с ногами, повернутыми назад’, а также приводит много параллелей из мифологии других народов, где нечистая сила имеет ту же особенность: марийской, башкирской, азербайджанской, персидской, турецкой, алтайской, хантыйской, мансийской и др. [Ахметьянов, 2015, т. 2, с. 495]. Однако нам представляется, что это типологическая особенность, которую вряд ли можно принять как идентификационный признак. Она свойственна мифологическим персонажам, особенно нечистой силе, совершенно разных народов. Так, мотивы «наоборот, шиворот-навыворот» есть у восточных и южных славян, точно так же, как и схожий внешний облик лешего, как и сам факт существования такого персонажа, как леший.

В пользу финно-угорского происхождения, на наш взгляд, говорит фонетический облик слова *шурале*. Достаточно сравнить: удм. *сюр* ‘рог’, *суро* ‘рогатый’; коми *сюр* ‘рог’, *сюр пöла* ‘однорогий’; мар. диал. *шуран* ‘рогатый, глупый’ (о человеке) (как известно, еще одна отличительная черта персонажа – несообразительность); мокш. *сюра* ‘рог’, *сюрү* ‘рогатый’; эрз. *суро* ‘рог’, *суров* ‘рогатый’; эст. *sarv* ‘рог’; фин. *sarvi* ‘рог’, *sarvipäinen* ‘рогатый’ [Suomen, 1983, с. 977–978].

Таким образом, наиболее убедительной нам представляется гипотеза о внешнем происхождении как персонажа, так и его названия.

Само слово нашло отражение и в татарской фразеологии: *шүрәлегә су башы күрсәтү* (букв. показать шурале исток реки); *шүрәле каргаган авыл* (букв. деревня, проклятая шурале); *шүрәле бармак* (букв. палец как у шурале); *шүрәле мөгезе күрсәтәләрме әллә?* (букв. может показывают рог шурале?). Тут налицо связь с мифологическими сюжетами. Рассмотрению данной лексемы в лингвокультурологическом аспекте было уже посвящено несколько работ автора [Тагирова, 2014, с. 393–395; Tagirova, 2015, с. 197–200; Тагирова, 2016, с. 14–18].

В целом, шурале представляет собой редкий случай, когда персонаж не остается замкнутым в рамках одного фольклорного произведения или жанра, а эволюционирует и трансформируется. Так, в течение сравнительно небольшого периода – последних ста лет – локальный персонаж мифологической легенды, прошел разные стадии развития образа, претерпел значительные изменения во всех сферах бытования: расширение ареала его распространения как фольклорного персонажа, кодификация в лексико-фразеологическом фонде и дальнейшее многократное воплощение в татарской литературе, музыке, скульптуре, живописи и масскультуре. В настоящее время образ шурале для представителей татарской этнокультуры является не только и не столько первоначальным мифологическим персонажем, а представляет собой некое сложное целое, включающее в себя много разноплановых составляющих. По нашему мнению, есть основания говорить о трансформации частного мифологического образа в общекультурный код.

Сокращения

Диал. – диалектизм, мар. – марийский язык, мокш. – мокшанский язык, удм. – удмуртский язык, фин. – финский язык, чув. – чувашский язык, эрз. – эрзянский язык, эст. – эстонский язык.

Библиография

- Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
- Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1950. Вып. 17. 434 с.
- Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 272 б.
- Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: 2 томда. Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. Т. 2. 567 б.
- Башкорт фольклоры концепосфераһы. Лингвокультурологик һүзлек. Өфө: Китап, 2013. 492 б.
- Гацак В. М. О перспективах изучения межнациональных фольклорных общностей и взаимосвязей // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань, 1983. 142 с.
- Гобәйди Д. Шүрәле каргаган авыл. Казан: Харитонов тип., 1913. 32 б.
- Даль В. И. Толковый словарь русского языка в четырех томах. М.: Русский язык, 1991. Т. 4. 684 с.
- Замалетдинов Л. Ш. О мифологической основе сказки Шурале // Габдулла Тукай. Казань, 1979. С. 115–124.
- Касимов Р. Н. Очерки религиозно-мифологических представлений чепецких татар. Ижевск, 2013. 156 с.
- Коблов Я. Д. Мифология Казанских татар. Казань: Типолитограф. Император. ун-та, 1910. – 49 с.
- Матвеев Г. М. Мифология картина мира этноса (на примере мифов и языческой религии чувашского народа): монография. Чебоксары, 2012. 392 с.
- Настольный словарь для справок по всем отраслям знания, составленный под ред. В. Р. Зотова и Ф. Толля в 3 т.. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1864. Т. 3. 1171 с.
- Насыири К. Сайланма әсәрләр. 4 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. Т. 3. 384 б.
- Перевозчикова Т. Г. Проблемы исследования удмуртского фольклора в межнациональном контексте // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань, 1983. 142 с.
- Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1959. Т. 2. 144 с.
- Путилов Б. Н. К типологии межэтнических фольклорных связей: природа, закономерности, механизм // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань, 1983. 142 с.
- Тагирова Ф. И. Трансформация фольклорных кодов в общекультурные. На примере татарского мифологического образа шурале // Традиції і сучасні стан культури і мистецтва. Матеріали V Міжнародної науково-практичної конференції (20–21 листопада 2014 года, г. Мінск). Мінск: «Права і економіка», 2014. С. 393–395.
- Татар халык ыжаты. Әкиятләр. Томны төзүче, искәрмәләрне хәзерләүче Х. Х. Гатина, Х. Х. Ярми, кереш мәкалә язучы Л. Ш. Жамалетдинов, Х. Х. Ярми. Казан: Тат. кит. нәшр., 1977. 406 с.
- Татар халык ыжаты. Риваятьләр һәм легендалар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәрмәләрне язучы Гыйләжетдинов С. М. Казан: Тат. кит. нәшр., 1987. 367 с.
- Тагирова Ф. И. Шүрәле образының эволюция һәм трансформациясенә лингвокультур күзәтү // Фәнни Татарстан. 2016. № 2. Б. 14–18.
- Тимергалин А. К. Миллият сүзлеге: Аңлатмалы сүзлек. Казан: Мәгариф, 2007. 575 б.
- Удмуртская мифология / под ред. В. Е. Вдадыкина. Ижевск, 2003. 196 с.
- Урманче Ф. И. Татар мифологиясе. Өч томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 2011. Т. 3. 199 б.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2004. Т. 4. 860 с.
- Хисамитдинова Ф. Ф. Башкорт мифологияһы: белешмә-һүзлек. Өфө: Гилем, 2002. 400 б.
- Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 456 с.
- Шәмси С. С. Татар мифологиясенең популяр образы // Борынғы татар фольклоры мәсьәләләре. Казань, 1984. 154 с.
- Bálint Gábor: Kazáni-tatár nyelvtanulmányok. Kazáni-tatár szövegek. Budapest: A M. T. Akadémia könyvkiadóhivatalában, 1875. Füzet 1.178 s.
- Suomen Kielen Etimologinen Sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 1983. 2293 s.
- Tagirova F. Татар Mitolojisinde Şürele Tipi // III Uluslararası Halk Kültürü Sempozyumu. Bildiriler. Ankara: T. C. Kazan Belediyesi Kültür ve Sosyal İşleri Müdürlüğü Kültür yayınları, 2015. Cilt I. S. 197–200.

КОНТАКТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Р. В. Гайдамашко, Л. Г. Пономарева

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ РУКОПИСЕЙ ПРОТОИЕРЕЯ АНТОНИЯ ПОПОВА 1785 ГОДА¹

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены русские заимствования в коми-пермяцком языке рукописей протоиерея Антония Попова (1748–1788). Описаны тематические группы заимствованной лексики, показано территориальное варьирование заимствований в языке-источнике, а также обсуждены некоторые вопросы освоения заимствованной лексики коми-пермяцким языком. При исследовании использованы методы сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания, а также статистический метод.

Ключевые слова: сравнительно-историческое и сопоставительное языкознание, диалектология, языковые контакты, коми-пермяцкий язык, русские заимствования, рукописные памятники XVIII в.

R. V. Gaidamashko, L. G. Ponomareva

RUSSIAN LOANWORDS IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE IN MANUSCRIPTS OF ARCHPRIEST ANTONY POPOV DATED 1785

Abstract. The present article examines Russian loanwords in the Komi-Permyak language in manuscripts of Archpriest Antony Popov (1748–1788). It describes thematic group of loanwords, displays territorial variation of borrowings in the source language and discusses some of the issues in absorbing loanwords by the Komi-Permyak language. When performing the study, the methods of comparative-historical and contrastive linguistics, as well as the statistical method were used.

Keywords: comparative-historical and contrastive linguistics, dialectology, language contacts, the Komi-Permyak language, Russian loanwords, manuscript artifacts of the 18th century.

1. Вводные замечания

История письменности коми-пермяцкого языка насчитывает немногим более трех столетий. К числу ценных памятников ранней коми-пермяцкой письменности относятся рукописи протоиерея Антония Попова (1748–1788), датированные 1785 г. и на данный момент известные как первые фундаментальные труды по коми-пермяцкому языкознанию – опыт грамматики и два словаря [Попов, 1785а; 1785б; 1785в]. Коми-пермяцкое рукописное наследие Антония Попова до сих пор остается неизданным и известно только узкому кругу исследователей.

В настоящей статье на обсуждение выносятся один из многочисленных аспектов комплексного исследования рукописей А. Попова – русские заимствования в коми-пермяцком языке. В исследовании проводится анализ тематических групп русских заимствований, выявляются и анализируются лексемы, являющиеся территориально ограниченными в русском языке, описываются некоторые особенности освоения русских заимствований коми-пермяцким языком.

Работа по выявлению и сопоставлению русских заимствований проведена по алфавитному словарю А. Попова – во всех таких случаях ссылки даны без указания на источник, например, «[л. 3 об.]» значит «[Попов, 1785а, л. 3 об.]». При подавляющем большинстве существительных в этом словаре приведено указание на окончание родительного падежа *-лэнь* (совр. *-лён*), которое опущено в настоящей публикации. Формы слов и толкования из всех источников процитированы без изменений. Толкования из словаря А. Попова даны во французских кавычках («»), что указывает на сохранение орфографии и пунктуации источника (включая описки).

2. Русские заимствования в коми-пермяцком языке алфавитного словаря Антония Попова

Алфавитный словарь Антония Попова содержит 2522 словарные статьи. Из них русские заимствования в коми-пермяцком языке составляют 637 единиц (25 процентов).

Помимо этого, в 11 случаях русские заимствования представлены в составе словосочетаний или в качестве одного из компонентов сложного или составного слова: *айтемь мамтемь* «сирота» [л. 3] при кп. *ай* «отец» [л. 3] и каритивном суффиксе *-тём*; *бычемь дукъ* «запахъ, благовоніе» [л. 5 об.] при кп. *бычемь* «бодрый, искусный, хороший, честный» [л. 5 об.]; *быднера* нарѣчие «часто» [л. 5 об.] при кп. *быд* «каждый, всякий, любой» [КПРС, 1985, с. 48]; *кыньнибудь* «ктонибудь» [л. 19] при кп. *кин* «кто» [КПРС, 1985, с. 173]; *козанинь* «козленокъ» [л. 19 об.] при кп. *пьян* «ребёнок, дитё разг.», «детёныш»

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00774а.

[КПРС, 1985, с. 346]; *куа мешекъ* «зборшикъ» [л. 21] при кп. *куа* «кожаной» [л. 21]; *кучемъ нибудь* «какой нибудь» [л. 22 об.] при кп. *кучемъ* «какой» [л. 22 об.]; *чють еча* нарѣчіе «едва» [л. 49 об.] при кп. *етиша* «мало, немного, недостаточно» [КПРС, 1985, с. 136]; *яяпирегъ* «пирогъ мясной» [л. 54 об.] при кп. *яя* «мясной, мясистый, тѣлесный, тѣлный» [л. 54 об.] и др.

В 10 случаях коми-пермяцкие слова содержат русскую приставку *не-*. Звук *э* в составе данной приставки передается разными буквами – *е, и, ѣ*: *невескытъ* «лживый» [л. 29 об.]; *неыръ* «мѣль, мѣлкій» [л. 29 об.]; *несечемъ тачемъ* «особливой» [л. 29 об.]; *неыджитъ* «малолѣтной, мальчикъ» [л. 29 об.]; *ныкытенъ* нарѣчіе «нигдѣ» [л. 30]; *нѣвескытъ* «невѣрный» [л. 31]; *нѣкодыръ* нарѣчіе «никакъ, никогда» [л. 31]; *нѣкучемъ* «никакой» [л. 31]; *нѣкытэнъ* нарѣчіе «нигдѣ» [л. 31]; *нѣунаенъ* нарѣчіе «помалу» [л. 31].

2.1. Тематические группы заимствований

Русские заимствования в алфавитном словаре А. Попова весьма разнообразны по тематике. Заимствования только на первые три буквы алфавита могут быть распределены по следующим тематическим группам.

Природа (растительный и животный мир, ландшафт, метеорологические явления, календарь): *бабочка* «бабочка, метелекъ, бабурка» [л. 3 об.]; *берегъ* «берегъ» [л. 4]; *бѣлянка* «бѣлянка /губа/» [л. 6]; *валь* «валь волна» [л. 6]; *верба* «верба» [л. 7]; *веребеи* «воробей» [л. 7]; *вершина* «вершина» [л. 7 об.]; *воздукъ* «воздухъ» [л. 9]; *вторникъ* «вторникъ» [л. 9 об.]; *вѣкъ* «вѣкъ, время, такъ же всегда» [л. 10]; *вьюнъ* «вьюнъ рыба» [л. 10]; *вѣлянка* «волжанка /губа/» [л. 10 об.]; *взяиль* «взяиль /трава/» [л. 10 об.].

Человек (анатомия, физические особенности человека, характеристика личности и поведения, социальные отношения, народная медицина, семья и семейные отношения, традиционная народная духовная культура): *ангелъ* «ангелъ» [л. 3 об.]; *бабе* «бабушка» [л. 3 об.]; *базаръ* «рынокъ» [л. 3 об.]; *баяръ* «вельможа» [л. 4]; *бездѣльникъ* «бездѣльникъ» [л. 4]; *бережита бережитны* «берегу, стерегу, храню», *бережливъ* «бережливъ» [л. 4]; *богородица* «богородица» [л. 4 об.]; *бокъ* «бокъ» [л. 4 об.]; *болбанъ* «идолъ, болванъ» [л. 4 об.]; *бунтуита бунтуитны* «бунтую», *бунтуитысь* «бунтовшикъ», *бунтъ* «бунтъ» [л. 5]; *веснука* «веснуха» [л. 7 об.] (может быть как названием пигментных пятен на коже человека, так и названием болезни, см. далее); *виски* «виски» [л. 8 об.]; *владѣита владѣитны* «владѣю», *владѣитысь* «владѣтель» [л. 9]; *внука* «внука» [л. 9], ср. рус. *внука* «дочь сына или дочери; дочь племянника или племянницы» [Сл. Акад., 1847, т. 1, с. 136]; *внукъ* «внукъ» [л. 9]; *вольно* «вольно», *вольность* «вольность», *вольна* «вольный», *воля* «воля» [л. 9]; *вѣко* «вѣко у глаза» [л. 10]; *вѣра* «вѣра» [л. 10].

Трудовая деятельность (полеводство, огородничество, животноводство, птицеводство, пчеловодство): *аршинъ* «аршинъ» [л. 3 об.]; *баранъ* «баранъ» [л. 4]; *бобъ* «бобъ» [л. 4 об.]; *боровъ* «боровъ» (sic!) [л. 4 об.]; *борозда* «борозда» [л. 4 об.]; *бортъ* «бортъ» [л. 4 об.]; *выпашки* «выпашкы» [л. 10]; *вѣжжи* «вожжи» [л. 10 об.].

Материальная культура (крестьянское жилище и надворные постройки, утварь, одежда и обувь, питание): *анбаръ* «анбаръ» [л. 3]; *башмакъ* «башмакъ» [л. 4]; *башня* «башня» [л. 4]; *блѣдъ* «блюдо, тарелка» [л. 4 об.]; *блинъ* «блинъ» [л. 4 об.]; *бочка* «бочка» [л. 5]; *братина* «братина» [л. 5] (о значении см. далее); *буравъ* «буравъ» [л. 5]; *ведро* «ведро» [л. 6 об.]; *веря* «веря» [л. 7]; *вилки* «вилки» [л. 8]; *вилы* «вилы» [л. 8 об.]; *ворота* «ворота» [л. 9]; *втулка* «втулка что бочки закупориваютъ» [л. 9 об.].

2.2. Территориальное варьирование заимствований

Несмотря на то, что большинство рассматриваемых заимствований в алфавитном словаре А. Попова относится к общерусскому слою лексики, некоторые русские заимствования по различным особенностям можно с уверенностью идентифицировать как диалектные.

По фонетическим особенностям:

анбаръ «анбаръ» [л. 3], ср. рус. диал. *анбар* [СРНГ, т. 1, с. 254–255], *онбар* «амбар» [СРНГ, т. 23, с. 214];

болбанъ «идолъ, болванъ» [л. 4 об.], ср. рус. диал. *болбан* «деревянный божок, идол, которому поклонялись и приносили жертвы ненцы» (Арх.) [СРНГ, т. 3, с. 71], «чучело тетерева, с которым охотятся», «бестолковый, глупый человек, болван» (Волог.) [СГРС, т. 1, с. 136], «о мужчине (обычно мальчике), поступающем неразумно, бестолково» (Перм.) [АС, т. 1, с. 77], «о ребенке, непозволительно ведущем себя» (Перм.) [СРГСПК, т. 1, с. 117] и др.;

веребеи «воробей» [л. 7], ср. рус. диал. *веребей* «воробей» (Орл., Курск.) [СРНГ, т. 3, с. 125];

осподинъ «господинъ» и *оспожа* «госпожа» [л. 33], ср. рус. диал. *осподин* «господин» и *оспожа* «госпожа» (Вят.) [СРНГ, т. 24, с. 50, 51].

По морфемному составу:

баяръ «вельможа» [л. 4], ср. рус. диал. *баяръ* «боярин, барин, помещик» [СРНГ, т. 3, с. 143].

Собственно диалектизмы (возможно, некоторые из приводимых далее слов в конце XVIII в. были общерусскими):

брати́на «братина» [л. 5], ср. рус. диал. *брати́на* ‘большой металлический или деревянный сосуд, обычно с носиком, для пива или браги’, ‘большая общая чашка или блюдо, из которого едят’ и в др. знач. [СРНГ, т. 3, с. 157–158];

бѣлянка «бѣлянка /губа/» [л. 6], ср. рус. диал. *беля́нка* для обозначения разных видов грибов, как съедобных, так и несъедобных – ‘белый гриб’, ‘белая поганка, растущая около белых грибов’ [СРНГ, т. 2, с. 240], мн. ‘грибы волнушки с белой шляпкой’ [СПГ, т. 1, с. 33], ‘гриб волнушка белая’ [СРГСПК, т. 1, с. 85];

вѣснукa «веснуха» [л. 7 об.], ср. рус. диал. *весну́ха* в разных значениях – ‘веснушки’, ‘лихорадка’, ‘туберкулез’, ‘желтуха’, ‘ревматизм’, ‘дьявол, ведьма’, ‘нечистая сила’, ‘бранное слово’, ‘шельма, плутовка’, ‘рожь весной, еще не выколосившаяся’, ‘человек с рыжими волосами’ [СРНГ, т. 4, с. 186–187];

вѣлмянка «волжанка /губа/» [л. 10 об.], ср. рус. диал. *во́лменка* (Арх., Вят., Перм., Свердл.), *во́лмянка* (Перм., Свердл., Тобол., Тюмен., Том.) ‘гриб *Lactarius torminosus*; волнушка’ [СРНГ, т. 3, с. 42, 43]. Примечательно, что одно диалектное слово в данном примере толкуется другим диалектным словом, ср. рус. диал. *во́лжа́нка* ‘гриб *Lactarius torminosus*; волнушка’ (Симб., Пенз., Влад., Яросл., Костром., Вят., Перм., Свердл., Тюмен.) [СРНГ, т. 3, с. 38].

2.3. Освоение заимствований

Одни русские слова в коми-пермяцком языке рукописей А. Попова не подверглись изменениям при заимствовании и употребляются без модификаций, другие же претерпели различные изменения, в том числе, в процессе фонетической субституции и адаптации (соответственно на раннем и позднем этапах контактов и заимствований).

2.3.1. Неадаптированные заимствования

Большинство русских заимствований в рассматриваемом словаре представлено без каких-либо модификаций. Наблюдаются примеры, когда изменения отсутствуют в тех случаях, в которых сегодня они имеются в коми-пермяцком языке.

Подавляющее большинство имен прилагательных представлено без каких-либо изменений, хотя в настоящее время русские прилагательные в коми-пермяцком языке подвергаются адаптации и оканчиваются всегда на *-ой*, ср.: *грѣшной* «грѣшной» [л. 12] // кп. лит. *грешной*; *лавка торговая* «лавка торговая» [л. 25] // кп. лит. *лавка торговой*; *лысой* «лысой» [л. 26] // кп. лит. *лысой*; *любезной* «любезной» [л. 26] // кп. лит. *любезной*; *милостивый* «милостивый» [л. 27 об.] // кп. лит. *милостивой*; *строгий* «строгий» [л. 42 об.] // кп. лит. *строгой*; *сѣрый* «сѣрый» [л. 44] // кп. лит. *серой* и др.

В алфавитном словаре А. Попова нами зафиксировано 21 прилагательное русского происхождения. Из них только три представлены в измененном виде: *ласкевь* «ласковый» [л. 25]; *голуба* «голубой» [л. 11 об.]; *вольна* «вольный» [л. 9].

Некоторые заимствованные имена существительные даны в форме множественного числа (как в языке-источнике), тогда как сегодня в коми-пермяцком языке они могут принимать исконный суффикс множественного числа *-ез / -ез*, ср.: *вилы* «вилы» [л. 8 об.] // кп. лит. *вилаез*; *жабры* «жабры у рыбы» [л. 15] // кп. лит. *жабраез*; *сапоги* «сапоги» [л. 40] // кп. лит. *сапогез* и др.

Всего зафиксировано 7 подобных примеров. Только в одном из них, возможно, просматривается коми-пермяцкий суффикс множественного числа – *-есь*: *мольесь* «мольки /рыба/» [л. 27 об.].

Не адаптированы русские звуки *м'*, *в'*, *ц*, которые обычно в речи коми-пермяков (особенно в речи пожилых людей) заменяются следующими звуками: *м'* → *м*, *в'* → *в*, *ц* → *ч*.

Рус. *м'* → кп. *м'*: *мясникъ* «мясникъ» [л. 29]; *мята* «мята /трава/» [л. 29]; *мятежникъ* «мятежникъ» [л. 29]; *мячь* «мячь» [л. 29] и др.

Рус. *в'* → кп. *в'*: *любовь* «любовь» (sic!) [л. 26 об.]; *морковь* «морковь» [л. 27 об.] и др.

Рус. *ц* → кп. *ц*: *богородица* «богородица» [л. 4 об.]; *гонецъ* «почтарь, гонец, курьеръ» [л. 11 об.]; *гребець* «гребець» [л. 12] и др. Нами зафиксировано 33 слова русского происхождения, в которых выступает *ц*. Однако следует заметить, что в рукописях А. Попова посредством буквы *ц* в большинстве случаев передается и звук *ч* в исконных коми-пермяцких словах. Учитывая этот факт, представляется трудным определить то, как следует правильно читать русские заимствования, имеющие букву *ц*: следует ли в них читать звук *ц* или же звук *ч*.

2.3.2. Адаптация заимствований

Некоторая русская лексика, вошедшая в коми-пермяцкий язык рукописей А. Попова, в процессе освоения претерпела разные фонетические и морфемные изменения.

Русский звук *х* заменен звуком *к*: *вѣснукa* «веснуха» [л. 7 об.]; *воздукъ* «воздухъ» [л. 9]; *грѣкъ* «грѣхъ» [л. 12]; *докодъ* «доходъ» [л. 14] и др. Всего 31 пример, и только в двух случаях из них звук *х* сохраняется: *крохаль* «крохаль» [л. 21]; *росходъ* «росходъ» [л. 39 об.].

Русские звуки *p'*, *ц*, *ф*, отсутствующие в исконных коми-пермяцких словах, могут передаваться подобно тому, как они употребляются в языке-источнике, а также в адаптированном виде.

Рус. *p'* → кп. *p'*, *p*: *грѣда* «грядя» [л. 12]; *крюкъ* «крюкъ» [л. 21]; *крючекъ* «крючекъ» [л. 21]; *мѣрайта мѣрайтны* «мѣряю, отмѣриваю» [л. 29] и др. Последний пример представляет собой слово с адаптированной формой – на месте палатального *p'* представлен велярный *p*.

Рус. *ц* → кп. *ц*, *ш*: *защолчка* «защолчка» [л. 15 об.]; *клещи* «клещи» [л. 19 об.]; *пещера* «пещера» [л. 35]; *ямшикъ* «ямшикъ» [л. 54 об.] и др. Всего нами зафиксировано 12 примеров со звуком *ц*. В одном случае звук *ц* заменен звуком *ш*.

Рус. *ф* → кп. *ф*, *п*: *трифоль* «трифоль /трава/» [л. 45]; *тьфу* междометие «тьфу!» [л. 45 об.]; *пунтъ* «фунтъ» [л. 37 об.]. С русским звуком *ф* нами обнаружено всего три примера. В одном случае звук *ф* заменен коми-пермяцким *п*.

В некоторых русских заимствованиях на месте русского *о* употребляется звук *ö*, который А. Попов в большинстве случаев передает с помощью букв *e* или *э*: *вѣжжи* «вожжи» [л. 10 об.]; *гѣлесъ* «голосъ» [л. 11]; *гѣрбъ* «горбъ» [л. 11]; *гѣтевь* «готовъ» [л. 11 об.]; *звѣнь* «звонъ» [л. 16]; *кѣзяинъ* или *кòзяинъ* «хозяинъ» [л. 18 об.]; *пзгребъ* «погребъ» [л. 22 об.] и др. Таких примеров в алфавитном словаре 42.

Следует заметить, что в большинстве случаев в словах русского происхождения звук *о* в коми-пермяцком языке указанного словаря всё же сохраняется: *кòбыла* «кобыла» [л. 19 об.]; *кòза* «коза» [л. 19 об.]; *кòзель* «козель» [л. 19 об.]; *кòнюкъ* «конюхъ» [л. 20 об.]; *пòтолокъ* «потолокъ» [л. 37]. Всего таких примеров 211.

Все выявленные нами глаголы русского происхождения представлены в адаптированном виде – с измененным морфемным составом, подобно тому, как они употребляются сегодня в коми-пермяцком языке. Всего зафиксировано 39 глаголов русского происхождения: *бунтуита бунтуйтны* «бунтую» [л. 5] // кп. лит. *бунтуита, бунтуйтны*; *владѣйта владѣйтны* «владѣю» [л. 9] // кп. лит. *владейта, владейтны*; *грѣшита грѣшитны* «грѣшу, согрѣшаю» [л. 12] // кп. лит. *грешита, грешитны*; *думаита думаитны* «думаю» [л. 14 об.] // кп. лит. *думайта, думайтны*; *жалѣйта жалѣйтны* «сожалѣю» [л. 15] // кп. лит. *жалейта, жалейтны* и др.

2.3.3. Акцентологическое освоение

В подавляющем большинстве случаев над заголовочными коми-пермяцкими словами в алфавитном словаре проставлен знак ударения. Он может обозначаться как акутом, так и грависом.

При этом, если знак ударения проставлен над словом, то он всегда стоит на первом слоге, даже в тех русских заимствованиях, первый слог которых в языке-источнике не является ударным, например: *анбаръ* «анбаръ» [л. 3]; *аршинъ* «аршинъ» [л. 3 об.]; *базаръ* «рынок» [л. 3 об.]; *баранъ* «баранъ» [л. 4]; *башмакъ* «башмакъ» [л. 4]; *бѣздѣльникъ* «бездѣльникъ» [л. 4]; *богородица* «богородица» [л. 4 об.]; *болбанъ* «идолъ, болванъ» [л. 4 об.]; *борозда* «борозда» [л. 4 об.]; *буравъ* «буравъ» [л. 5]; *бѣлянка* «бѣлянка /губа/» [л. 6]; *ведро* «ведро» [л. 6 об.]; *вѣребеи* «воробей» [л. 7]; *вѣрея* «верея» [л. 7]; *вѣршина* «вершина» [л. 7 об.]; *виски* «виски» [л. 8 об.]; *воронка* «воронка» [л. 9]; *ворота* «ворота» [л. 9] и др.

Ударение нередко проставлено и над односложными словами: *бичъ* «бичъ кнуть» [л. 4 об.]; *блѣдъ* «блюдо, тарелка» [л. 4 об.]; *блинъ* «блинъ» [л. 4 об.]; *бобъ* «бобъ» [л. 4 об.]; *бокъ* «бокъ» [л. 4 об.]; *бортъ* «бортъ» [л. 4 об.]; *бунтъ* «бунтъ» [л. 5]; *валь* «валь волна» [л. 6]; *внукъ* «внукъ» [л. 9] и др.

3. Вместо заключения

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что в алфавитном словаре А. Попова встречается довольно большое количество русских заимствований. Они составляют 25 процентов от всех коми-пермяцких слов словаря и весьма разнообразны по тематике. Несмотря на то, что большинство заимствований относится к общерусскому слою лексики, некоторые русские заимствования по различным особенностям удалось идентифицировать как диалектные. Одни русские слова в коми-пермяцком языке не подверглись изменениям при заимствовании и употребляются без модификаций, другие же претерпели различные изменения – на уровнях фонетики, морфемики и, возможно, акцентологии.

Библиография

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области = Акчимский словарь: [В 6-ти выпусках] / Гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь: [б. и.]; Изд-во Перм. ун-та, 1984–2011.

КПРС, 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь: ок. 27000 слов / [Р. М. Баталова, А. С. Кривошѣкова-Гантман]. М.: Русский язык, 1985. 624 с.

Попов, 1785а – Краткой пермской словарь с російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ 1785 года // Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей (ОР). Эрм. 206. 81 л.

Попов, 1785б – Краткой пермской словарь с російскимъ переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный города Перми Петро-Павловского собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ 1785 года // РНБ. ОР. Эрм. 207. 29 л.

Попов, 1785в – Примѣчанія принадлежащія къ грамматикѣ Пермскаго языка сочиненныя города Перми Петро-Павловского собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ съ помощію нѣкоторыхъ пермяковъ знающихъ російскои языкъ 1785 года // РНБ. ОР. Эрм. 208. 33 л.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера: [Т. 1–6; продолжающееся издание] / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2014.

Сл. Акад., 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук: [В 4-х томах]. СПб.: Императорская академия наук, 1847.

СПГ – Словарь пермских говоров: [в 2-х вып.] / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края: Вып. 1. А–В [продолжающееся издание] / Гл. ред. И. И. Руסיнова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2011. 364 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров: [Вып. 1–50; продолжающееся издание] / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2018.

Г. Р. Галиуллина

СЛЕНГОВАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Аннотация. Статья посвящена изучению молодежной сленговой лексики, функционирующей в современном татарском языке. Материал собран путем сплошной выборки из корпусов татарского языка и различных словарей. Также для анализа привлечена картотека татарского сленга, собранная автором в студенческой среде г. Казани. В молодежном сленге как семантическая, так и формальная сторона слова подвергается трансформационным процессам. Семантическая модификация преимущественно реализуется в переносном значении слова. Формальная модификация слова в молодежном сленге неоднородна, она отличается нестабильностью и изменчивостью моделей.

Ключевые слова: татарский язык, лексика, сленг, жаргон, социальный диалект.

G. R. Galiullina

SLANG VOCABULARY IN THE MODERN TATAR LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the study of youth slang vocabulary, functioning in the modern Tatar language. The material was collected by continuous sampling from the corpus of the Tatar language and from various dictionaries. For the purposes of analysis, a card-catalogue of Tatar slang, collected by the author in the student's environment of Kazan, was used. In youth slang, both semantic and formal side of the word is subject to transformational processes. Semantic modification is predominantly materialized in a word's figurative meaning. Formal modification of a word in youth slang is not uniform, it is characterized by instability and variations of the models.

Keywords: the Tatar language, vocabulary, slang, jargon, social dialect.

В последние десятилетия в отечественной лингвистике активизировались исследования, направленные на изучение социальных диалектов. Социальные диалекты образуют сложный и многослойный компонент национального языка, поэтому их изучение дает возможность определить функциональные возможности и дальнейшие пути развития языка. К тому же без изучения функционально-стилистического варьирования национального языка в различных социумах невозможно раскрыть специфику взаимодействия языка и современного общества.

Под термином «социальный диалект» подразумевают разновидность языка, характеризующейся ее использованием в пределах определенной социальной группы – сословной, профессиональной, возрастной. В состав социального диалекта входят такие разновидности языка, как: 1) профессиональные жаргоны, 2) различные групповые жаргоны [Словарь, 2006, с. 205–206]. Среди групповых жаргонов выделяется молодежный жаргон или молодежный сленг – использующийся в речи разнообразных молодежных группировок. Характерные особенности молодежного жаргона: активное употребление, открытость, легкий переход в разговорную речь различных слоев населения обилие заимствований (англицизмов), и жаргонизмов, созданных на базе английских (и интернациональных) корней [Словарь, 2006, с. 133].

В данной работе мы остановимся на молодежной сленговой лексике, функционирующей в современном татарском языке.

Материалом анализа послужили лексические единицы, собранные путем сплошной выборки из Письменного корпуса татарского языка, Корпуса татарской художественной литературы, из различных словарей. Также для анализа привлечена картотека татарского сленга, собранная автором в студенческой среде г. Казани.

Молодежный сленг, как и другие разновидности социального диалекта, отличается нестандартностью, разнообразием лексического состава, словообразовательных моделей, широким использованием лексики, характеризующейся метафоричностью, ярко выраженной экспрессией. Ему характерна мобильность, в его состав интенсивно проникают элементы других языков, тем самым расширяя его функциональные возможности и демонстрируя взаимовлияние языков и культур в коммуникативном процессе. Еще одна особенность молодежного сленга – его недолговечность.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 17-14-16012.

Татарский молодежный сленг представляет особый интерес, потому что он состоит из разных пластов языковых единиц, образованных как на базе татарского языка, так и заимствованных из русского и европейских языков. Среди молодежной среды активно употребляются варваризмы, различные иноязычные вкрапления. В связи с этим нередко возникает вопрос о возможности образования татарского молодежного сленга и его дальнейшего развития. Действительно, на первый взгляд кажется, что татарский молодежный сленг состоит из заимствованной лексики или варваризмов. Однако необходимо отметить, что в настоящее время активизировался процесс образования сленгов на базе татарского языка. Как показывают наши наблюдения, среди татарской молодежи активно функционирует сленговая лексика, которая отличается своеобразным составом, способами словопроизводства, источниками формирования. Рассмотрим более подробно отдельные особенности данной группы лексики.

Молодежный сленг условно делится на две категории: традиционный сленг, передающийся из поколения в поколение и новые образования, возникшие сравнительно недавно. Выявление среди татарской сленговой лексики этих категорий достаточно сложно, так как в татарском языкознании практически отсутствуют исследования, объектом которых выступали социальные диалекты, в том числе и молодежный сленг. Поэтому мы акцентируем внимание на современном этапе функционирования сленговой лексики. Рассматриваемые ниже лексические единицы употребляются в речи молодежи, относящейся к разным социальным группам, хотя чаще они встречаются в студенческой среде.

В молодежном сленге как семантическая, так и формальная сторона слова подвергается трансформационным процессам. Семантическая модификация предполагает актуализацию прямого и переносного значения, не затрагивая формальную сторону слова. В молодежном сленге преимущественно семантическая модификация реализуется в переносном значении слова. В первую очередь нужно акцентировать внимание на образовании сленгов из общеупотребительных лексических единиц, которые метафорически переосмысливаются и приобретают новые значения, например, *сәдәф* 'таблетка', *таба* 'танцпол', *сызу* 'уйти, бежать', *имтиханда йөзэргә* 'неуверенно отвечать', *чеби* 'девочка', *койрык* 'двойка, долг', *тәгәрмәч* 'машина', *берләр* 'перваки, студенты первого курса', *тарзә* 'окно, свободное время между парами' и др. Эта особенность позволяет свободному переходу сленга в разряд общеупотребительной лексики уже новой семантикой [Татар, 2016, с. 175]. Также среди молодежи распространено употребление просторечной лексики: *кәефләнергә* 'хорошо поводить время', *бөке* 'пробка', *мөгезле* 'троллейбус, букв. рогатый' и т. д. Встречается калькирование сленговой лексики из русского языка: *текә / кәттә* 'крутой', *чайнек* 'чайник', *тубә* 'крыша', *тиен* 'белка'.

Основная функция языка, как известно, обеспечение коммуникативного процесса. Учитывая тот факт, что в современном мире границы общения, благодаря появлению мобильных телефонов с сервисом SMS, электронной почты, Интернет-чатов и других средств, весьма расширены, молодежный язык интенсивно переходит из одного языка в другой. Активно функционирующий би- и полилингвизм еще более усиливает данный процесс. В татарском молодежном социуме нашли широкое распространение сленговая лексика, которая проникла из русского, английского или иных европейских языков, например: *кундер* (*Kinder*), *задрот*, *респект* (*respect*), *мани* (*money*) – стипендия, *дискәтүк* – дискотека, *сорри* (*sorry*), *ОК*, *стунуха*, *стипа*, *телик*, *универ*, *курсач*, *матем*, *медка*, *общага*, *чао*, *лаба*, *абитура*, *норм*.

Сленг, как часть речевой системы, выполняет разные функции. Среди которых особое место занимает эмоционально-экспрессивная функция. Сленговые слова и выражения служат для выражения чувства эмоциональной общности членов социальных групп или субкультур, их приверженности к одним ценностным установкам. В зависимости от ситуации придаются использованным словам положительное или отрицательное значения, дается субъективная оценка говорящего [Сосновски, 2016, с. 101]. В составе молодежного сленга общеупотребительные слова преобретают различные коннотативные оттенки, например, многозначное слово *оя* в литературном языке имеет значения 'гнездо', 'нора, норка', 'лунка', 'семья, очаг', 'пристанище', в разговорном языке употребляется в значении 'хибара, лачуга, берлога, конура' и др. [Татарско-русский, т. 2, 2007, с. 109]. В следующем диалоге представлена наглядная демонстрация расширения значения этой лексической единицы: «*Без дустыбызның оясында идек*». – «*Нишләдегез инде анда?*» – «*Әй, санакны карадык, ниндидер жәнлек кергән*». «*Мы были в хате друга*». – «*Что там делали?*» – «*Ай, чинили компьютер, какой-то зверь (вирус) обнаружился*». В этом контексте слово *оя* преобретает переносное значение 'хата, дом'. Здесь же слово *жәнлек*, традиционно имеющее значение 'зверь, зверек' [Татарско-русский, 2007. т. 1, с. 386], преобретает новое значение 'вирус', характерное только для молодежного сленга.

Формальная модификация слова в молодежном сленге, как и в разговорной речи в целом, неоднородна, она отличается нестабильностью и изменчивостью моделей. Однако имеются определенные модели, которые участвуют в образовании молодежного сленга. Среди активных и наиболее распространенных явлений можно указать образование глаголов со словообразовательными

средствами татарского языка от основ, генетически восходящих к русскому и английскому языкам: *данслау* (to dance) 'танцевать', *лайклау, лайклар кыярга* 'ставить лайк'.

Наблюдается образование слов на базе татарского языка, которые не встречаются в литературном языке: *такелдәткечләр* 'часы', *кычкырафон* 'микрофон', *сәпит* 'велосипед', *матай* 'мотоцикл'.

Среди татарского молодежного сленга отдельную сруппу составляют слова, образованные от татарский слов, с использованием словообразовательных средств русского языка: *шәпски, матурчик, үтерически / үтергически, баргански, селфилану, машаллинский*. Такого рода смешение языковых средств весьма распространена в татарском молодежном сленге.

Одной из универсальных особенностей молодежного сленга является стремление к компактности. В речи современной татарской молодежи эта особенность реализуется как в заимствованной, так и исконно татарской сленговой лексике, например: *комп* 'компьютер', *стипа* 'стипендия', *физра* 'физкультура', *лаба* 'лабораторная работа', *фан* 'фанат', *комбай* 'семечки', *шпора* 'шпаргалка', *сәлкеш* (сәләтле кеше) букв. 'талантливый человек', *док* 'документ'.

Среди молодежного сленга нужно выделить усечение основ и аббревиацию. Так, например, среди татарских сленгов встречаются такие формы, как *яңфон* 'сотовый телефон', *ТБК* 'введение в языкознание', *ДУ* 'деревня универсиады', *ВК* (в контакте). Данная особенность чаще наблюдается в письменном общении молодежи на различных чатах, в СМС-сообщениях, где происходит несвойственные для литературного языка сокращения, например, *слм* (сәлам) 'привет', *пжл, пж, пож, пжлст* 'пожалуйста', *дз* 'домашнее задание', *рхмт* (рәхмәт) 'спасибо', *бн* (белән) 'с', *хә* (хәзер) 'сейчас', *бк* (бәлки) 'может быть'.

В последние годы молодежный сленг все чаще проникает в другие слои языка, в частности, в публицистику, в художественную литературу, где встречается большое количество этого рода лексики: *Мондагы тормышның бер кызыгы юк: шул общага – универ, универ – общага* («Татарстан яшьләре»); *Синең кебек шәпский егетләре ташлап киткәнә үзе үкенсен!* («Шәһри Казан»); *Программада күңелле жырлар, үтерически мазәкләр, шәпский пародиялар*. («Балтач таңнары»); *Минемчә, «фейс»ны үткәндә, берничә гади кагыйдәне истә тотарга кирәк* («Кәэф ничек?»); *Заманага туры китереп, яшьлар смайликлар да төшерде* («Ялкын»).

Таким образом, сленговая лексика, функционирующая среди татарской молодежи, отличается как составом, специфичным словообразованием, так и функциональными возможностями. Активное проникновение европейской культуры, билингвизм и стремление показать принадлежность к молодежной субкультуре, быть интересным, оригинальным и современным способствуют постоянному пополнению состава данной группы лексики и расширению границ употребления.

Библиография

Сосновски Я. Словообразование русского студенческого жаргона // Acta universitatis Lodziensis folia Linguistica Rossica. 2016. № 13. С. 93–109.

Словарь социолингвистических терминов. 2006. 312 с.

Русско-татарский словарь актуальной лексики. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 551 с.

Татар лексикологиясе: 3 томда / проект жит. М. З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. Казан, 2016.

Татарско-русский словарь: в 2-х т. Казань: Магариф, 2007.

Р. Д. Зайдуллин

НЕКОТОРЫЕ ПЕРСИЗМЫ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Испокон веков татарский народ поддерживал связь с восточными странами и на этой основе стали проникать в татарский язык арабо-персидские слова. В статье описываются особенности персидских заимствований, раскрывается семантическая форма лексической единицы.

Ключевые слова: татарский язык, персидские заимствования, синестезия, корень, сенсорная лексика, языковой союз.

R. D. Zaydullin

SOME PERSIAN BORROWING IN THE TATAR LANGUAGE AND THEIR FEATURES

Abstract. Since the dawn of time the Tatar people have maintained contact with Eastern countries and on this basis Arab-Persian words rapidly began to penetrate into the Tatar language. The article describes peculiarities of Persian borrowings, reveals the semantic form of a lexical unit.

Keywords: the Tatar language, Persian borrowings, synesthesia, lexical root, sensory vocabulary, language union.

Волго-Камско-центральноазиатский союз образовался в Восточной Европе в периоды сосуществования в ней тюркских, финно-угорских, иранских, славянских языков на смежных территориях, в пределах посредственных по своим управленческим формам, аморфных по своим границам скифо-

сарматских, первобытнообщинных, рабовладельческих, полуфеодальных и феодальных государств полукочевых и оседлых племен в III–I тыс. до н. э. и позже.

Связи, которые возникли в пределах тюркского, иранского и финно-угорского языковых союзов, охватили весь восточноевропейский и центральноазиатский ареал, где государства с характерным для них укладом жизни нередко воевали друг с другом, развивая при этом политические, территориальные, религиозные, экономические претензии друг другу, обмениваясь пленными, занимаясь работоторговлей. Время от времени происходили налаживания мирных отношений. В мирное время устанавливались торговля, а именно: поставка товаров жизненной необходимости по сухопутным и водным магистралям, а также содержались армии, строились города, неоднородным оказался при этом и этнический состав.

Независимо от военного и мирного сосуществования создавались условия, удобные для формирования билингвизма и полилингвизма.

К порождению тюркско-иранско-арабского полилингвизма привели тюркско-иранские связи. В арабских халифатах установилось тюркско-персидско-арабское многоязычие, где двуязычие являлось неизбежным процессом, коммуникация между представителями происходила тесное взаимодействие, в результате которого языки обогащались заимствованиями.

На территориях распространения тюркско-иранских языковых связей в тысячелетия важнейшими культурно-экономическими и социальными факторами были усиление влияния ислама, графики арабского языка; образование государственных объединений, как Скифия, Персида, тюркские кагнаты (народы, которые вели мирное полуоседлое и оседлое сосуществование, имели возможность заниматься земледелием, скотоводством, разными видами ремесел, вели торговлю); распространение ведической, авестийской литературы, оживление деятельности жреческих представительств; гуннское, арабское, монгольское нашествие.

По словам К. М. Мусаева, в древности евразийскую степь греки называли Скифией, персы – Тураном, китайцы – степью северных варваров, на этой территории создавались и разрушались великие империи. Среднеазиатско-восточнотуркестанский, восточноевропейский, крымский, балканский, кавказский, поволжско-уральский ареалы были тесно охвачены ирано-тюркскими контактами, которые не имели локальных ограничений [Мусаев, 2002].

Объединения и союзы, кроме экономических и политических соображений, возникали по языковым, религиозным и по другим признакам. В скифскую эпоху в Волго-Камье, на Урале, в Сибири, на Алтае, в Причерноморье, на Кавказе, в Средней Азии отчетливо выделились иранские, тюркские, финно-угорские, славянские группы языков и культур. Более сплошной массив от Дуная до Алтая по сравнению с другими представляли ираноязычные племена, среди которых находились тюрки и финно-угры. Происходили переселения представителей безграничной Скифии в Китай и Индию, Византию и Египет, Вавилонии и северо-восточные страны. В области письменной речи языки объединялись алфавитами, возникавшими в рамках арамейского письма (пехлеви, клинописью, руническим, согдийским, манихейским, авестийскими письмами, позднее арабским письмом и его разновидностями). У носителей иранских, тюркских, финно-угорских языков до принятия ислама или христианства действовало огнепоклонничество: у иранцев – зооастризм, у тюрков – и определенной части финно-угров – тенгрианство или воршудство зооастрийского толка, которое способствовало возникновению всевозможных культурных, семейных, экономических связей между близкорасположенными общинами.

Словарный состав является наиболее подвижным уровнем каждого языка. Изменение и совершенствование лексики непосредственно связаны с производственной деятельностью человека, с экономической, социальной, политической жизнью народа. В лексике отражаются все процессы исторического развития общества. С появлением новых предметов, явлений возникают новые понятия, а вместе с ними – и слова для наименования этих понятий. С отмиранием тех или иных явлений уходят из употребления или меняют свой звуковой облик и значение слова, называющие их. Это может происходить как с исконными словами, так и с иноязычными.

В этом отношении заимствование персидских лексических единиц также идет неравномерно в функциональных сферах русского языка и, как и любые другие исконные слова, персизмы неоднородны по степени употребления.

Часть персидских заимствований относится к активному словарному запасу, т. е. к повседневно употребляемым словам, значение которых понятно всем людям, говорящим на русском языке: *базар* < [bāzār], *караван* < [kār(e)vān], *нефть* < [naft], *обезьяна* < [buzine], *сарай* < [sarā(y)] и др.

Лексемы, входящие в эту группу, составляют значительное количество в принимающем языке и обозначают важные для носителей языка реалии и понятия; лишены каких бы то ни было признаков устарелости, характеризуются простотой, общепонятностью и регулярной употребляемостью как в разговорно-обиходном, так и в литературном языке.

Другая часть персидских заимствований включает в себя пассивные слова, мигрирующие из активного словарного запаса вследствие деактуализации денотата, либо не находящие употребления в обычной речи, ввиду особенностей обозначаемых ими реалий. В пассивном словарном запасе выступают устаревшие слова, неологизмы и экзотизмы.

Заимствованное слово *درد* *dard* (дард) (в тат. *дарт*) со значением ‘страсть’ в переводе с персидского означает ‘боль’, в татарском языке слово имеет исконную персидскую сему ‘боль’ (газап). Однако имеются также следующие семы в татарском эквиваленте слова – ‘задор’ (юношеский), ‘порыв’, ‘огонек’, ‘бодрость’. Данное слово в татарском языке претерпело процесс мейорации (улучшение значения), значения ‘боль’ и ‘задор, огонек’ вступают в антонимические отношения, например: *Моңсу бер аһаң белән очсыз-кырыйсыз дарт вә хыяллар көйли.* (Ш. Камал); *Бәнем дәрдем вә шәүкым да сәнен дәрдеңлә яксандыр.* (Г. Тукай).

Заимствованное слово *асман* со значением ‘небо’, в персидском языке имеет следующие значения: небо, небеса, небесная твердь, небесная орбита, небесная сфера, небесный свод; имя духа 27-го дня каждого месяца персидского солнечного года, имя ангела смерти [Ягелло, 1910, с. 86]. Следует отметить, что данной лексической единицей обозначается множество дугих слов небесной материи, где слово обычно обозначает явления, предметы, которые сохранили исконное значение: *asman-a-dnia* ‘лунная орбита’; *asmanbriz* ‘девятое или самое верхнее небо’; *asmandrə* ‘млечный путь’; *asmangru* ‘гром’; *asmankdr* ‘могущественный (как небо)’; *asmaniir* ‘метеор, падающая звезда’; *asmankir* ‘свод, тент, намет, беседка’; данное слово выступает корнем слова, обозначающее драгоценный камень *asmanhuni* ‘сапфир, гиацинт’; *asmanə* ‘потолок, крыша’, *asmani* ‘небесный, лазуревый, голубой’ *asmanizbaz* ‘язык ангелов, красноречивый’ [Ягелло, 1910, с. 86]. В татарском языке слово сохранило только исконное значение персидского эквивалента ‘небо’: *Көндә кич асманга җәен, шайтан менә; менгәне берсе бетә, корбан була.* (Ш. Бабич).

В татарском языке имеется заимствование из персидского слово *абдәстханә* (*әбдәстханә*) со значениями ‘помещение, место для омовения; уборная, отхожее место’, которое состоит из трех персидских корней: *ab* ‘вода’, *dāst* ‘полотенце’, *hanə* ‘комната, помещение’. С лексической единицей *ab* образованы различные слова, обозначающие слова, которые имеют семантику воды, таковыми являются имена существительные (напитки, различные жидкости), глаголы (действия, которые имеют сему с ‘водой’). Для полного представления о данной особенности мы разделяем их на следующие группы: 1) жидкости, обозначающие еду, пищу, напитки: *abankur* ‘вино’, *ab-atshrmziah* ‘красное вино’, *abbtal-tazh* ‘вино’, ‘слезы влюбленного’, *abbanknin* ‘мед’, *abbpgte* ‘суп’, ‘навар’, ‘бульон’; 2) жидкости, встречающиеся в природе, физические явления: *abb-bste* ‘лед’, ‘град’, ‘снег’, ‘иней’, ‘стекло’, ‘кристалл’, ‘хрусталь’, *abb-bdrnki* ‘кровь’, ‘слезы от горя’, *abb-atshrzde* ‘слезы’, *abb-bbini* ‘сопля’, *abb-gari* ‘текучая вода’, ‘поток’, ‘ручей’, ‘речка’; ‘слезы’, *abb-baran* ‘дождевая вода’; 3) глаголы действия, связанные с предметами воды: *abpashi* ‘орошение’, ‘окропление’, *abtahtn* ‘мочиться’, *abbazi* ‘плавание’, ‘купание’ *abbazigarn* ‘плавать’, ‘купаться’; 4) виды воды: *abb-baran* ‘дождевая вода’, *abb-gari* ‘текучая вода’, *abbpgte* ‘кипяченая вода’, *abb-bka* ‘жизненная вода (эликсир)’, *abb-barila* ‘мелкая, «удобная» для пищеварения вода’. Лексическая единица *ab* ‘вода’ является корнем-префиксом множеств слов в персидском языке, каоторые могут обозначать различные стороны бытия, однако сохраняя исконный смысл [Ягелло, 1910, с. 1–5]: *Хак ризасы өчен мәңә бир аб вә нан.* (Мөхмәммәдъяр); *Абелхәят* (араб.-перс.) ‘вечная вода’ Ник ләгыйн абелхәятны урлаган? (Ш. Бабич).

Персидское заимствование *дан* ‘слава’, ‘учение’, ‘знание’ нередко встречается в татарском языке, употребляется и в литературе – *danend* (*данәнд*): *Аз-аз өйрәнәп данәнд булырлар.* (К. Насыри) ‘Знающий, понимающий’. *danijar* ‘любящий ученье, стремящийся к просвещению’ в татарском языке это заимствование используется в качестве собственного имени *Данияр*. Заимствование *danprst* (*данпәрәст*) ‘любитель славы, гонящийся за славой’ *Гыйсмәтуллин шалтыравык, ялтыравык данпәрәст...* (Ш. Бабич). Персизм *danshmnd* (*данишимәнд*) ‘ученый, деятель науки; мудрец’ тоже употреблялся в татарском языке в XVIII–XIX вв.

Персидское заимствование *аждаһа* в литературном татарском языке активно употребляется в произведениях литературы. Раскрывая эстетическую сторону татарского языка данная лексическая единица образует метафоры и занимая при этом актантную позицию метафоры, которая часто предполагает наличие указательного местоимения, иначе метафора понимается как исходное значение того слова, знаком которого она выражена: *Бу аждаһа, кара болыт булып, бөтен Себерне, Уралны каплап алды.* (Г. Ибраһимов). ‘Этот дракон, как черное облако, покрыл весь Сибирь, Урал’ [Нугуманова, 2009 с. 15].

Как и в других, в татарском языке имеется огромный пласт эмпирических прилагательных, обозначающих вкусовые, обонятельные, зрительные, осязательные и звуковые ощущения. Благодаря способности человека соотносить, они активно метафоризируются, их семная структура сдвигается. Разнородные физиологические раздражители: звук, цвет, вкус, запах, свет и т. д., скрещиваясь между

собой, порождают целые пучки языковых образов: зрительных, вкусовых, акустических, обонятельных, тактильных (осязательных). В языке данное определение употребляется термином «синестезия». Параллельно с персидской культурой у носителей татарского языка метафоры образовывались обогащая лексический состав [Нугуманова, 2008, с. 63].

Заемствования из персидского языка относятся к религии, просвещению, государственно-административной жизни, филологии, хозяйству, названиям лиц. С точки зрения словоизменения, подавляющее большинство персидских заимствованных слов, можно утверждать, что полностью подчиняются закономерностям, действующим в татарском языке.

Библиография

- Мусаев К. М. Тюрки Центральной Европы: контакты языков и культур // Тюркология. 2002. № 1. С. 10–25.
Нугуманова А. А. Метафоры в татарском языке: лексико-грамматический и стилистический аспекты: автореф. дис... канд. филол. наук. Казань, 2009. 27 с.
Нугуманова А. А. Синестетическая метафора как результат соощущения // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания. Уфа, 2008. С. 62–64.
Шарафутдинова А. Г. Ранние тюрко-иранские языковые связи (на материале контактов лексики и морфологии татарского и таджикского языков). Казань: Изд-во «Слово», 2010. 288 с.
Ягелло И. Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент: Электропар. типолитогр. Штаба Туркест. воен. окр., 1910., IV, 1815 с.

Кельмаков В. К.

К ПИСЬМЕННОЙ ИСТОРИИ ОДНОГО БУЛГАРИЗМА УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Аннотация. На основе наблюдения над некоторыми источниками XVIII–XXI вв. (словарями, переводными и оригинальными изданиями) автор выявляет, что слово *амсыр* 'узкий, неширокий', представляющее собой собственно удмуртское заимствование из болгарского языка, сохранилось в живом бытовании лишь в некоторых южных удмуртских говорах и языке бесермян. Письменно оно зафиксировано лишь в переводах на казанский диалект (современный кукморский говор) Евангелия от Матфея 1904 и 1912 г., а также в стихотворении Г. Сабитова, носителя этого же говора. В абсолютном большинстве как ранних текстов, так современных на его месте употребляются его более распространенные синонимы: *сюбег*, *сюлэг*, (реже) *џоскыт*.

Ключевые слова: словари, переводы Евангелия от Матфея, болгарское заимствование, южные диалекты удмуртского языка.

Kelmakov V. K.

TO THE WRITTEN HISTORY OF ONE BULGARISM IN UDMURT DIALECTS

Abstract. Having observed some sources of the 18th–21st centuries (dictionaries, original and translated publications) the author finds out that the word *амсыр* – “narrow, not wide” representing an Udmurt borrowing from the Bulgar language, has been preserved in existence only in some southern dialects and in the language of the Besermyans. This borrowing is fixed in writing only in translations of St Matthew’s Gospel dated 1904 and 1912 into Kazan dialect (modern Kukmorsky dialect (accent)). This borrowing can also be found in the poem written by G. Sabitov who was a native speaker of Kukmor dialect. The absolute majority of both old and new texts uses such widely spread synonyms of the word as *амсыр* as *сюбег* (*šubeg*), *сюлэг* (*šuleg*), (less often) *џоскыт* (*džoskit*).

Keywords: dictionaries, translations of St Matthew’s Gospel, a Bulgar borrowing, southern dialects of the Udmurt language.

В ряде стихотворений сборника Г. Сабитова «Яратйсько» ('Люблю') издания 1975 г. стояло общеудмуртское литературное слово *сюбег* 'узкий', не употребительное в его родном (кукморском) говоре, см., например:

Сьџдачбей *сюбег* ана вылад
Вазь сйзьыл уг пуксџ туриос.
Кутыны но юнме ысьялляд –
Мон кие џз сџтскылэ соос.

[Сабитов, 1975, с. 43].

На узкую полоску твоей гречихи
Ранней осенью не садятся журавли.
И напрасно отправлял меня ловить их –
В руки не давались мне они.

џд вунэт, ло, огпол кызы
Татысь *сюбег* ана вылын
Мон, тэшылы, арай сезыы
Какалмытйсь сюрлоеным?

[Сабитов, 1975, с.54].

Ты не забыла, наверно, как однажды
Здесь, на узкой полоске поля,
Я, малец, жал овес
Своим изнуряющим серпом?

Однако десять лет спустя (1985), в очередном издании этого произведения «Эх, бабай!» ('Эх, дед!') автор "при ясном уме и твердой памяти" литературное слово *субег* заменил на диалектное, свое, родное – *амсыр*:

*Сьодчабей амсыр ана вылад
Вазь сйзыыл уг пуксё туриос.
Кутыны но юнме ысыяляд –
Мон кие өз сётскылэ соос.
[Сабитов, 1985, с. 42].*

Трудно судить, чем руководствовался при этом автор, вводя узкодialeктное слово *амсыр* в цитируемое здесь стихотворение рядом с другим, но относительно более широкого распространения диалектным словом южн. *бабай* и общеудмуртским синонимом последнего *песятай* 'дед'. Ведь слово *амсыр* (~ *аҗсыр*), являясь болгарским заимствованием раннего праудмуртского периода (в коми диалектах его нет), ср.: чув. *ансър* 'узкий (букв. 'неширокий')' | азерб., кирг., казах., узб. *энсиз*, туркм. *инсиз*, тат. *иңсез* 'узкий' и др. [Wichmann, 1903, с. 39; Егоров, 1964, с. 28; Федотов, 1968, с. 97; Тараканов, 1993, с. 33–34], по свидетельству письменных источников удмуртского языка, известно в настоящее время преимущественно лишь в говорах периферийно-южного диалекта, да еще в языке бесермян, ср.:

1) по данным Ю. Вихманна (лексические материалы были собраны им в конце XIX в.), – в "малмыжско-уржумском", т. е. в современном шошминском: м.-урж. *аҗсир, аmsir* 'узкий' [Wichmann, 1987, с. 7];

2) по переводам Евангелия от Матфея – в казанском (кукморская версия): *амсыр сюрес* 'узкая дорога' [Еванг. 1904, с. 18; Еванг. 1912, с. 19];

3) по И. В. Яковлеву, каз. *амсыр* 'узкий' [Яковлев, 1919, с. 6, 78];

4) по сведениям Т. К. Борисова, – в "крайне-южном" наречии (совр. периферийно-южный диалект) и бесермянском: кр. юж., бес. *амсыр* 'узкий' [Борисов, 1932, с. 15];

5) по моим данным – в кукморском: *amsər ~ aҗsər* 'узкий' [Кельмаков, 1965, с. 315];

6) по новейшим материалам – в бесермянском: *амсөр* 'узкий, тесный'; *Колиторзэ прось амсөр лэсьтйллям* '<...>'Коридор совсем узким сделали '<...>'. *Та река амсөр, но мур.* 'Эта река неширокая, но глубокая' [Усачёва, 2017, с. 357].

В объяснение неподдельной симпатии поэта Г. Сабитова к этому слову *амсыр* могу лишь высказать два соображения (ведь у него самого уже не спросишь – давно нет в живых):

во-первых, для осмысления своих интимных детских – ностальгических на склоне лет – переживаний, выражения теплых чувств к родным и близким, описания родной деревни и своей малой родины, характеристики того языкового окружения, на лоне которого он рос, воспитывался и в конечном счете сформировался как народный поэт Удмуртии, Гайфутдин Сабитович Сабитов нуждался, поелику это возможно, в своих "родных" словах и выражениях, каковыми для него явились специфичные слова и формы кукморского диалекта, микропонимия округа, антропонимы родственников и односельчан и пр. (подробнее об этом см.: Кельмаков, 2015, с. 246–247);

во-вторых, заметим, что ко времени второго издания стихотворения – в 80–90-х гг. истекшего столетия – отношение писателей и редакторов к диалектизмам значительно "смягчилось", и в литературный язык мощным потоком хлынули лексические (и не только!) диалектизмы, характерные для родного говора авторов, что можно пронаблюдать не только в этом конкретном случае, но и, в большей степени, на материале языка произведений ряда удмуртских писателей, в особенности Г. К. Перевощикова [Вахрушев 1983], П. К. Чернова и др.

Слово *амсыр*, зафиксированное памятниками письменности с конца XIX – начала XX в. (см. выше), естественно, продолжало и впредь существовать в ряде современных диалектов, однако в застойные для истории удмуртского литературного языка 40–70-е гг. XX в. оно вообще не замечалось лексикографами, в различных словарях приводятся лишь синонимичные ему параллели, т. е. более распространенные слова *субег* и *сюлэг* (напр.: [РУС, 1942, с. 74; УРС, 1948, с. 283, 284; УОС, 1959, с. 179, 180]). Не случайно именно они очень рано попали в письменные памятники – издания конца XVIII–XIX в.: *сюлэгъ* 'узкий' [Кротовъ, 1785, с. 211]; сар., глаз. *сюлэгъ* 'тѣсень' (Еванг. Сар. 1847, с. 42; Еванг. Глаз. 1847, с. 42); (сев.) *сюлэкъ* 'узкий' [Блиновъ, 1867, с. 11]; *šubeg* 'schmal'; *šulek*(ср. *šubeg*) 'eng' [Wiedemann, 1880, с. 527]; глаз. *šuläg* 'keskény, szök (узкий, тѣсный). – *šuläg šuräs* [Munkácsi, 1896, с. 472] 'узкий путь'.

Вполне закономерно, что именно эти *сюлэг* и *субег* оказались наиболее востребованными и в произведениях удмуртских писателей и поэтов XX – начала XXI в., например:

сюбег: *Сюбег солэн [Тиконлэн] анаез, лапег будэмын зегез [Медведев, 1958, с. 195]. 'Узка его [Тихона] полоска, низко выросла рожь'. Сюбег но кузь кабинетын сокем шыпыт али, быдтырзэ кутъёслэсь бизгетэмзэс но кылод [Веретенников, 1994, с. 147]. 'В узком и длинном кабинете сейчас настолько тихо, что даже жужжание мух можно услышать'. Нош Окыль, пал кыл но вератэк, гуразь пала кошкиз. Кисыриё сюбег ымнырыз заректійз [Волков, 2010, с. 45]. 'А Окыль, не произнеся ни слова, направилась в сторону женской половины. Ее морщинистое узкое лицо побледнело'. Кузялэс но сюбег комнатаын люкыт, пуктылэм жёккъёс вискытій мырдэмен ортчиськод [Самсонов, 1986, с. 207]. 'В удлиненной и узкой комнате тесно, с трудом проходишь между расставленными столами'.*

сюлэг: *Та вадъсын шур, сюлэг ке но, туж мур [Кедра Митрей, 1957, с. 53]. 'Река на этом месте, хотя и узкая, но очень глубокая'. Ульча сюлэг, калык трос [Волков, 2010, с. 176]. 'Улица узкая, народу много'. Мынйёско тыро возэн бусыетій ознам. Сюрес сюлэг, вал тыбыр кадъ вылланы жэутійськемын. Кожон интыос ёвёл [Емельянов, 1995, с. 30]. 'Еду я по полю один, с нагруженным возом. Дорога узкая, вздыбленная, как лошадиный хребет. Сворачивать некуда'.*

Лишь после длительного перерыва, начиная с 80-х гг. XX в., удмуртские лексикографы вдруг да и вспомнили о существовании слова *амсыр*, и оно вновь начинает фиксироваться в нормативных удмуртско-русских, орфографических, удмуртско-венгерском словарях удмуртского языка, – разумеется, с пометой *диал.*, напр.: *амсыр* [УРС, 1983, с. 29; УКШГК, 2002, с. 63; Kozmács, 2002, с. 26; *амсыр* и *ансыр* [УРС, 2008, с. 42, 44].

Однако оно, узкодиалектное, все же не пользуется популярностью у современных удмуртских мастеров слова, равно как и его третий синоним – *сюбед*; последний на данном этапе известен мне лишь по двум источникам: 1) удмуртскому словарю Б. Мункачи: *śubād* (сар. **śubeg* Wied.) 'keskény, szök (узкий) [Munkácsi, 1896, с. 470]; 2) по переводам Евангелия от Матфея 1904 и 1912 гг.: *сюбет* [Еванг., 1904, с. 18–19; Еванг., 1912, с. 19], где оно представлено лишь в сноске как инодиалектное соответствие к слову *амсыр*.

Некоторое представление об употребляемости всех трех синонимов *сюлэг*, *сюбег*, *амсыр* 'узкий' и контекстуального синонима *жоскыт* (в источниках: *дёскыт*, *лоскыт*, *дзёскыт*) 'тесный' в языке письменных текстов, созданных на различных диалектах и в различные годы (1847–2013), могут дать извлеченные из переводов Евангелия от Матфея удмуртские соответствия одному и тому же русскоязычному фрагменту, ср.:

(Мф. 7:13–14) Входите тесными вратами, потому что широка врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их [Библия, 1988, с. 1019]. →

1847: (сар. **сюлэгъ-**) 'Пыралэ дзёскыт капкаень; паськыт бонь капка вэль сюрэсь-но быронэ пырто; уноэзь-икъ соинь мыно. Марь кэмь дзёскыт капка, **сюлэгъ-**но сюрэсь, улонэ пыртысьёсь, марь кэмь-но ежётъ шэдтысьёсь соосызъ' [Еванг. Сар., 1847, с. 42]. ~ (глаз. **сюлэгъ-**) 'Пыралэ дзёскыт зэзиэнь; паськыт бенъ зэзи вэль сюрэсь-но быронэ-нэ пырто; уноэзь-икъ бенъ соинь мыно. Марь кэмь дзёскыт зэзи, **сюлэгъ-**но сюрэсь, улоннэ пыртысьёсь, марь кэмь ици шэдтысьёсь соосызъ!' [Еванг. Глаз., 1847, с. 42].

1863: (**śubeg**) *Pyrylä džoskyt kapkajen; paskyt bön kapka vel śures no byronä pyrto, unoezyk soin mupo. Markem džoskyt kapka śubeg no śures ulonä pyrtyśjos, markem no öžyt šed'tyśjos sojoszä* [Evang., 1863, с. 21].

1877: (каз. **жоскыт**) *Жоскыт капкати пырелэ, паськыт капка эркын сүрес тамокэ мынэ уно мурт со сюрести мынэ. Ужмакэ мынон капка лоскыт, мынон сүрээсэз но жоскыт, со понна сое ыжыт мурт гынэ шэттыса мынэ* [Еванг., 1877. с. 17].

1882: (каз. **дзёскыт**) *Дзёскыт капкати пырелэ; паськыт капкаэн паськыт сюрес быроне пырте, уно мурт но со сюрести мынэ. Улонэ пыртысь капкаэн сюрес дзёскыт, сое ыжыт мурт гынэ шедтыса мынэ* [Еванг., 1882, с. 18].

1904, 1912: (каз. **амсыр**) *Дёскыт капкати пырелэ; паськыт сюрес быронэ нуэ, уно муртёс со сюресті мыно. Дёскыт капка, амсыр сюрес кулонтэм улонэ пырто, соёсыз ыжыт муртёс гынэ шеттов* [Еванг., 1904, с. 18–19; Еванг., 1912, с. 19].

1992: (совр. лит. **сюбег**) *Жоскыт капкати пырелэ, малы ке шуоно, паськыт капка но эркын сюрес быронэ нуо, оті тросэз мыно; малы ке шуоно, жоскыт капка но сюбег сюрес улонэ нуо, но ёжытэз соосты шедьто* [Жеч ивор, 1992, с. 14].

1997, 2013: (**сюбег**) *Жоскыт капкати пырелэ, уго паськыт капка, эркын сюрес быронэ нуо, – оті тросэз мыно. Жоскыт капка, сюбег сюрес улонэ нуо, но ёжытэз соосты шедьто* [Вильё сйзён, 1997, с. 18–19; Библия, 2013, с. 1263].

Как можем заметить, в самых ранних переводах (1847) использована форма *сюлэг*; в одном переводе второй половины XIX в. (1863), а также в конце XX – начале XXI в. (1992, 1997, 2013) находим широко распространенную словоформу *сюбег*; лишь в самом начале XX столетия (1904, 1912) – в переводах с преимущественной опорой на казанский диалект – встречается слово *амсыр*; переводчики же 1877 и 1882 гг. по не понятной для меня причине вообще отказались от слов этого синонимического ряда со значением 'узкий' (*сюбег, сюлэг, амсыр*), отдав предпочтение слову с несколько иной семантикой – 'тесный' (*юскыт, дзёскыт*).

Что касается рассматриваемого диалектного слова *амсыр*, то оно не может выйти на более широкий простор удмуртского письменного языка, сняв с себя кафтан узкой диалектности.

Этот, возможно, предварительный вывод о функционировании слова *амсыр* (и его синонимов) в письменных памятниках XVIII – начала XXI в. на удмуртском языке, разумеется, может быть серьезно уточнен или даже кардинально изменен при условии, если в процесс наблюдения будет включен предельно бóльший круг разнообразных и разновременных текстов, созданных на удмуртском языке в течение XVIII–XXI вв.

Список условных сокращений языков и диалектов

Азерб. – азербайджанский язык; *бес.* – язык бесермян; *глаз.* – глазовский диалект удмуртского языка (по: Еванг. Глаз. 1847; Munkácsi, 1896); *каз.* – казанский диалект удмуртского языка (по: Еванг., 1877; Еванг., 1882; Еванг., 1904; Еванг., 1912; Яковлев, 1919); *казах.* – казахский язык; *кирг.* – киргизский язык; *кр. юж.* – крайне-южный диалект удмуртского языка (по: Борисов, 1932); *м.-урж.* – малмыжско-уржумский диалект удмуртского языка (по: Wichmann, 1987); *сар.* – сарапульский диалект удмуртского языка (по: Еванг. Сар. 1847); *сев.* – северные диалекты удмуртского языка; *совр. лит.* – современный литературный удмуртский язык; *тат.* – татарский язык; *турк.* – туркменский язык; *узб.* – узбекский язык; *чув.* – чувашский язык; *южн.* – южные говоры удмуртского языка.

Библиография

- Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1988. 1371 с.
- Библия: [удмурт кылын] / Библиез берыктонъя Институт; [берыктыз Михаил Атаманов]. Хельсинки: Библиез берыктонъя институт. Ижкар, 2013. 1696 б.
- Блинов Н. Н. Лыдонь. Азбука для вотских дѣтей. Вятка: Тип. Губерн. правления, 1867. 24 с.
- Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам = Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1932. XXII, 374 с.
- Вахрушев В. М. Диалектизмы в произведениях Г. К. Перовошикова // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики: сб. ст. / НИИ при Совете Министров Удмурт. АССР. Ижевск, 1983. С. 5–35.
- Веретенников А. И. Чурай улосын: повесть, веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1994. 160 б.
- Волков А. В. Кунай Олѣк: роман. Ижевск: Удмуртия, 1984. 232 б.
- Волков М. Сюрес вожын: Веросьёсын бичет (1919–1935-тй арѣс) / Азькылзэ гожтйз, люказ, радъяз но валэктонъёс сѣтйз С. Т. Аркеева. Ижкар: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2010. 468 б.
- Еванг. Глаз., 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. Евангелистовъ Матѣея и Марка, на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, *Глазовскаго нарѣчія*. Казань, 1847. 234 с. // Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). С. 1–234.
- Еванг. Сар., 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. Евангелиста Матѣея, на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, *Сарапульскаго нарѣчія*. Казань, 1847. 234 с. // Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). С. 1–234.
- Еванг., 1877 – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѣея. Милям Господь Иисус Христослэн чѣйн Евангеліез. Матѣей гожтэм Евангеліе: Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. Казань, 1877. 82 с.
- Еванг., 1882 – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѣея на вотякскомъ языкѣ. Милям Господь Иисус Христослэн Дзещ йыворез, Матѣей гожтэм Дзещ йывор уд морт кылын. Гельсингфорсъ, 1882. 92, [1] с.
- Еванг., 1904 – Матѣей гоштэм Евангеліе // Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѣея, Марка, Луки и Иоанна на вотскомъ языкѣ. Казань, 1904. 338 с.
- Еванг., 1912 – Матѣей гоштэм Евангеліе // Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѣея, Марка, Луки и Иоанна на вотскомъ языкѣ. Казань, 1912. 327 с.
- Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 356 с.
- Емельянов К. В. Капка събрын // Емельянов К. В., Гусев И. И. Капка събрын; Ёукыртэ, ёуштэ сюрес: Повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 3–116-тц б.
- Ёеч ивор / Библиез берыктонъя институт. Стокгольм–Хельсинки, 1992. 279 б.
- Кедра Митрей. Секыт зйбет: роман / 3-тй изд. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1957. 128 б.
- Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка: дис... канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т языкозн. М., 1969. XXX, 475, 175 с.
- Кельмаков В. Литературное и диалектное в языке стихотворений Гая Сабитова (Размышления читателя-лингвиста) // Океан поэзии и музыки Гая Сабитова: Воспоминания, посвящения, письма, документальные материалы, статьи, стихи. Ижевск, 2015. С. 225–252.
- Кротовъ З. Краткой Вотской словарь съ россійскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I. Ижевск, 1995. XX + 208 с.).
- Мф. – Евангелие от Матфея.
- Медведев Г. С. Лёзя бесмен: роман. Нырысетй локетэз. 3-тй изд. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. 235 б.

- РУС, 1942 – Русско-удмуртский словарь / Удмурт. НИИ истории, яз., лит. И фольклора; под. ред. Бутолина. Ижевск: УдГиз, 1942. 408 с.
- Сабитов Г. Ярайтско: Кылбуръёс но кырзанъёс. Ижевск: Удмуртия, 1975. 175 б.
- Сабитов Г. Улон – кырзан: Кылбуръёс. Устинов: Удмуртия, 1985. 120 б.
- Самсонов Е. В. Шундыез уд жильья: Кыкетй повесть / Самсонов Е. В. Лёльшур пальёс. Ижевск: Удмуртия, 1986. 187–304 б.
- Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь). Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. 170 с.
- УКШГК, 2002 – Удмурт кылын шонер гождьаськонъя кыллокам. Шонер гождьаськон но пусъёс пуктылон правилоосын: 30 000 ёрос кылъёс но кылсочетаниос / РНА. УрЛ. Ист., кыльянолит. Удм. ин-т. Ижевск, 2002. 416 б.
- УОС, 1959 – Удмурт орфографической словарь / История, экономика, кылья но литература Удм. научно-исследовательской институт. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. 216 б.
- УОС, 1984 – Удмурт орфографической словарь: 25000 ёрос кылъёс но кыл сочетаниос. Ижевск: Удмуртия, 1984. 352 б.
- УРС, 1948 – Удмуртско-русский словарь / НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Совете Министров Удмурт. АССР. М.: ОГИЗ ГИИНС, 1948. 447 с.
- УРС, 1983 – Удмуртско-русский словарь: ок. 35000 слов / под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Совете Министров Удмурт. АССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.
- УРС, 2008 – Удмуртско-русский словарь: ок. 50000 слов / РАН. УрО. Удмурт. ин-т истории, яз. и лит.; сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.
- Усачёва М. Н. Тезаурус бесермянского наречия: имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан). М.: Издат. решения, 2017. 540 с.
- Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 160 с.
- Яковлев И. В. Удмуртьёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылъёссэс валэктйсь книга. Казань, 1919. 82 б.
- Evang., 1863 – Das Ewangelium des Matthaus wotjakisch, mit Hilfe eines eingeborenen Wotjaken redigiert von F. J. Wiedemann. London, 1863. 112 S.
- Munkácsi B. A wotják nyelv szótára. Budapest, 1896. XVI, 758 l.
- Kozmács István. Udmurt-magyar szótár. Szombathely, 2002. 532 l.
- Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903. XXVIII, 171 S.
- [Wichmann Y.] Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987 (LSFU). XXIII, 421 S.
- Wiedemann F. J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deutschen Register. St.-Petersburg, 1880. XIV, 692 S.

Ключева М. А.

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ НА МАТЕРИАЛЕ ИГРОВОЙ ЛЕКСИКИ И ИГРОВОГО ФОЛЬКЛОРА

Аннотация. Этимологический анализ марийской лексики игры и игрового фольклора вскрывает целые пласты общей лексики финно-угорских и тюркских языков Урало-Поволжья. В марийской игровой терминологии системный характер носят тюркские заимствования. В данной работе анализируется марийская асемантическая считалка, к которой неожиданно обнаружили параллели в тюркском (каракалпакском) детском фольклоре.

Ключевые слова: детский фольклор, игровая лексика, марийский язык, языковые контакты, заимствования.

Klyucheva M. A.

LANGUAGE CONTACTS OF THE URAL-VOLGA REGION PEOPLES ON THE MATERIAL OF GAME VOCABULARY AND GAME FOLKLORE

Abstract. Etymological analysis of the Mari vocabulary of the game and game folklore reveals whole strata of vocabulary common for the Finno-Ugric and the Turkic languages of the Ural-Volga region. In the Mari game terminology, the Turkic borrowings are systemic in nature. In this paper, the Marian asemantic counting-out rhyme is analyzed, to which the parallels in the Turkic (Karakalpak) children's folklore were unexpectedly revealed.

Keywords: children's folklore, game vocabulary, the Mari language, language contacts, borrowings.

Объектом нашего анализа является марийская считалка, которая представлена в пяти вариантах, один из которых опубликован (запись 2001 г.), а остальные извлечены из материалов фольклорных экспедиций Научного рукописного фонда Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (записи 1960 и 1988 гг.). Считалка эта, насколько можно судить по имеющимся фиксациям, бытовала диалектно у носителей волжского говора лугового наречия (д. Верхний Азъял, Малые Параты) и в левобережном говоре (на левом берегу Волги) горного наречия марийского языка (Ардинский сельский совет и д. Озерки).

Приведем тексты рассматриваемой считалки.

(1) *Мала-мала ам черекем,*

Чекма вуян черекем,

Чекма вуян черекем,

Шик, тык (д. Малые Параты Волжского района Марийской АССР. Запись М. А. Ключевой, июнь 2001 г. Информант – А. Р. Большаков 1948 года рождения).

(2) *Ика-ика, мало-мало,*

Апчерекым-черекым,

Узьым, пайым, пай валакым [волакым?], чикым, вуйым, чиван лек (д. Верхний Азъял (Күшыл Азъял), почтовое отделение Учейкино Волжского района Марийской АССР. Запись М. В. Лебедевой и И. М. Игнашевой, июль 1988 г.) [НРФ МарНИИ, МФЭ-88 № 160, Л. 75].

(3) *Ика-ика мала мала*

Вес терекым терекым

Кеня пайым, пай калацым

Чыкя вуйым чыкалок (Ардинский сельский совет Горномарийского района Марийской АССР (ныне Килемарского района Республики Марий Эл). Запись Н. Т. Грачевой, июнь 1960 г. Информант – Н. Скворцова, 6 класс) [НРФ МарНИИ, МФЭ-60 № 2, С. 75, № 270].

(4) *Икя-икя, мала-мала,*

Мак терешын, терешын.

Кыскянин, павакан, пырт лоч (д. Озерки (Озоркатыр) Горномарийского района Марийской АССР. Запись Н. Т. Грачевой, июнь 1960 г. Информанты – В. Зиновьев и Л. Яндубаев, учащиеся 2 класса) [НРФ МарНИИ, МФЭ-60 № 12, С. 50, № 177].

(5) *Икя икя мала мала*

Мам цывекым цывикым кузым

Пайым пай кылатым

Сасна (пайым) вуйым чук (Ардинский сельский совет Килемарского района Марийской АССР. Запись Н. Т. Грачевой, июнь 1960 г. Информант – Г. В. Тюрина, 6 класс) [НРФ МарНИИ, МФЭ-60 № 12, С. 99, № 361].

Все эти тексты асемантические с включением некоторых осмысленных слов и морфем, в частности:

– *ика-ика (икя-икя)* в зачине вариантов 2–5 является слегка видоизмененным марийским числительным *ик(ыт)* ‘один’, что типично для начала считалок-числовок;

– *вуйан* ‘с головой’ (в варианте 1) и *вуйым* ‘голова-АСС’ (в вариантах 2, 3, 5) < мар. *вуй* ‘голова’;

– *сасна* – г. ‘свинья’ (в варианте 5);

– *кеня* – г. ‘мы идем (пойдем)’ (в варианте 3);

– фраза *чиван лек* (в варианте 2) складывается из *чиван* ‘посуда из бересты для сбора бортевого меда’ и *лек* ‘выходи’ от л. *лекташ* ‘выходить’;

– *чекма* (в варианте 1) может быть сопоставлено с лит. л. *чыкма* ‘частокол’;

– *черекем* (в варианте 1) и *черекым* (в варианте 2) могут быть сопоставлено со словом *чырык* ‘четверть’ с притяжательным суффиксом первого лица единственного числа (-ем) либо с суффиксом аккумулятива (-ым). Его асемантическими соответствиями являются *терекым, терекым* (в варианте 3) и *терешын, терешын* (в варианте 4).

Особенно следует отметить слова, которые встречаются в вариантах и волжских, и горных, но при этом имеющие семантику лишь в одном из этих диалектов, что указывает на вторичный характер семантизации (пересемантизации) данных лексем:

– *узьым* – диалектное волжское ‘самец-АСС’ (в варианте 2) ~ лит. л. *узым*. В варианте 5 ему соответствует асемантическое *кузым*.

– фраза *пайым, пай калацым* (в варианте 3) – г. ‘мясо-АСС, мясной калач-АСС’ < г. *пай* ‘мясо’, *калац* ‘белый хлеб, калач’ ~ *пайым, пай кылатым* (в варианте 5). То же *пайым* в волжской считалке уже как асемантическое (мясо в волжском говоре – *шыл*);

– *мала-мала* (в вариантах 1, 3–5) ~ *мало-мало* (в варианте 2) в луговом наречии (в варианте 1) может пониматься как ‘спит’ от *малаш* ‘спать’, но в горном наречии соответствием ему является *амалаш*, т. е. *мала-мала* в горных вариантах считалки является асемантическим, а во втором волжском варианте и вовсе переосмыслено как русское наречие *мало*.

Как показывает теория и история изучения детского фольклора, асемантические считалки часто оказываются заимствованиями из других языков со стертой семантикой [Виноградов, 1998, с. 172–173]. При этом осмысленные слова в них могут оказаться позднейшей семантизацией слов заимствованной считалки. С другой стороны, в таких считалках могут быть и элементы кальки (слова и фразы, переведенные с другого языка). Отсюда обычно весьма проблематично адекватно реконструировать некий сюжет, содержание текста, исходный вариант асемантических считалок. Данная считалка также представлялась нам таким вот практически непостижимым фольклорным текстом, пока в поле нашего внимания не попал следующий текст детской потешки на каракалпакском языке:

– Бала, бала – балтақ,
Басың неге жалтақ?
– Темир қалтақ көп кийдим,
Басқан шығар қалтақ...

– Малыш, малыш – ходунок,
Почему голова твоя плоская?
– Долго носил железный шлем,
Видимо шлем, её придавил.

[Аялаў поэзиясы, 2015, с. 475].

Полагаем, что генетически марийская считалка может быть связана с подобным тюркским текстом, на что указывают следующие признаки:

– стандартный зачин *бала-бала* ‘малыш-малыш’ тюркских потешек может быть исходным фонетическим соответствием марийскому асемантическому *мала-мала* (мало-мало) в зачинах всех пяти вариантов марийской считалки, ср. флукуацию *в ~ м* в парах слов – л. *вынер* и г. *мьнер* ‘холст’ [МРС], л. волж. *воктем* и *моктем* ‘желток’ [Веке, 1997, т. 1, с. 174] при лит. л. *оптем* [МРС], а также *м ~ п* (*амчерекем* и *апчерекем*) в волжских вариантах исследуемой считалки);

– марийское *черекем* (в варианте 1) ~ *чырык* ‘четверть’ этимологически является тюркским заимствованием [Федотов, 1996, т. 2, с. 415], ср. с чув. *чёрёк*, тат. *чирек* то же), но в чувашском у этого слова есть еще значения: ‘обрывок, клоч, рвань, рваный’ [ЧРС]. Отсюда, с притяжательным суффиксом *-ем* (POSS.3SG) это слово могло означать детское обращение к своей тряпичной (сшитой из рванья) куколке.

Отсюда *чекма вуйн черекем* (в варианте 1) может быть понято как «моя куколка с головой как частокол». При этом *чыкма* ‘частокол, огород’ в марийских диалектах означало еще и название крепости, судя по фольклорной фиксации названия марийской столицы у Кировских мари: *Чыкма ола*, где *ола* ‘город’ [МФЭ-66 № 29, с. 41, № 99]. А у горных мари главный город на горном берегу Волги, официальное название которого Козьмодемьянск, по-марийски назывался *Цикмй* [Саваткова, 2008, с. 316], т. е. «с головой как частокол» можно понимать как «с головой защищенной», «с головой, как крепость». В каракалпакской потешке семантическим соответствием этому является голова, на которой носят защитный головной убор – шлем (*темир қалтақ*).

Остальные строки марийской считалки асемантичны либо семантизированы так, что уже по смыслу никак не связано с текстом приведенной тюркской потешки.

Итак, в данной работе высказано предположение о генетической связи марийской считалки с некими тюркскими прототипами. Но для проверки, подтверждения этой гипотезы необходимо более широкое рассмотрение материала детского фольклора тюркских народов, прежде всего непосредственных соседей мари – чуваш, татар и башкир, где может обнаружиться аналог рассмотренной марийской считалки, возможно, и более близкий к ней, чем представленный здесь каракалпакский текст.

Сокращения

Волж. – волжский говор марийского языка, Г. – горное наречие марийского языка, л. – луговое наречие марийского языка, лит. – литературный язык, тат. – татарский язык, чув. – чувашский язык, ACC – аккузатив, POSS.3SG – притяжательный суффикс третьего лица, единственного числа.

Библиография

- Аялаў поэзиясы (поэзия пестования). Нукус: Илим, 2015. Т. 99. 544 с.
- Виноградов Г. С. Детские игровые прелюдии // Виноградов Г. С. Страна детей: избранные труды по этнографии детства. Санкт-Петербург: Историческое наследие, 1998. С. 151–233.
- Ключева М. А. Народные подвижные игры: современный фольклорный сборник. М.: Форум; Неолит, 2014. 400 с.
- МРС – Марийско-русский словарь [Электрон. данные]. Режим доступа: <http://marlamuter.com> (дата обращения: 15.01.2018).
- НРФ МарНИИ, МФЭ-60 № 12 – Научный рукописный фонд МарНИИЯЛИ, Материалы фольклорной экспедиции 1960 года в Горномарийский р-н Марийской АССР. Тетрадь № 12. Записи Грачевой Надежды Тихоновны, студентки 1 курса МГПИ под научным руководством В. А. Аккорина.
- НРФ МарНИИ, МФЭ-66 № 29 – Научный рукописный фонд МарНИИЯЛИ, Материалы фольклорной экспедиции 1966 г. в Кировскую область. Тетрадь № 29. Записи Васильева Петра Николаевича.
- НРФ МарНИИ, МФЭ-88 № 160 – Научный рукописный фонд МарНИИЯЛИ, Материалы фольклорных экспедиций 1988 года в Марийскую и Башкирскую АССР. Тетрадь № 160. Записи студентов МГПИ под руководством С. С. Сабитова.
- Саваткова А. А. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2008. 404 с.
- Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары, 1996.
- ЧРС – Чувашско-русский словарь [Электрон. данные]. Режим доступа: <http://samahsar.chuvash.org> (дата обращения 15.01.2018).
- Beke Ö. Mari nyelvjárásai szótár (= Tscheremissisches Wörterbuch). Szombathely, 1997–2001. Т. I–IX.

ЭТНОКОННОТИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ФЛОРЫ)¹

Аннотация. Статья посвящена вопросам коми-пермяцкой лингвокультурологии. В ней рассматриваются этноконнотации, возникающие в миропонимании коми-пермяков, связанные с наименованиями флоры. Комплексный анализ национальной паремии позволяет утверждать, что национально-культурными метафорами являются фитонимы *пикан* ‘сныть’, *пистик* ‘хвощ полевой’, *горадзюль* ‘купальница’. Они связаны с символами молодости, неопытности, красоты. Наименования деревьев и ягодных кустарников в национальном языке транслируют связь с мужским началом, цветочные растения – ближе к женскому.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, культурная коннотация, фитоним, мотивированность.

A. S. Lobanova

THE CULTURAL CONNOTATIONS OF KOMI-PERM PHYTONYMS

Abstract. The article is devoted to questions of the Komi-Perm linguoculture. In particular, it discusses ethno connotations that occur in the world outlook of the Komi-Perm people associated with phytonyms *pikan* ‘goutweed’, *pistic* ‘horsetail’, *gorajul* ‘globeflower’. As national-cultural metaphors, these items transmit the symbol of youth (adulthood). Names of trees and berry bushes in the national language transmit connection with the masculine, floral plants are closer to the female.

Keywords: Komi-Perm language, the cultural connotation, phytonym, motivation.

Анализ номинативных единиц коми-пермяцкого языка, обладающих культурной коннотацией, позволяет продемонстрировать миропонимание этноса, веками сформированные его ценностные характеристики, предпочтения, а заодно – предостережения и запреты. Именно культурная коннотация является связующим звеном между двумя семиотическими системами – языком и культурой.

Языковая единица, способная реализовать дополнительные семантические доли своего основного значения, реализует культурную информацию и делает ее особо важной для определения национальной специфики языка.

В данном направлении нами выполнены некоторые исследования [Лобанова, 2014; Лобанова, 2015; Лобанова, 2016; Лобанова, 2017]. В настоящей статье, уже резюмируя ранее проведенные наблюдения, попытаемся показать коми-пермяцкую картину миропонимания, связанную с наименованиями флоры.

Лексика флоры как отраслевая терминология часто становится объектом внимания исследователей-лингвистов. Однако, несмотря на повышенный интерес к данному тематическому направлению, до сих пор не выделена единая терминология для его обозначения. Одним из наиболее частотных терминов, используемых для обозначения лексики флоры в лингвистических исследованиях, является термин «фитоним». Также встречаются понятия «фитолексика», «фитотермин» [Фещенко, 2005], «флороним» [Шумбасова, 2012]. Мы отдаем предпочтение терминам *фитоним* и *наименования флоры*, которыми обозначаем единицу ботанической терминологии, номинирующей деревья, кустарники, травы, цветы и другие растения.

Коми-пермяки как таежный народ испокон веков живущий в окружении природы и находящийся в прямой зависимости от нее, не мог не отразить своего отношения к растительному миру средствами языка, но с другой стороны, и само природное окружение наложило отпечаток и в культуре, и в языке народа.

В первую очередь следует отметить, что коми-пермяцкие фитонимы, особенно наименования травянистых растений, имеют высокую степень мотивированности. Свойства и качества растений (реальные, а иногда, возможно, приписываемые. – А. Л.), их внешние признаки, предназначение, место произрастания отражаются в наименованиях. Например, пустырник называют *сьблёмвьеськётантурун* (досл. трава, способная вылечить сердце); подмаренник ползучий, отличающийся своими свойствами прилипать, – *лякаснтурун* (досл. прилипающая трава); фитоним *кочвир* (досл. заячья кровь) обозначает чистотел.

Для представленного исследования является немаловажным и то, что растения широко обозначены в национальной паремии. Так, об очень худом человеке скажут *увтём кёз* (досл. ель без ветвей); а устойчивое выражение *кушман садитны* (досл. редьку посадить) адресуют человеку, нечаянно севшему мимо стула.

Глубокие смыслы имеют пословицы *Быд пулён аслас вуж* ‘У каждого дерева свой корень’; *Дзуртан пуыс дыржык олё* ‘Скрипучее дерево дольше живет’. В этом плане неслучайна и народная

¹ Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ № 18-012-00750 А «Природный мир и традиционная культура коми-пермяков: опыт лексикографического описания».

поговорка *Письтик да пикан – медбур сёян*. ‘Хвощ полевой да сныть – лучшая еда’ в значении ‘самая полезная еда’.

Довольно много народных примет привязано к растениям. Чаще они реализуют погодные предсказания или связаны с сельскохозяйственными работами. Так, если лист осины весной уже размером с копейку – пора завершать посевные работы.

Фитометафоризмы характерны для малых жанров устного народного творчества: частушек, загадок, детского фольклора. Обозначим некоторые особенности функционирования наименований растений в коми-пермяцкой частушке, поскольку именно в ней они (фитонимы) встречаются чаще всего.

Как известно, в народной частушке часто наблюдается противопоставление качеств и свойств двух предметов (явлений, субъектов), за которыми следует сравнение ассоциаций, связанных с этими объектами. В поле зрения в этих текстах попадают деревья и кустарники (*пипу* ‘осина’, *кӧз* ‘ель’, *пожум* ‘сосна’, *кыдз* ‘береза’, *льӧмпу* ‘черемуха’, *жельнӧг* ‘шиповник’, *тополь*, *рябина*), злаковые культуры (*рудзӧг* ‘рожь’, *зӧр* ‘овёс’), дикорастущие травянистые растения (*горадзуль* ‘купальница’, *василек*), окультуренные растения (*роза*, *мак*), ягодные культуры (*малина*, *сэтӧр* ‘смородина’, *морошка*), огородные растения (*кушман* ‘редька’, *калига*). В этих коротких текстах часто фигурируют пары деревьев, такие как *пипу* ‘осина’ и *кӧз* ‘ель’, *пипу* ‘осина’ и *кыдз* ‘береза’, *кӧзпу* ‘ель’ и *ньывпу* ‘пихта’. Чаще всего они ассоциируются с мужским началом, хотя изредка проявляется и женская семантика. Примеры демонстрируют, что осина и пихта реализуют образ старого или женатого мужчины, а ель и береза – молодого, холостого.

<i>Мыйлӧ пипусӧ керавны,</i>	Зачем осину рубить,
<i>Али кӧзыс оз адззись?</i>	Или елка не найдется?
<i>Мыйлӧ гӧтырасӧ любитны,</i>	Зачем женатого любить,
<i>Али томыс оз адззись?</i>	Или молодой не встретится?
<i>Мыйлӧ пипусӧ пӧрӧтны,</i>	Зачем осину рубить,
<i>Бытьтӧ кыдзыс оз адззись.</i>	Будто береза не найдется.
<i>Мыйлӧ пӧрисьсӧ любитны,</i>	Зачем старого любить,
<i>Бытьтӧ томыс оз адззись.</i>	Будто молодой не встретится.

Осина (*пипу*), фигурирующая в приведенных контекстах, в народном мировоззрении является довольно нагруженной и неоднозначной, зачастую противоречивой фигурой. Ее образ подробно был проанализирован Т. Г. Голевой в статье «Знания и представления коми-пермяков об осине» (2014). В своих выводах исследователь отмечает: «Осину нельзя назвать одним из любимых коми-пермяками деревьев, скорее наоборот, чаще ее воспринимают и ассоциируют с некрасивыми, не желаемыми, противоположными “правильной”, “нормальной” жизни явлениями или с низко оцениваемыми вещами» [Голева, 2015, с. 15].

Использование трав или их составляющих в различных обрядах, в народной магии и медицине является важной составляющей акционального уровня народной культуры. Так, в период созревания семян у травянистых растений коми-пермяки отмечают обрядовый праздник *Турун вежан лун* (День смены травы). Шишки хмеля (*таг*) используются в магическом обряде *черӧшлан* (досл. вешание топора). Травницы знают, какую траву порекомендовать молодой женщине, чтобы родить сына, а какую – дочь. В народной мифологии значимое место отводится камышу (*кульчунь*, досл. палец водяного), ржи (*рудзӧг*), а также осине (*пипу*), березе (*кыдз*).

Немаловажную роль играют и кулинарные пристрастия народа. Так, фитоним *пикан* ‘сныть’ известен всем носителям этого языка. Ассоциативное восприятие этой лексемы коми-пермяками довольно разнообразно – в первую очередь возникает образ молодой зеленой травинки, которую традиционно собирают в большом количестве в конце весны – начале лета. Следовательно, на втором месте образы тех блюд, которые характерны для традиционной национальной кухни с применением этого растения (сныть тушенная со сметаной, грибной суп со снытью и др.). Немаловажны в связи с этим особенности сбора, переработки и хранения этой вкусной и полезной травы. Номинация «молодость» также связана с этим словом. Выражение типа *Тэ зшо пикан менӧ велӧтны* в значении ‘Ты еще молодой меня учить’ (досл. ты еще сныть меня учить) довольно употребительно в современной речи коми-пермяков.

При проведении данного исследования методом сплошной выборки из существующих словарей коми-пермяцкого языка (в том числе и рукописных, относящихся к XIX в.), из художественных текстов и материалов, собранных в полевых условиях, нам удалось составить базовый список наименований растительного мира – 188 наименований. В это число мы не включили лексемы, не относящиеся к фитонимам (наименования частей дерева, обозначения корневой системы и т. д.), но посчитали и включили в

названный реестр все зафиксированные фитонимы-диалектизмы. Примерно третья часть всех названий находит соответствия в близкородственном коми(-зырянском) языке; особенно лексемы, обозначающие деревья и кустарники. Количественные изменения фитонимов происходят и за счет активного их заимствования из русского языка. Из общего списка около 40 наименований в своей семантике имеют вторичную номинацию. Конечно, по сравнению с подобными лексическими единицами русского языка это очень незначительное количество, но они довольно специфичны и этнически ориентированы.

Фитонимы с коннотативными значениями обычно рассматриваются в двух неравноправных по количеству и семантически разноплановых группах: фитонимы с антропоморфными коннотативными значениями (она, как правило, более многочисленная) и фитонимы не с антропоморфными коннотативными значениями. Коми-пермяцкие наименования деревьев, кустарников, растений, цветочных и ягодных культур, имеющих коннотацию, только условно можно рассмотреть в названных группах, поскольку они практически все связаны с человеком, следовательно, составляют первую группу исследуемых единиц.

Представим фитонимы, коннотативные значения которых связаны с внешними особенностями человека, его возрастом и физическим состоянием. Коннотации этой группы, актуализируясь во вторичных номинациях – в фитоморфизмах – связаны с такими символами как молодость, юность, старость, мужская и женская красота. Три фитонима – *пикан* ‘снять’, *пистик* ‘хвощ полевой’ и *горазуль* ‘купальница’ (досл. звонкая пуговка) – обладающие высокой степенью метафоричности и объединенные символом молодости (юности), уже становились объектом нашего внимания [Лобанова, 2017]. Напомним, что такое травянистое растение с красивыми желтыми цветами как купальница (*горазуль*) обладает очень богатым символизмом и образностью, но ведущими из них являются символы молодости и красоты. Невзрачный хвощ полевой (*пистик*) связан с мужским началом, мужской силой. Первое весеннее растение, традиционно употребляемое коми-пермяками в пище – снять (*пикан*) – также связано с символом юности, неопытности. Эти растения символизируют человека в целом.

Коннотации этой подгруппы реализуются в виде устойчивых сравнений, когда параллели возникают между образом человека или частей его тела с конкретным растением. В качестве примера можно привести устойчивое выражение *пожум юр* досл. голова как сосна, так скажут о торчащих в разные стороны волосах, о неприбранных волосах. Активные с функциональной точки зрения сравнения *калиг юр* досл. голова как калига (о продолговатой голове) и *картошка ныр* досл. нос как картошка (о крупном носе) характеризуются двумя особенностями. Во-первых, допускаем, что оба являются кальками из русского языка, во-вторых, в них фигурирует не столько растение, сколько плод огородного растения.

Красота юной девушки может сравниться с молодой березкой, что демонстрируют и художественные тексты, например: *Маришыс эд топ читкыля кыдзок!* ‘Мариш ведь словно березка кудрявая (т. е. красивая)’ (М. Лихачев).

Подобные сравнения характерны и для народной частушки, в которой чаще фигурируют цветочные культуры (как дикорастущие, так и садовые), но значительное место в них занимают и деревья, о которых мы уже упоминали выше, например:

<i>Катерина, бытьтö роза,</i>	<i>Катерина, словно роза,</i>
<i>Сідз цветитö, öктö вын ...</i>	<i>Цветет, набирает силу ...</i>

Сравнения с данным компонентом, без сомнения, возникли под влиянием русской традиционной культуры: в суровых уральских условиях роза не является широко культивируемым растением.

Итак, материалы демонстрируют, что в основе метафорического переноса растение > человек, как правило, реализуются внешние признаки растений. Коннотативные значения фитонимов этой группы связаны с внешним видом человека, его физическим состоянием и возрастными особенностями. Они способны реализовать и гендерные обозначения.

К нашему удивлению, в исконном материале мы не обнаружили фитонимы, коннотативные значения которых связаны с характером человека. В то время как в русской лингвокультурологии это довольно широкий пласт наименований растений, реализующих это значение (перец, дуб, лопух и др.). Морально-этические и интеллектуальные качества человека в исследуемом языке реализуются этнозоонимами.

В нашем распоряжении имеется несколько примеров-фитонимов, содержащих оценочно-эмоциональный компонент. В повести М. Лихачева «Менам зон» приводится такая фраза: *Мариш, кыдз дорöм, кыдз öткаса кыдзок, сулаліс посöдз шöрас да гажтöма видзöтис Мирош вылö.* ‘Мариш, словно закованная, словно одинокая березка, стояла в сенях и с грустью смотрела на Мироша’ (М. Лихачев). Символ грусти, одиночества реализуется образом одинокой березки.

Отрицательно-оценочный оттенок содержит фитоним *кушман* 'редька'. Эта лексема выполняет своеобразную функцию слова-заговора: им что-то отрицается, запрещается, выражается недовольство. Выражение *Кушман тэныт оз ков?* 'Редьки тебе не надо?' в значении 'Ничего тебе не достанется, ничего ты не получишь' довольно часто можно услышать в речи коми-пермяков.

Оценочный компонент коннотации в исследуемом языке в большей степени реализуется наименованиями ягод: *малина тусь* (досл. ягода малина), *озьягёдок* 'земляничка', *сэторсин* (досл. глаз, как ягода смородины) о красивых мужских глазах, причем ягодные компоненты, как правило, связаны с семантикой мужской привлекательности. Наименования ягод и плодов, обладающие культурной коннотацией, нуждаются в самостоятельном исследовании.

Таким образом, мотивированность конкретного фитонима зависит от степени общеизвестности актуализируемой семы для всех или для большинства членов лингвокультурного сообщества, в данном случае для коми-пермяцкого народа. А устойчивость и ассоциативность коннотации определяется не только лингвистическими, но и иными причинами. Согласно нашим материалам, стереотипы, связанные с наименованиями флоры, возникают в силу кулинарных традиций народа, особенностей нетрадиционной медицины, обрядовых и иных условностей.

Культурная коннотированность в большей степени реализуется такими растениями как *пикан* 'сныть', *письтик* 'хвощ полевой', *гораздуль* 'купальница', *кушман* 'редька', *ёмидз* 'малина', *кёз* 'ель', *пипу* 'осина', *кыдз* 'береза'. Ожидаемо, что все они произрастают в этих климатических условиях. Среди них есть как деревья, так и травянистые растения, съедобные и несъедобные травы, имеется окультуренное растение.

Таким образом, фитонимическая картина мира, связанная с языковым освоением мира растений, является важным звеном в изучении общей картины мира конкретного этноса.

Библиография

- Голева Т. Г. Знания и представления коми-пермяков об осине // Национальные культуры Урала. Традиционная народная культура в современном полиэтничном пространстве. Екатеринбург, 2015. С. 5–19.
- Лобанова А. С. О культурных коннотациях отдельных этнонимов в языке коми-пермяков // Традиционная культура. М., 2014. № 3 С. 85–91.
- Лобанова А. С. «Одежный» код в коми-пермяцких фразеологизмах // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи. Пермь, 2015. С. 218–223.
- Лобанова А. С. Орнитоним рака («ворона (ворон)») в коми-пермяцком языке. Лингвокультурологический аспект // Вестник Пермского университета. Пермь, 2016. Вып. 4. С. 22–30.
- Лобанова А. С. Некоторые сведения об образе женщины в традиционной культуре коми-пермяков: лингвокультурологический аспект // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи. Пермь, 2016. С. 237–244.
- Лобанова А. С. Ящерица (дзёдзв) в культуре и в языке коми-пермяков. Ономаσιологический и семасиологический аспекты // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2017. № 3. С. 459–467.
- Лобанова А. С. О культурной коннотации коми-пермяцких фитонимов пикан, пистик, гораздуль // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи. Пермь, 2017. С. 240–248.
- Фещенко В. В. О внешних и внутренних горизонтах семиотики // Критика и семиотика. Новосибирск, 2005. Вып. 8. С. 6–43.
- Шумбасова С. С. Функционирование флористической лексики и фразеологии в английском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук. 10.02.04. М., 2012. 21 с.

А. Н. Ракин

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ В ЛИНГВОКОНТАКТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Предметом лингвистического анализа в настоящей работе является заимствованная часть метеорологической лексики пермских языков: коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского, представляющих собой отдельную ветвь в составе финно-угорской языковой семьи. Исследование проводится на материале лексикографических источников всех трех литературных языков, дополнительный материал выявлен авторов путем устного опроса. Классификация метеонимов производится исходя из времени их появления (ранние и поздние заимствования), по источникам проникновения (древнебулгарские, прибалтийско-финские, тюркские, русские и марийские). Отражающий контакты наших предков с соседними народами иноязычный компонент, начало формирования которого относится к общепермской эпохе и восходит к пяти внешним источникам, составляет незначительный удельный вес в системе метеорологической лексики и существенного воздействия на данную отрасль словарного состава пермских языков не оказал.

Ключевые слова: пермские языки, метеорологическая лексика, иноязычный компонент, типы и источники заимствований.

METEOROLOGICAL VOCABULARY OF THE PERMIAN LANGUAGES IN LINGVO-CONTACTOLOGICAL ASPECT

Abstract. The subject of linguistic analysis in the present article is loan words in meteorological vocabulary of the Permian languages: the Komi-Zyryan, the Komi-Permian and the Udmurt languages, which make a separate branch in the Finno-Ugric language family. The study is carried out on the material of lexicographical sources of all three literary languages; additional material was revealed by the author through oral questioning. Classification of metonyms is based on the time of their loaning (early and late borrowings), sources of penetration (ancient Bulgarian, Baltic-Finnish, Turkic, Russian and Mari). A foreign-language component reflecting contacts of our ancestors with neighboring peoples, the origin of which refers to common-Permian epoch and dates back to five external sources, makes a negligible proportion in the system of meteorological vocabulary and had no significant impact on vocabulary in this branch in the Permian languages.

Keywords: the Permian languages, meteorological vocabulary, foreign-language component, types and sources of borrowings.

Метеорологическая лексика занимает важное место в словарном фонде любого естественного языка независимо от того, имеется ли у него литературно-письменная форма или не имеется. Она предназначена для обозначения околоземного атмосферного пространства, происходящих в нем процессов и явлений, связана с наблюдениями за погодными условиями, передвижением воздушных масс, за выпадением осадков, оказывающих непосредственное влияние на состояние природы, на жизнь и деятельность человека. По данным нашей картотеки, составленной на материале всех трех пермских языков, корпус метеорологической лексики состоит из 668 обозначений, относящихся к 141 объекту номинации. Из них 230 единиц принадлежит коми-зырянскому языку, 185 – коми-пермяцкому, 273 – удмуртскому. Основными источниками фактического материала для исследования послужили лексикографические издания пермских литературных языков [КРК, 2000; РКС, 2003; КПРС, 1985; УРС, 1983; УРС, 2008; РУС, 1956], дополнительные сведения по коми-пермяцкой и удмуртской метеорологической лексике получены путем устного опроса некоторых носителей этих языков.

Исходя из предметно-понятийного содержания лексических единиц в составе метеорологических названий условно можно выделить пять основных компонентов: 1) общесистемные обозначения; особенность данной группы метонимов заключается в том, что они относятся к метеорологической лексике в целом, а не к какой-либо ее разновидности и имеют, например, такие значения, как ‘метеорология’, ‘атмосфера’, ‘воздух’, ‘погода’; 2) обозначения состояния атмосферы, называющие такие метеорологические реалии, как ‘тепло’, ‘холодно’, ‘ветрено’, ‘ясно’, ‘пасмурно’, ‘сухо’, ‘сыро’; 3) наименования атмосферных явлений типа ‘облако’, ‘туча’, ‘гром’, ‘молния’, ‘заря’, ‘северное сияние’, ‘радуга’, ‘сумерки’, ‘туман’; 4) названия атмосферных осадков, которыми обозначаются такие атмосферные реалии, как ‘дождь’, ‘морось’, ‘роса’, ‘снег’, ‘град’, ‘иней’; 5) названия ветров, связанные с такими объектами номинации, как ‘ветер’, ‘северный ветер’, ‘южный ветер’, ‘западный ветер’, ‘порывистый ветер’, ‘вихрь’, ‘буря’, ‘вьюга’, ‘метель’, ‘ураган’.

Каждая из этих частей метеорологической лексики имеет свою структурную организацию, обладает собственной системой объектов номинации и необходимым для их обозначения набором лексических единиц.

Метеорологическая лексика пермских языков по своему происхождению состоит из двух компонентов – исконного и заимствованного.

Исконный фонд метеорологической лексики пермских языков с точки зрения происхождения представляет собой многослойную структуру. В соответствии с хронологией возникновения в нем различаются допермские, общепермские, пракоми и индивидуально-пермские образования. Допермские (прауральские, прафинно-угорские, прафинно-пермские), прапермские и пракоми метеорологические названия составляют общее наследие всех трех (или двух) современных пермских языков. Индивидуально-пермские обозначения – поздние образования, возникшие в каждом из них самостоятельно после распада прапермской и пракоми языковых общностей.

Данное исследование посвящено иноязычному компоненту метеорологической лексики пермских языков, сложившемуся в результате контактирования носителей наших языков с представителями соседних народов. В составе не исконных метонимов в зависимости от времени их проникновения различаются ранние и поздние заимствования.

К числу ранних заимствований в системе метеорологической лексики, появившихся в прапермскую эпоху, относятся два названия. Для слова, обозначающего бурю, праформа реконструируется в виде **s'ul-* ‘буря, ураган’. Этот метоним возводится к древнебулгарскому источнику. В качестве доказательства его не исконности приводится чув. *çil* ‘ветер’, имеющее параллели в других тюркских

языках, например, в башкирском и киргизском [КЭСК, 1999, с. 271]. О существовании данного обозначения известно из письменных памятников древнекоми языка: *сьыв* дп. 'буря, ураган' [КЭСК, 1999, с. 271]. Сохранилось оно и употребляется сейчас в некоторых диалектах коми-зырянского языка: *сьыы* вым. иж., *сив* нв. уд. «буря, сильный ветер» [ССКЗД, 1961, с. 356], также приводится как общеупотребительное слово в последнем издании словаря литературного языка: *сьыв* 'буря; ураган; сильный ветер' [КРК, 2000, с. 627]. Рассматриваемое слово в современном коми-пермяцком языке не употребляется, оно, видимо, было утрачено. В удмуртском языке соответствие коми-зырянскому слову имеется, но не в качестве самостоятельного слова, а лишь как компонент в составе таких двучленных названий, как *сильтӧл* 'ураган; буря', *сильнуэм* 'бузелом' [УРС, 1983, с. 389].

Удмуртский метеоним *бус* 'туман' также считается древнебулгарским заимствованием. Он сопоставляется с чув. *pis* 'пар', башк. *pīs* 'пар', чаг. *bus* 'туман' [КЭСК, 1999, с. 85]. Употребляющееся в литературных коми языках слово *бус* 'пыль' [КРК, 2000, с. 69; КППС, 1985, с. 47], которое имеет тот же самый источник возникновения, что и удмуртское обозначение тумана, к метеорологической лексике не относится.

Группа поздних заимствований состоит из метеонимов русского, прибалтийско-финского, тюркского и марийского происхождения.

Русские заимствования имеются во всех трех пермских языках: кз. *атмосфера* 'атмосфера', *температура* 'температура', *жар* 'жарко', *пурга* 'пурга' (см.: Ракин-1, 2016); кп. *атмосфера* 'атмосфера', *температура* 'температура', *заря* 'заря', *роса* 'роса', *крупа* 'крупа', *пурга* 'пурга', *погода* 'ветер' (см.: Ракин-2, 2016); удм. *атмосфера* 'атмосфера', *температура* 'температура', *мускыт* 'влажно', *северной сияние* 'северное сияние' (см.: Ракин, 2017).

Как свидетельствуют приведенные примеры, русские заимствования в пермских языках, как правило, не претерпели существенных фонетических, морфологических и семантических изменений. В целом ряде случаев они дублируют исконные метеонимы, ср. кп. *воздух* 'воздух' и *ру* 'воздух', *заря* 'заря' и *кыа* 'заря', *крупа* 'крупа' и *катша шыдӧс* 'крупа', *роса* 'роса' и *лысва* 'роса', *погода* 'ветер' и *тӧв* 'ветер'; удм. *северной сияние* 'северное сияние' и *уйпал инворекъян* 'северное сияние'; кз. *воздух* 'воздух' и *сынӧд* 'воздух'.

Кроме заимствований из русского литературного языка в составе метеорологической лексики пермских языков имеются обозначения, проникшие из русских народных говоров: кз. *поводдя* 'погода', *пакта* 'изморозь; сухой, мелкий снег', *слӧт* 'дождь со снегом; слякоть', *шляча* 'слякоть, мокрый снег'; кп. *погоддя* 'погода', *басӧк погоддя* 'хорошая погода', *паграс* 'облако; туча', *шлякыш* 'слякоть, мокрый снег', *погода* 'ветер'; удм. *мускыт* 'влажно', *заринча* 'зарница'.

Некоторые метеонимы данной категории полностью совпадают либо в коми языках, либо в коми-пермяцком и удмуртском. Для таких метеонимов, видимо, в качестве источника заимствования послужили одни и те же исходные слова: 1) кз. *падьӧр* 'непогода' [РКС, 2003, с. 507], кп. *падер* 'непогода' [КППС, 1985, с. 313] < рус., ср. *падер* 'метель, пурга' [СРГСУ, 1981, с. 195], *падера* нвг. пск. перм. 'буря с вихрем, дождем, со снегом, зимнее ненастье, мокредь' [Даль, т. 3, с. 7]; 2) кз. *кижа* 'изморозь; иней' [КРК, 2000, с. 271], кп. *кижа* 'изморозь; иней' [КППС, 1985, с. 172] < рус. *кижа* влг., *кижа* тамб. 'снег, валящий большими хлопьями, густо, и ложащийся рыхло' [Даль, т. 2, с. 197]; 3) кз. *шлякыш* 'слякоть, мокрый снег' [КРК, 2000, с. 736], кп. *шлякыш* 'слякоть, мокрый снег' [КППС, 1985, с. 561] < рус., ср. *слякыша* сиб. 'слякоть, мокрый снег, снег с дождем' [Даль, т. 4, с. 230]; 4) кп. *мускыт* 'влажно' [КППС, 1985, с. 259], удм. *мускыт* 'влажно' [УРС, 2008, с. 444] < рус., ср. *мускый* 'пасмурный', *мускляя погода* валд. новг. [СРНГ, 1982, с. 364].

Относительно двух последних примеров следует отметить, что при заимствовании произошла трансформация семантики исходного слова, вместо 'пасмурный' оно приобрело в пермских языках значение 'влажно, влажный'. В процессе морфологической адаптации к основе метеонимов присоединился исконный суффикс *-ыт*, который содержится не только в метеорологических обозначениях (кп. *кӧдзыт* 'холодно', удм. *кезьыт* 'холодно', кп. *шоньыт* 'тепло', удм. *шуныт* 'тепло', кп. удм. *ыркыт* 'прохладно'), но и в целом ряде других прилагательных: кп. удм. *курыт* 'горький', кп. удм. *паськыт* 'широкий' и т. д.

Остальные три типа заимствований имеют дифференцированный характер распространения. Метеонимы прибалтийско-финского происхождения употребляются в коми-зырянском языке, марийское и тюркские – в удмуртском.

Группа прибалтийско-финских метеонимических заимствований состоит из двух названий: 1) *чита* 'изморозь' [КРК, 2000, с. 708] < приб.-ф., ср. ф. *siide*, *siite* 'замерзшие испарения', ливвик. *t'siide* 'мелкий дождь' [КЭСК, 1999, с. 308]; 2) *гумьльга* 'вихрь' [КРК, 2000, с. 163] < приб.-ф., ср. кар. *kimoal'l'ah*, *kimoallah*, ливвик. *kumualleh*, люд. *kumudi* 'вверх дном', ф. *kumota* 'опрокидывать, переворачивать' [КЭСК, 1999, с. 82].

Группа метеонимов тюркского происхождения в удмуртском языке состоит из пяти примеров: 1) *салкым* ‘холодно, морозно’ [УРС, 2008, с. 586] < тюрк., ср. тат. *салкым* ‘холодно, морозно’ [ТРС, 1966, с. 464; Тараканов, 1993, с. 111]; 2) *акишан* ‘сумерки’ [УРС, 1983, с. 26] < тюрк., ср. тат. *акишам* ‘вечер, сумерки’ [ЭСУЯ, 1998, с. 72]; 3) *решио* ‘маревое; дымка’ [УРС, 1983, с. 378] < тюрк., ср. тат. *рәшә* ‘маревое’ [ТРС, 1966, с. 456]; 4) *кырпак* ‘пороша; изморозь’ [УРС, 2008, с. 378] < тюрк., ср. тат. *кырпак кар* ‘пороша; первый снег’ [ТРС, 1966, с. 312], башк. *кырпак кар* ‘первый снег’ [БРС, 1958, с. 360] [см. Тараканов, 1993, с. 94]; 5) *дау*, *даул* ‘буря, ураган’ [УРС, 2008, с. 122] < тюрк., ср. тат. *давыл* ‘буря’ [ТРС, 1966, с. 50].

Четвертый тип заимствований в удмуртском языке, являющихся словами марийского происхождения, в составе метеонимов представлен одним примером: *тутыра* ‘туман; дымка’ [УРС, 2008, с. 666] < мар., ср. *тутыра* ‘туман’ [МРС, 1991, с. 354].

В целом, как показывают статистические данные, иноязычный компонент метеорологической лексики состоит из 64 обозначений, из которых 16 принадлежат удмуртскому языку, 20 – коми-зырянскому языку, 28 – коми-пермяцкому языку. В удмуртском и коми-пермяцком языках заимствования содержатся во всех пяти микросистемах метеорологической лексики. В коми-зырянском – в четырех из них. Здесь в группе названий атмосферных явлений, полностью состоящей из исконных метеонимов, они отсутствуют.

Таким образом, иноязычный компонент, начало формирования которого относится к общепермской эпохе и восходит к пяти внешним источникам, составляет незначительный удельный вес и существенного воздействия на данную отрасль словарного состава пермских языков не оказал.

Сокращения

Башк. – башкирский язык, вым. – вымский диалект коми-зырянского языка, дп. – древнепермский язык, иж. – ижемский диалект коми-зырянского языка, кар. – карельский язык, кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык, ливвик. – ливвиковский диалект карельского языка, люд. – людиковский диалект карельского языка, мар. – марийский язык, нв. – нижневьегодский диалект коми-зырянского языка, прап. – прапермский язык, приоб.-ф. – прибалтийско-финские языки, рус. – русский язык, тат. – татарский язык, тюрк. – тюркские языки, уд. – удорский диалект коми-зырянского языка, удм. – удмуртский язык, ур. – уральский праязык, ф. – финский язык, ф.-п. – финно-пермский праязык, чаг. – чагадайский язык, чув. – чувашский язык.

Библиография

- БРС – Башкирско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. 804 с.
Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989–1990.
КПРС 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.
КРК 2000 – Коми-роч кывчукёр. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.
КЭСК 1999 – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд.-во, 1999. 430 с.
МРС 1991 – Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 512 с.
Ракин-1 2016 – Ракин А. Н. Заимствованный компонент метеорологической лексики коми языка // Вестник угроведения. 2016. № 1. С. 50–56.
Ракин-2 2016 – Ракин А. Н. Заимствованный компонент метеорологической лексики коми-пермяцкого языка // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 3. С. 112–118.
Ракин 2017 – Ракин А. Н. Заимствованный компонент метеорологической лексики удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. № 3. С. 18–27.
РКС 2003 – Русско-коми словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 1104 с.
РУС 1956 – Русско-удмуртский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1956. 1360 с.
СРГСУ 1981 – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 3. Свердловск: Изд. УрГУ. 1981. 128 с.
СРНГ 1982 – Словарь русских народных говоров. Л.: Изд-во «Наука», 1982. Вып. 18. 367 с.
ССКЗД 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд.-во, 1961. 490 с.
Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 804 с.
ТРС 1966 – Татарско-русский словарь. М.: Совет. энцикл., 1966. 863 с.
УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.
УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008. 925 с.
ЭСУЯ 1988 – Этимологический словарь удмуртского языка. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1988. 240 с.

С. С. Сибатрова

О ВЛИЯНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ МАРИЙСКИХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Аннотация. Статья посвящена обзору разностороннего влияния русского языка на лексический состав марийских существительных. На материале орфографических словарей обеих литературных норм представляются результаты (также количественные) заимствования и собственного словопроизводства на основе и с участием русизмов. Кратко излагаются морфологический и лексико-синтаксический способы, а также полукалькирование, полное калькирование и смысловой перевод, играющие более или менее заметную роль в данном субстантивном словообразовании.

Ключевые слова: марийский язык, русские заимствования, русизмы и словообразование, полукальки, полные кальки, смысловой перевод.

ABOUT THE INFLUENCE OF THE RUSSIAN LANGUAGE ON VOCABULARY OF MARI NOUNS

Abstract. The article is devoted to overviewing a multi-faceted influence of the Russian language on the noun vocabulary in Mari. Using the material of orthographic dictionaries of both standard norms the results (including quantitative) of borrowing from Russian and proper word formation with Russian loanwords are shown. Morphological derivation and lexical-syntactical methods are briefly described. Half-calquing, complete calquing and semantic translation playing a significant role in nouns formation are examined as well.

Keywords: the Mari language, Russian borrowings, Russian loanwords and word formation, half-calques, complete calques, semantic translation.

В обогащении лексики современного марийского языка, в том числе разряда имен существительных, большую роль играли и играют иноязычные слова, в первую очередь заимствования из русского языка (см.: Патрушев, 1954, с. 36–39; Современный, 1961, с. 37, 90; Современный, 1972, с. 94; Казанцев, 1985, с. 134–140; Гордеев, 1985, с. 127; Галкин, 1986б, с. 65–67; Барцева, Галкин, 2003, с. 38–44). Судя по работам марийских языковедов, именно существительные составляют основу следующих семантических групп русизмов: общественно-политические, научно-технические термины; слова, обозначающие государственные, партийные органы, учреждения; слова из области сельского хозяйства; слова из области искусства, литературы, печати; слова военной лексики; названия одежды, предметов питания, домашней утвари, посуды, построек; слова из области промышленности, торговли, транспорта, связи; слова, связанные с народным образованием, со школой; слова, связанные с медицинским обслуживанием; слова, связанные с растительным и животным миром; слова, связанные с религиозными понятиями; названия мер длины, веса, площади, объема; названия отрезков времени; слова, связанные с физической культурой и спортом (см.: Современный, 1972, с. 88–90; Патрушев, 1954, с. 36–39), кроме того, слова, выражающие абстрактные понятия [Патрушев, 1954, с. 39; Барцева, Галкин, 2003, с. 40–41], и это не случайно. Несмотря на то что русские заимствования пронизывают все части речи (за исключением послелогов), в марийском языке и его диалектах все же «самую большую группу среди заимствованных слов из русского языка составляют имена существительные. Это объясняется тем, что основой заимствования обычно являются сами предметы, вещи, явления» [Современный, 1972, с. 94] (см. также: Куклин, 1978, с. 54; Барцева, Галкин, 2003, с. 42).

В настоящей статье будет рассмотрено пополнение лексического состава марийских имен существительных под влиянием русского языка. На основе конкретных материалов, извлеченных из современных орфографических словарей обеих литературных норм [Марий, 2011; Васикова, 1994], будут представлены такие пути обогащения марийской субстантивной лексики, как заимствование, собственное морфологическое и лексико-синтаксическое словопроизводство на основе и с участием русизмов, полукалькирование и полное калькирование по русским моделям, смысловой перевод. При этом большее внимание уделяется марийскому словопроизводству, в том числе способам полу- и полного калькирования.

Действительно, русских заимствований больше всего в лексико-грамматической категории имен существительных. Так, в орфографическом словаре лугово-восточной литературной нормы (далее МОМ) выявлено свыше 5300 единиц, горномарийской (далее КМОЛ) – около 4000 единиц [Марий, 2011; Васикова, 1994]. Это при том, что в данные словари современные русизмы включены с заметными ограничениями. Существительные русского происхождения обозначают предметы (в широком смысле) разных сфер человеческого общества и в целом окружающего мира, отражают непрерывные поступательные изменения в них в условиях многосторонних марийско-русских контактов.

Существительные-русизмы в марийском языке проходят определенную фонетическую и грамматическую адаптацию, что не осталось вне поля зрения языковедов (см.: Грузов, 1965, с. 101, 138, 143, 208–209, 228; Грузов, 1969, с. 103, 137, 140, 186; Саваткова, 1969, с. 54–59; Современный, 1972, с. 94–95; Рожанский, 2003, с. 63–72; Современный, 1961, с. 34) и нашло отражение также в орфографических словарях [Марий, 1992; Марий, 2011; Саваткова, 1978; Васикова, 1994]. Абсолютно большая часть их заимствована (и тем более заимствуется в условиях двуязычия) марийским языком в форме именительного падежа единственного числа языка-источника [Саваткова, 1969, с. 54; Современный, 1972, с. 94]: *абажур, бетон, велосипед, гармонь, дежурный, азбуку* (г. *азбука*), *булавке* (г. *булавка*), *гайке* (г. *гайка*), *доярке* (г. *доярка*) и др. Правда, А. А. Саваткова в своей монографии приводит ряд существительных-русизмов, источником которых стала другая изменяемая форма, «наиболее употребительная и распространенная в разговорной речи» (например, г. *лаптула мадаш* ‘играть в лапту’ вм. ожидаемой *лаптала мадаш*; *носки, торги, семена*). По ее мнению, такие слова воспринимались марийцами «как имена, стоящие в форме именительного падежа единственного числа» [Саваткова, 1969, с. 54–55] (см. также:

Рожанский, 2003, с. 71). Согласно указанным выше работам, в части фонетических изменений чаще всего происходит адаптация конечных звуков в слове, преимущественно гласных – безударных и некоторых ударных. В заимствованиях четко проявляют себя характерные марийские гармонии, как лабиальная, так и палатальная; они последовательно действуют при словоизменении и формообразовании. Наблюдаются также выпадение безударного гласного слова-источника и (более всего в горном наречии) появление дополнительного безударного гласного на исходе слова.

Помимо заимствования, словарный состав марийских существительных обогащается за счет собственного словопроизводства – суффиксального и лексико-синтаксического [Саваткова, 1969, с. 57–59]. В марийском суффиксальном словопроизводстве на базе русских основ подтверждаются результаты сравнительно-исторического исследования И. С. Галкина в отношении продуктивности субстантивных суффиксов: «Из 42 суффиксов имен существительных только два суффикса *-маш*, образующий имена существительные от глаголов, и *-лык*, образующий существительные от существительных и прилагательных, в современном марийском языке являются продуктивными» [Галкин, 1966, с. 144].

При помощи самого распространенного и продуктивного собственно-марийского суффикса л. *-маш*, г. *-маш* / *-мәш*, имеющего значение отвлеченного действия или состояния [Галкин, 1966, с. 40–41] возможно образование существительных практически от всех глаголов-русизмов. А таких глаголов только в орфографических словарях зафиксировано около 400 единиц. Они служат основой для сотен существительных типа л. *венчайымаш*, г. *венчайымәш* ‘венчание’; л. *жаритлымаш*, г. *жарымаш* ‘жарка, жаренье’; л. *агитироватлымаш*, г. *агитируйымаш* ‘агитация’. С помощью суффикса *-маш* могут образоваться существительные также от суффиксальных глаголов, которые произошли уже в марийском языке как непосредственно от основ русизмов (типа л. *копналымаш*, г. *капналымаш* ‘копнение’ < л. *копна*, г. *капна* ‘копна’), так и от других производных, появившихся на базе русских заимствований (типа л. *купоросангдымаш*, г. *купоросангдымаш* ‘покрытие раствором купороса’ < л. *купоросандаш*, г. *купоросангдаш* ‘купоросить’ < л. *купоросанаш*, г. *купоросанаш* ‘купороситься’ < *купорос*). В MOM таких глаголов выявлено около 180 единиц, в КМОЛ – около 130. В данной глагольной группе особо выделяются отсубстантивные и отадективные единицы с суффиксом: *-л*; л. *-ан*, г. *-анг* / *-әнг*; л. *-лан*, г. *-лан* / *-лән*; л. *-дар* / *-тар*, г. *-дар* / *-дәр*, *-тар* / *-тәр*; *-т* / *-д*, например: л. *колчалымаш*, г. *кольцалымаш* ‘кольцевание’; л. *цеплымаш*, г. *цеплымәш* ‘посадка на цепь’; л. *кристалланмаш* ‘кристаллизация’; л. *пураканмаш*, г. *пыракангмаш* ‘пыление’; л. *тегытанмаш*, г. *тигытангмәш* ‘пачканье дегтем’; *геройланымаш* ‘геройство’, *обезьянланымаш* ‘обезьянничанье’, *парланымаш* ‘парение, испарение’; л. *веселандарымаш* ‘увеселение’, г. *ладнангдарымаш* ‘успокаивание’; л. *ратландарымаш* ‘построение в ряд’, г. *свезәләндәрймәш* ‘освежение’; л. *веселандымаш* ‘увеселение (кого-л.)’, л. *законандымаш* ‘узаконение’; г. *сөддөмдөймәш* ‘придание седого цвета, окрашивание в седой цвет’.

К русским глагольным заимствованиям и к производным глаголам, образованным от основ русского происхождения, может присоединяться исконный сложный суффикс л. *-дымаш*, г. *-дымаш* / *-дөймәш* каритивной семантики (к сожалению, существительные с *-дымаш* находят ограниченное отражение в орфографических словарях, в особенности лугово-восточной литературной нормы), например: *шотлымдымаш* ‘неуважение, непочтительность’, г. *постыдымаш* ‘несоблюдение (недержание) поста’, г. *признайдымаш* ‘непризнание’, г. *простыдымаш* ‘непрощение’.

С суффикс *-лык* тюркского происхождения [Галкин, 1966, с. 30–31] в MOM имеется около 20 имен существительных (главным образом отвлеченных), образованных от основ русизмов. Они произошли от прилагательных и существительных: *активнылык* ‘активность’, *веселалык* ‘веселье, веселость’, *мастарлык* ‘мастерство’, *проворлык* ‘проворность, проворство’; *геройлык* ‘геройство’, *законлык* ‘законность’, *идейлык* ‘идейность’. Отвлеченные существительные могут производиться при посредстве *-лык* и от прилагательных с каритивным суффиксом *-дыме* / *-дымо* [Саваткова, 1969, с. 58–59]. В MOM представлено шесть таких единиц: *волядымылык* ‘безволие’, *закондымылык* ‘беззаконие’, *идейдымылык* ‘безыдейность’ и др. Последние выражают абстрактные понятия по отсутствию или слабому проявлению, недостаточности чего-либо. В КМОЛ подобные абстрактные слова с суффиксом *-лык* не выявлены.

Источники содержат несколько существительных, образованных от русизмов с синонимичными суффиксами (вариантами) л. *-че* / *-чо*, *-зе* / *-зо* тюркского происхождения «со значением лица, которое названо по орудию действия, профессии, роду занятий» [Галкин, 1966, с. 27–29]. С суффиксом *-че* / *-чо*, который «встречается только в некоторых диалектах лугового и восточного наречий» [Галкин, 1966, с. 27], в MOM зафиксировано 12 единиц: *гармоньчо* ‘гармонист’, *кнагаче* ‘грамотный человек’, *газетче* ‘газетчик’, *музыканче* диал. ‘гармонист; музыкант’; с суффиксом *-зе* / *-зо* также 12 единиц: *лаккызе* ‘лавочник, продавец’, *мелназе* ‘блинник; пекарь блинов’, *пычалзе* ‘охотник’, *скрипказе* ‘скрипач’ и др.

В единичных случаях существительные появились присоединением к основам русских заимствований некоторых других суффиксов: исконного *-ер*, образующего «имена существительные с собирательным значением от имен существительных, в основном, обозначающих различные породы деревьев

и кустарников» [Галкин, 1966, с. 13] (две единицы): л. *садер* ‘сад’, л. *радер* ‘подлесок’ (< *рат* ‘ряд, порядок’); исконного *-аш*, указывающего «на назначение предмета, на материал, для чего он служит или предназначен» [Галкин, 1966, с. 18–20] (две единицы): л. *выньыкаш* ‘заготовка для веника’, л. *вочкаш* ‘дуплистое дерево, пригодное для изготовления кадки’; *-чык* чувашского происхождения, образующего «имена существительные с отвлеченным значением» [Галкин, 1966, с. 42–43] (одна единица): л. *мешанчык* ‘помеха’ < *мешаяш* ‘мешать’; л. *-ык*, г. *-йӱк* тюркского происхождения со значением результата действия [Галкин, 1966, с. 43–44]: л. *мерчык*, г. *мерцӱк* ‘состояние хирения, чахлости, болезни’ < л. *мерчаш*, г. *мерцӱш* ‘чахнуть, хиреть’ (ср. рус. *мерцать*, *меркнуть* в значении ‘обмирает, умирает’ [см. Даль, 1955, с. 321]); г. *-ешкӱ*, придающего существительным значение действующего лица «по предмету, определяющему их деятельность, действие, состояние, или по характерному признаку» [Галкин, 1966, с. 25] (две единицы): г. *парешкӱ* ‘пара (двойка) лошадей’, также с.-з. *повоскаешке* ‘едуший на повозке’ [Галкин, 1966, с. 25].

Как заметила А. А. Саваткова, многие из русских заимствований в марийском языке «служат базой для образования новых слов. С использованием заимствований происходит образование слов, большей частью сложных, новых терминов...» [Саваткова, 1969, с. 57]. Действительно, источники свидетельствуют о том, что при участии русизмов в марийском языке появилось немало композитов. Так, в МОМ содержится около 240 сложных слов, одним из компонентов которых является русское заимствование, в КМОЛ – около 100 единиц (без учета полукалек; о полукальках см. ниже). Понятно, что в зависимости от позиции компонента-русизма они подразделяются на две большие группы. В одной из них русское заимствование выступает в первой части, в другой – во второй. Явное большинство образуют композиты первой группы – типа л. *кормавече* ‘кормовые угодья’; л. *марьявуч*, г. *марьявич* ‘свербига восточная’; л. *уржавече*, г. *уржавичӱ* ‘ржаное поле; нива’; л. *ужавагудо*, г. *жавагуды* ‘икра лягушек’. В МОМ их зафиксировано около 140 единиц, в КМОЛ – около 70. Сложных существительных со вторым компонентом-русизмом в МОМ представлено около 90 единиц, в КМОЛ – около 25, например: л. *авауржа*, г. *ӱвӱржа* ‘спорынья’, букв. ‘материнская рожь’; л. *кузгурезе* (г. *куги крузы*) ‘настоящий груздь’; *куэрыжык* (г. *куги рижӱк*) ‘волнушка’; л. *шемгомак* (г. *шим крис*) ‘крыса чёрная’; г. *когоохырец* ‘тыква’, букв. ‘большой огурец’. (Меньшее количество горномарийских композитов в целом объясняется тем, что в КМОЛ многие подобные единицы оформлены не как сложные слова, а как составные и как словосочетания.)

Среди рассматриваемых композитов абсолютно подавляющую часть составляют единицы с подчинительной связью между компонентами. Известно, зависимыми в них являются первые компоненты, выражающие самые разные определительные значения: л. *васлимӱчыр* ‘ряженный’; л. *клатончыл*, г. *кӱлӱтанзыл* ‘балкон двухэтажного амбара (клетки); предамбарник’; л. *немычпурса*, г. *немычпырса* ‘фасоль, бобы’; л. *ируржа*, г. *ирыржа* ‘овсюг’, букв. ‘дикая рожь’; л. *команмелна* (г. *коман меленӱ*) ‘слоеные блины’. Только 11 единиц (в КМОЛ – семь единиц) образовались на основе сочинительной связи: л. *родо-шочшо*, г. *роды-шачыш* ‘родня’; л. *сад-пакча* ‘фруктовый сад’ (г. *садвичӱ* ‘сад с огородом’); л. *уржа-сорла* ‘жатва, страда’; г. *худа-ясы* ‘невзгоды, беды, горести’; л. *кӱзӱ-товар*, г. *кӱзӱ-товар* ‘колющие и рубящие орудия труда’, букв. ‘нож-топор’; л. *сай-уда*, г. *худа-яжо* ‘плюсы и минусы; хорошие и плохие стороны чего-л.’.

В отдельных случаях оба компонента сложного слова представляют собой русские заимствования. В МОМ таких композитов зафиксировано 6 единиц, в КМОЛ – две единицы (оформленные как сложные): *рушкуку* ‘глухая кукушка’; л. *пила-товар*, г. *пилӱ-товар* ‘пила и топор, инструменты’; л. *окнасерга* (г. *окня сергӱ*) ‘наличник’, л. *пиластан* ‘козлы (для пилки дров)’.

Уже в 1954 г. Г. С. Патрушев отмечал создание «новых марийских слов и выражений по образцу русских (калькирование): *вичияш*, *чӱгыт-сорла* и др.», а позже – активизацию некоторых словообразовательных моделей, в том числе появление калек и полукалек типа *спецвургем* ‘спецодежда’, *киносӱрет* ‘кинокартина’ [Патрушев, 1954, с. 36; Патрушев, 1984, с. 122]. (Изучению калькирования в марийском языке посвящены статьи А. А. Саватковой [Саваткова, 1964, с. 37–44], З. В. Учаева [Учаев, 1982, с. 47–62] и кандидатская диссертация С. Е. Васильевой [Васильева, 2009].)

На самом деле, по моделям русских слов в марийском создано немало калек, в особенности полукалек. В источниках по лугово-восточной литературной норме зафиксировано всего более 80 полукалек-существительных. В зависимости от того, какая из основ подвергнута переводу, а какая – нет, выделяются две группы: полукальки с заимствованной первой частью и переведенной второй (типа *киносӱрет* ‘кинокартина’); полукальки с переведенной первой частью и заимствованной второй (типа *йошкарармеец* ‘красноармеец’). Многочисленными являются полукальки первой группы, что подмечено и З. В. Учаевым [Учаев, 1982, с. 54]. В МОМ выявлено около 70 таких единиц, в КМОЛ подобные

полукальки не обнаружены. Представлены ряды полукалек со следующими заимствованными элементами: *электро-* (*электровий* ‘электроэнергия’, *электровольдо* ‘электросвет’), *фото-* (*фотогаз* ‘фотобумага’, *фотосурет* ‘фотокарточка’), *радио-* (*радиокече* ‘радиодень’, *радиоувер* ‘радиовести’), отдельные единицы с *теле-, авто-, кино-, интер-, агро-, аэро-, микро-*, (от сложносокращенных слов) с *мед-, рай-, полит-, пром-, культ-, вет-*, также *газ-*. В марийском языке при этом имеется значительное количество самих заимствований с названными первыми компонентами. Другая часть полукалек образована от «нерегулярных» заимствований, т. е. в источниках выявлена только одна единица из одного, данного, заимствования (в русском же языке первый компонент может выступать в целом ряде слов): *изосымыктыш* ‘изоискусство’, *энергокуат* ‘энергомощность’, *ультрайук* ‘ультразвук’, *оргьянда* ‘оргстекло’, *племозанлык* ‘племхозяйство’. Из группы полукалек с переведенной первой частью и заимствованной второй в МОМ выявлено более 15 единиц: *аныккассе* ‘сберкасса’, *кокточко* ‘двоеточие’, *пелотро* ‘полуостров’, *пырдыжгазет* ‘стенгазета’, *ялкор* ‘селькор’. В КМОЛ обнаружено только шесть единиц: *пелеботинкй* ‘полуботинок’, *пелеостров* ‘полуостров’, *пелепальто* ‘полупальто’. Примеры показывают, что калькируются, как правило, слова, компоненты которых легко поддаются переводу, т. е. имеют широкоупотребительные эквиваленты в марийском языке.

Полных калек-существительных в МОМ содержится свыше 90 единиц, в КМОЛ – менее десяти. Они созданы посредством сложения марийских основ по структурному и семантическому образцу сложного слова или даже словосочетания русского языка, например: л. *ваиполыш* ‘взаимопомощь’, л. *витлий* ‘пятидесятилетие’, л. *вудъече* ‘водные лыжи’, л. *кошарлук* ‘острый угол’; л. *күртньыгорно*, г. *кёртнигорны* ‘железная дорога’; л. *мутвож* (г. *шамак важ*) ‘корень слова’; л. *пашадар*, г. *пашадар* ‘заработная плата’; л. *шоншыгол*, г. *шўлы-кол* ‘еж-рыба’; л. *ялозанлык* ‘сельское хозяйство’.

Большая часть полукалек и калек имеет лексико-грамматическую структуру *имя существительное + имя существительное* (типа *аныккассе* ‘сберкасса’, *вудлуч* ‘водопровод’). В качестве первого компонента встречаются также прилагательные (типа *йошкаргвардеец* ‘красногвардеец’, *вияшлук* ‘прямой угол’), числительные (типа *пелитоп* ‘полштофа’, *витлий* ‘пятидесятилетие’), в отдельных единицах – причастия и местоимения.

Образование калек и полукалек по русским образцам – явление живое в лугово-восточной литературной норме, о чем свидетельствуют примеры на страницах современной прессы: *видеокувар* ‘видеомост’, *видеокрыл* ‘видеосвязь’, *контакт-рудер* ‘контакт-центр’, *методушем* ‘методсовет’, *модыш-квест* ‘играквест’, *онлайн-йуклымаш* ‘онлайн-голосование’, *пневмочөгыт* ‘пневмомолот’, *тоштер-пёрт* ‘дом-музей’.

Говоря о влиянии русского языка на лексический состав марийских существительных, нельзя оставить в стороне композиты, образовавшиеся путем смыслового перевода русских слов. Их появление (как и калек и полукалек) обусловлено потребностью в передаче на марийский язык русских слов, не имеющих непосредственных лексических эквивалентов. Так, на основе перевода значений часть русских заимствований заменена марийскими композитными образованиями: *аклыммут* ‘отзыв, рецензия’, букв. ‘оценочное слово’; *ачалум* ‘отчество’, букв. ‘отца имя’; *вуйвер* ‘правление’, букв. ‘руководителя место’; *вуймут*, г. *вуйшамак* ‘заголовок, заглавие’, букв. ‘головное слово’; *кочмывер* ‘столовая’, букв. ‘питания место’. В МОМ зафиксировано более 150 таких единиц, в КМОЛ – только три. Правда, такие слова используются в основном в книжной речи.

Итак, в пополнении лексического состава марийских имен существительных значительную роль играет русский язык. Под тем или иным его воздействием в марийском языке появились тысячи субстантивных слов. Судя лишь по материалам современных орфографических словарей, только заимствований не менее пяти тысяч единиц. Кроме того, более 1000 единиц (в горномарийском – около 700) образовались в результате собственного словопроизводства на базе и с участием русизмов. Основы русского происхождения стали производящими для суффиксальных и сложных субстантивных единиц в процессе словообразования путем суффиксации, словосложения, полукалькирования, калькирования и смыслового перевода. Правда, для горного наречия и литературной нормы такое словопроизводство существительных, за исключением образования с помощью суффикса *-маш / -майш* и словосложения, малохарактерно.

Сокращения

Г. – горное наречие марийского языка, л. – луговое наречие марийского языка, с.-з. – северо-западное наречие марийского языка.

Библиография

- Барцева Л. И., Галкин И. С. Кызытсе марий йылме. Лексикологий. Йошкар-Ола: Изд. дом, 2003. 184 с.
 Васикова Л. П. Кырык марла орфографи лымдер. Йошкар-Ола: «Мары Эл» периодика» изд-во, 1994. 593 с.
 Васильева С. Е. Калькированные и заимствованные лексемы в марийской лексикографии: сопоставительно-типологический аспект: автореф. дис... канд. филол. наук. Чебоксары, 2009. 19 с.
 Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 2. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. 168 с.

- Галкин И. С. Марий исторический лексикологий: Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1986. 70 с.
- Гордеев Ф. И. Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 142 с.
- Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 211 с.
- Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965. 244 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. Т. 2. 779 с.
- Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка (В связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола, 1985. 159 с.
- Куклин А. Н. Русские лексические заимствования в красноуфимском говоре // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1978. С. 51–58.
- Марий орфографий мутер. Йошкар-Ола: Марий кн. изд-во, 1992. 264 с.
- Марий орфографий мутер. Йошкар-Ола, 2011. 368 с.
- Патрушев Г. С. Национально-русское двуязычие и его роль в развитии марийского языка // Дружба народов и интернациональное воспитание трудящихся. Йошкар-Ола, 1984. С. 118–125.
- Патрушев Г. С. Пути обогащения словарного состава марийского языка // Учен. зап. МарНИИ. Йошкар-Ола, 1954. Вып. 6: Язык, литература, история. С. 23–39.
- Рожанский Ф. И. Морфологические принципы адаптации русскоязычных заимствований в марийском языке // Актуальные проблемы финно-угорской филологии: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию проф. И. С. Галкина. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2003. С. 63–72.
- Саваткова А. А. Мары орфографический словарь. Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мары изд-во, 1978. 191 с.
- Саваткова А. А. О калькировании в марийском языке // Вопросы марийского языкознания: Сб. ст. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. Вып. 1. С. 37–44.
- Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 130 с.
- Современный марийский язык. Лексикология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1972. 184 с.
- Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.
- Учаев З. В. Калькирование в марийском языке в его отношении к русским заимствованиям // Проблемы русско-финно-угорского двуязычия: межвуз. сб. Йошкар-Ола, 1982. С. 47–62.

Е. Н. Федосеева

О СВЯЗИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ЗЫРЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ С КОМИ-ПЕРМЯЦКИМ ЯЗЫКОМ

Аннотация. В северо-западной диалектной зоне коми-зырянского языка выявлено немало черт, объединяющих эти диалекты с коми-пермяцким языком. Исследователи неоднократно обращали на это внимание и выдвигали гипотезы о происхождении этого сходства. Настоящая статья посвящена анализу этих языковых явлений, исследованию отдельных лексических параллелей, объединяющих эти языковые разновидности.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, коми-зырянский язык, северо-западные диалекты коми-зырянского языка, контакты, миграция.

E. N. Fedoseeva

ON CONNECTION BETWEEN NORTH-WESTERN ZYRYAN DIALECTS WITH THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE

Abstract. In the north-western dialect zone of the Komi-Zyryan language there are quite a few features, uniting these dialects with the Komi-Permyak language. Researchers repeatedly paid attention to this and put forward hypotheses about the origin of this similarity. The article is devoted to the analysis of these linguistic phenomena and to the study of individual lexical parallels that unite these linguistic varieties.

Keywords: the Komi-Permyak language, the Komi-Zyryan language, North-western dialects of the Komi-Zyryan language, contacts, migration.

В результате ареальных и сравнительных исследований лексики коми языков в коми-зырянских диалектах выявлены специфические черты, объединяющие их с коми-пермяцким языковым пространством. На территории распространения коми-зырянского языка выделяется два ареала: 1) контактная зона (преимущественно лузско-летский, верхнесысольский диалекты); 2) северо-западные диалекты коми-зырянского языка (преимущественно ижемский, нижневычегодский, удорский) [Федосеева, 2014, с. 194]. Если происхождение пермяцко-зырянских лексических параллелей первого вида (коми-пермяцко-верхнесысольских и лузско-летских) можно объяснить сопредельной территорией и соседним влиянием коми-пермяцкого языка, то наличие коми-пермяцких и северо-западных зырянских соответствий интерпретировать сложнее.

Настоящая статья посвящена анализу отдельных коми-пермяцко-зырянских лексических параллелей, относящихся ко второй группе, и попытке их интерпретации.

пэл'кытш 'сережка'

В коми-пермяцком языке повсеместно распространено слово *пэл'кытш* 'сережки': *пэл'кытшитиэз бос'ти* 'сережки купила', *пэл'кытшитиэз эмӧс' мэнэм* 'у меня есть сережки', *пэл'кытшиа* 'с серьгами'. В

коми-зырянском языке в данном значении употребляются *исерга*, *чусі*, например: *зарни чусі* ‘золотые серьги’ [РКС, с. 881], в диалектах: вв. вым. л. нв. печ. скр. сс. *исерга*, лет. *серга*, иж. *кӧлтушки*, уд. *пелей* [ССКЗД, с. 138; КСК, II, с. 90], *чусу* иж., *чусі* уд., *чусы* вым. [ССКЗД, с. 422]. Однако в среднесысольском и ижемском диалектах зафиксировано также слово *пэл'кытши* [КСК, II, с. 90; ИД, с. 206; ССД, с. 156]. В удмуртском языке в значении ‘серьга’ зафиксированы слова *пельугы*, *угы* [РУС, с. 1000]. Как видно из сказанного выше, общее слово для данной реалии в пермских языках отсутствует: кп. *пэл'кытши*, кз. *ис'ерга*, *чуси*, удм. *угы*, *пэл'угы*.

Лексема *пэл'кытши* является исконной, этимологизирующейся на основе современного коми-пермяцкого языка. Она образована из отдельных слов *пэл'* ‘ухо’ и *кытши* ‘кольцо’. Изоглосса анализируемой лексемы *пэл'кытши* равномерно охватывает коми-пермяцкие диалекты, а также среднесысольский и ижемский диалекты коми-зырянского языка, образующие небольшие островные ареалы, отделенные от основного. Исходя из этимологического и ареального анализа, слово является коми-пермяцкой инновацией, а употребление ее в ижемском и среднесысольском диалектах, согласно теории ареальной лингвистики [ВЛА, с. 25–36], может быть результатом миграции.

курӧг ‘курица’

В коми-пермяцком языке повсеместно бытует лексема *курӧг* ‘курица’. В коми-зырянском языке в данном значении зафиксированы *чипан* вв. вс. лл. печ. скр. сс., *курича* иж. [ССКЗД, с. 412], а в вымском, нижневычегодском и удорском диалектах – *курӧг* [ССКЗД, с. 412; ВД, с. 275; НВД, с. 119; КСК, I, с. 773]. В удмуртском языке общеупотребительным является *курэг* [РКС, с. 399]. Анализируемое слово авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» возводят к общепермскому корню **kureg* ‘тж’ и считают иранским заимствованием [КЭСК, с. 147]. Лексема *чипан*, распространенная в большинстве коми-зырянских диалектов, имеет соответствия в удмуртском языке: сравните *чыпленок*, который в свою очередь сопоставим с коми-пермяцким *т'ип* ‘цыпленок’. *Чипан* также возводится к общепермскому корню со значением ‘цыпленок’, являющему заимствованием из древнечувашского языка [КЭСК, с. 306]. Вероятно, в праязыке общепермского периода бытовали оба слова: и *курӧг*, и *чипан*. В коми-пермяцком и удмуртском языках *курӧг* обозначал, вероятно, курицу, а слова с корнем *чип-* – цыпленка. В коми-зырянском языке распространение получила только лексема *чипан* ‘курица’, а цыпленка стало обозначать слово *чипанти*, являющееся коми-зырянской инновацией.

Таким образом, изоглосса *курӧг* образует общий ареал, охватывающий коми-пермяцкое и удмуртское языковое пространство, а также территориально отдаленный островной ареал, образованный вымским, нижневычегодским и удорским диалектами. На наш взгляд, изоглосса исследуемого слова *курӧг* ‘курица’ является ареально-генетической, образованной в общепермский период, но не получившей распространение в пракоми-зырянских территориально-языковых разновидностях. Наличие вышеназванной лексемы в северо-западных коми-зырянских диалектах, исходя из этимологического и ареального анализа, может свидетельствовать о миграционных процессах.

кӧктоин ‘хвощ полевой’

Лексема *кӧктоин* ‘хвощ полевой’ зафиксирована в «Коми-пермяцко-русском словаре» [КПРС, с. 192] без указания на ареал его распространения. Также данное слово приведено в «Коми-пермяцко-русском, русско-коми-пермяцком словаре» [КПС, с. 71] и в «Коми-пермяцком орфографическом словаре» [КПОС, с. 250], в которых наряду с указанным приводятся синонимы *зӧридз* и *пистик*. Однако наблюдения над речью коми-пермяков показали, что *кӧктоин* более широко функционирует в северном наречии коми-пермяцкого языка: *кӧктоин* *ӧкти* ‘ростки хвоща полевого собирала’, *кӧктоинис'* *пирӧггэз кэри* ‘пироги из ростков хвоща сделала’ и т.д. В южном наречии в данном значении чаще употребляется *пист'ик*: *пист'иковӧй пирӧггэз* ‘пироги из ростков хвоща’. В указанных лексикографических изданиях дифференциация ‘ростки хвоща полевого’ и ‘хвощ’ отсутствует. Однако следует уточнить, что словом *кӧктоин* в северном наречии коми-пермяцкого языка именуют именно ростки, которые появляются весной. Позже, после цветения, растение получает иное наименование – *урбӧж*.

В коми-зырянском языке данное растение имеет следующие названия: *куз*, *кӧктоин* [РКС, 1966, с. 743], *куз*, *кӧктоин*: полевой хвощ – *куз турун*, *кӧктоин*, *кӧккуз*; луговой хвощ – *гыжна турун*, *урбӧж*; болотный хвощ – *порськуз*, *рака куз*, *зӧридз*; лесной хвощ – *урбӧж* [РКС, 2003, с. 1034]. Распространение указанных наименований в коми-зырянских диалектах следующее: *куз* вс. лл. скр., *кӧк куз* вв., *кӧктойин* вв., вым., нв., *сирпинь* иж. уд. ‘полевой хвощ (весной на полях)»; *рака куз* скр. ‘отцветший хвощ’ [ССКЗД, с. 177]. Таким образом, анализируемое слово на коми-зырянском языковом пространстве зафиксировано в двух вариантах: *кӧктоин* вым., *кӧктойин* вв., вым., нв. [КСК, I, с. 729].

В удмуртском языке хвощ полевой называют *коньбыж* и *пулӧбыж* [УРС, с. 317, с. 556]. Данные наименования сложные, образованы из *коньы*, *пулӧ* ‘белка’ и *быж* ‘хвост’ (букв. хвост белки).

Слово *кӧктоин* образовано из двух компонентов: *кӧк* ‘кукушка’ и *тоин* ‘пест, толкушка’ и буквально переводится ‘кукушкин пест’. Оба слова имеют древнее происхождение, вероятно, существовали уже в общепермском праязыке [КЭСК, с. 139, с. 280]. Однако лексема *кӧктоин* имеет более позднее происхождение, не является общей для пермских языков.

Изоглосса указанного слова охватывает северное наречие коми-пермяцкого языка, а также образует островной ареал в северо-западной зоне коми-зырянского языка. Исходя из ареальной характеристики и этимологического анализа, мы считаем его севернокоми-пермяцкой инновацией. Употребление слова в ряде коми-зырянских диалектов, вероятно, может быть иррадиацией вследствие миграционных процессов.

пым ‘горячий’

На территории распространения коми-пермяцкого языка повсеместно функционирует слово *пым* ‘горячий’, например, *пым ва* ‘горячая вода’. Исключение составляют мысовский и верх-лупьинский говоры, где наряду с данным используется лексема *пӧс’*, заимствованная из соседнего верхневычегодского диалекта. В большинстве коми-зырянских диалектов в значении ‘горячий’ употребляется лексема *пӧс’*: *пӧс’ йӧл* ‘горячее молоко’, *пӧс’ ва пуктыны* ‘поставить самовар’ [ССКЗД, с. 301]. Однако в вымском, ижемском, нижневычегодском и удорском диалектах зафиксировано также слово *пым* ‘горячий, жаркий; теплый’: *пым ва* ‘горячая вода’, *пым рысь* ‘горячий творог’, *пым шом* ‘горячие угли’ и др. [ССКЗД, с. 301; КСК, II, с. 256].

Лексема *пӧс’* ‘жаркий, горячий, потный’ имеет соответствия в удмуртском языке: *пӧсь йӧл* ‘горячее молоко’, *пӧсь нунал* ‘жаркий день’ [УРС, с. 355] и восходит к допермскому периоду [КЭСК, с. 230].

Слово *пым* авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» под вопросом сопоставляют с мансийским, хантыйским, саамским примерами и отмечают, что «в данной этимологии еще много неясного» [КЭСК, с. 236]. Таким образом обе лексемы – *пым* и *пӧс’* – имеют древние корни.

Изоглосса *пым* на коми языковом пространстве образует два ареала: первый – коми-пермяцкие диалекты, второй – удорский, ижемский, вымский и нижневычегодский диалекты коми-зырянского языка. Подобное расположение островных ареалов может характеризовать исследуемую лексему как иррадиовавшую с одной территории на другую. Поскольку коми-пермяцкий ареал больше по площади, а также более наполненный, то считаем, что именно он является центром. В северо-западные зырянские диалекты слово *пым* могло попасть из коми-пермяцкого языка в результате миграции.

Подобные изоглоссы, объединяющие северо-западные коми-зырянские диалекты с коми-пермяцким языком, имеют и ряд других слов: кп. *йӧрнӧс* – кз. *йӧрнӧс*, *йӧрдӧс* ‘рубашка’, кп., кз. *тырп* ‘губа’, кп. *кӧрны* ‘делать’ – кз. *карны* ‘гж’ и др.

Параллели между северо-западными зырянскими и коми-пермяцкими диалектами существуют не только в области лексики, но и на являющихся более устойчивыми фонетическом и морфологическом уровнях. Об этом свидетельствуют работы Р. М. Баталовой [Баталова 1975; Баталова, 1982; Баталова, 1987], В. А. Ляшева [Мурыгин, Королев, Ляшев, 1984], С. А. Сажиной [Сажина, 2004, 2005], Р. П. Дмитриевой [Дмитриева, 1998], в которых рассматриваются фонетические и морфологические особенности коми диалектных разновидностей. Так, например, Р. М. Баталова в статье «О следах миграционных процессов по данным диалектов коми языков», приводит следующие параллели: 1) вариант суффикса множественного числа *-эс* (*-йэс*), свойственный кроме коми-пермяцких диалектов и верхневычегодскому говору удорского диалекта; 2) исходный падеж на *-ис’* (вм. *-ыс’*) в удорском, вымском, верхневычегодском диалектах коми-зырянского языка и повсеместно в коми-пермяцком; 3) притяжательный падеж на *-лис’*, характерный для коми-пермяцкого языка и употребляющийся в удорском и верхневычегодском коми-зырянских диалектах; 4) сравнительный суффикс *-жык*, употребительный для коми-пермяцкого языка и встречающийся в ряде коми-зырянских диалектов, в том числе нижневычегодском и вымском; 5) причастия на *-ис’*, помимо коми-пермяцкого языка характерные для лузско-летского, нижневычегодского и удорского [Баталова, 1987, с. 63–66].

С. А. Сажиной в статье «Ареальные морфологические параллели в диалектах пермских языков (на материале именных частей речи)» выделены признаки, подчеркивающие связи северных зырянских и коми-пермяцких диалектов. В качестве примеров ею приведено функционирование в качестве варианта суффикса *-кӧт* (с глухим конечным) в удорском, вымском и коми-пермяцких диалектах; схожесть показателей множественности существительных в удорском (*-эс*, *-йэс*) и коми-пермяцких (*-эз*, *-йэз*) диалектах; *и*-овая огласовка показателей аблатива (*-лис’*) и элатива (*-ис’*) в удорском и коми-пермяцких диалектах [Сажина, 2005, с. 183].

По мнению исследователей, указанные выше коми-зырянско-коми-пермяцкие ареальные параллели свидетельствуют о миграциях пермяцкого населения в северо-западную зону [Баталова 1987, с. 67; Сажина, 2005, с. 183]. Такой же версии придерживается и В. А. Ляшев. Он приводит примеры, иллюстри-

рующие связь северной диалектной зоны с южной, и убедительные доводы в пользу возникновения рассмотренных параллелей в результате миграционных процессов с Прикамья на север – на территорию современных северо-западных зырянских диалектов [Мурыгин, Королев, Ляшев, 1984, с. 44-45].

Сокращения

Вв. – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка, вс. – верхнесысольский диалект коми-зырянского языка, вым. – вымский диалект коми-зырянского языка, иж. – ижемский диалект коми-зырянского языка, кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык, л. – лузские говоры коми-зырянского языка, лет. – летские говоры коми-зырянского языка, лл. – лузско-летский диалект коми-зырянского языка, нв. – нижневычегодский диалект коми-зырянского языка, печ. – печорский диалект коми-зырянского языка, сс. – среднесысольский диалект коми-зырянского языка, уд. – удорский диалект коми-зырянского языка, удм. – удмуртский язык.

Библиография

- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975.
Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982.
Баталова Р. М. О следах миграционных процессов по данным диалектов коми языков // Пермистика: вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 60–68.
ВД – Жилина Т. И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1998.
ВЛА – Взаимодействие лингвистических ареалов. Теория, методика и источники исследования. Л.: Наука, 1980.
Дмитриева Р. П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка. Фонетика и морфология. Дис... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1998.
ИД – Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976.
КПОС – Коми-пермяцкий орфографический словарь. Кудымкар, 1992.
КПС – Коми-пермяцко-русский, русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар, 1993.
КСК I – Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка: в 2-х т. / Ин-т яз., лит. и истории Коми науч. центра Урал. отд-ния РАН; под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар: ООО «Изд-во “Кола”», 2012–2014.
КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999.
Мурыгин А. М., Королев К. С., Ляшев В. А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. Вып. 105.
НВД – Сорвачева В. А. Нижневычегодский диалект коми языка. Осква, 1978.
РКС 1966 – Русско-коми словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966.
РКС 2003 – Русско-коми словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.
РУС – Русско-удмуртский словарь. М., 1956.
Сажина С. А. Ареальные морфологические параллели в диалектах пермских языков // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Сыктывкар, 2005. С. 182–184.
Сажина С. А. Сравнительная морфология коми-зырянских диалектов (Именные части речи). Ареальный аспект исследования. Дис... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2004.
ССД – Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1980.
ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961.
УД – Сорвачева В. А., Безносилова Л. М. Удорский диалект коми языка. М.: Наука, 1990.
УРС – Удмуртско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1983.
Федосеева Е. Н. О некоторых пермяцко-зырянских лексических параллелях // Филологические исследования – 2014: источники, их анализ и интерпретация в филологических науках. Сыктывкар, 2014.

А. В. Егоров

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С БИБЛЕЙСКИМИ АНТРОПОНИМАМИ В РУССКОМ, УДМУРТСКОМ И ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В данной работе рассматриваются фразеологические единицы с библейскими именами. Автор приходит к заключению, что фразеологизмы данной группы, как правило, совпадают в русском и удмуртском языках, однако различаются в сравнении с венгерским материалом. Причины этого видятся в различных экстралингвистических условиях осуществления переводов на национальные языки.

Ключевые слова: фразеологические единицы, антропонимы, русский язык, удмуртский язык, венгерский язык.

A. V. Egorov

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH BIBLICAL ANTHROPONYMS IN RUSSIAN, UDMURT AND HUNGARIAN LANGUAGES

Abstract. In this paper phraseological units with biblical names are considered. The author comes to the conclusion that the phraseological units of this group as a rule coincide in the Russian and Udmurt languages, but differ in comparison with the Hungarian material. The reasons for this are seen in various extra-linguistic conditions for the implementation of the translation into national languages.

Keywords: phraseological units, anthroponyms, the Russian language, the Udmurt language, the Hungarian language.

На протяжении многих веков Библия, переведенная на множество языков, играла значительную роль в культурном и духовном развитии и становлении ментальности людей. Библейский стиль, образность, смысловое содержание всегда имели большое влияние на многие поколения. Приобщение к библейской мудрости, ее духовным ценностям – важный шаг в формировании человеческого мировоззрения. Многие отечественные и зарубежные исследователи описывают влияние текста Священного Писания на языки и культуры различных народов. Библия обогатила языки сотнями устойчивых образных выражений и, без сомнений, серьезно повлияла на формирование лексического фонда языков. Библейский текст может использоваться не только как прямое цитирование, вкрапление отдельных элементов, словесных блоков, но и включаться аллюзивно, иллюстрируя притчу, создавая контексты разной стилистической окраски.

Библейские фразеологические единицы (ФЕ) русского, удмуртского и венгерского языков несомненно представляют научный интерес, но в сопоставительном плане до сих пор исследованы не были. Они образуют ценный и интересный пласт фразеологии во многих языках мира и имеют существенные отличия, к примеру, от фразеологии, восходящей к греко-римской мифологии, литературным либо историческим реминисценциям. Поскольку последняя заимствуется, в основном, через литературу, тогда как библейские ФЕ не заимствовались одним языком из другого: в каждом языке происходил отбор из одного общего источника [Гак, 1994, с. 17].

Процесс формирования библейских ФЕ в различных языках находился под воздействием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. К важным экстралингвистическим факторам можно отнести, например, время и условия появления библейских переводов в России и Венгрии. Так, традиции перевода библейских текстов у славянских народов имеют глубокие корни и восходят к IX в. У их истоков стояли создатели славянской азбуки, основоположники древнейшего литературно-письменного языка славян, первые переводчики богослужебных книг с греческого языка на славянский – солунские братья Константин (Кирилл) и Мефодий. На Руси церковно-славянская литература, первоначально оформленная в Византии, была преимущественно распространена в староболгарских переводах с греческого языка. У славян богослужение происходило на понятном для народа старославянском языке, и поэтому в древней Руси не было необходимости переводить Священное Писание на родной язык. Первыми поборниками перевода Библии на современный русский язык были митрополит Филарет и его ученик протоиерей Г. П. Павский, а также миссионер архимандрит Макарий (Глухарев) [Филкова, 1965, с. 457–458]. По разрешению Святого Синода в 1876 году вышла полная русская Библия (канонические книги Ветхого Завета были переведены с еврейского подлинника, а неканонические – с греческого и латинского языков).

Несколько иначе обстояли дела в Венгрии, где на пестроту языков, нравов, культурных традиций накладывалась пестрота религий. К середине XVI в. Центральная Европа была затоплена волной Реформации: лютеранская, кальвинистская, евангелическая, баптистская и другие церкви успешно тес-

нили католицизм. Не последнюю роль играла относительная демократичность новых конфессий; одной из существенных причин их быстрого распространения было и – осознанное или неосознанное – стремление сохранить свою национальную идентичность: перевод религиозной литературы, богослужение на родном языке, конечно, поднимали престиж этого языка, изменяли отношение к нему. Первые рукописи венгерских переводов Библии относятся к XVI в. В 1533 г. вышло первое печатное издание посланий апостола Павла на венгерском языке (перевод Б. Комиати), а в 1541 г. – весь Новый Завет (перевод Я. Сильвестера). Ветхий Завет был переведен и издан в 1551–1565 гг. Эти издания осуществлялись католиками. Около 1590 г. появляется полный венгерский перевод Библии, который является ее первым протестантским переводом (с Вульгаты, то есть с латинского перевода Библии, осуществленного блаженным Иеронимом в 382–405 гг.). Выполнил его лютеранский священник Г. Кароли. С точки зрения точности, а также красоты и правильности языка этот перевод до сих пор остается непревзойденным. В 1626 иезуит Г. Калди издает в Вене полную католическую Библию. Этот перевод лег в основу пересмотренного издания 1927–34 гг., выпущенного Обществом святого Иштвана. С греческого оригинала Нового Завета (с примечаниями) был переведен католиками Г. Бекешем и П. Далосом (Рим, 1951; 4-е изд. 1964). Протестантский перевод на основе критических изданий Р. Киттеля и Нестле выходит по частям начиная с 1951 г.

Начало перевода Библии на удмуртский язык тесно связано с просветительской деятельностью Православной Церкви. В 1740 г. после создания в Казани Новокрещенской конторы началось массовое крещение удмуртов и других народов Волго-Уральского региона. Исследователь памятников удмуртской письменности Л. М. Ившин, ссылаясь на П. Н. Луппова, утверждает, что «первые удмуртские переводы Евангелий были представлены в Синод в 1803 году, однако были оставлены без внимания» [Ившин, 2008, с. 40]. Согласно записям П. Н. Луппова [Луппов, 1911, с. 17], в 1818 году был открыт «Вятский Комитет Библейского Общества, который на самых же первых порах занялся вопросом об издании вотских переводов Евангелия». Наряду с этим, М. Г. Атаманов указывает на большой вклад в дело перевода Библии на удмуртский язык и первого ученого-удмурта Левандовского, одного из учеников В. Пуцка-Григоровича. В книге «The Bible of Every Land» (London, 1848–1861), он характеризуется как «образованный вотяк, хорошо знающий свой родной диалект, первый, кто взялся за перевод Священного Писания на язык своих соплеменников. В 1820 г. он отослал Российскому Библейскому Обществу образец перевода первых десяти глав Евангелия от Матфея с предложением продолжить его, если они сочтут это необходимым. Комитет Библейского Общества, в свою очередь, предложил Левандовскому продолжить начатую работу и передать перевод священникам, знающим язык» [Атаманов, 2006, с. 13–14]. В 1847 г. в Казани были изданы два Евангелия на глазовском и сарапульском наречиях удмуртского языка, которые в 2003 г. были переизданы репринтным способом Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН [ГН, 2003; СН, 2003]. Полный перевод Библии на современный удмуртский литературный язык был осуществлен лишь к концу XX в. доктором филологических наук, профессором, протоиереем Свято-Александро-Невского Кафедрального Собора города Ижевска М. Г. Атамановым, который по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II работает над переводом Священного Писания на удмуртский язык.

Наряду с экстралингвистическими факторами действуют и собственно лингвистические. Так, русский язык, с одной стороны, и удмуртский и венгерский языки, с другой, относятся к различным языковым группам (к славянской и финно-угорской, соответственно). Помимо всего прочего, они различаются и типологически: русский – язык синтетического строя, удмуртский и венгерский – агглютинативного. Данная особенность сказывается не только на общих закономерностях функционирования лексико-фразеологических единиц, но и на различной технике слово- и фразеобразования. При сопоставлении таких типологически далеких языков можно лишь говорить о некоем относительном тождестве внешней формы ФЕ. Существуют и некоторые лексические расхождения, проявляющиеся, например, в употреблении различных стилистических синонимов. Так, характерной чертой русского корпуса библейской фразеологии в целом является наличие в составе оборотов значительного количества архаизмов, относящихся к стилистически возвышенной лексике.

Целью нашей работы явилось выявление антропонимических элементов во фразеологическом пласте русского, удмуртского и венгерского переводов Библии.

Слова и словосочетания, которые проникли в языки из Библии, называются библеизмами. Они «представляют собой особую группу в системе образных средств литературного языка. Это первая по времени сугубо книжная фразеология языка» [Семенова, 2002].

Под библеизмами в данном исследовании также понимаются фразеологические единицы, зафиксированные в тексте Святого Писания или возникшие на основе библейских сюжетов. Многие исследова-

дователи в своих работах выделяют, как правило, три группы библеизмов: 1) библеизмы-фразеологические единицы; 2) библеизмы-имена собственные; 3) библеизмы-религиозные реалии. Библеизмы-фразеологические единицы делятся на две группы: 1) библейские эквиваленты, под которыми понимаются фразеологизмы, вошедшие в язык неизменными, они используются в речи в том же виде, что и в тексте Святого Писания; 2) библейские прототипы. Библеизмы-имена собственные, в свою очередь, делятся на антропонимы, топонимы, хрононимы, этнонимы, зоонимы.

Библеизмы – это особый пласт лексики, являющийся свернутым библейским текстом, и в связи с этим необходимо отметить свойственную ему ассоциативность с Библией, что делает его более актуальной языковой единицей в сравнении с другими, на основании неисчерпаемой мудрости Библии во все времена. Библеизмы играют огромную роль в художественной прозе, украшая и делая текст выразительнее и ярче.

По причине большого объема библеизмов, содержащих антропонимы, мы ограничили рамки настоящего исследования ветхозаветными событиями. Проведенный нами анализ библейской фразеологии показал, что одними из наиболее часто встречающихся антропонимов в тексте Библии являются такие, как: *Авраам, Адам, Ева, Соломон, Иов* и некоторые другие.

1. В русской традиции имя **Авраам** встречается в таких выражениях, как *Авраамово лоно; жертвоприношение Авраама; искушение Авраама* и др.

Авраамово лоно (О месте упокоения душ праведников, о царствии небесном) – выражение из Нового Завета, где говорится о нищем Лазаре. – Ср. Лук. 16, 22–23: *Умер нищий и отнесен был ангелами на лоно Авраамово; умер и богач, и похоронили его; И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его <...>* [Мокиенко 2010: 298] – удм. *Кураськись кулэм но Кылчиньёс сое Авраамлэн ал вылаз нуиллям. Узыр но кулэм, сое ватйллям. Адысен, курадзыса улыкуз, узыр мурт синзэ жутэм но кыдёкысен Авраамез но со бордын улйсь Лазарез адзем.* [БУК 2013: 1362] – венг. *Lőn pedig, hogy meghala a koldus, és vitették az angyaloktól az Ábrahám kebelébe; meghala pedig a gazdag is, és eltemették. És a pokolban felemelé az ő szemeit, kínokban lévén, és látá Ábrahámot távol, és Lázárt annak kebelében.* [Lukács Evangélioma 16. rész http://biblia.hu/biblia_k/k_42_16.htm]. Здесь русскому и венгерскому элементам *лоно* – *kebel* ‘грудь’ в удмуртском соответствует *ал (выл)* ‘колени’.

2. Антропоним **Адам** связано с такими выражениями, как: *ветхий Адам; в костюме Адама; (начинать) от Адама; адамовы времена (веки); Адамово яблоко; Адам и Ева* и др.

ветхий Адам (уст. книжн. Человек, обремененный грехами, дурными пристрастиями) – выражение восходит к Библии. – Ср. Еф. 4, 21–24: *Но вы не так познали Христа; потому что вы слышали о Нем и в Нем научились, — так как истина во Иисусе, — отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, а обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины.* [Мокиенко 2010: 37] – удм. *Таће улонлы Христослэсь тй өд дышетске, тй Со сярэсь кылйды, Со бордын дышетскиды – уго зэмлык Иисус бордын. Со дышетонья тйледлы азьвыл улон сямдылэсь но өрекчи куроньёсын сэрен сисьмоно вужмем адями луондылэсь куштйськыны кулэ.* [БУК 2013: 1362] – венг. *Ti pedig nem így tanultatok a Krisztust; Ha ugyan Őt megértettétek és Ő benne megtanítottatok, úgy a mint az igazság a Jézusban: Hogy levetkeztétek ama régi élet szerint való ó embert, mely meg van romolva a csalárdtság kívánságai miatt; Megújultatok pedig a ti elméteknek lelke szerint, És felöltöztétek amaz új embert, mely Isten szerint teremtett igazságban és valóságos szentségben.* [Efézusbeliekhez írt levél 4. rész: http://biblia.hu/biblia_k/k_49_4.htm]. В данных примерах русскому *ветхий* в удмуртском соответствует *вужмем* ‘устаревший’, а в венгерском *ó* ‘древний’.

в костюме Адама (шутл. ирон. Об обнаженном мужчине) – Выражение связано с тем, что, по Библии, первые люди на земле, Адам и Ева, обходились без одежды. – Ср. Быт. 2, 25: *И были оба наги, Адам и жена его, и не стеснялись.* [Мокиенко, 2010, с. 276] – удм. *Кыксы но гольыкесь вал, Адам но, кышноез но, но өз въздаське.* [БУК 2013: 5] – венг. *Valának pedig mindketten mezítelenek, az ember és az ő felesége, és nem szégyenlik vala.* [Mózes I. könyve 2. rész: http://biblia.hu/biblia_k/k_1_2.htm].

3. Лексема **Ева** в русской традиции встречается в таких библеизмах, как: *Ева, в костюме Евы, Адам и Ева* и др.

4. Имя **Соломон** зафиксировано в двух выражениях: *Соломоново решение* и *суд Соломона*.

Соломонов суд; суд Соломона (книжн. высок. Мудрое, справедливое разрешение какого-л. спора, дела) – выражение связано с библейским повествованием о мудром разрешении Соломоном спора двух матерей о том, кому из них принадлежит ребенок. – Рассмотрим истоки этого выражения в Библии: Ср. 3 Цар. 3, 25–27: *И сказал царь: рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой. И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: о, господин мой! отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте*

его. А другая говорила: пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите. И отвечал царь и сказал: отдайте этой живое дитя, и не умерщвляйте его: она — его мать. [Мокиенко, 2010, с. 459] – удм. Эксэй шуиз: «Улэп нуныез шори чогыса уретэ но одйг люкетсэ оgezлы, мукетсэ – мукетызлы сэтэ». Кышномурт, кудйзлэн пиез улэп вал, пизэ жальяменыз вань пушкыз-ерыз бугыръяськыса, эксэйлы шуиз: «Э, кузёе! Улэп нуныез та кышномуртлы сэтэ, эн вие сое». Нош мукетыз кышномурт шуиз: «Тыныд но, мыным но со медаз луы, чоге сое». Ответ сётыса, эксэй шуиз: «Таузлы улэп нуныез сэтэ, со – нунылэн анаез, эн вие». [БУК, 2013, с. 491] – венг. Monda a király: Vágjátok két részre az eleven gyermeket, és adjátok az egyik részt egyiknek, a másikat pedig a másiknak. Ekkor monda az az asszony, a kié vala az élő gyermek, a királynak, mert megindult szíve gyermekén: Kérlek, uram, adjátok néki az élő gyermeket, és ne öljétek meg őt. A másik pedig azt mondja vala. Se enyim, se tied ne legyen; vágjátok ketté. Akkor felele a király, és monda: Adjátok amannak az élő gyermeket, és meg ne öljétek azt, mert az az ő anyja [Királyok I. könyve 3. rész: http://biblia.hu/biblia_k/k_11_3.htm].

5. Антропоним Иов зафиксирован в нескольких библеизмах, напр.: беден как Иов; Иов много-страдальный.

Проанализируем истоки этих выражений в Библии. Иов был патриархальным главой благодеющего рода, вел добродетельную жизнь и отличался истовой верой в Бога. В споре с Сатаной Бог решает проверить искренность и бескорыстие веры Иова и позволяет Сатане подвергнуть его множеству испытаний: лишит детей, богатства, насладит на него страшную болезнь, из-за которой Иов не мог находиться среди людей. – Ср. Иов. 2, 7–8: *И отошел сатана от лица Господня и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его. И взял он себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел [вне селения].* [Мокиенко, 2010, с. 239–240] – удм. Нош шайтан Кузё-Инмарлэн син азъысьтыз кошкыз но Иовез пыдышкысеныз йырпыдэсозяз туж лек гижло чер висёнэн шобыртйз. Мугорзэ корманы Иов черепица чальдэтэз басьтйз но пень вылэ пуксиз [гурт съёры]. [БУК, 2013, с. 726] – венг. És kiméne a Sátán az Úr elől, és megveré Jóbot undok fekélylyel talpától fogva a feje tetejéig. És vőn egy cserepet, hogy azzal vakarja magát, és így ül vala a hamu közepett [Jób könyve 2. rész: http://biblia.hu/biblia_k/k_18_2.htm].

Малопродуктивными в плане формирования устойчивых выражений можно назвать следующие библейские имена:

Аарон: Ааронов жезл, жезл Аарона (О проявлении чего-л. необыкновенного, чудесного). Во время скитания иудеев по пустыне в поисках Земли обетованной Бог, чтобы укрепить в народе веру в богоизбранность первосвященника, подтвердить его право повелевать, совершает чудо с жезлом Аарона. – Ср. Числ. 17, 2–5: *скажи сынам Израилевым и возьми у них по жезлу от отчего дома, от всех начальников их по отчим домам, двенадцать жезлов, и каждогого имя напиши на жезле его; имя Аарона напиши на жезле Левиином, ибо один жезл от начальника отчего дома их [должны они дать]; и положи их в скинии собрания, пред ковчегом откровения, где являюсь Я вам; и кого Я изберу, того жезл расцветет; и так Я успокою ропот сынов Израилевых, которым они ропщут на вас.* Числ. 17, 8: *На другой день вошел Моисей [и Аарон] в скинию откровения, и вот, жезл Ааронов, от дома Левиина, расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали.* [Мокиенко, 2010, с. 205] – удм. «Израиль пиослы вера но котькуд выжыысь, котькуд выжылэн тӱроезлэсь-кивалтйезлэсь быдэн кивалтэт боды басьты, дас кык выжылэсь дас кык кивалтэт боды, котькудйзлэн кивалтэт боды бордаз кузёезлэсь нимзэ гожты; Ааронлэсь нимзэ Левийлэн кивалтэт боды бордаз гожты, уго выжызылэн тӱроезлы быдэн одйг кивалтэт боды [соос сётыны кулэ]; соосты вӱсяськон скиния пушкы тыр, сйзён-косонэн ковчег азе тыр, отысен Мон тйледлы возматскисько; кинэ Мон быръё, солэн кивалтэт бодыез сяськаяськоз; озьы Мон израиль пиослэсь тй вылэ зургетыса улонзэс зйбломьто». Мукетаз нуналэ Моисей [но Аарон] сйзён-косонэн скинияе пыризы, соку соос адзызы, кызы Левий выжыысь Ааронлэн кивалтэт бодыез сяськаяськыз, пучы поттйз, сяськаез усьтйськыз, миндальёсыз быгыльскизы. [БУК, 2013, с. 225] – венг. Szólj Izráel fiainak, és végy tőlök egy-egy vesszőt az ő atyáiknak háza szerint; az ő atyáik házának valamennyi fejedelmétől tizenkét vesszőt; és kinek-kinek a nevét írd fel az ő vesszejére. Az Áron nevét pedig írd a Lévi vesszejére: mert egy vessző esik az ő atyjok házának fejéért. És tedd le azokat a gyülekezet sátorában a bizonyág ládája elé, a hol megjelenek néktek. És lesz, hogy annak a férfiúnak vesszeje, a kit elválasztok, kihajt; így hárítom el magamról Izráel fiainak zúgolódásait, a melyekkel zúgolódnak ti ellenetek. És lőn másnap, hogy beméne Mózes a bizonyág sátorába; és imé kihajtott vala a Lévi házából való Áronnak vesszeje, és hajtást hajtott, és virágot növelt, és mandolát érlelt [Mózes IV. könyve 17. rész: http://biblia.hu/biblia_k/k_4_17.htm].

Валаам: Валаамова ослица (книжн. О молчаливом, покорном человеке, который неожиданно высказался против чего-л.). Выражение восходит к библейской (ветхозаветной) легенде об ослице пророка Валаама, которая неожиданно человеческим голосом стала протестовать против побоев. – Ср. Числ. 22, 28: *И отверз Господь уста ослицы, и она сказала Валааму: что я тебе сделала, что ты бьешь меня вот уже*

третий раз? [Мокиенко, 2010, с. 346] – удм. Соку Кузё-Инмар мумы ишаклэсь ымзэ усьтiз но, со Валаамлы шуиз: «Мар мон тыныд лэсьтiи, тани, тон куинь пол кутскыса уни монэ жугиськод?» [БУК, 2013, с. 234] – венг. *És megnyitá az Úr a szárnak száját, és monda a számár Bálámnak: Mit vétettem néked, hogy immár háromszor vertél meg engem?* [Mózes IV. könyve 22. rész: http://biblia.hu/biblia_k/k_4_22.htm].

Валтасар: *Валтасаров пир; Валтасарово пиршество* (уст. книжн. Беззаботная разгульная жизнь перед лицом какого-л. бедствия, неминуемой гибели). Выражения восходят к библейскому повествованию о пиршестве у халдейского царя Валтасара накануне гибели, предсказанной ему свыше. – Ср. Дан. 5, 1–4: *Валтасар царь сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих и перед глазами ми тысячи пил вино. <...> Пили вино, и славили богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных* [Мокиенко, 2010, с. 360–361] – удм. *Валтасар эксэй бадзым юон дыр орчтытiз, сюрс кузёйырёссэ люказ, сюрс муртёслэн син аязы вина юиз. <...> Вина юизы, зарни, азвесь, ыргон, корт, ну, из инмарёссэс данызы* [БУК 2013: 1172] – венг. *Belszár király nagy lakomát szerze az ő ezer főmberének, és az ezer előtt bort ivék. <...> Bort ivának, és dicsérik az arany-, ezüst-, ércz-, vas-, fa- és kőisteneket* [Dániel próféta könyve 5. rész: http://biblia.hu/biblia_k/k_27_5.htm].

Каин: *Каин, где брат твой Авель?* (Как намек на что-л. скрываемое, вызывающее подозрение). – Ср. Быт. 4, 8–9: *И сказал Каин Авелю, брату своему: [пойдем в поле]. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. И сказал Господь [Бог] Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?* [Мокиенко, 2010, с. 254] – удм. *Соку Каин Авель вынызлы шуиз: [«Ойдо, бусые мыном».] Бусыын дыръязы Каин Авель вылэ, выныз вылэ, урдскиз но вииз сое. Соку [Инмар] Кузё-Инмар Каинлы шуиз: «Кытын Авель выныд?» Со шуиз: «Уг тодiськы, мон выны бiрсьын возьмаськыса ветлiсько шат?»* [БУК, 2013, с. 7] – венг. *És szól s beszél vala Kain Ábellel, az ő atyjafiával. És lőn, mikor a mezőn valának, támadá Kain Ábelre az ő atyjafiára, és megöle őt. És monda az Úr Kainnak: Hol van Ábel a te atyádfia? Ő pedig monda: Nem tudom, avagy őrizője vagyok-é én az én atyámfiának?* [Mózes I. könyve 4. rész: http://biblia.hu/biblia_k/k_1_4.htm].

Ной: *Ноев ковчег* (1. книжн. О том, что может помочь выбраться из трудной, опасной ситуации 2. перен. и в сравн. О тесном, переполненном обитателями помещении). – Ср. Быт. 6, 13–19: *И сказал [Господь] Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями.; <...> И вот, Я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни. Но с тобою Я поставлю завет Мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою. Введи также в ковчег [из всякого скота, и из всех гадов, и] из всех животных, и от всякой плоти по паре, чтоб они остались с тобою в живых <...>* [Мокиенко, 2010, с. 336, 267] – удм. *Инмар [Кузё-Инмар] Нойлы шуиз: Вань адямиослэн быронзы Мынам азиям вуиз, музеймыл соослэн сьiсь ужёсьынызы пачылмиз. <...> Тани, Мон ин улысь вань улэп макеосты быдтон понна музеймыл бадзым ву лэзё; мар вань музеймылын, ваньмыз быроз. Нош тонэн валче Мон Аслэсьтым сiзёнме усьто, соку тон пыже пырод, тонэн огазе пырозы кышноед, пиосыд, кенъёсыд. Пыжад озыы ик пырты [вань пудоос, вань нюж кытiськыса ветлiсьёс пiльсь,] вань улэп, вань луло макеос пiльсь – ваньзэ кузэн-кузэн пырты, тонэн огазын соос улэп мед кылэзы <...>* [БУК, 2013, с. 10] – венг. *Monda azért Isten Noénak: Minden testnek vége elérkezett előttem, mivelhogy a föld erőszakoskodással telt meg általak: és imé elvesztem őket a földdel egybe. <...> Én pedig imé özönvizet hozok a földre, hogy elveszessek minden testet, a melyben élő lélek van az ég alatt; valami a földön van, elvész. De te veled szövetséget kötök, és bemégy a bárkába, te és a te fiaid, feleséged és a te fiaidnak feleségei teveled. És minden élőből, s minden testből, mindenből kettőt-kettőt vígy be a bárkába, hogy veled együtt életben maradjanak: hímek és nőstények legyenek* [Mózes I. könyve 6. rész: http://biblia.hu/biblia_k/k_1_6.htm].

Проведенный нами анализ показал, что русских и удмуртских библеизмов в большинстве примеров как в структурном, так и в семантическом плане совпадают.

Несколько иная картина вырисовывается при сопоставлении русских и удмуртских библейских фразеологизмов с венгерским языковым материалом. Причиной некоторых лексических расхождений рассмотренного нами венгерского перевода Библии с русским и удмуртским ее переводами, является, вероятно, то, что венгерский перевод, помимо того, что он является протестантским, был осуществлен, опираясь на латинский перевод Библии блаженного Иеронима, а не напрямую с языка оригинала, как это было, в частности, в случае с русским переводом отдельных книг Священного Писания. Кроме того, не следует упускать из виду и тот факт, что у каждого народа и в каждом языке существует своя, зачастую отличная от других, система образов и символов.

Определенное своеобразие стилистических особенностей библейской фразеологии русского, удмуртского и венгерского языков объясняется также и влиянием различных экстралингвистических факторов.

Помимо этого, различный состав библеизмов в разных языках может быть связан с критериями их отбора при составлении авторами различных словарей, а также историей перевода Библии на разные языки.

Фразеология библейского происхождения с ее образной системой, яркой выразительностью и глубоким нравственным содержанием отнюдь не является застывшей массой устаревающих слов. Интерес к подобным выражениям в последнее время не только не угас, но даже усиливается. Следствием этого стало увеличение удельного веса библейских ФЕ в новейших словарях и справочниках, в живой повседневной, особенно публицистической речи. Более того, зачастую обнаруживается тенденция к злоупотреблению меткими евангельскими фразами, к превращению их в штампы. Причем все чаще библейские выражения употребляются без точных знаний об их значении. В данной ситуации как никогда актуальным становится создание словаря библейской фразеологии удмуртского языка – как одноязычного, толкового типа, так и дву- и многоязычного.

Библиография

- Атаманов М. Г. Роль православной церкви в формировании удмуртской печати // Журналистика Удмуртии: история и современность. Ижевск, 2006. С. 11–15.
- БАК, 2013 – Библия: [удмурт кылын] / Библияз берыктонья Институт; [берыктӧз Михаил Атаманов]. Хельсинки: Библияз берыктонья институт. Ижкар, 2013. 1696 с.
- Библия [Электрон. данные]. Режим доступа: <http://ru.wikisource.org/wiki/Библия> (дата обращения: 15.01.2018).
- Виль Сйзён: Эскерыса поттон / Стокгольм–Хельсинки, 1997. 780 б.
- Гак В. Г. Вопросы сопоставительной фразеологии (библеизмы в русском и французском языках) // Научные труды МПГУ. М., 1994. С. 14–20.
- Гак В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библейскими фразеологизмами) / В. Г. Гак // Вопросы языкознания: сборник научных статей. 1997. №5. С. 55–65.
- ГН, 2003 – Первые печатные книги на удмуртском языке: глазовское наречие. Ижевск, 2003. 558 с
- Ившин Л. М. Об истории создания и орфографии первопечатного Евангелия от Марка 1847 г. на удмуртском языке // Письменная культура народов России. Омск, 2008. С. 39–44.
- Луппов П. Н. Христианство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка: Изслѣдование. Вятка: Губерн. тип., 1911. XXII, XVI, 568 с.
- Мокиенко 2010 – Мокиенко В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2010. 639 с.
- Семенова Е. С. Деформация значения библеизмов в поэзии пролетарских писателей // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 2002. С. 109–116.
- СН, 2003 – Первые печатные книги на удмуртском языке: сарапульское наречие. Ижевск, 2003. 441 с.
- Филкова П. Д. Церковно-славянская фразеология в советской художественной и общественно-политической литературе // Годишник на Софийский университет. София, 1965. С. 451–462.
- A Biblia Károli Gáspár fordításában [Электрон. данные]. Режим доступа: <http://biblia.hu/biblia/biblia.htm> (дата обращения: 14.01.2018).
- Újszövetség [Электрон. данные]. Режим доступа: http://biblia.hu/biblia_k/k_40_1.htm (дата обращения: 15.01.2018).

Н. В. Казаева

ОТРАЖЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В МОРДОВСКОЙ ТОПОНИМИИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются элементы духовной культуры эрзи и мокши, нашедшие отражение в названиях географических объектов Республики Мордовия. Автор анализирует топонимы, связанные с древними религиозными обрядами и верованиями, мифологией, традиционными календарными праздниками и народными обычаями мордвы, зоотопонимы и фитотопонимы, которые хранят и передают информацию о геокультурном пространстве региона.

Ключевые слова: мордовская топонимия, духовная культура, религиозные обряды и верования, зоотопонимы, фитотопонимы.

N. V. Kazaeva

THE REFLECTION OF THE ELEMENTS OF THE SPIRITUAL CULTURE IN THE MORDVIN TOPONYMY

Abstract. This article studies the elements of spiritual culture of Erzya and Moksha, reflected in the names of geographical objects of the Republic of Mordovia. The author analyzes names related to the ancient religious rituals and beliefs, mythology, traditional calendar holidays and folk customs of the Mordvins, zootoponyms and phytotoponyms that store and transmit information about the geo-cultural space of the region.

Keywords: Mordvinian toponymy, spiritual culture, religious rites and beliefs, zootoponyms, phytotoponyms.

Любое собственное имя, в том числе и топоним, несет в себе культурно-историческую информацию. В топониме находит яркое отражение единство материальной и духовной культуры народа.

За последние десятилетия в отечественной топонимике значительно возрос интерес ученых к вопросам кодирования в топонимии информации о духовной культуре народа, являющейся объектом этнолингвистического исследования [Березович, 1997, с. 90–105; Березович, 2000; Варникова, 1995, с. 113–115; Ковлакас, 2008; Фаткуллина, 2015]. Автором данной работы также были приняты попытки описания эрзянских географических названий, отражающих в себе элементы духовной культуры [Жаева, 2001, с. 71–74].

В мордовской топонимии находит отражение не только материальная, но и духовная культура народа. Различные религиозные обряды и верования, деятельность церкви, народные обычаи, предания и легенды оставили свой след в мордовских географических названиях. В данной статье рассмотрим элементы духовной культуры эрзи и мокши, отразившиеся в названиях географических объектов Мордовии. В качестве иллюстративного материала использованы сведения из «Словаря географических названий Республики Мордовия» [Цыганкин, 2005], а также полевые материалы автора.

Среди топонимов данной группы представляют интерес названия, связанные с древними религиозными обрядами и верованиями мордвы. Религиозные обряды проходили в священных местах, на которых проводились моления (*озкст*) и совершались жертвоприношения богам. У древней мордвы преобладали женские божества, которые занимали главенствующее положение в пантеоне мордовских богов: *Вирява* ‘богиня леса’, *Модава* ‘богиня земли’, *Ведява* ‘богиня воды’, *Толава* ‘богиня огня’ (об этом подробнее в: Мокшин 1998; Мокшин, 2004).

Примечательным является тот факт, что названия богов и божеств, которым поклонялась мордва, практически не нашли отражение в мордовской топонимии, в отличие, например, от топонимии обских угров – ханты, у которых, напротив, представлены все категории богов (духов); «... при этом для обозначения священных мест ханты нередко используют только имя духа-охранителя» [Дмитриева, 2005, с. 366]. В располагаемом нами материале обнаружен один топоним с именем покровительницы леса: *Вирява* – луг (Прк Ббр).

Д. В. Цыганкин название луга *Керяткав* (Адш Кдш) связывает с лексемой *керямедь* ‘место молений у языческой мокши’, в основе которого старинное название плуга *керяд* [Цыганкин, 2005, с. 145]. По мнению некоторых ученых, у мордвы-язычников существовал бог *керемет*, который отмечен в религии и других народов Поволжья – удмуртов, марийцев, чувашей [Мокшин, 2004, с. 154–155]. Так, исследователи удмуртской топонимии Л. Е. Кириллова и М. А. Самарова в удмуртских микротопонимах *кэрэмэтошмэс*, *кэрэмэтин’ур*, *кэрэмэтин’ук* выделяют лексему *кэрэмэт* ‘название языческого моления’, ‘священная роща, место моления удмуртов-язычников божеству керемет’, ‘название божества’ [Кириллова, 1992, с. 136; Самарова, 2010, с. 76].

Столь редкое функционирование в топонимии имен божеств, можно объяснить, во-первых, тем, что предки мордвы почитали своих богов и боялись их разгневать; во-вторых, названия божеств, на наш взгляд, трудно привязывать к топонимам, первичная функция которых – служить ориентиром на местности.

В мордовских географических названиях в единичных случаях зафиксированы лексемы *паз* (э.) и *шкай* (м.) ‘бог’: *Пазонь лисьма* (букв. божий-колодец) – родник (Лбс Ат), *Шкаень панда* (божий-гора) – холм (Прх Рз), *Шкаень сёлкф* (божий-запруда) – овраг с водой (СтСз Квл).

Термины *паз* (э.) ‘бог’ и *паваз / баваз / бавас* (м.) ‘счастье; участь; судьба’ входят в состав многочисленных теонимов – имен, олицетворяющих те или иные силы природы: *Ёндопаз* (*ёндол* ‘молния’ + *паз* ‘бог’) – божество молнии; *Пурьгинепаз* (*пурьгине* ‘молния’ + *паз* ‘бог’) – божество грома, *Шкабаваз* – верховный бог. Названия этих и многих других божеств не нашли отражения в мордовской топонимии.

В мордовских географических названиях, указывающих на место и характер моления, представлены лексемы *ине* (э.) ‘великий’, ‘большой’, *озкс / оскс* (э., м.) ‘моление’, *ознома* (э., м.), *озномка* (э.), *ознума* (э. диал.), *ознемка*, (м.) *озондома* (м.): *Баба озкс латко* (букв. баба-моление-овраг) – овраг, где был родник со «святой» водой, место моления (Мрг Дбн), *Инекужо* (*ине* ‘большой’ + *кужо* ‘поляна’) – луговина, поляна (ЧрПр Ббр), *Ознома васта* (моление-место) – луг, где происходили моления (Алк Квл), *Ознома латка* (моление-овраг) – ложбина (Смк Ббр), *Озномка лей* (моление-река) – овраг с водой, место, где проводились моления (Трц Ич), *Ознума пря латка* (моление-верхушка-овраг) – верховье оврага, где отправлялись религиозно-культурные обряды (Смк Ббр), *Озондома васта* (моление-место) – луг (Шд Квл), луг, молебное место (Шд-Рс Инс), *Озондома пора* (меление-роща) – роща (Ежв Квл).

Особое место в мордовской топонимии занимают названия с лексемой *каша*, т. к. этот продукт у древней мордвы имел культовое предназначение. Проводились также моления, называемые *бабань каша*, «... целью которых было посвящение молодежи (в данном случае женской ее половины) в статус взрослых членов общины» [Мокшин, 2004, с. 98]. Все это нашло отражение в микротопонимах: *Бабань каша* (бабий-каша) – лес, гора, луг у леса, где проводились культовые обряды (СтТр Кчк; Шгр Ббр), *Бабань каша лисьманря* (бабий-

каша-родник) – родник, где проводились обрядовые моления (СтТр Кчк), *Каша ознома лисьма* (каша-моление-колодец) – родник, возле которого жители села отправляли религиозные обряды (СтАр Ард).

Во время молений в жертву богам приносились животные. В качестве жертв у мордвы «выступали разные виды животных и птиц (лошади, быки, коровы, овцы, свиньи, козы, гуси, куры, утки), рыба» [Мокшин, 1998, с. 41]. В мордовской топонимии широко представлены названия, имеющие в своем составе зоонимы, но не многие из этих микропонимов хранят память о религиозных верованиях мордвы. Они прежде всего информируют нас о представителях животного мира края: *Врьгаз ляй* (волк-река) – овраг (Адш Кдш; МрКл Квл; Прм ЗП), *Нумоло латко* (заяц-овраг) – овраг с водой (Кчк Дбн); о занятиях жителей скотоводством: *Вазлуга* (*ваз* ‘теленок’ + *луга* ‘луг’) – пойма (Пкс Ард), *Лишмень прямо лей* (лошадей-разведение-река) – луговой загон для лошадей (Крл Рмд), *Учань лихтеманя* (овец-родничок) – озеро, возле которого находится пастбище овец (Влг Квл); о местах захоронения скота: *Алашань калмазырь* (лошадей-кладбище) – скотомогильник (Блд Ич), *Траксонь калма лотка* (коров-могила-место) – овраг-скотомогильник (Сзг Рз). Поэтому исследователю нужно обладать дополнительной информацией и быть осторожным при их классификации. Из «Словаря географических названий Республики Мордовия» мы выделили лишь те названия, в которых представлены сведения информантов о местах проведения молений: *Бука латко пря* (бык-овраг-вершина) – холм возле оврага, где жители села отправляли культовые обряды (ПдТв Кчк), *Букань печкома эшиня* (быка-резание-колодец) – родник, где устраивались культовые праздники (Блд Рз), *Бука ознома лисьма* (бык-моление-колодец) – мольбище (Тзн Ат). Можно предположить, что и другие топонимы с лексемой *бука* связаны с религиозными верованиями мордвы, т. к. все они обозначают водные объекты (речки, родники, овраги), где обычно проводились моления: *Бука латко* – овраг (Слщ Ат), *Букалей* – овраг в 0,5 км от деревни (Птр Биг), речка, приток речки Малая Сарка (Чкл Ард), речка, приток реки Ташага (Шгр Ббр), ручей, приток речки Пелька (Кнд Ич), ручей, приток речки Ладка (Прт Ич), ручей, приток реки Вьяс (НвТр Кчк), *Бука лисьма* – родник (Ат, Дрк Ат; Ксг Ббр; Нзв Ард; ПдТв Кчк). О жертвоприношениях могут говорить единичные названия, в которых встречается лексема *печкема* (э.), *печкома* (м.) ‘резание’, ‘убой’: *Быкань печкома ляй* (быка-резание-река) – овраг (ПдАл Квл), *Сеянь печкема лей* (kozy-резание-река) – овраг (Тзн Ат). Среди них, однако, встречаются и окказиональные названия: *Траксонь печкома вирь* (коровы-резание-лес) – лесной участок (на этом участке зарезали украденную корову) (Срг Сш), *Мащиень печкема эшиня* (гуся-резание-родничок) – родник (Блд Рз).

В мордовской топонимической системе немало названий, содержащих сведения о растительном мире. Отметим, что в атрибутивной части фитотопонимов часто выступают названия деревьев, т. к. многие деревья имели и имеют для мордвы большое значение как в материальной, так и в духовной жизни. Нельзя не отметить особое отношение мордвы к таким породам деревьев, как дуб (э. *тумо*, м. *тума*), липа (э. *пекше*, м. *пяше*), береза (э. *килей*, м. *келу*), сосна (э., м. *пиче*), под которыми обычно проводились моления. Чистыми деревьями считались, например, яблоня (э. *умарина*, м. *марлю*) и рябина (э. *пизёл(чу-вто)*, м. *пизелкс*), а осина (э. *пой*, м. *пою*) и ель (э., м. *куз*) – нечистыми [Мокшин, 1998, с. 49].

В располагаемом нами топонимическом материале среди флористических преобладают названия с лексемами *килей* / *келу*, *пиче*, *тумо* / *тума*: *Келу вирне* (береза-лесок) – березовый лесок (ТрПт ЗП; Срг Сш; НвПш Квл), *Келу эши* (береза-колодец) – родник у березовой рощи (Прх Рз), *Килей вирь пандо* (береза-лес-гора) – холм (Ант Дбн), *Килей уло* (береза-выступ) – березовая колка (Лбс Ат), *Килен латконь лисьма* (береза-оврага-колодец) – родник (Жбн Ард), *Пиче* – участок леса (МрДв Кчк), *Пиче кужо* (сосна-поляна) – поляна в сосновом лесу (Тз Ббр), *Пиченал* (*пиче* ‘сосна’ + *нал* ‘роща’) – роща (Клп Крс), участок соснового леса (ТпСт ЗП), *Пиченят* – лес (Адш Кдш), *Пиче пандо* (сосна-гора) – холм (Срг Сш), *Тума эшиня* (дуб-колодец) – родник (СтСн Крс), *Тума васта* (дуб-место) – лес (Плв Рз), *Тума лотка* (дуб-овраг) – овраг, по берегам которого растут дубы (Влг Квл), *Тумо латконь лисьма* (дуб-оврага-колодец) – родник (НпТв Окт), *Тумопуло* (*тумо* ‘дуб’ + *пуло* ‘хвост’) – поляна (Кчк Дбн), лесо-участок (Смк Ббр; СтЧм Биг). По причине отсутствия комментариев, нельзя с уверенностью утверждать, что все представленные названия связаны с традиционными верованиями и обрядами мордвы.

В Республике Мордовия и далеко за ее пределами известны священные дубы, которые находятся на территории Симкинского природного парка Большеберезниковского района. Одному из этих дубов – *Эчке тумо* (букв. толстый дуб), обхватить который могут три взрослых человека, по оценке экспертов, не менее 600 лет. Несколько веков назад мордва-язычники на поляне возле дуба совершали жертвоприношения и молились своим богам. Старинное дерево и сегодня служит местом паломничества. По многовековым преданиям местных жителей и многочисленным свидетельствам очевидцев, данное дерево лечит женщин от бесплодия, помогает при молитвах о здоровье, о семейном счастье. Священный дуб мордвы, являясь в мордовской мифологии символом плодородия, имеет огромную

культурно-историческую ценность для нашей республики и всей России. Он официально признан памятником живой природы России.

Следует отметить, что в настоящее время древние языческие и традиционные календарные праздники мордвы тесно переплетаются с христианскими. Мордва, массовое крещение которой, по мнению исследователей [Мокшин, 2004, с. 50], завершилось в середине XVIII в., с того времени стала считаться народом, исповедующим христианство в форме русского православия.

В «Словаре географических названий Республики Мордовия» нами зафиксированы следующие топонимы, в которых нашли отражение православные христианские праздники: *Инечи лисьма* (Пасха-колодец) – родник, где жители собирались на Пасху (Чнд Дбн), *Микела лисьма* (Николай-колодец) – источник, у которого жители собираются в праздник св. Николая-угодника (Чнд Дбн), *Микела пандё* (Николай-гора) – возвышенность (Снн Дбн), *Очижись лихтема панда* (Пасхи-родник-гора) – холм (СтПш Квл), *Тровицянь поляна* – поляна в лесу, где жители села собирались на Троицу (Дгл Ббр), *Тровицянь панда* (Троицы-гора) – возвышенное место с перелеском, куда жители близлежащих сел в день Троицы приходили на гуляния (Ксг Ббр).

В мордовской топонимии встречается значительное количество названий мелких географических объектов, в которых представлена лексика, указывающая на культовые сооружения и места проведения религиозных обрядов и молений (келья, монастырь, церковь, часовня), а также на различные предметы, необходимые при их проведении (икона, крест, свеча, пирог и др.): *Каймак лисьма* (каймак ‘открытый картофельный пирог’-колодец) – колодец (Ал Ат), *Келия* – часть улицы (Кчш Ард), *Крёст лисьма* (крест-колодец) – колодец-родник (БлРм Чмз; Ант, Ррд Дбн), *Крёс эшина* (крест-родник) – родник (Алк Квл), *Монастырь вирь* (монастырь-лес) – лес (МрДв Кчк), *Монастырь пакся* (монастырь-поле) – поле (МрДв Кчк), *Пазава луга* (икона-луг) – луг, на который в дни религиозных праздников выносились иконы (Шгр Ббр), *Пазава угол* (икона-угол) – часть леса, где проходили моления (Мрн Кчк), *Свеча лисьма* (свеча-колодец) – родник (Кбв Дбн), *Свеча пандо пря* (свеча-гора-вершина) – поле на возвышенности (Чкл Ард), *Служевой латко* (служебный-овраг) – местопроведение религиозной службы (Лбс Ич), *Служевой лисьма* (служебный-колодец) – родник (Лбс Ич), *Споедной* (< рус. исповедоваться) – лес в четырех км от села, где жители некогда отправляли религиозные обряды (Прк Ббр), *Цясовня лей* (часовня-река) – речка, на берегу которой была часовня (Дрк Ат), *Церькува алкс* (церковь-низ) – улица, расположенная ниже церкви (Блд Ич), *Часовня латко* (часовня-овраг) – овраг (Бтш Ат), *Часовня панда* (часовня-гора) – холм (ВдСл ЗП).

Говоря об отражении элементов духовной культуры мордвы в топонимической системе исследуемого региона, следует отметить, что отдельные топонимы запечатлели религиозно-магический аспект жизни народа. В данную группу микротопонимов мы объединили названия, связанные с народными поверьями, приметами, гаданиями, с верой в сверхъестественные силы: *Ногод лисьма* (ногод ‘бобы для гадания’-колодец) – родник (Смл Кчк), *Прича лисьма* (притча-колодец) – родник (Ант Дбн), *Чёртов сэдъ* (чертов-мост) – мост (НвПр Кчк), *Чёртонь шийц* (чертовый-болото) – болото (Врж Трб), *Шайтян чур панда* (шайтан-чур-гора) – крутая гора (ПдКн Тмн), *Штань каяма* (воска-снятие) – поле (СтНм Ббр; Трд Дбн), *Явичей лисьма* (явленный-колодец) – родник в овраге (Лнг Ард), *Явленной* – поле (Плв Рз), *Явленной лисьма* (явленный-колодец) – поле, где эрзяне исполняли языческие обряды (Кчк Кчк).

Таким образом, духовная культура эрзи и мокши находит достаточно разнообразное отражение в топонимии. В представленном материале четко наблюдается влияние факторов духовной культуры в формировании мордовской топонимической системы. Такие названия хранят в себе следы прежних верований и обрядов, характерных для мордвы-язычников, и являются бесценным памятником духовной культуры человечества. В количественном отношении класс названий, связанных с духовной сферой, является не столь многочисленным, как, например, топонимы, характеризующие естественно-географические признаки местности. Названия данной группы важны не только для языковедов, но и представляют большой интерес для изучения истории, этнографии и фольклора мордовского народа.

Сокращения

М. – мокшанский язык; рус. – русский язык; э. – эрзянский язык.

Адш Кдш – с. Адашево Кадошкинского района; Ал Ат – с. Алово Атяшевского района; Алк Квл – с. Алькино Ковылкинского района; Ант Дбн – дер. Антоновка Дубенского района; Ат Ат – с. Атяшево Атяшевского района; Блд Ич – с. Болдашево Ичалковского района; Блд Рз – с. Болдово Рузаевского района; БлРм Чмз – с. Большие Ремезенки Чамзинского района; Бтш Ат – с. Батушево Атяшевского района; ВдСл ЗП – с. Вадовские Селищи Zubovo-Полянского района; Влг Квл – с. Волгапино Ковылкинского района; Врж Трб – с. Варжелай Торбеевского района; Дгл Ббр – дер. Дегилевка Большеберезниковского района; Дрк Ат – с. Дюрки Атяшевского района; Ежв Квл – с. Ежовка Ковылкинского района; Жбн Ард – с. Жабино Ардатовского района; Кбв Дбн – с. Кабаево Дубенского района; Клп Крс – с. Колопино Краснослободского района; Кнд Ич. – с. Кендя Ичалковского района; Крл Рмд – с. Курилово Ромодановского района; Ксг Ббр – с. Косогоры Большеберезниковского района; Кчк Дбн – с. Кочкурово Дубенского района; Кчк Кчк – с. Кочкурово Кочкуровского района; Кчш Ард – с. Кечушево Ардатовского района; Лбс Ат – с. Лобаски Атяшевского района; Лбс Ич – с. Лобаски Ичалковского района; Лнг Ард – с. Луныга Ардатовского района; Мрг Дбн – с. Морга Дубенского района; МрДв Кчк – с. Мордовское Давыдово Кочкуровского

района; МрКл Квл – с. Мордовское Коломасово Ковылкинского района; Мрн Кчк – с. Мурань Кочкуровского района; НвПр Кчк – с. Новая Пырма Кочкуровского района; НвПш Квл – с. Новое Пшенево Ковылкинского района; НвТр Кчк – с. Новые Турдаки Кочкуровского района; Нзв Ард – с. Низовка Ардатовского района; НпТв Окт – с. Напольная Тавла Октябрьского района г. Саранск; ПдАл Квл – с. Подлесное Алексово Ковылкинского района; ПдКн Тмн – с. Подгорное Канаково Темниковского района; ПдТв Кчк – с. Подлесная Тавла Кочкуровского района; Пкс Ард – с. Пиксяси Ардатовского района; Плв Рз – с. Палаевка Рузаевского района; Прк Ббр – с. Паракино Большеберезниковского района; Прм ЗП – с. Промзино Zubово-Полянского района; Прг Ич – с. Протасово Ичалковского района; Прх Рз – с. Перхляй Рузаевского района; Птр Биг – дер. Петровка Большеигнатовского района; Сзг Рз – с. Сузгарье Рузаевского района; Слщ Ат – с. Селищи Атяшевского района; Смк Ббр – с. Симкино Большеберезниковского района; Смл Кчк – с. Семилей Кочкуровского района; Снн Дбн – с. Сайнино Дубенского района; Срг Сш – с. Сарга Старошайговского района; СтАр Ард – с. Старое Ардатово Ардатовского района; СтНм Ббр – с. Старые Найманы Большеберезниковского района; СтПш Квл – с. Старое Пшенево Ковылкинского района; СтСз Квл – с. Старая Сазоновка Ковылкинского района; СтСн Крс – с. Старое Синдрово Краснослободского района; СтТр Кчк – с. Старые Турдаки Кочкуровского района; СтЧм Биг – с. Старое Чамзино Большеигнатовского района; Тз Ббр – с. Тазино Большеберезниковского района; Тзн Ат – с. Тазнеево Атяшевского района; ТпСт ЗП – с. Теплый Стан Zubово-Полянского района; Трд Дбн – с. Турдаково Дубенского района; ТрПт ЗП – с. Тарханская Потьма Zubово-Полянского района; Трц Ич – пос. Троицкий Ичалковского района; Чкл Ард – с. Чукалы Ардатовского района; Чнд Дбн – с. Чиндяново Дубенского района; ЧрПр Ббр – с. Черная Промза Большеберезниковского района; Шгр Ббр – с. Шугурово Большеберезниковского района; Шд Квл – с. Шадым Ковылкинского района; Шд-Рс Инс – с. Шадымо-Рыскино Инсарского района.

Библиография

- Березович Е. Л. О специфике топонимической версии этнокультурной информации // Известия Уральского государственного университета. 1997. № 7. С. 90–105.
- Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 532 с.
- Варникова Е. Н. Отражение элементов духовной культуры русского крестьянства в севернорусской топонимии (по данным топонимии Среднего Посухонья) // Проблемы региональной русской филологии. Вологда, 1995. С. 113–115.
- Дмитриева Т. И. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 580 с.
- Казаева Н. В. Эрзянь географиянь лемтне, конат невтить ломантнень духовной эрямост // Финно-угристикань кевкстематне: Алтавить Т. М. Тихонова доцентэнь чачома чистэнзз 60 иень топодемантень. Саранск, 2001. С. 71–74.
- Кириллова Л. Е. Микропонимия бассейна Вали (в типологическом освещении). Ижевск, 1992. 320 с.
- Ковлакас Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты. Краснодар, 2008. 250 с.
- Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 248 с.
- Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы: этногр. справ. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. 320 с.
- Самарова М. А. Наименования топообъектов Верхней Чепцы: моногр. Ижевск: Изд-во «Удмурт. ун-т», 2010. 246 с.
- Фаткуллина Ф. Г. Топонимы как компонент языковой картины мира [Электрон. данные]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18126> (дата обращения: 25.12.2017).
- Цыганкин Д. В. Память, запечатленная в слове: Словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск, 2005. 432 с.

З. М. Каюмова

ГИДРОНИМЫ В ТАТАРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Аннотация. В данной работе рассматривается употребление гидронимов в татарских пословицах. В результате исследования автор приходит к выводу, что изучение гидронимов, функционирующих в татарских пословицах, дает возможность глубже и всесторонне понять историко-культурный облик татарского народа.

Ключевые слова: татарский язык, топонимика, гидронимы, татарские народные пословицы.

Z. M. Kayumova

HYDRONYMS IN THE TATARIAN PROVERBS

Abstract. This paper examines the use of hydronyms in the Tatar proverbs. As a result of her research, the author comes to the conclusion that the study of hydronyms functioning in the Tatar proverbs gives an opportunity to understand deeper and more comprehensively the historical and cultural image of the Tatar people.

Keywords: the Tatar language, toponymics, hydronyms, the Tatar folk proverbs.

В современной топонимике выделяют макро- и микропонимы, гидронимы, оронимы, ойконимы, урбонимы и т. п. В настоящей работе анализируется специфика употребления гидронимов в татарских пословицах. Источником материала выступает трехтомный словарь татарских пословиц Н. Исанбета «Татар халык мәкальләре» [Исәнбәт, 2010]. Цель исследования – выяснение роли и функции гидронимов, использованных в составе пословиц.

В процессе изучения фактического материала в составе татарских пословиц мы нашли более ста гидронимов. Наиболее распространенным является гидроним *Идел* ‘Волга’. Первичное значение данного гидронима неизвестно. Марийцы называют эту реку *Юлга* и *Биче*, а мордва – *Рав* [Эхмэтьянов, 2001, с. 76]. В толковом словаре татарского языка гидроним *Идел* означает большую реку [Татар, 2005, с. 172] и в прежние времена нередко использовалось для обозначения рек разной длины и разного характера. Волга – самая большая и глубоководная река в Европе, она обеспечивает две трети объема Каспийского моря.

Значение большой реки у слова *Идел* нашло отражение и в пословицах. Во многих из них ее хвалят: *Диңгезне макта, Иделне эч!* 'Море хвали, а Волгу пей!'; *Идел буе – бәрәкәтле жир.* 'Побережье Волги плодородное'; *Идел суы бал булса да илгә житмәс.* 'Воды Волги всем не хватит, если и будет медом'.

В пословице *Иделдә иң зур балык – Кармактан төшкәне* ('Самая большая рыба в Волге та, которая выпала из удочки') говорится о том, что всегда кажется большим то, чего у тебя нет. Пословица характеризует людей, которые любят похвастаться.

Название *Идел* в татарском языке имеет положительную коннотацию: *Идел бер, чиймәсе мең.* 'Волга одна, а родников тысяча'; *Күмәкләр Идел кичкәндә, ялгызаклар ярда ятып калган, ди.* 'Когда командой проходят через Волгу, одиночкам сидеть на берегу' (см. также примеры выше).

Следующим по частоте употребления является гидроним *Агыйдел* 'Белая' – река на Южном Урале и в Предуралье, самый крупный приток Камы. Протекает по территории Башкортостана, а также по границе с Татарстаном; самая длинная река в Башкирии. Ее коннотативные свойства совпадают со свойствами гидронима *Идел*: *Агыйделнең һавасы тәнгә сикәт, җанга файда.* 'Воздух реки Белой – снадобье для тела и бальзам для души'; *Агыйдел суы ак көмеш.* 'Вода реки Белой это белое серебро'; *Агыйделнең һавасы йомшак.* 'Воздух реки Белой мягкий'.

Другие примеры с гидронимами: *Нокыратның бер ташы көмеш, берсе бакыр.* 'Один камень Вятки серебро, другой медь' (во времена болгарских ханов на берегах р. Вятки были рудники); *Нокыратның ташы көмеш.* 'Камень Вятки – серебро' (т. е. и камни на дне реки Вятка имеют ценность); *Ука буе бик ямьле, Ука суы бик тәмле.* 'Побережье реки Ока очень красивое, а вода очень вкусная'; *Батарсың, дим, йөгәрмә Нилгә каршы!* 'Не беги против течения Нила, утонешь'; *Саранга Сакмар суы да житмәс.* 'Скупому и воды в реки Сакмара не хватит'; *Чулманның ике ягы кызыл яр, Иртышның башы Карадун.* 'Два берега Камы из красной глины, начало Иртыша Карадун'; *Чулманны чуманга утырып кичмиләр.* 'Каму не переплывают на плетенке'; *Кабан күле – чилгәңә карап.* 'Озеро Кабан – смотря какое'; *Казан суы – каты су.* 'Вода Казанки – жесткая'.

В целом гидронимы в пословицах носят не только историко-географическую информацию, но и способствуют раскрытию идейного содержания пословиц.

Изучение гидронимов в татарских народных пословицах дает возможность более глубоко и всесторонне постигнуть историко-культурный облик татарского народа. Пословицы развивались много столетий и воплощают в себе всю историю развития, мышление и мировосприятие татар.

Библиография

- Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2001. 272 б.
Исәнбәт Н. С. Татар халык мәкаллары: 3 томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2010.
Саттаров Г. Ф. Татар топонимиясе. Казан, 1998. 448 б.
Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 б.

Х. Х. Кузьмина

АГЕНТИВНЫЕ ИМЕНА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ПОЭМЕ XIII ВЕКА «КЫССА-И ЙУСУФ» КУЛ ГАЛИ

Аннотация. Историю культуры татарского народа невозможно представить без основательного изучения поэмы XIII в. «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. Особый интерес в этом плане представляют употребленные в поэме агентивные имена, которые несут в себе ярко выраженную художественно-стилистическую функцию. В статье анализируется тематическая группа агентивных имен собственных в семантико-грамматическом и семантико-стилистическом аспектах их функционирования в художественной речи.

Ключевые слова: история татарского языка, агентивные имена, оценочные значения.

Н. Н. Kuzmina

AGENTIAL NAMES AS MEANS OF EXPRESSING ATTITUDINAL MEANINGS IN THE XIII CENTURY POEM "KYSSA-I YUSUF" BY KUL GALI

Abstract. The history of the Tatar people culture cannot be imagined without a thorough study of the 13th century poem "Kissa-i Yusuf" by Kul Gali. Of the particular interest in this regard are agential names used in the poem, which have a pronounced artistic and stylistic function. The thematic group of agential names in semantic-grammatical and semantic-stylistic aspects of its functioning in artistic speech has been analyzed in the article is analysed.

Keywords: History of the Tatar language, agential names, attitudinal meanings.

Особое место в истории татарской письменной культуры занимает творческое наследие выдающегося поэта Кул Гали. Его поэма «Кысса-и Йусуф» была написана в начале XIII в. и в рукописном виде получила широкое распространение среди тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. Некоторые ее экземпляры

дошли до Казахстана, Средней и Малой Азии, Кавказа [Закиев, 1983, с. 115]. В XIX в. поэма Кул Гали была включена в широко известный каталог немецкого ориенталиста, библиографа, профессора восточных языков Лейпцигского университета Г. Л. Флейшера, что говорит о признании поэмы крупнейшими востоковедами Европы. В 1983 г. мировая общественность в лице ЮНЕСКО отметило 800-летие со дня рождения поэта и 750-летие его поэмы «Кысса-и Йусуф», к этому случаю в Казани был подготовлен полный сборный текст поэмы в новой текстологической редакции и организованы конференции и многочисленные торжественные научные мероприятия. Как отмечает крупнейший исследователь поэмы Н. Ш. Хисамов, внимание к творчеству Кул Гали в зарубежной и отечественной ориенталистике шло в трех направлениях: 1) в библиографическом; 2) лингвотекстологическом; 3) историко-литературном [Хисамов, 1984, с. 75]. Многие ученые задавались вопросом о долгожительстве и огромной популярности поэмы именно среди татарского народа. Р. Ф. Исламов отмечает, что «В настоящее время известны приблизительно 333 копии рукописи «Кысса-и Йусуф» Кул Гали» [Исламов, 2014, с. 150]. Как нам представляется, причина популярности кроется в соответствии моральных и нравственных установок произведения психологическому укладу татарского народа, его самосознанию и типу мышления. «Кысса-и Йусуф» отличается от других произведений средневековья спокойным тоном изложения, своеобразной музыкальной ритмикой (поэма написана двенадцатисложным стихом с регулярными цезурами после каждых четырех слогов, что позволяло читать поэму нараспев), глубиной мысли, яркостью и жизненностью образов. Язык поэмы был доступен народу, свободен от сложных арабо-персидских заимствований и отражает лексические, фонетические и грамматические особенности Поволжского тюрки XIII–XIX вв.

В настоящей работе мы попытаемся продемонстрировать особенности употребления агентивных имен собственных в языке поэмы «Кысса-и Йусуф», провести анализ лексических единиц тематической группы агентивных имен собственных в семантико-грамматическом и семантико-стилистическом аспектах их функционирования в художественной речи. При исследовании вопросов семантической структуры слова и его генезиса было использовано сочетание описательного, сравнительно-исторического и функционально-стилистического методов и их приемов.

В современном языкознании термин «агентивность» относится к сложным терминам. «Понятие *nomina agentis* не определяется лингвистами однозначно, поскольку широкая и емкая семантическая категория, стоящая за этим понятием, охватывает разнородные участки языковой системы. К настоящему времени понятие *nomina agentis* стало более усложненным, что является отражением и усложненной деятельности человека, и усложненного видения самого человека как субъекта деятельности. Развитие лингвистической мысли на основе многих исследований, проведенных в различных языках, привело к возникновению многочисленных лингвистических трактовок деятеля, отражающих те или иные его стороны или аспекты» [Дрозд, 2014, с. 32].

Агенс (от лат. *agens* – действующий) – семантическая категория, одна из главных семантических ролей в языке, это – одушевленный производитель действия. Как семантическая категория, агенс может проявляться во всех уровнях языка: морфологическом и словообразовательном, синтаксическом и лексическом, фонетико-графическом. По мнению П. В. Козленко, «Способность агентивов с максимальной полнотой охарактеризовать героев, используя потенциал производящего глагола или имени с их многозначностью, а также ассоциативный потенциал лексемы, делают их основным репрезентантом оценочных интенций писателя» [Козленко, 2004, с. 212]. В этом отношении особо показателен и менее разработан лексический уровень языка, а именно репрезентация имен собственных. «В отличие от исследований прошлых лет, в современной лингвистике сложилась общая точка зрения на семантику личного имени: современные исследователи признают наличие у собственных имен семантического потенциала. В природу имен заложена способность отражать не только языковую, но и внеязыковую информацию. Мотивация антропонима чаще всего напрямую связана с внеязыковой ситуацией, но именно результат мотивации может повлиять на структуру языка. Появление новых имен в своеобразном оформлении напрямую отражается в языке, что приводит к фонетическому, словообразовательному и семантическому варьированию» [Галиуллина, 2009, с. 14].

Таким образом, при анализе агентивности имен собственных, употребленных в поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф» мы руководствовались современными учениями о семантической производящей лексического ядра.

Как известно, в основу поэмы положен библейский сюжет о Прекрасном Иосифе. Особое место в поэме Кул Гали занимают имена собственные. Начиная с пророческих Мухаммад, Мустафа, Исхак, Ибрагим, Исмагил, Йагкуб, Йусуф и др., в которых ярко выраженная оценочная репрезентация не усматривается, автор приводит и тюркские имена, причем последние играют особую роль в повествовании. Итак, у Йусуфа 11 братьев – 10 по отцовской линии и один (младший) – единокровный брат. В глоссах Г. Утыз-Имяни (составителя критического текста поэмы в 1825 г.) коранические имена братьев перечисляются следующим образом: Йахуда, Рауил, Шамгун, Ляви, Райалун, Йашжар, Дан, Йавсал,

Жадун, Ашир, Йусуф, Ибне-Йамин. Из них в поэме фигурируют пять: Йахуда, спасший Йусуфа от гнева братьев; Рауил, Шамгун – самые бессердечные среди других; Ибне-Йамин, младший брат Йусуфа. Среди братьев теплым отношением к Йусуфу отличаются Йахуда и Ибне-Йамин (Бениамин). Последний особенно близок к Йусуфу: расставшись с ним в младенческом возрасте, Ибне-Йамин всю жизнь несет в своей душе печаль потери брата. Проходят годы, Ибне-Йамин становится взрослым мужчиной. Чем он занимался все эти годы, нам неизвестно, но не это важно в образе самого любимого брата Йусуфа. Его художественная нагрузка в другом: показать преданность брату, память о котором он закрепил в именах своих детей. Кул Гали, в отличие от своих предшественников, написавших произведения на данный сюжет, «подметил большие художественные возможности этой детали. Он изменил фактуру, округлил число (детей. – К. Х.) до двенадцати, придумал всем детям имена и превратил их перечисление в цельный моральный кодекс персонажа» [Хисамов, 1979, с. 195]. Таким образом, имена собственные выполняют функцию индивидуализирующей номинации. Перечисляются следующие имена детей Ибне-Йамина и дается оценочная характеристика каждого имени из уст отца:

Dingiz (Море) – поскольку Ибне-Йамин много плакал возле моря, вспоминая родного брата (оценочное значение потери);

Qurd (Волк) – ловил волков, которые якобы съели Йусуфа (оценочное значение возмездия);

Quyug (Колодец) – искал Йусуфа в колодцах (оценочное значение потери);

Qan (Кровь) – плакал, видя его окровавленную рубашку (оценочное значение горя);

Gür (Могила) – Ибне-Йамин долго рыдал над могилами, думая, что брат погиб (оценочное значение горя);

Därd (Страдание) – переносил страдания за страданиями (оценочное значение горя);

Gar (Пещера) – заглядывал в пещеры, надеясь найти там Йусуфа в живых (оценочное значение потери);

Arslan (Лев) – ловил львов и спрашивал у них о брате (оценочное значение возмездия);

Farid (Одинокий) – встречая одиноких, утешал их (оценочное значение одиночества);

Garib (Чужестранец) – плакал, видя тоску чужестранцев по Родине (оценочное значение одиночества и сопереживания);

Qaygu (Горе) – плакал, видя горе людей (оценочное значение сопереживания);

Qol (Раб) – был милосердным к рабам (оценочное значение сопереживания).

Каждое из этих имен собственных имеет агентивное, приводящее в действие другое семантическое, метафорическое значение ситуативного оценивания.

Удивленный такими непростыми именами, Йусуф спрашивает брата при встрече: «Почему ты дал такие имена, почему посчитал нужным дать именно эти имена?», на что Ибне-Йамин отвечает: «Все от тоски по тебе. Без тебя я бы их не заметил».

Как видно, эти имена глубоко связаны с переживаниями самого героя, они обыденны, несут в себе мрачную, подчас устрашающую энергетику и прямо противопоставлены высокому стилю мусульманских имен, отчего эти строки были опущены поэтом XVIII в., составителем критического текста по рукописям поэмы Г. Утыз-Имяни. Н. Ш. Хисамов подчеркивает: «Поскольку поэма являлась образцом для подражания при наречении имен у татарского народа, редактор XVIII века, по-видимому, нашел неосвященный исламом именник вредным источником и опустил его при составлении своего окончательного варианта. Образованный человек своего времени, он, конечно, хорошо знал восточные источники поэмы и не воспринял авторской вольности Кул Гали в передаче числа детей известного персонажа и трактовке их имен» [Хисамов, 1979, с. 198].

Имена детей Ибне-Йамина несут в себе ярко выраженную художественно-стилистическую функцию, помогая раскрыть, в частности, образ сентиментального героя и в целом идейную проблематику произведения (в этом случае наблюдается многократное повторение мотива верности и преданности в братских отношениях).

Следующее тюркское имя *Qılıç* / Кылыч (Меч) носит раб-эфиоп. В отличие других второстепенных персонажей, Кылыч имеет довольно богатый портрет – чернолицый, сильный, жестокий. Цвет лица в описании служит скорее для подчеркивания жестокости раба, чем его национальности, так как он жестоко избивает Йусуфа, молящегося возле могилы матери, чем навлекает на караван ужасную беду. Автор резко осуждает раба, избивающего своего же товарища (Кылыч и Йусуф – оба рабы), и лишь раскаяние помогает ему и другим выдержать ураган. В данном случае имя Кылыч содержит оценочное значение жестокости: *А был там раб один, Кылычом звался он. / Грознее всех рабов, он знал один закон – / Неволить злобой тех, кто был ему вручен. / Ему и был Йусуф препоручен теперь* (пер. С. Иванова).

Таким образом, тюркские имена, употребленные в поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф», выражают оценочный сигнификат, и они расположены в отрицательной зоне шкалы оценки, представляя говорящему (субъекту оценки) богатый выбор для манифестации значения горя, потери, одиночества.

Библиография

- Галиуллина Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис... д-ра филол. наук. Казань, 2009. 43 с.
- Дрозд А. Ф. Неинформационные каузативные глаголы и их агентивные производные // Актуальные проблемы филологии, педагогики и психологии обучения иностранным языкам. 2014. С. 32–39.
- Закиев М. З. Язык поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали и этноязыковая ситуация в Волжской Булгарии // Поэт-гуманист Кул Гали. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 267 с.
- Исламов Р. Ф. К проблеме изучения копий рукописи «Кысса-и Йусуф» Кул Али // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1. С. 146–150.
- Козленко П. В. Агентивные имена как средство выражения оценочных значений в идиостиле Федора Михайловича Достоевского: дис... канд. филол. наук. Мичуринск, 2004. 216 с.
- Хисамов Н. Ш. Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Али. М.: Изд-во «Наука», 1979. 256 с.
- Хисамов Н. Ш. Боек язмышлы эсэр. Казань: Татарстан китап нәшрияты, 1984. 334 с.

З. И. Леонтьева, Е. Н. Леонтьева, А. А. Сосаева

ЧӐВАШ РЕСПУБЛИКИНЧИ ЭЛӐК РАЙОННЕ КӐРЕКЕН ЮНТАПА ТӐРӐХӐНЧИ МИКРОТОПОНИМСЕМ

МИКРОТОПОНИМЫ ЯНДОБЫ АЛИКОВСКОГО РАЙОНА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Работа посвящена изучению чувашского микротопонимикона с. Яндоба Аликовского района Чувашской Республики. Авторами собрано и проанализировано 77 названий малых географических объектов, изучены структура и словообразование наименований водных объектов, названий улиц и переулков, лесов, садов, рощ, полей, лугов, полян, дорог, тропинок, мостов, трасс, кладбищ, скотомогильников.

Ключевые слова: микротопоним, микротопонимикон, гидронимы, одонимы, дромонимы, дримонимы, агроонимы, оронимы, некронимы, антропонимные названия.

Z. I. Leonteva, E. N. Leonteva, A. A. Sosaeva

MICROTOPONYMS OF THE VILLAGE OF YANDOBA OF ALIKOVO REGION OF THE CHUVASH REPUBLIC

Abstract. The work is devoted to the study of the Chuvash microtoponymicon of the village of Yandoba, Alikovo region, the Chuvash Republic. The authors collected and analyzed 77 names of small geographical objects. The structure and the ways for forming the names of water bodies, street names and lanes, forests, gardens, groves, fields, meadows, glades, roads, paths, bridges, routes, cemeteries, animal burial sites.

Keywords: microtoponyms, microtoponymicons, hydronyms, odonyms, dromonyms, drimonyms, agroonyms, oronymys, necronyms, de-anthroponymic names.

Юнтапа ялӓ (вырӓсла – Яндоба) Юнтапа ял администрацине кӓрет. В. А. Нестеров кӓнекинче Юнтапа пирки җапла җырса кӓтартинне курма пулатъ: Яндоба – Шуркасси Юнтапа, Воскресенское. Сала 1927 җулччен Етӓрне уесӓнчи Асакасси вулӓсне кӓнӓ. 1.10.27 – Элӓк районӓ, 17.3.39 – Калинино, 26.11.56 – Элӓк, 20.12.62 – Вӓрнар, 14.3.65 – Элӓк районӓ. 1. 10.27 – Юнтапа ял совечӓ, «Звезда» колхоз, «Слава» хуҗалӓх [Нестеров, 1981, с. 287].

Н. И. Ашмаринӓн словарӓнче Юнтапа җинчен темех җырса хӓварман: Йонтапа, назв. дер., Яндобы [Ашмарин, т. 4, с. 338].

Юнтапа ятпа җӓрекен ял шучӓ пӓтӓмпе 16 җитет. Авалхи хут җинче Юнтапа ялӓ җинчен пӓрремӓш хут 1654 җ. асӓнни пур. 1848 җ. тухнӓ Хусанти кӓпӓрне ведомӓҗӓсем тӓрӓх ял Кӓрмӓш уесне кӓни паллӓ. Тата тепӓр документра ял пуҗланса кайни пирки җапла җырнӓ: «Выходцами из Арской дороги Казанского уезда была основана д. Яндоба Сорма». Ялти ватӓ җынсем җырса хӓварнӓ аса илӓурен җакӓ паллӓ: «По местным сказаниям в прежние времена на месте с. Яндоба было жилище разбойников. Местность была лесная и через нее трудно было проехать, не встретив нападения. Частые кровавые схватки разбойников, положивших основание настоящему селу, с проезжими были причиной того, что село получило название от слов «йун» – кровь, и «дабас» – бить. Есть другой вариант. Вероятно, древнее сохранившееся название села произошло от древнечувашского (а также и татарского) «яна» (ян – новый)», – тесе җырса хӓварнӓ архив хучтӓнче [ЦГА ЧР, ф. 334, о. 1, д. 14].

В. К. Магницкий җак ятӓн вариантне тупса җырса хӓварнӓ: Яндубай [Магницкий, 1905, с. 100].

1781–1782 җҗ. ирттернӓ халӓх шутивӓн хутӓнче «Воскресенское, Яндоба – 483 душ с выселками» тесе палӓртнӓ. 1859 җ. тӓлне ялта 42 кил шутивӓн, 115 арҗынпа 109 хӓрарӓм пурӓннӓ. 1907 җ. – 293 җын, 1826 җ. – 76 кил, 325 җын.

Юнтапа таврашёнчи микропонимсен çак ушкăнсене пайланаççĕ:

1. Одонимсем: 1.1. урам ячĕ: *Çĕнĕ урам (Шоссе урамĕ), Чулкаша каякан урам, Шкул урамĕ, Чакак-касси урамĕ*. Урама ят панă чухне малтанхи ял ятне тата урам ашта вырнашнине шута илнĕ; 1.2. пăралук ячĕ: *Митек пăралукĕ, Стаппан пăралукĕ, Никифор Иванович пăралукĕ, Генка пралукĕ, Типвар пăралукĕ*. Малтанхи таватташĕ пăралук хĕрринче кам пурăннипе сыхăннă; 1.3. хапха ячĕ: *Çĕнкаса каякан уй алăк, Чулкаша каякан урам уй алăкĕ*. Ку тăрăхра вĕсене уй хапхи тесе калас вырăнне уй алăкĕ теççĕ.

2. Гидронимсем: 2.1. шыв ячĕ: *Сурăм шывĕ* (ял Сурăм шывĕ хĕррине вырнашнă), *Пурмар* (Пурмар, назв. реки, приток р. Сормы [Ашмарин, т. 9, с. 307]); 2.2. авăр ячĕ: *Август авăрĕ, Услам авăрĕ, Кавришка авăрĕ*. Авăрсем кунта путса вилнĕ сын ячĕпе сыхăннă. 2.3. пĕве ячĕ: *Улаксар пĕви, Çал сырми пĕви, Саваçка пĕви, Елян пĕви, Сахар пĕви, Пурмар пĕви*. Пĕве ячĕ сын ячĕпе тата ашта вырнашнине сыхăннă. *Саваçка пĕви < Саваска* [Магницкий, 1905, с. 71]; 2.4. çал ячĕ: *Пуп çалĕ* (хай вăхăтĕнче çак çалри шывпа Юнтапа чиркĕвĕнче ёçлекен пуп усă курнă); *Чечок çалĕ* (Чечок чиркĕре ёçлекен сын пулнă, çал ун килĕ умĕнче вырнашнă); *Мăн çал, Матви çалĕ, Микулай çалĕ, Григорий Илларионович çалĕ, Максим Васильевич çалĕ, Семен Павлович çалĕ, Захар Александрович çалĕ, Захар Никифорович çалĕ* (çалне хушин ячĕ тăрăх); 2.4. сырма-çатра ячĕ: *Тип вар, Груша варĕ, Чаканар варĕ < Чаканар*, назв. дер. *Чиганары* [Ашмарин, т. 15, с. 131] (çак варган инçех мар Чаканар ялĕ вырнашнă); *Тип вар; Груша варĕ* (Груша ятлă хĕрĕн пурнăçĕ вăхăтсăр таталнă сырма); *Артăк пырĕ*; 2.5. çалкуç: *Пуп çалкуçĕ* (кунти шывпа апат пĕçерме кăна усă курнă); *Пурмар шывĕ* (япала çума усă куракан çалкуç); *Çалкуç сырми* (Пурмар шывĕ сывăхĕнчи çалкуç. Кунта ёлĕк çалкуç йышлă пулнă, Çак сырмари çалкуç шывĕ Пурмара юкса тухнă); 2.6. сырма: *Тарăн сырма, Тип вар сырми, Çăкалăх сырми, Çалкуç сырми, Çăккăр сырми. Çăккăр сырми* вĕтлĕхлĕ пулнă. Ёлĕк унта таркăн салтаксем пурăннă. Çак сырмара çĕр пуртре варттан çăккăр пĕçерсе çинĕ.

3. Оронимсем: тăв айкки ячĕ: *Тип вар тăв айкки, Çăккăр сырма тăв айкки, Пурмар тăв айкки, Сурăм тăв айкки, Шур тăм тăвайкки*. Тăв айкки ячĕ ытларах çав вырăнти сырма ячĕпе сыхăннă.

4. Дромонимсем: 4.1. каçа ячĕ: *Тип вар каçси* (Тип вар сырми урлă); *Пурмар кĕперри, Улăхсар кĕперĕ*; 4.2. çул ячĕ: *Кушар çулĕ, Уйкас çулĕ, Уйкас Юнтапа çулĕ, Хурапыр çулĕ, Кивкас çулĕ, Вăрманкас Юнтапа çулĕ, Чулкас çулĕ, Якунекасси çулĕ, Çĕнкас çулĕ, Тушкасси çулĕ, Чаканар çулĕ, Шăнакасси çулĕ*. Юнтапа чиркĕвне ёлĕк 12 ялтан çуренĕ, çаванпа çул-йĕр ячĕ те çав ялсен ячĕпе сыхăннă, ёлĕк çак ялти халăха те Юнтапа çăви çине пытарнă; 4.3. шоссе çулĕсем: *Шоссе çулĕ* – Шупашкара каймалли çул;

5. Агроонимсем: 5.1. уй ячĕ: *Картлă уй, Малти уй, Мăн сертелĕх уйĕ, Пĕчĕк сертелĕх уйĕ, Хăртнă уйĕ, Çăва уйĕ*; 5.2. улăх ячĕ: *Улăх*.

6. Дримонимсем: вăрман-ката ячĕсем. *Клементи вăрманĕ, Чаканар вăрманĕ, Шоссе посадки*.

7. Некронимсем: çăва ячĕ: *Юнтапа çăви*. Паянхи кун унта Юнтапа, Çĕнкас, Кивкас сыннисене кăна пытараççĕ: *Мур карти* – чирлесе вилнĕ выльăха пытармалли вырăн.

Эпир пĕтĕмпе Юнтапа ял таврашĕнче тĕл пулаккан 77 вак географи объект ятне тупса палăртрăмăр: одоним – 11, гидроним – 32, ороним – 5, дромоним – 16, агрооним – 7, дримоним – 3, некроним – 3.

Пăхса тухнă микропонимсене, вĕсен структурине кура çакан пек ушкăн çине пайлама пулат: 1) пĕр компонентран тăраканнисем: *Пурмар, Улăх*; 2) икĕ компонентран тăраканнисем: *Митек пралукĕ, Август авăрĕ*; 3) виçĕ компонентран тăраканнисем: *Тип вар тăвайкки, Кушар Юнтапа çулĕ*; 4) таватă компонентран тăраканнисем: *Çĕнкаса каякан уй алăк*; 5) пилĕк компонентран тăраканнисем: *Чулкаша каякан урам уй алăкĕ*.

Пулăвĕ тăрăх: 1) сын ятĕнчен пулăннисем: *Август авăрĕ, Груша варĕ, Матви çалĕ*; 2) чĕр чун ятĕнчен пулăннисем: *Чакаккасси*; 3) географи объектне кура ят панисем: а) ашта вырнашнине кура панисем: *Малти уй, Сурăм тăв айкки*; б) ял ячĕпе сыхăннисем: *Чаканар тăвайкки, Чулкаша каякан урам*; 4) мĕн тĕллевпе усă курнă вырăнпа сыхăннисем: *Шур тăм тăвайкки, Хайăр шăтăкĕ*; 5) объект калăпăшне кура панисем: *Пысăк сертелĕх сырми, Пĕчĕк сертелĕх сырми*; 6) яр усăмлă пĕлтерĕшлисем: *Юнтапа çăви, Хайăр шăтăкĕ*; 7) пĕлтерĕшĕ паллă маррисем: *Пурмар, Артăк пырĕ*.

Ял таврашĕнчи кашни вак географи объектĕ сын пурнăçĕнче питĕ кирлĕ. Вырăнти микропонимсене пĕлни, вĕсене аңлантарса пама пултарни тăван тавралăха юратнине, хисепленине, чăваш халăх историне пĕлме тăрашнине кăтартать. Вĕсенче çак тăрăхра пурăнакан сынсен шапи, йăли-йĕрки, хуйхи-суйхи, ёлĕкхи тата паянхи пурнăçĕ сăнарланнă.

Библиографи

- Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка: в 17 т. Казань–Чебоксары, 1928–1950.
Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905. 101 с.
Нестеров В. А. Населенные пункты Чувашской АССР: 1917–1981 гг. Чебоксары, 1981. 352 с.
ЦГА ЧР, ф. 334, о. 1, д. 14.

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ ВОЛЖСКИХ МАРИ В СВЕТЕ АНТРОПОНИМИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу мужских личных имен марицев волости Большой Карамас (ныне территория сельских поселений Карамас и Сотнур Волжского района) по данным переписной книги Галицкой дороги 1678 г. В статье освещаются такие вопросы, как состав именника волости, распространенность и происхождение имен, а также структура антропонимических формул переписной книги. Языковые контакты населения волости (и шире – южных районов Республики Марий Эл) интерпретируются через анализ происхождения выявленных антропонимов.

Ключевые слова: марицкий язык, антропонимика, личные имена, языковые контакты, переписная книга.

A. L. Pustyakov

LANGUAGE CONTACTS OF THE VOLGA MARI IN THE LIGHT OF ANTHROPNYMY

Abstract. The article is devoted to analysis of Mari male personal names of Bol'shoi Karamas Volost (currently the territory of Karamas and Sotnur rural settlements of Volzhsky district) according to the census book of the Galician road of 1678. It analyses the structure of anthroponymic formulae in the census book as well as the names stock and the linguistic origin of the names of people inhabiting Bol'shoi Karamas Volost. The language contacts of the volost population (and, in a broader scale, that of the southern part of the Mari El Republic) are interpreted through the analysis of the anthroponyms' origin.

Keywords: the Mari language, anthroponimics, personal names, language contacts, census book.

Выявление древних марицких личных имен сопряжено с отсутствием ранних источников о марицах. В XVI в. в документах встречаются лишь единичные имена марицев. Наиболее ранними источниками марицкой антропонимии являются писцовые, переписные, а также различные именные, доимочные и другие книги XVII в. Исследование антропонимии марицев отдельных ареалов в разные периоды позволяет выявить региональную специфику в системе личных имен мари (состав именников, лексико-морфологические особенности личных имен и т. п.).

В статье рассматриваются личные имена волжских марицев волости Большой Карамас. Целью работы является установить состав именника марицев, степень одноименности в пределах исследуемой территории, а также определить языковые источники выявленных антропонимов. Определение источников личных имен позволит сделать выводы о языковых контактах.

В соответствии с современным административным делением волость Большой Карамас соотносится примерно с территорией Карамасского и Сотнурского сельских поселений, т. е. с северо-восточной частью Волжского района Республики Марий Эл. Имена извлечены из переписной книги волостей, расположенных в Галицкой дороге Казанского уезда¹ (территория современного Волжского, восточной части Звениговского, южной части Советского, а также западной и южной части Моркинского района Республики Марий Эл). Переписная книга датирована 23 марта 1678 г. По приблизительным подсчетам, документ отражает личные имена мужчин, родившихся примерно в период с 1640 по 1678 гг. В отдельных случаях в документе могут быть представлены имена мужчин, родившихся раньше этого периода, к примеру, когда указывается имя отца, дяди или дедушки хозяина двора: «дв. Ахманка Ахтаева... платит отца своего Ахтанайковым именем Уразгилдина оброку и пошлин гривна...» [Айплатов, 1968, т. 2, с. 583].

На антропонимические данные этой переписной книги первым обратил внимание историк Г. Н. Айплатов, расшифровавший рукопись документа и опубликовавший специальную статью [Айплатов, 1963], в которой дал общую характеристику личных имен марицев, уделив особое внимание наиболее активным компонентам личных имен. Стоит отметить, что источники некоторых компонентов исследователем не определены (*-берд*, *-суб*) или объяснены неверно (*-гоз* / *-коз*, *-тереч*).

Структура антропонимических формул в документе. В переписной книге Галицкой дороги именованная жителей представляют собой двухкомпонентные модели, состоящие из личного имени хозяина двора и полуотчества, который оформлен суффиксом *-ов*, *-ев*, *-ин*. Свидетельства патронимного происхождения второго компонента именованная содержатся в переписной книге. В тех случаях, когда кроме имени хозяина двора дается имя его отца, в подавляющем большинстве случаев второй компонент именованная хозяина двора совпадает с указанным именем его отца: «дв. Баймаметка Тохтарова... платит Баймаметко отца своего Тохтарковым именем Алдеярова полъясака...» [Айплатов, 1968, т. 2,

¹ Полное название документа: «Список с переписной книги митрополичьих, монастырских и ясных сел, деревень и дворов по Галицкой дороге в волостях: Пинжан-Кукморе, Бет-Кукморе, Яране, Кундуш-Яране, Порате, Абашае, Большом и Малом Карамасе, Шале, Великом Поле, Двух Машаран, Абашае за рекой Илеть, Коркетове, Кужуморе, Тюнше, Первой, Другой и Третьей Мусморе и Красном Яре переписи Д. И. Кошелева». Данный документ расшифрован и опубликован Г. Н. Айплатовым в трехтомном сборнике архивных документов «Марицкий край в XVII в.» [Айплатов, 1968, т. 2, с. 391–814].

с. 571]. Имя отца не всегда полностью совпадает с полуотчеством, но в этих случаях имеются основания говорить о неверной записи или расшифровке документа, ср., например, «дв. Пехтулка Ахтыбаева... ..Платит... отца своего Ахтубайковым именем Ахпаева оброку и пошлин гривну.» [Айплатов, 1968, т. 2, с. 584], или употреблении в документе разных форм одного имени: «дв. Ахманка Ахтаева... платит отца своего Ахтанайковым именем Уразгилдина оброку и пошлин гривна...» [Айплатов, 1968, т. 2, с. 583]. Таким образом, население волости записывалось в переписную книгу по имени и полуотчеству и не имело фамилий, как и большинство крестьянского населения в других регионах.

Степень одноименности в волости. В 1678 г. в волости Большой Карамас насчитывался 101 двор с мужским населением 256 человек¹. В дополнение к именам проживающих в волости на момент переписи людей к анализу привлекаются имена других марийцев, отображенные в книге, т. е. имена людей, по имени которых оплачивался ясак, имена переселившихся в другие волости. Общее количество людей, упомянутых в книге, составляет в итоге 279 человек.

Антропонимия волости характеризуется низким коэффициентом одноименности – на 279 человек приходится 222 имени. При подсчете количества учитывалась неустойчивость письма переписчиков, вследствие чего одно и то же имя могло быть записано в разных формах, например, с суффиксом *-ка* или *-ко*². Кроме этого, на разноречии в написании имен могло влиять незнание переписчиками фонетической системы и фонетических законов марийского языка. В документе, например, встречаются такие формы имен: *Акпариско*, *Ахпариско*; *Ахтушка*, *Ахтушко*, *Ахтышка*; *Кизылбайко*, *Кизилбайко*; *Байбориско*, *Пайбориско*. Имя одного человека может быть написано по-разному: *Сабанайко* / *Саманайко*, *Келтушко* / *Яндушко* [Айплатов, 1968, т. 2, с. 569, 574, 582]. С учетом приведенных выше причин, имена, имеющие в документе незначительные расхождения в фонетическом оформлении, но предположительно имеющие один источник, рассматриваются нами как одно имя.

Среди традиционных марийских имен наиболее распространенными являются следующие имена: *Ахтанай* (4)³, *Ахтуш* / *Ахтыш* (3), *Козе(м)бай* (3), *Тоймурза* (4), *Тонай* (3), *Яныбай* (3), *Яшмола* (3), *Яшмурза* (3), *Яшперде* (> *Яшпуртка*) (3). Большая степень частотности наблюдается у имен, заимствованных из русского языка: *Васька* (3) (встречается также другой вариант имени *Василий* – *Василейко*), *Иванайко* (3) (также формы *Иванко*, *Ивашко*), *Гришка* (3), *Максимко* (3). Количество имен, повторяющихся в списке два раза – 30. Подавляющее большинство имен употреблено лишь единожды. Низкая степень одноименности среди местного населения объясняется богатым дохристианским антропонимиком марийского народа.

Языковые источники имен. Интересно проанализировать языковые источники употребляемых в волости мужских личных имен. Для некоторых антропонимов установить точное происхождение затруднительно, для ряда других можно предложить несколько возможных этимологий. Часть из представленных в документе имен записаны в искаженном виде, например: *Бмбахтка*, *Ахманко* / *Яманко* и др., поэтому определить правильную форму и происхождение таких имен (или компонентов имен) при отсутствии дополнительного материала практически невозможно.

Одной из универсальных особенностей антропонимических систем является видоизменение ономастических единиц по законам аналогии и экономии языка. Так создаются разные гипокористические и диминутивные формы имен. Некоторые двух- и трехсловные имена в списке имен волжских мари могут являться гипокористическими формами распространенных у марийцев личных имен. Такие формы имен также могли заимствоваться в готовом виде из тюркских языков (об образовании уменьшительно-ласкательных форм имен у татар см.: Саггаров, 1970). В качестве примера можно привести личное имя *Ахтанай*, которое может фигурировать в документе, к примеру, выполняя функцию полуотчества, в виде *Ахтай* [Айплатов, 1968, т. 2, с. 568–569, 583]: «дв. Петрушки Ахтаева... платит отца своего Ахтанайковым именем Чокарова целой ясак». *Ахтай*, по-видимому, является вариантом имени *Ахтанай*.

Исконно марийских личных имен у марийцев волости Большой Карамас представлено мало. Марийскими по происхождению могут быть имена *Чокайко* < мар. *чукай* ‘крошка, деточка’, *Томейко* < мар. *том* ‘ядро, зародыш’. С марийскими данными можно соотнести имя *Таманайко* < мар. *тумна*, *тымана* ‘сова’, в волжском диалекте фиксируется в виде *томана*, *тлмана* [Юзиева, 2016, с. 243]. Стоит учесть, что марийское слово *тумна*, имеющее разные диалектные варианты, является заимствованием

¹ Согласно подсчетам переписчика, в волости в 105 дворах проживало 261 человек мужского пола.

² Подавляющее большинство примеров марийских личных имен даются с суффиксами *-ка* / *-ко*. Суффиксы являются русскими по происхождению, образующими форму полуимен, которыми записывали крестьянское население в документах. Суффикс прибавлялся к марийскому личному имени переписчиком при заполнении переписной книги. При этом на стыке основы имени и суффикса могли происходить фонетические изменения, например: в документе *Яндеречко* < мар. *Яндерек*, в документе *Яшкоска* < мар. *Яшкоза*.

³ В скобках указывается количество употреблений личного имени в волости.

чуваши́ского *тáмана* ‘сова’ [Moisio, Saارين, 2008, с. 825]. У чувашей известны имена *Томанка*, *Томан-дей* [Магницкий, 1905, с. 85], в основе которых может лежать чув. *тáман* ‘пурга, буран, метель’ или *тáмана* ‘сова’. Поэтому нельзя исключать и чувашские истоки антропонима *Томанайко*. Предложенные выше этимологии нуждаются в дальнейшей верификации на более широком материале.

Компонент *бай* ‘богатый, богач’, который является наиболее активным компонентом в заимствованных именах тюркского происхождения, марийцами использовался в качестве антропонимического компонента для образования новых имен в сочетании с марийскими лексемами: *Изибайко* < мар. *изи* ‘маленький’, *Коябайко* < мар. *коя* ‘толстый, упитанный, полный’, *Ошпайко* < мар. *ош* ‘белый’. Эти имена являются относительно поздними, возникшими после длительных контактов с татарским населением.

Среди выявленных личных имен волжских мари значительное место занимают имена тюркского происхождения. К тюркским относятся имена, заимствованные в разные периоды у чувашей, татар и башкир. В эту же группу входят арабские, персидские и монгольские антропонимические единицы, поскольку они заимствованы в разное время из тюркских источников. В некоторых случаях тюркизмы представляют собой гибридные имена, когда один из компонентов является тюркским, второй, к примеру, арабским по происхождению. Подавляющая часть заимствованных из тюркских языков антропонимов являются сложными по структуре.

Наиболее активным, выполняющим функцию детерминанта в антропонимах, является компонент *-бай / -пай*. Модель с компонентом *-бай / -пай* < тат. *бай* ‘богатый, богач; обильный’: *Акпайко*, *Алпайко*, *Алымбайко*, *Атабайко*, *Ахтубайко*, *Бадьбайко*, *Илибайко*, *Исенбайка*, *Кизилбайко*, *Кикбайко*, *Крымбайко*, *Сарбайко*, *Тансыбайко*, *Тинбайко*, *Токтыбайко*, *Ягибайко*, *Якишибайко*, *Яшпайко*.

Модель с компонентами *-мамэт*, *-мет*, которые являются производными от *мөхәммәт* ‘восхваляемый, прославляемый; имя пророка Мухаммеда’: *Ахмамэтка*, *Ишмамэтка*, *Килмамэтка*, *Кулмамэтка*, *Пекмамэтка*, *Яшмамэтка*, *Досмамэтка*, *Байметко*, *Кулметко*, *Тойметко*, *Тохметко*, *Янахматко*.

Другие лексемы в качестве второго компонента антропонимов фиксируются менее десяти раз. Приведем ряд примеров:

1) модель с компонентом *-булат* < тат. *булат* ‘булат, сталь высокой прочности’: *Айбулатко*, *Бекбулатко*, *Тинбулатко*, *Тойбулатко*, *Чимбулатко*, *Шабулатко*, *Ямбулатко*;

2) модель с компонентом *-батыр / -патыр* < тат. *батыр* ‘герой, богатырь, храбрый’: *Ахпатырко*, *Пайбатырко*, *Пахбатырко*, *Пекпатырко*, *Янбатырка*, *Яшпатыр*;

3) модель с компонентом *-мурза*¹ < тат. *морза* ‘мурза’: *Акмурза*, *Тоймурска*, *Токмурска*, *Ямурско*, *Яшмурска*;

4) модель с компонентом *-терек / -теряк / -дерек* < тат. *тирәк* ‘тополь, осокорь’: *Иштерячко*, *Пактеречко*, *Пейдеречко*, *Яндеречко*;

5) модель с компонентом *-гоз(V) / -коз(V)* < тат. *хужа* ‘хозяин, наставник’: *Байгоска*, *Келдыгоска*, *Тойгоска*, *Яшкоска*.

Количество атрибутивных компонентов в антропонимах более разнообразно. Более активными являются компоненты *бай- / пай-*, *ак- / ах-* и *бек- / пек-*. Довольно активным в антропонимии волости является также атрибутивный компонент *ян(ы)-*, который может происходить от татарского *яңа* ‘новый’ или *жәң* ‘душа’, например:

– антропонимы с атрибутивным компонентом *бай- / пай-* < тат. *бай* ‘богатый, богач; обильный’: *Байбориско*, *Байгоска*, *Баймамэтка*, *Байметко*, *Пайбатырко*, *Пайгилдка*, *Паймолка*, *Пайдуганко*, *Пайдушко*;

– антропонимы с атрибутивным компонентом *ак- / ах-* < тат. *ак* ‘белый’: *Акпариско*, *Ахпатырко*, *Актулатко*, *Ахмамэтка*, *Акмолка*, *Акмурза*, *Акпайко*, *Ахтанайко*, *Ахтушка*;

– антропонимы с атрибутивным компонентом *бек- / пек- / пех-* < тат. *бәк* ‘господин’: *Бекбулатко*, *Пекпатырко*, *Пехтулко*, *Пекмамэтка*, *Пектуганко*;

– антропонимы с атрибутивным компонентом *ян-* < тат. *жәң* ‘душа’ (< перс.) или *яңа* ‘новый’: *Янбахтка*, *Янбориско*, *Янбатырка*, *Янделетко*, *Янахматко*, *Яндеречко*, *Янтуганко*, *Яндеярко*, *Яндушко*, *Яныбечко*, *Яныбайко*;

– антропонимы с атрибутивным компонентом *яш-* < тат. *яшь* ‘молодой, юный’: *Яшахтка*, *Яшпатыр*, *Яшпердка*, *Яшмамэтка*, *Яшмолка*, *Яшмурска*, *Яшкоска*.

Некоторые из приведенных выше компонентов, например *ай-*, *ак-*, *кул-*, *пек-*, являются основой ряда простых суффиксальных антропонимов, часть из которых может быть гипокористическими.

¹ В антропонимах с конечной частью *-за* (*-коза*, *-мурза*) согласный *з* перед русским формантом *-ко / -ка* переписчиком записывался через согласный *с*, ср.: «отца своего Акмурзиным именем» и «дв. Токмурски Чорашева» [Айплатов, 1968, т. 2, с. 577, 576].

Среди заимствованных из татарского языка фиксируются также простые антропонимы: *Акман*, *Акманай* < тат. *Акман(ай)* (< тат. *акман* – название месяца январь у древних тюрков [Сагаутдинов, 2011, с. 29]), *Мамайко* < тат. *Мамай* (< древнетюркский вариант имени *Мухаммет* [Сагаутдинов, 2011, с. 195]), *Мурзанай* < тат. *Мурзанай* (< *морза* ‘мурза’ + суф. *-най*), *Тогыско* < тат. *Тугыз* (< *тугыз* ‘девять’).

Нужно отметить, что часть тюркоязычных личных имен могли быть заимствованы из чувашского языка, но в силу сложности разграничения татарских и чувашских антропонимов в марийском языке (ср.: Исанбаев, 1989, ч. 1, с. 39–40), особенно с учетом неустойчивости письма переписчиков, трудно определить конкретный язык-источник. К примеру, для следующих имен можно указать чувашские соответствия: мар. *Теменей* < чув. *Тёментей*, *Теменей*; мар. *Яндеярко* < чув. *Яндеяр*; мар. *Саманай* < чув. *Саман*, *Саманей*, ср. тат. *Замани*. Личные имена чувашского происхождения у марийцев волости могут относиться к более раннему периоду, и соответственно, отражают давние контакты предков волжских мари с чувашами. Делать конкретные выводы о влиянии чувашской антропонимической системы на именник волжских марийцев в рамках данной статьи по причине ограниченности материала не представляется целесообразным.

Существенную долю среди личных имен мари занимают заимствованные из русского языка имена. В документе фиксируется 30 заимствованных из русского языка имен, что составляет приблизительно 13 процентов от общего количества имен в волости. Согласно данным переписной книги, такие имена в волости имеют 43 человека. Марийское население заимствовало в основном распространенные в то время христианские имена. В документе зафиксированы преимущественно модификаты календарных личных имен: *Афонка*, *Васька*, *Василей*, *Гришка*, *Данилко*, *Иванайко*, *Иванко*, *Ивашко*, *Костенка*, *Максимко*, *Петрушка*, *Пронка*, *Сенька*, *Стенька*, *Тимошка*, *Тимка*, *Тимяшко*. При этом, согласно данным документа, лишь один человек Гришка Микифоров, прибывший из волости Монан (Манан) Царевококшайского уезда, принял христианскую веру. Остальные носители русских имен в волости, судя по данным переписной книги, не являются крещеными. Наличие у марийцев заимствованных из русского языка имен является свидетельством того, что календарные христианские имена проникли к марийцам до принятия ими христианства в результате лингвокультурных контактов с русским населением края. Особо примечательно, что у марийцев волости также встречаются русские некалендарные имена: *Замятня*, *Третьячко*, *Тренка* (< *Тренька* < ? *Третьяк* (см.: Тупиков, 1903, с. 398) или народная форма от *Терентий* (см.: Суперанская, 2010, с. 315). О заимствовании марийцами имен русскоязычного населения в результате лингвокультурных контактов свидетельствуют также более поздние архивные документы (см.: Пустяков, 2017, с. 132).

Выводы. Подводя итоги, можно сказать, что марийская антропонимия рассматриваемой волости испытала сильное влияние тюркской антропонимической системы и состояла в XVII в. преимущественно из тюркских (главным образом татарских) по происхождению имен, что является результатом активных контактов мари с тюркскими народами. Антропонимия волжских мари, в частности, отражает контакты с татарами и чувашами. Вместе с тем марийцы волости имели контакты с русским населением края, о чем свидетельствуют заимствованные из русского языка имена. Анализ документа позволяет говорить о том, что русские имена заимствованы в процессе лингвокультурных контактов русского и марийского населения. Именно поэтому христианские имена у мари выступают преимущественно в народных формах. Нельзя исключать также возможность проникновения этих имен к марийцам через посредство татарского или чувашского языка.

В перспективе дальнейшее выявление и анализ антропонимии разных ареалов в определенные периоды позволит составить именник отдельных групп марийцев, уточнить происхождение этимологически затемненных антропонимов, определить географию марийских личных имен. Кроме этого, исследование региональной антропонимии позволит расширить научные представления о доле в антропонимиконе края исконно марийских и заимствованных тюркских имен, а также о способах и интенсивности проникновения канонических и дохристианских русских имен в антропонимию марийцев разных территорий.

Библиография

- Айплатов Г. Н. Марийский край в XVII в.: в 3-х т. Йошкар-Ола, 1968.
Айплатов Г. Н. О марийских собственных именах // Советское финно-угроведение. 1965. № 2. С. 89–93.
Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Часть 1 (татарские и башкирские заимствования). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 176 с.
Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1905. 101 с.
Пустяков А. Л. Адаптация русских христианских имен в марийском языке // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 128–167.
Сагаутдинов Ш. Ш. Татарские имена: происхождение, значения, приметы. Алматы: Эрекет-принт, 2011. 569 с.

- Саттаров Г. Ф. Категория ласкательности в татарских личных именах // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 211–217.
- Суперанская А. В. Словарь народных форм русских имен. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 368 с.
- Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903. 857 с.
- Юзиева К. Марийская орнитонимическая лексика в этнолингвистическом освещении / *Dissertationes philologiae uralicae Universitatis Tartuensis* 16. Tartu: University of Tartu Press, 2016. 249 с.
- Черных С. Я. Словарь марийских личных имён. Марий еҥ лум-влак мутер. Йошкар-Ола: МарГУ, 1995. 623 с.
- Moisio A., Saarinen S. *Tscheremissisches Wörterbuch / Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXXII*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008. 924 S.

Э. В. Фомин

ЧУВАШСКИЕ ФАМИЛИИ МАТРОНИМНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Аннотация. Фамилии матронимного происхождения в чувашской антропонимии – явление редкое и в условиях глубоко патриархального общества весьма интересное. Чувашские матронимные фамилии производятся по одной модели из субституированных русских имен или из дохристианских чувашских антропонимов и на фоне русских фамилий выделяются фонетикой. Автор работы на основе изучения фактического материала устанавливает этимологию фамилий.

Ключевые слова: антропонимы, матронимы, фамилии, чувашский язык.

E. V. Fomin

CHUVASH SURNAMES ORIGINATING FROM FEMALE NAMES

Abstract. Surnames of female origin in Chuvash anthroponyms are a rare phenomenon and in the conditions of a deeply patriarchal society are very interesting. Chuvash matronym surnames are produced by one model from the substitutive Russian names or from pre-Christian Chuvash anthroponyms and against the background of Russian surnames are distinguished phonetically. On the basis of studying the actual material the author of the work is trying to determine the origin of such surnames.

Keywords: anthroponyms, matronyms, surnames, the Chuvash language.

Актуальность исследуемой проблемы. Фамилии в чувашской среде утвердились лишь к середине XX в. До этого времени роль фамилий выполняли отчества, ср.: *Григорьев Петр Григорьевич, Иванова Серафима Ивановна, Петров Сергей Петрович*. И только небольшая часть чувашей носила фамилии, сложившиеся еще в XIX в.: *Кореньков Гавриил Алексеевич* (1884–1949), *Трубина Марфа Дмитриевна* (1888–1956), *Иванов Константин Васильевич* (1890–1915).

Наследование фамилий в чувашской среде производилось патрилинейно на основе дохристианских и православных русских имен, при этом последние выступали в двух ипостасях: субституированной чувашской и фонетически русской. Фамилии на основе дохристианских и субституированных православных имен построены по русским образцам, но среди русских выделяются непривычным звучанием.

На этом фоне еще большей необычностью обладают чувашские фамилии матронимного происхождения. Носители чувашского языка безошибочно угадывают в них феминную первооснову (за исключением фамилии *Таймасов*).

Материал и методика исследования. Материалом настоящего исследования стали фамилии традиционного русского типа, происходящие от чувашских женских имен. Собранный материал подвергается анализу методами ближней этимологии.

В работе под чувашскими условно называются фамилии, имеющие в основе чувашские слова, а также имена дохристианской эпохи и субституированные русские онимы православного происхождения, например: *Арланов* < арлан ‘хомяк’>, *Вирьялов* < вирьял ‘верховой чуваш’>, *Ижэндеев* < *Ишентей* мужское имя, *Улангин* < уланкă ‘окунь’; *Ванюков* < рус. Иван через Ванёк, *Тимуков* < рус. Дмитрий через Димок.

Результаты исследований и их обсуждение. Чувашские фамилии носят черты глубокой патриархальности. Фамилии матролинейного происхождения являются исключением и, скорее всего, имеют мощную экстралингвистическую обусловленность. К настоящему времени удалось установить чуть более десятка подобных фамилий: *Алюнов* (1), *Анюков* (2), *Елюков* (3), *Мажуков* (4), *Майрабеев* (5), *Майраслов* (6), *Майруков* (7), *Таймасов* (8), *Тайруков* (9), *Угаслов* (10), *Элюков* (3).

1. *Алюнов* < *Алюн* [ал’ун] < рус. Алёна с закономерным выпадением финальной гласной [а] при заимствовании русизмов или интернационализмов через посредство русского языка, ср.: *хапрак* < *фабрика*, *хаçат* < *газета*, *хваттер* < *квартира*.

По Н. И. Ашмарину, *Алюн* то же, что *Алюна* личное женское христианское имя *Елена, Олена, Алена*, а также имя язычницы. Согласно ссылкам, имя имеет распространение в среде низовых чувашей [Ашмарин, т. 1, с. 183].

У В. К. Магницкого *Алюн* значит как мужское имя [Магницкий, 1905, с. 26]. В условиях отсутствия категории рода в чувашском языке представляется возможным принадлежность одного и того же имени к общему антропонимикону (см. также *Таймасов*).

В чувашской среде бытует в качестве фамилии псевдонимного происхождения. Ее носителем является Г. Ф. Федоров, деятель чувашского национально-освободительного движения, депутат Учредительного собрания [Изоркин, 2001].

2. *Анюкóв* < *Анюк* [ан'у́к] / *Анук* [ану́к] < рус. *Анна* через формы *Аня*, *Анёк*, где наблюдается закономерное междиалектное соответствие *о* ~ *у* (чувВ. *о́лӑх* ~ чувН. *у́лӑх*, чувВ. *по́лӑ* ~ чувН. *пу́лӑ*).

У Н. И. Ашмарина: *Анюк* то же, что *Анёк* христианское женское имя *Анна* [Ашмарин, т. 1, с. 266]. Имя в чувашской среде распространено повсеместно. Фамилия же локализуется Самарской областью, в которой имеется значительная чувашская диаспора.

3. *Елюкóв* < *Елюк* [јэ́л'у́к] < рус. *Елена* через уменьш.-ласк. *Еля́*.

Имя *Елюк* – один из популярных поэтонимов в чувашской литературе (см., например: Лазарева А. Унӑн сукмкӗ; Медведев А. Тулли пучах; Осипов П. ёмӗтленӗ ёмӗт; Осипов П. Хёрлӗ хунав; Павлов В. Ялта). Между тем фамилия *Елюков* в художественной литературе фиксируется лишь однократно (Савельев-Сас А. Чулкасри сур кунне).

Генетически связанный вариант рассматриваемой фамилии – *Элюкóв*, восходящий к форме *Элюк* = *Елюк*.

Настоящие фамилии локализуются южной частью Чувашской Республики.

4. *Мажукóв* < *Маишук* [мажу́к] < рус. *Мария* через уменьш.-ласк. *Маши́а* + *-ук* формант, видимо, русского происхождения, обладающий значением уменьшительности, но теряющий его в чувашском контексте, выступая нейтральным имяобразовательным аффиксом.

Носитель фамилии – уроженец г. Шумерля Чувашской Республики композитор А. С. Мажуков. Предполагается, что оригинальная фамилия композитора *Мужиков* была модифицирована в форму *Мажуков*, совпавшей в основе с чувашским женским именем русского происхождения *Маишук*. Надо полагать, что образцом трансформации фамилии послужило чувашское имя (родина композитора – чувашская деревня Шумерля Шумерлинского района Чувашии) [Илюхин, 2001].

5. *Майрабеев* < *Майрапи* [мајраб'и́] < *майра* 'русская женщина' от рус. *Мария* [Федотов, 1996, т. 1, с. 339] + *-пи(ке)* 'дева'.

У Н. И. Ашмарина *Майрепи* – то же, что *Мария* языческое имя женщины [Ашмарин, т. 8, с. 168].

6. *Майраслов* < *Майраслу* [мајраслу́] < *майра* + *-слу* формант женских имен из тат. *сылу* 'красивый, милый; изящный, красавец, красавица' [Федотов, 1998, с. 67, 26]. Имя *Майраслу* зафиксировано с. Рысайкино Самарской области и д. Нюшкасы Янтиковского района Чувашской Республики [Ашмарин, т. 8, с. 168] и, видимо, имело распространение в среде низовых чувашей. Наиболее известный носитель фамилии – чувашский скульптор А. П. Майраслов, уроженец с. Яншихово-Норваши Янтиковского района республики.

7. *Майрукóв* < *Майрук* [мајру́к] [Ашмарин, т. 8, с. 168] < *майра* + *-ук*.

В марийском языке встречается имя *Майра* (*Марля*, *Марья*) с ласкательными формами *Майрук*, *Майруш* [Черных, 1995, с. 264], *Майрук* также фиксируется в чувашском языке [Ашмарин, т. 8, с. 168].

8. *Таймасов* < *Таймас* [тајма́с] < *тай-* 'наклонить, склонить' + *-мас* формант, образующий женские и мужские языческие имена.

Иноязычные параллели – тат. *Таймас*, *Даймас*, *Димас*, *Зимас*, мар. как татарское заимствование *Таймас* [Федотов, 1998, с. 113, 22] с исходным значением «не умрет, живет» [Черных, 1995, с. 428], удм. *Таймас* – «не дрогнет» [Атаманов, 1990, с. 298]. В самом татарском языке настоящее имя квалифицируется в качестве мужского и толкуется как «не сойдет с жизненного пути, не умрет; не нарушит родительских наставлений» (перевод наш. – Э. Ф.) [Саттаров, 1998, с. 229].

У В. К. Магницкого *Таймас* – мужское языческое имя [Магницкий 1905, с. 81], у Н. И. Ашмарина – женское [Ашмарин, т. 13, с. 133].

Чувашские носители настоящей фамилии из Моргаушского района связывают ее с татарским языком. Родовая фамилия в условиях становления коллективного сельского хозяйствования была заменена на другую, чтобы уберечь семью от репрессий.

Кроме Моргаушского, фамилия встречается в Вурнарском и Чебоксарском районах.

9. *Тайрукóв* < *Тайрук* [тајру́к] < *тай* + *-рук* [Федотов, 1998, с. 114].

Автор словаря чувашских нехристианских антропонимов М. Р. Федотов замечает: «Название некоторых личных языческих имен образованы от определителя – компонента *тай-*, родственного тат. *тай-*, а также мар. *тай-* (< тюрк. *тай-*); ср. монг. *-тай*, показатель мужского пола... Изначальное значение *тай* 'жеребенок (по второму году)', чув. *тиха* / *тӑй-ха* [Федотов, 1998, с. 113].

Для ср.: в марийском языке бытует женское имя *Тайра*, *Тарля*, восходящее к русскому *Дария*, *Дарья* [Черных, 1995, с. 429], вслед за которым кажется допустимым и чувашское *Тайрук* возвести к русскому имени: *Дарья* > чув. *Тарье* [тар'э] + -ук с метатезой *p – й* > *Тайрук*.

Между тем русское *Дарья* на чувашской основе модифицировалось в форму *Тарук*. Кроме того, в чувашском антропонимиконе имеется большое число имен с *тай*, видимо, так или иначе связанных с рассматриваемым именем: *Тайхиве*, *Тайраслу*, *Тайрети*, *Тайрине*, *Тайруна* и др. [Федотов, 1998, с. 113–114]. Все зафиксированные дохристианские имена с корнем *тай* являются женскими, и лишь одно имя – *Таймас* – проявляет межполовую принадлежность.

10. *Угаслов* < *Укаслу* [угасл'у] < *ука* 'позумент' + *-слу* [Федотов, 1998, с. 123–124].

Имеющиеся данные подтверждают, что имя *Укаслу* распространено на периферии чувашской ойкумены – в языческой среде в Татарии: имя встречается в качестве поэтонима в романе А. Хмыта «Леш тёнчерен» (С того света), повествующем о событиях 1980 г. в Татарии и Афганистане; кроме того, известным носителем фамилии является выходец из с. Городище Дрожжановского района Республики Татарстан председатель Чувашского национального конгресса Н. Ф. Угаслов.

Резюме. Чувашские фамилии матронимного происхождения на фоне патриархальных устоев наследования фамилий представляются особо выразительными. Видимо, существовали объективные экстралингвистические условия, обусловившие выбор в качестве основ фамилий женские имена.

С точки зрения этимологических исследований, фамилии представляют доступный верхний слой антропонимикона и часто легко этимологизируются. При этом практически каждый случай матронимных фамилий обязывает исследователя обратиться к биографическим данным носителей фамилии.

Некоторые из рассмотренных фамилий являются псевдонимными (*Алюнов*, *Мажуков*) или произведенными на основе заимствованных имен (*Таймасов*). Все фамилии производятся путем добавления суффикса *-ов / -ев* к основам с финальным согласным звуком (*Анюков*, *Елюков*, *Тайруков*). Конечные гласные при производстве фамилий на стыке морфем предполагают использование инфикса *-й-* (*Майрабеев* < *Майрапи*) или вовсе подвергаются отсечению (*Майраслов* < *Майраслу*, *Угаслов* < *Укаслу*).

Аналогию фамилиям матрилинейного происхождения являют матронимные псевдонимы, используемые мужчинами: *Николай Шелеби* (Н. И. Полоруссов) < *Шеле* + *-ни(ке)*, *Праски Витти* (В. П. Петров) < *Праски* 'Прасковья' + *Витя*.

Предположительно отыменные фамилии чувашского происхождения, в том числе матронимные, имеют языческую обусловленность.

Сокращения

Мар. – марийский язык, рус. – русский язык, тат. – татарский язык, уменьш.-ласк. – уменьшительно-ласкательный, удм. – удмуртский язык, чув. – чувашский язык, чувВ. – верховой диалект чувашского языка, чувН. – низовой диалект чувашского языка.

Библиография

- Атаманов М. Г. Удмурт нимбугор = Словарь личных имен удмуртов. Ижевск: Удмурт. ин-т ист., яз. и лит., 1990. 393 с.
Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки: в 17 т. Чебоксары, 1994–2000.
Изоркин А. В. Алюнов // Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 63.
Илюхин Ю. А. Мажу-ков // Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 256.
Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. Казань: Тип. Император. ун-та, 1905. 101 с.
Саттаров Г. Ф. Татар исемнәре ни сөйли? Казан: «Раннур» нәшрияты, 1998. 486 б.
Федотов М. Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1998. 148 с.
Фомин Э. В., Иванова А. М. Чăваш поэтонимĕсен пуххи: словарь. Шупашкар: Чăваш университетĕн издательстви, 2016. 83 с.
Черных С. Я. Словарь марийских личных имен = Марий ег лум-влак мутер. Йошкар-Ола, 1995. 623 с.

Г. С. Хазиева-Демирбаш

ОБРЯД ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ДАСТАНАХ

Аннотация. В статье раскрывается малоизученная в татарской антропонимике проблема этнокультурного пространства обряда имянаречения и личного имени в тюрко-татарских дастанах. Культура имянаречения и личные имена в дастанах рассматриваются как этнокультурные знаки, которые несут информацию об этническом составе, духовной и материальной культуре народа, отражают религиозные и философские воззрения, обычаи и обряды этноса. В статье особое внимание уделено обряду имянаречения, переименования персонажей. Основное содержание статьи посвящено семантическому и этимологическому анализу личных имен в дастанах. Обоснован вывод о том, что в тюрко-татарских дастанах сохранены личные имена – архаизмы, утраченные в языке, которые создают предпосылки для реконструкции праязыковой антропонимической системы.

Ключевые слова: личные имена, этнокультурные знаки, этнокультурное пространство, тюрко-татарские дастаны, имянаречение.

NAMING CEREMONY IN THE TÜRKIC AND TATAR DASTANS

Abstract. The article reveals the problem of ethnocultural space in naming ceremony and personal name in the Turkic-Tatar dastans, poorly studied in the Tatar antroponymics. The culture of naming and personal names in dastans are considered as ethnocultural signs that carry information about the ethnic composition, spiritual and material culture of the people, and reflect religious and philosophical views, customs and rituals of the ethnos. The article pays special attention to the naming ceremony and renaming of characters. The main content of the article is devoted to the semantic and etymological analysis of personal names in dastans. The conclusion is substantiated that in the Turkic-Tatar dastans personal names-archaisms which are lost in the language are preserved, which create the prerequisites for reconstructing the pre-language anthroponymic system.

Keywords: personal names, ethnocultural signs, ethnocultural space, Turkic-Tatar dastans, naming.

Эпические произведения фольклора богаты своей многовековой историей, они играют большую роль в формировании этнокультурного пространства и являются наиболее значимыми источниками по языку, истории, мировоззрению этноса. Именник эпоса – своего рода феномен эпической культуры, представляющий собой свод имен, номинирующих антропообразы в этнокультурном пространстве. Весьма актуальной областью исследования тюркского языкознания является изучение языка фольклора, в том числе и антропонимикона. Многие теоретические вопросы изучения фольклорной лексики были освещены в трудах Л. Л. Габишевой, О. Г. Горбачевой, В. М. Жирмунского, И. Г. Закировой, Б. Х. Исмагуловой, Т. Н. Кондратьевой, Д. М. Керимбаева, С. Е. Керимбаевой, Л. Х. Мухаметзяновой, В. Я. Проппа, К. Рейчл, В. И. Супруна, Д. М. Токмашева, Т. В. Топоровой, С. М. Толстой, Ф. И. Урманчеева и др.

В целом в тюркологии нет комплексных исследований, раскрывающих суть, предмет фольклорной ономастики, в частности, особенностей функционирования тюркских личных имен и их этнокультурного пространства в эпических произведениях.

В рамках данной статьи предпринята попытка изучения отражения обрядов имянаречения и переименования, а также раскрытия семантических особенностей некоторых эпических имен в тюркских фольклорных текстах.

В эпических произведениях герой наделяется говорящим именем, по которому угадываются характер, возраст, роль богатыря в событиях эпического мира (является ли он положительным или отрицательным персонажем). Семантика слова в фольклорном тексте, сохраняющая свою синкретичную структуру и сильные внетекстовые связи, опирается не только на текст, но и на затекстовую информацию – ходячие представления, мифы, обряды, приметы, обычаи и т. д. – все, что образует так называемую фоновую информацию [Габишева, 2003, с. 7]. В тюркских дастанах затекстовую информацию содержат описания волшебного рождения героя, обычаи имянаречения и переименования, в которых «архаическая модель мира предполагает тождество имени и природы его носителя» [Керимбаев, 2004, с. 7], подчеркивается органическая связь личного имени с древними представлениями, верованиями человека. Так, в дастанах обряды имянаречения и выбора имени имеют знаковое значение и отражают магическую неуязвимость, мощь главного героя, выступающего против сверхъестественных сил.

Обычаи и обряды имянаречения сохранились в самых поздних эпических произведениях древнетюркских эпитафий VI–VIII вв., в которых документально зафиксировано наличие двух, трех и до нескольких имен эпического героя. Здесь личное имя раскрывает природу носителя имени, согласно которой формируется личность человека, определяется его судьба. Так, например, в «Памятнике из Кежилиг-хобу» упоминается, что у героя было несколько имен: «Мое детское имя – Шубун... мое имя Кюмюль-огя».

Архаические обряды и обычаи имянаречения, переименования у древнетюркских народов нашли свое отражение и широкое распространение и в татарских дастанах. В тюрко-татарских эпосах наречение именем связано с исключительными качествами героя. В этом отношении весьма своеобразным является повествование о наречении именем главного героя татарской версии средневекового дастана «Чура батыр». В башкирской версии герой дастана – Сура батыр. Так, в дастане отец называет своего сына в честь своего раба Чура. В древнетюркском языке слово *чура* имеет значение «мальчик, работник, хлебопашец, воин» [ДТС, 1969, с. 79]. Не случайно главный герой был назван данным именем, так как в конце повествования он становится богатырем, воином: *Нәрәң Чура дигән колын азат итеп, күк айгырны корбанлык итеп чалып, Ходай юлына куш чырак няз итеп килеп, Миңле баласын алды. Уғыл бала туды. Атын – азат кылган колы Чураның урынына – Чура атады.* «Нарен освободил своего раба, принес в жертву своего коня. Взял в руки своего ребенка. Назвал в честь освободившего раба – Чура» [ТЭ, с. 245]. Таким образом, выбор будущего богатыря, инициатора этого «счастливого имени» и нарекающего этим именем – все моменты считались чрезвычайно важными и в эпическом произведении занимали важное место [Закирова, 2009, с. 296].

В основном в эпических произведениях личные имена отождествлялись с понятиями храбрости, отваги, к которым добавлялись компоненты, отражающие понятия богатырства героя. Добавление к именам компонентов, подчеркивающих исключительные качества героя, встречается в эпитафических памятниках тюркской рунической письменности. Например, в орхоно-енисейских текстах большое количество имен с компонентом *алып*: *inançı alp sañun*, *alp aja*, *alp er toña ~ toña alp er* – имя легендарного правителя Турана, к которому возводится генеалогия тюркских караханидов; Афрасиаб); *alp buryučan*, *alp šalçı*, *alp tegin*, *alp toyrił*, *alp turmiş*, *alp tutuq* [ДТС, 1969, с. 52]. В тюркских эпитафиях компонент *алып* связывается с представлением о героизме, хотя и сохраняет тенденцию к стилистической нейтральности, означая не столько богатыря, героя, сколько мужчину, чаще воина. Данные личные имена давались в основном богатырям в качестве прозвища, титула или воинского звания. Антропоним *Алып* – общетюркский титул, встречается в болгарских эпитафиях XIII–XIV вв. В «Записках...» ибн Фадлана упоминаются *алыпы*, которые описываются людьми гигантского телосложения, огромной силы и обладающими сверхъестественными способностями. О существовании богатыря-алыпа упоминается и в словаре Махмута ал-Кашгари «Диван лугат ат-тюрк», в котором слово *алп* имеет значение «силач, великан, богатырь» [Кашгари, 2010, с. 85]. В преданиях волжские болгары связывали свое происхождение с именем Алып. Известный просветитель К. Насыри подчеркивал: «У нас на родине, куда только ни пойдешь, везде можно услышать рассказ об Алыпке. Во многих селах есть на полях какой-нибудь заметный холмик, говорят, что там Алып встряхивал свои лапты. Это свидетельствует о том, что у нас когда-то жил огромный человек» [Насыри, 1974, с. 83]. В башкирской мифологии алп – это великан, богатырь, исполин; мифические древние люди, жившие на Урале до современных людей. Таким образом, в исторических и этнографических источниках доказываются существование богатырей-алыпов, которые в свою очередь проникли в сюжеты фольклорных произведений с сильной гиперболизацией образа. Если обратиться к словарю древнетюркского языка, то можно увидеть расширение семантики данного слова: «1. Меткий стрелок; 2. Герой, богатырь, витязь; 3. Отважный, храбрый, смелый; 4. Отвага, храбрость, мужество» [ДТС, 1969, с. 54]. В татарском языке в слове *алып* сохранилось лишь значение «великан, богатырь», которое встречается во фразеологизме мифологического происхождения *алыптай гәүдәле*, означающем человека исполинского роста, богатырского телосложения [ГРС, т. 1, с. 65]. Таким образом, реальный антропоним *Алып* является мифологическим образованием ассоциативного характера.

Компонент *алып* встречается и в личном имени главного героя татарского варианта дастана «Сказание об Алпамыше». В различных версиях дастана личное имя главного героя имеет разные варианты: в алтайской – *Алып-Манаиш*, в узбекской – *Алпамыш*, в казахской – *Алпамыс*, а в татарской – *Алпамша*. Все варианты имен восходят к алтайскому варианту личного имени *Алып-Манаиш*, то есть богатырь *Манаиш*, который имеет значение «эпический богатырь». Вариативность личных имен в дастанах связана с метафоричностью обозначений и свидетельствует о поэтической природе имени [Керимбаев, 2004, с. 9]. В башкирском фольклоре *Алпамыш* – имя героя эпосов и сказок; богатырь, рожденный у бездетных родителей [ТТЭС, т. 2, с. 25]. Личное имя героя эпосов и сказок *Алпамыш* образовано в результате сокращения личного имени кыпчакских эпосов *Алып-Манаиш*. На наш взгляд, *манаиш / манас* имеет значение «белый, с темным оттенком». Скорее всего личное имя Алып Манаиш означает богатыря на белом коне [ТТЭС, т. 2, с. 96]. В татарском языке произошла онимизация личного имени *Алпамша*. Так, слово *алпамша* в татарском языке имеет значение крупного человека [ТТЗДС, с. 34], а в татарских локальных вариантах культуры семантика имени намного шире: «1. Мифический образ великана, крупного человека; 2. Самый большой, самый крупный» [ТТЗДС, с. 413]. В татарских диалектальных паремиях встречается фразеологическая единица *алпамыш йокосо* в значении «крепкий сон» [ТТЗДС, с. 412], ср. с рус. *спать богатырским сном*. В башкирском языке зафиксирована пословица: *Аты-туны бар кешелә Алпамшаның көсе бар*. В татарском языке употребляется вариант личного имени героя *Алпамыш* – *Алпамша*, состоящий из двух компонентов: *алып* (тат.) + *ам* + *шах* (перс.) ‘царь, повелитель’ [ТТАС, с. 35]. Согласно Ф. И. Урманчееву, компонент *шах* персидского происхождения имеет давние корни и является признаком присутствия в образе героя божественных или царских кровей [Урманчеев, 2015, с. 121]. Так, в эпических именах компоненты *алып*, *батыр* приобретают нарицательное значение и начинают обозначать какое-либо качество, особенность (физическую, нравственную), родовую принадлежность, звание, род занятий.

Личные имена, обозначающие исключительные качества героя дастана, в составе которых присутствует компонент *мәргән*, являются распространенными во многих тюрко-монгольских языках, в том числе и в татарском фольклоре. Так, к примеру, в татарском дастане «Жик Мәргән» главный герой получает имя уже по достижении совершеннолетия, когда он готов к богатырским подвигам: *Синең исеңең Жик булсын! Жәяң нык булсын!* ‘Пусть твое имя будет Жик. Пусть твоя стрела будет метким!’. Главному герою имя дается с пожеланием доблести и храбрости на войне. Личное имя *Жик Мәргән* состоит из двух компонентов: *жик* – в древнетюркском языке имеет значение «хороший; демон» [ДТС,

с. 253]. В свою очередь данное слово употребляется в отношении ловкого человека, похожего на шайтана [ТТЭС, т. 2, с. 268]. В личном имени *Жик Мэргэн* второй компонент *мэргэн* имеет значение «меткий стрелок, охотник» [ТРС, с. 67]. В тюрко-татарских дастанах компонент *Мэрген* (*Мэрген*, *Барген*, *Мирген*) в основном употребляется по отношению к положительным героям. Личные имена героев с компонентом *мэрген* встречаются в эпических произведениях тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья: *Жик Мэргэн* [ТЭ, с. 28], *Кадыш Мэргэн* [ТЭ, с. 86], *Тәвеш Мэргэн* [ТЭ, с. 128], *Сәңгелгәлек Мэргэн* [ТЭ, с. 234], *Туктасын Мэргэн* [ТЭ, с. 231], *Хәлмәт Мэргэн* [ТЭ, с. 561].

Мифопоэтическое значение слова батыр в эпосах намного шире: *Чура батыр* [ТЭ, с. 223], *Кобланды батыр* [ТЭ, с. 34], *Алпамыс батыр* [ТЭ, с. 56], *Карабек батыр* [ТЭ, с. 76], *Карадөң батыр* [ТЭ, с. 123], *Аркалык батыр* [ТЭ, с. 234]. В башкирском фольклоре батыр является мифологизированным лицом, в основном героем сказок и эпосов, выступает как устроитель Вселенной, хозяин объектов природы: *Урал-батыр*, *Тау-Батыр*, *Урман-батыр*, *Акъял батыр*. Во всех исследуемых тюркских эпосах в компоненте батыр олицетворяет удачу, бесстрашие, справедливость, мудрость. Батыры являются как спасателями, так и восстановителями нарушенного равновесия, олицетворяя силу, здоровье. В именах тюрко-татарских эпосов и сказок компонент *батыр* имеет два значения: «1. Герой, доблестный мужчина; молодец; смельчак; 2. Богатырь, храбрец, храбрый воин» [ТРС, т. 1, с. 63]. В тунгусо-маньчжурских языках слово *батыр* < *батар* < *батур* < *багатир* употребляется в эвенкийском, солоском, эвенкском, нанайском, маньчжурском языках и имеет семантику «богатырь; сильный, большой» [ССТМЯ, с. 62]. Прибавление к эпическим именам компонента батыр связано с давними традициями татарского, тюркского и тюрко-монгольского эпоса.

Имена героев, в которые включены определения *алып*, *мэргэн*, *батыр* бытуют на всей территории расселения тюрко-монгольских народов – в Якутии, на Алтае, Южной Сибири, Южном Приуралье, в Среднем Поволжье.

Наречение ребенка тотемным именем сводится к передаче тотемной силы ребенку, чтобы тотем всегда оберегал младенца. В связи с этим присвоение членам рода наименования тотемного животного или птицы было достаточно широко распространено в древнетюркских орхоно-енисейских эпитафиях, что не могло не отразиться и в фольклоре. Так, в дастане «Кара Күкел» главный герой *Кара Күкел* совершает подвиг и ему присваивается титул алып, таким образом он становится *Күкел Алып* (*күкел* ‘кукушка’ + *алып* ‘великан, богатырь’). В дастане такой же эпизод встречается и в переименовании другого персонажа *Кучкар Алып* (слово *кучкар* в диалектах татарского языка имеет значение «баран-производитель; бойцовый баран-чемпион»; метафорическое значение «боец, темпераментный парень» [ТТЭС, т. 2, с. 476] + *алып* ‘великан’): *Баланың исеме – Кучкар алып. Кучкар алып, шул жирдә атасыннан рөхсәт алып, алыплык эзләп китте*. ‘Ребенка зовут Кучкар алып. Получив у отца благословения, он отправился совершать подвиги’ [ТЭ, с. 211]. В енисейских памятниках выделяются имена с компонентом *qoçyar* ‘баран-производитель’: *qoçyar töläs tirig*. Как уже говорилось ранее, образ барана тесно связан с Тенгри и небом и занимал особое место в космогонических верованиях древних тюрков. Таким образом, в дастанах отголоски тотемизма, вера в сверхъестественные свойства животных и птиц сохранились в семантике некоторых компонентов личных имен эпических героев.

В турецком дастане «Куроглу» главный герой назван именем Куроглу в честь слепого отца. Отец главного героя – конюх был подвержен насилию со стороны хозяина и ослеплен. В туркменском и уйгурском вариантах имя главного героя Куроглу имеет значение «сын могилы». В персидском языке слово *gür* означает могилу. В восточных традициях в основном использовалось имя, которое было дано главному герою из-за волшебного его рождения в могиле. Широко распространенного в тюркских языках звуку [ö] в татарском языке используется вариант [ü]. Поэтому слову *kör* соответствует слово *kür*. Но в татарском языке слово слепой переводится как *сукыр*. Как отмечает Ф. И. Урманчеев, по содержанию татарской версии сказания «Курнын улы» более подходит перевод «сын слепца». Но, исходя из обстоятельства, что слова *кур* < *кёр* < *гюр* в татарском языке обозначают могилу, следует предположить, что перевод имени героя – сын могилы. Следует отметить, что в татарском языке имеется фразеологизм *гүр иясе булды*, т. е. умер, досл. стал духом могилы.

В турецком варианте дастана «Куроглу» персонаж *Болу бек* – стамбульский падишах – в тоболо-татарском варианте называется *Бул бек*. В турецком варианте конкретно указано происхождение падишаха – выходца из г. Болу, который в тоболо-татарском варианте несколько видоизменен и поэтому используется личное имя Булбек, распространенное у татар. В татарском языке личное имя Булбек распространено в варианте *Бекбул*, которое является именем пожеланием родителей *бек* + *бул* ‘стань беком’. Таким образом, если в турецком варианте данное имя обозначает место рождения ребенка *Болу бек*, то в тоболо-татарском варианте данное имя образовано от личного имени турецкого варианта эпоса, т. е. в татарском варианте потеряно значение места и образовано другое имя похожее на распространенное у татар личное имя *Булбек*. В различных вариантах эпоса второй компонент имени Болу бек заменяется

другими компонентами: *Болу беги*, *Болу паиша*. Эпос «Куроглу» содержит богатый ономастический материал, который закрепил личные имена тюркских народов в различных его вариантах.

В тюрко-татарских дастанах нет описания обычая именнаяречения, переименования лиц женского пола. Антропонимикон тюрко-татарских эпических дастанов характеризуется следующими, в основном женскими, именами, образованными при помощи компонента *сылу* «1. Стройная, изящная; красивая; 2. красивый прекрасный; 3. Красавица» [ТРС, т. 2, с. 284]. Наиболее часто встречающийся в фольклорных текстах компонент *сылу* употребляется для придания особой яркости, красоты персонажу эпических произведений. Исследования показали, что компонент *сылу* является наиболее часто употребляемым, поэтому в народном сознании, на наш взгляд, стереотипами женской красоты татар являются стройная осанка, изящность женщины: *Майсылу* («Кузыйкурпач белән Майсылу»), *Баянсылу* («Кузы Көрпә» дастаны) [ТЭ, с. 112] < *баян* араб. ‘ясность’ + *сылу* тат., *Гөлемсылу* («Камбәр») [ТЭ, с. 34] < *гөлем* тат. ‘мой цветок’ + *сылу*, *Сусылу* < *су* тат. ‘вода’ + *сылу*) («Түләк һәм Сусылу дастаны») [ТЭ, с. 23], *Көнәрсылу* < *көн* тат. ‘день’ + *сылу*, *Карлыгачсылу* < *карлыгач* тат. ‘жаворонок’ + *сылу*, *Мәржәнсылу* < *мәржән* тат. ‘жемчуг’ + *сылу* («Алыпмәмшән») [ТЭ, с. 24], *Карачачсылу* < *кара* тат. ‘черный’ + *чач* тат. ‘волосы’ + *сылу* тат. («Бүз егет») [ТЭ, с. 24], *Көнсылу* < *көн* тат. ‘день’ + *сылу*, *Айсылу* < *ай* тат. ‘день, месяц’ + *сылу* («Мактымсылу») [ТЭ, с. 345]. В башкирских эпосах зафиксированы личные имена с компонентом *сылу*: *Барһын һылыу*, *Гыуһылыу*.

В женских мифопоэтических образах значение слова *бикә* связано со значениями «госпожа, барыня, хозяйка» [ТРС, т. 1, с. 239]. Как утверждают исследователи, *бикә* во втором компоненте означает лицо женского пола [ТТЭС, т. 1, с. 185]: *Тукбикә* < *тук* тат. ‘сытый’ + *сылу* («Атаклы кыз Тукбикә») [ТЭ, 245]; *жамал* араб. ‘красота, миловидность’ [МИ, с. 341], *Сәхипжамал* < *сәхип* араб. ‘обладательница’ + *жамал*, *Фәтхелжамал* [ТЭ, с. 112] < *фәтхел* араб. ‘открытие, успех, победа’ + *жамал*.

Таким образом, в тюркских эпосах наречение именем связано с исключительными качествами героя, прежде всего подчеркивается его смелость, храбрость, оно раскрывается в семантике некоторых компонентов (*алп*, *эр / ир*, *батыр*). Отголоски присвоения имени, восходящие к именам тотемных животных или птиц, широко распространенным в более поздних орхоно-енисейских эпитафиях, встречаются и в именовании героев тюркских дастанов. Встречающиеся в эпизодах дастана обычаи табуирования личного имени трактуются как важнейший инструмент, регулирующий отношения человека с миром. В эпических именах отражаются характер, деяния, черты человека, в результате чего некоторые имена превращаются в устойчивые словосочетания и тем самым сохраняют и фиксируют мифопоэтические образы в народной лексике.

Источники

- ТХИ – Татар халык ижаты: дастаннар / ред. Ф. Урманчеев. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1984. 384 с.
МИ – Мусульманские имена: словарь-справочник. СПб.: Изд-во «Диля». 2007. 448 с.
ТЭ – Татар эпосы: дастаннар / сост. Ф. Урманчеева. Казан: Раннур, 2004. 640 с.
ТТАС – Татар теленең анлатмалы сүзлеге. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 с.
ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 675 с.
ТРС – Татарско-русский словарь: в 2-х. Казань: Алма-Лит, 2007.
ТТЗДС – Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2009. 836 с.
ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В.И. Цинциус. Л.: Изд-во «Наука», 1975. Т. 1. 671 с.
ТТЭС – Әхмәтъянов Р. Г.. Татар теленең этимологик сүзлеге. 2 томда. Казан: Вакыт, Мәгариф, 2015.
Стебелева И. В. Поэзия тюрков VI–VIII веков. М.: 1965.
ТЭ – Татарская энциклопедия / гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань: Ин-т тат. энцикл., 2002. 671 с.

Библиография

- Габишева Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины. М.: РГГУ, 2003. 192 с.
Горбачева О. Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: автореф. дис... канд. филол. наук. Брянск, 2008. 26 с.
Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
Закирова И. Г. Дастан «Ак Кубек» тюркских народов // Вестник Чувашского университета. Чебоксары, 2009. № 4. С. 296–301.
Керимбаев Д. М. Состав и этнолингвистическая характеристика собственных имён казахского фольклора: автореф. дис... канд. филол. наук. Алматы, 2004. 28 с.
Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1967. 245 с.
Магазаник Э. Б. Ономапозитика или говорящие имена в литературе. Ташкент: Фан, 1978. 146 с.
Мухаметзянова Л. Х. Книжный дастан в творчестве казанских татар // Вестник ТГПУ. 2011. № 4. С. 247–249.
Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Гос. изд-во художеств. Лит., 1958. 604 с.
Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000. 122 с.
Токмашев Д. М. Антропонимы в героическом эпосе: сравнительно-исторический аспект. Новкузнецк, 2005. 220 с.
Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 527 с.
Топорова Т. В. Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Языки русской культуры, 1996. 253 с.
Урманче Ф. Тюркский героический эпос. Казань, 2015. 448 с.
Kaşgarlı M. Divanü Lügati-t- Türk. Çev. B. Atalay. Ankara, 2006. Çilt 4. 530 p.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Аннотация. Топонимы содержат в своей семантике яркую культурно-историческую информацию, и тем самым представляют собой ценность не только как географические термины. Статья посвящена комплексному описанию методологических аспектов этнолингвистического исследования топонимической системы Урало-Поволжья.

Ключевые слова: этноонтология, теория определенности неопределенности, мировосприятие, топонимическая система, этнолингвистика, номинативный принцип.

Z. F. Shaikhislamova

METHODOLOGICAL ASPECTS OF ETHNOLINGUISTIC STUDYING THE TOPONYMIC SYSTEM OF THE URAL-VOLGA REGION

Abstract. Toponyms contain bright cultural and historical information in their semantics, and thus represent a value not only as geographical terms. The article is devoted to a complex description of methodological aspects for ethno-linguistic studying the toponymic system of the Ural-Volga region.

Keywords: ethnonthology, certainty and uncertainty theory, world perception, toponymic system, ethno-linguistics, nominative principle.

Лингвистике отводится центральное место в исследованиях, посвященных изучению ментального, когнитивного мира человека. Целью такого характера научных работ является попытка определения оригинальности мировосприятия, мировидения этноса, феноменальность познавательной, мыслительной деятельности человека. Каждый народ создает свою модель мира, определяет духовные и нравственные приоритеты, формирует этническое самосознание и систему жизненных ценностей. При этом некоторые особенности языка, религии, антропологические признаки, исследуемого этноса могут отражаться также и у других народов. Только духовная культура, насыщенная обрядами, ритуалами, верованиями, представлениями, находящими свое выражение прежде всего в языке и фольклоре, мифологии их отличает друг от друга. При этом мы придерживаемся точки зрения, что каждый этнос отличается способами восприятия окружающей действительности, которые формируются на основе собственного практического освоения мира, с опорой на традиции и обычаи, с учетом установок культуры и специфики этнического сознания [Шайхисламова, 2014, с. 1480–1481].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день отсутствуют работы, посвященные комплексному описанию методологических аспектов этнолингвистического исследования топонимической системы Урало-Поволжья в этноонтологическом аспекте. Этнолингвистика – область языкознания, изучающая язык в его взаимоотношении с культурой, историей. Она основывается на трех ключевых понятиях: стереотип, профилирование и картина мира. Применительно к этнолингвистическому изучению номинативных принципов башкирской топонимической системы Урало-Поволжья в этноонтологическом контексте, это означает повышение внимания к человеку как языковой личности, участвующей в акте номинации – субъекту и адресату называния. Как определяют и другие ученые, языковые структуры являются основным источником сведений о деятельности сознания, а то и подсознания индивида. Язык «не только в известном смысле отражает действительность или же воздействует на это отражение, – он является “окном” в сознание человека» [Кубрякова, 2004, с. 12]. Мы при решении заявленной проблематики опираемся на научно-методологическую базу и позицию тех ученых, которые утверждают, что речь идет о языке в формате пространственно-временного континуума определенного этноса – его геокультурного бытования (Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо, О. А. Корнилов, Е. И. Зеленев, А. Г. Шайхулов, Дж. Г. Киекбаев, Р. Г. Кузеев, Н. Х. Максютובה, Ф. Г. Хисамитдинова, Г. Д. Гачев, В. В. Морковкин, Н. И. Толстой, В. Н. Топоров, С. М. Толстая, Е. Л. Берёзович, А. Т. Кайдаров и др.) [Шайхисламова, 2017, с. 126].

По глубоко обоснованному мнению В. Д. Бондалетова, «овладеть ономастикой того или иного языка (народа) – значит не только усвоить употребительные в нем собственные имена, но и одновременно воспринять сопровождающие их страноведческие ассоциации, т. е. овладеть закрепленным в них национально-культурным богатством» [Бондалетов, 1983, с. 94]. По мнению З. А. Кучуковой, этноонтология несет в себе этнически маркированный комплекс миропредставлений

определенного народа, воплощенный в системе национальной поэтики. Автор аргументированно обосновывает: она исходит из того, что «чувствительность» онтологии к контексту неоднократно в трудах подчеркивают Н. Кузанский, Х. Вольф, Н. Гартман, М. Хайдеггер, В. Губин, К. Леонтьев, Н. Бердяев. «Система антропологических диспозиций позволяет выделить из «универсальной» онтологии ее этнический структурный элемент [Кучукова, 2006, с. 5]. Таким образом, методологическую основу заявленного исследования составляет интеграция нескольких систем знаний: прежде всего «речь идет о так называемой языковой личности, вместилище этнического духа, о языке в формате пространственно-временного континуума определённого этноса – его геокультурного бытования» [Зеленев, 2014, с. 55]. Имеет важное значение, при решении поставленных задач опора на труды Г. Д. Гачева, в которых проводится сравнительно-сопоставительный анализ национальных образов мира [Гачев, 1995]. Весьма важным в методологическом ключе мы также считаем выдвинутое Н. А. Бердяевым положение о том, что «человек входит в человечество через национальную индивидуальность, он существует не как абстрактный, а как «национальный человек» [Бердяев, 1990]. При исследовании языка в формате пространственно-временного континуума башкирского этноса – его геокультурного бытования в связи с изучением топонимической системы Урало-Поволжья одним из главных положений является основанная Дж. Г. Киекбаевым теория определенности неопределенности, суть которой объясняется именно особенностью восприятия окружающей действительности этносов тюркского и урало-алтайского языкового сообщества, по-нашему, она сходится с когнитивным подходом к мировидению. Как в связи с поиском новых направлений в исследовании лексики в тюркологии и языкознании, так и в стремлении создать новые методологические концепции, способные более полно отразить способы номинации объектов окружающей действительности в этноонтологическом аспекте теория Дж. Г. Киекбаева является одной из основополагающих. При этом нужно учесть, что лексическая система башкирского языка, как и лексическая система любого другого языка, имеет формально-логическую упорядоченность картины мира. В установлении генетического родства урало-алтайских языков в центре учения Дж. Г. Киекбаева [Киекбаев, 1972; Киекбаев, 1996] как и в компетенции антропоцентризма содержится проблемы контактологии, когнитологии и специфика мировоззренческой истории человеческой мысли. Когнитивный подход к изучению лексической системы национального языка, результата окружающей действительности обыденным сознанием также направлен на выявление в них отражения как индивидуального образа мира, так и системы знаний о мире через понятия языковой картины мира, языкового сознания, мировидения, миропонимания и мировосприятия, где понятие ОПНО играет немаловажную роль.

Реальное регионально-географическое пространство откладывает неизбежный отпечаток на ментальность этноса, формируя психологический облик его представителей, этнокультурные и онтологические характеристики. Г. Н. Семенова, подчеркивая уникальность освоения пространства и познания окружающего мира, формирования знаний о нем каждым этносом отмечает, что определяющим являлся характерный для каждого народа образ жизни – оседлый или кочевой [Семенова, 2016, с. 49].

Каждая этнокультура имеет индивидуальную онтологическую картину мира с фиксированным центром, вокруг которого группируются ключевые архетипические образные единицы, составляющие единую эстетическую систему с взаимообусловленными компонентами. При исследовании проблем ареальной общности лексики языков Урало-Поволжья, для систематизации лексического материала, создания методологии исследования ее топонимической системы в этноонтологическом осмыслении и для установления идеографической парадигматики наиболее удачным, по-нашему, является применение идеографической классификации лексики в рамках четырех когнитивных сфер в контексте ностратической теории [Шайхулов, 2000; Шайхулов, 2014; Дыбо, 2007]. Благодаря отражению в топонимах исторического, духовного, социального и бытового опыта, лексемы определенного языка выступают в данном случае, как маркеры, благодаря которым мы можем определить как современную ментальность нации, так и попытаться восстановить, описать процесс становления воззрения древних людей, их окружающую действительность: природу, сообщество и самих себя. Таким образом, топонимия является интересным объектом для разнопланового исследования их, по выявлению феноменального, неповторимого.

Библиография

- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
- Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
- Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс, 1995. 480 с.
- Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков лексический фонд: пратюркский период. М.: Вост. лит., 2007. 227 с.
- Зеленев Е. И. Постижение образа мира. СПб.: КАРО, 2012. 336 с.
- Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа: Башк. кн. Изд-во, 1972. 135 с.
- Киекбаев Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков: структурный анализ морфологического строя тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и угро-финских языков на основе теории определенности в языке. Уфа: Китап, 1996. 368 с.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Яз. славян. культуры. 2004. 560 с.
- Кучукова З. А. Онтологический метакод как системообразующий принцип этнопоэтики (на материале карачаево-балкарской поэзии): автореф. дис... д-ра филол. наук. Нальчик, 2006. 44 с.
- Семенова Г. Н. Пространственная ментальность и средства ее выражения в чувашском языке // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2016. С. 48–53.
- Шайхисламова З. Ф. Некоторые аспекты этнолингвистической интерпретации лексических единиц тау, таш в башкирском языке // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 4. С. 1480–1488.
- Шайхисламова З. Ф. Методологические аспекты этнолингвистического изучения топонимической системы Урало-Поволжья (этноонтологическое осмысление) // Вестник Северо-Восточного Федерального университета им. М. К. Аммосова. 2017. № 2. С. 126–138.
- Шайхулов А. Г., Шайхисламова З. Ф., Асмондяров В. Н. Методологические аспекты составления диалектных словарей языков Урало-Поволжья в евразийском контексте // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Уфа, 2014. С. 88–92.
- Шайхулов А. Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики: синопсис и таксономия когнитивной сферы «Природа: неживая и живая». Уфа, 2000. 494 с.

В. П. Гришунина

НЕГЛАГОЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу темпоральных маркеров в мокшанском языке. В данной статье исследуются единицы лексического уровня – существительные, прилагательные, наречия, послелого, выражающие те или иные временные значения. В статье сделан акцент на особенности выражения темпоральных номинаторов, отображающими какой-либо фрагмент или аспект категории времени, а именно: названия определенных по длительности отрезков времени (*ков* ‘месяц’, *киза* ‘год’, *пинге* ‘век’); названия временных отрезков неопределенной длительности (момент, мгновение, вечность); названия циклических событий человеческой жизни (завтрак, ужин, Пасха, Троица, Новый год); названия циклических природных явлений (день, ночь, лето, зима); названия линейности времени (ближайший, прошлый, впредь, сегодня); названия признаков антропоцентричности в языковой модели времени (дети, старики, юный); темпоральные номинаторы с временным значением, представленные прилагательными и др. Материалом для исследования послужила книга известной мокшанской писательницы В. Мишаниной «Вальмафтома куд» (Дом без окон). Наиболее частотными среди темпоральных наименований неглагольными средствами являются наречия времени.

Ключевые слова: концепт «время», контент-анализ, лексические единицы, темпоральные номинаторы.

V. P. Grishunina

NON-VERBAL MEANS OF EXPRESSING TEMPORALITY IN THE MOKSHA LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the analysis of temporal markers in the Moksha language. In this article, lexical level units are studied, namely adverbs, nouns, adjectives, postpositions expressing any temporal meanings. The emphasis in the article is made on the features of the expression of temporal nominators, reflecting some fragment or aspect of the category of time, namely: names of certain lengths of time (month, year, century); names of time segments of indefinite duration (a moment, an instant, an eternity); the names of the cyclical events of human life (breakfast, dinner, Easter, Trinity, New Year); the names of cyclical natural phenomena (day, night, summer, winter); the names of the linearity of time (nearest, past, henceforth, today); names of signs of anthropocentricity in the language model of time (children, old people, young); temporal nominators with a time value, represented by adjectives, etc. The material for the study was the book by the well-known Mokshan writer V. Mishanina “Valmaftoma Kud” (House without windows). The most frequent among the temporal names by non-verbal means, as might be expected, are the adverbs of time.

Keywords: concept “time”, content analysis, lexical units, temporal nominators.

Действие всегда происходит в определенное время, в определенном месте. Для определения места действий в бесконечной последовательности смены состояний, событий или действий используется категория времени. Именно время определяет, что было раньше, что позже. Когда определяется время, обязательно нужно иметь в виду точку отсчета, по отношению к которой оно определяется. Таким ориентиром является момент речи.

Для анализа категории времени в языковой картине мира персонажей художественных произведений, вошедших в книгу В. Мишаниной «Вальмафтома куд», применяется контент-анализ. Данный метод используется в лингвистических исследованиях для определения присутствия определенных слов или понятий в тексте или массивах текстов. А. Н. Баранов отмечает, что «сущность контент-анализа заключается в том, чтобы по внешним – количественным характеристикам текста на уровне слов и словосочетаний сделать правдоподобные предположения о его содержании и, как следствие, сделать выводы об особенностях мышления и сознания автора текста – его намерениях, установках, желаниях, ценностных ориентациях и т. д.» [Баранов, 2001, с. 247]. Лексические средства представления концепта «время» в дискурсе В. Мишаниной позволяют в определенной степени описать его содержательное наполнение.

Многогранная природа времени заставляет нас согласиться и с другими исследователями: «занимая важное место в модели мира, время принадлежит к числу понятий, образующих основной “инвентарь” культуры народа и общества, причем характеризует и духовные процессы, происходящие в нем» [Девяткина, Цыпкайкина, 2013, с. 116].

В настоящей статье мы остановимся на исследовании временной лексики неглагольными средствами, которая в исследуемом текстовом материале представлена различными частями речи: существительными, существительными с послелогоми, прилагательными и наречиями, отображающими какой-либо фрагмент или аспект категории времени:

1. Названия определенных по длительности отрезков времени (*ков* 'месяц', *киза* 'год', *пинге* 'век'): *Тонцъ содасак, тя ковть киньге ашель выходноец*. 'И сам знаешь, в этом месяце ни у кого не было выходного'. *Кали юкстайть, ётай кизоть кадоть тейнек тядяцень мархта панжема*. 'Неужели забыл, что в прошлом году оставил нам с матерью ключ'.

2. Названия временных отрезков неопределенной длительности (момент, мгновенье, вечность): *Рана или поздна, Нюраня, пулоцень люштгаса*. 'Рано или поздно, Нюрочка, хвост твой прижму'; *Тона светса точна, век-вечна мархтонза*. 'На том свете точно, навеки вечные с ним'; *Шинек-венек келетьф сельмот аппараттень лангс ватт и ватт*. 'И днем, и ночью расширенными глазами на аппараты смотри и смотри'.

3. Названия циклических событий человеческой жизни (завтрак, ужин, Пасха, Троица, Новый год): *Тядязе аноконди азозе: Од кизонь карша печктяма уча*. 'Мама заранее сказала: накануне Нового года зарежем овцу'; *А обеда меле няине, кода Натанянь тядяц кати-коза тусь ульця кувалмова*. 'После обеда увидела, что мама Наташки куда-то пошла по улице'; *Тройцянь карша веть ароттомаль ваймоньке*. 'Накануне Троицы ночью нужно очистить душу'. *Шобдава аф кельгса итакинемазень, и мзярда стяшендан сембода меколи, кивок аф шарфни лангонзон мяль*. 'По утрам не люблю умываться, когда встаю после всех, никто не обращает на меня внимание'.

4. Названия циклических природных явлений (день, ночь, лето, зима), например: *Макарня макссь вал кизонда Васянь сявомс вирень тевс, и, кле, сай тялоть пенгадвовк ули сатомшика*. 'Макарня дал слово летом Васю взять на лесное дело. И, вероятно, на следующую зиму дров будет достаточно'; *«Сёксе шире свадьбазе, квартира учтама»*, – азозе *Тоня станя, кода корхнихть кунара арьсеф-ладяф тевонь колга*. '«Ближе к осени у меня свадьба, квартиру ждем», – сказала Тоня так, как говорят о давно продуманном деле'; *Ётай тялось и тон салат*. 'Пройдет зима, и ты растаешь'; *Тунда, а тейне сон сёксада равжа кельме*. 'Весна, а мне она чернее и холоднее осени'.

5. Названия линейности времени (ближайший, прошлый, впредь, сегодня): *Тячи Сятявня сась пялонк и кандозень мархтонза карандашензон и тетраденц*. 'Сегодня Сятявня пришел к нам и принес с собой свои карандаши и тетрадь'; *Улхка рисованиянь уроковок тяфта лиссь, кузнять рисовандайне коричневайста*. 'В прошлый раз на уроке рисования так вышло, ёлочку нарисовала коричневым'; *Монцьке оду ашине лятфне теенза тонафнемать квалма, пяк ни сизень урокнень эзда*. 'И сама впредь не напоминала ей об учебе, очень уж устала от уроков'.

6. Названия признаков антропоцентричности в языковой модели времени (дети, старики, юный): *Одста, одста сон фежайняль. Одняль...* 'В молодости, в молодости он был свеженький. Молоденький'; *Тон кода шабанянь ляснят*. 'Ты меня как ребенка успокаиваешь'; *Ванат, ингольдень аф пунтай стирсь кандсы поповань честть!* 'Смотришь, тогдашняя непутная девушка несет честь попадьи'.

Темпоральных номинаторов с временным значением, представленных прилагательными, встречается гораздо меньше: *Тоса ингольдень мирдезе*. 'Там мой предыдущий муж'; *Илядень ярхцамась теень ашезь учев, матодовон*. 'Вечернюю еду я не дождалась, заснула'; *А мзярда вень шобдась вельхтызе масторть, Кипай салаване сявондсь танцти сускомня и каннезе стирняти*. А когда ночная тьма накрыла землю, Кипай тайком брал что-нибудь вкусенького и приносил девушке'; *Тячиень шис сон пеняцкинешь Масторавати, мес кьялсонза аш вал*. 'До сегодняшнего дня жаловалась Богине Земли, почему на языке нет слов'.

В исследуемом произведении, встречаются номинаторы, временное значение которых может быть истолковано только в контексте времени: *тоса, эста, ётка*. Наречия *тоса* 'в то время', *эста* 'тогда' в других контекстах могут выступать не обязательно в значении времени. Они могут быть наречиями места: *тоса* 'там', *эста* 'оттуда'. В нашем случае они выражают время: *А содасак, кода чуднойста эста лиссь*. 'А знаешь, как чудно тогда вышло'; *Вчёк эста, тундань шиня, нюряфнеса, матан эсонза*. 'Как раз в то время, летним днем, качаю, укладываю его'; *Тоса алязе гантельхть кандсь*. 'Потом отец гантели принес'. Лексема *ётка* может обозначать 'промежуток, расстояние'. Здесь обозначает концепт 'время': *Тя ёткть чакасть вальмяти*. 'В это время в окно постучали'. *И кивок ашезе няе, кона ёткть лиссь кудста Вася и ашезь мрда*. 'И никто не увидел, в какое время Вася вышел из дома и не вернулся'.

У В. Мишаниной с высокой частотностью фигурирует сама лексема *пинге* 'время': *Эсь пингозень лангса монць азорсь*. 'Над своим временем я сам хозяин'; *Лия пингста рахселень лангсонза, но шобдава рахсемазе аф сашенды*. 'В иное время смеялась бы над ним, но по утрам смеяться нет охоты'; *Касфтыне нява кодама стака пингста, аляфтома*. 'Вырастила вон в какое тяжелое время, без отца'; *Ожу,*

сай пинге, люпитаса, ох кода люпитаса, эзк ёният. 'Подожди, придет время, хвост твой прижму, ох как прижму, тут же поумнеешь'; *Тяни мадомска пинге.* 'Теперь и спать лечь время'; *Сембе пинкнень валазяишсь, палайсь-нолайсь, сяськондезе ёнть, содамоишть.* 'Во все времена скользкая дорожка, побеждала разум, знания'.

Особенностями выражения концепта «время» в мокшанском языке являются лексические единицы, состоящие из двух и более слов и представляющие собой сложные наименования и наименования составного характера, обозначающих единое понятие: *Колмочесь эши ведьса парь пняшкочень.* 'Позавчера колодезной водой наполнила кадущку'; *Ламос ся вень ашень матодов.* 'Долго в ту ночь не мог заснуть'; *Мзярда тядязе тусь омбоцеда рьвакс, од алясь срхкась эздон тиёмс ломань.* 'Когда мама второй раз решила выйти замуж, отчим собрался сделать из меня человека'; *А флягань кепсемста или кормань каннемста боконце лопади – кивок аф лажназеву инксот.* 'Во время поднимания фляг и ношения корма пупок лопнет – никто не пожалеет'; *Илять, шободема ёткова, Катякась молекшинесь Тургаевонь пяли.* 'Вечером, когда смеркалось, тетя Катя хотела было пойти к Тургаевым'; *Тядязе шинь стяма ланга тушенды нума.* 'Мама на рассвете уходит жать'; *А мзярда ишсь пачкотькини менельть тёкис, Ольгань мархта якатама тядязти обедонь кандома.* 'А, когда солнце в зените, мы с Ольгой ходим носить маме обед'; *Шобдавань эиенять пачк тияне молемаь пяк пара.* 'Во время утренней прохлады здесь идти очень приятно'; *Эх, Тим Тимыч, сясы пенсияс тумозт шовсесайть понкснень проектировщикокс.* 'Эх, Тим Тимыч, то-то до выхода на пенсию протираешь штаны будучи проектировщиком'; *Атякишнень колмоцеда кукомяозост ваймяй шуфта ала, а кодак ётай шийтанонь вийсь, туй куду.* 'До тех пор, пока не пропоет петух трижды отдохнет под деревом, а как только пройдет сила нечистого духа, пойдет домой'; *Мзярошка пингта меле ошеннесь кандсь няфтемс валдоптома, конань эса лампочканясь палсь сенем толса.* 'Через какое-то время городской принес показать светильник, который светился синим огнем'.

Очень часто к лексемам-номинациям времени присоединяются:

а) усилительные частицы: *-нга, -вок, -ге, -киге, -, -кок, -ёк* и др.: *Тянивок мархтон пцтай аф корхтай.* 'И до сих пор со мной почти не разговаривает'; *Васендакиге эсь прязень ёран идемс...* 'В первую очередь себя хочу спасти'; *Тяниёк, ванды ули пуромкс, ванды аф кенерят...* 'Сейчас же, завтра будет собрание, завтра не успеешь';

б) частица *-шка*, которая указывает на неопределенное время: *Шить ши-шишка кудьёткса алян тевса пульхки: кудонгольть подорбазе, ортанять тиезе, перяфкст видептее.* 'Днем день-деньской по хозяйству мужскими делами занимается: коридор подправил, ворота сделал, забор выпрямил'; *А Шотин кяжиясь, мес ся сёксенда модамарень таргама ашезь яка недяляшка.* 'А Шотин обиделся, почему тот с неделю не ходил рыть картошку'; *Вов мзярошка кизода инголе няелензе Жорань компанияса, эста ванолине, мезе азоль.* 'Вот за несколько лет до этого увидел бы тебя в компании Жоры, тогда бы посмотрел я, что он сказал бы';

в) аффиксоиды *шовор, берьф (-перьф), пачк*: *А тядязе корхнемишовор коль инась эсонза: кодама сон ёню, мезень баярава рьвац, мезень налхкит иденза.* 'А мать во время разговора всё хвалила его: какой он умный, словно боярыня жена его, словно игрушки его дети'; *Недяляньберьф бригадирс тов эсон кучси.* 'Всю неделю бригадир туда меня посылает'; *Художникне Иняруть эряфоньберьф искусстваса вешендъсая, аньцек афэряфста.* 'Художники Святого всю жизнь в искусстве ищут, только в жизни'.

Таким образом, выявленные посредством контент-анализа лексические единицы обозначают различные фрагменты концепта время.

Наиболее частотными среди темпоральных наименований, как и следовало ожидать, являются наречия времени: *А мзярда пандомс шумось – эста ванды сак. Аф ванды – тячи! И куроcone!* 'А когда нужно отдать долг, – тогда завтра приходи. Не завтра – сегодня! И быстрее!'; *Шить нузямкишнень, вот аф сясамань удомась.* 'Днем подремала, вот не берет меня сон'; *Кудатне куроc сайхть, а тонь мезцевок аш анок.* 'Сваты скоро придут, а у тебя нет ничего приготовленного'; *Эрь, тяни корхтак видеcта.* 'А Теперь давай говори прямо'; *Тячи веть тейнек васедема вирня песа.* 'Сегодня ночью нам нужно встретиться на окраине леса'; *Исяк чандань – тя он.* 'Вчера думала, что это – сон'; *Местема тяни мрдан, сон сяка воргыгодсь клубста.* 'Зачем теперь вернись, он всё равно убежал з клуба'.

Библиография

- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
Десяткина Е. М., Цыпкайкина В. П. Семантическая и словообразовательная структура временной лексики в мордовских языках // Вестник Самарского государственного университета. 2013. №8. С. 116–121.

**ГЛАГОЛ «ВЕРИТЬ» И ЕГО ДЕРИВАТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЧУВАШСКИМ**

Аннотация. В статье рассматривается семантика глаголов *верить* и его производных в русском языке, проводится их сопоставление с чувашскими эквивалентами – глаголами *ёнен, шан* и их производными. Глагол *верить* и его дериваты в русском, *ёнен* и его производные в чувашском в семантической структуре предполагают субъект и объект. Субъект действия / отношения активен. Действие / отношение *верить / ёнен* имплицитно оценивается как положительное, это переносится в семантику производных слов.

Ключевые слова: русский глагол, чувашский глагол, семантика, дериват.

Dimitrieva O. A., Mikheeva S. L.

**THE VERB “BELIEVE” AND ITS DERIVATIVES IN THE RUSSIAN LANGUAGE
IN COMPARISON WITH THE CHUVASH LANGUAGE**

Abstract. The article examines the semantics of the verb *верить* (believe or trust) and its derivatives in the Russian language and compares them with the Chuvash equivalents – the verbs *ёнен, шан* and their derivatives. The verb *верить* and its derivatives in the Russian language, *ёнен* and its derivatives in the Chuvash language in their semantic structure suppose a subject and an object. The subject of the action / attitude is active. The action / attitude in *верить / ёнен* is implicitly evaluated as positive, this is transferred to the semantics of the derived words.

Keywords: Russian verb, Chuvash verb, semantics, derivative.

Согласно данным «Грамматического словаря русского языка» [Зализняк, 1977], в современном русском языке семантико-словообразовательное гнездо глаголов, производящим ядром которого является слово *верить*, представлено следующими глаголами: *верить – веровать, уверовать, вверить(ся), выверить, доверить(ся), заверить, поверить, проверить(ся), разуверить(ся), сверить(ся), уверить(ся), удостоверить(ся)*. Для целей настоящей работы представляется целесообразным привести толкование лексического значения этих глаголов. Далее следует таблица, где толкование русских глаголов дано в сопоставлении с их переводом на чувашский язык (использованы словари [Ожегов, Шведова, 1997; Русско-чувашский словарь, 1971] – их выбор обусловлен тем, что они отражают самое основное в значении слова, рассчитаны на среднего пользователя языка, поэтому менее специфичны). Оговорим, что в таблице глаголы приведены без видовых пар и без возвратных вариантов, значение которых может быть предметом особого рассмотрения.

Таблица 1

Значения глаголов с исходной основой *верить*

Глагол	Толкование на русском языке	Перевод на чувашский язык
верить	1. быть убежденным, уверенным в ком-чем-н. 2. принимать за истину что-н. 3. вполне доверять 4. верить в бога (быть убежденным в существовании бога)	1. ёнен, шан 2. <i>религ.</i> ёнен, тён тыт 3. (<i>доверять</i>) шан
веровать	верить в бога	ёнен (турра), тён тыт
вверить	поручить, доверив	шан, шанса пар (е кала, хуш)
выверить	тщательно проверить	тёрёсле
доверить	проявляя доверие, поручить	шан, шанса пар
заверить	1. уверить, убеждая в чем-н., обещая что-н. 2. удостоверить, скрепив подписью, печатью	1. ёненгер, шантар, шантарса кала 2. сирёплет, сирёплетсе пар
поверить	1. см. верить 2. то же, что проверить (<i>уст.</i>) 3. сообщить из особого доверия	1. ёнен, шан 2. тёрёслени, пяхни 3. шанса кала
проверить	1. удостовериться в правильности чего-н., обследовать с целью надзора, контроля 2. подвергнуть испытанию для выяснения чего-н.	тёрёсле, тёрёслесе пях

Глагол	Толкование на русском языке	Перевод на чувашский язык
разуверить	побудить отказаться от своего убеждения в чем-н., уверить в обратном	шанми ту, ёненми ту, ёненме пӑрахтар
сверить	проверить, сличив с чем-н., взятым за образец	пӑкса тӗрӗсле, танлаштар
уверить	то же, что убедить (заставить поверить чему-н.)	шантар, ёнентер
уверовать	окончательно поверить во что-н.	ёнен, шан, ёненсе (е шанса) сит
удостоверить	подтвердить правильность, подлинность чего-н.	ёнентер, тӗрӗссине шантар (е пӗлтер)

На первом уровне семантики рассматриваемых глаголов можно сделать вывод, во-первых, о закономерном влиянии значений исходного глагола на толкование его производных; во-вторых, о возможности сгруппировать производные глаголы на основе общего компонента смысла. Прокомментируем эти группы.

1. Глаголы, в семантике которых на первый план выходит религиозный компонент смысла 'верить в существование бога': *веровать – уверовать, верить – поверить*.

2. Глаголы, в семантике которых превалирует сема 'доверие' – 'уверенность в чьей-н. добросовестности, искренности, в правильности чего-н.': *верить, доверять, поверить*. Семантическая близость этих глаголов, помимо возможности толкования значения на основе взаимозамены, находит подтверждение и на уровне грамматики: каждый из них предполагает сочетаемость с дательным падежом (адресат) и винительным падежом (объект) – *верить, доверять, поверить кому-н. что-н.* Глагол *доверить* допускает также при себе инфинитив в объектном значении (доверить что-л. сделать).

3. Глаголы, в семантике которых доминируют компоненты 'правильность' и 'контроль', вследствие чего имеют достаточно яркий целевой оттенок смысла: *выверить, поверить, проверить, сверить*.

4. Глаголы, объединенные смыслом 'убедить кого-л. в чем-л.': *заверить, уверить, удостоверить, разуверить*. Последний глагол – формальный антоним к *уверить* – фактически предполагает тот же смысл, что можно наблюдать в словарном толковании: *разуверить – уверить в обратном*.

При обращении к способам толкования рассматриваемых глаголов в двуязычном переводном словаре обнаруживаются некоторые закономерности.

1. В большинстве случаев для перевода используются чувашские глаголы *ёнен, шан* – второй глагол в основном своем значении на русский язык будет переведен как *надеяться*, т. е. возлагать надежду, которая в свою очередь объясняется как вера в осуществление чего-н. радостного, благоприятного.

2. При переводе глаголов *выверить, поверить, проверить, сверить* в чувашском сема 'правильность' получает прямое воплощение: *тӗрӗсле, тӗрӗслесе пӑх, пӑкса тӗрӗсле, танлаштар*. Последний глагол в своей актантной структуре в обоих языках предполагает двойной объект: сверить что-н. с чем-н. образцовым; сочетаемость чувашских глаголов аналогична (*пӗр-пӗринне танлаштар; кӗнекене пӑкса тӗрӗсле* – досл. проверить, глядя в книгу).

3. При переводе глаголов четвертой группы, предполагающих активное воздействие на объект (*заверить, уверить, удостоверить*) и, следовательно, ярко выраженное прагматическое начало, в чувашском исходные глаголы *ёнен, шан* присоединяют каузативный аффикс *-тар / -тер*, глаголы приобретают значение 'заставить, убедить кого-либо сделать то, что названо производящим словом': *ёнен (верить самому) – ёнентер (заставить / убедить поверить)*. Для передачи оттенков смысла русских глаголов в переводе могут добавляться дополнительные лексические средства (см. таблицу: *тӗрӗссине шантар* 'удостоверить', *шантарса кала* 'заверить').

На основе приведенных иллюстраций становится возможным вывод о доминировании в семантической структуре слов, образованных от глагола *верить*, компонентов 'верить в существование ,ога', 'уверенность в искренности', 'уверенность в истинности, правильности'. Перевод на чувашский язык, в частности, в словаре, представляет такую же картину: по сути, все разнообразие русских приставочных дериватов на чувашском передается комбинациями двух основных глаголов – *ёнен, шан*; к ним можно добавить *тӗрӗсле*, связанный с представлением о правильности.

Также показательны в этом отношении результаты опроса, проведенного в студенческой группе – участвовали 19 человек, это студенты неязыкового профиля подготовки, чувашки – носители традиционных диалектов. Этой группе было предложено без помощи словаря перевести русские глаголы на чувашский. Переводы практически совпадают с тем, что предлагает русско-чувашский словарь. Одинаково все 19 человек переводят глаголы *верить, поверить – ёнен; проверить, выверить – тӗрӗсле, тӗрӗслесе тух*; однозначно воспринимается и переводится глагол *веровать – пурра ёнен; доверять – шан; уверить, заверить – шантар*. В переводах других глаголов добавляются уточняющие описания:

разуверить – сын ёненёвне аркат (досл. разрушить веру человека); *вверить* – шанса ёс хуш (досл. доверяя поручить дело); *сверить* – танлаштарса тёрёсле (досл. сличая проверить). Эти наблюдения приводят к выводу о том, что билингвы достаточно дифференцированно соотносят значения русских приставочных глаголов рассматриваемой группы с их чувашскими смысловыми эквивалентами.

Особого внимания заслуживает имплицитный уровень семантики самого глагола *верить*. В традиционных толковых словарях глубинные смысловые уровни остаются, если можно так выразиться, на откуп пользователю словаря: подразумевается, что носитель языка осознает их без затруднений для понимания и употребления слова. В нашем случае одним из таких глубинных смысловых компонентов глагола *верить* является его интуитивно ощущаемая положительная коннотация. Это находит подтверждение в сочетаемости глагола: *верить в добро, в победу, в чудо, в удачу, в хорошее, в справедливость, в дружбу, в любовь*. Следовательно, нельзя **верить в зло, в несправедливость, в неудачу, в ненависть*. Отношение, называемое глаголом, само по себе устойчиво и не подвергается сомнению, поскольку опирается на представление об истинности, правильности, поэтому может проявляться с разной степенью интенсивности – *верить крепко, безоглядно, безоговорочно*. Отношение *верить* опирается также на активное волевое начало субъекта: сочетания и выражения типа *в это трудно / сложно / невозможно поверить, верится с трудом, не могу в это поверить, не верится* сообщают о чем-либо, что противоречит воле субъекта и вызывает неприятие с его стороны. Этот аспект смысла исходного глагола – активное волеизъявление субъекта – становится доминирующим в производных от *верить* глаголах (*разуверить, заверить, уверить*) – они приобретают ярко выраженный каузативный оттенок смысла. Отметим попутно, что все, связанное с отрицанием или нарушением веры, оценивается негативно, ср.: *вероломство, вероотступничество, безверие, неверие*.

Этим наблюдениям находим подтверждение в экспериментальном синтаксическом словаре [Русские глагольные предложения, 2016], где представлены семантические модели русских глагольных предложений. В частности, глагол *верить* отнесен в рубрику «Межличностные отношения» – «Предложения, отображающие ситуацию эмоционально-оценочного отношения». Типовая семантика предложений в этой группе – «Человек относится к другому человеку каким-л. образом, испытывая какие-л. чувства»; лексический вариант модели – «Человек относится к другому человеку *положительно* (выделено нами. – О. Д., С. М.), благожелательно, с симпатией, уважением, интересом и т. п.» – в ряду иллюстраций к этой модели и приводятся среди прочих глаголы *верить* и *доверять* [Русские глагольные предложения, 2016, с. 282].

Глагол *проверить* является основным предикатом в моделях «предложений, отображающих ситуацию проверки» [Русские 2016, с. 211], здесь же помещен глагол *выверить*. Глагол *сверить* соотнесен с моделью «предложений, отображающих ситуацию сравнения и сопоставления» [Русские, 2016, с. 198]. С предложениями, «отображающими ситуацию собственно влияния» соотнесены глаголы *заверить, уверять, разуверить*, причем их особенностью является то, что влияние оказывается с помощью языковых средств [Русские, 2016, с. 401-402]. Отметим, что в словаре не встречаются глаголы *вверить* и *удостоверить*, хотя, пользуясь предложенной системой моделей, определить их соотнесенность с той или иной типовой семантической моделью предложения возможно без особых затруднений: *вверить* может рассматриваться как синоним к глаголу *доверять*; *удостоверить* может быть включен в ту же группу предикатов, что и *заверить, уверять, разуверить*.

В толковом словаре чувашского языка [Чăваш, 2011] толкование глагола ёнен ‘верить’ опирается на семы *чĕн / чĕнлĕх* ‘истина, правда’, *шан* ‘надеяться, доверять’. Приводимые далее в алфавитном порядке глаголы, существительные, прилагательные и наречия, образованные от исходного глагола, как и в русском языке, имеют положительную коннотацию и предполагают активную позицию субъекта.

Как уже отмечалось, аффикс *-тар / -тер* имеет каузативное значение. В словарной статье к ёнен-тер ‘заставить верить’ приводятся три пояснения: 1) *Каласа ўкĕте кĕрт, хуна килĕшмелле ту; витеруĕллĕ пул, витĕмлĕ кала, шантар*. ‘Говоря, уговорить, сделать так, чтобы с тобой согласились; быть убедительным, убедительно говорить, обнадежить’ (это смысловое наполнение позволяет соотнести глагол в этом значении с русскими *уверить, заверить*). Примечателен тот факт, что в толковании на чувашском языке эксплицируется смысл ‘использовать языковые средства’; 2) *Тёрёслĕхе е чĕнлĕха мĕнне те пулин сирĕплетсе пар, кĕтартса пар*. ‘Правильность или истинность чем-либо закрепить, показать’ (доказать, убедить или удостоверить); 3) *Тĕн йĕлипе пурĕнтар*. ‘Заставить жить по обычаям веры, религии’ (в русском языке не находим однозначного соответствия).

Существительные *ёнентеру* и *ёнену* при общей близости семантики имеют ряд особенностей. Речения и цитаты, приводимые в качестве иллюстраций к первому слову, соотносят его смысл с русскими словами *верительный* (грамота), *доказательство*, *удостоверение* (документ). Иллюстрации ко второму слову (*суя ёнену* ‘ложная вера’, *сирĕп ёнену* ‘крепкая вера’, *ёненёве тивĕс пул* ‘быть достойным веры / доверия’,

ёненёве ан сухат ‘не терять веру’) демонстрируют положительную коннотацию, положительное ценностное отношение. Эти компоненты смысла усиливаются в существительном *ёнентеру́ллех – сулмак сáмах* – ‘крепкое слово’, т. е. слово / речь, которому можно доверять, быть уверенным в сказанном. И в этом случае наблюдаем положительную оценочность. Ряд прилагательных *ёнентеру́ллё, ёнену́ллё, ёненчэк* характеризуют носителя этих качеств (человека, ребенка, факт, мысль, пример, рассказ) как заслуживающего доверия либо как доверчивого. Показательна следующая иллюстрация: *Ача нек ёнену́ллё, ват сын нек ёнентеру́ллё.* (А. Ыхра). ‘Как ребенок доверчив, как старик убедителен (заслуживает доверия)’. Отрицательно, как и в русском, оценивается *ёнену́сёрлэх* ‘безверие, неверие’.

Обобщим наблюдения: 1) глагол *верить* и его дериваты в русском языке, *ёнен* и его производные в чувашском в своей семантической структуре в качестве необходимых компонентов предполагают субъект – как правило, это человек – и объект; 2) субъект действия / отношения, выражаемого глаголом, активен; 3) действие / отношение *верить / ёнен* имплицитно оценивается как положительное, и это переносится в семантику производных от этих исходных слов.

Библиография

Димитриева О. А., Михеева С. Л. Вера и верования чувашей в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 91–93.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1977. 879 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

Русские глагольные предложения: экспериментальный синтаксический словарь / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: Словари.ру, 2016. 510 с.

Русско-чувашский словарь / под ред. И. А. Андреева, Н. П. Петрова. М.: Совет. энцикл., 1971. 893 с.

Чáваш чéлхин а́нлантару́ллá сáмах кёнеки. Шупашкар: Чáваш кёнеке издательстви, 2011. Т. 1. 383 с.

М. Э. Дубровина

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫМ ФОРМАМ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Функциональный подход рассматривает язык как систему, в которой все взаимосвязано, наличие всех ее элементов обусловлено теми функциями, которые они выполняют. Различные тюркские языки имеют много общего в своем устройстве. Во всех тюркских языках обнаруживается большое количество таких глагольных форм, своеобразие которых не всегда может быть адекватно интерпретировано в силу отсутствия аналогичных форм в европейских языках. На сегодняшний момент, например, в турецком языке выделяется четыре категории глагольно-именных форм: 1) причастия, 2) масдары (имена действия), 3) гибридные формы, выполняющие как адъективную, так и субстантивную функцию, и 4) деепричастия. С той или иной долей приближения, сходные категории возможно обнаружить и в других тюркских языках. Настоящее исследование посвящено выявлению функциональной сущности названных тюркских грамматических средств.

Ключевые слова: тюркология, причастие, грамматика тюркских языков, деепричастие, глагольно-именные формы, тюркские языки.

М. Е. Dubrovina

ABOUT A FUNCTIONAL APPROACH TO VERB-NOUN FORMS IN THE TURKIC LANGUAGES

Abstract. The functional approach sees a language as a system in which everything is interconnected, the presence of all its elements is due to the functions they perform. Different Turkic languages have much in common in their structure. In all Turkic languages there are a large number of such verbal forms, the originality of which can not always be adequately interpreted due to the lack of similar forms in European languages. Currently, for example, in the Turkish language there are four categories of verb-nominal forms: 1) participles, 2) masdars (names of actions), 3) hybrid forms that perform both an adjectival and a substantive function, and 4) adverbial participles. With one or another approximation, similar categories can be found in other Turkic languages. The present study is devoted to revealing functional essence of listed Turkic grammatical forms.

Keywords: Turkology, participle, grammar of the Turkic languages, adverbial participle, verbal-nominal form, the Turkic languages.

Настоящая статья посвящена выявлению функциональной сущности таких тюркских грамматических средств, которые, как становится ясно из изложения, практически не имеют параллелей в европейских языках, что, естественно, затрудняет их описание и адекватное истолкование. Материалом же для представленного исследования был выбран турецкий язык, в силу того, что в этом языке все рассматриваемые категории и формы получили отдельное морфологическое оформление и последовательную семантическую специализацию. Однако выводы, которые будут получены в ходе исследования, можно и даже необходимо применять к материалу других тюркских языков.

Несмотря на достаточно длительную традицию, предлагающую различные пути описания и анализа рассматриваемых форм, общепринятая точка зрения в тюркском языкознании еще далека от выявления их функциональной природы. Все эти формы получают, в основном, классическое для формально-описательного подхода освещение. Традиционно считается, что у тюркского глагола помимо основных словоизменительных категорий (залог, время, наклонение) есть еще формы, иногда относимые к словообразованию, иногда к словоизменению – формы причастий и деепричастий.

В тюркологической среде можно услышать мнение, согласно которому при описании нового языка в нем обнаружив новую грамматическую форму, ей стремятся найти аналог (пусть даже очень приблизительный) в известных языках, после чего этой форме присваивается аналогичный термин. Далее в лучшем случае у этой формы могут быть найдены и описаны ее собственные отличительные черты. Так произошло и со многими тюркскими формами. Но что делать с теми формами, аналогов которым в известных и хорошо описанных языках нет? Судя по современной ситуации, такие формы попросту исключают из грамматических описаний. Так, в сравнительных грамматиках по тюркским языкам нет никакой информации об именах действия (масдарах), а формы с показателями *-dik*, *-gan* и им подобные имеют приблизительное описание и помещены в категорию причастий. Категория деепричастия по традиционным описаниям имеет очень ограниченный состав, в который включены только аффиксальные (синтетические) формы.

Зарубежная тюркология также в основном придерживается формально-описательного подхода к освещению тюркского материала. В ходе анализа грамматической информации, представленной в сети интернет, становится понятно, что турецкие грамматисты склонны к высшей степени упрощенному описанию имеющихся в языке морфологических средств. Они чаще всего объединяют в одни группы абсолютно разные по своей природе формы и, кроме того, все интересующие нас формы причисляют к сфере словообразования. Так, на одном из сайтов по грамматике встречаем следующее описание аффиксов: 1) аффиксы, участвующие в образовании имен существительных: *-gi* (*al-gi*, *çal-gi*, *sar-gi*, *say-gi*, *bil-gi*, *der-gi*); *-yış* (*al-ı*, *anla-y-ı*, *bak-ı*, *davran-ı*, *sat-ı*, *yağ-ı*, *yaratıl-ı*); *-man*, *-men* (*az-man*, *danı*, *okut-man*, *öğret-men*); *-gaç*, *-geç*; *-kaç*, *-keç* (*solun-gaç*, *utan-gaç*, *il-geç*, *süz-geç*); 2) имен прилагательных или причастий: *-acak*, *-ecek* (*olma-y-acak* (*dua*), *öden-ecek* (*borç*), *veril-ecek* (*söz*)); *-an*, *-en* (*ağla-y-an* (*göz*), *çalış-an* (*usta*), *düşün-en* (*adam*), *geç-en* (*yıl*), *ver-en* (*el*)); *-ar*, *-er* (*bak-ar* (*kör*), *dön-er* (*sermaye*), *koş-ar* (*adım*), *tut-ar* (*el*)); *-ası*, *-esi* (*adı bat-ası* (*düşman*), *canı çık-ası* (*sarhoş*), *eli kırıl-ası* (*hırsız*), *kör ol-ası* (*şeytan*), *sağ ol-ası*, *yan-ası*, *yıkıl-ası*, *öl-esi*); *-dik*, *-dik*, *-duk*, *-dük*; *-tik*, *-tik*, *-tuk*, *-tük* (*duyulma-dık* (*söz*), *tanı-dık* (*adam*), *görülme-dik* (*kalabalık*), *bildiğim*, *sevdiğim*, *okuduğumuz*, *gördüğünüz*, *yaptığı*, *seçtiğiniz*, *yonttuğun*, *döktüğünüz*); *-maz*, *-mez* (*çık-maz* (*sokak*), *görün-mez* (*kaza*), *tüken-mez* (*kalem*), *utan-maz* (*adam*)); *-muş*, *-miş*, *-muş*, *-müş* (*kırıl-muş* (*cam*), *veril-miş* (*ödev*), *oku-muş* (*adam*), *sön-müş* (*ocak*)); *-r* (*bil-i-r* (*kişi*), *gör-ü-r* (*göz*)).

Все аффиксы, которые в отечественной традиции принято связывать с деепричастиями, в подобных описаниях интерпретируются как словообразовательные средства для образования наречных глагольных форм *-yali*, *-yerek*, *-madan*, *-ken*.

Все такие мнения в основном ссылаются на позиции турецких ученых, которые в отношении интересующих нас форм проявляют известное единодушие. В грамматике турецкого языка они выделяют категорию, в которую входят все атрибутивные формы, которые они также именуют причастиями (*partisipler*, *sıfat-fiil*, *isim-fiil*). Это следующие формы: *-yan*, *-ar/-maz*, *-miş*, *-yacak*, *-dik*, *-yasi*, *-malı/meli*, *-dağı*, *-di* [Ergin, 1967, с. 316–319]. Такой подход вновь, по нашему мнению, демонстрирует объединение в одну группу форм, обладающих разными функциями и явно отображающих разные языковые процессы.

Таким образом, предварительный обзор общепринятых позиций по поводу глагольно-именных форм турецкого языка демонстрирует отсутствие единой и доказательно построенной концепции, которая сумела бы определить значение этих форм внутри морфологической подсистемы языка, а также обрисовать их функциональное поле.

Автор статьи продолжает свое исследование в русле уже высказанных идей учеными петербургской тюркологической школы. Так, С. Н. Иванов предложил разделить причастия турецкого языка по тем функциям, которые они выполняют в тексте [Иванов, 1977, с. 35]. Ученый пишет о том, что формы *-yan*, *-ar*, *-miş* в основном выполняют атрибутивную функцию, формы же *-dik* и *-yacak* помимо атрибутивной функции имеют еще и субстантивную, что отличает их от форм предшествующей группы.

1. (*Ben*) *kızımın ağladığını gördüm*. ‘Я увидел, что моя дочь плачет’, букв. Я увидел плакание моей дочери.

Таким образом, причастные формы можно было бы разделить на чисто *атрибутивные* и на смешанные – *атрибутивно-субстантивные*. В первую группу вошли бы формы: *-yan*, *-ar*, *-miş*, а во вторую – *-dik*, *-yacak*, а также уже архаичную форму *-yasi*.

Развивая идею С. Н. Иванова о необходимости применять анализ, основанный на выявлении функций рассматриваемых форм, среди глагольно-именных форм можно выделить группу форм, у которых обнаруживается лишь субстантивная функция – это формы с показателями *-mak*, *-ma(sı)*, *-yış*.

2. *Yemek pişirmek babamın hobisi*. ‘Готовить еду хобби моего папы’.

3. *İnsanların soruma cevap vermemesi beni üzer*. ‘То, что люди не отвечают на мой вопрос, меня расстраивает’.

4. *Bu durumda fena olmayışınız çok iyi*. ‘То, что Вы не оказались дурным в такой ситуации, очень хорошо’.

В. Г. Гузев предложил подойти к истолкованию глагольно-именных форм, не только опираясь на их синтаксические функции (выступать в высказывании в качестве атрибута или в качестве дополнения), а прежде всего, ставя задачу найти их морфологическое значение [Гузев, 1976].

Прежде всего необходимо отметить, что все именные формы глагола вслед за В. Г. Гузевым трактуются не как словообразовательные, а как словоизменительные [Гузев, 1976, с. 58]. Здесь важным является осознание того, что в ходе присоединения любого из рассматриваемых показателей, исходное лексическое значение глагола не меняется. Кроме того, их словоизменительный характер доказывается следующими фактами: 1) они сохраняют глагольное управление; 2) способны выступать в продуктивных залоговых формах; 3) способны образовывать отрицательную форму «глагольным», а не именным способом, т. е. с помощью отрицательного аффикса, а не с помощью частицы; 4) они могут выступать в формах возможности и невозможности, что также является «глагольной чертой» [Гузев, 1976, с. 58]. Таким образом, ни показатели масдаров (*-ma(sı)*, *-yış*), ни показатели субстантивно-адъективных форм (*-dik*, *-yacak*) не могут считаться словообразовательными, что зачастую и происходит, если судить по турецким источникам.

Однако рассматривать именные формы тюркского глагола, не отталкиваясь от некоего единого принципа, это все равно не до конца выявлять их морфологическую природу. Именно В. Г. Гузеву удалось увидеть общий корень, позволяющий объединить все представленные формы в одну категорию, а также показать их родственность и функциональную близость. По словам ученого, все они «служат целям окказионального представления, истолкования действия как предмета, признака или обстоятельства» [Гузев, 1976, с. 58]. Ученый, став основоположником концепции вторичного гипостазирования, обнаружил в морфологии любого тюркского языка многочленную глагольную категорию, которую назвал категорией номинализации действия [Гузев, 1990, с. 115]. В эту категорию входят следующие ее подкатегории: категория причастий, категория имен действия (масдаров), категория субстантивно-адъективных форм, категория деепричастий. Родственность значений этих форм состоит в том, что все они возникают в языке лишь для того, чтобы представлять исходное действие в образе одного из именных частеречных значений.

Как известно, именные знаменательные части речи базируются вокруг нескольких первостепенных значений: имена существительные – вокруг значения предмета, прилагательные – вокруг признака, наречия – обстоятельства. Таким образом, в тюркском глаголе стали возникать морфологические средства, которые призваны совершать те же операции, что и именные знаменательные части речи, но только временно, окказионально, т. е. на момент одного высказывания. Точно так же, как существительные, которые представляют мыслительный образ в виде предмета, имена действия и субстантивно-адъективные формы исходное действие представляют в виде «опредмеченного» процесса.

5. *Ben çay (сущ.) istiyorum*. ‘Я хочу чай’. *Ben ağlamak (масдар) istiyorum*. ‘Я хочу плакать’.

6. *Ben kız(сущ.)-ımz(POSS)-i(ACC)gördüm*. ‘Я видел вашу дочь’.

7. *Ben gel-diğ(САФ)-iniz(POSS)-i(ACC) gördüm*. ‘Я видел ваше прихождение’ (Я видел, что вы пришли).

8. *Çocuğ-un soru-su-n-dan hoşlanmıyorum*. ‘Мне не нравится вопрос ребенка’.

9. *Çocuğ-un yemek ye-yiş-i-n-den hoşlanmıyorum*. ‘Мне не нравится то, как ребенок ест’.

Так же, как прилагательные, представляющие мыслительный образ в виде признака, причастия и те же субстантивно-адъективные формы представляют исходное действие в виде признака другого явления.

10. *Ben sarışın (прил.) kızı gördüm*. ‘Я видел белокурую девочку’.

11. *Ben gülen (прич.) kızı gördüm*. ‘Я видел смеющуюся девочку’.

12. *Ben Ahmet'in sevdiği (САФ) kızı gördüm*. ‘Я видел девочку, которую любит Ахмет’.

Категория деепричастий также демонстрирует функциональную близость к перечисленным выше категориям глагольных имен. Классические формы деепричастий, а также причисляемые к ним функционально-родственные обстоятельственные формы и сложные образования типа *-diği zaman*, *-makla beraber*, *-diğından beri*, как и именной класс наречий, представляют исходное действие в виде разного рода обстоятельств.

Вскрытая В. Г. Гузевым функциональная сущность глагольно-именных форм во многом объяснила прежние интуитивные трактовки этих средств, предлагаемые различными лингвистами, недаром в причастиях видели черты и глагола, и прилагательного [Рассадин, 1978, с. 185; Хисамова, 2006, с. 226], а в деепричастиях – глагола и наречия. Исходя из концепции вторичного гипостазирования, становится понятным, что причастия сближает с прилагательными не то, что они становятся прилагательными, а то, что в основу их морфологического значения заложена аналогичная операция и аналогичное категориальное значение – значения признака.

В основу разбираемой концепции были положены разработки немецкого лингвиста Э. Лейзи, который выдвинул предположение о том, что части речи обеспечивают восприятие и представление элемента окружающей действительности в определенном виде, например, существительное в виде предмета, прилагательное в виде признака, глагол в виде процесса. Этот процесс он назван гипостазированием (посредством слова) (от *ипостась*, *образ*) [Leisi, 1961, с. 23–25; Гузев, 1999, с. 29]. Суть этой концепции в применении к тюркскому материалу заключается в том, что части речи производят такие операции по гипостазированию первично, а глагольно-именные формы – вторично, так как они уже воспринятое действие вновь гипостазируют в новом образе – в виде предмета, признака или обстоятельства.

Таким образом, в турецком языке можно выделить четыре четко оформленные категории глагольно-именных форм, производящих операции по вторичному гипостазированию.

Первая категория – имена действия, к которым относят три продуктивные формы *-mak*, *-ma(sı)*, *-уџ*. Эти формы при возникновении речевой потребности передают действие, не связанное с временными характеристиками, в «определенном» образе. Подобное мыслительное содержание, состоящее в указании на факт совершения кем-то какого-то действия, передается русским словосочетанием «то, что кто-то что-то делает». Однако? как уже было сказано выше, аффиксы имен действия не стоит отождествлять со словообразовательными, так как полученные словоформы не представляют собой новых имен существительных. Носитель турецкого языка в момент разговора может образовать такие словоформы с аффиксами *масдара*, которые едва ли пребывают где-то в готовом виде и тем более едва ли могут быть помещены в словарь.

Вторая категория это категория причастий, к которым относятся три формы с показателями *-уан*, *-ар*, *-миџ*. Отличительной особенностью причастий является то, что они способны представлять действие только в виде признака. Турецкие причастия имеют лишь одну функцию – атрибутивную. В этом отношении, они аналогичны русским причастиям. Как и русские причастия, турецкие имеют возможность окказионально субстантивироваться, однако такую операцию не стоит путать с субстантивным представлением действия, что не входит в сферу турецких причастий.

13. *Arayanlar bulur*. ‘Ищущие всегда найдут’.

Необходимо обратить внимание на имеющуюся разницу между явлением окказиональной субстантивации и субстантивным использованием глагольной формы. При окказиональной субстантивации причастная форма в определенном контексте начинает обозначать предмет, тем или иным образом связанный с представленным в виде признака действия. В данном случае эта форма не становится именем существительным, но ведет себя в контексте как имя существительное, окказионально (т. е. только на момент высказывания) выражая информацию о предмете, носителе признака. В русском языке исследователи выделяют субстантивированные причастия тогда, когда причастия выступают в функции имени существительного, например: *Говорящие вдруг умолкли*.

Когда же речь идет о субстантивном использовании именных форм глагола, то в этом случае формы сигнализируют о факте совершения действия, а не о предмете, наделенном признаком. Как было показано выше, в русском языке в аналогичных ситуациях обычно используется оборот *то, что кто-то сделал*, например: *я знаю о том, что ты натворил; я уверен в том, что ты не раскаешься*. В этом случае, форма представляет действие в некоем предметном образе, т. е. с помощью этих форм сообщает о факте совершения действия.

В турецком языке действие в таком субстантивном образе могут представлять две группы форм – это уже рассмотренные *масдары* (имена действия) и формы с показателем *-dik* и *-уасак*. Нет смысла последние формы отождествлять с причастиями. Их функциональные возможности намного шире и богаче причастных. Кроме того, тот факт, что большинство тюркологов подобные формы понимает как причастия, лишает их возможности правильно обрисовать и понять значения и задачи данных форм. В этих формах видят лишь их атрибутивные потенции, выдвигая на первый план атрибутивную функцию. Тем не менее, высокая частотность субстантивного употребления этих форм в речи может послужить весомым доказательством того, что функциональное поле и *-dik*, и *-уасак* не ограничено только лишь атрибутивной сферой. Особенность подобных тюркских форм состоит именно в их полифункциональности, в том, что это, по меньшей мере, двуфункциональные средства, в которых и атрибутивная, и субстантивная функции воспринимаются как равнозначные [Гузев, 1976; Дубровина, О термине, 2016; Дубровина, Еще раз, 2016].

Таким образом, третьей категорией в турецком языке является категория субстантивно-адъективных форм (сокращенно САФ). САФы турецкого языка – это такие морфологические средства, которые не имеет смысла смешивать с причастиями, в силу различных особенностей, а именно представлять исходное действие в зависимости от необходимости либо в «опредмеченном» виде, либо в виде признака.

Последней категорией в этом ряду выступает категория деепричастий, в которую оправдано поместить не только первичные и вторичные аффиксальные формы, но и различные в формальном отношении глагольные образования, объединяемые единой функцией и значением – представлять исходное действие в обстоятельственном образе. В силу многообразия обстоятельственных смыслов, ведь обстоятельство – это любое сопутствующее явление, наблюдается и многообразие морфологических и лексико-морфологических средств, обеспечивающих эту функцию. По данным турецких исследователей, их количество по турецкому языку с учетом диалектальных вариаций доходит до ста. [Дениз-Йылмаз, 2006, с. 97].

14. *İçeri gir-dikleri zaman odada kimse yoktu.* ‘Когда они вошли внутрь, в комнате никого не было’.

15. *Seniha halasını çok sev-mekle beraber onu pek bayağı bulurdu.* ‘Хотя Сениха и любила свою тетушку, но она находила ее слишком заурядной’.

Библиография

Гузев В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л.: Изд-во «Наука». 1976. С. 56–64.

Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол: на материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 166 с.

Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 219 с.

Дубровина М. Э. О термине «субстантивно-адъективная форма» (САФ) применительно к некоторым глагольно-именным формам тюркских языков // *Актуальные вопросы тюркологических исследований*. СПб., 2016. С. 49–55.

Дубровина М. Э. Еще раз о термине «субстантивно-адъективная форма» (САФ) применительно к турецкой форме с показателем *-dik* // *Вопросы тюркской филологии*. М.: ООО «Издательство МБА», 2016. С. 97–103.

Иванов С. Н. Курс турецкой грамматики. Ч. 2.: Грамматические категории глагола. Л.: Издательство ЛГУ, 1977. 88 с.

Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Издательство «Наука», 1978. 288 с.

Хисамова Ф. М. Татар теле морфологиясе. Казан: Мәғариф, 2006. 334 б.

Ergin M. *Türk dili bilgisi*. Sofya: Narodna prosveta, 1967. 388 s.

Leisi E. *Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen*. 2. erweiterte Auflage. Heidelberg, 1961. 131 s.

Е. В. Кашкин

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ГОРНОМАРИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ПОЗИЦИИ¹

Аннотация. В работе рассматривается грамматикализация глаголов позиции *šänzäs* ‘сидиться’, *šändäs* ‘сажать’, *šalgaš* ‘стоять’ и *šagalaš* ‘вставать’ в составе сложных глагольных комплексов в восточных говорах горномарийского языка. Данные получены методом анкетирования информантов и из расшифрованных устных текстов. Автором обсуждается семантика указанных глаголов и их сочетаемостные ограничения в таких конструкциях. Материал сопоставляется с релевантными типологическими работами.

Ключевые слова: уральские языки, горномарийский язык, семантика, грамматикализация, сложные глагольные комплексы, глаголы позиции.

E. V. Kashkin

GRAMMATICALIZATION OF HILL MARI POSTURE VERBS

Abstract. This paper deals with the grammaticalization of posture verbs *šänzäs* ‘to sit down’, *šändäs* ‘to seat’, *šalgaš* ‘to stand’, *šagalaš* ‘to stand up’ in compound verb complexes in eastern subdialects of the Hill Mari language. The data come from both questioning informants and from the corpus of transcribed oral narratives. The author discusses the semantics of the verbs in question as well as restrictions on their combinability in these patterns. The material is compared with relevant typological studies.

Keywords: the Uralic languages, the Hill Mari language, semantics, grammaticalization, compound verb complexes, posture verbs.

1. Введение

Статья посвящена употреблению горномарийских глаголов позиции (и помещения в некоторую позицию) *šänzäs* ‘сидиться’, *šändäs* ‘сажать’, *šalgaš* ‘стоять’ и *šagalaš* ‘вставать’ в сложных глагольных комплексах. Под последними понимаются конструкции, состоящие из конверба на *-n* (*-än*, *-än*, *-en*) смыслового глагола и из грамматикализованного финитного глагола:

- (1) *män' vârgem-äm košt-en šänd-en-äm*
я одежда-ACC сушить-CVB сажать-PRET-1SG
‘Я высушил белье’ (букв.: суша посадил).

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-06-00184.

Ранее эти конструкции обсуждались в [Серебренников, 1960, с. 190–199; Пенгитов, Галкин, Исанбаев и др., 1961, с. 202–216; Driussi, 1992–1993]. Эти работы содержат базовые сведения о семантике того или иного грамматикализованного предиката, но не содержат подробных сведений о сочетаемости со смысловыми глаголами. Именно этой проблеме и сопутствующим семантическим уточнениям посвящена данная работа.

Синтаксически рассматриваемые конструкции образуют слитные комплексы, ср. в частности запрет на перестановку и разрыв компонентов. Эта проблематика далее не рассматривается (некоторые сведения содержатся в [Дьячков, 2017]). Теоретический фон доступен в работе [Гращенко, 2015], выполненной на тюркском материале.

Материал собран в экспедициях отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ¹ в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и в окрестных деревнях (Апшак-Пеляк, Кожланангер, Кукшилиды, Никишкино, Паулкино, Тюманово) в 2016–2018 гг. Во-первых, мы использовали метод анкетирования информантов; во-вторых, учитывали данные из экспедиционного корпуса устных текстов, на сегодня насчитывающего около 34000 словоупотреблений. Текстовые примеры имеют в статье помету «Корпус», анкетные примеры не имеют специальной пометы. Наши горномарийские примеры приводятся в фонологической транскрипции. Примеры из литературы подаются в соответствии с источником.

2. Семантика глаголов

2.1 Глагол *šänzäš* ‘сидеться’²

Глагол *šänzäš* в форме I спряжения означает ‘сидеться’ (2), в форме II спряжения – ‘сидеть’ (3), а также по отношению к не вытянутым вертикально неодушевленным субъектам ‘стоять’ (4).

(2)	<i>ärvezäš</i>	<i>pöken-äš</i>	<i>šänz-än</i>		
	мальчик	стул-ILL	сидеться-PRET		
	‘Мальчик сел на стул’.				
(3)	<i>ädär</i>	<i>šänz-ä</i>	<i>pöken-äštä</i>		
	девочка	сидеть-NPST.3SG	стул-IN		
	‘Девочка сидит на стуле’.				
(4)	<i>stöl</i>	<i>väl-nä</i>	<i>šänz-ä</i>	<i>peledäš</i>	<i>koršok</i>
	стол	поверхность-IN2	сидеть-NPST.3SG	цветок	горшок
	‘На столе стоит цветочный горшок’.				

Сложные глагольные комплексы в обследованном идиоме образует только глагол I спряжения *šänzäš* ‘сидеться’. Эти конструкции описывают вхождение в новое состояние, часто, но необязательно, являющееся результатом достижения предела некоторым процессом. Сочетается глагол *šänzäš* тем самым с наименованиями ситуаций, которые могут включать компонент вхождения в новое состояние³, причем только с непереходными глаголами. Например, в конструкциях с *šänzäš* встречаются конвербы глаголов *pitärgäš* ‘закрывать где-л.’, *liäš* ‘становиться’, *küäš* ‘свариться’, *šäläš* ‘прятаться’, *pat’kaš* ‘капать’, *ärdängäš* ‘ржаветь’, *kuškaš* ‘расти’, *tämen’äš* ‘учиться’, *pogänaš* ‘собираться’, *šädeškäš* ‘сердиться’:

(5)	<i>vad-eš</i>	<i>mi-en</i>	<i>šo-n-na,</i>	<i>jangäl-en</i>	<i>šänz-än-nä</i>
	вечер-LAT	приходить-CVB	достигать-PRET-1PL	уставать-CVB	сидеться-PRET-1PL
	‘Дошли мы вечером [до мельницы], устали’ [Корпус].				
(6)	<i>"vara</i>	<i>tämen’</i>	<i>šänz-än-äm,</i>	–	<i>man-eš,</i> –
	потом	учиться.CVB	сидеться-PRET-1SG	говорить-NPST.3SG	тянуть-INF
				<i>šäpš-aš</i>	<i>maxorkâ-m"</i>
	‘Потом научилась, – говорит, – курить махорку’ [Корпус].				

¹ Более подробная информация о проекте доступна на <http://hillmari-exp.tilda.ws>.

² При анализе этого глагола, помимо собственных записей автора и корпусных примеров, учитываются материалы базы данных по акциональности, собранной участниками проекта под руководством В. В. Дьячкова.

³ С точки зрения акциональной классификации это могут быть сильные предельные глаголы, форма претерита которых описывает только вхождение в результирующее состояние; слабые предельные глаголы, у которых форма претерита может описывать как вхождение в состояние, так и протекание процесса; пунктивные глаголы, у которых форма претерита описывает вхождение в состояние, а форма не прошедшего времени, в отличие от двух предыдущих классов, не имеет эпизодического прочтения. Для ряда глаголов, встретившихся в корпусных примерах, акциональная характеристика требует дополнительной проверки, поэтому на данный момент нельзя исключать и сочетаний *šänzäš* (по-видимому, однако, менее частотных) с глаголами других акциональных классов. Подробнее об акциональных классах в языках мира см. [Татевосов, 2015; Татевосов, 2016].

Во многих случаях конструкции с *šānzāš* выделяют накопление ресурса (7) или эффекта, ср. пример 8 b с конструкцией из примера 8 a, где грамматикализованный глагол *koltaš* ‘посылать’ указывает на мгновенный переход в новое состояние, тогда как конструкция с *šānzāš* предполагает длительность проявления такого состояния. Заметим, что в [Пенгитов, Галкин, Исанбаев и др., 1961, с. 205] для аналогичных конструкций с луговомарийским *шинчаиш* ‘садиться’ формулируется только значение «однократной завершенности действия».

(7) ...*podnos-ām šānd-em āl'ā, štob šel-žā mākš vā-kā*
 поднос-ACC сажать-NPST.1SG RETR чтобы жир-POSS.3SG труха верх-ILL2
ānzā pat'kā. jesl'i mākš vā-kā pat'k-en
 NEG.JUSS капать если труха верх-ILL2 капать-CVB
šānz-eš, šel piž-ān ke-n kerd-eš
 садиться-NPST.3SG жир цепляться-CVB идти-CVB мочь-NPST.3SG
 ‘...поднос я поставил, чтобы жир не капал на труху [при копчении сала]. Если накапает на труху, то жир может загореться’ [Корпус].

(8) a. *papa cālan-āštā l'āvārā-m už-ān dā kogo-n*
 бабушка кухня-IN грязь-ACC видеть-PRET и большой-ADV
šādešk-en kolt-en
 сердиться-CVB посылать-PRET
 ‘Бабушка увидела грязь на кухне и (сразу) сильно рассердилась’.

b. *papa cālan-āštā l'āvārā-m už-ān dā kogo-n*
 бабушка кухня-IN грязь-ACC видеть-PRET и большой-ADV
šādešk-en šānz-ān
 сердиться-CVB садиться-PRET
 ‘Бабушка увидела грязь на кухне и сильно рассердилась (после чего долго ходила сердитая)’.

2.2. Глагол *šāndāš* ‘сажать’

Глагол *šāndāš* означает ‘сажать’ (9) или ‘ставить’ (10) по отношению к объектам, не вытянутым вертикально.

(9) *ārvezā kot'i-m ške anzā-kā-žā šānd-āš*
 мальчик кошка-ACC REFL перед-ILL2-POSS.3SG сажать-AOR
 ‘Мальчик посадил кошку перед собой’.

(10) *omšan'ik-āškā ul'a-vlā-m šānd-āt*
 омшаник-ILL улей-PL-ACC сажать-NPST.3PL
 ‘В омшаник ульи ставят’ [Корпус].

В сложных глагольных комплексах *šāndāš*, как и *šānzāš*, сочетается прототипически с глаголами, которые могут обозначать достижение предела. Чаще это переходные глаголы, описывающие создание нового объекта¹ (*āštāš* ‘делать’, *sirāš* ‘писать’, *jalštaš* ‘завязывать’, *jāmdālāš* ‘готовить’ и др.) или накопление ресурса (*optāš* ‘класть, наливать, насыпать’, *pogaš* ‘собирать’, *kačkaš* ‘есть’, *čičāš* ‘надевать’ и др.), см. примеры 11–12. В [Серебренников, 1960, с. 194] семантика данных конструкций связывается с «установлением очевидного результата» и «возникновением более или менее длительного состояния», что, по-видимому, не противоречит нашему описанию.

(11) *vara ves kečā-n tā kiškā-škā farš-ām opt-aš*
 потом другой день-GEN тот кишка-ILL фарш-ACC класть-INF
tāngāl-ān-ām. pātāri-š gānā piš kogo-n catkādā-n
 начинать-PRET-1SG сначала-ATTR раз очень большой-ADV крепкий-ADV
opt-en šānd-en-ām, jalšt-en šānd-en-ām
 класть-CVB сажать-PRET-1SG завязывать-CVB сажать-PRET-1SG
 ‘Потом на другой день начал в ту кишку класть фарш. В первый раз очень туго наложил, завязал’ [Корпус].

(12) *vas'a ādār-lān peledāš-vlā-m pog-en šānd-āš*
 Вася девочка-DAT цветов-PL-ACC собирать-CVB сажать-AOR
 ‘Вася собрал девочке цветов’.

¹ С глаголами деструкции (*pādārtaš* ‘ломать’, *roaš* ‘рубить’, *port'aš* ‘портить’, *puštaš* ‘убивать’) семантика достижения предела выражается в конструкции с грамматикализованным глаголом *šuaš* ‘бросить’, но, как правило, не с глаголом *šāndāš*, подробнее см.: Кашкин, 2018.

В некоторых контекстах с *šändäš* выражается идея пресыщения какого-либо участника ресурсом, ср. пример 13, где речь идет о высокой степени опьянения, или пример 14, в котором ряд информантов усматривают указанную семантику вне более широкого контекста. Дальнейшего изучения здесь требует соотношение семантики сложных глагольных комплексов с глаголом *šändäš* и с глаголом *sitäräš* ‘иметь в достатке, насыщаться’.

- (13) *jäljal-vlä-žä* *tä* *cerkă-m* *tä-štä* *stroj-âkt-âne-štä*
 Юльялы-PL-POSS.3SG тот церковь-ACC тот-IN строить-CAUS.DIST-DES-3PL
agâl *âl-ân-ât* *v'idnâ* *sedândonô* *jâd-âm,* *vad-eš* *stroj-aš*
 NEG быть-RET-3PL видно поэтому ночь-ACC вечер-LAT строить-INF
tol-šâ-vlä-län ***jü-kt-en*** ***šänd-en-ât,*** *dä*
 приходить-PTCP.ACT-PL-DAT пить-CAUS.DIST-CVB сажать-RET-3PL и
nänä *samân'* *âpšâk-peläk-eš* *vâr-âm* *âšt-en* *kod-en-ât*
 они ошибочно Апшак-Пеляк-LAT место-ACC делать-CVB оставлять-RET-3PL
 ‘Жители Юльял там эту церковь строить, видно, не захотели. Поэтому ночью, вечером строители напоили, и они по ошибке обозначили место для церкви в Апшак-Пеляке’ [Корпус].
- (14) *ädäräš* *lem-âm* ***kačk-ân*** ***šänd-en***
 девочка суп-ACC есть-CVB сажать-RET
 ‘Девочка съела суп’. / ‘Девочка наелась супа’.

Встречаются и употребления глагола *šändäš* с непереходными глаголами, которые описывают действие агенса или эффектора, приводящее к накоплению ресурса или к насыщению данным действием. Например, это сочетание с глаголами *nüštäläš* ‘купаться’, *törgäš* ‘прыгать’, *vaštälaš* ‘смеяться’, *jogaš* ‘течь’, *pat'kaš* ‘капать’:

- (15) *mä* *ti* *an'ekdot-âm* *kolâš-na* *dä* *sänzäväd* *läk-meškä*
 мы этот анекдот-ACC слушать-AOR.1PL и слеза выходить-CVB.LIM
vaštäl ***šänd-en-nü***
 смеяться-CVB сажать-RET-1PL
 ‘Мы этот анекдот послушали и до слез смеялись’.
- (16) *vedrä-škä* *šukâ* *väd* ***jog-en*** ***šänd-en***
 ведро-ILL много вода течь-CVB садиться-RET
 ‘В ведро натекло много воды’.

С пациентивными и экспериенциальными непереходными глаголами *šändäš*, по имеющимся данным, не сочетается – даже если, как в примерах 17 и 18, семантически совместим с соответствующими переходными ситуациями:

- (17) a. *vas'a* *peckă-m* *väd* *dono* ***tem-en*** ***šänd-en***
 Вася бочка-ACC вода с наполнять-CVB сажать-RET
 ‘Вася наполнил бочку водой’.
- b. *peckă* *väd* *dono* *tem-ân* *šänz-ân*
 бочка вода с наполняться-CVB садиться-RET
 / ****tem-ân*** ***šänd-en***
 наполняться-CVB сажать-RET
 ‘Бочка наполнилась водой’.
- (18) a. *kogo* *püergä* *ärvezä-m* ***lüd-âkt-en*** ***šänd-en***
 большой мужчина мальчик-ACC бояться-CAUS.DIST-CVB сажать-RET
 ‘Большой дядя испугал мальчика’.
- b. *ärvezäš* *kogo* *pi* *gäc-ân* *lüd-ân* *šänz-ân*
 мальчик большой собака EL-FULL бояться-CVB садиться-RET
 / ****lüd-ân*** ***šänd-en***
 бояться-CVB сажать-RET
 ‘Мальчик испугался большую собаку’.

2.3. Глагол *šalgaš* ‘стоять’

Глагол *šalgaš* имеет исходное значение ‘стоять’ и применяется к людям, крупным животным и вертикально вытянутым неодушевленным субъектам:

- (19) *mән'-ән* *pört* *saga* *šalg-a* *stolmâ*
 я-GEN дом около стоять-NPST.3SG столб
 'Около моего дома стоит столб'.

В сложных глагольных комплексах он сдвигается во фреквентативную семантику, т. е. выражает хабитуальные ситуации, происходящие часто. Ср. следующую пару примеров:

- (20) a. *vas'a* *äl-ä* *xala-štâ,* *šäre-n*
 Вася жить-NPST.3SG город-IN частый-ADV
tol-ân *šalg-a* *ävä-žä* *do-kâ*
 приходить-CVB стоять-NPST.3SG мать-POSS.3SG у-ILL2
 'Вася живет в городе, к матери часто приезжает'.
- b. *vas'a* *käzät* *äl-ä* *xala-štâ,* *ävä-žä* *do-kâ*
 Вася сейчас жить-NPST.3SG город-IN мать-POSS.3SG у-ILL2
šoe-n *tol-eš* / **tol-ân* *šalg-a*
 редкий-ADV приходить-NPST.3SG приходить-CVB стоять-NPST.3SG
 'Вася сейчас живет в городе, к матери редко приезжает'.

В корпусе такие контексты немногочисленны, но все же встречаются:

- (21) *päšä-štä* *ta-ma=at* *li-ält-än.*
 работа-IN INDEF-что=ADD становиться-MED-PRET
päšä *vaštalt=ok* *šalg-en*
 работа меняться.CVB=EMPH стоять-PRET
 'На работе всякое случалось. Работа постоянно менялась' [Корпус].
- (22) *lekärcä-ž=ät* *so* *šergäš,* *so* *näl-än* *šalg-ämâla*
 лекарство-POSS.3SG=ADD всегда дорогой всегда брать-CVB стоять-DEB
 'Лекарства постоянно дорогие, постоянно надо покупать' [Корпус].

Замеченное пока семантическое ограничение на фреквентативные конструкции с *šalgaš* состоит в том, что они возможны с предикатами стадияльного уровня, но не с предикатами индивидуального¹ уровня, представленными в примерах 23–24.

- (23) *vas'a* *mat'emät'ikâ-m* *jažo-n* *päl-ä*
 Вася математика-ACC хороший-ADV знать-NPST.3SG
 / **päl-en* *šalg-a*
 знать-CVB стоять-NPST.3SG
 'Вася хорошо знает математику'.
- (24) *vas'a* *maša-m* *jarat-a* / **jarat-en* *šalg-a*
 Вася Маша-ACC любить-NPST.3SG любить-CVB стоять-NPST.3SG
 'Вася любит Машу'.

В тех предложениях, где *šalgaš* может обозначать позицию субъекта, возможна конкуренция буквальной и фреквентативной интерпретаций:

- (25) *papa* *kečä* *mäčkâ* *rad'io-m* *kolâšt* *šalg-a*
 бабушка день вдоль радио-ACC слушать.CVB стоять-NPST.3SG
 1. 'Бабушка целыми днями стоит и слушает радио'.
 2. 'Бабушка целыми днями слушает радио (часто, необязательно стоя)'.

Устранять такую неоднозначность может добавляемая к конвербу фокусная энклитика *=ok*: в этом случае дефолтной становится именно фреквентативная интерпретация (26). Семантика *=ok* близка к русским лексемам *именно*, *действительно*, *прямо* (в переносных контекстах типа *Ты прямо герой!*), см. подробнее [Кашкин, Сидорова, Мордашова и др., 2017] и приводимые там ссылки.

- (26) *papa* *kečä* *mäčkâ* *rad'io-m* *kolâšt=ok* *šalg-a*
 бабушка день вдоль радио-ACC слушать.CVB=EMPH стоять-NPST.3SG
 'Бабушка целыми днями только и делает, что слушает радио'.

¹ Предикаты стадияльного уровня описывают изменяющиеся ситуации, не связанные с неотъемлемыми свойствами субъекта (например, 'строить дом', 'слушать радио', 'идти в гости'). Предикаты индивидуального уровня описывают сущностное свойство субъекта, изменение которого предполагает качественное изменение и самого субъекта (например, 'знать горномарийский язык', 'быть добрым', 'верить в Бога'), подробнее см.: Carlson, 1977; Татевосов, 2016, с. 52–59.

В ряде идиолектов конструкции с *šalgaš* отмечены в контекстах прогрессива (т. е. как средство указания на срединную стадию процесса), см. пример 27. В корпусе такие примеры не встретились. По сути все выделенные значения не противоречат толкованиям аналогичных луговомарийских конструкций с глаголом *шогаши* ‘стоять’, приписывающим им значение длительности действия (см., например, [Пенгитов, Галкин, Исанбаев и др., 1961, с. 215]), однако в нашем материале среди частных значений глагольной множественности у комплексов с *šalgaš* преобладает именно фреквентативное.

- (27) *toma liš-kä mi-mäk-em, leväš gäc*
 дом окрестность-ILL2 приходить-CVB.POST-POSS.1SG крыша EL
väd pat'k-en / ^{ok}pat'k-en šalg-en
 вода капать-PRET капать-CVB стоять-PRET
 ‘Когда я подошел к дому, с крыши лилась вода’.

2.4. Глагол *šagalaš* ‘вставать’

Глагол *šagalaš* имеет исходное значение ‘вставать’:

- (28) *mäčik kâ-škâ popaz-a, tššäk šagal-ät*
 мячик который-ILL попадать-NPST.3SG туда вставать-NPST.3PL
 ‘Куда попадет мячик, туда встают (игроки)’ [Корпус].

В сложных глагольных комплексах он обозначает завершение действия, сочетаясь с глаголами контролируемого перемещения (*tolaš* ‘приходить’, *miäš* ‘приходить’, *pêraš* ‘входить’, *keäš* ‘идти, уходить’, *läktäš* ‘выходить’, *valaš* ‘спускаться’), см. пример 29. Значение «законченности действия» выделяется у этих конструкций и в [Серебренников, 1960, с. 195; Пенгитов, Галкин, Исанбаев и др., 1961, с. 207], однако без семантических ограничений на смысловой глагол.

- (29) *mä val-en šagal-än-na, t'el'efon proväläk-šä*
 мы спускаться-CVB вставать-PRET-1PL телефон проволока-POSS.3SG
vele ki-en kod-än
 только лежать-CVB оставаться-PRET
 ‘Мы спустились, остался только телефонный провод (а таксофон кто-то унес)’ [Корпус].

Во многих случаях глагол *šagalaš* вносит семантику нарушенного ожидания. Так, пример 30 трактуется носителями языка как уместный в ситуации, когда директор школы заболел или должен был уехать в командировку, из-за чего на педсовете его не ждали.

- (30) *škol-än d'ir'ektâr-žê p'edsov'et-äš*
 школа-GEN директор-POSS.3SG педсовет-ILL
tol-än šagal'-ä
 приходить-CVB вставать-AOR.3SG
 ‘Директор школы неожиданно пришел на педсовет’.

С глаголами перемещения, которое не контролируется субъектом, глагол *šagalaš*, по имеющимся данным, не сочетается:

- (31) *leväš gäc väd pečkä-škä pat'k-en šänz-än*
 крыша EL вода бочка-ILL капать-CVB садиться-PRET
 / **pat'k-en šagal-än*
 капать-CVB вставать-PRET
 ‘С крыши вода накапала в бочку’.

В корпусе зафиксировано также использование *šagalaš* с конвербами глаголов, описывающих вхождение в новое состояние: *liäš* ‘становиться’ (32) и *šoäš* ‘достигать’ (в контексте достижения определенного возраста).

- (32) *vele jüksä ädär li-n šagal-eš*
 только лебедь девушка становиться-CVB вставать-NPST.3SG
 (Сын принес лебедя домой и одел его в одежду) ‘Только лебедь в девушку превратился’ [Корпус].

3. Некоторые итоги

Мы рассмотрели семантику четырех позиционных предикатов в горномарийских сложных глагольных комплексах. Глагол *šänzäš* ‘садиться’ указывает в сочетании с непереходными глаголами на вхождение в новое состояние, часто являющееся пределом некоторого процесса и предполагающее

накопление ресурса или эффекта. Глагол *šändäš* ‘сажать’ передает аналогичную семантику в сочетании прототипически с переходными глаголами накопления пациентивного участника либо создания нового объекта. У конструкций с лексемой *šalgaš* ‘стоять’ наиболее распространена фреквентативная семантика. Наконец, конструкции с глаголом *šagalaš* ‘стоять’ указывают на достижение предела ситуацией контролируемого перемещения и могут вносить семантику нарушенного ожидания.

Рассмотренные пути грамматикализации в первом приближении соответствуют типологическим ожиданиям. Согласно исследованию [Майсак, 2005, с. 420–425], проведенному на материале более 400 языков мира, глаголы ‘вставать’ и ‘садиться’ могут становиться перфективными маркерами (что близко и к полисемии горномарийских *šagalaš* и *šänzäš*), а для глагола ‘стоять’, как и для горномарийского *šalgaš*, характерен сдвиг в хабитуальную зону. Согласно [Гращенков, 2015, с. 59–94], в тюркских языках (некоторые из них, что хорошо известно, находятся в тесной ареальной связи с марийскими) глагол ‘стоять’ сдвигается в различные частные значения глагольной множественности, как и горномарийский *šalgaš*. Глагол ‘ставить’, с которым, по-видимому, может быть сопоставлен горномарийский глагол *šändäš*, сдвигается в различные результативные значения. Вместе с тем обсуждавшиеся в нашей работе семантические эффекты горномарийских конструкций, как представляется, могли бы быть интересны для построения более детальной типологии. Интересно, в частности, что все рассмотренные конструкции могут описывать некоторое отклонение от нормы, также нуждающееся в дальнейшем анализе: накопление маркированного ресурса или эффекта в случае *šänzäš* и *šändäš*, повышенную частотность для *šalgaš*, нарушение ожидания для *šagalaš*.

Сокращения

1, 3–1, 3 лицо; ACC – аккузатив; ADD – аддитивная частица; ADV – адвербиализатор; AOR – аорист; ATTR – атрибутивизатор; CAUS.DIST – дистантный каузатив; CVB – конверб; DAT – датив; DEB – дебитив; DES – дезидератив; EL – элатив; EMPH – эмфатическая частица; FULL – полная форма; GEN – генитив; ILL – иллатив; IN – инессив; INDEF – неопределенность; INF – инфинитив; JUSS – юссив; LAT – латив; LIM – лимитив; MED – медий; NEG – отрицание; NPST – непрочитанное время; PL – множественное число; POSS – посессивность; POST – следование; PRET – претерит; PTCP.ACT – активное причастие; REFL – рефлексив; RETR – ретроспективный сдвиг; SG – единственное число.

Библиография

- Гращенков П. В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: ЯСК, 2015. 264 с.
- Дьячков В. В. Сложные глагольные комплексы в горномарийском языке: рукоп. докл. на семинаре горномар. экспедиции МГУ. М., 2017.
- Кашкин Е. В. О семантике сложных глагольных комплексов в горномарийском языке: конструкции со значением достижения предела [Электрон. ресурс] // Горномарийская экспедиция МГУ. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://drive.google.com/file/d/1UIsV81P1HqBCvDVwlw6oFSX6JdHxPT2F/view> (дата обращения: 31.03.2018).
- Кашкин Е. В., Сидорова М. А., Мордашова Д. Д., Гарейшина А. Р., Учитель И. К. Все =ok: о семантике одной горномарийской энклитики [Электрон. ресурс] // Горномарийская экспедиция МГУ. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://drive.google.com/file/d/0BzQeo6Lr9w5oSkhGT1VHM3dmS28/view> (дата обращения: 31.03.2018).
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: ЯСК, 2005. 480 с.
- Пенгитов И. Т., Галкин И. С., Исанбаев Н. И. и др. Современный марийский язык: морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.
- Серебрянников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 300 с.
- Татовосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: ЯСК, 2015. 368 с.
- Татовосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. М.: ЯСК, 2016. 568 с.
- Carlson G. Reference to kinds in English: PhD dissertation. Amherst: University of Massachusetts, 1977. 163 p.
- Driussi P. Paired verbs – serial verbs in Cheremis // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 1992–1993. № 16–17. P. 59–105.

Э. Е. Лебедев

АФФИКСАЛЬНОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В статье рассматривается основная проблематика, касающаяся словообразования глаголов в чувашском языке при помощи аффиксов. Исследование проведено на базе лексико-грамматических классов основ, выступающих в качестве исходных в процессе глагольной деривации, среди которых выделено три группы: основы, относящиеся к именным частям речи, глаголы и имитативы. В работе представлены основные семантические группы исходных основ, изучены функционально-семантические характеристики деривационных аффиксов, выявлены ряды аффиксов в соответствии с их продуктивностью и непродуктивностью.

Ключевые слова: аффиксация, глагольное словообразование, продуктивные аффиксы, залог, исходные и производные основы, деривационный процесс, чувашский язык.

AFFIXATIONAL VERB-FORMATION IN THE CHUVASH LANGUAGE IN COMPARATIVE ASPECT

Abstract. This article deals with main problematics concerning verbs formation in the Chuvash language by using affixes. The study was carried out on the basis of lexical and grammatical classes of stems acting as underlying ones in the course of verbal derivation, among which three groups were singled out: stems relating to nominal parts of speech, verbs and imitatives. The paper presents main semantic groups of underlying stems, functional and semantic characteristics of derivational affixes are studied, a number of affixes are revealed in conformity with their productiveness and non-productiveness.

Keywords: affixation, verb formation, productive affixes, voice, underlying and derivative stems, derivational process, the Chuvash language.

Аффиксация является наиболее распространенным способом глагольной деривации как в чувашском, так и в тюркских языках в целом. Состав аффиксов, участвующих в образовании глаголов, отличается от состава аффиксов именного словообразования, что представляется вполне естественным, учитывая функционально-семантическое различие первых и вторых. Исследователи выделяют более двадцати аффиксов глагольного словообразования [Павлов, 2014, с. 167]. Среди них аффиксы, образующие глаголы от разных частей речи: имени существительного, имени прилагательного, глагола и звуко- и образоподражательных слов (объединяемых нами под общим термином «имитативы») и др. И если процесс образования глаголов от других частей речи не вызывает никаких сомнений в отношении его деривационного характера, то в случаях, когда в качестве исходной и производной основ выступают представители одной части речи, может возникнуть вопрос: действительно ли мы здесь имеем дело со словообразовательным процессом? Ведь при создании новой лексической единицы, относящейся к той же части речи, что и исходная основа, необходимо наличие семантики, дополняющей знаменательное лексическое значение соответствующей исходной основы, иначе сам процесс деривации не будет иметь смысла. В чувашском языке к подобной семантике относятся значения различных способов действия (акционсартовые значения), таких как учащательность, многократность, интенсивность и др., а также залоговые значения. Являются ли эти значения словообразовательными? Современное чувашское языкознание отвечает на этот вопрос утвердительно, и такие аффиксы как *-ăx / -ĕx*, *-kăn / -kĕn*, *-măi / -mĕi*, *-ala / -ele*, *-kala / -kеле*, *-ăn / -ĕn*, *-ăl / -ĕl*, *-ăç / -ĕç*, *-ăi / -ĕi*, *-t*, *-at / -et*, *-ar / -er*, *-tar / -ter* и др. признаны деривационными.

Между аффиксами глагольного словообразования имеется своя дистрибуция. Так, аффикс *-ла / -ле* способен образовывать глаголы от именных основ: *тунсăхла* ‘скупать’ от *тунсăх* ‘скука’, *пуçла* ‘начинать’ от *пуç* ‘голова’; и от имитативов: *йăнла* ‘звенеть’ от *йăн* ‘подражание звону’, *шарла* ‘шуметь (о воде)’ от *шар* ‘подражание звуку льющейся воды’. Аффикс *-лан / -лен* участвует в процессе деривации только с исходными основами, относящимися к именным частям речи: *тумлан* ‘одеваться’ от *тум* ‘одежда’, *нумайлан* ‘увеличиваться’ от *нумай* ‘много’, *иккĕлен* ‘сомневаться’ от *иккĕ* ‘два’ и др. Аффиксы с залоговыми значениями могут сочетаться как с глагольными, так и с именными исходными основами: *çутăл* ‘светать’ от *çутă* ‘светлый’, *тасат* ‘чистить’ от *таса* ‘чистый’; *уçăл* ‘открываться’ от *уç* ‘открывать’, *тăрат* ‘ставить’ от *тăр* ‘стоять’ и др. Аффикс *-там / -тет*, участвующий в образовании глаголов от имитативов, не способен создавать производные основы от других частей речи: *тăпăртат* ‘топотать’ от *тăпăр* ‘подражание топоту’, *вĕшĕлтет* ‘кишеть’ от *вĕшĕл* ‘подражание медленному движению’.

Традиционно словообразовательные аффиксы принято делить на две основные группы: продуктивные и непродуктивные. Такое разделение существует и в чувашском языке. К группе продуктивных аффиксов здесь относятся уже упомянутые выше аффиксы *-ла / -ле*, *-лан / -лен*, а также *-лат / -лет* (*илемлет* ‘украшать’ от *илем* ‘красота’, *суранлат* ‘ранить’ от *суран* ‘рана’ и др.) и *-лаш / -леш* (*пĕрлеш* ‘объединяться’ от *пĕрре* ‘один’, *майлаш* ‘налаживаться’ от *май* ‘порядок’). Непродуктивные аффиксы более многочисленны, но в общем объеме производных глаголов основы, образованные при помощи этих аффиксов, значительно уступают по количеству основам, созданным посредством аффиксов первой группы. Вот некоторые из непродуктивных аффиксов (в их число мы включили и аффиксы, участвующие в образовании производных основ от глаголов и имитативов, так как их продуктивность значительно уступает аффиксам, образующим глаголы от именных основ): *-а / -е* (*сăна* ‘наблюдать’ от *сăн* ‘внешний вид’), *-ар / -ер* (*хăтер* ‘загораживать’ от *хăтĕ* ‘защита’), *-ăх / -ĕх* (*вĕчĕх* ‘злиться’ от *вĕчĕ* ‘злоба’), *-ăрка / -ĕрке* (*хытăрка* ‘сохнуть’ от *хыт* ‘твердеть’), *-пăн / -пĕн* (*сирпĕн* ‘рассыпаться’ от *сир* ‘разбрасывать’), *-ка / -ке* (*чашка* ‘шипеть’ от *чаш* ‘подражание шипению’), *-кăн / -кĕн* (*вăйкăн* ‘бросаться’ от *вăй* ‘подражание быстрому движению’).

Исходная основа и аффикс, являясь компонентами производного глагола, соотносятся друг с другом посредством определенных взаимоотношений. Каждый словообразовательный аффикс характеризуется

особой валентностью, которая определяется прежде всего семантикой и в меньшей степени этимологией исходной основы. Неслучайно в языкознании по отношению к этим основам применяется термин «мотивирующая основа» [Есипова, 2011, с. 35–38]. Помимо факта принадлежности к какой-либо части речи эти основы должны обладать некими конкретными вещественными значениями, в соответствии с которыми они относятся к той или иной лексической группе. Материал языка подтверждает существование таких лексических групп у исходных основ, сочетающихся с разными словообразовательными аффиксами. Выявление указанных групп способствует установлению общих принципов сочетания аффиксов с исходными основами в процессе деривации. Поэтому, свое исследование аффиксов образования глаголов от других частей речи мы построили именно на базе лексических групп исходных основ.

Определенную роль, хотя и не самую главную, играет и происхождение исходной основы. Помимо собственно чувашских слов в глагольном словообразовании участвуют и слова иноязычного происхождения, к которым мы в первую очередь относим заимствования из арабского, персидского, русского и европейских языков. Процесс образования глаголов, произошедших от основ, заимствованных из латинского, греческого, английского, французского, немецкого и др. языков, и имеющих значения, относящиеся к области таких современных научных знаний как экономика, компьютерная техника, финансы и государственное управление, в наше время развивается очень активно – на базе подобных основ можно образовать огромное количество новых глаголов: *модернизациле* ‘модернизировать’, *презентациле* ‘презентовать’, *реставрациле* ‘реставрировать’ и т. п.

В настоящем исследовании в некоторых, наиболее наглядных случаях мы представили также языковой материал других тюркских языков, так как считаем, что подобное сравнение иллюстрирует схожесть многих явлений в области глагольной деривации языков тюркской группы.

Аффиксы, участвующие в процессе словообразования глаголов от именных основ.

1) Аффикс *-ла / -ле*. Пожалуй, наиболее продуктивный аффикс на современном этапе развития чувашского языка. Процесс образования новых слов с участием этого аффикса продолжается и в наше время. В первую очередь это касается случаев, когда в роли исходной основы выступают слова иноязычного происхождения: заимствования из русского языка или из европейских (прежде всего, английского) языков, посредством русского языка.

В других тюркских языках этот аффикс также имеется и обладает такой же большой производительностью. Факт наличия аффикса *-ла / -ле* практически во всех современных тюркских языках позволяет утверждать о его древнем происхождении. Вот несколько примеров производных основ, образованных при помощи этого аффикса в разных тюркских языках: тур. *parçalamak* ‘разбивать’, туркм. *шешмалламак* ‘проветриваться’, тат. *калыплау* ‘принимать форму’, узб. *печатламоқ* ‘печатать’ и др.

Исходные основы, имеющие способность сочетаться с данным аффиксом и образовывать глаголы, относятся к таким частям речи как имя существительное, имя прилагательное и наречия. Наиболее продуктивны в роли исходных основ имена существительные, которые делятся на следующие лексические группы: а) со значением орудия действия: *тылла* ‘мять’ от *тыл* ‘мялка’, *йёпле* ‘колоть’ от *йёп* ‘иголка’; б) со значением процесса или состояния: *ёсле* ‘работать’ от *ёс* ‘работа’, *пурнайсла* ‘претворять в жизнь’ от *пурнайс* ‘жизнь’; в) со значением материала: *кантайкла* ‘остеклять’ от *кантайк* ‘стекло’, *майкла* ‘конопатить’ от *мак* ‘мох’; г) со значением объекта действия: *ййранла* ‘делать грядки’ от *ййран* ‘грядка’, *картала* ‘загораживать’ от *карта* ‘изгородь’; д) со значением деятеля: *вйрла* ‘воровать’ от *вйр* ‘вор’, *хуралла* ‘сторожить’ от *хурал* ‘охрана’. Примеры на исходные основы, относящиеся к другим именным частям речи: *йёкёрле* ‘сдваивать’ от *йёкёр* ‘парный’, *сивле* ‘осуждать’ от *сивё* ‘холодный’, *иккёле* ‘сдваивать’ от *иккё* ‘два’.

2) Аффикс *-лан / -лен*. Этот аффикс также является очень продуктивным, а его присутствие во многих других тюркских языках свидетельствует об общих процессах, происходящих в системе глагольной деривации этих языков: азерб. *bulutlanmaq* ‘покрываться облаками’, тур. *buzlanmak* ‘покрываться льдом’, узб. *бахтизланмоқ* ‘становиться несчастным’, каз. *сараңдан* ‘становиться скупым’ от *сараң* ‘скупой’ и др.

Данный аффикс вне всяких сомнений происходит от аффикса *-ла / -ле*, посредством присоединения к нему компонента *-н* [Севорян, 1962, с. 93]. Однако по причине того, что в современных тюркских языках совпадение производных глаголов, образованных от аффиксов *-ла / -ле* и *-лан / -лен* встречается очень редко, мы имеем полное право рассматривать эти аффиксы в качестве самостоятельных. Наличие в рассматриваемом в данном параграфе аффиксе компонента *-н* влияет на то, что все производные глаголы, образованные от него, имеют семантику непереходности.

Приведем основные лексические группы исходных глаголов, участвующих в деривационном процессе с данным аффиксом: а) со значением неодушевленных предметов: *хйвйлан* ‘становиться дуплестым’ от *хйвйл* ‘дупло’, *чуллан* ‘превращаться в камень’ от *чул* ‘камень’; б) со значением абстрактных

понятий: *асаплан* ‘мучиться’ от *асап* ‘мучение’, *сывлӑхлан* ‘здороветь’ от *сывлӑх* ‘здоровье’; в) со значением материала: *пӑрлан* ‘леденеть’ от *пӑр* ‘лед’, *шывлан* ‘становиться водянистым’ от *шыв* ‘вода’ и др.; г) со значением орудия действия: *сунатлан* ‘распускать крылья’ от *сунат* ‘крыло’, *хӗс-пӑшаллан* ‘вооружаться’ от *хӗс-пӑшал* ‘оружие’; д) со значением одушевленных лиц: *йӗкӗтлен* ‘мужать’ от *йӗкӗт* ‘молодой человек’, *ухмахлан* ‘сходить с ума’ от *ухмах* ‘дурак’; е) со значением национальности: *вырӑслан* ‘обрусеть’ от *вырӑс* ‘русский’, *тутарлан* ‘отатариться’ от *тутар* ‘татарин’.

3) Аффиксы *-лат / -лет* и *-лаш / -леш*. Менее продуктивные аффиксы по сравнению с аффиксами, рассмотренными выше. Аффикс *-лат / -лет* имеет в своем составе компонент *-т*, который вносит семантику активности и переходности действия. Кроме этого, производные глаголы, образованные при помощи этого аффикса, обладают семантикой понудительности. Исходные основы, сочетаемые с ним, относятся к следующим группам слов: а) со значением абстрактных понятий: *ирӗклет* ‘освобождать’ от *ирӗк* ‘свобода’, *хавхалат* ‘вдохновлять’ от *хавха* ‘радость’; б) со значением национальности: *сармӑслат* ‘делать марийцем’ от *сармӑс* ‘мариец’, *чӑвашлат* ‘очувашивать’ от *чӑваш* ‘чуваши’; в) со значением предметов и одушевленных лиц: *сухалат* ‘пришить воротник’ от *суха* ‘воротник’, *паттӑрлат* ‘делать храбрым’ от *паттӑр* ‘храбрец’.

Аффикс *-лаш / -леш* образует глаголы от исходных основ, относящихся к именам существительным, прилагательным, наречиям и числительным: *танлаш* ‘сравниваться’ от *тан* ‘равный’, *пӗрлеш* ‘объединяться’ от *пӗрре* ‘один’, *хуплаш* ‘покрываться’ от *хупӑ* ‘крышка’. Во многих случаях в производных глаголах присутствует семантика взаимности или совместности.

4) Непродуктивные аффиксы. В эту группу входят аффиксы, которые способны образовывать глаголы от сравнительно малого количества исходных основ. К ним относятся аффикс *-а / -е*: *хӗне* ‘избивать’ от *хӗн* ‘мучение’, *вӗче* ‘злиться’ от *вӗчӗ* ‘злоба’; аффикс *-ар / -ер*: *пусар* ‘зачинать’ от *пуç* ‘голова’, *сывхар* ‘приближаться’ от *сывӑх* ‘близко’; аффикс *-ӑх / -ӗх*: *пӑчӑх* ‘задыхаться’ от *пӑчӑ* ‘душный’, *сарӑх* ‘желтеть’ от *сарӑ* ‘желтый’; аффикс *-ӑрка / -ӗрке*: *асӑрха* ‘замечать’ от *ас* ‘память’; аффикс *-та / -те*: *чӑмӑрта* ‘сжимать’ от *чӑмӑр* ‘шар’, *лапӑрта* ‘грязнить’ от *лапӑр* ‘месиво’; аффикс *-шӑн / -шӗн*: *хутшӑн* ‘присоединяться’ от *хут* ‘слой’, *ютшӑн* ‘чуждаться’ от *ют* ‘чужой’; аффикс *-ча / -че*: *тӗпче* ‘выпытывать’ от *тӗп* ‘дно’, *пирче* ‘отвердевать’ от *пир* ‘холст’.

Часть непродуктивных аффиксов глагольного словообразования в чувашском языке соотносится с аналогичными аффиксами других тюркских языков. Например, аффикс *-а / -е*: тур. *harcatmak* ‘тратить’ от *harç* ‘трата’, хак. *тӱзе* ‘присниться’ от *тӱс* ‘сон’, узб. *галдирамоқ* ‘запутаться’ от *галдир* ‘простофиля’, кирг. *чыңа* ‘укреплять’ от *чың* ‘крепкий’, тат. *өстә* ‘прибавлять’ от *өст* ‘верх’, якут. *бултаа* ‘добывать’ от *булт* ‘добыча’ и др.; аффикс *-ар / -ер*: азерб. *агармаг* ‘белеть’ от *аг* ‘белый’, туркм. *агрармак* ‘тяжелеть’ от *агыр* ‘тяжелый’, тур. *sararmak* ‘желтеть’ от *sarı* ‘желтый’, каз. *ескір* ‘стареть’ от *ескі* ‘старый’, якут. *тыалыр* ‘дуть’ от *тыал* ‘ветер’; аффикс *-ӑх / -ӗх* в других тюркских языках встречается в формах *-ыг / -ых / -уг / -ух / -ик / -ук*: кирг. *ымык* ‘слегка увлажняться’ от *ым* ‘влажное место’, хак. *орных* ‘привыкать к одному месту’ от *орын* ‘место’, узб. *зориқмоқ* ‘остро нуждаться’ от *зор* ‘нужда’.

Аффикс *-ӑл / -ӗл* также является общетюркским. По причине того, что этот аффикс совпадает по форме с аффиксом страдательного залога, присоединяющимся к глагольным основам, производные глаголы, образуемые им, характеризуются непереходностью: азерб. *кичилмәк* ‘уменьшаться’ от *кичи* ‘маленький’, тур. *sivrilmek* ‘делаться острым’ от *sivri* ‘острый’. В кыпчакских языках аналогом этого аффикса является аффикс *-аӱл/-ей*: каз. *зорай* ‘увеличиваться’ от *зор* ‘большой’, тат. *арзанай* ‘дешеветь’ от *арзан* ‘дешевый’.

Аффиксы, участвующие в процессе словообразования глаголов от глаголов. К этой группе относятся аффиксы, дополняющие вещественное значение исходной основы определенной семантикой. Здесь можно выделить две подгруппы аффиксов, в соответствии с той семантикой, которую они вносят в значение исходной основы, – это аффиксы с акционсартовыми значениями и со значениями залогов.

1) Аффиксы с акционсартовыми значениями. Наиболее часто передаваемые значения аффиксов этой группы – это значения учащательности, многократности и интенсивности. Их передают следующие аффиксы: а) аффикс *-ӑх / -ӗх*: *иртӗх* ‘шалить’ от *ирт* ‘ослушиваться’, *йӱçӗх* ‘скисать’ от *йӱç* ‘киснуть’; б) аффикс *-шӑн / -шӗн*: *çӗршӗн* ‘гнить’ от *çӗр* ‘гнить’, *кӱпшӗн* ‘слегка разбухать’ от *кӱп* ‘разбухать’; в) аффикс *-кӑн / -кӗн*: *вӑркӑн* ‘стремительно нестись’ от *вӑр* ‘отшвыривать’, *çиçкӗн* ‘мчаться’ от *çиç* ‘сверкать’; г) аффикс *-ӑрка / -ӗрке*: *хытӑрка* ‘сохнуть’ от *хыт* ‘твердеть’, *кӱтӗрке* ‘коченеть’ от *кӱт* ‘мерзнуть’; д) аффикс *-ала / -еле*: *чавала* ‘рыть’ от *чав* ‘копать’, *хӑвала* ‘гнать’ от *ху* ‘гнать’; е) аффикс *-кала / -келе*: *ӗçкеле* ‘попивать’ от *ӗç* ‘пить’, *вулакала* ‘почитывать’ от *вула* ‘читать’.

Часть из этих аффиксов встречается и в других тюркских языках – например, такие как *-ыг / -ых / -уг / -ух / -ик / -дк* (хак. *тартых* ‘тянуться’ от *тарт* ‘тянуть’), *-ган / -гын* (азерб. *гысгынмаг* ‘стесняться’ от *гысмаг* ‘жать’).

Наибольшее распространение по языкам тюркской группы наблюдается у аффиксов *-ала / -эла* и *-кала / -кэла*: туркм. *чекелемек* ‘тянуть в разные стороны’ от *чек* ‘тянуть’, кирг. *бакала* ‘наблюдать’ от *бак* ‘смотреть’, каз. *созгыла* ‘растягивать’ от *соз* ‘вытягивать’, тат. *алгала* ‘много раз брать’ от *ал* ‘брать’, азерб. *сүпүркәләмәк* ‘подметать’ от *сүпүрмәк* ‘мести’. Как и в чувашском языке, эти аффиксы передают значение интенсивности и многократности.

2) Аффиксы со значением залога. Большинство исследователей чувашского языка признают залог словообразовательной категорией. Несколько иначе подходит к этому вопросу В. И. Сергеев, который случаи вторичного присоединения аффиксов понудительного залога (*лар-т-тар* ‘заставить посадить’) трактует как словоизменение [Сергеев, 2002, с. 235–236].

а) Аффиксы возвратно-страдательного залога *-ән / -ён* и *-әл / -ёл*. Основными значениями данных форм являются значения возвратности и страдательности: *çăвән* ‘мыться’ от *су* ‘мыть’, *пăрән* ‘поворачиваться’ от *пăр* ‘поворачивать’, *тытән* ‘быть пойманным’ от *тыт* ‘хватать’, *ишĕл* ‘рушиться’ от *иш* ‘рушить’, *катӑл* ‘колоться’ от *кат* ‘колотить’.

Указанные аффиксы могут также передавать, так называемое, *медиальное* значение в тех случаях, когда отсутствует указание на какого-либо конкретного производителя действия, и действие не выполняется его субъектом в отношении самого себя: *имĕрĕл* ‘размяться’ от *имĕр* ‘мять’, *карӑн* ‘вытягиваться’ от *кар* ‘натягивать’, *тӑсӑл* ‘тянуться’ от *тӑс* ‘тянуть’. По мнению исследователей, медиальное значение представляет собой переходное звено между страдательным и возвратным значениями [Севортян, 1962, с. 485].

Формы возвратно-страдательного залога в других тюркских языках передаются при помощи аналогичных показателей, что говорит об общности их происхождения: азерб. *сөйләнмәк* ‘быть сказанным’, тур. *okunmak* ‘быть прочитанным’, тат. *язылу* ‘быть написанным’, якут. *төлөн* ‘быть уплаченным’.

б) Аффиксы взаимно-совместного залога *-аç / -ёç*, *-аш / -ёш*, *-аш / -еш* могут передавать два семантически близких значения, объединяемые указанием на то, что действие совершается более чем одним субъектом – это значения взаимности и совместности: *вӑрçаш* ‘ссориться’ от *вӑрç* ‘ругаться’, *паллаш* ‘знакомиться’ от *палла* ‘знать’, *кӑшкӑраш* ‘кричать вместе’ от *кӑшкӑр* ‘кричать’, *çапӑç* ‘драться’ от *çап* ‘бить’.

В тех случаях, когда семантика взаимности либо совместности в производных глаголах, образованных при помощи указанных показателей, отсутствует, по нашему мнению, можно говорить о наличии медиального значения, по аналогии с возвратно-совместным залогом: *уӑкелеш* ‘жаловаться’ от *уӑкеле* ‘упрекать’, *манӑç* ‘подвергаться забвению’ от *ман* ‘забывать’.

Вообще, передача этими формами значений, не связанных с двумя основными значениями данного залога, весьма распространенное явление в тюркских языках. В частности, Э. В. Севортян указывает на следующие значения, которые могут передавать формы взаимно-совместного залога: множественность, многократность, учащность, содействие и др. [Севортян, 1962, с. 531–533].

в) Значение понудительного залога в чувашском языке передается следующими аффиксами: *-т*, *-ат / -ет*, *-ар / -ер*, *-тар / -тер* (*-ттар / -ттер*): *вĕрент* ‘учить’ от *вĕрен* ‘учиться’, *куçар* ‘переводить’ от *куç* ‘переходить’, *лектер* ‘попадать в цель’ от *лек* ‘попадаться’.

В некоторых случаях аффикс понудительного залога не вносит в значение исходной основы дополнительной семантики понудительности, например, глаголы *çĕнтер* и *хĕстер*, образованы от переходных глаголов *çĕн* и *хĕс*, имеющих те же значения ‘побеждать’ и ‘сжимать’. Кроме этого, указанные аффиксы могут дополнять исходные основы семантикой интенсивности, при этом понудительное значение производными основами уже не передается: *вĕçтер* ‘быстро двигаться’ от *вĕç* ‘летать’, *уттар* ‘отправляться’ от *ут* ‘шагать’.

Все основные характеристики понудительного залога в чувашском языке подтверждаются фактами из других тюркских языков, где эти формы также являются весьма продуктивными. Понудительный залог в тюркских языках передается целым рядом аффиксов: *-т*, *-дыр / -дир / -дур / -дур*, *-ыр / -ур / -ур / -ур*, *-кыз / -кез*, *-гыз / -гез*, *-ыз / -ез* и др.: азерб. *кечирмәк* ‘переводить’, тат. *яздыру* ‘заставлять написать’, тур. *korkutmak* ‘пугать’, якут. *эмтэт* ‘заставлять лечить’.

Аффиксы, участвующие в процессе словообразования глаголов от имитативов. Образование производных глаголов от имитативов происходит при участии аффиксов *-тат / -тет*, *-лат / -лет*, *-ла / -ле*, *-ка / -ке*, *-а / -е*, *-кӑр / -кӕр*, *-кӑш / -кӕш* и др.: *вашӑлтат* ‘шуметь’ от *вашӑл* ‘подражание шуму’, *иклет* ‘икать’ от *ик* ‘подражание иканию’, *кӑрла* ‘шуметь’ от *кӑр* ‘подражание шуму’, *чашка* ‘шипеть’ от *чаш* ‘подражание шипению’, *йӑлтӑра* ‘блестеть’ от *йӑлтӑр* ‘подражание блеску’, *вашкӑр* ‘дуть (о ветре)’ от *ваш* ‘подражание порыву ветра’, *вӕлкӕш* ‘развеваться’ от *вӕл* ‘подражание колыханию’ [Орлова, 1973, с. 167–203]

Среди исходных основ, относящихся к имитативам, можно выделить особую семантическую группу слов, передающих подражание звукам, издаваемым различными животными. Производные глаголы в этом случае образуются в основном посредством присоединения аффиксов *-лат / -лет* и *-ла / -ле*: *чѣвиклет* ‘щебетать’ от *чѣвик* ‘подражание щебетанию’, *лартлат* ‘крякать’ от *ларт* ‘подражание кряканью’, *сѣрле* ‘жужжать’ от *сѣр* ‘подражание жужжанию’.

По нашему мнению, здесь можно говорить о существовании в чувашском языке еще одного аффикса глагольного словообразования от имитативов – *-ат / -ет*, о котором также писал Н. И. Ашмарин [Ашмарин, 1928, с. 142]. Современные авторы обычно его не выделяют, так как он структурно частично совпадает с аффиксом *-тат / -тет*. Однако если мы будем опираться на исходные основы в той форме, в которой они представлены в словаре, то этот аффикс вполне может быть выделен: *вѣчѣлт* ‘издавать легкий шум при брожении’ от *вѣчѣлт* ‘подражание звуку при брожении’, *капйштит* ‘хлябать’ от *капйшт* ‘подражание хлябанью’.

В других тюркских языках образование производных глаголов от звуко- и образоподражательных слов происходит по аналогичной схеме при помощи таких аффиксов, как *-ла / -ле*: башк. *гөрлә* ‘ворковать’ от *гөр* ‘подражание воркованию’, *ула* ‘выть’ от *у* ‘подражание вою’ [Юлдашев, 1958, с. 50]; *-да / -де*: тур. *şakırdamak* ‘трещать’ от *şakır* ‘подражание шуму’; *-а / -е*: кирг. *кыңгыра* «бренчать» от *кыңгыр* «подражание звону».

В результате проведенного исследования системы аффиксального словообразования глагола в чувашском языке мы можем сделать некоторые выводы в отношении основных структурных связей в этой системе. Прежде всего отметим различную функционально-семантическую нагрузку аффиксов, образующих глаголы от именных частей речи и от других глаголов. Так как в первом случае меняется «классифицирующее» [Гузев, 2015, с. 17] значение слова, то есть значение, определяющее вхождение слова в тот или иной лексико-грамматический класс, деривационные аффиксы служат для передачи вещественных значений, которые связаны с изменением в состоянии предмета, лица или качества, выраженных исходной основой (например, результат действия, возникновение качества, придание свойства предмету или лицу). Во втором же случае классифицирующее значение не меняется, поэтому аффиксы здесь вносят дополнительные значения, характеризующее действие, такие как способы действия (акционсарт) или отношения между субъектом и объектом действия (залог).

Исследование помогло выявить и такие основные особенности функционирования аффиксов словообразования, как их продуктивность и непродуктивность, способность сочетаться с различными частями речи, способность присоединяться к непроизводным и производным основам.

Сокращения

Азерб. – азербайджанский язык, башк. – башкирский язык, каз. – казахский язык, кирг. – киргизский язык, тат. – татарский язык, тур. – турецкий язык, туркм. – туркменский язык, узб. – узбекский язык, хак. – хакасский язык, якут. – якутский язык.

Библиография

- Ашмарин Н. И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань, 1928. 160 с.
Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 319 с.
Есипова А. В. Тюркское словообразование как языковая система. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2011. 200 с.
Орлова А. П. Словообразовательные типы чувашских подражательных глаголов и их основные значения // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 2. Чебоксары, 1973. С. 167–203.
Павлов И. П. Современный чувашский язык. Т. 1. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 263 с.
Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962. 643 с.
Сергеев В. И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2002. 299 с.
Юлдашев А. А. Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 195 с.

М. З. Левина

СТРУКТУРА МЕСТОИМЕННЫХ НАРЕЧИЙ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ

Аннотация. В статье рассматриваются модели образования местоименных наречий в мокшанском языке и его диалектах, в которых обнаруживаются основы указательных и вопросительных местоимений и общие древние падежные и непадежные форманты, утратившие живые словообразовательные связи и интерпретируются как аффиксы наречий; выявляются системные исторические закономерности, приведшие к фонетическим и семантическим изменениям в структуре слова.

Ключевые слова: первичные местоимения, местоименные наречия, словообразовательная модель, форманты, аффиксы.

STRUCTURE OF PRONOMINAL ADVERBS IN THE MOKSHA LANGUAGE AND ITS DIALECTS

Abstract. The article deals with the models of pronominal adverbs formation in the Moksha language and its dialects, where stems of demonstrative and interrogative pronouns and common ancient case and non-case formants are found, which lost their living word-formation connections and are interpreted as affixes of adverbs; systemic historical patterns that resulted in phonetic and semantic changes in the structure of a word are revealed.

Keywords: primary pronouns, pronominal adverbs, word-formation model, formants, affixes.

В мокшанском языке есть целый пласт наречий местоименного происхождения, которые исторически являются наиболее древними и в некоторых случаях утратили связь с местоименными словами.

В финно-угорских языках участие местоимения в образовании наречий являлось наиболее продуктивным способом. Местоименные наречия, как показывает их название, представляют собой промежуточную категорию. Они, как и местоимения, не называют признаков действия или обстоятельства, характеризующие действие, состояние или признак предмета, а только указывают на них. Эти слова с обстоятельственным значением по сложившейся традиции рассматриваются в составе наречий, что вполне правильно с точки зрения грамматики, но является отступлением от семантического принципа, лежащего в основе классификации ряда других местоименных слов [Цыганкин, Деваев, 1975, с. 40].

Местоименные наречия неоднородны по своим значениям и разнородны по образованию. Одни наречия, этимологически восходящие к указательным и вопросительным местоимениям, утратили живые словообразовательные связи и обнаруживаются в них следы древних падежей, исчезнувших в мордовских языках. Другие образования сохраняют смысловые и словообразовательные связи с теми местоимениями, от основ которых произведены. В них выявляются застывшие форманты современных падежей, которые осмысливаются как суффиксы наречий. Соотносительность этих наречий с местоимениями состоит прежде всего в их семантико-синтаксической общности.

Некоторые наречия с такими же местоименными корнями встречаются и в других финно-угорских языках: венг. *tovabb* 'дальше', *tovalu* 'в прошлом году', удм. *ku* 'когда', *kuke* 'когда-нибудь'; фин. *kun* 'когда', *kiten* 'как, каким образом'.

В мокшанском языке и его диалектах существуют две разновидности производных местоименных наречий.

К первой разновидности относятся образования, состоящие из финно-угорского местоименного корня и местоименного форманта с усилительным значением. Поскольку подобные суффиксы сами по себе никакой наречной функции не выполняли, возникшие образования первоначально, по-видимому, должны были употребляться в функции не только наречий, но и местоимений. Приводимые ниже случаи подтверждают нашу мысль об исконной неразделенности именных и наречных функций местоименных частиц:

t'afsta 'так' включает следующие элементы: указательное местоимение *t'ä* 'этот' + местоименный суффикс *-va / -vo* + местоименный суффикс *-ta / -da*. Наречное значение слову *t'afsta* сообщается местоименным суффиксом *-ta / -da*, ср. э. *išt'a* (сложное указательное местоимение *iš* + *-ta*) 'так'. Поскольку местоименный суффикс *-ta / -da* в конечном счете восходит к указательному местоименному корню **ty* (ср. мар. *tudo* 'тогда'), вполне естественно, что первоначально он мог иметь и наречное значение образа действия. Значение образа действия в словах типа *t'afsta* 'так' наводит на мысль, что *-ta* в этих словах является не местоименным суффиксом, а падежным окончанием аблатива. Однако с данной гипотезой можно не согласиться, так как к местоименным словам с суффиксом *-ta / -da*, выражающим образ действия, часто присоединяется местоименный суффикс *-mo / -ma*. Между тем известно, что местоименные суффиксы обычно не следуют за падежными окончаниями, во всяком случае, в мордовском языке местоименные суффиксы всегда предшествуют им. Следует отметить, что мордовскому аблативу несвойственно выражение образа действия;

koda 'как'. Наречие имеет структуру: *ko* (< ф.-у. **ko-*) + *-da* (< ф.-у. местоименный суффикс **-ta*, восходящий к финно-угорской местоименной основе **ty*);

kali 'когда'. Слово восходит к древней вопросительно-местоименной основе, к которой присоединяется местоименный суффикс *-li*. Оно употребляется в говорах западного диалекта вместо литературной формы мокш. *məžarda*.

Ко второй разновидности местоименных наречий относятся образования, состоящие из местоименного корня и какого-либо суффикса падежного характера. Превращение падежных форм местоимений в наречия происходит разными путями: либо соответствующий формант выпадает из живой парадигмы,

уступая место другим падежным формантам или аналитическим средствам выражения данного значения, либо изменяется семантика падежа. Обособляясь от падежных форм местоимений, наречия сохраняют в своем составе устаревшие, ушедшие из парадигмы падежные форманты или продолжают выражать значения, которые соответствующие формантам падежи перестали передавать. При этом в структуре местоименных наречий нередко происходят изменения (слияние, выпадение звуков и т. п.).

Выявляются несколько групп:

1) местоименные наречия с мертвыми падежными формантами, где основой являются:

а) указательные местоимения: *tijāñä* 'по этому месту': *tī* (< ф.-у. **tj̥*-) + *je* (< ф.-у. *-*ka* латив I) + *ñe* (< ф.-у. *-*na*, -*ñä* локатив I); *tuvanä* / *təvanä* 'по тому месту' (говоры зап. д.): *tu* / *tə* – местоименная основа < **ty*- + *va* (< ф.-у. *-*ka* – латив I) + *ñe* (< ф.-у. *-*na*, -*ñä* – локатив I); *šijāñä* 'по тому месту': *ši* (< ф.-у. *šj̥*-) + *je* (< ф.-у. *-*ka* латив I) + *ñe* (< ф.-у. *-*na*, -*ñä* локатив I); *tezä* / *täza* / *täzj̥* 'сюда': *tē* / *tä* местоименная основа < ф.-у. **tj̥*- + *-*s* латив; *toza(ə)* / *tozj̥*, э. *tozo* 'туда': *to* < ф.-у. **ty*- + *-*s* латив.

В местоименных образованиях *täza(ə)* / *täzj̥* 'сюда', *toza(ə)* / *tozj̥* 'туда' суффикс -*z*- представляет собой вариант -*s*-. По мнению М. П. Трощевой, наречия на -*z* когда-то имели форму на -*ñ* со значением направления [Трощева, 1969, с. 15]. Об этом свидетельствует тот факт, что в некоторых диалектах сохранились такие формы, как *tozäh* 'туда', *kozäh* 'куда', а также мокш. *tozj̥*, э. *tozo* / *tozj̥* 'туда', мокш. *kozj̥*, э. *kozo* / *kozj̥* 'куда', где -*j* и *j̥* являются как бы наследником -*ñ*. Формы *täzj̥* 'сюда', *tozj̥* 'туда', *kozj̥* 'куда' отмечены в краснослободско-синдровско-шайговской подгруппе говоров центрального диалекта [Левина, 2003, с. 12]; *tola* 'там, в той стороне': *to*- (< ф.-у. **ty*-) + формант адессива -*la* (< *-*lno*, словообразовательный *-*l* + ф.-у. суффикс локатива *-*na*, *-*ñä*); *toväl'a* 'там, в той стороне': *to*- (< ф.-у. **ty*-) + местоименный суффикс -*va*, -*və*. Последний, как полагает К. Е. Майтинская возводится к уральскому местоименному суффиксу -*k* [Майтинская, 1964, с. 8], дополненному формантом адессива -*la* (< *-*lno*, где *-*no* – остаток уральского *n*-ового локатива). Данные формы выявляются в говорах западного диалекта;

б) вопросительные местоимения: *kuvanä* 'по какой стороне': *ku* / *kə* (< ф.-у. **ky*- + *va* (< ф.-у. *-*ka* латив I) + *ñe* (< ф.-у. *-*na*, -*ñä* локатив I); *koza(ə)* / *kozj̥*, э. *kozo* 'сюда': *ko*- (< ф.-у. вопросительно-местоименной основы **ky*- + -*s* латив); *ombəŋ* 'послезавтра'. Образовано от финно-угорской местоименной основы на **o*- (ср. *omba* 'другой, второй') с помощью суффикса -*mb* (восходящего к ф.-у. словообразовательному форманту **mp*, сложившемуся из двух именных суффиксов – **m* + **pa* и первоначально использовавшемуся для подчеркивания противопоставлений по пространственному или временному признаку) и темпорального суффикса -*t̥*. Первоначальное значение местоименной основы *o*-, по-видимому, указание на далекое расстояние. Об этом свидетельствует ее основное значение 'другой': *läjät omboksa(ə)* 'на другой стороне реки'; *kuŋ omboksa(ə)* 'на другой стороне дома';

2) местоименные наречия с живыми падежными формантами, где основой являются:

а) указательные местоимения: *täsa(ə)* / *täsj̥* 'здесь' (*täsj̥* – краснослободско-синдровско-шайговская подгруппа говоров центрального диалекта): *tä* (< ф.-у. **tj̥*-) + -*sa* – падежный показатель современного инесива (< **sna* < *-*s* латив + -*na* локатив), например: шайг. г. [эх *näjäl'it kodama täsij̥ virš vašäh loväh pramda mel'e*]. 'Эх, увидел бы ты какой здесь лес после первого снегопада!' [Левина, 2014, с. 79]; *tosa(ə)* / *tosj̥* 'там': *to*- (< ф.-у. **ty*-) + -*sa* / -*sij̥* / -*so* современный показатель инесива (< **sna* < **s* латив + *na* локатив); *tästa(ə)* / *tästj̥* 'отсюда, из этих мест': *tä*- (< ф.-у. **tj̥*-) + -*sta* современный показатель элатива (*s* < **s* латив + *ta* / *tə* / *tj̥* < *-*ta* / *-*tä* аблатив); *tosta(ə)* 'оттуда, из тех мест': *to*- (< ф.-у. **ty*-) + -*sta* / -*sto* современный показатель элатива (*s* < **s* латив + *ta* / *tə* < *-*ta* / *-*tä* аблатив); *tov* 'куда': *to* (< ф.-у. **ty*-) + -*v* современный показатель латива; *tiva* / *tijä* / *tija* / *tijänä* 'по этому месту': *tī* (< ф.-у. **tj̥*-) + -*va* / -*je* < ф.-у. *-*ka* латив I). Пролативный суффикс -*va* закономерно перешел в -*ja*, -*jä* [Paasonen, 1903, с. 33] + *ñe* (< ф.-у. *-*na*, -*ñä* локатив I); *tuva* / *tova* / *təva* *tuvanä* / *təvanä(e)* 'по тому месту': *tu*- / *to*- / *tə*- (< ф.-у. **ty*-) + -*va* современный показатель пролатива (< ф.-у. *-*ka* латив I) + *ñe* (< ф.-у. *-*na*, -*ñä* локатив I); *tolda(ə)* 'оттуда': *to*- (< ф.-у. **ty*-) + -*la* формант адессива (< *-*lno*, где *-*no* – остаток уральского *n*-ового локатива) + -*da* формант современного аблатива; *toväl'da(ə)* 'отсюда': *to*- (< ф.-у. **ty*-) + -*va*, -*və* местоименный суффикс (< *-*k* + формант адессива -*la* < *-*lno*, где *-*no* – остаток уральского *n*-ового локатива) + -*da* формант современного аблатива. Сфера их распространения – говоры западного диалекта: [*toväl'da näjävš't' kafta lomañäh matärt*]. 'Оттуда виднелись силуэты двух человек'.

В основах указательно-местоименных слов заметно историческое чередование гласных: *o*, *u*, *e*, *i*: *tosa(ə)*, *tosta(ə)*, *tov*, *toza(ə)*, но *tuva*, *tije*. Факт наличия местоименных наречийных форм *tosa(ə)*, *tosta(ə)*, *tov*, *toza(ə)* говорит о том, что в прамордовском языке, по-видимому, самостоятельно функционировало

указательное местоимение с несущественным семантическим отличием от местоимения *tä*. Впоследствии из-за близости значений прамордовское местоимение *to* потеряло свою семантику и вместе с падежным суффиксом перешло в разряд наречий.

Другие примеры: *šej / šij* ‘сюда’: *še / ši* (< ф.-у. *šj-) + *-j* современный формант иллатива, например: *Пади, арьсят, сон сонць сась сей? Тяфта шарьхкодихтень? (Ю. Кузнецов)*. ‘Может, думаешь, он сам придет? Так я тебя понял?’; э. *Сезэньгак сави модемс*. ‘И туда придется пойти’; *šijä / šijähä* ‘по тому месту’: *ši* (< ф.-у. *šj-) + *je* (< ф.-у. *-ka латив I). Пролативный суффикс *-va* закономерно перешел в *-ja, -jä*, например: *Эста видекс мон арьсен, синь ацекинихть фкя вастса или шаитыхть няк валом, бльшай, ухть сияне няк вишкста, аф лоткафтовихть, аф сатовихть, аф мрдафтовихть (Ю. Кузнецов)*. ‘Тогда я подумал, что они находятся на одном месте или плывут очень медленно, наверняка, плывут там очень быстро, не остановить их, не догнать, не вернуть’; *Ётамс сия*. ‘Пройти там’; *ęsa(ə) / isa(ə) / jesa* ‘там’: *ę-* (< ф.-у. *ę-) + *-sa* современный показатель инесива (< *-sna < *s латив + na локатив); мокш. *ęsta(ə) / jesta* ‘тогда’: *ę-* (< ф.-у. *ę) + *-sta* современный показатель элатива (*s* < *s латив + *ta / tə* < *-ta / -tä аблатив). Вместо литературных *ęsa(ə)* ‘там’, *ęsta(ə)* ‘тогда’ в говорах юго-восточного диалекта употребляются формы *jesa* ‘там’, *jesta* ‘тогда’, *jezk* ‘сейчас’. Появление *j* в начале слова вызвано стремлением языка к устранению зияния между первым гласным местоименного слова и конечным гласным предшествующего слова [Raasonen, 1903, с. 66–67]. Возникший таким путем *j* в некоторых словах мог стать постоянным;

б) вопросительные местоимения: *kosa(ə) / kosj* ‘где’: *ko-* (< ф.-у. вопросительно-местоименной основе *ky- + *-sa / -sĭ / -so* инесива (< *-sna < *s латив + na локатив), например: «*Коса? Кода? Мзярда?*» – *эрызста и вельф кайгиста кизефтенъ мон, и аньцек сяс, штоба ацьяньфтемс вишкста шави седизень и верондафтомс эсь прязень сянди, мезе лиссь*. ‘«Где? Как? Когда?» – быстро и громко спросил я, и только потому, чтобы успокоить свое взволнованное сердце и заставить поверить себя тому, что случилось’; *kosta(ə)* ‘откуда, из каких мест’ (< ф.-у. вопросительно-местоименной основы *ky + *-sta / -sto* современный показатель элатива *s* (< *s латив) + *ta / tə / -to* (< *-ta / -tä аблатив), например: *Коста ведсь мушендсь лаимоня, сия тиендевсь од ляйна*. ‘Где вода находила ложбинку, там образовывалась новая речка’; *kov* ‘куда’: *ko-* (< ф.-у. *ky) + *-v* современный показатель латива; *kovald(ə)* ‘откуда, с какой стороны’: *ko-* (< ф.-у. *ky-) + *-va, -və* местоименный суффикс (< *-k) + *-la* адессив (< *-lno, где *-no – остаток уральского *n*-ового локатива) + *-da* – формант современного аблатива; *kuva / kəva / kuvähä*, э. *kuva* ‘по какой стороне’: *ku / kə* (< ф.-у. местоименной основе *ky-) + *va* современный показатель пролатива (< ф.-у. *-ka латив I). Сохранение в современных местоименных наречиях основы *ko- / ku-* объясняется тем, что в прамордовском языке наряду с вопросительными местоимениями *ki* ‘кто’, *me* ‘что’ функционировало местоимение *ko ~ ku*, следы которого отмечаются в данных образованиях, например: *Мон щань-карянь и эрызста тунь ляй берякова, куване ётнешь Миша патязе*. (Ю. Кузнецов). ‘Я оделся-обулся и быстро пошел по берегу реки, где ходил дядя Миша’; *mes* ‘почему’: *me-* (< ф.-у. к вопросительно-местоименной основе *me-) + *-s* современный показатель латива.

Во всех местоименных наречиях, в том числе в образованиях *tazk* ‘здесь’, *ęzk / jezk* ‘здесь’, *jezkak* ‘в тот же момент’; *tozk* ‘там’, *tozkəñ, tostəkəñ* ‘тамошний’; *tĭjak* ‘по этому месту’, *šĭjak* ‘по той стороне’; *məžarda(ə) / məžardj* ‘когда’, *məžarkšt* ‘во сколько раз’, *täškas* ‘до этих пор’, *šäškas* ‘до сих пор’, *kuvat’s* ‘как долго’ выявляются местоименные основы, например: *Эрь ломанть эряфса мзярда-аф мзярда сашенды пинге лоткамс и варжакстомс фталу, ётаф кизотненди (Ю. Кузнецов)*. ‘В жизни каждого человека наступает момент, когда нужно остановиться и оглянуться назад, к пройденным годам’.

В образованиях типа *tĭjak* ‘по этому месту’ происхождение *-jak* точно не установлено. Но многие ученые, в том числе Б. А. Серебренников [Серебренников, 1967, с. 34], К. Е. Майтинская [Майтинская, 1964, с. 22], считают его усилительной частицей.

В местоименных наречиях *täpälä / täpäle* / *tepele* ‘на этой стороне’, *täpäli* ‘за эту сторону’, *täpeld’e(ə)* ‘с этой стороны’ обнаруживается наличие компонента *pälä* ‘сторона’. В говорах западного диалекта, а также эрзянском языке имеются наречие *tevele* ‘на этой стороне’, где после некоторых фонетических изменений *-p-* переходит в *-v-*. К. Е. Майтинская признает *-vo* в подобных образованиях местоименным суффиксом, восходящим к уральскому местоименному суффиксу **-k* [Майтинская, 1964, с. 9]. Изменение гласного зависит от фонетической позиции: гласный переднего ряда чаще всего выступает между мягкими согласными, а непереднего ряда – между твердыми согласными.

Образования *tombäle* ‘по ту сторону’, *tombäli* ‘туда’, ‘за ту сторону’, *tombäld’e(ə)* ‘оттуда, с другой стороны’ являются сложными. В их состав также входит существительное *päl* ‘сторона’ или *pälä* ‘половина’. Данные слова расчленяются следующим образом: местоимение *to* + суффикс *-mb* (восходящий к ф.-у. словообразовательному форманту **mp*, образовавшемуся из двух именных суффиксов **m* + **pa*,

первоначально служившему для подчеркивания противопоставлений по пространственному или временному признаку и указывающему в данном случае степень удаленности предмета) + *peĭ* + *-de* суффикс аблатива [Левина, 2003, с. 12]. Можно найти и другое объяснение, исключив суффикс *-mb*: *tona* + *peĭ*. Однако это мы считаем маловероятным по двум причинам: во-первых, суффикс *-mb* выступает часто и при других местоименных основах (ср.: *šembe*, *embə*, *ombo*); во-вторых, наращения обычно получает не основа *tona*, а первоначальная форма *to-*.

Некоторые сложные местоименные образования, выражающие временные значения, включают в себя не только основу местоимения, но и какое-либо слово. В ряде случаев элементы этих сложных образований распознаются с большим трудом. Прочному слиянию компонентов содействуют звуковые и семантические изменения: м. *tadde*, э. *tēdede* ‘в этом году’, *tadde kiga(ə)* ‘еще в этом году’, например, местоименное наречие: *tadde* ‘в этом году’ состоит из указательного местоимения *tä* и существительного эрзянского языка *i* ‘год’ в аблативе (ср.: э. *tēdide*); м. *täci*, э. *tēci* ‘сегодня’, *täcims* ‘до сих пор’ образованы из местоимения *tä* + *ci* (*ši*) ‘день’, где *täci* ‘этот день’, а *täcims* ‘до этого дня’; *täni* ‘теперь’, *tänige* ‘и теперь’, *tänikige* ‘сейчас же’, *tänims* ‘до сих пор’ состоят из указательного местоимения *tä* + мокшанского *ni* ‘теперь, уже’, например: м. *Тяддень сѣксесь ульсь мазы эсь лацонза: и августонь лямбе шитне – ...ваттака, кодама нинге сянгярят лопатне! (Ю. Кузнецов)*. ‘Нынешняя осень была прекрасна по-своему: и августовские теплые дни – ... посмотрите-ка, какие зеленые еще листья!’; э. *Тундось тедеде сась рана*. ‘Весна в этом году пришла рано’.

Местоименные наречия чаще объединяются друг с другом, образуя парные сочетания слов. Подобные наречные образования используются для указания на нечто разбросанное, распределенное по разным местам, происходящее в не одно время, по-разному. В них компоненты образованы либо от разных, либо от одних и тех же местоименных корней. Связь между компонентами может быть выражена при помощи союза или без него: *tasa-tosa* ‘там и сям’ (букв. здесь – там), *tijä-tuva*, *tijänä-tuvahe* ‘и здесь и там, везде’ (букв. по этому – по тому месту), *taza-toza*, *šej-tov* ‘туда-сюда’, *sta-tafta* ‘так-сяк’, например: *Шись срафнезень сей-тов якстерь сюролданзон оить вельхксс, сяс кожфське архтфоль якстержа тюсса. (Ю. Кузнецов)*. ‘Солнце разбрасывало повсюду над городом свои красные лучи, поэтому и воздух казался окрашенным в красноватый цвет’.

В говорах атырьевской подгруппы центрального диалекта мокшанского языка встречаются форма, где выявляется соединения *š*-ового указательного местоимения со словами наречно-последельного характера: *šä-meĭe*, *šä-meĭde*, *šä-ĭde* ‘затем, потом’ (в последнем слове утрачен слог *me*).

Местоименные наречия, производные от вопросительных местоимений, могут приобретать оттенок неопределенности, придаваемый частицей *koj-*: *koj-goda* ‘кое-как’, *koj-guva* ‘кое-где’, *koj-goza* ‘кое-куда’. В говорах центрального и частично юго-восточного диалектов неопределенное значение вносит частица *-ga*, *-gä* / *-ge*, употребляемая параллельно с литературной *-vok*: *kosEga* ‘где-то’, *kodaga* ‘как-нибудь’, *kostäga* ‘откуда-нибудь’, *kozənga konğa* ‘куда-нибудь’.

Таким образом, обобщая изложенное, отметим, что местоименные наречия широко распространены не только в мордовских (мокшанском и эрзянском), но и во многих родственных финно-угорских языках, которые образованы от основ указательных *-to*, *-tu*, *-ti*, *-te*, *-tä*, *-ši*, *šä*-, *še*-, вопросительных на *-ko*, *-ku*, *-me*, местоимений с помощью формантов как древних падежей, исчезнувших из мордовских языков, так и современных падежей, которые осмысливаются как суффиксы наречий, а также отдельных слов, которые подверглись фонетическим и семантическим изменениям в структуре слова.

Сокращения

Зап. – западный, мар. – марийский язык, м. – мокшанский язык, удм. – удмуртский язык, ф.-у. – финно-угорские языки, шайг. г. – э. – эрзянский язык.

Библиография

- Левина М. З. Эволюция местоимений в диалектах мокшанского языка: автореф. дис... канд. филол. наук. Саранск, 2003. 18 с.
 Левина М. З. Мокшень диалектологиясь = Диалектология мокшанского языка: учеб. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. 176 с.
 Майтинская К. Е. Местоимения в мордовских и марийском языках. М.: Наука, 1964. 104 с.
 Серебрянников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 261 с.
 Трощева М. П. Наречия в современных мордовских языках: автореф. дис... канд. филол. наук. Тарту, 1969. 23 с.
 Цыганкин Д. В., Деваев С. З. Очерк сравнительной грамматики мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков. Саранск, 1975. 115 с.
 Хаас Э. С. Русско-венгерский словарь. М.: Госиздат. иностр. и нац. словарей, 1951. 607 с.
 Herrala E., Feoktistov A. Mokšalais-suomalainen sanakirja. Turku, 1998. 222 s.
 Paasonen H. Einige Bemerkungen über die Formen der Possessivsuffixe // Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors, 1903. S. 120–123.

ХАРАКТЕР ВЫДЕЛИТЕЛЬНОГО АФФИКСА *-i* И ВОПРОС О КАТЕГОРИИ ВЫДЕЛИТЕЛЬНОСТИ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье на материале научной литературы рассматриваются так называемые аффиксы выделительности чувашского языка *-i*, *-χi*, *-sker* и притяжательный аффикс третьего лица, выражающий определенность. Автором проведена работа, разрешающая терминологическую проблему, и предложено восстановление дефинитивного притяжательного аффикса в описании грамматики чувашского языка.

Ключевые слова: чувашский язык, выделительный аффикс, дефинитивность, притяжательный аффикс.

J. Luutonen

THE CHARACTER OF THE DISTINCTIVE AFFIX *-i* AND THE QUESTION OF THE CATEGORY OF DISTINCTION IN THE CHUVASH LANGUAGE

Abstract. The so-called “distinctive affixes” of the Chuvash language *-i*, *-χi*, and *-sker*, as well as the third person possessive affix expressing definiteness, are studied in the article on the basis of scientific literature. The author has carried out work that resolves the terminological problem, and restoration of the definite possessive affix in the description of Chuvash grammar is proposed.

Keywords: the Chuvash language, distinctive affix, definiteness, possessive affix.

1. Введение

Так называемые выделительные аффиксы чувашского языка *-i*, *-χi* и *-sker* представляют собой весьма интересное явление. Данным аффиксам было достаточно сложно найти свое место в грамматике; аффиксы *-i* и *-χi* чаще всего рассматривались в контексте со словообразовательными суффиксами прилагательных, а место рассмотрения морфемы *-sker* в значительной степени зависело от точки зрения автора исследования. Тем не менее, даже поверхностное изучение сферы применения указанных морфем сразу же показывает, что они не являются обычными словообразовательными суффиксами: они могут присоединяться к падежным формам, и их функции чаще всего синтаксические, а не относящиеся к образованию новых слов. Так, например, в форме *vārmanti* ‘тот, который в лесу’ к слову *vārman* ‘лес’ в форме местного падежа *vārman-ta* ‘в лесу’ присоединен аффикс *-i* (в то же время конечный гласный формы местного падежа *a* выпадает), см. также примеры использования двух других выделительных аффиксов: *pajanχi* ‘сегодняшний’ (*pajan* ‘сегодня’), *vulanāsker* ‘один из них, который прочитал; характерный тем, что прочитал’ (*vulanā* ‘прочитал’).

Выделительные аффиксы чувашского языка были рассмотрены в научной литературе достаточно много и с разных точек зрения. Основные особенности данных морфем были описаны уже Н. И. Ашмариным [Ашмарин, 1898]. Более поздние публикации, например, статьи И. А. Андреева [Андреев, 1966], И. П. Павлова [Павлов, 1985] содержат важные наблюдения о синтаксисе и вопросах, относящихся к дискурсу, а также монография В. И. Сергеева, опубликованная в 2002 г. и посвященная вопросам морфологии чувашского языка, содержит около 20 страниц анализа по рассматриваемому здесь вопросу. В публикациях чувашских ученых можно найти основные сведения о природе аффиксов *-i*, *-χi* и *-sker*, однако к единому мнению относительно статуса и характера постулируемой категории выделения так и не пришли. Это видно, например, в критическом взгляде В. И. Сергеева [Сергеев 2002, с. 120–133], ссылающегося на статью И. П. Павлова. По рассматриваемой теме в 2011 г. нами была опубликована монография «Chuvash syntactic nominalizers: On **-ki* and its counterparts in Ural-Altaic languages» («Чувашские синтаксические номинализаторы: **-ki* и его соответствия в урало-алтайских языках») [Luutonen, 2011], которая во многом и является основой настоящей работы. Кроме того, мы исследовали такие случаи употребления притяжательных аффиксов третьего лица, в которых единственной функцией аффиксов является выражение дефинитивности.

2. Основа для исследования, созданная Н. И. Ашмариним

Н. И. Ашмарин в своей работе «Материалы для исследования чувашского языка» [Ашмарин, 1898] всесторонне – принимая во внимание также и синтаксические аспекты – описал морфемы, относящиеся к явлению, позднее названному категорией выделительности. Н. И. Ашмарин [Ашмарин, 1898, с. 155–157] представил аффиксы *-i* и *-χi* (< **-ki*) в группе словообразовательных суффиксов прилагательных. При рассмотрении склонения имен прилагательных он устанавливает, что прилагательные, выступающие самостоятельно (не в функции определения), в некоторых случаях могут принимать притяжательный аффикс третьего лица *-i* / *-ĕ* или *-sker*. Таким образом, склоняемые прилагательные, согласно Н. И. Ашмарину, имеют три формы, например: первая форма *usal* ‘дурной, зло’; вторая форма: *usalli* ‘тот, который дурен; то, что дурно’; третья форма: *usalsker* ‘один из дурных’ [Ашмарин, 1898, с. 164]. Соответствующие три формы

можно найти также и в сделанном им описании причастий, например: 1. *pulakan* ‘бывающий, бывший’ (*pul* ‘быть’); 2. *pulakaně* или *pulakanni*; 3. *pulakansker* [Ашмарин, 1898, с. 295].

О притяжательном аффиксе третьего лица *-i* / *-ě* Н. И. Ашмарин [Ашмарин, 1898, с. 173–174] говорит, что тот также используются для выражения определенности: «...мы объясним здесь вообще употребление этого суффикса, как частицы выражающей определенность предмета...». Далее он пишет: «Суффикс 3-го лица ставится еще тогда, когда говорится о предмете, уже упомянутом раньше, или о таком предмете, который хотя раньше и не упоминался, но существование которого как бы предвиделось заранее», например¹, *kāmaka uměñči χěr-arāmě šav šiměšěsene šatma šinče pěšerše...* ‘женщина, находящаяся у печи, ожарив эти кушанья на сковороде...’ (*χěr-arāmě* ‘(упомянутая) женщина’, *šiměšěsene* ‘эти кушанья’).

Притяжательный аффикс третьего лица, согласно Н. И. Ашмарину, также может присоединяться к целому предложению. «Это бывает в том случае, если предложение из главного делается подчиненным...», например: *šin kilnine epir kurtāmār* ‘мы видели, что пришел (что приходит) человек’ (*šin kilně* ‘пришел человек’, *šin kilni* ‘то обстоятельство, что пришел (или идет) человек, приход человека’ [Ашмарин, 1897, с. 175–176].

3. Развитие наследия Н. И. Ашмарина и новые идеи

В 1985 г. И. П. Павлов пишет, что после Н. И. Ашмарина исследование аффиксов *-i*, *-χi* и *-sker* мало продвинулась вперед [Павлов, 1985, с. 4]. Утверждение И. П. Павлова справедливо в том отношении, что никто не предпринимал попыток создать целостное обобщение явлений, связанных с тремя упомянутыми выше аффиксами. Кроме того, следует отметить тот факт, что, всесторонний и учитывающий шире тюркологические исследования подход Н. И. Ашмарина относительно особенностей притяжательного аффикса третьего лица кажется забытым. При рассмотрении грамматики «Материалы по грамматике современного чувашского языка» [Материалы, 1957], написанной Н. А. Андреевым, В. Г. Егоровым и И. П. Павловым (и которую можно считать представителем официальных взглядов своего времени), можно увидеть множество едва различимых, но весьма значимых расхождений по отношению к взглядам Н. И. Ашмарина.

Н. А. Андреев рассматривает аффиксы *-i* и *-χi* в разделе имени прилагательного. Говоря об аффиксе *-i*, он использует уже современное обозначение – выделительный аффикс. Аффикс *-i* присоединяется к форме местного падежа имен существительных и к наречиям места, содержащим показатель *-ta* / *-te* / *-če*, в результате чего образуются относительные прилагательные, например: *pürtri* ‘находящийся в избе’ (*pürtre* ‘в избе’), *kunti* ‘здешний’ (*kunta* ‘здесь’) [Андреев, 1957, с. 63–64, 81–82]. С точки зрения истории языка, формант *-i*, выступающий во всех указанных выше формах, восходит к древнему тюркскому аффиксу **-ki*.

При описании образования самостоятельных прилагательных Н. А. Андреев, в отличие от Н. И. Ашмарина, считает выступающий в данном случае формант *-i* выделительным аффиксом: «Аффикс выделения *-i* выражает конкретизацию предмета, выделение его из группы подобных, одинаковых, особое подчеркивание значения предмета, его свойств, того, что он отличается каким-нибудь качеством». При переводе на русский язык можно использовать, например, выражение ‘тот, который...’, ‘то, что он...’ и т. д.; например: *āslī* ‘тот, который умен; умный из них; умный-то; то, что он умен’ (*āslā* ‘умный’). Н. А. Андреев считает соответствующие формы, содержащие аффикс *-ě*, диалектными формами, например: *usalě* (ср. *usal*) ‘злой’ [Андреев, 1957, с. 102–103].

Имена прилагательные, содержащие аффикс *-sker*, Н. А. Андреев представляет одним самостоятельным типом имен прилагательных и дает парадигму склонения форм с показателем *-sker* параллельно с самостоятельными аффиксальными прилагательными с формантом *-i*. Значение форм с компонентом *-sker* он характеризует следующим образом: «Форма с аффиксом *-sker* выражает качество предмета, не выделяя его из группы подобных, а отнеся его к тем, которые обладают данным качеством» [Андреев, 1957, с. 103, 106.]

При рассмотрении форм существительных Н. А. Андреев не упоминает об использовании притяжательного аффикса третьего лица как показателя определенности, т. е. о предмете, известном при разговоре или упомянутом ранее. Вместо этого он говорит об абстрактной принадлежности, значение которого объясняет следующим образом: «Кроме конкретной принадлежности существует абстрактная принадлежность. Она выражает идею принадлежности отдельно от того предмета, на который распространяется это отношение» [Андреев, 1957, с. 33–34]. В качестве примеров он дает формы *manñni* ‘то, что мое, мой’, *šināñni* ‘то, что принадлежит человеку’.

¹ Все примеры, представленные также и в цитатах, в статье транслитерированы на латинский алфавит.

В той же грамматике в разделе о спряжении глагола, написанном В. Г. Егоровым, дается описание субстантивации причастий. Как в отношении причастий настоящего времени, так и причастий прошедшего времени указывается, что как от прилагательных, так и от причастий можно образовать самостоятельную, используемую как имя существительное форму путем присоединения аффикса принадлежности третьего лица *-i* или *-ĕ*, например (причастие настоящего времени): *vulakanni* или *vulakanĕ* 'тот, который читает'. В случае причастия прошедшего времени В. Г. Егоров говорит об определенных формах: «Причастие прошедшего времени имеет и определенную, субстантивную форму с аффиксом принадлежности третьего лица *-i*: *vĕrennĕ + -i > vĕrenni* 'тот, который учился'...» [Егоров, 1957, с. 220, 223]. Определенные, образованные при помощи аффикса третьего лица формы он отмечает также при рассмотрении отглагольных отпричастных имен (*nomina actionis*), где рассматриваются следующие типы форм: *-ni, -assi / -essi, -malli / -melli*. Если сравнить описание самостоятельных причастий, используемых по подобию существительных, В. Г. Егорова с описанием самостоятельно использующихся прилагательных Н. А. Андреева, представленного в той же грамматике, можно заключить, что авторы придерживаются различных точек зрения относительно характера аффикса *-i* в этих формах: Н. А. Андреев дает его как выделительный аффикс, В. Г. Егоров – как притяжательный аффикс третьего лица.

Н. А. Андреев [Андреев, 1957, с. 106], следуя грамматическому взгляду Н. И. Ашмарина, представляет отдельную парадигму склонения аффиксальных прилагательных с формантом *-sker*, в то время как В. Г. Егоров не делает этого в случае с причастиями с компонентом *-sker* [Егоров, 1957, с. 221]. Он описывает формы с компонентом *-sker* в разделе под заглавием «Словообразующие и формообразующие частицы». В отношении морфемы *-sker* В. Г. Егоров заключает, что она «присоединяется по преимуществу к прилагательным и причастиям, а иногда и к существительным, придавая им аппозитивный характер, т. е. характер приложения или обособленного определения». Функцию морфемы он определяет следующим образом: «частица *-sker* употребляется при выделении, обособлении, подчеркивании какого-либо признака в предмете». Например: *laši, tiḡasker, časaḡ ivāncĕ* 'и лошадь его, почти жеребенок, скоро устала' [Егоров, 1957, с. 341–342].

Резюмируя сказанное выше, можем заключить, что в грамматике 1957 г., написанной коллективом авторов, аффиксы *-i, -ĕ* и *-sker* описаны несколько несогласованно, функция притяжательного аффикса третьего лица как морфемы определенности представлена только косвенно.

В 1965 г. была опубликована статья И. А. Андреева, посвященная способам выражения дефинитивности в чувашском языке. В начале статьи автор отмечает, что «категория дефинитивности, или определенности и неопределенности, в других тюркских языках изучена довольно обстоятельно... В чувашском она почему-то до сих пор оставалась вне поля зрения исследователей, хотя место и значимость этой категории в системе имен существительных такие же, как и в других языках» [Андреев, 1965, с. 76]. В списке способов выражения определенности существительного в чувашском языке первыми он указывает притяжательные аффиксы (например, *yultašām* 'мой товарищ', *yultašu* 'твой товарищ', *yultašĕ* 'его товарищ'), вторым – аффикс выделительности, который является омонимичным по форме с аффиксом принадлежности третьего лица (например, *starikki* 'старик-то'). Третью группу способов выражения определенности составляют, среди всего прочего, различные местоимения [Андреев, 1965, с. 81–82].

Относительно аффикса выделительности И. А. Андреев утверждает, что «подобно артиклю в европейских языках, этот аффикс является средством субстантивации других частей речи, ср. *χura – χuri, manān – manānni, kaynā – kayni, purānas – purānassi*». Затем он размышляет о влиянии подобной субстантивации на определенность и выделительность: «Определенность и неопределенность характеризует только имена существительные. Другие части речи, получая значение имени существительного, самой формой субстантивации приобретают выделительное значение и тем самым становятся как бы определенными» [Андреев, 1966, с. 81–82]. На наш взгляд, данное суждение является весьма важным, чтобы понять характер категории выделительности. В конце своей статьи И. А. Андреев рассматривает роль определенности также на уровне предложения: «Таким образом, различие определенности и неопределенности предмета в чувашском языке влияет не только на оформление отдельных членов предложения, но нередко сказывается на структуре всего предложения в целом» [Андреев, 1966, с. 85–87].

В другой своей статье, опубликованной в 1966 г. и рассматривающей прилагательные в тюркских языках, И. А. Андреев отмечает, что элементы *-ri, -ti, -ĕi* и *-ĕi* (в которых выступает формант *-i* (замечание наше. – *И. Л.*)) не могут считаться словообразовательными аффиксами прилагательных, поскольку: а) они не имеют семантических ограничений в присоединении, в отличие от словообразовательных суффиксов; б) они могут присоединяться к словам различных частей речи, а именно: к

существительным, местоимениям, числительным, наречиям и даже к деепричастиям; в) они не изменяют лексическое значение формы, являющейся производящей основой. Согласно И. А. Андрееву, слова, образованные при помощи этих элементов, следует считать формами существительных, а не производными прилагательными, как предполагалось ранее. И. А. Андреев также акцентирует внимание на чистой синтаксической роли элементов *-ri*, *-ti*, *-či* и *-çi* в предложении. Их основную функцию он видит в том, что они делают из основного слова единицу, соответствующую на роль определения. В этом отношении они напоминают аффиксы причастий, которые также образуют атрибутивные формы [Андреев, 1966, с. 96–97].

Статья В. Ф. Румянцева, опубликованная в 1977 г. и посвященная рассмотрению способов выражения дефинитивности в английском и чувашском языках, весьма интересна с точки зрения теории относительно выделительного аффикса. В статье В. Ф. Румянцев полностью идентифицирует по форме аффикс выделительности (*-i* / *-ě*) и притяжательный аффикс третьего лица. Относительно функции выделительного аффикса он пишет: «Сфера употребления аффикса выделительности широка. Она выступает в качестве номинализатора слов и предложений» [Румянцев, 1977, с. 95–96]. Из этого видно, что В. Ф. Румянцев, по аналогии с И. А. Андреевым, видит роль аффикса выделительности и на синтаксическом уровне.

4. Категория выделения И. П. Павлова [1985] и его критика

И. П. Павлов в своей статье «Категория выделения в современном чувашском языке» [Павлов, 1985] объединяет элементы *-i*, *-çi* и *-sker* в одну категорию. Взгляд на явление становится шире, поскольку И. П. Павлов помимо синтаксических аспектов принимает во внимание также и текстолингвистические и описывает местоименный (анафорический) характер форм, содержащих аффикс выделительности.

При объединении рассматриваемых морфем в одну и ту же категорию ход мыслей И. П. Павлова выстраивается таким образом: сначала он объединяет аффиксы *-i* и *-çi*, указывая на следующие обстоятельства: 1) хотя *-çi* в настоящее время присоединяется к словам, обозначающим время, аффикс сам по себе не содержит значения времени (например, *përlexi* ‘совместный’ ср. *përle* ‘вместе’), поэтому на семантическом уровне для присоединения *-i* и *-çi* преград нет; 2) формы на *-çi* изменяются по числам и падежам, как и формы на *-i*; 3) синтаксические функции форм на *-çi* могут быть такими же, как и у форм на *-i* [Павлов, 1985, с. 8–9]. После этого И. П. Павлов аргументирует объединение формообразующих аффиксов *-i* / *-çi* и *-sker* в одну и ту же категорию следующим образом: 1) аффиксы присоединяются обычно к одним и тем же основам слов или словоформам; 2) обе формы используются при повторной и предикатной номинации, выделяя предмет по его признаку; 3) и та, и другая форма изменяются по числам и падежам без какого-либо исключения; 4) обе формы употребляются, как правило, в одних и тех же синтаксических функциях; они выступают в роли подлежащего, именного сказуемого и дополнения [Павлов, 1985, с. 10].

После рассмотрения сходств форм, содержащих выделительный аффикс, И. П. Павлов обращается к рассмотрению их различий, которые он делит на семантические, а также относящиеся к структуре предложения. «Во-первых, если формы на *-i* выражают выделение предмета из общей среды, противопоставляя его по какому-то одному свойству, то формы на *-sker* обозначают предмет, выделяя его из среды ему подобных по их характерному признаку без какого-либо противопоставления. Если формы на *-sker* очень часто употребляются с добавочным оттенком значения (причины, уступки, условия и др.), то формы на *-i* выступают без этих значений. Во-вторых, в позиционном отношении. Так, в предложении формы на *-i* (*-çi*) в ряде случаев могут выступать перед именем без согласования с ним (т. е. в роли необособленного определения), а формы на *-sker* не имеют такой особенности» [Павлов, 1985, с. 11].

И. П. Павлов обращает внимание на то, что хотя аффиксы *-i*, *-çi* и *-sker* нельзя считать словообразовательными аффиксами, их задача, как и у многих словообразовательных аффиксов, состоит в образовании основы для словоизменения: слова, содержащие данные суффиксы, изменяются по числам и падежам. Выделительные аффиксы в чувашском языке также часто употребляются вместо словообразовательных аффиксов существительных. Тем не менее, они значительно отличаются от словообразовательных аффиксов. И. П. Павлов резюмирует свои рассуждения следующим образом: «Вышеприведенные данные убедительно показывают, что как бы ни сходились словоформы на *-i* (*-çi*), *-sker* с производными именами существительными по некоторым свойствам, все же данные формы отличаются от них чрезмерно абстрактным значением предметности. Такое значение в тексте необходимо только для отсылки на предшествующее имя существительное, т. е. на вводное наименование» [Павлов, 1985, с. 11–13].

При рассмотрении сходств, различия и отношения к словообразовательным элементам аффиксов *-i*, *-çi* и *-sker* И. П. Павлов отмечает, что есть причины считать данные суффиксы показателями одной грамматической категории. Они выражают общее категориальное значение предметности при повторной номинации. Он делает попытку раскрыть сущность категории выделительности в одном предложении: «Категория выделения – эта такая морфологическая категория, которая способствует той или иной знаменательной части речи выделять субстанциональный объект, упомянутый ранее в речи или известный по контексту и ситуации, через его признак» [Павлов, 1985, с. 13].

Теория И. П. Павлова, кажется, достигла определенной степени всеобщего признания среди чувашских исследователей, поскольку в «Краткой чувашской энциклопедии» в статье о чувашском языке представлен абзац о категории выделительности [КЧЭ, 2001, с. 488].

В. И. Сергеев в своей монографии «Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке» [Сергеев, 2002] весьма широко рассматривает формы, образованные при помощи аффиксов *-i*, *-çi* и *-sker*, и стремится определить их дистрибуцию и возможности присоединения к основам разных частей речи более эксплицитно, чем в других источниках.

В. И. Сергеев использует термин категория выделительности, созданный И. П. Павловым, однако сильно критикует придаваемое ей положение общей категории. Он утверждает, что как *-çi*, так и *-sker* являются выборочными при их сочетании со словами и формами: *-çi* присоединяется лишь к словам, выражающим временные отношения, а семантические оттенки, связанные с формантом *-sker*, ограничивают его употребление. К аффиксу *-i* также относятся различные ограничения в присоединении, поэтому и его нельзя рассматривать вполне категориальным аффиксом. В. И. Сергеев пишет: «Если хотим иметь общую категорию выделения имен существительных на *-i*, *-çi*, *-sker*, то это возможно только условно, вопреки условиям, предъявляемым к категориальным формам. Категория выделения не проявляет себя универсально, ибо нет категории выделения формы мн[ожественного] числа, нет его у категории принадлежности и времени. Речь может идти только о частнопадежных формах выделения» [Сергеев, 2002, с. 122–125].

5. Дефинитивный аффикс принадлежности в чувашской грамматической традиции

Одной из характерных особенностей чувашской грамматической традиции можно считать тот подход, в соответствии с которым составители грамматик, работавшие после Н. И. Ашмарина, рассматривают использование притяжательных аффиксов в не притяжательном значении в словах, которые указывают на упомянутый ранее или известный в контексте говорения предмет. Далее мы будем называть такие притяжательные аффиксы дефинитивными. Данные притяжательные аффиксы достаточно распространенное явление в тюркских языках (см., например, Grönbech, 1936, с. 98–99). К рассмотрению дефинитивных притяжательных аффиксов в литературе (Н. А. Андреев, В. Г. Егоров, И. А. Андреев) мы обращались в настоящей работе ранее.

Общая линия развития в чувашской грамматической литературе показывает, что алломорфы *-i* притяжательного аффикса, используемые не в притяжательной функции, начали толковать как проявление выделительного суффикса. Это вполне понятно, принимая во внимание омонимию рассматриваемых элементов и сходство их функций. Развитие, произошедшее в грамматической традиции, возможно, также соответствует процессу развития, произошедшему в чувашском языке. Из западных лингвистов К. Гренбех в 1936 г. обратил внимание на то, что в формах (определенных и конкретных), обозначенных Н. И. Ашмариным как вторая форма прилагательных, алломорф *-i* почти всегда вытесняет алломорф *-ë*. К. Гренбех считает, что предпочтение *-i* в этой функции, возможно, является результатом влияния со стороны аффиксов *-çi* и *-ri*, которые также являются конкретизирующими элементами и содержат *-i* [Grönbech, 1936, с. 96–100]. К. Гренбех очевидно первым обратил внимание на то, что притяжательный аффикс третьего лица и элементы, восходящие к тюркской морфеме **-ki*, в чувашском языке, возможно, частично слились в один элемент.

В. И. Сергеев делает почти полную синхроническую идентификацию выделительного аффикса и притяжательного аффикса третьего лица, утверждая, что поскольку также и у притяжательных аффиксов имеется функция выделения, так и его алломорфу *-ë* нужно считать выделительным аффиксом [Сергеев, 2002, 126–127]. Однако, после того, как притяжательному аффиксу третьего лица определена функция выделительности, то и далее проблемой остаются случаи употребления притяжательного аффикса третьего лица не в притяжательной функции, в которых речь идет не о выделительности. В. И. Сергеев глазами западного исследователя интерпретирует случаи употребления притяжательных аффиксов, схожих с дефинитивными как проявление так называемой косвенной принадлежности, и ищет грамматические параллели в тунгусо-маньчжурских язы-

ках вместо тюркских языков. Косвенную принадлежность предполагают, по его мнению, например, слова *Atälë, šivë* и *χuli* в выражениях: *Atälë tarān, šivë tārā* ‘Волга широка, вода прозрачна’; *χuli ayakra mar-χa vāl* ‘город-то недалеко расположен’ [Сергеев, 2002, с. 75–76, 126–127].

Исследователи дефинитивности и информационной структуры предложения констатировали, что чувашский притяжательный аффикс третьего лица иногда выступает в функциях, которые в других языках выражаются, например, при помощи определенного артикля. Сравнивая способы выражения дефинитивности в английском и чувашском языках В. Ф. Румянцев [Румянцев, 1977, с. 94–95] представляет одним из них аффикс выделения *-i / -ë*, омонимичный с притяжательным аффиксом третьего лица. В статье Р. М. Кузнецовой, посвященной сравнительному анализу французского и чувашского языков, приводятся, например, параллели следующего характера, в которых определенный артикль французского языка *la, les* переведен при использовании притяжательного аффикса третьего лица: *la femme est jeune ~ χërarämë šamrāk* ‘(та) женщина молодая’ (здесь и в следующем примере перевод наш. – *Й. Л.*), *les femmes sont jeunes ~ χërarämësem šamrāk* ‘(те) женщины молодые’ [Кузнецова, 1977, с. 40]. А. В. Емельянова [Емельянова, 2001, с. 52] в своем текстолингвистическом исследовании пишет о притяжательном аффиксе третьего лица как одном из грамматических способов, с помощью которого можно актуализировать тему высказывания. В то же время она утверждает, что притяжательные аффиксы чувашского языка в данной функции ранее не рассматривались.

Особо проблематичным является разграничение алломорфа *-i* притяжательного аффикса третьего лица, используемого не в притяжательном значении, и омонимичного ему выделительного суффикса. Случаи употребления аффикса *-i* в словоформе после словоизменительных аффиксов в течение последних десятилетий обычно рассматривали как проявление выделительного суффикса, однако проблемой остались аффиксы, напрямую присоединяющиеся к номинативной форме. В. И. Сергеев решает данный вопрос прямым и ясным образом: «На наш взгляд, не усугубляя этот вопрос, нужно лишь договориться (условно), что *-i (-ë)*, следующий за основой слова, есть аффикс принадлежности 3 лица, а *-i*, следующий за другими аффиксами, – аффикс выделения» [Сергеев, 2002, с. 126–127].

Мы считаем, что решение В. И. Сергеева можно обосновать также семантически-функционально следующим образом. Определенные существительные образуют такой особый случай, в котором различие между формой выделительного аффикса и дефинитивной притяжательной формой в большинстве контекстов нейтрализуется. Предположим, что *X* – произвольное существительное со значением ‘*X*’ (например, ‘дом’). Значение соответствующего определенного существительного – ‘определенный *X*’, ‘тот *X*’, ‘*X*-то’ (например, ‘тот дом’). Если к существительному *X* присоединить выделительный суффикс, получаем значение ‘тот, который *X*’ (например, ‘тот, который дом’). Можем заключить, что в большинстве контекстов значения существительного в основной форме, содержащей определенный и выделительный аффикс, существенно не отличаются друг от друга: ‘тот *X*’ = ‘тот, который *X*’. Однако значения могут отличаться, если *X* обозначает не отдельный член класса *X*, а весь класс *X* (например, ‘один дом’ ср. ‘класс всех домов’). В данном случае было бы разумным передать, например, значение ‘тот, который дом (не, например, сарай)’.

6. Выводы

Выделительный аффикс *-i* в современном чувашском языке исторически возник при слиянии древнего тюркского аффикса **-ki* и использующегося в функции дефинитивности алломорфа *-i* притяжательного аффикса третьего лица. Это слияние произошло как на уровне формы (**-ki > -i*), так и на уровне функций (выделения, преобразования в дефинитивный). Полученный новый суффикс во многих случаях заменяет алломорф *-ë* притяжательного аффикса третьего лица, выражающий определенность. Тем не менее, в чувашском языке все еще можно найти случаи употребления алломорфа *-ë* в функции выражения определенности, поэтому, на наш взгляд, имеются причины восстановить точку зрения Н. И. Ашмарина и западной тюркологии, согласно которой у обоих алломорфов притяжательного аффикса 3-го лица (*-i / -ë*) помимо функции выражения притяжательности есть функция выражения определенности.

По утверждению И. А. Андреева [Андреев, 1966, с. 97] и В. И. Сергеева [Сергеев, 2002, с. 127] в чувашском языке помимо аффиксов *-i, -χi* и *-sker* есть и другие аффиксы, функцией которых является синтаксически субстантивировать, добавить к значению элемент определенности или выделить тот предмет, на который указывают. По этой причине эти функции не являются достаточными, чтобы обосновать сущность категории выделительности. Соглашаясь во многом с мнением В. И. Сергеева [Сергеев, 2002, с. 125], можно утверждать, что имеется основание говорить об отдельных формах словоизменения, которые можно определить как выделительные, однако сама категория выделительности как

общая категория проблематична. И. А. Андреев [Андреев, 1965, с. 82] указывает на то, что выделительное значение, привносимое рассматриваемым аффиксом другим частям речи, за исключением существительного, есть своего рода эпифеномен (побочный продукт) субстантивации. Таким образом, сам термин выделительность не является проблематичным. В нашей монографии, вышедшей в 2011 г., мы предложили, что наиболее соответствующим обозначением аффиксов *-i*, *-çi* и *-sker* могло бы стать обозначение «синтаксический номинализатор» (англ. syntactic nominalizer) [Luutonen, 2011, с. 91]. Оно напоминает термин «номинализатор слов и предложений», используемый В. Ф. Румянцевым [Румянцев, 1977, с. 95]. В упомянутой монографии мы также указали, что название выделительный аффикс или аффикс выделения весьма хорошо подходит чувашскому аффиксу *-i*, в природе которого уникальным образом сочетаются особенности аффикса **-ki* и притяжательного аффикса третьего лица, выражающего определенность [Luutonen, 2011, с. 91].

Отличительные особенности аффиксов *-i*, *-çi* и *-sker* вызывают большой интерес среди чувашских исследователей – они были изучены достаточно много, и исследования отличаются высоким уровнем и глубиной. Почти все существенные сведения об особенностях данных морфем можно найти в работах чувашских исследователей. Мы надеемся, что представленный опыт обобщения данных исследований, сделанный финским лингвистом, поможет чувашским исследователям найти самый логичный и практический подход относительно этого интересного явления.

Библиография

- Андреев И. А. О категории дефинитивности в чувашском языке // Ученые записки. Чебоксары: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. 1965. Вып. 28. С. 76–87.
- Андреев И. А. К вопросу о выделении относительных прилагательных в тюркских языках // Ученые записки. Чебоксары: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. 1966. Вып. 32. С. 90–103.
- Андреев Н. А. Имя существительное. Имя прилагательное // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая. Морфология. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 5–106.
- Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литогр. Императ. ун-та, 1898. 445 с.
- Егоров В. Г. Частицы. // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая. Морфология. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 331–342.
- Емельянова А. В. Коммуникативная структура контекстуально-независимого высказывания (на материале чувашского языка): учеб. пособие. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2001. 87 с.
- Кузнецова Р. М. Согласование существительных во французском и чувашском языках // Сопоставительная лингвистика и обучение иностранным языкам в условиях двуязычия. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 1977. Вып. 2. С. 36–42.
- КЧЭ = Краткая чувашская энциклопедия. Редкол. А. А. Трофимов и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 525 с.
- Материалы по грамматике современного чувашского языка / Науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1957. 361 с.
- Павлов И. П. Категория выделения в современном чувашском языке // Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. науч.-исслед. ин-т, 1985. С. 3–15.
- Румянцев В. Ф. Дефинитивность в английском и чувашском языках. // Сопоставительная лингвистика и обучение иностранным языкам в условиях двуязычия. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 1977. Вып. 2. С. 92–97.
- Сергеев В. И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 300 с.
- Grönbech K. Der türkische Sprachbau I. Kopenhagen: Levin & Munksgaard, 1936. 182 S.
- Luutonen J. Chuvash syntactic nominalizers: On **-ki* and its counterparts in Ural-Altaic languages / Turcologica, 88. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. 133 S.

В. Н. Максимов

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УРЖУМСКОГО ГОВОРА ЛУГОВОГО НАРЕЧИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена анализу суффиксов, которые в уржумском говоре лугового наречия марийского языка образуют имена существительные. Этот говор относится к малоисследованным, хотя и предпринимались попытки его изучения рядом марийских лингвистов. Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что в данном говоре употребляется десять имяобразующих суффиксов.

Ключевые слова: говор, подговор, грамматический строй, экспедиция, суффикс, марийский язык.

ON WORD FORMATION CHARACTERISTICS OF THE URZHUM DIALECT OF THE MARI LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the analysis of suffixes, which in the Urzhum subdialect of the meadow parlance of the Mari language form nouns. This subdialect refers to little-studied, although attempts have been made to study it by a number of Mari linguists. Analysis of the material allows to conclude that this subdialect uses 10 noun-forming suffixes.

Keywords: subdialect, parlance, grammatical structure, expedition, suffix, the Mari language.

Уржумский говор лугового наречия марийского языка относится к малоисследованным. Первое упоминание о нем в контексте фольклорных, диалектологических и этнографических сведений относится к началу XX в. Говор локализуется районом трех рек – Вятки, Байсы и Буя.

В 1950 гг. говор начали изучать более детально. Так, в 1957 г. состоялась диалектологическая экспедиция Марийского научно-исследовательского института во главе с младшим научным сотрудником И. С. Галкиным и студентом Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской Е. Н. Мустаевым. Кроме того, этнографический материал собирал Г. А. Сепеев в Уржумском, Советском и Лебяжском районах Кировской области. В 1980 гг. преподаватель Марийского университета Ю. В. Андуганов вместе со студентами посетил с фольклорной и диалектологической экспедицией Уржумский район Кировской области, а в 1990 гг. в этих же районах изучал диалектологический материал В. Н. Максимов.

Рамки границы уржумского говора не так уж велики. Говор занимает часть Мари-Турекского района Республики Марий Эл, а также территорию Кировской области от г. Советск до д. Русский Турек. Кроме того, мари, говорящие на этом говоре, жили и живут в бассейне трех рек (Вятки, Байсы, Буя), и иногда их называют мари, живущие рядом с водой.

Говор охватывает такие селения, как с. Ветошкино, д. Малое Ветошкино, д. Мари-Байса Ветошкинского сельского поселения; д. Большой Сердыж, д. Комарово, д. Малый Сердыж Воткинского сельского поселения; д. Изиморко, д. Индыгойка, д. Кукнур, д. Якино Индыгойского сельского поселения; д. Большой Рын, д. Кокорево, д. Малый Рын, д. Малый Рын-Дудурово, д. Малый Рын-Мари Коккревского сельского поселения; д. Мошкино, д. Пузинерь, д. Шои Кузнецовского сельского поселения; д. Васичи, с. Лаж, д. Новики Лажского сельского поселения Лебяжского района; с. Байса, д. Посенур, д. Малая Ашлань Басинского сельского поселения; с. Буйский, д. Мазары, д. Пакшай Буйского сельского поселения; починок Васькино, д. Ешпаево, д. Малые Коршуны Выпаевского сельского поселения; д. Адово, д. Мари Мерзино Рублевского сельского поселения Уржумского районе Кировской области.

Говорящих на этом говоре людей остается все меньше (за исключением пожилых людей), а деревень чисто марийских почти не осталось.

Центральное место в словообразовательной системе марийского языка занимает морфемное словообразование [Лаврентьев, 1984, с. 141]. Наиболее продуктивной разновидностью морфемного словообразования является суффиксация. В этом случае И. С. Галкин и О. А. Сергеев выделяют 42 суффикса [Галкин, 1966, с. 12–51; Сергеев, 1995, с. 28–29], Г. И. Лаврентьев – 43 [Лаврентьев, 1984, с. 141–142], З. В. Учаев – 22 [Учаев, 1976, с. 39–40], для ср.: в коми языках, согласно Г. В. Федюновой выделяется более 90 суффиксов [Федюнова, 1985, с. 9], а Е. П. Большдт в нганасанском языке находит 50–60 суффиксов [Большдт, 1989, с. 23], в мокшанском языке обнаруживается 42 суффикса [Кокнаева, 1995, с. 19–20].

Рассмотрим наиболее употребительные суффиксы, которые образуют имена существительные.

Суффикс *-зе* (*-зо*, *-зö*). Этот суффикс объединяет группу людей, объединенных по повадкам, образу действия и т. п. Надо отметить, что в уржумском говоре, по нашему мнению, можно выделить два подговора: байсинский и лебяжский. Мы будем приводить примеры, встречающиеся в обоих подговорах – это прежде все суффиксы, которые образуют имя существительное от существительных, например: байсин. *түмырзö* ‘барabanщик’ < *түмыр* ‘барaban’, *шүвырзö* ‘волынщик’ < *шүвыр* ‘волынка’, *күслезе* ‘гусяр’ < *күсле* ‘гусли’, но *пашаен* ‘любящий работу’ < *паша* ‘работа’, нет *пашазе* ‘рабочий’, *пашаче* ‘рабочий’; лебяж. *мрызы* ‘певец’ < *мро* ‘песня’, *учызö* ‘упрямый; мститель’ < *учö* ‘упрямство’, *пашазэ* ‘рабочий’, *пашачэ* ‘любящий работу’; но *рабочо* ‘любящий работу’, *куштышо* ‘танцовщик’, *кол кучышо* ‘рыбак’, *күтышö* ‘пастух’. Суффикс безударный. Заимствован из чувашского языка.

Суффикс *-эм* (*-ем*) участвует в образовании существительных, означающих совершенное действие результата, из другого конкретного существительного. Встречается в собственных и нарицательных именах, например: байсин. *корэм* ‘овраг’, *илэм* ‘жильё’, *вургэм* ‘одежда’, *сöрэм* ‘дёрн’; но *идымвэчы* ‘гумно’, *пакча* вместо *тошкэм* ‘задворки’; лебяж. *шэлтэм* ‘развилка’, *влргэм* ‘одежда’, *шолэм* ‘град’, *пышкэм* ‘завязка, узел’. Ударный суффикс.

Суффикс *-ешке* в современном марийском языке непродуктивный. Встречается во всех диалектах, но чаще в горном и северо-западном наречии марийского языка и в рассматриваемом говоре, например: байсин. *имнешке* 'всадник', *йолэшкы* 'пеший', *пийнэрэшкы* 'подслушник, шпик'; лебяз. *имн'эшкы* 'всадник', *йолэшкы* 'пеший', *пийнэрэшкы* 'шпик, сыщик'. По наблюдениям Н. И. Исанбаева этот суффикс встречается в ранних фиксациях марийских слов [Исанбаев, 1960, с. 67]. Суффикс образовался от финно-угорского *-ешк* и чувашского *-е*. Ударение падает на первый слог.

Суффикс *-тыш*. Настоящий суффикс показывает результат действия от значения, например: байсин. *шупшылттыш* 'петля', *подылттыш* 'глоток', *кумалтыш* 'моление'; лебяз. *шлплтлш* 'петля', *руалтыш* 'крючок', *шлтлш* 'растает снег, лед', *клмалтыш* 'моление'. По происхождению марийский суффикс, безударный.

Суффикс *-лык*. Суффикс образует имена существительные от имен существительных, например: байсин. *сөрлык* 'шкаф', *тувырашлык* 'материал для рубашки', *моторлык* 'красота'; лебяз. *шовычлык* 'платочный, предназначенный для платья', *тлгэрашлык* 'материал для рубашки', *йолашлык* 'материал для штанов'. Заимствован из чувашского языка. Безударный.

Суффикс *-аш*. образует имена существительные от имен существительных, например: байсин. *шўраш* 'крупа', *чизаш* 'соска', *йолаш* 'штаны, брюки', *пран'аш* 'наперсток'; лебяз. *шондаш* 'круглая щетка для чесания кудели', *шэргаш* 'кольцо', *руаш* 'тесто'. Ударный суффикс.

Суффикс *-ак*. Суффикс встречается в обоих подговорах: байсин. *войз'ак* 'очаг, горнушка', *волак* 'корыто', *пурка* 'пыль', но *пашма* вместо *вончак* 'брод', *шолоп* вместо *тўрволак* 'желоб'; лебяз. *вонд'ш'ак* 'брод', *чарак* 'подпорка', *п'рак* 'пыль'.

Суффикс *-ыш* показывает результат действия, связанный со значением именной части речи, например: байсин. *шулыш* 'голенище', *пулыш* 'предплечье', *шўлыш* 'дыхание'; лебяз. *шллыш* 'голенище', *пллыш* 'предплечье', *комдыш* 'крышка'.

В настоящее время не образует новые слова, безударный.

Суффикс *-т* принимает участие в производстве имен существительных на основе качественных имен прилагательных, например: байсин. *келгыт* 'глубина', *нелыт* 'тяжесть', *кўкшыт* 'высота. рост'; лебяз. *кэлгыт* 'глубина', *кужыт* 'длина, долготы', *нэлыт* 'тяжесть'. Непродуктивный.

Суффикс *-чык* образует имена существительные, например: байсин. *кўпчык* 'подушка', *лаптык* 'тряпка', *пэргэнд'шык* 'платок, покрывающий голову и лицо невесты', *шўвыллушка* 'слюна', *индырчык* 'мучитель'; лебяз. *шувылчык* 'слюна', но нет *оварчык* 'закваска', *индырчык* 'мучитель, мучительница', *рэгэнчык* 'мох'. Непродуктивный, заимствован из чувашского языка.

Библиография

- Большт Е. П. Именное словообразование нганасанского языка. Новосибирск: Наука, 1989. 95 с.
Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка: морфология. 1968. 168 с.
Исанбаев Н. И. К вопросу о происхождении суффикса *-ешке* в марийском языке // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1960. Вып. XIII. С. 65–71.
Кокнаева Л. И. Именное словообразование в мокшанском языке: морфологический способ образования: автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.07 / Мордов. гос. ун-т. Саранск, 1995. 20 с.
Лаврентьев Г. И. Состав слова и словообразования в современном марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1984. 192 с.
Сергеев О. А. Марий йылме. Мут ышталтмаш / Йылмым келгынрак тунемше-влаккан. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1995. 144 с.
Учаев З. В. Кызытсе марий йылме. Ончылмут. Мут ышталтмаш. Тунемме книга. Горький, 1976. 66 с.
Федюнева Г. В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языках. М.: Наука, 1985. 134 с.

О. И. Некрасова

НЕКОТОРЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА В КОМИ В ОБЛАСТИ СИНТАКСИСА

Аннотация. Статья посвящена изучению показателей связи в предложении и тексте коми языка в аспекте коми-русского языкового контактирования и взаимодействия. В синтаксисе коми языка можно наблюдать распространение сложных конструкций с особым видом связи – с сочинительным союзом с лексическим конкретизатором. Данный принцип оформления связи заимствуется из русского языка и еще мало изучен. В статье выделены некоторые общие значения конкретизаторов при сочинительных союзах *и*, *но*, *да*.

Ключевые слова: коми язык, русский язык, сложная конструкция, сочинительный союз, конкретизатор, связь.

SOME BORROWINGS FROM THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE KOMI IN SYNTAX

Abstract. The article is devoted to the study of connection indicators in a sentence and a text of the Komi language in the aspect of Komi-Russian language contact and interaction. In the Komi language syntax it is possible to observe spreading of complex constructions with a special kind of connection – a coordinative conjunction with a lexical specifier. This principle of connecting is borrowed from the Russian language and is understudied. The article highlights some basic meanings of specifiers with the coordinative conjunctions *и*, *да* ‘and’, *но* ‘but’.

Keywords: the Komi language, the Russian language, complex construction, coordinative conjunction, specifier, connection.

Усиление роста сложных конструкций в строе предложений, а также определенное влияние русского языка на коми в области синтаксиса приводит к тому, что изучение показателей связи (союзов и союзных средств) в предложении, сложном синтаксическом целом (ССЦ) и тексте остаются актуальными темами коми языка.

Современная лингвистика сосредоточила серьезное внимание на изучении «категории союзности» [Колосова, Черемисина, 2013, с. 31], в частности, на лексических конкретизаторах, т. е. «словах и словосочетаниях, которые подключаются к союзу и уточняют его значение. В образовавшемся при участии конкретизатора союзном соединении происходит распределение функций между собственно союзом и элементом, уточняющим его значение. Таковы соединения: *и потому*, *и поэтому*, *и в результате*, *и оттого*, *и тем самым*, *и стало быть*, *и следовательно*, *и таким образом*, *и значит*, *и притом...*» [Русская грамматика, 1980, т. 1, с. 713]. Данные единицы «рассматриваются как факультативные полусоюзные образования, выполняющие не столько функцию связи, сколько функцию смыслового наполнения, прикрепленного к ним сочинительного союза. В качестве лексического конкретизатора выступают наречия, частицы и местоимения» [Захаржиева, 2015, с. 267]. Кроме того, в сферу союзных средств русского языка включается «группа слов с квалифицирующими лексическими значениями, выступающих в предложении как аналоги союзов: *вдобавок* (кроме того), (к тому же) (разг.), *ведь*, *вернее*, *впрочем*, *выходит* (следовательно) (разг.), *далее*, *дальше*, *еще* (кроме того), *затем* (далее), (кроме того), *зато*, *значит*, *именно*, *иначе*, *кстати*, *лишь*, *наконец*, *наоборот*, *например*, *напротив*, *однако*, *особенно*, *потом* (кроме того) (разг.), *потому*, *поэтому*, *правда*, *притом...* Многие из них широко употребительны в качестве конкретизаторов при семантически недифференцированных союзах: *и вдобавок*, *да еще*, *а значит*, *и наоборот*, *а потому*, *а следовательно*, *но зато*, *но только*, *или иначе*. В отличие от аналога союза собственно союз в составе подобных соединений, как правило, занимает позицию конкретизируемого компонента [Русская грамматика, 1980, т. 1, с. 714]. Во включении лексических средств в качестве аналогов союза (неграмматический способ связи) в число участников в формировании сочинительных отношений И. Н. Кручинина видит недооценку роли союзов, тенденцию к размыванию границ сочинения, к смешению его в область неграмматических способов связи [Кручинина, 1988, с. 3–4].

На примыкающие к сочинительному союзу «наречия-союзы», «союзные частицы» (потому, потому, теперь, тогда, все-таки, однако и др.) обращает внимание И. А. Попова [Попова, 1950, с. 395–397], по данным исследований, уже древнерусский язык обладал целой системой союзных средств, в том числе сочинительных союзов для связи предложений. Для него было характерно широкое распространение сочинительной связи предложений, преобладание сочинительных конструкций над подчинительными, где основным средством связи частей сложносочиненных предложений являлись сочинительные союзы, они же выступали одновременно и как показатели отношений между ними [Стеценко, 1972, с. 147–148], в сложносочиненном предложении союзы нередко употреблялись в сочетании с частицами и наречиями, которые усиливали значение или уточняли характер смысловых отношений между предложениями [Стеценко, 1972, с. 180].

Данное явление в русском языке послужило основой для классифицирования сложносочиненных предложений по типу союзов: «другой принцип классификации сложносочиненных предложений – типы союзов, которые представляют собой две группы: союзы недифференцированного значения и союзы дифференцированного значения. К первой группе относятся: *и*, *но*, *а*, *или* и их синонимы. При данных союзах возможны различные синтаксические отношения, которые могут выявляться с помощью так называемых конкретизаторов: *и все-таки*, *и даже*, *и поэтому*, *и притом*, *и значит*, *и вдруг*, *а ведь*, *а следовательно*, *а все-таки*, *но вот*, *но все же*, *но только* и др. Ко второй группе относятся союзы, специализирующиеся на одном значении: это союзы пояснительные (*то есть*, *а именно*), градационные (*не только ...но и*, *не столько... сколько*), присоединительные (*да и*, *да еще*), разделительные *то...то*, *не то...не то*, *то ли...то ли*). Обладая четко выраженными значениями, эти союзы не нуждаются в конкретизаторах» [Стародумова, 2005, с. 107].

К. Редеи, отмечая основные направления развития коми языка под воздействием русского, языковые связи с которым у коми ведут начало с XIV–XVI вв., зафиксировал основные синтаксические интерференционные явления еще между церковнославянским и древнезырянским языками [Редеи, 1996, с. 15–16; 45–48]. Коми язык, сосуществуя в течение нескольких веков в тесном контакте с русским, заимствовал различные его элементы: лексику, синтаксические конструкции, средства связи, например, союзы *а* ‘а’, *и* ‘и’, *но* ‘но’, *кӧть* ‘хоть’, *пока* ‘пока’; сочинительный союз *и* зафиксирован еще в древнепермских текстах XIV в. (см.: Манова, 1976; Лудыкова, 1996, с. 170–178; 2007, с. 67–69; Лыткин, 1952, с. 123, 130, 139; Сидоров, 1992, с. 120; Leinonen, 2002, с. 195–358). Для коми языка изначально были характерны простые предложения, сложные бессоюзные предложения, большинство типов сложноподчиненных предложений стало широко использоваться в коми прозе лишь в 80–90-е гг. прошлого века. В произведениях начала прошлого века, появившихся в 20-х гг., обнаруживаются конструкции, заимствованные из русского языка, например, безличные предложения с безлично-предикативным словом *жаль*, односоставные инфинитивные предложения с различными модальными значениями, СПП с уступительным придаточным с союзом *кӧть* ‘хоть’ и др. [Лудыкова, Синтаксис, 1995, с. 69–60, 65].

По справедливому замечанию Э. Н. Поповой, в коми языке «наряду с признанными союзами и союзными словами выявляются такие единицы союзного характера, вопрос об употреблении которых в связочной функции до сих пор не затронут в коми лингвистике, и оценка которых как показателей связи заслуживает теоретического обоснования» [Попова, 2015, с. 13]. Действительно, если союзы и союзные слова, сложное предложение в коми лингвистике, а также вопросы контактирования и взаимодействия коми и русского языка в области синтаксиса были объектом ряда исследований, то другие показатели связи в предложении и тексте мало исследованы. Данные немногочисленных работ свидетельствуют о том, что коми язык заимствует не только союзы русского языка, но и другие средства связи в предложении, ССЦ и тексте, а точнее – принципы оформления различных отношений в сложном предложении и тексте с помощью определенных (лексических) средств. Например, в учебном пособии по сложному предложению коми языка В. М. Лудыкова, не прибегая к терминам «конкретизатор», «скрепа», «аналог союза» отмечает, что «в сложносочиненном предложении коми языка, как и русского, недифференцированные сочинительные союзы *и*, *но* могут усиливать свое значение причины и следствия, выделительно-ограничительное значение, акцентирование неожиданного, уступительное и др. путем присоединения наречий, местоимений, частиц, например, *и та вӧсна*, *и сы вӧсна* ‘и поэтому’, *и медбӧрын* ‘и наконец’, *и сэки* ‘и тогда, и в то время’, *и буретши сэки* ‘и как раз тогда’, *и друг* ‘и вдруг’, *и сӧмын* ‘и только’, *но век жӧ* ‘но всё же’» [Лудыкова, Коми, 1995, с. 10, 12, 17], Э. Н. Попова в описании сочинительных союзов коми языка говорит о синтаксически специализированных словах, сопровождающих союз *и*. Так, в сочинительных конструкциях с выражением временных отношений (одновременности или последовательности) между составляющими компонентами союз *и* могут сопровождать специальные слова и сочетания с временным значением, подчеркивающие значение одновременности или последовательности: *ӧттиӧтти* ‘одновременно’, *бӧр* ‘обратно, снова, опять’, *сэсса* ‘потом’, *пыр жӧ* ‘сразу же’, *вӧлись* (*вӧлисти*) ‘только; потом’. Причинно-следственные отношения выражаются, подчеркиваются при широком по значению соединительном союзе *и* местоименными словами *та вӧсна* ‘поэтому’, *сы вӧсна* ‘потому’, *сийӧн* ‘потому’ и т. д. Добавочное значение уступительности при союзе *и* появляется в сочетании с частицей *век жӧ* ‘всё же’, союз *и* с присоединительным значением может сопровождаться вводными компонентами: *торйӧн нин* ‘в особенности’, *зэв нин* ‘в особенности’, частицами выделительного и присоединительного значения: *весиг* ‘даже’, *ещӧ* ‘ещё’, *нӧшита* ‘ещё’, *тишӧтши* ‘тоже’ [Попова, Кывйитӧд, 2000, с. 58–65], союз *и* может выполнять функцию противительного союза, иногда противительное значение проявляется у него в сочетании с частицей *век жӧ* – *и век жӧ* ‘и всё же’ [Попова, Кывйитӧд, 2000, с. 494].

Более подробно материал о многокомпонентных показателях связи приведен в одном из разделов монографии Э. Н. Поповой [Попова, 2015], где исследователь отмечает, что «часто в коми языке основные (“базовые”) союзы (*и*, *да*, *а*, *но*, *либӧ*, *кор*, *кӧть* и др.) образуют сочетания с местоимениями, наречиями и частицами, чаще с наречиями и частицами. Такими соединениями могут быть: *и сэсса* ‘и затем’, *и сы вӧсна* ‘и потому’, *и сийӧн* ‘и потому’, *и та вӧсна* ‘и поэтому’, *и весиг* ‘и даже’, *и век жӧ* ‘и все же’, *да сы вӧсна* ‘и поэтому’, *да весиг* ‘и даже’, *да сӧмын* ‘да (но) только’, *а сӧмын* ‘а только’, *а сэсса* ‘а затем’, *а вермас лоны* ‘а может быть’, *а сідзкӧ* ‘а значит’, *но ӧд* ‘но ведь’, *но сӧмын* ‘но только’, *но век жӧ* ‘но все же’ и т. д. В работе автор, базируясь на исследования М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [Черемисина, Колосова, 1987, с. 155] предпринимает попытку разделения показателей на союзные соединения с конкретизаторами и союзные соединения с квалификаторами, составные союзы. В случаях, если союз семантически согласуется с последующим регулярно контактирующим «конкретизатором», то тесного сращения между ними не происходит. «Второй компонент действительно остается конкретизатором отношений, уже намеченных сочинительным союзом. В случаях же, когда между

сочинительным союзом и наполнителем следующей позиции семантического соответствия нет, связь между ними оказывается более тесной, их сочетание приобретает идиоматичность, скрепа становится более целостной... вторая ее составляющая выполняет уже не конкретизирующую, т.е. уточняющую, а квалифицирующую функцию. Устранение такого квалификатора может привести к заметному сдвигу в семантике высказывания». Таковыми, например, в коми языке будут соединения *и век жö* 'и все же', *да век жö* 'и все же', *и сэсся* 'и затем', *а сэсся* 'а затем', *а сідзкö* 'а значит', *а вермас лоны* 'а может быть' и др... Сложившимися составными союзами в коми языке будут: *а сідзжö* 'а также', *кыз быттö* 'как будто'» [Попова, 2015, с. 94–94].

Данный уровень изучения особого вида связи, каким является лексический конкретизатор / квалификатор, указывает на необходимость дальнейших исследований коми синтаксиса в этом направлении. В настоящей статье предпринят еще один шаг в указанной сфере, дополнен материал по лексическим конкретизаторам, сопровождающим сочинительные союзы коми языка, сделаны определенные выводы. Материал для исследования извлечен из национального корпуса коми языка.

Касаясь проблемы изучения значения сочинительных союзов необходимо отметить, что «господствующей является точка зрения о многозначности сочинительных союзов. Зачастую имеющиеся толкования сочинительных союзов – это, в сущности, толкование предложений с сочинительными союзами» [Попова, 2015, с. 22]. В коми языке вырисовывается та же картина, что и в русском языке, в котором отмечается увеличение союзных средств за счет появления новых союзных образований, а также гибридных слов, специальных слов и словосочетаний (конкретизаторов), которые «по отношению к сочинительным союзам выполняют семантически дифференцирующую функцию, подключаются к союзу и уточняют его значение» [Русская грамматика, 1980, т. 1, с. 713], а зона функционирования сочинительных союзов распространяется от конструкций с однородными членами, части сложносочиненного предложения и до самостоятельных предложений в связном тексте.

Можно выделить некоторые основные, самые общие значения конкретизаторов при сочинительных союзах *а, и, но* с различной степенью семантического соответствия между союзом и конкретизатором / квалификатором:

1. Значение результата, следствия, вывода, итога, заключения: союз + наречие: *и медбöрын, и медбöрти* 'и наконец', 'и в конце концов', *и вöльсь* 'и потом, и наконец'; союз + местоименное слово, вводное слово: *и та вöсна, и сы вöсна, и таьсь, и сідзкö* 'и поэтом', 'и потому, и значит', *а сідзкö* 'а значит, а следовательно, а стало быть': *Этапъяс, лагерьяс, и медбöрын со вайöмаöсь Войвылö, перымса зонаясö.* (В. Бабин). 'Этапы, лагеря, и вот наконец привезли на Север, в пермские зоны'; *Коли лун джынйыс, и вöльсь локтис еджыд вöв вылын, сувтис полксянь неылö.* (И. Изьюров). 'Прошло полдня, и наконец приехал на белом коне. Встал недалеко от полка'; *Öд кымын тиöкыдджыка син улö кутас веськавны коми кывйыс, сымын коланаджыкөн сійö кутас чайтсьыны йöзыслы, а сідзкö, и чужан кывйысь яндысьöмыс воиас!* (Е. Логинова). 'Ведь чем чаще будет встречаться коми слово, тем более нужным оно будет для людей, а значит стеснение от пользования родным языком исчезнет'; *Челядьыс асьныс гöгөрвоасны, мый тi киподтуя, сяма морт, и сідзкö, йöзыслы удж вылын коланаöсь.* (Н. Куратова). 'Дети сами поймут, что вы трудолюбивый, толковый человек, и значит, на работе нужны людям'; *Тайон и чайта, мый батыс мöдысь на гöтрасьлывлöма да та вöсна Виктор кöдзальшитöма сы дорö.* (А. Попов). 'Оттого и думаю, что отец его второй раз женился, и поэтому Виктор несколько охладел к нему'; *«Вися» кывбурын лирика герой майшаьсь öтка олöм понда, сійöс весиг некод оз волю видлыны, и таьсь сылы нöшта на омöль: öдзöс лун-лун пöдса.* (П. Сажина). 'В стихотворении «Вися» лирический герой тяготится одиночеством, его никто не приходит навестить, и оттого ему еще хуже: дверь день-деньской заперта'.

2. Значение противоположности, уступки (противительно-уступительное): союз + наречие, наречное выражение: *и та вылö видзöдтöг* 'и несмотря на это, и тем не менее', *но та вылö видзöдтöг* 'но несмотря на это, но тем не менее'; союз + частица: *но век жö* 'но всё же', *и век жö* 'и всё же': *Эз позь, тöдöмысь, надейтчыны, мый сар-батюшколөн дядьыс няйтöсьтас югыд сапöгьяссö, лэччас окопьясöдз. Сэни öд няйт, ва, кöдзид. И век жö офицерьяс тиöктисны гöгөр пелькöдны-идравны окопьяссö, косöдны джоджьяс, бырöдны салдатскöй дуксö.* (И. Изьюров). 'Нельзя было надеяться, что дядя царя-батюшки испачкает свои начищенные сапоги, спустится в окопы. Ведь там грязно, сыро, холодно. И всё же офицеры приказали прибраться в окопах, вытереть полы, уничтожить солдатский дух'; *Бөрья воясас Мохаммед Али чорыда висьö, но та вылö видзöдтöг зэв на кыпыда пасйис асьыс «гöгрöс» чужан лунсö.* (В. Каракчиев). 'В последние годы Мохаммед Али серьезно болеет, но несмотря на это очень торжественно отметил свой юбилей'; *«Коля!» – эз сэтиöm ярскöба, но век жö мөрччана шуис Нина, кыскышитис Шумков шамырысь кисö.* (Г. Юшков). '«Коля!» – не очень резко, но все же убедительно сказала Нина, выдернула руку из кулака Шумкова'; *Дивö босьтис Антонöс: Миля вермö шуны верöсыслы мелi кывьяс, и сэк жö, стрöка сюрас да, бон-бус пинявны.* (А. Ануфриева). 'Антон удивлялся: Миля может говорить супругу ласковые слова, и тут же, как только найдется повод, отругать в пух и прах'.

3. Выделительно-ограничительное значение: союз + частица: *и сӧмын* ‘и лишь, и только’, *да сӧмын* ‘да только’, *но сӧмын* ‘но только’, *а сӧмын* ‘а только’; союз + местоимение: *и таысь кындзи* ‘и кроме этого’: *Овмӧдчлӧм Сталинградын, Сахалинын, и сӧмын Коми муын куті кывны ачымӧс бура, дзикӧдз бурді.* (И. Ногиев). ‘Жили и в Сталинграде, и на Сахалине, и только на Коми земле стал чувствовать себя хорошо, совсем выздоровел’; *Сылӧн нывкаыс, арӧса Лёля, эз на ветлы ни весиг эз сулав, а сӧмын уяліс да юмов сӧянсьыс ӧтторъя висис, и та понда видзысьыс сійӧс эз радейт.* (А. Ануфриева). ‘Ее дочка, годовалая Леля, еще не ходила и не стояла, а только ползала и постоянно болела от сладостей, и поэтому нянька ее недолюбливала’; *Сы водзын вӧлі нюмъялысь Илья и таысь кындзи Вера нинӧм, дзик нинӧм эз кӧсйы.* (В. Юхнин). ‘Перед ней стоял улыбающийся Илья, и кроме этого Вере ничего, совсем ничего не было нужно’.

4. Значение добавочного, факультативного присоединения: союз + наречие: *а ӧттиӧтти* ‘а вместе с тем, а еще’, *но ӧттиӧтти* ‘но вместе с тем, но ещё’; союз + местоименное слово: *и таысь кындзи* ‘и кроме этого (и ещё)’, *но таысь кындзи* ‘но кроме этого (но ещё)’: *Зэртӧ, шуӧны, Лёнялӧн кокыс вись-талас стӧча и таысь кындзи кылӧ, кор мян удждон сеталасны...* (Е. Афанасьев). ‘Говорят, дождь нога Лени предскажет очень точно, и кроме этого чувствует, когда нам зарплату выдадут’; *Сылӧн, сідзсӧ лӧнь мортлӧн, сӧлӧмыс ӧні вӧлі потан выйын, а ӧттиӧтти сир курыд шог лои.* (И. Торопов). ‘У него, спокойного вроде человека, сейчас сердце готово было разорваться, а одновременно (ещё) стало очень горько’; *Авъя мортыс жаль, но ӧттиӧтти жаль мем, Коді чужанінсӧ зільӧ тальны...* (А. Ванеев). ‘Жалко толкового человека, но вместе с тем (но ещё) жалко мне (того), кто пытается очернить Родину’.

5. Значение акцентирования неожиданного: союз + наречие (+ частица): *и сэк жӧ* ‘и тотчас, и тут же’; *и друг* ‘и вдруг’. *Некод на нинӧм эз виччысь, и друг бокысянь кутіс матыстчыны кутшӧмкӧ руд бус ёкмьль.* (И. Изъюров). ‘Никто ничего не ожидал, и вдруг сбоку стал приближаться какой-то серый клуб пыли’; *Став тушанас Бьярма шыбитчис водзӧ, шӧрас шенасьысь франклань, мый вынсьыс бырскӧбтіс шыпуртнас... И сэк жӧ лёк дой вурьшитіс лысьӧмсӧ, эз гӧгӧрво – кыті.* (В. Тимин). ‘Всем телом Бьярма устремился вперед, к размахивающему в толпе франку, изо всех сил вонзил копьё... И тотчас дикая боль пронзила тело, непонятно – где’.

Таким образом, в сфере функционирования сложных конструкций коми языка наблюдается расширение конструкций с особым видом связи – лексических конкретизаторов при сочинительных союзах, в качестве которых могут выступать частицы, местоимения, наречия и наречные сочетания, вводные слова. Исследование данных показателей связи в коми языке находится на начальном этапе, на что указывает небольшое количество работ, посвященных данной теме [Лудыкова, Синтаксис, 1995; Попова 2015]. Несомненно, что развитие подобных показателей связи происходит под влиянием и по принципам синтаксиса русского языка (сочинительный союз + конкретизатор / квалификатор).

Библиография

- Захаржиева О. А. Роль лексико-семантических конкретизаторов сочинительных союзов в сложных синтаксических конструкциях русского и английского языков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 5. С. 266–269.
- Колосова Т. А., Черемисина М. И. Можно ли рассматривать простоту / сложность предложения как синтаксическую категорию? // Сложное предложение: хрестоматия к семинарским занятиям по курсу «Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения» Новосибирск, 2013. С. 24–32.
- Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М.: Наука, 1988.
- Лудыкова В. М. Синтаксис коми рассказа 20-х годов // Грамматика и лексикография коми языка. Сыктывкар, 1995. С. 48–66.
- Лудыкова В. М. Коми кывйын сложной сёрникузя. Сыктывкар, 1995.
- Лудыкова В. М. Влияние русского языка на синтаксис коми литературного языка // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар. 1996. Т. 2. С. 170–178.
- Лыткин В. И. Древнепермский язык: чтение текстов, грамматика, словарь. М., 1952.
- Манова Н. Д. Сложноподчиненные предложения в коми языке в историческом освещении. Основные типы: автореф. дис... канд. филол. наук. Москва, 1976.
- Национальный корпус коми языка [Электрон. данные]. РЕЖИМ ДОСТУПА: <http://komicorpg.ru/info.php> (дата обращения: 12.01.2018).
- Попова И.А. Сложносочиненное предложение в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 355-397.
- Попова Э. Н. Союзы и союзные средства в коми языке. Сыктывкар, 2015.
- Попова Э. Н. Значения и функции союза и в современном коми языке // Коми слово в грамматике и словаре. Сыктывкар, 2000. С. 58–65.
- Попова Э. Н. Кывйитӧд // Ӧнія коми кыв. Морфология. Сыктывкар, 2000.
- Русская грамматика: в 2-х т. М., 1980.
- Редеи К. Влияние церковнославянского языка на семантику и синтаксис древнезырянского, Сыктывкар, 1996.
- Сидоров А. С. Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992.
- Стародумова Е. А. Синтаксис современного русского языка. Владивосток, 2005.
- Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
- Leinonen M. Influence of Russian on the syntax of Komi // Finnisch-Ugrische Forschungen. 2002. Bd. 57. P. 195–358.

ANALYTISCHE KONVERBKONSTRUKTIONEN IN NORDUDMURTISCHEN DIALEKTEN АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СЕВЕРНЫХ ДИАЛЕКТАХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В севернорудмуртских диалектах частота так называемых аналитических деепричастных конструкций, по свидетельству научной литературы, значительно ниже, чем в южнорудмуртских диалектах. В статье предпринята попытка найти потенциальные вспомогательные глаголы для аналитических деепричастных конструкций в свете частоты их возникновения по материалам образцов речи среднечепецкого диалекта северных удмуртов, собранным Л. Л. Карповой.

Ключевые слова: удмуртский язык, аналитические деепричастные конструкции, грамматикализация, спаренные глаголы, вспомогательные глаголы.

ANALYTIC CONVERB CONSTRUCTIONS IN NORTHERN UDMURT DIALECTS

Abstract. In Northern Udmurt dialects the frequency of so called analytical converb constructions is reported to be significantly lower than in Southern Udmurt dialects. The article tries to find potential candidates for auxiliary verbs in analytical converb constructions in the light of the frequency they occur in L. L. Karpova's monography on the Middle Chepts dialect of Udmurt.

Keywords: the Udmurt language, analytic converb constructions, grammaticalization, paired verbs, auxiliary verbs.

0. Einleitung

Obwohl analytische Konverbkonstruktionen („paarige Verben“) in den Sprachen des Volga-Kama-Gebiets – mit Ausnahme des Russischen – ein gemeinsames areales Phänomen darstellen, scheinen sie im Udmurtischen nicht ganz so zu funktionieren wie in den anderen Sprachen der Region, namentlich Marisch, Tatarisch, Tschuwaschisch und Baschkirisch. Allegroformen sind im Udmurtischen meines Wissens nicht nachgewiesen, auch scheint ihre Produktivität zumindest fragwürdig zu sein [Pischlöger, 2016]. Einige vermeintliche „Sonderformen“ im Udmurtischen [Каракулова, 1987] sind wohl nicht zu den analytischen Konverbkonstruktionen im eigentlichen Sinn zu zählen, könnten aber ein Hinweis darauf sein, dass der Grad der Grammatikalisierung – so vorhanden – geringer sein könnte als im Marischen, Tatarischen und Tschuwaschischen [Pischlöger, 2017]. Auch ihre im Vergleich zu den anderen genannten Sprachen seltene Verwendung scheint gegen eine (starke) Grammatikalisierung dieses Phänomens im Udmurtischen zu sprechen [Pischlöger, 2016], vielleicht mit Ausnahme der südlich-peripheren Dialekte [Кельмаков, 1995], was wohl auf den starken tatarischen Einfluss in diesen Dialekten zurückzuführen ist. An dieser Stelle möchte ich kurz untersuchen, ob sich solche Verbindungen auch in nördlichen Dialekten des Udmurtischen nachweisen lassen. Als sprachliches Demonstrationsmaterial dient mir Ljudmila Karpovas Monografie „Der udmurtische Dialekt von der mittleren Čepca“ [Карпова, 2005], das mir in digitaler Form von der Autorin zur Verfügung gestellt wurde, wofür ich mich an dieser Stelle herzlich bedanken möchte.

1. Häufigkeit als Grundbedingung der Grammatikalisierung

Joan Bybee äußert sich an mehreren Stellen [Bybee, 2003; Bybee, 2011] zu der wichtigen Rolle, die die Häufigkeit einer sprachlichen Erscheinung beim Prozess der Grammatikalisierung spielt. Mit anderen Worten, ein sprachliches Phänomen muss ausreichend häufig sein, um überhaupt als Kandidat für Grammatikalisierung in Frage zu kommen. Obwohl Häufigkeit oder Frequenz (Bybee benutzt die Termini „frequency“ und „repetition“) nicht von allen Autoren als ausreichende Motivation für Grammatikalisierung angesehen werden, scheint doch Einigkeit darüber zu bestehen, dass grammatikalisierte Formen zumindest nach dem Prozess der Grammatikalisierung häufiger auftreten, wenn auch nicht in allen Fällen [vgl. Traugott, 2011, S. 280]¹.

Um einen Überblick über die Häufigkeit der uns hier interessierenden analytischen Konverbverbindungen zu gewinnen, verwende ich das Konkordanzprogramm „LancsBox“ [Brezina, McEnery, Wattam, 2015], das von der Universität Lancaster entwickelt wurde und frei im Internet herunterzuladen und von jedermann gratis zu benutzen ist. Als Korpus dient die oben erwähnte Monografie [Карпова, 2005], genauer der mir von der Autorin dankenswerterweise zur Verfügung gestellte Teil mit den udmurtischen Dialektbeispielen, gefolgt von den jeweiligen russischen Übersetzungen. Gesucht wurde nach Kollokationen mit Gerundien auf „-sa“ (mit

¹ Vgl.: „While repetition by members of a language community undoubtedly is a major factor in the fixing, freezing and autonomizing associated with grammaticalization, frequency itself appears implausible as a motivation for the onset of grammaticalization. This is because it leaves the question unanswered what motivated the frequency in the first place, and secondly the historical record suggests that several changes considered to be instances of grammaticalization either show significant increases in frequency after grammaticalization has set in (see Hundt, 2001), or little increase at all (Hoffmann 2005)“ [Traugott, 2011, S. 280]

Platzhalter also *sa bzw. auf kyrillisch *ca), der Abstand jeweils zwei Wörter vor und nach dem Konverb, da in diesem Dialekt das finite (Hilfs)Verb nicht selten vor dem Konverb zu stehen kommt (die Wortfolge entspricht sehr oft nicht der für das Udmurtisch als „typisch“ angesehenen SOV). Da es sich um einen ersten Überblick handeln soll, wurde der gesamte Text in nicht lemmatisierter Form, eingeschlossen der russischen Übersetzung, untersucht (s. Abb. 1).

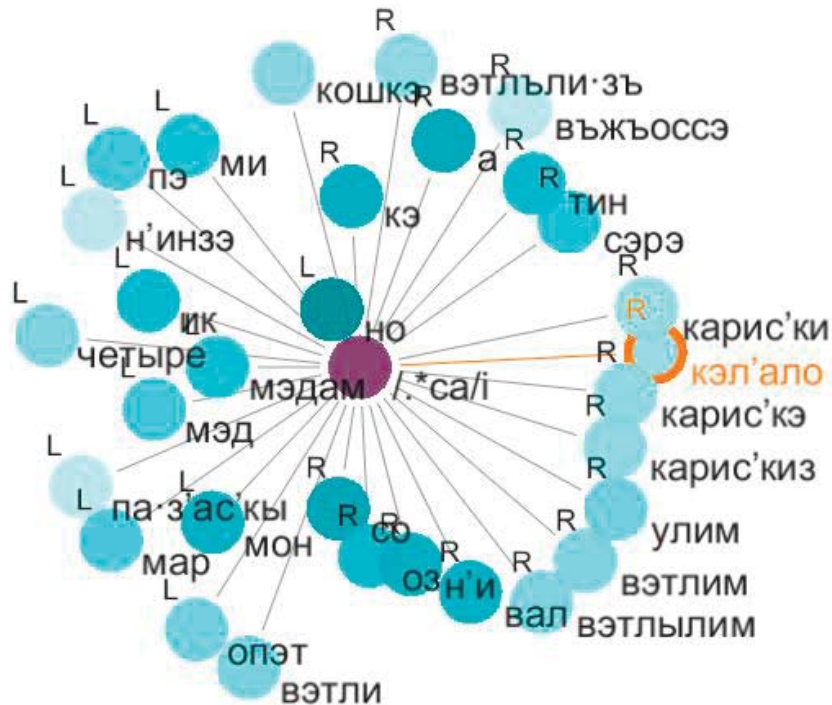

Abbildung 1. Graphische Darstellung der Kollokationen mit GraphColl, Bestandteil des Konkordanzprogramms LancsBox (gewählte Parameter: MI3 (11.5), L2-R2)

Aus Abbildung 1 wird ersichtlich, welche Verben als potentielle Hilfsverben in Konverbkonstruktionen dienen können, es sind dies die Verben *кеяны* ‘schicken, abschicken’, *кошкыны* ‘weggehen’, *ветлылыны* ‘gehen, fahren’, *улыны* ‘leben, existieren’, *ветлыны* ‘gehen, fahren’. Zwei dieser Verben - *ветлыны* ‘gehen, fahren’ und *улыны* ‘leben, existieren’ - dienen in Konverbkonstruktionen der Bildung der nontransformativen Aktionsart [Пишлӧгер, 2013, S. 202–203]. Überraschend ist das Auftreten von *ветлылыны* ‘gehen, fahren’, das in der Literatur nicht als Hilfsverb beschrieben ist, allerdings kann es vielleicht als Variante von *ветлыны* ‘gehen, fahren’ aufgefasst werden. Das Verb *кошкыны* ‘weggehen’ ist aus der Literatur hinreichend als Hilfsverb bekannt (und zwar zur Bildung von initialtransformativer Aktionsart, vgl. [Пишлӧгер, 2013, S. 203], anders als *кеяны* ‘schicken, abschicken’, das in den Texten von der mittleren *Їсрса* bis auf eine Ausnahme nur mit sa-Konverben vorkommt, aber in der Literatur nicht als Hilfsverb angeführt wird. Auf eine Analyse der Verbindungen bzw. der Verben auf ihre eventuelle Verwendung als Hilfsverben wird hier verzichtet, es ergibt sich folgendes Bild möglicher Hilfsverben im Dialekt der mittleren *Їсрса* (Tab. 1):

Tabelle 1

Potentielle Hilfsverben

	Kollokation mit sa-Konverb	Vorkommen im Korpus
<i>кеяны</i> ‘schicken, abschicken’	6	7
<i>кошкыны</i> ‘weggehen’	8	19
<i>ветлылыны</i> ‘gehen, fahren’	16	38
<i>улыны</i> ‘leben, existieren’	11	43
<i>ветлыны</i> ‘gehen, fahren’	19	71

3. Schlussfolgerungen und Ausblick

Ausgehend von der aus der Fachliteratur begründbaren Annahme [Bybee, 2003, 2011; Traugott, 2011], dass Häufigkeit (frequency, repetition) eine wichtige Voraussetzung oder zumindest eine Folge im Prozess der Grammatikalisierung darstellt, wurde versucht mittels des Konkordanzprogrammes „LancsBox“ [Brezina, McEnery, Wattam, 2015] potentielle Kandidaten für Hilfsverben im Rahmen einer analytischen Konverbverbindung in nordudmurtischen Dialekten zu finden. Als Untersuchungsmaterial diente die Monographie L. L. Karpovas [Карпова, 2005], der ich an dieser Stelle noch einmal für die Zurverfügungstellung der Textbeispiele in digitaler Form danken möchte. Dabei wurden fünf Verben gefunden, die für diese Funktion in Frage kommen, zwei davon werden in der Fachliteratur nicht als Hilfsverben (Modifikatoren etc.) angeführt. Es bleibt zu untersuchen, ob und inwieweit diese potentiellen Kandidaten tatsächlich als Hilfsverben funktionieren. Es scheint sich aber auch hier zu bestätigen, dass Konverbkonstruktionen in nördlichen Dialekten anders zu beurteilen sind, als in den südlichen Dialekten des Udmurtischen.

Bibliographie

- Каракулова М. К. О некоторых особенностях удмуртских спаренных глаголов // Советское финно-угроведение. Tallinn, 1987. № 23. С. 179–185.
- Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: образцы речи. Ижевск: Удмурт. ин-т ист., яз., и лит. УрО РАН, 2005.
- Кельмаков В. В. Спаренные глаголы в удмуртском языке: на материале кукморского диалекта // Вопросы удмуртского языка. Ижевск, 1975. Вып. 3. С. 90–105.
- Пишлэгер К. Удмуртские аналитические деепричастные конструкции в кросслингвистической перспективе // Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса. Саранск, 2014. С. 202–208.
- Пишлэгер К. Еще раз об аналитических деепричастных конструкциях // Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики. Х. Ижевск, 2017. С. 250–265.
- Пишлэгер К. Некоторые размышления об отдельных «особенностях» удмуртских аналитических деепричастных конструкций // Пермистика-16. Дialeкты и история пермских языков во взаимодействии с другими. Сыктывкар, 2017. С. 211–214.
- Brezina V., McEnery T., Wattam S. Collocations in context: A new perspective on collocation networks // International Journal of Corpus Linguistics. 2015. № 20 (2). P. 139–173.
- Bybee J. Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency // The Handbook of Historical Linguistics. 2003. P. 602–623.
- Bybee J. L. Usage- based Theory and Grammaticalization // The Oxford Handbook of Grammaticalization. 2011. P. 69–78.
- Traugott E. C. Grammaticalization and Mechanisms of Change // The Oxford Handbook of Grammaticalization. 2011. P. 269–283.

В. Ф. Рогожина

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ В МОКШАНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Аннотация. Тематический диапазон глагольной лексики в мокшанской разговорной речи достаточно широк. Можно выделить целый ряд лексико-семантических групп. Это глаголы движения, группы глаголов, входящих в семантическое поле глаголов речи, группы глаголов, обозначающих разные виды эмоционального воздействия на лицо и др. Семантическая общность глаголов выявляется путем исследования логической связи развития и трансформации значений с учетом закономерных логических процессов, происходящих в мышлении и языке.

Ключевые слова: мокшанская разговорная речь, глагол, особенности, функционирование.

Rogozhina V. F.

FEATURES OF FUNCTIONING VERBS IN MOKSHA SPEAKING

Abstract. The thematic range of verbal vocabulary in Moksha speaking is quite wide. You can select a number of lexical-semantic groups. This group of verbs, verbs of movement, included in the semantic field of verbs of speech group verbs denoting different kinds of emotional effects on the person and others. Semantic commonality verbs taped through the study of logical connection, development and transformation of values and use the natural logical processes of thinking and language.

Keywords: Moksha speaking, verbs, especially, operation.

Глагол, как часть речи, имеющая сложную семантическую структуру как в мордовских (мокшанском и эрзянском), так и других языках, привлекает самое пристальное внимание лингвистов. Описание глагола занимает значительное место в изучении лексической системы любого языка, поскольку особенности грамматического строя прежде всего определяются категориальными признаками данного разряда слов. В последние годы анализу подвергаются различные лексико-семантические классы глаголов. В современной лингвистике проявляется стремление полнее и глубже исследовать семанти-

ческие особенности глагольных лексем как особого класса слов, характеризующих признаки предметов и их отношения. Многие лингвисты [Кулакова, 2008], [Рогожина, 2012; Рогожина 2013], [Рогожина, Гришунина, 2013], [Сиротинина, 1994], [Цыпайкина, 1989; Цыпайкина, 1991], [Цыганкин, 1966], неоднократно указывали на то, что семантический объем глагола шире, чем у имени, что глагол в силу особенностей своего содержания окружает себя большим числом соотносительных элементов. Такая повышенная семантическая емкость глагола проявляется, в частности, в том, что глаголы отличаются значительной полисемантической, у старых слов возникают новые значения, переосмысливаются соотношения между старыми и новыми значениями.

Тематический диапазон глагольной лексики в мокшанской разговорной речи достаточно широк. Можно выделить целый ряд богато представленных лексико-семантических групп. Это глаголы движения, группы глаголов, входящих в семантическое поле глаголов речи, глаголов поведения, группы глаголов, обозначающих разные виды эмоционального и волевого воздействия на лицо, глаголы конкретных физических действий и др. Необходимо отметить, что семантическая общность выявляется путем исследования логической связи развития и трансформации значений с учетом закономерных логических процессов, происходящих в мышлении и языке. В группе слов, претерпевших семантические изменения, можно выделить ряд подгрупп. Основой для этого служат различного рода смысловые сдвиги в лексических единицах. В процессе семантического анализа и сопоставления выделяется группа слов, сохранивших первичные значения. Вместе с тем существует ряд лексических единиц, имеющих наряду с первичным дополнительные значения.

В лексическом составе любого языка выделяются слова и фразеологизмы с ярко выраженной экспрессивностью. У этих слов номинативные значения осложнены оценочными оттенками, которые характеризуют тот или иной предмет. В мокшанской разговорной речи имеется значительное количество слов, которые в современном мокшанском литературном языке или не употребляются, или выступают в ином значении. Эти значения возникают в процессе обособленного развития лексико-семантических систем.

Рассмотрим функционирование глаголов разговорной лексики с общим семантическим компонентом *ярхцамс* 'есть, кушать' в мокшанской разговорной речи. Остановимся на ряде особенно ярких фактов. Расширение смыслового содержания находим у глагола *ярхцамс*. Наряду с отмеченными имеется и переносное его значение: *пупамс* 'ужалить, проткнуть'. К нейтральному глаголу *ярхцамс* в мокшанской разговорной речи используются следующие слова: *поремс, пупамс, теткомс, ажорямс, маторямс, петфтамс, нафтомс, мьзнафтомс, мямордамс, каволямс, коршамс, матнемс*, например: *Алясь пупай кода эряви – ярхцамс тейнза сембось моли – фатясы гармониянц, ушедсы «Школьной вальсь»*. 'Мужчина поест плотно (букв. как следует) – есть ему все идет – схватит гармошку, начнет «Школьный вальсь»'; *«Ватта, – корхтай мирденцты ървац. – Тядязе работамати аф прафты, а мьзяра мямордай»*. '«Посмотри, – говорит жена мужу. – Моя мама работать не очень, а сколько ест»'; *Антошась порезе киш кувоть, нолазень тьрванзон*. 'Антоша съел корку хлеба, облизнул губы'; *Аф ли куркань алда теткомма? «Не индюшачьи же яйца жрать?»*; *«Ой, овняй, пяште товняй, – пенецйяй бабанясь. – Путнень кургозон нинге шобдава фкя снавня, каволянь-каволянь эсонза, изь порев»*. '«Ой, зятек, ядрышко ореха, – жалуется старушка. – Еще утром положила в рот одну горошинку, жевала-жевала (букв. грызла-грызла), не прожевала (не сгрызла)»'; *Ащек, Юра, аф ламос мархтонк, калонь шонгарямда коршак, – тейне эряскodomс аш коза*. 'Побудь, Юра, с нами недолго, похлебай уху, – мне торопиться некуда'; *«Эрь, ярхцак! Лида, макст пяле буханка киши! Мьзярс сембонь аф аделасак, тьяста аф лисят»*. – *«Да, дяряй, тя тейне съкамон аделави?! Сембе камераньконди тьяронь аф макссетяда... – Тейть мезе мярьгсть?! Матнек! А то сичас кьрганперезт нюрхтяса!»*. '«Ну, ешь! Лида, дай половину буханки хлеба! Пока все не съешь, отсюда не выйдешь»'. – *«Да, разве, это один я съем?! Всей камере столько не даете... Что тебе сказали! Ешь! А то сейчас в глотку вылью!»*'.

Лексическая индивидуализация средств выражения того или иного действия является одной из характерных особенностей мокшанского языка, находит яркое выражение в сфере разговорной глагольной лексики. При этом семантическая специализация нередко осуществляется по линии как понятийной, так и оценочной характеристики действия.

Известно, что человек – центральная фигура языка и как лицо говорящее, и как главное действующее лицо мира, о котором говорит. Особые виды деятельности фиксируются в глаголах речи. Речевая деятельность – специфическая область человеческой деятельности, связанная с разными сферами жизни людей: их психикой, физиологией, анатомией. Речевые действия интенциональны, в них содержится потребность, вынужденность, необходимость, желание или обязанность говорящего изменить прагматическую ситуацию. В речевом акте говорящий осуществляет своё намерение произвести неречевой эффект на адресата речи. Наиболее значимыми для функционирования глаголов речи является передача информации, передача намерений и оценка субъектом содержания речи. Глаголы речи обозначают

действие как процесс, предполагающий обязательное выражение содержания мыслей определенной системой звуковых комплексов, которые приняты в данном языке в качестве средства общения. В зависимости от характера обозначения глаголами речи процесса речевой деятельности среди них выделяются две группы: глаголы речи с общими значениями и глаголы речи с дифференцированными значениями.

К глаголам речи с общими значениями относятся: *корхтамс*, *корхтамс-тиемс* 'говорить, вести разговор, обмениваться мнениями, обсуждать какую-либо тему'. Слово *корхтамс* – основное для выражения данного значения, оно обозначает сам акт говорения, например: *Шабат, а тяни кармай корхтама Катя*. 'Дети, а теперь будет говорить Катя'; *А фкясь омбоцети аф шоряй, Римма Васильевна. Минь ярхцямбачк корхнепяма*. 'А одно другому не мешает, Римма Васильевна. Мы во время еды поговорим'.

Корхтамс-тиемс выражает действие, продолжающееся недолго. Это выражение обозначает «устно, вслух выражать свои мысли, впечатления, делать замечания, сообщить что-либо и т. д.». Особенно часто данное выражение функционирует в разговорной речи, например: *Атясь корхнесь-тись и саворня тусь эсь киганза*. 'Старик поговорил (букв. поговорил-сделал) и тихонько пошел своей дорогой'.

Глаголы речи с дифференцированными значениями выражают какую-нибудь отдельную сторону процесса речи: они обозначают либо содержание процесса речи, либо способ его протекания. По обозначенным им понятиям выделяются две группы: глаголы, обозначающие содержание процесса речи, а также глаголы, обозначающие способ протекания процесса речи.

К глаголам, обозначающим содержание процесса речи, относятся: а) эмоционально-нейтральные глаголы речи; б) глаголы речи с эмоциональным значением.

Эмоционально-нейтральные глаголы речи раскрывают ту или иную сторону содержания процесса речи в различных семантических группах, при этом компонент эмоциональности отсутствует. Они объединяются вокруг таких речевых актов, как беседа, сообщение, совет, приказ.

Значение беседы раскрывается в двух аспектах: 1) глаголы, показывающие, что говорящий и собеседник или несколько человек беседуют; 2) некоторые глаголы показывают, что говорящий о чем-то рассказывает собеседнику (слушателям).

Значение предупреждения, предостережения выражается сочетанием отрицательной частицы *тят*, *тяты* 'не' с глаголом в повелительном наклонении: *Тяты корхта, ялганяй, конашкава лажадонь куду*. 'И не говори, подруженька, как соскучилась по дому'.

В лексико-семантической группе глаголов, объединяемых словом широкого родового значения *корхтамс* «говорить», можно выделить группу глаголов, характеризующих внешнюю (акустико-физиологическую) сторону речи: а) глаголы, указывающие на те или иные фонетические дефекты речи: *шепелявить*, *гнусавить*, *картавить*: *мокнамс* 'гнусавить, говорить в нос'; *Кати-месть авась мокнась, мезевок аф шарьхкодеви*. 'Что-то пробормотала (букв. проговорила) женщина, ничего не понятно'; *чёшнямс* 'картавить'; глаголы, указывающие на излишнюю быстроту речи: *тараторить*, *трецать*: *лочамс*: «*Максим Афанасьевич, синь, пади, рузават, а тон мархтост мокшекс лочат*», – *пеедемга пъшкядсь Иван Кудашкин*. '«Максим Афанасьевич, они, может быть, русские женщины, а ты с ними по-мокшански шпаришь», – с улыбкой сказал Иван Кудашкин'.

Переносные значения разговорных слов основываются на ассоциациях, отражающих картину мира, существующую в нашем сознании. Поэтому нередко в разговорных глаголах реализуются образы и представления, проявляющиеся в лексической системе в целом. Так, например, интенсивные эмоции в языке представляют обычно в облике вскипевшей влаги, огня (душа кипит). Тот же образ присутствует и в разговорном глаголе *паломс* 'гореть'.

Одним из способов семантической специализации глагола считаются метафорические переносы. Как представляется, метафоризация глаголов в разговорной речи имеет следующие специфические особенности. Прежде всего обращает на себя внимание личная направленность метафорических переносов. Разговорная метафора характеризуется сфокусированностью на человеке, его чувствах, поведении, деятельности в определенных областях человеческой жизни, при этом почти всегда она включает оценочный компонент. Для разговорной речи характерны специфические источники ассоциативных образов, которые, по-видимому, во многом и объясняют присутствие в семантике переносного глагола экспрессивно-оценочных компонентов негативного характера. Разговорная речь широко использует разного вида не прямые обозначения действия. Среди компонентов синонимических рядов, обладающих эмоционально-экспрессивными смысловыми оттенками, употребляются слова, выражающие иронию, неодобрение, например, вместо литературных слов *кяльготнемс*, *васькафнемс* 'лгать, обманывать' в мокшанской разговорной речи функционирует эмоционально-экспрессивные глаголы: *лавгамс* 'болтать, лгать точно', *васькафнемс* 'говорить неправду' или близкое к этому 'разносить сплетни', *лабордомс* 'бормотать, нести ахиною', *пицемс* 'обманывать'.

Глаголы с переносным значением могут фиксировать такие признаки сообщаемой информации, как ее малоценность или невероятность: *молоть, плести, городить*. В мокшанской разговорной речи это значение передается глаголами: *лапоцямс, лабордомс, шотнамс, лавгамс, шапомс*; например: *Месть лапоцят, симила ава, – кяжися Агунь лангс, бьта ся мезьсовок муворуль, Сандор атянь ьрьвяняц Мару*. «Чего плетешь, пьяница (букв. пьяница-женщина)», – рассердилась на Агашу, как будто ты в чем-то была виновата»; «*Тон, ванан-ванан, пяк лама лабордат, авай*», – кяжда пьшкядсь *Лиза*. «Ты, как я не посмотрю, слишком много болтаешь, свекровка, – со злостью выпалила Лиза»; *Минь эсь семьяньке. Тон, мезе аф эряви, тят лавга*. «У нас своя семья. Ты, чего не нужно, не плети»; *Ваттака, мезе такое шотнай, мезе спросиндай?* «Посмотрите-ка, чего такое плетет, о чем спрашивает?»; *Эсь шразень ваксса студентсь порьфтемань? Месть зря шотнат?! Мон аф шотнан, а виденц тейть корхтан*. «Возле моего стола студент меня кормил? Чего зря болтаешь?»; *Эка кода шапи, афи лоткави корхтамда*. «Видишь, как болтает, даже не может остановиться»; «*Эк, ялгай, конашкава тон прафтат вятиень тевти! Мон вьдь азыне: монга ащелень аудиторияса и кулхцонкинелень лекцият. А тон васенда варжак, содак эсь тевцень, аф стака ли ули сяда меле каннемс начальниконь портфельсь*». – «*Кати-месть шапат! – машинезь корхтай Марк. – Эстокигя афи шарьхкодьсак*». «Ну, друг, как ты любишь быть в начальниках! Я ведь уже сказал: я бы тоже сидел в аудитории и слушал бы лекции. А сначала попробуй, узнай свое дело, не трудно ли будет после этого носить портфель начальника». – «Болтаешь не знаю что! – раздраженно говорит Марк. – Сразу и не поймешь».

Глаголы *кыхадемс, кьлтадемс, мьркадемс* означают в разговорной речи «умереть», например: *Аф содасайне, конатнень кочкесазь, а конатнень эзда порендярят – кыхадьсак*. «Не знаю, которые выбирают, а из которых жуешь – умрешь»; *Атясь кьлтадсь аф эсь пингстонза*. «Старик умер не вовремя»; *А онозе аф цебярьс... Афоль кьха атясь ...* «А сон мой не к добру... Не умер бы старик»; *Врачне мьярьгсть: аф кадсак симомацень – кьхат*. «Врачи сказали: не бросишь пить (букв. не оставишь питье свое) – умрешь»; *А то мьркадель апак няйхть*. «А то умер бы не видно как».

По мнению Р. Н. Бузаковой, как в устной, так и письменной речи широко используются какофемизмы. Какофемизмы используются для передачи недоброжелательного, грубого отношения говорящего к другим лицам в целях его осуждения, порицания, показа пренебрежительного отношения [Бузакова, 2000, с. 67]. Например, в мокшанской разговорной речи вместо литературного слова *симомс* «пить, выпить» говорят *мамамс, нашамс, чамбодемс, тетькомс, цятадемс*, например: *Мамазе Васёк съкамонза эсь паньфкять, пара нинге ломатть няезь кумбарафнень ёткста*. «Выпил Васек один самогонку, хорошо, что ещё люди увидели его среди лопухов»; *Тянивок, кудса пульхкихть и отт, и сирет, – тячи уноконц Манянь свадьбац, – а атясь аф шоряй киндивок, чамбоди рюмканя и – пянакуд лангс*. «И теперь даже, в доме мельтешатся и молодые, и пожилые, – сегодня у внучки Мани свадьба, – старик никому не мешает, выпьет рюмочку и – на печь»; «*Азк, симфтоледе?!*» – «*Пи-ва...*» – *лиссь Мишкетонь кургста*. – «*Аха, значит пивада тетькоде!*» «Скажи, пьяные были?!» – «*Пи-во...*» – произнес Мишкет. – «Ага, значит пиво пили (букв. лопали)!»; *А кьда ветешка кружка пиваня цятадят*. «А если кружек пять пиво выпьешь».

Описание смысловой структуры глагольных лексем предполагает обращение к анализу отношений сочетающихся с ними предметных имен, определяющими среди которых являются отношения «действие – субъект», «действие – объект». Каждый язык располагает специфическими средствами включения в семантику глагола тех или иных «семантических добавок». Мокшанские глаголы в семантическом отношении неоднородны. Некоторые глаголы могут указывать не только на само действие, но и его актанты, обстоятельственные характеристики действия. Глагол может включать в свое значение такие семантические признаки, как:

1) направленность действия: карабкаться вверх. При нейтральном глаголе *куцемс* «подниматься вверх» в диалектах данное значение передается лексемами: *кярьмодемс, эсьморондамс, умборондамс, цямборондамс*, например: *Цямборондамс – кярьмодемс. Мару сонц аськолдась пянакудти, кафта кядьса цямборондась атянц пильгс*. «Маруся сама шагнула к печке, двумя руками схватилась за ногу дедушки».

Как отмечают лингвисты, особый оттенок одноактного способа действия выражают глаголы, имеющие, как правило, экспрессивно-просторечный характер и отличающиеся оттенками интенсивности, неожиданности, резкости. По мнению Д. В. Цыганкина, среди слов с явно выраженной экспрессией – глаголы [Цыганкин, 1966, с. 348]. В мокшанской разговорной речи вместо литературного слова *каямс* «ударить» используются *бернофтомс, тороптомс, цибодемс, чёфадемс, бунтядемс* «сильно ударить». Экспрессивные глаголы обозначают грубость, напряженность мгновенного действия, например: «*Мон оду аф молян Юматовонди плугарькс, – азозе сон. – Прязе аф тумонь мокорь, штоба клокса бернофнемс*». «Больше я не пойду плугарем к Юматову, – сказал он. – Голова моя не дубовая (букв. дубовый

пень), чтобы кулаком бить»); «Тон удома сать, афтерькс?!» – и кодак чёфадьсамань пилети ...весть, омбоцеда, колмоцеда... «Ты спать сюда пришел, проклятый?!» – и как ударит по уху ... раз, другой, третий»; Эхи коня ланга бунтядязе. «Эх как ударил (стукнул) по лбу»;

2) слабая интенсивность: разг. *търмождемс, тьжмордомс* – лит. *кирдемс* ‘держаться’; разг. *каволямс, кавлямс* – лит. *ярхамс, поремс*, например: *Търмождсь бабазе нинге недляшка, а меле валхтоськ Ната аказень мархта пняклангста, матоськ эзембряв*. ‘Держалась бабушка еще с недельку, а потом с сестрой Натальей сняли ее с печки, положили на скамью’;

3) вид орудия: разг. *бахадемс* – лит. *ляцемс* ‘стрелять чем-либо’. *Пяшкотькиннесазь эсь зепсноп, строяйтть дворецт и арнихть питни машинаса, сяконь и пельхть, коста-коста бахадихть лангозт*. ‘Набивают свои карманы, строят дворцы и катаются на дорогих машинах, того и бойся, когда-нибудь выстрелят в тебя’;

4) та или иная характеристика объекта: разг. *лашкофтомс* – лит. *пандомс* ‘заплатить’. *Рамасазь картинанзон – теенза съняра ярмак лашкофтыхть, ай-люли! – эряк!* ‘Купят его картины – ему столько денег заплатят (букв. отвалят), припеваючи – живи!’

Библиография

Бузакова Р. Н. Стилистическая функция экспрессивных слов в мордовских языках // Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Саранск, 2000. С. 65–67.

Кулакова Н. А. Различия в семантике глаголов в говорах мокшанского языка // Fenno-Ugrika I: Проблемы языков, литературы и фольклора народов Урало-Поволжья. Йошкар-Ола, 2008. Вып. 5. С. 83–86.

Рогожина В. Ф. О некоторых особенностях мокшанской разговорной речи // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 2. С. 104–111.

Рогожина В. Ф. Экспрессивная лексика мокшанской разговорной речи и ее отражение в вузовском обучении // Интеграция образования. 2012. № 3. С. 86–90.

Рогожина В. Ф. Функционирование фразеологизмов в мокшанской разговорной речи и их семантическая группировка // Финно-угорский мир, 2013. № 2. С. 70–77.

Рогожина В. Ф., Гришунина В. П. Использование диалектных глаголов в мокшанской разговорной речи // Вестник Чувашского университета, 2013. № 1. С. 162–167.

Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974, 144 с.

Цыпкайкина В. П. Глагольные диалектные слова и их семантическое отличие // Вопросы лексикологии финно-угорских языков. Саранск, 1989. С. 71–81.

Цыпкайкина В. П. Экспрессивно-эмоциональная эрзянская диалектная лексика // Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1991. Вып. 105. С. 32–36.

Цыганкин Д. В. Лексические особенности эрзянских говоров // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1966. Т. 4. С. 354–351.

С. А. Сажина

СИСТЕМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ КИРОВСКИХ ПЕРМЯКОВ¹

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых системных изменений в языке кировских пермяков, обусловленных как интенсивным влиянием русского языка, так и внутренними тенденциями развития. По причине того, что исследуемый идиом является бесписьменным, изменения в нем прослежены путем сравнения с соседними диалектами. Эмпирической базой исследования являются полевые материалы, собранные автором во время диалектологических экспедиций в район проживания кировских пермяков.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, верхнекамское наречие, кировские пермяки, системные изменения, языковой сдвиг.

S. A. Sazhina

SYSTEMIC CHANGES IN THE LANGUAGE OF THE KIROV PERMIANS

Abstract. The article is devoted to examining some systemic changes in the language of the Kirov Permians, which are caused both by intensive influence of the Russian language and internal development tendencies. Since the idiom being studied is nonliterate, changes in it are traced through comparison with neighboring dialects. The empirical base of the research includes language materials collected by the author in her dialectological expeditions to the area where the Kirov Permians reside.

Keywords: the Komi-Permian language, the Upper-Kama dialect, Kirov Permians, systemic changes, language shift.

0. Язык кировских пермяков (верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка) – говор небольшой этнической группы коми народа, проживающей в верховьях Камы, в нескольких населенных пунктах Афанасьевского района Кировской области. Его формирование происходило в условиях языкового острова в результате отрыва от основного этнического массива и сильного воздействия окружающих русских

¹ Работа выполнена по проекту № 18-6-6-25 «Духовная культура и традиционные представления народов Европейского севера России (по данным языка, фольклора и литературы)» (2018–2020) Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

говоров. Положение, в котором находится исследуемый идиом сегодня, можно охарактеризовать как ситуацию языкового сдвига. С конца XIX в. происходит постоянное сокращение носителей коми языка [Нечаев, 1930, с. 8]. Анализ возрастного состава представителей верхнекамского наречия свидетельствует о том, что передача коми языка в семье была окончательно прервана примерно во второй половине XX в. (в 1960–1970 гг.). Сегодня носителями языка являются немногочисленные представители старшего и пожилого возраста; их количество составляет не более одной тысячи человек, при этом диалектоносители неоднородны с точки зрения языковой компетенции.

В связи с перечисленными обстоятельствами изучение языка кировских пермяков приобретает особую актуальность. Документирование, синхронное описание данной территориальной разновидности коми языка с целью сохранения максимально подробной информации о ней является одной из главных задач современной коми диалектологии.

В настоящей работе рассмотрены некоторые системные изменения в языке кировских пермяков, причинами которых являются контактное влияние и независимые инновации.

1.0. Изменения, обусловленные интенсивным влиянием русского языка.

Начало заселения Вятского края русскими историки относят к XII–XIII вв. [Макаров, 2001, с. 30; Энциклопедия, 2004, с. 14]. Активная колонизация северо-восточных районов Кировской области, к которым относится современный Афанасьевский район, началась в середине XVI столетия. Однако интенсивный приток русского населения из центральных Вятских уездов начался только в конце XIX – начале XX в. После Октябрьской революции 1917 г., особенно начиная с 30-х гг., когда начали образовываться лес-промхозы, население северо-восточных районов стало быстро расти [Долгушев, 2006, с. 25]. Таким образом, русско-коми языковые контакты в исследуемом регионе восходят к середине XVI в. и продолжают уже более четырех с половиной веков, наибольшую активность они приобретают к концу XIX в. Функционирование верхнекамского наречия в условиях сильного воздействия окружающих русских говоров детерминировало специфику трансформаций на всех уровнях языка.

1.1. Язык кировских пермяков характеризуется более широким усвоением русских согласных *ф, х, ц, р'* по сравнению с другими коми диалектами. В исследуемом наречии практически не происходит субституция фонем *ф, х, ц*, исконными *п, к, ч*. Примеры: *куфайэчка, анфиса, сарафан, марфа, н'эохота, кӧзлуха* 'коза', *хӧт'* 'хоть', *колхознӧйӧс'* 'колхозные', *жӧн'их* 'жених', *хлопӧдӧ* 'хлопает', *ухват, трюица, бол'н'ицаын* 'в больнице', *продавец, цыганйас* 'цыгане', *мэс'эц, цэлӧй*. Замечены лишь редкие случаи употребления *ч* вместо *ц*: *богород'ича* 'богородица', *чэрква* 'церковь', *крыл'эч* 'крыльцо', *чид'итны* 'цедить', *жэрэбэч* 'жеребец', *мэс'эч* 'месяц', *гӧлбыч* 'голбец'.

В отличие от других коми диалектов *р'* может встречаться не только в начале и середине слова, но и в абсолютном конце: *р'адышком* 'рядышком', *кор'ушка* 'корь', *кудр'авӧй* 'кудрявый', *тр'апйоыс* 'тряпье-то', *бэр'остоыс'* 'из бересты', *л'эхар'* 'лекарь', *звэр'* 'зверь'.

В нескольких случаях встречается произношение *х* вместо *к*, имеющего место в русском оригинале (*л'эхар'* 'лекарь', *хрэс* 'крест', *хр'осна* 'крестная'). Более того субституция исконного *к* русским *х* в ряде случаев зафиксирована даже в исконных словах: *ырхыд* 'похладный, прохладно', *йухва* 'уха', *пыхтыны* 'распухнуть'.

1.2. Системные изменения на морфологическом уровне проявляются структурной перестройкой формы выражения уже существующих морфологических категорий и заимствованием русских морфологических показателей.

К таким явлениям, например, относится модель образования суперлатива прилагательных посредством частицы *самӧй*: *самӧй ыжыд* 'самый большой'; *самӧй гырыс'* 'самый крупный'. Исконные способы образования суперлатива посредством приставки *мэд-* и частицы *мэдс'а*, широко бытующие в коми-зырянских диалектах, в наречии не зафиксированы.

В парадигме склонения личного местоимения третьего лица единственного числа вызывают интерес специфические формы, развившиеся под влиянием русского языка. Так, аккузатив в языке кировских пермяков представлен формой *эвӧ* / *йэвӧ*, заимствованной в форме аккузатива < *его*. Примеры: *эвӧ ужэ армияӧ бос'тисӧ* 'его уже в армию забрали'; *н'этишкамӧй ми эвӧ* 'рвем мы его (про лен)'; *до войны эвӧ жуӧдисӧ* 'до войны её (часовню) разрушили'. Замечены случаи экспансии данной основы на инструменталь: *эвӧн качал'ис'* 'на них качались'; *бйош эвӧн, палканас* 'бъешь ей, палкой'. Аналогичная форма характерна и для верхнесысольского диалекта коми-зырянского языка, но в нем *йэвӧ* / *йӧвӧ* имеет полнопарадигматическое падежное словоизменение [Жилина, 1975, с. 102–103]. Возможно, заимствование данной формы восходит к периоду тесных контактов носителей этих идиомов. Известно, что Верхняя Кама в административном отношении до 1568 г. относилась к Перми Вычегодской, входила в состав Ужгинской волости и составляла единое целое с Верхней Сысолой (территорией распространения верхнесысольского диалекта) [Жеребцов, 1982,

с. 41]. В верхнесысольском диалекте заимствованная форма получила дальнейшее развитие и закрепились в качестве основы местоимения 3 лица единственного числа.

Особенно необычной в исследуемом идиоме является дативная форма *сыму* 'ему', которая представляет собой контаминацию исконного корня *сы-* и русской дативной формы местоимения третьего лица единственного числа *ему*. Данная форма зафиксирована нами в одном из говоров наречия (д. Московская). Примеры: *вэлдд мыйтö эвö, мыччылö сыму* 'учит его, показывает ему'; *мэ сыму подайу, сийа збивайэт* 'я ему подаю, он отбивает'; *шöйс'ат чэтырэ сыму вöлин* 'шестьдесят четыре ему было'; *мэ сыму нöбали* 'я ему отнес'.

Неопределенные местоимения в наречии чаще всего образуются посредством частицы *-тö*, заимствованной из русского языка: *кин-тö* 'кто-то', *мыл'а-тö* 'почему-то', *кышöм-тö* 'какой-то'. В других коми диалектах (пермяцких и зырянских) функционирует неопределенная частица *кö*.

Русский язык оказал влияние на семантику отдельных падежных форм: ряд грамматических значений развился вследствие тесного взаимодействия с русскими говорами. К примеру, в верхнекамском наречии значение качественной характеристики предмета / лица передается двумя способами: в словосочетаниях с исконным порядком слов (определение + определяемое слово) это значение выражает адъектив на *-а*: *тагйа сур* 'пиво с хмелем'; *гöрдьд цвэта плат'т'э* 'платье с красивыми цветами'; *гöрба ба'баыс* 'женщина с горбом'; в словосочетаниях с обратным порядком слов (определяемое слово + определение) – инструментальная форма: *нылочка мича плат'т'öдн* 'девочка в красивом платье'; *морт куз' гун'аөн* 'человек в длинном пальто'; *сур тагöн* 'пиво с хмелем'. Второй способ выражения значения качественной характеристики предмета / лица, сформировавшийся, несомненно, под влиянием русского языка, характерен для верхнекамского наречия в большей мере.

1.3. В области словообразования для исследуемого идиома характерно заимствование ряда русских суффиксов.

Деминовативное значение в верхнекамском наречии выражается посредством суффиксов *-ушк*, *-ок*, *-ка*, *-очк*, *-овка* / *-öвкa*, *-чик*. Примеры: *кöзлушка* 'козочка'; *нылкаок* 'девочка'; *вöрок* 'лесок', *кукан'ка* 'теленочек', *нылочка* 'девочка', *тус'öвкa* 'зернышко', *зöровка* 'зернышко овса', *т'эровка* 'бревнышко', *пиочик* 'сыночек'.

Широко функционирует в наречии заимствованный суффикс относительных прилагательных *-öвöй*: *вöлöвöй бöж* 'хвост лошади', *вурынöвöй нитка* 'шерстяная нитка', *мöсöвöй вый* 'сливочное масло', *с'уöвöй снöп* 'сноп ржи'.

1.4. На уровне синтаксиса воздействие русского языка проявляется в нарушении исконного порядка слов, использовании заимствованных союзов, вводных слов.

В большинстве коми диалектов является устойчивым исконный порядок слов в атрибутивных сочетаниях: определение, выраженное прилагательным, + определяемое слово, при этом прилагательное является неизменяемым. В языке кировских пермяков прилагательное в функции атрибута может находиться в постпозиции по отношению к определяемому слову и согласовываться с ним в числе, падеже, определительно-притяжательной форме: *прин'имал'и картошкайассö косйассö* 'принимали сухой картофель'; *пост'т'эл'айасыс соломенн'öййасыс* 'соломенные постели'; *кол'л'экт'ивйасыс пэрмйацкöййасыс пэс'н'айасс'ö с'ылиссö тожно* 'пермяцкие коллективы песни пели'. Наблюдаются также случаи согласования препозитивного определения с определяемым словом во множественном числе: *пэстрэд'иннöйöс' дубасйас* 'холщовые сарафаны из пестряди'; *кöз'ыдöс' оййас* 'холодные ночи'.

Для исследуемого идиома характерно широкое использование заимствованных союзов *штö* 'что', *штöбы* 'чтобы': *тöда, штö сийа стариннöй праз'н'ик* 'знаю, что это старинный праздник'; *мас'тан, штöбы кожураыс вз' ус'ис* 'мнешь, чтобы кожа вся отошла'; *шуйнö, штö колö чапкыны* 'говорят, что нужно выбросить'.

2.0. Изменения, обусловленные внутрисистемным развитием.

Рассмотрим внутрисистемные изменения языка кировских пермяков на примере двух явлений.

2.1. Морфологическим показателем множественного числа в рассматриваемых говорах является суффикс *-йас*: *ошйас* 'медведи', *кöинйас* 'волки'; *гэзйас* 'веревки'. В отношении употребления отмеченного показателя множественности верхнекамское наречие примыкает к коми-зырянскому диалектному ареалу. После основы слова на мягкий согласный инициальный *й* форманта *-йас* чаще всего уподобляется предшествующему согласному: *кöлököл'эч-час* 'колокольчики'; *лöз'-з'ас* 'оводы'; *нас'-с'ас* 'шубы'. Данное явление характерно для многих коми диалектов. Однако нами зафиксированы примеры, в которых наблюдается ассимиляция на стыке основы на твердый согласный и суффикса множественного числа: *с'ин-нас-ыд* 'твои глаза'; *зон-нас-сö* 'сыновей'; *дöрöм-мас* 'рубашки'. Возможно, эти немногочисленные примеры, зафиксированные в одном говоре, демонстрируют следующую ступень трансформации суффикса множественного числа. Сравните, в большинстве коми-пермяцких говоров начальный *й* суффикса мн. числа ассимилируется любым конечным согласным основы: *поннэз, шыррээ, кан'н'эз*. В. И. Лыткин

отмечал, что явление уподобления *й* предшествующим твердым согласным, наблюдаемое в коми-пермяцких формах множественного числа, нельзя считать обычным для пермских языков. В связи с этим ученый высказал предположение о появлении форм с ассимиляцией йота после твердых согласных под влиянием примеров, в которых *й* уподобляется конечному мягкому основы [Лыткин, 1961, с. 43]. Возможно, верхнекамские примеры подтверждают гипотезу ученого.

2.2. В результате взаимодействия языков возможно устранение грамматических отношений, существующих в одном языке по причине их отсутствия в другом. Так, для верхнекамского наречия характерно разрушение категории лично-притяжательных суффиксов (ЛПС). Аналогичное явление свойственно также для южных коми-зырянских идиомов: верхнесысольского диалекта [Жилина, 1975, с. 61] и лузского говора [Жилина, 1985, с. 39]. Однако верхнекамские говоры процесс разрушения категории ЛПС затронул наиболее глубоко: в них активно используются формы третьего лица индивидуального обладания, реже формы второго лица индивидуального обладания; суффикс первого лица единственного числа и суффиксы коллективного обладания не употребляются. При этом используемые суффиксы чаще всего выступают в указательной функции. В связи с вымыванием из речи ЛПС в верхнекамском наречии наличествует неполная парадигма определенно-притяжательного склонения.

Рассматриваемое локальное явление оказалось источником значительных изменений в системе местоимений исследуемого idioma. В коми языке широко развита система личных местоимений: в коми-зырянском и коми-пермяцком литературных языках и диалектах к ним относятся собственно-личные, усилительно-личные, обобщенно-определительные (кроме кз. *став, ставён, ставыс, быдён*; кп. *быдён, быдёс*), счетно-личные и взаимно-личные местоимения. В языке кировских пермяков к личным местоимениям относятся лишь собственно-личные и усилительно-личные местоимения, все остальные разряды являются неличными. Разрушение категории притяжательности и отсутствие в идиоме форм коллективного обладания привело к тому, что обобщенно-определительные и взаимно-личные местоимения не образуют личных форм и относятся к группе неличных местоимений. Счетно-личные местоимения в рассматриваемых говорах практически утрачены, зафиксирован лишь единичный пример употребления местоимения *ётнас* 'он один'. Местоимения данного разряда заменяются наречием *ёткён* 'в одиночку'.

Процесс разрушения категории лично-притяжательных суффиксов обусловил существенные изменения в системе склонения усилительно-личных местоимений. Вымывание из речи лично-притяжательных форм коллективного обладания, посредством которых в коми языке и его диалектах образуются формы множественного числа усилительно-личных местоимений (*ас'ным* 'мы сами', кз. *ас'ныд* / кп. *ас'ныт* 'вы сами', *ас'ныс* 'они сами'), повлекло за собой перестройку системы их словоизменения в языке кировских пермяков, в частности, привело к выравниванию форм единственного и множественного числа, образованию плюралных форм посредством субстантивного суффикса множественности. Исконные формы множественного числа в исследуемом идиоме сохранились лишь в номинативе: *ачыным / ас'ным* 'мы сами', *ачыныд / ас'ныд* 'вы сами', *ачыныс / ас'ныс* 'они сами'. Хотя и здесь замечены единичные случаи образования плюралных форм посредством субстантивного показателя множественности *-йас*: *ачымйас* 'мы сами', *ачыдйас* 'вы сами', *ачысйас* 'они сами'. В косвенных падежных формах в их функции выступают сингулярные формы, либо множественность выражается суффиксом множественного числа существительных.

Функционирование языка кировских пермяков в течение нескольких веков в условиях языкового острова и сильного иноязычного воздействия оказало большое влияние на его языковую специфику. Сравнение исследуемого idioma с соседними коми-пермяцкими и южными зырянскими диалектами показало, что изменения, вызванные как внешними, так внутренними причинами, наблюдаются на всех уровнях языковой системы.

Библиография

- Долгушев В. Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономазиологическом аспектах: дис. . . д-ра филол. наук. М., 2006. 649 с.
Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. 224 с.
Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975. 268 с.
Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985. 274 с.
Лыткин В. И. Коми-язвинский диалект. М., 1961. 228 с.
Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: учеб. пособие. Ижевск, 2001. 140 с.
Нечаев Г. Характеристика зюдинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Сыктывкар, 1930. Вып. 1. С. 7–27.
Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Киров: Вятка, 2004–2008.

МОРФЕМНЫЙ СОСТАВ СЛОВ В УДМУРТСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Морфемы как наименьшие значимые части слова и грамматических форм слова в русском и удмуртском языках традиционно делятся на корни и аффиксы. Одни слова имеют только корневую морфему, а другие и корневую, и аффиксальную. Основа слова может быть нечленимой или членимой, непрерывной или прерывистой. В морфемном составе удмуртского и русского языков могут быть префиксы, суффиксы, постфиксы, аффиксоиды и интерфиксы.

Ключевые слова: морфема, корень, аффикс, форма, значение, воспроизводимость, омоним, основа слова, аффиксоид, интерфикс.

N. N. Timerkhanova

MORPHEMIC STRUCTURE OF WORDS IN UDMURT AND RUSSIAN

Abstract. Morphemes as the smallest but meaningful parts of Russian and Udmurt words and grammar word forms are traditionally divided into roots and affixes. Some words have only root morpheme, others both root and affix morphemes. Word stem can be dividable and undividable, unbroken or broken. There can be prefixes, suffixes, postfixes, affixoids and interfixes in the structure of Udmurt and Russian languages.

Keywords: morpheme, root, affix, form, value, reproducibility, homonym, word stem, affixoid, interfix.

Морфемы как наименьшие значимые части слова и грамматических форм слова в русском и удмуртском языках традиционно делятся на корни и аффиксы. Некоторые слова имеют только корневую морфему, другие же и корневую, и аффиксальную, например: рус. *мышь* – удм. *шыр*, рус. *дом* – удм. *корка*, рус. *куст* – удм. *куак*; рус. *мыш-к-ова-ть* – удм. *шыр-а-ны*, рус. *дом-ов-ой* – удм. *корка-лэн*, рус. *куст-ист-ый*, удм. *куак-о*, рус. *лун-н-ый* – удм. *толэз-ё*.

В отличие от русского, в удмуртском языке значительно больше безаффиксальных слов. Во-первых, это связано с тем, что в удмуртском языке согласование как вид подчинительной связи встречается гораздо реже, чем в русском языке, следовательно, реже используются суффиксы для согласования – эквиваленты окончаний. Во-вторых, для русского языка самая согласуемая часть речи прилагательное, а также причастие, порядковое числительное в удмуртском языке, как правило, не имеет словоизменительных суффиксов, хотя может иметь такие аффиксы при наличии дейктического суффикса, названные части речи обычно примыкают к существительному, к примеру: рус. *зелен-ая трав-а* – удм. *вож турын*, *вож-ез турын*; рус. *зелен-ой трав-е* – удм. *вож турын-лы*, *вож-ез-лы турын-лы*; рус. *сп-ящ-ий щенок* – удм. *из-ись куча-ни*, *из-ис-ез куча-ни*; рус. *сп-ящ-его щенк-а* – удм. *из-ись куча-ни-ез*, *из-ись-с-э куча-ни-ез*.

Корни слов по характеру значения и в русском, и в удмуртском языках можно разделить на три большие группы:

1) корни с предметным значением: рус. *собак-а* – удм. *пуны*, рус. *язык* – удм. *кыл*, рус. *дерев-о* – удм. *пис-пу*, рус. *ягод-ы* – удм. *узы-боры*, рус. *природ-а* – удм. *ин-куазь*;

2) корни с процессуальным значением: рус. *ход-и-ть* – удм. *ветл-ы-ны*, рус. *рас-ти* – удм. *буд-ы-ны*, рус. *рас-топ-и-ть* – удм. *шунт-ы-ны*, рус. *зна-ни-е* – удм. *тод-он*;

3) корни с признаковым значением (сюда относятся качественный, количественный и собственно-обстоятельный признаки): рус. *крас-ив-ый* – удм. *чебер*, рус. *здор-ов-ый* – удм. *мотор*, рус. *не-глуб-ок-ий* – удм. *лазег*; рус. *быстро* – удм. *жог*, рус. *много* – удм. *трос* – качественный признак; рус. *тр-и* – удм. *куинь*, рус. *восем-ой* – удм. *тымыс-этий* – количественный признак; рус. *близк-о (жить)* – удм. *матын (улыны)*, рус. *утр-ом (встать)* – удм. *чук-на (султыны)*, рус. *специальн-о (сделать)* – удм. *юри (лэсьтыны)* – собственно-обстоятельный признак.

По степени самостоятельности в выражении значения корни слов и в русском, и в удмуртском языках могут быть свободными, т. е. могут употребляться самостоятельно без аффиксов: рус. *пол*; *мост* – удм. *выж*, рус. *два* – удм. *кык*, рус. *вчера* – удм. *толон*, рус. *где* – удм. *кытын*, рус. *знай* – удм. *тод*, рус. *ешь* – удм. *си*, рус. *собирай* – удм. *бича*, рус. *иди* – *мын* (в данном случае корни рассматриваются в синхронном плане, так как, например, у слов *вчера*, *толон* с диахронической точки зрения корень другой). Связанные корни – это корни, которые выступают только в соединении с аффиксами. Таких корней в удмуртском языке почти нет, как пример можно привести алломорфы корней: *кужм-о* ‘сильный; сильно’, *куиньм-этий* ‘третий; в трех местах’, *куск-ам* ‘на моей пояснице, талии’, *кыкт-этийез* ‘именно второй’, *сюлм-аськыны* ‘заботиться, беспокоиться’. В русском языке подобных корней больше. Только в соединении со служебными морфемами или другими корнями могут выступать так называемые радикалоиды [Современный, 2001, с. 456], например: *в-до-бав-ок*, *в-верг-ну-ть*, *за-вет*, *на-вык*, *о-де-ть*, *пал-ец*, *солн-ц-е*. Признаком, общим для всех связанных корней, является невозможность их употребления в качестве нечленимых основ.

Корни удмуртского языка с фонетической и фонологической точки зрения в основном имеют стабильный характер, т. е. и изолированно, и в соединении с другими аффиксами выступают в одинаковой форме: *ар-скын* 'в течении года', *кошк-ы-ны* 'уйти', *тӧл-ӝыны* 'улетучиться', *ог-мында* 'поровну; одинаково'. Но в некоторых случаях можно наблюдать фонетические изменения:

1) позиционные чередования по глухости звонкости: *чаб-кыны* [чапкины] 'хлопнуть, хлопать; шлепнуть', *ог-кадь* [оккад'] 'одинаковый; одинаково', *кырсь-гес* [кырс³гэс] 'грязнее', *во-льыт-гес* [вол'ыд^тгэс] 'более скользкий, гладкий';

2) позиционные чередования зубных с аффрикатами *т / ч*, *д / ӝ*, *т / ц* в позиции перед *ч*, *ӝ*, *ск*: *куртч-ыны* [курччыны] 'кусать, укусить', *куд-ӝыны* [куӝзыны] 'опьянеть', *кут-скыны* [куцкыны] 'начать', *ват-скыны* [вацкыны] 'спрятаться'. В удмуртском языке в таких случаях написание морфематическое (фонематическое), а не фонетическое.

Из исторических чередований в корне можно наблюдать случаи:

1) чередования согласного с сочетанием согласных *-с- / -ск-*, *-к- / -кт-*, *-н- / -нм-*, *-н' / -н'м-*: *кус* 'поясница, талия' – *куск-ад* 'на твоей пояснице, талии', *вис* 'промежуток; щель' – *виск-ын* 'в промежутке, в щели', *кык* 'два' – *кыкт-этий* 'второй; в двух местах'; *син* 'глаз' – *синм-аськыны* 'влюбиться, нравиться; прорезаться (о глазах)'; *куинь* 'три' – *куиньм-етий* 'третий; в трех местах';

2) выпадение гласного (*-э- / ø*, *-ы- / ø*, *-о- / ø*): *сюлэм* 'сердце' – *сюлм-ы* 'мое сердце' – *сюлм-о* 'сердечный', *пилем* 'облако, туча', *пильмо* 'облачно'; *кужым* 'сила' – *кужмысь* 'насиленно'; *котыр* 'кругом', *котрес* 'круглый, округлый'; *кенос* 'амбар', *кенсы* 'в амбар';

3) чередование гласных *-о- / -ы-*, *-а- / -ы-*: *мон* 'я' – *мыным* 'мой, у меня', *тон* 'ты' – *тыныд* 'твой, у тебя'; *мар* 'что' – *номыр* 'ничто'.

В русском языке также большая часть корней ведет себя стабильно, но имеются и позиционные, и исторические чередования. Приведем примеры исторических чередований: *здесь* – *здеш-ний*, *грек* – *гречанка* – *Греция*, *втихомолку* – *втихомолочку* – *молчком*, *ложь* – *лжец*, *собрание* – *сборище*, *игра* – *сыграть*.

Если говорить об основе слова, необходимо отметить, что она может быть нечленимой или членимой (простой или сложной), непрерывной или прерывистой. Нечленимыми и в русском, и в удмуртском языках являются основы неизменяемых непроезводных слов: рус. *много* – удм. *трос* (наречие), рус. *столб* – удм. *юбо* (существительное), рус. *разве* – удм. *шат* (частица). Членимые основы – это основы производных слов, которые могут расчленяться на две и более морфемы. Членимые основы бывают простыми, они состоят из двух и более морфем, одна из которых корневая морфема: рус. *растительн-ость* – удм. *будос-лык*, рус. *узнай-от* – удм. *тодм-а*, рус. (*о*) *восьм-и* – удм. *тямыс-эз* (*сярысь*). Сложные членимые основы состоят из двух и более корневых морфем: рус. *мяс-о-рубк-а*, *древн-е-русск-ий*, *аэро-фото-съёмка*, удм. *гож-пус* 'буква' (букв. 'линия' + 'знак'), *лул-пу* 'ольха' (букв. 'душа' + 'дерево'), *гудыри-кошкон* 'август' (букв.: 'молния' + 'уход').

С точки зрения непрерывности в большинстве случаев основы словоформ и русского, и удмуртского языков являются непрерывными: рус. *пахарь* – удм. *гыр-ись*, рус. *счит-а-ть* – удм. *лыдь-я-ск-ы-ны*, рус. *красн-оват-ый* – удм. *горд-алэс*. Но в обоих языках встречаются и прерывистые основы, например, рус. *вер-ну-л-а-сь*, *пред-ставь-те-сь*, *пят-и-десят-и*; удм. *таза-ез-гес* 'именно поздоровее, покрупнее', *пичи-ос-ыз-гес* 'именно поменьше', *сузьы-монь-ёс-с-э-гес* 'те, до которых лучше дотянуться'; *лыз-алэс-эз-лы-гес* 'именно синеватому', *вит-етий-з-э-гес* 'именно пятого', *горд-алэсь-ёс-с-э-гес* 'именно более красноватые'. Как видно из примеров, в русском языке прерывистую основу имеют глаголы в форме прошедшего времени единственного числа женского и среднего рода, возвратные глаголы в форме повелительного наклонения множественного числа второго лица, сложные числительные в косвенные падежах. В удмуртском языке – это прилагательные, причастия, числительные в компаративах, модеративах и модеративах в сочетании с компаративом при наличии выделительно-указательного суффикса.

Аффиксальные морфемы удмуртского и русского языков по месту относительно корня представлены следующими видами: префиксом, суффиксом, постфиксом. Рассмотрим каждую морфему в отдельности.

Префикс – аффикс, находящийся перед корнем. В удмуртском языке префиксы имеют только словообразовательную функцию и их в литературном языке всего три (в диалектах пять): *оло-*, *коть-*, *но-* (*не-*, *нено-*): *нокин* 'никто', *ноку* 'никогда'; *котькудйз* 'хоть который, каждый', *котькыче* 'хоть какой, любой'; *олокӧня* 'сколько-то', *олома* 'что-то' (в диалектах: *немар* 'ничто', *некудйз* 'никоторый'; *ненокин* 'никто', *неномыр* 'ничто' (от *мар* 'что')). Как видно из приведенного выше материала, префиксация не характерна для удмуртского языка.

В русском языке, в отличие от удмуртского, префиксы могут выражать и словообразовательное, и грамматическое значение: *опасный* – *безопасный*, *бежать* – *добежать*, *вкус* – *привкус* (в данных примерах при помощи префикса образуются новые слова); *копить* – *накопить*, *строить* – *построить*, *делать* – *сделать* (грамматические приставки, образующие видовую пару несовершенного и совершенного вида).

Суффиксы – аффиксы, находящиеся после корневой морфемы (либо после другого суффикса), в обоих языках служат для образования новых слов или грамматических форм: рус. *богатый* → *богатство* – удм. *бай* → *байлык*; рус. *гармонь* → *гармонист* – удм. *арган* → *арганчи*; рус. *много* → *множество* – удм. *трос* → *трослык*; рус. *победить* → (*вы*) *победили* – *вормыны* → *вормиды*. В удмуртском языке суффиксальный способ выражения грамматических форм является основным, так как имеется лишь единичное число флексий: *мын-э* ‘идет’, *кошк-о* ‘уходят’, *середа-ло* ‘рисуют’.

Удмуртский язык – агглютинативный, а русский язык – флективный. По мнению Г. В. Федюновой, «смещение таких понятий как суффикс и флексия (окончание) не способствует прояснению морфемной структуры агглютинативного слова, наоборот, проводя известную аналогию в русском и других флективных языках, вносит путаницу как терминологического, так и понятийного порядка. В языках флективного типа всякая изменяемая словоформа состоит из основы и флексии (материально выраженной или невыраженной), а в агглютинативных языках номинатив не имеет специальных показателей, словоформа состоит из корня и слово- или формообразующего суффикса. При словоизменении в русском языке происходит трансформация окончания, словоизменение в коми языке происходит за счет присоединения к неизменному слову соответствующих суффиксов [Федюнова, 1992, с. 7–8].

В удмуртском языке также к словоизменительной основе прибавляется необходимый словоизменительный суффикс (лица или падежа). Но до недавнего времени, опираясь на традиции, сложившиеся в русском языкознании, в удмуртском языке словоизменительные аффиксы назывались окончаниями. К примеру, в «Грамматике современного удмуртского языка: фонетика и морфология» [Грамматика, 1962, с. 60–61] авторы выделяют словообразовательные суффиксы, формообразовательные суффиксы и флексии, к которым причисляют показатели падежных форм и личных окончаний глаголов. Но в издании «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз» выделены только суффиксы [Алашеева, Ефремов, Кибардина и др., 2011].

Постфикс – аффикс, образованный из частицы или послелoga, находящийся после корня. В удмуртском языке постфиксы имеют только словообразовательную функцию. Набор таких морфем невелик:

1) *-ке* (трансформированная частица) в словах: *куке* ‘когда-то’ и *маке* ‘что-то’; в остальных неопределенных местоимениях с этой частицей слова пишутся раздельно: *кин ке* ‘кто-то’, *кытын ке* ‘где-то’, *кыче ке* ‘какой-то’, *кӧня ке* ‘сколько-то’, т. е. *ке* остается полноправной частицей;

2) *-кем* (трансформированный послелог) в словах: *макем* ‘насколько’, *сокем* ‘настолько’ (послелог *кем* в современном удмуртском языке утерл свое значение, но этот корень можно обнаружить в словах: *кудкеме* ‘на какое расстояние’, *кудкемын* ‘на каком расстоянии’, *сокемысь* ‘с такого расстояния’, *такемозь* ‘до этого расстояния’);

3) *-(а)зь* в единичных случаях встречается в словах *корказь* ‘сени’, *гидкуазь* ‘двор’, где произошло наложение морфем: на конечную гласную корня *корка* ‘дом’, *гидкуа* ‘хлев’ наложилась первая гласная корня послелoga *азь* ‘перед; передняя часть’.

В русском языке постфиксы могут быть и словообразовательными, например, *-либо*: *кого-либо*, *где-либо*; *-нибудь*: *куда-нибудь*, *что-нибудь*; *-то*: *когда-то*, *почему-то*; и грамматическими: *-те*: *несите*, *пойдем-те*, *обопритесь*; *-сь/-ся*: *обопритесь*, *стремящийся*, *нуждаясь*.

В морфемном составе удмуртского языка могут быть аффиксоиды и интерфиксы (межморфемные прокладки). О них мы относительно подробно говорили в статье «Морфемы удмуртского языка» [Тимерханова, 2017, с. 307–308]. Речь шла о таких префиксоидах, как *бадӓ-*: *бадӓанай* ‘крестная мать’, *куд-*: *кудласянь* ‘с какой стороны’; *ванна-*: *ваннапал* ‘верхняя часть’; суффиксоидах *-нал*: *уйнал* ‘и день и ночь’, *-ни* или *-тий* в значении ‘место’: *дугдонни* ‘остановка (транспорта)’, *-тым*: *вутым* ‘водоем’. В русском языке также имеются подобные морфемы: *полуботинки*, *полулежать*, *гореруководитель*; *сучкорез*, *корнеед*, *молоковоз*, *огнемет*, *землемер*.

К интерфиксам в удмуртском языке относится *-ы-* в глаголах перед инфинитивным суффиксом, если слово не образовано при помощи этой морфемы, например, в слове *мыныны* ‘идти’, *возыны* ‘держать’. Интерфиксы *-я-*, *-ы-*, *-ты-* встречаются в некоторых падежных формах существительных и формах деепричастий при наличии притяжательного суффикса: *дор-оз-я-з-ы* ‘до их дома’, *вератоз-я-з-ы* ‘пока они говорили’, *дор-ен-ы-м* ‘моим домом’, *дор-ысь-ты-д-ы* ‘из вашего дома’, *тодымтысь-ты-з-ы* ‘из-за того что (они) не знали’. Интерфикс *-на-* используется для связи морфем в числительных (местоимениях) и наречиях: *ныль-на-мы* ‘мы четвером’, *ныль-на-пала* ‘на [все] четыре стороны’; интерфиксы *-ла-* и *-ня-* – в наречиях: *азь-ла-пала* ‘наперед’; *со-ня-кеме* ‘в такую даль’, *со-ня-мында* ‘столько’, *та-ня-чоже* ‘в течение столько дней’. В единичном случае встречается интерфикс *-а-* между корнями: *кыз-а-узы* ‘мужские цветы у ели’.

В русском языке перечень интерфиксов больше, чем в удмуртском языке, хотя их также немного. Это *-о-*, *-е-*, *-а-*, *-и-*, *-ес-*, *-ен-*, *-ер-*, *-j-*, *-в-*, *-ов-*, *-т-*, *-ль-*, *-ан-* и др.: *железобетон*, *черно-синий*, *бурелом*,

овцебык, однажды, трижды, чудеса, племена, дочерний, чита-ј-ут, филейный, ливень, вузовский, арготизм, ныряльщик, американский.

Таким образом, различия в морфемном составе слова удмуртского и русского языков в первую очередь обусловлены тем, что удмуртский – язык агглютинативный, а русский – флективный. В связи с тем, что письменность удмуртского языка молодая, зафиксированные чередования гласных в морфемах встречаются редко, в небольшом количестве можно обнаружить чередования согласных. В отличие от русского в удмуртском языке имеются лишь единичные окончания. В удмуртском языке префиксы и постфиксы имеют только словообразовательную функцию. В обоих языках суффиксы служат для образования новых слов или грамматических форм. Как и в русском, в удмуртском языке имеются аффиксоиды и межморфемные прокладки.

Библиография

Алашеева А. А., Ефремов Д. А., Кибардина Т. М. и др. Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание. Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. 408 б.

Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1962. 376 с.

Диброва Е. И., Касаткина Л. Л., Николина Н. А., Щеболева И. И. Современный русский язык: учеб.: в 2 ч. М.: Издат. центр «Академия», 2001. 544 с.

Тимерханова Н. Н. Морфемы удмуртского языка // Пермистика – 16: Диалектика и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. П. Сорокина, 2017. С. 303–308.

Федюнева Г. В. Морфемный состав и морфологический тип коми языка. Сыктывкар, 1992. Вып. 294. 36 с.

А. С. Федоринчик

ТИПОЛОГИЯ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ УЧАСТНИКОВ СИТУАЦИИ. К ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ ОПИСАНИЮ ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются языковые средства, с помощью которых может быть охарактеризован тот или иной участник ситуации. Такие средства могут выражать следующие типы значений: детерминированность (соотносимость именных групп с объектами реального мира), посессивность (связь с другой сущностью), связь с дополнительной ситуацией и соотносённость с «внешним» признаком.

Ключевые слова: детерминированность, посессивность, релятивизация, сравнительные конструкции, функционализм, чувашский язык, удмуртский язык.

A. S. Fedorinchik

TYPOLOGY OF SITUATION PARTICIPANTS' CHARACTERIZATION. TOWARDS A FUNCTIONAL LANGUAGE DESCRIPTION

Abstract. The article deals with linguistic means used to characterize participants of a situation. These linguistic means can represent the following meanings: determination (connection of a noun group with a real-world object), possession (relationship with another entity), connection with an additional situation and correlation with an «external» attribute.

Keywords: determination, possession, relativization, comparatives, functionalism, the Chuvash language, the Udmurt language.

0. Введение. Многие лингвисты при описании языковых явлений предпочитают путь «от формы к функции», вследствие чего семантически близкие конструкции (например, *лететь стрелой* и *лететь, как стрела*) рассматриваются в разных разделах (хороший пример «зеркального» подхода представлен в работе [Плунгян, 2011]). Отчасти такой «формализм» обусловлен традицией: при работе с классическими языками более важным было умение анализировать уже готовые тексты, а не порождать собственные высказывания; его отголоски обнаруживаются и в нынешних школьных программах (которые, по логике, должны быть ориентированы скорее на практическое использование языка), нередко обуславливая итоговое «немного понимаю, но не говорю».

Смысловой (часто и формальной) вершиной высказывания является предикат, ср.: *Я вчера написал Васе длинное письмо*, где *я, вчера, Васе* и *письмо* уточняют, как именно проходила ситуация «написания», а *длинное* дополнительно характеризует участника *письмо*. Отметим очевидный факт, что задействованность в заданной ситуации «сама по себе» некоторым образом характеризует участника, и попытаемся систематизировать средства, которые могут быть использованы для его дополнительной характеристики.

1. Детерминированность. Участники языковой ситуации могут по-разному соотноситься с объектами реального мира; основные типы соответствующих им именных групп можно отобразить на своеобразной «шкале» [Падучева, 2010], в качестве базовых элементов которой часто используются вопросительные местоимения (в позиции определения, соответственно, *какой*).

- Определенные (известные автору высказывания и адресату): чув. *ку сын*, удм. *та адыми* ‘этот человек’.
- Неопределенные (неизвестные автору высказывания и адресату): чув. *тем(ён)ле сын*, удм. *кыче ке адыми* ‘какой-то человек’.
- Нереперентные (не соотношенные с объектами реального мира): чув. *мёнле те пулин сын*, удм. *кыче ке но адыми* ‘какой-нибудь человек’.

Отметим, что во всех трех рассматриваемых языках нереперентные местоимения образованы с использованием средств указания на уступительность.

Родовая референция в обозреваемых языках определяется контекстом или лексически: ср. *врач лечит людей / врачи лечат людей (типичные / обычно)*. С другой стороны, типологической особенностью русского языка являются специализированные средства для указания на слабую определенность (объект идентифицируем автором высказывания, но – по мнению автора – не адресатом): *кое-какой человек*. Похоже, что аналогичные конструкции встречаются и в чувашском: *въл-ку ёс*, букв. ‘кое-какая работа’ (впрочем, все три обсуждаемых языка могут использовать для этих целей «неспециализированное» числительное *один*: ср. *есть у меня один вопрос*).

2. Посессивность.

2.1. Общие замечания. Посессивность сигнализирует о некой связи между двумя сущностями (необязательно собственно обладании). При этом в языках мира существуют особые «реляционные» существительные, у которых посессор есть «по умолчанию»: части целого (в том числе части тела), имена родственников, *начальник, друг, сосед* и т. п.

Разнообразие возможных посессивных «семантик» можно проиллюстрировать с помощью относительных прилагательных: *кофейный цвет* (сравнение), *чайная ложка* (предназначение), *утренний туман* (локализация во времени) и т. п. В русском языке относительные прилагательные противопоставлены притяжательным / генитиву прежде всего по признаку референтности посессора: ср. *материнские заботы* (вообще) и *мамины заботы / заботы мамы* (конкретной); но ср. *пушкинские чтения* (мероприятие) и *чтения Пушкина* (т. е. его стихотворений), а также *платье цвета морской волны*, где количество компонентов затрудняет «сворачиваемость» в относительное прилагательное.

Чувашский и удмуртский языки для указанных случаев используют другой набор конструкций: ср. чув. *сулçă* ‘лист’, *йывăç сулçи* ‘лист (какого-то) дерева’ (конструкция с изафетом), *йывăçăн сулçи* ‘лист конкретного дерева’ (конструкция с родительным падежом и изафетом); удм. *куар* ‘лист’, *писпу куар* ‘лист (какого-то) дерева’ (соположение существительных), *писпулэн куарез* ‘лист конкретного дерева’ (конструкция с родительным падежом и изафетом). В чувашском языке соположение существительных кодирует ситуацию, в которой первое указывает на материал, из которого состоит второе: *йывăç сулçă* ‘деревянный лист’ / ‘лист из дерева’. Кроме того, если модифицирующими сущностями являются местоимения первых двух лиц, использование притяжательных аффиксов в удмуртском обязательно, а в чувашском часто сигнализирует о гипокористичности: ср. удм. *пыж* и чув. *кимё* ‘лодка’, удм. (*милям*) *пыжмы* ‘наша лодка’ и чув. *пирён кимё(мёр)* ‘наша лод(оч)ка’.

В удмуртском языке конструкции с нереперентными посессорами с точки зрения формы часто идентичны конструкциям с приложениями: ср. *мумы кочыш* ‘кошка’ (букв. ‘мама-кот’), *айы кочыш* ‘кот’ (букв. ‘папа-кот’); *Чупчи шур* (букв. ‘Чепца-река’), *Вася агай* ‘дядя Вася’ (букв. ‘Вася-дядя’). Чувашский в аналогичных случаях использует либо соположение существительных, либо конструкции с изафетом (в зависимости от конкретной семантики): *хёр ача* ‘девочка’ (букв. ‘женщина-ребенок’), *арсын ача* ‘мальчик’ (букв. ‘мужчина-ребенок’); *кушак ами* ‘кошка’ (букв. ‘кошачья самка’), *кушак аси* ‘кот’ (букв. ‘кошачий самец’); *Шупашкар хули* ‘Чебоксары’ (букв. ‘чебоксарский город’), *Сарине аппа* ‘тетя Сарине’ (букв. ‘Сарине-тетя’).

2.2. Специализированные посессивные конструкции. Передаваемую посессивными конструкциями семантику могут выражать и «более конкретизированные» кодирующие средства: ср. *чайная ложка* и *ложка для чая*; *утренний туман* и *туман утром*. Такая «реорганизация» может обуславливаться как прагматическими причинами: *листья дерева выросли* → на *дереве выросли листья*, *запачкать рубашку Ивана* → *запачкать рубашку Ивану*; так и семантическими: ср. чув. *хамён кёпене шыратён*, удм. *дэремме утчасько* ‘свою рубашку ищу’, чув. *хама валли кёпе шыратён*, удм. *аслым дэрем утчасько* ‘себе / для себя рубашку ищу’ (она только потенциально моя). В рамках данной статьи нас в первую очередь будут интересовать те средства, у которых отсутствуют «припредикатные» употребления.

Проприетивные прилагательные можно образно охарактеризовать как «средства выражения комитативной связи в пределах именной группы» [Архипов, 2009]: ср. чув. *сын йытён утат* ‘человек с собакой шагает’, *йытёллă сын* ‘человек с собакой’ (букв. ‘ссобачный человек’). В удмуртском при этом возможно более тонкое разграничение: ср. *сылалэн нянь* ‘с солью хлеб’ (форма, морфологически

совпадающая с творительным падежом) / *сылало музъем* ‘солончак’ (букв. ‘соленая земля’; морфологически автономная форма, часто соотносимая с более постоянными свойствами). В русском с точки зрения оформления выделяются только соответствующие «лишительные» прилагательные: ср. чув. *сын ёссёр ларать*, удм. *адями ужтэк пуке* ‘человек без работы сидит’; чув. *ёссёр сын*, удм. *ужтэм адями* ‘безработный человек’.

Другим важным частным случаем посессивности является указание на меру: ср. чув. (*нёр*) *випре шыв*, удм. (*одйг*) *ведра ву* ‘(одно) ведро воды’, противопоставленные, соответственно, *шыв випри / ву ведра* ‘ведро для воды’ (букв. ‘водное ведро’). Некоторые существительные могут употребляться в значении мерных слов с элементами сравнения: *море людей, гора книг, букет проблем*; в чувашском и удмуртском такие употребления встречаются редко: ср. чув. *укса кумеркки* ‘куча денег’. С другой стороны, в удмуртском представлены морфологически особые «мерные прилагательные» (определяют дискретные сущности): ср. *килограммъем гира* ‘килограммовая гиря’ / *вить этажъем корка* ‘пятиэтажный дом’; чувашский в таких случаях использует проприетивные прилагательные: *килограмлă улма* ‘килограммовое яблоко’ (ср. *килограмм улма* ‘килограмм яблок’, сущность не дискретна), *пилёк хутлă сурт* ‘пятиэтажный дом’.

Наконец, в чувашском языке есть особые разряды «местных» и «временных» прилагательных: ср. *хула* ‘город’, *хулара* ‘в городе’, *хулари* ‘городской’; *ыран* ‘завтра’, *ыранхи* ‘завтрашний’; близкие по значению прилагательные с аффиксом *-лăх* употребляются и «припредикатно»: ср. *уйăхлăх план* ‘план на месяц’ и *уйăхлăх таврăн* ‘вернуться на месяц’. В удмуртском представлено только несколько не вполне регулярно образуемых «временных» прилагательных: *чюкна* ‘утро’, *чюкнала* ‘утренний’; в качестве «местных» прилагательных используются существительные в исходном падеже: так, строго говоря, рассмотренное выше словосочетание *ведра ву* может означать как ‘ведро воды’, так и ‘вода из ведра’ (букв. ‘ведровая вода’), в то время как *ведраысь ву* однозначно указывает на второй из этих смыслов.

3. Связь с дополнительной ситуацией.

3.1. Причастия. В чувашском языке фиксированная ролевая ориентация характерна только для причастий настоящего времени [Андреев, 1961]: ср. *вулакан сын* ‘читающий человек’; *вулань сын* ‘читавший человек’, *вулань кёнеке* ‘читаная книга’, *вулань вырăн* ‘место, где кто-то читал’; *вулас сын* ‘человек, который будет читать’, *вулас кёнеке* ‘книга, которую кто-то будет читать’, *вулас вырăн* ‘место, где кто-то будет читать’; ср. также *кашкар тытнă сурăх* ‘овца, которую поймал волк’ / ‘овца, которая поймала волка’. Причастия прошедшего времени в предикативной позиции указывают на незасвидетельствованность действия говорящим: *лавккана юсама хуннă* ‘магазин на ремонт закрыли’ (сам процесс закрытия говорящий не видел).

Причастия возможности в чувашском образуются при помощи показателя *-и* (в сочетании с аффиксом возможности *-ай / -ей* или без него), однако в положительной форме они почти не встречаются: ср. *ман(ай)ми кунсем* ‘незабываемые дни’ с показателем невозможности *-ми*. Причастия на *-малла / -мелле* указывают на долженствование: *каламалла сăмах* ‘слово, которое нужно сказать’; реже проникают в «вакантную» зону возможности: *янланмалла каласу* ‘понятный разговор’; от них также образуются «целевые» причастия: *вуламалли кёнеке* ‘книга для чтения’, *вуламалли сурт* ‘читальня’.

Использование причастий настоящего времени в удмуртском языке (показатель *-сь*) аналогично чувашским. Причастия прошедшего времени ориентированы скорее не на собственно время, а на результативность, поэтому чаще соотносятся с объектами переходного действия или субъектами непереходного: *гожтэм кылбур* ‘написанное стихотворение’, *лыктэм мурт* ‘пришедший человек’, хотя ср. *вордскем гурт* ‘деревня, где родился’. Как и в чувашском, в предикативной позиции причастия прошедшего времени указывают на незасвидетельствованность действия говорящим, а для передачи собственно результативной семантики используются особые формы на *-мын*.

Удмуртские причастия будущего времени также обычно соотносятся с объектами переходного действия или субъектами непереходного: *лыдзоно газет* ‘газета, которую кто-то будет читать’, *пыроно мурт* ‘человек, который войдет’; но могут характеризовать и объекты, подверженные действиям в настоящем: *гажано эш* ‘уважаемый друг’; а также «вторгаться» в зону долженствования (основное значение для предикативной позиции): *кароно уж* ‘дело, которое нужно сделать’. Для указания на возможность используются причастия на *-мон*: *оскымон эш* ‘надежный друг’ (букв. ‘друг, которому можно верить’); подробнее см. [Калинина, 2001].

Кратко отметим (для полноты), что в русском языке представлены как действительные (субъектные) причастия настоящего (*читающий*) и прошедшего времени (*(про)читавший*), так и страдательные (объектные: *читаемый, (про)читанный*), а также объектные причастия возможности (*предсказуемый*).

3.2. Отглагольные прилагательные. Определённым аналогом «неориентированных» причастий для русского языка можно считать отглагольные прилагательные (часто формально производны от соответствующих отглагольных существительных): ср. *учебный план, учебное заведение, учебный год, учебный предмет*. В чувашском и удмуртском их эквивалентами обычно выступают собственно имена

действия в позиции определения: ср. чув. *ёс* 'работа' и *ёс кунё* 'рабочий день', удм. *шутэтскон* 'отдых' и *шутэтскон корка* 'дом отдыха'.

Впрочем, во многих случаях ориентация отглагольных прилагательных фиксируется [Генералова, 2016]: ср. *принудительный* (тот, к которому принудили), *болтливый* / *липкий* (склонный болтать / липнуть); ср. также синонимичные ряды типа *требовательный* / *требующий*, *желательный* / *желаемый* / *желанный*. Дополнительная особенность конструкций такого типа – невозможность дальнейшей характеристики «встраиваемого» предиката: ср. *часто бегающий кот* и **часто беговая дорожка*; чув. *сёне вёрену сүлэ* 'новый учебный год', не *'год новой учебы'.

3.3. Относительные придаточные. Основным средством указания на роль сущности в дополнительной ситуации в русском языке выступают относительные предложения (для несубъектных и не-объектных позиций это единственно возможная «точная» стратегия); в современном удмуртском языке такой способ тоже становится доминирующим: ср. *адями, кудйз / кудйзлы / кудйныз...* 'человек, который / которому / с которым...'.

3.4. «Союзная» стратегия. В отличие от конструкций с причастиями, отглагольными прилагательными и относительными придаточными, использование союзов не подразумевает «автоматической» задействованности характеризуемого участника в дополнительной ситуации: ср. *магазин такой, что у меня нет слов; Иван пишет такие книги, что его (из-за них) даже приглашали в столицу*. Ср. также соотносимость союзных конструкций с прилагательными и причастиями: *платят так, что смешно* → *смешно платят* → *смешная оплата; такой человек, что я (его) боюсь / такой человек, что (мне) страшно / страшный человек / пугающий человек*.

Чувашский язык в аналогичных случаях предпочитает кодировать дополнительные ситуации номинализованными формами, удмуртские стратегии в целом ближе к тем, которые используются в русском: ср. чув. *сак лавккана сәнласа пама манан сәмахсем ситмессё* 'этот магазин описать у меня слов не хватает', удм. *магазинэз сыче – мар вераны ик уг тодскы* 'магазин такой – что сказать даже, не знаю'; чув. *Иван саван еврлэ кёнекесем сырнице апа тён хулана та йыхравлакаланэ* 'Ивана таких книг написанию благодаря его в столицу даже приглашали', удм. *Иван сыче книгаос гожъя – сое шоркаре ик отизы / отьылйзы вал* 'Иван такие книги пишет – его в столицу даже приглашали'; чув. *кулйшла тўлессё* 'смешно платят', *кулйшла шалу* 'смешная оплата', удм. *уждун (тыро) – чылкак / копак серем ук* 'заработок (платят) – совсем смешно же'.

Участник может характеризоваться целевой ситуацией, для реализации которой его свойства недостаточны / достаточны / чрезмерны. Чувашский в таких случаях предпочитает нефинитные формы, удмуртский менее «категоричен»: ср. чув. *кунта апат пире сисе тәранмаләх сителёклё* (букв. 'здесь еды нам наестся хватит'), удм. *сиён татын трос – кётмы тыроз / кётмес тырымон* (букв. 'еды здесь много – живот наш наестся / живот наш наедаем'); чув. *ку вёрентекене чярмантармаләх ытла вётё ыйту* 'это, учителя отвлекать чтобы, слишком мелкий вопрос', удм. *со чыры-пыры шугъяськоньёсыныды дышетйсьлы эн люкетэ* 'с этими незначительными проблемами вашими учителю не мешайте'; чув. *унан ют-сёршыва каймаләх ытлашии сахал укса пулнә*, удм. *кунгож сьёры мыныны / мынон понна солэн коньдонэз туж ичи вал* 'у него было слишком мало денег, чтобы поехать за границу'; чув. *вал сак ёс валли юрәхлә*, удм. *та ужлы со яра* 'он для этой работы годится'.

В некоторых случаях, Впрочем, «простая» и «целевая» характеристики могут сближаться: ср. чув. *пўлём сире кәмәллә пулмаләх пысәк*, удм. *тйледлы яран понна / мед яралоз шуыса висъет бадъым гинэ* 'комната достаточно большая, чтобы вы были довольны' и чув. *пўлём сав тери пысәк – эсир пурпёр кәмәллә пулатәр* 'комната настолько большая – вы в любом случае довольны будете', удм. *висъет сыче бадъым – тйледлы яраны кулэ* 'комната такая большая – вам понравиться должна'.

Свойства участника также могут быть представлены как следствие ситуации, которая якобы имела место: *у него такое лицо, будто небо упало на землю* (говорящий не считает, что небо действительно упало на землю, иначе использовал бы причинный союз). В чувашском и удмуртском предикаты соответствующих вложенных ситуаций, как правило, выражаются причастиями: ср. чув. *унан сәнэ тўпнэ сёр сине үкнэ пекех*, удм. *солэн ымнырыз сыче (шуэрскемын) – инбам музъем вылэ кушкам бере кадъ* 'у него такое (встревоженное) лицо, будто небо упало на землю'; чув. *вал сұмәр айне пулнә пек курәнатъ*, удм. *со зор улэ шедем кадъ адске* 'он выглядит, будто попал под дождь'.

3.5. Качественные прилагательные. Такие прилагательные указывают на то, что их «хозяин» является субъектом некоторой дополнительной (стативной) ситуации: ср. *парус белый* и *парус белеет*, *белый парус* и *белеющий парус* (хотя соответствующими глаголами язык располагает не всегда); ср. также *высокий человек* и псевдопосессивное *человек большого роста*. Класс качественных прилагательных может пополняться за счет адъективированных причастий: ср. *блестящий оратор*, *помешанный человек*, а

также *лежащий камень* и *лежачий камень*. Качественная семантика может доминировать и у относительных прилагательных, основанных на идее сравнения: ср. *царское угощение*, *железные нервы*.

3.6.1. Количественность. Грамматические и деривационные средства. Соотносимость количественных показателей с предикатами менее очевидна, так как соответствующие глаголы в трех обозреваемых языках отсутствуют; они присутствуют, например, в некоторых языках Океании (личное сообщение В. Плунгяна), где вместо словосочетаний типа *три собаки* часто используются выражения с примерным смыслом *собака троится* (~ *троющаяся собака*). Ср. также *большой лес* (качественность) и *много деревьев* (количественность).

Первичная функция показателя множественного числа – указание на то, что в ситуации задействовано более одного объекта соответствующего типа: ср. чув. *сын / сынсем*, удм. *адами / адымиос* ‘человек’ / ‘люди’ (в русском языке образование множественного числа существительных и в целом значительно менее регулярно). Для чувашского и удмуртского языков примечательно использование соответствующих показателей для выражения ассоциативной множественности: ср. чув. *Ивансем*, удм. *Иванъёс* (букв. ‘Иваны’; ~ ‘Иван и все такое’, т. е., например, ‘Иван и его семья / друзья’); а также (ограниченно) именовании жителей соответствующего региона: ср. чув. *канашисем* ‘жители Канаши’ (букв. ‘Канаши’), удм. *можгаос* ‘жители Можги’ (букв. ‘Можги’). В русском языке ассоциативная множественность менее употребительна, но ср., например, *восемьдесятые годы*.

В дополнение к словоизменительной категории множественности в русском языке есть дериватемы, указывающие на единичность (*луковица*, *армянин*; ср. также *луковицы*) или собирательность (*человечество*, *листва*, *березняк*; ср. также *березняки*). В чувашском и удмуртском специализированных средств для указания на единичность нет: ср. чув. *юр пёрчи* ‘снежинка’ (букв. ‘частица снега’), удм. *одйг кджы* ‘горошина’ (букв. ‘один горох’); собирательность может быть задана с помощью дериватем: чув. *юманлӑх*, удм. *тытылык* ‘дубрава’; лексически: чув. *хурӑн вӑрманӑ* ‘березовый лес’ (возможно и *хурӑнлӑх*), удм. *кызьпу арама* ‘березовая роща’; или показателями множественного числа: чув. *самраӑксем*, удм. *егитъёс* ‘молодежь’ (букв. ‘молодые’). Интересной особенностью двух указанных языков также является способ указания на неоднородную множественность (ассоциативным) сочетанием двух ее разных представителей (двандва): ср. чув. *сӑтел-пукан* ‘мебель’ (букв. ‘стол-стул’), удм. *ымныр* ‘лицо’ (букв. ‘ротнос’).

В обозреваемых языках показатели множественного числа задействованы и в образовании местоимений: ср. рус. *он / она / оно* и *они*, удм. *со* ‘он’ / ‘она’ / ‘оно’ и *соос* ‘они’, чув. *вӑл* ‘он’ / ‘она’ / ‘оно’ и *вӑсем* ‘они’ (восходит к *вӑлсем*), *эсӑ* ‘ты’ и *эсир* ‘вы’ (больше одного ‘ты’ / ‘ты и другие’; здесь представлен архаичный показатель множественности), *эпӑ* ‘я’ и *эпир* ‘мы’ (‘я и другие’).

3.6.2. Количественность. Лексические средства. В языках мира количественные числительные (а также соотносимые с ними собирательные числительные и счетные существительные типа *дюжина*) и слова с менее конкретной счетной семантикой составляют относительно небольшой класс. В чувашском при наличии таких определений существительные не принимают показатель множественности (в удмуртском возможны колебания): ср. чув. *виç сӑмах(*сем)* ‘три слова’, *нумай сын(*сем)* ‘много людей’. Не останавливаясь на правилах выбора форм в сочетаниях числительных и существительных в русском языке, отметим, что его интересной особенностью является постпозиция числительных для указания на приблизительность: *ящиков пять* (во всех трех обозреваемых языках приблизительность можно выразить и «более стандартными» способами).

Средства указания на ту или иную «долевою» часть от множества можно упорядочить с помощью следующей шкалы (приведены только наиболее употребительные варианты); ожидаемым образом, некоторые ее элементы образованы на базе вопросительного местоимения *сколько*:

- *несколько*, чув. *нимӑн чухлӑ те*, удм. *нокӧня но*;
- *чуть(-чуть)*, чув. *кӑшт(ах)*, удм. *пичияк / ӧжытак*;
- *немного*, чув. *кӑшт(ах)*, удм. *пичияк / ӧжытак* (ср. *несколько*, чув. *темиçe*, удм. *кӧня ке*);
- *половина*, чув. *çурӑ*, удм. *ӧжны*;
- *большинство*, чув. *ытларахӑшӑ / нумайрахӑшӑ*, удм. *тросӑз* (ср. *многие*, чув. *нумайӑшӑ / чылайӑшӑ*, удм. *тросӑз*);
- *почти все*, чув. *пурте тенӑ пекех*, удм. *ваньзы сямен*;
- *все*, чув. *пурте*, удм. *ваньзы* (ср. *целый*, чув. *пӑтӑм*, удм. *быдӑс*).

О некоторой условности выделения «долей» свидетельствует, например, то, что формально разные русские аналоги чувашского *кӑштах* и удмуртских *пичияк / ӧжытак* во многих контекстах взаимозаменяемы. Кроме того, часть множества может быть определена с помощью элективных конструкций: чув. *сиртен виççӑшӑ / сирӑн хушӑран виççӑшӑ*, удм. *куинез тӑй пӧлын / пӧлысь* ‘трое из / среди вас’;

в чувашском и удмуртском в соответствующем контексте достаточно и собственно изафета / выделительного суффикса: ср. чув. *виççё*, удм. *куинь* ‘три’ / ‘трое’; чув. *виççёшйё*, удм. *куинез* ‘трое (из определённого множества)’.

Упомянем также чув. *пёртен-пёр* / *пёр-пёччен*, удм. *одйгысь-одйг* ‘единственный’ (= ‘только один’); определения типа *трехкратный*, соотносимые с исчислением ситуаций (в чувашском и удмуртском соответствующие «автономные» формы отсутствуют) и порядковые прилагательные, в большинстве случаев суффиксально образуемые от количественных. В чувашском и русском порядковые прилагательные также используются при образовании дробей: *арçынсен иккё пиллёмёш пайё* ‘мужчин две пятых части’ или *арçынсен иккё пиллёмёшйё* ‘мужчин две пятых’; в то время как в удмуртском задействуются особые формы на *-мос*: *кык витьмос люкетэз курегпуз* ‘две пятых части яиц’ или *кык витьмосэз курегпуз* ‘две пятых яиц’.

3.7. Депиктивы. Отличительной особенностью депиктивных определений является то, что они, выражая текущий признак, как правило, потенциально соотносимы и с субъектом, и с объектом [Himmelman, 2005]: ср. двусмысленное *женщины встречали солдат радостными* и *женщины встречали солдат радостно* (однозначное, за счет субъектноориентированного наречия), а также *женщины встречали солдат, радостные* / *радостных*. В депиктивной позиции могут употребляться не только прилагательные (причастия), но и числительные, что дополнительно свидетельствует об их концептуальной близости: ср. «коллективный» (*мы шли вдвоем; работаем вместе*) и «дистрибутивный» типы (*дети сидели по трое; все живут отдельно*); возможны также употребления с квантифицирующими существительными: *нас водили в музей всей группой*. Аналогичная кодирующая стратегия в русском языке используется в «ролевых конструкциях» (*я работаю учителем*), с информационными предикатами (*я видел его усталым / мальчиком*) и трансформативами (*я сделал зайца злым*; ср. также *мы выбрали Ивана в депутаты / депутатом*).

В чувашском и удмуртском ситуация в некоторой степени схожа: ср. чув. *хёрарймсем салтаксене пёрле* / *виçшерён-виçшерён* / *уйрймман тёл пулчёс*, удм. *кышномуртьёс солдатъёсыз чош* / *куинен-куинен* / *нимаз-нимаз пумитазы* ‘женщины солдат вместе / по трое / по отдельности встречали’, чув. *хёрарймсем салтаксене иккёшйё* / *иккёшине тёл пулчёс*, удм. *кышномуртьёс солдатъёсыз кыкназы* / *кыкназэс пумитазы* ‘женщины солдат две / двоих встречали’. В других конструкциях депиктивы обычно не используются: «ролевые» образуются с помощью конвербов: чув. *эпё вёрентекен пулса ёслетён*, удм. *мон дышетйсь луйса ужасько* (букв. ‘я учителем будучи работаю’); с информационными предикатами чаще употребляются придаточные предложения либо же соответствующие определения согласуются с «хозяйном»; «трансформативная» семантика обычно передается «синтетически»: чув. *эпё мулкача усаллатрам* ‘я зайца разозлил’.

4. Соотнесенность с «внешним» признаком.

4.1. Подобие. Базовая конструкция подобия подразумевает сопоставление двух ситуаций (с явно или неявно заданным признаком сравнения): ср. *он сегодня ходит так (быстро), как я вчера танцевал вальс*; при совпадении компонентов соответствующих предложений естественна их эллипсация: *он ходит так, как (хожу) я* [Treis, 2017]. Для данной статьи особый интерес представляют те сравнительные обороты, которые характеризуют не предикаты, а участников; соответствующие существительные часто являются именными сказуемыми: *ты (был) такой же доктор, как я – балерина*; *он такой (человек), как его отец*; *здесь такие улицы, как в Казани*; *она (почти) такая же, как вчера*; *столько снега, сколько и у нас*; также образные сравнения типа *твой дом – будто замок*; но встречаются и в других позициях: *у нас парень работает (такой), как ты* (ср. *у нас парень работает (так), как ты*, где охарактеризован предикат).

Соответствующее дополнительной ситуации сравнительное придаточное может «расформироваться» и «передать» свои компоненты в состав главного: ср. *он напоминает меня / похож на меня / типа меня (по характеру / характером)*; *он равен мне (по росту) → мы равны / одинаковы (по росту)* («слияние сравниваемых») → *мы одинаково высоки* (переход предиката в наречие степени). Еще один вариант – использование признака в качестве вершины именной группы: *его рост – как у меня → его рост равен моему → наш рост одинаков*; *он моего роста → мы одинакового роста*.

Аналогичные конструкции в чувашском и удмуртском часто устроены схожим образом (с точностью до порядка слов, выбора падежей и собственно союзов: чув. *пек*, удм. *кадь*), поэтому в качестве иллюстраций мы приведем только полуфразеологические «конструкции уровня» с соответствующими послелогоми: ср. чув. *пилёк таран шывра*, удм. *кускын чош вуын* ‘по пояс в воде’; чув. *пальто чёркуçси таран* ‘пальто до колен’; чув. образное *май таран ёс* ‘по горло дел’. Интересно также поведение чув. *тулли* / удм. *тыр* ‘полный’, которые в качестве послелогов могут указывать на меру полноты: чув. *пурт тулли хана*, удм. *корка тыр куноос* ‘полный дом гостей’ (букв. ‘домополно гостей’).

Также отметим, что в удмуртском и чувашском аналоги русских «прилагательных подобия» устроены по модели «мерных прилагательных»: ср. удм. *койык – скал тусъем* ‘лось похож на корову’ (букв.

‘лось коровоподобный’), чув. *сан евёрлэ / тэслэ сын* ‘похожий на тебя человек’ (букв. ‘тебе подобный человек’); то же значение может быть передано и синтетически: *санашкал* ‘тебе подобный / подобно’).

4.2. Неравенство. Как и с конструкциями подобия, при выражении неравенства нас в первую очередь интересуют конструкции, в которых придаточное характеризует не предикат, а участника: *он (стал) выше / ниже, чем ты / был; я нашла парня лучше, чем (был / нашел) он*. Признак сравнения также может быть выражен отдельно от предиката: *он больше / меньше, чем ты, по росту*. Кроме того, при выражении неравенства в ситуации может эксплицитно определяться «разница»: абсолютная (*дороже на десять рублей; за сутки до отъезда*), относительная (*в два раза дольше*) либо субъективная (*немного / намного лучше / позже*) [Князев, 2009].

Ср., соответственно, конструкции с «расформировкой придаточного»: *яблоки дороже / дешевле рыбы; он больше / меньше / превосходит тебя (уступает тебе) по росту*. Примечательно, что стандарт сравнения допускает и другие способы оформления, но в сочетании с большинством из них сравнительная степень признака меняется на положительную: *яблоки дорогие / дешевые относительно рыбы / по сравнению с рыбой / на фоне рыбы; он высокий / низкий относительно тебя / по сравнению с тобой / на твоём фоне*.

Исторически конструкции неравенства в чувашском и удмуртском языках восходят к модеративным: ср. чув. *сўллэ*, удм. *жужыт* ‘высокий’, чув. *сўллёрех*, удм. *жужытгес* ‘высоковат’ / ‘выше’. При наличии стандарта сравнения, который оформляется как зависимое того же предиката (при наличии у него собственного предиката последний номинализируется), сохранение показателя степени сигнализирует о модеративной семантике: ср. чув. *эпэ унран лайӓх(рах) качӓна тупрӓм*, удм. *солэсь умойзэ(гес) пияш шедьтӓй* ‘я нашла парня (по)лучше, чем он’, чув. *эп вӓл тупнинчен лайӓх(рах) качӓна тупрӓм*, удм. *со шедьтэмлэсь умойзэ(гес) пияш шедьтӓй* ‘я нашла парня (по)лучше, чем он нашел’ (букв. ‘чем его найденное’). Отметим также конструкции «числового» неравенства: чув. *сёр сынна яхӓн*, удм. *сю адямиозь / сю адямиос дорозь* ‘до ста человек’ (в чувашском также ‘около ста’), чув. *сёр сын ытларах*, удм. *сю адямилэсь трос(гес)* ‘свыше ста человек’.

Конструкции превосходной степени отличаются от других конструкций неравенства тем, что объект сравнения противопоставлен каждому из элементов «своего» множества: ср. *он самый высокий (в классе / из нас / среди школьников)*; отметим также возможную разницу в трактовке предложений *он тяжелее всех* и *он тяжелее каждого*. Набор соответствующих множеств вне контекста, вообще говоря, может быть довольно широким: ср. *Иван подарил Марии самые красивые цветы* (из тех, которые Иван дарил Марии; из тех, которые Иван дарил кому-либо; из тех, которые кто-либо дарил Марии; из тех, которые кто-либо дарил кому-либо); это обстоятельство связывает собственно сравнительную функцию с элятивной (интенсифицирующей): ср. *мудрейший*. Похоже, что именно такая функция была первичной для соответствующего чувашского (*чи*) и удмуртского (*тужгес но*, основной) показателей.

Для полноты добавим, что в языках мира существуют и «лексические» суперлативы: ср. *главный* или *последний*.

4.3. Соответствие. При указании на соответствие чувашский язык предпочитает кодировать стандарт с помощью нефинитных конструкций, русский – с помощью финитных, удмуртский занимает промежуточное положение: ср. чув. *вӓл эсэ каласа панӓ пекех*, удм. *со тынад мадемед / верамед кадӓ ук / со (чапак) сыӓе, кызьы тон мадид / верад вал* ‘он такой, как ты рассказывал’; чув. *вӓл сире кирлинчен лутрарах*, удм. *со лапеггес солэсь, кыӓе тӓйледлы кулэ* ‘он ниже, чем вы хотели’ (букв. ‘чем вам нужно’).

Отметим, впрочем, что часто (не) соответствие ожиданиям может задаваться имплицитно (например, с помощью «мерных» или «оценочных» прилагательных): так, *маленький слон (маленький, как для слона / меньший, чем следовало ожидать, в соответствии с представлениями о слонах)* в большинстве случаев окажется крупнее *большого муравья*.

Важной разновидностью конструкций соответствия выступают так называемые двухкомпаративные: ср. чув. *вӓрманӓ мӓн чухлӓ шаларах кӓретӓн, савӓн чухлӓ вутӓ нумайрах* ‘в лес чем глубже заходишь, тем дров больше’, удм. *андан макем кыда, сокем со юнгес луэ* ‘чем больше закаляется сталь, тем она становится прочней’; определяющая ситуация может кодироваться и нефинитно: ср. чув. *сывхарнӓ семӓн тусем капмарланса пырасӓ* ‘по мере приближения горы все более величественными становятся’, удм. *выллӓн тубемӓ, омырлӓн зӓбетӓз кулэсме* ‘по мере подъема вверх давление воздуха уменьшается’. В удмуртском в соответствующих контекстах также встречаются конструкции с деепричастиями: *тросгес лыдӓзыса, тунсыкогес потӓ* ‘чем дальше читаешь, тем интереснее’ (букв. ‘больше читая, интереснее кажется’).

Автор выражает глубокую признательность Сергею Максимову, Ольге Шариповой, Александру Савельеву, Светлане Едыгаровой, Александру Степанову, Марии Холодиловой и Светозару Лашину за предварительное обсуждение материала и не снимает с себя ответственности за все возможные неточности и ошибки.

Библиография

- Андреев И. А. Причастие в чувашском языке. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1961. 264 с.
- Архипов А. В. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009. 296 с.
- Генералова В. А. Актанты мотивирующего глагола в семантике русских отглагольных прилагательных. Выпускная квалификационная работа бакалавра лингвистики. Санкт-Петербург, 2016. 89 с.
- Калинина Л. И. Причастия и причастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. 182 с.
- Князев Ю. П. Степени сравнения: учеб. пособие. СПб., 2009. 76 с.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 296 с.
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.
- Himmelmann N. P., Schultze-Berndt E. Secondary predication and adverbial modification : the typology of depictives. Oxford University Press, 2005. 449 pp.
- Treis Y., Vanhove M. Simulative and Equative Constructions. A cross-linguistic perspective. John Benjamins Publishing Company, 2017. 437 pp.

Г. В. Федюнева

НАРЕЧИЯ НА *-ЛА* В КОНТЕКСТЕ ВОЛЖСКО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ

Аннотация. В работе предпринята попытка систематизировать некоторые известные данные относительно пермских наречий на *-ла* с учетом их возможных связей с волжско-финскими наречиями с л-овым элементом. По структурно-семантическим особенностям выделены две группы наречий, традиционно рассматривавшихся в общем контексте. По мнению автора, они могут восходить к разным временным периодам, а сам словообразовательный элемент – к разным источникам. Элемент *-ла*, выступающий в качестве основообразующего элемента, может иметь отношение к финно-пермскому словообразовательному форманту, непродуктивный словообразовательный суффикс *-ла*, видимо, более позднего происхождения. Вопрос о связи рассмотренных групп наречий со становлением системы л-овых падежей в пермских и марийском языках остается открытым.

Ключевые слова: историческая грамматика, пермские языки, наречия, падежная система.

G. V. Fedyuneva

ADVERBS ENDING WITH *-LA* IN THE CONTEXT OF VOLGA-PERM LANGUAGE RELATIONS

Abstract. In the present article an attempt has been made to systematize some known data on Permian dialects ending with *-la*, taking into account their possible links with the Volga-Finnish dialects with the l-th element. According to structural and semantic features, two groups of adverbs, traditionally considered in the general context, are distinguished. According to the author, they can go back to different time periods, and the word-forming element itself – to different sources. The element *-la*, acting as a stem-forming element, can be related to the Finno-Perm word-formative formant, an unproductive word-building suffix *-la*, is apparently of a later origin. The question on connection of adverbs' groups considered with the formation of the system of l-cases in the Permian and Mari languages remains open.

Keywords: historical grammar, the Permian languages, adverbs, case system.

0. Пермские наречия, имеющие в своем составе элемент *-ла* с пространственным значением, а также волжско-финские наречия с л-овым элементом и прибалтийско-финские имена со значением места (вроде фин. *pohjola* 'север') традиционно рассматриваются в одном контексте с формированием л-овых падежей в марийском, пермских и прибалтийско-финских языках [Основы, 1974, с. 260–264]. Однако непосредственный источник л-ового форманта, как и история формирования л-овых падежей в финно-пермских языках в целом остаются недостаточно ясными.

В освещении проблемы важную роль играют наречия, которые по своей грамматической сущности представляют уникальный материал для реконструкций, хотя на синхронном уровне сами часто не поддаются однозначной интерпретации. Не претендуя на новые выводы в этом вопросе, мы попытаемся хотя бы систематизировать некоторые известные данные относительно пермских наречий на *-ла* с учетом их возможных связей с соответствующими волжско-финскими наречиями.

Наречия, содержащие в своей структуре элемент *-ла-*, обнаруживаются в коми и удмуртском языках и, несомненно, являются наследием общепермского периода. По структурно-семантическим особенностям их можно разделить на две группы¹.

¹ Отдельную группу составляют наречия – новообразования коми языка, возникшие в результате позиционной адвербиализации имен в форме конзекутива вроде *тыыг-ла* 'с голоду, от голода', *яндзим-ыс-ла* 'со стыда, от стыда', *жар-ыс-ла* 'от жары'. Падеж является общекоми инновацией [Некрасова, 2002, с. 13], соответственно, эта группа наречий появилась достаточно поздно и не имеет прямого отношения к рассматриваемым группам общепермских наречий на *-ла*.

1. Наречия, в которых сегмент *-ла* выступает в качестве основообразующего элемента; он выделяется результате дефектного членения связных основ с имплицитным пространственным значением. Сюда мы относим: 1) наречия, возникшие в результате адвербиализации местоимений, числительных, прилагательных и наречий с элементом *-ла* в формах местных падежей. Такие наречия больше характерны для коми языка, например: *уна-ла-о* 'в разные места', *уна-ла-ын* 'в разных местах', *уна-ла-ысь* 'из разных мест', *уна-ла-сянь* 'от разных мест'; *быд-ла-ын* 'езде', *быд-ла-о* 'во все места'; *виль-ла-ын* 'на новом месте', *важ-ла-о* 'в старое место' (< *уна* 'много', *быд* 'всякий', *виль* 'новый', *важ* 'старый'; -*о*, -*ын*, -*ысь* – суф. местных падежей); в удмуртском активно используются только формы эгрессива, например: *бер-ла-сянь* 'сзади'; *кема-ла-сен* 'издана', *мыд-мыд-ла-сянь* 'с обеих сторон', *выл-ла-сянь* 'с верхней стороны, сверху'; *пути-ла-сянь* 'изнутри' (< *бер* 'зад', *мыд* 'другой', *кема* 'долго', *пути* 'внутри'); также послелог *ласянь* 'о, об, со стороны' [УРС, с. 587]; 2) удмуртские наречия на *-ло*, например: удм. *азь-ло* 'сначала, вначале, прежде, раньше', *бер-ло* 'потом, после, затем', *пед-ло* 'во двор, на улицу, во внешнее пространство', *пыд-ло* 'глубоко, вглубь'; *тазё-ло* 'сюда, ближе' < *тазё* 'так', *озё-ло* 'подальше' < *озь*, *озьы* 'так', *шор-ло* 'в середину'; *сьёр-ло* 'вдаль, чужую сторону', *гаё-ло* 'навзничь'; 3) наречия, возникшие путем адвербиализации композит с компонентами коми *дор* 'край', *пөв* 'сторона', *бок* 'бок'; удм. *пал* 'половина, сторона' в формах местных падежей, например: коми: *бөр-ла-дор-ын* 'сзади', *веськыд-ла-дор-сянь* 'справа', *шульга-ла-дор-о* 'налево' (< *бөр-ла-дор* 'задняя часть', *ув-ла-дор* 'низ, нижняя часть', *веськыд-ла-бок* 'правая сторона'); удм. *ул-ла-пала* 'вниз', *пед-ла-пала* 'наружу', *азь-ла-пала-сен* 'спереди' (< *пед-ла-пал* 'наружная сторона', *выл-ла-пал* 'верх, верхняя сторона').

Эту группу пермских наречий заманчиво сравнить с редкими мордовскими наречиями вроде *удало* 'позади', *ике-ле* 'впереди', *васо-ло* 'далеко', *тово-ло* / *тово-ла* 'там', в которых элемент *-ла* / *-ло* отчетливо выражает локально-направительное значение. Образованные от первичных корней с помощью более поздних падежных суффиксов, мордовские наречия структурно и семантически также сопоставимы с пермскими наречиями первой и второй групп, ср.: *ало* / *ала* 'внизу', *ал-до* / *ал-да* 'снизу, из-под', *ало-в* / *ал-у* 'вниз, под', диал. *алож*; *удал-о* / *фтал-а* 'позади, за', *удал-до* / *фтал-да* 'сзади, из-за', *удало-в* / *фтал-у*, диал. *удал-ош* 'назад, за'; *икеле* / *инголе* 'впереди, перед', *икель-де* / *инголь-да* 'спереди, из-за', *икеле-в* / *ингол-и* 'вперед, перед'.

Считается, что мордовский суффикс восходит к финно-пермскому словообразовательному форманту [Майтинская, 1989, с. 194], с которым может быть связан и фрагмент *-ла* / удм. *-ло* (<**-ла*) в пермских наречиях этой группы. Можно также предположить, что на базе этого деривационного элемента с пространственной семантикой в какой-то части финно-пермского диалектного континуума действительно могла появиться тенденция к формированию падежа (падежей) с местным значением. Однако процесс не носил всеобщего характера и дал различные результаты. Соответственно, если в ареале пермских прадиалектов производство соответствующих наречий было поддержано этим процессом, то в мордовских такой поддержки не было, и естественным следствием стала архаизация этих форм.

2. Другую группу образуют наречия и наречно-послеложные слова, в которых элемент *-ла* выделяется в качестве непродуктивного словообразовательного суффикса. В современных языках они составляют количественно ограниченную группу, в основном, пассивной, диалектно ориентированной лексики, например: 1) коми скр. *бокала*, вым. нв. *бёкала* 'на бок, боком': *бокила пуксьыны* 'сесть боком' (лит. *бокён* 'боком'); вым. иж. нв. уд. *вожала* 'верхом': *вожала пуксис порог вылө* 'верхом сел на порог' (лит. *вожасьёмён*, *верзьёмён* 'верхом'); вв. иж. лл. скр. уд. *вомлала* 'поперек': *вомлала ног вундыны* 'отрезать поперек' (лит. *вомён*, *вомённог* 'поперек'); вым. иж. нв.с кр. *дорала*, уд. *дорола* 'на бок, на ребро; подряд, сплошь; через край': *дорлала зэрис* 'дождь лил беспрестанно' (лит. *дорвыв* 'сплошь'); повс. *кузяла* 'вдоль, по всей длине': *кузяла ног лёсьёдёма* 'по всей длине сделано'; *помала* 'беспрестанно, бесконечно, без конца': *помала сійёс горзьёдлө* 'без конца икает'; повс. *пасьтала* 'кругом, повсюду, по всей ширине': *пасьтала восьса* 'кругом открыто' [ССКЗД, с. 23, 55, 59, 111; Федюнева, 1995, с. 103]; 2) удм.: *пум-на-ла* 'беспрерывно, постоянно, подряд', *ог пумнала* 'постоянно одно и то же'; *дур-на-ла* диал. 'сплошь, подряд'; *вия-ла* 'вдоль, по': *иур вияла* 'по течению', хотя количество удмуртских наречий больше: *вадь-ла-ла* = *вадьла* 'раньше, прежде в старину'; диал. *берланя-ла* = *берлань* 'назад'; *гавылда-ла* = *гавылда* 'вдруг, внезапно, неожиданно'; *соня-ла* диал. 'так долго'; *тамында-ла* = *тамында* 'столько, вот столько'; *кудня-ла* 'сколько времени, как долго' [УРС, с. 66, 85, 106, 129, 224, 291, 364, 395, 411].

Наречия этой группы также сохраняют местные значения, однако среди них встречаются наречия образа действия, реже – меры и степени, которые, по крайней мере в коми языке, могли развиваться из пространственных, например: вым. иж. нв. скр. *дор-а-ла*, уд. *дорола* 'на бок, на ребро' → скр. с. 'через край; подряд, сплошь': *дор-ла-ла зэрис* 'дождь лил беспрестанно' (лит. *дорвыв* 'сплошь, букв. через край'); *пом-а-ла* 'беспрестанно, бесконечно, без конца': *помала сійёс горзьёдлө* 'он беспрестанно икает' (лит. *помтёма* 'без конца').

В современных языках наречия этой группы подвергаются дальнейшей адвербиализации путем плеонастического добавления разных элементов наречного словообразования, например: коми *вожа*, вв. *вож-а-ла*, *вож-а-ла-эн*, *вож-а-ла-н* ‘верхом (сесть)’, иж. *дорала*, *доролавыы*, уд. *доролас* ‘ребром; криво, косо’; удм. *берланяла* ‘назад’, *кузьда-ла-езъя* ‘вдоль по длине’, *кудня-ла-сен*, *кудня-ла-сь* ‘с какого времени’. В формах коми *вом-ла-ла* ‘поперек’, *дор-ла-ла* ‘сплошь’, удм. *вадь-ла-ла* ‘раньше, прежде’ наблюдается удвоение суффикса.

Нет сомнения, что эти наречия так же, как и наречия первой группы, были представлены в общепермском языке, однако, судя по структуре, появились позже. В большинстве случаев они образованы от производных основ, часто от общепермских имен-последелогов с пространственно-измерительным значением вроде: коми, удм. *пасьта* ‘шириной с..’; коми, удм. *кузя* ‘вдоль по’; *кузьта* / *кузьда* ‘длиной с..’, практически без изменения значения или с едва заметной коннотацией более протяженной в пространстве направленности, например: коми *боки* – *бокила* ‘боком’, *пасьта* ‘по ширине’ – *пасьтала* ‘по всей ширине’, *кузя* ‘вдоль’ – *кузяла* ‘вдоль, по всей длине’; удм. *кузьда* ‘вдоль’ – *кузьдалаезъя* ‘вдоль по длине’.

Примечательно, что с помощью этого суффикса в коми языке образованы последелого и наречия, а в удмуртском – также существительные с абстрактным пространственно-измерительным значением¹. Они появились в отдельной жизни удмуртского языка, что свидетельствует об известной продуктивности суффикса *-ла*, во всяком случае, до конца общепермской эпохи.

Из изложенного следует, что наречия первой и второй групп – разные по времени происхождения. В таком случае может ли элемент *-ла* в этой группе наречий иметь тот же источник, что и в наречиях первой группы, т. е. финно-пермский деривационный суф. **IV*? Сомнительно. Для этого суффикс должен был бы сохранять продуктивность в сфере производства наречно-последоженных слов-имен с пространственным значением (кстати сказать, семантически ограниченной группы слов) значительный период времени: от финно-пермского до конца общепермского. Следовательно, надо искать другой источник.

Структурой, семантикой и функционированием пермские наречия этой группы поразительно напоминают марийские наречия на *-ла*, которые также образуются от производных наречий, имеющих в своем составе суффиксы древних и современных падежей. В основном суффикс *-ла* присоединяется к наречиям места, придавая им общенаправительное значение: *күш-кы-ла* ‘вверх’ < *күш-кө* ‘вверх’, *шенге-кы-ла* ‘назад’ < *шенгел* ‘зад, задняя сторона’, *ончы-кы-ла* ‘вперед’ < *ончы-ко* ‘вперед’, *умба-кы-ла* ‘дальше’ < *умба-ке* ‘вдаль’, *ўлы-кы-ла* ‘вниз, книзу’, *тыш-кы-ла* ‘сюда’, *туш-кы-ла* ‘туда’, *туве-кы-ла* ‘в ту сторону’ [СМЯ, 1961, с. 281].

Видимо, эта группа в марийском, как и в пермских языках, ограничена². Во всяком случае, кроме приведенных, нам удалось обнаружить только несколько дополнительных слов: *тупын-еш-ла* диал. г. ‘злонамеренно, наоборот’ < *тупынь* ‘против’; *ваштар-еш-ла* ‘напротив’ < *ваштар-еш* ‘навстречу’; *вэйлие-ла* –

¹ Например, *пасьтала* ‘ширина’ *кузьдала*, *кузяла* ‘длина’, *зөктала* ‘толщина’, *мурдала* ‘глубина’, *сектала* ‘тяжесть, вес’, *быдзала* ‘величина, объем’, *Жуждала* ‘высота’; ср.: коми *пасьта* ‘ширина’, *кузьта* ‘длина’, *кызта* ‘толщина’, *джуджда* ‘глубина’, *сьöкта* ‘вес, тяжесть’, *ыджда* ‘величина, высота’ и т. д. [Федюнева, 1981, с. 5].

² Следует оговориться, что в марийском языкознании наречный суф. *-ла* считается продуктивным [Галкин, 1964, с. 28; Основы, 1974, с. 263], поскольку наречия, образованные с его помощью, рассматриваются в одной группе с наречиями вроде: *пыры-ла* ‘по-волчьи’, *маска-ла* ‘по-медвежьи’, *руш-ла* ‘по-русски’, *мар-ла* ‘по-марийски’, *ушан-ла* ‘по-умному’, *кого-ла* ‘по-большому’, *тендан-ла* ‘по-вашему’ и причастий, например: *колышы-ла* ‘по-мертвецки’, *мальшы-ла* ‘как спящий’ [СМЯ, 1961, с. 280], образованными от именных основ с помощью действительно продуктивного суффикса *-ла* с компаративным значением. По способу образования и значению последние идентичны чувашским наречиям вроде *кайкяр-ла* ‘по-волчьи’, *кайк-ла* ‘по-птичьи’, *упа-лла* ‘по-медвежьи’. Обычно чувашские соответствия объясняют марийским влиянием, так как в других тюркских языках аналогий не обнаружено. Однако вывести сравнительное значение из направительного довольно сложно, хотя И. С. Галкин предпринял такую попытку [Галкин, 1964, с. 29–30].

С нашей точки зрения, наречия с компаративным значением являются инновацией конвергентного развития марийского и чувашского языков. Прежде всего в тюркских языках, хотя и редко, в составе наречий встречается л-овый компонент с инструментальным значением; ср. также с чувлымско-татарским орудийно-совместным падежом на *-ла /-ле* [Юдакин, 1997, с. 265]. Наречия на *-ла* отмечены в древнетюркском языке. Судя по зафиксированным в древнетюркских памятниках формам, например, *tünla* ‘ночью’, *cinlä* ‘действительно’, *jänila* ‘заново’, *ertälä* ‘днем’, *danla* ‘утром, завтра’, *körklä* ‘прекрасно’ [СИГтя, с. 257, 267], суффикс имел инструментально-адвербиальное значение, из которого хорошо выводится чувашский суф. *-ла, -ле* в наречиях вроде *сёрле* ‘ночью’, *пусла* ‘по копейке’, *кайк-ла* ‘по-птичьи’. Видимо, семантическое развитие суффикса – «инструментальное → совместное → сравнительное» – началось в чувашском языке, а контаминация с марийским стала импульсом к инновации: в обоих языках появился продуктивный тип наречий на *-ла* с компаративным значением.

В общем контексте с рассматриваемыми приводятся также наречия на *-ла* с выраженным общенаправительным значением, например: мар. *ола-шке-ла* ‘по направлению к городу’ < *ола-шке* ‘в город’; *школышкыла кайыш* ‘ушел по направлению к школе’. Однако они могли возникнуть под влиянием продуктивной чувашской модели: форма дательного-винительного падежа + суф. *-лла (-лле)*, например: чув. *Шупашкар-алла* ‘по направлению к Чебоксарам’; *пахча-на-лла* ‘по направлению к саду’ [Коведяева, 1978, с. 126], соответственно, как и наречия с компаративным значением, они не рассматриваются мной как собственно марийские. Таким образом, в общем этимологическом контексте с коми и удмуртскими наречиями может рассматриваться лишь небольшая группа архаичных наречий марийского языка вроде *күш-кы-ла* ‘вверх’, *ончы-кы-ла* ‘вперед’.

вѣлише-ла ‘друг на друга’, ср. *вѣлан* ‘наверх’, *вел-кы-ла* ‘в сторону чего-л.’, *выкыла* г. ‘наверх’, *тунгела* ‘в том направлении’, *декыла* / *докыла* ‘по направлению к чему-л.’, *шенге-кы-ла* / *шайы-кы-ла* ‘по направлению за ...’, например: *пакча шенгекыла* ‘по направлению за огород’ [Коведяева, 1978, с. 136].

И. С. Галкин видит элементе *-ла* остатки «неразвитого» (по его терминологии) древнемарийского падежа аллатива: **-la* < ф.-у. общевнешне-направительный падеж **-la* / *le* [Галкин, 1964, с. 69–70]. Е. И. Коведяева также реконструирует прамарийский направительный падеж на **-la*, хотя отмечает, что направительное значение сохранилось только в двух реликтовых формах *унала* ‘в гости’ и *сѳанла*: *сѳанла коштеш* ‘ходить на свадьбы’ [Коведяева, 1978, с. 124, 135–136]¹.

Пермские наречия на *-ла* второй группы, видимо, имеют аналогичное происхождение. Сегмент *-ла* в пермских наречиях и некоторых удмуртских топонимах, восходящих к воршудным именам, иногда также связывали с реликтовым падежом [Насибуллин, 1972, с. 87; Тараканов, 1997, с. 165], но эта версия не получила дальнейшей верификации.

Таким образом, вопрос о связи рассмотренных групп наречий со становлением системы л-овых падежей в пермских и марийском языках остается открытым. Несмотря на то, что эта связь представляется весьма вероятной, запутанная картина соответствий в языках не позволяет делать однозначные выводы о времени их формирования и источнике форманта *-ла*. Однако то, что этот элемент выделяется в составе разных по грамматическому статусу образований и может быть соотнесен с разными элементами в других финно-пермских языках, позволяет говорить, что наречия на *-ла* восходят к разным временным периодам, а сам словообразовательный элемент – к разным источникам.

Сокращения

КРС – Коми-русский словарь / сост. Л. М. Безносилова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева. Сыктывкар, 2000; Основы – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Москва, 1974; СИГтя – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. Москва, 1997; СМЯ – Современный марийский язык: морфология / Н. Т. Пенгитов, И. С. Галкин, Н. И. Исанбаев. Йошкар-Ола, 1961; ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961; УРС – Удмуртско-русский словарь / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев и др. Москва, 1983.

Вв. – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка; вым. – вымский диалект коми-зырянского языка; г. – горное наречие марийского языка; иж. – ижемский диалект коми-зырянского языка; лл. – лузско-летский диалект коми-зырянского языка; мар. – марийский язык; нв. – нижневычегодский диалект коми-зырянского языка; скр. – присыктывкарский диалект коми-зырянского языка; с. – среднесольский диалект коми-зырянского языка; уд. – удорский диалект коми-зырянского языка; удм. – удмуртский язык; чув. – чувашский язык.

Библиография

- Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола, 1964. 204 с.
- Коведяева Е. И. Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка: историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. М., 1978. С. 49–154.
- Майтинская К. Е. Местоименные и служебные слова: финно-волжская языковая общность. М., 1989. С. 175–262.
- Напольских В. В. Происхождение удм. *сѳан* ~ мар. *сѳан* ‘свадьба’ (об одной забытой этимологии) // *Linguistica Uralica*. Tallinn. 1998. Т. 34, № 2. С. 128–133.
- Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: дис... канд. филол. наук. М., 1972. 325 с.
- Некрасова Г. А. Система Л-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар, 2002. 168 с.
- Тараканов И. В. Функции и значения л-овых падежей в удмуртском языке // *Пермистика – 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии*. Ижевск, 1997. С. 161–168.
- Федюнева Г. В. Структурные типы коми наречий // *Грамматика и лексикография коми языка*. Сыктывкар, 1995. Вып 58. С. 99–122.
- Федюнева Г. В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1981. 24 с.
- Юдакин А. П. Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков. М., 1997. 392 с.

¹ К слову сказать, мар. *унала* ‘в гости’ и *сѳанла* ‘на свадьбу’ – единственные слова, в которых суффикс *-ла* присоединяется к чистой основе, причем оба являются тюркскими заимствованиями, ср. с. удм. *кунола* ‘в гости’ < *куно* ‘гость’; чув. *хйна* ‘гость’; удм. *сѳан* ‘свадьба’ (о тюркском происхождении слова [Напольских, 1998, с. 129]).

О КОРНЕ AL- В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ¹

Аннотация. В статье рассматривается простой непроизводный тюркский глагольный корень *al-* 'брать'. Исследуются семантическая, словообразовательная, этимологическая составляющие данной основы. Лексема исключительно многозначна, в языках Урало-Поволжья фиксируются оригинальные семемы. На основе данного глагольного корня образуется большое количество дериватов. В плане этимологии он может быть рассмотрен как разложимый на корень **a-* 'получать' и залоговый показатель *-l*.

Ключевые слова: тюркский корень, односложные основы, этимология, башкирский язык, тюркские языки.

G. N. Yagafarova

ABOUT ROOT OF THE WORD AL- IN TURKIC LANGUAGES OF URAL-VOLGA REGION

Abstract. The article considers a simple non-derivative Turkic verbal root *al-* 'take'. The semantic, word-forming, etymological components of this basis are studied. Lexem is extremely polysemantic, original semen are fixed in the languages of the Ural-Volga region. On the basis of this verbal root, a large number of derivatives are formed. Etymologically, it can be considered as decomposable to the root **a-* 'to receive' and the collateral index *-l*.

Keywords. Turkic root, monosyllabic bases, etymology, Bashkir language, Turkic languages.

Во всех тюркских языках имеются слова с основой *al-* (с параллельными формами в якутском *il-*, в узбекском *a^ol-*, в чувашском *il-*, в диалекте турецкого *āl-*, в долганском *il-*).

Корень *al-* относится к простым глаголам, т. е. корневым, базовым, непроизводным, «первообразным» с точки зрения современного состояния языка, он имеет только одно грамматическое значение глагола (в отличие от синкретичных глагольно-именных корней и основ, функционирующих в значении имени существительного или прилагательного), основы глагола.

Семантика данного корня в тюркских языках сводится к следующему: 1) брать, взять, взять себе; 2) получить; 3) купить; 4) в составе особых выражений: заработать, пробрать (т. е. в составных глаголах); 5) с глаголами, обозначающими движение, *al-* принимает значение 'вести, нести'; 6) соединяется с другим глаголом, изменяя несколько их значение, или является просто вспомогательным глаголом. На распространение этого корня во всех тюркских языках в данных значениях указывал еще В. В. Радлов [Радлов, 1893, т. I, с. 341–349]. В «Древнетюркском словаре» значений данного корня выделяется больше: 1) брать, взять, принимать; 2) получать, приобретать; 3) отбирать, выбирать; 4) брать в жены; 5) получать взамен, в долг, выменять, покупать; 6) отнимать, отбирать; 7) ловить; 8) захватить, завоевать, покорить; 9) в служебном значении с деепричастием *-a/-u* выражает интенсивность действия; 10) в служебном значении с деепричастием *-p* выражает совершение действия в интересах субъекта [ДТС, 1969, с. 32].

Имеющиеся значения корня *al-* обобщены у Э. В. Севортяна: 1) брать, взять; захватывать, овладевать, завоевывать, покорять; отнимать; вимать, взыскивать; брать в долг; заимствовать; приобретать; покупать; хватать, ловить, поймать; *перен.* понимать; 2) получать; принимать; 3) вынимать; выставлять (окно, раму); 4) снимать (например, урожай); 5) вмещать; 6) прививаться, приниматься; 7) проходить, проникать (о дожде, сырости и др.); переносные значения: 8) *мат.* вычитать, отнимать; 9) подчинять себе, требовать; притягивать, привлекать; нападать (о страхе); 10) удостаиваться; 11) воспринимать, понимать; 12) начинать; 13) брать в жены [Севортян, 1974, с. 127].

Между тем в каждом тюркском языке отмечается ряд своеобразных значений. В татарском языке, например, помимо обозначенных выше, выделяются следующие семемы: 'зачислять, зачислить', 'принимать, принять за что-н.', 'занимать, занять (место)', 'призывать, призвать (в армию)', 'прихватывать, прихватить', 'взимать, взять (выкуп)', 'снимать, снять, слагать, сложить (ответственность)', 'стричь, постричь, снимать, снять (волосы, шерсть)', 'вынуть, доставать, достать (из портфеля)', *перен.* 'заключать, заключить (в скобки)', 'модальный глагол 'мочь, быть в состоянии', вспом гл: 'совершение действия в короткий промежуток времени'; 'завершение, результат действия' [Татарско-русский]. В «Академическом словаре башкирского языка» фиксируется 54 значения данного слова [АСБЯ, 2011, т. 1], где *алыу* трактуется дополнительными значениями 'снимать, нанимать', 'принимать, содержать, взять под свою ответственность', 'втягивать, вбирать, вдохнуть, подбирать', 'набирать (темп, скорость)', 'приглашать', 'покрывать', 'осиливать, осилить что', 'поражать (об оружии и т. п.)', 'действовать, подействовать (о лекарствах, различных средствах и т. п.)', 'захватывать, перехватывать', 'выбрать', 'добывать', 'сдвигать, перемещать, убирать; уводить, отводить', 'запевать с определенной ноты', 'в сочетании с существительным выражает действие по значению существительного', 'в сочетании с

деепричастием на *-a(i) / -ə(i)* основной глагол выступает в роли вспомогательного глагола и выражает возможность или невозможность действия'. Как видим, полисемантический глагольный корень получает еще более широкую семантику в конкретных языках в зависимости от выполняемой функции и контекста.

Как отмечает А. А. Юлдашев: «Особенность семантики глагольного корня, отличающую его от корней остальных частей речи, составляет сравнительно более абстрактный характер логического понятия, которое несет с собой глагольный корень. В силу этого семантика глагольного корня отличается такой развитостью и гибкостью, что, несмотря на прекращение процесса образования новых звуковых комплексов глагольных корней и несмотря на значительную малочисленность глагольных корней по сравнению с именными, все более возрастающее множество новых понятий о действии обозначается, как правило, посредством существующего состава корней» [Юлдашев, 1958, с. 37]. В соответствии с этим, корень *al-* в тюркских языках характеризуется наличием очень большого количества дериватов. Продуктивны как способ словосложения, так и аффиксальный и лексико-синтаксический способы. В тюркских языках Урало-Поволжья отмечаются следующие производные слова и сочетания слов.

В чувашском языке *ил-* 'брать, взять' образует формы *илӳ* 'получение', *илӗн* 'быть взятым', *ил-келе* – учащительная форма от *ил-*; *илли* 'отнимающий'; *илсе кил-* 'приносить, привозить (на то место, где говорящий)'; *илсе пыр-* 'приносить, привозить (туда, где нет говорящего)'; *илсе ситер-* 'доставить'; *илсе сӳре-* 'носить'; *илтер-* 'понудительная форма от *ил-* велеть принести'; *илтерттер-* 'велеть заставить взять или снять и пр.' [Федотов, 1996, с. 164].

В татарском языке Р. Г. Ахметьянов отмечает производные *алын-у*, *алыш-у*, *алдыр-у*; диал. *ала* 'с, начиная', *алгыч* 'приемник', *алым* 'прием' [Ахметьянов, 2015].

Наиболее полно дериваты данного корня представлены в «Словообразовательном словаре башкирского языка» [Ишбаев, Ишкильдина, 2005, с. 54]: здесь указано 106 слов и сочетаний слов, образованных от глагольного корня *al-*, при этом 22 деривата сами выступают основами в образовании новых слов и понятий. К ним относятся следующие лексемы: *аламан I* 'трофей', *аламан II* 'толпа', *алгыс* 'приемник', *алгыш* 'благопожелание', *алма I* 'рычаг', *алым I* 'обхват, захват', *алым II* 'взятка', *алым III* 'метод', *алдым-бирзем* 'этно. сговор', *алгыр I* 'хваткий, шустрый', *аласак I* 'тот, кто возьмет', *алаһы I* 'то, что должно быть взято', *алдыр- I* 'заставить взять', *алмаш- I* 'менять', *алын-* 'взяться', *алын* 'начиная', *алыр* 'берущий', *алыу I* 'взятие', *алыусы I* 'берущий', *алыш- I* 'обмениваться', *алыш- III* 'схватываться, бороться', *ала* 'начиная'. Из них самым продуктивным является основа *алмаш- I* 'менять': 39 слов и выражений получают оформление на базе этой лексемы. Следует заметить, что материалы данного словаря охватывают все слова, образованные морфологическим, лексико-семантическим, лексико-грамматическим, лексико-синтаксическими путями словообразования. Поэтому учтены как устаревшие слова типа *аламансы* 'грабитель', так и относительные новообразования типа *алынһатар* 'торговец, спекулянт', а также слова из диалектов, например, *алыуыс* 'черпалка'. Конечно, несмотря на подробную проработку словарных статей, словообразовательные гнезда можно было бы дополнить за счет привлечения большего количества диалектных и других словообразовательных основ. Но и в таком виде словарь является на сегодняшний день практически единственным в своем роде лексикографическим изданием, вобравшим в себя сведения по словообразованию конкретного тюркского языка.

Для более точного определения причастности той или иной словоформы к изучаемому корню рассмотрим его этимологические трактовки.

Р. Г. Ахметьянов предполагает, что перспективным представляется сравнительное изучение корня *al-* с монгольским *абал-*, *абул-* 'брать' (монг. *аб-* 'брать, взять') [Ахметьянов, 2015].

В [EDAL, 2005, с. 283] пратюркское **al-* сопоставляется с пратунгусским **al(i)-* '1) брать, получать; 2) давать, передавать'; прамонгольским **ali-* '1) брать, получать; 2) дай!'; праяпонским **á-* 'получать', которые сводятся к праалтайскому **ála* 'брать'. При этом указывается, что «причина закрытия **á* в пратюркском неясна (**al-* ожидаемо). Заметим, однако, что праяпонский рефлекс представляет собой потерю **-l-* в глагольной основе, тем самым предполагается оригинальная односложная форма **ál*» [EDAL, 2005, с. 283].

Здесь интересно привести некоторые мнения исследователей, касающиеся данного вопроса. Структурный состав корней на материале тюркских языков в качестве первичных позволяет выделить односложные корни (однофонемные, двуфонемные, трехфонемные и четырехфонемные), которые послужили словообразовательным фундаментом в становлении обширной системы вторичных номинаций. П. Е. Белоглазов полагает, что «односложность исконных корней подчеркивается в работах многих исследователей современных тюркских языков. Вместе с тем односложность тюркских корней не

гарантирует их этимологическую монолитность» [Белоглазов, 2014, с. 19]. А. Т. Кайдаров в своей известной монографии по односложным корням и основам отмечает: «Среди встречающихся сегодня разновидностей односложных корней-основ наиболее древними и первичными были открытосложные типы Г и СГ, а результатом дальнейшего агглютинативного развития явились типы ГС, СГС, ГСС, СГСС» [Кайдаров, 1986, с. 35]. Такой же вывод встречаем в работе А. Г. Шайхулова [Шайхулов, 2009].

Как мы видели выше, в EDAL протояпонское ‘получать’ выражается корнем *á-, подтверждаясь на материале древнеяпонского *u* (a-); среднеяпонского *ú* (a-); языков Токио *é-*; Киото *é-*; Кагошима *é-* [EDAL, 2005, с. 283].

Известно мнение А. Н. Кононова о грамматическом статусе некоторых согласных в тюркских языках: «Конечные согласные *q, k, l, n, t, ʃ ~ ʒ, s ~ z* в трехфонемных (CVC) и двухфонемных (VC) корнях-основах являются залоговыми показателями, которые вошли в состав корневых морфем, образовав базу – новый тип корня, не поддающийся в сознании носителей языка членению на составляющие элементы» [Кононов, 1980, с. 78].

Основываясь на этих мнениях, этимологию корня *al-* можно представить, на наш взгляд, как *á- ‘получать’ + залоговый показатель *-l* (подобно тому, как в корнях *кил-* ‘приходить’ – *кит-* ‘уходить’ с общим значением ‘всякое движение человека’ вычленяются корень и залоговый аффикс: *ке + л // ки + л, ке + т // ки + т* [Шайхулов, 2000, с. 15]).

В «Словаре односложных корней-основ в казахском языке», представленном в приложении к монографии А. Т. Кайдарова, обращает на себя внимание то, что автор, рассматривая корень *al-*, призывает сравнить его с чувашским *ал / алă* ‘рука’, казахским *алақан* < *ал + а + қан* ‘ладонь’ [Кайдаров, 1986, с. 187] (заметим, *алақан* в значении ‘ладонь’ имеется также и в башкирском языке). Э. В. Севортян связывает его появление с монгольским заимствованием [Севортян, 1974, с. 133]. В этимологическом словаре чувашского языка В. Г. Егорова слово *алă*, *ал* ‘рука’ предположительно возводится к общетюркскому *al-* ‘брать (руками)’ [Егоров, 1964, с. 24]. Все это может говорить о взаимосвязи корня *al-* со словом *ал / эл* ‘рука’, вследствие чего приоткрывается и семантика самого слова в значении ‘рука’: рука – то, что берет, получает, притягивает к себе.

При рассмотрении корня *al-* нельзя не остановиться на случаях заимствования русским языком тюркизмов с этим корнем.

В русском языке наблюдается заимствование *аламанский*, *ламанский* (о языке), которое в словаре Е. Н. Шиповой обозначено пометами «устар., обл. (костр., твер., ряз.)» в значении «вымышленный язык владимирских (ковровских) коробейников (Даль, 1, 10; Фасмер, 1, 68)» [Шипова, 1976, с. 28]. Ср. у В. В. Радлова *аламан* (каз., туркм., аз. *алаі*, *алакман* 1) толпа народа; 2) (туркм.) шайка всадников, разбойников; 3) разбойник [Радлов, 1893, т. 1, с. 368]; *аламан* = *алахан* (чаг.) ‘грабитель, бродяга, голяк’ [Радлов, 1893, т. 1, с. 368].

Другое однокоренное слово также перенято русским языком. *Алыр* ‘хваткий, перен. опытный, находчивый; предприимчивый’ заимствовано в русский язык в виде *алыр*, *алыра*, *алырь*, *алыря*, *алырник*, *алырицик*, *алырница*, *алырищица* в значении ‘фигляр, фокусник, обманщик; ныне – обманщик, плут, мошенник; бездельник, дармоед; кулак, перекупщик (Даль, 1, 13)’ [Шипова, 1976, с. 31–32]. От него образовался областной глагол в русском *алырить*, *алырничать* в значении ‘мошенничать’ [Шипова, 1976, с. 32]. Данное словоупотребление интересно в свете восстановления этимологической цепочки и прослеживания взаимосвязей между изучаемым нами глагольным корнем *al-* и другим корнем *al* в значении ‘хитрость, уловка’. Последующее рассмотрение, видимо, должно привести к единому знаменателю и эти два корня.

Таким образом, несмотря на наличие ряда серьезных исследований (труды Н. К. Дмитриева, Н. А. Баскакова, А. А. Юлдашева, Дж. Г. Киекбаева, А. Т. Кайдарова и др.), вопросы структурного анализа односложных тюркских корневых основ продолжают оставаться недостаточно изученными, поэтому проблема изучения и описания моносиллабических слов в тюркских языках поныне является одной из актуальных проблем современной тюркологии. В нашей статье мы, проанализировав общетюркский корень *al-*, пришли к следующим выводам:

1. В синхронном плане корень *al-* в тюркских языках является простым непроизводным глаголом.
2. Исходное лексическое значение слова можно определить как ‘брать’. В то же время в тюркских языках лексема *al-* исключительно многозначна, в каждом языке, в том числе в языках Урало-Поволжья, фиксируются своеобразные оригинальные семемы.
3. В словообразовательном плане на базе изучаемого глагольного корня образуется большое количество дериватов, что говорит в пользу древности данного корня.
4. Несмотря на то, что корень *al-* является непроизводным, в плане этимологии он может быть рассмотрен как разложимый на корень *a- ‘получать’ и залоговый показатель *-l*.

5. Слова, образованные от данного корня, в дальнейшем подверглись заимствованию со стороны соседних народов, в частности, русских, что говорит также в пользу древности корня, с одной стороны, и открывает новые перспективы для его дальнейшего изучения в кругу слов с идентичным / омонимичным словесным оформлением.

Библиография

- АСБЯ = Академический словарь башкирского языка = Башкорт теленең академик һүзлеге: в 10 томах / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. Т. 1: (буква А). 432 с.
- Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. Казан: Мәгариф. Вақыт, 2015. Т. 1. 543 б.
- Белоглазов П. Е. Реконструкция первичных корней в хакасском языке. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2014. 80 с.
- ДТС = Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 356 с.
- Ишбаев К. Ф., Ишкилдина З.К. Башкорт теленең һүзьяһалыш һүзлеге. Өфө, 2005. 552 б.
- Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата: Наука, 1986. 328 с.
- Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л.: Наука, 1980. 256 с.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. Т. 1. Гласные. Ч. 1. XVII с., стб. 1–968.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 768 с.
- Татарско-русский большой словарь [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://tatar.com.ru/dict/a.php> (дата обращения: 15.01.2018).
- Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996.
- Шайхулов А. Г. Односложные корневые основы в кыпчакских языках Урало-Поволжья (опыт синхронической и диахронической характеристики). Ч. 1. Уфа: Восточный университет, 2000. 212 с.
- Шайхулов А. Г. Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайской цивилизации (аспекты общей теории корневых основ) // Вестник Башкирского государственного университета. 2009. Т. 14. № 3. С. 1174–1180.
- Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. 444 с.
- Юлдашев А. А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958.
- Ягафарова Г.Н. О первичной номинации в тюркских языках // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы VII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием), посвященной 95-летию видного ученого-тюрколога Э.Р.Тенишева (Уфа, 31 мая-3 июня 2016 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – С. 20-24.
- EDAL – Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological dictionary of the Altaic languages. Boston, Leyden: J.Brill. Vol. I–III. 2005.

СИНТАКСИС ЯЗЫКОВ ВОЛГО-КАМСКОГО СОЮЗА: ЧАСТНОЕ И ОБЩЕЕ

Л. А. Абукаева

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ПОСТРОЕННЫЕ ПО МОДЕЛЯМ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В марийском языке функционируют синтаксические фразеологизированные конструкции, построенные по моделям вопросительных предложений. Они выражают широкий спектр субъективно-модальных значений: мелиоративную, пейоративную оценку; оценку как соответствие норме; принятие, согласие; отрицание, несогласие; множественность; акцентирование; целесообразность; нецелесообразность. Отсутствие коммуникативной установки получить ответ на вопрос и вопросительной интонации выводит эти модели из состава вопросительных предложений.

Ключевые слова: марийский язык, экспрессивный синтаксис, синтаксические фразеологизмы, структура, семантика.

L. A. Abukaeva

SYNTACTIC PHRASEOLOGICAL UNITS, CONSTRUCTED ACCORDING TO THE MODELS OF INTERROGATIVE SENTENCES IN THE MARI LANGUAGE

Abstract. In the Mari language there are functioning syntactic phraseologized constructions which are constructed according to the models of interrogative sentences. They express a wide range of subjective-modal values: a meliorative evaluation; a pejorative evaluation; evaluation as compliance with the norm; acceptance, consent; denial, disagreement; plurality; accentuation; feasibility; inexpediency. Lack of a communicative attitude to get an answer to a question and lack of interrogative intonation brings these models out of interrogative sentences stock.

Keywords: The Mari language, expressive syntax, syntactic phraseological units, structure, semantics.

Работа посвящена анализу структуры и семантики синтаксических фразеологизмов (СФ), которые строятся по моделям, совпадающим с образцами вопросительных предложений. Среди таких в марийском языке выделяются: СФ мелиоративной оценки; СФ недифференцированной оценки; СФ пейоративной оценки; СФ, выражающие нормативно-оценочное значение; СФ со значением принятия, согласия; СФ отрицания, несогласия, непринятия; СФ множественности; СФ выделения, акцентирования; СФ необходимости, целесообразности; СФ с семантикой ненужности, нецелесообразности [Абукаева, 2005].

Материалом исследования послужили тексты из Национального корпуса марийского языка. На данный момент создан корпус первого порядка, содержащий главным образом произведения художественной литературы. В статье при иллюстрациях указываются инициалы и фамилия писателей – классиков марийской литературы и современных авторов.

Фразеологизированные конструкции в отличие от предложений нейтрального синтаксиса строятся по моделям, в которых в качестве постоянных компонентов функционируют местоимения и местоименные наречия, послелогии, союзы, частицы. В конструкциях фразеологизированного характера соблюдается строго фиксированный порядок следования компонентов, которые утрачивают свое первоначальное значение и, вступая в новые отношения друг с другом, выражают различные оттенки субъективно-модального значения: *Тынарын полишат да кузе от куане?* (А. Асаев). 'Столько их помогает, как не обрадуешься?' Рассматриваемая конструкция построена по модели вопросительного предложения, однако данный СФ не используется с целью получения информации, а выражает экспрессивное согласие, готовность говорящего. Семантика СФ выявляется при сравнении таких структур с предложениями нейтрального синтаксиса: *Тынарын полишат да, мутат уке, куанет.* 'Столько их помогает, конечно, обрадуешься'.

Индивидуальность синтаксических отношений проявляет себя в связи словоформ друг с другом не по действующим синтаксическим правилам, значение же не выявляется из значений составляющих конструкцию компонентов. Кроме того, определенная семантика присуща модели в целом. Все это позволяет говорить о фразеологизированном характере таких построений. Рассмотрим особенности структурной организации и семантики СФ, построенных по образцам вопросительных предложений.

1. Модель *сущ. в им. п. + суф. -ше / -шо / -шö / -же / -жо / -жö + сущ. в им. п. + мо / гала*. СФ данной модели относятся к структурам со значением недифференцированной оценки. Конкретизация семантики зависит от контекста и интонации. Чаще всего такие экспрессивные конструкции выступают со значением положительной оценки: *Мыйын мом гына уке? Суртемже сурт мо – шондык, колялан пураш рож уке.* (О. Шабдар). 'У меня чего только нет? Дом-то мой дом ли – сундук, мышшь не проскочит'. Предмет или лицо оцениваются как обладающие определенными признаками, которые проявляются в

высшей степени. СФ рассматриваемого отвлеченного образца, выражают одобрение, восторг, восхищение, похвалу, гордость.

Значение негативной оценки выявляется в контексте. В СФ отрицательной оценки, построенных по указанной модели, предмет характеризуется как не имеющий присущих ему качеств и свойств: *Олыкшо – олык мо? Элнет сер мучко, йогын почеш пурла велне, тыгыде вондер, шуанвондо, почкалтыш, энжжвондо коклаште верын-верын шуй даныт шудо кушкеш.* (Й. Осмин). 'Луг-то луг ли? По берегу реки Элнет, справа по течению, мелкий кустарник, шиповник, крапива, среди малины местами по шею растет трава'. Отрицательная оценка сопровождается выражением таких эмоциональных реакций, как неодобрение, разочарование, досада.

2. Семантика положительной оценки характерна для СФ, имеющих модель *могай (тиде) + суц. / прил. в им. п.*: «*Кушто ме улына! Могай тиде... тиал!*» – *шум кылткымыж дене мутшыым кўрыштыш.* (К. Исаков). '«Где мы находимся! Какое это счастье!» – от биения сердца прерывается его речь'. Позитивная аксиологическая характеристика сопровождается выражением восхищения, восторга, одобрения, удовольствия.

3. Значением пейоративной оценки обладают конструкции, организованные по структурной схеме *мо тиде + суц. в им. п.*: *Мо тиде мурымаш, мо тиде куштымаш* (из марийской народной песни). 'Что это за пение, что это за танец'. Данная модель специализируется на выражении значения несоответствия предмета общепринятым нормам, отсутствия необходимых качеств, признаков, и поэтому тот или иной предмет получает негативную оценку.

СФ указанной модели являются свидетельством проявления таких эмоций говорящего (пишущего), как разочарование, недоумение, неудовольствие.

4. Субъективно-модальное значение полного соответствия предмета, лица общепринятым представлениям, сложившемуся мнению, норме имеют СФ, которые конструируются по отвлеченному образцу *мо дене + суц. в им. п. + огыл*, например: *Э-э, тыште илаш лиеш: пукшат, йўктат, арня еда вургемым ваиталтат... Паша нерген шонымо ок кўл, шер теммеш мале веле... Мо дене рай огыл?* (Г. Алексеев). 'Э-э, здесь жить можно: кормят, поят, каждую неделю белье меняют. О работе думать не надо, спи, пока не надоест. Чем не рай?' СФ этой модели передают состояние удовлетворения и одобрения.

5. СФ, обладающие семантикой согласия, принятия, имеют структурную схему *молан / мом / кузе / кунам / кушко / + гл. с отрицательной частицей: Тек кастене авашт ньогарыштым вурсен-вурсен мушкыт. Мом от муш – рвезын вуйыштыжо пуракым чывыштен налашат лиеш.* (О. Шабдар). 'Пусть вечером матери, ругая, моют своих мальчишек. Как не станешь мыть (букв. чего не будешь мыть) – у мальчишек с головы пыль можно убирать щепотками'; «*Ноен толынат дыр, кочмет шуэш?*» – «*Нойыде мо, кунам от нойо.*» (А. Эрыкан). '«Устал, наверное, с дороги, хочешь есть?» – «Конечно, устал, как не устанешь»' (букв. когда не устанешь); «*Кузе ом пале? Палем!*» – *Йыванын шинчаже ылыже.* (В. Иванов). '«Как не знаю? Знаю!» – у Ивана загорелись глаза'.

Выражение значения согласия усиливается в случаях, когда при СФ функционирует предложение, построенное по свободной структурной схеме, имеющее ту же семантику. В таких структурах может содержаться указание на решительный настрой субъекта осуществить действие или на возможность действия: «*Кузе ом пуро, – манеш Пагул, – пурем (организацийыш) да уло чонем дене полишаш тўнгалам.*» (Н. Лекайн). '«Как не вступлю, – говорит Пагул, – вступлю в организацию и охотно буду помогать»'.

СФ этой модели употребляются с целью экспрессивно выразить уверенное согласие, подтверждение, категорическое утверждение.

6. Следующие СФ, построенные по модели вопросительного предложения, специализируются на выражении значения согласия и имеют структуру: *(а) молан / мо + инф. + огыл*. Значение согласия в таких конструкциях может быть осложнено оттенком решительности, например: *А молан тый тудым кутырым верыште вучышаш отыл?* 'А почему ты не должен ждать его в условленном месте?' Для таких структур обязательно наличие субъектного детерминанта. Действие, названное в инфинитиве, представляется как вполне возможное, допустимое или как такое, совершению которого ничто не может препятствовать. СФ данного типа передают такие эмоциональные состояния говорящего, как уверенное согласие, готовность, решимость, намерение сделать что-либо, а также приглашение к совместному действию.

7. СФ, организованные по модели *могай + (тушто / тылат) + суц. / прил. / мест. / нар. / гл. + (да мойн / да монь / мойн)* выражают значение отрицания: объект, действие или признак мыслится как неуместный, неактуальный, неважный: *Могай тушто тиякланаш, ўдырым налаш кўлеш.* (В. Любимов). 'Какое там грамотой заниматься, жениться надо'; *Самырык ылым. Могай тушто еш, мужыранме нерген шонымаш.* (Ю. Артамонов). 'Молод был. Какая там мысль о семье, женитьбе'. СФ передают широкий спектр отрицательных эмоциональных реакций говорящего: категорическое, решительное отрицание, опровержение, возражение, несогласие с оттенком неодобрения, разочарова-

ния, раздражения, упрека: «Молан тый шкет илет? Ала товатленат?» – «Могай тушто товатлы-маш?» – Настя кидшым лупшале. (Ончыко). «А почему ты живёшь одна? Может быть, дала обет?» – «Какой там обет?» – Настя махнула рукой’.

В отношении синтаксической синонимии с такими структурами вступают предложения с постоянным компонентом частицей *гала*: *Спринт гала, лучко метрешак йылмым тореш пурлын возам.* (Ю. Галютин). ‘Какой там спринт, на пятнадцатом же метре ноги протяну’ (букв. спринт ли).

8. Семантика отрицания и оценки характерна для СФ, которые строятся по схеме *атрибутив + суц. в им. п. + мо + суц. в им. п.*: *Йолетым эмгатышыч содыки. Но тиде э%агек мо энгек? Йолет кўрлжб, вует шаланыже, но – мылам гын – намысет тичмаш кодыо.* (В. Микишкин). ‘Ногу поранил все-таки. Но эта рана что за рана? Пусть нога сломается, голова разобьется, но, по мне, пусть честь останется нетронутой’. Значение рассматриваемых СФ можно описать таким образом: качество предмета (явления) оценивается как такое, которое не проявляется в полной мере, при этом имеется в виду, что есть другой предмет (другое явление), в котором аналогичное свойство находит свое полное проявление: *Капка орол деч посна пасуганка – мо капка?* (В. Колумб). ‘Без сторожа ворота – какие ворота?’

СФ рассмотренного типа – показатель решимости говорящего, утверждения вербальными средствами чувства собственного превосходства.

9. Модель *суц. в дат. п. / мест. в дат. п. (+ суф. -ше / -шо / -шб / -же / -жо / -жб + мо)*. Для выражения отрицания в марийском языке используются также СФ указанного отвлеченного образца. Их семантика может быть охарактеризована как отрицание всех обстоятельств действия или состояния, абсолютная независимость предмета от каких-либо факторов: *Нунылан мо: йольштышит – межгем, ўмбалнышит – ужга але шокио пальто.* (М. Казаков). ‘Им что: на ногах – валенки, сами одеты в шубу или в тёплое пальто’. Такие СФ свидетельствуют об отрицательных эмоциях говорящего: неудовольствии, возмущении, недовольстве: «Шинчавочмо деч лўдынат?» – «Тыланетше мо? Ала эше умылтарыман?» (В. Смирнов-Эскей). ‘«Сглаза испугался?» – «Тебе-то что? Может, еще и объяснять нужно?»’

Такие СФ свидетельствуют об отрицательных эмоциях говорящего: неудовольствии, возмущении, недовольстве.

10. СФ со значением разнообразия, множественности, распространенности, преобладания строятся по модели *вопр. мест. / вопр. мест. нар. + гына + уке / отриц. форма гл.: (Пбрткоклайште) мо гына уке: изике, алдыволак, тўрлб-тўрлб капкан-шамыч презылан чиктыме нерлык.* (Н. Лекайн). ‘На чердаке чего только нет: светец, кистень, разные капканы, намордник, надеваемый теленку’; *Марий-влак могай гына тутло сий дене ике унаштым огыт сийле, могай гына шыма койыш дене огыт шуно.* (О. Шабдар). ‘Марийцы какими только вкусными яствами не угощают своих гостей, какими только добрыми словами не потчуют их’. Посредством СФ, обладающих значением множественности, разнообразия, преобладания, распространенности, выражается широкий спектр положительных и отрицательных эмоций: с одной стороны, это восхищение, гордость, восторг, удивление, изумление, умиление; с другой стороны – возмущение, недоумение, разочарование. Ср.: *Резе-влак чулым ушышит дене мом гына огыт уж, кушко гына миен огыт шу.* (К. Васин). ‘Ребята благодаря своему смелому уму чего только не видят, куда только не добираются’ и *Кузе гына тудо лўмдыл ыш пытаре.* (А. Волков). ‘Как только он не обозвал меня’.

11. Модель *суц. в дат. п. / мест. в дат. п. + мо / ли + инф.* Экспрессивные фразеологизированные конструкции данной модели представляют такое действие или состояние, которое мыслится как нецелесообразное, ненужное, несвоевременное для субъекта в определенной ситуации, например: *А вик ойлаш гын, мылам мо тыйым лыпландараш?.. Тый тынар ий мыйым шўжикакыш луктын коштыч.* (В. Абукаев-Эмгак). ‘А если сказать честно, мне ли тебя утешать?.. Ты столько лет меня ни во что не ставила’.

СФ данного отвлеченного образца могут передавать такие эмоции, как неодобрение, упрек, недовольство, раздражение, несогласие.

12. Модель *кушко / кушто + суц. в дат. п. / мест. в дат. п. + инф.* Семантика СФ обозначенной модели сводится к указанию на невозможность совершения действия, названного в инфинитиве, определенным субъектом: *Кушто тылат, Йогор, козыра пунйылмет дене ўдыр кумылым савыраш.* (Н. Печенкина). ‘Где тебе, Йогор, с твоим грубым косноязычием добиться девичьего расположения’.

Рассматривая единицы экспрессивного синтаксиса, нельзя не обратиться к вопросу об их отношении к структурам нейтрального синтаксиса, об их взаимодействии и взаимосвязи, так как «эмоционально-оценочное и нейтрально-фактическое в акте речи и в тексте постоянно взаимодействуют, проникают одно в другое, подкрепляют друг друга» [Гак, 1996, с. 24], и «противопоставление в речевой единице рационального и эмоционального, объективного и субъективного, предметного и оценивающего насильственно по отношению к природе языка [Колшанский, 1975, с. 263–264].

Как отмечает В. Г. Гак, «в одних случаях эмотивные элементы служат рамкой диктальных, являются мостками между ними. В других нейтральные элементы являются как бы заполнителями промежутков, структурной опорой в эмоционально-окрашенном тексте» [Гак, 1996, с. 24].

СФ, построенные по моделям вопросительных предложений, и предложения нейтрального синтаксиса находятся в отношениях синтаксической синонимии и омонимии. СФ по сравнению с предложениями, построенными по свободным структурным схемам, помимо объективного содержания высказывания, отражают широкий спектр субъективно-модальных значений, которые выявляются при соотнесении их друг с другом или при трансформации структур экспрессивного синтаксиса в структуры нейтрального синтаксиса. Употребляясь в составе одного контекста, они усиливают друг друга. При этом значительно возрастает воздействующая сила текста.

СФ отличаются от предложений нейтрального синтаксиса выразительностью и семантической емкостью. Это и объясняет факт их продуктивности в разговорной речи, в художественном стиле и в публицистике.

Употребление СФ в разговорной речи, их предпочтение перед предложениями, организованными по свободным структурным схемам, является одним из ярких проявлений особенностей разговорной речи, двух противоположных ее признаков: стремления к шаблону, к использованию готовых речевых формул и стремления к свободному построению единиц. С одной стороны, использование готовых образцов для выражения мысли и субъективно-модальных значений объясняется автоматизмом протекания речевого акта. По мнению Е. А. Земской, говорящий, находясь в условиях непринужденного неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое «речевое поведение, поэтому он легко и часто прибегает к готовым языковым формулам, в том числе всякого рода клише, шаблонам и стереотипам» [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981, с. 6]. С другой стороны, используя СФ, говорящий воспроизводит только модель синтаксической конструкции, свобода речетворчества при этом сохраняется, так как свободным является лексический состав модели. Шаблонность и стереотипность не лишают фразеологизированные структуры выразительности.

СФ как экспрессивные образования ориентированы не только на выражение эмоциональных реакций говорящего, но и на собеседника. За счет функционирования экспрессивных конструкций достигается апеллирование к эмоциям адресата высказывания, что обеспечивает эффективную коммуникацию.

Библиография

- Абукаева Л. А. Синтаксические фразеологизмы в марийском языке. Йошкар-Ола, 2005. 192 с.
Гак В. К. Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. М., 1996. С. 20–30.
Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 234 с.

J. Bradley, A. Kellner, N. Partanen

VARIATION IN WORD ORDER IN PERMIC AND MARI VARIETIES: A CORPUS-BASED INVESTIGATION

Abstract. The neutral word order in an unmarked declarative sentence is traditionally described as SVO in Komi varieties, but SOV in Udmurt and Mari. In this paper, we aim to provide a perfunctory glance on the variation from this basic word order in the languages under survey by means of a small-scale parallel corpus. Some observations on word order in Mari gathered from consultants will be provided as well; these can serve as starting points for future corpus-based studies.

Keywords: word order, the Permic languages, the Mari language, corpus linguistics, universal dependencies.

Дж. Брэдли, А. Келлнер, Н. Партанен

ВАРИАЦИИ В ПОРЯДКЕ СЛОВ В ПЕРМСКИХ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Базовый порядок слов в немаркированном декларативном предложении традиционно описывается как SVO в коми языках и как SOV в удмуртском и марийском. В настоящей статье авторы ставят целью изучить вариацию базового порядка слов в названных языках на основе малогабаритного параллельного корпуса. В работе также описываются некоторые наблюдения за порядком слов в марийском языке, собранные у консультантов. Настоящее исследование может послужить отправной точкой для будущих исследований на основе корпусов.

Ключевые слова: порядок слов, пермские языки, марийский язык, лингвистика корпусов, универсальные зависимости.

The neutral word order in the languages under investigation is usually described as SVO in Komi (all varieties; e. g. [Hausenberg, 1998, p. 321]), and SOV in Udmurt (e. g. [Csúcs, 1998, p. 299]) and Mari (e. g. [Riese et al., 2017, p. 46]). According to the classification presented by Vilkuņa [Vilkuņa, 1998], the Komi varieties belong to the Eastern SVO type, demonstrating strong tendencies towards variation, whereas Udmurt and Mari belong to the non-rigid SOV type. This is one of the main typological differences between Uralic

languages, and it is often attributed to complex areal contact influences: Komi shifted to SVO under Russian influence, while Udmurt and Mari retained the original SOV word order under the influence of Turkic languages spoken in the region. The study of word order must be approached through this historical lens, as some structural features in Komi reflect its previous word order.

We have compared a selection of parallel texts from the National Library of Finland's Fenno-Ugrica collection (fennougrica.kansalliskirjasto.fi) and evaluated the basic word order within it. The patterns in this data match the usual descriptions closely. It seems that the word order is more flexible in Komi than it is in Mari or Udmurt, but Udmurt in particular also exhibits variation with respect to variables such as focus and seems to be undergoing change nowadays under Russian influence [Asztalos, 2016]. As this variation is more likely to occur in spontaneous speech than in literary works, we have also examined examples of spoken language from various sources. In Komi-Zyrian, we have observed a strong tendential differences between written and spoken language, with SOV structures being more common in spoken data [Thiele et al., 2015].

We attempt to describe the constructions that exhibit variation; for example, complex non-finite verb structures and negated constructions often show some preference for SOV structures in Komi as well. Instead of eliciting data, we have annotated and counted the occurrences in corpora, which makes it possible to investigate the frequencies and patterns of occurrence within a specific context. In order to delineate the scope of the research object, we have focused especially on the expressions of goals and obliques that occur vis-à-vis the three main elements.

We have also attempted to describe the flexibility of word order in constructions involving gerunds and infinitives. In Mari and Udmurt, the neutral position for these is immediately preceding the superordinate verb, whereas in Komi it immediately succeeds it. Variations from this ordering are possible and occur frequently for pragmatic reasons. The degree of flexibility depends, however, on the semantic nature of the gerundial or infinitival constructions. We have attempted to determine the restrictions applying to the flexibility of word order in these constructions in Komi, Udmurt, and Mari.

For Mari, some observations will be given pertaining to the ordering of constituents and adverbials that were laid out in collaboration with a Mari native speaker, but which we have not yet been able to study quantitatively.

Materials and methodology. We have given preference in our research to materials that are publicly available with permissible licenses, either in published sources or archived online collections.

The most important resource for our analysis is the Four Battles corpus (DOI: 10.5281/zenodo.1246121) which contains parallel texts in several Uralic languages. This book has, to the best of our knowledge, been translated into more than ten different languages spoken in the former Soviet Union, which makes it very suitable for a comparative analysis. The book, originally published in Russian in 1938, was written by Lev Uspenskiy and contains four different war stories. While translated texts are of course not optimally representative of a language, the need for a parallel text – in which we essentially have the same sentences in all the languages – necessitated the use of translations. In spite of these restrictions, some preliminary observations can be made on the basis of this data set, especially when the translated texts deviate from the original text, i.e. the word order cannot be seen as a Russian artifact. More substantial studies on this topic should be carried out on the basis of larger corpora. While such corpora are not openly accessible at this moment in time, their publication can be expected in the immediate future, at which time it will be possible to investigate these phenomena further.

When we use individual sentences as a basis for comparison, some of them will display unusual properties in one language or another, as illustrated in the section about the syntactic features investigated. This often provides some insight into which phenomena should be investigated but is not on its own solid evidence of the distribution of a pattern. In the analysis section, we present a corpus-based evaluation of how these features occur in the parallel corpus.

In addition to this, and due to the limitations of translated texts as described above, we will attempt to contextualize the observations using available spoken language resources. For Komi-Zyrian we have been using the IKDP corpus [Blokland et al., 2009–2017], and for Komi-Permyak [Ponomareva, 2016]. We did not have access to sufficient spoken language data for Udmurt and Mari to take it into consideration at the time of writing, but we plan to address this issue as soon as such materials become available to us. Some preliminary examination was done with an Udmurt dialect text collection [Karpova, 2005], but as there was no digital edition available at the time that was arranged as a linguistic corpus, the scope of searches was not exhaustive.

The annotations themselves are done following the conventions of Universal Dependencies project (universaldependencies.org). The annotated sentences studied here are not complete trees, since only the currently relevant features have been marked. Indeed, in the annotation conventions used no subordinating constructions are connected to one another, but each verb is annotated for the following arguments, when

available: subject, object and some of the obliques. Crucially different parts of the verb complex are also marked, such as negation verb and auxiliaries.

Typology vs. genealogy of Permic and Mari. While Komi and Udmurt are genealogically closely related Permic languages, they have been subject to radically different contact situations dating back as far as the 7th century CE, cf. [Róna-Tas, 1988, p. 760]. Contemporary Udmurt evolved from those Permic varieties spoken sufficiently far south to be subject to heavy Bolgar, and later Tatar, influence, while Komi evolved from those Permic varieties that were outside of the sphere of influence of Turkic (and Mongol) peoples. Speakers of Komi lived in the Novgorod Republic in medieval times and were thus subject to early Christianization, as well as early heavy influence from Russian.

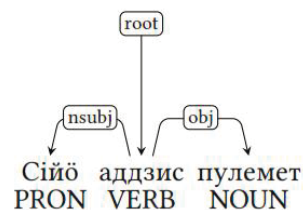
While Mari is comparatively distant to the Permic languages genealogically, it, to an even stronger degree than Udmurt, was subject to heavy Turkic influence dating back to the middle ages, cf. [Róna-Tas, 1988, pp. 769–771]. Numerous scholars place Mari and Udmurt in the so-called Volga-Kama Sprachbund (e. g. [Helimski, 2003, p. 159; Wintschalek, 1993]), which also includes three Turkic languages: Chuvash (the only extant descendant of Bolgar), Tatar, and Bashkir.

As a result of the grave typological differences between the Turkic languages of the Volga-Kama region on the one hand and Russian on the other, contact pressure has long been causing Komi and Udmurt to diverge typologically, and Udmurt and Mari to converge. The most critical factor here is that Turkic languages have as their basic word order SOV, while the basic word order of Russian is SVO [Dryer, 2013a]. Proto-Uralic is assumed to have been an SOV language [Abondolo, 1998, p. 33], and relics of structures typical of SOV languages can be found even in those Uralic languages where SVO word order dominates today (e. g. Komi, Finnish): for example, postpositions dominate over prepositions throughout the language family, regardless of word order [Dryer, 2013b].

Order of subject, verb, object: As discussed above, the neutral declarative word order is described as SVO in Komi, but SOV in Udmurt and Mari. The variation affecting the ordering of these objects becomes quickly apparent in the parallel corpus, for example in the following sentence where Udmurt exhibits SVO word order.

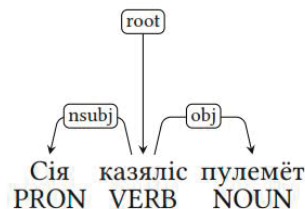
(1) **Komi-Zyrian**

<i>Сійӧ</i>	<i>аддзис</i>	<i>пулемет</i>
3SG	see.PST.3SG	machine_gun.ACC
‘He saw the machine gun’ (Four Battles corpus).		

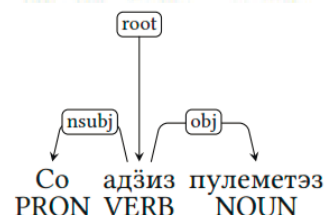
(2) **Komi-Permyak**

<i>Сія</i>	<i>казяліс</i>	<i>пулемёт</i>
3SG	see.PST.3SG	machine_gun.ACC
‘He saw the machine gun’ (Four Battles corpus).		

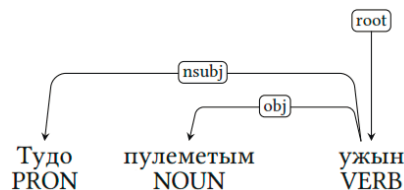
(3) **Udmurt**

<i>Со</i>	<i>адӟиз</i>	<i>пулеметэз</i>
3SG	see.PST.3SG	machine_gun.ACC
‘He saw the machine gun’ (Four Battles corpus).		

(4) **Mari**

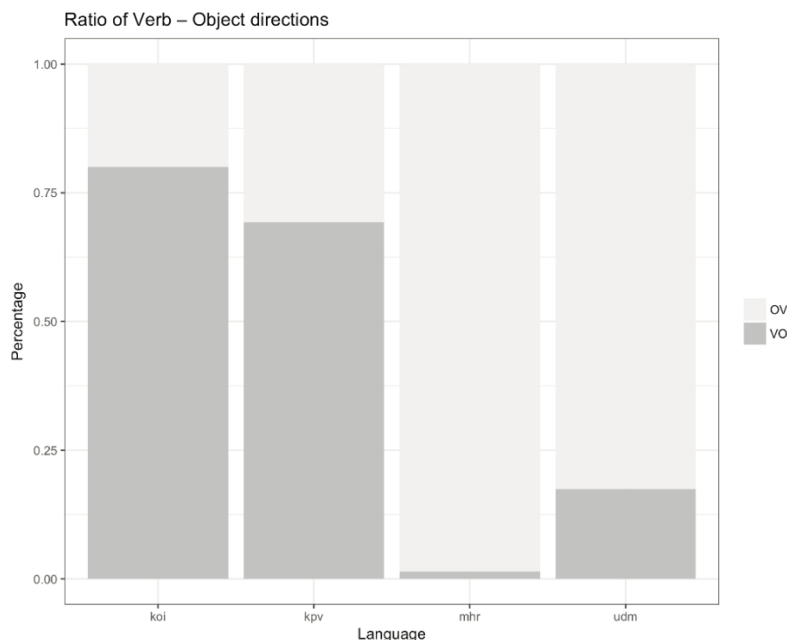
<i>Тудо</i>	<i>пулеметым</i>	<i>ужын</i>
3SG	machine_gun.ACC	see.PST.3SG
‘He saw the machine gun’ (Four Battles corpus).		

In an individual example like this one, it is not clear whether this should be considered an artefact of the original Russian text, or structural influence of Russian on Udmurt. This question can only be conclusively answered through a quantitative study comparing text originally written in Udmurt, and text translated from Russian into Udmurt. Such a study was not possible for the paper at hand, but the preparatory work we have conducted with the aligned parallel texts offers good possibilities for further study of this type. The current

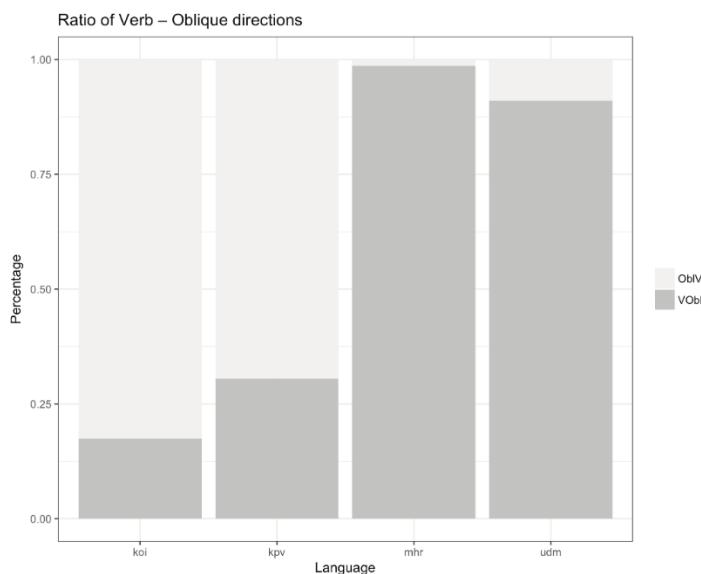
analysis of occurrences of this type in the parallel data shows that this exact occurrence doesn't follow the general pattern of Udmurt.

Quantitative analysis: In this section, we provide measurements and analysis of the variation in constituent order within the Four Battles parallel corpus. When the verbs and objects were annotated in the corpus, their counts show variation within each language: none is exclusively using only one word order. However, a clear preference for one order is visible. As expected, Mari and Udmurt prefer OV order, whereas Komi varieties are predominantly VO.

However, neither of the languages is strictly using only one pattern, and Komi varieties in particular still exhibit the OV pattern relatively frequently. In contrast to this, it seems that such variation in Udmurt and Mari is more of an exception than a regular occurrence.

When the directions of obliques, among those indirect objects, are taken into account, a very similar picture emerges. Again, there is one that both Komi varieties follow, and another preferred by Udmurt and Mari.

In the parallel corpora examined all texts were translations from Russian, and in the points where Russian word order was changed for emphasis, the translations tended to use similar devices. In the Russian originals the subject is often moved in front of the verb for emphasis, or in specific points in narrative, e. g.:

(5) **Russian**

– *Hy* *вот!* – *сказал* *он*
 well there say.PST.3SG.M 3SG.M
 “‘There you go!’”, he said’ (Four Battles corpus).

This specific fragment has been translated in all three translations with the same word order, with Komi-Zyrian *шуйс сійӧ*, Komi-Permyak *висьталіс сія*, Udmurt *шуйз со* and Mari *каласыи тудо*. As this word order seems to occur primarily in instances where it also shows this specific order in Russian, it seems that the construction has been borrowed following the Russian model. As a rule, in occurrences of this type, Mari is most deviant from the direct translations, and uses focusing strategies other than those employed by Russian.

Spoken-language data. Earlier examinations have indicated that Komi-Zyrian shows large internal variation with respect to word order between spoken and written language. Surprisingly, our analysis showed that SOV was much more common in spoken materials than in written. This is interesting, as spoken data generally shows a greater Russian interference than written language, and the change in word order from SOV to SVO in Komi varieties can mainly be attributed to Russian influence. However, in this respect, the spoken language seems more archaic and comparable to other Uralic languages with a preference for SOV order.

Since there are only a few sufficiently annotated spoken-language corpora from these languages, it has not been possible to compare the languages as specifically as with parallel corpora. Moreover, as all spoken data tends to come from vastly different sources, their comparability is questionable except for in situations where the materials are so large that other variables start to lose their impact. However, it can be stated that the spoken language corpora show similar tendencies to the parallel corpora, for example, shifting the focus using similar means, compare Komi-Permyak:

(6) **Komi-Permyak**

<i>вот</i>	<i>олис</i>	<i>сия</i>	<i>мӧдгортын</i>
well	live.PST.3SG	3SG	Mödgart.INE

‘Well he lived in Mödgart’ [Ponomareva, 2016, p. 278].

(7) **Komi-Zyrian (Izva dialect)**

<i>вот</i>	<i>сэтэн</i>	<i>аддис</i>	<i>сыя</i>	<i>менэ</i>
well	there	see.PST.3SG	3SG	1SG.ACC

‘Well there he saw me’ (IKDP corpus, крв_izva20150402-7-b.0626).

In these two sources, this phenomenon seems rather frequent. In the preliminary analysis carried out using the spoken Udmurt materials [Karpova, 2005], finding occurrences was not very easy, and they seemed to come predominantly from songs, which differ from the rest of the materials in other ways that render comparison difficult.

Some preliminary observations on Mari: Here we aim to present some observations made about the word order in more complex structures in Mari, in collaboration with native Mari informants. The variation described here would require corpus-based investigation, which has not yet been possible.

In the case of ditransitive verbs, the neutral word order seems to depend on the nature of the direct object. If it is a noun, the indirect object precedes the direct object:

(8) **Mari**

<i>Серге</i>	<i>Ивуклан</i>	<i>сравочым</i>	<i>пуа</i>
Serge	Ivuk.DAT	key.ACC	give.3SG

‘Serge gives the key to Ivuk’ (native speaker Tatiana Yefremova)

The neutral constituent order changes if the direct object is expressed by a pronoun:

(9) **Mari**

<i>Мый</i>	<i>тидым</i>	<i>Ивуклан</i>	<i>пуэм</i>
1SG	this.ACC	Ivuk.DAT	give.1SG

‘I give this to Ivuk’ (native speaker Tatiana Yefremova)

Other complements that are inherent to the verb’s semantics, like complements of place, usually precede the verb:

(10) **Mari**

<i>Серге</i>	<i>серышым</i>	<i>полкышко</i>	<i>пыштен</i>
Serge	letter.ACC	shelf.ILL	put.PST.3SG

‘Serge put the letter on the shelf’ (native speaker Tatiana Yefremova).

Optional adverbials of place and time are relatively free in terms of the position they take – they often occur in the beginning of the sentence, but with the exception of the position directly before the verb, other positions are perceived as neutral as well.

The actual order of constituents can differ from the basic order, depending on context: Elements can be moved before the verb if they are emphasized or convey information that is new to the listener/reader. Deviations from verb-final syntax can be observed as well.

Non-finite verbal forms as a rule precede their superordinate element – adjectivally used participles precede the nouns they modify; converbs and infinitives precede their superordinate verb. As regards converbs, deviations from this neutral order for the sake of emphasis or for stylistic reasons are permissible, but the flexibility offered by Mari syntax varies depending on the usage. The same principle has been observed in Turkic languages of the Volga-Kama Region, cf. [Мищенко, 2014, p. 4]. For example, when converbs are used as free adverbials that form subordinate clauses, they enjoy relatively great flexibility with respect to their placement:

(11) **Mari**

<i>Лектеи</i>	<i>уремыи</i>	<i>пӧрт</i>	<i>гыч</i>	<i>кочай,</i>	<i>тоям</i>	<i>кучен</i>
go.3SG	street.ILL	house	from	old_man	stick.ACC	hold.CVB

‘An old man comes out into the street from the house, holding a stick’ [Иванов et al., 2011, pp. 40–41].

When a converb is used in combination with modal auxiliaries denoting ability, it can follow the auxiliary, which it would precede if neutral word order were observed. This transposition seems to indicate an emphasis of sorts. It should be noted that the same mechanism exists in Russian “in reverse”: infinitives and converbs generally follow their superordinate verbs in Russian (as one would expect in an SVO language), but an inversion of this regular word order is possible for the sake of emphasis.

(12) **Mari**

<i>Ом</i>	<i>керт</i>	<i>монден</i>
NEG.1SG	be_able.CNG	forget.CVB

‘Oh I cannot forget’ (pop song performed by El’vira Popova).

(13) **Russian**

<i>Не</i>	<i>могу</i>	<i>сказать</i>		<i>Сказать</i>	<i>не</i>	<i>могу</i>
NEG	be_able.1SG	say.INF		say.INF	NEG	be_able.1SG

‘I can’t say’ (neutral) | ‘Oh I can’t say’ (emphasized) (native speaker Elena Skribnik).

When converbs are used in directional constructions (cf. [Bradley, 2016]), benefactive constructions, or aspectual auxiliary constructions (cf. [Bradley, to appear]), a displacement of the converb does not seem to be permissible; it must obligatorily be placed before the superordinate verb.

(14) **Mari**

<i>Карме</i>	<i>умиаш</i>	<i>чонештен</i>	<i>пурьш</i>
fly	mouth.ILL	fly.CVB	enter.PST.3SG

‘The fly flew into (lit. flying entered) (his/her) mouth’ (Mari native speaker Elina Guseva).

(15) **Mari**

<i>Ачай,</i>	<i>пычалым</i>	<i>налын</i>	<i>пу</i>
father.VOC	rifle.ACC	buy.CVB	give.IMP.2SG

‘Daddy, buy me (lit. buying give) a rifle’ [Галкин et al., 1990–2005, чыштыраш].

(16) **Mari**

<i>Пӱтынӱ</i>	<i>карман</i>	<i>йӱлен</i>	<i>каен</i>
whole	fortress	burn.CVB	go.pst.3SG

‘The whole fortress burned to the ground (lit. burning went)’ (native speaker Tatiana Yefremova).

Conclusions. The two Komi varieties as well as Udmurt display a clear preference toward their respective standard word orders but are quite subject to variation. In contrast, Mari is subject to less variation. These simple assumptions could be corroborated even by a small-scale corpus-based study, though further research on a more diverse set of texts would be of value. It must be emphasized that the Fenno-Ugrica collection contains such a vast amount of parallel texts that rather large corpora could be created even for smaller languages of Northern Eurasia. The largest advantage of using this material would be the ease of making the annotations and subsequent analysis available, as there are no copyright restrictions, which tend to hinder the use of many current resources.

For a more sophisticated survey on the degrees of freedom affecting word order – especially in the case of more complex structures, e. g. non-finite verbal constructions – and the motivation behind deviations from the neutral word order, more data is necessary. Or rather, more data must become available in an open and accessible

format, allowing comparative cross-linguistic studies. For written Mari, the Mari corpus project (cf. corpus.mari-language.com) carried out by a loosely affiliated set of scholars from Norway, Austria, Belgium, Finland, and Russia gives reason for hope: our project team is aiming to release a perfunctorily annotated corpus of written Meadow Mari in the summer of 2018, covering millions of tokens from a diverse set of text, including original Mari literature, and translations into Mari. Spoken language data still needs to be collected and made accessible. In many cases, this would primarily mean systematic digitalization of existing resources, since many text collections have already been published and the related audio recordings could be located relatively easily in archived collections.

Bibliography

- Abondolo, Daniel Mario 1998: *Introduction*. In Daniel Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. Routledge Language Family Descriptions. New York: Routledge. pp. 1–42.
- Asztalos, Erika 2016: Word order changes in Udmurt in a trilingual contact situation. [Conference presentation.] 12th Changing Language Day – Workshop “Contact-induced changes in syntax”. Tartu: University of Tartu. [published online at www.ny-tud.hu/oszt/elmnyelv/urali/conf/Asztalos_Tartu_Word%20order%20changes.pdf, accessed on 2018–05–13]
- Blokland, Rogier & Marina Fedina, Niko Partanen, Michael Rießler 2009–2017: Izhva Kyy. In The Language Archive (TLA). Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics. [published online at hdl.handle.net/1839/00-0000-0000-000C-1CF6-F@view]
- Bradley, Jeremy 2016: Verb-Framed Motion Events in Uralic. *Finnisch-Ugrische Forschungen* 63: pp. 126–152.
- Bradley, Jeremy [to appear]: Mari Converb Constructions: Productivity and Regional Variance. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Csúcs, Sándor 1998: Udmurt. In Daniel Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. Routledge Language Family Descriptions. New York: Routledge. pp. 276–304.
- Dryer, Matthew S. 2013a: Order of Subject, Object and Verb. In Martin Haspelmath & Matthew S. Dryer (eds). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. [published online at wals.info/chapter/81, accessed on 2018–05–13]
- Dryer, Matthew S. 2013b: Order of Adposition and Noun Phrase. In Martin Haspelmath & Matthew S. Dryer (eds). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. [published online at wals.info/chapter/85, accessed on 2018–05–13]
- Hausenberg, Anu-Reet 1998: Komi. In Daniel Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. Routledge Language Family Descriptions. New York: Routledge. pp. 305–326.
- Helimski, Eugene 2003: Areal groupings (Sprachbünde) within and across the borders of the Uralic language family: A survey. *Nyelvtudományi Közlemények* 100: pp. 156–167. [published online at www.ny-tud.hu/nyk, accessed on 2018–05–13]
- Riese, Timothy & Jeremy Bradley, Emma Yakimova, Galina Krylova 2017: Онгай марий йылыме: A Comprehensive Introduction to the Mari language. [Release 3.2] Vienna: University of Vienna. [published online at omj.mari-language.com]
- Róna-Tas, András 1988: Turkic Influence on the Uralic Languages. In Denis Sinor (ed.). *The Uralic languages: Description, History, and Foreign Influences*. Leiden: E. J. Brill. pp. 742–780.
- Thiele, Hanna & Niko Partanen, Michael Rießler 2015: Exploring constituent order variation in selected languages of the Barents Sea area. [Conference presentation.] Lyon: Transalpine Typology Meeting.
- Vilkuna, Maria 1998 Word Order in European Uralic. In Anna Siewierska (ed.). *Constituent Order in the Languages of Europe*. Mouton de Gruyter: Berlin–New York. pp. 173–233.
- Wintschalek, Walter 1993: Die Areallinguistik am Beispiel syntaktischer Übereinstimmungen im Wolga-Kama-Areal. *Studia Uralica* 7. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Галкин, И. С. (editor in chief) et al. 1990–2005: Словарь марийского языка [I–X]. Yoshkar-Ola: Марийское книжное издательство / МарНИИ. [published online at dict.fu-lab.ru/index.php/index/8.xhtml, accessed on 2018–05–13]
- Иванов, И. Г. et al. 2011: Марий орфографий мутер. Yoshkar-Ola: МарНИИЯЛИ.
- Карпова, Л. Л. 2005: Среднепечепский диалект удмуртского языка. Образцы речи. Izhevsk: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН.
- Мищенко, Дарья 2014: Грамматикализация глаголов движения в башкирском языке. In: *Proceedings of the conference “Системные изменения в языках России”*. Saint Petersburg: Институт лингвистических исследований РАН. [published online at iling.spb.ru/confs/syschanges2014/materials/mishchenko.pdf, accessed on 2018–05–13].
- Пономарева, Лариса 2016: Речь северных коми-пермяков. Moscow: Языки Народов Мира.

Н. И. Гуляева

КОММУНИКЕМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ УТВЕРЖДЕНИЯ / ОТРИЦАНИЯ В КОМИ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье впервые проанализированы коммуникемы со значением утверждения / отрицания в коми языке, выделены и описаны их виды, выявлены особенности их функционирования. Исследование показало, что коммуникемы данного типа в коми языке выражают не только основные значения – собственно утверждение или отрицание, но и передают различные дополнительные оттенки данных значений, а также транслируют оценку адресанта относительно соответствия действительности высказанного в реплике-стимуле.

Ключевые слова: коми язык, коммуникант, коммуникемы со значением утверждения, коммуникемы со значением отрицания.

KOMMUNIKEMAS WITH AFFIRMATION / NEGATION MEANING IN THE KOMI LANGUAGE

Abstract. The article is the first to analyze kommunikemas with the meaning of affirmation / negation in the Komi language, their types were identified and described, and peculiarities of their functioning were revealed. The study showed that kommunikemas of this type in the Komi language expressed not only basic meanings – actually affirmation or negation, but transmit various additional shades of these values and translate an addresser's evaluation of reality correspondence in the expressed in the replica-stimulus as well.

Keywords: the Komi language, communicant, kommunikemas with meaning of affirmation, kommunikemas with the meaning of negation.

Под коммуникемой нами подразумевается коммуникативно-синтаксическая единица, характеризующаяся семантической и синтаксической нерасчлененностью, интенциональной заданностью, экспрессивно-эмоциональной окрашенностью, основными функциями которой являются выражение коммуникативных намерений (интенций) коммуниканта, его эмоциональной реакции на факты лингвистического и экстралингвистического характера, его отношения к действительности, побуждения, различных этикетных моментов, вопроса, утверждения или отрицания.

В коми языке коммуникемы встречаются в разговорной речи, возникают как спонтанная реакция на какое-либо явление, высказывание и т. д. Они «выработаны языком как более экономные, более краткие и более эмоциональные формы выражения отношения говорящего к объективному миру. Возможно, структурно-семантическая нерасчлененность коммуникем тем и объясняется, что основной их функцией является выражение большего содержания меньшими средствами» [Меликян, 2004, с. 71].

Коммуникемы со значением утверждения / отрицания (согласия / несогласия) широко распространены в коми языке. Данные единицы употребляются в диалогической речи, выступая в качестве ответных реплик-реакций, выражают отношение коммуниканта к услышанному и определяют тональность общения. Л. Теньер причисляет коммуникемы данного вида к «логическим фразоидам», которые выражают лишённые эмоций интеллектуальные понятия и представляют собой анафорические слова, заполняемые автоматически [Теньер, 1988, с. 226]. Они «формируют речевые акты согласия/несогласия и маркируют конечный перлокутивный эффект, который может оказаться как успешным, так и неуспешным» [Бо, 2015, с. 8].

В коми языке можно обнаружить целый ряд коммуникем, эксплицирующих семантику утверждения. Обычно они выступают в качестве прямого положительного ответа на заданный вопрос, предложение, просьбу либо выражают согласие с чем-либо, подтверждение чего-либо. Коммуникемы со значением утверждения манифестируют подтверждение той информации, которая была заключена в реплике-стимуле, положительную оценку относительно ее соответствия действительности, общность взглядов собеседников.

В исследуемом языке реализуются различные виды утверждения. Так, собственно утверждение (согласие) в коми языке выражается преимущественно утвердительным словом *да* 'да', имеющем нейтральную оценку. Чаще всего это простой ответ на вопрос: *Альберт. Тайё мый, ультиматум? Юля. Да* [Юшков, 1983, с. 177]. 'Альберт. Это что, ультиматум? Юля. Да'; «*Сідзкё, четвергöдз?*» – «*Да*», – *помалісны сёрнисö вокьяс* [Шахов, 1985, с. 44]. '«Значит, до четверга?» – «Да», – закончили разговор братья'.

В коми языке довольно часто к семантике утверждения присоединяются дополнительные значения, вследствие этого можно обнаружить утверждения с различной степенью категоричности.

Уверенное утверждение чаще всего выражается коммуникемами *дерт*, *тöдöмысь* 'конечно', *правильнö* 'правильно', *вернö* 'верно'. Они используются в тех случаях, когда коммуникант полностью уверен в своем положительном ответе вопрос, согласен с предположением или утверждением, которое содержит реплика-стимул. В них присутствует коннотация убежденности и характерна повышенная эмоциональность, например: «*Аддза, этиша на ветлöмыд. Вежавидзысь*». – «*Дерт!*» [Шахов, 1985, с. 175]; *Габö. Тэ пыдди выль гөлöвайс бöрйыны, мöдлы эсийö медальсö сетны!.. Унаён. Вернö!..* [Савин, 1982, с. 141]. 'Габэ. Вместо тебя нового голову выбрать, другому эту медаль отдать!.. Многие. Верно!..'; «*Ладнö, асьным кызкё-мыйкö...*» – *нурбыльтис мöдыс*. – «*Правильнö. Ми абу нин челядь*», – *сэтчö содтис чойыс и поскöд лэччигön кутчысис Климлön сойö...* [Напалков, 1988, с. 174]. '«Ладно, сами как-нибудь...» – пробормотал второй. – «Правильно. Мы уже не дети», – добавила сестра и, спускаясь по лестнице, взяла под руку Клима'.

Утверждение-разрешение реализуется посредством коммуникемы *бур* 'хорошо' и выражает согласие с содержанием реплики-стимула после предварительного обдумывания:

Габö. Гөлöваас позьö бөрйыны Морохинöс, Сидор Сергеевичöс! Унаён. Бур!.. Шань мортыс!.. [Савин, 1982, с. 141]. ‘Габö. Головой можно выбрать Морохина, Сидора Сергеевича!.. Многие. Хорошо!.. Хороший человек!..’.

Утверждение-уступка эксплицируется коммуникемами *ладнö* ‘ладно’, но ‘но’ в тех случаях, когда коммуникант соглашается с содержанием реплики-стимула вынужденно, не имея на то особого желания: «*Вот. Сидзкö, менам висьталöм серти и лоö*». – «*Ладнö. Тунасьны огö кутöй*» [Шахов, 1985, с. 131]. ‘Вот. Значит, будет так, как сказал я». – «Ладно. Гадать не будем»»; *Лиза. Сöмын öдйö, но? Вячеслав. Но* [Юшков, 1983, с. 21]. ‘Лиза. Ты только быстрее, но? Вячеслав. Но’.

Утверждение-сочувствие, показывающее помимо согласия также и сочувствие, сопереживание коммуниканта относительно содержания реплики-стимула, в коми языке выражается коммуникемами *сидзи* ‘так’, *во, во* ‘вот-вот’: «*Öтарсянь кö, тайö и бур вынаджык бать-мамсяньыд вынаджыкöсь лоöны и пияныс, – гögöрвоа жö ме тайöс*». – «*Сидзи...*» [Торопов, 1988, с. 30]. ‘С одной стороны, это и хорошо – у более крепких родителей получаются и более крепкие дети, – это я тоже понимаю. – Так...’; «*Мый кöть и единоличник, гаишкö, аски жö лоан ми кодь*». – «*Во, во!*» – *Пыста Иван сьёлöмсяньыс кутчысис Сергей кид да кыкысь кымын чорыда пыркнитис* [Федоров, 1987, с. 199]. ‘«Ну, хоть и единоличник, может, уже завтра станешь как мы». – «Вот, вот!» – от всего сердца вцепился за руку и два раза крепко потрянул Сергея Пыста Иван’.

Коммуникемы со значением отрицания являются прямым отрицательным ответом на заданный вопрос либо выражают несогласие с чем-либо, отрицание чего-либо. Они также могут выражать возражение, опровержение, недовольства, неодобрение и т. д. Согласно Г. Е. Крейдлину, данные единицы «характеризуются разной степенью частоты встречаемости в текстах и разной степенью невежливости, обычно сопряженной с вызовом или откровенной грубостью» [Крейдлин, 2006, с. 285].

Опровержение в коми языке чаще всего выражается коммуникемой *абу* ‘нет’, имеющей нейтральную оценку. Обычно это простой ответ на вопрос: *Альбина (нетö.) Юля? (сетö кисö). Альбина. Абу. (здоровайтчö)* [Юшков, 1983, с. 148]. ‘Альбина (выходит). Юля? (подаёт руку). Альбина. Нет (здоровается)’; *Гижысь. Анна? Катерина? Öльксандра? Ярö. Абу* [Юшков, 1983, с. 248]. ‘Писатель. Анна? Катерина? Александра? Ярö. Нет’.

Отрицание в сочетании с неодобрением транслируется коммуникемами *абу тадз, абу сидз* ‘не так’: «*Мый керан, Гафар Макарович. Вовыс эштиöм вöли. Нянь вылö лоис сетны Мишкаöс*», – *мöдис дорйысьны Степан*. – «*Абу, абу сидз*», – *куньышитлис синьяссö Бикмедов* [Современный, 1967, с. 169]. ‘Что подделаешь, Гафар Макарович. Год такой был. За хлеб пришлось отдать Мишку, – начал оправдываться Степан – Нет, не так, – зажмурил глаза Бикмедов’.

Отрицание в сочетании с сомнением (неуверенностью) выражает коммуникема *öдвакö* ‘едва ли’: «*Аски локтанныд?*» – «*Öдвакö*» [Современный, 1967, с. 170]. ‘«Завтра приедете?» – «Едва ли»’.

Категорическое отрицание, для которого характерна высокая эмоциональность, можно обнаружить в следующем примере: *Васька. Мамö, дугды нин. Oz жö тэ ног ло-а. Дарья. Лоас. Васька. Oz!* [Юшков, 1983, с. 138]. ‘Васька. Мама, прекрати уже. Все равно не будет по-твоему. Дарья. Будет. Васька. Нет!’

В данном случае коммуникант абсолютно не приемлет информацию (здесь – будущее положение дел), содержащуюся в реплике-стимуле и коммуникема *оз* ‘нет’ выражает отказ от каких-либо предлагаемых действий в связи с неприемлемостью предложения (совета) из-за собственных убеждений или негативного опыта, полученного в прошлом.

Выражения отрицания (несогласия) может быть с ироническим подтекстом и коммуникема эксплицирует насмешливый отказ: *Валерьян. Сидзкö юала и муна. Петан он эськö ме сайö? Лиза. Эг на йöймы!* [Юшков, 1983, с. 35]. ‘Валерьян. Значит, спрошу и уйду. Выйдешь или нет за меня? Лиза. С ума еще не сошла!’

Таким образом, коммуникемы со значением утверждения / отрицания в коми языке выражают не только основные значения – собственно утверждение или отрицание, но и передают различные дополнительные оттенки значений утверждения / отрицания, а также транслируют оценку относительно соответствия действительности высказанной в реплике-стимуле информации.

Библиография

- Бо Л. Русские экспрессивные синтаксические конструкции как коммуникативные единицы: автореф. дис... канд. филол. наук. Воронеж, 2015. 23 с.
- Крейдлин Г. Е. Эмфатические ответные реплики в диалоге // Русский язык сегодня. Проблемы языковой нормы. М., 2006. Вып. 4. С. 283–294.
- Меликян В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения: учеб. пособие. Ростов н/Д., 2004. 288 с.
- Напалков В. Е. Томьяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. 216 с.
- Савин В. А. Вабергач. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1982. 368 с.
- Современный коми язык. Ч. 2. Синтаксис / под ред. Н. Н. Селькова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. 284 с.
- Торопов И. Г. Ме верма, батьö. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. 336 с.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса, М.: Прогресс, 1988. 656 с.
- Фёдоров Г. А. Ытва дырйи // Ытва дырйи. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. С. 195–206.
- Шахов П. Ф. Мыйла олам. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. 368 с.
- Юшков Г. А. Кыськö тай эмöсь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. 256 с.

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЧУВАШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье делается попытка сопоставления главных членов предложения чувашского и русского языков на основе новейших лингвистических исследований. Предметом рассмотрения стали сущность членов предложения, критерии их выделения и способы выражения в чувашском и русском языках, которые изучались методом анализа, наблюдения, сопоставления, описания. В работе также прослежена история исследования главных членов предложения сопоставляемых языков.

Ключевые слова: чувашский язык, русский язык, главные члены предложения, подлежащее, сказуемое.

T. V. Denisova, M. A. Belova

SENTENCE PARTS IN THE CHUVASH AND RUSSIAN LANGUAGES: COMPARATIVE ASPECT

Abstract. The article attempts to compare the main sentence parts in the Chuvash and Russian languages on the basis of the latest linguistic research. The subject of consideration was the essence of sentence parts, criteria for their selection and ways of expression in the Chuvash and Russian languages, which were studied by analysis, observation, comparison, description. The paper also traces the history of studying main sentence parts of languages compared.

Keywords: the Chuvash language, the Russian language, main sentence parts, subject, predicate.

В чувашском языкознании члены предложения до сегодняшнего дня не стали объектом монографического исследования. Их изучение началось с работы Н. И. Ашмарина «Опыт исследования чувашского синтаксиса», которая вышла в двух частях [Ашмарин, 1903–1923]. Вслед за ней увидели свет «Грамматика чувашского языка» Т. М. Матвеева, «Грамматика чувашского языка (фонетика, морфология, синтаксис)» Ф. Т. Тимофеева, «Введение в изучение чувашского языка» В. Г. Егорова, «Стилистика чувашского языка: очерки: синтаксис» Н. А. Андреева, «Синтаксис современного чувашского литературного языка» С. П. Горского, «Вопросы чувашского синтаксиса» «Современный чувашский язык: Синтаксис» И. А. Андреева. Основу синтаксической теории русского языка долгое время составляло учение о членах предложения, которое развивалось и развивается сложно и неоднозначно.

Противоречивость и сложность членов предложения как синтаксических понятий было осознано еще в XIX в. Это проявлялось в том, что выдвигались различные критерии выделения и изучения членов предложения. Со временем определились два направления в описании членов предложения, существующие и противостоящие друг другу до сих пор: логическое, по которому члены предложения выделялись по значению, по соотношению с логическими категориями и формальное, когда учитывается не значение слова, а его форма. Особого внимания заслуживает точка зрения Ф. И. Буслаева, который предложил учитывать одновременно оба критерия – и логический, и формальный. Однако при конкретном языковом анализе эти два принципа не всегда соответствовали друг другу.

На современном этапе развития языкознания в предложении выделяют главные и второстепенные члены. Предложения, выражающие отдельную, относительно законченную мысль, имеют субъект мысли – то, о чем говорится в предложении, подлежащее, и предикат мысли – то, что о субъекте думаем, сказуемое. Подлежащее и сказуемое являются главными членами предложения, они образуют предикативное ядро предложения, в них выражается основной признак предложения – предикативность.

Основная форма выражения подлежащего – именительный падеж, например: *Аннушкин кухньӑналла утӑрӗ* (А. Талвир). ‘Аннушкин пошел в сторону кухни’. Но не все слова, стоящие в именительном падеже, будут подлежащими: *Пӗр ирхине поезд ӳрман хӗрринчи яд сумӗне иртсе пычӗ* (В. Алентей). Формы лица и числа подлежащего отражаются на форме сказуемого, но не всегда: *Пӗррехинче эӗ хамӑр пахчара шурӑ кӑвакарчӑн тупӑм* (М. Илпек); *Эпир пысӑк юхӑман ӗӗлӑнса ӗӗран хӗрне тухрӑмӑр, япаласене тушатрӑмӑр* (В. Гол.), но: *Эӗ нихсан та никама та усал сунман, Инна* (Л. Маяксем).

Исследователи русского языка подлежащее определяют как главный член предложения, который обозначает предмет речи, грамматически соотносится со сказуемым, не зависит от других членов предложения и отвечает на вопросы именительного падежа. Подлежащее может обозначать лицо, одушевленный или неодушевленный предмет, явление или понятие: *Из шатра, толпой любимцев окруженный, выходит Петр* (А. Пушкин); *Приезд богатого соседа есть важная эпоха для деревенских жителей* (А. Пушкин).

Подлежащее как в чувашском, так и в русском языках выражается различными частями речи, которые представлены в таблице 1.

Способы выражения подлежащего в чувашском и русском языках

Часть речи	В чувашском языке	В русском языке
Имя существительное	<i>Хура <u>аист</u> – вӑрманта вӑрттӑн пурӑнакан чарлан пек кайӑк.</i> (Н. Сл.).	<i>Спит черемуха в белой накидке.</i> (С. Есенин).
Местоимение	<i>Җак кунран пуҫласа <u>эпӗ</u> пӗр тӗпрен ӱсекен икӗ шурӑ хурӑна яланах тимлесе сӑнама тытӑнтӑм.</i> (Г. Ефимов).	<i>Что мне поет? Что мне звенит?</i> (А. Блок); <i>С тех пор уже никто не заговаривал с Татьяной</i> (И. Тургенев); <i>Это, кажется, наши противники?</i> (М. Лермонтов).
Имя прилагательное	<i>Җӑкӑртан <u>асли</u> те ҫук, Җӑкӑртан <u>хакли</u> те ҫук.</i> (В. Пр.)	<i>Новое в жизни требует и новых названий.</i> (С. Сергеев). <i>К ним стали подходить знакомые, гулявшие в саду.</i> (А. Чехов).
Имя числительное	<i>Тӗркӗшнӗ май утӑ лавӗ ҫинчен <u>иккӗшӗ</u> те шуса анчӗҫ.</i> (В. Алентей).	<i>И опять идут двенадцать...</i> (А. Блок). <i>Семеро одного не ждут</i> (пословица).
Причастие, инфинитив	<i>Тӑрӑшни нихӑсан та сая каймасть ҫав.</i> (В. Алентей); <i>Касма ҫӑмӑл, ӱстерме йывӑр. Илесси ҫӑмӑл, парасси йывӑр.</i> (пословица).	<i>Танцующие теснились и толкали друг друга.</i> (А. Куприн). <i>Жить – это только привычка.</i> (А. Ахматова). <i>Ничего не сказать теперь – значило оскорбить ее.</i> (Л. Толстой).
Подражательные слова	<i>Шӑмпӑрр! илтӗнсе каять шӑплӑхра.</i> (Г. Ефимов).	<i>И тут раздалось громкое «Ура».</i>
Междометие	<i>Вӑл ялан ахлатса ҫӑрет. Җав <u>ах-ах</u> йӑлӑхтарчӗ ӗнтӗ.</i>	<i>Даже «эй» предполагает второго, могущего обернуться.</i> (Б. Шкловский).
Наречие	<i>Бран паянтан аванрах пулӗ.</i>	<i>Завтра не будет похоже на сегодня.</i> (И. Гончаров).
Словосочетание	<i>Унтан <u>Каврушпа Карачӑм</u> иккӗшӗ те йывӑҫ тураттисем ҫине улӑхса утлана-утлана ларчӗҫ.</i> (М. Чалтун).	<i>В песчаных степях аравийской земли три гордые пальмы высоко росли.</i> (М. Лермонтов).

Подлежащее как структурно-семантический компонент предложения входит в группу главных членов; обозначает предмет речи, содержит «данное», в основном занимает позицию перед сказуемым, является структурно независимым словом, подчиняющим сказуемое в двусоставном предложении. Можно сказать, что подлежащее в чувашском языке полностью соответствует подлежащему в русском. Сказуемое – одно из самых сложных понятий системы членов предложения. Подлежащее лишь называет предмет речи, а сказуемое характеризует его по действию или признаку в модальном и временном аспектах. «Сказуемӑй – предложенин тӗп членӗсенчен пӗри, подлежащи ӗҫне е пӗр-пӗр паллине кӑтарта сӑваш чӗлхинче мӗн тӑвать? мӗн вӑл? кам вӑл? вӑл мӗнле? т. ыт. ыйтусенче тӑракан тӗп член. Вӑл каланин содержанине чӑнлӑхпа ҫыхӑнтарать тата предложенири сӑмахсене хӑй тавра пӗрлештерсе тӑрать. Җак сӑлтава пула сказуемӑя предложенин пӗртен-пӗр тӗп членӗ теме пулат» [Андреев, 2005]. В русском языкознании сказуемому дают такую трактовку: « – это главный член предложения, который обозначает действие, признак, качество, состояние предмета, названного подлежащим, грамматически зависит от подлежащего и отвечает на вопросы *что делает предмет? каков предмет? что с ним происходит? кто он такой? что он такое?* Сказуемое обладает не только лексическим значением, т. е. называет действие, признак, состояние, свойство, качество того предмета, который обозначен подлежащим, но и выражает грамматическое значение наклонения и времени. Лексическое и грамматическое значения сказуемого могут быть выражены совместно (в одном компоненте) или раздельно (в двух компонентах). В соответствии с этим сказуемые делятся на *простые* и *составные*. *Простым* называется сказуемое, в котором лексическое и грамматическое значения выражены одним компонентом. Простое сказуемое может быть только глагольным, так как только глагол имеет формы наклонения и одновременно с лексическим значением способен выразить и грамматическое значение. В *составном* сказуемом лексическое и грамматическое значения выражены разными компонентами. Оно состоит из *вспомогательной части*, выражающей грамматическое значение, и *основной части*, выражающей лексическое значение. В зависимости от

того, какой частью речи выражена основная часть сказуемого, составное **сказуемое** может быть *глагольным* и *именным*» [Русский].

Сказуемое в чувашском и русском языках выражается личной формой глагола во всех временах и наклонениях: *Сисёнмесёр пёр уйăх иртрĕ*, ‘Незаметно прошел месяц’. Остальные способы выражения сказуемого отражены в таблице 2.

Таблица 2

Способы выражения сказуемого в чувашском и русском языках

Часть речи	В чувашском языке	В русском языке
Определенная форма глагола	<i>Çерем сиче пĕр хура курак ушкăн шăнкăрч хушишинче уткаласа <u>сÿрет</u>. Кисловодскпа сывпуллашнă май Зиновий юлашки хут турбаза кил картине <u>кĕчĕ</u>. (Ю. Скворцов).</i>	<i>После уgomонившейся вьюги <u>наступает</u> в округе покой (Б. Пастернак) – (изъявительное наклонение настоящее время); На портьер зеленый бархат луч луны <u>упал</u> косою (Г. Иванов) – (изъявительное наклонение прошедшее время).</i>
Причастие	<i>Усала хирĕс ман ятпа сирĕппĕн <u>тăм-алла</u>. (Г. Ефимов). Пятигорск тав-рашĕнчи инçе курăнакан тÿрем тав-ралахра саплăкăн-саплăкăн пĕлĕт мĕлкисем хытса <u>тăнă</u>. (Ю. Скворцов).</i>	<i>Детское мое любопытство было сильно <u>зadето</u>. (И. Тургенев).</i>
Инфинитив	–	<i>И царица <u>хohотать</u>, и плечами <u>пожи-мать</u>, и <u>подмигивать</u> глазами, и <u>прищел-кивать</u> перстами, и <u>вертеться</u>, подбо-часть, гордо в зеркальце глядясь. (А. Пушкин).</i>
Имя существительное	<i>Тăри – вĕсĕмсĕр кăвак инçете юрата-кан <u>кайăк</u>. (В. Алентей). Ашишĕ вăрăм сăмсалла шурă <u>карттуса</u>. (И. Егоров).</i>	<i>Прежде такие усадьбы, как усадьба Анны Герасимовны, <u>были не редкость</u>. (И. Бунин).</i>
Имя прилагательное	<i>Паян тулта <u>сивĕ</u>.</i>	<i>Дверь <u>была тоненькая и хлипкая</u>, а крю-чок <u>проволочный</u>. (М. Горький).</i>
Имя числительное	<i>Ăмăртура мала тухакансем – <u>виссĕмĕшсем</u>. Акă эсĕ <u>сирĕмре</u>. (С. Лашман).</i>	<i>Их изба <u>была третья</u> с краю. (А. Чехов).</i>
Подражательные слова	<i>Кушак <u>тяп-тяп</u>. (Халăх сăмахлăхĕ); <u>Çаран – ян! та ян!</u> (В. Эн-тип).</i>	<i>И дверь <u>внезапно</u> – «Хлоп!»</i>
Местоимение	<i>Паян класра дежурнăй <u>эсĕ</u>. Ку кĕнеке <u>манăн</u>.</i>	<i>При первой же попытке ей дадут почув-ствовать, что она <u>ничто</u>. (Н. Добролю-бов).</i>
Словосочетание	<i>Манăн та пусăрăнчăк кăмăл <u>сĕкленме пусларĕ</u>. Унна сÿммăн тăрса кăш <u>самрăкланса кайрăм-ши?</u> (И. Егоров). <u>Çил сукпа пĕрех</u>. (В. Алентей).</i>	<i>Докторская квартира <u>служила притчей</u> во языцех. (Д. Мамин-Сибиряк).</i>

Таким образом, основным функциональным свойством сказуемого является характеристика модально-временных свойств предмета речи. По значению и способу выражения сказуемые в русском языке делятся на глагольные и именные, в чувашском языке таких типов нет. Глагольное сказуемое обозначает действие, именное – признак. Эта классификация сказуемого не зависит от свойств подлежащего, она определяется тем, что именно говорится о предмете речи. Эти свойства сказуемого позволяют дифференцировать подлежащее как деятеля или как носителя признака.

Библиография

Андреев И. А. Хальхи чăваш чĕлхи: синтаксис. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательства, 2005. 334 с.
 Ашмарин Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса: в 2-х ч. Казань–Симбирск, 1903–1923.
 Денисова Т. В. Сопоставительный анализ способов выражения подлежащего в чувашском и русском языках // Ашма-ринские чтения. Чебоксары, 2016. С. 256–261.
 Денисова Т. В., Тихонова О. В. Чăваш тата вырăс чĕлхисенчи сказуемăйсем // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур. Чебоксары, 2016. С. 91–95
 Русский язык [Электрон. данные]. Режим доступа: <http://russkij-yazyk.ru/syntax> (дата обращения: 12.01.2018).

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ТЕКСТАХ ЭРЗЯНСКИХ ГАЗЕТ 20–30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Аннотация. В предлагаемой статье дается описание лексического состава субстантивных и глагольных словосочетаний на материале текстов газет, издававшихся на эрзянском языке в 1920–1930 гг. Цель статьи заключается в описании публицистического языка на основе наблюдений за определенными лингвистическими показателями, отражающими формирование и нормализацию эрзянского литературного языка. Объектом исследования являются синтаксическая структура и лексическое содержание текстов первых эрзянских газет.

Ключевые слова: словосочетание, синтаксическая структура, лексический состав, исконная лексика, заимствование, предложение.

M. V. Mosin

LEXICAL AND SYNTACTIC STRUCTURE OF PHRASES IN THE TEXTS OF ERZYA NEWSPAPERS OF 20-30-IES OF XX CENTURY

Abstract. The article describes the lexical composition of substantive and verb phrases based on the texts of Newspapers published in Erzya in the 20-30-ies of XX century. The purpose of the article is to describe the journalistic language based on observations of certain linguistic indicators reflecting the formation and normalization of the Erzya literary language. The object of the research is the syntactic structure and lexical content of the texts of the first Erzya Newspapers.

Keywords: the phrase; syntactic structure; vocabulary; native words; loanwords, sentence.

Каждый литературный язык предполагает в первую очередь наличие языковой базы, на основе которой он может формироваться, нормироваться и совершенствоваться как доминанта культуры нации. Такой базой для мордовских литературных языков считается письменность, в недрах которой естественный язык впервые приобретает жизнь.

Наряду с дореволюционными памятниками мордовской письменности, широко исследованными в историко-филологическом плане, неисчерпаемым источником формирования и развития мордовских письменно-литературных языков является национальная газета. Она обеспечивает распространение строевых и структурных элементов, накопленных языком в процессе его исторического развития. Наличие многочисленных диалектных типов с разнообразием фонетических, морфологических и лексических особенностей, используемых в газетных текстах 1920–1930 гг. для выбора основ литературных норм мордовских языков, с одной стороны, создавали определенные трудности, с другой – способствовали выявлению распространенности и доступности этих особенностей.

В мордовском языкознании постоянно осуществляются исследования разных аспектов мокшанского и эрзянского литературных языков – от выработки оптимальных литературных норм до анализа отдельных грамматических категорий. Теоретическим вопросам создания литературных норм языков посвящены такие работы, как «Звуки и формы эрзянской речи по говору с. Козловки» Д. В. Бубриха [Бубрих, 1930], «Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков: синтаксис», «Структура простого предложения в мордовских языках. Предложение и его главные члены» М. Н. Коляденкова [Коляденков, 1954; Коляденков, 1959], «Сложное предложение в мордовских языках» И. С. Бузакова [Бузаков, 1973], «Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (ранний период)» А. П. Феоктистова [Феоктистов, 1976] и т. д.

Однако, несмотря на важную роль СМИ в процессе формирования и развития литературного языка, их сфера в лингвистическом плане до сих пор остается малоисследованной. Единственным трудом в данной области оставалась монография «Развитие лексики эрзя-мордовского литературного языка в советскую эпоху» Т. М. Шеяновой [Шеянова, 1968]. Следует заметить, что эту книгу опубликовали в тот период, когда функционирование мордовских языков было до крайности сужено во всех сферах общественной жизни.

В газетных текстах отражены многочисленные диалектные типы эрзянского языка с его разнообразными фонетическими, морфологическими, лексическими и синтаксическими особенностями. Анализ этих особенностей позволяет показать состояние и развитие языка публицистики: а) его лексику (диалектные слова, заимствования, терминологию, архаизмы, неологизмы); б) морфологию (возникновение норм литературного языка); в) синтаксис (порядок слов, использование исконно мордовских конструкций, влияние русского языка).

Базой формирования и нормализации эрзянского литературного языка явилось издание первых газет в 20–30-е гг. XX в.: «Чинь стямю» (Восход солнца, Симбирск, 1920–1922), «Якстере сокиця» (Красный пахарь, Саратов, 1921–1924), «Якстере теште» (Красная звезда, Москва, 1921–1931), «Эрзянь

коммуна» (Эрзянская коммуна, 1932–1957). Если дореволюционные памятники письменности на эрзянском языке создавались в основном одним автором, не всегда носителем данного языка, то статьи в газетах печатались на материале множества говоров, а их авторы были носителями данного языка. Поэтому в газетных текстах 1920–1930-х гг. отражено многообразие особенностей всех уровней языка. Системное описание этих особенностей предоставляет возможность определить степень лингвистических показателей, способствующих процессу формирования и развития литературного языка. Анализ лексических, фонетических, морфологических, синтаксических и стилистических особенностей текстов первых газет на эрзянском языке представлен нами в ряде публикаций [Мосин, 2010; Мосин, 2015]. Вместе с тем особый интерес вызывают лексическая природа и синтаксическая структура отдельных словосочетаний как реальных факторов контактирования языков разных систем.

Рассмотрим субстантивные и глагольные словосочетания.

Субстантивные словосочетания. Исходя из лексического состава, субстантивные словосочетания можно разделить на три вида: а) образования, сформированные из исконно эрзянских слов: *берянь эр-мозо* / ber'an' er'amozo / 'плохая жизнь (его)', *куроконь тевть* / kurokon' t'evt' / 'срочные дела', *эрзянь од ломать* / er'z'an' od lomat' / [~ эрзянь од ломанть] 'эрзянская молодежь', *эрзянь и мокшень кель* / er'z'an' i mokšon' kel' / [~ эрзянь ды мокшонь кель] 'эрзянский и мокшанский язык' (ЧС, 1920–1921); – *эрзянь аватне* / er'z'an' avat'n'e / 'эрзянские женщины', *эрзянь морот* / er'z'an' morot / 'эрзянские песни', *эрзянь-мокшонь азортне* / er'z'an'-mokšon' azort'n'e / [~ эрзянь-мокшонь азортнэ] 'мордовские хозяева', *сермадыця ломань* / sermadic'a loman' / 'пишущий человек' (ЯС); *эрзянь валтнэ* / er'z'an' valtne / 'эрзянские слова', *рузонь ды эрзянь сокицатьне* / ruzon' di er'z'an' sokic'at'n'e / 'русские и эрзянские крестьяне', *ламо покш тевть* / lamo pokš t'evt' / 'много больших дел', *эрзянь мокишонь вийтне* / er'z'an'-mokšon' vijt'n'e / 'мордовские силы', *шачмо иень комулят* / šačmo ijen' komol'at / [~ чачома иень комолят] 'хмель хорошего урожая' (ЯТ); б) словосочетания, в составе которых выступают как эрзянские слова, так и русские заимствования, сравните: *трудоция ломать* / trud'ic'a lomat' / [~ трудоция ломанть] 'трудящиеся', *якстере армия* / jakst'er'e a'gmija / 'красная армия', *мастор лангонь буржуазия* / mastor langon' buržuaz'ija / 'мировая буржуазия', *инязоронь правительствась* / in'azoron' pravit'el'stvas' / 'царское правительство', *чугункань кить* / čugunkan' kit' / 'железные дороги' (ЧС: 1920–1921); *беспартийной од ломать* / bespart'ijnoj od lomat' / [~ беспартийной од ломанть] 'беспартийная молодежь', *пакишань садприют* / pakšan' sad-pr'ijut / 'детские приюты', *велень ячейкань коммунистне* / vel'en' jačjkan' kom-mun'istn'e / [~ велень ячейкань коммунистнэ] 'коммунисты сельской ячейки', *эрзянь пакишат и училинят* / er'z'an' pakšat i učil'n'at / [~ эрзянь эйкакшт ды училищат] 'эрзянские дети и школы' (ЯС); *эрзянь-мокшонь народысь* / er'z'an'-mokšon' narodis' / [~ эрзянь-мокшонь народось] 'мордва', *инязоронь хранитель* / in'azoron' hran'it'el' / [~ инязоронь ванстыця] 'хранитель царя', *паро племань скотинат* / paro pl'emān' skot'inat / 'скот хорошего племени', *правильной ломань* / pravil'noj loman' / [~ виде ломань] 'правильный человек', *каждой грамотной эрзя* / kažnoj gramotnoj er'z'a / [~ эрвя грамотной эрзя] 'каждый грамотный эрзянин' (ЯТ); *вельсоветэнь прявтось* / vel'soveten' pr'avtos' / [~ сельсоветэнь прявтось] 'глава сельсовета', *келень конференция* / kel'en' konfer'enc'ija / 'языковая конференция', *таркань организациятне* / tarkan' organ'izac'ijat'n'e / 'местные организации', *калгодо контроль* / kalgodo kontrol' / 'жесткий контроль' (ЭК, 1932–1938); в) словосочетания, состоящие только из заимствований: *Советонь Республика* / soveton' r'espubl'ika / [~ Советэнь Республика] 'Республика Советов', *сельской хозяйстванок* / s'el'skoj hoz'ajstvanok / 'сельское хозяйство (наше)', *беспартийной крестьят* / bespart'ijnoj kr'es't'jat / [~ беспартийной крестьянинт] 'беспартийные крестьяне', *революциянь дисциплина* / r'evol'uc'ijan' d'is'c'ipl'ina / 'революционная дисциплина', *технической училищат* / t'eħn'českoj učil'shčat / 'технические училища' (ЧС, 1920–1921); *волостной комитет* / volostnoj komit'et / 'волостной комитет', *ветеринарной ферчол* / vet'er'ernarnoj ferčol / [~ ветеринарной фельдшер] 'ветеринарный врач', *весе европань народтнэ* / ves'e evropān' narotne / [~ весе Европань народтнэ] 'народы всей Европы' (ЯС); *бороцямонь задачатне* / boroc'amon' zadačt'n'e / 'задачи борьбы', *кулаконь праздниктне* / kulakon' praz'd'n'ikt'n'e / 'кулацкие праздники', *свиносовхозонь ячейкась* / s'vinosovhozon' jačejkas' / 'ячейка свиносовхоза', *терминологиянь вопросось* / t'erminologijan' voprosos' / 'терминологический вопрос', *буржуазной классонть* / buržuaznoj klasson't' / 'буржуазный класс', *комсомолонь организациясь* / komsomolon' organ'izac'ijas' / 'комсомольская организация' (ЭК, 1932–1938).

Глагольные словосочетания. Глагольные словосочетания, как и субстантивные, изобилуют в текстах рассматриваемых газет. По лексическому составу их можно разделить на три вида: а) словосочетания, состоящие только из исконных эрзянских слов: *тонавтнетъ сёрмас* / tonavtn'et' s'ormas / [~ тонавнтить сермас] 'учатся писать', *эряви пурнамс и сасамс икельсетнень* / er'avi purnams i sasams i kel'set'n'en' / [~ эряви пурнамс ды сасамс икельсетнень] 'нужно собрать и догнать впереди идущих', *панинк сермас амаштыцянтъ* / panink s'ormas amašt'ic'ant' / 'прогоните неграмотного', *а эряви емафнемс шкантъ* / a er'avi jomafn'ems škant' / 'не нужно терять время', *эряве сюпалгадомс мекев* / er'ave

s'upalgadoms mekev / [~ эряви сьупалгадомс мекев] 'нужно разбогатеть снова' (ЧС, 1920–1921); *ветятадизь паро ерямо чис* / vet'atadiz' paro er'amo čis / [~ ветятадизь паро эрямочис] 'приведут вас к хорошей жизни', *эряви невтемс* / er'avi n'evt'ems / 'нужно показать' (ЯС, 1921–1924); *тонавтнек, тонавтнек вадрясто* / tonavt'n'ek, tonavt'n'ek vadr'asto / 'учись, учись хорошо', *кармамс тонавтомом пакшатненъ* / karmams tonavtomo pakšatn'en' / 'начать учить детей', *ветявлимизь паро эрямос* / vet'avl'imiz' paro er'amos / 'привели бы к хорошей жизни' (ЯТ); б) словосочетания, в составе которых выступают как эрзянские слова, так и русские заимствования: *бороцямс стака* / bogoc'ams staka / 'бороться тяжело', *пряцынек войнанть* / pr'acin'ek vojnan't' / [~ прядсынек войнанть] 'закончим войну', *эряве кепедемс сельской хозяйстванок* / er'ave keped'ems s'el'skoj hoz'ajstvanok / [~ эряви кепедемс сельской хозяйстванок] 'нужно поднять наше сельское хозяйство', *тонавтеть учительть* / tonavt'et' učit'el't' / [~ тонавтеть учительть] 'учат учителей' (ЧС, 1920–1921); *просили минь сермадыця ломань* / pr'osil'i min' s'ormadic'a loman' / 'просили мы пишущего человека', *помогамс те тевсень* / pomogams t'e t'evsen't' / 'помогать в этом деле', *сермадыть латинский буквава* / s'ormadit' lat'inskij bukvasa / [~ сермадыть латинской букваво] 'пишут латинской буквой' (ЯС); в) словосочетания, состоящие только из заимствований: *печатэть книгат* / pečatet' kn'igat / [~ печатэть книгат] 'печатают книги', *строеть училищат* / strojet' učil'iščat / [~ строить училищат] 'строят училища', *подчиняется природань законотень* / podč'in'aets'a prirodan' zakonon't'en' / 'подчиняется закону природы' (ЧС, 1920–1921); *сильнойгавтымс роботась* / s'il'nojgavtims robotas' / [~ сильнойгавтомс роботась] 'усилить работу', *готовамс пара работникть* / gotovams para robotn'ikt' / [~ готовамс паро работникть] 'подготовить хороших работников', *как можна примаманда латинский шриффт* / kak možna pr'imamanda lat'inskij šr'ift / [~ кода можна примамс латинской шриффт] 'как можно принять латинский шрифт' (ЯС); *думить пособлямо* / dunit' posobl'amo / [~ арсить лездамо] 'думают помочь', *прибавамс агрономт* / pribavams agronomt / 'прибавить агрономов', *помогасть учительтненень* / pomogas't' učit'el't'n'en'en' / [~ лездасть учительтненень] 'помогли учителям', *можно прибавамс 1 фунт* / možna pr'ibavams 1 funt / 'можно прибавить 1 фунт' (ЯТ, 1921–1931).

Ниже иллюстрируются отдельные примеры рассматриваемых словосочетаний в предложениях: *Эрзянь од ломатъ* / od lomat' / [~ од ломанть] *минек од эрямось те од ломатненъ союз (союз молодежи), миненек весемненъ* / ves'emn'en' / [~ весемненень] *эряви тов совамс*. (ЧС, 1921: 1). 'Эрзянская молодежь, наша новая жизнь – это союз молодежи, нам всем нужно туда вступить'; *Ламо беспартийной крестьят* / bespar'tijnoj kr'es't'jat / [~ беспартийной крестьянинт] *кортасть с'ездсэ сельской хозяйстводо...* (ЧС 1921: 1). 'Многие беспартийные крестьяне говорили на съезде о сельском хозяйстве...'; *Просили минь сермадыця ломань – фершел* / s'ormadic'a loman' feršel / [~ сермадыця ломань фельдшер] *сермадстумс тенек «Велень правда» ды «Мода и Воля...»* (ЯС, 1922: 4). 'Просили мы пишущего человека – фельдшера – выписать нам «Сельскую правду» и «Землю и волю...»; *Весе европань наронтэ* / ves'e evropan' narotne / [~ весе Европань народтнэ], *ялгат, сермадыть латинской буквава...* (ЯС, 1922: 10). 'Народы всей Европы, товарищи, пишут латинскими буквами...'; *Рузонь ды эрзянь сокицятне* / ruzon' di er'z'an' sokic'at'n'e / [~ рузонь ды эрзянь сокицятне] *теке моданть сокить, вейке паксясо роботыть...* (ЯТ, 1923: 1). 'Русские и эрзянские крестьяне эту же землю пахуют, в одном поле работают...'; *Те букваренть марто кажной грамотной эрзя* / kažnoj gramotnoj er'z'a / [~ эрзя грамотной эрзя] *шутя тонафцыньзе* / šut'a tonafcin'z'e / [~ шождынестэ тонавтсынзе] *сонцинзе пакшатненъ ловномо-сермадомо* (ЯТ, 1923: 6). 'С этим букварем каждый грамотный эрзянин шутя научит своих детей читать-писать'; *Остаткакс, кода моли государствав модамарень анокстамось* / madamar'en' anokstamos' (ЭК, 1993: 134). 'Напоследок, как идет заготовка картофеля для государства'; *Терминологиянь вопросось* / t'erminologijan' voprosos' *истямо вопрос – понятиядо вопрос* (ЭК, 1934, с. 56). 'Терминологический вопрос такой вопрос – вопрос о понятии'; *Минек эряви пурнамс виенек и сасамс икельсетненъ* / er'avi purnams vijenek i sasams ikel's'et'n'en' (ЧС, 1921: 1). 'Нам нужно собрать свои силы и догнать передовиков'; *Сынь аволь вейкекто тонавтозь* / avol' vejkecto tonavtoz' / [~ аволь вейкетстэ тонавтозь] (ЧС, 1921: 2). 'Они не одинаково обучены'; *Природась эрзяненъ се шкане максць* / škan'e maks'c' / [~ шкасто макссь] *эрыва мезе, сон дажи кастынзе покшто и мазыйстэ* / kastin'z'e rokšsto i mazijsate / [~ кастынзе покшто ды мазыйстэ] (ЧС, 1921: 2). 'Природа эрзянам в то время дала все, она даже вырастила их большими и красивыми'; *Эряви значит помогамс, парсте сермадстумс* / par's't'e s'ormadstums / [~ парсте сермадстомс] *газетесь* (ЯС, 1922: 4). 'Нужно значит помогать, хорошо подписаться на газету'; *Рамамс почтваста бланка, сермадумс редакциять* / ramams počtvasta blanka, s'ormadoms r'edake'ijan't' / [~ рамамс почтасто бланка, сермадомс редакциять] *и сонценза адристынтъ, зяра кучумс ярмакт* (ЯС, 1922: 4). 'Купить на почте бланк, надписать редакцию и сам адрес, сколько выслать денег'; *Лама время эрыва эрзянь пакшетня* / pakšet'n'a / [~ пакшатненъ], *штоба тонадумс бойкаста ловнома и чаркудимя* / tonadums bojkasta lovnoma i čarkudim'a / [~ тонадумс бойкасто ловномо ды чаркодеме] (ЯС, 1619: 22). 'Много нужно времени эрзянскому ребенку, чтобы научиться быстро читать и понимать'; *Киненьгак ней а кармафтови якамо эрзянь паранцо* / panarco / [~ панарсо], *се авась, конась вишкинестэ кармась якамо рускс* / viškin'este karmas' jakamo rusks / [~ вишкинестэ

кармась якамо рузкс] (ЯТ, 1922: 20). 'Никто теперь не заставит ходить в эрзянской рубашке ту женщину, которая маленькой стала ходить по-русски'; *Родной валтне молитъ пакшанть превезэнзэ, со-вить седееэнзэ / sovít' s'ed'ejezenze* (ЯТ, 1923: 6). 'Родные слова идут ребенку на ум, проникают в его сердце'; *Эряви парсте аравтомс газетнень келест / er'aví par's't'e aravtoms gaz'etnen' kel'est* / [~ эряви парсте аравтомс газетатнень келест] *ды школасо мокиэрзянь келень тонавтума теветъ* (ЭК, 1932: 57). 'Нужно хорошо поставить язык газет и дело изучения мордовских языков'; *Анокстамс ды кастомс национальной од кадрат / anokstams di kastoms nac'ional'noj od kadrat* (ЭК, 1933: 120). 'Подготовить и вырастить новые национальные кадры'; *Листяно весе трибуна лангс, евтасынек виде валлонок / l'is't' ano ves'e tr'ibuna langs, jovtasin'ek vid'e valonok / эсь произведениядо, макстано домка критика / makstano domka kr'it'ika / литературной весе продукциянь кувалма* (ЭК 1936: 82). 'Выйдем все на трибуну, выскажем прямые слова о своих произведениях, дадим глубокую критику на всю литературную продукцию'.

Приведенные примеры субстантивных и глагольных словосочетаний в материалах первых эрзянских газет наглядно показывают, что в лексическом составе эрзянского языка наличествуют как исконные лексические элементы, так и заимствования. Уже в начале XX в. в его диалектную систему обильно проникли заимствования из русского языка. Значительное число заимствовано по необходимости из-за отсутствия исконных терминов, например, *армия, буржуазия, книга, коммунист, совет*. Однако большое количество русских слов использовано без надобности, так как их эквиваленты наличествовали в самом эрзянском языке, сравните: *трудоця ~ важодыця* 'трудящийся'; *правильной ~ виде* 'правильный'; *плема ~ сьме* 'племя'; *народ ~ раське* 'народ'; *бороцямс ~ тюремс* 'бороться'; *учитель ~ тонавтыця* 'учитель'; *помогамс ~ лездамс* 'помогать' и т. д.

Сокращения

ЧС – «Чинь сьтямо» (Восход солнца), ЭК – «Эрзянь коммуна» (Эрзянская коммуна), ЯС – «Якстере сокиця» (Красный пахарь), ЯТ – «Якстере теште» (Красная звезда).

Библиография

- Бубрих Д. В. Звуки и формы эрзянской речи (по говору с. Козловки Козловского района Мордовской обл.). М.: Центр. изд-во народов СССР, 1930. 66 с.
- Бузаков И. С. Сложное предложение в мордовских языках. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. 177 с.
- Коляденков М. Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков: синтаксис. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1954. 332 с.
- Коляденков М. Н. Структура простого предложения в мордовских языках. Предложение и его главные члены. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. 290 с.
- Мосин М. В. Лексические особенности газетных текстов 20–30-х годов XX века на эрзянском языке // Русский язык в контексте национальной культуры. Саранск, 2010. С. 14–21.
- Мосин М. В. Эрзянский язык в национальной газете 1920–2008 гг.: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 240 с.
- Феокистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (ранний период). М.: Наука, 1976. 259 с.
- Шеянова Т. М. Развитие лексики эрзя-мордовского литературного языка в советскую эпоху. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 182 с.

Н. М. Мосина

СЕМАНТИКА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ НЕЙТРАЛА КАК ОДНОГО ИЗ КОМПОНЕНТОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье исследуется семантика и морфологические способы выражения нейтрала как одного из компонентов семантической структуры предложения, определяются структуры, в которых возможна роль нейтрала, анализируются способы выражения данного семантического падежа на материале эрзянского языка.

Ключевые слова: семантический падеж, структура предложения, нейтрал, эрзянский язык.

N. M. Mosina

SEMANTICS AND MEANS OF EXPRESSION OF NEUTRAL AS ONE OF THE COMPONENTS OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF SENTENCES IN THE ERZYA LANGUAGE

Abstract. The article studies the semantics and morphological means of expressing neutral as one of the components of the semantic structure of the sentence. The structures in which the role of the neutral is possible are determined. The ways of expression of this semantic case on the material of the Erzya language are analyzed.

Keywords: semantic case, the structure of the sentence, neutral, the Erzya language.

В работах большинства ученых признается, что смысл предложения имеет сложную структуру, которую называют семантической, смысловой или глубинной структурой. Описание структуры предложения начинается с глагола, который является центром фразы, затем объектом описания становятся подчиненные глаголу актанты и сирконстанты. В исследованиях, проводившихся в течение последних десятилетий, особое внимание уделяется понятию актанта, которое было введено Л. Теньером и стало

очень существенным для вербоцентрической теории предложения [Теньер, 1998]. Актант – это языковое выражение или элемент смысла, заполняющий валентность предикатного слова. Это понятие в разных теориях существует под разными терминами (глубинный падеж, предметное место, предикантум, роль, аргумент, релятема и др.), и его значения варьируются.

Нейтрал – актант, одушевленное существо или неодушевленный предмет, входящий в группу аргументов-субъектов, участник существования или процесса, на которого действие не влияет. Необходимость в выделении данного глубинного падежа в нашем исследовании объясняется прежде всего тем, что это так называемая остаточная роль [Мосина, 2014].

Изучив различные классификации глубинных падежей в концепциях многих исследователей, становится очевидным, что роль нейтрала может соответствовать объективу [Fillmore, 1968], номинативу [Anderson, 1971], аффективу [Halliday, 1976], экзистенту [Хейнсоо, 1987], нейтралу [Kulonen, 1989].

Более четко семантика данного глубинного падежа была исследована на материале финского языка исследователями А. Хакулинемом и Ф. Карлссоном. По их мнению, в финском языке роль нейтрала до конца не определена. Он встречается в предложениях, содержащих предикатив (роль субъекта), в хабео-конструкциях (роль обладаемого) и экзистенциальных предложениях (роль грамматического субъекта), т. е. во всех тех случаях, когда актант не обладает теми же характеристиками, какими обладает агентив [Hakulinen, Karlsson, 1995, с. 102–104].

На материале русского языка данный глубинный падеж рассмотрел А. Мустайоки. По его мнению, нейтрал – это актант, который является предметом речи, высказывания. Наряду с такими ролями как агентив и экспериенсив, в функции подлежащего предложений часто выступают актанты, которые ничего не делают и ничего не чувствуют, в том числе в случаях, когда предикат обозначает физическое состояние, существование, характеристику или идентификацию актанта [Мустайоки, 2006, с. 164, 173].

Учитывая семантические характеристики предикатов можно выделить три типа структур, в состав которых входит нейтрал: 1) экзистенциальные (бытийные) предложения; 2) хабео-конструкции; 3) предикативные предложения.

В экзистенциальных или бытийных предложениях утверждается существование в мире или отдельном его фрагменте объектов, наделенных определенными признаками, т. е. принадлежащих тому или другому классу. Выражение существования относится к основным семантическим категориям языка. В структуре бытийных предложений выделяются три компонента: локализатор (именующий область бытия), имя бытующего предмета и бытийный глагол. В нашем исследовании имя бытующего предмета соответствует роли нейтрала.

Рассмотрим семантические и грамматические характеристики нейтрала в отмеченных семантических структурах.

1. Экзистенциальные (бытийные) предложения. Наиболее распространенными конструкциями, передающими значение существования, являются экзистенциальные или бытийные предложения. Несмотря на то, что данные конструкции не выделяются в качестве семантических типов предложений в мордовских языках, нам удалось выделить большое количество предложений данного типа. При выражении существования в экзистенциальном предложении обычно используется обратный порядок слов, когда в начале предложения имеется аргумент со значением места или локализатор, далее следует бытийный предикат и нейтрал или так называемый бытующий предмет. Имя с семантикой локализатора принимает формы местных падежей, а также различных послеложных конструкций [Мосина, 2008, с. 111]. В качестве бытийного предиката в эрзянском языке чаще всего встречается глагол *улемс* ‘быть’. Нейтрал выступает в форме номинатива единственного или множественного числа, например: *Минек ютксо ульнесь Советской Армиянь оришамопельсэ капитан*. ‘Среди нас был капитан в форме Советской Армии’; *Превей ёвтавктнэнь ютксо улить истяткак, конат невтит кавто чачонь ломанть, манчицят*. ‘Среди умных сказок бывают и такие, которые показывают двуличных людей, обманщиков’; *Орозбиень чивалгома ёно ули Таишэдьлей*. ‘На западной стороне Урусова есть речка Суралейка’.

В экзистенциальных предложениях наряду с бытийным глаголом *улемс* ‘быть’ могут использоваться и другие предикаты, например *касомс* ‘расти’, *ливтемс* ‘летать’, *эрямс* ‘жить’ и др. Подобное явление также распространено в экзистенциальных предложениях финского языка, где в качестве предикатов могут выступать различные непереходные глаголы, например *tulla* ‘приходить’, *ilmestyä* ‘появляться, выходить’, *aiheutua* ‘происходить’ [VISK, 893]: *Тунда чевгель тарадтнэва пургондыть васень вишка лопинеть*. ‘Весной на ветках калины появляются первые маленькие листочки’; *Минек пиресэ кассь умарина*. ‘В нашем саду выросла яблоня’; *Эрвя чистэ менельганть ливтить нармунть – тиринь масторов велявтыть, секс кенярдозь пижнить, гайгезь гайгить...* ‘Каждый день по небу летят птицы – возвращаются на родную землю, поэтому радостно кричат, громко поют’; *Минек шабрасо эрясь Федя атя, пек раксия ломань*. ‘У нас в соседях жил дед Федя, очень смешливый человек’.

В конструкциях с существованием часто речь идет о количестве, выражаемом числительными, наречиями или количественными именами. В экзистенциальных предложениях, имеющих обратный порядок слов, нейтрал маркируется комплетивным словосочетанием «числительное/наречие + имя существительное во множественном числе» [Мосина, 2013, с. 98]: *Тосо ульнесь вете цёрат*. ‘Там было

пятеро мужчин»; *Вейке снимканть лангсо сэрей тумо вакссо аштить ламо ломанть*. 'На одном снимке около высокого дуба стоит много людей'; *Мастор лангсо ламо велеть*. 'На земле много сел'; *Минек пиресэ касыть колмо чевгель чувтт*. 'В нашем саду растут три (деревя) калины'.

Семантическая роль нейтрала была выявлена и в так называемых кванторных предложениях – конструкциях, выражающих количество, где используется прямой порядок слов и субъект расположен в начале предложения. Слово, означающее количество, стоит в конце предложения, это, как правило, числительное, наречие или количественное имя. Нейтрал, выполняя функцию неопределенного субъекта, в данных структурах выражается исчисляемыми именами существительными в форме аблатива множественного числа: *Тесэ кудотнеде ульнесть колоньгеменьшка*. 'Здесь домов было около двадцати'; *Класстнэсэ тонавтницятнеде аламольть, сисемень-сисем* 'В классах учеников было мало, по семь (человек)'; *Икелень шкане минек ёнояк калтнэде ульнесть байтяк* 'В прежние времена и в нашей стороне рыбы было достаточно'.

Нейтрал также маркируется местоимением с послелогом *эйстэ* – аналогом аблатива. Местоимение может опускаться: *Минек эйстэ ламо*. 'Нас много'; *Эйстэст ульнесть комсешка*. 'Их было около двадцати'; *...эйстэнек ульнесть малав тыща*. '...нас было приблизительно тысяча'.

2. Хабео-конструкции. В хабео-конструкциях, которые могут трактоваться как подкатегория существования, также используется обратный порядок слов: обладатель расположен в начале предложения, а обладаемое, в данном случае нейтрал, в конце предложения: *Эрва раськенть ули инжень вастома коезэ*. 'У каждого народа есть свои обычаи для встречи гостей'; *Канаклейкасо Шанжавонь роднянзо арасельть — авазо умок тоначисэ, тетянзо эзизе некиннеяк*. 'В Канаклейке у Шанжава родни (его) не было – мать давно на том свете, отца он и не видал'; *Ванянь ульнесть трактористэнь праванзо* 'У Вани были права (его) тракториста'; *Макар лелянь свал ульнесть ламо якицянзо* 'У брата Макара всегда было много посетителей (его)'.

3. Предикативные предложения. Роль нейтрал выявляется в предикативных предложениях, где при описании физических состояний наблюдается прямой порядок слов и нейтрал, выполняя функции субъекта, выражается номинативом единственного или множественного числа определенного, неопределенного или притяжательного склонения. Предикатив чаще всего выражается прилагательным, а также именем существительным: *Цёрынесь тюрякс начколь* 'Мальчик до нитки был мокрый'; *Ведесь кельме, кежсей, певтеме* 'Вода холодная, злая, бескрайняя'; *Чись пси ды маней* 'День жаркий и солнечный'; *Ушонь кенкишесь панжадолъ* 'Входная дверь была открыта'; *Лецямо шкантень сон истя берякалиль* 'Во времени лечения он становился плохим'; *Панароткак нек рудазов* 'И рубашка (твоя) очень грязная'.

Физическое состояние может описываться только для части нейтрала, в данном случае части тела человека: *Монь копорем аволь начко* 'Моя спина (моя) не мокрая'; *...рунгом шожда, кедтне-пильтне ливчанят, виевть* '...тело (мое) – легкое, ноги, руки – гибкие, сильные'; *Пильгензэ кувакат-кувакат*. 'Ноги (его) длинные-длинные'; *Кедтне кувакат, ёроковт, эрва мезес сатыцят ды кундыцят*. 'Руки длинные, умелые, хоть куда достанут и схватят'; *...икеле оянтъ чертне видельть, ашольть, ней сынъ кудрявольть*. '...раньше волосы друга были прямые, белые, сейчас они кудрявые'; *Кедензэ-пильгензэ прок желгат, мокиннэнзо теке безьменень гирят* 'Ноги, руки (его) как жерди, кулаки (его) как гири безмена'.

Как показывают примеры, нейтрал характеризуется наличием самых разнообразных морфологических способов выражения. Нейтрал может выражаться номинативом, аблативом, комплетивным словосочетанием. Это объясняется, прежде всего, тем, что нейтрал является актантом, который может выступать как одушевленное и неодушевленное существо в различных типах предложений. Наиболее распространенными типами предложений, в структуру которых входит данный падеж, являются экзистенциальные (бытийные) предложения, хабео-конструкции и предикативные предложения.

Библиография

- Мосина Н. М. Выражение темпоральности местными падежами в финском и эрзянском языках / Pars V. Linguistica. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. гос. ун-та, 2008. С. 111–119.
- Мосина Н. М. Семантика глубинных падежей и морфологические средства их выражения в эрзянском языке: дис... д-ра филол. наук. Саранск, 2014. 321 с.
- Мосина Н. М. Система глубинных падежей в эрзянском языке: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 224 с.
- Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Яз. слав. культуры; Studia philologica, 2006. 512 с.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 653 с.
- Хейнсоо Х. Ю. Взаимоотношения сказуемого и подлежащего в водском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Тарту, 1987. 14 с.
- Anderson J. M. The Grammar of Case: Towards a Localist Theory. L.: Camb. Univ. Pr., 1971. 256 p.
- Fillmore Ch. I. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory. N. Y., L., Toronto, 1968. P. 1–88.
- Hakulinen A. Nykysuomen lauseoppi. Helsinki: Suom. Kirjal. S., 1995. 418 s.
- Halliday M. A. K. English System Networks // System and function in language. L.: Oxford Univ. Press, 1976. P. 101–135.
- Kulonen U. M. The passive in ob-ugrian. Helsinki: Suom. Ugril. S., 1989. 332 s.

КОММУНИКЕМЫ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Проблема коммуникем начала интересовать лингвистов давно. В классификационной схеме предложений они даются как разновидность односоставных предложений. Коммуникемы чрезвычайно активны в устно-разговорной форме общения, что делает проблему их изучения актуальной задачей языкознания на любом этапе его развития. Настоящая статья ставит своей целью изучение функционирования коммуникем современного чувашского языка с точки зрения структурно-семантических и изобразительных особенностей. В связи с поставленными задачами в статье использовались следующие методы исследования: метод лингвистического наблюдения и описания, сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий увидеть признаки сходства и различия рассматриваемых единиц языка.

Ключевые слова: коммуникема, коммуникативная грамматика, экспрессивность, изобразительность, контактоустанавливающая функция языка, актуальное членение предложения.

G. N. Semenova

KOMMUNIKEMAS IN THE CHUVASH LANGUAGE: STRUCTURAL AND SEMANTIC AND FIGURATIVE ASPECTS

Abstract. The problem of kommunikemas has been of interest for linguists for a long time. In the classification scheme of sentences, they are presented as a kind of one-member sentences. Kommunikemas are extremely active in the colloquial form of communication, which makes the problem of their study a relevant objective of linguistics at any stage of its development. This article aims at studying the functioning of modern Chuvash language kommunikemas from the point of view of their structural and semantic and graphic features. In connection with the tasks to solve, the following research methods were used in the article: the method of linguistic observation and description, a comparative-contrastive method, which allows to find signs of similarity and difference of language units under consideration.

Keywords: kommunikema, communicative grammar, expressiveness, figurativeness, contact-setting function of the language, actual division of the sentence.

Одной из важнейших проблем современной лингвистической науки является изучение и описание особенностей разговорной речи, ее нормативных и аномальных явлений. Особенное внимание на современном этапе уделяется исследованию синтаксического строя речи, его коммуникативным аспектам, условиям реализации языковых единиц в речи. Контакттоустанавливающая (фатическая) функция языка относится к базовым функциям языка, так как является основной для установления контакта между собеседниками и создания коммуникативнообусловленной речевой ситуации. Фатическая речь признается значимой в приветствиях, поздравлениях, в дежурных разговорах о погоде, беседах в городском транспорте и других публичных местах, иными словами, общение идет ради общения, оно сознательно или несознательно направлено на установление или поддержание контакта [Мечковская, 1996, с. 19–20].

В этих ситуациях к средствам реализации речи относятся так называемые коммуникемы. Термин «коммуникема» был введен В. Ю. Меликяном, автором «Словаря эмоционально-экспрессивных оборотов живой речи» (2001), где автором впервые собрано более 650 нечленимых предложений, которые названы коммуникативами, выражающими значения утверждения, отрицания, оценки и т. д. Исследование этих единиц было начато еще в работах А. М. Пешковского, Ф. И. Буслаева, Л. П. Якубинского. В последние десятилетия наблюдается повышенное внимание лингвистов к проблеме изучения данных лингвистических единиц, где они получают самую разнообразную интерпретацию и квалификацию и встречаются под названиями нечленимых предложений, релятивов, слов-предложений, междометных предложений, коммуникатов, фразоидов, реплик-клише, вторичных междометий. Этот факт говорит о том, что и в настоящее время среди ученых, разрабатывающих проблему появления и функционирования коммуникем, не сложилось единого мнения о сущности рассматриваемых единиц, нет единой терминосистемы, не определено также место этих конструкций в системе других синтаксических единиц.

За основу в данной статье мы взяли следующее определение понятия «коммуникема»: «Нечленимое неноминативное предложение, которое представляет собой пласт экспрессивных языковых единиц, широко употребляемых в разговорной речи, они отражают специфику языка, языкового мышления коммуникантов, стратегии общения между людьми, а также уровень эмоциональности носителей того или иного языка» [Меликян, 2000, с. 75]. Из этого определения следует, что коммуникемы воспринимаются языковым сознанием прежде всего как особые конструкции коммуникативного синтаксиса, основные характеристики которых – экспрессивность, эмоциональность, экономность, фразеологизированность.

Наблюдения над рассматриваемыми единицами в чувашских источниках позволяет констатировать, что они различаются с точки зрения функциональных возможностей и могут использоваться:

1) в качестве самостоятельных высказываний: *Сăкăртан тутли мён пултăр?* ‘Что может быть вкуснее хлеба?’; *Ан тёлёнтерсе тăр.* ‘Не смей меня, пожалуйста’; *Пурăнаймастăн-ши вара пёччен?* ‘Неужели не проживу один?’;

2) только в качестве неизменяемой части фразеологизированного высказывания: *Турӑ пул, пуштар*. 'Будь милостив, собери'; *Турӑ пулайштарчӑ, ачам*. 'Пусть Бог поможет тебе';

3) как самостоятельное высказывание или как его часть: *Апачӑ тутта кайтар, ачамсем*. 'Приятного аппетита, дети мои'; *Чӑлхе те вара сан!* 'Ну и язык у тебя!'

Коммуникативы обладают способностью к структурному, лексическому, фонетическому, а также лексико-грамматическому варьированию. Кроме того, многие характерные черты коммуникем, создающие специфику этих единиц, обусловлены особенностями той синтаксической конструкции, которая выступает в качестве ее производящей основы. Между ними (коммуникемой и ее производящей основой) существуют вполне объяснимые структурные, семантические, морфологические, синтаксические, функциональные и стилистические связи. Среди них можно встретить следующие семантические группы и подгруппы: волеизъявительные (приказ, просьба, запрет, разрешение, совет), контактоустанавливающие, вопросительные, побудительные, эмоционально-оценочные (угроза, страх, восхищение, возражение), утверждения и отрицания (утверждение, согласие, несогласие, возражение, сомнение, неуверенность), этикетные, текстообразующие.

Использование в речи коммуникативов с определенными семантическими характеристиками обусловлено особенностями речевого жанра, в рамках которого протекает общение. Так, например, выбор говорящими речевого жанра «конфликт» предполагает использование коммуникативов с основными значениями негативного оценочного характера, а жанр дружеской беседы стимулирует использование говорящими коммуникативов со значениями положительного характера. В свою очередь, употребление коммуникативов с семантикой положительного или отрицательного оценочного характера может быть расценено как своеобразное речевое действие, направленное на поощрение либо принижение собеседника (обиду, оскорбление, сожаление и т. д.). Это оказывает влияние на дальнейшее развитие речевой ситуации. Обратимся к некоторым примерам:

1) коммуникативов-риторических вопросов и восклицаний: *Ах тур кусене!* 'Ах чтобы их!'; *Ах туррах!* 'О Боже!'; *Ак тата!* 'Вот еще!'; *Ах пӗтрӗ пул!* 'О голова моя!'; *Ак япала!* 'Вот дела!' *Ак тата!* 'Вот те на!'; *Ашта унта!* 'Куда там!'; *Ан тӗлӗнтер!* 'Не удивляй-ка меня!'; *Вӑт ку сын тӑк сын!* 'Вот это человек так человек!'; *Сана мӗн ӗс?* 'Какое твое дело?'; *Мӗн пултӑр ӑна?* 'Что с ним случится?'; *Мӗн тӑвас?* *Ашта каяс?* 'Что делать? Куда податься?';

2) формул речевого этикета: *Тав сана. Тав пултӑр. Лайӑха пултӑр* (формулы благодарности); *Умӑнта пултӑр* (формула поминовения усопших) 'Да будет перед тобой, вами, им, ею'; *Сывӑлаха пултӑр*. 'Пусть будет на здоровье'; *Такӑр сул пултӑр*. 'В добрый путь'; *Алли ӗмӑл пултӑр* (формула благопожелания);

3) сожаления: *Э-э, тамаша, ан та калӑр*. 'Что и говорить'; *Мӑнтарӑн пулли*. 'Бедная рыбешка', *Ашта ӗк пуль эс, мӗскӗн чӑваш?* 'Где только тебя не носит, многострадальный чуваш?'

Отличительной чертой коммуникем в этимологическом аспекте является то, что языковая единица, на основе которой они были сформированы, не может замещать коммуникему в аналогичной синтаксической позиции. Первичное (прямое прочтение) коммуникем оказывается далеким от их актуального содержания, не является ему синонимичным в силу более высокой степени смысловых трансформаций, которые сопровождают их построение. Например, коммуникема *Ах тур!* 'Боже правый!', выражающая значение удивления, недоумения, неодобрения, негативной оценки, возмущения, испуга, не синонимична соответствующему обращению *Боже правый*, которое не может быть использовано (хотя бы даже приблизительно) вместо самой коммуникемы. В составе коммуникем часто встречается компонент *Турӑ* (в кратком варианте *Тур* ('Бог, Боже'): *Тупата Туршӑн, Турӑ тур, Тур ан хуштар, Тур калашле виӗсӗ, Тур каҫартӑр, Турӑ патӑр! Турӑ пӗлет, Тур ан хуштар, Тур ӗрлахтар, Тур пулайшан, Турӑ пул* и т. д. Эти коммуникемы употребляются в самых разных ситуациях и с самыми разными семантическими оттенками. Чувашский языковед Г. И. Федоров, автор нового толкового фразеологического словаря чувашского языка, квалифицирует эти единицы языка как фразеологизмы [Федоров, 2016]. С мнением авторитетного ученого вполне можно согласиться.

Естественно, в процессе общения человек пытается выразить свои эмоции, отношение к окружающим, к присутствующим. Человеческие переживания воспроизводятся в языке и культуре, без эмоций язык представляет собой мертвую схему, выхолощенную и безжизненную. По мнению большинства психологов, среди эмоций количественно преобладают отрицательные. Коммуникативов с отрицательной коннотацией (их можно квалифицировать как формулы проклятия) оказалось немало и в чувашском языке (вот некоторые примеры из выборки по словарю Н. И. Ашмарина): *Мур вӑрантар-и!* 'Чтоб тебя поразила повальная болезнь'; *Аса ӗапашшӗ* 'Чтобы тебя громом разразило!'; *Йыт ӗиешшӗ!* 'Чтобы тебя съела собака!'; *Ӗр витӗр каяшшӗ!* 'Чтобы тебя проглотила земля!'; *Карӑнса вилешшӗ!* 'Чтобы ему околеть'. Приведем также несколько примеров коммуникем-проклятий из только что упомянутого словаря Г. И. Федорова: *Ӗаврӑнса кайтар!* 'Черт с ним!'; *Ӗава тӗпне ӗсантар!* 'Пусть провалится в преисподнюю!'; *Туп аса ӗантар!* 'Чтоб тебя (ее, его, их) разразило громом!'; *Ӗамка ӗине*

мййраки шйттйр! 'Пусть на лбу вырастут рога!'. Продуктивны также структурные модели на *-асиё* (*-есиё*). Есть основание полагать, что это древнейшие словообразовательные модели причастно-деепричастных форм чувашского глагола: *Аса сйпманасиё!* 'Чтоб тебя разразило громом!'; *Сйр сйтманасиё!* 'Чтоб тебя проглотила земля!'; *Сйсй тивменесиё!* 'Чтоб тебя порезало ножом!'. Можно констатировать, что приведенные в качестве примеров синтаксические конструкции образованы по определенной фразеологизированной модели, и в результате приобретают идиоматичность и структуры, и семантики.

Замечено, что одна и та же коммуникема может выполнять противоположные функции. Так, например, коммуникема *Вот это да!* экспрессивно в разных ситуациях может одновременно выражать восхищение, удивление, недоумение, разочарование или пренебрежение. Таким образом, коммуникемы – это важная часть живого разговорного языка с широким диапазоном значений, выражаемых интонационно и в рамках определенной речевой ситуации, которая представляет собой стимул к ее порождению.

Относительно структуры исследуемых единиц можно утверждать, что многие из них представляют собой простые предложения или части сложноподчиненных предложений. Как известно, предложение – это коммуникативно-синтаксическая единица языка, но не единственная. Традиционно выделяются различные типы предложений, классификации которых базируются на различных основаниях. При этом речь, как правило, идет только о членимых единицах синтаксиса. Но кроме предложений, обладающих определенной схемой, существуют и нечленимые речения, составляющие отдельный класс коммуникативных единиц, характеризующихся особыми функциями, семантикой, формой, лексикой. Коммуникемы как раз представляют собой особый структурный тип предложений и не могут быть отнесены ни к односоставным, ни к двусоставным предложениям. Механизм формирования структуры и семантики коммуникем базируется на принципе тема-рематического членения ее производящего построения, в качестве которого чаще всего выступает простое членимое предложение. Из производящего предложения заимствуется лишь рематичный компонент его структуры. По мнению А. Н. Васильевой, «...тема может вообще опускаться (в разговорном диалоге нередко оперируют сплошными ремами). Вследствие этого ремы, наиболее часто и регулярно употребляемые, приобретают синтаксическую самостоятельность и формируют особую группу эмоционально-экспрессивных фраз...» [Васильева, 1976, с. 223]. Согласно утверждения В. Ю. Меликяна, такие свойства разговорной речи, как неподготовленность и эмоционально-экспрессивная насыщенность обуславливают чрезвычайную активность в ней актуального членения, которое часто преобладает над формально-грамматическим. При этом темой, как правило, служит любая часть предшествующего высказывания. А рема выносится на первое место в предложении благодаря усилению характера выражения личностного отношения говорящего, что является типичным для разговорной речи. Положение ремы в начале речения обеспечивает ее позиционную контактность с темой, находящейся в предшествующем высказывании. Это позволяет не включать тему в структуру высказывания [Меликян, 1999, с. 55–56]. Таким образом, коммуникема представляет собой как бы «сокращенный» вариант производящего построения.

Исследователи коммуникемы рассматривают как самостоятельный тип языковых единиц. Они строятся на основе уже имеющихся единиц различных языковых уровней (лексических единиц, фразеологизмов, предложений), а также на базе уникальных сочетаний лексем и словоформ, которые функционируют только в роли коммуникем. Являясь мощным средством эффективной реализации речевых намерений говорящего, коммуникемы выполняют в речи различные функции. Ведущей является прагматическая, что обусловлено их природой и статусом как единиц, относящихся к фразеологической подсистеме языка. Помимо характера семантического наполнения на прагматическую силу коммуникем влияет и характер внутренней формы. Исследуемые единицы представляют собой особый структурный тип предложений и не могут быть отнесены ни к односоставным, ни к двусоставным предложениям. Механизм формирования структуры и семантики коммуникем базируется на принципе тема-рематического членения ее производящего построения, в качестве которого чаще всего выступает простое членимое предложение. Из производящего предложения заимствуется лишь рематичный компонент его структуры.

Библиография

- Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976. 192 с.
Меликян В. Ю. К проблеме грамматической и словообразовательной парадигмы коммуникем. Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 43–53.
Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2 изд., испр. М.: Аспект Пресс, 1996. 207 с.
Федоров Г. И. Чйваш фразеологийён йнлантаруллй сймах кёнеки. 2 томлй. Шупашкар: Чйваш кёнеке изд.-ви, 2016.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОДНОМЕСТНЫХ СКРЕП В СОВРЕМЕННОМ МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается структура одноместных скреп современного марийского языка. Одноместные связующие средства включают в себя скрепы союзного и прономинального типов, которые в свою очередь делятся на одно- и многокомпонентные. Однокомпонентные скрепы довольно многочисленны и разнообразны, класс многокомпонентных состоит из небольшого количества скреп, которые представляют собой нечленимые идиоматичные комплексы из двух и более лексем.

Ключевые слова: структура, одноместные скрепы, союзного типа, прономинального типа, однокомпонентные, многокомпонентные, марийский язык.

G. A. Ertsikova

STRUCTURAL FEATURES OF SINGLE BONDS IN THE MODERN MARI LANGUAGE

Abstract. The article considers the structure of single bonds in the modern Mari language. Single binders include bonds of conjunction and pronominal types, which in their turn are divided into single and multi – component. Single-component bonds are quite numerous and diverse, the class of multi-component ones consists of a small number of bonds, which represent indivisible idiomatic complexes of two or more lexemes.

Keywords. structure, single bonds, of conjunction type, of pronominal type, single-component, multicomponent, the Mari language.

Структура показателей связи марийского языка до настоящего времени не подвергалась специальному исследованию. Некоторые замечания об искомым явлениях имеются в книге К. Е. Майтинской «Служебные слова в финно-угорских языках» [Майтинская, 1982, с. 105–110]. К. Е. Майтинская, рассматривая структурные особенности союзов финно-угорских языков, в том числе и марийского, отмечает, что они по данному признаку могут классифицироваться по двум параметрам: 1) по кратности и расчлененности / нерасчлененности употребления, на основе которого все союзы разделяются на однократно употребляющиеся, повторяющиеся, коррелятивные и сопоставительно-расчлененные; 2) по составу, среди которых выделяются простые, состоящие из одной корневой морфемы или из корневой морфемы и суффиксальных элементов, и сложные (составные), образовавшиеся путем переосмысления сочетания слов или предложений. Небольшие сведения о морфологическом составе союзов, об их употреблении в предложении даны в книге З. В. Учаева «Марий йылме» [Учаев, 1985, с. 153; Мустаев, 2013, с. 313]. Исследователи по морфологическому составу средства синтаксической связи классифицируют на простые (*но, да, ни, мо, я, ала, только, пуйто*) и составные (*туге гын, туге гынат, уке гын, садлан кѳра*), по употреблению – на одиночные (*а, но, да, але*), повторяющиеся (*ала...ала, ни... ни, тева... тева, то... то, але... але*), парные (*кунам... тунам, кузе... туге, мыняр... тунар*).

В настоящей работе за основу описания структуры союзных средств (или скреп) марийского языка взята классификация, представленная в [Черемисина, 1987, с. 136–180]. Эта классификация введена в научную практику русской грамматикой [Русская, 1980, т. 1, с. 718] и в настоящее время получила широкое распространение в академических изданиях [Завьялов, 2008, с. 15].

Таким образом скрепы марийского языка по своим структурным особенностям делятся на одноместные и неодноместные. Одноместные употребляются в одной из предикативных частей, неодноместные – в разных предикативных частях. Неодноместные скрепы подразделяются на двухместные и многоместные. Компоненты двухместных скреп распределяются между двумя предикативными частями, многоместных – в каждой из частей.

Цель настоящего исследования – рассмотреть структурные особенности одноместных скреп современного марийского языка.

Одноместные скрепы бывают союзного и прономинального типов. И те, и другие могут состоять из одного или нескольких компонентов.

К одноместным однокомпонентным скрепам союзного типа в марийском языке относится большинство простых скреп и такие сложные скрепы, в составе которых компоненты на современном этапе не выделяются. Вопреки тому, что «этимологическое деление с синтаксической точки зрения нерелевантно» [Черемисина, 1987, с. 139], отметим, что среди связующих средств данной группы имеют место как собственно марийские, так и заимствованные единицы. Кроме «настоящих» союзов, т. е. единиц не способных употребляться в других функциях, кроме союзной, сюда включаются и слова-гибриды – слова, способные выполнять и другие функции кроме союзной.

Скрепы рассматриваемого разряда по их расположению относительно присоединяемой части разделяются на препозитивные, пре- и интерпозитивные, постпозитивные.

Препозитивные показатели связи занимают положение перед присоединяемым компонентом. К этому разряду относится большинство скреп марийского языка: г., л. *а* ‘а’; г. *аль* / *али*, л. *але* ‘или’; г. *дä*, л. *да* ‘и, да; но, да’; г. *дон*, л. *ден* ‘и, да’; г. *если* ‘если’; г., л. *и* ‘и’; г., л. *ито* ‘ито’; г., л. *как* ‘как’; г., л. *керек* ‘хоть’; г., л. *но* ‘но’; г. *рас*, л. *раз* ‘раз, если’; л. *так* ‘так’; л. *я* ‘или’, например: г. *Вара учительвлän дä тыменьшйвлän концерт ли*. (А. Канюшков). ‘Потом был концерт учителей и учащихся’; *Мужкивлä ти ражышкы пыренйт, но бйшкымбйштбм тырынок виденйт*. (Н. Ильяков). ‘Пчелы залетели в эту дыру, но вели себя тихо’; л. *Осяндр ден Вома лектыт*. (А. Волков). ‘Выходят Осяндр и Вома’; *Теле игече коштан: таче ояр, а эрла пургыж тунгал кертеш*. (М. Казаков). ‘Зимняя погода неприятная: сегодня солнце, а завтра может начаться метель’.

Пре- и интерпозитивные скрепы в структуре предложения могут занимать и начальную, и срединную позицию: г., л. *ато* ‘а то’; г., л. *вет* ‘ведь, же’; г. *вуйта* / *вуйте*, л. *пуйто* ‘будто’; г., л. *зато* ‘зато’; г., л. *потомушто* ‘потому что’; г. *сйй* ‘ведь, как-никак, все-таки’; г., л. *только* ‘только’; г. *хотя* / *хоть*, л. *кеч* ‘хоть, хотя’.

Практически все скрепы данного типа (за исключением г., л. *зато* ‘зато’, г., л. *потомушто* ‘потому что’) – это союзы-частицы, т. е. слова, совмещающие функции союзов и частиц. М. И. Черемисина и Т. А. Колосова отмечают, что скрепы данного типа «обычно распространяют свое действие вправо, т. е. вперед. Если такой функтив предшествует всей ПЕ (предикативной единице. – Г. Э.), то вся ПЕ попадает в сферу действия модализатора или ограничителя (функтива или скрепы. – Г. Э.). Если же он стоит в середине, то “как частица” он воздействует только на правую часть. Но это нисколько не препятствует выполнению им одновременно и связующей функции. Поэтому способность функтива занимать разные позиции в предикативной части не должна автоматически исключать его оценку как союзной скрепы» [Черемисина, 1987, с. 141].

Отдельные союзы этой группы могут занимать и последнее место предложения-компонента, «если подчеркиваемое ими слово или сочетание слов отодвинуто к концу предложения» [Майтинская, 1982, с. 82]. Особенно это характерно для разговорной речи. В исследуемом языке относительно свободным расположением в предложении-компоненте обладают скрепы г., л. *ато* ‘а то’; г., л. *зато* ‘зато’; г., л. *потомушто* ‘потому что’, г., л. *только* ‘только’; г. *хотя/хоть*, л. *кеч* ‘хоть, хотя’, что обусловлено в первую очередь их происхождением. Все указанные единицы являются заимствованными из русского языка и «сохранили по русской модели некоторую свободу расположения в предложении» [Майтинская, 1982, с. 85], например: г. *Керälжбй – керäl пайшä, только вот ирокшы...* (Н. Ильяков). ‘Работа нужная, только вот утром-то...’, ср.: *Керälжбй – керäl пайшä, вот ирокшы только...* ‘Работа нужная, вот утром-то только...’; л. *Огыт возо, кеч караулым кычкыре*. (М. Шкетан). ‘Не пишут, хоть кричи караул’, ср.: *Огыт возо, караулым кычкыре кеч*. ‘Не пишут, кричи караул хоть’.

Следующая группа простых союзных скреп – постпозитивные: г. *гбйнь*, л. *гын* ‘если’; г. *гбйнят*, л. *гынат* ‘хоть, хотя’; г., л. *дык*, г. *дбйк* ‘если’; г., л. *манын* ‘так как; что’. Они в предложении-компоненте занимают замыкающее место.

Конечное расположение скреп г. *гбйнь*, л. *гын* ‘если’; г. *гбйнят*, л. *гынат* ‘хоть, хотя’ К. Е. Майтинская объясняет их происхождением: «...слово *гын* первоначально выступало в качестве частицы, употребляемой в вопросительных предложениях в замыкающем расположении; ...марийский союз *гынат* ‘хоть’ преобразовался из частицы *гынат*... Постпозитивное или конечное расположение частиц *гын*, *гынат* сохранилось и в замыкающем расположении союзов *гын*, *гынат*» [Майтинская, 1982, с. 86–87]. По нашему мнению, подобным образом объясняется и конечное расположение союзов г., л. *дык*, г. *дбйк* ‘если’. Известно, что лексема *дык* / *дбйк* восходит к русскому просторечному слову *дак* [Галкин, 1964, с. 182; Гордеев, 1983, т. 2, с. 276], который в языке-источнике выполняет функцию частицы в значении ‘вот, ведь’, в письменной речи она не употребляется, заменяется равнозначным словом ‘так’ [Толковый]. В марийском языке единицы л., г., в. *дык*, сз. *дбйк* функционируют не только в качестве частиц, но и союзов [Словарь, 1990, т. 1, с. 430], которые развились на базе заимствованных частиц уже в собственном языке. В предложении частицы л., г., в. *дык*, сз. *дбйк* ‘так, да, же’ обычно находятся в постпозиции к слову, значение которого усиливают и выделяют, такую же позицию они сохранили и в союзной функции. Союз *манын* ‘так как; что’ образовался из деепричастия *манын* ‘говоря’ [Галкин, 1964, с. 180], который в структуре предложения всегда находится в конце конструкции. Это место сохранилось и за союзом *манын* [Майтинская, 1982, с. 87], например: г. *Кечбй шбйнзäш цаца гбйнят, утла пбйцкätä*. (Н. Игнатьев). ‘Хоть и солнце уже садится, очень душно’; *Соты пырыжы манын, бдбйр окня кәрбйшбм шыпшылы*. (М. Кудряшов). ‘Чтобы стало светлее, девушка задернула занавески’; л. (Макси – Андрийлän:) *От инане гын, ике луд*. (А. Волков). ‘(Макси:) Если не веришь, читай сам’; *Вудым фермыш конден огыда керт дык, вуйышко ушыжымат шындыман огыл...* (П. Корнилов). ‘Если воды не сможете провести на ферму, и шапку не стоит надевать на голову...’

К постпозитивным скрепам необходимо отнести и союзные частицы г. *-am/-ät*, л. *-am/-ят* 'и'. Они, по сравнению с названными выше лексемами, являются прилепами – примыкают к выделяемому слову. Первоначально рассматриваемые единицы употреблялись в функции частицы с усилительно-выделительной семантикой, затем стали использоваться в значении перечисления при однородных членах и по аналогии в сложных предложениях для связи отдельных его компонентов [Диброва, Касаткин, Николина, Щеболева, 1961, с. 21]. Например: г. «*Токына валат*», – *Крофиня шаналтаат, окня дорцын карангеш*. (К. Беляев). «К нам идут», – подумала Крофина и отошла от окна»; л. *Омсам почмо йүк шоктышат, Альбина помыжалтме гай лие*. (В. Иванов). «Послышался звук открывающейся двери, и Альбина вздрогнула».

Союзные частицы имеют место и в других финно-угорских языках, но особенно часто используются в марийском, мордовских, прибалтийско-финских, саамском, хантыйском языках [Майтинская, 1982, с. 90].

В группу одноместных многокомпонентных скреп союзного типа в марийском языке входят составные союзы г. *веле агыл*, л. *веле (гына) огыл* 'не только', л. *молан манаш гын* 'потому что', г. *уке гынь*, л. *уке гын* 'иначе', которые представляют собой нечленимые идиоматичные комплексы из двух и более компонентов. Главными отличительными признаками составных союзов являются следующие признаки: 1) они не допускают изменения взаимного расположения компонентов; 2) между компонентами составного союза нельзя вставить каких-либо отрезков текста.

По их расположению относительно присоединяемой части скрепы рассматриваемой группы бывают препозитивные (л. *молан манаш гын* 'потому что', г. *уке гынь*, л. *уке гын* 'иначе') и постпозитивные (г. *веле агыл*, л. *веле (гына) огыл* 'не только'), например: г. *Майнйан пьесына веле агыл, яжо поэзийна улы*. (Н. Ильяков). «У нас не только пьесы, есть хорошая поэзия»; л. *А кугу кол тудым йората, молан манаш гын мланде йыл вашке ок коло*. (В. Иванов). «А большая рыба любит его, потому что земляной червь быстро не умирает»; *Шудым вашке удырен налаш күлеш. Уке гын изи йурат нортен кертеш*. (Н. Лекайн). «Надо быстрее сгрести сено. Иначе и мелкий дождь может намочить».

Одноместные однокомпонентные скрепы прономинального типа представляют собой союзные слова – местоимения и местоименные наречия, которые выполняя связующую функцию, сохраняют лексические значения, выступают в качестве членов предложения: г. *пока* 'пока'; л. *тыгак, тугак* 'также', г. *кү*, л. *кө* 'кто', г. *ма*, л. *мо* 'что', г. *махань*, л. *могай* 'какой', г. *кыды*, л. *кудо* 'который', г. *маняры, кынар(ы)*, л. *мыняре, кунар(е)* 'сколько', г. *кыце*, л. *кузе* 'как', г. *кынам*, л. *кунам* 'когда', г. *кышты*, л. *кушто* 'где', г. *кышкы*, л. *кушко* 'куда', г. *кышак*, л. *кушан* 'куда', г. *кышец*, л. *кушеч* 'откуда', г. *малын*, л. *молан* 'почему'.

Особое место среди связующих средств данной группы занимают скрепы г. *седьндон(о)*, л. *сандене, садлан* 'поэтому, потому, по причине этого, вследствие этого', г. *тйндон*, л. *тидлан, тудлан* 'поэтому, потому, по причине этого, вследствие этого, из-за этого', которые развились из местоименных конструкций (л. *садлан, тидлан, тудлан* < дативная форма указательных местоимений л. *саде, тудо* 'тот', *тиде* 'этот'; г. *седьндон(о)*, л. *сандене*, г. *тйндон* < указательные местоимения г. *седь*, л. *саде*, г. *тй(дь)* 'тот' + послелоги причинного значения г. *доно*, л. *дене* 'из-за' [Майтинская, 1982, с. 108; Сибатрова, 2016, с. 38], но в современном языке используются только как союзы.

В структуре предложения рассматриваемые единицы обычно занимают препозицию, но иногда, особенно в разговорной речи, могут стоять и в интерпозиции. Например: г. *Майжы (тыгыды кыткывля) яжон ёленя, Тйндон сусун мыреня*. (П. Першут). «Мы (муравьи) живем хорошо, поэтому весело поем», ср.: *Майжы (тыгыды кыткывля) яжон ёленя, сусун тйндон мыреня*. «Мы (муравьи) живем хорошо, весело поэтому поем»; л. *А йырым-йыр маке, роза, тыгак висвис да шергашвуйшудо кушкыт!* (В. Косоротов). «А вокруг маки, розы, также ромашки обычные и ромашки аптечные растут!», ср.: *А йырым-йыр маке, роза, висвис да шергашвуйшудо тыгак кушкыт!* «А вокруг маки, розы, ромашки обычные и ромашки аптечные также растут!»

Одноместные многокомпонентные скрепы прономинального типа – это устойчивые союзные единства, которые сочетают в себе компоненты местоименного происхождения: г. *тенге гынят*, л. *туге гынат* 'не смотря на это, тем не менее; в таком случае', г. *тенге (тйнге) гынь*, л. *туге гын* 'в таком случае, тогда, если так', г. *тидын (тиды, ти, тй) велдык, седь велдык, садлан көра, садлан лийын, садлан верчын* 'поэтому, потому, по причине этого, вследствие этого', л. *тидлан көра, тидлан лийын, тидлан верчын, тудлан верчын* 'поэтому, потому, по причине этого, вследствие этого, из-за этого'.

В структуре предложения эти скрепы обычно занимают интерпозицию – находятся в начале второго соединяемого компонента, но могут находиться и в конце или внутри одного из соединяемых частей, например: л. *Чодыра пеш шыгыр, корно неле. А шүм мура туге гынат*. (С. Вишневецкий). «Лес очень густой, дорога тяжелая. А душа поет не смотря на это».

Таким образом, одноместные скрепы марийского языка делятся на две группы – союзного и прономинального типов, каждая из которых бывает однокомпонентным и многокомпонентным. Одноместные однокомпонентные скрепы союзного типа представляют собой простые союзы, состоящие из одного, одно- или двусложного слова. В соответствии с их локализацией они разделяются на препозитивные, пре- и интерпозитивные, постпозитивные. Группу одноместных многокомпонентных скреп союзного типа составляют пре- и постпозитивные составные союзы, состоящие из двух и более семантически неразрывных компонентов. К одноместным однокомпонентным скрепам прономинального типа относятся союзные слова. Разряд многокомпонентных скреп представляют собой такие составные союзы, один из компонентов которых имеет местоименное происхождение.

Сокращения

В. – восточный диалект марийского языка, г. – горномарийский литературный язык, л. – луговосточный литературный язык, сз. – северо-западный диалект марийского языка.

Библиография

- Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. 203 с.
- Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. Т. 2. 256 с.
- Завьялов В. Н. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры русских союзов: моногр. Хабаровск, 2008. 242 с.
- Сибатрова С. С. Русские заимствования в системе союзов марийского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2016. Т. 10. Вып. 3. С. 30–41.
- Словарь марийского языка. Т. I: А – З / Гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990–2005.
- Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 152 с.
- Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 185 с.
- Мустаев Е. Н. Сопоставительное языкознание. Русский и марийский языки: учебное пособие / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2013. 396 с.
- Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 784 с.
- Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru>. Дата обращения 05.01.2018.
- Учаев З. В. Марий йылме: факультативный занятияым эртарыме учебный пособий. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 183 с.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

А. Д. Ахвандерова

ХАЛЬХИ ЧАВАШ ЧЁЛХИ СТИЛИСТИКИН ÇИВЁЧ ЫЙТĂВЁСЕМ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается проблема нарушения стилистической нормы при оформлении чувашского текста и причины ее возникновения.

Ключевые слова: стилистика, стилистические ошибки, речь, речевая культура, чувашский язык.

A. D. Ahvanderova

PROBLEMS OF STYLISTICS IN CONTEMPORARY CHUVASH LANGUAGE

Abstract. The article deals with the problem of stylistic norm violation when drafting the Chuvash text and their causes.

Keywords: stylistics, stylistic errors, speech, speech culture, the Chuvash language.

Стилистика чёлхе культурин тѣп хатѣрѣ шутланать, пѣтѣмѣшле чёлхе пѣлѣвѣнче хайне уйрăм вырăн йышăнать, вăл наци пуплев культурина теори тѣлѣшѣнчен аталанма пулăшакан шăнăр. Стилистика чёлхе культурипе питѣ тачă сыхăннă. Çырупа каласу чёлхин нормине пăхăнса (сасăсене орфоэпи правилине пăхăнса калани, пусăма тѣрѣс лартни, сăмахпа вырăнлă усă курни, грамматикапа стилистика законне пăхăнни), илемлѣх мелѣпе усă курса йѣркеленѣ пуплев кашни çыннăн пурнăçĕнче питѣ пысăк пѣлтерѣшлѣ. Çынсене килѣшÛллѣ хутшăнса пурăнма чёлхене, унăн лексикипе грамматикине пѣлни сĕç çителѣксĕр, вĕсен пѣр-пѣрне сăмахпа хавхалантарма, кăсăклантарма пултармалла, мĕншĕн тесен сăмах текста ѳнланма пулăшакан тѣп хатѣр шутланать. ѳнланмалла мар пуплев калас шухăша тѣрѣс палăртма чăрмантарать. Сăмахпа пѣлсе те ѳнăçлă усă курни кашни профессирех кирлѣ. Уйрăмах çыравçăсен илемлѣ пуплев йѣркелеме пѣлмелле, мĕншĕн тесен хайлав пахалăхѣ сăмахспа тѣрѣс усă курнинчен те нумай килет.

Пуплеве эфир хайне майлă абстрактлă ѳнлав пек йышăнатпăр, çав вăхăтрах вăл çыннăн ѳс-хакăл шайне тата шухăшлавне палăртмалли, çут çанталăкăн, ѳнлавпа япалан, обществăн кăткăс сыхăнăвне ѳша хывмалли тата тѣрлѣ информации пѣр-пѣрин патне çитермелли мел пулса тăрат. Паллах час-часах каласура та, çырура та, тен, тавçăрса илейменнипе, тен, пѣлсех çитерейменнипе йăнăш (чёлхе нормине пăхăнмасăр йѣркеленѣ пуплев) пулат. Çавна май чылай чухне хутшăнкан хушшинче ѳнланманлăх çуралать. С. Н. Цейтлин пуплев çитменлѣхĕн сăлтавне чёлхен шалти кăткăс тытăмѣпе сыхăнтарать [Цейтлин, 1982].

Пуплев çитменлѣхне ушкăнлама май пур: орфоэпи кăлтăкѣ – сасса, сăмаха (ытларах чухне йышăннине), каланă чухне пулакан йăнăш. Кунтах пусăмпа сыхăннă тĕслѣхсене те кĕртмелле: *конешнă* (конечно), *çиччас* (сейчас), *дóговор*; лексика кăлтăкѣ – сăмахăн пѣлтерѣшне уясах çитерейменнипе (*мăнкăмăллăх – мăнаçлăх, пуçару – пуçарулăх, йăнăш – йынăш, катăк – татăк*), пѣр-пѣринпе сыхăнман сăмаха пѣрлештернипе (*лайăх çитĕнÛсем, кăçалхи çул, парса парнелерĕ*) пулакан тата ытти йăнăш; çавăн пекех чёлхере орфографи (*килеть, каячĕ*), пунктуаци (*çанталăк ѳшăтма пуçласан, кайăксем вĕçсе килме тытăнаççĕ*), грамматика кăлтăкне (*хура куçсем шăтарасла пăхаççĕ, урасем ывăнаççĕ, çÛçсем кăвакараççĕ*) палăртаççĕ.

Кашни сăмахăн хайĕн пѣлтерѣшĕ пур. «Хайлаври кашни сăмах хайĕн пѣлтерѣшĕпе шухăша туллин усса памалла, чёлхере çакна палăртма урăх сăмахпа усă курма май çук пек кăтартмалла» (В. Г. Белинский). Сăмахăн пѣлтерѣшне пѣлни, пѣлтерѣш сĕмне уйăрма пултарни сыхăнуллă пуплев йѣркелемелли хатѣр пулса тăрат. Сăмахпа вырăнсăр усă курнă пуплев шухăша тѣрѣс палăртма чăрмантарнисĕр пуçне лексика тата логика йăнăшĕ тума хистет, тĕслѣхрен: *Кун çути кăшт кăна сăрхăнать, нумай мар: йѣр-тавра çăра та хĕп-хĕрлĕ тĕтре ярса илнĕ пек* (кун çути кăшт мĕнле сăрхăннине ѳнланмалла мар). *Ытла пăшăхса çитнĕ иккен вăл кунта (пăçăхса вырăнне).*

Логика законне пăхăнса йѣркеленнѣ пуплев кăна тѣрѣс пуплев пулат. Логика йăнăшĕ тесе калакан е çыракан пѣр-пѣр сăмахăн пѣлтерѣшне, ѳç-пуç мĕнле пулса иртнин сăлтавне ѳнлансах çитерейменнипе, вĕсем пѣр-пѣринпе мĕнле сыхăннине тата чёлхен ытти чылай пулăмне япăх пѣлнине сыхăннă, тĕслѣхрен: *Так как Обломов – человек ленивый, у него был Захар – его слуга.* (Обломов кахаллипе унăн тарçă пур пулса тухать); *Сывлать-и-ха вăл? Чимĕр, сывлать! Темĕнле пăваннă çыннăнни пек тухать ун сывлăшĕ* (пăваннă çыннăн сывлăшĕ мĕнле тухать-ши?); *Хулари кинотеартсенче пуринче те пѣр кино ятне çавăрттараççĕ* (кино çавăрттараççĕ); *Çырă çÛçлĕ, сарлака çамкаран кăшт именерех куçсем сан çине шăтарасла тинкересçĕ* (ку предложенире турех икѣ йăнăш кайнă: куç çамка çинче мар, питре; куç

пёр вӕхӕтрах шӕтарасла та, именсе те пӕхма пултараймасть). Кунашкал тӕслӕх илемлӕ литература хайлавӕнче тӕтӕшах тӕл пулатъ. Ҷавӕнна та ҶыравҶан сӕмахпа усӕ курнӕ чухне тимлӕ пулмалла.

Чӕлхере тӕрӕс шухӕшлаван тӕватӕ тӕп законне палӕртаҶҕ: пӕрпеклӕх е пӕрешкеллӕх законӕ, хирӕҕӕлӕх законӕ, виҶҕмӕшӕнчен хӕтӕлни тата Ҷителӕклӕх законӕ. Ҷак законсене Ҷирӕп пӕхӕнасси ҶыравҶан тӕп ӕҶӕнчен пӕри пулса пыратъ. Паллах вӕсен логика законӕсен тӕсне пӕлнипе кӕна Ҷырлахмалла мар, йӕнӕш пулса кайнин Ҷул-йӕрне те ӕнкармалла, вӕл пуплев пахалӕхне чакарма пултарнине асра тытмалла.

Малалла логика законӕсене пӕхса тухӕпӕр.

Пӕр пеклӕх законӕ. Ҷак закона пӕхӕнса йӕркеленӕ текста эпир нормӕласа якатнӕ пуплев пек йышӕнатпӕр. Унӕн содержанине ӕнланма пире вара нимӕн те чӕрмантармӕ. Анчах та Ҷак закона пахӕнманни текста автор мӕн каласшӕн пулнине, текстӕн содержанине тата унти терминологие тӕрӕс ӕнланма кансӕрлӕ. Ҷакӕн пек йӕнӕш ваттисен сӕмахӕнче анлӕ тӕл пулатъ, тӕслӕхрен: *Юлхав ырд тумасть, Ҷӕкӕрсӕр хырдм тӕранмасть; Бӕраиши пулсан виҶи пулатъ; Пирӕн алӕсем валли ӕҶ те тупӕнчӕ, ӕиш пӕлӕм те алӕкне ӕҶса кӕртрӕ*. Ҷапла вара, илсе панӕ тӕслӕхсенче пӕрешкеллӕх законӕ пӕсӕлнӕ, мӕншӕн тесен пӕр темӕран тепӕр темӕна юхӕмлӕ куҶманни курӕнатъ.

Хирӕҕӕлӕх законӕ. Пӕр-пӕр япалана е пулӕма ӕнлантарса пама шухӕша тӕрӕсех йӕркелейменнипе йӕнӕш Ҷуралатъ, тӕслӕхрен: *Кайни Ҷул пирӕн икул выпускикӕсем ЕГЭ лайӕх тытса Республикӕна хамӕр Ҷӕришывӕн аслӕ вӕренӕ заведенийӕсене вӕренме кӕрӕҶҕ (республика хамӕран мар-им?). Пирӕн икулта халӕ йӕлтӕрне чупассипе чемпион ятне тивӕҶнӕ Люба Золотарева вӕренет. Вӕренӕ ӕҶӕсӕр пуҶне тӕпчев ӕҶ те йӕркеленсе пыратъ, унта Ҷавӕн пекех пысӕк Ҷитӕнӕсем палӕраҶҕ; Вӕсемпе пӕрле виҶса Ҷитнӕ пӕван пӕлӕт пек сырса илет, ӕтемӕн мӕн пур пек юнне ӕмсе-сӕхса ярас пек тапӕнатъ*.

ВиҶҕмӕш закон тӕрӕх икӕ хирӕҶле шухӕш хушшинче виҶҕмӕшӕ пулма пултараймасть. Ку законӕн тӕп условийӕ –пӕр-пӕринпе шайлашӕнса тӕракан икӕ шухӕш расна пулин те текста Ҷыхӕнуллӕ пулмалла, вӕсем хушшинче виҶҕмӕш ӕнлану Ҷуралмалла мар. Ҷак закон тӕрӕс тишкерӕ тума пулӕшатъ. Вӕл пӕр шухӕша пӕрахӕҶласа тепӕрне аталантарма пултаратъ, тӕслӕхрен: *Ҷын Ҷӕр Ҷинче чухне Ҷемсе те, сӕпайлӕ пулма пултаратъ, пӕлӕтре вара асӕрхануллӕ та Ҷирӕп характерлӕ пулатъ*. Эпир пӕхса тухакан тӕслӕхри Ҷыннӕн характерне сӕнлакан сӕмах пӕр-пӕриншӕн хирӕҕӕлӕх йӕркелет, анчах та виҶҕмӕш шухӕш пулма пултарайманни куҶ кӕрет.

Тӕватӕмӕш законпа килӕшӕуллӕ текстри шухӕш пӕр-пӕрин хыҶҶан йӕркеленсе пыратъ. Паллах кунта тавталогиллӕ сӕмах та пулма пултаратъ: *Эй, пӕлӕтсем, хура, хаяр пӕлӕтсем! АҶталла чупатӕр, кам хӕвалатъ сире? Камран таратӕр? Чӕваши филологи факультечӕн студенчӕсем «Чӕваши чӕлхи» дисциплинӕна вӕрӕннӕ май унӕн законӕсене ӕша хываҶҕ*.

Ку е вӕл анлава тӕрӕс палӕртма кирлӕ сӕмах шыраса тупма пӕлни пысӕк пӕлтерӕшлӕ. Анчах та тепӕр чухне пуплеве ытлашши сӕмах та кӕре-кӕре каятъ, тӕслӕхрен, *калӕпӕр, мӕнех, вӕт, ӕ-ӕ-ӕ*. Аякрах мар пӕр арҶын тӕратъ (пӕр сӕмаха калама кирлӕ мар). *ПуҶне карттус тӕханнӕ, уринче Ҷут калуш* (карттуса ӕҶта тӕханаҶҕ пуҶа мар пулсан). Вӕсем вырӕс чӕлхинче те анлӕ сарӕлнӕ: *буквально, честно говоря, по большому счету, шок*.

Логика йӕнӕшӕ тепӕр тӕсӕ вӕл ляпалиссиада – ӕнланмасӕр каланӕ сӕмах, тӕслӕхрен: *Виле кӕлетки пӕр хуҶкалмасӕр выртатъ; Пирӕн командир хӕй виличчен 25 минут маларах кӕна сывӕччӕ (е черӕччӕ)*.

Логика йӕнӕшӕ шутне тӕпчевӕсем тата плеоназма кӕртеҶҕ, тӕслӕхрен: *Тӕлӕнмелле хӕхӕм йӕкӕт (хӕхӕм халӕ те тӕлӕнмелле хитре тенине пӕлтерет), тӕварлӕ брынза, главная суть, повседневная обыденность, темный мрак, самый лучший, хӕрӕуллӕ те ӕиш салам, чӕмӕрланӕ чышка, Ҷуран утатӕн*.

Пуплевре час-часах тавталогиллӕ тӕслӕх тӕл пулатъ. Пӕр ӕнлавах усӕсӕр икӕ хут палӕртасси калаҶакан е Ҷыракан хӕй усӕ куракан хӕш-пӕр сӕмахӕн пӕлтерӕшне тавҶӕрсах илейменнипе Ҷыхӕннӕ [Горшков, 2010], тӕслӕхрен: *Заводри цехсемпе участоксенче ӕмӕрту хӕвачӕ вӕйлансах пыратъ. Кӕнекере Ҷамрӕксен сӕн-сӕпатне сӕнарласа кӕтартнӕ*.

Хӕш-пӕр чухне анахронизм пулӕмӕ, хронологиепе Ҷыхӕннӕ йӕнӕш, тӕл пулатъ: *18-мӕш ӕмӕрте Ленинградра темиҶе типографи те хупӕннӕ* (Петербургра). *Ҷуркунне иртет, ӕиш кунсем ҶитеҶҕ* (ӕшӕ кунсем хӕҶан ҶитеҶҕ?)

Ҷавӕн пекех алогизм пулӕмӕ палӕратъ. Алогизм пӕр-пӕринпе Ҷыхӕнман ӕнлавсене Ҷыхӕнтарни. *Энциклопеди статийсен синтаксисӕ ытти ӕслӕлӕх статийсенчен уйрӕлса тӕраҶҕ* (кунта синтаксиса ӕслӕлӕх статийсемпе танлаштарнӕ. ӕслӕлӕх статийсен синтаксисӕ темеллеччӕ).

Текстри логика йӕнӕшӕ тӕрлӕ сӕлтаван килет. Стилистикӕра виҶӕ сӕлтав палӕртаҶҕ: 1) психикӕпа Ҷыхӕннӕ йӕнӕш (*Сак Ҷинче тулли витре тӕратъ*); 2) кӕскетсе йӕркеленӕ шухӕшлӕ пуплев (аббревиатура). Аббревиатура йӕркеленӕ чухне усӕ сасӕ ытлашши пулмалла мар, хупӕ сасӕ ытлашши нумай пулсан та вулама меллӕ мар; 3) чӕлхепе тӕрӕс усӕ курма пӕлменни е чӕлхе чухӕн пулни. Пӕрремӕшпе икӕмӕш ушкӕнри йӕнӕш темӕна ӕнлансах Ҷитейменнипе е ӕсе вӕҶне Ҷити пӕхса Ҷитерейменнипе Ҷыхӕннӕ.

Кашни сыраканан предложенири анла тата ансар анлава пелтерекен самаха выранла уса курма пелмелле; самахпа предложени пер-перинпе менле сыханнине уямалла (*Всем нурте сиреп сывлэхлэ, ял хушалахёнче, производствара ырми-канми тарйашащэ* (производство выранне промышленность темелеччэ); шухаша хирёслекен самахпа, предложенипе уса курмалла мар; шухаш перин хысқан тепри сыханулла аталанса пымалла; абривиатурапа уса курма тарашмалла мар; кусамла пелтерешле самахпа пачах уса курмалла мар; синонимпа те асанханулла пулмалла, меншен тесен самахан пелтереш семё улшанма пултарать.

Сапла вара, сыханулла пуплев йёркеленё чухне чёлхе законне асра тытмалла, самахпа пелтерешне анланса уса курмалла.

Библиографи

Горшков А. Е. Стилистика тата текстсен чёлхине редакцилесси: вёрену пособийё. Шупашкар: Чаваш патшалэх педагогика университетё, 2010. 147 с.

Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М.: Просвещение, 1982. 128 с.

Л. М. Ившин

О НЕКОТОРЫХ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУКОПИСНЫХ РУССКО-ВОТСКИХ СЛОВАРЕЙ Г. Е. ВЕРЕЩАГИНА¹

Аннотация. В архиве Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук имеются два варианта рукописных русско-вотских (русско-удмуртских) словарей Г. Е. Верещагина, написанные предположительно в конце XIX – начале XX в. При составлении рукописей автор использовал русскую графику того времени с добавлением латинских i, q и j. В русско-вотских словарях Г. Е. Верещагина представлены фонетические, морфологические и лексические особенности разных диалектов удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, словарь, диалект, перевод, рукопись.

L. M. Ivshin

ABOUT SOME DIALECT FEATURES IN HANDWRITTEN RUSSIAN-VOTJAK DICTIONARIES BY G. Y. VERESHCHAGIN

Abstract. There are two variants of handwritten G. Y. Vereshchagin Russian-Votjak (Russian-Udmurt) dictionaries that are kept in the scientific archives of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural branch of the Russian Academy of Science. Probably they were compiled in the end of the 19th and in the beginning of the 20th century. When compiling the manuscripts, the scholar used Russian script of that time adding some Latin letters such as i and q and j. Phonetic, morphological and lexical features of different dialects of the Udmurt language are presented in G. Y. Vereshchagin Russian-Votjak dictionaries.

Keywords: the Udmurt language, dictionary, dialect, translation, manuscript.

В исследованиях по удмуртскому языку Г. Е. Верещагин известен прежде всего как автор сочинений «О книгах на вотскомъ языкѣ» и «Руководство къ изучению вотскаго языка», изданных в Казани в 1895 и 1924 гг. Помимо этого в его наследии значительную долю составляют рукописные архивные материалы по лексикографии. К настоящему времени опубликовано несколько рукописных языковедческих работ ученого – грамматики [Верещагин, 2002, т. 6] и вотско-русские (удмуртско-русские) словари [Верещагин, 2006, т. 6; Верещагин, 2011, т. 6]. Кроме этого, в научно-отраслевом архиве Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН хранятся материалы двух рукописных русско-вотских (русско-удмуртских) словарей, составленных в разные годы (том № 1 – единица хранения РФ, оп. 2-Н, дело № 406, 265 листов, том № 2 – единица хранения РФ, оп. 2-Н, дело № 405, 193 листа).

Записи произведены коричневыми чернилами (имеются также карандашные отметки) четкой скорописью. Каждая рукопись представляет собой законченный вариант словаря. Обе лексикографические работы составлены на желтовато-белой бумаге разного типа: газетной, в клетку, в линию, неиспользованных и частично использованных метрических книг и других специальных бланков, имевшихся под рукой Г. Е. Верещагина. Некоторые листы исписаны полностью в несколько столбцов. Можно предположить, что причиной такого размещения материала явился недостаток бумаги. На обороте листа № 193 меньшей по объему рукописи имеется несколько стихотворений Г. Е. Верещагина, что еще раз доказывает верность этого предположения. На рукописи, составленные в 20-х гг. прошлого столетия, мог повлиять бумажный кризис, когда специальными приказами по всем учреждениям запрещалось писать размашисто, оставлять поля и незаполненные изнанки. Предлагалось использовать

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ «Малоизученные печатные и рукописные источники по удмуртскому языку второй половины XIX века (поиск и популяризация)» в рамках научного проекта № 18-012-00004.

в качестве бумаги все сколько-нибудь на нее схожее [Брунштейн, 1956, с. 108]. По предварительным подсчетам в каждой рукописи содержится около 13 тысяч словарных статей, но состав лексем в словарях не совсем одинаков.

Общая характеристика. В меньшей по объему рукописи имеется предисловие, в котором Г. Е. Верещагин указывает на причины, побудившие его к составлению русско-вотского словаря («Отсутствие в нашей литературе пособий к изучению вотского языка побудило меня составить «Русско-вотский словарь», являющийся результатом многолетних трудов»), и дает некоторые грамматические сведения об удмуртском языке («В языке этом никаких разделений предметов на роды – мужской, женский и средний – нет; здесь только один общий род; для обозначения пола существуют особые слова...»).

Хотя в словарях нет точных сведений о времени их составления, датировку написания этих работ, исходя из особенностей их орфографии, мы можем поставить приблизительно. С другой стороны, наличие записей, сделанных карандашом и чернилами, наталкивает на мысль о том, что автор неоднократно возвращался к своим рукописям, поэтому точную дату написания словарей, назвать затруднительно. Большая по объему рукопись предположительно создана (или, по крайней мере, работа над ее составлением начата) в конце XIX – начале XX в. до принятия реформы русской орфографии 1918 г., поскольку в самом начале словаря (в словарных статьях на буквы А, Б, В), в конце лексем, имеющих твердый конечный согласный, встречается буква ъ. Временем работы над второй рукописью является период после принятия реформы русской орфографии в 1918 г., когда из русского алфавита были исключены буквы *i, m, o* и *ъ* (последняя – в конце слов после твердых согласных). В частности, в русских словах этого словаря отмеченные буквы практически не использованы. Датировка второй рукописи возможна также по письму Г. Е. Верещагина, написанному младшему сыну: «...в настоящее время я пишу русско-вотский словарь, написал уже 10 тетрадей...», которое подписано 1925 г. [Письма].

В обеих рукописях сначала приводится русское слово, затем дается его удмуртский эквивалент одной лексемой или целым выражением. В первом томе рукописи некоторые слова, относящиеся к флоре, фауне, части человеческого организма и т. п. (до 74 листа), снабжаются латинским названием, например: *безкрѳіе* Анаетіа '*вырыз окмонтэм*¹', *бекъсь* Scolorax '*нюртака*', *василѳкъ* Centaurea Cypripus '*кинай чача, лызь сясыка*' и т. д. Здесь же до листа № 40 после русских слов через запятую приводятся окончания, принимаемые данным словом, а также отмечается часть речи. Например, после прилагательных, приведенных в словаре в единственном числе мужского рода, даются окончания женского и среднего родов, а также в большинстве случаев показатель краткой формы прилагательного: *безѳрдостный, -ая, -ое, -стенъ, -стна, -о* пр. '*вылтѳияськонтэм*'. После существительных, приведенных также в форме единственного числа, дается окончание родительного падежа и родовая принадлежность: *аналъвъ, -а* с. м. '*нъыль сэрго кышет, мае монахъёс гадъ вылазы нулло*'. Глаголы приводятся в неопределенной форме. После них даются показатели первого и второго лица: *беззакѳновать, -ную, -нуешь* гл. '*Инмарлэн законэзлы пумитъ лэсьтыны, съѳлыканы*'.

Во многих случаях русское слово имеет два или более однозначных (синонимичных) перевода, относящихся к разным диалектным стихиям удмуртского языка, например: *грязь* '*нѳд, дэри*', *иначе* '*мукет сяэн, музон сяэн*', *красиво* '*чебер, мотор*'; *безсильный* '*айтэм, ѳдытэмъ, катьтэмъ*', *теперь* '*табре, табере, али, каль, тавыын*' и др. Следовательно, Г. Е. Верещагин считал возможным употребление форм самых различных удмуртских диалектов и в своей практической деятельности показал пути и способы обогащения удмуртского книжного (литературного) языка с использованием разнодиалектного материала.

Диалектные особенности. В своих лингвистических трудах Г. Е. Верещагин один из первых среди удмуртских исследователей еще в конце XIX столетия теоретически осмыслил важность и наметил определенные пути создания единого общепонятного для всего удмуртского народа письменного языка, хотя термин «литературный язык» в его работах еще не фигурирует. Он, по его мнению, должен вобрать в себя богатство всех основных диалектов, но базироваться на северном наречии («глазовском диалекте»), как одном из наиболее чистых и менее подверженных иноязычным влияниям [Верещагинъ, 1895, с. 7]. Такого же мнения позднее придерживался и Д. В. Бубрих: «Для строительства литературного удмуртского языка <...> надо выбрать северные диалекты, но не крайнюю северную их часть, а ту, которая приходится на среднюю часть Удмуртской области» [Бубрих, 1929, с. 8].

В обеих анализируемых рукописях встречается довольно большое количество грамматических форм, характерных именно для северных говоров удмуртского языка. Вот, например, самые заметные из них:

1) причастие настоящего времени от глаголов первого спряжения образовано при помощи форманта *-ысь*: *антропофагъ* '*адями сиысь*' [ad'ami s'iis'], *безпъмятный* '*вунэтысь*' [vunetis'], *благодѳтель*

¹ Здесь и далее языковой материал Г. Е. Верещагина – независимо от того, как был представлен им самим – подается следующим образом: русское слово – обычным курсивом, переводы на удмуртский язык даются жирным курсивом и заключаются в марровские кавычки, орфография оригинала полностью сохранена.

'дзеч лэсьтысь' [žeć les'is'], дзеч карысь' [žeć karis'], греховодник 'сьёлыке пыртысь' [s'ejlike pirtis'], плакса 'чем бёрдысь' [čem berdis'];

2) форма возвратного залога глаголов первого спряжения образована при помощи суффикса -ск-: *видѣние* 'адсконь' [adskon], *гореть пламенем* 'сутскыны' [sutskini], *прятаться* 'ватскыны' [vatskini], *рукоприкладство* 'гожтскем' [gožtskem].

В словарях Г. Е. Верещагина наличествуют общеудмуртские слова в фонетическом оформлении северных говоров: *двор* 'азбар' [azbar], *ворота* 'дзезьы' [žez'i], *все* 'вичакь' [vičak], 'вочак' [vočak], *всевеселящий* 'вичаклы шум потонь сѣтысь' [vičaklišumpoton s'otis'], *жила* 'вонял' [von'al], *жук* 'бокпро' [bokpro], *кроль* 'лэяна' [les'ana], *лѣтс* 'сик' [s'ik], 'нюлэс' [n'ules], 'чатча' [čačča], *лягушка* 'эбек' [ebek], *напрасно* 'токма' [tokma], *напрямик* 'кужен' [kužen], *осуждать* 'лекатыны' [l'ekatiŋi], *поле* 'бусы' [busi] наряду с южноудмуртскими *поле* 'луд' [lud] и 'тарлау' [tarlau], *постоянно* 'ялам' [jalam], 'лапак' [lapak], *служить* 'тертскыны' [t'ertskini], *сосед* 'бече' [beče], *сосед изъ родни* 'иськавын' [is'kaviŋ], *тёзка* 'паньтэм' [pan'tem], *ябедничать* 'урттыл' и 'ськыны' [urttiŋis'kini].

Хотя Г. Е. Верещагин принял в качестве основы словаря северное наречие (об этом красноречиво свидетельствует приведенный выше материал), тем не менее, он не отказывался от употребления фонетических форм и явлений, присущих и для других диалектов удмуртского языка.

Так, например, для срединных говоров характерно:

а) употребление аффрикаты *č* в середине слова: *вкупь* 'чоч' [čoč], *внутри* 'пучкын' [pučkin], *воровать* 'лучканы' [lučkani], *срывать* 'ичкыны' [ičkini], *тайно* 'лучкем' [lučkem], 'лучкемен' [lučkemen];

б) отсутствие йотации между гласным конца основы и инициальным гласным служебной морфемы (чаще всего перед *а*, *о* и *э*), например: *будущее* 'азьпалаэз' [az'palaez], *величина* 'бадзымалаэз' [bažžymalaez], *всеядец* 'котьмаэ сивысь, котьмаэ сивысь' [kot'mae s'ivs'], *вызолачивать* 'зарнианы, зарнианы' [zarn'iani], *грязниться* 'дэриаскыны' [derias'kini], *дорожать* 'дуноаскыны' [dunoas'kini], *измельчать* 'векчиомытыны, векчиомытыны' [vekkioŋiŋi].

Однако в случаях, когда основа слова оканчивается на *ы*-, а служебная морфема начинается с гласной *-а-*, йотация прослеживается: *бабничать* 'пинал гогыяны' [pinal gogijani], *выслюнивать* 'дыльдыяны' [diŋ'dijani], *колосники настилать* 'ворыяны' [vorijani], *оперяться* 'тылыяскыны' [tiŋijas'kini], *плодиться* 'выжыяскыны' [vižijas'kini].

В обоих словарях довольно последовательно встречается другое фонетическое явление – очень редкое в удмуртских диалектах – стяжение сочетания середины основы слова типа *-рчч-* в *-рч-*: *отвязать* 'перчыны' [perčini], *откусить* 'курчыны' [kurčini], *плыть через край во время кипения* 'урчыны' [určini], *потрошить* 'парчаны' [parčani], *провести время* 'нунал орчытыны' [nunal orčitiŋi], *рѣпа* 'сярчы' [s'arči]. В настоящее время это явление обнаружено в кукморском и шошминском говорах и в бесермянском наречии, менее последовательно – в бавлинском, красноуфимском говорах и речи носителей отдельных населенных пунктов Ярского района Удмуртской Республики. Для абсолютного большинства удмуртских диалектов (северного наречия, срединных говоров, южного диалекта и некоторых периферийно-южных говоров) оно не характерно [Kel'makov, Saارينen, 1994, с. 88–90; Кельмаков, 1998, с. 109–110]. Источником для указанных выше форм для Г. Е. Верещагина послужили, скорее всего, письменные памятники на казанском диалекте, для которых упрощение *-рчч-* в *-рч-* является обычным явлением [Кельмаков, 2011, с. 129–130].

Для рукописей словарей Г. Е. Верещагина характерно также наличие довольно большого количества южноудмуртской лексики или общеудмуртских слов в фонетическом оформлении южных говоров, например: *бедный* 'начар' [načar], *бояться* 'курданы' [kurdani], *ворота* 'капка' [kapka], *жук* 'бочы' [boči], *искать* 'кушкыны' [kuškini], *кошка* 'мумы писэй' [mumi pisej], *лягушка* 'бака' [baka], *тэкчась* [tekčas'], *много* 'байтак, уно' [bajtak, uno], *огурец* 'киар' [kijar], *следующий раз* 'кайта' [kajta], *служить* 'кызмет карыны' [kizmet kariŋi], *старшая сестра* 'апай' [apaj], *тезка* 'адаш' [adaš], *хвалиться* 'мактаскыны' [maktas'kini], *ябедничать* 'чагискыны' [čagis'kini].

Таким образом, язык анализируемых рукописных словарей Г. Е. Верещагина, базируясь, по мнению автора, на промежуточном, наиболее распространенном диалекте – северноудмуртском – вобрал в себя в общем фонетические, морфологические и лексические особенности, характерные и для других диалектных ареалов удмуртского языка.

Библиография

- Бруштейн А. Страницы прошлого. М., 1956. 396 с.
Бубрих Д. В. Из результатов работ удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г. // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: сб. науч. ст. / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1992. С. 3–28.
Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 1: Труды по языкознанию / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. Л. Е. Кириллова; авт. предисл. и коммент. Л. Л. Карпова и Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2002. 291 с. (Памятники культуры).

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. и авт. предисл., коммент. Л. М. Ившин. Ижевск, 2006. 288 с. (Памятники культуры).

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 3: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. и авт. предисл., коммент. Л. М. Ившин. Ижевск, 2011. 152 с. (Памятники культуры).

Верещагин Г. О книгах на вотскомъ языкѣ. Вятка, 1895. 21 с.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1998. 386 с.

Кельмаков В. К. Нырысетй удмурт тодосчи // Вехи истории удмуртского языковедения / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языковедения, РАН, УрО, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. С. 113–138.

Письма Верещагина. Семейный фонд Верещагиных-Беренгартен. ЦГА УР. Р-1710. Оп. 1. Д. 1.

Kel'makov V., Saarinен S. Udmurtin murteet (= Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen julkaisuja 47). Turku-Iževsk, 1994. 368 s.

М. Т. Ипакова

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОБОБЩЕНИЯХ ПО ПЕРЕВОДУ ТЕКСТОВ С РУССКОГО НА МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК НА ОСНОВЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. В статье рассматриваются виды трансформаций в марийских переводных текстах. В процессе сопоставительного анализа выделены такие основные приемы, как перестановка слов и терминосочетаний, замена частей речи, добавление и опущение лексических единиц, использование описательного оборота, заимствований и неологизмов. Полученные результаты сопоставительного анализа позволяют утверждать, что самым распространенным приемом среди них является грамматическая замена. Небольшое место занимает замена категорий числа, словосочетаний, приставок и предлогов.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, переводческая трансформация, добавление, опущение, марийский язык.

М. Т. Ipakova

ON SOME THEORETICAL GENERALIZATIONS FOR TRANSLATING TEXTS FROM THE RUSSIAN INTO THE MARI LANGUAGE ON THE BASIS OF COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. This article examines the types of transformations in the Mari translation texts. In the process of comparative analysis, we identified such basic methods as rearrangement of words and term combinations, replacement of parts of speech, addition and omission of lexical units, use of descriptive circulation, borrowings and neologisms. The obtained results of the comparative analysis are capable of stating that grammatical substitution is the most common method among them. A small part is occupied by replacement of categories of number, word combinations, prefixes and prepositions.

Keywords: comparative analysis, translation transformation, addition, omission, the Mari language.

Сопоставительный анализ переводных текстов официальных наименований учреждений с русского на марийский язык позволяет выделить в первую очередь переводческую трансформацию. Переводческая трансформация – это межъязыковое преобразование, требующее перестройки на лексическом, грамматическом или текстовом уровне [Алексеева, 2004, с. 128]. В переводоведении выделяются четыре типа трансформации: перестановка, замена, добавление и опущение. Другие авторы называют данные преобразования приемами [Основные, 2010, с. 129]. В данной статье мы рассмотрим все четыре типа трансформации, а также другие приемы перевода в марийских переводных текстах.

В процессе сопоставительного анализа текстов перевода с русского на марийский язык выделены следующие основные приемы:

1. Перестановка слов и терминосочетаний, например, ср.: *Детская республиканская клиническая больница – Республикысе йоча клинике эмлымвер; Медведевская центральная районная больница – Медведево кундеммысе рӱдӧ эмлымвер; Станция скорой медицинской помощи г. Йошкар-Ола – Йошкар-Оласе медицине вайшепольи станций; Администрация городского округа «Город Йошкар-Ола» – «Йошкар-Ола» ола округын администрацийже; Государственное бюджетное учреждение Республики Марий Эл «Куженерская центральная районная больница» – Марий Эл Республикын «Кужэнгер кундеммысе рӱдӧ эмлымвер» кугыжаныш бюджет тӧнежше.*

2. Замена частей речи:

2.1. Имена существительные в форме родительного падежа единственного числа русского языка на марийский язык переводятся:

– именами существительными в именительном падеже, при этом они употребляются в функции определения, например: *Муниципальное автономное учреждение культуры «Центральный парк культуры и*

отдыха) – «Түвѳыра да каныме рӯдд парк» муниципал автоном түвѳыра тӧнеж; Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Республике Марий Эл – Кугыжаныш регистраций, кадастр да картографий федерал службын Марий Эл Республикысе вктемже;

– относительными именами прилагательными с суффиксом *-се / -со / -сӧ*), указывающими на местонахождение предмета, например: Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение «Детский сад № 43 г. Йошкар-Олы “Жар-птица”» – «Йошкар-Оласе 43-шо №-ан “Тулгайык” йочасад» муниципал бюджет школ деч ончычсо туныктым тӧнеж; Муниципальное учреждение «Отраслевой орган местной администрации “Управление сельского хозяйства”» администрации муниципального образования «Советский муниципальный район» Республики Марий Эл – Марий Эл Республикысе «Советский муниципал кундем» муниципал ушем администрацийын “Ялозанлык вктем” верысе администраций отраслевой органже» муниципал тӧнеж;

– причастиями (*-ше / -шо / -шӧ; -ме / -мо / -мӧ*), например: Департамент государственного жилищного надзора Республики Марий Эл – Марий Эл Республикын Кугыжаныш илемым тергыше департаментше; Отдел тарифного регулирования администрации городского округа «Город Йошкар-Ола» – «Йошкар-Ола» ола округ администрацийын тариф вктарыше пӧлкаже.

2.2. Имена прилагательные с русского на марийский язык переводятся: а) именами существительными в функции определения, например: Государственное бюджетное учреждение Республики Марий Эл «Республиканская клиническая больница» – Марий Эл Республикын «Республикысе клинике эмлымвер» кугыжаныш бюджет тӧнежше; Городская поликлиника № 4 – 4-ше №-ан ола поликлинике; Медведевский межмуниципальный филиал – Медведево муниципалитет кокласе филиал; б) причастиями (*-ше / -шо, -шӧ; -ме / -мо, -мӧ; -дыме / -дымо / -дымӧ*), например: Муниципальное бюджетное учреждение культуры Сернурского муниципального района «Сернурская централизованная клубная система» – Шернур муниципал районын «Шернур рӯдерандыме клуб системе» муниципал бюджет түвѳыра тӧнежше; Муниципальное унитарное предприятие «Ремонт и эксплуатация общежитий и нежилых фонда» муниципального образования «Город Йошкар-Ола» – «Йошкар-Ола» муниципал кундемысе «Түшкагудо ден илдыме пӧртлам олмыктен пуймаш» муниципал унитар предприятий; в) терминосочетанием, например: Управление специальных программ Главы Республики Марий Эл – Марий Эл Республик Вуйлатышын лӱмын ямдылыме программе вктемже; Федеральное государственное казенное учреждение «Специализированная пожарно-спасательная часть федеральной противопожарной службы по Республике Марий Эл» – «Марий Эл Республикысе тулазап ваитарей шогышо федерал службын лӱмын ямдылыме тулазап ваитарей шогышо да утарыше частьше» федерал кугыжаныш казна тӧнеж; г) толкованием, например: Правовое агентство – Права йодышым рашемдыше агентстве; Прокат реабилитационного оборудования – Черланен кийыме деч вара тазалыкым тӧрлаташ полишышо ўзгарым жаплан пуймаш; Детская консультация – Йоча тазалык шотышто кангаи; Женская консультация – Ыдырамаи тазалык шотышто кангаи; Авторская миникофейня – Шке рецеттан изи кофейне.

3. Замена сложносокращенных слов словосочетанием, например: Общество с ограниченной ответственностью «Производственная компания “Марипродукт”» – «“Марий йӧрвар” производство компаний» анысыр ответственностян ушем; Закрытое акционерное общество «Йошкар-Олинский комбинат хлебопродуктов» – «Йошкар-Оласе кинде йӧрвар комбинат» тӱчмӧ акционер ушем; Государственное бюджетное учреждение Республики Марий Эл «Центр по ценообразованию в строительстве и жилищно-коммунальном комплексе» – Марий Эл Республикын «Чонгымаи, илем ден ола озанлык комплексыште ак шындыме шотышто рӯдер» кугыжаныш бюджет тӧнежше.

4. Замена словосочетаний (имя прилагательное + имя существительное) простым или сложным словом (именем существительным), например: Муниципальное учреждение «Отраслевой орган местной администрации “Управление сельского хозяйства”» администрации муниципального образования «Советский муниципальный район» Республики Марий Эл – Марий Эл Республикысе «Советский муниципал кундем» муниципал ушем администрацийын «“Ялозанлык вктем” верысе администраций отраслевой органже» муниципал тӧнеж; Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Централизованная (межпоселенческая) библиотечная система» муниципального образования «Килемарский муниципальный район» – «Килемар муниципал кундем» муниципал ушемын «Рӯдерандыме (ял кундем кокласе) книгагудо-влак» муниципал бюджет түвѳыра тӧнежше.

5. Замена приставок *анти-* и *против(о)-* послелогоми *ваитарей* или причастием, например: Управление Федеральной антимонопольной службы по Республике Марий Эл – Монополий ваитарей

шогышо федерал службын Марий Эл Республикысе виктемже; Федеральное государственное казенное учреждение «Специализированная пожарно-спасательная часть федеральной противопожарной службы по Республике Марий Эл» – «Марий Эл Республикысе тулазан ваитареш шогышо федерал службын лумын ямдылыме тулазан ваитареш шогышо да утарыше частыше» федерал кугыжаныш казна тӱнеж; Государственное бюджетное учреждение Республики Марий Эл «Республиканский противотуберкулезный диспансер» – Марий Эл Республикын «Республикысе туберкулез эмлыме диспансер» кугыжаныш бюджет тӱнежше.

6. Замена некоторых имен существительных множественного числа формой единственного числа, например: Государственное учреждение культуры Республики Марий Эл «Республиканский музей изобразительных искусств» – Марий Эл Республикын «Республикысе сӱрет сымыктыш тоштер» кугыжаныш тӱвыра тӱнежше. Сравните в рекламных текстах: двери – омса; банкеты – банкет; готовые комплекты на окно – окналан ямде комплект; товары малышам – йоча сату; низкие цены – шулдо ак; медицинские анализы – медицине анализ; сувениры Марийского края – Марий кундемысе сувенир; изделия из природных материалов – пӱртӱс материал; особые условия для постоянных клиентов – эре пайдаланыше клиентлан посна йӱн.

7. Замена сокращений словами, например: г. Звенигово – Звенигово ола, д. Шоя-Кузнецово – Шоя-Кузнецово ял (но п. Солнечный – Солнечный п.; с. Помары – Памар с. (только при указании адреса); Муниципальное образовательное учреждение дополнительного образования детей «Детская музыкальная школа г. Волжска» – Йоча-влаккан ешартыш шинчымашым пуйшо «Волжск олесе йоча музык школ» муниципал туныктым тӱнеж; Муниципальное дошкольное образовательное учреждение «Детский сад № 4 общеразвивающего вида «Висвис» д. Полевая Волжского муниципального района Республики Марий Эл – Марий Эл Республик Юлсер муниципал кундемын Нурсола ялысе «Тӱрлӧ могырым вяяндыше 4-ше №-ан «Висвис» йочасад» муниципал школ деч ончычсо туныктым тӱнеж; Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Марий Эл «Республиканская детско-юношеская библиотека им. В. Х. Колумба» – Марий Эл Республикын «В. Х. Колумб лӱмеш Республикысе йоча ден самырык-влаккан книгагудо» кугыжаныш бюджет тӱвыра тӱнежше; Авиа и ж/д кассы – Авиа ден кӱртньыгорно кассе.

8. Добавление послелога шотышто, например: Отдел социальной защиты населения и труда в городе Козьмодемьянске Республики Марий Эл – Марий Эл Республикын Козьмодемьянск олесе калык ылышым аралыме да паша шотышто пӱлкаже; Департамент труда и занятости населения Республики Марий Эл – Марий Эл Республикын Паша да калыккан паша вер шотышто департаментше; Автономное учреждение Республики Марий Эл «Управление государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий» – Марий Эл Республикын «Инженер шымлымыш лектыш да проект документаций шотышто кугыжаныш экспертизе виктем» автоном тӱнежше.

9. Добавление соединительных союзов да 'и' или ден 'и', например: Государственное бюджетное учреждение Республики Марий Эл «Республиканский центр психолого-педагогической помощи населению «Доверие» – Марий Эл Республикын «Калыккан психологий да педагогике польышым пуйшо республикысе «Ӱшан» рӱдер» кугыжаныш бюджет тӱнежше; Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Марий Эл «Республиканская детско-юношеская библиотека им. В. Х. Колумба» – Марий Эл Республикын «В. Х. Колумб лӱмеш Республикысе йоча ден самырык-влаккан книгагудо» кугыжаныш бюджет тӱвыра тӱнежше.

10. Добавление лексических единиц, например: заходи на кофеек – кофем йӱаш пуру; кофе с собой – кофем пелен налаш лиеш; наш хозяйственный – мемнан озанлык кевытна; займы выдаются по паспорту за 20 минут – оксам кӱсын 20 минут жапыште пуат, пелен паспорт лийшаиш; площадь Девы Марии – Дева Мария лӱмеш площадь.

11. Опущение лексических единиц, например: Муниципальное унитарное предприятие «Ремонт и эксплуатация общежитий и нежилых фонда» муниципального образования «Город Йошкар-Ола» – «Йошкар-Ола» муниципал кундемысе «Тӱшкагудо ден ылыдыме пӱртлам олмыктен пуймаиш» муниципал унитар предприятий; Аптечный пункт – Эмгудо; Аптечный киоск – Эмгудо; Ресторан марийской кухни – Марий сийгудо.

12. Калькирование, например: Государственно-правовое управление Главы Республики Марий Эл – Марий Эл Республик Вуйлатышын кугыжаныш права виктемже; Государственная счетная палата Республики Марий Эл – Марий Эл Республикын Кугыжаныш шотлышо палатыже. Сравните также в рекламных текстах: сухая стяжка – кукишо стяжке; широкий ассортимент пролетарских напитков – шуко тӱрлӧ пролетар йӱыш; огромный выбор буржуйских закусок – шуко тӱрлӧ буржуй пурледыш.

13. Использование описательного оборота (толкования), например: *Муниципальное учреждение культуры «Силикатный культурно-досуговый центр» муниципального образования «Кундышское сельское поселение» Медведевского района Республики Марий Эл – Марий Эл Республикысе Медведево кундемын «Кундыш ял кундем» муниципал образованийын «Силикатный тӱвыра да яра жап эртарыме рӱдер» тӱвыра муниципал тӱнежше; Министерство социального развития Республики Марий Эл – Марий Эл Республикын Калык ылышым саемдыме шотышто министерствыже; Управление по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям администрации городского округа «Город Йошкар-Ола» – «Йошкар-Ола» ола округ администрацийын граждан-влакым аралыме да кенета лийын кертше энгек шотышто виктемже.*

14. Использование неологизмов, например: *наука, научный – шанче, учреждение – тӱнеж, правительство – виктер, представительство – икегудо; печать – савыктыш; культура – тӱвыра, промышленность – йӱнозанлык; предпринимательство – амалкалымаш, ср.: Государственное бюджетное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева» – Марий Эл Республик Виктер пеленысе «В. М. Васильев лӱмеш Йылмым, сълнымутым да историйым шымыше марий институт» кугыжаныш бюджет шанче тӱнеж; Представительство Республики Марий Эл при Президенте Российской Федерации – Россий Федераций Президент пеленысе Марий Эл Республикын икегудыжо; Министерство промышленности, транспорта и дорожного хозяйства Республики Марий Эл – Марий Эл Республикын Йӱнозанлык, транспорт да корно озанлык министерствыже; Фонд поддержки предпринимательства Республики Марий Эл – Марий Эл Республикын амалкалымашлан польш шотышто фондио. Ср. в рекламных текстах: *крепеж – кучыктыш; мебель – пӱртарвер; предприниматель – амалкалче.**

15. Использование заимствований, например: *уполномоченный, казначействе, потребитель, публичный, юридический, ср.: Уполномоченный при Главе Республики Марий Эл по правам ребенка – Марий Эл Республик Вуйлатыше пеленысе йочан праваже шотышто уполномоченный; Управление Федерального казначейства по Республике Марий Эл – Марий Эл Республикысе Федерал казначействын виктемже; Публичное акционерное общество – Публичный акционер ушем и др. Сравните в рекламных текстах: *кафе – кафе; бассейн – бассейн; матрасы – матрас; телефон – телефон.**

16. Использование отвлеченных имен существительных в марийском языке, образованных от глаголов при помощи суффикса *-маш*: *Министерство образования и науки Республики Марий Эл – Марий Эл Республикын Туныктымаш да шанче министерствыже; Центральная избирательная комиссия Республики Марий Эл – Марий Эл Республикын Рӱдӱ сайлымаш комиссийже; Учебный центр республиканского государственного учреждения «Специализированный центр «Защита» – Республикысе «Аралымаш» специализироватлыме рӱдер» кугыжаныш тӱнежын тунемме рӱдерже; Министерство сельского хозяйства Российской Федерации Департамент растениеводства, химизации и защиты растений – Россий Федерацийын Ялозанлык министерствыже Кушкыл куштымаш, химий йӱн шындарымаш да кушкыл аралымаш департамент.*

Употребление подобных лексических единиц объясняется тем, что термины официально-делового стиля марийского языка находятся на стадии развития. Любой язык может достигнуть высокого уровня развития лишь в том случае, если он широко используется во всех сферах жизни и деятельности его носителей. При этом существенную роль для стилистико-функционального развития, закрепления в качестве официального средства общения нации играет использование его в делопроизводстве, в официальном употреблении в государственных учреждениях [Иванов, 2007, с. 4].

Полученные результаты сопоставительного анализа позволяют утверждать, что самым распространенным приемом при переводе официальных наименований учреждений с русского на марийский язык является грамматическая замена: имя существительное заменяется именем прилагательным и причастием; имя прилагательное – именем существительным и причастием; имена существительные и имена прилагательные – терминосочетанием и толкованием. Небольшое место занимает замена категорий числа, словосочетаний, приставок и предлогов.

Библиография

- Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб., М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
Иванов И. Г. Пособие по делопроизводству на марийском языке. Кагазвиктыш сомылым марла шуктышо-влаклан полшык. Йошкар-Ола: Министерство культуры, печати и по делам национальностей РМЭ, 2007. 96 с.
Основные понятия переводоведения: отечественный опыт. Терминологический словарь-справочник. М., 2010. 260 с.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА БИБЛЕЙСКИХ ИМЕН БОГА НА ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Концептуальным основанием религиозной системы различных вероисповеданий является толкование ключевого понятия «бог». Динамика мировоззренческих ориентиров общественного развития в ходе исторического процесса приобретает новые оттенки и требует углубленного исследования понятийного содержания и раскрытия контекстного смысла бытия бога, для освоения современным человеком непреходящих ценностей многовековых библейских текстов. Смысловая дифференциация имен бога в ходе перевода на чувашский язык позволил раскрыть механизм приобщения к религиозной культуре и открыть путь реализации как духовно-нравственных, так и морально-этических потребностей носителя чувашского языка, в том числе его вероисповедания.

Ключевые слова: библия, господь, трудности перевода, смысловые понятия, чувашский язык.

I. V. Mukina

PROBLEMS OF TRANSLATING BIBLICAL NAMES OF GOD INTO THE CHUVASH LANGUAGE

Abstract. The conceptual basis of a religious system in different faiths is interpretation of the key concept of God. The dynamics of world outlook orientations of social development in the course of historical process acquires new shades and requires in-depth study of conceptual content and disclosure of the contextual meaning of God's existence, for a modern human to adopt timeless values of centuries-old biblical texts. Semantic differentiation of the God's names in the course of translation into the Chuvash language allowed to reveal the mechanism of introduction to religious culture and to open the way of realization of both spiritual-moral and ethical needs of a Chuvash speaker, including his religion.

Keyword: The Bible, the Lord, translation problems, semantic concepts, the Chuvash language.

В современном мире проживают свыше 40 тюркских народов, насчитывающих более 150 млн. человек. На территории бывшего СССР они представляют наиболее многочисленную группу неславянских народов.

Тюркские народы с древнейших времен живут среди разных народов и разных религий: шаманизма, буддизма, манихейства, индуизма, зороастризма, ислама, христианства и иудейства. Носители указанных верований стремились внедрить свои мировоззренческие ценности в сознание тюрков, привлекая тем самым их к собственной религиозной приверженности. Такая ситуация привела к сложной религиозной неопределенности, создав тем самым многообразие ценностных ориентиров. Придерживавшиеся первоначально тенгрианства тюрки постепенно начали переходить в другие религии.

Из современных религий тюркские народы исповедуют все веры, основой которых в большей или меньшей степени является учение Ветхого завета: иудаизм, христианство, ислам, а также буддизм. Христианства придерживаются чуваша, якуты, алтайцы и некот. др.

Библия и евангелие не так часто переводились на тюркские языки, причин тому много. На ряд тюркских языков бывшего СССР Евангелие переводилось раньше христианами миссионерами из России. Мы отмечали, что «чувашский народ в своей истории имеет четыре перевода Евангелий (1820, 1911, 2007, 2009). Если первый полный перевод остается в статусе памятника старочувашской письменности, то перевод 1911 г., до сих пор рассматривается как классический текст. Перевод 2007 г. максимально приближенный к практике обиходного чувашского языка, учитывает те смысловые и стилистические оттенки, которые имеют лексемы в разговорной речи, при нерегламентированном общении «простых людей». Новый перевод 2009 г. отличается от всех других тем, что он признается как фундаментальный перевод в новой редакции, рекомендованный как для использования в церковной службе, так и для изучения всеми православными христианами, носителями чувашского языка [Мукина, 2011, с. 95].

До недавнего времени люди боялись в силу идеологического ограничения произносить имя Бога. Была строгая цензура на его употребление в печатной продукции, в средствах массовой информации. В связи с этим, в русско-чувашском словаре (1971) и чувашско-русском словаре (1985) многие значения и словоупотребления, связанные богом, имели недостаточно развернутое толкование.

Помимо двух главных имен – *Бог*, *Господь*, такие понятия, как *Создатель*, *Всевышний*, *Мессия*, сочетание *Господь Бог* и многие другие реалии и понятия Библии – новы для некоторых народов, у которых мысль ранее не была занята христианским содержанием. Следовательно, и в языке чувашском нельзя было ожидать готовых слов и выражений для христианских понятий. Они должны были проникнуть в национальный язык как элемент нравственной новизны на почве чувашского мышления и участвовать в структурировании религиозного самосознания чувашей [Мукина, 2014, с. 76].

Раньше чуваша обходились одним именем Бога *Турă* со значением «Всевышний, создатель, хранитель, повелитель», а тюркские языки – со словом *Тэнir*, потом появились заимствования: *Кудай*, *Allah*, *Бурган*.

Н. И. Золотницкий в своем «Корневом чувашско-русском словаре» в третьем приложении пишет, что Бог по-чувашски *Тора, Турă, Тор'*. Далее он, ссылаясь на работу В. А. Сбоева «Заметки о чувашах» замечает, что чувашское название «Тора не имеет никакой связи с скандинавским Тор'ом, хотя многим хочется вывести отсюда доказательство финского происхождения чуваш, несмотря на то, что норманны, у которых точно был бог Тор, и финны, вовсе не знавшие Тора, отнюдь не одно и то же; скорее всего в чувашском *Турă* можно слышать отголосок монголо-татарского *Тангри, Тари*» [Золотницкий, 1875, с. 142].

И действительно, у тюркско-монгольских племен Бог называется *Тангре, Тенгри, Тенгер* (монг., туркм., уйг., тат.), *Тангри* (кирг.), *Тангара-Айы* – Бог, как источник творения, *Айы-Тангара* – Высшее Божество (якут.). Кроме того, у татар употребляется арабское *Алла* и персидское *Ходай*, у киргиз и алтайцев *Кудай*. Также и в современных тюркских языках для обозначения Бога наиболее употребительными являются три слова – *Тэнир, Кудай, Аллах*. Четвертое слово употребляется чаще в тувинском языке – *Бурган* «бог, божество, бурхан, идол, икона» [Перевод, 1996, с. 170].

Тэнир 'небо > бог', исконно тюркское слово, передающее все качества Бога: Создатель, Всевышний, объект поклонения. Слово имеет только положительное, уважительное ассоциативное значение. *Тэнир* имеется во всех тюркских языках, в разных фонетических вариантах [Федотов, 1996, с. 252–253].

В чувашском языке для обозначения Бога как Создателя, Всевышнего употребляется слово *Турă*. В яковлевском переводе Нового завета (1911) слова *Бог, Господь, Господи, Господи Боже* переведены одним словом *Турă*. В новом переводе Священного Писания на чувашский язык (2009) имена Бога переведены учитывая актуализацию в каждом из имен семантического компонента: *Бог – Турă, Господь – Ылхуса, Отец – Атте, Творец чудес – Кётретсем Тăвакан, Творец – Пултаракан, Создатель – Пултаракан, Всевышний – Ылти Турă, Вышний – Ылти Турă, Всемогущий – Пурне те Пултаракан Турă, Вседержатель – Пурне те Тытса Тăракан Турă, Предвечный – Ёмёртен малтанах Хушакан*. К примеру, идея творения мира передана лексемой *Пултаракан*, идея управления созданным миром, всемерного могущества Бога – *Пурне те Тытса Тăракан, Пурне те Пултаракан, Ылти Турă, Ылхуса*, а идея вечного, бесконечного и безначального существования *Ёмёртен малтанах Хушакан*, а *Ылти Турă* указывает на Его место в небесной иерархии. Существительное *Атте* содержит указание на отношение человека и Бога, которые в христианском мире мыслятся как двунаправленные: исходящие и от Бога, и от человека [Мукина, 2014, с. 79].

Перед библейским (и не только) переводчиком всегда стоит важная задача сделать текст (особенно древний) таким же понятным для сегодняшнего читателя, как для современников автора, сохранив смысл, стиль и не привнеся искажений. Перевод разных имен Бога на другой язык представляет значительную трудность. Поэтому чувашские переводчики признаются, что в своей работе прежде всего учитывали разъяснения святых отцов о значении каждого из имен. Слова *Бог* и *Господь* близки по значению, но разные по сути, поэтому отсутствие четкого терминологического разграничения понятий *Бог* и *Господь* заставляло чувашских переводчиков принимать разные терминологические решения, поскольку перевод имени *Господь* словом *Бог* в значительной степени сглаживает изначальную акцентуацию текста. А в некоторых книгах (особенно в книгах пророков) почти всегда употребляется именно слово *Господь*, и в этом скрыт глубокий смысл. Во многих местах библейского текста встречаются словосочетания *Господь господ, Бог богов, Господь Бог*. Только в книге «Бытие» сочетание *Господь Бог* встречается 36 раз, а во всей Библии – 967 раз. Если бы переводчики Священного Писания на чувашский язык пренебрегали различием между именами *Господь* и *Бог*, то многие места библейского текста остались бы нераскрытыми, например: *И насадил (Авраам) при Вирсавии роуц и призвал там имя Господа, Бога вечного* (Быт. 21:33); *Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с именем «Бог Всемогущий», а с именем Моим «Господь» не открылся им* (Исход 6:3); *Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть* (Втор. 6:4); *Увидев это (чудо пророка Илиш), весь народ пал на лицо свое и сказал: Господь есть Бог, Господь есть Бог!* (3 Царств. 18: 39).

Тюркские народы слово *Господь* давно переводят на свой язык: башк. *Хужа*, гаг. *Ходжа*, казах. *Ходжа*, к.-калп. *Хожя*, тат. *Худжа* – все это адекватно чув. *Хуса (Хозяин)*. Чувашские переводчики тоже сначала решили попробовать слово *Хуса*, но это всем казалось как-то приземленным, а позднее ввели *Ылхуса* букв. Высший Хозяин, который наверху, на небе. В новом переводе приведенные выше примеры выглядят таким образом: *(Авраам) Вирсавияра ката лартса тухнă, унта Ылхусанăн, ёмёрхи Туррăн ятне асанса чённĕ* (Быт. 21:33); *Эпĕ Авраама, Исаака тата Иакова Пурне те пултаракан Турă ятпа курăнтăм, Хамăн Ылхуса ятăмна вĕсене палăрмарăм* (Исход 6:3); *Эй, Израиль, итле: Ылхуса, пирĕн Туррăмăр – пёртен-пёр Ылхусамăр* (Втор. 6:4); *Ўакна курсасăн пётĕм халăх сĕре ўксĕ пуçсаннă та каланă: Турă – Ылхуса вăл, Турă – Ылхуса вăл! тенĕ* (3 Царств. 18:39).

Еще И. Я. Яковлев в 1873 г. в первом своем переводе Евангелия от Матфея на чувашский язык словосочетание *Отче наш* перевел *Ылти Аттемёр*, т. е. «отец, который наверху или который выше

всех». В представлении чувашей понятие *Сӹлхуҫа* связано с чем-то сверхъестественным, недостижимым, т. е. это слово передает все качества Бога: Создатель, Всевышний, объект поклонения и оно имеет только положительное, уважительное ассоциативное значение. Поэтому и переводчики, и ученые языковеды решили, что это самый подходящий термин по отношению к слову *Господь*, тем более он образован по самому распространенному способу словообразования в чувашском языке» [Мукина, 2012, с. 308].

Таким образом, современный качественный перевод книг Священного Писания на чувашский язык отвечает нравственным вызовам времени и отражает существо мировоззренческих ориентиров православного христианского мира. Одним из главных достоинств этого перевода является глубокое смысловое содержание совокупности различных имен Бога, в их контекстном сочетании для передачи непреходящих ценностей библейского текста в самосознание человека, структурирующего собственное мировоззрение. Кроме того, материалы перевода представляют большую научную ценность как объект исследования и предмет обоснования роли библейских текстов в формировании чувашского литературного языка, нового менталитета чувашей.

Сокращения

Кирг. – киргизский язык, монг. – монгольский язык, тат. – татарский язык, туркм. – туркменский язык, уйг. – уйгурский язык, якут. – якутский язык.

Библиография

- Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875. 279 с.
Мукина И. В. Перевод Библии в истории чувашского народа: (к 100-летию издания Нового Завета на чувашском языке) // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2011. С. 95–101.
Мукина И. В. Лексико-семантический анализ лингвоспецифичных слов в переводах Библии на чувашский язык // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 304–311.
Мукина И. В. Христианские понятия в языковой картине мира чувашей // Ашмаринские чтения. Чебоксары, 2014. С. 74–81.
Перевод Библии // Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты. М. 1996. 225 с.
Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары, 1996.

Р. П. Попова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БИБЛЕЙСКИХ ТЕРМИНОВ НА КОМИ ЯЗЫК

Аннотация. Перевод Библии на различные языки дает богатый материал для лингвистических, сравнительно-сопоставительных исследований и для переводоведения. Коммуникативная направленность перевода стимулирует изучение различных проблем, связанных с переводным текстом и его восприятием, отношением языка и культуры. История цивилизаций и письменностей свидетельствует, что все древние письменности и подавляющее большинство новых систем письма создавались для культово-религиозных целей. Переводы Священных писаний становились крупнейшими событиями в социальной истории многих языков. Писание и литургия на народном языке способствовали его авторитету и утверждению в качестве ведущего канала коммуникации в обществе. Переводы текстов Библии оказали и оказывают влияние на становление и развитие коми языка. В настоящее время переводится большое количество библейских текстов на финно-угорские языки, однако они не являются предметом специального исследования с научной точки зрения, из чего вытекает актуальность темы. В статье рассматриваются основополагающие библейские термины и их перевод на коми язык.

Ключевые слова: коми язык, письменность, перевод, библейские термины, принципы перевода.

R. P. Popova

FEATURES OF TRANSLATING BIBLE TERMS INTO THE KOMI LANGUAGE

Abstract. Translation of the Bible into various languages provides rich material for linguistic, comparative-contrastive studies and for translation studies. Communicative orientation of translation stimulates the study of various problems related to the translated text and its perception, the relationship of language and culture. The history of civilizations and writings shows that all the ancient written languages and the vast majority of new writing systems were created for cult-religious purposes. Translations of the Holy Scriptures became major events in the social history of many languages. The Holy Scriptures and divine services in a popular language contributed to its authority and affirmation as the leading channel of communication in the society. Translations of Bible texts exerted and continue to exert an influence on formation and development of the Komi language. Currently, a large number of biblical texts are translated into the Finno-Ugric languages, but they are not the subject of a special study from a scientific point of view, which implies the relevance of the topic. The article deals with the basic biblical terms and their translation into the Komi language.

Keywords: the Komi language, writing, translation, biblical terms, principles of translation.

История перевода Священного писания на коми язык связана с именем Стефана Пермского. Стефан Храп, канонизированный впоследствии под именем св. Стефана Пермского, известен не только как первый креститель коми-зырян, но и как создатель древнепермской (древнекоми) письменности. Стефан Пермский создавал ее в первую очередь для перевода на коми-зырянский язык библейских и

литургических текстов. Создание письменности для малого народа во второй половине XIV в – явление уникальное не только в истории народа коми, но и других народов России. Переводы Стефана Пермского являлись первыми христианскими текстами, переведенными на финно-угорские языки. На основе сохранившихся фрагментов древнезырянских текстов выясняется, что Стефаном Пермским были переведены некоторые главы Нового и Ветхого Завета и части литургии Иоанна Златоуста.

Как отмечает А. П. Хузангай, для тех народов, на языки которых Библия была переведена давно – это собрание классических текстов, неотъемлемая часть филологической традиции, произведение литературно-художественного творчества. Библия и ее переводы оказали огромное влияние на формирование и развитие, а порой и сохранение языков, приобщение к христианской культуре [Хузангай, 2008, с.103–106]. Каждый новый перевод Библии, особенно если это первый перевод, становится большим событием в культурной жизни народа и вместе с тем вкладом этого народа в культурный фонд всего мира. Не только богословским, но и научным и культурным кругам предстоит определить свое отношение к возрожденной деятельности по переводу Библии, осмыслить место и ценность таких переводов для историко-культурных традиций разных народов, в том числе и многочисленных народов России.

В отношении библейского перевода сегодня перед богословскими и культурными кругами стоят две основные задачи: перевести Библию на языки, на которые она еще не переведена (полностью или частично – зависит от численности народа), и осуществить новые переводы на языки, на которые она уже была переведена, согласно духовным требованиям и культурным традициям современного читателя.

По мнению Б. Араповича, основные проблемы перевода Библии, такие как выбор исходного текста (переводить можно непосредственно с оригиналов, т. е. Ветхий Завет с еврейского, а Новый Завет с греческого подлинника, или использовать в качестве посредника какой-либо другой перевод), решение в пользу буквального или смыслового перевода, перевод библейских реалий, терминологии и т. д., имеют универсальный характер, с ними переводчики сталкиваются всегда.

В 2008 г. вышел в свет современный перевод Нового завета на коми языке [Выль, 2008]. Перевод был выполнен в Институте перевода Библии и в этой связи следует подчеркнуть, что переводы, выполненные в Библейских обществах и Институте перевода Библии, являются неконфессиональными, предназначенными для широкого круга читателей. До 2008 г. в полном объеме книги Нового завета издавались на коми языке дважды: «Выль кӧсьысьӧм» в 1979 г. и ротапринтное издание Библии 1990 г. До этого времени были лишь переводы отдельных книг Нового завета, чаще евангелий. Несмотря на это библейская терминология коми языка имеет давнюю и богатую историю. Основная терминология для перевода книг Священного писания начала вырабатываться еще в XIV в., в период принятия коми народом христианства. Данный период связан с деятельностью миссионера С. Пермского. В XVIII–XIX вв. наблюдается активная работа по переводу книг Священного писания на коми язык, включение в словарный состав новых библейских понятий и терминов [Кузнецова, 1968]. Однако этот интересный пласт лексики долгое время находился в пассивном запасе по причине невозможности использования его в богослужебных целях (использовался церковно-славянский язык), а в дальнейшем, в так называемые богоборческие времена, по идеологическим причинам, что привело к исчезновению многих терминов. Выход в свет книги «Выль кӧсьысьӧм» и работа, которая ведется по переводу Библии на коми язык, имеет большое значение для развития коми литературного языка.

Прежде чем перейдем к рассмотрению библейской терминологии, хотелось бы остановиться на существующих принципах библейского перевода, поскольку это непосредственно связано с терминологией, с ее введением и использованием в текстах.

Перевод древних текстов явление не только лингвистическое, но вместе с тем и культурное. При переводе не просто заменяют конструкции одного языка на другой, но знакомят читателя, принадлежащего к одной культуре, с текстом, относящимся к другой традиции, при этом весьма несхожей с первой. Если учесть, что в тексте имеется богословский смысл, то задача усложняется вдвойне. В какой мере лингвистический перевод подразумевает культурный? В одном случае это может быть стремление приблизить читателя к культуре источника (архаизация). Подобные тексты основываются на принципе дословного перевода, настаивающие на этимологическом соответствии отдельных слов и выражений. Такого рода переводы уместны для внутрицерковного использования, но не для широкого круга читателя, поскольку будет возникать масса вопросов, решить которые читатель сможет только обратившись к дополнительным источникам информации. В другом случае, напротив, есть стремление приблизить текст в максимально близкую для читателя среду (так называемое осовременивание). Как правило, это встречается в текстах, основывающихся на принцип смыслового перевода, которые добиваются соответствия смысла оригинала смыслу перевода, часто отказываясь от исторических и культурных реалий. В переводах, выполненных в Институте перевода Библии, можно заметить опору

на функциональный принцип перевода, где чаще всего создается условный мир, занимающий среднее положение между культурой оригинала и культурой аудитории.

В данной статье хотелось бы остановиться на отдельных основополагающих библейских терминах, введенных в современный перевод Нового завета на коми языке, в сравнении с ранее изданными переводами, в частности, переводами Г. С. Лыткина, переводами В. И. Попова, пробными изданиями евангелий, вышедшими в конце 90-х гг. XX в.

Господь. В греческом языке слово *кириос* имеет значения «хозяин, господин». На русский язык он переводится словом «господин», в синодальном переводе Библии звучит как «Господь», что является звательной формой слова *господин*. В «Историко-этимологическом словаре русского языка» дано следующее толкование данного слова: «Господь – стар. Зват. п. господин, сложное слово, восходящее к **gost(bj)b-podь*, что первоначально могло бы значить гостеприимный, принимающий чужестранцев хозяин» [Черных, 1994, с. 209]. В коми переводах имеются разные варианты данного термина. В самых ранних переводах, выполненных С. Пермским, это слово звучит как *Мезӧс*. В «Кратком этимологическом словаре коми языка» слово *мезӧс* ‘господь-бог, спаситель’ связано со словом *мезмыны* ‘освободиться’, удм. *мозмыны* ‘освободиться, вырваться’, общп. **mez* [Лыткин, Гуляев, 1999, с.171]. В современном коми языке термин *Мезӧс* вышел из употребления. В переводах Г. С. Лыткина (1889) и переводах В. И. Попова (1979, 1990) используется заимствованный термин *Господь*: *Израиль пиянлысь унаясӧс наялӧн Господь Ен дорӧ бергӧдас* [Лука, 1:16, пер. Г. С. Лыткина]; *И унаӧс Израиль пиян пытшкысь бергӧдас налӧн Господь Ен динӧ* [Лука, 1:16, пер. В. И. Попова]. В пробных изданиях евангелий (1995) предлагается термин *Ыджыд*: *Сійӧ луннас меным унаӧн шуаласны: Ыджыдӧй, Ыджыдӧй, эгӧ ӧмӧй тэнад нимсянь ми юӧрталӧй* [Матфей, 7:22]. Термин *Ыджыд* весьма условно имеет значение «хозяин, господин». В коми языке только во фразеологизме *ачым ыжыд и ичӧт* ‘сам себе хозяин’, букв. сам себе большой и маленький) данное слово несет в себе значение «хозяин». В современном переводе оставлен термин *Господь*: *Оз быдӧн, кодӧ шуӧ Меным: Господьӧй, Господьӧй, пыр Енэжвыв Юраланиӧ* [Матфей, 7:21]. Термин *Ыджыд* используется в современном переводе в значении «владыка». В настоящее время пока не создан коми термин для понятия *Господь*.

Понятия *Царство Божие* и *Царство Небесное* имеют одно и то же значение. Это становится очевидным при сравнительном анализе евангельских текстов. Евангелист Матфей предпочитает выражение *Царство Небесное* и только изредка использует *Царство Божие*. В то же время в аналогичном контексте евангелисты Марк и Лука употребляют почти исключительно выражение *Царство Божие*. Термин *Царство Божие* в библейских текстах несет два значения: место правления и форма правления. В этой связи в переводах встречаются разные термины для передачи этих значений. В переводах Г. С. Лыткина для значения «место правления» используется термин *Вылысвылса Сарсво*, а для значения «форма правления» термин *Енлӧн Каналӧм*: *Майбырӧсь лолӧн коньӧраяс; мый-тай наялӧн эм вылысвылса сарсво* [Лыткин, 1889, с. 223]; *Мед вежасяс нимыд тэнад, мед воас каналӧмыд тэнад* [Лыткин, 1889, с. 36]. В «Кратком этимологическом словаре коми языка» слово *kanalni* дп. ‘править, управлять, царствовать’ связано со словом *kan* ‘государство’, удм. *кун* ‘государство’, общеп. **kán* ‘хан, ханство’ [Лыткин, Гуляев, 1999, с.116]. Долгое время слова с корнем *kan* не употреблялись в коми языке. В современный коми язык вновь введены слова с корнем *kan* в качестве неологизмов. В переводах, выполненных В. И. Поповым, для данных значений предлагается термин *Помасьтӧм олӧм*: *Тайӧ кадсянь Исус пондӧс велӧдны и висьтавлыны: бергӧдчӧй бурмывкыдӧ, со, воис Енэжвыв помасьтӧм олӧм* [Матфей, 4:17]. Данный термин в большей степени подходит для понятия «жизнь вечная», поэтому в современных переводах используется именно в этом значении. В пробных изданиях евангелий для понятия «Царство Божие» был введен термин *Ыджыдалӧм*. В словаре «Коми-роч кывчукӧр» дается следующий перевод данному слову: *ыджыдалӧм* 1) хозяйничанье, командование, господство, за-силье [Коми-роч, 2000, с. 757]. Как видим, в коми языке слово *ыджыдалӧм* несет в себе негативный оттенок, поэтому данный термин в дальнейшем был исключен из современных переводов. В новом переводе книги «Виль Кӧсйысьӧм» для термина «Божье Царство» также используется два варианта *Енэжвыв Юраланин* как место правления и *Енлон Юралӧм* как форма правления: *Веськыда висьтала тӧянлы: озырлы сьӧкыд пырны Енэжвыв Юраланиӧ* [Матфей, 19:23]; *Шудаӧсь тӧ, ловныдлы корысьяс, ӧд тӧян эм Енлӧн Юралӧм* [Лука, 6:20]. На наш взгляд, варианты, приведенные в современном переводе, являются наиболее удачными.

Слава Божья. Слава (евр. *кавод*, греч. *докса* ‘честь’). Слава Божья – одно из центральных понятий Библии. По отношению к богу оно означает прежде всего его величие, а также сияние, исходящее от него при его приближении. В греческом языке слово *докса* несет в себе два значения – «сияние» и «хвала». В этой связи в разных переводах по-разному выделяют доминанту. Рассмотрим варианты переводов данного термина на коми язык на примере 32 стиха главы девятой евангелия от Луки. В ранних

стефановских текстах данный термин употребляется как *нималан* 'слава'. Этот же термин использует в своих переводах Г. С. Лыткин, только в форме *нималом*: *Петыр, сыкдд вольсыяс узддн сыкдддмдмабсь вольны; кодыр-но садьмысны, адзылысны Сылысь нималомсд* [Лука, 9:32]. В современном коми языке *нималом* имеет значение «известность, слава, популярность» [Коми-роч, 2000, с. 430]. Контекстуально он не передает значение «сияние и величие». В. И. Попов переводит данный термин как *Енлөн мичлун*, что означает божью красоту: *А Петырös и сыкдд вольсыясös личкис ун; но садьмдм бöраныс аддзисны мичлунсд Сылысь* [Лука, 9:32]. Однако следует признать, что термин *Енлөн мичлун* не несет значения «сияние и хвала». В пробных изданиях евангелий был предложен термин *дзирдалом*, который в полной мере раскрывает одно из значений оригинала, а именно – сияние: *Морт Пи Ай дзирдаломнас андельяскдд воас, сэки быдддны удж сертиныс мынтас* [Матфей, 16:27]. В новом переводе, беря за основу значение «сияние», вводят неологизм *дзирдлун*: *Енлөн дзирдлун: Петыр ертъясыскдд чорыда узисны. Садьмдм бöраныс аддзисны Исуслысь дзирдлунсд* [Лука, 9:32].

Перевод книг Священного писания является важным и нужным в деле сохранения и развития словарного состава языка, совершенствования литературного коми языка, расширения его функциональных возможностей.

Библиография

- Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И., Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000.
 Бур Юёр. Марк серти Евангелльö. Стокгольм–Хельсинки: Библия вудждан институт, 1995.
 Виль Кösйысьöм. Библия мукдд кыв вьлö вудждан институт, 1979.
 Виль Кösйысьöм. Хельсинки: Библия вудждан институт, 2008
 Кузнецова З. И. Язык письменных коми памятников XVIII века: автореф. дис. канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1968.
 Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
 Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. Санкт-Петербург, 1889.
 Хузангай А. П. Социокультурная значимость чувашских переводов евангелий // Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ. М., 2008. С.103–106.
 Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1994. Т. 1.

C. Сааринен

ГРАММАТИКА МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА (ELEMENTA GRAMMATICES TSCHEREMISSÆ, 1845) М. А. КАСТРЕНА

Аннотация. В статье рассматривается грамматика горного наречия марийского языка, опубликованной на латинском языке в 1845 г. М. А. Кастреном. Автором выявляются ее недостатки и достоинства, подчеркивающие особую ценность этой ранней грамматики. Кроме того, в работе раскрывается огромный вклад М. А. Кастрена в изучение уральских языков и становление финно-угорского сравнительного языкознания.

Ключевые слова: М. А. Кастрен, горномарийский язык, грамматика, грамматикография, филология.

S. Saarinen

GRAMMAR OF THE MARI LANGUAGE (ELEMENTA GRAMMATICES TSCHEREMISSÆ, 1845) M. A. CASTRÉN

Abstract. The article considers grammar of the Hill Mari dialect, published in Latin in 1845 by M. A. Castrén. The author reveals the shortcomings and merits of the book, emphasizing a special value of this early grammar. In addition, the work reveals insight into M. A. Castrén's enormous contribution to the study of the Uralic languages and the development of Finno-Ugric comparative linguistics.

Keywords: M. A. Castrén, the Hill Mari language, grammar, grammaticography, philology.

М. А. Кастрен (1813–1852) был исследователем, проложившим новые пути в финно-угорском языкознании. За свою недолгую жизнь (умер М. А. Кастрен в возрасте 38 лет) он совершил длительные экспедиции ко всем финно-угорским и самодийским народам. М. А. Кастрен первым указал на родство самодийских и финно-угорских языков. Он собрал языковой материал по всем языкам уральской языковой семьи, а также по языкам некоторых соседних им народов, например, кетскому и тунгусскому. В 1851 г. М. А. Кастрен был избран первым профессором финского языка Императорского Александровского университета (совр. Хельсинкский университет). В сферу его деятельности помимо финского языка входили и все уральские языки, а также культура данных народов.

За свою недолгую жизнь из своего богатейшего материала М. А. Кастрен успел подготовить к печати только три грамматики. Одной из них была грамматика марийского языка, а если быть более точным – грамматика горного наречия марийского языка. М. А. Кастрен начал работу над составлением грамматики в 1844 г. в г. Хельсинки еще до отправления в свою последнюю экспедицию, которая про-

тянулась до Китая и длилась четыре года. В г. Хельсинки он имел возможность поработать с марийским информантом, которого он нашел среди русских солдат, и который был родом из Козьмодемьянска, т. е. центральной части территории расселения горномарийцев. Кроме того, в Хельсинкском университете в его распоряжении были первые грамматики марийского языка – «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка» [Сочинения, 1775] и «Черемисская грамматика» [Черемисская, 1837], а также несколько религиозных книг, среди которых все евангелия, деяния апостолов и откровение Иоанна Богослова, а также катехизис на марийском языке.

Отправившись весной 1845 г. в экспедицию, в апреле М. А. Кастрен остановился в г. Казани, где привлек на помощь марийских информантов и там завершил работу над грамматикой марийского языка. Предисловие к грамматике датировано первым мая 1845 г. – тогда он отправил её в Финляндию и продолжил своё путешествие в Сибирь. Грамматика вышла в том же году на латинском языке.

Грамматика 1775 г. [Сочинения, 1775] содержит описание лугового наречия марийского языка – однако встречаются и отклонения; грамматика 1837 г., как указывалось выше, посвящена горному наречию марийского языка. Другие тексты, использованные М. А. Кастреном в качестве источников, также частично относились к луговомарийскому наречию, частично – к горномарийскому. В начале XIX в. не существовало четкого представления о диалектах марийского языка и различиях в них, тем не менее, Герхард Фридрих Мюллер (рус. Миллер, 1705–1783) и Ганс Конон фон дер Габеленц (1807–1874) в своих работах указывали на различия между языком и культурой среди различных групп марийцев [Иванов, 1981, с. 12].

Грамматика М. А. Кастрена небольшая, содержит всего 86 страниц, включая вводную часть, из них последние 15 страниц составляет глоссарий.

Наибольшие трудности у М. А. Кастрена вызвало описание фонетики марийского языка. В начале XIX в. проведение фонетических исследований все еще оставалось в зачаточном состоянии, по этой причине М. А. Кастрен не имел предпосылок для достоверного анализа качества редуцированных, или свехкратких, гласных фонем. Он дает описание «быстрого», иногда еле слышного произношения некоторых гласных и изменения их качества при этом. Поскольку для обозначения гласных фонем М. А. Кастрен использует символы только латинского алфавита, он применяет их и при обозначении редуцированных гласных, отмечая при этом изменение качества гласного в зависимости от фонетического окружения. Фонетический анализ, проведенный при помощи современных технических средств, подтверждает, что качество редуцированных гласных варьируется и зависит от других гласных слова [Викстрём, Зорина, 2007, с. 41, 45, 79–82].

Другой проблемой, связанной с гласными, стало варьирование гласных в диалектах, например, горномарийской гласной фонеме *ä* в луговомарийском соответствует фонема *a*, горномарийской *a* – фонема *o*. Поскольку число информантов и литературных источников М. А. Кастрена было ограниченным, он не смог определить данные изменения как диалектные варианты, и они остались без объяснений.

Описание М. А. Кастреном согласных фонем горномарийского наречия более полно соответствует современному представлению о них. Он выявляет, что согласные *b*, *d* и *g* марийского языка по своему произношению являются спирантами, и сравнивает их с соответствующими звуками саамского языка. Постальвеолярные фрикативные согласные (*š*, *ž*) и аффрикату (*č*) он указывает при помощи соответствующих альвеолярных согласных, добавляя к ним надстрочный апостроф: *s'*, *z'* и *c'*. М. А. Кастрен достаточно точно описывает различные изменения в произношении согласных, вызываемые фонетическим окружением, т. е. фонотактические изменения.

В системе склонения имен в горномарийском наречии М. А. Кастрен выделяет 10 падежей: номинатив, генитив, аккузатив, датив, иллатив, инессив, аблатив (или элатив), суперлатив, каритив и инстректив. Таким образом, он не следует принципам описания, использованным при составлении ранее опубликованных в России грамматик, в которых представлено только шесть падежей, т. е. первые четыре из перечисленных выше, а также вокатив (звательный падеж) и инструменталь. Помимо суффикса датива, соответствующего по структуре показателю финского аллатива, он определяет более длинный вариант суффикса *-läinin* – «целевой датив», выражающий значение «к кому / чему». М. А. Кастрен сравнивает способы образования и употребления падежей с соответствиями в родственных языках.

В марийском языке нет настоящего элативного падежа, однако М. А. Кастрен, как и некоторые другие составители грамматик XIX в., послелог *gäic* определяет как падежный формант. Падеж, обозначенный им как суперлатив, также является послеложной конструкцией, в которой «падежным формантом» выступает послелог *gac* 'через'. Показатель каритива *-me*, *-de* М. А. Кастрен совершенно правильно соотносит с соответствующими падежными формантами в финском, саамском и коми языках.

Инструктив, по его мнению, может иметь только *n*-овый показатель (как генитив). Кроме того, инструктивными он считает формы, в которых к существительному присоединен послелог *тон, дон* 'с', и которые ранние грамматики именуют инструменталем.

М. А. Кастрен также упоминает несколько падежей, которые он не относит к регулярному склонению. Так, в наречиях и послелогах выступает локативный показатель *-на, -nä*, соответствующий по своему происхождению падежному форманту финского эссива. В опубликованной в 1837 г. в г. Казани марийской грамматике он находит аблативный показатель *-лец*, который он правильно интерпретирует как диалектный вариант. В этой же грамматике представлен вокатив, однако ни в марийском языке, ни в финском такого падежа не существует; в вокативной функции здесь выступает чисто номинативная форма или форма, снабженная притяжательными суффиксами. М. А. Кастрен говорит также о комитативной семантике суффикса *-ке, -ге*, хотя и не включает его в систему склонения.

Разряды прилагательных, местоимений и числительных, включая и подгруппы, а также их склонение М. А. Кастрен описывает очень точно. Кроме того, он обращает внимание на изменение порядка расположения падежных формантов, показателя множественного числа и притяжательных суффиксов, которое он иллюстрирует в таблицах, занимающих в грамматике три разворота.

Описание системы спряжения глагола в ранних грамматиках марийского языка носит предположительный характер. У составителей грамматик вызывала трудности, среди всего прочего, категория времени: в марийском языке помимо настоящего времени существует два прошедших времени – первое и второе прошедшее время, основное различие между которыми заключается в отношении говорящего к действию, выраженному глаголом, – очевидному для говорящего или очевидцем которого он не является (очевидное и неочевидное действие). В грамматике 1775 г. представлены обе формы прошедшего времени и обозначены как прошедшее совершенное (первое прошедшее время) и давно прошедшее (второе прошедшее время), однако их парадигмы в некоторых местах перепутаны. Формы первого прошедшего времени частично продолжают выступать в своей первоначальной аналитической форме, т. е. глагол 'быть' еще не полностью превратился в суффикс, присоединяемый к герундию. В грамматике 1837 г. дано спряжение только одного, или современной формы второго прошедшего, времени. Однако, наряду с этим, «отдельные глаголы» в некоторых лицах имеют отличные от второго прошедшего времени формы, т. е. формы первого прошедшего времени. М. А. Кастрен указывает на эти различия, однако рассматривает данное явление как диалектное варьирование. В его грамматике единственной формой прошедшего времени выступает второе прошедшее время современного марийского языка. То же самое наблюдается в опубликованной в 1847 г. грамматике горномарийского наречия, составленной эстонским языковедом Фердинандом Иоганном Видеманном.

Неточное толкование форм прошедшего времени марийского языка составителями ранних грамматик связано с использованием ими письменных источников, в частности, текстов евангелий, в которых не описывается очевидное для повествователя действие, поэтому и формы первого прошедшего времени в них отсутствуют. Авторы грамматик, несомненно, слышали от информантов формы первого прошедшего времени, однако они не могли предположить существование двух разных форм прошедшего времени, прежде всего, по той причине, что ни в финском, ни в эстонском, ни в русском языке очевидность действия не может вызывать подобных различий. Примечательно, что в отрицательных формах глагольного спряжения, тем не менее, М. А. Кастрен параллельно дает формы и первого и второго прошедшего времени. Отрицательные формы первого прошедшего времени он ошибочно считает возникшими под влиянием татарского языка.

Авторы грамматик марийского языка, составленных в России, придерживаются русских лингвистических традиций, поэтому в них, к примеру, выделяется также и будущее время. Отдельной подобной категории в марийском языке не существует, другими словами, формы будущего времени идентичны с формами настоящего времени за исключением глагола «быть», в форме будущего времени которого используется основа *ли-*.

М. А. Кастрен, как и другие составители грамматик, представляет парадигмы обоих спряжений марийского языка. К категории наклонения помимо индикатива он относит парадигмы оптатива (совр. желательное наклонение) и императива. В примечаниях, содержащихся в грамматике, М. А. Кастрен также описывает конъюнктив, выражаемый при помощи частиц (первоначально глаголов) *ыльы* или *ылгецй* или путем добавления к основе глагола суффикса конъюнктива *-гец(й)* и лично-глагольного окончания.

В грамматике М. А. Кастрена даны две формы инфинитива: настоящего времени с суффиксом *-аш* (совр. основной инфинитив) и будущего времени с суффиксом *-шаш* (совр. причастие будущего времени). Кроме того, представлены два герундия: настоящего времени на *-мыла* и прошедшего времени

на *-мыкы*, а также два причастия: настоящего времени на *-шы* и прошедшего времени на *-мы*, которые, согласно современным представлениям, не имеют различий во времени, а различаются лишь с точки зрения залога (активный / пассивный).

М. А. Кастрен дает всего четыре словообразовательных суффикса глаголов: *-эм-*, *-т-*, *-л-*, которые имеют соответствия как в финском, так и других финно-угорских языках, а также суффикс *-кал-*. В грамматику он добавил список послелогов, включающий 16 наименований. Некоторые из них достаточно широко представлены и в списке наречий. Союзы делит на две группы – заимствованные из русского языка и исконные. В конце раздела грамматики он включил список основных междометий.

Граматику продолжает глоссарий, состоящий из 700 марийских слов с латинским переводом. Кроме того, М. А. Кастрен указал этимологию многих лексем. Этимология значительной части русских и татарских заимствований верна, т. к. она достаточно прозрачна. Параллели, проведенные с другими финно-угорскими языками, в основном являются ошибочными, что вполне понятно, так как во времена М. А. Кастрена историческая фонетика финно-угорских языков все еще оставалась неразвитой.

Грамматика Кастрена – это краткое описание базовой структуры горномарийского наречия, недостатки которой показаны в настоящей работе. Достоинство грамматики заключается в том, что при описании М. А. Кастрен исходит от реальных данных, а не пытается «затолкать» марийский язык в рамки русской грамматики. И как результат этого – он первым представил в падежной системе марийского языка инессив, иллатив и каритив, которые полностью отсутствуют в предыдущих грамматиках. М. А. Кастрен четко и последовательно описывает спряжение глаголов, хотя в парадигме отсутствуют аналитические формы прошедшего времени, представленные в грамматике 1837 г. Основой, обеспечивающей достоверность и точность результатов его трудов, послужило знание финно-угорских языков. Рассматриваемые факты были знакомы ему или через финский язык, или через другие родственные языки, изученные им.

Библиография

- Викстрём О., Зорина З. Звуковой строй современного горномарийского языка. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. гос. ун-та, 2007. 191 с.
Иванов И. Г. Марий диалектологий. Университетсье студент-влаккан тунемме книга. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1981. 98 с.
Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка. СПб.: При Император. акад. наук, 1775. 136 с.
Черемисская грамматика. Казань: Университет. тип., 1837. 248 с.
Wiedemann F. J. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache nach dem in der Evangelienübersetzung von 1821 gebrauchten Dialekte. Reval: Verlag von Franz Kinge, 1847. 272 с.

И. Р. Сaitбатталов, Ю. А. Сaitбатталова

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА СТАРОТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКИ¹

Аннотация. Перевод письменных памятников на старотюркском литературном языке, создававшихся в разных регионах Евразии в XI–XIX вв., требует применения не только обычных процедур, связанных с лексической, грамматической, семантической адаптацией смысла оригинального текста к законам переводного языка, но и ряда специальных действий герменевтического характера, имеющих целью уточнение и выявление границ заложенного автором смысла, а также обнаружением вариантов понимания, характерных для той культуры, в рамках которой эти памятники создавались.

Ключевые слова: старотюркский язык, перевод, внутриязыковой перевод, культурологический аспект перевода.

I. R. Saitbattalov, Yu. A. Saitbattalova

CULTUROLOGICAL ASPECT OF TRANSLATION OF THE OLD TURKIC TEXTS INTO MODERN LANGUAGES

Abstract. Translation of Old Turkic literary language written monuments that were created in different regions of Eurasia in the 11th–19th centuries requires not only ordinary procedures related to lexical, grammatical and semantic adaptation of the original text meaning to the laws of the translated language, but also a number of special hermeneutical actions, aimed at clarifying and revealing the boundaries of the author's meaning, as well as discovering the options of understanding that are characteristic of the culture in which these monuments were created.

Keywords: Old Turkic language, translation, intralinguistic translation, cultural aspect of translation.

¹ Публикация подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект МК-5443.2018.6) и РФФИ (проект 17-04-00193-ОГН).

В настоящей работе под старотюркским языком (языком тюрки) понимается группа письменных литературных идиомов, распространенных в Средние века и Новое время среди тюркских народов, исповедующих ислам и использовавших в основном арабскую графику. Эти идиомы имели наддиалектный характер и сочетали в разных пропорциях черты карлукской, огузской и кыпчакской групп тюркских языков, были плотно насыщены арабскими и персидскими лексическими заимствованиями, а также, благодаря общности литературной традиции и ее влиянию на позднейших авторов, несли в себе большое количество архаичных особенностей [Благова, 1990, с. 576]. На этом языке была создана богатая и разнообразная литература: множество текстов религиозного, философского, мистического, историографического содержания – как поэзия, так и проза, следующие в основном арабским и персидским образцам и творчески развивающие общемусульманские традиции.

Взаимодействие старотюркского с живыми тюркскими языками имело сложный характер: с одной стороны, старотюркские письменные идиомы вольно или невольно испытывали влияние тех диалектов, носителями которых были авторы создаваемых на них текстов, с другой – сами оказывали влияние на разговорные языки, прежде всего на лексическую и синтаксическую системы.

Во второй половине XIX в. по всему ареалу распространения старотюркского языка наметился кризис, обусловленный неспособностью традиционной письменной нормы обслуживать запросы стремительно модернизирующихся тюркоязычных обществ, и из нее начали выделяться национальные литературные языки отдельных народов (азербайджанский, крымскотатарский, казахский и др.) [Іnan, 1991, с. 188]. Конец существованию этого идиома был положен планомерным языковым строительством в СССР и Турции в 1920–1930 гг.

В нашей стране в ходе этого строительства тюркские народы дважды пережили смену графической основы национальных языков (на рубеже двадцатых и тридцатых годов – с арабской на латинскую, спустя десять лет – с латинской на кириллическую) и утратили возможность прямого обращения к письменным памятникам более ранних эпох. Возникшие к этому времени новые, советские национальные литературы строились не только на другой языковой основе, но и на иных культурных и эстетических основаниях, имеющих европейское происхождение. Все это привело к разрыву не только письменной традиции, но и традиции понимания старинных текстов. Ее носители предельно четко осознавали происходящее и понимали, что будут последними подлинными читателями своих книг: «Я пишу и переписываю не с тем, что это прочитают те, кто будет после нас. Ясно, что безбожные латинисты не нуждаются и не будут наслаждаться чтением тюркских книг – произведений тюрков и мусульман, исчезнувших в этом государстве» [Фэхретдин, 2009, с. 135].

В результате, когда обращение к старотюркскому письменному наследию стало возможным, назрела необходимость его перевода на современные национальные языки и русский, однако он наталкивается на ряд трудностей методологического характера. Они связаны с двумя факторами: уже отмеченным разрывом традиции, из-за которого от внимания переводчика ускользают значительные пласты содержания, обусловленного той культурой, в рамках которой создавался текст, а также несовпадением априорных герменевтических ожиданий переводчика с той языковой и культурной реальностью, которая наличествует в тексте.

Лингвокультурологические подходы сосредоточены на восстановлении «изначального облика» культуры по данным содержания лексики и фразеологии национального языка и в данном случае бесполезны: и старотюркский язык вообще, и язык каждого памятника в отдельности имеет до- или вненациональный характер. Кроме того, лингвокультурологические методы, сосредоточенные на выяснении этимологий, синонимических связей, активности языковых единиц во фразеологии и их частотности, мало применимы для идиомов, родовой чертой которых является смешанный характер лексики. Противоположный подход, согласно которому «выражено лишь то, что выражено» приводит к буквализму и не ведет к пониманию текста. Сложность здесь состоит именно в установлении того, что входит в план содержания языкового знака в старотюркском тексте: словарная дефиниция (если да, то какая именно – арабская, персидская, зафиксированная в словаре, современном тексту или современном нам?) или нечто большее, и где границы этого большего? Данная процедура требует глубокого знакомства с той культурой, в рамках которой был создан текст, с ее философскими, религиозными, эстетическими основаниями.

Вторая сложность перевода старотюркских письменных памятников на современные языки связана с априорными герменевтическими ожиданиями переводчика – мыслительными привычками, сформированными тем способом смыслополагания, который характерен для его собственной культуры. Эти ожидания, как правило, не формализуются и не высказываются специально, так как представляют собой «очевидности» логического порядка, однако способствуют переинтерпретации его формы и содержания, а также незамечанию переводчиком тех или иных черт, свойств и элементов

оригинала и, следовательно, образованию непереуведенного [Чалисова, 2010, с. 386]. Коммуникация в таких случаях может быть или казаться успешной, однако к подлинному пониманию она не ведет. В случае со старотюркскими текстами априорные герменевтические ожидания возникают в силу иллюзии принадлежности автора и переводчика к одной культуре (башкирской, татарской и др.), хотя на деле это не так. Рассмотрим эти сложности и способы их преодоления на конкретных примерах.

На рубеже XVIII–XIX вв. богослов и поэт Тадж ад-Дин ибн Йалчигул, башкир рода Айле по происхождению, создал книгу «Рисала-и ‘Азиза» ‘Послание к Азизе’ – прозаическое толкование большой поэмы «Сабат ал-‘аджизин» (Непоколебимость слабых) среднеазиатского мистика Аллахийара, в которой стихи сопровождаются развернутым богословским и этическим комментарием, сам объем которого наглядно демонстрирует величину содержания старотюркского текста по сравнению с выражением. В 2015 г. был опубликован перевод этого текста на современный татарский язык. Сравним один фрагмент в оригинальном тексте и переводе. Курсивом выделены фрагменты, сложные для понимания вне контекста арабо-мусульманской культуры в целом:

Ст.Т.: Кил, эй бәндә, үзенне сал Ходала, // Кәзага рази бул, сабр ит бәлагә.

Йәгни анчалайын бәндә, үзенне *ихтийар-и джәз’ең* илә Ходала салгыл, салмак улдыр: әүүәл *мәшиукың* хөкменә вә биргән бәлаләренә сабр әйләгел, *джәзәг вә фәзәг* әйләмәгел, нитәки мәшарикдә килтүрелмеш Аллаһу Тәгаләнең пәйгәмбәренә хитаб итде бөйлә дийү: “Әгәр безләренә биргән ниғмәтләремезгә шөкөр әйләмәсә вә килдеке бәлаләремезгә сабр әйләмәсә, әйткел анчалайын кол безнең йеремез илә күгемез арасындан чыксун, башкә тәнрене эстәсүн”. Диде: “Эй гәзиз мән, аңла ки, кәза илә бәланең фаркы улдыр: кәза дидекләре Аллаһу Тәгаләнең *әзал* көнендә бәндәләрегә әндазә әйләб, Ләүх әл-мәхфүздә йазғандыр. Аны кәза дирләр. Качан ки ул бәндә *галәм-и һәйүлидән галәм-и сурә* килсә, байакы әндазә әйләдеке кәза бу бәндәнең башына уғрасә, аны бәлә дирләр [Тадж ад-Дин, 1885, с. 307].

Тат.: Кил, эй бәндә, үзенне сал Ходала, // Казага разый бул, сабыр ит бәлагә.

Ягъни, андый бәндә, үзеннең *ихтияри йөзеңне (өлешен; омтылуыңны)* Ходала сал. Салуың шул булыр: ул *сөйгән кешесе* хөкеменә биргән бәлаләренә сабыр кыл, *кайгырма һәм иңгерәмә*, чөнки мәшарикдә китерелгән, Аллаһ Тәгалә пәйгамбәренә мөрәжәгать итеп болай ди: «Әгәр безнең биргән ниғмәтебезгә шөкөр итмәсә һәм килгән бәлаләребезгә сабыр итмәсә, әйт: «Андай кол безнең жиребез белән күгебездән чыгып, башка тәнрене эзләсен», – диде». Әй газиз кеше, аңла, каза белән бәланең мәгънәсе, билгеләмәсе шул булыр: каза дигәннәрен Аллаһ Тәгалә, *мәңгелек көнендә* бәндәләренә үлчәп кенә, ләүхә мәхфүздә (язмыш тактасында) язғандыр, аны каза диерләр. Кайчанда булса, ул бәндә *галәмә һәйүладиң (хаостан) галәмә сурәгә* килсә, баягы үлчәнгән каза бу бәндәнең башына уралса, аны бәла диерләр [Ялчыгол, 2015, с. 450].

Рус.: «Приди, о раб [божий], положишься на Бога, // Будь доволен приговором, терпи испытание.

То есть, [будь] рабом Божиим так: *выбирая довольство*, положишься на Бога. Положишься, значит, сначала терпи решения *Возлюбленного* и данные Им испытания, не проявляя *нетерпения и страха*. Как сказал Всевышний Аллах своему пророку, приведенному для всего мира: «Если [раб Божий] не будет благодарить за данные нами богатства и не будет проявлять терпения к пришедшим испытаниям, скажи: пусть такой раб выйдет из [пространства] между нашей землей и небом и ищет другого бога». Он сказал: «О дорогой человек, пойми, что определение приговора и испытания такое: то, что называется приговором, Всевышний Аллах отмерил своим рабам в *Предвечности* и записал в Хранимую Скрижаль. Когда этот раб из *мира предвечного* переходит в *мир форм*, этот приговор возвращается к нему и его называют испытанием (перевод наш. – И. С., Ю. С.).

Казалось бы, смысл старотюркского текста и его поэтика переданы вполне удачно, термины религиозно-философского плана разъяснены в виде комментариев в скобках. Однако что такое *ихтияри йөз (өлеш, омтылу)* ‘волевое лицо (доля, стремление’? В оригинале использовано сочетание *ихтийар-и джәз’*: *ихтийар* как термин арабо-мусульманской философии означает ‘выбор’ [Смирнов, 2000], *джәз’* переводится как ‘отделять часть, делить, довольствоваться, удовлетворяться’ [Арабско-русский словарь, 1994, с. 112], а вся фраза с учетом контекста может пониматься как «выбирая довольство [своей долей], положишься на Бога», а не как «положи свое волевое лицо (долю, стремление) к Богу». Арабское слово *ма’шук* ‘возлюбленный’ переведено на татарский как *сөйгән кеше* ‘любимый человек’, хотя в религиозно-мистической поэзии регулярно используется именно для обозначения Бога как объекта мистической любви [Metinlerle Tasavvuf Terimleri Sözlüğü, 2006, с. 129]. Сочетание *джәзәг вә фәзәг әйләмәгел* переводится в издании на татарском языке ‘не горюй и не стнай’, хотя точный перевод этих арабских слов ‘нетерпение’ и ‘испуг’ соответственно [Арабско-русский словарь, 1994, с. 112, 580]. Таким образом, смысл всего пассажа состоит в разъяснении упования на Бога (таваккул), которое строится на любви к Нему и безоговорочном принятии воли Возлюбленного и посылаемых Им испытаний.

Термин *әзал*, означающий ‘безначальность’, предшествующую Божьему творению, также не может, по нашему мнению, переводиться просто как ‘вечность’. Наконец, *алам ал-хайула* – это мир

первоматерии, не аналогичный греческому термину *хаос*, а противоположаемый ему термин *'алам ассура* – мир форм [Насыров, 2009, с. 349; Смирнов, 2000], нуждается в определенном культуролого-религиоведческом комментарии. Приведенный пример показывает, что даже добротный с виду перевод со старотюркского, подготовленный компетентными с собственно языковой точки зрения авторами, не застрахован от неудач культурологического плана и не гарантирует читателю понимания оригинального смысла.

Обратимся к переводу поэтическому и рассмотрим две строфы из стихотворения поэта-просветителя Мифтах ад-Дина Акмуллы «Я дивана», переведенного в 1981 г. на современный башкирский, а в 1986 г. – на русский язык.

Ст.Т.: Күкрәгәң – катуб калған ташдан йаман, / Эшең күб килүшмәгән андан башкай. / Ғибәдәт диб азапланған коры гәдәт / Ахирәт файдәсенә йарамасдай. <...> Борадар! Башдан бәлә без кичүргән, / Күб кайғу тарта-тарта без исергән. / Башым хайран, эшем вайран, диуанамын, / Ни мәгәнә чығар дисез бер исәрдән? [Акмулла, 1907, с. 12].

Рус.: Твоя грудь хуже затвердевшего камня. / Неподобающих дел много и без того. / Сухой обычай мучиться ради поклонения / Делама вечного мира не подобает. <...> О брат! Беду пережившие – мы, / [Вновь и вновь] много горя испив, опьяневшие – мы. / Моя голова поражена, мои дела разрушены, я дивана. / Скажите, какой смысл выйдет из дурака? (перевод наш. – И. С., Ю. С.).

Б.: Күкрәгәң – катып калған таштан яман, / Килешмәгән эшең күп башка унан. / Ғибәзәт, тип азапланыу – коро гәзәт / Ахирәт файзаһына ярамаған... <...> Борадәр! Баштан бәлә без кисергән, / Күп кайғы тарта-тарта, без исергән. / Башым хайран, үзем вайран – диуанамын, / Ни мәгәнә сығар тиһез бер исәрзән. [Акмулла, 1981, с. 141].

Рус.: Твоя душа – не дух, она гранит, / О сколько грязных дел она хранит. / Молебн твой душе твоей не нужен: / В загробный мир граниту путь закрыт. <...> Друзья мои! Я беды испытал, / От этих бед я, бедный, пьяным стал, / Я пуст, я глуп, я глух, я – дивана, / Что толку от меня, коль я устал. [Акмулла, 1986, с. 147–148].

На первый взгляд, оба современных текста соответствуют содержанию и стилистике оригинала, а лексические трансформации наподобие переходов *күкрәк* ‘грудь’ – в ‘душа’, *таш* ‘камень’ – в ‘гранит’, *исәр* ‘дурак’ – в ‘устал’ выглядят укладывающимися в обычную переводческую практику. Читателю, хотя бы немного знакомому с мусульманскими этическими представлениями и ключевыми текстами ислама, однако, не может не броситься в глаза связь первой строки с широко известным стихом из Корана: «Потом ожесточились сердца ваши после этого: они точно камень или еще более жестокие. Да! И среди камней есть такие, откуда выбиваются источники, и среди них есть то, что рассекается, и оттуда исходит вода, среди них есть то, что повергается от страха перед Аллахом. Аллах не небрежет тем, что вы делаете!» (2:74, пер. И. Ю. Крачковского), и ставший одним из источников широко распространенной метафоры духовного самосовершенствования как «полировки сердца» [Руми, 2012, с. 17]. Религиозный аспект смысла строфы и его традиционное решение цепочкой образов «грудь – сердце – камень», за исключением лексем, обозначающих связанные с религией понятия, оказался незамеченным переводчиком на башкирский язык и практически полностью утраченным при переводе на русский.

То же случилось и со второй процитированной строфой, отсылающей читателя к произведениям классика тюркской литературы Ахмада Йасави (XII в.), в которых неоднократно встречаются и мотив «питья горя» (хикмет 26), и пара *хайранамын – диванамын* (хикмет 14), и тройка *хайран – герйан – вайран* (хикмет 65) [Үсәвӣ, 2016, с. 168, 266, 130]. При переводе на современный башкирский язык факт наличия в строфах интертекста не был отмечен, а при переводе на русский восходящая к одному из первых тюркоязычных поэтических памятников традиционная образность и связанные с ней наборы мотивов были разрушены и уже не поддаются выявлению.

Естественно, при переводе как поэтических, так и прозаических письменных памятников со старотюркского языка на современные отразить всю культурно-значимую информацию непосредственно в тексте невозможно: это приведет к полному разрушению его структуры. Однако нельзя и пренебрегать этой информацией и переводить исключительно слова, а не кроющийся за ними смысл. Это противоречие может быть решено несколькими способами. Во-первых, для читателей, владеющих современными тюркскими языками, можно публиковать старотюркские памятники с транслитерацией кириллицей или латиницей и развернутыми пояснениями, раскрывающими смысл текста максимально полно, но без сохранения его формы. Такой формат публикации памятников широко применяется в современной Турции и глубоко укоренен в традиции тюркоязычных народов. Рассмотренная в настоящей работе книга Тадж ад-Дина ибн Йалчигула является именно таким разъясняющим переводом труда Аллахийара.

При переводе на другие языки, в частности на русский, продуктивным может быть перевод филологический, филологический перевод, наглядно демонстрирующий саму структуру оригинального текста,

объясняющий авторскую логику смысла и намечающий варианты понимания неоднозначных фрагментов Филологический перевод является результатом научного анализа текста, в нем нет поэтичности и всех признаков художественной формы, он пользуется стилистически нейтральным языком с современной лексикой и естественным строем фразы. Его необходимым элементом является комплексный комментарий, опирающийся на сведения филологического, культурологического, исторического, религиозно-философского характера, планомерно направляющий читателя к автору, помогающий ему справиться с загадкой, заданной текстом, воссоздающий традиционный, присущий оригинальной культуре, контекст понимания [Русский Хафиз, 2012, с. 94, 96]. Такой перевод активно применяется по отношению к памятникам средневековой персидской литературы и не должен встретить каких-либо препятствий при использовании в отношении тюркоязычных текстов, принадлежащий к той же традиции.

Библиография

- Акмулла М. К. Стихи / перевод с башкирского. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1986. 160 с.
Акмулла М. К. Шиғырҙар. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1981. 224 бит.
Акмулла М. К. Элегии в память о Шихаб ад-Дине Марджани и другие стихотворения. Казань: Шараф, 1907. 24 с.
Арабско-русский словарь: около 84000 слов. Ташкент: Камалак, 1994. 456 с.
Благова Г. Ф. Чагатайский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Наука, 1990. С. 576.
Насыров И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М.: Яз. славян. культур, 2009. 552 с.
Руми Джалал ад-Дин Мухаммад. Маснави-йи ма'нави: четвертый дафтар (бейты 1—3855) / пер. с перс. Л. Г. Лахути, Н. И. Пригариной, М. А. Русанова, Н. Ю. Чалисовой; науч. ред. Я. Эшотса. СПб.: Петербург. Востоковедение, 2010. 496 с.
Русский Хафиз // Пригарина Н. И., Чалисова Н. Ю., Русанов М. А. Хафиз: газели в филологическом переводе. М., 2012. С. 7–98.
Смирнов А. В. Арабские термины, упомянутые в статьях «Новой философской энциклопедии» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://smirnov.iph.ras.ru/win/publicitn/nphenc/ukth.pdf> (дата обращения: 10.01.2018).
Тадж ад-Дин ибн Йалчигул. Рисала-и 'Азиза шарх-и Сабат ал-'аджизин. Казань, 1885. 352 с.
Фәхрәтдинов Р. Һайланма әсәрҙәр. Өфө: Китап, 2009. 304 б.
Чалисова Н. Ю. О непереводаемом и непереверденном в газелях Хафиза // Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема. М.: Яз. славян. культуры, 2010. С. 385–468.
Ялчыгол Т. Рисаләи Газизә. Казан: Хозур, 2015. 511 б.
Yesevî Ahmed. Açıklamalı Divân-ı Hikmet. İstanbul, Sağlam Yayınevi, 2016. 656 s.
İnan A. Diş Türklerde elli yıl önce yazı dili meselesi // İnan A. Makaleler ve incelemeler. 2. Cild. Ankara: TTK, 1991. S. 187–190.
Metinlerle Tasavvuf Terimleri Sözlüğü. İstanbul. Kalem Yayınevi, 2006. 1326 s.

П. Е. Седова

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ МОКШАНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье описывается история становления мокшанского литературного языка, дается анализ первым словарям и учебникам мокшанской письменности, оценивается вклад в формировании мокшанского литературного языка известных мордовских лингвистов.

Ключевые слова: мокша, письменный язык, национальный, литературный язык, норма, диалектная основа.

P. E. Sedova

FROM THE HISTORY OF FORMATION OF MOKSHA LITERARY LANGUAGE

Abstract. The article describes the history of the formation of the Moksha literary language, gives an analysis of the first dictionaries and textbooks of the Moksha script, estimates the contribution to the formation of the Moksha literary language of well-known Mordvin linguists.

Keywords: Moksha, written language, national, literary language, norm, dialect basis.

В истории становления мокшанского письменного-литературного языка выделяется три периода [Феоктистов, с. 34]. Первый период – долитературный, отразившийся в печатных и рукописных источниках XVII–XVIII вв. и характеризующийся начальными сведениями о мордовских языках. Первыми собирателями образцов живой мордовской речи были венгерский ученый А. Регули (1845), финские лингвисты А. Альквист и Х. Паасонен. Деятельность последнего в изучении мордовских языков значительна. Финно-угорское общество издало фольклорный материал, собранный ученым, в восьми томах и диалектологический словарь в шести томах. В 1920–1950 гг. являются значительным периодом в нормировании мордовских письменно-литературных языков (мокшанского и эрзянского) [Поляков, Седова, 2017, с. 48–49].

Второй период становления и формирования литературного языка относится к 1920–1930 гг. Этот период характеризуется расширением функциональной нагрузки литературных языков. В формировании мокшанского литературного языка, как и эрзянского, активно участвовала мордовская интеллигенция, которая своим творчеством заложила основу для создания норм письменного литературного языка. Авторами художественных произведений и учебных пособий рассматриваемого периода явились известные мордовские лингвисты Д. В. Бубрих, М. Е. Евсевьев, И. Г. Черапкин, З. Дорофеев, Ф. И. Петербургский.

В указанный период в мокшанских текстах имели наибольшее распространение диалектизмы. По этой причине выбор диалектной основы литературного языка уже в середине 1920 г. стал предметом серьезных обсуждений в прессе, на съездах работников просвещения и совещаниях по мордовскому языкознанию [Поляков, Седова, 2017, с. 50].

До 1920 г. в мордовском алфавите наблюдался разноречивый в обозначении некоторых звуков, вводились дополнительные знаки для обозначения редуцированного гласного звука [ɨ] – *e, o, ы* с диакритической, ср.: *инзалеть* – совр. *инзалеть* ‘ты бы бороновал’, *эрявихть тимос* – совр. *эрявихть тиемс* ‘надо сделать’; *Тячи минь куцынык цятна*. – совр. *Тячи минь кудсонк цятна* ‘Сегодня в нашем доме угарно’.

Разнообразие в обозначении гласных звуков осталось, но появилось некоторое ограничение: гласный переднего ряда [ä] чаще обозначается буквой *э*: *шинэсь* – совр. *шинясь* ‘денек’, *вэри* – совр. *вяри* ‘вверх’, *видэ* – совр. *виде* ‘правда’. Обозначение глухих согласных *л* [л^х], *р* [р^х], *й* [й^х] полностью зависело от диалекта автора: *улищть* – совр. *улихть* ‘есть’, *ласькихть* – совр. *ласькихть* ‘бегут’.

Диалектное разнообразие языковых форм рассматриваемого периода в художественной, учебной литературе, а также в газетах можно охарактеризовать как грамматическое и фонетическое разнообразие: 1) отсутствие фонемы [ä]: *севсть* – совр. *сявсть* ‘взяли’, *мерьги* – совр. *мярьги* ‘скажет’; 2) сужение общемордовского *e* в *и*: *сильмесна* – совр. *сельмесна* ‘их глаза’, *симбе* – совр. *сембе* ‘все’; 3) наличие форм личных местоимений: *мондине* – совр. *тейне*, *тондить* – совр. *тейть*; 4) употребление форм глагола объектного спряжения множественного числа ряда *минь* ‘мы’: *явсайнек* – совр. *явсаськ* ‘разделим’; ряда *тинь* ‘вы’: *крънесаенть* – совр. *кирнесасть* ‘вы держите’.

Из грамматических признаков встречается характерная этому периоду дифференциация единственного и множественного чисел по ряду *минь* ‘наш’, *тинь* ‘ваш’. В тексте диалектные суффиксы *-неськ, -несть, -нек* обозначают число имени: *куднеськ* ‘наш дом’, *шабанесть* ‘ваши дети’, *учанеке* ‘наши овцы’, *прянеке* ‘наши головы’, например: *Тон лацот народнеськонь инкса юмафцайне прянеконь прокс*. ‘По твоему примеру пойдем за (наш) народ и сложим (наши) головы за него’. Дифференциация единственного и множественного чисел по ряду присуща западному диалекту современного мокшанского языка и автору учебников 1920–1930 г. писателю З. Ф. Дорофееву. Современный мокшанский язык опирается на формы *минь -ньке, тинь -нте*: *кудоньке* ‘наш дом’, *шабанте* ‘ваши дети’, *учаньке* ‘наши овцы’. З. Ф. Дорофеев в своих учебных пособиях опирался на свой родной, западный, диалект, но практический материал его изданий свидетельствует о присутствии форм не одного диалекта [Дорофеев, 1928].

Разнообразие языковых форм в издаваемой литературе требовало их ограничений или кодификации. Такое ограничение в употребляемых формах могло произойти лишь в случае выбора постоянной диалектной основы. Такое постановление вышло на языковой конференции в 1928 г., где было запрещено издательским работникам изменять или издавать печатные издания на своем диалекте.

1930 г. характеризуются изъятием из мордовского алфавита всех дополнительных знаков, служивших средством передачи характерных только для мокшанского языка фонетических явлений. На языковых конференциях утвердили буквенное обозначение звуков [ä] и [ɨ]. Гласный переднего ряда [ä] стали обозначать буквами *я, е, э* в зависимости от их места в слове: *кунаркигя* ‘давно’, *фкяня* ‘единственный’, а редуцированный гласный [ɨ] – буквами *а, о, е*: *ваймоц* ‘его дыхание’, *пинге* ‘время’. Мордовская графика по начертанию полностью совпала с графикой русского языка. Для письменной передачи фонем, характерных только для мокшанского языка, (их нет в эрзянском языке), стали применять диграфы *лх, рх, йх* (*калхт* ‘рыбы’, *ярхцамс* ‘кушать’, *пейхть* ‘зубы’) и триграфы (*марьхть* ‘яблоки’, *кяльхть* ‘языки’). В этот период развития литературного языка фонетические, грамматические и лексические особенности рассматриваются более тщательно, анализируются с точки зрения их диалектной вариантности, и авторами отбираются наиболее приемлемые варианты для дальнейшего развития литературного языка.

Нежелание принять однодиалектную основу из-за привязанности к своему родному наречию язык автора отражался на всем изданном им материале, не только художественном, но и в учебном. С точки зрения выбора диалектных форм в грамматиках и словарях актуально было издание И. Г. Черапкинским «Мокша-мордовского словаря с грамматическим справочником» [Черапкин, 1933].

Словарь фиксировал лексический состав мокшанского языка. Он отражал результаты отбора лексики, осуществленного в соответствии с принципами теоретической концепции лексического обогащения языка в рассматриваемый период. Употребление синонимов в текстовых материалах данного словаря автором преследовало цель показать диапазон выразительных возможностей мокшанского языка, а также облегчить отбор лексики для различных дифференцированных сфер языковой коммуникации, например: *арнь, эрь* ‘каждый’, *наголь, фалу* ‘всегда’, *кандр, кандрь, нар* ‘хрящ’, *маром, марса* ‘вместе’, *эня, кечене, карьхке* ‘ковш’.

В материалах этого словаря представлено лексическое разнообразие мокшанского языка, даны диалектные формы с фонетическим и морфологическим разнообразием, например: *маряна, марлюкс* ‘яблоня’, *фалу, свалу* ‘всегда’, *аре, аде* ‘пойдем’.

В современном мокшанском литературном языке актуален вопрос лексической вариативности. Материал письменных текстов разного периода развития мокшанского литературного языка позволяет рассмотреть и проанализировать данную закономерность в хронологическом порядке. На начальном этапе развития мокшанского письменного языка было разнообразие диалектных форм, и писатели были в неведении в выборе правильной формы. Материал письменных текстов в определенной степени определяет диалектную основу рассматриваемого периода – это западный диалект современного мокшанского языка. В печатной газете «Од веле» (1925–1928) по причине отсутствия норм правописания заметки фиксируют все диалектные особенности автора, например: *лиси уторозонза* (диал. *уторозонза* (диал.)), *инголенза, каршезонза* (общеуп.) ‘выходит навстречу’, *ажаздень цѣрац* (*ажаздень* (диал.)), *кельгома* (общеуп.) ‘любимый сын’, *ванды танга саян* (*танга* (диал.)), *тага* (общеуп.) ‘завтра еще приду’, *шумордазя тевонц* (*шумордазя* (диал.)), *аделазе* (общеуп.) ‘закончил дело (свое)’, *роцань сандема* ‘прореживать рощи’. Представленные примеры с учебников и других изданий диалектизмы представляют западный диалект современного мокшанского языка, автором которых является З. Ф. Дорофеев, автор многих учебников рассматриваемого периода [Дорофеев, 1928].

Рассмотренный в статье практический материал из письменных источников свидетельствует о настойчивой и продолжительной работе над формированием мокшанского литературного языка. На совещаниях по мордовскому языкознанию в 1920–1930 гг. не раз поднимался вопрос о том, как сделать язык мордовских газет и книг понятным для основной массы населения, какой из многочисленных говоров положить в основу письменно-литературного языка. И в каждом издании выявлялась диалектная особенность или особенности, наиболее приемлемые для основы с точки зрения морфологии, фонетики или лексики.

Актуальным проблемам систематизации мордовской (мокшанской и эрзянской) письменности посвящены съезды и совещания (1924–1928). На первых языковых конференциях (1931–1934) были выработаны принципы кодификации мордовских письменных литературных языков, что привело к установлению литературных норм. После научной сессии по вопросам мордовского языкознания были изданы нормы мордовских (мокша и эрзя) литературных языков (1952). На языковых конференциях рассматривались вопросы словообразования, морфологии и синтаксиса мокшанского и эрзянского языков. На языковой конференции 1993 г. были зафиксированы некоторые изменения в нормах мокшанского литературного языка, но они были не так значительны.

В формировании литературного языка важна роль диалектов.

Впервые классификацию мокшанских диалектов составил И. Г. Черапкин. Он выделил следующие диалекты: спасский, краснослободский, инсарский.

Классификацию, данную И. Г. Черапкиным, пересмотрел известный финно-угровед А. П. Феоктистов. Среди мокшанских диалектов он выделил пять типов: западный, центральный, юго-восточный, переходный и смешанный. Членение мокшанских диалектов А. П. Феоктистов строит на основе фонетических и морфологических критериев. В основу мокшанского литературного языка был принят *центральный диалект* [Феоктистов, 1990]. Намного позднее были подготовлены к изданию и внедрению в практику нормы мордовских (мокша и эрзя) литературных языков (1955). В них отражены грамматические формы, свойственные центральному диалекту, принятому за основу мокшанского литературного языка.

Научная ценность языковых материалов, содержащихся в историко-этнографической литературе прошлого столетия заключается в том, что в них можно обнаружить сведения об изменениях в лексико-семантической системе мокшанского языка. Важно отметить, что в связи с исчезновением тех или иных этнографических реалий, многие из зафиксированных наименований вышли из живого языкового употребления или существенно изменили свою семантику. Например, в мокшанском языке в разных говорах встречались два или более слов с одним значением *пенч, куцю* ‘ложка’, *эня, кечене, карьхке* ‘ковш’. Со временем слова *пенч, эня* исчезли, в активном обиходе остались только слова *куцю, карьхке*, в некоторых местах встречается слово *кечене*.

В конце 1980 гг. в мокшанском обществе появилось движение за национальное возрождение. Понимание важности родного языка в сохранении культуры, традиций, обычаев изменило отношение мокшанского народа к проблеме «искусственного» словообразования. Началась борьба за чистоту языка, что привлекло много сторонников. Сложнее оказалось решать проблему в условиях существующего и действующего литературного языка с определенными нормами, но, с другой стороны, ощущался недостаток собственных лексических средств для полноценного функционирования его в этом качестве.

В середине 1980 гг. начался сложный и противоречивый процесс вытеснения из лексики и грамматики мокшанского языка чужеродных элементов и их замены исконными образованиями; обновление словарного состава сопровождалось возвращением к жизни тех архаизмов, которые в прошлом создавались в качестве неологизмов, например: *Сяльде ушоптомя кунцемя калнят. А илятти лисемя*

кавланять (лугать) лангс и кровястемя тол-мар. 'Потом начали ловить рыбу. А вечером вышли на луг и разожгли костер' – здесь автор З. Дорофеев уточняет диалектную лексему более употребляемым в мокшанском языке заимствованием. В современной литературе вместо заимствований употребляется диалектный вариант: *Куляксайне адресцень и вов каркшань. Кда аш мяльце лувондомс кольф-калатф ялгацень тяштьфонц, пожалста, сязентьк тяштьфозень али плхтак*. 'Узнал твой адрес и вот написал. Если нет желания читать послание своего расстроенного друга, пожалуйста, порви или сожги мое письмо', где автор употребил нечасто встречающуюся экспрессивно-эмоциональную форму синонима *тяштемс* 'писать'. В журнале «Мокша» начал выходить словарь с диалектными словами, которые знакомили читателей с оригинальностью мокшанской лексики, и таким образом в активную лексику мокшанского языка начали возвращаться забытые слова.

В современный период развития литературного языка допускается максимальное использование собственных словообразовательных возможностей. Только так можно уберечь язык от опасности раствориться в заимствованной лексической массе. Поэтому собственные словообразовательные возможности должны оставаться для мокшанского языка основным средством пополнения лексики. Из образовавшихся параллелей должны активизироваться слова мокшанского языка и уменьшаться употребляемость заимствованных [Левина, Седова, 2015, с.184].

Каждый активный период развития мокшанского литературного языка характеризуется некоторым изменением лексического состава. В литературе мокшанского языка также долгое время функционировала лексика, заимствованная из русского языка. В настоящее время авторы художественных произведений работают над пополнением или обогащением словарного состава мокшанского языка. Умелое использование словообразовательных возможностей дает положительные результаты в сохранении языка, в приспособлении его для выполнения разносторонних функций в современном литературном языке. Общеупотребительная часть лексики остается в основном неизменной, но характеризуется лексическими новообразованиями.

В современном мокшанском языке исторически продуктивной словообразовательной моделью является суффиксальный способ, который продолжает образовывать новые существительные: *валгомка* 'лестница', *уемка* 'корабль', *уендемка* 'корабль'; *Туркатне таяскодсть, синь ёфси ашесть арьсекине няемс тяса рузонь уемкат*. (В. Лобанов). 'Турки остолбенели, они не ожидали увидеть здесь русские корабли'; *Новопавловскаяйса кенерсть ни тиёмс кой-мзяра уендемка*. (В. Лобанов). 'В Новопавловске успели сделать уже сколько-то кораблей'. О продуктивности этого способа свидетельствует большое количество активно употребляющихся слов в мокшанском языке, но представленные примеры свидетельствуют о постоянном пополнении лексического запаса внутриязыковыми способами образования новых слов.

Лексический пласт языка наиболее широко отражает художественная литература, где каждый писатель вносит свой вклад в обогащение лексики мокшанского языка. В мокшанском языке самостоятельные слова *ши* 'день, солнце', *пря* 'голова' служат для образования существительных с абстрактным значением, но которые сохраняют материальное сходство со словами: *ляпоши* 'мягкость' – *ляпе* 'мягкий', *нардеши* 'твердость' – *нарде* 'твердый', *маштомашши* 'умение' – *маштомс* 'уметь'. Д. В. Цыганкин в своих работах рассматривает данные слова как суффиксоиды [Цыганкин, 2006, с. 37]: *Бта зрясь-ащесь модать лангса Куля баба, сонь ляпошиц эжнезе аф аньцек эсь ваймони, но и солафнезень ломаттнень седиснон*. (В. Мишанина). 'Как-будто жила на земле баба Куля, ее доброта грела не только ее душу, но и растапливала сердца людей'. В раннем письменном языке рассматриваемые слова еще встречались как самостоятельные единицы: *Вача шись работафтомть сидеста вятънесы эсьпрянь юмафтомати*. (И. Черепкин). 'Голод часто приводит безработного к гибели'.

На основе предоставленного материала можно заключить, что образование новых лексических единиц делают современный мокшанский язык разнообразным, и приведенный практический материал свидетельствует о крепкой взаимосвязи истории и современности. Исторические закономерности словообразовательных средств актуальны до сих пор, что приводит к постоянному пополнению мокшанской лексики.

Библиография

- Левина М. З., Седова П. Е. Диалектизмы в языке художественной литературы // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 178–188.
- Поляков О. Е., Седова П. Е. Страницы истории развития мордовского языкознания. Саранск // Финно-угорский мир. 2017. № 4. С. 46–56.
- Седова П. Е. Диалектная основа мокшанского литературного языка: автореф. дис... канд. филол. наук. Саранск, 2000. 19 с.
- Феоктистов А. П. Диалекты мордовских языков // Мордовский словарь X. Паасонена. Мокшанские диалекты. Хельсинки, 1990. Т. 1. С. 60–85.
- Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (Ранний период). М.: Наука, 1976. 259 с.
- Цыганкин Д. В. Морфемика и словообразование мордовских языков. Саранск, 2006. 60 с.

ЯЗЫК ПЕРЕВОДА МАРИЙСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ 1782 ГОДА

Аннотация. Статья посвящена лингвистической интерпретации одного из первых памятников марийского языка, а именно поэтического произведения конца XVIII в. Стихотворение переведено казанским семинаристом. В его основе лежит йошкар-олинский говор лугового наречия. Текст состоит из восьми строк. В памятнике насчитывается 29 слов. Текст написан на кириллице. Две буквы (i, g) заимствованы из латинского алфавита. Для передачи специфической марийской фонемы ö используется буквосочетание io. В стихотворении соблюдена рифмовка и ритмика. Стихотворение является одним из лучших памятников письменности XVIII в.

Ключевые слова: графема, диалект, прописная буква, рифма, составитель, строка.

О. A. Sergeev

LANGUAGE OF TRANSLATION OF MARI POEM OF THE 1782

Abstract. The article is devoted to the linguistic interpretation of one of the first monuments of the Mari language, namely the poetic work of the late XVIII century. The poem was translated by a Kazan seminarian. It is based on the Yoshkar-Ola dialect of the meadow Mari dialect. The text consists of eight lines. There are 29 words in the monument. The text is written in Cyrillic. Two letters (i, g) are borrowed from the Latin alphabet. For the transmission of a specific Mari phoneme ö, the letter combination io is used. Rhyme and rhythm are observed in the poem. The poem is one of the best monuments of the writing of the XVIII century.

Keywords: grapheme, dialect, cursive letter, rhyme, compiler, string.

В истории марийской письменности первым печатным поэтическим произведением является «Тынь мямнамь моць...» («Ты нашёл нас...»), напечатанное в 1769 г. в книге «Духовная церемония, производившаяся во время всевожденнейшего присутствия Ея Императорского Величества Великой государыни Премудрейшей Монархини и Попечительнейшей матери Екатерины Второй в Казани...». Данный текст написан на горном наречии марийского языка.

Следующее марийское стихотворение напечатано в 1782 г. в сборнике панегирического содержания под названием «Сочинения в прозе и стихах на случай открытия Казанскаго намѣстничества въ публичномъ собраніи на разныхъ языкахъ говоренныя въ тамошней семинаріи Декабря 26 дня 1781 года». Как указано в самом названии брошюры, оно прочитано учащимися Казанской семинарии по случаю открытия Казанского наместничества в Казанской духовной семинарии. В книгу помещены канты на русском языке, «речи на русском, латинском, греческом, татарском языках, стихи на латинском, русском, немецком, калмыцком, вотском, мордовском, чувашском и черемисском языках». Марийский текст состоит из восьми строк, такое же количество строк имеется в стихотворении, написанном на калмыцком языке. Удмуртские и чувашские стихи, как в русском оригинале, имеют десять строк, а в мордовском тексте наличествует всего шесть строк (см.: Сочинения, 1908, с. 156, 153–155, 154, 156).

Исследователи, изучающие памятниками письменности, в своих работах в качестве иллюстрации приводят разные варианты данного стихотворения. Мы для лингвистической интерпретации текста воспользуемся вариантом, приведенным Д. А. Корсаковым в научной серии «Известия Общества археологии, истории и этнографии» [Сочинения, 1908, с. 156]. К сожалению, выбранный нами текст также является не оригиналом. Он напечатан «по рукописному экземпляру (выделено нами. – О. С.), приложенному къ письму м. Вениамина къ кн. А. А. Вяземскому съ добавленіемъ и вариантами изъ печатнаго изданія «Сочинений», вышедшаго подъ этимъ же заглавіемъ въ Москвѣ въ 1782 г. (Университетская типографія у Н. Новикова) съ цензорскаго разрѣшенія Антона Барсова...» [Сочинения, 1908, с. 123]. Следует сказать, что в типографии при наборе текста из-за незнания марийского языка и непонимания отдельных начертаний букв, допущено множество ошибок. Отрадно то, что под руками редактора казанского издания был и другой неопубликованный экземпляр «изъ библіотеки П. Ф. Симсона въ Ржевѣ» (П. Ф. Симсон – педагог и краевед, собиратель рукописей. – О. С.) [Сочинения, 1908, с. 123]. Им для сравнения приводятся слова-варианты из рукописного экземпляра П. Ф. Симсона. Они во многом соответствуют содержанию марийского текста. В работах марийских лингвистов С. И. Эмана [Эман, 1939, с. 53, 54], В. М. Васильева [Васильев, 1953, с. 256] и И. Г. Иванова [Иванов, 1975, с. 18; 2003, с. 54], в какой-то степени затрагивающих данное стихотворение, лексические единицы анализируемого текста перепутаны. При анализе текста по необходимости мы будем сравнивать слова «рукописного экземпляра приложенному к письму м. Вениамина» с учетом другого неопубликованного варианта по П. Ф. Симону с лексемами, данными марийскими исследователями в своих научных работах.

В казанском варианте марийское стихотворение под заглавием «Стихи Черемисскіе» выглядит следующим образом:

*Тіорамъ (1) піална (2) верецъ (3) хумъ (4)
Тенее (5) Луктунъ (6) Кудижа (7),*

Мете (8) іобіортіонъ (9) дене (10) Ямумъ (11)
 Сорбалена (12) пешъ (13) Эдыжа (14);
 Лиштыже (15) кужу (16) куруманымъ (17)
 Ты (18) Катеринамъ (19) Шачикшиде (20),
 Тынъ (21) цономъ (22) ветъ (23) ужатъ (24) щетнанымъ (25)
 Ме (26), Илиштъ (27), кючена (28) тыде (29) [Сочиненія, 1908, с. 156].

Русский текст дан под заглавием «Переводъ съ Черемисскихъ стиховъ». Он следующего содержания: «Къ устроению и утверждению нашего благополучія Монархия законополагаетъ нынѣ мудрыя уставы и Казанской стран, что сего желательнѣе? Что для всехъ и каждаго выгоднѣе? Чего ради молимъ Вышняго, да благословитъ Ее потомственно всякимъ благословеніемъ благостыннымъ» [Сочиненія, 1908, с. 156].

Перейдем к лингвистической интерпретации словарных единиц. При характеристике марийских словоформ ссылаемся на методику известного финно-угроведа, крупнейшего специалиста по письменным памятникам самодийских языков Е. А. Хелимского (см.: Helinski, 1996, с. 125–132). По его же методике реконструирован нганасанский перевод текста «Отче наш» Н. К. Витсена В. Ю. Гусевым (см.: Гусев, 2010, с. 141–156). По методике Е. А. Хелимского каждая словоформа в тексте отмечается соответствующим номером. Сначала дается слово в оригинальном виде, после него приводится слово в современном написании и дается его перевод в каком значении оно использовалось в тексте. После этого та или иная словоформа подвергается к разносторонней лингвистической интерпретации. По необходимости даются реконструкции отдельных слов.

(1) *Тіорамъ* (у Эмана – *тіорамъ*, у Васильева – *тиорамъ*, у Иванова – *тіорамъ* (1975) и *тібрамъ* (2003)), (*тбрам*, нач. ф. *тбра*). По контексту марийского и русского текстов данная лексема связана с лексико-семантической группой «судопроизводство» и, на наш взгляд, она использована в значении ‘закон’. Не исключено, что данное слово с этой семантикой вполне могло существовать или значение слова расширено переводчиком. В рукописных словарях марийского языка XVIII в., в частности, в памятниках В. Крекнина и И. Платунова (1785), Дамаскина (1785) встречается лексема *тбра* со значением, приближающаяся к лексико-тематической группе «судопроизводство или судебное дело», ср.: *тіора* ‘расправа, суд, судья’ [Эрм. собр. № 197/П], суд ‘*тіора*’, судья ‘*тюря*’ – орф. *тбра* [Сергеев, 2003, с. 463, 464]. Лексическая единица *тбра* в неопубликованных словарях часто встречается в составе словосочетаний: *віашъ тібра* ‘правосудие’, *изи тјбра* ‘судейка’, *тіора веръ* ‘судебное место, судное’, *тіоранъ сомоль* ‘судейская должность’ [Эрм. собр. № 197/П], в суд позываю, в суд требую ‘*тюряишъ нужамъ*’, судья розыскных дел ‘*тюря няша кичалме*’, ср. также *сужу ‘тіорамъ лиштемъ*’ [Сергеев, 2003, с. 464]. Лексема *тібра* в значении ‘судья’ зафиксирован также в первой марийской грамматике. В современных словарях марийского языка слово *тбра* фигурирует в разных значениях, ср.: *тбра* ‘1. разг. начальник, чиновник; должностное лицо, руководящее, заведующее чем-л.; 2. уст. господин, человек, относящийся к господствующему классу; 3. уст. властелин, владыка; вождь, предводитель; 4. уст. судья; должностное лицо в суде’, ср. также: *тбразе* уст. ‘чиновник; государственный служащий’ [СМЯ, т. 7, с. 194–195]. В двуязычном словаре она дана со значением ‘начальник, господин’ с лексической пометой *уст.* [МРС, 1991, с. 339]. Словарные статьи как рукописных, так и современных лексикографических материалов подтверждают о том, что лексема *тбра* тесно связана с лексико-тематической группой судебного дела. В конце 20-х гг. XX в. от основы *тбра* также образовано окказиональное слово *тбртйк* ‘закон’ [Васильев, 1926, с. 209], ср. также: *тбра* ‘судья, начальник’, *тбралэм* ‘сужу, осуждаю’ [Васильев, 1926, с. 209].

Лексическая единица *тіорамъ* – нарицательное имя существительное в винительном падеже единственного числа. Диграф *іо* использован для обозначения специфической фонемы марийского языка *ö*. Фиксирование в конце слов графемы *ъ* – это традиция того периода. Sub. Acc. Sing.

(2) *піална* (в печатном оригинале 1782 г. – *піахна*, у Эмана – *піахна*, *піална*, у Васильева – *піахна*, у Иванова – *піална* (1975) и *піахна* (2003)), (*пиална*) ‘наше счастье’. В рукописи, воспроизведенной Д. А. Корсаковым, вместо оригинального *піахна* дан *піална*. Неодушевленное существительное *пиал* + притяжательный суффикс *-на* первого лица множественного числа. Перед литерой *а* использована графема *и* десятиричное (*і*). Sub. Nom. Pl. 1.

(3) *верецъ* (у Эмана, Васильева – *верец*, у Иванова – *верецъ* (1975, 2003)), (*верец*, лит. *верч*) ‘за’ – послелог, обозначающий целевое отношение. Данное слово принадлежит цокающему говору. Post.

(4) *хумъ* (в печатном оригинале 1782 г. – *уумъ*, у Эмана – *уум*, *хумъ*, у Васильева – *уумъ*, у Иванова – *уумъ* (1975, 2003)), (*ум*) ‘нового’ – качественное имя прилагательное + показатель аккузатива *-м* (*-ым*).

В рукописном варианте Д. А. Корсакова анлаутная буква *х* является типографской ошибкой. Ударная лабиальная фонема заднего ряда у дана как гемината (*уу*). Adj. Acc.

(5) *тене* (*тений*) ‘нынче, в этом году, в текущем году’ – наречие времени. Вместо буквосочетаний *-ий* зафиксирована гемината *-ee*. Adv.

(6) *Луктунь* (у Эмана, Васильева – *луктун*, у Иванова – *луктунь* (1975, 2003)), (*луктын*) ‘издавать, издать что-л.’ – глагол третьего лица единственного числа, II прошедшего времени.

Слово написано с прописной буквы. Вторую букву *у* можно объяснить гармонией гласных. V. Perf. Sing. 3.

(7) *Кудижжа* (у Симсона *Кугужжа*, у Эмана – *кудужжа*, *кудыжжа*, у Васильева – *кудужжа*, у Иванова – *кугижжа* (1975, 2003)) (*кугыжжа*) ‘царь’.

Слово написано с прописной буквы. В типографии латинскую букву *g* приняли как кириллическую букву *g*, в связи с этим произошла взаимозамена графем *g* и *g*. В рукописном варианте присутствует литера *g*. Марийские исследователи С. И. Эман и В. М. Васильев в своих публикациях также ошибочно употребляют литеру *g*.

Лексическая единица *кугыжжа* – нарицательное имя существительное в именительном падеже единственного числа. Редуцированная фонема смешанного ряда *ы* дана посредством буквы *у*, а в казанском варианте – через литеру *и*. Sub. Nom. Sing.

(8) *Мете* (у Эмана – *мете*, у Васильева – *меже*, у Иванова – *мете* (1975, 2003)), (*меже*) ‘а мы’. Рукописная графема *ж* набрана как *т*. Почти что синонимичные три полных вертикальных графов буквы *т* (*т*) привело к ошибке в наборе.

Ме – личное местоимение первого лица множественного числа, *-же* – притяжательный суффикс третьего лица единственного числа. В данном случае *-же* выступает в роли определительных частиц. Pro. Pl. 3 + Partic.

(9) *іобіортіонь* (в печатном оригинале 1782 г. – *юбюръ тумь*, у Эмана – *юбюр тум*, *іобіортіон*, у Васильева – *юбюр тумьдене*, у Иванова – *юбюр тумь* [1975, 2003]), (*йывыртyme*) – пассивное причастие от глагола *йывырташ* ‘радоваться, обрадоваться, порадоваться’. В «Сочиненіи...» 1782 г. слово неправильно разделено на две части, также пропущена конечная буква *е*. Краткая фонема *ы* передана через графему *ю*. Щелевая шумная *в* дана посредством литеры *б*. В рукописном экземпляре, «приложенному к письму м. Веніамина» редуцированный звук *ы* замещается диграфом *іо*. Вместо конечной буквы *м* применена литера *н*. В работе В. М. Васильева послелог *дене* ‘с’ зафиксирован с предшествующим словом. Partic.

(10) *дене* (*дене*) ‘с’ – послелог, выражающий причинные отношения. Он полностью совпадает с современным правописанием. Post.

(11) *Ямумь* (в печатном оригинале 1782 г. – *юмумь*, у Эмана – *юмум*, *ямумь*, у Васильева, Иванова – *юмумь* [1975, 2003]), (*юмым*) ‘бога’. В казанском варианте слово напечатано с прописной буквой. Начальная буква *ю* заменена йотированной буквой *я*. В последнем слоге вместо *ы* фиксирована литера *у*, что можно объяснить гармонией гласных.

Лексема *юмым* – имя существительное в винительном падеже единственного числа. Sub. Sing. Acc.

(12) *Сорбалена* (в печатном оригинале 1782 г. – *Сорбахена*, у Эмана – *сорбахена*, *сорбалена*, у Васильева – *сорбахена*, у Иванова – *сорбалена* [1975, 2003]), (*сөрвалена*) ‘умолять, умолить, упрашивать, упросить кого-л. сделать что-л.’ – глагол первого лица множественного числа настоящего-будущего времени.

При печатании текста наборщиком неправильно понято начертание буквы *л*. Он принял ее за лигатуру *х*. Специфическая фонема переднего ряда *ö* за отсутствием в графической системе русского языка передана через букву *о*. После переднеязычного дрожащего *р* шумная щелевая фонема *в* передана посредством графемы *б*. V. Pres. Pl. 1.

(13) *нешь* (у Эмана, Васильева, Иванова – *неш* [1975, 2003]), (*неш(ак)*) ‘очень, весьма, сильно; чрезвычайно, в сильной степени’ – определительное количественное наречие, обозначающее степень интенсивности действия. При оформлении этой лексической единицы автор памятника не сталкивался с трудностями. Adv.

(14) *Эдыжжа* (в рукописном экземпляре П. Ф. Симсона *егыжжа*, у Эмана – *едыжжа*, *егыжжа*, у Васильева – *едыжжа*, у Иванова – *егыжжа* (1975, 2003)).

В варианте Д. А. Корсакова при печатании в журнал перепутаны лигатуры *g* и *g*, вместо *егыжжа* получилось *едыжжа*. Слово написано с прописной буквой. В написании (или редактировании) стиха чувствуется рука церковнослужителя, который старался применять латинскую букву *g*.

Лексема *егыжжа* или *егыжжа* в современном марийском языке не встречается. Может к тому времени она существовала в отдельных говорах или подговорах, а затем постепенно исчезла из активного словарного фонда, образуя тем самым группу забытых слов. По контексту лексическая единица *егыжжа* близка к слову со значением *чот* ‘очень; сильно’, ср. *сөрвалена неш(ак) чот* ‘умоляем очень сильно; умоляем не переставая’.

(15) *Лиштыже* (у Эмана – *лишь тыже, лиштыже*, у Васильева – *лишь тыже*, у Иванова – *лиштыже, лишь тыже* [1975, 2003]), (*ыштыже*) ‘*пусть делает*’ – глагол третьего лица единственного числа повелительного наклонения: корень *ышт* + показатель *-ыже*. Лексема относится к икающему говору марийского языка. Анлаутная буква *л* является протезой.

Диалектное слово *лишташ* часто встречается в рукописных памятниках XVIII в., ср., например: *лиштэмь* ‘*действуя, делаю, произвожу, строю, работая*’, *лиштэмь вакше* ‘*делаю наскоро*’ (чит. *лиштем вакше*), *лиштымашь* ‘*действие, дело, произведение, строение*’, *лиштыдеме* ‘*неделанный*’, *лишташь тюнгаламь* ‘*основание полагаю*’ [Эрм. собр. № 197/II]. V. Imperf. Sing. 3.

(16) *кужу* (*кужу*) ‘*длинный; долгий*’ – качественное имя прилагательное, выражающее размер и форму предметов, в данном случае субъекта. Вариант полностью соответствует современной норме. Adj.

(17) *куруманымь* (у Эмана – *куруманым, куруманымь*, у Васильева – *куруманымь*, у Иванова – *куруманымь* (1975, 2003)), (*куруманым*) ‘*жизни (о ее продолжительности), на вечные времена*’ – относительное имя прилагательное; образовано от существительного *курум* ‘*век*’ + словообразовательный суффикс *-ан* + окончание винительного падежа *-ым*. Фонема *ы* дана посредством буквы *у*. Adj. Acc.

(18) *Ты* (*ты*) ‘*этот, эта, это; эти*’ – указательное местоимение, которое выделяет предмет из многих других ему однородных предметов. Соответствует современной норме литературного языка. Pro.

(19) *Катеринамь* (в печатном оригинале 1782 г. – *Екатеридамь*, у Эмана – *Екатерина, Катеринам*, у Васильева – *Катеринам*, у Иванова – *Катеринамь* [1975, 2003]), (*Катеринам, Катеринам*) ‘*Екатерину*’ – собственное имя существительное, одушевленное, единственное число, винительный падеж. Sub. Sing. Acc.

(20) *Шачикиде* (в печатном оригинале 1782 г. – *шачикъжге*, у Эмана – *шачикъжге, шачикжде*, у Васильева – *шачыкжге*, у Иванова – *шачикъжге, шачыкжге* [1975, 2003]).

Лексема неясного происхождения. В. М. Васильев видит в этом слове лексическую единицу *шашыкжге* ‘*вместе с (ее) шашкой*’, ср. *шашке* ‘*шашка (оружие)*’ + притяжательный суффикс третьего лица единственного числа *-же* + суффикс совместного падежа *-ге* [Васильев, 1953, с. 256]. На наш взгляд, предложенная версия лингвиста не соответствует контексту. Если согласимся с этой лексемой, то получается, что мы желаем Екатерине II долгой лет жизни *вместе с (ее) шашкой*.

В казанском варианте стихотворения напечатана буква *д*, а в самом «Сочинении...» 1782 г. стоит графема *г*. Мы предполагаем, что литера *д* – это графема *г*. А вместо латинской буквы *g* в «Сочинении...» вполне могли напечатать кириллическую графему *г*. Поэтому мы в этом слове выделяем морфему *-ге* (суффикс совместного падежа) и притяжательный суффикс *-же*, также корень *шач-* (диалектный вариант), *шоч-*, ср. *шочаш, шачаш* ‘*родиться, рождаться*’; *шочшо*, г. *шачшы* ‘1. прич. от *шочаш*. 2. в знач. суц. дитя, ребенок; чей-л. сын или дочь; дети. 3. в знач. суц. дитя, сын или дочь; выходец, представитель какого-л. народа или среды’ [СМЯ, т. 9, с. 258–259]; *шочшо-кушишо* ‘1. прич. от *шочаш-кушаш*. 2. в знач. суц. дитя, ребенок; сын или дочь; дети’ [СМЯ, т. 9, с. 259]. Таким образом, можно восстановить форму *шочшыжге* ‘*вместе с детьми (или вместе с потомством, и (ее) потомстве, всему потомству)*’. Имеющееся в русском тексте эквивалентное слово – *потомственно* (ср.: *потомок* ‘1. шочшо-кушишо, тукум, юго; 2. *потомки* ончыкылык тукум-влак; *потомственный* потомственный, тукумын; *потомство* (*собир.*) тукум’) также позволяет утверждать, что мы имеем лексему *шочшо* (*шочшыжге*) [РМС, 1966, с. 556]. В диалектах лексическая единица *шочшо* и в настоящее время употребляется с семантикой ‘*тукум*’. Partic. Sing. 3. Com.

(21) *Тынь* (*тынь*, лит. *тый*) ‘*ты*’ – личное местоимение второго лица единственного числа. Подобная форма характерна многим говорам марийского языка. Pro. Sing. 2.

(22) *цономь* (в печатном оригинале 1782 г. – *цопомь*, у Эмана – *цопомь, цономь*, у Васильева – *цономь*, у Иванова – *цономь* (1975, 2003)), (*чоным*) ‘*душу*’, от *чон* ‘1. душа; душевный; 2. душа (человек)’ – имя существительное в винительном падеже единственного числа. Sub. Acc. Sing.

В первом варианте, работая с рукописью, произошла типографская ошибка. Наборщиком начертание буквы *н*, которое приближается к написанию *п*, воспринято неправильно. Так, вместо графемы *н* напечатана литера *п*. Редуцированная фонема *ы* дана посредством буквы *о*, что объясняется гармонией гласных.

(23) *веть* (*вет*) ‘*ведь*’ – выделительно-усилительная частица, является заимствованием из русского языка. Очевидно, к этому времени переход мягкой фонемы *д* (*д’*) в *т* завершился. Во всех рассмотренных вариантах, также и в оригинале в ауслате слова пишется *ь* (мягкий знак, ерь). В основном в памятниках письменности он употребляется для обозначения мягкости согласных в конце слова. Не исключено, что из-за небрежного почерка при наборе текста могла возникнуть путаница с *ь* (твердым знаком, ер). Подобное явление характерно и многим другим письменным памятникам марийского языка. Partic.

(24) *ужать*, или *ужатъ* (у Эмана, Васильева – *ужать*, у Иванова – *ужать*, *ужать* (1975, 2003)), (*ужат*) ‘видишь’ – глагол второго лица единственного числа настоящего-будущего времени изъявительного наклонения. За исключением конечной буквы (*ь* или *ъ*) форма полностью соответствует литературной норме. V. Pres. Sing. 2.

Из-за неясности конечной буквы марийские исследователи данное слово фиксировали по-разному. Мы предполагаем, что в ауслауте этой лексической единицы должна быть буква *ъ*, т. е. не *т* мягкое (*ть*), а *т* твердое (*тъ*).

(25) *щетнанымъ* (в печатном оригинале 1782 г. – *мемнанымъ*, у Эмана – *мемнаным*, *щетанымъ*, у Васильева, Иванова – *мемнанымъ* (1975, 2003)), (*мемнаным*) ‘наш, наша, наше’ – личное местоимение, образовано от собственно-личного местоимения *ме* ‘мы’ – 1-ое лицо множественное число; *мемнан* ‘наш’ – родительный падеж + показатель аккузатива *-ым*. Из-за инверсии получилось сочетание *чоным мемнаным* ‘душу наше’, вместо обычного словосочетания *мемнан чоным* досл. ‘нашу душу’. В данной конструкции мы видим использование переводчиком одного из видов художественно-изобразительного средства в строении марийского стиха. Pro. Gen. Acc.

По непонятным нами причинам в казанском варианте текста вместо буквы *м* напечатана графема *щ*, скорее всего, это ошибка наборщика. Для памятников письменности марийского языка XVIII в. русская фонема *щ* вообще не характерна, она обнаруживается только в единичных примерах, ср., например: *щаклемъ* ‘угадывание’ [ф. 2013, оп. 602-а, ед. хр. 186], *прикащикъ* ‘прикащик’ [Эрм. собр. № 197/1]. В первом слове вместо графемы *м* ошибочно использована буква *т*.

(26) *Ме* (*ме*) ‘мы’ – личное местоимение первого лица множественного числа. В оформлении данной лексической единицы не оказались трудностей. Pro. Pl. 1.

(27) *Илиштъ* (у Эмана – *илиштъ*, *Илишт*, у Васильева – *илиштъ*, у Иванова – *илиштъ* (1975, 2003)), (*илишт*, неопределенная форма – *илишташ* ‘жить, поживать, существовать’, ср. также: *илишт кошташ* ‘скитаться; поживать в разных местах, часто меняя место жительства’ [СМЯ, т. 2, с. 52]). Глагол *илишташ* образован от глагола *илаш* ‘жить’, где *-аш* – суффикс инфинитива, *-ышт* – малопродуктивный суффикс, выражающий многократное действие, *ил-* является корнем. В данном примере суффикс *-ышт* использован в уничижительном значении, ср. также *илалышташ* ‘жить, поживать, существовать’, где *-алышт* выражает недружелюбное отношение говорящего к действию другого лица или собеседника. Аффикс *-ал* является самостоятельным и придает глаголам ласкательное значение. С помощью суффикса *-ышт* передана трудная будничная и семинарская жизнь учащихся-мари Казанского учебного заведения.

Лексема *илиштъ* находится в середине текста, однако написана прописной буквой. Слово относится к икающему говору марийского языка. V. Inf.

(28) *кючена* (глагол, нач. ф. – *күчаиш* ‘1. требовать, потребовать; просить, попросить что-л. от (у) кого-л.; 2. попрошайничать, нищенствовать, побираться, просить милостыню, собирать подаяние’) [МРС, 1991, с. 153], см. также *күчаиш* г. *кычаиш*, *-ем* ‘1. просить, попросить; требовать, потребовать. 2. нищенствовать, побираться, просить милостыню, собирать подаяние; попрошайничать’ [СМЯ, т. 3, с. 249–250]. Марийские лингвисты в своих научных работах в качестве иллюстрации оставляют данную лексему. Контекст стихотворного текста констатирует то, что вместо слова *күчена* должен быть глагол *төчена* ‘стараться’, где *төчаиш* ‘пытаться, стараться; стремиться (что-л. сделать)’. Не исключено, что в лексеме *кючена* анлаутные буквы *к* и *т* перепутаны, а специфическую переднерядную лабиальную фонему *ö* могли передать и через графему *ю*. Соединив впереди стоящее слово *илишт(-аш)*, с лексической единицей *төчена*, получим словосочетание *илишт(-аш) төчена* с семантикой ‘стараться / пытаемся жить’, что вполне соответствует контексту исследуемого поэтического произведения. А лексема *күчена* ‘попрошайничать, нищенствовать, просить милостыню’ в стихотворении, посвященной Российской императрице Екатерине II, никоим образом не могла присутствовать. Конечно, переводчик мог допустить вариант, но цензор должен был удалить данную лексическую единицу или сменить её другим синонимичным словом.

Төчена – глагол первого лица множественного числа настоящего-будущего времени. V. Pres. Pl. 1.

Если в лексеме *күчена* мы видим семантику ‘просить, попросить что-л. от (у) кого-л.’ то она вполне может соответствовать контексту предложения. В настоящее время в литературном языке лексическая единица *күчаиш* более менее используется во втором значении, т. е. имеет семантику ‘нищенствовать, побираться, просить милостыню, собирать подаяние; попрошайничать’ [СМЯ, т. 3, с. 250].

(29) *тыде* (в печатном оригинале 1782 г. – *теге*, у Эмана – *теге*, *тыде*, у Васильева – *теде*, у Иванова – *теге* [1975, 2003]), (*тыге*) ‘так’ – наречие, выражающее неопределенное время. Adv.

Редактор Д. А. Корсаков при печатании этого стиха перепутал лигатуры *g* и *g*, вместо *тыге* у него получилось *тыге* (см. также № 14). С. И. Эман в своей другой статье, акцентируя внимание на лексеме

тыге, дает неправильный вариант *теге*, т. е. он не отличает латинскую *g* от кириллической буквы *г* [Эман, 1945, с. 153]. Фонема переднего ряда среднего подъема *e* (э) в казанском варианте текста передается через букву *ы*.

Учитывая анализированный нами текст, можно предположить следующий вариант стиха (синтаксис и пунктуация текста сохранена):

*Тõрам (законом) пиална верч ум
Тений луктын кугыжа,
Меже йывыртyme дене Юмым
Сõрвалена пеш эгыжа [пеш(-ак) чот];
Биштыже кужу курымным
Ты Катеринам шочшыжге,
Тый чоным вет ужат мемным
Ме, илышт(-аш), тõчена тыге.*

Данное стихотворение является первым связным текстом, который переведен неизвестным семинаристом и издан спустя семь лет после первой марийской грамматики.

В тексте имеется 29 слов. Для обозначения марийских звуков, в том числе диалектных, употребляется 27 букв, из них восемь гласных, 17 согласных, два беззвучные: *a, б, в, г, g, д, е, ж, и, i, к, л, м, н, o, п, р, с, т, у, ц, ч, ш, ь, ы, ь, ю* и одно буквосочетание *io* (совр. орф. *й*). Как и в первом стихотворении, в этом памятнике не употреблены буквы с диакритическими знаками, две буквы (*i, g*) заимствованы из латиницы.

Что касается языка перевода, то С. И. Эман пишет: «Несмотря на наличие русского перевода, мы сразу устанавливаем, что стихи в данном виде совершенно непонятны. Перевод же абсолютно не уясняет смысл стихов на марийском языке...» [Эман, 1939, с. 54]. В следующей статье он продолжает эту тему и отмечает, что «как и первое стихотворение (речь идет о стихотворении 1769 г. – О. С.), написано грубым и неестественным горномарийским языком, чувствуется стремление автора восхвалить императрицу Екатерину» [Эман, 1945, с. 153]. Следует отметить, что автор стиха 1782 г. не шел по принципу дословного перевода, а им, сохраняя содержание русского текста, умело раскрыта тема на марийском языке. Не случайно И. Г. Иванов подчеркивает, что «...сочинитель внес в стихотворение и свое, творческое» [Иванов, 1975, с. 19]. Это же констатирует и редактор «Сборника материалов по истории Казанского края в XVIII веке» Д. А. Корсаков. Он пишет: «Вышеписанные иноязычные стихи хотя словами и расположены и различествуют, но главную мысль заключают въ себѣ одинакову почти какъ и слѣдующіе» [Сочинения, 1908, с. 156].

Весьма плохо отзывался о памятнике XVIII века и В. М. Васильев, в частности, он отмечает: «Стихи эти, вероятно, такая же, как и вышеприведенная фальсификация (имеется в виду стихотворение 1767 г. – О. С.) благодарности и выражения верноподданнических чувств Екатерине II от имени учащихся марийцев. Они тоже безграмотны и по содержанию, и по оформлению. Этому способствовали, вероятно, и корректурные ошибки» [Васильев, 1953, с. 256]. Специалист по памятникам письменности марийского языка И. Г. Иванов дает совершенно иную оценку. По его мнению «в языковом отношении стихотворение страдает многими недостатками. Некоторые из них объясняются типографскими опечатками... Несмотря на это, язык стихотворения вполне понятен, за исключением некоторых слов (*эгыжа*). Строго соблюдена в нем рифмовка (перекрестная рифма) и ритмика. Это один из лучших памятников письменности XVIII века» [Иванов, 1975, с. 19]. Мы, за исключением выражения «в языковом отношении стихотворение страдает многими недостатками», вполне согласны с мнением профессора И. Г. Иванова. Что касается рифмовки, то можно указать, что конец первой строки рифмован с концом третьей: *уумь – юумь*; вторая строка связана с четвертой: *кугужа – эгыжа*; пятая строка с седьмой: *куруманымь – мемнанымь* и шестая с восьмой строкой: *шочшыжге – теге*. Первая, пятая и седьмая строки содержат по девять слогов; вторая, четвертая, шестая и восьмая – по восемь слогов, а третья строка содержит десять слогов. В стихотворении перемешаны мужская и женская рифма.

По мнению С. И. Эмана локальную основу текста составляет горно-марийский язык [Эман, 1939, с. 54; Эман, 1945, с. 153]. Касаясь диалектной основы памятника, И. Г. Иванов пишет, что стихотворение написано на луговом наречии [Иванов, 1975, с. 19].

Тщательный лингвистический анализ показывает, что рассматриваемое стихотворение составлено на говоре, близком к йошкар-олинскому диалекту лугового наречия. Об этом косвенно подтверждают такие закономерные фонетические явления, как, например: 1) явление икания: *кугижа* ‘царь’, *лиштыже* ‘пусть делает’, *илишт* ‘поживать, существовать’ вместо лит. *кугыжа, ыштыже, илышт*.

Для рассматриваемого говора, по сравнению с моркинско-сернурским говором лугового наречия, характерно употребление фонемы *и* переднего ряда верхнего подъема вместо звука *ы* заднего ряда редуцированного; 2) цокание: *верец* ‘за’, *цоном* ‘душу’, вместо лит. *верч, чоным*.

В тексте из знаменательных частей речи присутствуют имена существительные, в том числе одно собственное имя существительное, имя прилагательное, местоимение, наречие, глагол и причастие. Из служебных частей речи выделяем частицу и послелог. По сравнению с первым стихотворением, или с некоторыми памятниками письменности XVIII в., в данном тексте послелоги *верець* ‘за’ и *дене* ‘с’ написаны раздельно.

Из русских заимствований отметим лексические единицы *Катерина* ‘Екатерина’ (ср. также фонетический вариант *Кычыри, Кычырий*) и *веть* ‘ведь’.

В написании торжественных од 1767 и 1782 гг. на языках народов Поволжья, в том числе и на марийском, большая роль принадлежит митрополиту, просветителю земли Казанской В. Пуцеку-Григоровичу. Не случайно язык стихотворений, переведенных при его участии, сильно отличаются от оды, посвященной казанскому митрополиту Амвросию. Она увидела свет в 1795 г., т. е. вышла из печати после смерти В. Пуцека-Григоровича.

Сокращения

Г. – горное наречие марийского языка, лит. – литературный язык, нач. ф. – начальная форма, неопр. ф. – неопределенная форма, прич. – причастие, разг. – разговорный, см. – смотри, ср. – сравни, сущ. – имя существительное, уст. – устаревшее, чит. – читай (-те), Эрм. собр. – Эрмитажное собрание, adj. – adjective, adv. – adverb, acc. – accusative, com. – comitative, gen. – genitive, imperf. – imperfect, inf. – infinitive, nom. – nominative, part. – participle, partic. – particle, perf. – perfect, pl. – plural, pro – pronoun, post. – postposition, pres. – present, sing. – singular, sub. – substantive, v. – verb(al).

Библиография

- Васильев В. М. Марий мутэр. Түрлө вэрэ илышэ марийын мутшым тагастарэн нэргэлымэ кнага. Моско: СССР калык-влак рудó савыктыш, 1926. 348 с.
- Васильев В. М. Письменные памятники на марийском языке конца XVIII и первой половины XIX вв. // Ученые записки МарНИИ. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1953. Вып. V. Язык, литература и история. С. 255–271.
- Гусев В. Ю. Нганасанский перевод «Отче наш» XVII века // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Band 32/33. С. 141–156.
- Иванов И. Г. История марийского литературного языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. 255 с.
- Иванов И. Г. Марий литератур йылме историй. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2003. 300 с.
- МРС 1991 – Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В. Марла-рушла мутер = Марийско-русский словарь. 2-е изд. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 512 с.
- РМС 1966 – Русско-марийский словарь. Около 35000 слов. М.: Совет. энцикл., 1966. 848 с.
- Сергеев О. А. Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с российским переводом. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2003. 534 с.
- Словарь марийского языка: в 10 т. / сост. : А. А. Абрамова, Л. И. Барцева, В. И. Вершинин и др. Йошкар-Ола : Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 1990–2005.
- Сочинения въ прозѣ и стихахъ на случай открытiя Казанскаго намѣстничества въ публичномъ собранiи на разныхъ языкахъ говоренныя въ тамошней семинарiи Декабря 26 дня 1781 года // Известия общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1908. Т. XVIII, вып. 4–6. С. 123–158.
- Эман С. И. Дореволюционные письменные памятники на марийском языке // Труды МарНИИСК. Козьмодемьянск: Горномарийский филиал Мар. гос. изд-ва, 1939. Вып. I. Вопросы языка, литературы, фольклора и истории мари. С. 42–62.
- Эман С. И. Революций деч ожно марла возымо памятник-шамыч // Марий фольклор ден литература. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1945. С. 135–192.
- Helinski E. The Enets text of the Lord’s Prayer from Witsen’s book // *Ünnepi könyv Mikola Tibor tiszteletére*. Szeged, 1996. P. 125–132.
- Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Василием Крекниным и Спасской церкви диаконом Иоанном Платуновым, 1785 г. № 197/1 // Эрмитажное собрание. Рукописный отдел Российской национальной библиотеки.
- Словарь черемисского языка с российским переводом по алфавиту российскому расположенный // Государственный архив Нижегородской области. Ф. 2013, оп. 602-а, ед. хр. 186.

О. Р. Студенцов

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. Я. ЯКОВЛЕВА

Аннотация. В статье проанализированы издания православного содержания, переведенные с русского на чувашский язык группой переводчиков под руководством И. Я. Яковлева в 1872–1917 гг., дана характеристика деятельности организатора переводов чувашского просветителя И. Я. Яковлева. В результате исследования автор приходит к заключению, что принципы перевода православной литературы, составленные И. Я. Яковлевым и его сподвижниками, обосновали традиции смыслового перевода текстов на чувашский язык.

Ключевые слова: чувашский язык, переводческая деятельность, книгоиздание, яковлевский период.

TRANSLATION ACTIVITY of I. Y. YAKOVLEV

Abstract. The article analyzes publications of the Orthodox content translated from Russian into Chuvash by a group of translators under the guidance of I. Ya. Yakovlev in 1872–1917; it gives characteristics for I. Ya. Yakovlev's activity as the organizer of translations into the Chuvash language. As a result of the research the author comes to the conclusion that the principles of translating the Orthodox literature, worked out by I. Ya. Yakovlev and his associates substantiated the traditions of semantic translation into the Chuvash language.

Keywords: the Chuvash language, translation, book publishing, Yakovlev period.

На рубеже XIX–XX вв. в социально-культурной жизни чувашей произошли революционные изменения, которые в значительной мере предопределили все современное состояние не только чувашского литературного языка, но и всей чувашской культуры.

Чувашское языкознание накопило значительный опыт изучения лингвистической и экстралингвистической составляющих данного периода (1870–1917), получившего в научной сфере название яковлевского.

В советский период изучение развития чувашского литературного языка не имело развернутого характера и было фрагментарным в связи с закрытостью религиозной проблематики и, соответственно, материальной базы исследований. В связи с этим становление литературного языка прослеживалось в основном на художественных и публицистических текстах (см., например, работы Н. П. Петрова: Петров, 1972; Петров, 1978; Петров, 1998; Петров, 2006), но не на переводах православно-христианской литературы, насчитывающих около 450 наименований и изданных тиражами, как правило, 1200–20000 экземпляров (в создании которых участвовали десятки образованнейших людей своего времени: священники, учителя, административные деятели).

В работах публицистико-литературоведческого аспекта, исследующих церковно-богослужебные тексты, следует выделить труды профессора В. Г. Родионова. В монографии «Чувашская литература XVIII–XIX века» ученый дает детальную и комплексную характеристику творческого наследия видных деятелей религиозно-православного просвещения чувашей: В. Пуцек-Григоровича, Е. И. Рожанского, Н. Базилевского, В. П. Вишневого, Н. И. Золотницкого и его учеников М. Дмитриева и Г. Филиппова, И. Я. Яковлева, А. Рекеева, Д. Филимонова, П. Васильева [Родионов, 2006].

В начале XXI столетия объектом разносторонних научных исследований стала православная литература переводческой школы И. Я. Яковлева. В частности, обозначились книговедческий [Иванова, Фомин, 2011; Фомин, 2012]; историко-языковедческий [Мукин, Мукина, Кузнецова, 2007; Иванова, Фомин, 2011; Фомин, 2011; Мукина, 2012; Мукина, 2014]; стилистический [Фомин, 2006]; переводоведческий [Фомин, 2008; Мукина, Мукин, 2014]. Работы О. Р. Студенцова в основном развивают тематику переводных текстов яковлевской переводческой школы в самых разнообразных аспектах [Студенцов, 2007; Студенцов, 2011; Студенцов, 2012; Студенцов, 2013; Студенцов, 2014; Студенцов, 2015; Студенцов, Хораськина, Васильева, 2016].

Статистические данные по чувашскому книгоизданию яковлевского периода показали следующие результаты: вышло в свет около тысячи книг, из них более семи сотен наименований собственно на чувашском языке, остальные – на русском.

В г. Казани было выпущено около 82 процентов всех названий православно-христианской литературы. На долю Симбирска падает 18 процентов (74 книги).

В Симбирске выпускалась часть букварей, молитвенников, служебников и житий. На начальном этапе переводческой деятельности (1872–1884) практически вся литература выходила в Казани. С 1885 по 1916 гг. в Симбирске издавалось от одного до семи названий книг ежегодно. Особенно плодотворными для симбирских издателей были первые семь лет XX в. К примеру, в 1906 г. в Симбирске и Казани вышло в свет по семь переводов; в 1907 г. – три и два соответственно, в 1908 – по одному. На первом месте по количеству изданий находится симбирская типография А.Т. Токарева (30 названий), на втором – типолитография Губернского правления и типография Ф.И. Сысоева (десять переводов), пять книг выпущено А. и М. Дмитриевыми и единственное название издателем Ханковым.

Статистика изданий церковно-религиозных книг на языках «инородческих» с 1867 по 1892 гг. говорит о том, что чувашские издания по количеству занимали после татарских вторую позицию. Только в Казани в это время было напечатано для крещеных татар 51, для чувашей 46, для марийцев 41, для удмуртов 19, для казахов и киргизов 11, для мордвы тоже 11, для алтайцев девять, для нанайцев семь, для якутов и бурят по шесть, для эвенков два названия.

Количественно-тематическая классификация чувашских книг отражена в таблице 1.

Тематическое распределение чувашских книг на рубеже XIX–XX вв.

Разновидность литературы	Всего книг	Доля, в процентах
Богослужебная	476	65,65
Публицистическая	82	11,31
Научная	58	8,00
Учебная	54	7,45
Художественная	47	6,48
Деловая	8	1,10
Итого	725	100

Подсчеты показывают, что в 1872–1917 гг. на чувашском языке в среднем ежегодно выходило около 15 книг; число изданий варьирует от одного в 1878 г. до 71 в 1905 г.

Общая картина чувашского книгоиздания представлена в таблице 2.

Статистическая характеристика изданий православно-религиозной литературы

Год издания	Объем изданий, в стр.	Общий тираж, в экз.	Всего названий
1872	96	–	1
1873	264	–	3
1874	463	–	4
1876	249	–	1
1877	66	300	2
1878	138	6200	2
1879	353	9200	5
1880	96	1200	1
1882	564	9800	4
1883	300	8000	3
1884	372	14600	3
1885	420	9050	3
1886	288	–	1
1887	898	6000	3
1888	301	5400	3
1889	388	2400	3
1890	406	–	3
1891	211	–	3
1892		3200	
1893	719	41400	14
1899	39	300	2
1900	249	–	8
1901	520	6000	3
1902	413	19200	6
1903	529	25500	13
1904	1531	28500	24
1905	2372	70450	71
1906	1759	16020	20
1907	702	3200	6
1908	708	16350	18
1909	549	4800	12
1910	1057	29600	18
1911	682	24600	8
1912	550	38800	23
1913	995	69160	52
1914	856	1200	20
1915	158	1200	1
1916	610	8400	11
1917	98	–	1
Всего	24291	697580	465

Результат объединенного труда переводчиков, редакторов и консультантов – полновесно функционирующая чувашская православная литература, сыгравшая большую роль в этнической идентификации чувашей, их фактическом утверждении в православии, становлении всей новочувашской письменной культуры. В частности, принципы перевода православно-христианской литературы, составленные И. Я. Яковлевым и его сподвижниками, обосновали традиции смыслового перевода текстов, принадлежащих разным функциональным стилям чувашского языка.

Библиография

- Иванова А. М., Фомин Э. В. Поволжские города в истории чувашского литературного языка (дооктябрьский период). Чебоксары, 2011. 155 с.
- Мукин В. А., Мукина И. В., Кузнецова Л. В. Миссионерско-просветительская система как фактор духовно-нравственного обогащения этнокультуры чувашей // Этнопедагогический ежегодник. Чебоксары, 2007. С. 129–146.
- Мукина И. В. Лексико-семантический анализ лингвоспецифичных слов в переводах Библии на чувашский язык // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 304–311.
- Мукина И. В. От Букваря до Библии – социальные функции чувашского языка в яковлевский период // Актуальные вопросы общей и прикладной филологии. 2014. С. 51–56.
- Мукина И. В., Мукин В. А. Лингвокультурологическое структурирование языковых особенностей, связанных с переводом Библии на чувашский язык // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 125–131.
- Петров Н. П. Рождение и развитие новой чувашской письменности // 100 лет новой чувашской письменности. Чебоксары, 1972. С. 77–97.
- Петров Н. П. И. Я. Яковлев – создатель чувашской письменности // И. Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества. Чебоксары, 1998. С. 26–28.

- Петров Н. П. Н. И. Ильминский и И. Я. Яковлев: создание новой чувашской письменности и новописьменного литературного языка // Вопросы чувашского языкознания. Чебоксары, 2006. Вып. 2. С. 8–23.
- Петров Н. П. Чăваш литература чĕлхин историйĕ: яковлевченхи тапхăр: вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар, 1978. 110 с.
- Родионов В. Г. Чăваш литератури: XVIII–XIX ĕмĕрсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2006. 463 с.
- Студенцов О. Р. Заимствования в переводах чувашского просветителя И. Я. Яковлева в диахронии // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 335–338.
- Студенцов О. Р. Имена существительные, образованные аффиксом -çă (-çĕ), в чувашских православных текстах конца XIX – начала XX вв. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2013. № 1–2. С. 164–167.
- Студенцов О. Р. Инновации в лексике церковно-богослужебной литературы на чувашском языке в переводах И. Я. Яковлева и его школы (1871–1917 гг.): дис... канд. филол. наук. Чебоксары, 2007. 169 с.
- Студенцов О. Р. Количественная характеристика православных изданий чувашского просветителя И. Я. Яковлева // Ашмаринские чтения. 2014. С. 106–110.
- Студенцов О. Р. Православная религиозная лексика в «Кратком чувашско-русском словаре» Н. В. Никольского 1919 г. // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 266–268.
- Студенцов О. Р., Хораськина Г. В., Васильева Л. А. Библин чăвашла куçарăвĕсенчи сăмахсен çĕнĕ пĕлтерĕшĕсем: ыйтăва хускатни // Ашмаринские чтения. Чебоксары, 2016. С. 181–184.
- Фомин Э. В. Издательские центры чувашской книги конца XIX – начала XX вв. // Культура и искусство как универсальный фактор духовно-нравственного совершенствования человека и общества. Чебоксары. 2012. С. 269–278.
- Фомин Э. В. Основные тенденции стилистической дифференциации средств чувашского языка в яковлевский период // Вестник Чувашского университета. 2006. № 1. С. 235–239.

С. Н. Широбокова

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ НЕКОТОРЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ОСНОВЕ МЕЖДОМЕТИЙ)

Аннотация. Литература каждого народа по-своему уникальна, интересна и благодаря переводческой деятельности может быть доступна большой аудитории читателей. Главное, чтобы текст перевода художественного произведения был максимально близок к оригиналу, как по содержанию, так и по эмоциональному воздействию на читателя. В данной статье представлена попытка анализа некоторых прозаических произведений удмуртской литературы на русский язык, выявлены особенности перевода произведений и некоторые спорные моменты.

Ключевые слова: перевод, художественный текст, сопоставительный анализ, междометие, эмоциональный компонент.

S. N. Shirobokova

ANALYSIS OF TRANSLATIONS OF SOME UDMURT LITERATURE PROZAIC WORKS TO THE RUSSIAN LANGUAGE (ON THE BASIS OF INTERJECTIONS)

Abstract. The literature of each people is unique in its own way, interesting and thanks to translation activities it is accessible for a large audience of readers. The only thing that matters is that the text of a fiction work translation should be as close to the original as possible, both in its content and in emotional impact on the reader. This article presents an attempt to analyze some translated prose works of the Udmurt literature in Russian; it identifies translation peculiarities of these works and some controversial points.

Keywords: translation, literary text, comparative analysis, interjection, emotional component.

Перевод произведений художественной литературы является, пожалуй, самым сложным среди существующих видов перевода, так как требует не просто знание иностранного языка, а умение преподнести читателю тот смысл, который заложил в тексте автор. Художественный перевод – сочетание искусства, мастерства и научного подхода. Повышенный интерес к созданию текстов перевода и исследованию вопросов перевода текстов вызван смещением акцента в исследовании текста в целом. Текст начинает рассматриваться не только как источник языковых данных, но и как единица коммуникации, связанная с мыслительной деятельностью, и, с этой точки зрения, каждая на первый взгляд маловажная деталь (к примеру, наличие или отсутствие междометий в тексте) является решающей.

Объектом исследования данной статьи являются два прозаических произведения удмуртской литературы и их переводы на русский язык: роман Г. К. Перевощикова «Йыбыртты музеймлы» («Поклонись земле») и повесть Г. Д. Красильникова «Вуж юрт» («Старый дом»). Подробный семантический анализ междометий удмуртских текстов данных произведений представлен в диссертационном исследовании «Междометия в удмуртском языке» [Широбокова, 2013]. В таблице 1 приведены общие результаты обзора ста тридцати страниц десяти художественных произведений (включая анализируемые).

**Количественное соотношение междометий удмуртского языка
в художественных произведениях авторов**

№	Авторы	Эмоциональные междометия	Побудительные междометия	Междометия этикета	Всего
1.	Архипов Т. А. Лудзи шур дурын (1985)	66	40	16	122
2.	Блинов П. А. Улэм потэ (1986)	134	78	19	231
3.	Валишин Р. Г. Тӧл гурезь (2004)	223	63	18	304
4.	Кедра Митрей Секыт зйбет (1988)	101	47	7	155
5.	Коновалов М. А. Вурысо бам (1973)	84	71	18	173
6.	Красильников Г. Д. «Вуж юрт» (1956)	243	61	14	318
7.	Медведев Г. М. Лӧзя бесмен (1984)	121	27	13	161
8.	Перевощиков Г. К. Йыбыртты музъемлы (1977)	254	101	20	375
9.	Петров М. П. Зардон азын (1983)	15	54	19	88
10.	Самсонов С. А. Дыдыкӧс бус пӧлы уг йыромо (1979)	108	31	28	167
Общее количество междометий		1349	573	172	2094

Таким образом, из анализируемых в диссертации десяти произведениях удмуртской художественной литературы, наибольшее количество междометий использовано в романе Г. К. Перевощикова «Йыбыртты музъемлы» (375 единиц) и повести Г. Д. Красильникова «Вуж юрт» (318 единиц), чем и обусловлена одна из причин анализа переводов данных произведений.

Следующим критерием отбора произведений послужил тот факт, что они входят в школьную программу по удмуртской литературе, и, следовательно, являются одними из ключевых произведений не только в творчестве самих авторов, но и в удмуртской литературе в целом.

Третий критерий отбора произведений заключался в наличии их переводов на русский язык, при этом учитывалось то, кем выполнен перевод: самим автором, либо другим лицом. В связи с этим, наряду с анализом повести Г. Д. Красильникова «Вуж юрт», где переводчиком выступил сам автор, выбран роман Г. К. Перевощикова «Йыбыртты музъемлы», перевод которого выполнен Н. П. Кралиной. Благодаря анализу переводов данных произведений планируется выявить степень близости содержания текстов оригинала и их переводов с точки зрения общего эмоционального фона произведения и с учетом того, кем выполнен перевод.

Таким образом, сопоставительный анализ текстов оригинала и их переводов будет выстраиваться на основе анализа междометий. Такое внимание именно к междометиям в произведении обусловлено тем, что они, во-первых, являются своего рода речевой характеристикой персонажей, так как используются в их репликах; во-вторых, создают общий эмоциональный фон произведения, а любое произведение искусства призвано не просто передавать информацию об окружающей действительности, но и создавать определенный эстетический эффект, производить эмоциональное воздействие на читателя. Более полную информацию об огромной роли междометий в речи или текстах художественной литературы можно найти в трудах А. А. Водяхи [Водяха, 2012, с. 81], М. Ю. Шалуновой [Шалунова, 2012, с. 85], С. Ю. Мамушкиной [Мамушкина, 2011, с. 80], Л. К. Парсиевой [Парсиева, 2008, с. 63–66; Парсиева, 2008, с. 160–165], А. С. Стаценко [Стаценко, 2011, с. 110–117].

Примеров тому, что междометие характеризует речь персонажей, определяет основной тон произведения, передает динамику происходящих событий, можно найти в каждом из анализируемых произведений, но так как это не является целью данной работы, приведем лишь несколько доказательств. Например, в повести Г. Д. Красильникова только в речи одного из героев (Сабита) в самых различных значениях (недовольство, восхищение, удивление и т. д.) используется междометие *валла*, указывая на национальность говорящего (татарин) и придавая его речи своеобразный характер. Другой пример: исследование частотности употребления тех или иных междометий и их значений показало, что, к примеру, в романе Г. К. Перевощикова самые частые эмоции – раздумие, укор, догадка, удивление, недовольство. Главные герои постоянно пребывают в состоянии напряжения. Отрицательные эмоции создают и соответствующий фон произведения. Чувства радости, восхищения, вдохновения встречаются очень редко. Более подробные сведения о том, какую роль выполняют междометия в текстах удмуртской художественной литературы можно найти в изданной нами ранее статье [Широбокова, 2015].

Результаты обзора и анализа романа Г. К. Перовошикова «Йыбыртты музъемлы» и повести Г. Д. Красильникова «Вуж юрт» и их переводов на русский язык свидетельствуют о том, что междометия имеют свою специфику перевода и тот факт, что количество междометий в текстах оригинала и их переводах не совпадает, не говорит о плохом качестве перевода, поскольку смысловая и эмоциональная нагрузка междометия может быть передана другими способами, например, лексически, ср.: «А-а, иське, озьы кырзаны кутскид?» – синъёсыз перилэн кадъ чилектійзы [Перовошиков, 1977, с. 82]. «Вон ты как запел, паршивец?» – глаза Дулова налились гневом' [Перовошиков, 1983, с. 133]. Как видим, в переводе предложения междометие отсутствует, но данный пробел восполняется лексически, так как значение догадки междометия *а-а* выражено в переводе словом *вон*. Другой пример: *Ай-яй, егит мурт!* [Красильников, 1956, с. 121]. *'А еще молодой человек!'* [Красильников, 1971, с. 122]. Значение укора междометия в оригинале передается в переводе другой частью речи.

Наряду с представленными выше удачными примерами переводов междометий, следует отметить случаи, когда междометия не переводятся. Например: *А-а, соку валамон* [Перовошиков, 1977, с. 132]. *'Тогда ясно'* [Перовошиков, 1983, с. 133]; *Хм... Тодыса ул: «Универсалын» – мон старшой тракторист* [Красильников, 1956, с. 55]. *'Предупреждаю: на «Универсале» старший тракторист – я!'* [Красильников, 1971, с. 59]. Междометия в переводном тексте отсутствуют, но, кажется, переводы были бы точнее, если бы междометия сохранились, так как выражаемая ими эмоциональная составляющая теряется в тексте перевода.

Как показывают материалы исследования, встречаются и случаи, когда в тексте перевода используются междометия, отсутствующие в оригинале: *Тй-и-ни кызьы!* [Перовошиков, 1977, с. 127]. *'Ах, вот как!..'* [Перовошиков, 1983, с. 129]. *Однако, Микта Иванлэн майбыр улонзлы пум вуэм, лэся, сотэк берен Акагуртэ ой куриськысал* [Красильников, 1956, с. 43]. *'Однако, видно, безбедному житью Микты Ивана пришел конец, а может, острым нюхом своим Иван учуял, что конец уже близко. Неспроста он просится обратно в колхоз, ой, неспроста!'* [Красильников, 1971, с. 40]. Подобных случаев переводов с междометиями встретилось не много. В данных примерах предложение междометий в текстах переводов можно считать оправданным, так как смысл высказываний они не меняют, лишь эмоционально усиливают. Однако, злоупотреблять чрезмерным использованием междометий не следует, поскольку такой способ перевода может исказить текст оригинала.

Преобладающим же способом перевода междометий, согласно результатам анализа, следует признать подбор эквивалента, выраженный одним и тем же междометием или эквивалентом в соответствующем языке, например: «*Ей-бо, чисто возжомиз, ява, калыкед, – шуыліз пересь Архип. – Оскизы соостыныд, оскизы, Николай Степанович*» [Перовошиков, 1977, с. 79]. «*Ей-бо, чисто подменили народто, – отметил довольный Архип Архипович. – Поверили тебе люди, поверили, Николай Степанович*» [Перовошиков, 1983, с. 86]; *Э-э, котьмар кар, коть уен-нуналэн эн бертылы! – кыныз шоналтійз Зоя* [Красильников, 1956, с. 13]. *'Э-э, да вольному воля, хоть ночуй в этом колхозе, мне-то какое дело!'* [Красильников, 1971, с. 16]. Примеры подбора эквивалентов в соответствующем языке: *О-о, паньтэмъёс ук асьмеос. Мон но Коля* [Перовошиков, 1977, с. 19]. *'Э-э, да мы, брат, тезки с тобой: я тоже Николай'* [Перовошиков, 1983, с. 22]; *Акташъёс амалтэк возжъяськыса учкыло электротыльёс пала: «Эк, пиштэ ук! Электроен шулдыр ук, эке...»* [Красильников, 1956, с. 37]. *'И акташцы с нескрываемой завистью посматривают на веселые огоньки соседней, вздыхают: «Эх, светло как! Электричество – оно, конечно, большое дело...»'* [Красильников, 1971, с. 38].

Результаты сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода свидетельствуют том, что: 1) междометия действительно играют большую роль в контексте того или иного высказывания, несут определенную смысловую и эмоциональную нагрузку; 2) перевод, выполненный самим автором (в случае с повестью «Старый дом») или другим лицом (роман «Поклонись земле»), может быть в равной степени полноценным или нет, но преимущество перевода самого автора заключается в точном понимании своего произведения, следовательно, проблема заключается только в уровне владения языком, на который переводит, и в поиске наиболее подходящих форм и методов перевода.

Библиография

- Водяха А. А. Эмотивное пространство художественного текста // Волгоградский гос. социально-педагогический ун-т: Грани познания, 2012. Т. 20. № 6. С. 79–81.
- Красильников Г. Д. Вуж юрт: диалогия. Ижевск: Удмуртия, 1956. 412 б.
- Красильников Г. Д. Старый дом / пер. с удм. Г. Д. Красильникова. М.: Совет. Россия, 1971. 528 с.
- Мамушкина С. Ю. Междометия как эмоционально-экспрессивные единицы языка // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2011. № 8. С. 77–80.
- Парсиева Л. К. Национальная специфика междометий в аспекте перевода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 7. С. 63–66.

- Парсиева Л. К. Непроизводные междометия: проблемы перевода // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 59. С. 160–165.
- Первошиков Г. К. Йыбыртты музъемлы: роман. Нырысеті книга. Ижевск: Удмуртия, 1977. 260 б.
- Первошиков Г. К. Поклонись земле: роман-трилогия / пер. с удм. Н. П. Кралиной. Ижевск: Удмуртия, 1983. 580 с.
- Стаценко А. С. Проблемы перевода слов с эмоциональным компонентом // Общество: философия, история, культура. 2011. № 3–4. С. 110–117.
- Шалунова М. Ю. О знаковой природе междометий // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 83–86.
- Широбокова С. Н. Междометия в удмуртском языке: дис... канд. филол. наук: 10.02.02 Ижевск, 2013. 161 с.
- Широбокова С. Н. Семантика междометий, их экспрессивно-стилистические функции (на материале удмуртских художественных текстов) [Электрон. данные] // «Я жизнь пою...». Ижевск, 2015 г. Режим доступа: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/14067> (дата обращения: 21.01.2018).

А. Ф. Юсупов

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АРАБСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ЯЗЫКЕ ТАТАРСКОЙ СУФИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XIX В.

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем грамматического освоения и функционирования арабизмов в составе глагольных форм на материале татарской суфийской поэзии XIX в. Сделан вывод о том, что большинство масдаров и причастий арабского языка в языке исследуемых текстов субстантивируются и выступают в глагольно-именном значении, а также в сочетании с некоторыми вспомогательными глаголами; определенная часть причастий арабского языка употребляются в собственно причастном значении.

Ключевые слова: старотатарский язык, заимствования, грамматическое освоение, субстантивация, имя действия, причастие.

A. F. Yusupov

REGULARITIES IN FUNCTIONING OF ARABIAN VERBAL FORMS IN THE LANGUAGE OF THE XIX CENTURY TATAR SUFI POETRY

Abstract. The article is devoted to the problems of grammatical capture and functioning of Arabisms being part of verbal forms on the material of Tatar Sufi poetry of the XIX century. It is concluded that most masdars and participles of the Arabic language in the language of the texts studied are substantivized and act in a verbal-nominal meaning, as well as in combination with some auxiliary verbs; a certain part of participles in the Arabic language are used in proper participle meaning.

Keywords: the old Tatar language, borrowing, grammatical capture, substantivisation, action name, participle.

Как известно, история изучения лексического состава татарского языка, в частности, арабо-персидских заимствований имеет богатый опыт. «Первые попытки научно-теоретического исследования арабо-персидских заимствований в татарском языке были начаты уже в 1912–1913 гг. такими учеными, как Г. Сагди, Дж. Валиди, А. Х. Максуди и др.» [Юсупов, 2004, с. 8]. В советское время лексико-семантическая характеристика отдельных свойств заимствований в аспекте лексического освоения арабских и персидских единиц была продолжена в трудах Ш. Рамазанова, К. Сабирова, Г. Ахатова.

Как известно, уже в начале XX в. в татарском языкознании происходит первичное осмысление грамматического освоения арабо-персидских заимствований в татарском языке. В 1913 г. «Г. Сагди впервые сделал попытку исследовать закономерности морфологического освоения арабских заимствований в татарском языке. Автор сгруппировал арабские слова по частям речи с точки зрения татарской морфологии» [Махмутов, 1966, с. 4]. В трудах Дж. Валиди [Вэлиди, 1915] внимание акцентируется на исследование морфологических особенностей заимствований, где выявляются формы выражения грамматической категории рода арабских слов в татарском языке. Вслед за ними, описанию морфологических свойств арабских заимствований посвящается работа Х. Максуди «Гарабият» [Максуди, 1915], в которой дается анализ заимствований с точки зрения арабской грамматики, однако вопросы грамматического освоения их в татарском языке остаются вне поля исследования.

Значительный вклад в изучение фонетического и морфологического освоения арабизмов и фарсизмов в татарском литературном языке внес М. И. Махмутов [Махмутов, 1966], который также затрагивал вопросы перехода (конверсии) арабских и персидских слов из одной грамматической категории в другую при заимствовании татарским языком. И. Ш. Аухадиевым были изучены в сопоставительном аспекте фонетические системы арабского и татарского языков, и исследованы закономерности фонетического освоения арабских заимствований в татарском языке [Әүхәдиев, 1969]. В трудах Р. Г. Ахметьянова раскрываются пути проникновения в татарский язык арабо-персидских слов и формообразований, отметив при этом роль мусульманского вероучения и богослужения [Ахметьянов, 1969].

На рубеже XX–XXI вв. данной проблематике посвящались диссертационные исследования, где особое внимание уделяется «возвращенной» лексике в татарском языке, употреблению арабо-персидских заимствований в татарских народных пословицах и морфологическому строю суфийских произведений XIX в. [Юсупов, 2015, с. 72].

Таким образом, арабо-персидские лексические единицы в современном татарском литературном языке исследованы достаточно глубоко и разносторонне. Однако системное описание функционирования заимствований в структуре художественного текста и вопросы освоения арабизмов и фарсизмов на уровне грамматического строя, а также стратификация языковых явлений татарских суфийских произведений XIX в. оставались вне поля зрения ученых. По мнению исследователей, «старотатарский литературный язык XIX века характеризуется увеличением удельного веса арабских и персидских заимствований» [Юсупов, 2014, с. 208]; «до XVIII века количество арабских заимствований составляет незначительный процент лексического состава старотатарского языка. В XVIII столетии приток заимствований возрастает, а с начала XIX века резко увеличивается. Но самой большой поток арабизмов наблюдается с середины XIX века и до 1905–1907 годов, т.е. с началом развития и становления современного татарского литературного языка» [Махмутов, 1966, с. 3]. «Закреплению арабских слов в словарном составе татарского языка XIX века способствовала суфийская поэзия, пропитанная арабо-персидскими элементами и оказавшая сильное воздействие на развитие письменного литературного языка того времени» [Юсупов, 2012, с. 100].

Как известно, языку татарской суфийской поэзии XIX в. характерно активное заимствование всех частей речи. В языке татарской поэзии данного периода имена действия тюрко-татарского происхождения параллельно употребляются с именами действиями арабского языка – масдарами.

В арабских грамматиках указывается, что «имя действия в арабском языке передает абстрактное название самого действия или состояния без каких-либо указаний на лицо, время, залог и другие конкретные характеристики глагола» [Гранде, 1963, с. 186].

В арабском языке масдары от различных пород глаголов образуются не по одной, а по многочисленным моделям и точного правила для распределения этих формул нет. В языке татарской поэзии данного периода употребляются следующие формы масдаров:

1) имена действия I породы, представленные следующими моделями:

- фэгълун: *садыр* [Фэхретдинов, 1907, с. 82] ‘грудь, сердце’, *гъакъыл* [Фэхретдинов, 1907, с. 104] ‘ум, разум; понимание’, *къасыр* [Фэхретдинов, 1907, с. 125] ‘краткость, ограниченность’;
- фугълун: *вәжуд* [Научный, с. 414] ‘бытие, существование; наличие’;
- фэгъалун: *сахар* [Фэхретдинов, 1907, с. 93] ‘заря, завтрак’, *заман* [Фэхретдинов, 1907, с. 97] ‘время, пора, эпоха’, *хәтәр* [Фэхретдинов, 1907, с. 80] ‘опасность’;
- фэгъләтун: *дәүләт* [Фэхретдинов, 1907, с. 95] ‘государство; богатство’;
- мәфгиләтун: *мәгърифәт* [Фэхретдинов, 1907, с. 117] ‘знание, наука; просвещение’;

2) II порода масдара, чаще всего представленная формой тәфгилун (основным значением данной формы является осуществление общей идеи, заключенной в корне, а также значение побудительности): *тәкъсир* [Фэхретдинов, 1907, с. 89] ‘сокращение; упущение’, *тәдбир* [Фэхретдинов, 1907, с. 83] ‘предусмотрительность’;

3) масдары III породы, часто встречающиеся в языке поэзии и имеющие значение общности, взаимности действия, а также направленности действия в сторону кого-либо и образуются по модели фигъалун: *хитаб* [Фэхретдинов, 1907, с. 82] ‘обращение; речь’, *фиракъ* [Фэхретдинов, 1907, с. 103] ‘разлука’;

4) масдары IV породы, употребляющиеся в значении каузативности и образующиеся по модели ифгъалун: *иман* [Фэхретдинов, 1907, с. 134] ‘вера, убеждение’, *изһар* [Фэхретдинов, 1907, с. 108] ‘обнаружение, выявление, показ’, *ислам* [Фэхретдинов, 1907, с. 125] ‘покорность’;

5) масдары VIII породы, в языке исследуемых произведений являющаяся активно употребляемой формой арабских имен действий и получающая возвратное значение часто с оттенком «себе», «для себя», образуются по модели ифтигал: *интизар* [Научный, с. 415] ‘ожидание’, *илтифат* [Научный, с. 414] ‘обращение внимания, внимание’, *игътибар* [Научный, с. 414] ‘принятие во внимание, внимание; уважение’;

6) масдары X породы, образованные по модели истифгъал, в языке данных текстов малочастотные и употребляются в возвратном значении, заключая в себе идею просьбы, привлечения со стороны: *истихъакъ* [Фэхретдинов, 1907, с. 124] ‘заслуженность; пригодность, достоинство’, *истикъамәт* [Фэхретдинов, 1907, с. 124] ‘честность, правдивость’, *истиғъракъ* [Фэхретдинов, 1907, с. 132] ‘погружение; чрезмерное занятие делами’.

Следует отметить, что масдары арабского языка субстантивируются и часто переходят в разряд имен существительных. Аналогичное явление характерно и для заимствованных имен действий, которые, субстантивируясь, принимают грамматических показателей тюркских имен существительных и изменяются по числам, склоняются по падежам и могут иметь окончания категории принадлежности, например: *чөнки садрына йазылды гыйышкы хат* [Фэхретдинов, 1907, с. 82] ‘потому что в сердце написано любовное письмо’ (здесь и далее перевод автора. – А. Ю.).

В языке татарской поэзии исследуемого периода арабские масдары активно употребляются с послелогами тюркского происхождения *берлән, илэ, берлэ* ‘с’: *сәдд кыла ихлас илэ* [Фэхретдинов, 1907, с. 83] ‘запреты установит рьяно’.

Наши наблюдения показывают, что исконно арабские глагольные формы в языке татарской суфийской поэзии XIX в. не употребляются и заимствования в исходной форме никогда не выступают в функции глагола. Глаголы от арабских основ образуются в основном либо суффиксальным путем, либо при помощи вспомогательных глаголов.

Кроме того, определенная часть арабских масдаров, не теряя свои лексико-грамматические значения и, употребляясь в глагольном значении, участвуют в образовании сложных глаголов. В данных конструкциях в роли именной части выступает масдар арабского языка, а вспомогательным глаголом является слово тюркского происхождения. Анализ заимствованных имен действий показывает, что арабские масдары часто соотносятся со вспомогательными глаголами *итү, айлау, кыйлу, кьалу*, например: *сүз озальб бара, кьасыр идәм* [Фэхретдинов, 1907, с. 125] ‘я сокращаю свою речь’, *кәндүңә зольм айламыш* [Фэхретдинов, 1907, с. 99] ‘сам себя обидел’.

Следует отметить, что конструкция «масдар + вспомогательный глагол *итү / идү*» является самой распространенной моделью, в данных конструкциях первый компонент – масдар – выражает название действия или состояния, а второй компонент – вспомогательный глагол «оглаголивает» его. Модель «масдар + вспомогательный глагол *кьалу*» в языке поэтических текстов зафиксирована только в отрицательной форме и в роли именной части употребляются лишь арабские масдары VIII породы: *сәндиң узгә кемсәйә һич ифтикьәрәм кьалмады* [Научный, с. 414] ‘ни в чем не нуждаюсь, кроме тебя’.

В отличие от арабского языка, в тексте изучаемых произведений встречаются случаи употребления форм арабских масдаров I породы в функции наречия тюркского языка: *һәрғиз икселмәс, мөдәм артур бу күңлем йарасы* [Научный, с. 417] ‘никогда не уменьшится, а только постоянно усиливается эта моя сердечная (душевная) рана’.

В языке татарской суфийской поэзии XIX в. среди заимствованных глагольных форм выделяются и причастия арабского языка действительного и страдательного залогов. Исследования показывают, что причастия арабского языка в языке исследуемых текстов выступают в собственно причастном, субстантивированном и глагольно-именном значениях, а также в сочетании с некоторыми вспомогательными глаголами.

Значительная часть заимствованных арабских причастий, выступая в собственно причастном значении, употребляется в функции определения: *гасый* ‘грешный, непокорный; грешник’, *жафи* ‘мучающий’, например: *бән ходаның бер гьариб, гьасый-у жафи кьолы мән* [Фэхретдинов, 1907, с. 87] ‘чужд я богу, раб я, мучающий его’.

Причастия страдательного залога употребляются в атрибутивной функции реже, чем причастия действительного залога. Вместе с тем, можно привести несколько примеров: *мөләүвәз* ‘запятнанный, загрязненный’: *кем мөләүвәз тәнләре хуш арыдыр су агыны* [Фэхретдинов, 1907, с. 91] ‘у кого загрязненные тела, их хорошо промывает водяное течение’.

Арабские причастия часто субстантивируются, принимая грамматические парадигмы падежа, числа и принадлежности: *хәгьир хәқир* ‘презренный, жалкий, ничтожный’: *бу хәгьиргә хәзрәтең мән-зарләре дөшкән* [Фэхретдинов, 1907, с. 130] ‘время, когда господин посмотрел на этого презренного’. Субстантивированные причастия страдательного залога в основном падеже с аффиксами принадлежности употребляются в составе изафетных конструкций и выступают в роли определения, например: *мәтлүб* ‘искомый; требуемый, пользующийся спросом’, *мәхбүб* ‘любимый, возлюбленный; любимец’: *чөн һәммә талибаләрең мәтбүбы сән, чөн һәммә гьаишкьларың мәхбүбы сән* [Фэхретдинов, 1907, с. 132] ‘потому что для всех студентов ты желанный, потому что всех влюбленных ты любимец’.

Арабские причастия в форме основного падежа употребляются как обращение, которое вводится при помощи специальных частиц или приставок: *монафикь* ‘лицемер; двуличный’: *эй монафикь, нәгьлеңе вә хәлеңе дөз итмәдең* [Фэхретдинов, 1907, с. 98] ‘о, двуличный, не знал цены ты доходам своим и положению’.

Заимствованные арабские причастия могут самостоятельно функционировать в роли сказуемого. Вместе с тем они оформляются аффиксами сказуемости соответствующего лица: *мәшһүр* ‘известный,

знаменитый, славный’: *фәлән угълы фәлән диб мәшһүрдәр* [Фәхретдинов, 1907, с. 122] ‘известный как некий сын некоего человека’.

Как и масдары, причастия нередко сочетаются со вспомогательными глаголами *әйлә, ирсә, улә,къыйла, ит, килә* и функционируют в качестве компонента сложного сказуемого, например: *мәкъһур* ‘проклятый, заклятый; обиженный, замученный; побежденный, покоренный’: *та сәнең әлеңдә мәкъһур ула дин мәккәрәсе* [Научный, с. 418] ‘в твоей руке смиряется в религии коварный’.

Таким образом, в языке татарской суфийской поэзии XIX в. арабские грамматические элементы выступают в основном в составе субстантивированных форм глагола, которые представлены масдарами I, II, III, IV, VIII, X пород арабского языка и причастиями действительного и страдательного залога. Большинство арабских глагольных форм субстантивируются под воздействием грамматических норм татарского языка и принимают все парадигмы имен. Значительная часть масдаров и причастий не теряют свои глагольные значения и выступают в сочетании с вспомогательными глаголами тюркского происхождения.

Библиография

- Ахметьянов Р. Г. Этимологические основы лексики татарского языка: дис... канд. филол. наук. Казань, 1969. 203 с.
- Әүхәдиев И. Ш. Гарәп алынмаларының фонетик үзләштерелеше турында // Татар тел белеме мәсьәләләре. 3-нче китап. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1969. Б. 112–134.
- Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 594 с.
- Вәлиди Ж. Татар теленең имла һәм сарыф вә нәхү кагыйдәләре. Казан, 1915. 52 б.
- Максуди Н. Гарәбият. Казан, 1915. 112 б.
- Махмутов М. И. Фонетическое и грамматическое освоение арабских заимствований в татарском литературном языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Казань, 1966. 20 с.
- Фәхретдинов Р. Асарь. 13 жөзъ. 2 нче жилд. Оренбург, 1907. 422 б.
- Юсупов А. Ф. Морфологические особенности языка произведений суфийского поэта I половины XIX века Шамсетдина Заки: дис... канд. филол. наук. Казань, 2004. 226 с.
- Юсупов А. Ф. Многовариативность старотатарского языка XIX века // Филология и культура. 2012. № 3. С. 99–103.
- Юсупов А. Ф. О суфийской терминологии в языке татарской поэзии XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4. Ч. 2. С. 208–211.
- Юсупов А. Ф. Суфийская лексика в языке поэтических произведений XIX века // Исламоведение. 2015. № 3. С. 71–77.
- Научный архив Института истории, языка и литературы Академии наук Республики Башкортостан. Ф. 3. Т. 63. Ед. хр. 47. 178 с.

ЯЗЫКИ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Э. Алос-и-Фонт

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВ ПАССАЖИРАМИ В ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ ЧЕБОКСАР

Аннотация. На основе 940 наблюдений в 119 поездках в общественном транспорте по городу Чебоксары изучено устное неформальное использование языков (лингвистическая коммуникация в персональной сфере) в общественном пространстве города. В анализе учитываются пол индивидов, приблизительный возраст и характер разговора – по телефону или с другим пассажиром. Результаты показывают использование чувашского языка в восьми процентах наблюдений при том, что 63 процента населения города – чуваша. Кроме того, чувашеговорящие в среднем на 15–20 лет старше русскоговорящих. Автором рекомендуется руководителям языковой политики усилить изучение действительного использования языков. Оценка языковой политики должна проводиться на основе её результативности.

Ключевые слова: чувашский язык, использование языков, лингвистическая коммуникация в персональной сфере, гендерные различия, возрастные различия, оценка языковой политики.

H. Alòs i Font

PASSENGERS' LANGUAGE USE IN CHEBOKSARY PUBLIC TRANSPORT

Abstract. On the basis of 940 observations during 119 trips in Cheboksary public transport, oral informal use of languages (individualised linguistic communications) in the town's public space was studied. The analysis takes into account sex of individuals, their approximate age and the conversation's character – whether it was a telephone conversation or a chat with another passenger. The results show that Chuvash is used in 8% of observations, while 63% of the city's population are Chuvash. Chuvash speakers are on average 15 to 20 years older than Russian speakers. The author recommends language policy managers to enhance studying the actual use of languages. Language policy evaluation shall be based on its effectiveness criteria.

Keywords: the Chuvash language, language use, individualised linguistic communications, gender differences, age differences, language policy evaluation.

Определение действительного использования языков является важной задачей социолингвистики. Проблема в том, что чаще всего как социологические опросы, так и переписи населения изучают владение языками, а не их использование. Иногда в анкеты включаются вопросы, направленные на выявление использования языков в определённой среде: дома, на работе, в магазинах и т. д. Тем не менее, большинство билингов используют несколько языков в условиях одной и той же среды. Частотность использования каждого языка остаётся неизвестной или малоизвестной. Кроме того, опросы собирают мнение опрошенных, в том числе и о своих действиях, но эти впечатления могут значительно отличаться от фактического поведения индивидов. Только непосредственное наблюдение лингвистического взаимодействия граждан может дать реальную картину языковой ситуации.

Ж. М. Айма с 1999 до 2010 гг. в один и тот же день года семь раз проходил по одному и тому же длинному маршруту по улицам Барселоны. Он записывал, на каком языке говорили проходящие мимо люди, их пол, возраст (старше или младше 40 лет) и было ли два или больше собеседников. Таким образом, он смог получить не только реальную картину относительного веса испанского, каталанского в звуковом пейзаже Барселоны, но и их эволюцию в течение нескольких лет [Aumà, 2010]. Подобные измерения регулярно проводятся и в Стране басков [Altuna, 2011; Altuna, Urla, 2013].

Такие исследования часто различают два типа устной коммуникации. А. Бастардас [Bastardas, 1995, с. 19], на основе концепции Ж.-К. Корбея [Corbeil, 1980], различает «лингвистическую коммуникацию в служебной сфере» (institutionalized linguistic communications) и «лингвистическую коммуникацию в персональной сфере» (individualized linguistic communications). В первом случае общение осуществляется в определённых учреждениях и организациях и / или в связи с ними: государственный служащий и гражданин, преподаватель и ученик, продавец и клиент, начальник и подчинённый и др. Собеседники используют язык и стиль речи соответственно своим ролям. Этот тип общения может быть урегулирован законом или регламентом, как государственными органами, так и частными организациями для своих работников. Напротив, лингвистическая коммуникация в персональной сфере – это неформальные, личные разговоры между лицами, например, между членами одной семьи, соседями, друзьями. Данный тип

общения не подлежит регламентированию (кроме тоталитарных государств), но, безусловно, сильно складывается под воздействием социальных норм и господствующих лингвистических идеологий. Исследование общения на улице в основном касается коммуникации в персональной сфере, хотя встречаются и некоторые случаи коммуникации в служебной обстановке. Нас интересовала коммуникация в персональной сфере потому, что она лучше показывает здоровье языка.

Исследования устного использования языков в общественном пространстве, вместе с подобным изучением ситуации с языками уличных надписей, являются исключительно важным материалом для оценки языковой политики. В Чувашии исследована ситуация с языком надписей в Чебоксарах и других городах [Алос-и-Фонт, 2014; Алос-и-Фонт, Письменное], но до сих пор отсутствовало изучение действительного использования языков в разговорах на улицах Чебоксар. Вопрос является особенно важным, поскольку в г. Чебоксары живёт 35 % населения Чувашии, 63 % жителей города – чуваша. Будущее чувашского языка зависит от его сохранения в столице Чувашской Республики.

Опросы об использовании языков в Чувашии, охватывающие все возрастные группы населения, редки. В 2006 г. в рамках всероссийского проекта в Чувашии проводился социологический опрос [Чувашская Республика, 2011]. В нём респонденты были опрошены о языках, которые они используют дома, на работе, в магазине и др. По данным г. Чебоксары (N = 340), 25 % жителей говорили дома по-чувашски, 14 % использовали его на работе, 11 % – в магазине. Необходимо отметить, что опрошены только люди 18 лет и старше, следовательно, данных для всего населения о разговорах дома и в магазине меньше. 25 % чебоксарцев говорили на чувашском языке дома (или сообщали, что говорят по-чувашски), 14 % использовали и чувашский и русский языки. Если верить респондентам, доля домашних разговоров на чувашском языке составляет от 11 % до 25 %. Но на улице люди говорят не только с родственниками, а также с друзьями, коллегами, клиентами и др. С этими группами общение на чувашском языке происходит реже, чем дома. Поэтому, даже если уровень общения на чувашском языке в настоящее время по сравнению с 2006 г. и не снизился (с тех пор прошло более 10 лет), мы можем получить результат даже меньше 11 %.

С учётом этих соображений гипотезы нашего исследования были следующие: 1) чувашский используется реже, чем в 15 % разговоров; 2) практически нет детей школьного или дошкольного возраста, которые говорят на улице на чувашском языке, или с которыми общаются на нём; 3) чем младше человек, тем менее вероятно, что он говорит по-чувашски.

Методика исследования. Первой задачей автора стала фиксация языков, на которых говорили проходящие на улице люди (по примеру Ж. М. Айма). Методика оказалась сложной, трудно было слышать слова. Возможно жители Иберийского полуострова громче говорят на улице, чем чуваша, или наш слух хуже, чем у Ж. М. Айма и баскских лингвистов. Легче всего было на переходах со светофорами, поскольку у исследователя было больше времени для вслушивания, а также удобно было наблюдать общение по сотовому телефону, так как в этом случае реципиенты говорят громче. Следовательно, используя предыдущий опыт полевой работы о формах просьбы остановок в маршрутных такси [Алос-и-Фонт, 2018], исследование ограничилось использованием языков в общественном транспорте. Считаем, что в Чебоксарах в общественном транспорте можно найти таких же людей, которые есть и на улице, с похожим распределением по полу, возрасту и социальному слою.

В общественном транспорте собирается в небольшом пространстве много людей, которых трудно наблюдать и слушать. Это особенно важно в условиях городов Чувашии, в которых очень распространены смесь и переключение языков в разговорах между билингвами. В беседах с переключением с чувашского на русский и/или наоборот, мы считали, что разговор прошёл на чувашском языке. Это на сегодня городской разговорный чувашский язык. Поскольку мы часто могли слышать разговоры лишь в течении 10–20 секунд, безусловно, часть из бесед с переключением кодов зарегистрирована, как разговоры на русском языке. На наш взгляд, и это неплохо, так как, если все разговоры с переключением кодов считать чувашскими, то не будет дано точного определения доли языков в звуковом пейзаже города.

Сложной проблемой является определение репрезентативной выборки. Трудно собрать выборку, соблюдающую пропорциональность с распределением пассажиров по разным кварталам города, типам общественного транспорта, времени суток и дню недели. Нет в расположении данных, которые дали бы возможность сделать идеальную выборку. Мы часто используем общественный транспорт и бываем во многих частях города. Выборка построена на основе 119 поездок с третьего мая по седьмое июля 2017 г. 12 поездок были на автобусе, 23 – на троллейбусе, 84 – на маршрутке. Троллейбусные поезда представлены мало, а маршрутки – в избытке, но различия в использовании языков между ними не выявлены. Два в основном рабочих района мало представлены в выборке: Новоожный и Юго-Западный. Напротив, в центре, на при-

городном вокзале и новом автовокзале собрано непропорционально большое количество наблюдений. Низкое представление данных районов может немного снизить полученные нами цифры о чувашском языке, но обратный случай в связи с двумя автовокзалами противодействует данной тенденции. На самом деле, согласно О. Альтуне, центр города – это «территория, которая лучше воспроизводит реальное положение всего города. Там мы можем найти людей, представляющих весь спектр типологий с точки зрения возраста, пола, социального класса, культуры и т. д.» [Altuna, 2011, с. 312–313].

Для каждого разговора записаны пол и приблизительный возраст говорящего (источник общения) и слушателя (получатель общения). Если роли изменились (слушатель начал говорить и говоривший стал слушателем), мы делали вторую запись. Если было больше одного слушателя, мы делали одну запись для каждого из них. В результате, если мы слышали разговор между тремя людьми, в котором все участники говорили, и мы могли определить язык, который каждый из них использовал, мы делали шесть записей: А говорит, Б слушает; А говорит, В слушает; Б говорит, А слушает и т. д. Следует отметить, что мы не заметили в данной выборке ни одного разговора, в котором собеседники использовали бы разные языки (хотя они есть во дворах Чебоксар). Зафиксированы разговоры, в которых только один человек говорил, например, общение мамы с грудным ребёнком. В части случаев мы слышали только одного собеседника, и только его записывали в качестве источника. В телефонных разговорах мы никогда не записывали данные собеседника, хотя иногда было ясно, что это мама, папа, муж или жена. Возможно покажется, что телефонные разговоры в выборке представлены чрезмерно, потому что по телефону говорят громче, и легче определить язык общения. Записаны и шесть случаев общения людей, которые говорили одни (или громко высказали замечание, чтобы соседи слышали, без того, что они прямо обращались к ним). Общение между пассажирами и кондуктором или водителем не включалось в выборку, чтобы не чрезмерно представить этот коллектив.

Результаты исследования. Из всех зафиксированных речевых фактов 68 % принадлежат женщинам, 32 % – мужчинам, и в свою очередь 65 % слушателей – женщины, 35 % – мужчины. Доли совпадают с предыдущим исследованием, посвященном изучению просьб об остановке маршрутных такси Чебоксар [Алос-и-Фонт, 2018].

Распределение по возрасту немного различно между говорящими и слушателями. Средний возраст первых – 35 лет, средний возраст вторых – 31 год. Среди детей школьного и дошкольного возраста говорящие – 20,7 %, слушатели – 31,8 %. Чаще всего между собеседниками разница в возрасте меньше 20 лет.

Что касается языков, только два раза в выборке мы встретили языки, которые не были чувашским или русским: одна пожилая женщина говорила по сотовому на татарском, и двое молодых людей студенческого возраста говорили между собой на языке, который мы не смогли определить (0,3 % наблюдений). Поэтому анализ ограничится чувашским и русским языками.

На чувашском языке говорили в 7,8 % случаев, на русском – 92,2 %.

Насколько это было возможно, мы старались заметить пассажиров, входящих или выходящих из транспорта на остановках «Сёне автовокзал / Новый автовокзал», «Хула сум автовокзал / пригородный автовокзал» и «Тёп пасар / Колхозный рынок». Из 73 пассажиров, говорящих на чувашском языке, не меньше 11 (15 %) вошли или вышли на данных остановках. Безусловно, из всей выборки доля пассажиров, входящих ли выходящих на данных остановках, была гораздо более маленькой. На наш взгляд, это показывает, что значительная часть чувашеговорящих пассажиров – жители деревень или горожане, сохраняющие тесный контакт с селом.

Анализ распределения «источников» по полу, показывает определённую тенденцию женщин чаще говорить по-чувашски (табл. 1), но тенденция не достигает статистически значимой достоверности на уровне 95 % (только на 90 %). Если анализировать «получателей», разница статистически значимая на уровне 99 %. Объективно не выявлены случаи, в которых двое мужчин говорили бы между собой на чувашском языке, в то время как использование чувашского между женщинами (9,5 % таких бесед) чаще, чем использование между представителями разных полов (5,9 %).

Таблица 1

Распределение пассажиров, говорящих на чувашском или русском языках, по полу

	Чувашский		Русский		Всего	
	Число	Доля, в %	Число	Доля, в %	Число	Доля, в %
Мужчины	16	5,4	280	94,6	296	100
Женщины	57	8,9	582	91,1	639	100
Всего	73	7,8	862	92,2	935	100

Анализ распределения говорящих по возрасту показывает яркую тенденцию к снижению доли говорящих на чувашском языке: чем младше человек, тем менее вероятно, что он говорит по-чувашски

(табл. 2). Не обнаружено ни одного дошкольника, говорящего на чувашском языке, или к которому обращались бы на нём. Только в одном случае молодёжь школьного возраста обращался на чувашском языке (это был юноша примерно 17 лет, говоривший по мобильному телефону). Доля говорящих на чувашском немного выше для возрастной группы 18–30 лет, ещё немного для 31–50 лет и достигает максимума среди людей старше 50 лет. В результате, полученный нами средний возраст говорящих на русском языке – 34 года, а у чувашеговорящих – 52 года.

Таблица 2

**Распределение пассажиров, говорящих на чувашском или русском языках,
по возрастным группам**

	Чувашский		Русский		Всего	
	Число	Доля, в %	Число	Доля, в %	Число	Доля, в %
0–7	0	0,0	60	100	60	100
8–17	1	0,7	134	99,3	135	100
18–30	7	3,3	204	96,7	211	100
31–50	21	7,5	258	92,5	279	100
51 и старше	44	17,5	208	82,5	252	100
Всего	73	7,8	864	92,2	937	100

В ходе работы нами проанализирована разница в возрасте между собеседниками. В 65 % случаев между ними она составляет 20 лет или меньше, но среди говорящих по-чувашски это происходит в 95 %. Факт утверждает разлом семейной передачи чувашского языка в городе, и вызывает сомнения в результатах его поверхностного изучения в школе.

Интересным представляется вопрос: есть ли различия в частотности использования языков при общении по телефону или личном. Некоторые пожилые носители окситанского языка, которые обычно говорят на нём между собой переключаются на французский язык, когда говорят по телефону (Ф. Масип-и-Бонет, личное сообщение, 1992 г.; Ф. Бернисан, электронное сообщение, 03.03.2018). По всей вероятности, причина в том, что они связывают телефон с формальностью или современностью, тогда как они считают эти ценности чуждые для своего родного языка. Хотя подобное отношение к чувашскому языку есть и у немалого количества его носителей, мы не наблюдали никакого отрицания к его использованию в телефонных разговорах. Хотелось проверить и данное впечатление.

Данные показали, что чувашский язык используется чаще по телефону. Из телефонных разговоров 10,6 % были на чувашском языке, а среди личных разговоров – 6,6 %. Разница статистически значима. Возможно, почему-то чувашеговорящие общаются по телефону чаще, чем русскоговорящие, но неясно почему это так. Предполагаем, что это скорее связано с тем, что в телефонных разговорах практически всегда участвуют два человека, а в беседах на транспорте может участвовать и более. Чем больше людей принимает участие в беседе, тем вероятнее, что один из них не поймёт миноритарный язык, следовательно, возникает тенденция, что чем шире беседа, тем реже использование миноритарного языка. Поэтому логично, что в телефонных разговорах чувашский использован немного чаще. Возможно также, что по телефону чаще общаются с женой, мужем, отцом или матерью и с ними чаще используют чувашский.

Дискуссия и выводы. В итоге на основе 940 наблюдений в 119 поездках в общественном транспорте по г. Чебоксары изучена лингвистическая коммуникация в персональной сфере в общественном пространстве, и подтверждены все гипотезы исследования. Чувашский используется лишь в 8 % разговоров. Настоящий результат является приблизительным, так как разные факторы могут немного повысить или снизить его (есть затруднения в определении языков из-за их смеси и переключения кодов, низкого представления пассажиров троллейбусов и определённых рабочих кварталов, чрезмерного представления автовокзалов и телефонных разговоров). Тем не менее, даже в маловероятном случае статистической ошибки на уровне 50 % использование чувашского языка было бы в четыре раза меньше доли чувашей в городе. Исследование показывает, что, по всей вероятности, результаты для чувашского языка были ещё хуже, если бы не гости столицы из сёл, говорящие на родном языке. Кроме того, оно также показывает, как и предполагалось, что практически нет детей школьного или дошкольного возраста, общающихся на чувашском языке, или с которыми говорят на нём, и что чем младше человек, тем менее вероятно, что он говорит по-чувашски. Среди чувашеговорящих в нашем исследовании 60 % старше 50 лет, а среди русскоговорящих – 24 %. Доля чувашеговорящих не может

значительно отличаться от полученной, кроме возможных методологических ошибок, которые вызвали бы пропуски детей и молодых людей, говорящих на чувашском. Но наши многолетние наблюдения показывают, что таких людей на улицах и дворах Чебоксар встречаются только единицы.

Неожиданным результатом стало возможно более частое использование чувашского языка женщинами. Результаты предыдущих исследований не показали различия по полам в частоте использования чувашского языка с детьми, или обнаружили более редкое общение по-чувашски женщинами с детьми по сравнению с отцами (например, см.: Алос-и-Фонт, 2015, с. 151–152). Здесь контекст использования языка другой, следовательно, и языковое поведение может быть другим. Тем не менее трудно объяснить, почему была бы обратная тенденция с детьми и на улице. На наш взгляд, в условиях отсутствия других исследований, обладающих необходимой статистической достоверностью, нельзя предположить, что наблюдаемая здесь тенденция действительна.

Результаты исследования вызывают сомнение в эффективности языковой политики федеральной, республиканской и муниципальной властей. Согласно Закону РФ «О языках народов РФ», гарантируется «социальная защита языков [, которая] предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов РФ на территории РФ» (ст. 4.2). Закон также считает «содействие развитию государственных языков республик» среди компетенций РФ в сфере охраны, изучения и использования языков народов РФ (ст. 6). Согласно Закону Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике», «забота о сохранении и развитии чувашского языка как важнейшего национального признака и основы всей духовной культуры возлагается на Чувашскую Республику». Тем не менее, результаты исследования показывают опасную диспропорцию между долей чувашей в Чебоксарах и использованием чувашского языка. Это происходит в городе с явным чувашским большинством, с почти 300 тыс. чувашей, в столице Чувашской Республики, городе постоянно растающим за счёт сёл республики, на которые он сильно влияет в связи с социальными нормами поведения и шкалой ценностей. Исследование показывает, что проводимые государственными структурами меры не достигают практически никакого эффекта по сохранению чувашского языка в чебоксарских семьях. Если оценить языковую политику не на основе благоприятности её целей, количества предпринятых инициатив и вложенных в него денежных средств, а исходя из результатов витальности языков, представляется очевидным, что она нуждается в изменениях.

Библиография

- Алос-и-Фонт Э. Лингвистический ландшафт г. Чебоксары и замечания по выполнению закона Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике» // Ашмаринские чтения: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. М. Ивановой. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 2014. С. 19–42.
- Алос-и-Фонт Э. О региолекте Чебоксар (на основе просьб об остановках в маршрутных такси) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2018. № 1. С. 10–18.
- Алос-и-Фонт Э. Письменное использование языков в социальном пространстве городов Чувашской Республики (на примере городов Чебоксары / Шупашкар, Канаш, Цивильск / Сӗрпӳ и Ядрин / Етӗрне) // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа / сост. и науч. ред. Д. В. Егоров. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2018. Вып. 4.
- Алос-и-Фонт Э. Этноязыковая ситуация в сельских районах Чувашской Республики (по данным социолингвистического опроса школьников Моргаушского и Аликовского районов) // Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике / под ред. И. И. Бойко, А. В. Кузнецова. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2015. С. 136–163.
- Чувашская Республика: социокультурный портрет / под ред. И. И. Бойко, В. Г. Харитоновой, Д. М. Шабунина. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2011. 192 с.
- Altuna O. Josep Maria Aymà Aubeyzon, «El català, al carrer» // Revista de Llengua i Dret. 2011. № 55. P. 311–316.
- Altuna O., Urla J. The Basque Street Survey: Two Decades of Assessing Language Use in Public Spaces // International Journal of the Sociology of Language. 2013. № 224. P. 209–227. doi: 10.1515/ijsl-2013-0061.
- Aymà Aubeyzon J. M. El català, al carrer. Barcelona: UOC, 2010. 172 p.
- Bastardas-Boada A. Language Management and Language Behavior Change: Policies and Social Persistence // Catalan Review. 1995. Vol. 9. № 2. P. 15–38.
- Corbeil J.-C. L'aménagement linguistique du Québec. Montréal: Guerin, 1980. 154 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОБУЧЕНИЯ ЧУВАШСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Работа посвящена компетентному подходу в обучении чувашскому языку. В ней раскрываются основные положения лингвокультурологической концепции, выделяются основные предметы исследования лингвокультурологии, приводятся примерные темы исследовательских и проектных работ.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, лингвокультурологическая концепция, лингвокультурология, безэквивалентная лексика, коннотативная лексика, исследовательские и проектные работы.

A. S. Egorova

LINGVOCULTURAL CONCEPT OF TEACHING THE CHUVASH LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the competence approach in teaching the Chuvash language. It reveals the main provisions of the linguoculturological concept, identifies the main subjects for linguoculturological studies, gives exemplary topics of research and project work.

Keywords: linguistic and cultural competence, linguoculturological concept, linguoculturology, untranslatables, connotative vocabulary, research and project work.

В настоящее время содержание курса чувашского языка в основной школе обусловлено общей нацеленностью образовательного процесса на достижение личностных, метапредметных и предметных результатов обучения. Компетентный подход обеспечивает формирование и развитие не только коммуникативной, языковой и лингвистической компетенций, но и лингвокультурологической.

Лингвокультурологическая компетенция предполагает осознание своей этнической принадлежности, усвоение ценностей многонационального российского общества, осознание родного языка как формы выражения национальной культуры, понимание взаимосвязи языка и истории народа, национально-культурной специфики чувашского языка, освоение норм чувашского речевого этикета, культуры межнационального общения, способность объяснять значения слов с национально-культурным компонентом.

Лингвокультурологическая концепция обучения чувашскому языку опирается на основные понятия лингвокультурологии. Лингвокультурология – это «отрасль лингвистики, возникающая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова, 2001, с. 28], «отрасль науки синтезирующего типа, пограничная между науками, изучающими культуру, этнографию и лингвистику» [Сергеев, Исаев, Филиппов, 2013, с. 31].

По мнению В. А. Масловой, «предметом исследования в лингвокультурологии должны стать слова и выражения, служащие предметом описания в лингвострановедении» [Маслова, 2001, с. 204]. Она выделяет следующие предметы исследования лингвокультурологии: безэквивалентную лексику; мифологизированные языковые единицы; паремнологический фонд языка; фразеологический фонд языка; эталоны, стереотипы, символы; метафоры и образы языка; стилистический уклад языков; речевое поведение; область речевого этикета [Маслова, 2001, с. 36–37].

В урочной и внеурочной деятельности обучающихся по чувашскому языку можно использовать все, что связано с языком и культурой народа: безэквивалентные языковые единицы; обряды, поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке; пословицы и поговорки; фразеологизмы, символы; метафоры и сравнения; речевой этикет.

Безэквивалентные языковые единицы отражают материальную и духовную культуру чувашского народа. Эти единицы невозможно перевести на другой язык, так как в культуре народа, язык которого изучается, нет такого предмета или понятия. Например, для русского языка безэквивалентными являются слова *хушпу* ‘хушпу’ (старинный женский головной убор, украшенный монетами и бусами), *тултармаш* ‘тулдармыш’ (название чувашской вареной колбасы, начиненный салом, мясом или кровью с крупой).

Также на уроках необходимо давать задания, позволяющие различать коннотативные значения слов. Коннотации материализуются чаще в переносных значениях слов, метафорах и сравнениях, фразеологизмах. Одно и то же слово в разных культурах может иметь разные коннотативные и символические значения, например, слово *юман* ‘дуб’ в чувашском и русском языках характеризует человека по-разному: в чувашском языке – с положительной стороны, а в русском – с отрицательной.

Некоторые коннотативные значения совпадают у многих народов: заяц – трусливый, лиса – хитрая. Анималистической когнитивности, анималистической метафоризации и компаративизации посвящено исследование «Анималистическая когнитивность. Метафора и сравнение», в котором рассматриваются универсальные и национальные концепты и метафоры, связанные с фауной, присущие чувашской и русской культуре с привлечением примеров из других родственных и неродственных языков. Как отмечают авторы, в чувашских сказках лиса всегда перехитрит и волка, и медведя, и человека, а тем более – зайца. В русском языке, лиса – перен. лукавый, хитрый человек, пролаз, проныра; корыстный льстец.

В чувашских народных песнях каждой породе дерева соответствует определенное значение. На семейно-родовом уровне *юман* ‘дуб’ ассоциируется с отцом (*Пирён атте – ват юман*. ‘Наш батюшка –

старый дуб»), *çăка* ‘липа’ – с матерью (*Пирён анне – ват çăка*. ‘Наша матушка – старая липа’), *йăмра* ‘ветла’ – с младшей сестрой (*Йăмра хулли йăмăксем*. ‘Младшие сестры мои – лозы ветлы’). Можно использовать материал из монографии Ю. Н. Исаева «Фитонимический концептуарий как словарь нового типа (на материалах чувашского и русского языков)» [Исаев, 2013], в которой рассматриваются универсальные и национальные концепты, связанные с флорой, присущие чувашской и русской культурам и культурам тюркоязычных народов. Ученый пишет, что «для чуваша *юман* ‘дуб’ – символ здоровья и долголетия, крепости и прочности. Интересно отметить, что образ дуба никогда не олицетворяет женщину. В чувашских народных песнях дуб всегда раскидистый (*лаштра*), широкий, с густой кроной (*лапсăркка*), высокий (*çуллĕ*), старый (*ватă*). Эти же прилагательные являются главными особенностями мирового дерева. Эпитеты *раскидистый* и *развесистый* означают, что ветви родового дерева накрывают своей тенью весь мир. Эпитет *высокий* дает понять, что его верхушка достигает верхнего мира, а эпитет *старый* (мудрый) напоминает, что родовое дерево произрастает из чрева земли с самого сотворения мира» [Исаев, 2013, с. 113].

На уроках чувашского языка обучающиеся должны понимать, что в языке закрепляются миропонимание и мироощущение народа, свой вариант образа мира. Лексический состав языка нужно рассматривать как выражение миропонимания чувашского этноса. Обучающиеся должны знать основные концепты чувашского народа (*атте* ‘папа’, *анне* ‘мама’, *вучах* ‘очаг’, *кил* ‘родной дом’, *ял* ‘деревня’, *тăван çĕр-шыв* ‘родина’, *çĕр* ‘земля’, *çăлкуç* ‘родник’, *юрату* ‘любовь’, *ас* ‘память’ и др.), постигать через них представление о мире. В «Лингвокультурологическом словаре чувашского языка» [Борисова, 2015] рассматриваются основные концепты, формирующие чувашскую языковую картину мира. Материалом для составления словаря послужили слова, предложения, фразы, извлеченные из чувашских фольклорных и художественных текстов, а также данные толковых, двуязычных, этимологических и диалектных словарей, энциклопедий и трудов, посвященных жизни, быта, истории и культуры русского и чувашского народов. Например, в чувашском языковом сознании с ершом ассоциируется неуступчивый, задиристый человек, ср.: *кăртăш* 1) ёрш; 2) перен. задира; задиристый, ершистый. *Кăртăш пек шăрпăклă ан пул*. ‘Не будь таким костлявым, как ёрш’ (погов.) [Борисова, 2015, с. 69].

Следует заметить, что пословицы, поговорки и фразеологизмы составляют национальную картину мира [Сергеев, Исаев, Филиппов, 2013, с. 38–39]. Как утверждают авторы, есть выражения, в которых закреплён общечеловеческий опыт познания мира, например: *Çăхан çăханăнне куçне сăхмасть* (чув.) = *Ворон ворону глаз не выколет* (рус.) = *Карга кузен карга сукымай* (башк.), также имеются выражения, в которых закреплён общечеловеческий опыт познания мира, полученный в разных, обусловленных образом жизни народа, ситуациях, ср.: *хăлхана чик* = *мотать на ус* = *колакка киртеп куйыу* [Сергеев, Исаев, Филиппов, 2013, с. 38–39].

Чувашскому фразеологизму *хурăн тăрринчи хурăнташ* соответствует русский *седьмая вода на киселе*, так как в чувашском языке *хурăн* ‘береза’ соотносится с женщинами старшего поколения чувашского народа, а в русском языке кисель является русским национальным блюдом.

Используя лингвокультурологический материал, учителю легко обучать детей навыкам исследовательской и проектной работы. На уроках чувашского языка можно давать такие темы исследовательских и проектных работ:

- 1) «Коннотативные значения названий деревьев в чувашском и русском языках»;
- 2) «Фразеологизмы (пословицы, поговорки), характеризующие внутренний мир человека в чувашском и русском языках»;
- 3) «Фразеологизмы (пословицы, поговорки), характеризующие внешний облик человека в чувашском и русском языках»;
- 4) «Сравнение в чувашском и русском языках»;
- 5) «Названия одежды (пищи, деревьев, месяцев) в чувашском и русском языках» и др.

Таким образом, лингвокультурологический подход к обучению чувашскому языку позволяет сформировать лингвокультурологическую компетенцию обучающихся, предусматривает приемы и методы, побуждающие обучающегося к активной деятельности и нацеливающие на выполнение исследовательских и творческих работ.

Библиография

- Борисова Л. В. Лингвокультурологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. 374 с.
 Исаев Ю. Н. Фитонимический концептуарий как словарь нового типа (на материалах чувашского и русского языков): моногр. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. 191 с.
 Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Издат. центр «Академия», 2001. 208 с.
 Сергеев В. И., Исаев Ю. Н., Филиппов А. Л. Лингвокультурология и национально-культурная семантика: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. 300 с.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ ЯЗЫКОВОГО И ЭТНИЧЕСКОГО ИДЕНТИТЕТА УДМУРТОВ

Аннотация. Работа посвящена изучению языкового и этнического идентитета удмуртов. Автор на теоретическом и фактическом материале рассматривает причины миноритарной сущности удмуртской этнической культуры.

Ключевые слова: удмурты, удмуртский язык, языковой идентитет, этнический идентитет.

S. V. Edygarova

HISTORY AND MODERNITY OF THE LANGUAGE AND ETHNIC IDENTITY OF UDMURTS

Abstract. The work is devoted to the study of the linguistic and ethnic identity of the Udmurt people. The author on theoretical and actual material considers the reasons for the minority nature of Udmurt ethnic culture.

Keywords: Udmurt people, the Udmurt language, linguistic identity, ethnic identity.

В настоящей работе приводятся основные положения исследования, посвященного языковому и этническому идентитету современных удмуртов. Основными вопросами исследования являются: каким образом соотносятся этнический и языковой идентитет у современных удмуртов; есть ли изменения в этом соотношении за последние 30 лет. Настоящее исследование является продолжением дискуссии, изложенной в книге С. В. Едыгаровой «Этнический идентитет и использование языка» (2015).

В статье используется термин *идентитет*, означающий связь человека с какой-либо ролью. В заявленном контексте таких связей может быть много. Например, идентитет может бы социальным или индивидуальным.

В настоящей статье также используется термин *этнический идентитет*, поскольку термин *национальный идентитет* указывает на этническое происхождение только в российских условиях и может ввести в заблуждение в более широком контексте. Например, во Франции на вопрос о национальности рожденные во Франции люди вне зависимости от этнического происхождения, скорее всего, ответят, что они французы, так как концепция «французская национальность» означает человека, который родился и вырос во Франции. В Финляндии шведоязычное население тоже относит себя к финской национальности. Это означает, что этническая идентификация – это такой тип идентичности, которая в первую очередь определяется социальными условиями, культурой, государством, т. е. этнический идентитет – это не абсолютно установленная концепция или явление, а фактор, находящийся в зависимости от государства или сообщества.

Если проследить историю возникновения и развития этнического идентитета у удмуртов и других народов Российской Федерации, можно заметить, что концепция «национальность» имеет врожденный характер, что исходит из традиций философских учений второй половины XIX в. После революции 1917 г. во время образования национальных автономных областей идея «один народ – один язык – одна территория» легла в основу формирования национальных административно-территориальных образований. В советские годы национальность была обязательной графой в паспорте для контроля населения, например, некоторым народам было запрещено поступать в вузы, занимать определенные должности. Национальность передавалась по наследству, т. е. человек не мог сам выбрать какую национальность он хочет себе в паспорт, а мог только наследовать от родителей. Например, в 16 лет автору настоящей работы пришлось писать заявление о том, что им выбирается удмуртская национальность, поскольку, согласно свидетельству о рождении, родители были разных национальностей. Такой официальный акт выбора национальности, или идентитета, дает человеку установку, что национальность – это врожденное. Кроме того, такая установка означает взаимоисключение нескольких национальностей, например, если родители удмурты, то человек не может быть русским или татаринном.

У концепции «врожденной национальности» также существуют специфические атрибуты, например, ответственность за язык и национальность: 1) человек определенной национальности автоматически должен знать язык, культуру, обычаи; 2) данная практика автоматически снимает ответственность за сохранение вашей культуры у представителей других национальностей; 3) легитимизация пользоваться ресурсами языка и культуры (у кого-то есть, у кого-то нет); 4) иерархии.

Поволжье всегда было многонациональным и многоязычным. Образование национальных административных территорий и литературных языков было огромным продвижением в развитии этносов и языков. Однако в современных условиях такие установки этнического идентитета не всегда являются

успешным в деле сохранения и использования языка. Необходимо переосмыслить и принять новые модели соотношения языка и этноса. Например, языки можно рассматривать шире этнических границ и традиционного использования. Тогда язык может притянуть больше ресурсов, т. е. его могут выучить или использовать другие народы.

Кроме того, приведенная дефиниция формирует представления о «хороших» или «плохих» народах, что имело место в советскую эпоху. Такая иерархия практически всегда усиливается или актуализируется в регионах или провинциях, где есть «доминантный» и «недоминантный» народ или язык. Когда говорят, что в советское время была дружба народов или, наоборот, угнетение народов, правы и те, и другие. Все зависит от того, где, когда, какие народы и в каких условиях вступали в отношения.

Теперь конкретнее пример удмуртской национальности, который, в принципе, похож со многими другими народами (и не только России). В период формирования новой советской страны, у «больших» народов (но не у всех) появилась возможность формировать свои автономные округа. Это был расцвет национальной интеллигенции и расцвет всего, чему можно было расцвести. Но в 1930 г. интеллигенция была репрессирована практически вся. Ближе к 1960 г. начинается переход на русский язык. На практике это означало, например, что все национальные литературные языки стали копировать русский язык (на уровне грамматики, орфографии, пунктуации и т. д.). Стало модным заимствовать из русского новые слова (русский язык – источник обогащения нерусских языков), а языковой пуризм считался признаком национализма.

М. Г. Михуткина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ НА УРОКАХ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Работа посвящена вопросам преподавания чувашского языка в современной школе с применением электронных образовательных ресурсов. Автор заключает, что компьютерные технологии не замещают собой методы и содержание обучения, а являются эффективным средством обучения.

Ключевые слова: чувашский язык, методика преподавания чувашского языка, образовательные ресурсы.

M. G. Mihutkina

USE OF ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES AT THE LESSONS OF THE CHUVASH LANGUAGE

Abstract. The work is devoted to teaching the Chuvash language in a modern school with the use of electronic educational resources. The author concludes that computer technologies do not replace methods and content of training, but are an effective means of teaching.

Keywords: Chuvash language, teaching methods of Chuvash language, educational resources.

Образование немислимо без современных средств и новых форм обучения. Особое место среди них отводится электронным образовательным ресурсам. Их использование – это предоставление творческой среды для реализации образовательной деятельности. В наше время учитель должен не только научить школьника учиться, но и воспитать личность, ориентированную на саморазвитие. Использование информационно-коммуникативных технологий в учебной деятельности – требование современной методики и ориентация на интересы и возможности учащихся. Информационно-коммуникационные технологии призваны улучшить качество образования, повысить мотивацию детей к получению новых знаний, ускорить процесс усвоения этих знаний.

В условиях работы по федеральному государственному стандарту начального общего образования урок в современной школе должен быть инновационным, интересным и максимально эффективным. Использование электронных образовательных ресурсов дает ученику существенное расширение возможностей самостоятельной работы (заглянуть в любой музей мира, просмотреть анимационные ролики, провести лабораторные работы) и тут же проверить свои знания. Для учителя – это увеличение времени общения с обучающимися в режиме дискуссии. Самые эффективные электронные ресурсы – мультимедиа-ресурсы. Они не заменяют учителя и учебники, а создают новые возможности для усвоения учебного материала. Поэтому нужно стараться применять их на уроках, и во внеурочной деятельности. Педагоги утверждают, что использование электронных образовательных ресурсов на уроках чувашского языка обладает множеством преимуществ: совершенствует учебный процесс, помогает учителю наглядно и доходчиво изложить новый материал, усиливает интенсивность урока; как совре-

менное средство, притягивающее и дополнительно мотивирующее, активизирует познавательную деятельность младших школьников, повышает их активность, инициативность и успеваемость; позволяет учителю при минимальных затратах времени создавать наглядные пособия, визуализирует урок с помощью мультимедийных элементов.

Например, при творческом подходе к уроку, фотографии в электронном виде можно использовать на разных этапах урока: при изучении нового материала, на закреплении пройденного материала, при составлении монолога и диалога, для развития речевой деятельности: аудирования и говорения. Фотографии как средство активизации познавательной деятельности учащихся можно использовать при изучении жизнедеятельности и творчества известных личностей.

Большую роль в поддержании мотивов к изучению чувашского языка играет использование на уроках мультимедийных презентаций. Практика показывает, что данный вид компьютерной технологии обладает множеством преимуществ: позволяет подобрать текстовый, графический, фото- и видеоматериал по изученным темам, а также концентрировать внимание учащихся на изучаемом материале; представлять языковую модель в разных коммуникативных ситуациях; качественно поднять уровень знаний, умений, развивать речевые навыки учащихся путем многократного повторения одной и той же языковой модели; чередовать различные формы работы над новым материалом; активизировать деятельность учащихся; обогатить уроки чувашского языка.

Прослушивание художественной литературы в электронном варианте выручает тогда, когда учащиеся не могут найти нужные произведения в библиотеках или просто им легче слушать, чем читать.

Электронные словари и энциклопедии позволяют мобильно получить дополнительные знания и использовать их на уроке.

Конечно, существуют и проблемы: должны быть электронные образовательные ресурсы на чувашском языке для начальной школы, а в настоящее время их так мало. Именно в процессе преподавания чувашского языка желательное использование мультимедийных объектов, чтобы повысить интерес к изучению языка. Педагоги республики заинтересованы в использовании интерактивных образовательных ресурсов на чувашском языке для детей старшего дошкольного возраста и учащихся начальных классов. Поэтому учителем начальных классов Т. Г. Чашковой в программе Adobe Flash Player разработано десять авторских электронных пособий для детей дошкольного и младшего школьного возраста на чувашском языке: интерактивные электронные пособия к учебникам: «Чувашский букварь», «Чувашский язык» (2 класс), «Пирён тавралăх» (1 класс), «Пирён тавралăх» (2 класс), четыре электронных образовательных ресурсов для дошкольников, разработан электронный учебник «Чувашский букварь». Каждое электронное пособие содержит более ста заданий, распределенных по основным разделам и сгруппированных в темы с учетом санитарных правил и норм работы за компьютером. Все задания электронных пособий направлены на развитие у детей умения учиться и сопровождаются комментариями диктора. Каждое действие ребенка на компьютере вызывает реакцию компьютерного контролера. Работа по вспомогательным кнопкам формирует у детей умение видеть ошибку и исправлять ее по указанию взрослого или компьютера. Правильность выполнения заданий проверяется с помощью звукового сигнала и не требует проверки педагога. В случае неверного выполнения задания ребенку дается возможность выполнить его еще раз. Использование электронных образовательных ресурсов при обучении чувашскому языку позволяет повысить интерес к изучению чувашского языка, повышает эффективность обучения языку, внедряет в образовательный процесс интерактивных форм и приемов при обучении и получении знаний. С электронными образовательными ресурсами легко работать в школе: создавать с детьми мультфильмы, творческие проекты на чувашском языке, разрабатывать виртуальные экскурсии по памятным местам республики.

Педагоги школы Чувашии сами создают сайты, участвуют в интернет-форумах. В некоторых школах Чувашии существует дистанционное обучение в системе «Moodle», где можно проводить онлайн-уроки. Для этого учителя чувашского языка и литературы создают электронные образовательные ресурсы в виде презентаций, кроссвордов, сканвордов, ребусов, языковых моделей и кластеров. Самые продвинутые учителя создают интернет-портфолио, принимают обсуждения на виртуальных форумах, делятся с опытом работы.

Таким образом, компьютер не определяет методы и содержание обучения – он является эффективным средством обучения, адекватным современной организации образовательной деятельности.

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМ ПОИСКА В ПИСЬМЕННОМ КОРПУСЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Работа посвящена описанию истории развития систем поиска в Письменном корпусе татарского языка. В первой версии Корпус был способен выполнять поиск по отдельным словоформам, позже постепенно появлялись функции поиска с учетом морфологических категорий, масок, регистра букв. На сегодняшний день внедрена система поиска по n-граммам.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, татарский язык, обработка естественного языка, быстрый поиск, морфология, n-граммы.

M. R. Saikhunov, R. R. Husainov, T. I. Ibragimov

SEARCH SYSTEMS EVOLUTION IN THE CORPUS OF WRITTEN TATAR LANGUAGE

Abstract. The work is devoted to the description of search systems development history in the Corpus of Written Tatar language. The first version of the Corpus was able to search by individual word forms, later search functions taking into account morphological categories, masks, letters' register gradually appeared. To date, a search system by n-grams has been implemented.

Keywords: corpus linguistics, the Tatar language, natural language processing, fast search, morphology, n-grams.

1. Письменный корпус татарского языка. Письменный корпус татарского языка функционирует в сети интернет с 2012 г. [Сайхунов, 2012] и включает в себя самые разные тексты на татарском языке общим объемом более 116 миллионов словоупотреблений. Количество предложений в корпусе превышает 10 миллионов.

С момента создания письменный корпус активно развивается. Данный проект не финансируется какими-либо научными фондами или организациями. Все работы над корпусом татарского языка ведутся участниками проекта исключительно в свободное время.

На сегодняшний день корпус также обладает двумя встроенными системами синтеза татарской речи, которые позволяют прослушивать как найденные в результате поиска предложения, так и произвольный текст любого объема. Помимо того, на сайте корпуса размещена система онлайн-проверки орфографии текстов на татарском языке. Авторы размещают различные дополнительные статистические материалы по мере их получения в результате обработки корпуса (как при проведении собственных исследований, так и на основе поступивших внешних предложений), а именно: списки наиболее часто употребляемых словоформ татарского языка; словосочетаний, состоящих из двух-шести элементов; списки частотностей лемм татарского языка, сгруппированных по частям речи; грамматических форм татарского языка; букв и их сочетаний в различных позициях слов; фонем и их сочетаний в пределах слова и ритмической группы.

2. Система поиска Лейпцигской коллекции корпусов. Изначально Письменный корпус татарского языка был спроектирован по аналогии с системой поиска Лейпцигской коллекции корпусов, особенностью которой является работа с контекстами слов. Поиск мог выполняться лишь по словоформе, однако в качестве результата пользователь получал не только набор предложений, но и отсортированные по частоте списки словосочетаний (правый и левый контексты). Система позволяла также просмотреть так называемый семантический контекст, в котором отражается вероятность нахождения различных слов с искомым в рамках одного предложения.

3. Поиск по началу и концу слова. Данный этап являлся временным промежуточным решением для исследования различных новых возможностей, которые было необходимо расширять в корпусе. Идея заинтересовала пользователей, однако обнаружился явный недостаток гибкости системы в плане построения сложных поисковых запросов с учетом грамматических показателей.

4. Создание системы сложного морфологического поиска. В целях расширения функциональных возможностей корпуса татарского языка в 2014 г. нами была произведена морфологическая разметка. Для этого использовалась разработанная международным проектом Apertium [Apertium] система автоматической грамматической аннотации, которая поддерживает большое количество языков (в том числе и татарский).

Основными факторами в пользу выбора системы Apertium являются высокое качество морфологической разметки; наличие универсальной системы тегов для тюркских языков, что подразумевает перспективу выстраивания различных лексических и грамматических связей между корпусами разных тюркских языков; полная открытость исходных кодов и всех наработок (словари, правила).

В связи с появлением в корпусе большого объема новой метаинформации в том же 2014 г. начата работа над новой корпусной поисковой системой, удовлетворяющей следующим критериям:

– поддержка таких параметров поиска, как словоформа, лемма, грамматические (морфологические) теги, маска (шаблон), учет регистра (прописные и строчные буквы), расстояние между словами;

- возможность создания различных комбинаций на базе указанных параметров;
- простой синтаксис запросов, понятный для большинства пользователей;
- высокая скорость поиска.

В ходе работ был учтен опыт различных известных проектов, среди которых TSCorpus [Aksan, 2009], (No)Sketch Engine [Kilgarriff, 2003] и др. [Jurafsky, 2009]. Разрабатываемая нами система в целом получила название «Сложный морфологический поиск». В качестве ядра был создан корпусный поисковый движок «Fastmorph», который успешно выполняет все указанные выше задачи.

На сегодняшний день система сложного морфологического поиска активно используется в составе Письменного корпуса татарского языка. Работы по внедрению дополнительных возможностей продолжаются.

5. Возможности системы сложного морфологического поиска. Рассмотрим несколько примеров возможных запросов в системе «Сложный морфологический поиск». Следует помнить, что фигурные скобки здесь даны только для указания на соответствующие текстовые поля на странице поиска и не используются в реальных запросах.

Для начала произведем поиск по комбинации «{<adj>} 1-2 {<n><dat>} 1-3 {<v><past>}».

Рис. 1. Образец поискового запроса

Данное выражение означает, что первое слово должно быть прилагательным (<adj>), следующее за ним на расстоянии от одного до двух слов должно быть существительным (<n>) в *дательном падеже* (<dat>), а после него на расстоянии до трех слов должен идти *глагол* (<v>) в форме *-ган / -гән / -кан / -кән* прошедшего времени (<past>).

Рис. 2. Результат поискового запроса

В качестве второго примера укажем параметры «{ил*} 1-1 {белэн}», которые означают, что первое слово должно начинаться на *ил*, а следующее непосредственно за ним слово должно быть *белэн* (послелог в значении предлога ‘с’).

Можно указать среднюю часть слова, используя запрос вида «*аме*», который соответствует словам *керәмен*, *әмер*, *үсәме*.

Шаблон поиска по концу слова выглядит как «*рны». В результате получим предложения со словами *дусларны*, *атларны*, *барны*, *кулларны* и т. п.

Для поиска по началу, средней части и по концу слова можно оформить запрос в виде «к*аме*н», что в итоге приведет к нахождению, например, *керәмен*, *каләмен*, *күләменнән*, *кияүдәмен*.

Знак звездочка «*» совпадает с любым количеством (от нуля до бесконечности) любых символов, а знак вопроса («?») соответствует любому одиночному символу. Например, по образцу «т?з*» будут найдены такие слова, как *тиз*, *тозны*, *түзде*, *тазарды*, но не *тигез*, *тугызны*, *тәрәзә*.

Все перечисленные поисковые параметры (словоформа, лемма, грамматические теги, шаблоны) могут быть комбинированы различными способами. Например, по запросу «{<prn>} 1-1 {(кеше)} 1-3 {ал*}» будет произведен поиск всех совпадений, где первое слово является местоимением (<prn>), следующее непосредственно за ним слово является одной из форм леммы *кеше* ‘человек’, а расположенное на расстоянии до трех слов слово, начинающееся на *ал*.

В качестве еще одного примера рассмотрим следующую ситуацию. Допустим, что необходимо найти случаи употребления словоформы *алма* ‘не бери’, однако в результаты поиска попадут также предложения с омонимом *алма* ‘яблоко’. Для того чтобы исключить последние совпадения, можно поставить морфологический тег «<v>», определяющий данное слово как глагол: «*алма*<v>».

В этом случае имеется и другой способ решения данной проблемы. Можно вместе со словоформой *алма* указать соответствующую ей лемму, т. е. (*ал*) ‘брат’. В итоге запрос примет вид «*алма*(*ал*)». Таким образом, система будет искать только те случаи *алма*, где леммой данной словоформы является *ал*, опуская при этом все результаты, где лемма – *алма* ‘яблоко’.

Технически пользователь может даже оформить запрос в виде «*алма*(*ал*)<v>» или «(*ал*)*алма*<v>». Система выполнит разбор данного выражения и будет искать примеры со словоформой *алма*, которая представлена леммой (*ал*) и имеет морфологический тег «<v>», означающий глагол.

Для тех пользователей, которым подобный текстовый способ ввода различных параметров поиска может показаться неудобным, разработан удобный графический режим, где грамматические теги можно выбирать, проставляя галочки и система сама правильно оформит написание леммы, начала, середины и конца слова.

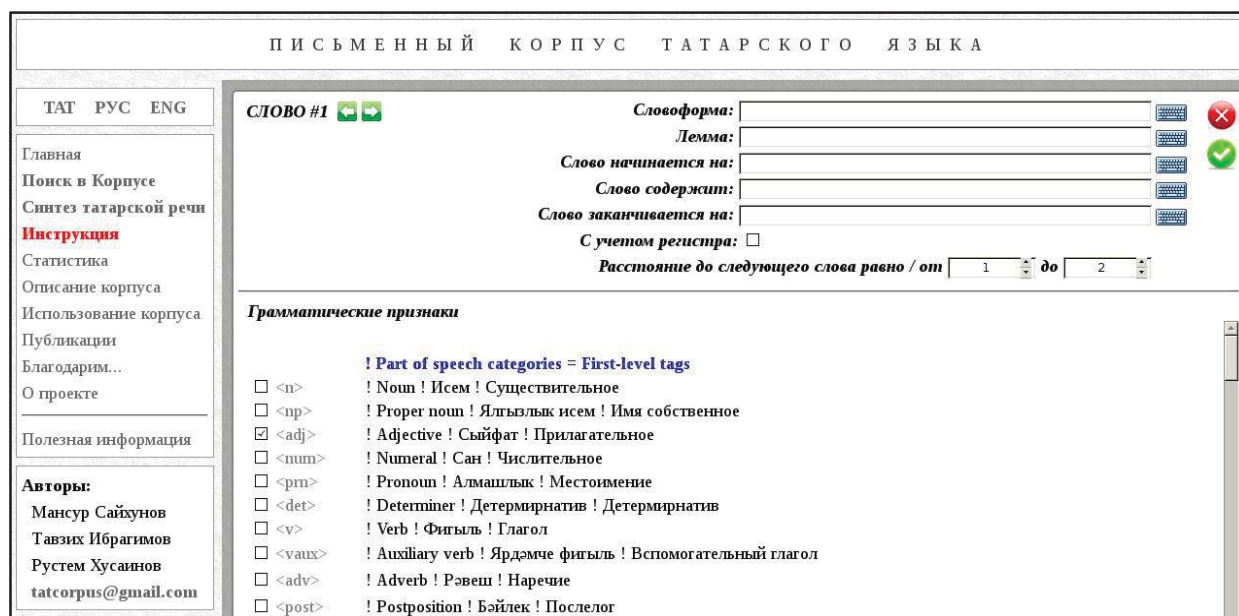

Рис. 3. Графический режим ввода параметров поиска

Руководство пользователя на русском, татарском и английском языках, описывающее все возможности Письменного корпуса татарского языка расположено на сайте в разделе «Инструкция» [Сайхунов, 2015].

6. Техническое описание проекта. Система сложного морфологического поиска устроена следующим образом. Было принято решение написать серверную часть поиска на языке программирования С в связи с тем, что необходимо обеспечить быстрый поиск по таким параметрам, как словоформа,

лемма, морфологические теги, шаблоны, расстояния между словами. Иными словами, данный модуль с рабочим названием Fastmorph изначально задумывался как изолированная по отношению к веб-серверу система. Fastmorph на этапе инициализации загружает все необходимые данные корпуса из СУБД MySQL и компактно размещает их в виде массивов в оперативной памяти компьютера, что позволяет избежать потери времени при операциях обращения к жесткому диску, делает архитектуру приложения максимально простой и гибкой для дальнейшего расширения функциональности или адаптации под другие проекты.

Реализованные на языке PHP дополнительные программы производят преобразование относительно свободного запроса пользователя в строго типизированный набор данных и передают системе Fastmorph. Fastmorph выполняет поиск в своей индексированной базе и возвращает список найденных предложений с метаинформацией (список источников, выделение в предложениях искомым элементов специальными тегами, указание лемм и набора тегов найденных элементов, общее количество найденных примеров и др.) обратно PHP модулю, а тот, в свою очередь, – пользователю.

Заложенная в основу алгоритма настоящая идея позволяет эффективно утилизировать как кэш процессора, так и вычислительные мощности мультиядерных систем. В итоге удалось добиться большой скорости выполнения поиска в 0,2–2 секунды в зависимости от параметров поиска даже на скромном оборудовании. При этом не используются такие ухищрения, как отображение примерного количества совпадений и отложенный (фоновый) поиск.

22 ноября 2016 г. исходный код корпусного поискового движка Fastmorph был открыт [Fastmorph] под лицензией GNU General Public License v3 [GNU GPL v3], что позволяет всем желающим использовать наши наработки в своих проектах.

7. N-граммы по шаблону / маске. В целях минимизации потери времени пользователей на просмотр результатов поиска была разработана система поиска по n-граммам на основе масок, т. е. подстановочных знаков «*» и «?». N-граммы представляют собой последовательности n-слов в тексте. На основе данных корпуса были сгенерированы 2, 3, 4, 5 и 6-граммы.

8. N-граммы в системе Fastngrams. Система поиска по n-граммам в корпусе полностью продемонстрировала свою эффективность в плане структуризации найденной в корпусе информации. Однако в текущем ее виде она имела ряд существенных недостатков: большое время поиска, в некоторых случаях до одной минуты и более; невозможность учета в поиске грамматических тегов, лемм, регистра букв. В связи с этим было принято решение о реализации возможности поиска по n-граммам по аналогии с системой Fastmorph. Данная работа заняла около года, и в ноябре 2017 г. была представлена первая версия системы Fastngrams, которая позволила достичь поставленных задач: скорость поиска не превышает нескольких секунд; появилась возможность комбинирования различных поисковых параметров.

Для демонстрации возможностей системы Fastngrams произведем поиск по комбинации «{<prn>}(0) {(кеше)}(0) {*} (0) {ал*}(0)» (рис. 4). Первым словом в этой 4-грамме должно быть любое местоимение, леммой второго слова является *кеше*. Третье слово представлено символом «*», что подразумевает любое слово, в том числе и знак препинания. Крайним словом здесь является выражение *ал**, т. е. любое слово, начинающееся на *ал*.

ПИСЬМЕННЫЙ КОРПУС ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

TAT РУС ENG

Главная

Поиск в Корпусе

Синтез татарской речи

Орфография Онлайн

Инструкция

Статистика

Публикации

Благодарим...

О проекте

Полезная информация

Авторы:

Мансур Сайхунوف

Тавзих Ибрагимов

Рустем Хусаинов

tatcorpus@gmail.com

Поиск в Письменном корпусе татарского языка

Выберите тип поиска и введите необходимые слова:

Слово 1:	<input type="text" value="<prn>"/>			A/a: ☐	Расстояние 1: 1-1
Слово 2:	<input type="text" value="(кеше)"/>			A/a: ☐	Расстояние 2: 1-1
Слово 3:	<input type="text" value="*"/>			A/a: ☐	Расстояние 3: 1-1
Слово 4:	<input type="text" value="ал*"/>			A/a: ☐	Расстояние 4: 1-1
Слово 5:	<input type="text"/>			A/a: ☐	Расстояние 5: 1-1
Слово 6:	<input type="text"/>			A/a: ☐	<input type="button" value="Найти"/>

Сложный морфологический поиск (Инструкция, Список тегов)

Поиск по N-граммам, где 1 ≤ N ≤ 6 (например: "а*", "(эшля)", "*?", "т??", "", "")

Рис. 4. Образец запроса в поиске по n-граммам

Результатом поиска является информация о количестве найденных совпадений и список из не более чем 1000 наиболее частотных n-грамм, отсортированный по частотности в порядке убывания (рис. 5). Необходимо отметить, что сочетания слов, различающиеся регистром букв и / или грамматическими тегами, представлены отдельными n-граммами.

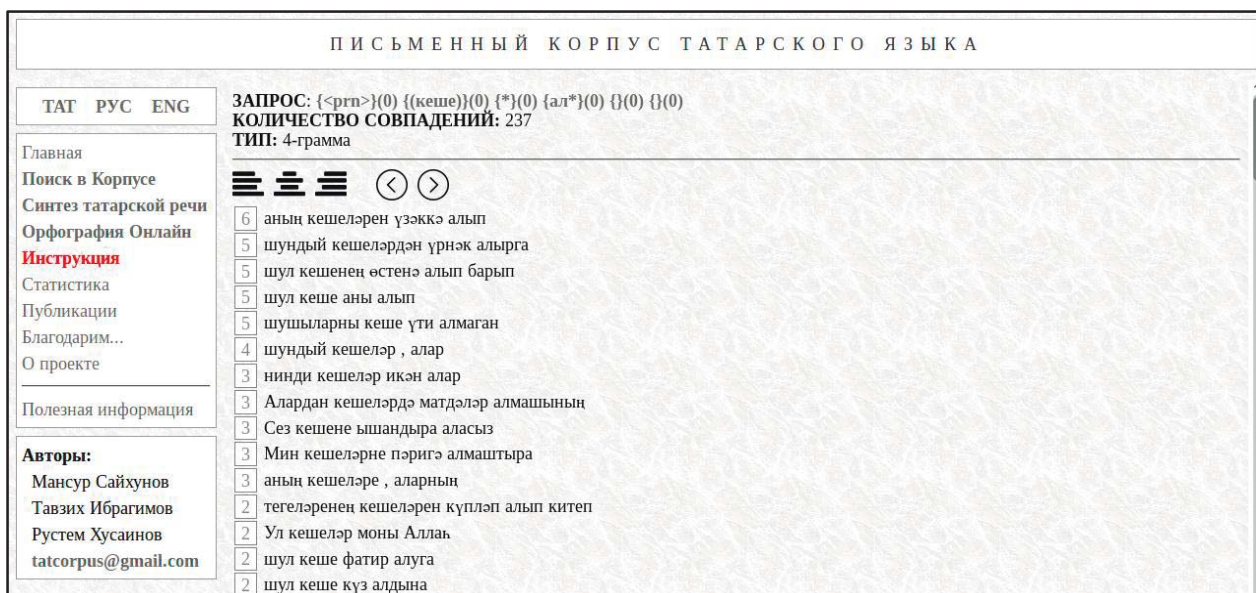

Рис. 5. Результат поиска по n-граммам

Для удобства просмотра имеются инструменты выравнивания n-грамм по левому краю, середине и правому краю, а также выравнивания отдельных слов (рис. 6).

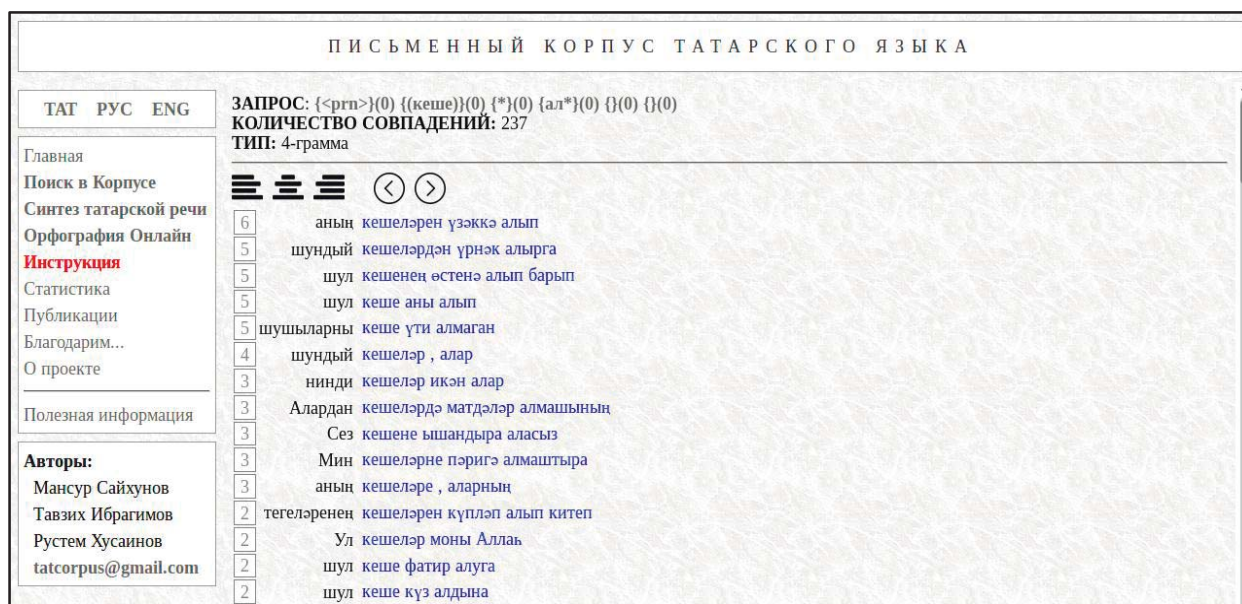

Рис. 6. Выравнивание по второму слову в списке n-грамм

При нажатии на ту или иную n-грамму открывается список предложений, где употребляется данная n-грамма.

9. Планы:

- внедрение системы корпусных запросов CQL [Corpus Query Language], которая на сегодняшний день является де-факто стандартом в корпусной лингвистике;
- добавление возможности включения специализированных подкорпусов;
- расширение функционала фильтра поиска: по авторам, жанрам, произведениям, диапазонам дат и др.;
- дальнейшее расширение сгенерированных статистических материалов;
- разработка вспомогательного набора утилит для облегчения использования систем Fastmorph и Fastngrams в корпусах других языков.

Библиография

- Сайхунов М. Р., Ибрагимов Т. И., Хусаинов Р. Р. Письменный корпус татарского языка [Электрон/ ресурс]. РЕЖИМ ДОСТУПА: <http://corpus.tatar> (дата обращения: 16.12.2017).
- Сайхунов М. Р., Ибрагимов Т. И., Луутонен Й. Письменный корпус татарского языка: руководство пользователя [Электрон. ресурс]. РЕЖИМ ДОСТУПА: <http://corpus.tatar/manual.htm> (дата обращения: 21.12.2017).
- Aksan Y., Aksan M. Building a national corpus of Turkish: Design and implementation // Working Papers in Corpus-based Linguistics and Language Education. Tokyo: TUFS, 2009. № 3. P. 299–310.
- Apertium – Открытая платформа машинного перевода [Электрон/ ресурс]. Режим доступа: <http://wiki.apertium.org/wiki/Publications> (дата обращения: 10.01.2018).
- Corpus Query Language (CQL) Tutorial [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://cwb.sourceforge.net/files/CQP_Tutorial (дата обращения: 21.12.2017).
- Fastmorph – Fast corpus search engine originally made for the Corpus of Written Tatar language [Электрон/ ресурс]. Режим доступа: <https://github.com/mansayk/fastmorph> (дата обращения: 11.01.2018).
- GNU GPL v3 – GNU General Public License v3 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.gnu.org/licenses/gpl-3.0.en.html> (дата обращения: 21.12.2017).
- Jurafsky D., Martin J. H. Speech and Language Processing: An Introduction to Natural Language Processing, Speech Recognition, and Computational Linguistics. 2nd edition. Prentice-Hall, 2009. 1024 p.
- Kilgarriff A. Linguistic search engine // In Kiril Simov, editor, Shallow Processing of Large Corpora: Workshop held in association with Corpus Linguistics. Lancaster, 2003. P. 53–58.

А. Ш. Юсупова

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В ФИНЛЯНДИИ

Аннотация. Татарская община – одна из исторических и национальных меньшинств Финляндии. В настоящее время в Финляндии насчитывается около 700 татар. Как единое языковое и религиозное сообщество они начали формироваться во второй половине XIX – начале XX в. В основном они происходят из татарских сел Нижегородской области. Поскольку структура и звуковая система их родного языка напоминают финский, для татар не было проблемой выучить новый язык. Родным языком финских татар является Сергачский говор мишарского диалекта татарского языка.

Ключевые слова: татарский язык, мишарский диалект, диаспора, Финляндия.

A. Sh. Yusupova

THE TATAR LANGUAGE IN FINLAND

Abstract. The Tatar community is one of historical and national minorities of Finland. At present, there are about 700 Tatars in Finland. As a single language and religious community, they began to form in the second half of the XIX – beginning of the XX century. Basically, they come from the Tatar villages of Nizhny Novgorod region. Since the structure and sound system of their native language resemble Finnish, it was not a problem for Tatars to learn a new language. The native language for the Finnish Tatars is Sergach dialect of Mishar dialect of the Tatar language.

Keywords: the Tatar language, Mishar dialect, diaspora, Finland.

Язык татарской диаспоры за рубежом, весьма обширной и разнообразной, все чаще привлекает к себе внимания исследователей самых разных специальностей: не только историков, культурологов или социологов, но и лингвистов. XX в. спровоцировал миграцию татар в разные страны, в частности, в Финляндию. Обширный языковой материал дает основание утверждать, что татарский язык за рубежом продолжает жить, и речь о его вымирании не идет. Можно констатировать стабильное сохранение татарского языка, поскольку во многих семьях его изучает уже третье и даже четвертое поколение иммиграции.

В Финляндии татарская община – одно из исторических и национальных меньшинств. На данный момент в Финляндии проживает около 700 татар. Как обособленное языковое и религиозное сообщество татарская община начала формирование во второй половине XIX – начале XX вв. В основном ее члены родом из татарских сел Нижегородской области.

Культурное сообщество татар в Финляндии начало развиваться на рубеже XIX–XX вв. Разобщение было немислимо, поскольку чтобы найти работу и начать зарабатывать, нужно было объединяться и приспосабливаться, и татары быстро и успешно интегрировались в финское общество. Структура и звуковая система татарского и финского языков схожи, поэтому изучение нового языка не стало большой проблемой для татар и шло весьма успешно.

Татары, став гражданами независимой Финляндии, интегрировались в финскую культуру, не забыв сохранить и развить при этом свое культурное наследие вплоть до пятого поколения, однако это потребовало немалых усилий.

Татарский язык финских татар – это, собственно, западный диалект татарского языка, точнее – мишарский. Предки нынешних финских татар пришли на территорию Финляндию из нескольких де-

ревень и сел Сергачского уезда Нижегородской губернии: большая часть – из деревни Актук, остальные – из Куйсу, Суксу, Уразавыл, Чомбали. Прибывшие татары осели в нескольких финских городах, а именно: в Тампере, Турку, Хельсинки, Ярвинпя.

Первым языком в иммигрировавших семьях является татарский. Обучение детей младшего возраста, как правило, происходит по выходным дням в группе в форме игры, а для детей школьного возраста – на курсах родного языка в период осенних, весенних и летних каникул. Живое взаимодействие, связи с семьей и родственниками, а также проводимые общиной мероприятия побуждают постоянно говорить на родном языке.

Татарская община Финляндии сохранила богатое и разнообразное культурное наследие: здесь организовываются вечера народных песен и музыки, культурные вечера, театральные постановки по классическим произведениям татарской литературы. Финские татары пишут и свои литературные произведения, в частности, издают сборники песен «Безнең жырылар», развивают поэзию, публикуют религиозные книги, выходит журнал «Mahalla Habarlagе» (нерегулярно).

Материалом исследования настоящей работы послужили татарско-финский словарь [Moisio, Daher, 2016], сборник песен «Biznin ciğlar» в двух томах [Biznin, 2000], материалы журнала «Mahalla Habarlagе», а также материалы автора, записанные во время бесед с татарами, проживающими в Финляндии (информанты Окан Дахер, Кадрия Бадретдин, Назифа Аляутдин).

Говор татар, живущих в Финляндии, отличается от прочих диалектов татарского языка тем, что имеет письменность и алфавит, что делает его поистине уникальным.

В изучаемом нами говоре финских татар зафиксировано десять гласных звуков, как и в литературном татарском языке, однако в речи молодежи замечено редкое употребление дополнительных звуков, возникших в результате влияния финского языка.

Что касается вокализма, то к соответствиям, представленным небольшим количеством слов, можно отнести: *e ~ и, у ~ и, у/у ~ в/о, в/о, ы/е ~ у/у, ий ~ ый*, возникшие вследствие нарушения закона передвижения гласных. Соответствие *о/е, ы/е ~ у/у* обусловлено общетюркскими фонетическими закономерностями и в разной степени имеет место во всех татарских говорах. Переход гласных заднего ряда литературного татарского языка к гласным переднего ряда: *әкерт / әкерен ~ лит. акрын* ‘медленно’, *кечерән ~ кычыткан* ‘крапива’, *кечерта / кечетә ~ кычыта* ‘чешется’, *печак ~ пычак* ‘нож’, *чебык ~ чыбык* ‘прутик’. Переход задних в передние гласные встречается в словах: *ама / амма ~ лит. амма* ‘но’, *йогорон ~ лит. йегерен* ‘бежать’, *корка ~ лит. куркә* ‘индюк’, *кочок ~ кечек* ‘щенок’, *кытырмач ~ кәтермәч* ‘сухарь, сухарики’, *рахат ~ рәхәт* ‘хорошо’, *рахмәт ~ рәхмәт* ‘спасибо’.

В говоре финских татар, как и в литературном татарском языке, подлинных (устойчивых, равновесных, истинных) дифтонгов нет, зато есть ложные (скользящие) дифтонги *-ай, ей, уй*, которые в некоторых случаях монофтонгизируются. Однако у этого явления отсутствует строгая последовательность: в речи употребляются разные фонетические варианты: *бәли / бәйли ~ лит. бәйли* ‘вяжет’, *кайсы / касы ~ лит. кайсы* ‘который’, *кан'е ~ лит. кайне* ‘деверь’, *качан ~ лит. кайчан* ‘когда’, *сейли / сули ~ лит. сөйли* – ‘говорит’.

Что касается консонантизма говора финских татар, то у него есть как общие черты с литературным татарским языком, так и некоторые отличия. В частности, мы можем наблюдать следующие особенности: 1) употребление губно-зубного плоско-щелевого звук *bw* вместо литературно правильного губно-губного *w* (например: *вакытында* – лит. *вакытында* ‘во время’); иногда также используется литературный вариант *w*; 2) подавляющее большинство носителей говора употребляют в речи аффрикату *ч*, тогда как в старшее поколение употребляет сильно палатализованную аффрикату. Это позволяет констатировать тот факт, что изучаемый нами говор – смешанный. Данная особенность, наблюдаемая сергачском говоре мишарского диалекта, также используется в речи старшим поколением.

Соответствие согласных:

п ~ б: *пот ~ лит. бот* ‘бедро’, *пет ~ лит. бет* ‘вошь’;

б ~ п: *шорба ~ лит. шулта* ‘бульон’;

м ~ б: *мун / бун ~ лит. муен* ‘шея’;

м ~ б: *минек / миннек* (< бинек) < рус. *веник*;

б ~ в: *чобар ~ лит. чутуар*, графически *чуар* ‘пестрый’, *чобан ~ чуван*, графически *чуан* ‘фурункул’;

н ~ м: *нугез / мугез ~ лит. мугез* ‘рог’;

м ~ н: *уләм ~ лит. улән* ‘трава’;

д ~ т: *дустыган ~ тат. лит. тустыган* ‘ковш, черпак’;

т ~ к: *читлавык / чиклавык ~ лит. чикләвек* ‘орех’;

к ~ т: *кели ~ лит. тели* ‘хотеть’;

з ~ ж: *кәзә ~ лит. кәжә* ‘коза’;

г ~ к: *сиг(е)зэн* ~ лит. *сиксэн* ‘восемьдесят’, *туз(ы)зан* ~ лит. *туксан* ‘девяносто’;

х ~ к: *бахыт* / *вахыт* ~ лит. *вакыт* ‘время’, *хадэр* / *кадэр* ~ лит. *кадэр* ‘до’;

к ~ х: *йакшы* ~ лит. *йахшы* ‘хорошо’, *каста* ~ лит. *хаста* (< перс.) ‘больной’.

Также наблюдаем сокращение удвоенных согласных: *ама* / *ама* < *эмма* ‘но, однако’; *анан* / *андан* < *аннан* ‘потом’, что является общеизвестным явлением для тюркских языков.

В арабских заимствованиях систематически выпадает начальный звук *г*: *алим* ~ лит. *галим* ‘ученый’. *Али* ~ лит. *Гали* (собственное имя), *ади* ~ лит. *гади* ‘простой’. Кроме того, наблюдается выпадение глубокозаднеязычного увулярного звука *з* в середине слов арабского языка как в устной, так и в письменной речи: *сэнат* ~ лит. *сэнгаты* ‘искусство’, *маалумат* – лит. *мэгълумат* ‘знания’.

Огублению подверглись негубные гласные *ы*, *е* в позиции после губных гласных *о*, *в*: *сононда* ‘в конце’, *озон* ‘длинный’. Эта особенность говора финских татар схожа с татарским литературным языком. На этом основании вполне можно утверждать, что говор финских татар схож с материнским говором.

Генетический и исторический анализ лексики говора демонстрирует, с одной стороны, общие черты с говорами татарского языка, с другой – черты, присущие только этому варианту татарского языка.

Среди диалектизмов встречаются слова, общие, прежде всего, с мишарским диалектом: *азбар* ‘двор’, *алаша* ‘лошадь’, *башкөн* ‘понедельник’, *бушкөн* ‘вторник’, *йага* ‘другое место, чужая земля’, *карсак* ‘низкий’, *кочатнакөн* ‘четверг’, *куй* ‘овца’; *тирес* ‘упрямый’.

Особый интерес представляют слова, заимствованные из турецкого языка, что доказывает тесную связь финских татар с Турцией, например: *амалият* ‘операция’, *баазы* ‘иногда’, *мөштәри* ‘клиент’, *тәмам* / *там* ‘точно’, *тәпминән* ‘по-нашему, по-моему’, *тәклиф* ‘совет’, *такават* ‘пенсия’, *тәквим* ‘календарь’, *фаалият* ‘занятие’, *шәмсия* ‘зонт’.

Младшее поколение привыкло употреблять форму множественного числа, имея в виду форму единственного числа предметов, которые и в русском, и в финском употребляются только в форме множественного числа: *ачкычлар* (лит. *ачкыч*) ‘ключи’, *кайчылар* (лит. *кайчы*) ‘ножницы’, *ойыклар* (лит. *оек*) ‘чулки, носки’, *чангылар* (лит. *чангы*) ‘лыжи’; *ыштаннар* ‘брюки’.

Как и в литературном татарском языке, в говоре финских татар принадлежность выражается с помощью изафетных словосочетаний. Иногда может употребляться и безаффиксальный вариант изафета, зафиксированный и в других татарских говорах: *баскетбол такым* ‘баскетбольная команда’, *спорт клуб* ‘спортивный клуб’, *баи хәрәф* ‘заглавная буква’.

Тип склонения существительных имен в говоре финских татар идентичен татарскому литературному языку, однако имеется ряд отклонений при употреблении некоторых падежных форм: 1) в татарском литературном языке тип склонения управляет направительным падежом, а в говоре – основным падежом с послелогом *белән*: *фин белән үләнгән* ‘женился на финке’; 2) основной падеж выражает значение направления действия и его используют вместо дательного-направительного падежа: *яз курс* ‘ходил на летние курсы’; 3) винительный падеж употребляется вместо основного падежа и обозначает неопределенный объект: *минем йерәгемне әрни* ‘у меня ноет сердце’; *Кадрияне таныштым* ‘познакомился с Кадрией’; 4) конструкция притяжательный падеж плюс послелог *белән* обозначает прямой объект: *синең белән* (лит. *сезне*) *саганам* ‘скачаю по тебе’ (букв. скачаю с тобой).

Носители говора повсеместно употребляют уменьшительно-ласкательные формы имен собственных по образцу финского языка: *Рамил* – *Рамикке*, *Зирэк* – *Зикке*, *Рауф* – *Руффе*, *Раиф* – *Раффе*. Носители финского языка аналогичные формы имен собственных употребляют, как правило, среди друзей: *Лена* – *Ленукка*, *Кари* – *Карикка*, *Матти* – *Маса*, *Окан* – *Окку*, *Хенрик* – *Хенкка*. Представленный способ образования уменьшительно-ласкательных собственных имен является уникальным. Такой же способ встречается и в речи татар, проживающих в Китае.

Библиография

Ахметова Я. М. Говор татар Финляндии (в сравнительно-историческом аспекте): дис... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2004. 182 с.

Moisio A., Daher O. Tatarilais-suomalainen sanakirja = Татарча-финча сүзлек = Tatarça-fınça süzlek / Арнеuvoja suomalais-ugrilaiſten kielten opintoja varten XVIII. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2017. 418 s.

Biznin cirlar. Helsinki, 2000. 442 s.

Ю. Е. Анисимова

САРӐ ТАТА ШУРӐ ТӐС ЧӐВАШ ХАЛАХӐН ТӐНЧЕ КУРӐМӐНЧЕ ЖЕЛТЫЙ И БЕЛЫЙ ЦВЕТА В МИРОВОЗРЕНИИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Аннотация. В статье раскрыты значение и словообразование слов «сарӐ» и «шурӐ» в сравнительно-сопоставительном аспекте. Оба они произошли от одного корня. Слово «сарӐ» произошло от слова «шурӐ» и имеет общие значения в родственных тюркских языках.

Ключевые слова: желтый цвет, белый цвет, тюркские языки, мировоззрение чувашей, этимология, чувашский язык.

Yu. E. Anisimova

YELLOW AND WHITE COLORS IN THE WORLDVIEW OF THE CHUVASH PEOPLE

Abstract. The article describes the meaning and word formation of the words «сарӐ» (yellow) and «шурӐ» (white) in a contrastive-comparative aspect. Both came from the same root. The word «сарӐ» (yellow) originated from the word «шурӐ» (white) and has common meanings in related Turkic languages.

Keywords: a yellow colour, a white colour, the Turkic languages, Chuvash worldview, etymology, the Chuvash language.

ЧӐваш чӐлхин сӐмахлӐхӐнче тӐсе кӐтартакан паллӐ ячӐ чылай. ВӐсен йышӐнче шурӐ, хура, хӐрлӐ, кӐвак, симӐс, сарӐ тӐп тӐс шутланать.

ЧӐваш халӐх пурнӐсӐнче уйрӐмах сарӐ тата шурӐ сӐмах паллӐ вырӐн йышӐнать. МӐн авалтанпах чӐваш сарӐ тӐсе хисепленӐ. МӐн пур хитрене сарӐ тӐспе сыхӐнтарнӐ вӐл. ХӐвелпе уйӐха, чи малтан шӐтса тухакан курӐка та чӐваш сарӐ тенӐ.

ХалӐх Ӑс-хакӐлӐпе сӐмахлӐхӐнче сарӐ тӐс хӐйне уйрӐм вырӐн йышӐнать. *СарӐ* е *шурӐ* сӐмах чӐваш халӐх юрринче, ваттисен сӐмахӐнче, тупмалли юмахра, фразеологизма тӐл пулать: *СарӐ кайӐк йӐвара*, / *ӐпӐр кунта хӐнара*; *Сар ыраш хумханать*, / *тулӐ пӐрчи тӐкӐнать*; *Анатран хӐпаратъ шурӐ пӐрахут*, / *Шупаикар тӐльне ситсесӐн*, / *чӐтаймарӐ*, *тӐсӐймерӐ* – / *кӐшкӐртса ячӐ*; *Хусан тутри*, *шурӐ тутӐр*, / *пуса сыхма илемлӐ*; *ШурӐ пӐрте кӐрӐттӐм те* / *ура салтса сӐрӐттӐм*. / *Савни сӐмне ларӐттӐм та* / *сар сӐу некех ир(Ӑ)лӐттӐм*. ЮрӐри сарӐ е шурӐ сӐмахлӐ майлашусем япалан хитрелӐхне тата пахалӐхне кӐтартацӐ. *ЯпшарӐн алли шап-шур*; *Ир тӐракан куракӐн тичӐ шурӐ пулнӐ* ваттисен сӐмахӐнчи *шап-шур*, *шурӐ* сӐмах кахалӐхпа ӐсченлӐхе палӐртать. *ШурӐ анпан шӐлӐ хура* тупмалли юмахӐн тупсӐмӐ – хурт пуцӐси, шапа хуранӐ.

Пуплевре *шурӐ* сӐмахлӐ фразеологизма та усӐ куратпӐр, тӐслӐхрен: *шурӐ куцна пӐхса илчӐ*. Ку фразеологизм сиввӐн пӐхнине пӐлтерет. *ШӐл шурри кӐтартмарӐ* сӐмах саврӐнӐшӐ вара чӐмсӐрлӐх пӐлтерӐшлӐ.

Апат-сӐмӐсре *сар* сӐмах Ӑсме-сӐме пахалӐхне кӐтартачь: *СакӐ хӐта патне килсен*, / *сӐри сарӐ пулнӐран* / *курки каймасть алӐран*; *Савни сӐмне ларӐттӐм та* / *сар сӐу некех ир(Ӑ)лӐттӐм*; *Лутраях та шӐшкӐ*, *сарӐ майӐр*, / *лутраях та шӐшкӐ*, *сарӐ майӐр*.

ЙывӐс суртпа хуралтӐ, савӐт-сапа ятӐнче те сарӐ сӐмах тӐл пулать. Кунта сарӐ Ӑпитет чӐрӐ йывӐса пӐлтерет, сакӐнна пӐрлӐх хитрелӐхне тасалӐха кӐтартачь, тӐслӐхрен: *сарӐ хапха* – *кил илемӐ* (сӐнӐ хӐмаран тунӐ хапха), *сарӐ чӐрес* – хитре чӐрес, *сар урай* – таса сӐунӐ урай.

ШурӐ тата сарӐ сӐмахпа чӐваш хӐрарӐмӐ упӐшкин йӐмӐкӐпе шӐллӐне чӐнме, пӐр-пӐринчен уйӐрма усӐ курнӐ. ТӐванлӐх-хурӐнташлӐх ятӐнче сарӐ хӐрсем, сарӐ ывӐлсем, сар ачам, сар хӐрӐм, сар кин, сар инке ят пулнӐ. СывӐх тӐванран хӐшӐ-пӐри хура сӐнлӐ пулсан та Ӑна сарӐ сӐмах хушса чӐннӐ. АкӐ йӐмӐкӐнчен аслине хӐрсем, иккӐмӐшне сарӐ хӐр, ытгине чипер хӐр, вӐталӐх хӐр, кӐсӐн хӐр тенӐ. *МӐн хӐр*, *пӐчӐкӐ хӐр*, *сӐмрӐк хӐр*, *шурӐ хӐр* тени те пур. УпӐшкин шӐллӐнчен пӐрне инкӐшӐ сар ывӐл тесе чӐннӐ. Анатри чӐваш пуплевӐнче *шур анпа* тени тӐл пулать.

СарӐ тата *шурӐ* компонентлӐ сӐмах майлашӐвӐ илемлӐ литературӐра час-час тӐл пулать. ЧӐваш сӐравсисем пултарулӐхӐнче япалана илемлӐрех те сӐнарлӐрах кӐтартма сарӐ, шурӐ Ӑпитетпа тӐтӐш усӐ курацӐ. Ку паллӐ ячӐсем япалан хӐйне евӐрлӐ уйрӐмлӐхне палӐртма е сӐнара Ӑнлантарса пама, танлаштарма пулӐшацӐ. ТӐслӐхшӐн ПетӐр ХусанкайӐн «Хыр туя» сӐввин пӐр саврине илер:

ПӐркенчӐк витнӐ сарӐ хӐр некех

ЛараттӐн Ӑс юрпа хупӐрланса.

Ӑнлан: аса илсесӐн ман текех

ЙӐрес килет каснишӐн хурланса.

А. Артемьев чӐваш халӐх сӐравси «Салампи» хайлавӐнче *шурӐ* сӐмахпа усӐ курса Таруца сӐпларах сӐнлать: *Таруц тӐрӐхла питлӐ*, *шуранкарах сӐутӐ сӐнлӐ*, *сӐхе туталлӐ*, *кӐвак куслӐ*.

Шурă тĕс чăваш халăх культуринче тасалăха, сăваплăха пĕлтерет. Мĕн ĕлĕкренпех çуралнă ачана таса шурă пусмапа чĕркенĕ, ватăлса вилнĕ çынна тупăка шурă пусма çине хунă. Ку пулăм пурнăçпа çыхăннă. Халăх ĕненĕвĕпе килĕшүүлĕн шурă тĕс çын çуралса пĕр тĕнчене килнине, вилсен тепĕр тĕнчене куçнине пĕлтерет. Чăваш ĕлĕк кил, ял чўкĕ ирттернĕ. Чăваш ыран чўкĕме каймалла тенĕ чухне каçран мунча кĕрсе тасалнă (шуралнă), таса *шурă* кĕпе тăхăннă, чўк кучченеçне те шурă тутăрпа çыхнă, аслă чўкре шурă тĕслĕ выльăх пуснă.

М. Р. Федотовăн словарĕнче *шурă / шорă* сăмахран пулăннă темиçе лексема тĕл пулат: *шурал- / шорал-*, *шурат- / шорат-*, *шурă ылтăм / шурă ылттăн*, *шур тăхлан*, *шурă чăрăш*. *Шурă / шорă* сăмахăн тĕрĕк чĕлхинчи тымарĕ – *сары* (алтайла, кăркăсла, туркăлла, казахла), *сарык* (уйгурла), *һары* (пушкăртла). Хальхи венгр чĕлхинче *sar* хутлă сăмахра тĕл пулат: *sár-araný* ‘таса ылтăн’; *sár-gyík* ‘сарă калта’ < авалхи чăвашларан **sary*, *saryg* (хальхи чăвашла *шурă*); *сарă* < тутарларан) [Федотов, 1996, т. 2, с. 462–463].

В. Г. Егоров *сарă* сăмах чăваш чĕлхине тутар чĕлхинчен кĕнĕ тет [Егоров, 1971, с. 100]. Тутар чĕлхинчен йышăннă сăмахăн уйрăм палли пур: сăмахăн пуçламăш сыпăкĕнчи [а] сасă çав сăмаха тутар чĕлхинчен йышăннине кăтартать (тутар сăмахĕнчи [а] сасă чăваш чĕлхинче урăх сасăпа ылмашăнмасть):

чăвашла	тутарла	вырăсла
карчăк	карчык	старуха
мамăк	мамык	пух, вата
сарă	сары	желтый

Чăваш халăхĕ юратакан *сарă* тата *шурă* сăмах пĕлтерĕшĕ енчен пĕрешкел пулни курăнать, апла пулсан пĕр сăмахах мар-ши вĕсем?

Л. П. Сергеев кун пирки çапла шутлат: «Чăн та, *сарă* тата *шурă* сăмахсем хайсен пулăвĕпе пĕр сăмах шутланаççĕ, иккĕшĕ те вĕсем сĕм авал пĕр тымар сăмах пулнă; унăн малтанхи пĕлтерĕшĕ – сарă. Тĕрĕк чĕлхисенче шурă тĕсе пĕлтермелли сăмах урăхла: *ак*, *аг* авалхи тĕрĕк чĕлхисенче те, хальхисенче те шурă пĕлтерĕшлĕ. Тĕслĕхрен, тутарла *калай* теççĕ, вăл чăвашла шурă шăвăç (хĕç тимĕр) тени пулат; *ак сакалла карт* – шурă сухаллă старик т. ыт. те. Чăваш чĕлхинче *ак* сăмах сыхланса юлман, ун вырăнне *шурă* сăмах çирĕппенĕ. Чăннипе вара ку сăмах *сарă* сăмахран пулса кайнăскер. Чĕлхе аталанăвĕн тахăш тапхăрĕнче, анчах та питĕ авал *сарă* сăмахран *шурă* сăмах пулса тăнă. Ку вăл сасăсен улшăнăвĕпе çыхăннă: авалхи тĕрĕк чĕлхинчи *с* сасă чăваш чĕлхинче *ш* сасса, сăмахăн пуçламăш сыпăкĕнчи *а* сасă *о* (тури диалектра) тата *у* (анатри диалектра) сасăсене куçнă. Сасăсем çакан пек ылмашнине нумай тĕслĕх çирĕплетсе парать. Танлаштарса пăхар-ха:

чăвашла	ытти тĕрĕк чĕлхинче
шухăш, шохăш	сагыш. сагыс
шăна	синек, соно
шыв	суг

Çаканти евĕрлех ĕнтĕ *сарă* сăмахран та *шурă* пулса кайнă. В. Г. Егоров профессор авалхи чăваш чĕлхинче *сарă* сăмах малтанхи тапхăрта сарă тĕсе те, шурă тĕсе те пĕлтернĕ пулĕ тесе шутлат. Тен, пулма та пултарнă» [Сергеев, 2011, с. 59–60].

Чăваш Республикин патшалăх гербĕпе ялавĕнче сарă тĕс – тĕп тĕс. Сарă тĕс – çĕр çинчи пур халăха та пурнăç паракан хĕвел тĕсĕ. Чăваш халăх сăмахлăхĕнче те вăл илемлĕхе тата ырра палăртать. Чĕлхере *сарă* сăмахпа анлă усă кураççĕ: *сар ача*, *сар кĕрĕк*, *сар курка*, *сар савни*, *сарă сăра*, *сарă тутта*, *сарă тут*, *сарă чăх*, *сарă ылтăн*, *çамарта сарри*. Чăваш сарă тĕслĕ ўсен-тăран чечекĕпе, тымарĕпе, сĕткенĕпе е тата сар кайăк тĕкĕ-çăвĕпе сарамак чирĕнчен сипленме усă курнă.

Чăваш çынни кулленхи кĕлĕре, ирхи сăвапра «Тайма пуç сана, сăваплă ыра хĕвел!» тесе пуç тайнă. Сарă тĕс тĕш-тырă, майăр пиçсе çитнине палăртакан тĕспе пĕрлешсе каять.

М. Р. Федотов хатĕрленĕ «Этимологический словарь чувашского языка» кĕнекере *сар / сарă* сăмахăн пĕлтерĕшне тупса вулатпăр: «желтый; эпитет солнца; эпитет весны; русский; красивый». Кунтах вăл *сар / сарă* сăмахран пулăннă формăсене илсе панă: *сарал-*; *сарат-*; *сарăх-* [Федотов, 1996, т. 2, с. 15].

Шурă / шорă сăмахăн этнолингвокультурологи тишкерĕвĕ чĕлхен тавра курăмне пуянлатма пулăшат. Тĕрĕк чĕлхинче сарă тата шурă ĕнлав пĕлтерĕшне *сар-* тымарлă сăмахпа палăртаççĕ. Монгол чĕлхисенче сарă пĕлтерĕше палăртма *шар-* тымарлă сăмахпа усă кураççĕ. Чăваш чĕлхинчи *сарă* сăмах пирĕнпе хуранташлă тĕрĕк чĕлхинчи сăмахсемпе пĕрешкел. Тĕслĕхрен, алтайла, кăркăсла, казахла *сары*, уйгурла *сарык*. Кунта тĕрĕк чĕлхисенчи *сарă* сăмах пирĕн чĕлхерипе пĕр евĕрли питĕ лайăх курăнать. Пĕр пеклĕх халăх нумай ĕмĕр юнашар пурăнса тĕрлĕ енлĕ хутшăнса пурăннипе çыхăннă, çавна май сăмахсем пĕр чĕлхерен тепĕр чĕлхене куçнă. Пирĕн мĕн асаттесем те ытти тĕрĕксем пекех шурă тĕсе сарă сăмахпа палăртнă пулас. Апла авал чăн чăваш тĕсĕн ретĕнче шурă тĕс ячĕ пулман. Анчах та хальхи чĕлхере сарă – хайне уйрăм сăмах, шурă – тепĕр сăмах.

Çапла вара, тĕпчев ёçенче эфир сарăпа шурă тĕс çăваш халăхĕн тĕнче курăмĕнче мĕнле пĕлтерĕшлĕ пулнине пăхса тухрăмăр. *Сарă* тата *шурă* сăмах пулăвĕпе пĕр сăмах шутланать. Сарă – хĕвел палли, вăл мĕн пур ырăлăхпа илемлĕхе сăнарлать.

Библиографи

Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд., испр. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. 203 с.

Сергеев Л. П. Сăмах тĕнчи: вăтам шкулта вĕренекенсем валли. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2011. 253 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары, 1996.

В. Н. Асмондьяров

МЕТОДОЛОГИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДА В КОНТЕКСТЕ ЭТНООНТОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. В работе впервые предпринимается попытка идеографического описания лексических систем башкирского, татарского, якутского, чувашского и казахского языков в рамках четырех когнитивных сфер: «Природа (неживая и живая)»; «Человек (как живое существо)»; «Общество (человек как общественное существо)»; «Познание (априори)». Данное описание может служить базовой основой для создания структур опросников лингвистических и диалектологических атласов различного типа (национальных, региональных), а также облегчить систематизацию самих карт и комментариев к ним.

Ключевые слова: этноонтологическая интерпретация, диалекты тюркских языков, идеография, когнитивные сферы, алтайские языки, лингвистический атлас, диалектологический атлас тюркских языков, картина мира.

V. N. Asmondyarov

METHODOLOGY FOR RECONSTRUCTING PEOPLE'S WORLD PEACE IN THE CONTEXT OF THE ETHNO-ONTOLOGICAL INTERPRETATION

Abstract. This work represents the first attempt for an ideographic description of lexical systems of the Bashkir, Tatar, Yakut, Chuvash and Kazakh languages within the framework of four cognitive spheres: "Nature (inanimate and animate)"; "A human being (as a living being)"; "Society (a human being as a social being)"; «Cognition (a priori)». This description can serve as the primary basis for creating questionnaire structures of linguistic and dialectological atlases of various types (national, regional) as well as to facilitate systematization of the maps themselves and comments to them.

Keywords: ethno-ontological interpretation, dialects of the Turkic languages, ideography, cognitive spheres, Altaic languages, linguistic atlas, dialectological atlas of the Turkic languages, worldview.

В самом общем понимании диалектологический атлас это собрание диалектологических карт одной территории, отображающих распространение тех или иных лингвистических черт одного или нескольких языков. Являясь продуктом такой отрасли как ареальная лингвистика, любой языковой атлас базируется на принципах лингвистической географии.

Необходимо отметить, что ареальная лингвистика исследует не столько языковые контакты, а сколько их продукт – различия и сходства между языками, диалектами на территории, отвечает на вопросы, где подобные контакты могли происходить. Как отмечает Д. И. Эдельман, ареальная лингвистика предметом своего исследования ставит изучение древних ареалов на основе современного распространения лингвистических явлений на местности. Это, в свою очередь, позволяет определить понятие «ареал» как территориально-языковой конгломерат [Эдельман, 1968, с. 6].

Диалектология на современном этапе ее развития практически немыслима без активного применения картографирования как основного метода визуального отображения тех или иных лингвистических элементов. Данные лингвистической географии позволяют более точно очертить территорию распространения того или иного языкового элемента, установить конфигурации данной территории и, как правило, специализируется на решении двух основных прикладных задач. Во-первых, это выяснение ареала распространения неродственных языков, областей их контактирования и взаимодействия. Во-вторых, это изучение области функционирования тех или иных фонетических, грамматических, лексических и синтаксических явлений в рамках одного или нескольких близкородственных языков.

Основные проблемы ареальной лингвистики, лингвистической географии начали разрабатываться еще во второй половине XIX в., когда лингвисты пришли к выводу, что между языками и говорами может и не существовать четких границ и каждое из языковых явлений может характеризоваться своим распространением, что может быть зафиксировано на карте так называемыми изоглоссами. В этом случае условная граница между двумя языками или диалектами будет представлять своеобразный пучок изоглосс. Этот факт дает основания говорить о существовании переходных зон языков или зон вибрации, где соседствующие языки взаимодействуют между собой. Это подтверждает один из ключевых принципов лингвистической географии – принцип лингвистической непрерывности.

О важности лингвогеографических исследований того или иного языка говорит и тот факт, что только посредством картографирования тех или иных явлений представляется возможным уточнить диалектное членение языка, границы говоров. Диалектологические атласы дают богатый материал не только лингвистам, но и этнографам, историкам и археологам. Иначе говоря, метод картографирования освобождает от индивидуальных и частных явлений, изоглоссы подчинены логической цели генезиса и эволюции языка [Диалектологический, 2005, с. 17].

Как отмечают специалисты создание лингвистического атласа диалектов и языков отдельного региона или более крупного ареала возможно при условии достаточно подробной монографической проработки языковых явлений и сборе соответствующего тематике и глубине исследования объема эмпирического лингвистического материала. Очевидно, что атласу должно предшествовать определенная подготовительная деятельность: очерчивание картографируемой территории, выбор сетки населенных пунктов на местности, составление опросников, сбор материалов в ходе полевых работ. Кроме того, несмотря на наличие достаточно большого количества подходов к картографированию языкового материала в лингвистических атласах, существуют определенные общие принципы, их объединяющие. Во-первых, это сбор материала по программе с приоритетом по отношению к сельским населенным пунктам. Во-вторых, это достаточно сжатые сроки, выделяемые для комплектования материала в различных регионах картографирования. Связано это с тем, что любой лингвистический атлас представляет собой языковую (диалектную) структуру в указанный момент времени и демонстрирует синхронный срез языка в территориальной проекции, ср. Шайхисламова, 2009; Ширалиев, 1985; Эдельман, 1968].

В истории тюркологической науки и ранее существовали разработки по вопросам, относящимся к объекту анализа ареальной лингвистики. По нашему мнению, для реконструкции развития, как отдельного языка, так и всей тюркской (алтайской) семьи языков особое значение приобретает использование методов лингвистической географии.

Лингвогеографическое изучение всецело обусловлено завершением работы синхронного обследования диалектов. Именно по этой причине значительно позднее, решением IV регионального совещания по вопросам диалектологии тюркских языков (октябрь, 1963) было создана отдельная комиссия для разработки мероприятий по подготовке атласа в составе Н. А. Баскакова, Н. З. Гаджиевой, Л. А. Покровской, Э. В. Севортыяна). В рамках данного совещания были также определены ключевые задачи по составлению вопросника, сроки сбора, обработки и переноса материала на картографическую основу. Формирование программы, инструкций по сбору материала и транскрипции атласа были поручены сектору тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР [Жирмунский, 1963, с. 3–19]. В апреле 1972 г. по итогам совещания представителей коллективов, работающих над атласом, было принято решение о разделении территории картографирования на четыре основные зоны с закреплением в каждой отдельного руководителя: зона А (27 населенных пунктов); зона Б (34 населенных пункта); зона С (40 населенных пунктов); зона Д (38 населенных пунктов). В целом «Диалектологический атлас тюркских языков СССР» по сравнению с аналогичными изданиями – самый большой атлас, который охватывает протяженную территорию расселения тюркских народов от Якутии до Молдавии. Карта-основа атласа представлена в масштабе 1:15000000 (1 см – 150 км) и содержит 146 опорных пунктов. Важной особенностью является еще и то, что расстояния между пунктами обследования весьма неравномерны. Данный факт связан исключительно с особенностями охватываемой территории.

В данном исследовании мы впервые делаем попытку осмысления фактологического материала для создания универсального опросника для лингвистического (диалектологического) атласа ряда тюркских языков алтайской семьи Урало-Поволжья (башкирский, татарский, чувашский), Казахстана, Сибири (тоболо-иртышские, барабинские и томские диалекты татарского языка) и Северо-Востока Российской Федерации в рамках следующих когнитивных сфер: природа (неживая и живая); человек (как живое существо); общество (человек как общественное существо); познание (априори). В методологическом отношении мы опираемся на результаты применения указанной когнитивной классификации лексических (семантических) данных, полагая при этом, что указанный подход позволит поставить во главу угла не только соотношения родственных языков, но и проблемы познания окружающего и духовного мира народами. Примечательно, что идея когнитологического осмысления языковой среды была успешно реализована на опыте изданного во Франции «Лингвистического Атласа Европы» (*Atlas Linguarum Europae*: 1976–2002). С учетом практики данного языкового атласа в свое время в Академии наук СССР было задумано издание «Диалектологического атласа тюркских языков СССР». Ответственными за составление и выпуск «Атласа», как отмечалось ранее, были назначены Э. Р. Тенишев (Москва) и Л. Т. Махмутова (Казань) [Шайхулов, 2013].

Далее в работе представлено когнитологическое описание лексических систем якутского, башкирского, татарского, чувашского и казахского языков в рамках четырех когнитивных сфер, где нашли отражение наиболее показательные семантические особенности исследуемых языков.

Природа.

Неживая природа:

земля, виды земного рельефа: болото, болотистое место: башк. *һазлык*; башк. кизильский, демский, средний говоры *керәкәлек*; башк. караидельский говор *күтер*; башк. сакмарский, аргаяшский говоры *куна*; башк. иргизский говор *купалык*; башк. гайнинский говор *ләпкәс*; башк. сальзигутский говор *ләшә, һазы*; башк. демский говор *сазмырт, табыр*; башк. айский говор *һазам, һаззауык*; башк. кизильский говор *һазамат, һазмат*; башк. средний говор *һазамырт, һазмырт*; башк. икский говор *күтер, һазмат*; башк. миасский говор *һазыран*; тат. *сазлык*; тат. заказанский говор *сазамақ*; мел. *сазамык*; тат. пермский говор *ләпек* ‘грязь’; тат. заболотный говор сибирско-татарского диалекта *лемхе* ‘болотистое место’; тат. тарский говор *күтәргәк* ‘трясина в болоте’; чув. *шур, шурләх, лачака, ушах*; якут. *маар, бадараан, дьэбэрэ, убаҕас* ‘жижа’); казах. *батпақ; саз; саз батпақ*. В этимологическом словаре алтайских языков наблюдаются следующие пратюркские, монгольские и тунгусские основы-соответствия (здесь и далее сведения по: An Etymological, 2003): PTurk. *kōŋ*; PTung. *kut'i, xali, tērgē*; PMong. *labku, *lobku* ‘болото, влажная почва’;

равнина: башк. *тигезлек, тигез ер*; башк. аргаяшский говор *киңер – йылға киңере* ‘речная равнина’, *төзәм йер*; башк. кизильский, сакмарский говоры *тибезлек*; башк. средний говор *типсен, типсән*; башк. сальзигутский, миасский, айский говоры *төзәм йер*; тат. *тигезлек*; тат. кузнецкий говор *тиң* ‘ровный’; чув. *түремләх, түрем, тикәс* ‘ровный’, *такёр* ‘ровный’; казах. *жазаң, жазық, тегістік*; якут. *дэхси сир*; PTurk. **ala-n / *ala-ŋ*; PTung. **agulān, *keber-* ‘равнина, степь, луг’; **niama* ‘равнина’; PMong. **kegere* ‘степь, пустыня’;

грязь: башк. *баткак*; тат. *баткак*; якут. *бадараан, бырыы*; казах. *балшық; батпақ*; чув. *пылчак, вараланчак, хура, таса мар; кирёк* ‘грязь’; PTung. *aK-* ‘грязь, ржавчина, плесень’; **al-*; **bul-* ‘грязь’; **xola-*; **ñaŋ-* ‘грязь, пачкаться грязью’; **siaŋ*; **tip-*; PMong. **kir* ‘грязь’; *(h)ag* ‘грязь, налет’, **bat-ga*; **bul-* ‘грязь’; **kokir* ‘грязь’; **lag* ‘грязь, осадок’; PTurk. **kir* ‘грязь’; **bat-gak* ‘грязь, топь, болото’; **bał-* ‘грязь, глина’; **čub* ‘грязь, осадок’; **siaŋ / saz*;

Живая природа:

растения: полынь: башк. *әрем*; башк. ик-сакмарский говор *өлтө* ‘полевая полынь’; тат. *әрем*; чув. *армути, эрём*; казах. *ермен, жусан*; якут. *сытыган, эрбэһин*; PTurk. *eŋen, jablan*; PMong. *erme, (h)agi; sibag; suji-ka*; PTung. *suga-hta*.

Человек как физико-биологическое существо:

организм человека: внешнее и внутреннее строение, органы: лоб: башк. *маңлай*; башк. северо-западный диалект, демский, средний говоры *мағалай*; башк. ик-сакмарский, демский говоры *мағанай*; башк. северо-западный диалект, средний говор *мағлай*; башк. аргаяшский, миасский говоры. *мандай*; башк. аргаяшский говор *мантай*; башк. сальзигутский гайнинский, ик-сакмарский, айский говоры *маңғай*; башк. гайнинский говор *моғалай*; башк. аргаяшский айский говоры *сикә*; башк. ик-сакмарский говор *таңмай*; башк. ик-сакмарский, средний говоры *йағак* ‘висок’; башк. кизильский говор *йағосо* ‘висок’, *һамай* ‘висок’; тат. *маңғай*; тат. барабинский диалект *мандай*; чув. *самка*; якут. *сүүс*; казах. *маңдай, самай* ‘висок’, *шеке* ‘висок’; PTurk. **K(i)atak / *K(i)arak* ‘лоб, передняя часть, висок’; *ala* (~ -ē-) ‘перед, лоб’ [16, с. 284]; **bejŋi* ‘мозг,местилище разума’; PMong. **duku; *maŋlai*; PTung. **pējke* ‘лоб, мозг’; **dokta-* ‘лоб животного’; **kiama / *kiara* ‘висок, лицо’;

ладонь: башк. *ус аяһы*; башк. сакмарский, иргизский говоры *алакан*; башк. демский говор *устабан*; тат. *уч*; тат. барабинский диалект *алақан*; чув. *ал лаппи, ал тупанё*; казах. *алақан*; якут. *ытыс*; PTurk. **āja* (< **āja*); PMong. **haliga(n)*; PTung. **palja*;

Человек как мыслящее существо: память: башк. *ис, уй*; тат. *зин, хәтер*; чув. *ас, тән; уйла, сүтсе яв, калаç* ‘рассудок, рассуждать’; *әс, әс-тән, әс-хакъл* ‘ум’; якут. *өйгө тутуу*; казах. *ес; жад*;

Познание:

время: ‘неделя’: башк. *азна, азналык*; башк. миасский, кизильский, иргизский говоры *йома*; башк. среднеуральский, гайнинский говор *әтнә*; тат. *атна*; тат. пермский говор *әтнә*; тат. тюменский говор *жәма*; чув. *эрне* ‘неделя’; др.-тюрк. *aina*;

год: башк. *йыл*; средний говор башк. *зил*; башк. сакмарский говор *лыу йылы* ‘год дракона в 12-циклическом животном календаре’; башк. миасский говор *тәүзек*; башк. среднеуральский, кизильский, средний говоры *тәүлек*; тат. *ел*; тат. пермский, тюменский говоры *тәүлек*; тат. средний говор *жәш*; тат. чистопольский говор *жәшет* ‘год, возраст’; тат. кряшенский говор *жыл*; тат. чистопольский говор *йыл әйләнәсе* ‘продолжительность года’; чув. *сул, султалак*; PTurk. **jil* ‘год’; **jāl* ‘возраст, год’; **jar-in*

‘следующий год’; PMong. **zil* ‘год, годовой цикл’; **na-su(n)* ‘возраст, год жизни’; **hon* ‘год’; PTung. **sē* ‘год, возраст’, казах. *жыл*; якут. *сыл, дьыл*.

Исходя из проанализированного материала, можно установить, что мировосприятие и мироощущение окружающей действительности имеет свои характеристики, которые в свою очередь раскрывают суть становления мировоззрения, отражаемого в диалектной лексике народов исследуемого региона [Шайхулов, 2013]. В ряде примеров наблюдается как полная или частичная тождественность, так и ее полное отсутствие.

Создание диалектологического атласа нового типа с идеографической структурой и упорядоченной лексикой являются сильным импульсом для последующего изучения языка, разработки проблем происхождения тюркских (алтайских) языков, истории межъязыковых контактов и вопросов типологии. В перспективе полученные результаты могут быть положены в основу атласа диалектов как отдельного региона, так и отдельных языков Российской Федерации нового типа. Интерпретация корневых основ, в том числе и параллельно картографируемых лексем, подготовит почву для составления полновесного этимологического словаря башкирского языка. Более того, общая структура для лингвистических атласов отдельных близкородственных языков позволит, на наш взгляд, принципиально решить проблему сводимости данных в различных картографических изданиях. Решение ее может внести определенный вклад в разработку вопроса о степени родства народов региона и дать ценный фактологический материал для этноонтологической интерпретации генетических связей между тюркскими, алтайскими и уральскими языками.

Сокращения

Башк. – башкирский язык, др.-тюрк. – древнетюркский язык, казах. – казахский язык, тат. – татарский язык, чув. – чувашский язык, якут. – якутский язык.

Библиография

- Диалектологический атлас башкирского языка. Уфа: Гилем, 2005. 402 с.
Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2002. 432 с.
Жирмунский В. М. О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза // Вопросы языкознания. 1963. Вып. 6. С. 3–19.
Шайхисламова З. Ф. Топонимия северо-востока Башкортостана (историко-лингвистический анализ): моногр. Уфа, 2009. 212 с.
Шайхулов А. Г. Лингвокультурологическая картина мира как составляющая истории становления тюркоязычных народов Урало-Поволжья в контексте золотоордынской цивилизации (на материале исторической лексики: аспекты типологических и генетически контактных связей). Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 268 с.
Шайхулов А. Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики. Уфа, 2000. 490 с.
Ширалиев М. Ш. Итоги и задачи диалектологии тюркских языков СССР // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа, 1985. С. 5–7.
Эдельман Д. И. Основные вопросы лингвистической географии. М., 1968. 112 с.
An Etymological dictionary of the Altaic languages. Leiden, 2003. Vol. 1–3.

Т. Р. Душенкова

НАСЛЕДИЕ ДРЕВНИХ БУЛГАР: ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПОНЯТИЯ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются три лексемы, относящиеся к духовно-нравственным понятиям удмуртского языка, – *сьӧлык, ӧсь, веме*. По происхождению все они оказываются болгарскими заимствованиями. Экономический, политический строй Волжской Булгарии был настолько высок, что оказал огромное влияние и на ясачные народы. Вполне возможно, что имелось и религиозное давление. При этом необходимо отметить, что именно в удмуртском языке сохранилось наибольшее количество болгаризмов (около 200).

Ключевые слова: болгарские заимствования, удмуртский язык, *сьӧлык, ӧсь, веме*.

T. P. Dushenkova

HERITAGE OF THE ANCIENT BULGARS: SPIRITUAL-MORAL CONCEPTS IN THE UDMURT LANGUAGE

Abstract. This article studies the three lexical units related to spiritual and moral concepts in the Udmurt language – *sölyk, ös, vémé*. By their origin they are borrowings from the Bulgar language. Economic, political system of Volga Bulgaria was so high that it had a huge influence on peoples paying a tribute. It is possible that there was a definite religious pressure. It should be noted that it is in the Udmurt language that the largest quantity of Bulgar words (about 200) has remained.

Key words: Bulgarian borrowing, the Udmurt language, *sölyk, ös, vémé*.

В VII–VIII вв. н. э. в Среднее Поволжье проникают и широко расселяются на территориях современных Самарской, Ульяновской областей, Татарстана, Чувашии тюрки, в основном болгары, говорившие на г-тюркском языке, потомком которого является современный чувашский язык. К началу X в. болгары создали крупное государство, Волжскую Булгарию, сыгравшую важнейшую роль в истории народов Среднего Поволжья и Приуралья [см.: Напольских, 1997; Исхаков, 2010].

«Из финно-угорских народов Поволжья и Прикамья наибольшее влияние со стороны болгар и татар испытывали марийцы и удмурты. Это прослеживается как в материальной (жилище, одежде), так и духовной (музыка, фольклор) культуре, а также языке» [Тараканов, 1993, с. 23]. Ученый в удмуртском языке находит более 200 болгарских заимствований. Поскольку тюрко-удмуртские языковые связи были постоянными, это привело к сильному взаимопроникновению языкового материала. И. В. Тараканов выделяет несколько периодов: 1) добулгарский (III–V в.); 2) болгарский (с VII по XIII в.); 3) период политического и административного господства Золотой Орды и Казанского ханства (с XIII до середины XVI в.); 4) новейший период удмуртско-тюркских языковых контактов связан с падением Казанского ханства и вхождением удмуртов в состав Русского государства. Проведенный им анализ тематических групп тюркизмов показал, что в болгарскую эпоху наибольшее количество слов проникло из области сельскохозяйственного производства, животноводства, ткачества и свадебно-обрядовой номенклатуры (см: Тараканов, 1993, с. 25)¹.

В традиционном удмуртском мировоззрении всегда существовала своя шкала оценки нравственных и духовных ценностей, свои понятия, что плохо и что хорошо, нравственно и безнравственно, можно и нельзя. По отношению к удмуртскому этносу в исследовании Н. Н. Глуховой отмечается, что с этической позиции осуждались лень, глупость, жадность, пьянство, трусость, воровство, зависть, неблагодарность. Особой ценностью обладали знание, труд, а речь противопоставлялась труду, и отношение к ней было негативное. На следующем месте стоит семья, здоровье, пища, и на последнем – богатство [Глухова, 2009, с. 120–124]. Как видим, этические ценности стоят на первом месте. Рассмотрим некоторые духовно-нравственные понятия удмуртского языка, заимствованные, на наш взгляд, из болгарского языка.

Сьӧлык. Как оказалось, выражений с данным словом совсем немного, а имеющиеся носят религиозный оттенок и близки к калькам с русского языка. Попытаемся проследить историю и эволюцию его проникновения в удмуртский язык.

В удмуртском языке есть несколько выражений, в которых можно встретить данное понятие: *сьӧлыктэм вылысь сьӧлыко карыны* букв. обвинять в грехах безгрешного, т. е. грех беру на себя [Дзюина, 1996, с. 111]; *кышкад бере, сьӧлыкед трос* ‘раз испугался, значит греха много (у тебя)’ (здесь подразумевается именно *грех* в единственном числе, что характерно для удмуртского языка и его традиционного мышления, в противном случае было бы *сьӧлыктьӕсыд* ‘(твои) грехи’ – эта форма сформировалась под влиянием русского языка. – Т. Д.); *вӧсяськиз, вӧсяськиз но – сьӧлыко ик кулӧз* ‘молился, молился – грешником же и умер’ [Удмуртский фольклор, 1987, с. 188]; *со мынам сьӧлыке ӧвӧл ни* ‘это уже не мой грех’; *сьӧлыкез уг лыдьяло* букв. ‘грех не считают’; *сьӧлык сьӧлыклы пӧртэм* ‘грех греху рознь’; *сьӧлыклӧсь уд ортыч, адӟонлӧсь уд пегӟы* ‘грех не обойдешь, от судьбы не сбежишь’ [Удмуртский фольклор, 1987, с. 47].

В удмуртско-русском словаре статья *сьӧлык* рел. ‘грех || грешно’ пополнена примерами из текстов Священного писания: *сьӧлык куштон* ‘прощение грехов’; *сьӧлыкез ас вылад басьтыны* ‘взять грех на себя’; *сьӧлыктьӕсыз понна ӧбкелем* ‘раскаившийся’; *кыныз азылон сьӧлык лӧсьтон* ‘рукоблудие’; *пудо-животэн азон сьӧлык лӧсьтон* ‘скотоложество’; *тынад сьӧлыктьӕсыд куштӧсько* ‘прощаются тебе грехи твои’ и т. п. [Удмуртско-русский словарь, 2008, с. 622].

От данного корня образовались следующие слова: *сьӧлыкан* рел. ‘совершение греха’, *сьӧлыканы* рел. ‘согрешить, грешить, совершить (совершать) грех’; *сьӧлыко* рел. ‘грешный || грешник’ (*сьӧлыко адями* ‘грешный человек’); *сьӧлыкомыны* рел. ‘согрешить, стать грешным’; *сьӧлыктэм* ‘безгрешный’; *сьӧлыкам* прич. и сущ. от *сьӧлыканы*; *сьӧлыкаськон* сущ. от *сьӧлыкаськыны*; *сьӧлыкаськыны* см. *сьӧлыканы* [Удмуртско-русский словарь, 2008, с. 622–623].

¹ Изучению болгаризмов в удмуртском языке посвящены работы: Кельмаков В. К. К проблеме болгаризмов в удмуртском языке // Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра. 2004 г. Чебоксары, 2010. С. 56–70; Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с.; Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: учеб. пособие по лексикологии удмурт. яз. для студентов высш. учеб. заведений / Удмурт. гос. ун-т. Каф. удм. яз. и лит. Ижевск, 1981. 105 с.; Тараканов И. В. О болгарских заимствованиях в удмуртском языке // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка / Чуваш. НИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 97. С. 127–136; Тараканов И. В. Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР. Ижевск, 1982. С. 145–175; Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск, 1985. 171 с.

В ближайшем языке пермской группы – коми – лексема *грех* заимствована из русского языка, что, по-видимому, связано с более ранним принятием христианства в Коми крае. В коми языке для выражения греха нет исконной лексемы, но в некоторых выражениях все же сохранились коннотативные элементы, обозначающие понятие *грех*: *грек*; *ян*: *томдырся грекъяс* ‘грехи молодости’; *мынтысьны грекъясысь* ‘расплачиваться за грехи’; *яныд тай ошйö, он и төдлы* ‘и не заметишь, как грехи набираются’; *грека олöм* ‘греховная жизнь’; *грека көсйöм* ‘греховные помыслы’; разг. *мывкыдтöма овны* ‘греховничать’; *грекö вöйöм* ‘грехопадение’ и др. [Безносилова, Забоева, Коснырева, 2003, с. 170]. В кратком коми этимологическом словаре к слову *ян* дано однокоренное образование *янöдны* ‘пристыдить, опозорить, смутить’ ср. *янсапны* ‘расставаться’ [Лыткин, Гуляев, 1999, с. 337], где сема греха, вследствие, например, позора, присутствует явно.

Переходя к этимологии слова следует отметить, что в удмуртском языке лексема *сьöлык* была заимствована, как утверждает И. В. Тараканов, в болгарский период из (прото)чувацкого языка: *сьöлык* ‘грех’, мар. *сулык* ‘тж’ < чув. *ылх* **jasu* [Тараканов, 1993, с. 118].

Другой исследователь, М. Р. Федотов указывает, что в марийском языке слово заимствовано из чувашского, как и в удмуртском: удм. *сьöлык* ‘грех’, мар. *сулык* ‘тж’ < чув. [Федотов, 1996, т. 2, 1996, с. 153]. Производные формы: *сьлэх амйшö* ‘брань’ (досл. ‘порождающая грех, мать греха’); *сьлэх кёр* ‘согрешить; быть искушенным, впасть в искушение; допустить погрешность’; *сьлэхсёр* ‘безгрешный; не подчиняющийся правилам морали (о бессердечном, злом человеке)’; ср. каз., алт., тел., тур. *йазык* ‘грех; проступок, преступление; несчастье; вред; стыд’ (тур., азерб.); кирг., каз. *язык* ‘ошибка, грех’; каз. *языклы* ‘грешны’; каз., кирг. *языксыз* ‘безгрешный’ [Федотов, 1996, т. 2, 1996, с. 152–153].

В толковании этимологии чувашского слова *сьлэх* нет единого подхода. Е. А. Малов возводил *сьлэх* к еврейскому *селиха* ‘прощение, отпущение вины’ от глагола *салах* ‘уравнять, сглаживать; прощать грех кому’. В. Г. Егоров, сближая его с алт. *дызык* ‘ошибка; грех; преступление’, видит чередование *л-з*. Х. Эрен замечает, что нельзя эти слова сблизить «из-за неверного *л-з*», чув. *ылх* можно сопоставить с кыпчакским словом *ilik* ‘грех’: *ilik* < **yilik* > чув. *ылх* [Федотов II, 1996, с. 152–153]. Сам М. Р. Федотов предлагает чув. *сьлэх* возводить к др.-тюрк. *janluq* / *janılıq* ‘ошибка’ < *janıl-* ‘ошибаться, заблуждаться; совершить проступок; грешить’, усматривая чередование др.-тюрк. *-nl-* с чув. *-л-* [Федотов II, 1996, с. 153]. Возможно, что коми слова *ян* ‘грех’ и *янöдны* ‘пристыдить, опозорить, смутить’ каким-то образом связаны с др.-тюркским *janluq* ‘ошибка’.

Семантика чувашского слова *сьлэх* ‘грех, грешно; погрешность’. От него образованы следующие слова: *сьлэхлан* рел. ‘согрешить, впасть в искушение’; *сьлэхлхл* ‘грешный, виноватый’ (*Энö сьлэхлхл мар* шутил. ‘я не грешен’); *сьлэхсёр* ‘безгрешный, безвинный; непорочный’; в одном из диалектов используется в значении ‘безнравственный’ [Чувашско-русский, 1985, с. 432].

В марийском языке есть две лексемы *язык* и *сулык*, обозначающие ‘грех’: *сулыкыш пураш* ‘грешить, согрешить’, *сулыкан* ‘грешный’, *сулыкланаш* ‘грешить, согрешить’ [Марийско-русский словарь, 1956, с. 547]; *язык сулаш, язык касараш* ‘исповедоваться в грехах, искупать вину’; *языкаш пураш* ‘грешить, согрешить’; *языкан* ‘грешник, грешный’; *языкан лияш* ‘грешить, согрешить’, *языкдыме* ‘безгрешный’ [Марийско-русский словарь, 1956, с. 785]. Вторая лексема *язык* также является заимствованием (см. выше).

Мар. *сулык* и чув. *сьлэх* являются многозначными словами, а за удмуртском *сьöлык* закрепилось одно значение – грех. В марийском и чувашском языках имеются следующие семы: *грех, ошибка, погрешность*. В коми языке слово заимствовано из русского языка, а в удмуртском используется лексема *сьöлык*.

Таким образом, лексема *сьöлык* в удмуртском языке была заимствована из древнечувашского языка в болгарский период. Для обозначения понятия *вина, ошибка* в удмуртском языке используется слово *янгыш*, а чувашское и марийское слова совместили в себе несколько значений.

Öсь. В словаре удмуртского языка слово *öсь* сопровождается пометой *диал.* и имеет значение ‘мечь’ (*öсьсэ берыктыны* ‘отомстить’) [Удмуртско-русский словарь, 2008, с. 504]. В работе Т. К. Борисова приводятся два варианта написания данной лексемы в одной словарной статье: *öсь, öч* ‘злостно, злостный, злостное сопротивление, злоба, досада’ [Борисов, 1991, с. 212]. В первом словаре они представлены как два разных слова: *öч* ‘злостный || злостно; злоба’ [Удмуртско-русский словарь, 2008, с. 505] и *öсь* ‘мечь’ [Удмуртско-русский словарь, 2008, с. 504].

Главная сема в слове *öч* связана с понятием злобы (злости), т. е. «раздражение или негодование, часто с желанием сделать что-нибудь неприятное объекту этого чувства» [Летягова, 2006, с. 129] и с досадой, о чем свидетельствует пример Т. К. Борисова (см. выше). Рассмотрим несколько из них: *öч карон* ‘злостное сопротивление, досада’; *нылти öчкаре* ‘ребенок делает что-л[ибо] назло; упрямится’ (обратите внимание,

что слово написано слитно со вспомогательным глаголом *каре* ‘делает’, а далее в примерах дано раздельное написание – *Д. Т.*); *о́ч карон* ‘упрямство’; *о́ч карыны* ‘упрямиться’ [Борисов, 1991, с. 212].

В удмуртских словах, образованных от корня *о́ч-*, появляется сема упрямства и спора: *о́чкес*, *о́чес* ‘упрямый (*о нраве, характере*)’; *о́чкес сям* ‘упрямый (строптивый) характер’; *о́чкарьись* ‘упрямый || упрямец’; *о́чкарон* ‘упрямство’; *о́чкарыны* ‘сделать (делать) наперекор (назло); упрямитесь’; *юри о́чкаре* ‘он нарочно делает назло’; *о́чешыны* ‘спорить, держать пари, биться об заклад’ [Удмуртско-русский словарь, 2008, с. 505]. Согласитесь, что желание спорить присуще человеку с упрямым характером, которому просто необходимо доказать свою правоту.

Помета в удмуртско-русском словаре *диал.* говорит о диалектном употреблении, хотя некоторые формы словоупотребления являются общелитературными, напр. *о́ч карыны* ‘упрямиться’, *о́чкарон* ‘упрямство’.

Кроме того, в обоих словарях приведено междометие *о́ч-о́ч-о́ч*, которое выражает ‘презрение и брезгливость: тыфу! тыфу!’), как пишет Т. К. Борисов [Борисов, 1991, с. 212]; или сожаление ‘ах, как жалко’ [Удмуртско-русский словарь, 2008, с. 505]. Скорее всего, междометие является случайным фонетическим совпадением.

Другая словоформа *о́сь* связана с семей «мечь». В данном случае интерес представляет то, что в удмуртском языке слово *о́сь* осталось лишь в двух выражениях – *о́сьсэ берыктыны* ‘отомстить’ и *о́сьсэ уг берыкты* ‘не мстит’.

Лексема *о́сь* в языке осталась закрепились только в этих словосочетаниях. И более того, вышла из активного употребления. Другой корень *о́ч* оказался продуктивным с точки зрения словообразования и перешел в литературный язык. Зачастую наличие вспомогательного глагола *карыны*¹ ‘делать’, как в примерах *о́ч карон* ‘упрямство’; *о́ч карыны* ‘упрямиться’, говорит о том, что слово заимствовано. Именно таким способом удмуртский язык до сих пор усваивает иноязычную лексику (ср. *ксерить карыны*, *жарить карыны* и т. п.).

В современном удмуртском литературном языке в значении отомстить используется выражение *пунэмзэ берыктыны*. В удмуртско-русском словаре лексема *пунэм* означает ‘долг, заём || заёмный’; *пунэм басьтон (сётон)* ‘кредит’; *пунэмзэ берыктыны* ‘вернуть взятое в долг (взаймы)’, а в переносном значении – ‘мечь, отмщение, расплата’ [Удмуртско-русский словарь, 2008, с. 561].

В наиболее близком коми языке есть выражение *водзоссо оз босьт (бергод)* ‘долг не возвращает, сдачи не дает’ [Безносилова, Забоева, Коснырева, 2003, с. 202] – так говорится о человеке миролюбивом, не злопамятном, который мухи не обидит. С первого взгляда в данной лексеме хочется выделить общий корень, но при анализе выявляется, что *водз-* ‘перед’, *-ос-* продуктивный суффикс, *-со* – суффикс винительного падежа. Словоформы совершенно разные, зрительное и слуховое восприятие выражения обманчиво, хотя семантика близка.

Поиски языка заимствования привели к тюркским языкам. И. В. Тараканов фиксирует в своем словаре: *о́ч карыны*, *о́с' карънъ* бавл., к., бт. ‘упрямиться’ < тат. *у́ч*, башк. *у́с*; **о́ч* ‘мечь, гнев’ [Тараканов, 1993, с. 105].

В башкирском языке *у́с* ‘мечь, злоба’; *у́с алыу* или *у́сен айтарыу* ‘мстить, отомстить кому, вымещать, выместить что’ [Башкирско-русский словарь, 1958, с. 590]. Как видим, по семантике и по звучанию оно практически совпадает. В чувашском языке находим еще одну словоформу – *усал* ‘зло, вред; злой, вредный’ [Чувашско-русский словарь, 1985, с. 516].

М. Р. Федотов к словам *усал / осал* приводит значение ‘злой; нехороший, недобрый; жестокий; зло; вред; черт (брань); нечистый дух, нечистая сила; несчастье, беда, бедствие’ [Федотов II, 1996, с. 290]. Более того, ученый находит не только в марийском языке *осал* ‘злой; плохой’, *осаллык* ‘злость, злоба’, но и в мокшанском мордовском – *осал* ‘худой, исхудалый, тощий; плохой’ – и связывает их происхождение с тюркскими языками.

В современном удмуртском языке используется фразеологизм *пунэмзэ берыктыны* ‘отомстить’ (букв. ‘вернуть долг’). Слово сочетание *о́сьсэ берыктыны* ‘отомстить’ (букв. ‘вернуть зло’) практически забыто и сохранилось лишь в фольклорных текстах и словарях. Хотя другая форма *о́ч* активно используется и в речи и в литературном языке. Таким образом, следует предположить, что лексема *о́сь / о́ч* в удмуртский язык пришла из какого-то тюркского языка. В эту же пользу говорит и помета *диал.* по отношению к слову *о́сь*

¹ См. работы: Каракулова М. К. Спаренные глаголы в удмуртском языке: дис... канд. филол. наук: 10.02.07 / АН СССР. Институт языкознания. М., 1988. 175 с.; Кельмаков В. В. Спаренные глаголы в удмуртском языке (на материале кукморского диалекта) // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1975. Вып.3. С. 90–195; Тараканов И. В. Аналитические глагольные образования в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 2. С. 3–7.

(предположительно южные и периферийно-южные говоры, т. к. из устных сведений информантов в северных говорах такого слова нет). То, что корень встречается в марийском, мордовском, удмуртском, чувашском и башкирском языках, говорит о более раннем времени его проникновения. Поэтому данное духовно-нравственное понятие могло быть заимствовано в эпоху наиболее сильного влияния болгарской или тюркской культуры на удмуртов. Наши наблюдения лишь еще раз подтверждают данные авторитетных исследователей [Тараканов, 1993; Напольских, 1997; Атаманов, 2010].

Веме. В удмуртском языке существует лишь два слова с данным корнем: *веме* ‘помочи; толока обл. (работа всем крестьянским обществом)’ и *вемечи* ‘помочанин, участник в помочах’. От них образовались следующие словосочетания: *веме карись (лэсьтйсь)* ‘устраивающий помочи; толочник обл.’; *веме карыны (лэсьтыны)* ‘устраивать помочи’; *зег аран веме лэсьтыны* ‘устроить помочи при уборке ржи’; *вемечиос трос* ‘помочан много’ [Удмуртско-русский словарь, 2008, с. 112]. Судя по тому, что данное слово в удмуртском языке представлено лишь этими формами, следует предположить о его заимствованной природе. Ближе всего по звучанию и написанию стоят тюркские слова из чувашского и татарского языков. Хотя сама традиция *веме* оказывается распространенным у многих народов, принадлежащих к аграрному типу культуры и хозяйствования.

К этимологии данного слова следует привести следующие примеры. И. В. Тараканов в одной из своих работ отмечает, что удмуртское «*веме* ‘помощь, коллективная помощь’; мар. *вўма, вима, мўма*, марГ. *вима* < чув. *виме, миме, ниме*, тат., башк. *өмә* ‘тж.’» [Тараканов, 1993, с. 49]. Р. Г. Ахметьянов пишет, что в марийском слово является чувашским заимствованием [Ахметьянов, 2001, с. 159]. Визуально и семантически татарское *өмә* ‘помочь, подмога в сельских работах; коллективная помощь’ [Федотов, 1996, с. 358] фонетически очень похожа на удмуртский вариант.

В коми языке данное понятие обозначается словом *отсӧг*, что ничего общего не имеет с удмуртским *веме*. Таким образом, следует предположить, что само слово могло быть заимствовано из тюркских языков. Эти языки были в тесном контакте с удмуртским. И экономические, и трудовые отношения были довольно крепкими и тесными. Сама традиция взаимопомощи оказалась универсальной для многих народов аграрного круга, но лексемы оказались разные. Для Урало-Поволжья более характерны формы *ниме / вўма, вима / веме / өмә*.

Чувашское *ниме* ‘помочь уст. (коллективная помощь)’; *нўрт ними* ‘помочь в строительстве избы’; *ниме халӑхӑ* ‘помочане, собравшиеся на помочь, люди’ [Чувашско-русский словарь, 1985, с. 257]. Обычай взаимопомощи у чувашей *ниме / миме* рассмотрела в своей статье исследователь Е. А. Ягафова [Ягафова, 2014, с. 113–119], где подробно описаны традиционные формы и современные особенности его бытования.

В марийском языке это слово приобретает уже очень близкую к удмуртскому языку звучание – *вима* ‘помощь’ [Марийско-русский словарь, 1956, с. 66], *вўма* ‘общественная помощь; помочь’ [Марийско-русский словарь, 1956, с. 87] и производное от них слово *вўмазе* ‘участник помочи’. Кроме этих лексем других слов нет, что также может говорить о заимствовании.

Семантика и употребление корня в татарском языке соответствуют предыдущим языкам (чувашскому, марийскому, удмуртскому). Татарское *өмә* ‘помочь, подмога в сельских работах; коллективная помощь; субботник; воскресник’; *бура өмәсе* ‘коллективная помощь при постройке дома’; *каз өмәсе* ‘коллективная помощь по ошипыванию зарезанных гусей’ [Попова, 2014; Касимов, 2014]; *печән өмәсе* ‘коллективная помощь по заготовке сена’; *тула өмәсе* ‘коллективное валяние домотканного сукна’; *урак өмәсе* ‘коллективная помощь при жатве’; *шимбә өмәсе* ‘субботник’; *якшәмбе өмәсе* ‘воскресник’; *жәп эрләү өмәсе* ‘супрядки’ [Татарско-русский словарь, 1966, с. 739]. Очень близко по фонетическому звучанию к удмуртскому языку слово *өмәче* ‘участник коллективной помощи’ (ср. в удмуртском *вемечи*).

Таким образом, с полной уверенностью можно говорить о том, что лексема *веме* была заимствована из тюркских языков (болгарского), как и в марийском, благодаря близким языковым, экономическим и др. контактам. Институт взаимопомощи был распространен практически у всех народов Европы, имеющих аграрный тип производства.

Подводя итоги, следует отметить, что многие этические и духовно-нравственные понятия удмуртского языка оказываются заимствованными из болгарского языка. Здесь приведены только три лексемы. Следует предположить, что влияние болгар не ограничивалось бытовой, экономической, политической сферами. Вполне возможно, что оказывалось определенное религиозное давление, ибо не было бы необходимости заимствовать такие слова как *сьӧлык* ‘грех’, *ӧсь* ‘мечь’ *веме* ‘помочи’ и т. п.

Несмотря на то, что в болгарском государстве господствующей идеологией был ислам, это не мешало удмуртам-язычникам принять многие понятия духовно-нравственного уровня из болгарского языка. Они с успехом прижились в удмуртском языке и прочно вошли в его тезаурус. Но каждое из этих слов приживалось по-разному: многие заимствованные слова до сих пор традиционно используются со вспомогательными глаголами (*ӧч карыны, ӧсьсэ берыктыны, веме карыны*); не все лексемы

образовали дериваты; но есть и такие, которые были хорошо и продуктивно освоены языком и послужили образованию огромного количества однокоренных слов (*сьӧлык, сьӧлыко, сьӧлыкан, сьӧлыканы, сьӧлыкаськыны* и др.).

Учеными доказано (И. В. Тараканов, В. В. Напольских и др.), что количество болгаризмов и вообще следов болгарского языкового влияния в нетюркском удмуртском языке на порядок больше, чем в татарском. Данные понятия являются ярким примером тому, как удмуртский язык законсервировал их в своем лоне. Болгарское наследие оказало влияние на формирование духовно-нравственных понятий, обеспечивая тем самым преемственность и языкового мышления.

Сокращения

Азерб. – азербайджанский язык, алт. – алтайский язык, бавл. – бавлинский диалект удмуртского языка, башк. – башкирский язык, бг. – буйско-танышские говоры удмуртского языка, досл. – дословно, др.-тюрк. – древнетюркский язык, к. – кукморский диалект удмуртского языка, каз. – казахский язык, кирг. – киргизский язык, мар. – марийский язык, прич. – причастие, рел. – религиозное, сущ. – существительное, тат. – татарский язык, тел. – телеутский язык, тур. – турецкий язык, удм. – удмуртский язык, чув. – чувашский язык, шутл. – шутливое.

Библиография

- Атаманов-Эграпи М. Г. Происхождение удмуртского народа: Монография. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.
- Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. 272 б.
- Башкирско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. 804 с.
- Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Около 15 тыс. слов. Ижевск: Удмурт. ин-т ист., яз. и лит., 1991. 384 с.
- Глухова Н. Н., Глухов В. А. Система ценностей финно-угорского суперэтноса: монография. Йошкар-Ола: Стринг, 2009. 276 с.
- Дзюина К. Н. Средства образного выражения в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртия, 1996. 144 с.
- Исхаков Д. Арские князья и нукратские татары. (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань: Фэн, 2010. 224 с.
- Каракулова М. К. Спаренные глаголы в удмуртском языке: дисс...канд. филол. наук: 10.02.07. М., 1988. 175 с.
- Касимов Р. Н. Обычай взаимопомощи в календарной обрядности чепецких татар // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2014. Вып. 2. С. 45–51.
- Кельмаков В. В. Спаренные глаголы в удмуртском языке (на материале кукморского диалекта) // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1975. Вып.3. С. 90–195.
- Кельмаков В. К. К проблеме болгаризмов в удмуртском языке // Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра. Чебоксары, 2010. С. 56–70.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. 2-е изд. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.
- Летягова Т. В., Романова Н. Н., Филиппов А. В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь. 2-е изд., испр. М.: Флинта, 2006. 424 с.
- Марийско-русский словарь / сост. А. А. Асылбаев, В. М. Васильев, П. Г. Рыбакова, А. А. Саваткова, З. В. Учаев. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1956. 864 с.
- Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику: моногр. Ижевск: Удмурт. ин-т ист., яз. и лит., 1997. 268 с.
- Попова Е. В. Социальные и ритуальные аспекты трапез // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2014. Вып. 2. С. 97–105.
- Безносикова Л. М., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Русско-коми словарь / Ин-т яз., лит. и ист. Коми науч. центра Урал. отд-ния РАН; под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 1104 с.
- Тараканов И. В. Аналитические глагольные образования в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 2. С. 3–7.
- Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: удмуртско-тюркские языковые контакты / науч. ред. Г. А. Ушаков. Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с.
- Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. Ижевск, 1981. 105 с.
- Тараканов И. В. О болгарских заимствованиях в удмуртском языке // Труды. Чебоксары, 1980. Вып. 97: Проблемы исторической лексикологии чувашского языка С. 127–136.
- Тараканов И. В. Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 145–175.
- Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (теория и словарь). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 170 с.
- Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск, 1985. 171 с.
- Татарско-русский словарь / под ред. М. М. Османова. М.: Советская энциклопедия, 1966. – 863 с.
- Терентьева О. Н. Ценностный мир чувашей: нравственность и мировосприятие / Чуваш. гос. ин-т гуманист. наук. Чебоксары, 2011. 34 с.
- Удмуртско-русский словарь / сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; отв. редактор Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.
- Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы и поговорки / составитель Т. Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. 276 с.
- Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары, 1996. Т. 2. 509 с.
- Чувашско-русский словарь / Андреев И. А., Горшков А. Е., Иванов А. И. и др.; под ред. М. И. Скворцова. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. 712 с.
- Ягафова Е. А. Ниме / миме – обычай взаимопомощи у чувашей: от традиции к современности // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2014. Вып. 2. С. 113–119.

АСИММЕТРИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПЕРЕВОДАХ ЧУВАШСКИХ ПОЭТОВ

Аннотация. В работе рассмотрена проблема асимметрии в переводах с русского, немецкого на чувашский язык, отражающая различие в языковых картинах мира переводчика и автора. Объектом исследования стали известные поэтические произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и И. В. Гете.

Ключевые слова: асимметрия, языковая картина мира, дискурс, концепт, ментальные, идиоэтнические знания.

I. K. Ivanova

ASYMMETRY OF LINGUISTIC WORLDVIEW IN TRANSLATIONS OF CHUVASH POETS

Abstract. The problem of asymmetry in translations from Russian, German into the Chuvash language, reflecting the difference in the linguistic worldview of a translator and the author, is considered. The objects of the study were famous poetic works of A. Pushkin, M. Lermontov and I. V. Goethe.

Keywords: asymmetry, language picture of the world, discourse, concept, mental, idioethnic knowledge.

В последнее время явление асимметрии привлекает внимание многих исследователей в аспекте междисциплинарных связей. Лингвистическая синергетика оказалась наиболее привлекательной и загадочной, и это связано с ее главной задачей: моделирования динамической картины мира, где понятие «языковая картина мира» стало одним из центральных. Языковая картина мира включает в себя как минимум два главных аспекта: когнитивную сущность, отражающую логическое и чувственное познание социума, семиотическую составляющую, представленную языковым концептом [Евдокимова, 2017, с. 50], т. е. языковая картина мира это особая форма существования культуры, несущая ментальные, идиоэтнические знания. Асимметрия языковых картин мира проявляется на всех уровнях языковой системы: фонетическом, грамматическом, лексическом, синтаксическом, фразеологическом, затрагивая и план содержания, и план выражения. Асимметрия выступает как отступление от упорядоченности в строении языка, что приводит на лингвистическом уровне к появлению полисемии и синонимии. Сопоставление лексических систем разных языков, которые оказываются в контакте в процессе перевода, это сопоставление языковых картин мира. Дискурс писателя может не совпадать с дискурсом переводчика, и тогда асимметрия может выражаться на всех уровнях. План содержания, отражающий образ мышления, может быть построен исключительно на асимметрии, план выражения ограничен речевыми нормами. В одном языке понятие может существовать, а в другом его может не быть.

Должен учитываться и такой факт: а какую задачу ставил перед собой переводчик – приблизить максимально к тексту оригинал или передать основное смысловое значение. Анализ оригинальных текстов на русском языке и текстов переводов позволяет убедиться в том, что переводчики, воспринимая явления иной культуры через призму собственной, довольно часто представляют явления чужой культуры глазами культуры «переводящей». Искажения информации происходят чаще всего потому, что наблюдается асимметрия в отражении картины мира русским и каким-либо иным языком.

Рассмотрим асимметрию на примере переводов П. Хузангая классических произведений русской литературы и перевод Н. А. Андреева-Урхи трагедии И. В. Гете «Фауст».

Сопоставление русских и чувашских переводных текстов позволяет отметить стремление писателя к передаче точности в размере стиха и дословного перевода. Обращаясь к классическим произведениям М. Лермонтова и А. Пушкина, П. Хузангай скрупулезно подбирает слова. Анализ стихотворения «Выхожу один я на дорогу» [Лермонтов, 1951, с. 21] показал, что к трансформации (замене формы слова, части речи, членов предложения) переводчик обращается в крайнем случае. Но с первой строки он меняет порядок слов в предложении в угоду рифме и ритмике стиха, ср.:

Выхожу один я на дорогу.

Пёр-пёччен эп сул çине тухатӓп.

(Букв.: Совсем один я на дорогу выхожу.)

Также к подобного рода трансформации можно отнести и нарушение последовательности строк в четвертой и пятой строфе:

*Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь.*

*Кӓкӓр лӓпкӓн сывласа хӓпартӓр,
Чёрё пурнӓç таптӓр чёрере.*

(Букв.: Пусть грудь тихо дыша поднимается / сердца жизнь бьется в сердце.)

Обращает на себя внимание и замена эпитетов *жизни сила* на *жизнь сердца*, в семантическом аспекте – это замена одного концепта на другой в силу ментальности. По этому же принципу происходит подмена в последней строфе:

*Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел.*

*Çёрён-кунён юрату юрлатӓр,
Сассипе мана савӓнтарса.*

(Букв.: Пусть постоянно любовь поет, / голосом меня радуя.)

Безличная принадлежность *сладкого голоса* заменена сладкоголосой любовью, образ которой становится конкретным и определенным, а деепричастие *леля* сменилось сочетанием *пусть поет, радуя*. Авторская аллитерация, основанная на повторении звуков *л* и *сл* получила логическое соответствие в чувашской звукописи это слоги *юр* и *са*. Безличность, появляющаяся в последней строфе, отражает нерасчлененность внешнего и внутреннего мира человека. Исследователь А. Вежбицкая объясняет обилие бессубъектных конструкций особым мироощущением русскоговорящего человека, а именно его склонностью к фатализму и иррациональному познанию [Вежбицкая, 1997, с. 76]. В противоположность этому, одним из центральных понятий чувашского менталитета является негибкость, неунываемость и выживаемость, выраженные в слове *антраманлăх*. Сознание чувашского этноса более конкретно и рационально, поэтому второстепенные члены предложения заменяются сказуемыми. В ракурсе сравнения русской и чувашской ментальности типологическое сходство обнаруживается в стремлении жить артелью [Сарбаш, 2017, с. 126].

В переводе стихотворения А. Пушкина «А. П. Керн» [Пушкин, 1949, с. 65] обращают на себя следующие трансформации: перестановка строк и также прием градации, который П. Хузангай применил для создания образа прекрасного «видения»:

*Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистый красоты.*

*Нихсан асран кайми пёртен-пёр
Самант çутатрĕ пурнăçа:
Таса илемлĕх гени евĕр
Эс курăнсаттăн ман куçа.*

(Букв.: Навсегда незабываемая единственная / в мгновенье жизнь осветила / как чистый прекрасный гений, / как мимолетное виденье.)

И наоборот, в четвертой и шестой строфе из всем знакомого рефрена выпадает один из эпитетов – божество:

*И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.*

*Хавхалану та, юрату та,
Куççуль те, пурнăç та – тулли.*

(Букв.: И вдохновенье, и любовь, / и слезы, и жизнь – полны.)

Такой прием опущения кажется вполне оправданным переводчику, когда касается семантической избыточности слов, но в данном конкретном случае можно предположить о неприемлемости использования данного эпитета в рамках времени и идеологии (советской) создания переводного текста.

В переводе «Вакхической песни» [Пушкин, 1949, с. 67] мы вновь встречаемся с приемом перестановки строк в четвертой строфе, но больше обращают на себя внимание несколько слов, перевод которых может показаться неточным. *Веселия глас* первой строки переводится как *ян сасăсем*, создавая новую метафору, а *заветные кольца* переводятся как *телей çĕррисем*, т. е. *счастливые кольца*, также как восхваление разума в чувашском переводе уточняется и восхваляется *чистый или ясный разум – уяр ас*, что вносит новый смысловой оттенок. «Вакхические песни» возникают как мотив в авторском стихотворении П. Хузангай «Танго» [Хузангай, 1987, с. 209]. Многие исследователи видели в этом связь с персидской поэзией, но здесь и указание на классическую связь с поэзией А. Пушкина, над произведениями которого П. Хузангай много работал как переводчик, и связь с образом Фауста из одноименной трагедии И. В. Гете, поднимающего свою чашу с ядом, но остановленного колокольным звоном в день воскресения Господня и воскресшим для новых испытаний, преподнесенным Мефистофелем [Иванова, 2017, с. 530].

Переводом «Фауста» занимался другой известный чувашский специалист Н. А. Андреев-Урхи. Текстологический анализ указывает на то, что перевод был произведен по классическому тексту Н. Холодковского, и здесь мы встречаемся как бы с двойным переводом. Возьмем отрывок из пролога на небесах, в частности, вступительный монолог Мефистофеля перед богом [Гете, 1979, с. 35]. В общих чертах это близкий подстрочник с сохраненной рифмой, но есть ряд отличий. При сравнительном анализе текста оригинала (немецкого) [Goethe, 1982, с. 18], перевода Н. Холодковского (русского) и чувашского различия касаются названий представителей животного мира:

*Er scheint mir, mit Verlaub von euer Gnaden
Wie eine der langbeinigen Zikaden
Die immer fliegt und fliegend springt.*
(Букв.: С позволения Вашей милости, / какой-то длинноногой цикадой, / которая все время летает и скачет, летя, подлетая, / помогая скачку крыльями).

*Он на вид –
Ни дать ни взять кузнечик долгоногий,
Который по траве то скачет, то взлетит.*

*Он на вид –
Ни дать ни взять кузнечик долгоногий,
Который по траве то скачет, то взлетит.*

*Вăл чăннипе
Хай тунахар уй шăрчăкĕ майлах –
Сиксе çўрет çаран çинче.*

Как видно из примеров, Мефистофель И. В. Гете сравнивает человека с цикадой, а не с кузнечиком, так слово *кузнечик* звучит на немецком языке как *Grashüpfer*. И. В. Гете был не только поэтом, но и ученым, который наряду с физикой, оптикой, минерологией, учением о прафеномене, занимался морфологией растений и животных, поэтому различие в наименовании становится примером языковой асимметрии [Иванова, 2006, с. 174]. Цикада – прыгающее насекомое с прозрачными крыльями, издающее характерный стрекот, это вовсе не кузнечик, это скорее большая муха. Андреев-Урхи переводит с русского текста именно как кузнечик.

В этом же монологе Мефистофель сравнивает человеческое существование с животным, что было переведено следующим образом:

Er nennt`s Vernunft und braucht`s allein

Nur tierischer als jedes Tier zu

Он называет его разумом, а использует его лишь / для того, чтобы

быть / еще / более животным, чем любое животное.

Свойство это

Он на одно лишь смог употребить –

Чтоб из скотов скотиной быть!

Свойство это

Он на одно лишь смог употребить –

Чтоб из скотов скотиной быть!

Çакна йс тет, анчах въл ус курать унна

Хай сыснаран сысна кйна пулма!

Переводчик использовал не нейтральное слово *животное* из немецкого перевода, не слово со сниженной лексической наполненностью *скот*, а слово, которое в чувашском языке может употребляться и как общепотребительное, и как жаргонное. Такое употребление становится оправданным, если задача переводчика состояла в приближении смыслового значения. Таким образом, план содержания становится важнее плана выражения, и языковая картина мир переводчика находит отражение в лексической асимметрии.

Библиография

- Вежбицкая А. Язык, культура, познание. М.: Русские словари, 1997. 412 с.
- Евдокимова О. К., Ляпаева Л. В., Федяй С. В. Концепт «сад» в русской и чувашской литературе XIX–XX вв. (А. П. Чехов, И. А. Бунин А. С. Артемьев) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2017. № 3. С. 50–58.
- Иванова И. К. Символика романа И. В. Гете «Избирательное сродство» // Вестник Чувашского университета. 2006. № 5. С. 173–181.
- Иванова И. К. О некоторых рецепциях С. Есенина и А. Блока в творчестве П. Хузангая // Русский язык в диалоге культур. Саранск, 2017. С. 528–533.
- Гете И. В. Фауст. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1979. 256 с.
- Пушкин А. Сăвăсем. Шупашкар: Чăвашгосиздат, 1949. 80 с.
- Лермонтов М. Сăвăсем. Шупашкар: Чăвашгосиздат, 1951. 158 с.
- Сарбаш Л. Н. Инонациональное этнографическое направление русской литературы XIX века: репрезентация полиэтнической Волги // В Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2017. № 3. С. 122–128.
- Хузангай П. Вечерняя тень: стихотворения. М.: Современник, 1987. 284 с.
- Goethe J. W. Faust: der Tragodie Erster Teil. Berlin: Rutten Loening Verlag, 1982. 420 S.

Э. А. Исламова, Р. М. Болгарова

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ СТУДЕНТОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Аннотация. В статье рассматривается роль ассоциативного эксперимента в исследовании языкового сознания. Проанализированы и выделены общие и специфические черты ассоциативных полей лексем *эш* в татарском языке и *работа* в русском. Проведенное исследование имеет практическую значимость, так как полученные результаты представляют собой ценный и достаточно надежный материал для изучения определенных фрагментов языкового сознания студентов, национально-специфических явлений, ценностных ориентаций.

Ключевые слова: языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, стимул, реакция, ассоциативное поле, татарский язык.

E. A. Islamova, R. M. Bolgarova

LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF STUDENTS THROUGH THE PRISM OF AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT

Abstract. This article discusses the role of associative experiment in the study of linguistic consciousness. General and specific features in associative fields of lexemes *ash* in the Tatar language and *work* in the Russian language are analyzed and highlighted. The study performed has a practical significance, as the results are valuable and sufficiently reliable material for the study of certain fragments of students' language consciousness, national-specific phenomena, value orientations, etc.

Keywords: linguistic consciousness, free associative experiment, incentive, reaction, associative field, the Tatar language.

Характерной приметой современной лингвистики является переход к антропоцентрической парадигме. Языковедческие исследования ведутся в тесной взаимосвязи с сознанием, картиной мира, национальной культурой народа.

В исследованиях по когнитивной лингвистике и психолингвистике широко распространился термин «языковое сознание». Это понятие ввел в науку Вильгельм фон Гумбольдт: «Язык в своих взаимозависимых связях есть создание народного языкового сознания» [Гумбольдт, 1985, с. 396–397].

В работах отечественных лингвистов Ю. Н. Караулова, А. А. Залевской, Е. С. Кубряковой, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой и др. языковое сознание рассматривается как совокупность образов сознания, формируемых и выражаемых внешними, языковыми средствами.

Языковое сознание, как отмечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, изучается экспериментально, в частности, при помощи ассоциативного эксперимента [Язык, 2002, с. 11], так как мы можем исследовать сознание только через продукты его деятельности. Ассоциативный эксперимент представляет собой опрос информантов, объединенных языком, возрастом, профессией, регионом проживания и т. п., с целью выявления их ассоциаций на предлагаемый стимул. Среди ассоциаций есть как индивидуальные, субъективные, связанные с личным опытом, так и присущие группе людей. Реакции носителей языка на слово-стимул образуют ассоциативные поля, на основе которых возможно моделирование определенных фрагментов языкового сознания.

В татарском языкознании проблема языкового сознания начала исследоваться сравнительно недавно [Замалетдинов, 2016].

В нашем исследовании применялся свободный ассоциативный эксперимент в форме анкетирования, в ходе которого испытуемый в ответ на слова-стимулы реагирует первым пришедшим на ум словом или словосочетанием. Для анкет были подобраны наиболее частотные лексемы, на которые респонденты должны были отреагировать соответствующими словесными реакциями. Информантами выступили более 350 студентов разных высших и средних специальных учебных заведений г. Казани – носители татарского языка в возрасте 18–25 лет. Экспериментом были охвачены студенты разных специальностей (будущие филологи, экономисты, строители, ветеринары, энергетики), гендерный признак представлен в равной пропорции.

Рассмотрим ассоциативное поле лексемы *эш* ‘работа’, полученное в результате наших экспериментов.

Данное слово-стимул вызвало у молодых носителей татарского языка широкий диапазон ассоциаций. Из 364 реакций на данный стимул число разных реакций 82, единичных реакций – 44. Важными составляющими коллективного ассоциативного поля являются лексемы *авыр* ‘тяжелый’ (46 реакций); *акча* ‘деньги’ (44 ответа); *күп* ‘много’ (42); *хезмәт* ‘труд’ (30). Опрашиваемые воспринимают работу как нелегкий труд, основная цель работы современного человека – это заработная плата, деньги, получаемые за труд. На результатах эксперимента сказался тот факт, что большинство опрашиваемых были выходцы из сельских районов Республики Татарстан. Работа в деревне издревле являлась средством пропитания семьи, зачастую она была тяжелой, связанной с обработкой земли, а татарский народ с давних пор славился своим трудолюбием. Поэтому в сознании носителей татарского языка работа ассоциируется также с лексемами и словосочетаниями *эшләргә* ‘работать’ (10); *кирәк* ‘надо’ (9); *эшләү* ‘работать’ (8); *көч* ‘сила’ (7); *ару* ‘установить, устать’ (6); *авырлык* ‘тяжесть, тягота, трудность’ (3); *тырыш* ‘старательный, упорный’ (3); *бетми* ‘не кончается’ (2); *куәт* ‘сила’ (2); *бакчада эшләү* ‘работать в саду’ (1); *кайный* ‘кипит’ (1); *өстәлдә* ‘добавилась’ (1); *ташырга* ‘возить, носить, таскать’ (1); *утын ташу* ‘возить, носить, таскать дрова’ (1).

Опрашиваемые во многих случаях воспринимают работу как деятельность, реагируют ассоциациями-действиями: *эшләргә* ‘работать’ (10); *эшләү* ‘работать’ (8); *ару* ‘установить, устать’ (6); *эзләргә* ‘искать’ (3); *табу* ‘найти’ (2); *эшли* ‘работает’ (2); *булышырга* ‘помогать’ (1); *бетә* ‘заканчивается’ (1); *кайный* ‘кипит’ (1); *өстәлдә* ‘добавилась’ (1); *ташырга* ‘носить, таскать’ (1); *тора* ‘стоит’ (1); *утын ташу* ‘носить, таскать дрова’ (1); *югалту* ‘терять, потерять’ (1). Информанты при этом нередко дают определенную характеристику данного процесса (быстро, медленно, положительное или отрицательное качество). В большинстве случаев выражается положительное отношение к труду, работе как необходимой и важной составляющей жизни: *кирәк* ‘надо’ (9); *сөю* ‘любить’ (6); *яраткан* ‘любимая (работа)’ (3); *яратам* ‘люблю’ (1); *яшәү* ‘жить’ (1).

Ряд ассоциаций носит качественный характер. Так, ассоциативное поле лексемы *эш* распространяется на такие имена прилагательные, как (в порядке убывания) *тяжелая, легкая, хорошая, старательный, любимая, хорошая, кипучая*. Данные лексемы во многом связаны с личностными характеристиками, представлениями человека о работе. Наши респонденты мечтают о любимой работе, которая будет приносить удовлетворение и достойный заработок.

Лексема *эш* у многих студентов ассоциируется с рядом других имен существительных, среди которых: сила, время, лопата, отдых, сад, топор, день, обед, место, дерево, поле, Казань, день, понедельник, грязные

руки, пила, редакция, трактор, лен и др. Эти ассоциации возникают в результате сближения в сознании данных предметов, явлений с процессом работы: одни предметы необходимы для выполнения той или иной деятельности (большинство связано с физическим трудом), некоторые ассоциации указывают на место и время работы (редакция, Казань, сад, поле, понедельник), а другие ассоциации – это непосредственно качественные характеристики работающего (сила, грязные руки и др.).

Материалы проведенных нами ассоциативных экспериментов сопоставлялись с данными «Славянского ассоциативного словаря» (2004), построенного на результатах массового эксперимента, проведенного в 1998–1999 гг. методом письменного анкетирования с носителями белорусского, болгарского, русского и украинского языков. Согласно «Славянскому ассоциативному словарю», высокочастотными реакциями носителей русского языка на лексему-стимул *работа* являются *деньги* 38; *труд* 37; *не волк* 32; *дело* 28; *любимая* 21; *хорошая* 19; *трудная* 17; *отдых* 16; *тяжелая* 14; *забота* 13; *интересная* 11; *усталость* 8; *волк, дом* 7; *зарплата, надоела* 6; *безделье, лен* 5; *большая, жизнь, занятие, занятость, радость, учитель* 4; *выполнена, долг, дома, домашняя, есть, ждет, завод, интересно, каторга, над собой, нужна, офис, плохая, плохо, профессия, скучная, ужас, успех, хорошо* 3 [Уфимцева, 2004, с. 190]. Реакции носителей татарского и русского языков во многом совпадают, особенно самые частотные: *деньги* 38; *труд* 37; *дело* 28. Молодежь мечтает найти хорошую, интересную и высокооплачиваемую работу. Однако носители русского языка чаще ассоциируют работу с офисом (*офис* 3, *адвокат, бизнес, карандаш, клавиша, компьютер, пишущая машинка, программирование, солидный костюм* 1), хотя присутствуют и единичные реакции типа *в поле, лопата, молоток*.

У русскоязычных студентов более разнообразны и многочисленны ассоциаты с отрицательной коннотацией и сниженной стилистической характеристикой: *надоела* 6; *безделье, лен* 5; *каторга, плохая, плохо, скучная, ужас* 3; *ишак, мрак, муторная, надоело, не в кайф, ненавижу, неприятность, не хочу, обуза, рабство, ругня, рутина, скука, терпеть; утруждает* 1 и др. Особый интерес вызывают ассоциации паремиологического происхождения *не волк* (32), *волк* (7); ср.: *Работа не волк – в лес не убежит* (пословица).

Необходимо отметить, что паремиологический фонд татарского языка отражает то важное место, которое занимает работа, труд в жизни татарского народа, например: *Карама түшенә, кара эшенә*. ‘Не смотри на человека, смотри на его работу’; *Хезмәтнең тире ачы, жимеше татлы*. ‘Горек пот, сладок плод труда’; *Эшләгәнгә көн житми*. ‘Работающему и дня не хватает’ [Исәнбәт, 2010, т. 1, с. 174]. Однако, к сожалению, среди результатов наших экспериментов не представлены подобные реакции.

Известно, что в результате массового ассоциативного эксперимента выявляются понятия, наиболее важные для образа мира носителей разных культур, а также знания, определяемые этническими стереотипами поведения носителей той или иной культуры.

Наше исследование показало, что во многом ассоциативные поля лексем *эш* в татарском языке и *работа* в русском совпадают. В сопоставляемых языках самые частотные реакции – *тяжелый, деньги, труд, дело*.

Различия проявляются в следующих моментах. У носителей татарского языка больше ассоциаций с компонентами значения *тяжелый, трудность* и т. п., часто характеризующими физический труд, русскоязычная молодежь чаще представляет себе комфортную умственную работу в помещении. Ассоциации носителей русского языка отличаются большим разнообразием ассоциатов с отрицательной коннотацией, сниженной стилистической характеристикой, а также использованием ответов паремиологического происхождения.

Таким образом, ассоциативный эксперимент как один из методов исследования языкового сознания дает возможность исследовать структуру лексикона человека, его мировоззренческие приоритеты, ценностные ориентации.

Библиография

- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.
Замалетдинов Р. Р., Габдрахманова Ф. Х., Закирова Р. Р. Языковое сознание носителей татарской лингвокультуры (по данным свободного ассоциативного эксперимента). Казань: Отечество, 2016. 172 с.
Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Караулов Ю. Н., Тарасов Е. Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М., 2004. 800 с.
Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии / под ред. З. Д. Поповой, И. А. Стернина. Воронеж, 2002. 151 с.
Исәнбәт Н. С. Татар халык мәкальләре. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2010. Т. 1. 623 б.

ТРАДИЦИОННЫЙ ЭТИКЕТ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ: ОТ ПАМЯТНИКОВ ОРХОНА И ЕНИСЕЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ – I

Аннотация. Изучению отдельных аспектов этикета тюркских народов посвящены сотни работ. Но фрагментарные обращения к элементам этикета, наблюдаемые на страницах исследований общелингвистического, этнографического и культурологического планов, не дают адекватного представления об объеме, специфике и особенностях его функционирования. В предлагаемой статье рассматриваются первые письменные тюркоязычные памятники. Данная работа является вводной. Здесь сделан акцент на истории изучения памятников и основных группах вербальных средств этикетного общения, отраженных в указанных памятниках письменности.

Ключевые слова: этикет тюркских народов, письменные тюркоязычные памятники, памятники Орхона и Енисея, речевой этикет.

A. V. Kuznetsov

TRADITIONAL ETIQUETTE OF THE TURKIC PEOPLES: FROM MONUMENTS OF THE ORKHON AND THE YENISEY UP TO PRESENT DAYS – I

Abstract. Hundreds of works are devoted to the study of certain aspects in the etiquette of the Turkic peoples. But fragmentary examinations of etiquette elements, observed in studies in general linguistic, ethnography and culture, do not give an adequate idea of the scope, specifics and peculiarities of their functioning. The present article is introductory. It brings a focus on the history of studying the monuments and major groups of verbal means in etiquette communication, reflected in the indicated literary monuments.

Keywords: etiquette of the Turkic peoples, written Turkic monuments, monuments of the Orkhon and the Yenisei, speech etiquette.

Речевой этикет является неотъемлемым элементом культуры народа, важной частью цивилизованности поведения и общения, продуктом и инструментом культурной деятельности человека. В формулах речевого этикета (далее – ФРЭ) отразились и национальная специфика языка и культуры, и многовековой исторический опыт народа. Исследователи отмечают, что современный менталитет представителей народов Урало-Поволжья, их характер, психология, нормы поведения сложились на протяжении многовековой истории, в результате проживания в различных условиях в разные эпохи [Димитриев, 2001, с. 134; Сафина, 2010, с. 11; Галимова, 2011]. Эти слова относятся к каждому из народов, проживающих в Волго-Уральском регионе. Многие из них исповедовали свои, исконные, традиционные верования, затем многие непосредственно или опосредованно подверглись влиянию мусульманства, потом некоторые из народов оказались во власти православной христианской религии. На протяжении только последнего тысячелетия народы исследуемого региона проживали в составе разных государств с различным политическим строем, религией и культурными особенностями. Все это не могло не отразиться в речевом этикете, культуре общения и поведения, мировосприятии чувашей, башкир, татар, марийцев, мордвы, коми и калмыков. В своей работе мы сделаем акцент на речевом этикете тюркских народов.

По мнению Э. В. Никитиной, «ментальность в первую очередь транслируется через язык, поэтому анализ языковых данных – важное, необходимое, хотя и не единственное средство ее постижения. Любой аспект языка – семантический, лексический, синтаксический, морфологический, функциональный – является источником информации о национальном менталитете» [Никитина, 2005, с. 122].

Вербальные средства этикетного общения (далее – ВСЭО) представляют собой высказывания-действия. В работах, освещающих разные стороны этикета, исследователи пишут о существовании разновидностей ВСЭО [Акишина, Формановская, 1983, с. 181]. На наш взгляд, в тюркских языках, в том числе и в чувашском, целесообразно выделить двадцать их видов: 1) обращение и привлечение внимания; 2) приветствие; 3) знакомство; 4) приглашение; 5) просьба; 6) совет и предложение; 7) согласие / отказ в ответ на просьбу; 8) согласие / несогласие с мнением собеседника; 9) извинение; 10) жалоба; 11) утешение, соболезнование и сочувствие; 12) комплимент, одобрение; 13) упрек, неодобрение; 14) поздравление; 15) пожелание; 16) благодарность; 17) проклятие; 18) прощание; 19) запрет; 20) тост, застольные речи, здравица. ВСЭО с отрицательной коннотацией (проклятия) нами также рассматриваются в рамках системы этикетного общения, т. к. они выполняют те же функции в общении людей, что и ВСЭО с положительной коннотацией (побуждают к определенным действиям; выражают отношение и чувства к адресату, волеизъявление коммуникантов).

Мы решили начать всесторонне описание речевого этикета тюркских народов с орхоно-енисейских памятников. Из приведенных двадцати видов ВСЭО на памятниках Орхона и Енисея представлены лишь некоторые группы, в числе которых «Формулы обращения и привлечения внимания»,

«Формулы упрека, неодобрения», «Формулы совета и предложения» и некот. др. Наиболее часто встречаются обращения, другие виды встречаются мало.

Принято считать, что древнейшими письменными памятниками тюркоязычных народов являются памятники Орхона и Енисея. А. Н. Кононов со ссылкой на Н. В. Пигулевскую отмечал, что еще в VI в. н. э. Захария Митиленский, или Захария Ритор, писал о вышедшем у гуннов писании на их языке (см.: Пигулевская, 1941, с. 166; Кононов, 1980, с. 7). Но дошедшими до нас древнейшими письменными тюркоязычными памятниками являются «тюркские памятники рунического письма – первые образцы тюркского письменно-литературного языка – являются единственным в своем роде свидетельством высокого уровня языковой культуры древних тюрков. Тюркские рунические памятники (ТРИП), самые древние из которых датируются концом VII в., судя по степени развитости их морфологии и синтаксиса, должны были иметь предшественников в виде литературных памятников, которые, к сожалению, не дошли до нас» [Кононов, 1980, с. 3]. Далее А. Н. Кононов отмечает, что «...намеки на существование у тюрков особого письма, по всей вероятности рунического, содержатся в средневековой тюркской энциклопедии «Диван лугат ат-турк» первого тюрколога Махмуда Кашгарского (XI в.). Говоря об уйгурах, Махмуд Кашгарский замечает: «Они для письма используют тюркскую [т. е. курсивную уйгурскую] азбуку, состоящую из 24 букв. Кроме того, у уйгуров и китайцев есть еще одна письменность. Деловые бумаги пишутся этим письмом. Это письмо, кроме уйгуров-немусульман и китайцев, никто читать не умеет. Все те, о ком я только что сказал, – горожане» [Кононов, 1980, с. 7–8].

Первые точные сведения о местонахождении рунических памятников появляются в начале XVIII в. Филипп Иоганн фон Страленберг в своем труде «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia» (Stockholm, 1730) впервые привел несколько рунических надписей: на стеле, находящейся между Беей и Неней, притоками Уйбата, на оборотной стороне каменной бабы, стоящей между Тесью и Ербой, левыми притоками Енисея, и на обломке медного зеркала [Кононов, 1980, с. 9].

Известный путешественник по Сибири Даниил Готлиб Мессершмидт (или его помощник Карл Шулман) сделал зарисовки нескольких рунических надписей. Данными надписями заинтересовался путешественник Петр-Симон (Петр Симонович) Паллас, оставивший заметный след в истории собирания, систематизации и издания словарных материалов. Данными памятниками впоследствии интересовались Г. И. Спасский, Ф. И. Круг, Г. И. Спасский, А. А. Шифнер, А. Ремюза, Н. М. Ядринцев, И. С. Боголюбский, А. В. Адрианов [Кононов, 1980, с. 9–10], Н. А. Костров, И. П. Кузнецов, Г. Н. Потанин, Д. А. Клеменца, М. А. Кастрен и др. Но в расшифровке текстов важную роль сыграли В. Томсен и В. В. Радлов.

25 ноября 1893 г. В. Томсен «нашел ключ к чтению орхоно-енисейских надписей», 15 декабря 1893 г. он доложил о своем открытии конференции Датской академии наук, до доклада сообщив о нем письмом (29 ноября 1893 г.) В. В. Радлову. Ученый заявил, что он нашел ключ к разгадке древних текстов, что они написаны на языке тюркских народов. Первыми словами, расшифрованными В. Томсеном, стали *tэнгiрi* ‘тенгри’ и *турiк* ‘тюрк’. Предварительное сообщение о дешифровке В. Томсен опубликовал в 1894 г., свои улучшенные переводы и исследования он изложил в 1896 г.

В. В. Радлов уже 19 января 1894 г. представил Санкт-Петербургской Академии наук, со ссылкой на открытие Томсена, свой опыт перевода надписей, посвященных Кюль-тегину и датированных 731 г. н. э. Академик самостоятельно расшифровал около 15 букв рунического письма, а затем полностью прочитал и перевел тексты каменных стел. В 1894–1897 гг. В. В. Радлов последовательно опубликовал свои варианты переводов рунических надписей. В. В. Радлову удалось «преодолеть все или почти все препятствия, стоящие перед переводчиком и истолкователем этих великолепных памятников» [Кононов, 1980, с. 12–13], у него получилось прочесть загадочные тексты.

Впоследствии тексты орхоно-енисейских памятников читали С. Е. Малов, А. Н. Кононов, С. Г. Кляшторный, И. Г. Кормушин и др. Язык орхоно-енисейских памятников является литературным языком древнетюркских племен, представленный письменными памятником эпохи Древнетюркского каганата (VI–VIII вв.). Орхонские тексты северной Монголии содержат обширное поэтическое повествование, состоящее из длинных строк, и является эпитафией, высеченной на камнях в честь семнадцатого кагана Восточнотюркского каганата Бильге-кагана (Могиляна) и его младшего брата, полководца Кюльтегина. В текстах орхонских эпитафийных надписей содержится ряд исторических сведений об образовании и крушении, о периодах расцвета и упадка Тюркского каганата и т. д. Из всех текстов нас интересуют примеры, содержащие этикетные выражения. Например, в одной из работ, посвященных интересующим нас памятникам, приведен такой пример: «Вверху Тенгри тюрков, и священная земля и вода так сказал: “да не погибнет народ тюркский, народом пусть будет” – так говорил» [Орхон-Енисей тексттери, 1982, с. 74]. Здесь мы видим выражения, относящиеся к группе «Пожелания»: «да не погибнет народ тюркский, народом пусть будет».

К группе «Обращение и привлечение внимания» относятся следующие выражения:

бунча исиг күчиг биртүкгерү сақынматы Түрк бодун ... ‘Тюркский народ, не думая отдавать столько трудов и сил...’ [Кормушин, 2004, с. 306];

Түрк бодун, өлсикин. ‘Тюркский народ, ты (вполне) мог (там) погибнуть!’ [Кормушин, 2004, с. 312];

...qara bodunim öltiñ, jitiñ... öl-mä-çi jiti-mä-çi sen tidim. ‘...ты, мой многочисленный народ, погиб, исчез... Я сказал: «Ты не должен погибнуть, не должен исчезнуть!»’ [Кононов, 1980, с. 190];

ötükän jış olursar beñgü il tuta olurtaçi sen türk bodun. ‘Пока [ты] обитаешь в Отюкенской черни, будешь жить, правя [своим] вечным элем, о тюркский народ!’ [Кононов, 1980, с. 226].

taj bilgä tutuq jablaqin üçün bir eki atlıy jablaqin üçün qara bodunim öltiñ jitiñ. ‘Из-за подлости Тай Бильгетутука, из-за подлости одного-двух знатных людей ты, мой народ, сгиб-погиб!’ [Кононов, 1980, с. 226];

sü bariñ tidi. ‘«Воины, выступайте [в поход]!» – сказал он’ [Кононов, 1980, с. 222];

türk bodun toq ariq oq sen açsiq tosiq ömäs sen. ‘О тюркский народ, сыт ты или голоден, ты не разумеешь [что такое] голод, [что такое] сытость’ [Кононов, 1980, с. 222].

К тематической группе «Упрек, неодобрение» мы можем отнести следующие выражения:

бунча исиг күчиг биртүкгерү сақынматы Түрк бодун... ‘Тюркский народ, не думая отдавать столько трудов и сил...’;

игидмиш каганыңын сабын алматын йир сайу бардыг. ‘Не внимая речам своего кагана, ты бродил по всем странам’ [Кормушин, 2004, с. 312].

Сюда же мы включаем вокативные предложения выражают обращение, сожаление, укор, негодование:

türk bodun toq ariq oq sen açsiq tosiq ömäs sen. ‘О тюркский народ, сыт ты или голоден, ты не разумеешь [что такое] голод, [что такое] сытость’ [Кононов, 1980, с. 222].

В число «Советов и предложений» мы включаем следующие выражения:

jayıl tidi. ‘«Присоединяйтесь [ко мне]!» – сказал он’; *sü bariñ tidi.* ‘«Воины, выступайте [в поход]!» – сказал он’; *ida qabişalim temis.* ‘«Давайте соединимся в лесу!» – сказал он’ [Кононов, 1980, с. 222];

anı subıy baralıñ. ‘Давайте отправимся по реке Аны!’; *añar körü bilij.* ‘На него [на памятник] глядя, поучайтесь!’.

Таким образом, в текстах Орхона и Енисея мы видим фиксации целого ряда этикетных выражений разных тематических групп. Их подробное изучение позволит лучше понять истоки речевого этикета тюркских народов, особенности функционирования формул речевого этикета разных тематических групп.

Библиография

Акишина А. А., Формановская Н. И. Русский речевого этикет. М.: Рус. яз., 1983. 182 с.

Галимова Л. Н. Купеческий менталитет в этническом проявлении на примере купцов-чувашей Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. // Облик российской провинции: исторические и современные социокультурные проблемы [Электрон. данные]. Режим доступа: <http://e-histconf2011.livejournal.com/4351.html> (дата обращения – 8.01.2018).

Димитриев В. Д. Историческая судьба и современные национальные проблемы чувашского народа: сб. ст. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. 159 с.

Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л.: Наука, 1980. 256 с.

Кормушин И. В. Древние тюркские языки. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 336 с.

Никитина Э. В. Чувашский этноменталитет: сущность и особенности. Чебоксары: Новое время, 2005. 184 с.

Орхон-Енисей тексттери. Фрунзе: Илим, 1982. 240 с.

Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л.: Изд-во Академии наук, 1941. Т. XLI. 172 с.

Г. Р. Мугтасимова

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЗООНИМОВ В ПОСЛОВИЦАХ ТАТАРСКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. В статье сравниваются два аспекта: сходства и различия отношения к животным, выраженные в татарских и чувашских пословицах. Исследование показало, что в пословицах обоих языков чаще используются названия тех животных, которые обитают на территории проживания народов, говорящих на этих языках. В результате семантического анализа выявлено, что некоторые анималистические компоненты имеют одинаковое значение в татарских и чувашских пословицах, однако наблюдаются и различия в значении пословиц в рассматриваемых языках с одним и тем же зоонимом.

Ключевые слова: татарский язык, чувашский язык, пословица, зооним.

G. R. Mughtasimova

CROSS-CULTURAL ANALYSIS OF ZOONYMS IN PROVERBS OF THE TATAR AND CHUVASH LANGUAGES

Abstract. The article compares two aspects: similarities and differences in attitude towards animals, expressed in Tatar and Chuvash proverbs. The study showed that in the proverbs of both languages the names of those animals that live in the territory of the peoples speaking these languages are more often used. As a result of the semantic analysis, it was revealed that some animalistic components have the same meaning in the Tatar and Chuvash proverbs, but there are differences in the meaning of proverbs in the languages under consideration with the same zoonim.

Keywords: Tatar language, Chuvash language, proverb, zoonim.

В XXI в. активно развивается межкультурное взаимодействие, поэтому остро ставится вопрос изучения единиц языка, содержащих культурную коннотацию. В частности, в качестве таковых единиц выступают пословицы татарского и чувашского языков. Как справедливо замечают Г. Ф. Замалетдинова и Р. Р. Замалетдинов «... исследование татарских паремий – необходимая ступень для описания татарской и шире тюркской наивной картины мира» [Замалетдинов, 2010, с. 73–78]. Актуальность исследования определяется также недостаточной изученностью семантики татарских и чувашских пословиц в кросскультурном аспекте. Лингвистический материал, извлеченный из татарских и чувашских пословиц, расширяет наши знания об этих народах, их творчестве, культуре, быте. Пословицы татарского и чувашского языков отражают дух народа-носителя, огромный жизненный опыт, складывающийся на протяжении многих веков. Кроме того, функционирование пословиц в обоих языках является своеобразным зеркалом ментальности этих народов.

Материалом нашего исследования послужили тексты татарских и чувашских пословиц, приведенных в сборнике Н. Исанбета «Татар халык мәкальләре» [Исәнбәт, 1959–1967] и книге Н. Р. Романова «Ваттисен сәмахәсем, каларашсем, сутмалли юмахсем» [Ваттисен, 2012]. Необходимо отметить, что в последние десятилетия интерес к пословицам татарского народа, изучению его языка, художественного и структурного своеобразия продолжает расти. Преобладающим является внимание к тем элементам народно-поэтической речи, которые составляют ее специфику. Проблемы языка татарских пословиц исследовались в работах Р. Р. Замалетдинова [Замалетдинов, 2010], Э. Н. Денмухаметовой [Денмухаметова, 2009], Г. А. Набиуллиной [Набиуллина, 2015] и др. Языку чувашских пословиц посвящены работы Н. В. Никольского, Н. А. Андреева, М. Ф. Чернова, И. С. Серова. В чувашском языкознании имеются диссертационные исследования, специально посвященные пословицам. Это диссертации Ю. Ф. Ефимова «Лексико-грамматические особенности чувашских пословиц и поговорок» [Ефимов, 1978] и В. В. Павлова «Сравнительно-сопоставительный анализ структуры и семантики турецких и чувашских пословиц» [Павлов, 2004].

Особое место в паремиологическом фонде татарского и чувашского языков занимают пословицы, содержащие образы животных. В данной статье мы рассматриваем татарские и чувашские пословицы, в состав которых входят зоонимы. Животный мир всегда был неотъемлемой частью жизни татар и чувашей. Связь между животным миром и людьми всегда была очевидна – таким образом человек проводил аналогии между собой и животными. Данная связь наилучшим образом отражена в пословицах. Количество данных пословиц является достаточно большим и предоставляет обширный материал для лингвистического исследования. Издавна человек одушевлял животных, наделял их качествами, которые присущи человеку. Следует заметить, что благодаря этому для каждого животного имеются давно сложившиеся стереотипы, которые наиболее точно и эмоционально характеризуют то или иное животное.

С семантической точки зрения все рассмотренные в данной работе пословицы можно разделить на следующие тематические группы: «домашний скот», «домашние животные», «дикие животные». Анализ лексикографического источника позволил выделить следующие зоонимы, встречающиеся в пословицах татарского языка: *ат* ‘лошадь’, *сарык* ‘овца’, *тәкә* ‘баран’, *кәжә* ‘коза’, *сыер* ‘корова’, *эт* ‘собака’, *песи* ‘кошка’, *буре* ‘волк’, *төлке* ‘лиса’, *куян* ‘заяц’ и т. п. В чувашских пословицах используются следующие названия животных: *анчак* ‘щенок’, *така* ‘баран’, *ёне* ‘корова’, *лаша* ‘лошадь’, *тиха* ‘жеребенок’, *йытй* ‘собака’, *кушак* ‘кошка’, *сурях* ‘овца’, *качака* ‘коза’, *сысна* ‘свинья’, *ут* ‘конь’, *путек* ‘ягненок’ и т. п. Среди перечисленных животных особое место занимают *ат* – *лаша*, *ут*, *сарык* – *сурях*, *сыер* – *ёне*. В татарских и чувашских пословицах используются образы как домашних, так и диких животных. Конечно, частотность упоминания в пословицах того или иного животного напрямую зависит от фауны, окружающей человека.

Практически все пословицы имеют отношение к человеку. В пословицах с компонентом зоонимом уделяется значительное внимание внешним, физическим, моральным, психологическим, эмоциональным характеристикам человека, потому что большая часть пословиц антропоцентрична. В частности, семантически, рассмотренные пословицы можно разделить на такие группы: описывающие действия и поведения человека, качества и черты характера, взаимоотношения людей, внешность, например: тат. *Өргән эттән курыкма, астыртын эттән курык*. ‘Не бойся собаки лающей, а бойся собаки молчаливой’; *Эт симерсә иясен талый*. ‘Если собака жиреет, она и хозяина кусает’; *Ат юлда, кеше юлдашлыктан сынала*. ‘Конь испытывается в пути, человек – будучи спутником’; *Бердүгә үгезе кыйбат, бердүгә мөгезе кыйбат*. ‘Кому-то дорог бык, а кому-то – рог’; *Буре суга торган егет беләгеннән беленә*. ‘Парня, который может забить волка, видно по мускулам его руки’; *Өйдә арыслан кебек, урамга чыкса – тычкан кебек*. ‘Дома словно лев, на улице – мышшь’; *Ат – туйган жирләренә, ир – туган жирләренә*. ‘Конь – для того места, где его кормят, мужчина – для того места, где он родился’; чув. *Пёччен пуç пёшкёнет, ушкән йыш ут утланать*. ‘Одинокий голову долу клонит, а кто в

артели – на коня садится»; *Усал җынна җыхланиччен упана җыхлан*. 'Чем связываться с дурным человеком, лучше поборись с медведем'.

Описывая с помощью образов животных мир людей, татарские и чувашские пословицы обладают переносным значением. Такие пословицы могут иметь коннотацию как положительную, так и отрицательную. Большинство проанализированных пословиц имеют негативную коннотацию, и это обусловлено тем, что смысл и суть пословиц заключается в желании образно указать человеку на его недостатки. Примерами отрицательных коннотаций могут стать следующие пословицы: тат. *Биш тиенлек куян – ун тиенлек зыян*. 'Заяц – за пять копеек, убыток – на десять'; *Бер курыккан эт өч көн өрә*. 'Пуганая собака лает три дня'; *Арысланның коергызы булганчы этнең башы бул*. 'Лучше быть головой собаки, чем хвостом льва'. Наряду с преобладанием негативных коннотаций встречаются и положительные, такие как: тат. *Ат аягына ат басмай*. 'Лошадь лошади на ногу не наступает'.

Многие домашние животные являются непосредственными участниками трудовой деятельности человека, а иногда и исполнителями, поэтому было зафиксировано большое количество пословиц с зоонимами, имеющих прямое отношение к труду, например: тат. *Эт эш тапмаса, авызы белән чебен тотар*. 'Если собака не найдет работу, то будет ртом ловить мух'; *Атны Аллага тапшыр, дилбегәнә үзең тот*. 'Доверь лошадь Богу, а вожжи держи сам'; *Азыклы ат арымас*. 'Сытая лошадь не устанет'; *Ат тартмый, азык тарта*. 'Не лошадь тянет, а еда'; чув. *Ик турта хушишине икё лаша кўлмессё*. 'Между двух оглобель невозможно запрячь двух лошадей'.

Одной из самых многочисленных тематических групп в нашей выборке является группа «домашний скот» по причине их непосредственной близости окружению человека. В этой группе наиболее часто употребляется лексема тат. *ат* 'лошадь'. В татарских пословицах подчеркивается уважительное отношение к лошади, как к исполнителю тяжелой сельскохозяйственной работы, это объясняется исключительной значимостью этого животного: *Аты барның чаты бар*. 'Кто с конем, тот с родословием'; *Аты да юк, заты да юк*. 'Ни лошади нет, ни племени'; *Аты-туны бар кешедә Алпамышның көче бар*. 'У кого есть конь, тот имеет силу Алпамыша'; *Аты барның канаты бар*. 'Тот, кто коня имеет, сам имеет крылья'. Это говорит о том, какое место занимает лошадь в ценностной картине мира татар.

Для чувашского народа лошадь также значила очень многое еще со времен кочевого прошлого. Предками чувашей лошадь широко использовалась в военном деле. Безлошадных хозяйств среди чувашей традиционно было немного. Об этом говорят следующие пословицы: *Ыр ут хысҗән пин ут шыв ёсет*. 'За добрым конем напьется тысяча коней'; *Ыр лашиана пёр пушй, ыраҗ җынна пёр сймах*. 'Доброму коню один удар кнутом, доброму человеку одно слово'.

Кроме лексем тат. *ат*, чув. *лаша*, *ут* 'лошадь' в татарских и чувашских пословицах встречаются и другие синонимичные наименования, отражающие половую и возрастную дифференциацию: тат. *колын* 'жеребенок до года', *тай* 'жеребенок на втором году, лончак', чув. *тиха* 'жеребенок', *юпах тиха* 'годовалый жеребенок', тат. *айгыр* 'жеребец', *бия* 'кобыла', чув. *айяр* 'мерин', тат. *алаша* 'мерин', например: тат. *Алтмыш колын ат булмас, Буласы ат колыныннан билгеле*; *Ат эзен тай тапмый*. 'На след лошади наступает жеребенок'; *Айгыр өерен ташламас*. 'Жеребец не бросит свой табун'; *Ат биядән туа*. 'Конь рождается кобылицей'; *Бия күп булса, колын күп*. 'Кобылиц много – жеребят много'; чув. *Виҗё кунхи тиха пуртй аврине тапса хуҗнй*. 'Трехдневный жеребенок лягнул и перешиб оглоблю'; *Иртнё сума́ра юпах тихапа ан та хавала*. 'За прошедшим дождиком не гонись на годовалом жеребенке'; *Лашиаран айяр пулас җук*. 'Мерина не превратишь в жеребенка'; *Ахйракан айяр акара пусйранать*. 'Резвый жеребец на пашне укрощается'. Приведенные примеры показывают, что пословицы с указанными лексемами воплощают тот блок информации, который отображает явления действительности, типовое представление о ней. В языковой картине мира носителей татарского языка лошадь не только средство передвижения, но и его честь, гордость, крылья души, ее дарят самому почетному и уважаемому человеку. Кроме того, лошадь и пища, и одежда, и лекарство.

Тематические группы «домашние животные» и «домашний скот» являются самыми многочисленными. Неудивительно, что наиболее частотными в паремиях являются лексем тат. *эт* – чув. *йытй* 'собака', тат. *песи*, *мәче* – чув. *кушак* 'кошка, кот': тат. *Ак эт бәласе кара эткә*. 'За белую собаку попало черной'; *Эт аягына эт басмый*. 'Собака собаке ногу не отдавит'; *Эт белән эзләсәң дә табарлык түгел*. 'С собакой не сыщешь'; *Эт оясында көчле*. 'Собака сильна в своей конуре'; *Песи ачка сызланыр, аш салдыңмы – сырланыр*. 'Кошка страдает от голода, а дашь ей поесть – еще мнется'; *Ялкау мәче янында тычканнар уйнар*. 'Возле ленивой кошки мыши резвятся'; *Мәчесез урында тычканнарға иркен*. 'Без кота мышам раздолье'; чув. *Виҗй йытй хытй сыртать*. 'Голодная собака больно кусает'; *Йытта тилё тума җук*. 'Собаку не сделаешь лисицей'; *Кушак та җемҗерех вырйан шырать*. 'И кошка любит мягкое местечко'; *Макра кушак ырхан пулать*. 'Пискливая кошка всегда худая'.

В чувашских пословицах выражаются и предостережения о возможной опасности, исходящей от собаки: *Ял йытти ял еннеллех вѣрет*. 'Сельская собака к селу и лает'; *Вѣре пѣлмен йытй яла кашкӑр кунӗ*. 'Неумело лающая собака в деревню волка приводит'.

В татарских и чувашских пословицах имеется тенденция представлять кошку как хитрое, лукавое существо, которое постоянно проказничает: тат. *Этнең тышы керле дӑ эче таза, мӑченең эче тышы таза да, эче керле*. 'Собака наружностью не чиста, да душою проста, кошка наружностью гладка, да душой гадка'; чув. *Кушака кулай, шайши вилӗм*. 'Кошке забава, мышке смерть'.

Теперь обратимся к пословицам с лексемами *кӑҗӑ* – *качака* 'коза', *сыер* – *ӗне* 'корова', *сарык* – *сурӑх*, *куй* 'овца'. Пословицы с данными лексемами также являются достаточно продуктивными, связь татар и чувашей и этих животных неоспорима. В татарских и чувашских пословицах корова рассматривается как ценное, но упрямое животное, при этом в целом присутствует положительная характеристика животного: тат. *Улган сыерның сөте майлы булыр*. 'У сдохшей коровы жирнее молоко'; *Сыеры барның сые бар*. 'У кого есть корова у того есть еда'; *Сыер сава белмӑгӑнӑ абзар кыңгыр күренер*. 'Тому, кто не умеет доить корову, двор кривой'; *Сөзгӑк сыерга ходай мөгез бирми*. 'Бодливой корове бог рогов не дает'; чув. *Айиши – ӗне уйӑхӗ, сивви – лаша уйӑхӗ*. 'Теплый месяц – ради коровы, холодный – ради лошади'; *Ӗне хырӑмне арна пӑсмасть*. 'Мякина не вредит корове'; *Ӗне җиллинче сӗт йӑҗмест*. 'В вымени коровы молоко не скиснет'.

Зоонимы *овца* и *коза* имеют негативную окраску в обоих языках: тат. *Бер сарык курыкса, мең сарык кубар*. 'Одна овца испугается, тысячи овец убегут'; чув. *Качака хыҗҗӑн каякан сурӑх пуҗне җухатнӑ*. 'Овца, следуя за козой, себе погибель нашла'; *Качакан сухалӗ вӑрӑм та, ӑсӗ кӗске*. 'У козы борода длинная, а ум короток'.

В пословицах тематической группы «домашний скот» прослеживается половая, возрастная и видовая дифференциация животных: тат. *бӑрӑн* – чув. *путек*, тат. *сарык* – чув. *сурӑх*, тат. *тӑкӑ* – чув. *така* 'ягненок – овца – баран'; тат. *бозау* – *сыер* – *үгез* 'теленек – корова – бык', например: тат. *Бер сыерның пычрак койрыгы мең сыерны пычратыр*. 'Грязный хвост одной коровы испачкает тысячу коров'; *Үгез сау да сөт бир*. 'Подой быка и дай молоко'; *Ике тӑкӑ башы бер казанга сыймый*. 'Две бараньи головы в один котел не лезут'; чув. *Пӗччен путеке тукмак тытат*. 'Одинокий ягненок – добыча волка'; *Сурӑх ылханӗ кашкӑра җитмест*. 'Овечье проклятье волку не вредит'; *Аҗта така, унта пӗтӗм кӗтӗ*. 'Где баран, там и все стадо'.

Тематическая группа «дикие животные» является менее многочисленной. Преобладают татарские пословицы с лексемами *аю* 'медведь', *бӑре* 'волк', *тӑлке* 'лиса', *арыслан* 'лев', *куян* 'заяц', а чувашским пословицам характерно использование зоонимов *кашкӑр* 'волк', *уна* 'медведь', *мулкач* 'заяц', *шайши* 'мышь': тат. *Куянга күптӑн койрык ӑйткӑннӑр дӑ, ӑле дӑ булса юк, ди*. 'Заяц до сих пор ждет, что ему подарят хвост'; *Керте дӑ баласын «йомшагым», аю – «аппагым», дип сөя*. 'И еж ласкает свое дитя (ежонка), называя его «мой мягонький», медведь – «мой беленький»'; *Эт өрер, бӑре йөрер*. 'Собака лает, волк знай себе ходит'; *Син тӑлке булсаң, мин койрыкмын*. 'Если ты – лиса, то я – хвост'; *Атмаган куян, асмаган казан*. 'Заяц не убит, котел не подвешен'; *Эшлӑмӑстӑн куянны да тотмасың*. 'Без труда и зайца не поймаешь'; *Бүрене аяклары асрый*. 'Волка ноги кормят'.

В татарских пословицах *тӑлке* 'лиса' чаще всего ассоциируется с хитростью. Человек, при сравнении с данным зверем, наделяется теми же качествами: ловкостью, изворотливостью, например: тат. *Тӑлке тәшендә дӑ тавык саный*. 'Лиса даже во сне куриц считает'.

Наименования волка в бытовом сознании носителей обеих лингвокультур часто сопровождаются негативной коннотацией, содержащей информацию о характеристиках животных: хитрый, опасный, агрессивный: чув. *Кашкӑр пулайсан вӑрӑм туна та лашина үжерет*. 'С помощью волка и комар одолеет лошадь'; *Кашкӑра шалӗ тӑрантарат*. 'Волка зубы кормят'; *Тукмака тӑлай кирлӗ мар*. 'Волку тулуп не нужен'.

Куян 'заяц' в пословицах олицетворяет трусливого человека: тат. *Бер курыккан куян кырык көн төсеннән чыкмас*. 'Заяц, один раз испугавшись, сорок дней не выйдет из своего цвета'; *Куян үз күлӑгәсеннән дӑ курка*. 'Заяц боится даже своей тени'; чув. *Мулкачӑн хӑлхи вӑрӑм та, хӑри кӗске*. 'У зайца уши длинные, да хвост короток'.

Наиболее парадоксальным является использование в татарских пословицах лексемы *ишӑк* 'осел'. В древности осел считался священным животным, однако у татар *ишӑк* в основном ассоциируется с глупостью, упрямством, поэтому данное слово несет преимущественно отрицательную оценочную коннотацию: *Кара ишӑккӑ йөгән орсаң, качыр булмас, куравычка тун кидерсӑң, хатын булмас*. 'Ишак не станет мулом, даже если на него узду накинуть, рабыня не станет госпожой, даже если на нее дорожку шубу надеть'.

Анализ показал, что многие пословицы татарского народа имеют аналоги в чувашском языке: тат. *Авыл эте, яман булса, буре белән дус булыр*. 'Злая сельская собака будет дружить с волком'. = чув. *Вёре пёлмен йытй яла кашкяр кунё*. 'Неумело лающая собака в деревню волка приводит'; тат. *Эт корсагына сары май килешмәс*. 'Собачьему брюху масло не подходит'. = чув. *Йытй варне су пәсмәсть*. 'Собачьему брюху масло не вредит'; тат. *Буре баласы бүреккә салсаң да урманга карый*. 'Волчонка даже в шапку положи, да все равно в лес смотрит'. = чув. *Кашкәра тем чулччен тәрантарсан та вәрманаллах пәхәть*. 'Волка сколько ни корми, он все в лес смотрит'; тат. *Бүрене аягы туйдыра*. 'Волка ноги кормят'. = чув. *Кашкәра ури тәрантарать*. 'Волка ноги кормят'; тат. *Адәм баласын түгел, аю баласын да биергә өйрәтәләр*. 'Не только ребенка, но и медвежонка научат танцевать'. = чув. *Халәх хушишинче уна та ташлама вөрәнет* 'Среди людей и медведь научится плясать'.

Сходство пословиц родственных языков, на наш взгляд, обусловлено как генетической близостью, так и территориальной общностью творцов и носителей фольклора, «культурно-экономическими связями народов, способствующими их длительному духовному общению, взаимовлиянию, взаимопроникновению и заимствованию устно-поэтических произведений, в том числе и афоризмов» [Бардаханова, 1992, с. 30].

Приведенные данные убедительно свидетельствуют, что пословицы, являясь частью культуры татарского и чувашского народов, всегда оставались и останутся актуальными. Пословицы рассматриваемых народов определенно могут дать ключ к пониманию национальных менталитетов и требуют более внимательного изучения в русле межкультурной коммуникации.

Библиография

- Бардаханова С. С. Система жанров бурятского фольклора. Новосибирск, 1992. 256 с.
 Ваттисен самахәсем, каларәшсем, сутмалли юмахсем / хатәрлекенё Н. В. Романов. 3-мөш кәларәм. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательстви, 2012. 351 с.
 Денмухаметова Э. Н. Живая и неживая природа в татарских паремиях // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2009. № 11. С. 133–134.
 Ефимов Ю. Ф. Лексико-грамматические особенности чувашских пословиц и поговорок: автореф. дис... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1978. 18 с.
 Замалетдинов Р. Р. Конструирование картины мира и паремиологический фонд языка // Филология и культура. 2010. № 19. С. 54–58.
 Замалетдинов Р. Р., Замалетдинова Г. Ф. О роли пословиц в исследовании национально-культурных особенностей языкового сознания // Филология и культура. 2010. № 20. С. 73–78.
 Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: 3 томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1959–1967.
 Муттасимова Г. Р. Лексика татарских народных пословиц: автореф. дис... канд. филол. наук. Казань, 2004. 25 с.
 Набиуллина Г. А. Сложносочиненные предложения в системе татарских паремий [Электрон. данные]. Режим доступа: www.science-education.ru/121-17228 (дата обращения: 06.04.2015).
 Павлов В. В. Сравнительно-сопоставительный анализ структуры и семантики турецких и чувашских пословиц: автореф. дис... канд. филол. наук, Чебоксары, 2004. 164 с.

Ф. Р. Сибгаева

ОБРАЗНОСТЬ ГИДРОНИМА ИДЕЛ (ВОЛГА) В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье исследуются образные возможности гидронима Идел 'Волга' в татарском языке как эстетически значимого элемента языка стихотворных произведений. Актуальность темы обусловлена отсутствием публикаций и научных работ, в которых данный гидроним анализируется с точки зрения реализации его образного потенциала в поэтическом тексте, а также для более полного описания ономастических единиц. Новизну работы составили выделенные образные парадигмы, где *Идел* используется в качестве предмета сравнения.

Ключевые слова: стихотворный текст, функционирование гидронима Идел, образная парадигма, типы парадигмы.

F. R. Sibgayeva

THE FIGURATIVE OF IDEL (VOLGA) HYDRONYMS IN TATAR LANGUAGE

Abstract. In article the figurative possibility of a gidronim Idel (Volga) in Tatar as esthetically significant element of language of poetic works is investigated. The relevance of a subject is caused by lack of publications and scientific works in which given to gidrony it is analyzed from the point of view of realization of his figurative potential in the poetic text and also for more complete description the onomasticheskikh of units. The novelty of work was made by the allocated figurative paradigms where Idel is used as a comparison subject.

Keywords: poetic text, functioning of a gidronim Idel, figurative paradigm, paradigm types.

Названия рек привлекали к себе внимание представителей различных областей языкознания. Довольно большое количество работ посвящено проблеме формирования гидронимии определенного региона (см., например: Vanagas, 1970; Гарипова, 1991; Юрків, 2002). Анализ гидронимов в связи с

осмыслением проблемы прародины славян представлен в работе Й. Удолфа [Udolph, 1979]. Происхождение значительного пласта немецких топонимов, в том числе названий рек, описано Д. Бергером [Berger, 1993].

Анализ топонимов, весьма часто используемых в поэтическом дискурсе, необходим для формирования более полной картины представлений об ономастическом пространстве каждого отдельного языка и дальнейшего развития теории художественной речи.

Ономастическое пространство художественных произведений выступает подсистемой общей образной системы художественного произведения, с одной стороны, а с другой – отражает специфику авторского творчества, жанровых и стилевых различий, соотносённость содержания художественного произведения с эпохой изображения и временем создания произведения.

Функционирование в художественных текстах поэтических антропонимов, топонимов, зоонимов и других онимов, которые сами могут в отдельности быть самостоятельным объектом изучения, дают основания объединять их в самостоятельные ономастические поля в составе общего ономастического представления. Поэтонимы, входящие в определенное семантическое поле, более конкретно раскрывают свои признаки, одновременно сохраняя определенную экспрессивно-логическую связь с поэтонимами других ономастических полей в границах единого ономастического пространства художественного произведения.

Ономастическое пространство не является абсолютным компонентом произведения. Оно отсутствует в художественных произведениях, в которых образы и персонажи не маркируются поэтонимами. Это характерно для многих лирических и прозаических произведений малых жанров.

Количественный показатель не играет первостепенной роли в определении специфики ономастического пространства художественного произведения. Количество единиц ономастического пространства не имеет абсолютной зависимости от величины художественного текста. Количество поэтонимов мотивировано во многих случаях целями и задачами художественного произведения.

В поэзии ономастическое пространство характеризуется непроницаемостью для других онимов. В этом принципиальное отличие поэтического ономастического пространства от ономастического пространства национальной ономастики. Для ономастического пространства национальной ономастики характерна количественная динамика, которая может перерасти в качественное изменение.

В ономастическое пространство включаются и заглавия произведения. «Называя литературное произведение, мы имеем в виду не то, как выглядит книга, а ее содержание», – делает вывод А. В. Суперанская [Суперанская, 1986, с. 14].

Целью работы является изучение функционирования гидронима *Идел* в поэтической речи в плане реализации его образных возможностей.

Изучение речевого поведения гидронима осуществлялось в контексте проблемы эстетики языковых единиц. С нашей точки зрения, исследование эстетики языковых средств требует использования комплексного, интегративного подхода, предполагающего творческое применение выводов и перспективных идей, содержащихся не только в трудах по лингвистике. Согласно эстетическим ресурсам языковые средства, которые способны оказывать эстетическое воздействие на человека как адресата речи. Сущность эстетического воздействия языковых средств, являющихся элементами языка литературного произведения, состоит в том, что читатель в процессе знакомства с произведением словесного искусства получает духовное наслаждение [Murzina, 2015, с. 80].

Эстетические свойства языковых единиц, в том числе имен собственных, могут изучаться по целому ряду направлений. Одним из таких направлений является анализ языковых средств с точки зрения формирования художественного образа [Rakhimova, 2016, с. 187]. Существует несколько традиций изучения художественного образа и образности языковых единиц. В соответствии с одной из этих традиций каждый поэтический образ реализует некий инвариант или парадигму [Павлович, 1995, с. 28–38]. В данной статье рассматривается языковой материал, в котором гидроним *Идел* как элементы лексического ряда, относящегося к понятию «вода».

1. Анализ примеров дает возможность выделить парадигмы, в которой гидроним *Идел* сближается с названиями существ, что составляет 38% татарской части иллюстративного материала. Среди наименований живых предметов преобладают личные существительные, а именно термины родства *әнкә* ‘матушка’, *сеңлем* ‘сестра’, например: *Иделкәйдә синең туып үскән илең, / Идел-әнкәң бүләк иткән буен-сынын.* (Д. Сирай. Болгар кызы Лэйлэ); *Дулкыннар жырлап тирбәлэ / Идел-әнкә коча баласын, / аккош кебек ак пароход / үтеп киткән чагында.* (Г. Зайнашева. Ак пароход); *Кулларын изәп озата, / әйтерсең лә Идел-сеңлем сузып салган толымнарын, / су өстендә пароходның уйнаклайдыр юллары.* (И. Иксанова. Сине көтәм). В произведениях татарских авторов используются лексемы *кыз* ‘девушка, девушка’ и *тол хатын* ‘вдова’: *Гашиыйк кыздай Идел оялчан гына / кереп югала таулар кочагына.* (Зөлфәт. Син минеке); *Идел кызлар кебек йөрәк маен сызды / тормышымда синсез*

торалмам. / *Бәхет булып төшиләрәмә кердең, / хыялыма күчтең, уяңсам.* (Р. Мифтахов. Идел кызы); *Тол хатындай Идел моңлана... / Дулкыннарын ата ярына.* (С. Шарипова. Курку).

В некоторых случаях гидроним *Идел* сближается со словами, не указывающими на пол лица: *Дустым, Идел, бирче бер киңәшең / аңлатырга сөю хисләрем.* (Г. Шакирова. Чарасыз гашыйк); *Идел-Днепр – алар бертуганнар, / нур сибә дуслык йолдызы.* (Ф. Зыятдинова. Миләш ялкыны).

Во многих случаях также наблюдается сближение гидронима *Идел* с названиями лиц женского пола (*әнкә, сеңелем*). Однако характер образа здесь не обусловлен особенностями грамматического строя татарского языка ввиду отсутствия категории рода [Sibgaeva, 2014, с. 123].

2. В текстовых примерах гидроним *Идел* сближается с лексическими единицами, относящимися к понятию «вода» (12 %). Образ сравнения репрезентируется благодаря использованию таких слов, как *диңгез* ‘море’, *чишмә* ‘родник’, *су* ‘вода’: *Идел шомлы диңгез кебек / зәңгәр төнне ахыргача сеңдергән.* (Р. Харис. Идел өстендә көмеш ай); *Жәйнең матур аяз таңнарында / Идел чишмә кебек ага ярларынан.* (Ә. Ерикәй. Жәйнең аяз таңнарында).

Надо отметить, что в значительной части примеры лексемы *Идел* сочетаются со словами, обозначающими большое водное пространство типа *диңгез, елга*.

3. С позиции правого члена образной парадигмы, может быть отражена как «вода → земное пространство»: *ханлык* ‘ханство’, *кыр* ‘степь’, *йорт* ‘дом’ (23 % употреблений), например: *Идел-ханлык үзе тели төсле / минем белән сердәш булырга.* (Ә. Ерикәй. Жәйнең матур аяз таңнарында); *Идел-йортны яулар эҗимерсә дә, / сөртә алмаган хәтерне явызлар!* (Ә. Дусайлы).

В лингвокультурологическом аспекте обращают на себя внимание лексемы, сближаемые с татарским гидронимом *Идел*, так как именно они отражают национально-этнические особенности языковой картины мира. Так, лексема *ханлык*, являющаяся в современном татарском языке устаревшим словом, тесно связана с историей тюркских народов, живших в период с X по XVI вв. Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет образное восприятие реки как дома. Этот образ, не представленный в русской части нашего материала, весьма часто встречается в татарской поэзии, что свидетельствует об одном из проявлений древнетюркского культа священной Земли-Воды. Возможна и историческая обусловленность образа: при описании гидронимии Татарстана отмечается, что древние Булгарские и Кипчакские государства, расположенные около реки Идел, назывались *Идель-йорт* [Гарипова, 1991, с. 121]. Следовательно, такое осмысление реки можно считать одной из ярких особенностей, характеризующих образное восприятие мира татарскими авторами.

4. Гидроним *Идел* сочетается с лексемами *кояш* ‘солнце’, *ай* ‘луна’, дает основания для вычленения модели «вода → свет» (19 %), например: *Гич оныта алмыйм сылу йөзләреңне, / Идел кояш кебек сибә нурын.* (Д. Сирай. Болгар кызы Ләйлә); *Хәтерлимен туган Иделемнең, / салкын айдай сипкән нурларын.* (Х. Гилязов. Таныш дулкыннар). В некоторых случаях лексемы, относящиеся к понятию «свет», отсутствуют: *Киң Татарстан күкрәгендә / балкый Идел бәреп ярларына.* (Р. Харис. Казан).

Очевидно, что подобное образное осмысление географического объекта обусловлено способностью поверхности реки отражать лучи солнца и других источников света, передавая игру световых бликов [Sibgaeva, 2016, с. 116].

В ходе изучения образных ресурсов русского гидронима *Волга* и его татарского эквивалента *Идел* как эстетически значимых элементов языка поэтических произведений были получены следующие результаты, определяющие новизну работы. Образный потенциал лексемы *Идел* образует четыре парадигмы. Яркую особенность образного употребления татарского гидронима *Идел* составляет его использование со словами *ханлык* ‘ханство’ и *йорт* ‘дом’, замещающими позицию правого члена парадигмы, что обусловлено факторами культурно-исторического характера.

Библиография

- Гарипова Ф. Г. Исследования по гидронимии Татарстана. М.: Наука, 1991. 294 с.
Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995. 491 с.
Суперанская А. В. Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. 366 с.
Юрків М. М. Гідронімно-ойконімні паралелі в Західноукраїнському ономастиконі: автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01. Харків, 2002. 19 с.
Berger D. Geographische Namen in Deutschland. 1993.
Rakhimova D., Hayrutdinova G. Semantics and functioning of the lexeme igra (game) (based on the material of literary works of Russian poetry of XIX–XX centuries) // Journal of Language and Literature. 2016. Volume 7, № 1. P. 186–189.
Murzina N. Y., Hayrutdinova G. A. On the issue of studying the aesthetical resources of the language (based on the material of the gender category of the Russian Substantives) // Journal of Language and Literature. 2015. Volume 6, Issue 2. P. 79–82.
Sibgaeva F. R. Lexis connected with person in tatar language // International multidisciplinary scientific conferences on Social sciences and arts Sgem 2014. Albena, 2014. P. 123–129.
Sibgaeva F. R., Zamaletdinova G. F., Nurmuhametova R. S. Linguoculturological specific features of phraseological units of the tatar language // Modern Journal of Language Teaching Methods. Mashhad, 2016. P. 116–120.
Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius: Leid. Mintis, 1970.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абукаева Любовь Алексеевна, доктор филологических наук, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл.

Адягаши Клара, доктор филологических наук, Институт славистики филологического факультета Дебреценского университета, г. Дебрецен, Венгрия.

Алос-и-Фонт Эктор, Исследовательский центр социолингвистики и коммуникации Университета Барселоны, г. Барселона, Испания.

Анисимова Юлия Елисеевна, СОШ № 10 им. летчика-космонавта А. Г. Николаева, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Асмондьяров Венер Надирович, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Ахвандерова Алина Давыдовна, кандидат филологических наук, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Болгарова Рамзия Марсовна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Брэдди Джереми / Bradley Jeremy, PhD, Мюнхенский университет им. Людвига Максимилиана, Мюнхен, Германия.

Гайдамашко Роман Валентинович, кандидат филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

Галиуллина Гульшат Раисовна, доктор филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Гришунина Валентина Петровна, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Республика Мордовия.

Гуляева Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, Республика Коми.

Денисова Татьяна Витальевна, кандидат филологических наук, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Денмухаметова Эльвира Николаевна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Димитриева Ольга Альбертовна, кандидат филологических наук, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Дубровина Маргарита Эмильевна, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.

Душенкова Татьяна Рудольфовна, кандидат филологических наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, г. Ижевск, Удмуртская Республика.

Егоров Александр Викторович, кандидат филологических наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, г. Ижевск, Удмуртская Республика.

Егоров Николай Иванович, доктор филологических наук, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Егорова Анна Семеновна, кандидат филологических наук, Чувашский республиканский институт образования, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Ерина Тамара Николаевна, кандидат филологических наук, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Зайдуллин Раифьян Дамирович, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Замалетдинов Радиф Рифкатович, доктор филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Замалетдинова Гульнара Фандасовна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Ибрагимов Тавзих Ибрагимович, г. Казань, Республика Татарстан.

Иванов Владимир Андреевич, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва.

Иванова Алена Михайловна, доктор филологических наук, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Иванова Ирина Константиновна, кандидат филологических наук, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Ившин Леонид Михайлович, кандидат филологических наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, г. Ижевск, Удмуртская Республика.

Ипакова Марина Тимерьяновна, кандидат филологических наук, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл.

Исламова Эльвира Альбертовна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Казаева Нина Валентиновна, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Республика Мордовия.

Кашкин Егор Владимирович, кандидат филологических наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва.

Каюмова Зия Мунировна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Келлнер Александра / Kellner Alexandra, PhD, Хельсинский университет, г. Хельсинки, Финляндия.

Кельмаков Валентин Кельмакович, доктор филологических наук, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Удмуртская Республика.

Кириллова Зоя Николаевна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Ключева Мария Аркадьевна, кандидат искусствоведения, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл.

Корнилов Геннадий Емельянович, доктор филологических наук, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Кузнецов Александр Валерьянович, кандидат филологических наук, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Кузьмина Халиса Хатиповна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Лебедев Эдуард Евгеньевич, кандидат филологических наук, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Левина Мария Захаровна, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Республика Мордовия.

Леонтьева Елена Николаевна, лицей № 44 г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Леонтьева Зоя Ивановна, Яндобинская СОШ Аликовского района Чувашской Республики.

Лобанова Алевтина Степановна, кандидат филологических наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Пермский край.

Луутонен Йорма / Luutonen Jorma, доктор философии, Университет Турку, г. Турку, Финляндия.

Максимов Валерий Николаевич, кандидат филологических наук, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл.

Максимов Сергей Анатольевич, кандидат филологических наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, г. Ижевск, Удмуртская Республика.

Михеева Светлана Львовна, кандидат филологических наук, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Михуткина Марина Геннадьевна, кандидат филологических наук, Чувашский республиканский институт образования, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Мосин Михаил Васильевич, доктор филологических наук, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Республика Мордовия.

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Республика Мордовия.

Мугтасимова Гульназ Ринатовна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан

Мызников Сергей Алексеевич, доктор филологических наук, член-корреспондент Российской академии наук, Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

Насипов Илшат Сахиятуллович, доктор филологических наук, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан

Некрасова Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, Республика Коми.

Никифоров Геронтий Лукиянович, Чувашский национальный конгресс, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Нурмухаметова Раушания Сагдатзяновна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Партанен Нико / Partanen Niko, лаборатория «LATTICE» при Национальном центре научных исследований и Министерстве высшего образования и научных исследований Франции, г. Париж, Франция.

Пекшеева Эльвира Ивановна, кандидат филологических наук, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл.

Пишлөгер Кристиан / Pischlöger Christian, Институт европейского и сравнительного языкознания и литературоведения Венского университета, г. Вена, Австрия.

Пономарева Лариса Геннадьевна, кандидат филологических наук, Коми-Пермяцкий институт повышения квалификации работников образования, г. Кудымкар, Пермский край.

Попова Римма Павловна, кандидат филологических наук, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Республика Коми.

Прокопьева Александра Владимировна, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Пустяков Александр Леонидович, PhD, Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия

Ракин Анатолий Николаевич, доктор филологических наук, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, Республика Коми.

Рогожина Валентина Федоровна, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Республика Мордовия.

Сааринен Сиркка / Saarinen Sirkka, PhD, Университет Турку, г. Турку, Финляндия.

Савельев Александр Владиславович, кандидат филологических наук, Институт изучения истории человечества Общества Макса Планка, г. Йена, ФРГ.

Сажина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, Республика Коми.

Саитбатталов Искандер Расулевич, кандидат филологических наук, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Саитбатталова Юлия Аликовна, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Сайхунов Мансур Равхатович, кандидат филологических наук, г. Казань, Республика Татарстан.

Саттарова Мадина Рашидовна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Седова Полина Егоровна, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Республика Мордовия.

Семенова Галина Николаевна, доктор филологических наук Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Сергеев Олег Арсентьевич, кандидат филологических наук, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл.

Сибатрова Серафима Сергеевна, кандидат филологических наук, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл.

Сибгаева Фируза Рамзеловна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Студенцов Олег Ростиславович, кандидат филологических наук, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Тагирова Фяридя Инсановна, кандидат филологических наук, Институт языка, литературы и искусства АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан.

Тимерханова Надежда Николаевна, кандидат филологических наук, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Удмуртская Республика.

Федоринчик Артем Сергеевич, кандидат филологических наук, г. Киев, Украина.

Федосеева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, Республика Коми.

Федюнева Галина Валерьяновна, кандидат филологических наук, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, Республика Коми.

Фейеш Ласло / Fejes László, PhD, Венгерская академия наук, г. Будапешт, Венгрия.

Фомин Эдуард Валентинович, кандидат филологических наук, Чувашский государственный институт культуры и искусств, г. Чебоксары, Чувашская Республика.

Хадиева Гульфия Камиловна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Хазиева-Демирбаш Гузалия Сайфулловна, кандидат филологических наук, Институт языка, литературы и искусства АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан.

Хусаинов Рустем Рафаэлевич, кандидат филологических наук, г. Казань, Республика Татарстан.

Шайхисламова Зубаржат Фаниловна, кандидат филологических наук, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Широбокова Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, Научно-исследовательский институт национального образования, г. Ижевск, Удмуртская Республика.

Эрцикова Галина Алексеевна, кандидат филологических наук, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл.

Юсупов Айрат Фаикович, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна, кандидат филологических наук, Институт истории, языка и литературы, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Ялчин Сулейман Каан / Yalcin Suleyman Kaan, Университет Фырат, г. Элязыг, Турция.

СОДЕРЖАНИЕ

Сааринен С. Симпозиум по языковым контактам народов Поволжья: от истоков до наших дней	3
Адягаши К. К вопросу о формировании чувашского языка	6
Мызников С. А. Языковые контакты в Ярославско-Костромском Поволжье и их отражение на лексическом уровне	13
Fejes L. Vowel harmony in the volga-kama region: an areal phenomenon?	16
Насипов И. С. О типологии татарско-финно-угорских языковых контактов в Волго-Камско-Уральском регионе	28
Егоров Н. И. Синописис концептуальной парадигмы истории прототюркской этнолингвокультурной общности (I тысячелетие до н. э.)	32

ФОНЕТИКА ЯЗЫКОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

Ерина Т. Н. Фонетические маркеры чебоксарского региолекта	40
Иванова А. М. Фонетическая адаптация чувашских ойконимов в русском языке	41
Саттарова М. Р. Особенности вокализма татарского и чувашского языков	44
Фомин Э. В. Имитация чувашского акцента в русской речи	48
Yalçın S. K. Birincil uzun ünlülerin çuvaş türkçesindeki görünümü	51

СЛОВО В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Ахвандерова А. Д., Прокопьева А. В. Древнетюркские слова в верховом диалекте чувашского языка	63
Замалетдинов Р. Р. Роль паремиологического фонда языка в формировании картины мира	65
Замалетдинова Г. Ф. Отражение национально-культурной специфики этноса через реалии	69
Кириллова З. Н. Чувашские и древнетюркские слова в говорах крещеных татар	72
Корнилов Г. Е. Актуальные межсемейные этимологии имен и апеллятивов – I	76
Максимов С. А. К проблеме возрождения гипотезы о тюркском субстрате в языке бесермян	78
Никифоров Г. Л. «Хупах», «тикенек», «куршанак» сәмахсен лексика пәлтерёшәпә этимологияйё	84
Нурмухаметова Р. С. Этимологический словарь как источник сравнительного изучения лексики тюркских языков	86
Пекшеева Э. И. Основные принципы и способы номинации лексики пчеловодства в марийском языке	91
Савельев А. В. К уточнению сценария чувашско-марийских контактов	95
Тагирова Ф. И. К семантике образа и этимологии слова шурале	104

КОНТАКТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Гайдамашко Р. В., Пономарева Л. Г. Русские заимствования в коми-пермяцком языке рукописей протоиерея антония попова 1785 года	108
Галиуллина Г. Р. Сленговая лексика в современном татарском языке	112
Зайдуллин Р. Д. Некоторые персизмы в татарском языке и их особенности	114
Кельмаков В. К. К письменной истории одного булгаризма удмуртских диалектов	117
Ключева М. А. Языковые контакты народов Урало-Поволжья на материале игровой лексики и игрового фольклора	121
Лобанова А. С. Этноконнотированная лексика коми-пермяцкого языка	124
Ракин А. Н. Метеорологическая лексика пермских языков в лингвоконтактологическом аспекте	127
Сибатрова С. С. О влиянии русского языка на лексический состав марийских имен существительных	130
Федосеева Е. Н. О связи северо-западных зырянских диалектов с коми-пермяцким языком	135

ОНОМАСТИКА УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Егоров А. В. Фразеологические единицы с библейскими антропонимами в русском, удмуртском и венгерском языках	139
Казаева Н. В. Отражение элементов духовной культуры в мордовской топонимии	144
Каюмова З. М. Гидронимы в татарских пословицах	148
Кузьмина Х. Х. Агентивные имена как средство выражения оценочных значений в поэме XIII века «Кысса-и Йусуф» Кул Гали	149
Леонтьева З. И., Леонтьева Е. Н., Сосаева А. А. Чăваш Республикинчи Элĕк районне кĕрекен Юнтапа тăрăхĕнчи микропонимсем	152

Пустяков А. Л. Языковые контакты волжских мари в свете антропонимии	154
Фомин Э. В. Чувашские фамилии матронимного происхождения	158
Хазиева-Демирбаш Г. С. Обряд имянаречения в тюрко-татарских дастанах	160
Шайхисламова З. Ф. Методологические аспекты этнолингвистического исследования топонимической системы Урало-Поволжья	165

МОРФОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ ВОЛГО-КАМСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

Гришунина В. П. Неглагольные средства выражения темпоральности в мокшанском языке	168
Димитриева О. А., Михеева С. Л. Глагол «верить» и его дериваты в русском языке в сопоставлении с чувашским	171
Дубровина М. Э. О функциональном подходе к глагольно-именным формам в тюркских языках ..	174
Кашкин Е. В. Грамматикализация горномарийских глаголов позиции	178
Лебедев Э. Е. Аффиксальное глагольное словообразование в чувашском языке в сравнительном аспекте	184
Левина М. З. Структура местоименных наречий в мокшанском языке и его диалектах	189
Луутонен Й. Характер выделительного аффикса <i>-i</i> и вопрос о категории выделительности в чувашском языке	194
Максимов В. Н. О словообразовательных особенностях уржумского говора лугового наречия марийского языка	200
Некрасова О. И. Некоторые заимствования из русского языка в коми в области синтаксиса	202
Pischlöger Ch. Analytische konverbkonstruktionen in nordudmurtischen dialekten	207
Рогожина В. Ф. Особенности функционирования глаголов в мокшанской разговорной речи	209
Сажина С. А. Системные изменения в языке Кировских пермяков	213
Тимерханова Н. Н. Морфемный состав слов в удмуртском и русском языках	217
Федоринчик А. С. Типология характеристики участников ситуации. К функциональному описанию языка	220
Федюнева Г. В. Наречия на <i>-ла</i> в контексте волжско-пермских языковых связей	227
Ягафарова Г. Н. О корне <i>al-</i> в тюркских языках Урало-Поволжья	231

СИНТАКСИС ЯЗЫКОВ ВОЛГО-КАМСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

Абукаева Л. А. Синтаксические фразеологизмы, построенные по моделям вопросительных предложений, в марийском языке	235
Bradley J., Kellner A., Partanen N. Variation in word order in permic and mari varieties: a corpus-based investigation	238
Гуляева Н. И. Коммуникемы со значением утверждения / отрицания в коми языке	244
Денисова Т. В., Белова М. А. Члены предложения в чувашском и русском языках: сопоставительный аспект	247
Мосин М. В. Лексическая и синтаксическая структура словосочетаний в текстах эрзянских газет 20–30-х годов XX века	250
Мосина Н. М. Семантика и способы выражения нейтрала как одного из компонентов семантической структуры предложения в эрзянском языке	253
Семенова Г. Н. Коммуникемы в чувашском языке: структурно-семантический и изобразительный аспекты	256
Эрцикова Г. А. Структурные особенности одноместных скреп в современном марийском языке ..	259

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

Ахвандерова А. Д. Хальхи чăваш чѐлхи стилистикин сивѐч ыйтăвѐсем	263
Ившин Л. М. О некоторых диалектных особенностях рукописных русско-вотских словарей Г. Е. Верещагина	265
Ипакова М. Т. О некоторых теоретических обобщениях по переводу текстов с русского на марийский язык на основе сопоставительного анализа	268
Мукина И. В. Проблемы перевода библейских имен бога на чувашский язык	272
Попова Р. П. Особенности перевода библейских терминов на коми язык	274
Сааринен С. Грамматика марийского языка (Elementa Grammatices Tscheremissæ, 1845) М. А. Кастрена	277

Саитбатталов И. Р., Саитбатталова Ю. Культурологический аспект перевода старотюркских памятников на современные языки.....	280
Седова П. Е. Из истории становления мокшанского литературного языка.....	284
Сергеев О. А. Язык перевода марийского стихотворения 1782 года.....	288
Студенцов О. Р. Переводческая деятельность И. Я. Яковлева.....	294
Широбокова С. Н. Анализ переводов некоторых прозаических произведений удмуртской литературы на русский язык (на основе междометий).....	297
Юсупов А. Ф. Закономерности функционирования арабских глагольных форм в языке татарской суфийской поэзии XIX в.....	300

ЯЗЫКИ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Алос-И-Фонт Э. Использование языков пассажирами в общественном транспорте Чебоксар.....	304
Егорова А. С. Лингвокультурологическая концепция обучения чувашскому языку.....	309
Едыгарова С. В. История и современность языкового и этнического идентитета удмуртов.....	311
Михуткина М. Г. Использование электронных образовательных ресурсов на уроках чувашского языка.....	312
Сайхунов М. Р., Хусаинов Р. Р., Ибрагимов Т. И. Эволюция систем поиска в письменном корпусе татарского языка.....	314
Юсупова А. Ш. Татарский язык в Финляндии.....	319

ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

Анисимова Ю. Е. Сарӓ тата шураӓ теӓ чаваш халаӓхӓн теӓнче кураӓмӓнче.....	322
Асмондьяров В. Н. Методология реконструкции мировоззрения народа в контексте этноонтологической интерпретации.....	324
Душенкова Т. Р. Наследие древних булгар: духовно-нравственные понятия удмуртского языка.....	327
Иванова И. К. Асимметрия языковой картины мира в переводах чувашских поэтов.....	333
Исламова Э. А., Болгарова Р. М. Языковое сознание студентов сквозь призму ассоциативного эксперимента.....	335
Кузнецов А.В. традиционный этикет тюркских народов: от памятников Орхона и Енисея до наших дней – I.....	338
Мугтасимова Г. Р. Кросскультурный анализ зоонимов в пословицах татарского и чувашского языков.....	340
Сибгаева Ф. Р. Образность гидронима Идел (Волга) в татарском языке.....	344
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	347

Научное издание

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

XI Международный симпозиум

Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.

Сборник статей

Отв. редактор *А. М. Иванова*

Компьютерная верстка и правка *Э. В. Фомина*

Согласно Закону № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 г.
данная продукция не подлежит маркировке

Подписано в печать 14.05.2018. Формат 60×84/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 40,92. Уч.-изд. л. 40,90. Тираж 150 экз. Заказ № 546.

Издательство Чувашского университета

Типография университета

428015 Чебоксары, Московский просп., 15